05. 1893 г.
Ю. С.
№ Январь.
к. 1-4.

щую стихію. Онъ даже равнодушно прислушивается къ тому, что говорятъ около него въ толпѣ.

— Ишь какъ чешетъ! Гляди-ко! До крыши на мезенинѣ добирается... Сейчасъ и она займется...

Вдругъ, въ толпѣ, окружающей Дулова, раздается такой страшный, душу раздирающій вопль, что всѣ невольно вздрагиваютъ и оглядываются... Меланья Ѳедоровна, простоволосая, растерзанная, неузнаваемая отъ ужаса, совершенно исказившаго ея лицо, бросается къ мужу, какъ безумная, и вцѣпившись въ него обѣими руками, кричитъ дикимъ, изступленнымъ го-

— Эхма, Двумъ смер не миноват

И вдругъ казываетъ т

— Подса крыльца! Н доски, лѣстн

Ему миго бросаются е откуда-то и горъ отъ ба ный, невыно ловѣкъ подс его на жерд кается, какъ

1885

1550

Библиотека читальня

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. ЯНВАРЬ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Записки современниковъ о 1812 годѣ.** (Графъ Боволье). В. А. Бильбасова..... 1

II. **Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ** (1863 — 1874 гг.). Главы I—IV. Д. Г. Анучина..... 34

III. **Славянская заря въ 1812 г.** (Изъ бумагъ А. Н. Попова). Сообщ. П. Н. Цуриковъ.. 87

IV. **Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова,** проф. Спб. духовной академіи. Главы XXVII—XXVIII..... 121

V. **Италія и Россія въ XVI столѣтіи.** P. Pierling „L'Italie et la Russie au XVI siècle". Paris. 1892. В. А. Бильбасова..... 152

VI. **Возраженія севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В. И. Денъ.** Полковника Н. П. Лебедева..... 156

VII. **Біографія графа Ѳедора Васильевича Ростопчина,** составленная А. Ѳ. Брокеромъ въ 1826 году. А. Б. 161

VIII. **Переписка императора Александра Павловича съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ.** 1812—1814 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ..... 173

IX. **Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ народныхъ заклинаній.** Проф. Н. И. Барсова..... 209

X. **Берлинскіе матеріалы для исторіи русской литературы.** Отрывки стихотвореній и записка А. С. Пушкина. I—IV. И. А. Шляпкина..... 219

XI. **Изъ воспоминаній о Венгерской и Крымской кампаніяхъ.** Н. Богдановскаго. 241

XII. **Матеріалы и замѣтки.** I. Къ исторіи царствованія императора Павла Петровича: 1) Именной указъ, данный Сенату, — о пропускѣ иностранцевъ въ Россію для торговли; 2) Разсужденіе цензуры по поводу пьесы «Der redliche Starost»; 3) П. Х. Обольяниновъ—Ѳ. М. Брискорну. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.— II. Изъ переписки А. М. Тургенева съ В. А. Жуковскимъ.—III. Неизданныя письма Д. В. Давыдова—А. И. Михайловскому-Данилевскому. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 246

XIII. **Библіографическій листокъ** (на обертѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа **Ѳедора Васильевича Ростопчина.** Грав. худ. И. И. Матюшинъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1893.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1893 г.

Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX столѣтія. Н. И. Полетаевъ. Спб. 1892 г.

Цѣль брошюры г. Полетаева — показать то крайне печальное состояніе, въ которомъ находилась русская исторіографія въ началѣ текущаго столѣтія. Поставивъ себѣ такую задачу, авторъ говоритъ послѣдовательно о состояніи рукописныхъ матеріаловъ, о трудностяхъ ихъ собиранія и тяжелыхъ условіяхъ для выпуска въ свѣтъ. Сообразно этому, книжка раздѣлена на три главы; въ первой („Архивы и библіотеки въ первой половинѣ XIX столѣтія") авторъ разсказываетъ ужасающіе факты, какъ кучи цѣнныхъ бумагъ и документовъ гнили въ погребахъ и подвалахъ монастырей, куда сваливались невѣжественными отцами; въ Новгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ рукописи употреблялись на обклейку зимнихъ рамъ, бросались въ рѣку, такъ какъ настоятель монастыря считалъ не совсѣмъ удобнымъ кинуть ихъ въ навозную кучу. При такомъ печальномъ состояніи историческихъ матеріаловъ, къ нимъ было еще и не легко добраться, такъ что получить доступъ въ иное книгохранилище было гораздо труднѣе, чѣмъ разобрать скрывающіеся тамъ документы. Разсмотрѣнію этихъ затрудненій посвящена вторая глава („Затрудненія при собираніи и изданіи рукописныхъ матеріаловъ"). Здѣсь авторъ передаетъ намъ такіе любопытные факты, что извѣстному канцлеру Румянцеву было, по его собственному признанію, легче добыть нужные документы въ чужихъ государствахъ, нежели въ Россіи. Тогдашніе изслѣдователи русской исторіи горькимъ опытомъ знали, что въ архивахъ и библіотекахъ „многаго любопытнаго не показываютъ" (слова митроп. Евгенія Болховитинова). Кромѣ того не было и подходящихъ работниковъ для изслѣдованія рукописей, такъ какъ историческая подготовка въ тогдашнихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ была крайне плоха; по свидѣтельству проф. Устрялова, изъ университета выходили студенты, не умѣвшіе отличить Литвы отъ Польши и Ивана III отъ Ивана IV. Наконецъ, добытый съ такимъ трудомъ во всѣхъ отношеніяхъ, рукописный матеріалъ подвергался, при своемъ печатаніи, многочисленнымъ стѣсненіямъ тогдашней цензуры, о чемъ разсказываетъ г. Полетаевъ въ 3-й главѣ („Отношеніе цензуры къ изданію историческихъ трудовъ"). Немудрено, что при такихъ цензурныхъ уставахъ, когда, по выраженію Глинки, и „Отче нашъ" можно было истолковать въ якобинскомъ смыслѣ, митрополитъ Евгеній жаловался, что „цензура не все и архивское пропуститъ". Духовный и свѣтскій цензурные комитеты соперничали даже другъ съ другомъ въ отношеніи строгости. Понятно, что выпущенныя въ свѣтъ при такихъ условіяхъ изданія историческихъ матеріаловъ были, по отзывамъ самихъ современниковъ ихъ появленія, „никуда не годны", „весьма неисправны", „исполнены погрѣшностей".

При составленіи своего интереснаго очерка, г. Полетаевъ, кромѣ многочисленныхъ печатныхъ пособій, пользовался еще нѣкоторыми рукописными матеріалами Румянцевскаго музея, Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Публичной библіотеки и Кіево-Софійскаго собора.

А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ третій. 1892. XI+391+XIV+226 стр.

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ описаніе рукописей, принадлежавшихъ мѣстному ярославскому ученому В. И. Лѣствицыну. Какъ и предшествующія части труда г. Титова, книга эта отличается и богатствомъ, и интересомъ содержанія. Изъ наиболѣе древнихъ рукописей г. Титовъ обращаетъ особое вниманіе на два Евангелія (№№ 714, 715), писанныя полууст. XVI в., Апостолъ апракосъ (№ 716), полууст. XVII в., Лѣствицу (№ 731) преп. Іоанна Синайскаго, полууст. XVI в. и проч. Изъ другихъ рукописей заслуживаютъ упоминанія „Двинская Лѣтопись" (№ 793) XIX в., послужившая оригиналомъ для напечатанія г. Титовымъ одноименной книги въ 1889 г.; „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ" (№ 800) нач. XIX в., содержащій въ себѣ любопытный взглядъ на положеніе дѣлъ по кончинѣ Екатерины II; „Библіографическій хаосъ" (№№ 806—810), трудъ нѣкоего Ѳеодосія Смирнова, содержащій въ себѣ подробное описаніе 6000 книгъ за разные періоды времени (1596—1866); книги здѣсь описывались безъ всякаго порядка; впрочемъ составитель, слѣдуя своему эпиграфу: „Вали все въ кучу—послѣ разберемъ", облегчилъ пользованіе „Хаосомъ" путемъ алфавита книгъ, но только первой изъ трехъ частей. Упомянемъ затѣмъ о словарѣ ярославскихъ писателей (№ 824), составленномъ В. И. Лѣствицынымъ, дневникахъ студента Рукина (№ 838) и неизвѣстнаго ростовскаго священника (№ 843), представляющихъ, насколько можно судить по приводимымъ изъ нихъ отрывкамъ, много любопытныхъ данныхъ для характеристики быта конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Въ приложеніи къ настоящему тому помѣщены: 1) „Дѣло Ростовской духовной консисторіи о опредѣленіи въ вѣдомство его преосвященству изъ приписныхъ къ синодальному дому монастырей и пустынь"; 2) изслѣдованіе В. И. Лѣствицына „О волжскомъ народѣ Руси", въ которомъ авторъ старается доказать, что „Русь была важнѣйшій, господствующій и многочисленный народъ, составлявшій сѣверное, или волжское племя" (стр. 132); 3) „Пѣсни и канты XVIII вѣка", изданные по рукописямъ того же Лѣствицына. Пѣсни эти, въ количествѣ 66 №№, представляютъ собою богатый историческій и бытовой матеріалы, такъ какъ служатъ обращиками той поэзіи, которая была въ большомъ ходу у общества прош-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1893 г.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

Тверского Городского О-ва Потребителей
Библіотека
Читальня
24953
49 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1893.

LIBRARY OF THE

Библіотека читальня

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Въ двадцать четвертый годъ своего существованія журналъ «Русская Старина» выступаетъ подъ новою редакціею и при новомъ издательствѣ. Въ теченіе двадцати трехъ-лѣтняго періода времени какъ подписчики нашего журнала, такъ и множество постороннихъ читателей имѣли возможность хорошо ознакомиться съ характеромъ этого изданія и его содержаніемъ. Новой редакціи не приходится много говорить по этому поводу, а остается только сказать нѣсколько словъ о тѣхъ взглядахъ, которыхъ намѣрена она держаться относительно историческихъ фактовъ.

Было бы страннымъ и недостойнымъ серьезнаго историческаго журнала, если бы редакція обнаружила какое-либо направленіе; ея задача — въ изслѣдованіи того или другаго историческаго факта совершенно объективно, и ея единственная цѣль — служить исторической правдѣ, передавая событія безъ освѣщенія ихъ преднамѣреннымъ колоритомъ и не приходя къ заранѣе намѣченнымъ выводамъ. Приноравливать людей и оцѣнивать событія *русской старины* масштабомъ современной жизни и понятій было бы непростительной ошибкой, въ которую никогда не впадетъ редакція, считая это недостойнымъ серьезнаго историческаго изслѣдованія.

Задаваясь цѣлью серьезнаго изслѣдованія историческихъ фактовъ и жизни лицъ, не примѣняя къ нимъ современныхъ намъ понятій, мы въ то же время вовсе не думаемъ сказать, что намѣрены сглаживать неутѣшительные факты русской исторіи или маскировать жизнь дѣйствовавшихъ лицъ. Напротивъ, редакція поставила себѣ задачею

стремленіе къ возстановленію во всѣхъ подробностяхъ нашей бытовой старинной жизни, яркое освѣщеніе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя давали въ извѣстные періоды направленіе нашей исторіи, или, не выдѣляясь ничѣмъ особеннымъ изъ общей среды, даютъ намъ наглядную картину тѣхъ условій, при какихъ совершались событія. Словомъ, читатели наши не найдутъ только у насъ бьющихъ въ глаза подчеркиваній и какой-либо тенденціозности.

По отношенію къ выбору историческаго матеріала, редакція будетъ руководствоваться исключительно только степенью его интереса, оставляя совершенно въ сторонѣ свои личныя симпатіи или антипатіи къ тому или другому дѣятелю или къ историческому явленію.

Вотъ основанія, которыми новая редакція будетъ руководствоваться въ своемъ дальнѣйшемъ служеніи русской исторической наукѣ и русскому образованному обществу, интересующемуся прошлымъ своего отечества.

Эта задача наша облегчается намъ богатствомъ выбора какъ среди массы интереснаго и драгоцѣннаго историческаго матеріала, ежедневно притекающаго въ редакцію, такъ и среди богатствъ собственнаго архива.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать, что мы намѣрены въ теченіе настоящаго года дополнить изданіе библіографическимъ отдѣломъ, въ которомъ будемъ знакомить читателей «Русской Старины» съ книгами и статьями другихъ историческихъ изданій въ Россіи и съ книгами, выходящими внѣ Россіи, но касающимися нашей исторіи.

Редакторы-издатели: **Н. Шильдеръ.**
С. Зыковъ.

31 декабря 1892.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1893.

Рис. К. Брожъ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 12 ДЕКАБРЯ 1892 г.

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЧ., 39.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 12 ДЕКАБРЯ 1892 Г.

ТИП. ТОВАР. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", В. ПОДЬЯЧ. 39.

Безъ дѣла, и безъ Скуки
Сижу подъжавши Руки.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РОСТОПЧИНЪ,
род. 1763 † 1826.

Записки современниковъ о 1812 годѣ.

(Графъ Боволье).

Славная эпопея «священной памяти двѣнадцатаго года» произвела значительно бо́льшій переворотъ въ умахъ и чувствованіяхъ современниковъ, чѣмъ въ государственномъ и военномъ строѣ европейскихъ державъ. Этотъ внутренній переворотъ менѣе замѣтенъ, труднѣе поддается опредѣленію, чѣмъ чисто внѣшній передѣлъ странъ, произведенный Вѣнскимъ конгрессомъ. Вѣроятно, этимъ именно объясняется многосторонняя и во многихъ отношеніяхъ довольно полная разработка «войны 1812 года», между тѣмъ какъ умственный переворотъ, произведенный «нашествіемъ двунадесять языкъ», до настоящаго времени мало еще изслѣдованъ.

Современники видѣли, чувствовали, страдали отъ военной грозы, разразившейся надъ Россіею и такъ или иначе откликнувшейся во всей Европѣ. Они не только наблюдали, они сами переживали всѣ «ужасы войны» и оставили намъ, въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, массу военныхъ эпизодовъ и лагерныхъ картинокъ чисто внѣшняго характера. Они не могли сознавать, тѣмъ менѣе оцѣнить смыслъ тѣхъ внѣшнихъ явленій, которыя вызывали и содѣйствовали внутреннему перерожденію общества, отъ государей до поселянъ. Переворотъ, произведенный 1812 годомъ, даже въ императорѣ Александрѣ I представляется до настоящаго времени загадкою, невполнѣ разрѣшимою, несмотря на многіе труды, посвященные этому вопросу; о впечатлѣніи же, произведенномъ этою войною на народныя массы, историки 1812 года почти не упоминаютъ. Между

тѣмъ, данныя для обрисовки этого впечатлѣнія заключаются въ тѣхъ же источникахъ—въ показаніяхъ современниковъ—изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія для опредѣленія внѣшняго хода войны. Собрать данныя, рисующія этотъ внутренній переворотъ, конечно, труднѣе, чѣмъ опредѣлить марши и контрмарши отдѣльныхъ частей арміи; но несомнѣнно, что данныя этого рода освѣтили бы въ значительной степени и исторію самой войны.

Читая записки современниковъ, даже участниковъ войны 1812 года, какъ бы присутствуешь при этотъ внутреннемъ перерожденіи автора, мѣняющаго мало-по-малу, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, свои взгляды и, сообразно этому, свой языкъ. Въ третьемъ томѣ «Мемуаровъ генерала Марбо», посвященномъ 1812 году, послѣднія страницы настолько разнятся отъ первыхъ, что происшедшая перемѣна бросается въ глаза. Ярче всего, однако, эта перемѣна сказывается въ дипломатической перепискѣ того времени, даже шифрованной.

Подмѣтить и прослѣдить постепенный ходъ этого переворота въ умахъ и чувствованіяхъ современниковъ можно, конечно, только при обширномъ знакомствѣ съ записками очевидцевъ. Въ этомъ отношеніи наши историческіе журналы оказали большую услугу обнародованіемъ многихъ замѣтокъ, дневниковъ, воспоминаній весьма цѣнныхъ. Записки А. Я. Булгакова, кн. Голицына, М. М. Евреинова, Г. Н. Кольчугина, гр. В. А. Перовскаго и адм. Чичагова, воспоминанія Н. Н. Андреева, Э. М. Арндта, архим. Григорія, Н. А. Дивова, А. П. Ермолова, А. И. Казначеева, П. А. Колзакова, ген.-м. Лермонтова, К. К. Павловой и П. А. Тучкова, дневники Н. А. Бекетова и С. Г. Хомутова, донесеніе сенатора Каверина, разсказы В. А. Брокера, С. Климыча, А. Н. Оленина, Толычевой, Г. Чижова и И. Шамшева, не говоря уже о письмахъ, которыхъ издано довольно большое количество, представляютъ важный историческій матерьялъ. Кромѣ своихъ, важны въ этомъ отношеніи также показанія чужихъ людей и, прежде всего, конечно, французовъ. Это источникъ, къ сожалѣнію, у насъ еще почти непочатый: мы все еще довольствуемся гр. Сегюромъ, его «Histoire de Napoléon et de la grande armée», и не пользуемся даже бар. Марбо, его «Mémoires du général baron de Marbot».

Этотъ недочетъ необходимо восполнить, если желательно имѣть вѣрное представленіе не только о военныхъ дѣйствіяхъ, но и о той нравственной революціи, которою сопровождалась отечественная война. Только представивъ возможно большее число показаній современниковъ и участниковъ можно будетъ сдѣлать довольно вѣрный выводъ о невоенной сторонѣ войны 12-го года. Само собою разумѣется, при передачѣ записокъ этого рода, чисто военныя дѣйствія, какъ вполнѣ извѣстныя, должны быть опускаемы.

Два тома «Исторіи» гр. Сегюра были изданы въ 1824 году; вслѣдъ за ними, въ 1825 году, появились въ Парижѣ два тома «Mémoires secrets et inédits», въ которыхъ обнародованы записки двухъ участниковъ войны 12 года, графа Боволье и инженера Газо. Если не по значенію, то по времени обнародованія, имъ должно быть предоставлено первое мѣсто.

Въ 1811 году, въ парижскихъ салонахъ появился молодой, богатый и красивый полковникъ, флигель-адъютантъ русскаго императора А. И. Чернышевъ. Онъ былъ лично извѣстенъ императору Наполеону, былъ принятъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ, велъ жизнь открытую. Крайне вѣтряный, весь поглощенный ухаживаніемъ за красивыми парижанками, онъ всегда избѣгалъ серьезныхъ разговоровъ, особенно же политическихъ; онъ не скрывалъ, что живетъ только для женщинъ и для удовольствій. Вѣжливый до предупредительности, остроумный, веселый, онъ пользовался успѣхами въ дамскомъ обществѣ. Наполеонъ относился къ нему какъ къ флигель-адъютанту Александра I, но не любилъ его. Онъ имѣлъ противъ него зубъ: въ 1809 г., во время австро-французской кампаніи, Чернышевъ былъ присланъ въ Вѣну для скрѣпленія «добрыхъ отношеній между Александромъ и Наполеономъ», былъ милостиво принятъ императоромъ французовъ, всегда находился при главной квартирѣ и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями французской арміи; въ день эсслингенской битвы, кровавой и нерѣшительной, Чернышевъ исчезъ изъ главной квартиры и съ поля же битвы ускакалъ въ Петербургъ, чтобы, какъ полагалъ Наполеонъ, извѣстить своего государя о неудачномъ исходѣ боя. Наполеонъ разсердился, но скоро забылъ о «вѣтряномъ юношѣ»; теперь, въ 1811 г., Чернышевъ самъ напомнилъ о себѣ.

*

Осенью 1811 г. въ Парижѣ довольно громко уже стали говорить о возможной войнѣ съ Россіею. За всѣми русскими былъ учрежденъ негласный надзоръ; полиція стала слѣдить и за Чернышевымъ. Вскорѣ Наполеону было донесено, что русскій полковникъ, кромѣ дамскихъ будуаровъ, любитъ ночныя прогулки въ пустынныхъ мѣстахъ Елисейскихъ Полей, гдѣ видится съ мелкимъ чиновникомъ военнаго министерства, и что онъ, переодѣтый, посѣщаетъ квартиру этого чиновника, завѣдывающаго списками личнаго состава всѣхъ частей французской арміи. Наполеонъ приказалъ арестовать «русскаго полковника» и произвесть слѣдствіе. Одна высокопоставленная дама предупредила «красиваго полковника», и Чернышевъ успѣлъ бѣжать: онъ ѣхалъ окольнымъ путемъ и достигъ рейнской границы, минуя Майнцъ и Кельнъ, куда было уже телеграфировано о его задержаніи. По произведенному слѣдствію открылось, что два чиновника военнаго министерства, подкупленные Чернышевымъ за 300.000 франковъ, сообщали ему свѣдѣнія о численности французской арміи. Чиновники эти были разстрѣлены въ то именно время, когда въ Парижъ были привезены гравировальныя доски военной карты Россіи, добытыя генераломъ Лористономъ, французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, отъ подкупленныхъ имъ чиновниковъ русскаго военнаго министерства [1]).

Списки французской арміи и военныя карты Россіи не стоили, конечно, ни тѣхъ денегъ, которыя были за нихъ заплачены, ни даже тѣхъ пуль, которыми измѣнники были разстрѣлены. Они произвели на современниковъ извѣстное впечатлѣніе потому только, что на другой день послѣ казни французскихъ чиновниковъ, во всѣхъ парижскихъ газетахъ появилась тождественная оффиціозная статья, въ которой разсказывалось о поступкѣ полковника Чернышева, весьма обычномъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, но въ заключеніи которой было нанесено тяжкое личное оскорбленіе русскому императору Александру I. Въ Парижѣ, какъ и въ Петербургѣ, всѣ знали, что статья редактирована самимъ Наполеономъ, и не сомнѣвались уже болѣе, что война съ Россіею рѣшена окончательно.

Это рѣшеніе было для большинства французовъ совершенною неожиданностью. Многіе, даже военные люди, не понимали, какія

[1]) Marbot, III, 35.

соображенія могли вызвать кровавое столкновеніе съ страною, столь отдаленною и не имѣющею съ Франціею никакихъ общихъ интересовъ. Объявленіе войны Россіи признавалось самими французами «первою и наиболѣе значительною ошибкою» Наполеона [1]). Эта ошибка казалась французамъ тѣмъ очевиднѣе, что еще такъ недавно Наполеонъ самъ же содѣйствовалъ до извѣстной степени усиленію Россіи въ Польшѣ и присоединенію Аландскихъ острововъ и части Финляндіи, чрезъ что умалялось значеніе Швеціи, какъ передоваго поста при нападеніи на Россію. Это общественное мнѣніе Франціи не было извѣстно Наполеону: уже давно онъ не допускалъ ни малѣйшаго противорѣчія своимъ намѣреніямъ, желаніямъ, даже капризамъ; онъ не совѣтовался, не выслушивалъ [2])—онъ только приказывалъ, и въ средѣ лицъ, приближенныхъ къ французскому императору, не было ни одного, который рѣшился бы противорѣчить ему.

Наполеонъ не скрывалъ отъ себя, однако, всей трудности предстоящаго вторженія въ Россію. Покидая Парижъ, чтобы отправиться на берега Нѣмана, онъ говорилъ графу Лобо [3]): «Намъ необходимо сдѣлать три похода за Вислой, чтобъ мирно владѣть Сеной». Война 1812 года потребовала небывалаго напряженія военныхъ силъ. Въ общемъ, для войны съ Россіею была мобилизована громадная армія въ 650.000 человѣкъ, 185.000 коней и 1.300 пушекъ! Набирая военачальниковъ въ различныя части такой многочисленной арміи, Наполеонъ вынужденъ былъ обращаться даже къ лицамъ, которымъ онъ не вполнѣ довѣрялъ. Таково, между прочимъ, было назначеніе графа Боволье.

Петръ Людовикъ графъ де-Боволье, владѣтель Сенъ-Марсоля, бывшій пажъ Людовика XVI, игралъ выдающуюся роль въ вандейскомъ возмущеніи. Какъ Екатерина II интересовалась Вандеей, убѣжденная, что «Вандея спасетъ Францію» [4]), такъ Наполеонъ

[1]) Puibusque, Lettres sur la guerre de Russie, 6, 55, 59, 118, 156.

[2]) Въ видѣ исключенія, онъ выслушалъ подполковника Понтона (Ponthon), долго жившаго въ Россіи, но поступилъ прямо противно его указаніямъ, никогда съ нимъ не разговаривалъ, старался даже не видѣть его. Marbot, III, 40.

[3]) George Mouton, compte de Lobau, 1770—1838, французскій генералъ, извѣстный своею храбростью. Въ 1809 г. онъ спасъ часть французской арміи, стоявшей на дунайскомъ о. Лобау, за что и получилъ графскій титулъ.

[4]) Сборникъ русск. ист. общ., XIII, 590, 604, 634.

ненавидѣлъ все то, что напоминало вандейское возстаніе. Несмотря на амнистію всѣмъ вандейцамъ, Наполеонъ всегда относился подозрительно къ гр. Боволье: каждый пріѣздъ графа въ Парижъ оканчивался тюремнымъ заключеніемъ и высылкою на родину, въ его родовыя земли, гдѣ графъ жилъ подъ надзоромъ полиціи. Въ началѣ 1812 года графъ Боволье былъ назначенъ интендантомъ 5-й кирасирской дивизіи. Онъ сдѣлалъ весь «русскій походъ», отъ Парижа до Москвы; подъ Боровскомъ былъ взятъ въ плѣнъ и только въ 1814 году могъ возвратиться въ Парижъ. Въ томъ же 1814 году, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ всего имъ видѣннаго и пережитаго, гр. Боволье составилъ свои любопытныя записки [1]). Нельзя ограничиться переводомъ ихъ на русскій языкъ; предоставляя графу Боволье первое слово, мы дополняемъ его записки, довольно краткія, современными ему извѣстіями и сопровождаемъ необходимыми разъясненіями, точно указывая всякій разъ нашъ источникъ.

Усиленными переходами подвигалась французская армія къ новому театру войны, гдѣ должна была проявить новые геройскіе подвиги. Движеніе арміи въ предѣлахъ Пруссіи ознаменовалось такими страшными реквизиціями, что ненависть пруссаковъ не знала уже границъ; къ тому же, командиръ французскаго корпуса, генералъ Кампанъ, велъ свои полки по прусскимъ областямъ съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ, съ готовымъ пальникомъ, что оскорбляло населеніе. Когда прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ, что вступаетъ въ союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи, общее негодованіе охватило всю Пруссію и было особенно сильно среди военныхъ, которые считали униженіемъ для себя служить Франціи, столь враждебной ихъ родинѣ. Прусскіе офицеры, громко высказывавшіе свое неудовольствіе, были арестованы и заключены въ крѣпость. Вся Пруссія искренно желала Наполеону полной неудачи [2]).

На Эрфуртской конференціи Пруссія признала свой долгъ

---

[1]) Beauvollier, Mémoires sur l'expédition de Russie, въ „Mémoires secrets et inédits", Paris, 1825, v. II, p. 1—87.

[2]) Puibusque, 9.

Франціи въ размѣрѣ 141 милліона франковъ. Пользуясь этимъ, французская армія, вступивъ въ предѣлы Пруссіи, собирала реквизиціоннымъ путемъ продовольствіе и фуражъ, стоимость котораго шла въ уплату долга, причемъ цѣны на продукты установлялись французскимъ интендантствомъ. Населеніе, отъ котораго отбирались хлѣбъ, скотъ, водка, сѣно и овесъ, получало, вмѣсто платы, квитанціонныя росписки французскаго кригсъ-коммиссара, по которымъ должно было взыскивать деньги съ прусскаго казначейства, объявившаго уже въ то время о своей несостоятельности! Не удивительно, что проходъ французской арміи по прусскимъ землямъ представлялся пруссакамъ какою-то карой Божіей; Франціи же онъ ничего не стоилъ, такъ какъ, по положенію прусскихъ финансовъ, она не могла и разсчитывать на уплату ей прусскаго полуторамилліоннаго долга.

Никогда еще въ Европѣ не предпринималась столь смѣлая экспедиція, какъ походъ 1812 года въ Россію; послѣ Ксеркса, никогда еще одинъ человѣкъ не предводительствовалъ столь многочисленною арміею. Но эта громадная и сильная армія была затруднена невозможнымъ обозомъ: сверхъ положеннаго по штату полковаго обоза, у каждаго штабъ и оберъ-офицера была своя повозка, иногда двѣ, наполненныя багажемъ; въ обозѣ находились, кромѣ деньщиковъ и фурмановъ, массы рабочихъ всякаго рода — не только пекари и коновалы, но плотники, слесари, сапожники, портные, парикмахеры, и всѣ, конечно, съ своими инструментами. Казалось, будто эта громадная армія предполагала колонизовать ту землю, которую она шла покорять! Этотъ обозъ являлся тѣмъ тормазомъ всѣхъ движеній арміи, который древніе справедливо называли impedimenta belli [1]).

Въ среду, 12-го іюня, эта громадная армія перешла Нѣманъ по тремъ мостамъ, наведеннымъ близъ Ковно [2]). Корпусъ Даву первымъ перешелъ рѣку, не потому только, что составлялъ авангардъ, но потому еще, что ему было приказано спѣшить форсированнымъ мар-

[1]) Wilson, Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon, London, 1860, 14; Puibusque, 3.

[2]) Between Kovno and Ponemoni, Wilson, 22; à une demi-lieue environ, au-dessus du village Alexioten, qui est situé vis-à-vis de Kowno. Beauvollier, 6; Ермоловъ, Записки. Лондонъ, 1863, стр. 16.

шемъ къ Вильнѣ. За Нѣманомъ, три дороги вели къ Вильнѣ: главная, по которой шелъ Наполеонъ съ корпусами Даву и Мюрата, самая краткая; двѣ другія дороги идутъ по берегамъ Виліи, впадающей въ Нѣманъ ниже Ковно. Эти три дороги часто перекрещиваются; начальники отдѣльныхъ частей не имѣли подробныхъ картъ, точный маршрутъ никому не былъ извѣстенъ, и вышла большая путаница: не только отсталые, въ одиночку, но цѣлые отряды сбивались съ пути и погибали. Такъ погибъ весь артиллерійскій паркъ 5-й дивизіи, о которомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній [1]).

16-го іюня прибылъ въ Вильну Наполеонъ со своею гвардіею. Во время этого движенія къ Вильнѣ, русская армія не оказывала никакого сопротивленія [2]): она отступала въ полномъ порядкѣ, и ея воинственный видъ ясно уже свидѣтельствовалъ, что это отступленіе не происходило отъ боязни сразиться съ врагомъ, а являлось исполненіемъ заранѣе обдуманнаго плана, было твердо принятою системою сопротивленія [3]). Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вильны за три часа до вступленія въ городъ французовъ: онъ при-

---

[1]) Погибшимъ паркомъ командовалъ подполковникъ Морисо (Moriceau). Необходимо замѣтить, что 12-го іюня день былъ „удушливо жаркій, окончившійся къ ночи страшной грозой, причемъ проливной дождь залилъ всѣ дороги и поля на нѣсколько верстъ въ окружности“. Немощеныя дороги стали непроходимы; войска двигались по колѣна въ грязи; не только артиллерія, даже обозъ не могъ двигаться. „Гроза понизила температуру, вслѣдствіе чего лошади падали тысячами: онѣ ѣли мокрую траву и лежали въ водѣ, что вызвало убійственныя колики и падежъ“. Marbot, III, 54.

[2]) За исключеніемъ стычки 16-го же іюня, близъ Вилькоміра, гдѣ корпусъ Удино встрѣтился съ арьергардомъ Витгенштейна. Wilson, 27. Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ полковникъ Марбо, сообщающій всѣ подробности. Marbot, III, 55.

[3]) Съ самаго начала кампаніи русскіе практиковали убійственную систему сжигать, при своемъ отступленіи, рѣшительно все, уступая французамъ только развалины и пепелъ. Армія, постоянно наступающая, не получая ни подкрѣпленій, ни провіанта, рано или поздно, должна погибнуть. Французы шли впередъ по трупамъ и пепелищамъ, шли въ мѣстности опустошенной и обездоленной. Голодъ, болѣзни и холодъ губили французскую армію болѣе, чѣмъ вражеское оружіе. Французъ, не привыкшій къ сѣвернымъ морозамъ, усталый и голодный, падалъ на снѣгъ и коченѣлъ. Солдаты, мучимые голодомъ, рѣзали своихъ павшихъ братьевъ и питались ихъ тѣломъ. Русскіе крестьяне, разоренные войною, были также страшны, какъ холодъ и голодъ. Они безжалостно убивали отсталыхъ и слабыхъ, затрудняли каждый шагъ арміи, безпокоили ее не менѣе казаковъ. Собственно говоря, каждый крестьянинъ сталъ партизаномъ. Gazo, 111.

сутствовалъ на балѣ у генерала Беннигсена, въ его замкѣ Закретъ, въ верстѣ отъ города. При вѣсти о приближеніи французовъ, всѣ, бывшіе на балѣ, разбѣжались; первые французы, проникшіе въ замокъ, были убѣждены, что балъ прекратился лишь за нѣсколько минутъ до ихъ появленія [1]). Многіе изъ штабъ-офицеровъ русской арміи, въ томъ числѣ и полковникъ Старынкевичъ, градоначальникъ Вильны, съ которымъ Боволье очень подружился, увѣряли его, что императору Александру предлагали минировать главнѣйшія зданія города, въ которыхъ могъ остановиться Наполеонъ, чтобъ потомъ взорвать ихъ, но Александръ, честный и прямой, съ негодованіемъ отвергъ подобное предложеніе.

Французы прибыли въ Вильну очень кстати. Уже нѣсколько дней войска буквально голодали. Проливные дожди сдѣлали дороги непроходимыми; подвозъ продовольствія и фуража прекратился. Люди ослабѣли, лошади падали. На главной дорогѣ къ Вильнѣ валялось до 10.000 конскихъ труповъ [2]), гнившихъ и заражавшихъ воздухъ. Измученные тяжелыми переходами, голодные, мокрые, солдаты тотчасъ же наполнили всѣ госпитали, наскоро устроенные въ частныхъ домахъ Вильны.

Походъ только-что начинался еще, а армія чувствовала уже недостатокъ во всемъ—въ продовольствіи, фуражѣ, аммуниціи, даже въ боевыхъ припасахъ. Мародерство и отдѣленіе солдатъ отъ своихъ частей начались вслѣдъ за выходомъ арміи изъ Пруссіи. Эти два бѣдствія достигли вскорѣ ужасающихъ размѣровъ; позже они стали необходимостью, вызванною дурною администраціею и неустройствомъ правильныхъ сообщеній между частями. Когда полкъ съѣдалъ свое продовольствіе, приходилось высылать болѣе или менѣе значительные отряды, иногда на очень далекія разстоянія, для фуражировки. Солдаты, усталые и голодные, удалялись отъ своихъ частей въ ближайшія деревни, гдѣ захватывали провіантъ, грабили жителей, разбирали избы на топливо. Эти безпорядки значительно по-

[1]) Балъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ данъ генералъ-адъютантами и состоялся 12-го іюня. 15-го іюня, по уничтоженіи всѣхъ магазиновъ, городъ былъ оставленъ, и русскія войска отступили къ Нѣменчину (Wilson, 26; Puibusque, 28). Балъ прекратился, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ за 48 часовъ до появленія французовъ.

[2]) Puibusque, 34.

шатнули дисциплину и замѣтно уменьшили число штыковъ. Уменьшалъ это число и обозъ: иногда треть полка расходовалась на охрану обоза, растягивавшагося на нѣсколько верстъ. Отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей требовался точный счетъ годныхъ къ бою людей; но, при данныхъ условіяхъ, требованіе это оказывалось невыполнимымъ.

Недостатокъ фуража легко объясняется числомъ лошадей. Не только офицеры, даже многіе унтеръ-офицеры имѣли въ обозѣ свою повозку и лошадь или двѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ Польши было уведено не менѣе 100.000 коней. Грабежъ, насиліе и воровство, произведенные французскими солдатами въ Польшѣ, превосходятъ всякое вѣроятіе. Польскіе магнаты часто говорили французскимъ генераламъ: «Что же было бы съ вами, еслибъ мы относились къ вамъ враждебно?» Также точно грабежъ сталъ для французскаго солдата какъ бы наградой за всѣ тѣ невзгоды, которыя онъ испытывалъ, за усталость, голодъ и всяческую нужду. Напрасно жители просили командировъ частей объ охранѣ ихъ имущества—солдатъ, доведенный до крайности, не обращалъ уже вниманія ни на стражу, ни на приказы начальниковъ. Даву приказалъ разстрѣлять нѣсколько мародеровъ, но и этотъ суровый примѣръ не могъ устранить безпорядка, коренившагося въ военно-административной системѣ Наполеона, не заботившагося объ экономическомъ бытѣ арміи [1]), и еще болѣе въ голодѣ, не знающемъ никакихъ законовъ.

Весь путь отъ Вильны до Смоленска и отъ Смоленска до Москвы покрытъ сосновыми лѣсами, въ полномъ смыслѣ дремучими. Мѣстами встрѣчаются болота, почти непроходимыя, и рѣки, съ дномъ настолько вязкимъ, что безпрестанно приходится наводить мосты. Слу-

---

[1]) Это не составляло какой-либо особенности „русскаго похода“: во всѣхъ наполеоновскихъ войнахъ—въ Египтѣ, Италіи, Испаніи, Германіи и Россіи—французскій солдатъ всегда страдалъ отъ неустройства продовольственной части. Въ „Мемуарахъ Марбо“ приведенъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что во время наполеоновскихъ войнъ менѣе всего заботились о продовольствіи, такъ что Марбо выставилъ, какъ общій тезисъ: „Les armées de Napoléon, une fois qu'elles étaient en campagne, ne recevaient de distributions que fort rarement, chacun vivant sur le pays comme il pouvait“. Фактическое подтвержденіе этого тезиса см. Marbot, I, 70, 289, 300, 332, 336; II, 3, 205, 344, 372, 383, 417; III, 62, 128, 133, 134 sqq.

чалось, что кавалеристы, обманутые мелководіемъ, пускались въ бродъ и гибли вмѣстѣ съ лошадью. Русскія дороги втрое шире французскихъ; онѣ окаймлены канавами и деревьями; но ни одна дорога не вымощена камнемъ, и въ распутицу онѣ всѣ непроходимы. Въ Россіи, очень мало населенной, деревни расположены на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга, что заставляло французскую армію располагаться бивуакомъ нерѣдко въ сырой, нездоровой мѣстности. Кажется, полагаясь на свое счастіе и на боевую славу своихъ войскъ, Наполеонъ не обратилъ должнаго вниманія на особенности страны, столь отличной отъ тѣхъ странъ, въ которыхъ ему приходилось воевать прежде, и не предвидѣлъ тѣхъ затрудненій, которыя предстояли движенію войскъ въ Россіи, особенно большими массами. Онъ не ожидалъ, кажется, встрѣтить такое упрямое сопротивленіе, которое парализовало всѣ его военные планы. Онъ ожидалъ, что первое же генеральное сраженіе рѣшитъ судьбу Россіи; онъ не допускалъ даже и мысли о возможности пораженія. Эта слѣпая увѣренность въ себѣ и зависимая отъ нея непредусмотрительность имѣли самыя печальныя послѣдствія.

Корпуса Мюрата, Нея, Даву, Евгенія и императорской гвардіи двинулись къ Смоленску. Городъ расположенъ на склонѣ возвышенности, составляющей лѣвый берегъ Днѣпра. Корпусу Даву предстояло вытѣснить русскихъ изъ предмѣстій города. Даву выполнилъ эту задачу послѣ отчаянной схватки, длившейся около трехъ часовъ. Аттака, начатая одновременно по всей линіи, окончилась лишь къ 10-ти часамъ вечера. Въ городъ было брошено много гранатъ, которыя зажгли его во всѣхъ концахъ, и французскіе бивуаки освѣщались всю ночь свѣтомъ отъ пожара. Русскій главнокомандующій Барклай-де-Толли успѣлъ вывести въ полномъ порядкѣ свои войска изъ города и увезти или уничтожить всѣ запасы, такъ что на другое утро, когда французы вошли въ городъ, они увидѣли только жалкое пепелище и однѣ развалины. Во французской арміи выбыло въ этотъ день изъ строя около 12.000 убитыми и ранеными [1]); потеря русскихъ, вѣроятно, была тоже около этой цифры.

[1]) Wilson, 104; Puibusque, 43, 48; Marbot, III, 131; Ермоловъ, 57. Начальникъ обоза французской главной квартиры, Газо, вполнѣ подтверждаетъ

Часть зданій, уцѣлѣвшихъ отъ огня, была обращена въ госпитали, которые немедленно наполнились ранеными. Но въ этихъ госпиталяхъ не было ни докторовъ, ни лѣкарствъ. Большинство раненыхъ, ожидая по цѣлымъ суткамъ первой перевязки, страшно мучились; страданія увеличивались еще и отъ того, что раненые лежали на голомъ полу — не только коекъ, не было даже соломы, на которой они могли бы успокоить свои усталые и изувѣченные члены. Отъ труповъ, гнившихъ вокругъ города и даже въ городскихъ зданіяхъ, распространилась зараза, окончательно сгубившая почти всѣхъ французовъ, получившихъ раны въ первомъ столкновеніи съ русскими.

На всемъ пути отъ Смоленска до Москвы, протяженіемъ въ 400 верстъ, французская армія продовольствовалась мародерствомъ. Два эскадрона, драгунскій и гусарскій, обязаны были доставлять ежедневно припасы для свиты императора. Каждый полкъ, пѣхотный и кавалерійскій, назначалъ сильные отряды для добыванія продовольствія своимъ частямъ. Еще французы и не видѣли Москвы, а армія ихъ уменьшилась уже на добрую треть. Эта убыль произошла отчасти вслѣдствіе столкновенія съ врагами, главнѣйшимъ же образомъ — отъ болѣзней, явившихся послѣдствіемъ утомленія и дурной пищи. Число больныхъ, слабыхъ, отсталыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Въ знаменитомъ московскомъ сраженіи, которое русскіе называютъ «бородинскимъ», участвовало только 120.000 французскихъ воиновъ.

Наполеону давно уже хотѣлось дать русскимъ генеральное сраженіе, которое, какъ онъ надѣялся, должно было быть рѣшительнымъ. Несмотря на численное уменьшеніе французскихъ войскъ, несмотря на неожиданное сопротивленіе русскихъ, Наполеонъ не терялъ надежды принудить императора Александра просить мира, какъ только русскія войска потерпятъ рѣшительное пораженіе.

Старѣйшій изъ русскихъ генераловъ, Кутузовъ, былъ назначенъ

сообщеніе гр. Боволье: „Смоленскъ былъ купленъ нами дорогою цѣною. Барклай-де-Толли командовалъ большими силами, и русскіе дрались, какъ львы. Потери были, кажется, равны съ обѣихъ сторонъ; у насъ выбыло изъ строя до 12.000 человѣкъ. Барклай-де-Толли сжегъ городъ и обратилъ въ пепелъ громадные провіантскіе магазины, на которые мы сильно разсчитывали. Отступленіе русскихъ войскъ было произведено въ полномъ порядкѣ". Gazo, 101.

главнокомандующимъ русскою арміею на мѣсто Барклая-де-Толли. Кутузовъ только-что побѣдоносно окончилъ войну съ Турціею; какъ военачальникъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ [1]). Быть можетъ, Кутузовъ получилъ приказаніе защитить Москву во что бы то ни стало; быть можетъ, онъ самъ хотѣлъ помѣряться силами съ искуснѣйшимъ въ мірѣ военачальникомъ, — какъ бы ни было, но Кутузовъ рѣшился дать Наполеону битву между Можайскомъ и Гжатскомъ.

Въ понедѣльникъ, 26-го августа, произошелъ, наконецъ, бой героевъ. Съ обѣихъ сторонъ дрались съ равнымъ мужествомъ. Въ этотъ день въ бою находилось 120.000 французовъ и 92.000 русскихъ; со стороны французовъ гремѣло 587 пушекъ, русскихъ — болѣе 600 [2]). Этотъ день, самый кровавый въ анналахъ военной исторіи, стоилъ обѣимъ арміямъ болѣе 70.000 убитыми и ране-

---

[1]) Фельдмаршалъ кн. Кутузовъ происходилъ отъ знатнаго рода и, по женѣ, былъ въ родствѣ съ знатнѣйшими домами. Въ юности онъ отличался своею храбростію и съ отличіемъ проходилъ свою военную карьеру. Въ разныхъ сраженіяхъ получилъ онъ много ранъ, причемъ потерялъ лѣвый глазъ; тѣмъ не менѣе, выраженіе его лица было поразительно умное. Онъ командовалъ русскими войсками въ битвѣ подъ Аустерлицемъ; однако, такъ какъ онъ былъ противъ злосчастнаго фланговаго движенія, то и аустерлицкое пораженіе не умалило его военной славы. Въ 1811 г. онъ успѣшно воевалъ съ турками и въ 1812 г. заключилъ бухарестскій миръ, такъ много содѣйствовавшій успѣхамъ отечественной войны. Кутузовъ жилъ долгое время въ Парижѣ, любилъ французовъ; онъ не довѣрялъ Наполеону, но лично не ненавидѣлъ его. Человѣкъ свѣтскій, вѣжливый, онъ былъ хитеръ, какъ грекъ, обладалъ природнымъ умомъ, какъ азіатъ, и былъ прекрасно образованъ, какъ европеецъ. Вслѣдствіе своихъ преклонныхъ лѣтъ, особенно же вслѣдствіе своей тучности, онъ надѣялся принести болѣе пользы на дипломатическомъ поприщѣ, чѣмъ на полѣ бранн. Ему было 74 года, когда онъ сталъ главнокомандующимъ русскою арміею. Онъ былъ еще довольно крѣпокъ, но настолько тученъ, что даже передъ войсками, во время боя, разъѣзжалъ въ небольшихъ четырехколесныхъ дрожкахъ. Таковъ былъ новый главнокомандующій, по словамъ императора Александра, сказаннымъ англійскому генералу сэру Роберту Вильсону, „избранный русскимъ дворянствомъ для спасенія славы русскаго оружія и для защиты отечества“. Wilson, 115; Puibusque, 156; Marbot, III, 137, 143; Ермоловъ, 74.

[2]) По словамъ генерала Марбо, „численность русской арміи достигала болѣе 162.000 чел.; Наполеонъ могъ противопоставить имъ едва 140.000 человѣкъ“: правое крыло Багратіона — 62.000, лѣвое крыло Барклая-де-Толли — 70.000, центръ — казаки Платова и 30.000 въ резервѣ. Marbot, III, 134. По счету Богдановича, „Исторія Александра I“, число русскихъ войскъ достигало 104.000, кромѣ 7.000 казаковъ и 10.000 ратниковъ, съ 640 орудіями (III, 288).

ными [1]). Потери обѣихъ сторонъ были почти равны, съ тою, однако, разницею, что въ русской арміи было болѣе убитыхъ, во французской же болѣе раненыхъ. Остервенѣніе, съ которымъ шелъ бой цѣлые 12 часовъ, обезсилило обѣ арміи. Ночь прикрыла своимъ покровомъ поле смерти, стоновъ и злобы...

Въ день боя Наполеонъ оказался ниже своей славы. Вмѣсто прежнихъ своихъ блистательныхъ качествъ, выказанныхъ въ столькихъ сраженіяхъ и среди пороховаго дыма диктовавшихъ арміи побѣду, онъ въ этотъ день былъ апатиченъ, нерѣшителенъ [2]). Казалось, счастье измѣнило ему. Своимъ маршаламъ онъ отвѣчалъ нехотя; приказанія его запаздывали. Безпорядокъ во время боя доходилъ до того, что французская кавалерія атаковала саксонскихъ кирасиръ, принявъ ихъ за русскихъ! Къ концу боя французами овладѣло какое-то оцѣпенѣніе [3]). Никогда еще ни одно пораженіе не стоило столько крови и не было куплено такою дорогою цѣною, какъ эта побѣда. Французскія войска провели ночь безъ огня, измученные усталостью, изнуренные голодомъ, среди умершихъ и умирающихъ...

Поле битвы, простиравшееся на десять верстъ, было покрыто трупами. Раненые не убирались; въ плѣнъ не брали. Раненые французскіе солдаты, имѣвшіе возможность явиться на перевязочный пунктъ, были перенесены въ Можайскъ; тяжело раненые истекали кровью, не видя ни откуда ни помощи, ни утѣшенія. Въ Можайскѣ оказалось болѣе 10.000 раненыхъ русскихъ, размѣщенныхъ въ до-

---

[1]) Марбо насчитываетъ 50.000, причемъ французы потеряли 49 генераловъ и 20.000 солдатъ, выбывшихъ изъ строя (III, 135), Вильсонъ — до 80.000 выбывшихъ изъ строя (153).

[2]) Въ день бородинскаго боя Наполеонъ былъ нездоровъ. Боволье говоритъ, что онъ „простудился и сильно лихорадилъ“ (31); по словамъ Вильсона, онъ страдалъ „сильнымъ насморкомъ“ (159); подробнѣе другихъ объ этомъ у Марбо: „Императоръ, страдавшій отъ мигрени, спустился въ оврагъ, по дну котораго ходилъ почти цѣлый день. Онъ могъ видѣть оттуда только часть поля битвы и, чтобъ обозрѣть все поле, ему приходилось взбираться на небольшой пригорокъ, что онъ и сдѣлалъ два раза во все время боя. Императоръ былъ боленъ, и холодный вѣтеръ, бушевавшій весь день, мѣшалъ ему быть верхомъ“ (III, 134).

[3]) „Императорская гвардія такъ отстала, что вовсе не участвовала въ московской битвѣ. Это была большая ошибка со стороны Наполеона; несомнѣнно, что эти избранныя войска, еслибъ императоръ подождалъ ихъ прибытія, значительно измѣнили бы участь боя въ нашу пользу». Beauvollier, 28.

махъ и церквахъ—всѣ они были безжалостно изгнаны [1]): на ихъ койкахъ были размѣщены раненые французы. Эта мѣра, жестокая, конечно, но объясняемая необходимостью, стоила жизни несчастнымъ русскимъ—всѣ они умерли въ страшныхъ мученіяхъ.

Русскіе отступили къ Москвѣ. 1-го сентября, на особомъ совѣтѣ генераловъ, въ присутствіи графа Ростопчина [2]), московскаго генералъ-губернатора, Кутузовъ рѣшилъ оставить Москву, но сжечь ее. Вѣсть объ этомъ рѣшеніи произвела въ Москвѣ общее смятеніе и невообразимый безпорядокъ. Въ одно и то же время черезъ Москву двигались войска, направляясь въ Коломну, и бѣжали москвичи со своимъ скарбомъ. Графъ Ростопчинъ приказалъ раздавать полицейскимъ городовымъ зажигательные снаряды, заготовленные еще съ іюля какимъ-то голландцемъ Смидомъ. Эти городовые, переодѣтые въ партикулярные костюмы, должны были оставаться въ Москвѣ и поджечь городъ со всѣхъ концовъ, какъ только появятся французы. Всѣ бочки, ведра, лѣстницы, всѣ огнегасительные снаряды были уничтожены. Каторжники, все тюремное населеніе было выпущено на свободу, съ условіемъ содѣйствовать полному разрушенію древней столицы [3]).

2-го сентября, въ часъ дня, Мюратъ стоялъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы; въ 3 ч. дня онъ вступилъ въ городъ. Французы разсчитывали увидѣть населенный городъ и нашли пустынныя улицы—нѣсколько иностранныхъ торговцевъ, нѣсколько темныхъ личностей, выпущенныхъ изъ тюремъ, составляли все населеніе Москвы. Мертвая столица показалась Мюрату подозрительною: онъ опасался засады, подкоповъ, ловушекъ и шелъ по пустымъ московскимъ улицамъ съ большими предосторожностями. Маршалъ Мортье послалъ сперва особыя развѣдочныя партіи по всѣмъ направленіямъ Москвы и только по возвращеніи ихъ расположилъ свои войска бивуаками внутри города и особенно вблизи Кремля. 3-го сентября Наполеонъ поселился въ Кремлѣ.

Въ тотъ же день въ различныхъ частяхъ города вспыхнули по-

---

[1]) Chambray, Histoire de l'expédition de Russie, II, 90.

[2]) Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ.

[3]) Графъ Ростопчинъ даровалъ всѣмъ каторжникамъ свободу и фитиль, съ приказаніемъ поджечь всѣ казенныя и частныя зданія. Gazo, 109.

жары. На это сперва не обратили никакого вниманія, но когда пожары стали повторяться, когда загорѣлся Гостиный дворъ, когда биржа и банкъ запылали въ огнѣ, всѣмъ стало ясно, что это не случайность и что пожаръ входитъ въ систему сопротивленія. Ужасъ обуялъ французскія войска; Наполеонъ былъ очень опечаленъ пожаромъ. Между тѣмъ, пламя пожара охватывало все большее и большее пространство. 4-го сентября, утромъ, поднялся сильный вѣтеръ, временами переходившій въ ураганъ. Вѣтеръ раздувалъ огонь, перебрасывалъ пламя съ одного дома на другой. 5-го горѣла уже вся Москва. Вѣтеръ стихъ только къ 8-му сентября, когда уже $^{9}/_{10}$ всего города сгорѣло. 4-го вечеромъ Наполеонъ былъ вынужденъ выѣхать изъ Кремля; императоръ переселился въ загородный дворецъ, въ пяти верстахъ отъ города, по петербургской дорогѣ, въ Петровское. Между тѣмъ Кремль нисколько не пострадалъ отъ пожаровъ, защищенный отъ огня широкою стѣною, валами и садами. 8-го сентября, днемъ, Наполеонъ возвратился въ Кремль. Первые же поджигатели, пойманные французскими солдатами, были разстрѣлены на мѣстѣ преступленія; позже, поджигателей судила особая военная коммиссія и ихъ вѣшали на фонарныхъ столбахъ. Всѣ они чистосердечно показывали, что поджигали городъ по приказанію графа Ростопчина [1]).

Въ Москвѣ были найдены огромные запасы провіанта. Они были пощажены огнемъ, такъ какъ хранились въ подвалахъ. Тутъ было много муки, кофе, сахара, соленой рыбы и сушеныхъ грибовъ, которые составляютъ главную пищу простаго народа во время поста. Еслибъ эти продукты были правильно подѣлены между различными частями арміи, не было бы той ужасающей нужды, которая много содѣйствовала разстройству французской арміи. Но грабежъ и воровство уничтожили всѣ провіанты, прежде чѣмъ были приняты какія-либо мѣры къ ихъ спасенію [2]). Не разъ полевой генералъ-интендантъ приказывалъ охранять запасы цѣлымъ отрядамъ, но ничто не помогло — солдаты, измученные голодомъ и нуждой, спѣ-

[1]) Gazo, 109; Wilson, 168, 171; Marbot, III, 141; Surrugues, Histoire de l'incendie de Moscou, 32; Ермоловъ, 93, 99; Сборникъ рус. ист. общества, LXXIII, 460.

[2]) Puibusque, 107; Chambray II, 132; Ségur, II, 66.

шили насытиться сегодня, не думая о завтрашнемъ днѣ. Они предались грабежу и всяческимъ насиліямъ; многіе изъ нихъ поплатились жизнью за свою жадность: болѣе 6.000 солдатъ задохлись отъ дыма въ домахъ, загоравшихся, послѣ того какъ они проникли въ нихъ для грабежа. Нѣсколько дней спустя, хлѣбъ и мясо были уже рѣдки и продавались по очень высокой цѣнѣ.

Москва была покинута, но въ подмосковныхъ деревняхъ крестьяне не покидали своихъ избъ. Особые коммиссары были отправлены по этимъ деревнямъ съ увѣщаніемъ, чтобы крестьяне по-прежнему привозили въ Москву два раза въ недѣлю, въ базарные дни, свои продукты, за которые имъ будетъ уплачиваемо наличными деньгами. Въ то же время, велѣно было ежедневно звонить въ церковные колокола, чтобъ, такимъ образомъ, обмануть крестьянъ, будто церковная служба продолжается по-прежнему. Многіе крестьяне поспѣшили въ Москву, везя сѣно, солому, съѣстные припасы — и что же? Ихъ ограбили, отняли лошадей, завладѣли телѣгой, ихъ самихъ избили [1]). Они вернулись въ свои деревни, разсказали сосѣдямъ, и болѣе ни одинъ уже крестьянинъ не пріѣзжалъ въ Москву. Мало того, крестьяне стали просто охотиться за французами: они вооружились, чѣмъ могли, убивали солдатъ, попадавшихся въ одиночку, и нерѣдко нападали даже на отряды, ходившіе на фуражировку. Это враждебное отношеніе населенія было особенно чувствительно частямъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Москвы — они, рѣшительно, умирали съ голода; особенно же пострадала кавалерія: болѣе 10.000 коней пали отъ недостатка корма.

Маршалъ Даву, раненый подъ Можайскомъ, квартировалъ на Красной Площади, въ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара. Наполеонъ часто посѣщалъ его, всегда верхомъ, окруженный большою эскортою. Императоръ не пренебрегалъ ничѣмъ и принималъ всѣ мѣры къ личной безопасности. На пути изъ Вильны въ Москву онъ дѣлалъ часто фальшивыя тревоги, желая убѣдиться, что личная его

[1]) Это извѣстіе вполнѣ подтверждается оффиціальными свѣдѣніями о подмосковныхъ мужикахъ гр. Шереметьева, Рус. Архивъ, 1864 г., стр. 796. Боволье говоритъ, что солдатамъ запрещено было грабить, но они въ первую же ночь нарушили это запрещеніе (35); Шевалье д'Изарнъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что „грабежи были разрѣшены". Рус. Архивъ, 1869 г., 1420, 1423, 1427.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

охрана не дремлетъ и хорошо организована. Начальникомъ личной охраны былъ полковникъ Р а т о (Rateau); ему одному Наполеонъ довѣрилъ свою священную особу. Рато охранялъ его и въ Кремлѣ, и при разъѣздахъ по городу.

Солдаты нашли въ Москвѣ массу мѣдной монеты, называемой копѣйками. Эти копѣйки очень тяжелы, изъ хорошей мѣди и отличной чеканки. Солдаты обмѣнивали копѣйки на провизію или на монету болѣе легкую и удобную для носки [1]). Находили также много цинка, композиціи для спайки металловъ; онъ имѣлъ форму серебра въ слиткахъ, причемъ штемпель былъ очень похожъ на клеймо, которое ставится въ Парижѣ продавцами золотыхъ и серебряныхъ слитковъ. Вся армія, обманутая этимъ сходствомъ, принимала цинкъ за серебро. Устроились даже мѣняльныя лавки и установилась цѣна на металлъ: 18 франковъ за полъ-фунта цинка.

Почти во всѣхъ русскихъ домахъ находятся иконы разныхъ святыхъ въ золотой, серебряной или мѣдной ризѣ, смотря по достатку семьи. Солдаты набрасывались, прежде всего, на иконы, полагая, что ризы очень цѣнны, и нерѣдко мѣдная, вызолоченная, продавалась за золотую. Алчность Наполеона также была наказана. Въ Кремлѣ, среди московскихъ зданій, находилась колокольня, которую называли Ивановскою; на колокольнѣ былъ огромный крестъ. Предполагая, что этотъ крестъ изъ золота, Наполеонъ приказалъ снять его, что̀ и было исполнено съ большими трудностями и не безъ риска. Оказалось, что крестъ только вызолоченъ. Нечего дѣлать, Наполеонъ объявилъ, что онъ и не предполагалъ здѣсь золотаго креста, но велѣлъ снять, чтобъ увезти его во Францію на память о своемъ пребываніи въ Москвѣ. Онъ хотѣлъ также увезти въ Парижъ огромный колоколъ, упавшій съ колокольни во время пожара и, при паденіи, глубоко ушедшій въ землю. Были объявлены торги, и какой-то спекулянтъ взялся отправить колоколъ, какъ только установится санный путь...

Въ Москвѣ была театральная труппа, состоявшая по большей части изъ французскихъ актеровъ и находившаяся подъ дирекціей Элеоноры Б ю р с е (Burset). Эта актриса была обязана всѣмъ своимъ благосостояніемъ русскому правительству. Ей было уже 45 лѣтъ,

[1]) Ш е в а л ь е д'И з а р н ъ, 1435.

но она все еще была очень красива. Она-то и дала Дюроку [1]) имена всѣхъ французскихъ актеровъ, скрывшихся при приближеніи французской арміи, и указанія, по которымъ ихъ можно было бы отыскать. Въ этомъ спискѣ значился Сенъ-Веръ (Saint-Vert), актеръ петербургскаго театра, родомъ изъ Нанси. Онъ уже нѣсколько лѣтъ находился въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ на пенсіи въ 1.800 рублей, пожалованной ему императоромъ Александромъ; у него было, сверхъ того, до 40.000 руб., находившіеся на храненіи у русскаго вельможи. Это былъ человѣкъ весьма почтенный, безупречнаго поведенія. Онъ свято хранилъ какое-то религіозное почтеніе къ памяти несчастнаго Людовика XVI и не скрывалъ своей ненависти къ Наполеону. Г-жа Бюрсе заявила, что безъ Сенъ-Вера спектакли состояться не могутъ; его отыскали, заставили играть и, при отступленіи, приказали слѣдовать за арміею. При отступленіи всѣ актеры погибли самымъ жалкимъ образомъ [2]).

Такъ какъ театръ сгорѣлъ, то г-жѣ Бюрсе предложено было возобновить спектакли въ большой залѣ дома какого-то русскаго богача [3]), гдѣ и прежде давались французскіе спектакли труппами, наѣзжавшими по временамъ въ Москву. Наполеону зала эта не понравилась—онъ почему-то считалъ ее не безопасною—и для спектаклей была назначена тронная зала въ Кремлѣ. Началась необходимая перестройка и зала была уже приспособлена къ театральнымъ представленіямъ, когда армія должна была покинуть Москву. Саперы разрушили въ нѣсколько часовъ все, что было сдѣлано, и обратили эту прелестную залу въ кучу мусора и щебня, причемъ

---

[1]) Michel Duroc, duc de Frioul, 1772—1815, генералъ-адъютантъ Наполеона, гофмаршалъ его двора, главный начальникъ личной охраны императора.

[2]) Боволье разсказываетъ, что Сенъ-Веръ, при отступленіи, былъ взятъ въ плѣнъ и представленъ Кутузову, который принялъ его милостиво, выслушалъ грустную повѣсть о лишеніяхъ, имъ претерпѣваемыхъ, и далъ ему 200 руб. Немного спустя, Сенъ-Веръ умеръ въ Рязани, гдѣ лежалъ больной и гдѣ Боволье ухаживалъ за нимъ. Боволье видѣлъ у него на шеѣ серебряный медальонъ съ изображеніемъ Людовика XVI, вокругъ котораго было выгравировано: Louis XVI, Roi de France et de Navarre, né le..., couronné le..., et assassiné le 21 janvier 1793 (48). Въ брокеровскомъ, впрочемъ, неполномъ спискѣ лицъ, уѣхавшихъ изъ Москвы съ французскою арміею, Сенъ-Веръ не показанъ. Рус. Архивъ, 1868 г., 1434.

[3]) Не въ частномъ ли театрѣ Познякова? Шевалье д'Изарнъ, 1454.

древнѣйшія украшенія, памятники величія московскихъ царей, были уничтожены безжалостной киркой.

Большинство французовъ, поселившихся въ Москвѣ до войны, имѣли свои заведенія, магазины, лавки. Передъ началомъ кампаніи, ихъ поведеніе казалось подозрительнымъ русскому правительству, и за ними былъ учрежденъ полицейскій надзоръ. Позже, когда уже Нѣманъ былъ перейденъ, большинство московскихъ французовъ было арестовано и подъ конвоемъ выселено въ Симбирскъ, гдѣ они оставались подъ надзоромъ полиціи до 1814 года. Ихъ имущество было, однако, пощажено: ихъ жены и родственники продолжали владѣть своими заведеніями, пользовались даже покровительствомъ властей и свободно торговали своими товарами. Когда же французская армія вступила въ Москву, они прикинулись невинными жертвами своей преданности Наполеону. Нѣкая г-жа Оберъ [1]), забывъ всѣ благодѣянія русскихъ, громко провозглашала свой энтузіазмъ къ побѣдителю. Мужъ ея былъ сосланъ въ Симбирскъ. Они имѣли на Тверской великолѣпный магазинъ, какихъ мало въ Европѣ, и торговали китайскимъ фарфоромъ, севрскими издѣліями, всякими предметами роскоши; она была очень богата. При отступленіи французовъ, она взяла съ собою 30.000 франковъ и отправилась за арміею; несмотря на то, что она находилась при главной квартирѣ, французскіе же солдаты ограбили ее, и она погибла самымъ ужаснымъ образомъ, вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ, который былъ при ней. Г-жа Превo, московская модистка, тоже француженка, мать пяти дѣтей, поступила такъ же легкомысленно, какъ и г-жа Оберъ. Она тоже послѣдовала за арміею и также несчастливо: она и пять ея дѣтей умерли въ дорогѣ отъ холода и голода.

Мюратъ первый вошелъ въ Москву, но въ Москвѣ не остановился; онъ вышелъ на рязанскую дорогу, гдѣ и расположился лагеремъ. Онъ командовалъ всею тяжелою артиллеріею, нѣсколькими

---

[1]) Оберъ-Шальмѐ, жена извѣстнаго содержателя гостинницы, близъ Большой Дмитровки. Въ письмахъ А. Я. Булгакова, служившаго при графѣ Ростопчинѣ по секретной части, сообщены любопытныя подробности о г-жѣ Оберъ, которую онъ называетъ „г-жа Шельма“. Рус. Архивъ, 1874 г., 790; 1866 г., 705 (письмо ея къ Наполеону), 709; 1868 г., 1435; 1869 г., 1414, 1453.

полками пѣхоты и тремя полками легкой кавалеріи. Люди и лошади этого корпуса страдали отъ всевозможныхъ лишеній. Окруженный оврагами и лѣсами, корпусъ этотъ постоянно былъ тревожимъ казаками: каждый отрядъ, отправлявшійся на фуражировку, былъ охраняемъ пѣхотою и артиллеріею! Однажды самъ маршалъ Мюратъ сопровождалъ фуражировъ и едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Кавалерія, прикрываемая отрядомъ пѣхоты и тремя пушками, была аттакована казаками; послѣ небольшой перестрѣлки казаки отступили, но едва французскій отрядъ двинулся впередъ, какъ съ обоихъ фланговъ показалась русская пѣхота. Произошла отчаянная схватка, причемъ французская кавалерія была опрокинута и весь отрядъ разсѣянъ; Мюрату удалось ускакать. Раненые въ этой схваткѣ были препровождены въ Москву. Несчастные оставались цѣлыя сутки на улицѣ, въ телѣгахъ, прежде чѣмъ ихъ размѣстили въ госпиталяхъ. Немногіе изъ нихъ поправились — большинство умерло не столько отъ ранъ, сколько отъ дурнаго ухода и всяческихъ лишеній.

Этого мало. Наполеонъ приказалъ перевезти въ Москву тѣхъ 6.000 раненыхъ, которые остались въ Можайскѣ. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, было приказано, чтобъ всякій офицеръ, имѣющій свою подводу въ обозѣ, взялъ одного или двухъ раненыхъ. Генералу Воблану было поручено наблюсти за исполненіемъ приказа, и всякій офицеръ, уклонившійся отъ заботы о раненыхъ, подлежалъ строгому взысканію. Тѣмъ не менѣе, распоряженіе это не было исполнено, и эти несчастные, брошенные въ Москвѣ на произволъ судьбы, всѣ погибли или отъ ранъ, или отъ руки окрестныхъ жителей, которые, немедленно по уходѣ арміи, наводнили Москву и безжалостно убивали всѣхъ французовъ, которые отстали отъ арміи.

Наполеонъ издалъ, между прочимъ, приказъ обязывать каждую часть запастись зеленью на зимовку въ Москвѣ [1]). Хотѣлъ ли Наполеонъ этимъ приказомъ замаскировать свое печальное положеніе или же скрыть отъ русскихъ свои намѣренія—неизвѣстно, но сборъ зелени былъ рѣшительно немыслимъ. Казаки съ каждымъ днемъ становились все дерзче, подскакивали къ самымъ воротамъ города

[1]) Вотъ разгадка извѣстія Шевалье д'Изарна, 1427—1423.

и неимовѣрно тревожили отряды, высылавшіеся на фуражировку. Дошло до того, наконецъ, что Наполеонъ посылалъ даже свою гвардію отгонять казаковъ и охранять фуражировъ. Въ одной изъ такихъ экспедицій погибъ любимецъ императора, завѣдывавшій его личною охраною, полковникъ Рато. У него было 300 драгунъ; видя передъ собою сотню или полторы казаковъ, которые, къ тому же, начали отступать, Рато погнался за ними и попалъ въ засаду: онъ былъ окруженъ двумя тысячами казаковъ, выскочившихъ изъ-за пригорковъ, окаймляющихъ смоленскую дорогу. Всѣ драгуны были изрублены, Рато тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Драгунскій полкъ, полагая, что его товарищъ только плѣненъ, собралъ и переслалъ ему 1.200 франковъ. Деньги эти были получены княземъ Кутузовымъ уже по смерти Рато и немедленно возвращены въ полкъ съ извѣщеніемъ о кончинѣ храбраго офицера.

Наполеонъ все еще не терялъ надежды войти въ переговоры съ императоромъ Александромъ, но, не встрѣчая удобнаго къ тому повода, рѣшился, наконецъ, послать къ Кутузову генерала Лористона, одного изъ своихъ адъютантовъ, съ письмомъ къ русскому императору. Въ этомъ письмѣ Наполеонъ сообщалъ свои условія мира и предлагалъ выслать въ Петербургъ довѣренное лицо для веденія переговоровъ [1]). Лористонъ выѣхалъ изъ Москвы 22 сентября. Кутузовъ переслалъ письмо своему государю, но Наполеонъ такъ и не удостоился получить отвѣтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ разсчитывалъ встрѣтить въ самой Россіи, среди русскихъ же, сторонниковъ и даже пособниковъ своему вторженію въ Россію. Онъ надѣялся, что всѣ почему-либо недовольные русскимъ правительствомъ, всѣ опальные изъ дворянъ примутъ сторону французовъ; онъ разсчитывалъ на недовольство крестьянъ, которыхъ думалъ склонить на свою сторону обѣщаніемъ освобожденія [2]). Но опасность, предстоявшая всему государству, сплотила всѣ умы въ пользу національнаго дѣла, а честное поведеніе императора Александра, его твердость, великодушіе и доброта приковали къ нему сердца всѣхъ его подданныхъ.

---

[1]) Донесеніе кн. Кутузова императору Александру I о свиданіи съ Лористономъ, отъ 23 сентября 1812 г. Ермоловъ, 105, 204.

[2]) Шевалье д'Изарнъ, 1415.

Несомнѣнно, что было извѣстное соглашеніе между Наполеономъ и французами, жившими въ Россіи. Главныя нити этого соглашенія находились въ рукахъ французскаго доктора Миливье (Milivier), лѣтъ двадцать жившаго въ Москвѣ и составившаго себѣ огромное состояніе. Онъ ѣздилъ нѣсколько разъ изъ Россіи во Францію и побуждалъ Наполеона, ложными разсужденіями, предпринять походъ въ Россію. Онъ сопровождалъ Наполеона во все время кампаніи; онъ увѣрялъ, что какъ только появятся подъ Москвою хотя бы 50.000 французскихъ войскъ, крестьяне возстанутъ противъ своихъ господъ, и вся Россія будетъ покорена. Эти и подобные переговоры были открыты петербургскимъ министромъ полиціи только въ 1813 году; многія изъ замѣшанныхъ лицъ были арестованы. Говорятъ, будто ссылка Сперанскаго, статсъ-секретаря императора Александра, находится въ связи съ этимъ открытіемъ; говорятъ, будто и епископъ рязанскій тоже оказался причастнымъ къ этому дѣлу, за что́ и былъ посланъ на покой [1])—его обвинили главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не только печаталъ статьи, но и говорилъ проповѣди народу въ антиправительственномъ смыслѣ. Въ 1814 г. русскій императоръ особымъ указомъ помиловалъ всѣхъ лицъ, французовъ и русскихъ, навлекшихъ на себя какія-либо подозрѣнія по случаю вторженія Наполеона въ Россію.

Потерявъ всякую надежду на заключеніе мира съ императоромъ Александромъ, Наполеонъ рѣшился начать отступленіе. Съ 3-го октября французскія войска начали выступать изъ Москвы по тульской дорогѣ. Численность французской арміи равнялась въ это время 123.000 человѣкъ [2]). Эта цифра не подлежитъ сомнѣнію: амбарный приставъ, въ теченіе мѣсяца отпускавшій водку всей арміи, въ размѣрѣ по три раціона на человѣка въ день, вычислилъ въ своихъ послѣднихъ вѣдомостяхъ 369.000 раціоновъ. Только гвардейская кавалерія имѣла при отступленіи лошадей въ тѣлѣ; въ другихъ ча-

---

[1]) Никакой епископъ рязанскій въ это время на покой удаленъ не былъ. Съ марта 1809 г. еп. рязанскимъ былъ Ѳеофилактъ Русановъ, въ 1817 г. назначенный экзархомъ Грузіи. Его предшественникъ, Амвросій Яковлевъ-Орлинъ, еп. рязанскій съ 1804 г., умеръ въ январѣ 1809 года.

[2]) 104.000 по Chambray, II, 314. О численности войскъ никто болѣе не упоминаетъ. Вильсонъ приводитъ цифры обоза: 2.500 фуръ съ боевыми припасами и 6.000 телѣгъ съ офицерскимъ багажемъ и ранеными (213).

стяхъ кавалерія была уменьшена на половину, особенно же въ корпусѣ Мюрата: его кавалерійская дивизія, состоявшая, по положенію, изъ трехъ полковъ, по 1000—1200 коней въ каждомъ, имѣла передъ выступленіемъ изъ Москвы не болѣе 500 коней [1]).

При отступленіи французской арміи, маршрутъ, по плану Наполеона, шелъ на Тулу и Калугу, эти житницы Россіи. Наполеону и въ голову не могла, конечно, придти мысль объ обратномъ движеніи арміи по той же дорогѣ, по которой происходило наступленіе: онъ хорошо зналъ, что пройденный арміею путь опустошенъ, деревни обезлюдены, города разорены. Что Наполеонъ предполагалъ отступать на Тулу и Калугу, видно изъ договора съ продовольственною компаніею евреевъ, обязавшихся снабжать армію провіантомъ отъ Москвы до Вильны—въ этомъ договорѣ маршрутъ показанъ на «Тулу и Калугу».

Та часть арміи, въ которой находился Боволье, прибыла 6-го октября къ Боровску. Войска расположились на ночлегъ въ небольшой пригородной деревушкѣ, гдѣ уже нашли много отсталыхъ, врачей, маркитантовъ. Ночью, предъ выступленіемъ, польскіе уланы подожгли нѣсколько избъ. Часа въ 4 утра, два полка казаковъ, привлеченные, вѣроятно, пожаромъ, наскочили на деревню. Всякій стремился спастись бѣгствомъ, но всѣ были взяты въ плѣнъ. Боволье былъ при этомъ раненъ въ лѣвое плечо.

Казаками начальствовалъ князь Кудашевъ, зять кн. Кутузова [2]). Онъ свободно говорилъ по-французски, о многомъ разспрашивалъ генерала Боволье и взялся самъ проводить его къ русскому главнокомандующему, своему тестю. На четвертыя сутки прибыли они въ главную квартиру кн. Кутузова, въ Гончаровѣ [3]), близъ Калуги. Главнокомандующій принялъ плѣнника милостиво, даже ласково. Это былъ старикъ 70 лѣтъ, средняго роста, пріятной наружности,

---

[1]) Toute la cavallerie du Roi de Naples se monte à 8000 hommes. Изъ записки Беннигсена Кутузову, отъ 3 окт. Богдановичъ, III, 76.

[2]) У кн. М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго не было сыновей; изъ пяти дочерей четвертая, Екатерина Михаиловна, была замужемъ за кн. Николаемъ Даниловичемъ Кудашевымъ, генералъ-маіоромъ, умершимъ въ окт. 1813 года.

[3]) Le château du chevalier Ganljeroff. Beauvollier, 61. Послѣ боя подъ Малоярославцемъ, главная квартира была переведена въ Детчино.

хотя и лишенный лѣваго глаза; его сѣдины, его лицо, изборожденное глубокими морщинами, внушало уваженіе. Битыхъ три часа оставался Боволье въ комнатѣ главнокомандующаго и не разъ имѣлъ случай дивиться его обширнымъ познаніямъ и его чисто французскимъ оборотамъ рѣчи. Услышавъ фамилію генерала Боволье, Кутузовъ призадумался.

— «Не родственникъ ли вы тѣхъ Боволье, которые играли такую выдающуюся роль въ вандейской кампаніи и одинъ изъ которыхъ подписалъ письмо къ ея величеству императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою оказать помощь противъ республиканцевъ?

— «Письмо это подписано мною, въ качествѣ генералъ-интенданта и президента высшаго совѣта арміи.

— «Это вы и есть! Ну, очень радъ, что вы мой плѣнникъ: вамъ будетъ оказано все уваженіе, котораго вы заслуживаете».

Кутузовъ прибавилъ, что читалъ съ большимъ интересомъ исторію вандейской войны. Онъ много разспрашивалъ генерала Боволье о французской арміи, о Москвѣ, о Наполеонѣ.

— «Какого мнѣнія Наполеонъ обо мнѣ?

— «Онъ васъ опасается и не иначе называетъ, какъ старой лисой Сѣвера.

— «Постараюсь доказать, что онъ не ошибается. Онъ долженъ былъ уже замѣтить, что я угадалъ его намѣренія. Онъ хотѣлъ начать переговоры и прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Лористона, которому была уже какъ-то поручена совершенно подобная же миссія. Ну, пока Наполеонъ будетъ присылать такихъ дипломатовъ, мнѣ не трудно будетъ противодѣйствовать его намѣреніямъ».

При этомъ Кутузовъ разсказалъ, что въ первое свое свиданіе съ Лористономъ французскій генералъ сказалъ ему: «Не думайте, однако, что Наполеонъ желаетъ мира съ русскимъ императоромъ вслѣдствіе насчастныхъ событій въ Испаніи или вслѣдствіе заявленнаго англичанами проекта о высадкѣ на западныхъ берегахъ Франціи—вовсе нѣтъ: мы войдемъ въ Мадридъ, когда только захотимъ, и англичане никогда не посмѣютъ высадиться на французскую землю! Въ этомъ случаѣ всѣ французы встанутъ какъ одинъ человѣкъ, и океанъ будетъ могилою англичанъ». Вскорѣ затѣмъ Кутузовъ на-

велъ разговоръ на дѣла въ Испаніи и на угрозы англичанъ. Лористонъ крайне удивился: «Откуда вы знаете эти подробности?» — «Да отъ васъ же, генералъ; прежде я ихъ не зналъ», отвѣчалъ Кутузовъ.

Тогда же, въ комнату, гдѣ Кутузовъ совѣщался съ Лористономъ, былъ введенъ генералъ графъ Платовъ, гетманъ казацкій, окруженный солдатами, какъ бы арестованный. Кутузовъ потребовалъ отъ него саблю и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, прибавивъ, что, несмотря на свои полномочія главнокомандующаго, онъ не желаетъ предавать его военному суду, а отсылаетъ его къ императору Александру, который и рѣшитъ его судьбу. Эта комедія обманула Лористона: онъ сообщилъ Наполеону, что графъ Платовъ смѣненъ, вслѣдствіе чего казаки остаются безъ вождя, въ полномъ разстройствѣ, между тѣмъ какъ графъ Платовъ, вмѣсто того, чтобъ отправиться въ Петербургъ, сталъ во главѣ 60-ти казачьихъ полковъ и нѣсколько дней спустя атаковалъ уже французскую армію.

Прощаясь съ Боволье, Кутузовъ сказалъ ему: «Вашъ Наполеонъ—чистый разбойникъ: я отправилъ къ нему 40 французовъ, взятыхъ въ плѣнъ на аванпостахъ—онъ отказался принять ихъ! Мнѣ-то что же съ ними дѣлать? Его поведеніе ужасно. Онъ нисколько не заботится о націи, которой всѣмъ обязанъ».

Князь Кутузовъ путешествовалъ въ экипажѣ болѣе чѣмъ скромномъ; онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшей роскоши и довольствовался только самымъ необходимымъ. Выросшій среди солдатъ, онъ вѣжливъ, какъ любой придворный; онъ не только доступенъ, но и предупредителенъ. Французскіе плѣнники, офицеры и солдаты, въ восторгѣ отъ того уваженія, съ какимъ онъ относился къ французскому народу.

Въ качествѣ военноплѣннаго, генералъ Боволье жилъ въ Калугѣ, Рязани, гдѣ находился плѣнный отрядъ генерала Ожеро [1]), въ

---

[1]) Боволье прибавляетъ: On m'a assuré que le corps du général Augereau, frère du maréchal, avait été sacrifié de dessein prémédité, afin d'occuper les Russes momentanément, et de donner le temps à Napoléon, qui courait les plus grands dangers, d'opérer sa retraite en bon ordre (74). Въ рукописныхъ запискахъ Ермолова сказано: „Противъ депо рекрутъ былъ посланъ гр. Орловъ-Давыдовъ, туда же собрались съ партіями Фигнеръ, Сеславинъ и Давыдовъ. Командующій частью рекрутъ генералъ Ожеро былъ окруженъ въ се-

Орлѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ храбрымъ генераломъ Бонами[1]), взятымъ въ плѣнъ еще до вступленія французовъ въ Москву, и вездѣ съ французскими плѣнными обращались очень добродушно, даже ласково. На каждаго плѣннаго, при даровой квартирѣ и отопленіи, отпускалось по 50 коп. на офицера и по 15 коп. на солдата. Тѣ изъ плѣнныхъ, которые знали какое-либо мастерство или обладали какимъ-либо талантомъ, очень цѣнились и заработывали хорошія деньги. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ жаловались на дурное обращеніе съ ними казаковъ и солдатъ милиціи, которыхъ по-русски называютъ ратниками. Но чего же могли они ожидать отъ народа, доведеннаго до отчаянія, видѣвшаго во французахъ враговъ своей родины, разбойниковъ, разорившихъ ихъ города, уничтожившихъ поля, осквернившихъ храмы? Развѣ французы были великодушны съ русскими плѣнными? Сколько разъ, въ тылу арміи, французы разстрѣливали русскихъ плѣнныхъ, лишь бы освободиться отъ нихъ!

Когда военныя событія, вызванныя злосчастною экспедиціею въ Россію, привели къ реставраціи 19 марта 1814 г., примирившей всѣхъ съ Франціею, русское правительство выдало отдѣльнымъ офицерамъ и цѣлымъ колоннамъ паспорты до Бѣлостока, гдѣ находился французскій коммиссаръ для пріема военноплѣнныхъ. Изъ Бѣлостока генералъ Боволье проѣхалъ на Вильно и Варшаву. Между прочимъ, онъ останавливался въ Гумбиненѣ, гдѣ почтмейстеръ разсказывалъ, какъ онъ везъ Наполеона, когда французскій императоръ бросилъ свою армію и бѣжалъ въ Парижъ.

Наполеонъ пріѣхалъ въ саняхъ, въ сопровожденіи жидка, который служилъ ему проводникомъ и переводчикомъ. Императоръ вышелъ изъ саней и велѣлъ позвать почтмейстера. Его не было дома. Является почтмейстерша и говоритъ, что пошлетъ за мужемъ. Подойдя поближе, она была поражена сходствомъ «проѣзжающаго» съ Напо-

---

леніи. Въ ожиданіи помощи отъ войскъ, бывшихъ вблизи, онъ защищался. Дѣйствіемъ артиллеріи нашей онъ съ 2.000 человѣкъ положилъ оружіе. Спѣшившій къ нему на помощь генералъ Шаркантье потерялъ большую часть рекрутской своей кавалеріи, которая, погрязшая въ болотахъ, была изрублена. Генерала Дильера, приближавшагося съ пѣхотою, остановилъ Сеславинъ, и онъ пришелъ не прежде какъ уже по сдачѣ Ожеро". Ср. Ермоловъ, 127.

[1]) Ермоловъ, 83.

леономъ, котораго она когда-то видѣла, и стала всматриваться въ него.

—«Вы такъ внимательно смотрите на меня, сударыня,—можно подумать, что вы меня знаете.

—«Да, ваше величество, я имѣю честь говорить съ императоромъ французовъ.

—«Вы не ошибаетесь», сказалъ Наполеонъ и вручилъ ей три свертка по 25 наполеондоровъ.

Когда явился почтмейстеръ, Наполеонъ спросилъ его, во́ сколько времени можетъ онъ доставить его въ Варшаву.—«Въ сорокъ часовъ».—«Можете вы сопровождать меня?». Почтмейстеръ колеблется.—«Я требую, чтобъ именно вы доставили меня въ Варшаву. За благодарностью дѣло не станетъ». Наполеонъ вынулъ изъ кармана карту и указалъ путь, по которому обязанъ былъ везти его гумбиненскій почтмейстеръ; потомъ императоръ вынулъ изъ кармана пистолетъ и прибавилъ: «Если вы уклонитесь отъ указаннаго пути, я разможжу вамъ голову». Почтмейстеръ увѣрялъ Наполеона въ своей преданности и дѣйствительно доставилъ его въ Варшаву въ 33 часа.

О злосчастномъ отступленіи французской арміи много было писано, но все обнародованное ничто передъ разсказомъ двухъ очевидцевъ, майора 9-го линейнаго полка Тьерсъ-Шита и фельдшера Гине, сына бонскаго негоціанта.

Когда русскіе вновь заняли Вильно, мѣстные жители, опасаясь мщенія, изгоняли французовъ изъ своихъ домовъ. Большая часть раненыхъ и больныхъ французовъ, которые не могли ни бѣжать, ни защищаться, была перебита евреями [1]). Нѣсколько французовъ, увѣчныхъ и больныхъ, спасая себя и отъ жителей Вильны, и отъ русскихъ штыковъ, спрятались въ оставленный всѣми домъ на окраинѣ города и тамъ забаррикадировались. Всѣ полагали, что заброшенный домъ стоитъ пустымъ, и не обращали на него внима-

[1]) Марбо рисуетъ нѣсколько иную картину: A peine étions-nous hors de Wilna que les infâmes juifs, se ruant sur les français qu'ils avaient reçus dans leurs maisons pour leur soutirer le peu d'argent qu'ils avaient les dépouillèrent de leurs vêtements et les jetèrent tout nus par la fenêtres!.. Quelques officiers de l'avant-garde russe qui entraient en ce moment furent tellement indignés de cette atrocité qu'ils firent tuer beaucoup de juifs (III, 221).

нія. Дней восемь спустя по прибытіи русскихъ войскъ, русскій генералъ увидѣлъ дымъ, выходившій изъ пустаго дома, и приказалъ осмотрѣть его. Въ домѣ нашли до двадцати французовъ, въ лохмотьяхъ, исхудалыхъ, больныхъ, голодныхъ. Они чистосердечно признались, что скрылись отъ преслѣдованія виленскихъ жителей и русскихъ солдатъ. Генералъ спросилъ ихъ, какимъ образомъ они могли существовать восемь дней, не выходя изъ дому. Послѣ долгаго и тяжелаго молчанія, одинъ изъ французовъ отвѣчалъ: «Загляните въ слѣдующую комнату». Дверь была полуоткрыта; генералъ перешагнулъ порогъ и былъ пораженъ ужасомъ, при видѣ нѣсколькихъ труповъ съ вырѣзанными мягкими частями тѣла, которыми живые утоляли мучившій ихъ голодъ...

На этомъ обрываются записки графа Боволье о 12-мъ годѣ.

Записки эти составлены не только современникомъ, не только очевидцемъ, но участникомъ описываемыхъ событій. Боволье разсказываетъ то, что онъ видѣлъ, испыталъ, пережилъ. Разсказъ его, простой и безхитростный, вселяетъ полное къ себѣ довѣріе. Самыми бѣглыми чертами, только для связи разсказа, описываетъ онъ движеніе арміи и военныя операціи, обращая преимущественно вниманіе на тѣ событія и факты, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе. Равнымъ образомъ, избѣгаетъ онъ передавать слухи, и если сообщаетъ что-либо съ чужихъ словъ, то всегда заявляетъ объ этомъ, предваривъ, что всѣ такія сообщенія онъ получалъ изъ вѣрныхъ источниковъ [1]). Провѣрка такихъ сообщеній всегда оказывалась въ пользу достовѣрности гр. Боволье. Такъ, само собою разумѣется, гр. Боволье не могъ знать дѣйствительной причины опалы, постигшей гр. Сперанскаго; мы и въ настоящее время не въ состояніи считать этотъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе, упоминаніе о гр. Сперанскомъ, сдѣланное графомъ Боволье, вполнѣ подтверждается извѣстнымъ апокрифнымъ письмомъ гр. Ростопчина «и москвитянъ» императору Александру I отъ 5-го апрѣля 1812 г. Конечно, только со словъ другихъ гр. Боволье могъ утверждать, что Наполеонъ называетъ кн. Кутузова старой лисой Сѣвера. Принадлежитъ ли выраженіе le vieux renard du Nord самому Напо-

[1]) Beauvollier, 72.

леону или оно вложено только въ его уста — все равно, оно очень вѣрно рисуетъ кн. Кутузова, о которомъ еще Суворовъ сказалъ, что «Кутузова и Рибасъ не обманетъ» [1]).

Еще менѣе основаній не довѣрять графу Боволье въ передачѣ всего имъ видѣннаго. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ вовсе не былъ противникомъ Наполеона, и онъ не имѣлъ повода даже неумышленно извращать факты, смотря на нихъ съ предвзятою мыслью; по своему положенію, какъ интендантъ дѣйствующей арміи, онъ могъ и долженъ былъ видѣть и знать именно то, что онъ сообщаетъ. Легче всего, конечно, подлежатъ въ настоящее время провѣркѣ его сообщенія о численности арміи, о числѣ раненыхъ, о количествѣ запасовъ продовольствія и т. п. — всѣ такія сообщенія оказываются, по провѣркѣ, довольно точными. Иногда гр. Боволье сообщаетъ извѣстія прямо невѣрныя, вслѣдствіе полученнаго имъ невѣрнаго сообщенія, но всегда такая невѣрность не можетъ быть поставлена ему въ вину, какъ то мы видѣли на закретскомъ балѣ; иногда онъ поневолѣ кратокъ, какъ, напримѣръ, въ изображеніи судьбы московскаго Воспитательнаго Дома.

«Зданія Воспитательнаго Дома — говоритъ Боволье, — расположенныя близъ Кремля, были защищены отъ пожара заботливостью г. Газо, начальника обоза главной квартиры. Когда Кремль былъ взорванъ, сотрясеніе было такъ ужасно, что многія зданія Воспитательнаго Дома рухнули. Русскій сенаторъ, директоръ Воспитательнаго Дома [2]), не захотѣлъ покинуть порученный ему постъ, но принялъ всѣ мѣры, чтобы спасти богатые вклады изъ золота, серебра и цѣнныхъ бумагъ, имѣвшіеся въ этомъ полезнѣйшемъ учрежденіи» [3]). При всей краткости, гр. Боволье отдаетъ «коемуждо по дѣломъ его»: упомянувъ о Газо, онъ не забылъ и заслугъ Тутолмина. По счастью, записки этого Газо сохранились, обнародованы и заключаютъ въ себѣ слѣдующія любопытныя подробности и о Воспитательномъ Домѣ, и о его случайномъ населеніи того времени:

«Генералъ-интендантъ дѣйствующей арміи поручилъ мнѣ охрану огромныхъ магазиновъ Воспитательнаго Дома. Потребовались неи-

---

[1]) Ермоловъ, 95.
[2]) Иванъ Акинфіевичъ Тутолминъ.
[3]) Beauvollier, 44.

мовѣрныя усилія, чтобы спасти Домъ отъ пожара. Я уничтожилъ всѣ смежные заборы, уединилъ магазины, день и ночь поливалъ стѣны громаднаго зданія, и только этимъ спасъ его. Въ магазинахъ хранился провіантъ на шесть мѣсяцевъ. Этимъ не ограничились, однако, мои заботы о Воспитательномъ Домѣ. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, мнѣ было поручено собрать всѣхъ раненыхъ и больныхъ въ Воспитательный Домъ, и вотъ, когда всѣ здоровые спѣшатъ покинуть Москву, я свожу въ Домъ больныхъ и раненыхъ со всѣхъ концовъ Москвы. Наконецъ и маршалъ Мортье, командовавшій арьергардомъ, ушелъ изъ Москвы, и я остался охранять больныхъ и раненыхъ французской арміи въ городѣ, покинутомъ французскою арміею. Взрывъ Кремля, послѣдовавшій въ 2 ч. ночи, былъ ужасенъ. Въ Воспитательномъ Домѣ всѣ окна были выбиты. Какъ только французская армія удалилась изъ Москвы, русскіе стали входить въ столицу и, прежде всего, перебили всѣхъ раненыхъ французовъ, находившихся въ частныхъ домахъ. Такихъ раненыхъ было убито до двухъ тысячъ. Почти столько же находилось въ Воспитательномъ Домѣ. Опасаясь за ихъ участь, я собралъ до 600 выздоравливающихъ и роздалъ имъ оружіе, какое только могъ добыть. Русскіе нападали на насъ три раза, и три раза мы отгоняли ихъ. Наше сопротивленіе заслужило намъ уваженіе даже въ глазахъ врага: генералъ Бенкендорфъ [1]) предложилъ мнѣ положить оружіе, обѣщая щадить госпитальное населеніе. Мы, конечно, согласились на это условіе. Только 30 солдатъ не пожелали сдаться, и едва они вышли изъ Воспитательнаго Дома, какъ были окружены казаками и изрублены на нашихъ глазахъ. Все это происходило 27-го октября. Съ этого дня мы стали военноплѣнными.

«Императрица-мать, узнавъ о нашемъ поведеніи, прислала намъ тысячу франковъ. Иначе отнесся къ намъ московскій генералъ-губернаторъ гр. Ростопчинъ. Ему было сообщено о нашихъ заботахъ относительно французскихъ раненыхъ, о храбрости, съ какою мы ихъ защищали, наконецъ, о средствахъ, употребленныхъ нами для содержанія 2.000 раненыхъ въ теченіе десяти дней, и онъ пожелалъ видѣть меня и моего зятя, находившагося при мнѣ

[1]) Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, 1785—1829, вошедшій 11-го октября съ своими гусарами въ Москву.

въ качествѣ помощника. Когда мы представились ему, я тотчасъ же замѣтилъ, что онъ не можетъ даже слышать имени французовъ. Онъ спросилъ насъ кое-о-чемъ и, получивъ отвѣты, закончилъ свиданіе самою неприличною бранью.

«Мы честно исполнили свою обязанность относительно своихъ земляковъ, раненыхъ, больныхъ и слабыхъ—развѣ русскіе, хотя и враги французовъ, могли наказывать насъ за это? Однако, отданъ былъ приказъ объ удаленіи насъ отъ нашихъ страдальцевъ-соотечественниковъ. Труды, лишенія и усталость подорвали и наше здоровье; мы представляли, просили, умоляли разрѣшить намъ остаться съ ними, но не удостоились даже отвѣта. Тогда мы написали гр. Ростопчину письмо, въ которомъ представили ему печальное положеніе раненыхъ плѣнниковъ: они были перемѣщены изъ Воспитательнаго Дома въ какія-то подземелья, куда не проникалъ даже и свѣтъ и гдѣ они умирали по 30 человѣкъ ежедневно[1]). Мы умоляли графа разрѣшить намъ остаться въ Воспитательномъ Домѣ еще дней восемь, до возстановленія нашего здоровья; мы просили его принять насъ и выслушать, полагая, что только клевета и злословіе вооружили его противъ насъ, просили во имя человѣколюбія. Вотъ отвѣтъ графа Ростопчина, писанный его рукою:

«Графъ Ростопчинъ разрѣшаетъ г. Газо-отцу остаться на время, необходимое для поправленія его здоровья, послѣ чего онъ и его зять должны отправиться въ Вологду. Свиданіе, котораго онъ желаетъ, не приведетъ ни къ чему; ни клевета, ни злословіе не руководятъ графомъ Ростопчинымъ; но нація, презирающая всѣ законы, отвергающая религію и въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ живущая только преступленіями и злодѣяніями, никогда не должна свидѣтельствоваться Всевышнимъ Существомъ, справедливость котораго не признается разбойниками».

Мы заимствовали изъ мемуаровъ Газо все, что они даютъ интереснаго для насъ. Газо, конечно, не Боволье, и даже записочка гр. Ростопчина только дорисовываетъ «московскаго страдальца»,

---

[1]) „Воспитательный Домъ цѣлъ. Тамъ околѣваетъ ежедневно человѣкъ по пятидесяти французовъ". Изъ письма А. Я. Булгакова, отъ 25 октября, въ Русск. Архивѣ, 1866 г., 729.

не прибавляя ни одной новой черты къ тому, что намъ извѣстно о немъ изъ писемъ А. Я. Булгакова и изъ другихъ источниковъ.

Краткіе, но правдивые мемуары Боволье и Газо несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что испытанія, обрушившіяся на французскую армію въ Россіи, не могли остаться безъ вліянія на мнѣнія и взгляды французовъ. Не только несчастные остатки «великой арміи», возвратившіеся на родину, но еще болѣе погибель той массы, которая осталась на русскихъ поляхъ, подъ русскимъ снѣгомъ, убитою или замерзшею, краснорѣчиво указывала на внутреннюю ложь той системы, которая была провозглашена Наполеономъ, какъ единственно спасительная для Франціи, какъ необходимо полезная для Европы. Конечно, Наполеонъ могъ сказать послѣ кульмскаго боя:

J'ai vécu, commandé, vaincu quarante années,
Du monde entier j'ai eu les destinées,
Et j'ai toujours connu qu'en chaque événement,
Le destin des États dépend d'un moment;

но своимъ походомъ въ Россію Наполеонъ доказалъ всѣмъ, какъ непригодна та система, по которой «судьба государства зависитъ отъ случая».

Мечомъ достигнувъ власти, Наполеонъ только при помощи меча удерживалъ ее за собою. Онъ не могъ не воевать; миръ былъ для него пагубенъ. Онъ не умѣлъ царствовать, онъ умѣлъ только воевать. Уже перейдя Нѣманъ, на русской землѣ, Наполеонъ говоритъ Балашеву: «Мнѣ сказывали, будто императоръ Александръ принялъ начальство надъ арміей. Къ чему это? Война—мое ремесло, я привыкъ къ нему; императоръ Александръ долженъ царствовать, а не командовать войсками». Это уже рѣчь не «императора французовъ», а главнокомандующаго французскою арміею. Главнокомандующій можетъ терпѣть пораженія, но потеря цѣлой кампаніи необходимо лишаетъ его власти. Наполеонъ испыталъ это на себѣ.

В. А. Бильбасовъ.

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ,

НАМѢСТНИКЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

(1863—1874 г.).

(Матеріалы для исторіи усмиренія польскаго мятежа 1863—1864 г. и послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій въ Привислянскомъ краѣ).

I.

Вступленіе.

Въ мартѣ 1863 г. возбужденъ былъ вопросъ о назначеніи помощника великому князю Константину Николаевичу. Такъ какъ во главѣ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ стоялъ, съ особыми полномочіями, маркизъ Веліопольскій, то предполагавшагося помощника рѣшено было опредѣлить по военной части, хотя не было секретомъ, что, за могущимъ послѣдовать отъѣздомъ великаго князя изъ Варшавы, главное начальство надъ краемъ, вообще, должно было перейти въ русскія руки, и потому вновь назначаемый помощникъ главнокомандующаго представлялся естественнымъ кандидатомъ на должность намѣстника.

Первоначально на этотъ важный постъ былъ выбранъ графъ Сумароковъ, прежній командиръ гвардейскаго корпуса. Я былъ тогда правителемъ канцеляріи департамента генеральнаго штаба и получилъ приказаніе отправить къ графу Сумарокову большой пакетъ съ картами и другими секретными свѣдѣніями по Царству Польскому. Въ ожиданіи приказа о назначеніи графа, пакетъ ле-

жалъ у меня на столѣ нѣсколько дней и наконецъ врученъ былъ не тому, кому сперва предназначался, а графу Бергу. Говорили тогда, что причиною отмѣны уже состоявшагося почти назначенія графа Сумарокова, была неловкая фраза, сказанная имъ гдѣ-то въ большомъ обществѣ о красотѣ польской короны.

Графъ Бергъ много лѣтъ провелъ въ Варшавѣ, при графѣ Паскевичѣ, на должности генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, хорошо зналъ край и поляковъ, а также и тотъ административный режимъ, который господствовалъ тамъ, безъ всякихъ перемѣнъ съ возстанія 1830 г. до новаго мятежа. Изъ того факта, что ему едва не предпочли графа Сумарокова—строеваго генерала, совершенно не знавшаго нашей западной окраины—можно заключить, что знакомство графа Берга съ условіями Царства Польскаго не было главнѣйшею причиною его назначенія въ Варшаву. Еще меньше можно допустить, что при этомъ случаѣ имѣло какое-либо значеніе предположеніе поручить, со временемъ, графу Бергу коренное переустройство государственнаго строя въ Царствѣ Польскомъ. Мысль объ этомъ, уже ясно сознанная лучшими нашими государственными дѣятелями, только-что начинала входить въ общественное сознаніе и не пользовалась еще въ правительственныхъ сферахъ правомъ господства. Напротивъ, во время назначенія графа Берга, въ Петербургѣ не покидали вѣры въ успѣшность примирительныхъ дѣйствій и рѣшились испробовать еще одну мѣру, доказывавшую наше долготерпѣніе—объявить амнистію всѣмъ, кто къ назначенному сроку оставитъ вооруженныя банды и явится съ повинною.

Въ Петербургѣ очень хорошо знали, что графъ Бергъ, принадлежалъ къ администраторамъ стараго закала николаевской эпохи, твердо вѣрившимъ въ значеніе силы и видѣвшимъ въ охраненіи наружнаго порядка и показнаго спокойствія лучшую гарантію общественнаго благоустройства и благополучія. Не было тайной и рѣшительное нерасположеніе его къ новымъ реформамъ, начатымъ подъ вліяніемъ обновительныхъ идей, охватившихъ русское общество послѣ крымскаго погрома. Наконецъ, всѣ знали, что, по рожденію и воспитанію, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей балтовъ и стоялъ за обособленность остзейскихъ провин-

ціи, почему, не будучи отнюдь полякофиломъ, могъ считать полезными такія мѣстныя особенности, нарушеніе коихъ на берегахъ Вислы могло бы служить нежелательнымъ прецедентомъ для Остзейскаго края.

Отказываясь, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, послѣ оставленія Финляндіи, отъ должности новороссійскаго генералъ-губернатора, графъ Бергъ очевидно надѣялся, что отъ него не уйдетъ, въ будущемъ, болѣе важный постъ—намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Видя развитіе польскаго возстанія и отсутствіе энергическихъ мѣръ къ его усмиренію, онъ не могъ смотрѣть на это равнодушно, и вполнѣ вѣроятно, что, при случаѣ, выражалъ неодобреніе таковому положенію дѣлъ, какъ бы попускавшемуся мѣстными властями. Но особой программы дѣйствій не представлялъ и едва-ли агитировалъ въ пользу своего назначенія, что̀ и доказывается чуть не состоявшеюся посылкою въ Варшаву совершенно безцвѣтнаго графа Сумарокова.

И такъ, послѣдовавшее въ половинѣ марта 1863 года назначеніе графа Берга въ Варшаву помощникомъ главнокомандующаго не обусловливалось—ни вмѣненіемъ ему въ обязанность слѣдовать какимъ-либо ясно сознаннымъ и положительно формулированнымъ принципамъ, ни предложенной имъ самимъ программой дѣйствій. Назначеніе его имѣло характеръ по преимуществу служебный.

Графъ Бергъ уже занималъ до того времени выдающіеся посты генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества и финляндскаго генералъ-губернатора, состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта и былъ однимъ изъ старшихъ чиновъ по вѣдомствамъ военному и гражданскому. А такъ какъ было ясно, что помощникъ великаго князя долженъ сдѣлаться намѣстникомъ одновременно съ отъѣздомъ Его Высочества изъ Варшавы, то по всѣмъ правамъ служебной іерархіи должность эта принадлежала графу Бергу болѣе чѣмъ кому-либо другому.

Малодѣятельное его положеніе на второстепенной должности помощника, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, продолжалось почти полгода, и только въ концѣ августа 1863 года онъ занялъ постъ намѣстника. Къ этому времени анархія въ краѣ достигла высшей степени и въ началѣ сентября разразилась необычайнымъ ре-

волюціоннымъ терроромъ, которымъ руководители мятежа надѣялись доставить торжество своему дѣлу.

Сдѣлавшись отвѣтственнымъ начальникомъ края, графъ Бергъ не спрашивалъ указаній, какъ ему дѣйствовать въ столь исключительныхъ обстоятельствахъ; онъ круто измѣнилъ нерѣшительный образъ дѣйствій и рядомъ энергическихъ мѣръ принялся за подавленіе мятежа.

Между тѣмъ, пока онъ занимался этимъ горячимъ, не терпѣвшимъ отлагательства дѣломъ, въ Петербургѣ окончательно созрѣло убѣжденіе, что однимъ подавленіемъ вооруженнаго возстанія ограничиться невозможно, а слѣдуетъ путемъ коренныхъ преобразованій предупредить въ будущемъ всякую возможность повторенія подобныхъ ненормальныхъ проявленій. Въ сентябрѣ 1863 г. статсъ-секретарю Н. А. Милютину дана была чрезвычайная миссія: «ознакомясь съ дѣлами Царства Польскаго и изучивъ на мѣстѣ положеніе тамошняго гражданскаго управленія, составить ближайшія соображенія какъ о мѣрахъ къ успокоенію края, такъ и о дальнѣйшемъ его устройствѣ» [1]). Рѣшено было предпринять постепенное обновленіе всего гражданскаго быта въ Польшѣ при полномъ и безусловномъ соглашеніи мѣстныхъ учрежденій съ учрежденіями прочихъ частей имперіи. Реформы полагалось вести съ твердой и неуклонной послѣдовательностью въ дѣйствіяхъ правительства, въ несомнѣнномъ убѣжденіи, что тщетно было бы искать разрѣшенія польскаго вопроса въ какихъ бы то ни было политическихъ комбинаціяхъ. Соображенъ былъ въ общихъ чертахъ и самый ходъ реформъ, первою изъ коихъ поставлена крестьянская.

Такъ какъ преобразовательныя работы могли начаться только по полномъ возстановленіи въ краѣ законной власти и по учрежденіи повсюду надежныхъ правительственныхъ исполнительныхъ органовъ, то съ начала 1864 г. должно было начать свое дѣйствіе временное военно-полицейское управленіе на основаніяхъ, принятыхъ по взаимному соглашенію графа Берга съ статсъ-секретаремъ Милютинымъ.

Такимъ образомъ, среди самаго разгара дѣятельности графа

---

[1]) Всепод. докл. записка ст. секр. Милютина отъ 21 декабря 1863 г.

Берга по усмиренію вооруженнаго возстанія, дѣятельности, вытекавшей непосредственно изъ лежавшаго на немъ служебнаго долга и обѣщавшей достиженія быстрыхъ и благихъ результатовъ, предъ нимъ внезапно предстала перспектива цѣлаго ряда реформъ, не только не имъ соображенныхъ, но и во многомъ противорѣчившихъ личнымъ его убѣжденіямъ и взглядамъ. Оспаривать государственное значеніе и цѣлесообразность этихъ реформъ онъ не могъ. Сознавалъ онъ и необходимость, и правильность порученія, даннаго статсъ-секретарю Милютину, но ясно предвидѣлъ, что его личное положеніе, какъ главнаго мѣстнаго начальника, обязаннаго помогать успѣшному осуществленію этихъ реформъ, сдѣлается въ высшей степени затруднительнымъ и потребуетъ отъ него много самообладанія и такта для совмѣстнаго дѣйствія съ лицами, хотя и правительственнаго образа мыслей, но держащимися совершенно другихъ соціальныхъ принциповъ, чѣмъ онъ. Предстоявшая ему дѣятельность обѣщала быть тѣмъ болѣе тяжелою для него, что онъ, по предшествовавшей своей службѣ, не имѣлъ случая узнать потребностей и условій русской жизни и былъ лишь поверхностно ознакомленъ со сложною машиной администраціи и бюрократическими порядками. Въ этомъ отношеніи онъ не могъ не чувствовать превосходства надъ собой своихъ будущихъ сотрудниковъ-противниковъ, парировать проекты которыхъ не могъ ни даромъ слова, ни бойкой, блестяще написанной статьей-запиской. Для этого ему не доставало фактическихъ познаній.

Можетъ быть, въ спокойное время, графъ Бергъ и не взялся бы за такое дѣло, не остался бы на своемъ посту въ качествѣ исполнителя мѣропріятій, ему не симпатичныхъ и задуманныхъ другимъ лицомъ,—какъ не остался онъ въ Финляндіи при подобныхъ же почти обстоятельствахъ,—но уйти въ то время значило бы дезертировать съ поля сраженія, такъ какъ вооруженныя шайки мятежниковъ наводняли еще край, и графъ Бергъ, съ чисто джентльменскою предупредительностью, встрѣтилъ Н. А. Милютина и его товарищей, и оказалъ имъ полное содѣйствіе къ исполненію предстоявшихъ имъ трудовъ.

Что бы ни говорили недоброжелатели послѣдняго намѣстника въ Царствѣ Польскомъ о причинахъ, побудившихъ его помириться

съ необходимостью играть второстепенную роль при исполненіи начинавшихся реформъ, я искренно увѣренъ, что только глубоко сознанное чувство долга и безусловная, безпредѣльная преданность не только принципу верховной власти, но и лично государямъ, которымъ служилъ столько лѣтъ, не только за страхъ, но и за совѣсть, укрѣпили графа Берга въ рѣшимости не отказываться отъ выпавшей на его долю совершенно новой дѣятельности и не отступать передъ борьбой, въ надеждѣ своимъ умомъ и несравненнымъ тактомъ быть истинно полезнымъ для спокойнаго направленія дѣлъ, при рѣшеніи коихъ излишняя пылкость и увлеченіе людей новыхъ и мало знакомыхъ съ мѣстными условіями могли быть вредными.

Графъ Бергъ пробылъ въ Царствѣ Польскомъ почти одиннадцать лѣтъ. Вся его дѣятельность за это время можетъ быть раздѣлена на четыре, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, періода.

Первый — отъ прибытія въ Варшаву 24 марта 1863 г. до 27 августа того же года, т. е. до дня выѣзда изъ края великаго князя Константина Николаевича.

Второй — отъ начала самостоятельныхъ его дѣйствій до открытія занятій Учредительнаго комитета, организовавшагося съ 14 марта 1864 года.

Третій — совмѣстная работа съ Учредительнымъ комитетомъ по день его закрытія 31 марта 1871 г., и

Четвертый — время послѣ упраздненія Учредительнаго комитета и подчиненія всѣхъ вѣдомствъ въ Привислянскомъ краѣ вѣдѣнію центральныхъ учрежденій въ Петербургѣ.

Въ теченіе перваго періода графъ Бергъ самымъ очевиднымъ образомъ выказалъ свои способности царедворца и дипломата, служа для всѣхъ примѣромъ безукоризненнаго исполненія долга относительно августѣйшаго намѣстника, имѣвшаго въ краѣ чрезвычайныя полномочія. Ничѣмъ не выставляя своей личности и стараясь не выходить изъ рамокъ второстепеннаго дѣятеля, графъ Бергъ не ограничивался, однако, высказываніемъ своего мнѣнія по обсуждавшимся при его содѣйствіи вопросамъ, но и дѣятельно соображалъ цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ къ подавленію мятежа, которыя если не были исполнены во время ихъ предложенія — оказались вполнѣ цѣлесообразными впослѣдствіи.

Во второй періодъ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, графъ Бергъ, непреклонно идя къ намѣченной цѣли, сломилъ терроръ революціонной партіи, очистилъ край отъ вооруженныхъ шаекъ, въ корень уничтожилъ мятежническую организацію и возстановилъ тотъ порядокъ въ краѣ, при которомъ никто уже не думалъ о противодѣйствіи законнымъ властямъ, а всѣ имъ безусловно подчинялись. За это время край возвратился къ тому положенію, въ которомъ находился до начала безпорядковъ. Имя графа Берга сдѣлалось весьма популярнымъ, и со всѣхъ концовъ Россіи поступали къ нему телеграммы, адресы и письма отъ всѣхъ сословій и представителей самыхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго общества. Быстрота успѣховъ отъ совокупныхъ усилій войскъ и военно-полицейскихъ властей придали особую силу людямъ военной партіи, по понятіямъ которыхъ съ усмиреніемъ возстанія могло начаться забвеніе прошлаго и спокойное управленіе страной, основанное на страхѣ, внушаемомъ физической силой. Графъ Бергъ склонялся и самъ къ этой мысли и если не настаивалъ на ея примѣненіи, то потому, что глубоко былъ убѣжденъ въ безповоротности принятыхъ рѣшеній на счетъ органическихъ преобразованій. Но онъ рѣшительно выставлялъ на видъ опасенія на счетъ возобновленія безпорядковъ при началѣ крестьянской реформы, предполагалъ, что этою мѣрою могутъ быть сильно скомпрометтированы достигнутые имъ результаты и безусловно требовалъ, чтобы лица, проповѣдовавшія необходимость реформъ, присутствовали при началѣ ихъ примѣненія, а не оставались въ Петербургѣ. Онъ даже намѣревался до пріѣзда Н. А. Милютина воздержаться отъ обнародованія законовъ 19-го февраля 1861 года.

Въ третьемъ періодѣ вслѣдствіе могущественнаго положенія, даннаго Учредительному комитету, предназначенному для полнаго и всесторонняго переустройства края и польскаго общества на новыхъ началахъ, графу Бергу пришлось вступить въ дѣятельную борьбу съ противнымъ ему направленіемъ, требовавшимъ полнаго въ краѣ порядка и спокойствія не для того, чтобы почить на лаврахъ, а для того, чтобы, положа этотъ порядокъ въ основаніе своихъ дѣйствій, обезпечить имъ успѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій по полному слитію Привислянскаго края съ прочими частями имперіи.

Мѣры эти въ отношеніи къ прежнимъ порядкамъ были чисто революціоннаго характера и своею властностью и рѣшительностью не соотвѣтствовали взглядамъ престарѣлаго намѣстника, который однако же не отказался бы отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но исполнилъ бы ихъ не во всей, можетъ быть, полнотѣ и съ дипломатическою изворотливостью, болѣе щадившею побѣжденнаго врага.

Борьба была честная и открытая, но не безъ разныхъ хитрокомбинированныхъ и эффектныхъ сюрпризовъ, посредствомъ коихъ графъ Бергъ съумѣлъ образовать въ самомъ составѣ Учредительнаго комитета противовѣсъ слишкомъ преобладающему вліянію Н. А. Милютина и князя Черкасскаго. Съ каждымъ днемъ, однако, все болѣе и болѣе удостовѣряясь, что главные дѣятели Учредительнаго комитета дѣйствуютъ въ строгомъ согласіи съ основаніями, одобренными верховною властью, графъ Бергъ неуклонно держался законнаго порядка, пользуясь при обсужденіи дѣлъ правами, принадлежащими ему, какъ предсѣдателю комитета. Все, что комитетомъ одобрялось, было приводимо графомъ Бергомъ въ исполненіе безъ послабленій и подтасовокъ. Н. А. Милютинъ, разбирая дѣйствія намѣстника въ этомъ отношеніи, говаривалъ: «лучшаго исполнителя, какъ графъ Бергъ, я не знаю и не желаю; онъ протестуетъ, убѣждаетъ, пишетъ массу писемъ... но разъ дѣло кончено — исполняетъ его твердо и безъ всякой задней мысли». Такая похвала, какую я слышалъ много разъ отъ самого Н. А. Милютина, превосходно обрисовываетъ характеръ графа Берга. Подобный взглядъ на него раздѣляли всѣ работавшіе въ то время въ Царствѣ Польскомъ и близко стоявшіе у дѣла. Графъ Ѳ. Ѳ. не терпѣлъ доносовъ и никогда не прибѣгалъ къ побочнымъ путямъ даже въ томъ случаѣ, когда обращеніе къ нимъ могло быть обставлено всѣми легальными условіями. Для разслѣдованія различныхъ эпизодовъ на мѣстѣ, онъ почти никогда не пользовался принадлежавшимъ ему правомъ посылки своихъ довѣренныхъ лицъ, черезъ которыхъ можно было вліять въ томъ или другомъ направленіи — но постоянно дѣйствовалъ чрезъ Учредительный комитетъ или губернаторовъ, совершенно увѣренный въ полной ихъ добросовѣстности и невозможности представленія ими невѣрныхъ данныхъ. Результатомъ такихъ дѣйствій было строго законное исполненіе всѣхъ органическихъ работъ, соображенныхъ Учреди-

тельнымъ комитетомъ, и особенно крестьянской реформы. Отсюда и понятна высокая оцѣнка его дѣйствій, какъ исполнителя. Въ этомъ смыслѣ заслуги графа Берга, давшаго полную возможность точно, правильно и во всемъ объемѣ примѣнять издаваемые законы—громадны. Со смертью Н. А. Милютина и выходомъ князя Черкасскаго, значеніе Учредительнаго комитета много измѣнилось, и хотя сущность дѣла нисколько отъ этого не пострадала, но личныя отношенія между предсѣдателемъ и членами комитета вошли въ обычныя рамки, и въ концѣ концовъ обстоятельства настолько разъяснились, что графъ Бергъ въ Учредительномъ комитетѣ видѣлъ залогъ своего значенія и власти, и убѣжденно протестовалъ противу его упраздненія.

Наконецъ, въ четвертомъ періодѣ, съ подчиненіемъ всѣхъ гражданскихъ учрежденій Привислянскаго края центральнымъ управленіямъ въ Петербургѣ, значеніе мѣстной власти сильно было поколеблено, и за намѣстникомъ въ сущности сохранился лишь престижъ прежняго его положенія, на дѣлѣ же онъ сталъ въ одинъ уровень съ генералъ-губернаторами. Со смертью графа Берга, намѣстничество было упразднено, и управленіе краемъ поручено варшавскому генералъ-губернатору.

Написать обстоятельную исторію намѣстничества графа Берга еще не настало время, но совершенно возможно—пользуясь показаніями еще живущихъ очевидцевъ—собрать и огласить путемъ печати такіе матеріалы, которые озарятъ должнымъ свѣтомъ различныя обстоятельства его дѣятельности и помогутъ установленію правильной точки зрѣнія какъ на многія событія этого интереснаго и важнаго періода нашей исторіи, такъ и на самого графа Берга, одного изъ характернѣйшихъ представителей русской администраціи и человѣка, оказавшаго Россіи немаловажныя услуги. Этимъ путемъ выяснится и сохранится не мало симпатичныхъ и любопытныхъ подробностей, относящихся лично до графа Ѳедора Ѳедоровича, славившагося своимъ умомъ, хитростью и обворожительнымъ обращеніемъ со всѣми вообще, а особливо съ тѣми, которыхъ онъ хотѣлъ отличить или привлечь на свою сторону.

Собранные мною матеріалы состоятъ изъ ряда статей, иногда довольно обширныхъ, изъ которыхъ каждая даетъ описаніе какого-либо отдѣльнаго событія или выясняетъ ту или другую особенность характера и образа дѣйствій графа Ѳ. Ѳ. Написаны эти статьи не только по личнымъ моимъ воспоминаніямъ, но и по массѣ имѣющихся у меня документовъ, въ томъ числѣ и моихъ корреспонденцій, которыя, въ числѣ 165, я послалъ въ «Голосъ» (156) и «Русскій Инвалидъ» (9) съ 11-го іюня 1863 г. по 1-е января 1865 г.

Въ разсказахъ моихъ я старался быть объективнымъ; ничего умышленно не скрашиваю и ничего не укрываю. Моимъ желаніемъ было дать матеріалы вполнѣ правдивые. Каждый можетъ сдѣлать изъ нихъ надлежащія заключенія.

II.

Кабинетъ и рабочій день графа Берга.—Личная его характеристика.

За исключеніемъ непродолжительныхъ прогулокъ въ экипажѣ, а иногда верхомъ и выѣздовъ къ войскамъ, графъ Бергъ все свое время проводилъ въ кабинетѣ, имѣвшемъ то же назначеніе и во времена князя Варшавскаго. При великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, тамъ помѣщались августѣйшія дѣти, а по отъѣздѣ ихъ высочествъ, комнаты эти занялъ графъ Бергъ, не покидавшій ихъ во все время своего управленія Царствомъ Польскимъ. Преемникъ его, П. Е. Коцебу, не захотѣлъ въ немъ работать и перешелъ въ парадный великокняжескій кабинетъ.

Кабинетъ графа находился въ бель-этажѣ бывшаго королевскаго замка, въ той его части, которая угломъ выходила на памятникъ Сигизмунда,—и состоялъ изъ трехъ комнатъ—собственно кабинета, спальни и бильярдной. Войти въ него было можно или изъ комнаты дежурнаго адъютанта, черезъ небольшую проходную въ два окна комнату [1]) или изъ комнаты камердинера. Былъ еще третій, вну-

[1]) Въ этой проходной комнатѣ была мебель краснаго дерева съ золоченными наполеоновскими орлами. Мебель эта была приготовлена къ пріѣзду Наполеона I, жившаго въ замкѣ.

тренній ходъ для прислуги, изъ-подъ воротъ, выходившихъ на Свентоянскую площадь. Этимъ входомъ можно было пройти прямо въ спальню.

Собственно кабинетъ былъ огромной комнатой, выходившей: тремя окнами, съ очень большими между ними простѣнками, на въѣздъ отъ Вислы и монастырь Бернардиновъ, и четырьмя (съ меньшими простѣнками)—на Свентоянскую площадь. Часть кабинета, прилегающая ко внутреннимъ комнатамъ замка, отдѣлялась отъ остальнаго его пространства прекрасной колоннадой изъ пяти отдѣланныхъ подъ мраморъ колоннъ. Кажется, въ прежнее время, здѣсь была стѣна корридора, который уничтожили для расширенія кабинета. Свентоянская площадь, лежащая прямо противъ оконъ кабинена, была тѣсна, и изъ противолежащихъ домовъ легко было видѣть все происходившее внутри кабинета, особенно при освѣщеніи. Для устраненія подобнаго неудобства, въ четырехъ окнахъ кабинета, выходящихъ на площадь, въ 1863 г. сдѣланы были внутреннія желѣзныя ставни. Онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предохраняли и отъ ружейныхъ выстрѣловъ, которыхъ, послѣ покушенія 7-го сентября, не только можно было, но и слѣдовало остерегаться.

Входъ въ кабинетъ, со стороны адъютантской комнаты, велъ прямо подъ колоннаду. Каждому входящему кабинетъ сразу представлялся, во всей своей обширности, залитымъ свѣтомъ, врывавшимся съ двухъ сторонъ чрезъ громадныя окна. Воздухъ кабинета обыкновенно былъ наполненъ тонкимъ ароматомъ цвѣтущихъ растеній, во множествѣ наполнявшихъ комнату. Главный директоръ правительственной коммиссіи народнаго просвѣщенія Дембовскій, завѣдывавшій прекраснымъ варшавскимъ ботаническимъ садомъ, самъ большой любитель цвѣтовъ и хорошо знакомый съ намѣстникомъ еще съ 1830-хъ годовъ—лично заботился объ украшеніи графскаго кабинета растеніями, замѣняя отцвѣтавшіе экземпляры новыми, находившимися въ полномъ цвѣту. Сильно пахнущія растенія не допускались, но слегка душистыя доставляли графу Ѳедору Ѳедоровичу истинное наслажденіе своимъ благоуханіемъ, не говоря уже о декоративномъ украшеніи.

Стѣны кабинета, карнизы и потолокъ были украшены легкою лѣпною работою. Убранство его было самое простое. Задняя стѣна,

подъ колоннадою, имѣла посрединѣ каминъ съ огромнымъ зеркаломъ и двумя по бокамъ дверями; одна вела изъ внутреннихъ комнатъ, а другая—изъ помѣщенія прислуги. Вдоль ея, на полу, стояли массивныя краснаго дерева полки для книгъ. Надъ полками висѣли большія карты Европы. Правая стѣна тоже имѣла двѣ двери—въ бильярдную и спальню. Между ними, окруженный креслами, стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. За нимъ происходили засѣданія различныхъ совѣтовъ и комитетовъ. Необходимое для этихъ засѣданій зерцало хранилось въ бильярдной. На стѣнѣ, надъ рядомъ креселъ, были развѣшены карты Россіи и Царства Польскаго. Вдоль стѣны, выходившей на Бернардиновъ, въ простѣнкахъ и у оконъ стояли или тяжелые столы съ мраморными досками или многочисленныя жардиньерки съ растеніями. Такія же жардиньерки находились посрединѣ послѣдней стѣны противъ Свентоянской площади. По бокамъ ихъ, въ простѣнкахъ, стояли два небольшихъ диванчика, съ двумя же при каждомъ креслами. Посрединѣ комнаты, нѣсколько ближе къ диванчикамъ, помѣщалась большая круглая кушетка, обитая шелковою синею матеріей.

Самымъ главнымъ однако предметомъ, останавливавшимъ на себѣ вниманіе, былъ рабочій столъ намѣстника. Онъ стоялъ внутри кабинета, параллельно комитетскому столу; свѣтъ на него падалъ сзади и слѣва; сейчасъ за нимъ была группа растеній. Столъ состоялъ изъ трехъ столовъ; посрединѣ былъ поставленъ большой (не короче трехъ аршинъ) письменный столъ краснаго дерева на ящикахъ, а по бокамъ его, справа и слѣва, приставлены были два раскрытыхъ ломберныхъ стола. Обыкновенное съ тростниковымъ сидѣньемъ кресло на колесикахъ стояло передъ среднимъ столомъ, а два простыхъ кресла краснаго дерева стояли у лѣваго ломбернаго стола. Изъ всей этой мебели только круглая кушетка была сдѣлана вновь, все остальное взято изъ дворцовыхъ складовъ. Такъ что на украшеніе своихъ жилыхъ комнатъ графъ Бергъ не ввелъ казну въ излишніе расходы.

За среднимъ, кабинетнымъ, столомъ графъ Бергъ исключительно занимался личными своими дѣлами и перепиской. Вся же оффиціальная работа—доклады отдѣльныхъ лицъ, разборъ почты, чтеніе слѣдственныхъ и судныхъ дѣлъ,—происходила за лѣвымъ ломбернымъ

столомъ. Графъ пододвигалъ къ нему свое кресло, докладчикъ садился слѣва, а я—когда бывалъ при докладѣ,—занималъ кресло противъ графа. На столѣ стояла старая металлическая дорожная чернильница и лежало перо. На этомъ-то столѣ и были подписаны графомъ Бергомъ всѣ его представленія, проекты, резолюціи и конфирмаціи по военно-суднымъ дѣламъ. Что касается до другаго ломбернаго стола, стоявшаго справа, то на немъ всегда въ большомъ порядкѣ и изобиліи разложены были конверты и бумага различныхъ форматовъ и другіе канцелярскіе припасы. Малѣйшій безпорядокъ въ размѣщеніи этихъ принадлежностей или недостача въ нихъ волновали графа, и онъ спѣшилъ самъ лично привести ихъ въ порядокъ или приказывалъ потребовать присылки недостающихъ матеріаловъ.

Каждый рабочій день начинался тѣмъ, что дежурный адъютантъ вносилъ въ кабинетъ полученные за ночь пакеты и телеграммы, а ровно въ восемь часовъ являлся я съ готовою уже телеграммою къ Государю. Въ этой телеграммѣ неизмѣнно каждый день писалось: «въ Варшавѣ спокойно». Иногда добавлялось сообщеніе о какомъ-нибудь фактѣ. Въ случаяхъ же чего-либо чрезвычайнаго, прямо излагалось дѣло. Обычай посылать такія телеграммы начался еще въ 30-хъ годахъ при князѣ Паскевичѣ, когда депеши, между Варшавой и Петербургомъ передавались по оптическому телеграфу.

Затѣмъ приносилась утренняя почта, т. е. всѣ пакеты, приходившіе на имя намѣстника изъ Россіи или губерній Царства и заграницы. Если начальника штаба и генералъ-полиціймейстера—ежедневно начинавшихъ утренній докладъ—не было еще въ замкѣ, то къ разбору почты приступалось немедленно за лѣвымъ ломбернымъ столомъ. Графъ Бергъ самъ читалъ только письма отъ Государя, остальныя же бумаги ему прочитывались. Я распечатывалъ первый конвертъ и читалъ вслухъ все въ немъ находившееся. Съ теченіемъ времени, по наружному виду конвертовъ и надписямъ на нихъ, я привыкъ узнавать, въ какомъ изъ нихъ могло заключаться что-либо особо важное, и тогда вынутыя изъ того конверта бумаги подавалъ графу не читая, а если разбиралъ почту въ его отсутствіе, то такіе конверты представлялъ нераспечатанными. Графъ бывалъ

очень доволенъ такою осторожностью и тутъ же всегда поручалъ мнѣ чтеніе всѣхъ подобныхъ бумагъ. Я же шифровалъ и дешифрировалъ всѣ отправляемыя и получаемыя телеграммы, что отнимало много времени и составляло немалый трудъ, такъ какъ различныхъ шифровъ (дипломатическій, военный, жандармскій и друг.) было много и нѣкоторые отличались большою сложностью.

Во время чтенія почты, а равно при выслушаніи всякаго рода бумагъ, графъ Ѳ. Ѳ. былъ олицетворенное вниманіе, слѣдилъ не только за мыслью, но и за каждымъ словомъ, отлично схватывая всѣ подробности дѣла и дѣлая мѣткія замѣчанія, а нерѣдко прибѣгалъ и къ крѣпкимъ словцамъ, которыя, по большей части, произносилъ по-русски и совершенно кстати. Вырывались у него и французскіе возгласы—quelle bêtise! canaille! bêtard, bravo и проч.

Когда я читалъ бумагу изъ перваго конверта, графъ часто самъ доканчивалъ распечатываніе остальныхъ и, вынимая изъ нихъ бумаги, складывалъ ихъ въ кучки передо мною. Случайно замѣтя, что на верху первой страницы какого-нибудь письма не было проставлено числа, мѣсяца и года, а также названія мѣста, гдѣ оно писалось, онъ рѣдко упускалъ случай сказать: «посмотрите пожалуйста, кто этотъ пустой человѣкъ, не означаетъ, когда и откуда пишетъ; онъ вѣрно не хочетъ получить отвѣта и ему не стоитъ писать».

— Можетъ быть, графъ, все это написано внизу письма на другой его сторонѣ.

— Зачѣмъ мнѣ переворачивать листъ, это должно быть сдѣлано въ заголовкѣ.

Бывало нерѣдко, что такія письма приходили отъ князя Долгорукова, шефа жандармовъ. Тогда я говорилъ:

— Это письмо отъ князя Василія Андреевича, мы вѣдь знаемъ, гдѣ его найти.

— А все равно онъ глупости дѣлаетъ, не научился до сихъ поръ, какъ надо писать письма.

Это педантическое требованіе означенія на каждой запискѣ мѣста, числа и даже часа, когда она написана, не составляло въ графѣ Бергѣ одной придирки и крайней мелочности. Нѣтъ, оно было основано на опытѣ стараго и аккуратнаго офицера генеральнаго штаба, понимавшаго, что пропускъ подобныхъ подробностей на запискѣ,

посланной въ военное время, могъ повести къ недоразумѣніямъ и даже несчастію.

Распечатавъ всѣ конверты, графъ бралъ перо и, обмокнувъ его въ чернила, ждалъ момента положить резолюцію на бумагѣ. Резолюціи онъ писалъ крупнымъ, невполнѣ четкимъ почеркомъ, но всегда правильнымъ русскимъ языкомъ. Если резолюція была по необходимости длинна, то онъ произносилъ ее по-французски и хотя не требовалъ перевода, однако бывалъ доволенъ, когда я повторялъ резолюцію по-русски. При такой ежедневной работѣ вошло въ обыкновеніе, что, прочитавъ бумагу, требующую простаго канцелярскаго направленія, я говорилъ и самыя резолюціи: «препроводить туда-то для того-то», «сдѣлать то-то» и т. д., и тогда графъ быстро надписывалъ ихъ на поляхъ бумаги. По слѣдственнымъ и суднымъ дѣламъ приходилось, на особомъ листкѣ, составлять болѣе обширныя резолюціи и потомъ диктовать ихъ. Въ рѣдкихъ лишь и неважныхъ случаяхъ, графъ Ѳ. Ѳ. дозволялъ докладчику писать резолюціи и самъ ихъ подписывалъ.

По своей подвижной натурѣ графъ не ограничивался однимъ внимательнымъ выслушиваніемъ бумагъ, ему хотѣлось занять чѣмъ-нибудь и руки. И вотъ онъ или распечатывалъ конверты, какъ сказано выше, или приступалъ къ совершенно своеобразной работѣ. Онъ бралъ полученные конверты, срѣзалъ съ нихъ длинными ножницами печати и клапаны, а большія ихъ стороны, на которыхъ были надписи, складывалъ отдѣльно. Изъ этихъ листковъ онъ вырѣзалъ небольшія закладки для вкладыванія въ конвертъ сверхъ письма, чтобы не припечатать его сургучемъ, или дѣлалъ накладки на печати, предохраняя ихъ отъ наружнаго поврежденія. Срединой такой накладки онъ прикрывалъ печать, а концы ея пропускалъ подъ верхній клапанъ запечатаннаго письма. На чистыхъ сторонахъ подобныхъ вырѣзокъ изъ конвертовъ онъ часто писалъ и черновыя своихъ писемъ. Эти вырѣзки онъ цѣлыми кучами складывалъ на правый ломберный столъ. Тамъ же собиралъ онъ и обложки изъ толстой цвѣтной бумаги, въ которыя почти всегда вкладывались адресованныя ему письма. Прикажи, и такихъ бумажекъ ему бы надѣлали множество, но онъ этого не дѣлалъ и, разумѣется, не изъ экономіи, которую очень любилъ, а для того, чтобы не сидѣть праздно.

Иначе онъ слушалъ разныя записки и журналы, въ большомъ числѣ присылавшіеся къ нему, особенно по финансовому вѣдомству, долѣе другихъ остававшемуся въ вѣдѣніи стараго директора изъ поляковъ. Настоятельной необходимости прочтенія ихъ намѣстникомъ не было, но графъ никогда не оставлялъ ихъ безъ вниманія, только читалъ при иныхъ, болѣе льготныхъ, такъ сказать, для себя условіяхъ. Для выслушанія подобной записки, онъ садился на одинъ изъ маленькихъ диванчиковъ, клалъ ногу на ногу и, пригласивъ меня сѣсть на кресло, говорилъ: «eh bien, mon cher, allez je vous écoute».

Начиналось чтеніе. Графъ внимательно прослушивалъ двѣ-три страницы, потомъ закрывалъ глаза и, желая показать, что бодрствуетъ, помахивалъ правою рукою въ тактъ чтенію. Это, своего рода, дирижированіе продолжалось недолго; рука дѣлала движенія все слабѣе и слабѣе, и онъ впадалъ въ дремоту. Изрѣдка глаза открывались, рука двигалась снова, и онъ даже повторялъ то или другое слово. Приказать пропустить часть скучной и нерѣдко тяжело написанной работы графъ не рѣшался, но за то не выражалъ и неудовольствія на слишкомъ скорое, судя по объему записки, окончаніе ея чтенія.

Впрочемъ, подобной дремотой графъ Бергъ баловалъ себя только при полномъ спокойствіи духа. Если же онъ былъ встревоженъ и озабоченъ чѣмъ-нибудь, то не слушая читаемаго онъ отдавался своимъ мыслямъ, и онѣ увлекали его далеко изъ его кабинета. При этомъ нерѣдко доходило до того, что онъ, сидя съ открытыми глазами, жестикулировалъ руками, наклонялъ впередъ или на бокъ голову, и губы его шевелились, не произнося словъ. Онъ кого-то убѣждалъ, что-то обдумывалъ и представлялъ себѣ въ лицахъ.

Возвращаюсь къ описанію распорядка рабочаго дня. Разборъ почты прерывался, какъ только являлись къ графу очередные докладчики; тогда разборъ ея доканчивался мною, и важныя бумаги докладывались немедленно, а всѣ остальныя по окончаніи утреннихъ занятій. Въ 11 ч. ежедневно пріѣзжали оберъ-полиціймейстеръ и комендантъ съ докладомъ и, принявъ ихъ въ кабинетѣ, графъ выходилъ къ просителямъ и представляющимся. При тогдашнемъ устройствѣ Царства Польскаго, когда въ краѣ существо-

вали всѣ высшія учрежденія до Сената включительно, число просителей было невелико, да и тѣхъ, которые являлись, почти всегда приходилось направлять въ подлежащія учрежденія, отъ которыхъ, въ инстанціонномъ порядкѣ, зависѣло рѣшеніе. Случаевъ необходимости непосредственнаго обращенія къ намѣстнику представлялось немного. Собирать у себя въ пріемной, періодически, хотя бы разъ въ недѣлю, цѣлыя сотни бѣдняковъ, жаждущихъ получить ничтожную денежную помощь, графъ не любилъ; ихъ направляли въ канцелярію, которая и раздавала именемъ намѣстника денежныя выдачи. Не любилъ онъ и многолюдныхъ собраній представляющихся по службѣ, справедливо разсуждая, что этимъ отнимается много времени и у него и у тѣхъ изъ пріѣзжихъ въ городъ, которые не имѣли ничего сказать главному начальнику края, кромѣ традиціонной фразы: «честь имѣю представиться, такой-то». Но съ другой стороны, для всѣхъ имѣвшихъ дѣйствительную въ немъ надобность, не было болѣе доступнаго начальника, какъ графъ Бергъ. Съ шести часовъ утра до поздняго вечера, можно было являться въ замокъ и черезъ дежурнаго адъютанта получить у намѣстника аудіенцію въ первую свободную минуту. Раннихъ посѣтителей, предварявшихъ начало его ежедневныхъ занятій, онъ особенно любилъ и принималъ ихъ съ удовольствіемъ.

Послѣ пріема просителей и представляющихся, снова шли очередные доклады, часу до втораго. Происходившія въ опредѣленные дни засѣданія совѣтовъ затягивали утреннія работы часу до четвертаго. Затѣмъ графъ бывалъ свободенъ для прогулки, обѣда и отдыха до восьми часовъ вечера, когда наступалъ разборъ вечерней почты, второй ежедневный докладъ генералъ-полиціймейстера и пріемъ другихъ лицъ. По вечерамъ же, начиная часовъ съ десяти, бывали засѣданія Учредительнаго комитета. Всегда оживленныя, они нерѣдко бывали очень шумными и затягивались до глубокой ночи. Вечеръ былъ выбранъ для подобныхъ засѣданій потому, что всѣ члены Учредительнаго комитета управляли различными отдѣльными частями и были очень заняты въ теченіе всего дня; по неволѣ приходилось урывать часть ночи. Такія ночныя засѣданія и по той же причинѣ были тогда вообще въ большомъ ходу въ Варшавѣ. Случалось, что засѣданія монастырской, напримѣръ, коммиссіи начинались

у князя Черкасскаго, по возвращеніи его изъ замка съ засѣданія Учредительнаго комитета.

Во время пребыванія въ Варшавѣ итальянской или французской труппъ, а также въ балетные дни, графъ Бергъ аккуратно посѣщалъ театръ, котораго былъ большой знатокъ и любитель. На польскихъ спектакляхъ онъ бывалъ рѣдко, потому что не зналъ польскаго языка.

Въ воскресные и праздничные дни порядокъ этотъ нарушался тѣмъ, что докладовъ было меньше, и намѣстникъ непремѣнно присутствовалъ при богослуженіи въ православной церкви, находившейся въ замкѣ. Къ обѣднѣ съѣзжалось довольно многочисленное общество; дамы прямо проходили въ церковь, а мужчины—преимущественно служащіе—собирались въ пріемной передъ кабинетомъ намѣстника и ожидали его выхода. Всегда любезный, одѣтый въ мундиръ финляндскихъ войскъ, который носилъ предпочтительнѣе передъ другими, появлялся намѣстникъ на порогѣ своего кабинета и, заперевъ за собою дверь на ключъ, привѣтливо обращался къ кому-либо изъ ожидавшихъ. Готовый вопросъ или любезное обращеніе находились у него для каждаго. Въ это же время онъ сообщалъ собравшимся о петербургскихъ или мѣстныхъ оффиціальныхъ новостяхъ, только-что имъ полученныхъ. Затѣмъ, съ сопровожденіи всѣхъ ожидавшихъ, графъ шелъ въ церковь, въ которой всегда былъ примѣромъ благоговѣйнаго стоянія. При выносѣ Св. Даровъ, онъ опускался на одно колѣно и низко преклонялъ голову. По окончаніи богослуженія, раскланявшись съ бывшими въ храмѣ, онъ выходилъ въ ближайшій залъ и любилъ разговаривать съ находившимися тамъ и выходившими туда изъ церкви дамами. Это замѣняло ему визиты, которыхъ онъ не любилъ, и дополняло еженедѣльные пріемы у графини, на которыхъ графъ появлялся весьма рѣдко.

Какъ видно изъ сказаннаго, графъ Бергъ значительную часть дня посвящалъ оффиціальной работѣ съ являвшимися къ нему начальниками отдѣльныхъ частей управленія. Но и остальное время онъ не проводилъ праздно, а отдавалъ цѣликомъ кабинетнымъ занятіямъ. Въ наиболѣе свободное время до обѣда и послѣ него до театра или вечерняго доклада, онъ выслушивалъ чтеніе записокъ,

вырѣзки изъ газетъ и занимался личною корреспонденціей. Писаніе писемъ было особою его маніей. Въ первые два года его намѣстничества едва-ли проходило два-три дня, чтобы онъ не писалъ письма къ Государю. Письма, за рѣдкими исключеніями въ пользу нѣмецкаго языка, всегда писалъ по-французски, отличнымъ стилемъ, крупнымъ почеркомъ, придерживаясь старинной орѳографіи. Письма къ Государю писалъ сперва на-черно, а потомъ собственноручно переписывалъ. Какъ съ черновыхъ, такъ и съ бѣловыхъ писемъ, для архива графа снимались копіи адъютантами или чиновникомъ дипломатической канцеляріи Шлёцеромъ, симпатичнымъ и скромнымъ человѣкомъ, пользовавшимся общимъ расположеніемъ.

Изъ лицъ оффиціальнаго міра онъ чаще другихъ переписывался съ княземъ Долгоруковымъ, графомъ Паниным ъ и министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго—Платоновым ъ. Нерѣдко писалъ онъ и къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, объ умѣ и дѣятельности которой всегда отзывался съ глубочайшею похвалою.

Въ письмахъ своихъ графъ Бергъ сообщалъ обо всемъ замѣчательномъ, начиная съ дѣлъ государственной важности, обсужденія различныхъ гражданскихъ или военныхъ вопросовъ и кончая фактами обыденной жизни, способными оживить серьезность переписки и дать свѣдѣнія о происходящемъ въ краѣ. Подпишетъ онъ важное представленіе, или доложишь ему о какомъ-нибудь выдающемся эпизодѣ, слышанномъ отъ только-что возвратившагося въ Варшаву участника той или другой военной экспедиціи, или о замѣчательномъ почему-либо показаніи въ слѣдственной коммиссіи какого-нибудь члена революціонной организаціи, графъ берется за перо и немедленно начинаетъ выводить на бумагѣ: «Sir» или «Mon Prince» и т. д. Разсказываютъ, что Государь не безъ улыбки отзывался о частыхъ посланіяхъ графа Берга, но не тяготился ими и постоянно отвѣчалъ обширнымъ письмомъ на нѣсколько писемъ графа. Письма Государя были за собственноручною его подписью и писались разными лицами. Получивъ такое письмо, графъ Бергъ немедленно телеграфировалъ о его полученіи и, разумѣется, тотчасъ же принимался за отвѣтъ.

Къ страсти письмописанія графъ Бергъ присоединялъ странную привычку не пропускать ни одного случая, чтобы отправить

письмо не по почтѣ, а по оказіи съ кѣмъ-либо изъ отъѣзжающихъ. Провожая кого-нибудь пріѣхавшаго къ нему откланяться передъ отъѣздомъ, онъ предварялъ его, что завтра или сегодня, съ казакомъ, пришлетъ письмо на имя N. N. «Письмо доставьте сами или просто бросьте на городскую почту». Иногда же, если письмо было важное, онъ просилъ: «передъ самымъ отъѣздомъ на желѣзную дорогу, я приготовлю письма». Опасался отъ перлюстраціи? Можетъ быть, хотя часто, по имени адресата, нельзя было допустить никакого секрета въ посылаемомъ къ нему письмѣ.

Всю свою личную переписку и множество копій съ важнѣйшихъ или интересовавшихъ его бумагъ графъ Бергъ тщательно сберегалъ и хранилъ въ своемъ архивѣ. Подобныя бумаги онъ откладывалъ въ небольшой шкафъ, стоявшій въ его спальнѣ, и по окончаніи мѣсяца собиралъ въ пачки, перевязывая ихъ тесемкой. Пачки переходили въ особые ящики, исключительно приготовленные для храненія собираемыхъ документовъ. Ящики были аршина полтора длиною, а вышиною и шириною такихъ размѣровъ, что въ нихъ связанныя пачки въ листъ большаго формата какъ-разъ укладывались ребромъ. Ящикъ, постепенно наполнявшійся бумагами, стоялъ въ спальнѣ въ ногахъ кровати; когда же онъ былъ полонъ, его переносили въ другую сосѣднюю комнату, подъ постоянный надзоръ камердинера. Если графу приходилось уѣзжать изъ Варшавы, то неполный ящикъ онъ почти всегда бралъ съ собою, а наполненные уже переносились въ квартиры адъютантовъ А. А. Куцинскаго и В. В. фонъ-Валя, смотря по тому, который изъ нихъ оставался на мѣстѣ. Когда число наполненныхъ ящиковъ достигало трехъ, ихъ обыкновенно, при вѣрной оказіи, отсылали въ деревню графа, гдѣ хранился весь его архивъ. «Это я для того дѣлаю, чтобы сохранить дѣла въ порядкѣ для будущаго времени; а то умру, сейчасъ налетятъ за бумагами, заберутъ ихъ и половину растеряютъ. Въ деревнѣ же все будетъ въ сохранности».

Обычный порядокъ былъ соблюденъ и въ послѣднюю поѣздку графа въ Петербургъ въ 1874 г. Одинъ ящикъ былъ съ графомъ, а два оставались въ квартирѣ А. А. Куцинскаго. Графъ Бергъ умеръ 6-го января 1874 г. Тотчасъ же варшавскій его кабинетъ былъ опечатанъ и, черезъ нѣсколько дней, особая коммиссія приступила

ко вскрытію столовъ и шкафовъ, въ которыхъ предполагали найти переписку, подлежавшую разбору. Въ главѣ коммиссіи находился начальникъ штаба Варшавскаго военнаго округа г.-л. А. Ѳ. Минквицъ (умеръ въ 1880-хъ годахъ членомъ военнаго совѣта), не знавшій о порядкѣ храненія графомъ бумагъ. Понятно его удивленіе, когда онъ не нашелъ въ кабинетѣ главнокомандующаго и намѣстника ни одной бумаги. По данному разрѣшенію, архивъ графа Берга оставленъ въ полной ненарушимости. Только нѣкоторыя письма представлены въ Петербургъ старшимъ наслѣдникомъ покойнаго. Когда состоялось погребеніе останкомъ графа Ѳ. Ѳ. въ родовой его усыпальницѣ, письма уже были полностію возвращены въ архивъ. Тамъ очевидцы (В. В. фонъ-Валь) убѣдились, что такой же способъ сохраненія своей переписки практиковался покойнымъ и за прежнее время. Вотъ съ какимъ уваженіемъ относился графъ Бергъ къ историческимъ документамъ, не употребляя ихъ для рекламы въ настоящемъ, а сберегая для будущаго. Современемъ, для историковъ царствованій Александра I, Николая I и Александра II, архивъ графа Ѳ. Ѳ. Берга сослужитъ хорошую службу, и они для полноты своихъ работъ не обойдутся безъ серьезнаго съ нимъ ознакомленія.

И такъ, съ ранняго утра до двухъ, трехъ часовъ ночи графъ Бергъ усиленно занимался мозговой работой. Когда же онъ отдыхалъ? По истинѣ могучій его организмъ, не расшатанный никакими излишествами въ молодости, не требовалъ продолжительнаго отдыха, а нуждался только въ небольшомъ себѣ пособіи, и это пособіе графъ Ѳ. Ѳ. осуществлялъ весьма своеобразно. Уже разсказано, какъ онъ льготно, въ полудремотѣ, слушалъ разныя несущественно важныя записки. Этой дремотой онъ отчасти возстановлялъ и сохранялъ свои силы. Для той же цѣли, какъ только выслушаетъ утомительный докладъ или окончитъ большое письмо, онъ уходилъ въ спальню и ложился «на пять минутъ». Черезъ пять минутъ, если даже и не приказывалъ разбудить себя, онъ вставалъ непремѣнно. Лечь въ постель, снявъ парикъ,—который клалъ въ фуражку, всегда лежавшую на ночномъ столикѣ у кровати—и надѣть на голову черную шелковую шапочку, было для графа Берга громаднымъ облегченіемъ. Послѣ своихъ «пяти минутъ» онъ являлся свѣжимъ, съ бле-

стящими глазами и почти вѣчною улыбкою. Эти «пять минутъ» повторялись по нѣскольку разъ въ день, и воспользоваться ими онъ считалъ возможнымъ даже и тогда, когда въ пріемной его ожидали не одинъ, а нѣсколько докладчиковъ. Всѣ знали, что болѣе пяти минутъ графъ не задержитъ.

Понятно, что, не знавшій устали, не любившій ничего откладывать въ долгій ящикъ и не дававшій себѣ покоя, графъ Бергъ мало заботился о спокойствіи состоявшихъ при немъ лицъ. Дежурный адъютантъ цѣлый день былъ занятъ, а за мной (я жилъ въ замкѣ) кромѣ обычныхъ часовъ, въ которые я являлся самъ въ кабинетъ намѣстника, онъ присылалъ по нѣскольку разъ въ день, не стѣсняясь часомъ. Отпустивъ иногда часу въ третьемъ утра, онъ уже въ седьмомъ часу посылалъ казака узнавать, не проснулся ли я. При отъѣздѣ моемъ въ 1865 г. на должность радомскаго губернатора графъ Бергъ, благодаря меня за службу при немъ, не преминулъ замѣтить, что онъ никогда не забудетъ, что всякій разъ, когда я бывалъ ему нуженъ, я оказывался дома и тотчасъ же являлся на его зовъ. Я дѣйствительно воздерживался куда-нибудь отлучиться и если выходилъ изъ замка, то одновременно съ графомъ; онъ ѣхалъ на свою обычную прогулку, а я спѣшилъ сдѣлать нужный визитъ.

Въ началѣ сказано, что къ кабинету прилегали бильярдная и спальня. Бильярдная была прекрасно устроена и выходила окнами на внутренній дворъ, а спальня, маленькая въ одно окно комната, выходила на Сигизмундову площадь. Налѣво у окна, въ ней стоялъ раскрытый ломберный столъ съ туалетными принадлежностями, а направо отъ входа, вдоль стѣны, размѣщались: шкафъ съ архивомъ, потомъ небольшой письменный столъ, а далѣе—за простенькими ширмами—кровать со столикомъ у изголовья и стуломъ въ ногахъ. Въ ногахъ же, около стѣны, стоялъ и ящикъ съ бумагами. За письменнымъ столомъ я обыкновенно составлялъ или разбиралъ секретныя депеши, причемъ графъ часто навѣдывался въ спальню, чтобы узнать, о чемъ получена телеграмма, или воспользоваться своими пятью минутами.

За этотъ столъ присаживался и самъ графъ Бергъ, когда хотѣлъ заняться чѣмъ-либо особенно секретнымъ. За нимъ онъ и оканчивалъ свой день. Переставъ работать, онъ ежедневно, сидя за этимъ

столомъ, читалъ евангеліе, а потомъ, опустившись на колѣна и наклонивъ голову на сложенныя руки, прочитывалъ «Отче нашъ».

Въ управленіе Царствомъ Польскимъ графъ Бергъ вступилъ уже въ преклонномъ возрастѣ. Въ 1863 г. ему было 70 лѣтъ, а умеръ онъ свыше чѣмъ восьмидесяти-лѣтнимъ старцемъ. Преклонные годы не сломили его желѣзнаго организма, и онъ имѣлъ видъ совершенно бодраго и здороваго физически человѣка. «Молодыхъ и старыхъ людей нѣтъ, любилъ онъ говорить, есть больные и здоровые—я здоровый». И дѣйствительно онъ поразительно хорошо сохранилъ свои силы. Высокій станъ его нисколько не потерялъ въ своей стройности; держался онъ прямо, походку сохранилъ твердую и легкую, на конѣ сидѣлъ прекрасно и до самыхъ послѣднихъ лѣтъ былъ неутомимымъ и ловкимъ наѣзникомъ.

Умственныя его способности, въ свою очередь, не пострадали: та же ясность и быстрота мысли; та же способность овладѣвать сущностью дѣла и образно излагать свои мысли въ рѣчи живой, краснорѣчивой и отнюдь не страдавшей многословіемъ. Тонкій и отчасти язвительный умъ такъ и свѣтился въ его быстрыхъ и выразительныхъ глазахъ, не утратившихъ съ годами своего блеска. Лицо его свидѣтельствовало о прежней красотѣ и дышало энергіей и силой воли, отличаясь высокимъ лбомъ, проницательными глазами и ртомъ, сложеннымъ въ постоянную улыбку, скорѣе насмѣшливую, чѣмъ приторно-слащавую. Концы небольшихъ нафабренныхъ усовъ всегда были закручены кверху, а голова прикрыта плоскимъ темно-русымъ парикомъ съ подвитыми волосами на лбу и на вискахъ, зачесанныхъ впередъ. Вся его фигура поражала бодростью, энергіей и необычайной поворотливостью, и не имѣя ничего подавляющаго, производила ласкающее впечатлѣніе. Онъ выглядѣлъ не олимпійцемъ, а любезнымъ и пріятнымъ человѣкомъ, съ мягкими и вкрадчивыми манерами, не допускавшими однако ни малѣйшей фамильярности. Какъ человѣкъ свѣтскій, постоянно вращавшійся въ дипломатическихъ и придворныхъ сферахъ, графъ Бергъ отличался необыкновенною любезностью и предупредительностью со всѣми лицами,

имѣвшими къ нему дѣло или знакомства съ которыми имѣлъ онъ самъ. Любезность эта, будучи добрымъ приступомъ къ дѣловому разговору, никогда не составляла цѣли сама по себѣ, и графъ не любилъ ни празднословія, ни болтуновъ, съ наслажденіемъ слушающихъ свои собственныя рѣчи.

Графъ Бергъ обладалъ, въ высшей степени, способностью, овладѣвъ предметомъ разговора, распознавать своего собесѣдника, проникать въ его мысли и заставлять его высказываться, а самъ, въ то же время, не раскрывалъ своихъ мыслей и ловко уклонялся отъ высказыванія своихъ взглядовъ и убѣжденій, которыя, будучи разъ высказаны, могли бы увлечь его къ тому или къ другому дѣйствію. Проникнуть въ мысли собесѣдника и укрыть отъ него свои собственныя было любимымъ стремленіемъ графа Берга. Чтобы не раскрывать своихъ мыслей, онъ прибѣгалъ или къ формѣ умолчанія или къ такимъ цвѣтистымъ и ловко составленнымъ фразамъ, которыя, говоря многое, ничего, въ сущности, не разоблачали и не связывали ему рукъ. Не высказываться до послѣдней возможности было ему присуще, и онъ всячески старался откладывать окончательное объясненіе и откладывалъ его иногда въ ту самую минуту, которую уже выбралъ было для этого и въ которую собралъ у себя нѣсколькихъ лицъ для объявленія имъ того или другаго рѣшенія или извѣстія. Даже отдавая приказаніе, графъ Бергъ уклонялся отъ точной формулировки своей мысли, желая, чтобы его поняли безъ словъ и сдѣлали то, о чемъ онъ думаетъ, но не желаетъ говорить. Отсюда проистекали обвиненія графа Берга въ хитрости и лукавствѣ съ одной стороны, а съ другой—въ уклоненіи отъ истины.

Конечно, графъ Ѳ. Ѳ. былъ человѣкомъ хитрымъ и не прочь былъ дѣйствовать согласно изреченію, что слово дано человѣку для того, чтобы лучше скрывать свои мысли. Но за то любилъ онъ и подобныхъ противниковъ и не жаловался, убѣждаясь, что нашла коса на камень. Люди, высказывавшіеся рѣшительно и категорично, нѣсколько его шокировали, и ему трудно было сладить съ ними своимъ излюбленнымъ способомъ дѣйствій; но онъ цѣнилъ такихъ людей, хотя быть можетъ и отказывалъ имъ въ тонкости мышленія и діалектики. Что же касается до обвиненій въ неправдивости, то это

положительно не вѣрно и скорѣе всего объясняется недоразумѣніемъ. На самыхъ высокихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, были, есть и будутъ люди неправдивые или по-просту лгуны. Они лгали и лгутъ по профессіи и зачастую безъ малѣйшей надобности и съ явнымъ для себя ущербомъ. Подобные типы крайне антипатичны, и графъ Бергъ не имѣлъ съ ними ничего общаго. Солгать и скрыть свою мысль отчасти или вполнѣ вовсе не одно и то же. Я слишкомъ два года, изъ дня въ день, работалъ съ графомъ Бергомъ; во многихъ случаяхъ имѣлъ возможность узнать образъ его дѣйствій во всѣхъ перипетіяхъ и подробностяхъ и никогда, рѣшительно никогда, не видѣлъ съ его стороны ни одного лживаго поступка, ни одной сознательно сказанной неправды. Да не любилъ онъ и лжецовъ и людей, готовыхъ на всякія сплетни и наговоры. Узнать человѣка, съ которымъ ему приходилось дѣйствовать, онъ всегда старался собственнымъ опытомъ и изученіемъ, и не съ чужаго слова, хотя и очень благопріятно принималъ добрыя свѣдѣнія о лицахъ, которыхъ успѣлъ оцѣнить лично. Въ составленіи мнѣнія о человѣкѣ онъ поступалъ крайне осторожно. Группировалъ факты, сравнивалъ ихъ и свои заключенія держалъ про себя, рѣдко выражая ихъ гласно. При свойственной ему скрытности можно даже было заключить, что онъ мало обращаетъ вниманія на то, что́ кругомъ его дѣлается, и не замѣчаетъ различныхъ характерныхъ чертъ, которыя на человѣка болѣе сообщительнаго и менѣе скрывавшаго свои мысли подѣйствовали бы весьма замѣтно.

Провожая меня на должность губернатора, онъ обратился ко мнѣ со многими самыми сердечными и душевными совѣтами. «Я увѣренъ,—говорилъ онъ между прочимъ,—что вы, несмотря на вашу молодость (мнѣ было 32 года), съумѣете быть сдержаннымъ и не скомпрометтируете ни себя, ни другихъ какими-либо неосторожными дѣйствіями. Посмотрите на меня, я никогда не берусь разомъ за множество дѣлъ, никогда не тормошу людей, не обижаю ихъ придирками, но стараюсь, чтобы вопросы назрѣвали и достигали естественнаго разрѣшенія, а люди сами высказывались. И замѣтьте, что, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такого выжиданія, всѣ новыя лица изъ моихъ окружающихъ уже сами размѣщаются по разнымъ ящикамъ и клѣткамъ, каждый идетъ на свое мѣсто, которое я ему ука-

зываю». И онъ дѣйствительно обладалъ искусствомъ каждаго поставить въ надлежащія рамки.

При одномъ случаѣ наблюдательность его выказалась въ полномъ свѣтѣ и съ большимъ юморомъ, составлявшимъ тоже довольно явную черту характера графа Ѳ. Ѳ. Зашла рѣчь о выборѣ кандидата на одну видную должность, которую немедленно слѣдовало передать русскому человѣку и притомъ изъ находящихся подъ рукою, такъ какъ въ противномъ случаѣ могла явиться изъ Петербурга личность вовсе не желательная, да и не соотвѣтственная для дѣла. «У меня нѣтъ кандидата на эту должность; здѣсь я не вижу никакого способнаго занять ее». Я указалъ на одного изъ обычныхъ его докладчиковъ, ожидающаго именно этого назначенія и имѣющаго на то право по старшинству своей службы. Графъ Бергъ, сидѣвшій тогда противъ меня, приподнимается съ своего кресла въ полроста, какъ разъ до высоты названнаго мною кандидата, дѣлаетъ самую умильную физіономію и, складывая почти у самаго подбородка руки, сладкимъ голосомъ говоритъ: «Ваше сіятельство, это такъ, ей-Богу такъ, какъ я докладываю; доказательствъ у меня нѣтъ, но ей же ей я не лгу. Онъ глупъ». Иллюзія была полная; передо мной стоялъ не намѣстникъ, а дѣйствительно скудоумный Е. П. Р..... съ его манерами, ужимками и голосомъ. Я расхохотался, и графъ сердечно мнѣ вторилъ. Такъ вотъ онъ оказался не только хорошимъ наблюдателемъ, но и превосходнымъ актеромъ, умѣющимъ вполнѣ выразить всѣ особенности представляемаго лица.

По самой своей природѣ и воспитанію онъ не могъ быть не только грубымъ, но и просто нелюбезнымъ. Онъ всѣхъ спокойно и привѣтливо выслушивалъ, рѣдко отказывалъ разсмотрѣть дѣло и сдѣлать все возможное, и бывалъ радъ, когда ему удавалось что-либо сдѣлать пріятное всякому, кто бы къ нему ни обращался. Онъ никогда не возвышалъ голоса, и если ему случалось выходить изъ себя, то очень рѣдко и въ тиши его кабинета, на какомъ-либо докладѣ, при одномъ или двухъ свидѣтеляхъ. Иногда, впрочемъ, увидя въ какомъ-либо проситель явное нахальство, онъ рѣшительно ему отказывалъ и благодушно принималъ на свой отпоръ рѣзкіе отвѣты, если они были остроумны.

Одинъ изъ маіоратистовъ, генералъ Д..ъ, человѣкъ желчный и

славившійся своими остротами, проживалъ въ 60-хъ годахъ въ своемъ маіоратѣ и велъ совершенно безполезную для общества жизнь, разоряя имѣніе, дѣлая долги и ведя безконечные процессы съ своими арендаторами. По большей части въ спорахъ онъ былъ неправъ, а потому немало рѣшеній какъ Радомскаго гражданскаго трибунала, такъ и высшихъ судебныхъ учрежденій въ Варшавѣ, было постановлено противъ него. Заявляя о себѣ самымъ несимпатичнымъ образомъ, онъ въ то же время считалъ себя достойнымъ всякихъ льготъ, пособій и ко всѣмъ властямъ обращался съ назойливыми просьбами. Частенько надоѣдалъ онъ и намѣстнику. То нужно ему денежное пособіе, то залогъ маіората въ банкѣ, на правахъ частнаго имѣнія, то различныя льготы по веденію судебныхъ дѣлъ. У Д..а была поддержка въ Петербургѣ; писали о немъ и оттуда. Надоѣлъ онъ графу Бергу страшно. И вотъ, когда Д..ъ снова обратился къ графу съ какой-то просьбой, удовлетвореніе которой могло быть допущено только намѣстникомъ въ «drodzie taski», т. е. путемъ милости, графъ, зная, что проситель былъ неправъ и добивался явнаго неправосудія, рѣзко отказалъ ему, сказавъ: «пока я живъ, вы этого не получите». — «Такъ я подожду», отвѣтилъ Д..ъ. Графъ Бергъ удивленно посмотрѣлъ на него, но тотчасъ же разсмѣялся и отпустилъ нахала съ миромъ.

Крайнее благодушіе графа Ѳ. Ѳ. во всей его полнотѣ выражалось въ сношеніяхъ съ лицами, непосредственно съ нимъ работавшими и лично при немъ состоявшими. Съ такими лицами онъ обращался сердечнымъ образомъ; входилъ въ подробности ихъ жизни и службы, помогалъ, чѣмъ могъ, но, самое главное, обращался съ ними съ необыкновенною деликатностью и ровностью. Въ какомъ бы расположеніи духа ни былъ, онъ всегда находилъ для нихъ привѣтливое слово, улыбку и дружеское пожатіе руки. Работы онъ требовалъ большой, часто непосильной, но точнымъ исполненіемъ служебнаго долга можно было пріобрѣсти полное его довѣріе и благосклонность. Къ невольнымъ ошибкамъ—неизбѣжнымъ при постоянномъ трудѣ и работѣ—онъ относился съ безконечной добротой, спѣша ихъ поправить, не ставилъ ихъ въ вину и никогда затѣмъ не вспоминалъ о нихъ. Въ этомъ отношеніи служба при немъ была очень пріятная.

III.

Нерасположеніе графа Берга къ рекламамъ и прессѣ.

Назначенный помощникомъ главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, графъ прибылъ въ Варшаву 24-го марта 1864 г. и поселился на Бѣлянской улицѣ, въ зданіи бывшаго Монетнаго двора (Mienniса), на квартирѣ своего предмѣстника, генерала барона Рамзая. Помѣщеніе не было особенно удобно и обширно, но, находясь въ бель-этажѣ, имѣло высокія комнаты и приличную меблировку. Главное достоинство дома заключалось въ томъ, что онъ стоялъ между дворомъ и садомъ, и въ немъ не было слышно городскаго шума. Въ нижнемъ этажѣ Мѣнницы жили какіе-то чиновники коммиссіи финансовъ по управленію домомъ, верхній же былъ предоставленъ подъ квартиры лицъ, состоявшихъ при графѣ.

Графъ Ѳ. Ѳ. не любилъ окружать себя ничего не дѣлающими людьми и никогда не набиралъ къ себѣ титулованной молодежи и маменькиныхъ сынковъ, хотя чрезъ это могъ бы сдѣлать пріятное многимъ изъ вліятельныхъ лицъ.

Въ Петербургѣ, при самомъ своемъ назначеніи, онъ испросилъ командированіе въ его распоряженіе — меня, съ должности правителя канцеляріи департамента генеральнаго штаба, и гвардейскаго генеральнаго штаба, капитана М. Н. Анненкова (нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи, извѣстный строитель Закавказской желѣзной дороги). По пріѣздѣ въ Варшаву, узнавъ отъ барона Рамзая, что два его адъютанта остаются безъ мѣста, онъ, не зная ихъ лично, тотчасъ же изъявилъ согласіе взять ихъ къ себѣ адъютантами, говоря, что не можетъ не обезпечить судьбу лицъ, хорошо служившихъ его предмѣстнику. Этими адъютантами оказались мѣстные уроженцы штабъ-ротмистры Вильгоцкій и Дзержбицкій. Вскорѣ къ нимъ присоединился уланскій поручикъ фонъ-Валь (нынѣ свиты Его Величества генералъ-маіоръ и с.-петербургскій градоначальникъ), сынъ одного изъ близкихъ знакомыхъ графа.

Такимъ образомъ maison militaire графа былъ не многочисленъ и, за исключеніемъ Дзержбицкаго, весь помѣщался въ Мѣнницѣ.

Получивъ приглашеніе разъ-навсегда къ обѣду, всѣ мы ежедневно, въ обычный часъ обѣда, собирались у графа и тѣмъ охотнѣе, что столъ былъ весьма хорошій, а хозяинъ относился къ намъ крайне любезно и привѣтливо. Съ перваго же обѣда начались оживленные разговоры, продолжавшіеся потомъ въ кабинетѣ, куда сходились сперва некурящіе—графъ Бергъ не курилъ,—а затѣмъ вскорѣ являлись и всѣ остальные. Въ эти свободные послѣ-обѣденные часы графъ любилъ говорить о видѣнномъ и пережитомъ. Бесѣды были чрезвычайно интересны, и мнѣ пришла мысль записывать ихъ. Записавъ обстоятельно нѣсколько разсказовъ, я какъ-то утромъ доложилъ графу о моей работѣ и просилъ позволенія прочитать ему записанное съ тѣмъ, чтобы дополнить или исправить, если онъ найдетъ что-нибудь несогласное съ его разсказомъ. Графъ охотно выслушалъ замѣтки, расхвалилъ мою работу, но категорически заявилъ, что разсказывалъ не для того, чтобы слова его были записаны, а потомъ и опубликованы. «Я не желаю ничего говорить о моей дѣятельности, чтобы не дать повода къ недоразумѣніямъ и несправедливымъ обвиненіямъ въ томъ, что заранѣе желалъ давать то или другое освѣщеніе моимъ поступкамъ. Я не скрываю ничего, что̀ дѣлаю, каждый вправѣ судить о мнѣ по личнымъ своимъ убѣжденіямъ».

Въ другой разъ, еще до отъѣзда великаго князя изъ Варшавы, я завелъ съ графомъ рѣчь о необходимости посылать въ столичныя газеты корреспонденціи съ вѣрнымъ описаніемъ всего, что̀ происходитъ въ Царствѣ Польскомъ. «Московскія Вѣдомости» громили тогда все, что̀ дѣлалось на Вислѣ, и въ рядѣ страстныхъ статей возбуждающе дѣйствовали на общественное мнѣніе. Въ петербургскихъ газетахъ, и особенно въ «Голосѣ», проявлялись тенденціи не только ослабить тревогу, поднимаемую Катковымъ, но и распространять вредныя для русскаго дѣла теоріи. При такихъ обстоятельствахъ появленіе въ какой-либо петербургской газетѣ правдивыхъ данныхъ о всемъ происходившемъ въ Варшавѣ, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, съ изложеніемъ только фактовъ, было бы, по мнѣнію моему, дѣломъ чрезвычайно важнымъ. Я говорилъ, что весьма легко начать печатаніе такихъ писемъ въ «Голосѣ», смышленый редакторъ котораго не откажется отъ подобныхъ сообще-

ній. Чтобы скорѣе подвинуть дѣло, я просилъ прочитать составленную мною обстоятельную записку о кражѣ милліоновъ изъ главнаго варшавскаго казначейства.

Графъ внимательно слушалъ меня, согласился, что предлагаемая мною мѣра можетъ быть очень полезною, но все-таки не принялъ ее. «До сего времени», говорилъ онъ, «я не прибѣгалъ къ помощи печати, не хочу и теперь нарушить моего правила». Впослѣдствіи, когда я началъ посылать въ «Голосъ» свои корреспонденціи, имѣвшія уже совершенно частный характеръ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ не былъ этимъ недоволенъ, но никогда по ихъ поводу не говорилъ со мною.

Не прибѣгая къ помощи прессы, онъ не обращалъ никакого вниманія на газетныя статьи, хотя бы онѣ прямо къ нему относились. Когда ему указывали на подобныя статьи, онъ просилъ прочитать ихъ ему вслухъ. Бранили его—онъ лукаво посмѣивался, говоря: «едва-ли господа хулители сдѣлали бы лучше, чѣмъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ удастся сдѣлать мнѣ». Хвалили—онъ выслушивалъ хладнокровно и нисколько тѣмъ не утѣшался. «Сегодня хвалятъ васъ, а завтра бросятъ камень и, пожалуй, тѣ же самые, что вчера хвалили. Не увлекайтесь лестью и похвалами, не падайте духомъ отъ порицаній, а дѣлайте то, что считаете полезнымъ для дѣла, у котораго поставлены». Эти правила я слышалъ отъ него многократно и убѣдился, что онъ слѣдовалъ имъ на дѣлѣ. Осенью 1863 г., когда, замѣстивъ великаго князя Константина Николаевича на должности намѣстника, онъ сталъ энергично принимать рѣшительныя мѣры къ укрощенію мятежа, начали поступать къ нему адресы, письма и телеграммы отъ университетовъ, предводителей дворянства, городскихъ головъ, различныхъ обществъ, клубовъ и частныхъ лицъ. Всѣ выражали ему сочувствіе, одобряли его дѣйствія и признавали ихъ великою заслугою передъ отечествомъ. Получивъ первую такую телеграмму, графъ поручилъ мнѣ немедленно составить «хорошій, вѣжливый отвѣтъ»; но когда я принесъ ему самую депешу съ копіею посланнаго отвѣта для храненія при его перепискѣ, онъ отказалъ принять ихъ. На вопросъ мой, почему онъ не желаетъ сохранять подобные документы, онъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по своимъ убѣжденіямъ,

не разсчитывая на похвалы и не боясь неодобреній. «Если собирать сочувственныя заявленія, то пришлось бы», говорилъ онъ, «для полноты картины, поступать такимъ же образомъ и съ порицаніями». Такъ графъ и не взялъ для своего архива ни одного такого сочувственнаго документа, т. е., письма, адреса или телеграммы, и всѣ ихъ оставилъ мнѣ. Наблюдалъ онъ только за однимъ: чтобы на каждое подобное къ нему обращеніе посылался вѣжливый отвѣтъ, и притомъ однородный съ полученнымъ, т. е., письменный на письмо и по телеграфу на телеграмму. Если припомнить, что графъ Бергъ самымъ тщательнымъ образомъ собиралъ и сохранялъ всю свою личную переписку, то станетъ яснымъ, что онъ дѣйствительно не былъ падокъ до восхваленій, а тѣмъ болѣе, до лести. Всѣхъ подобныхъ документовъ у меня сохранилось 32, за время съ 25-го октября 1863 г. по 15-ое февраля 1864 г.

Однажды я могъ уяснить себѣ причину, почему графъ Бергъ былъ столь предубѣжденъ противъ прессы вообще и съ удовольствіемъ читалъ лишь излюбленный свой «Кладерадачъ». Заговорили какъ-то о ежедневно приносимыхъ ему вырѣзкахъ изъ газетъ [1]). «Опротивѣли мнѣ эти вырѣзки ужасно», сказалъ графъ. «Сперва я составлялъ ихъ, по военнымъ дѣламъ, для князя Паскевича; потомъ въ департаментъ генеральнаго штаба—для Государя и, наконецъ, самъ ихъ получалъ въ Гельсингфорсѣ и получаю здѣсь. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ онѣ меня преслѣдуютъ. Обязательно прочитывая массу гадостей, распускаемыхъ заграничными газетами на счетъ Россіи, я извѣрился въ прессѣ и не вижу отъ нея добра. На каждомъ словѣ ложь и клевета, и притомъ сознательныя. Гг. газетчики—говорю о заграничныхъ—съ азартомъ печатаютъ всякую мерзость о Россіи—имъ это приноситъ доходъ. Изъ алчности къ деньгамъ готовы на все. Заплатите—и завтра будутъ хвалить васъ и порицать вашихъ противниковъ. Не вѣрю я

---

[1]) Составлялись въ дипломатической канцеляріи намѣстника. Различныя статьи изъ французскихъ и нѣмецкихъ газетъ вырѣзались цѣликомъ и наклеивались на листы тетрадей изъ чистой бумаги. Изъ англійскихъ журналовъ вырѣзокъ не дѣлалось, а помѣщались выдержки въ переводѣ, если полнаго перевода этихъ статей не было во французскихъ или нѣмецкихъ журналахъ.

имъ и не унижусь никогда предъ заправилами прессы. Наша пресса еще молода и только становится на ноги; да и мы не привыкли еще пользоваться ею. То-ли-дѣло «Кладерадачъ!» читаешь его и смѣешься одинаково надъ своими и чужими глупостями».

IV.

Графъ Бергъ и Николай Васильевичъ Бергъ, исторіографъ польскихъ возстаній.

Николай Васильевичъ Бергъ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, былъ чисто русскимъ человѣкомъ. Объ его нѣмецкомъ происхожденіи въ его семействѣ не сохранилось ни одного воспоминанія, ни одного клочка бумаги, какъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ. Онъ много писалъ стихами и прозой, и языкъ его произведеній отличался особою ясностью, простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ образностью. Читалъ онъ свои и чужія стихотворенія не вполнѣ удовлетворительно, растягивая и впадая въ пафосъ. Но говорилъ по-русски превосходно. Его положительно можно было заслушаться, когда онъ, въ дружеской бесѣдѣ, передавалъ тѣ или другіе эпизоды изъ своего скитальческаго прошлаго. Какъ гдѣ-нибудь зашевелятся политическія страсти, начнутся волненія—его уже тянетъ туда. Былъ онъ у Гарибальди, побывалъ въ Сиріи и Египтѣ, присмотрѣлся и къ польскимъ повстанцамъ во Львовѣ и Краковѣ.

Будучи отъ природы чрезвычайно любознательнымъ и подвижнымъ, онъ, въ бродячій періодъ своей жизни, пріобрѣлъ способность быстро сходиться съ людьми и осваиваться въ средахъ, до того ему совершенно чуждыхъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, въ немъ развивалось самомнѣніе и развязность, которая не переходила въ нахальство только благодаря общей мягкости его характера.

До 1863 г. я его не зналъ, и познакомился съ нимъ въ Варшавѣ, когда онъ, совлекши съ себя древняго человѣка и забывъ прошлое, сталъ осѣдать на хорошихъ хлѣбахъ и болѣе всего думалъ о матеріальномъ обезпеченіи и,—кто бы могъ допустить,—о

служебной карьерѣ [1]). Пріобрѣтенная имъ прежде развязность пошла въ дѣло и помогла его успѣхамъ, отнявъ однако у его личности много симпатичнаго.

Въ Варшаву онъ пріѣхалъ въ 1863 году и основался въ ней навсегда. Здѣсь онъ скоро сошелся съ русскимъ обществомъ. Его одинаково радушно принимали въ военныхъ и гражданскихъ кружкахъ, цѣня въ немъ мягкость характера, способности занимательнаго разсказчика и литературныя дарованія. Эта естественная близость ко всему русскому не помѣшала ему сперва сдѣлаться весьма популярнымъ въ польскомъ театральномъ мірѣ, гдѣ разныя балетнички и актерочки скоро плѣнили его слабое сердце, а потомъ втереться и въ польское общество, если не аристократическое, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ порядочное и интеллигентное. Слово «втереться» я употребилъ именно потому, что Н. В. особенно любилъ попасть всюду, куда было можно, мало заботясь о томъ, нужно ли это и даже прилично ли. Въ польское общество онъ попалъ черезъ извѣстную поэтессу Діотиму, дочь варшавскаго губернатора Лащинскаго. Онъ самъ отъявился къ ней въ качествѣ собрата по Парнасу, посвящалъ и подносилъ ей различные стишки. Въ этомъ кружкѣ потомъ очень ласкали знаменитую польскую актрису Модржеевскую. Не думаю, чтобы въ этомъ обществѣ Н. В. игралъ какую-нибудь роль, но онъ очень чванился своими связями съ польскимъ кружкомъ и любилъ объ этомъ говорить. Эту слабость мы, русскіе, прощали ему въ виду другихъ болѣе симпатичныхъ его качествъ и по поводу его экскурсій къ полякамъ не входили съ нимъ въ препирательства. Въ послѣдніе однако годы своей жизни онъ опомнился, но нерѣдко проповѣдовалъ весьма рогатыя мысли и значительно потерялъ въ глазахъ русскаго общества. Немало тому содѣйствовала и слабая его дѣятельность на поприщѣ журналистики.

Не помню, въ концѣ ли 1863 года, или началѣ 1864 г., графъ Бергъ сказалъ мнѣ, что литераторъ Бергъ сегодня читаетъ у него начало своихъ записокъ о польскихъ возстаніяхъ, а потому онъ,

[1]) Бывшій ректоръ Варшавскаго университета Н. М. Благовѣщенскій разсказывалъ мнѣ любопытныя подробности о попыткахъ Н. В. Берга попасть въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

графъ, приглашаетъ меня присутствовать какъ на сегодняшнемъ чтеніи, такъ и на всѣхъ послѣдующихъ. Тогда только я узналъ о работѣ Н. В., за постепеннымъ развитіемъ которой и слѣдилъ до іюля 1865 года, когда оставилъ Варшаву по случаю назначенія меня губернаторомъ Радомской губерніи. По давности времени, затрудняюсь теперь сказать, началъ ли я слушать статью Берга съ первой главы или съ какой-нибудь изъ послѣдующихъ. По всей вѣроятности, началъ съ первой.

Приготовляясь къ слушанію чтенія, я тотчасъ же, подъ рукою, собралъ свѣдѣнія о происхожденіи работы Берга и условіяхъ, при которыхъ она производится. Какъ и у кого собственно возникла мысль написать исторію польскихъ возстаній, мнѣ не могли объяснить, но передали, что работа состоитъ подъ особымъ покровительствомъ намѣстника, по распоряженію котораго, Н. В. Бергу выдаются, по его требованію, всѣ подходящіе къ дѣлу матеріалы, имѣвшіеся тогда въ обѣихъ канцеляріяхъ — «Собственной намѣстника» и «Особой по дѣламъ военнаго положенія». Самому автору записокъ дано было казенное помѣщеніе въ конфискованномъ зданіи Европейской гостинницы [1]) и, сверхъ того, производилось содержаніе по шестисотъ рублей въ мѣсяцъ изъ состоявшихъ въ распоряженіи намѣстника суммъ [2]).

Мои личныя отношенія съ Н. В. Бергомъ были очень хороши. Въ теченіе пятнадцатилѣтняго пребыванія моего въ Радомѣ, я весьма часто бывалъ въ Варшавѣ и, останавливаясь въ Европейской гостинницѣ, сейчасъ же сообщалъ о своемъ пріѣздѣ Н. В., и онъ немедленно являлся ко мнѣ. Если онъ самъ узнавалъ, что я пріѣхалъ, то и безъ зова тотчасъ же приходилъ поговорить. Въ

[1]) Приводимая вслѣдъ за симъ копія съ телеграммы, посланной въ Ливадію Государю Императору, объясняетъ причину занятія Европейской гостинницы. „23 сентября 1863 г. Нѣкто докторъ Германи, агентъ мятежниковъ, предложилъ намъ свои услуги, но, не видя отъ него пользы, я отпустилъ его въ Германію и прекратилъ всякія съ нимъ сношенія. Не будучи вызваннымъ нами, онъ вновь пріѣхалъ въ Варшаву съ прусскимъ паспортомъ, и заговорщики, опасаясь, чтобы онъ не выдалъ того, что знаетъ, убили его сегодня поутру въ Европейской гостинницѣ. Это большое зданіе, согласно объявленнымъ правиламъ, поступаетъ сегодня же въ военное вѣдомство для помѣщенія офицеровъ и чиновниковъ. Въ Варшавѣ спокойно. Графъ Бергъ“.

[2]) По словамъ В. В. фонъ-Валя, Бергъ получалъ не по 600, а по 300 р. въ мѣсяцъ.

большей части случаевъ, наши бесѣды раздѣлялъ нашъ общій пріятель С. С. Громека, бывшій тогда сѣдлецкимъ губернаторомъ. Бывалъ съ нами иногда и Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, нынѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа. Бесѣды были часты, продолжительны и интересны. Бергъ и Громека были превосходными разсказчиками и не давали упасть разговору. Цѣня увлекательные разсказы Н. В. Берга, мы нерѣдко просили его повторить то, что онъ уже прежде разсказывалъ. Такихъ повтореній заслужили, между прочимъ, его повѣствованія о похожденіяхъ въ Смирнѣ и Египтѣ. Я и теперь съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ нашихъ бесѣдахъ, на которыхъ, разумѣется, не все же вспоминалось старое, а обсуждалось многое и изъ тогдашней общественной жизни. Зная, что Н. В. получаетъ отъ намѣстника хорошее матеріальное вознагражденіе за свой трудъ, ни я, ни С. С. Громека не рѣшались задать ему прямой вопросъ о томъ, какъ началось это дѣло. Онъ тоже ничего не говорилъ объ этомъ. Не приходилось мнѣ ничего слышать и отъ самого намѣстника, а потому я и не могу привести по этому вопросу данныхъ, основанныхъ на первоисточникѣ.

Въ «Посмертныхъ запискахъ Н. В. Берга» (Русск. Ст. 1892 г. кн. 3) все это дѣло объясняется нѣсколько странно. Для уясненія обстоятельствъ, дѣлаю извлеченіе изъ «Посмертныхъ записокъ», а потомъ привожу нѣсколько объясненій, подтвержденныхъ фактами.

«Въ началѣ 1864 г. я услыхалъ отъ моихъ знакомыхъ, имѣвшихъ сношенія съ замкомъ, что намѣстникъ Бергъ желаетъ поручить мнѣ составленіе исторической записки о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ, съ предоставленіемъ мнѣ находящихся въ его распоряженіи матеріаловъ».

Я, говоритъ Бергъ, «былъ нѣсколько изумленъ, почему именно на меня палъ выборъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, приглашавшіе меня къ работѣ знали не все, мною написанное по исторической части, или предполагали, что я измѣню моимъ убѣжденіямъ, что когда будутъ предложены хорошія условія, а вдали будетъ показанъ маіоратъ...»

«Что до самаго намѣстника, онъ ровно ничего не зналъ о томъ, что мною написано и въ какомъ духѣ, т. е. не читалъ формально ни одной моей строки.

«Размышляя обо всемъ этомъ, я не спѣшилъ представиться намѣстнику, какъ его историкъ. Но замокъ продолжалъ налегать, я надѣлъ, наконецъ, фракъ, бѣлыя перчатки, бѣлый галстухъ и явился. Намѣстникъ встрѣтилъ меня нѣмецкою фразою, безъ сомнѣнія предполагая, что я нѣмецъ и рѣзну ему по-нѣмецки исправно. Но я отвѣчалъ по-русски. И съ тѣхъ поръ у насъ установился навсегда только одинъ русскій разговоръ.

«Я благодарилъ, конечно, за оказанную мнѣ честь и потомъ сказалъ, что считаю необходимымъ съѣздить въ Россію и переговорить тамъ съ моими друзьями о предложеніи, которое получилъ, что безъ друзей не могу рѣшиться на такой важный для меня шагъ.

— «Поѣзжайте, поѣзжайте, это ваше дѣло. Тутъ не можетъ быть никакихъ принужденій, ничего неискренняго!» проговорилъ графъ Бергъ.

Чтобы не удлинять разсказа приведеніемъ длинныхъ выписокъ, продолжаю показанія Николая Васильевича Берга своими словами, указывая въ скобкахъ на страницы 3-ей книги «Русской Старины» за 1892 г., гдѣ помѣщены указываемые мною факты.

Послѣ предварительнаго разговора съ намѣстникомъ, Н. В. отправился въ Петербургъ. Друзья его дали ему благословеніе обѣими руками, весьма резонно протестуя противъ его колебаній: «помилуй, дѣлается нѣчто небывалое: намѣстникъ, высшая власть Царства Польскаго, сообщаетъ тебѣ матеріалы тотчасъ послѣ совершившихся событій, а ты еще задумываешься и пятишься! Бери, хватай, садись и пиши!»

Началась работа. Н. В. отвели особую комнату въ замкѣ при квартирѣ М. Н. Анненкова, куда онъ приходилъ ежедневно съ 10 ч. утра и оставался до поздняго обѣда. При посредствѣ М. Н. Анненкова, ему предоставлены были всѣ матеріалы, не исключая и наиболѣе секретныхъ: донесенія тайной полиціи, дѣла начальниковъ городскихъ отдѣловъ при князѣ М. Д. Горчаковѣ (стр. 635); архивныя дѣла Варшавскаго военно-окружнаго штаба (стр. 643) и наконецъ даже дѣла X павильона Варшавской цитадели, гдѣ содержались важнѣйшіе политическіе преступники (стр. 644). Понадобилось ему провѣрить факты розысканіями на мѣстѣ — и ему дано

разрѣшеніе объѣхать все Царство Польское и въ управленіяхъ военныхъ отдѣловъ получить необходимыя свѣдѣнія (стр. 637); помогли ему съѣздить въ Краковъ (стр. 640) и доставили возможность работать въ виленскихъ архивахъ (стр. 646—648).

Написанныя части исторической записки читались, по мѣрѣ изготовленія, въ кабинетѣ намѣстника, при сонмѣ разныхъ генераловъ.

Намѣстникъ, выслушивая чтеніе записокъ, предоставлялъ автору полную самостоятельность «не желая стѣснять замѣчаніями, которыя могли быть принимаемы за приказанія» (стр. 649). Разъ однако намѣстникъ не выдержалъ и, говоря, что генерала Трепова слѣдовало выдвинуть впередъ, просилъ приписать въ одномъ мѣстѣ, что «жена его была православная и семейство большое». Авторъ исполнилъ, но добавилъ въ скобкахъ: «вставлено по замѣчанію намѣстника» (стр. 636). Слѣдовъ другихъ, болѣе крупныхъ насилованій взглядовъ автора въ «воспоминаніяхъ» не имѣется.

Начались чтенія, и вдругъ появились необычайныя обстоятельства. Въ числѣ присутствовавшихъ на чтеніяхъ генераловъ нашъ историкъ усмотрѣлъ нѣкоторыхъ враговъ—Трепова, Минквица, отчасти Тухолку, Фредерикса. «Они боялись, что литераторъ, человѣкъ чужой въ машинѣ управленія, будучи допущенъ ко всякимъ секретамъ, читая слѣдственныя дѣла, признанія повстанцевъ и разъѣзжая по военнымъ отдѣламъ съ открытымъ листомъ намѣстника, неизбѣжно придетъ къ уразумѣнію многихъ вещей, которыхъ не слѣдуетъ разумѣть литераторамъ, по крайней мѣрѣ, такъ скоро» (стр. 637). «Имъ хотѣлось, во что бы то ни стало, увидѣть сейчасъ же первую главу, черезъ недѣлю—вторую и т. д. Они боялись, что «нанятой ими авторъ» затянетъ, пожалуй, дѣло на многіе годы умышленно; будетъ, Богъ знаетъ за что, получать назначенное ему содержаніе... начнетъ и не окончитъ» (стр. 635). Сначала эти лица опасались прямо возстановлять графа Берга противъ писателя, «но нѣсколько позже, кто-то растолковалъ ему все это дѣло такимъ образомъ, что онъ также сталъ меня побаиваться и, можетъ статься, былъ бы радъ, еслибы меня вдругъ, какъ-нибудь, прилично, не стало въ Варшавѣ. Гнать со скандаломъ, безъ всякаго основанія, онъ не могъ, по своимъ прывычкамъ, особенно

послѣ открытыхъ листовъ и всякихъ другихъ нѣжностей» (стр. 638).

Замѣтивъ «нѣкоторое измѣненіе въ мысляхъ намѣстника и, можетъ быть, угадывая, что́ онъ думаетъ и что́ ищетъ», пріятели автора начали преслѣдовать его, какъ фаворита, не на животъ, а на смерть.

Узнавъ, что у Берга просроченъ паспортъ, ему черезъ циркуловаго начальника (квартальный) предложено было немедленно выѣхать изъ Варшавы [1]). Желая представить его въ глазахъ намѣстника не только неделикатнымъ и нескромнымъ хранителемъ ввѣряемыхъ ему секретовъ, но просто, — какъ онъ самъ выражается — измѣнникомъ, къ нему подослали прусскаго полицейскаго офицера съ предложеніемъ дать ему обработанную часть записки для перевода на нѣмецкій языкъ и изданія заграницей (стр. 639). За чтеніемъ книгъ его сочиненія подсылали къ нему извѣстнаго всей Варшавѣ полицейскаго агента Грабовскаго, но и онъ ушелъ съ пустыми руками (641). Всюду за нимъ приставлены были шпіоны и сыщики. Въ X павильонѣ Варшавской цитадели его вводили (и выводили) подъ конвоемъ двухъ жандармовъ съ саблями наголо, какъ преступника (стр. 644—646). Въ Европейской гостинницѣ, гдѣ онъ жилъ, за нимъ былъ учрежденъ самый бдительный и, попросту сказать, совершенно явный надзоръ. Чай и завтраки къ нему въ номеръ приносилъ переодѣтый полиціантъ. Полицейскій агентъ постоянно сидѣлъ около его дверей въ корридорѣ и слѣдилъ за всѣми къ нему приходящими. Болѣе способный соглядатай, съ мѣсяцъ времени, прожилъ въ номерѣ насупротивъ. Къ американскому замку, привѣшенному Н. В. Бергомъ снаружи двери, приказано было поддѣлать секретный ключъ. Потомъ замокъ этотъ былъ испорченъ кѣмъ-то силившимся отпереть его (стр. 642).

Для переписки записки, Бергу прислали писарей; между ними очутился одинъ молодой развязный жандармъ, даже въ жандармской формѣ, который въ припадкѣ откровенности разболталъ мнѣ,

---

[1]) Это курьезное обвиненіе подробно изложено на 638 стр. „воспоминаній“, причемъ объяснено, что намѣстникъ приказалъ черезъ меня выдать безсрочный паспортъ, немедленно и дошедшій до рукъ гонимаго Берга.

что ему извѣстны кое-какія подробности ухаживанія моего за одною актрисою (стр. 643).

Преслѣдовали его и внѣ Варшавы. Въ Цѣхоцинкѣ слѣдилъ за нимъ неотступно какой-то жидъ, котораго нашъ историкъ «весьма серьезно побилъ», чѣмъ пріобрѣлъ такую извѣстность и значеніе, что стойновые на улицахъ и въ паркѣ стали ему съ этого времени дѣлать подъ козырекъ. (стр. 641). Даже въ Вильно подпечатывали его телеграммы (стр. 649).

Не успѣвъ черезъ полицейскаго пруссака выманить у историка составленныя имъ записки, «интриганы не смутились этимъ» и когда Н. В. Бергъ въ февралѣ 1865 г. съ вѣдома намѣстника поѣхалъ въ Краковъ, интриганы написали туда, «что я (Бергъ) кажусь для русскаго правительства нѣсколько подозрительнымъ лицомъ, а потому нельзя ли меня, какъ только я покажусь въ Краковѣ, арестовать, придравшись къ какимъ-либо пустякамъ, и произвести подробную ревизію моимъ вещамъ» (стр. 640). Бергъ былъ арестованъ австрійскими властями; при обыскѣ ничего подозрительнаго не найдено.

Несмотря однако на всѣ невзгоды, Н. В. Бергъ окончилъ свои записки. Начало ихъ, до VIII-й главы включительно, было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. и обнимало событія до 1864 г. Графъ Бергъ, читаемъ въ «воспоминаніяхъ», дожидалъ съ нетерпѣніемъ оглашенія того мѣста записки, гдѣ изображалось прямо его царствованіе, и давалъ мнѣ знать разными путями, чаще всего черезъ адъютантовъ Валя и Гольдмана, что желательно было бы увидѣть въ печати продолженіе. «Когда же дальше, когда же дальше?» говорили мнѣ эти господа при встрѣчахъ и осыпали похвалами начало.

Несмотря на это, Н. В. Бергъ выдержалъ, и продолженіе его записокъ, начиная съ X-й главы, появилось уже послѣ смерти графа Берга въ «Русской Старинѣ» 1879 г., причемъ глава IX-я выпущена. Графъ Бергъ, повѣствуетъ авторъ (стр. 650) «былъ описанъ мною совершенно въ томъ же духѣ, какъ и его предмѣстники, съ тою же смѣлостью и откровенностью».

Полное изданіе записокъ вышло въ 1884 г. за границей; оно было напечатано въ Познани въ типографіи Крашевскаго.

Сдѣлавъ точную выдержку изъ посмертныхъ воспоминаній Н. В. Берга, я не могу оставить ихъ безъ возраженія тѣмъ болѣе, что въ показаніяхъ покойнаго литератора истинѣ отведенъ самый маленькій уголокъ, а все остальное относится если не къ вымыслу, то къ области какихъ-то галлюцинацій и явленій чисто патологическаго свойства.

Начну по порядку.

Николай Васильевичъ Бергъ пріѣзжаетъ въ Варшаву. Движимый любознательностью и тщеславіемъ, онъ старается попасть и попадаетъ во всѣ кружки русскаго общества, заводитъ знакомства направо и налѣво, всѣхъ занимаетъ разсказами о своихъ похожденіяхъ и умышленно, какъ будто бы въ видѣ какого-то и противъ чего-то протеста—не желаетъ представиться намѣстнику.

А тотъ его ждетъ не дождется. Ему, видите ли, не только хочется познакомиться съ пріѣзжимъ русскимъ литераторомъ, но онъ—не прочитавъ ни одной его печатной строки и не имѣя ни малѣйшаго понятія о его нравственномъ обликѣ и литературномъ талантѣ—заочно, по какому-то непонятному влеченію, хочетъ сдѣлать своимъ историкомъ, повѣствователемъ его «царствованія».

Замокъ требуетъ «историка». Тотъ нейдетъ. Замокъ налегаетъ, «историкъ» упорствуетъ. Наконецъ, вѣдь сердце не камень, Н. В. сдается, идетъ въ замокъ и ведетъ себя, при первой встрѣчѣ съ намѣстникомъ, чистымъ олимпійцемъ. Графъ Бергъ, думая, что давно жданный имъ гость нѣмецъ и «рѣзнетъ ему по-нѣмецки исправно», обратился къ нему съ нѣмецкою фразой. Н. В. со стойкостью достойною лучшей участи—отвѣчалъ ему по-русски, чѣмъ охранилъ свое достоинство и далъ урокъ намѣстнику-нѣмцу. Всѣ знавшіе нашего литератора помнятъ, что на всякую польскую фразу, на каждое обращенное къ нему польское слово онъ «рѣзалъ» по-польски. Если онъ не «рѣзнулъ» по-нѣмецки графѣ Бергу, то всего вѣроподобнѣе потому, что не могъ поддерживать нѣмецкій разговоръ съ такимъ лицомъ, какъ намѣстникъ.

Н. В. Бергъ былъ человѣкомъ мягкимъ, гуманнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слабохарактернымъ. Полиберальничать онъ любилъ, но втихомолку, показывая, какъ говорится, кукишъ изъ кармана. Вообще

же властямъ предержащимъ онъ былъ покоренъ, очень покоренъ, «улеглый» какъ говорятъ поляки. Бравировать намѣстниковъ у него не было поводовъ, напротивъ пріѣхавъ въ Варшаву для наблюденій, въ качествѣ публициста, онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ русскихъ нуждался въ содѣйствіи мѣстной власти, въ ея къ нему любезности. Конецъ 1863 года былъ именно порою самаго высшаго развитія извѣстности графа Берга, все мѣстное русское общество восторженно принимало его мѣры къ обузданію поляковъ; изъ внутреннихъ губерній Россіи, со всѣхъ концовъ, изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ общества приходили сочувственные адресы. Какъ ни былъ высокъ патріотизмъ Н. В. Берга, но въ то именно время ничто въ дѣйствіяхъ намѣстника не могло оскорбить его русскаго чувства и заставить его уклоняться отъ представленія главному мѣстному дѣятелю. Вѣдь нельзя же предположить, что онъ не сочувствовалъ графу Бергу изъ-за своего полякофильства? Поэтому я положительно отвергаю разсказъ Н. В. и полагаю, что— самъ Н. В. хотѣлъ быть представленнымъ намѣстнику и былъ представленъ.

Засимъ, зная умъ, осторожность и даже хитрость графа Берга, возможно ли допустить, чтобы онъ впалъ въ какую-то rage и сталъ требовать: «давайте мнѣ Н. В. Берга, я его никогда не видѣлъ, никакихъ его сочиненій не читалъ, но хочу сдѣлать его своимъ исторіографомъ». Вообще всѣ засылы изъ замка сильно напоминаютъ 35 тысячъ курьеровъ Хлестакова. По всей вѣроятности, ничего подобнаго не было и услуги были предложены съ другой стороны, графъ же только согласился ознакомить Н. В. Берга со всѣми документами и дать ему возможность для будущаго, а отнюдь не для современной рекламы, составить подробныя записки о бывшихъ польскихъ возстаніяхъ. Какъ увидимъ ниже, онъ и не хотѣлъ печатать эти записки и если уступилъ напору автора, то все-таки не дозволилъ печатать ту половину записокъ, которая касалась его дѣятельности.

Самое свиданіе съ намѣстникомъ, начавшееся неделикатностью «историка», не записано подробно, но тѣмъ не менѣе изъ того, что сказано, можно вывести заключеніе несуразное и говорящее совсѣмъ уже не въ пользу автора. Графъ Бергъ, забывъ на этотъ разъ

свои дипломатическія тонкости, такъ таки прямо, безъ всякихъ приготовленій, предложилъ ему писать его исторію за хорошее вознагражденіе. Н. В. не обидѣлся предложеніемъ работы за деньги и, какъ кажется, именно этимъ денежнымъ вопросомъ и задался. Предложенное содержаніе было солидно, впереди могъ наскочить и маіоратъ. Да, это живо представилось «историку», но вмѣстѣ съ тѣмъ пришло ему на мысль: а что скажутъ объ этомъ наймѣ въ литературномъ кругу? Съ быстротою, дѣлающею честь исключительно соображенію Н. В., онъ предрѣшилъ дѣло, заявивъ графу, что прежде чѣмъ дать окончательный отвѣтъ, ему надо съѣздить въ Россію и переговорить съ друзьями. Если бы графъ Бергъ дѣйствительно хотѣлъ нанять себѣ историка, то, выслушавъ такой отвѣтъ, съ полнымъ правомъ могъ бы сказать: «клюнулъ».

— «Поѣзжайте, поѣзжайте, это ваше дѣло. Тутъ не можетъ быть никакихъ принужденій, ничего не искренняго», проговорилъ намѣстникъ.

Друзья—большое имъ за это спасибо—объяснили, что нечего задумываться и пятиться, когда представляется такой безпримѣрный случай. Бергъ, возвратясь изъ Петербурга, началъ свои занятія, плодомъ которыхъ и было его сочиненіе. Не имѣя достоинствъ глубокаго историческаго труда и нѣсколько смахивая на фельетонъ, работа Н. В. Берга, во всякомъ случаѣ, весьма интересна и въ своемъ родѣ единственная, будучи написана немедленно послѣ описываемыхъ событій, по подлиннымъ матеріаламъ и показаніямъ очевидцевъ. Заслуга его несомнѣнна, но еще выше заслуга графа Берга, обѣщавшаго свою помощь и дѣйствительно открывшаго частному лицу всѣ матеріалы и способы изученія ихъ не въ одной Варшавѣ, а во всемъ Царствѣ Польскомъ, Вильно и Краковѣ. Разрѣшая работу, онъ ничѣмъ не стѣснялъ писателя и настоялъ только на одномъ—чтобы все написанное о немъ (графѣ Бергѣ) было напечатано не при его жизни, а послѣ смерти,—условіе, дававшее писателю полную возможность свободно высказать свой взглядъ, чѣмъ Н. В. Бергъ по-своему и воспользовался.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности все произошло иначе, причемъ выборъ Н. В. Берга и порученіе ему написать историческую

записку объясняется вполнѣ естественнымъ образомъ. Мало того, самая мысль о написаніи записки принадлежитъ не намѣстнику, а новымъ дѣятелямъ, призваннымъ къ производству органическихъ работъ въ Царствѣ Польскомъ. Фактическія указанія на это заключаются въ 1-мъ томѣ «Изслѣдованій статсъ-секретаря Милютина въ Царствѣ Польскомъ», напечатанныхъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ въ 1864 и 1865 г.г.

Въ сентябрѣ 1863 г. Н. А. Милютинъ получилъ повелѣніе ознакомиться съ дѣлами Царства Польскаго и, изучивъ на мѣстѣ положеніе тамошняго гражданскаго управленія, составить ближайшія соображенія какъ о мѣрахъ къ успокоенію края, такъ и о дальнѣйшемъ его устройствѣ. 12-го октября, съ небольшою коммиссіей, онъ пріѣхалъ въ Варшаву и дѣятельно принялся за дѣло, которое сильно тормазилось незнакомствомъ Н. А. Милютина и его сотрудниковъ съ польскимъ бытомъ, языкомъ и даже съ организаціей разныхъ вѣтвей мѣстнаго управленія. Еще менѣе было извѣстно имъ устройство революціонной организаціи, охватившей край сплошною сѣтью. Приходилось изучать современное положеніе и двѣ его организаціи—правительственную и революціонную. Со стороны намѣстника петербургская коммиссія встрѣтила «радушный пріемъ, полное содѣйствіе въ предстоявшихъ трудахъ...» «и возможность объѣхать нѣкоторыя мѣста внутри края, для нагляднаго изученія хозяйственнаго быта и нравственнаго настроенія польскихъ крестьянъ». По излюбленнымъ пріемамъ работы Н. А. Милютина, начались совѣщанія, засѣданія, комитеты, собраніе матеріаловъ, составленіе проектовъ и объяснительныхъ записокъ. На самыхъ первыхъ порахъ выяснено было, что время, необходимое для соображенія и утвержденія различныхъ реформъ, не слѣдуетъ потерять даромъ, а необходимо употребить на окончательное истребленіе вооруженныхъ шаекъ, раскрытіе и уничтоженіе мятежнической организаціи и созданіе въ краѣ сильной власти, которая была бы непосредственнымъ и вѣрнымъ орудіемъ высшаго правительства.

Составленіе проектовъ реформъ вообще Н. А. Милютинъ взялъ на себя, а учрежденія сильной мѣстной власти рѣшено достигнуть при помощи непосредственно подчиненнаго намѣстнику

«Временнаго военно-полицейскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ». На это управленіе и легла, между прочимъ, обязанность изучить революціонную организацію. Въ запискѣ, озаглавленной «Предположенія о временномъ военно-полицейскомъ управленіи» (1-й томъ «Изслѣдованій»), говоря о революціонной организаціи, статсъ-секретарь Милютинъ (въ ноябрѣ 1863 г.) пишетъ: «Заносчивыя похвальбы самихъ поляковъ, а еще болѣе перехваченныя въ послѣднее время бумаги бросаютъ яркій свѣтъ на этотъ обширный заговоръ, какой едва-ли существовалъ гдѣ-либо въ столь огромныхъ размѣрахъ». Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ строкамъ сказано: «подробности по сему предмету извлекаются въ настоящее время изъ слѣдственныхъ дѣлъ и другихъ матеріаловъ и излагаются въ особой запискѣ».

Вотъ эта-то записка «изъ слѣдственныхъ дѣлъ и другихъ матеріаловъ» и начала составляться, подъ наблюденіемъ и руководствомъ М. Н. Анненкова, предназначавшагося тогда на должность помощника генералъ-полиціймейстера, которую онъ потомъ и занялъ. Къ этой-то именно работѣ и былъ привлеченъ Н. В. Бергъ. Такимъ образомъ, устанавливается несомнѣнно, что составленіе исторической записки о польскихъ мятежахъ отнюдь не было измышлено графомъ Бергомъ и начато не для прославленія его дѣйствій и не изъ личныхъ его интересовъ, а вслѣдствіе потребностей административныхъ, указанныхъ петербургскою коммиссіей.

Послѣ этого совершенно ясно и приглашеніе Н. В. Берга. Въ то время въ Варшавѣ онъ былъ единственнымъ русскимъ литераторомъ и притомъ не дюжиннымъ какимъ-нибудь, а пользовавшимся вполнѣ заслуженною извѣстностью. О способностяхъ его къ составленію записки могли заявить и знавшіе его по Москвѣ, князь Черкасскій и Ю. Ѳ. Самаринъ, пріѣхавшіе въ Варшаву вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ. Разумѣется, что графъ Бергъ, любившій, чтобы всѣ подаваемыя ему оффиціальныя работы были написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ, не могъ не дать немедленнаго согласія на привлеченіе Н. В. Берга къ дѣлу и на назначеніе ему соотвѣтственнаго вознагражденія за работу, не подлежавшую печатанію въ пользу автора. Для этого графу Бергу не было надобности читать что-либо написанное Николаемъ Васильевичемъ прежде,

довольно было заявленія о немъ, какъ о литераторѣ. Становится понятнымъ, почему намѣстникъ встрѣтилъ его прямо предложеніемъ заняться запиской за извѣстную плату и на заявленіе его, прежде окончательнаго отвѣта, съѣздить въ Москву переговорить съ пріятелями, отвѣчалъ: «поѣзжайте, поѣзжайте, это ваше дѣло. Тутъ не можетъ быть никакихъ принужденій, ничего неискренняго». Кто будетъ писать записку, для графа Берга было совершенно безразлично; откажись Н. В., пригласили бы другаго, и дѣло, признанное нужнымъ, безъ сомнѣнія было бы сдѣлано, можетъ быть, и не столь талантливо. По правдѣ сказать, трудно себѣ представить, чтобы Н. В. Бергъ не зналъ досконально о той скромной роли, какую ему предназначали. Только неимовѣрнымъ его тщеславіемъ и можетъ быть объяснено ходульное описаніе всего этого эпизода «избранія его въ историки».

Обращаясь къ разсказу Берга о всѣхъ преслѣдованіяхъ, коимъ онъ подвергался во время своей работы, просто диву даешься. Всѣ желанія и заявленія его исполнялись, всѣ матеріалы ему давали, всюду допускали, а онъ во всѣхъ видитъ враговъ, всюду подозрѣваетъ интригу и не простую житейскую, а самую безсовѣстную и преступную, которая при малѣйшей съ его стороны провинности или прорухѣ, привела бы его чуть ли не туда, куда и Макаръ телятъ не гоняетъ. Будь всѣ эти преслѣдованія правдой, то нельзя не сказать, что онъ много перенесъ. Я лично не вѣрю въ существованіе этихъ преслѣдованій и, какъ ни думаю о нихъ, разбирая дѣло со всѣхъ сторонъ, прихожу къ двумъ выводамъ: или Н. В. Бергъ просто прихвастнулъ, что̀ не противорѣчило его характеру, и описалъ притѣсненія для вящаго самовосхваленія—на-те молъ, смотрите, какъ я все провидѣлъ, предупреждалъ и парировалъ или—онъ страдалъ маніей величія и преслѣдованія и былъ субъектомъ ненормальнымъ, больнымъ. Въ какомъ предположеніи болѣе правды—не знаю и разобраться не могу.

Стоитъ только прикоснуться къ его страхамъ, чтобы они разсѣялись какъ дымъ и оказались напрасными. По его словамъ, враги его, боясь, чтобы онъ не проникъ въ какую-то суть дѣла, не выдалъ извѣстныхъ ему секретовъ и тайнъ, хотѣли удалить его изъ Варшавы и края и для этого, окруживъ его шпіонами, всячески его

подводили, стремились уличить въ нескромности и измѣнѣ. Н. В. Бергъ не стыдится сказать, что и самъ намѣстникъ «сталъ его побаиваться (стр. 638) и можетъ статься, былъ бы радъ, если бы меня вдругъ, какъ-нибудь, прилично, не стало въ Варшавѣ». Будь это на самомъ дѣлѣ, то графу Бергу стоило бы только прекратить выдачу матеріаловъ, и все бы кончилось само собою. Къ чему тутъ мерзости и шпіоны? Болѣе чѣмъ кто-либо другой, графъ Бергъ не любилъ подобныхъ людей. Большинство его пререканій съ генераломъ Треповымъ происходило именно изъ-за этихъ темныхъ личностей. «Откуда вы это знаете?» спрашивалъ графъ генерала Трепова по поводу того или другаго его доклада. — «Это мнѣ сообщили мои органы» (такъ онъ произносилъ слово органы). — Какіе тамъ у васъ органы, все . . . . . Можетъ быть, со стороны высшаго административнаго лица и при тогдашнихъ обстоятельствахъ, такъ выразиться было не вполнѣ тактично, но такъ было, и я не разъ присутствовалъ при обмѣнѣ подобныхъ фразъ.

Въ подтвержденіе этихъ словъ приводимъ выдержки изъ замѣчательнаго письма графа Берга къ шефу жандармовъ отъ 17 декабря 1863 г. Письмо это было навѣтомъ на записку князя Долгорукова, съ приложеніемъ двухъ анонимныхъ сообщеній.

«Pour ce qui me concerne personellement, je ne me fâche jamais en pareille occasion. Dans mon coeur je plains le calomniateur de sa mauvaise action et ceux, qui l'écoutent de leur crédulité. Ma bonne conscience me place bien au dessus de telles misères. Mais il en est bien différement avec mes subordonnés. Ils prennent ces choses là au sérieux même au dramatique! Ils demandent d'abord à quitter le service d'une patrie ingrate! etc. etc. etc. Je dois ménager leur honneur et leur juste susceptibilité. Loin de les décourager par de semblables communications il est de mon devoir de les encourager à bien servir».

«Placé au milieu de milles passions qui s'entrechoquent, je ne fais jamais mention des tribulations que j'endure et que je subis avec une stoïque patience! Je les renferme dans mon coeur pour ne pas ennuyer les personnes auxquelles j'ai le bonheur et l'honneur d'adresser ma correspondance.

«J'exige de vous, mon cher prince, et de tous ceux avec lesquels

je sert mes souverains et ma patrie depuis plus d'un demi siècle une certaine confiance. C'est la base de toute attitude solide» [1]).

Такимъ образомъ обвиненіе графа Берга въ какихъ-то подвохахъ и недостоиныхъ дѣйствіяхъ черезъ шпіоновъ слѣдуетъ отвергнуть съ негодованіемъ. Онъ многіе годы подъ рядъ довѣрялъ Н. В. Бергу разборъ секретныхъ дѣлъ и не только вѣрилъ ему, но и осыпалъ милостями, свидѣтельствовавшими о неизмѣнномъ его благорасположеніи къ своему однофамильцу.

Можетъ быть, окружающіе намѣстника—помимо его воли, по собственнымъ побужденіямъ прибѣгали къ этимъ мѣрамъ? Но чего же они могли достигнуть? Возьмемъ самый выдающійся и безобразный случай арестованія Берга въ Краковѣ, въ февралѣ 1864 г. Н. В. утверждаетъ, что арестъ этотъ былъ произведенъ австрійскою полиціею, по просьбѣ изъ Варшавы съ цѣлью сдѣлать ревизію его вещамъ и открыть въ нихъ тайны, которыя онъ, вывезя за границу, могъ кому-то сообщить. Посмотримъ, что̀ могло быть въ его чемоданахъ въ описываемое время.

Въ управленіе Царствомъ Польскимъ графъ Бергъ вступилъ 27 августа 1863 г. Весь сентябрь мѣсяцъ былъ наполненъ убійствами, поджогами и другими проявленіями мятежническаго террора. Можно смѣло положить, что въ этомъ мѣсяцѣ графомъ Бергомъ не могла овладѣть мысль о написаніи его исторіи. Положимъ, что октябрь мѣсяцъ прошелъ въ требованіяхъ намѣстника о пред-

---

[1]) „Что касается лично меня, то я никогда не сержусь въ подобныхъ случаяхъ. Въ глубинѣ моей души я жалѣю: клеветника—за его дурной поступокъ и тѣхъ, которые его слушаютъ—за ихъ довѣрчивость. Мое убѣжденіе ставитъ меня выше подобныхъ мелочей. Но совершенно иначе бываетъ съ моими подчиненными. Они принимаютъ подобныя вещи серьезно и даже драматически. Они хотятъ бросить службу неблагодарному отечеству и проч. и проч. Я обязанъ щадить ихъ честь и ихъ справедливую щепетильность. Не обезкураживая ихъ подобными сообщеніями, я долженъ поощрять ихъ къ честной службѣ.

„Поставленный среди тысячи страстей, которыя сталкиваются между собою, я никогда не заявляю объ испытываемыхъ мною треволненіяхъ и переношу ихъ съ стоическимъ терпѣніемъ. Я таю ихъ въ моемъ сердцѣ, чтобы не наводить скуку на лицъ, съ которыми имѣю счастіе и честь быть въ перепискѣ.

„Я требую, любезный князь, отъ васъ и всѣхъ тѣхъ, съ которыми болѣе полвѣка служу моимъ государямъ и отечеству—должнаго довѣрія. Это основаніе всякаго солиднаго положенія“.

ставленіи ему Николая Васильевича, въ колебаніяхъ послѣдняго и поѣздкѣ его въ Москву. Не ранѣе, стало быть, ноября начались работы Н. В. по чтенію архивныхъ документовъ. Ему приносили (стр. 635) дѣла безъ всякаго порядка, и я,—говоритъ онъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», — «никакъ не могъ сейчасъ же оріентироваться въ дѣлѣ, очень мало мнѣ, да и всѣмъ намъ, со стороны мелкихъ подробностей, извѣстномъ». Тѣмъ не менѣе, чтобы показать, что работа начата, онъ написалъ нѣсколько разсказовъ, «не думая, что это такое: начало, конецъ, середина или просто ничего, что нужно послѣ бросить». Съ ноября 1863 до февраля 1864 г. прошло всего три мѣсяца и, разумѣется, у Берга, получавшаго только старыя дѣла, не могло накопиться ничего важнаго и секретнаго. По работѣ Берга и по роду сообщаемыхъ ему матеріаловъ—о чемъ враги его не могли не знать досконально—было ясно, что онъ не могъ ѣхать заграницу съ богатымъ багажемъ «опасныхъ свѣдѣній». Что же они хотѣли отыскать у него при такомъ смѣломъ шагѣ, какъ арестъ въ Краковѣ? Очевидно, что никакой западни въ Краковѣ ему не устраивали, и арестъ его былъ чистою случайностью, а не дѣломъ варшавскихъ властей и тѣмъ болѣе графа Берга. За доказаніемъ, что главный подвохъ враговъ Берга вовсе не существовалъ или существовалъ лишь въ его воображеніи, о прочихъ притѣсненіяхъ и говорить не стоитъ,—настолько они мелки и просто комичны. Напримѣръ, можно ли было выводить что-нибудь изъ словъ развязнаго жандарма, заявившаго Бергу, что ему извѣстны кое-какія подробности ухаживанія за оперной актрисой. А Н. В. выводилъ и представлялъ себѣ, что за нимъ слѣдятъ даже до алькова актрисы. Ну, а порядокъ входа его и выхода изъ Х-го павильона? По правиламъ жандармскаго караула, его вводили туда и выводили въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Это дѣлали со всѣми, Николаю же Васильевичу мерещилось, что подобная «штука» продѣлывалась лишь съ нимъ однимъ, что у него всячески хотѣли отбить охоту къ занятіямъ. На дѣлѣ никто имъ не занимался, никто его не боялся, и къ разрѣшенной ему намѣстникомъ работѣ всѣ были совершенно равнодушны. Описанные имъ страхи были плодомъ его воображенія или болѣзни.

Сдѣлавъ возраженія на неправильныя сужденія Н. В. Берга,

высказанныя имъ въ «Посмертныхъ запискахъ», обращаюсь къ изложенію извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ писанія имъ его историческаго труда.

Въ мѣсяцъ Николай Васильевичъ писалъ не болѣе одной главы, которую по окончаніи и читалъ графу Бергу. Чтенія происходили въ кабинетѣ намѣстника за извѣстнымъ намъ ломбернымъ столомъ. Кромѣ намѣстника, постоянными слушателями (говорю о времени до половины іюля 1865 г.) были всегда одни и тѣ же лица, а именно: тогдашній директоръ канцеляріи намѣстника, Гавріилъ Ивановичъ Честилинъ, нынѣ (1892 г.) сенаторъ; помощникъ начальника окружнаго штаба, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Дмитрій Ивановичъ Черницкій (умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ), я и Михаилъ Николаевичъ Анненковъ. Черницкій и Честилинъ были старожилами Варшавы, хорошо знали всѣ обстоятельства и событія прошлаго и по служебному своему положенію распоряжались массою оффиціальныхъ документовъ. Я и Анненковъ находились въ Варшавѣ всего съ весны 1863 г., но также знали очень многое изъ того, что дѣлалось тогда въ краѣ, такъ какъ мы оба занимались въ учрежденномъ съ 1-го января 1864 г. Управленіи генералъ-полиціймейстера. Я управлялъ въ немъ департаментомъ, а Анненковъ былъ помощникомъ генералъ-полиціймейстера (Трепова).

Чтенія Н. В. Берга нерѣдко прерывались кѣмъ-либо изъ слушателей. Дѣлалось разъясненіе того или другаго факта, указывалось на неизвѣстный автору случай или сочиненіе и т. п. Почти каждый разъ и графъ Бергъ участвовалъ въ этихъ обсужденіяхъ. Онъ или высказывалъ соображенія, по которымъ была принята та или другая мѣра, или разъяснялъ, къ чему повели тѣ или другія событія, и весьма часто сопоставлялъ между собою такія обстоятельства, которыя безъ подобнаго сближенія были не вполнѣ понятны. Вообще, характеръ бесѣдъ, сопровождавшихъ чтенія, заключался въ томъ, чтобы дать автору случай познакомиться со всѣми, по возможности, оффиціальными матеріалами и массою печатныхъ книгъ, брошюръ и статей, появлявшихся за границей; взглянуть на дѣло не съ одной, а со многихъ сторонъ, и освободить будущее сочиненіе отъ фактическихъ ошибокъ и недоразумѣній,

столь возможныхъ для человѣка, описывающаго событія, очевидцемъ коихъ онъ не былъ. Что касается до выводовъ, то въ этомъ отношеніи авторъ ничѣмъ стѣсняемъ не былъ, и ему было поставлено въ обязанность только одно условіе—не вдаваться въ личности, а писать такъ, какъ выходило по его мнѣнію изъ изученія матеріаловъ.

Н. В. читалъ медленно, напыщенно и монотонно, что̀, вмѣстѣ съ замѣчаніями слушателей, затягивало чтенія часа на полтора и болѣе. Тѣмъ не менѣе усталости никто не чувствовалъ, а самъ авторъ приходилъ обыкновенно въ возбужденное состояніе. «Что-за удивительный умъ у графа! восклицалъ почти всякій разъ Н. В., выходя изъ кабинета намѣстника. Какая память и способность освѣтить фактъ и выяснить суть дѣла! По истинѣ эти чтенія замѣняютъ для меня университетъ, и я выхожу отъ графа Берга точно съ лекціи профессора». Если значеніе словъ Н. В. Берга, какъ всякаго поэта, и слѣдовало всегда уменьшать на нѣсколько процентовъ, но во всякомъ случаѣ мы, слышавшіе подобныя заявленія, не могли заподозрить ихъ въ концѣ и полагали, что онъ въ самомъ дѣлѣ высоко цѣнитъ намѣстника и преданъ ему нелицемѣрно.

Что касается до графа Берга, то онъ безусловно былъ расположенъ къ Н. В. и дѣлалъ для него даже невозможное. Только благодаря вліянію графа, Бергъ былъ назначенъ лекторомъ русскаго языка въ варшавской главной школѣ, переименованной послѣ въ университетъ. Имъ же предоставлена была Н. В. и должность редактора «Варшавскаго Дневника» [1]). Эти назначенія вполнѣ обезпечили матеріальное положеніе поэта и дали ему прекрасное служебное положеніе. Конечно, безъ могущественной протекціи графа, Н. В. никогда бы не добился того положенія, которое занималъ въ Варшавѣ.

Какъ казалось, онъ не былъ неблагодарнымъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ можно было выказать себя, онъ не упускалъ случая и шумно высказывалъ свои восторги. Въ честь графа Берга онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, которыя и произносилъ публично зычнымъ

[1]) Назначеніе Н. В. Берга редакторомъ „Варшавскаго Дневника“ состоялось въ декабрѣ 1873 г. Предложеніе вступить въ должность подписано 31 декабря. 7-го января 1874 г. графъ Бергъ умеръ въ Петербургѣ.

*

голосомъ съ паѳосомъ и жестами. Теперь у меня подъ рукою одно лишь стихотвореніе, сказанное на парадномъ обѣдѣ 26-го іюля 1872 г., въ залѣ Варшавской ратуши, въ день празднованія юбилея 60-ти лѣтней службы намѣстника. Стихи эти очень характерны, и я привожу ихъ съ печатнаго экземпляра:

Маститый богатырь Полночи!
Хоть бури ярыя и громъ
Носились надъ твоимъ челомъ
И смерть тебѣ смотрѣла въ очи,—
Ты бодръ еще и полонъ мочи;
Ты все еще глядишь орломъ!

* *
*

Не властны надъ тобой стихіи
Стой крѣпко, Финскій нашъ гранитъ,
На граняхъ Польши и Россіи,—
И Богъ тебя да сохранитъ!

* *
*

Ты чести истинно достоинъ!
Ура тебѣ, ура стократъ,
Ура, нашъ вождь, нашъ другъ, нашъ воинъ,
Администраторъ, дипломатъ!

Я самъ только-что кончилъ тогда свою рѣчь, которую сказалъ графу отъ крестьянскаго населенія края и, стоя противъ юбиляра, видѣлъ, какъ рѣшительно пробирался Н. В. Бергъ черезъ толпу и съ какимъ чувствомъ прочелъ онъ свое произведеніе, на которое ничто его не вызывало, тѣмъ болѣе, что стихи были плохи и могли быть прощены поэту только во вниманіе казавшейся искренности чувства, имъ руководившаго.

Въ іюлѣ 1865 г., я уѣхалъ изъ Варшавы прежде окончанія Николаемъ Васильевичемъ его записокъ, которыя онъ по-прежнему читалъ намѣстнику по мѣрѣ изготовленія каждой главы или значительной ея части. Когда записки были кончены, Н. В. не одинъ разъ обращался къ графу Бергу съ просьбою о разрѣшеніи ихъ напечатать, но графъ не давалъ своего согласія. Сѣтованія на это Николая Васильевича, высказанныя передо мной, заинтересовали меня, и я предложилъ ему, при случаѣ, поговорить объ этомъ съ графомъ.

Дѣйствительно въ удобную минуту я спросилъ графа, правда ли, что онъ не соглашается на напечатаніе записокъ Берга? Графъ отвѣчалъ утвердительно. «Онъ хочетъ получить гонораръ и говоритъ, что я лишаю его литературнаго заработка. Это неправда. За каждую главу своего сочиненія онъ получилъ по крайней мѣрѣ 600 рублей, не считая квартиры, а этого не далъ бы ему никакой журналъ. Поэтому я имѣю полное право на его сочиненіе, но оставляю его у него и не беру себѣ. Напечатать же успѣетъ, когда я умру; тогда это не надѣлаетъ шума, да и самъ онъ выиграетъ: можетъ прибавить, что̀ ему захочется. Ничто его стѣснять не будетъ. Цѣль моя была та, чтобы дать возможность талантливому человѣку собрать матеріалы по горячимъ слѣдамъ, а для обнародованія ихъ много времени впереди».

Я передалъ отказъ графа по принадлежности. Впослѣдствіи однако Н. В. успѣлъ испросить согласіе графа Берга на напечатаніе начала записки о времени до 1864 г. Эта часть была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» за 1872 г. Все же, что̀ касалось до управленія графа Берга, оставалось подъ запретомъ до его смерти. Только въ 1879 г. Бергъ напечаталъ вторую половину своего сочиненія въ «Русской Старинѣ» подъ заглавіемъ «Польское возстаніе въ 1863—1864 г.» и наговорилъ много несправедливаго по адресу графа Берга, которымъ такъ восхищался при его жизни и называлъ «своимъ профессоромъ».

Подъ впечатлѣніемъ первыхъ нападокъ, я взялся было за перо и началъ статью, озаглавя ее: «Когда Н. В. Бергъ говорилъ о графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ правду». Непредвидѣнныя обстоятельства отвлекли меня отъ этой работы. Въ томъ же 1879 г. я былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и уѣхалъ въ Иркутскъ. Тамъ уже было не до литературы. Впослѣдствіи, возвратясь изъ Сибири уже послѣ смерти Н. В., я нашелъ въ своихъ бумагахъ начало задуманной статьи, но подробные къ ней матеріалы куда-то затерялись.

Впрочемъ передъ отъѣздомъ въ Иркутскъ я видѣлся съ Н. В. въ Большомъ варшавскомъ театрѣ. Какъ только онъ подошелъ ко мнѣ, я тотчасъ же сказалъ ему, что началъ было статью по поводу его пристрастныхъ отзывовъ о графѣ Бергѣ, причемъ, разумѣется,

высказалъ мой взглядъ на измѣнчивость его мнѣній. Н. В. нѣсколько сконфузился, но съ свойственною ему развязностью возразилъ: «нельзя же всегда говорить всего, надо соображаться съ обстоятельствами; тогда трудно было противъ рожна прать, а теперь нельзя не высказать того, что знаешь; каждый долженъ сказать, что́ знаетъ про того или другаго общественнаго дѣятеля; я написалъ такъ, а вы мнѣ возразите, ну и будемъ читать!»

Напомнилъ я ему тогда и о стихахъ и о бесѣдахъ, замѣнявшихъ университетскія лекціи, но не рѣшился только сказать объ условіяхъ, на которыхъ писались записки. Антрактъ кончился, и Н. В. спокойно сѣлъ на предоставленное ему графомъ Бергомъ кресло редактора «Варшавскаго Дневника».

Сказать правду слѣдуетъ, но бросить въ общественнаго дѣятеля грязью и взвести на него нелѣпыя небывальщины не значитъ служить истинѣ и интересамъ общества.

Д. Г. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛАВЯНСКАЯ ЗАРЯ

въ 1812 году.

(Изъ бумагъ Александра Николаевича Попова, † 1877 г.).

II [1]).

Рѣшеніе императора было вызвано требованіемъ обстоятельствъ и сообразовалось съ выгодами Россіи; но оно полагало конецъ широкимъ военнымъ замысламъ Чичагова. До полученія этого письма адмиралъ Чичаговъ болѣе и болѣе знакомился съ дѣйствіями европейской политики при турецкомъ дворѣ. До размѣна ратификацій мирнаго договора турецкое правительство отклонило всякіе переговоры о союзѣ и даже не признавало Италинскаго посломъ русскаго Государя. Послѣ ратификацій оно должно было признать его въ этомъ званіи и слѣдовательно войти съ нимъ въ переговоры. Адмиралъ намѣренъ былъ поручить ему потребовать рѣшительнаго отвѣта отъ Порты, согласна ли она заключить съ ними оборонительный и наступательный союзъ и, въ случаѣ отказа съ ея стороны, считать миръ разрушеннымъ и приступить къ военнымъ дѣйствіямъ.

Послѣ размѣна ратификацій дѣйствительно положеніе Италинскаго въ Константинополѣ должно было измѣниться. Но когда частнымъ путемъ дошло до него извѣстіе объ окончательномъ утвержденіи мирнаго договора, онъ не получалъ еще никакихъ извѣстій объ этомъ отъ турецкаго правительства. «Я не могъ не обратить вниманія на это молчаніе,—писалъ онъ Чичагову,—оно предвѣщало мнѣ затрудненія въ будущемъ. Мои предвѣщанья и оправдались дѣйствительно». Когда прибылъ къ нему съ этимъ извѣстіемъ нарочный отъ адмирала, онъ послалъ своего переводчика извѣстить объ этомъ Рейсъ-эфенди. Но онъ чрезъ драгомана Порты отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно о размѣнѣ ратификацій, и потому онъ не можетъ еще признать Италинскаго посланникомъ и полномочнымъ министромъ русскаго двора.

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1892 г., томъ LXXVI, Декабрь.

Нѣсколько разъ обращался къ нему Италинскій и получалъ такой же отвѣтъ. Наконецъ послѣ усиленныхъ настояній, Рейсъ-эфенди чрезъ драгомана Порты поручилъ объявить Фонтону, что онъ дѣйствительно получилъ извѣстіе о размѣнѣ ратификацій, но самый договоръ еще не полученъ; а между тѣмъ это необходимо для того, чтобы всенародно объявить о заключеніи мира. Впрочемъ, прибавилъ онъ, мы еще не получили необходимыхъ объясненій о намѣреніи императора въ отношеніи къ статьямъ о Сербіи и Азіи. Эти двѣ статьи до такой степени важны для Порты, что ей необходимо знать напередъ эти намѣренія, чтобы сообразовать съ ними свой образъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ спросить Италинскаго, уполномоченъ ли онъ вести переговоры по этимъ статьямъ и когда желалъ бы приступить къ нимъ?

Конечно, Италинскій не имѣлъ такихъ полномочій и долженъ былъ отвѣчать уклончиво, но это предложеніе Рейсъ-эфенди только усиливало и такъ уже затруднительное его положеніе и обнаруживало то глубокое недовѣріе, съ которымъ правительство Оттоманской Порты относилось къ намъ. Какъ опытный дипломатъ, онъ понялъ главную причину этого недовѣрія и выразилъ ее откровенно въ депешахъ къ адмиралу Чичагову. «Я начинаю думать,—писалъ онъ ему 14-го (26-го) іюля изъ Буюкдере,—что поведеніе Порты, т. е. отсрочиванье обнародованія мирнаго договора и признанія меня министромъ Его Величества русскаго императора, зависитъ отъ того, что она не увѣрена, что этотъ миръ будетъ поддержанъ съ нашей стороны. Турецкое министерство не можетъ не знать всего того, что̀ дѣлается въ Сербіи, въ Валахіи, и вслѣдствіе чрезвычайнаго недовѣрія къ намъ весьма вѣроятно оно приходитъ къ такимъ предположеніямъ, которыя оказываютъ вліяніе на ихъ дѣйствія при настоящихъ обстоятельствахъ. Это недовѣріе къ намъ Порта ежедневно заявляетъ посланникамъ англійскому и шведскому и недавно его высказалъ каймакамъ генералу Тавасту».

Нельзя не сознаться, что Порта имѣла основаніе не довѣрять намъ, не по однимъ только внушеніямъ враждебныхъ намъ агентовъ Франціи и Австріи. Съ одной стороны они слышали миролюбивыя рѣчи нашего посланника, поддерживаемыя англійскими и шведскими дипломатическими агентами, съ другой къ ней приходили извѣстія, что главнокомандующій дунайскою арміею входитъ въ сношенія съ подвластными ей племенами, которыя ихъ волнуютъ, даже съ ея пашами, что онъ дѣлаетъ значительныя военныя приготовленія, образуетъ ополченія изъ ея подданныхъ и двигаетъ наконецъ войска въ Сербію. Всѣ эти дѣйствія не могли внушать ей довѣрія, что Россія искренно желаетъ поддерживать только-что заключенный миръ. Но въ такомъ двусмысленномъ положеніи находилась не одна Порта и агенты союзныхъ намъ державъ, но и нашъ посланникъ въ Константинополѣ и—самъ импера-

торъ. Онъ одобрялъ всѣ распоряженія адмирала въ томъ предположеніи, что они дѣлаются съ цѣлію привесть въ исполненіе экспедицію въ Далмацію, которая должна быть исполнена съ участіемъ Турціи, поэтому не только не прерывая мирныхъ отношеній съ нею, но привлекши ее даже къ союзу съ нами. Между тѣмъ какъ адмиралъ давно уже потерялъ вѣру не только въ успѣхъ, но даже и въ возможность этой экспедиціи, которую онъ не считалъ возможною безъ дѣятельной помощи англичанъ. Первоначально дѣйствія Каннинга онъ приписывалъ лично ему; потомъ, изъ депешъ Италинскаго, свѣдѣній, доставленныхъ имъ Булгаковымъ и Грейгомъ, онъ понялъ, что это образъ дѣйствій С.-Джемскаго кабинета, потому что замѣнившій его новый посланникъ Англіи Листонъ не только одобрилъ дѣйствія своего предшественника, но и самъ выразилъ точно такіе же взгляды, какъ и Стратфордъ Каннингъ. При совѣщаніяхъ съ Италинскимъ, онъ выражалъ ему ту мысль, что въ настоящее время слѣдуетъ заботиться только объ утвержденіи мира съ Портою, и не только безполезно, но даже вредно вовлекать ее въ новые переговоры о заключеніи союза. Убѣдивъ ее въ прочности мира, надо стараться уничтожить то недовѣріе, которое она питаетъ къ Россіи и которое служитъ готовою почвою для враждебныхъ внушеній ей со стороны Франціи и Австріи. Не слѣдуетъ предпринимать и отдаленныхъ экспедицій прежде, нежели совершатся значительные успѣхи на главномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому онъ объявилъ рѣшительно, что не будетъ содѣйствовать къ тому, чтобы заставить Турцію вступать въ союзъ съ нами и что Англія не можетъ оказать намъ никакой помощи при экспедиціи въ Далмацію, тѣмъ болѣе, что эскадра лорда Бентинга уменьшена, потому что часть кораблей отправлена имъ къ Испаніи». Спустя нѣсколько времени онъ снова писалъ адмиралу, что при всякомъ случаѣ Листонъ выражаетъ тѣ же самые взгляды и убѣждаетъ «прежде всего установить прочный миръ съ Портою и внушить ей довѣріе къ намъ. Этотъ образъ дѣйствій онъ считаетъ единственно сообразнымъ съ требованіями современныхъ обстоятельствъ и изъ котораго впослѣдствіи, съ помощію времени и событій, можно извлечь большія выгоды. Если же будутъ дѣйствовать иначе и особенно если разорвутъ только-что заключенный миръ, то это будетъ имѣть самыя печальныя и вредныя послѣдствія не только для императорскаго двора, но и для его союзниковъ. То же самое постоянно говоритъ и баронъ Тавастъ».

Эту депешу Италинскаго привезъ въ Бухарестъ англійскій военный агентъ, ѣхавшій въ нашу главную квартиру, генералъ Вильсонъ, и лично передалъ адмиралу тѣ же самыя воззрѣнія С.-Джемскаго кабинета, которыя выражалъ и Листонъ Италинскому въ Константинополѣ. Конечно, ему было непріятно до такой степени ошибаться въ отношеніи къ по-

литикѣ Англіи, въ содѣйствіи которой онъ такъ былъ увѣренъ; но еще непріятнѣе было прочитать слѣдующія строки въ депешѣ Италинскаго: «что касается до меня, то я не допущу, чтобы когда-нибудь могли сказать, что, не имѣя прямыхъ предписаній императора, я привелъ дѣло въ положеніе несогласное съ его видами. Такимъ соображеніемъ я руководствуюсь въ моихъ дѣйствіяхъ и глубоко убѣжденъ, что тѣмъ самымъ служу высшимъ интересамъ моего Государя». Зная волю Государя поддерживать только-что заключенный миръ, онъ дѣйствовалъ сообразно съ нею и, само собою разумѣется, несогласно съ желаніями и дѣйствіями адмирала, направленными къ тому, чтобы вновь начать войну съ Турціею, которыхъ однако же онъ не зналъ, хотя и подозрѣвалъ вѣроятно.

Хотя письма графа Румянцева поддерживали надежды Чичагова, но получаемыя извѣстія изъ Константинополя не могли его не смущать. «Я чрезвычайно вамъ благодаренъ, графъ»,—отвѣчалъ Чичаговъ канцлеру [1]),—«за тѣ письма, которыя вы мнѣ написали. Въ каждомъ изъ нихъ я нашелъ выраженія, которыя меня чрезвычайно обрадовали. Въ первомъ вы дѣлаете мнѣ честь, говоря, что теперь ожидаете или полнѣйшаго умиротворенія или отсрочки (мирныхъ переговоровъ) до другаго времени. О, если бы я нашелъ эти выраженія въ письмѣ ко мнѣ Государя, но онъ, какъ вамъ извѣстно, приказываетъ мнѣ приступить къ размѣну ратификацій, хотя и не полныхъ. Такимъ образомъ потерянъ случай разорвать миръ, такъ не кстати заключенный. Только война съ турками можетъ собрать подъ наши знамена 100 тыс. войска. Миръ именно въ это время составляетъ одну изъ рѣдкихъ политическихъ нелѣпостей. Выраженіе въ другомъ письмѣ, которое польстило мнѣ и доставило немалое удовольствіе, то, что вы подозрѣваете, что турки дѣйствуютъ въ отношеніи къ намъ неискренно, но что они могутъ поплатиться за свою хитрость, если принудятъ насъ возобновить войну. Я бы очень былъ радъ оправдать это мнѣніе и увѣряю васъ, что я былъ бы доволенъ, еслибъ могъ начать мои дѣйствія взятіемъ Константинополя. Кто знаетъ, что бы еще могло произойти въ нашъ вѣкъ чрезвычайныхъ явленій, и я надѣюсь, что вы не будете противъ такого предпріятія». Извѣстіе графа Румянцева о томъ, что императоръ въ скоромъ времени предпишетъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію, обрадовало его еще болѣе.

«Но эта радость была непродолжительна, — писалъ онъ канцлеру 16-го іюля. Это извѣстіе выражало ту довѣренность, которой удостоиваетъ меня императоръ и которую вы имѣете ко мнѣ.

---

[1]) Письмо адмирала Чичагова—графу Румянцеву отъ 2-го іюля 1812 года, изъ Бухареста. *Ред.*

И такъ мнѣ не оставалось ничего болѣе желать, я долженъ былъ дѣйствовать; но вы конечно не ожидали, такъ же какъ и я, какой странный оборотъ примутъ мои дѣла. Не достигнувъ никакихъ соглашеній съ тѣми, которые должны бы облегчать мнѣ способы и помочь произвесть предположенную диверсію, усматривая, что англичане и графъ Линанжъ съ товарищами не могутъ помочь мнѣ, я принялъ другое направленіе, которое указалъ мнѣ императоръ, дѣйствовать непосредственно противъ непріятеля со стороны Польши. Это по крайней мѣрѣ сблизитъ насъ. Очень жаль, что нашъ политическій планъ такъ отсталъ отъ операціоннаго плана; что значитъ сила, когда не знаешь, что должно и что можно сдѣлать. Всѣ тѣ, къ которымъ я обращался, только отклонили мои предположенья. Листонъ привезъ такія же наставленія, какими снабженъ былъ и Каннингъ. Онъ какъ будто только вышелъ изъ Малтійскаго госпиталя и не зналъ, что переговоры (Англіи) съ Россіею начались. Взгляды лорда Бентинга одинаковы съ ними. Безразсудныя дѣйствія Каннинга одобряются его преемникомъ. Обнаруживаютъ самое рѣшительное недовѣріе ко всему, что мы ни говоримъ. Имѣя въ виду тѣ затрудненія, которыя бы представила мнѣ мѣстность, по которой я долженъ слѣдовать, вмѣстѣ съ затрудненіями и препятствіями политическими, не надѣясь на помощь ни съ какой стороны, потерявъ уже много времени и видя оканчивающееся уже лѣто, я считаю, что было бы неблагоразумнымъ предпринять экспедицію, для которой ничто не созрѣло. Императоръ приказываетъ, чтобы эта армія соединилась съ арміею Тормасова; я немедленно приступилъ къ исполненію этого приказанія, радуясь выдти изъ бездѣйствія и неопредѣленнаго положенья, въ которое былъ поставленъ обстоятельствами. Но я льщу себя надеждою, что это предпріятіе только отложено, и мнѣ еще придется здѣсь дѣйствовать».

Тотъ же взглядъ адмиралъ Чичаговъ выразилъ въ письмѣ къ императору, написанномъ въ то же время (16-го іюля). «Предположенная диверсія должна бы непремѣнно начаться, несмотря на противодѣйствіе турокъ, хотя, по всѣмъ извѣстіямъ и заявленіямъ уполномоченныхъ, она никогда бы не согласилась дать намъ свободный проходъ чрезъ свои владѣнія. Слѣдовательно, разрывъ необходимо долженъ былъ послѣдовать. Депеши, которыя я получилъ потомъ отъ Италинскаго, подтвердили мои предположенія. Поэтому, если война уже должна была возобновиться, то мнѣ казалось, что она можетъ служить предлогомъ нанести рѣшительный ударъ, который, покончивъ ее скоро, въ то же время окончательно разрушилъ бы препятствія, которыя противопоставляютъ эти варвары развитію огромныхъ средствъ этой части Европы, которая въ настоящее время возбуждаетъ зависть и впослѣдствіи сдѣлается добычею наиболѣе рѣшительнаго. Мое назначеніе должно было суще-

ственно измѣниться. Вмѣсто диверсіи, неопредѣленной и затруднительной, я долженъ бы рѣшиться на важное предпріятіе, которое повлекло бы за собою множество диверсій, изъ которыхъ каждая обѣщала полный успѣхъ. Объ этомъ никто не зналъ, ни Порта, ни Бухарестъ, и даже войска, которыя должны были приводить его въ исполненіе. Все было подготовлено, въ 8 дней я былъ бы за Дунаемъ. Прежде нежели узнали бы въ Австріи, я былъ бы на половинѣ дороги къ Константинополю, прежде нежели сдѣлалось бы извѣстнымъ, на что рѣшается Наполеонъ, и нѣмецкія войска начали бы дѣйствовать, еслибы еще осмѣлились, ударъ былъ бы нанесенъ. Первое извѣстіе объ этомъ русскіе получили бы уже изъ Константинополя, что, конечно, не было бы имъ непріятно, потому что въ то же время они узнали бы объ тѣхъ выгодахъ, которыя изъ этого могутъ послѣдовать. Это извѣстіе ошеломило бы нашихъ враговъ и поразило бы удивленіемъ нашихъ друзей. Я увѣренъ, что, выступивъ съ 35 тыс., какъ я предполагалъ, я пришелъ бы къ Константинополю съ 100 тыс. и по всей вѣроятности не встрѣтилъ бы большаго сопротивленія, турки были бы прогнаны въ Азію, и флотъ и множество воиновъ остались бы въ распоряженіи Вашего Величества. Войска, надъ которыми я имѣю честь начальствовать, вмѣстѣ съ 12 баталіонами герцога Ришелье, простирались бы до 59 тыс. человѣкъ; 19 тыс. осталось бы для защиты Валахіи и 5 тыс. въ Сербіи; Валахія вмѣстѣ съ Молдавіею присоединили бы къ первымъ 20 тыс. своего ополченія, а сербы ко вторымъ 42 тыс., что составило бы значительную силу, достаточную для обезпеченія безопасности тѣхъ областей, которыя я оставлялъ.

«Но то, что отложено, еще не потеряно; по крайней мѣрѣ Ваше Величество утѣшаете меня тѣмъ, что позволяете еще надѣяться. Я увѣренъ, что та экспедиція, которую я приготовлялъ, могла нанести наибольшій вредъ Наполеону, хотя и не прямо и непосредственно; но я долженъ сознать, что та, которую Ваше Величество мнѣ назначаете, принесетъ болѣе дѣйствительный ему вредъ, т. е. дѣйствовать противъ него со стороны Польши.

«Что же касается до диверсіи въ Далмацію, то всѣ обстоятельства сложились противъ нея. Кромѣ того, что переходъ весьма труденъ, она создала бы намъ новаго врага и раздражила бы другаго, если бы я захотѣлъ пройти чрезъ Славонію. Но вмѣстѣ съ трудностью исполненія есть и политическія причины, которыя налагаютъ препятствія. Къ кому я ни обращался по прибытіи сюда, никто ничего не хочетъ дѣлать. Англичане отклоняются отъ всякаго участія, полномочія Листона не обширнѣе тѣхъ, которыми былъ снабженъ Каннингъ. Предположенія дѣйствовать съ юга Германіи еще не достаточно созрѣли. Предводитель даже долженъ былъ оставить Грацъ и удалиться въ Венгрію. Предпо-

ложенія наши уже сдѣлались почти извѣстными, что̀ меня впрочемъ нисколько не удивляетъ, при нашемъ порядкѣ управленія. Нѣкоторыя лица уже взяты подъ стражу, другія высланы изъ Вѣны. Назначены войска для наблюденія за Тріестомъ и Каттарскимъ заливомъ; на восточныхъ границахъ Швейцаріи поставленъ наблюдательный корпусъ,— все это направлено противъ насъ, между тѣмъ какъ для насъ ничего не сдѣлано; ко всему этому нужно прибавить и потерю времени вообще, и потерю времени на мое прибытіе туда, гдѣ рѣшительно ничего не приготовлено: ни продовольствія, ни какой бы то ни было помощи; поэтому я и склоняюсь къ тому рѣшенію, которое Вашему Величеству угодно указать мнѣ. Я увѣряю васъ, Государь, что я въ восторгѣ оттого, что выхожу наконецъ изъ неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находился до сихъ поръ; я немедленно двину войска въ походъ».

Изъ этого письма видно, что движеніе къ границамъ герцогства Варшавскаго адмиралъ Чичаговъ находилъ самымъ естественнымъ для того, чтобы нанести прямой вредъ непріятелю, и потому обрадовался, получивъ предписаніе императора двинуться въ предѣлы имперіи и присоединить къ своимъ силамъ армію Тормасова и корпусъ герцога Ришелье. Его озабочивала только мысль о томъ, чтобы начальство надъ этими войсками нераздѣльно принадлежало ему одному. «Если Ваше Величество рѣшились дать мнѣ начальство и надъ арміею Тормасова,— пишетъ адмиралъ въ томъ же письмѣ отъ 16-го іюля,— то я умоляю васъ сдѣлать распоряженіе о томъ прежде моего прибытія, потому что могу васъ, по опыту уже, увѣрить, что ничего нѣтъ затруднительнѣе, какъ пріѣхать къ арміи, у которой еще имѣется особый начальникъ. Впрочемъ,— прибавлялъ онъ,—когда дѣло будетъ касаться только военныхъ дѣйствій, то не найдете ли Ваше Величество болѣе полезнымъ въ этомъ случаѣ употребить генерала Тормасова, какъ весьма опытнаго человѣка».

Но если эта мысль была такъ естественна при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Россія, то почему же она именно и не пришла въ голову адмиралу Чичагову». Почему, разубѣдившись, весьма скоро по прибытіи въ Бухарестъ, въ невозможности заключить союзъ съ турками, въ противодѣйствіи англичанъ и невозможности экспедиціи въ Далмацію, его взглядъ обратился не на Россію, а на Константинополь? Почему дѣйствительность ускользнула отъ его вниманія, а его воображеніе увлеклось фантастическими предположеніями?

Это странное явленіе объясняется, какъ кажется, личностью адмирала Чичагова. Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію русскихъ образованныхъ людей, которыхъ не безъ основанія упрекали въ слѣпомъ подражаніи всему иностранному и въ презрѣніи ко всему русскому. Такихъ людей было много; но съ иностранной головою на плечахъ у нихъ было еще русское сердце и, при опасности, грозившей отечеству,

они готовы были жертвовать для него жизнью. Адмиралъ Чичаговъ былъ передовымъ человѣкомъ между ними въ томъ отношеніи, что онъ потерялъ даже всякое сочувствіе къ Россіи, и отечество не только утратило для него всякое значеніе, но сдѣлалось пустымъ словомъ, а если и выражало какое-либо понятіе, то весьма грубое и недостойное образованнаго человѣка. Вѣроятно, было и много людей, ему подобныхъ въ это время, но они были поставлены въ иныя отношенія. Находясь въ Россіи, въ рядахъ ея войскъ, они были увлечены общимъ направленіемъ, которое не могло имѣть никакого вліянія на адмирала, изъ Парижа и Петербурга прямо попавшаго въ Бухарестъ, и притомъ въ качествѣ главнокомандующаго. Онъ такъ ревниво соблюдалъ всѣ преимущества своей власти, такъ свысока и гордо относился къ подвластнымъ ему, что духъ войскъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ, не могъ имѣть на него вліянія. Онъ былъ одинокъ и дѣйствовалъ, какъ отдѣльное лицо, связанное съ Россіею единственно долгомъ службы Государю. Поэтому онъ и не хотѣлъ признавать никакихъ другихъ отношеній къ Россіи, кромѣ власти императора, отъ котораго требовалъ полнаго довѣрія къ себѣ и полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію. При такомъ направленіи и въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился, могло ли его вниманіе обращаться къ Россіи, къ которой онъ не имѣлъ никакихъ сочувствій.

Одновременно съ окончательнымъ паденіемъ плана военныхъ дѣйствій генерала Пфуля, упали и фантастическія предположенія адмирала Чичагова. Его послѣднія письма, изъ которыхъ приведены выписки, получены были императоромъ и графомъ Румянцевымъ по возвращеніи уже ихъ изъ главной квартиры арміи въ Петербургъ.

III.

Императоръ могъ оставить армію съ увѣренностью, что обезпечилъ Россію со стороны Турціи и Австріи. Если даже послѣдняя искренно увѣряла, что, кромѣ корпуса гр. Шварценберга, отданнаго ею на жертву своему союзнику, она не приметъ никакого болѣе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, то и въ этомъ случаѣ трудно предполагать, что она устояла бы на своемъ словѣ, когда адмиралъ Чичаговъ началъ бы приводить въ исполненіе свои предположенія въ отношеніи къ Турціи. Но, обезпечивая Россію съ юга, Государь заботился и о сѣверѣ. Конечно, отношенія къ намъ шведскаго правительства не могли внушать подозрѣній; но онъ желалъ поддержать ихъ и укрѣпить

еще болѣе, постоянно продолжая переписку съ Бернадотомъ, дѣлая уступки въ пользу Швеціи. Въ Вильнѣ была заключена дополнительная конвенція къ фридрихсгамскому договору, продолжавшая до 1815 г. льготы, дарованныя на три года шведамъ и финляндцамъ въ избраніи отечества и въ распоряженіи шведовъ имуществами, оставшимися въ Финляндіи, а финляндцевъ—имуществами ихъ, находившимися въ Швеціи.

По оставленіи Вильны, на пути къ Дрисскому лагерю императоръ получилъ письмо наслѣднаго принца шведскаго, въ которомъ, благодаря за извѣстія, сообщенныя въ прежнихъ письмахъ, онъ говоритъ, что ему особенно было пріятно узнать о заключеніи мира съ турками. «Мнѣ чрезвычайно порадовало, писалъ онъ, 15-го (27-го) іюня, что Ваше Величество, прекративъ войну, вовсе безполезную для благоденствія вашей имперіи, разрушили всѣ предположенія вашихъ враговъ, которыя были разсчитаны на продолженіе этой войны. Я надѣюсь, что утвержденіе мирнаго договора султаномъ послѣдуетъ непремѣнно вопреки всѣмъ происканъ французскихъ агентовъ въ Константинополѣ. Политика императора Наполеона заключается въ томъ, чтобы поссорить между собою великія государства, возбудить войну между ними и, такимъ образомъ ослабивъ ихъ, устранить препятствія къ осуществленію своихъ замысловъ объ единой Европейской монархіи. Миръ, который вы заключили, совершенно соотвѣтствуетъ достоинству Россіи, въ то же время не унизителенъ Турціи. Это свойство мирнаго договора, основанное на потребностяхъ обѣихъ державъ, обѣщаетъ Вашему Величеству превратить султана въ вашего союзника, который можетъ принесть вамъ пользу. Съ этимъ важнымъ соображеніемъ соединяется еще огромная выгода для Вашего Величества: уменьшается боевая линія для военныхъ дѣйствій, и ваша молдавская армія можетъ успѣшно дѣйствовать на вашемъ лѣвомъ флангѣ, который, мнѣ казалось, не былъ достаточно обезпеченъ до сего времени.

«Привычка императора Наполеона руководить большими силами, конечно, вселяетъ въ него увѣренность въ себѣ. Но если Ваше Величество будете оберегать ваши силы, не будете вынуждены принять большаго рѣшительнаго сраженія и затягивать войну движеніями, давая только частныя сраженія, то императоръ Наполеонъ несомнѣнно сдѣлаетъ какую-нибудь ошибку, которой Ваше Величество и можете воспользоваться.

«Случай до сихъ поръ чрезвычайно помогалъ ему какъ въ военныхъ дѣлахъ, такъ и въ политикѣ, онъ обязанъ своими успѣхами только новости употребляемыхъ имъ способовъ. Но если силы, привыкшія къ движеніямъ, быстро будутъ направлены на слабыя или малозащитныя точки, то не можетъ быть сомнѣнія, что Ваше Величество достигнете

удачныхъ послѣдствій, и счастіе, уставшее служить самолюбію, перейдетъ къ тѣмъ, которыми руководитъ честь и любовь къ человѣчеству».

Упорно повторяя одну и ту же мысль, что противъ Наполеона надо дѣйствовать не иначе, какъ затягивая войну, избѣгая рѣшительныхъ сраженій, утомляя движеніями его войска и нанося удары частнымъ его отрядамъ, Бернадотъ говорилъ, что «единственное его желаніе въ это время заключалось въ томъ, чтобы быть полезнымъ императору Александру «въ великомъ дѣлѣ, которое онъ защищаетъ», что онъ будетъ считать «счастливѣйшимъ тотъ день своей жизни, когда онъ на дѣлѣ будетъ имѣть возможность доказать свою безусловную къ нему преданность». Но его желаніе принять участіе въ усиліяхъ Россіи противъ нашествія Наполеона встрѣчало затрудненія съ той стороны, съ какой, какъ кажется, всего менѣе его ожидали. Въ томъ же письмѣ онъ извѣщалъ императора, что «Торнтонъ отказался вести переговоры съ Сухтеленомъ, на тѣхъ основаніяхъ, которыя сообщилъ ему графъ Румянцевъ, потому что по наставленіямъ, полученнымъ имъ отъ С.-Джемскаго кабинета, онъ не можетъ обременить Великобританію долгомъ въ 85 милліоновъ флориновъ. Онъ также заявилъ, что не имѣетъ полномочія обѣщать Швеціи милліонъ фунтовъ стерлинговъ въ качествѣ субсидіи. Такія съ его стороны заявленія остановили переговоры. Графъ Сухтеленъ съ этимъ же нарочнымъ испрашиваетъ новыхъ полномочій у графа Румянцева; а Торнтонъ, извѣщая свое правительство о положеніи дѣлъ, проситъ дозволенія въ отдѣльной, дополнительной статьѣ къ договору, обѣщать Швеціи субсидію въ милліонъ фунтовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы половину они уплатили Англіи послѣ присоединенія Норвегіи. Съ горестью я долженъ признаться Вашему Императорскому Величеству, что опасаюсь, чтобы эти затрудненія не имѣли вліянія на общія наши дѣйствія. Хорошее время года въ сѣверныхъ моряхъ непродолжительно, а между тѣмъ, слѣдовало бы имъ воспользоваться. Высадка, которую я намѣренъ произвесть, была бы чрезвычайно полезна для дѣйствій Вашего Величества, потому что я оказался бы въ тылу войскъ императора Наполеона и на границахъ его имперіи. Если неважныя въ сравненіи съ предпринятымъ дѣломъ затрудненія помѣшаютъ мнѣ еще нѣсколько времени приступить къ исполненію моихъ предположеній, то я буду считать это величайшимъ несчастіемъ для успѣховъ дѣла, которымъ руководите Ваше Величество».

Хотя вопросъ о субсидіяхъ и могъ быть предметомъ затрудненій для заключенія союзныхъ договоровъ Англіи съ Россіею и Швеціею; но не до такой степени, чтобы замедлять и затруднять ихъ заключеніе. Очевидно, другія основанія для мирнаго договора, сообщенныя нашимъ канцлеромъ гр. Сухтелену, былипричиною того, что Торнтонъ не рѣшился ихъ принять и требовалъ новыхъ наставленій отъ своего прави-

тельства. Но онъ такъ отнесся къ нимъ, что вынудилъ и нашего уполномоченнаго просить правительство о ихъ измѣненіи. Конечно, это именно тѣ условія, которыя касались до соединенія всѣхъ славянъ съ цѣлію дѣйствовать вмѣстѣ съ нашими войсками противъ Австріи и Франціи на берегахъ Адріатическаго моря. Г. Торнтонъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ руководясь тѣми же политическими взглядами, какъ и Стратфордъ Каннингъ, Листонъ въ Константинополѣ. Безъ сомнѣнія, зная уже о дѣйствіяхъ послѣднихъ, императоръ Александръ это понялъ и потому, отвѣчая на это письмо наслѣднаго шведскаго принца, писалъ: «я даю приказаніе моимъ уполномоченнымъ немедленно заключить договоръ съ Торнтономъ и настаиваю на прежнихъ моихъ требованіяхъ. Надѣюсь, что ваше высочество увидите въ этомъ новое доказательство моего желанія сдѣлать угодное Швеціи».

Извѣщая Бернадота о ходѣ военныхъ дѣйствій, императоръ Александръ особенно упираетъ на то, что руководствуются его совѣтами [1]). «Гр. Левенгельмъ сообщаетъ вамъ, — говоритъ онъ, — свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, изъ которыхъ вы увидите, что, вѣрно слѣдуя тѣмъ началамъ, которыя вы изложили въ письмахъ ко мнѣ, я веду медленную войну (une guerre de lenteur) и какъ на меня наступаютъ превосходныя силы непріятеля, я отступаю и сосредоточиваю силы къ укрѣпленной позиціи, которая устроена на Двинѣ. Между тѣмъ я приказалъ второй арміи начать наступательныя дѣйствія на правый флангъ непріятеля, который наступаетъ на меня, и значительному корпусу казаковъ его тревожить непрестанно. Я постоянно буду сообщать вашему высочеству о ходѣ этой важной войны. Въ настоящее же время могу увѣрить васъ, что однажды вынужденный начать эту войну, я твердо рѣшился продолжать ее годы, хотя бы мнѣ пришлось драться на берегахъ Волги». Эта рѣшимость, которую императоръ при каждомъ случаѣ выражалъ со дня вторженія непріятеля въ предѣлы имперіи, не покидала его во все продолженіе войны съ Наполеономъ, и всѣ его помыслы стремились къ тому, чтобы изыскивать средства и направлять ихъ съ цѣлью успѣшно окончить эту войну. Мысль о диверсіи соединенныхъ шведскихъ и русскихъ войскъ подъ начальствомъ Бернадота на берега Нѣмецкаго моря составляла предметъ его заботъ. «Я обращаю ваше вниманіе, писалъ императоръ въ томъ же письмѣ къ Бернадоту, на необходимость не откладывать предположенной диверсіи и воспользоваться остающимся еще хорошимъ временемъ года. Для того, чтобы восторжествовало святое дѣло, которое мы защищаемъ, необходимо соглашеніе въ предпринимаемыхъ мѣрахъ и единство въ

[1]) Письмо императора Александра наслѣдному принцу шведскому, отъ 22 іюня (4-го іюля) 1812 года, изъ Видзи.

общемъ планѣ дѣйствій. Поэтому я увѣренъ, что ваше высочество не отсрочите мнѣ вашего содѣйствія».

Императоръ писалъ это письмо въ то время, когда предполагалъ, что главныя силы Наполеона направляются на правое крыло нашихъ войскъ, и не зналъ, съ какими превосходными силами долженъ былъ бороться князь Багратіонъ; но и впослѣдствіи, когда пришелъ къ убѣжденію, что, напротивъ того, силы непріятеля направлены на лѣвое крыло, когда рѣшено было оставить Дрисскій лагерь и обѣимъ арміямъ идти на соединеніе одной съ другою, заботы о Петербургѣ его не оставляли. Вслѣдствіе союза съ Швеціею и довѣренности, какую питалъ къ Бернадоту, онъ не боялся опасности съ сѣвера; но не могъ еще знать: къ Москвѣ или Петербургу направитъ Наполеонъ свои войска. Извѣщая графа Салтыкова о побѣдѣ авангарда графа Витгенштейна, подъ начальствомъ генерала Кульнева, надъ французами, о наступленіи непріятеля въ силахъ, гораздо превосходившихъ наши, и что только продолженіемъ войны можно надѣяться переборотъ его, императоръ писалъ ему: «Всѣ сіи обстоятельства заставляютъ помыслить заблаговременно о предметѣ разговора нашего незадолго передъ моимъ отъѣздомъ, то-есть о возможности непріятеля пробраться до Петербурга. Я бы желалъ, чтобы ваше сіятельство внимательно подумали о семъ предметѣ и, по крайней мѣрѣ, чтобы уже рѣшено было по здравомъ размышленіи все то, что надобно будетъ увезти изъ Петербурга и о способахъ сего увоза. Второпяхъ сіе будетъ сдѣлано съ замѣшательствомъ и не основательно. При семъ прилагаю реестръ, что мнѣ на первый случай на память пришло. За симъ, ваше сіятельство, бывъ на мѣстѣ, болѣе имѣете способовъ сообразить сей важный предметъ, нежели я. Само собою разумѣется, что вы будете исправно извѣщены о всемъ происходящемъ здѣсь, и я уповаю на Всевышняго, что Онъ отвратитъ отъ насъ сіи послѣдствія. Впрочемъ, если бы они должны случиться, отъ происшествія здѣсь могущаго быть, до прибытія непріятеля въ С.-Петербургъ дней двадцать необходимо пройдетъ. Но я считаю необходимымъ заранѣе все примыслить и приготовить, дабы не второпяхъ все дѣлалось. Я твердо считаю на привязанность вашего сіятельства ко мнѣ и къ отечеству, и что въ семъ важномъ случаѣ вы мнѣ докажете оную вашимъ дѣятельнымъ содѣйствіемъ» [1]). Въ спискѣ тѣхъ предметовъ, которые должны быть вывезены изъ Петербурга, собственноручно написаннымъ самимъ императоромъ, исчислены государственныя учрежденія съ ихъ архивами, придворныя драгоцѣнности и лучшія изъ художествен-

---

[1]) Собственноручное письмо императора Александра—графу Н. И. Салтыкову отъ 4-го іюля 1812 года, изъ Бѣлковщизны (Военно-ученый Архивъ. № 459 Отд. 1). *Ред.*

ныхъ произведеній Эрмитажа, одежды прежнихъ государей, «всѣ трофеи, хранящіеся въ крѣпости, въ Исаакіевской церкви, въ арсеналѣ, въ Петергофской слободской церкви, богатства Александроневской лавры. Если можно, то и мощи. Статую Суворова съ Царицинскаго луга». Но особенно заботился императоръ о томъ, чтобы вывезено было все, напоминавшее о Петрѣ Великомъ. «По достовѣрнымъ извѣстіямъ,—писалъ онъ,—Наполеонъ въ предположеніи вступить въ Петербургъ, намѣревается увезти изъ онаго статую Петра Великаго, подобно какъ онъ уже учинилъ въ Венеціи вывозомъ извѣстныхъ четырехъ коней бронзовыхъ съ плаца св. Марка и изъ Берлина тріумфальной бронзовой колесницы съ конями съ воротъ, называемыхъ Бранденбургскими. То обѣ статуи Петра 1-го, большую и малую, которая передъ Михайловскимъ замкомъ, снять и увезти на судахъ, какъ драгоцѣнности, съ которыми не хотимъ разставаться. Восковое изображеніе Петра 1-го въ академіи наукъ хранящееся и всѣ вещи, къ оному принадлежащія. Изъ Монплезира всѣ вещи, сему великому Государю принадлежащія. Я думалъ бы также разобрать бережно домъ его, возлѣ крѣпости состоящій и равномѣрно на галіотѣ увезти».

Всѣ эти предметы императоръ предполагалъ направить по Маріинскому каналу, а частью и на подводахъ сухимъ путемъ, на Казань «куда и императорская фамилія можетъ отправиться, въ нужномъ случаѣ, чрезъ Ярославль».

IV.

Послѣ перваго извѣстія о вторженіи непріятеля, изданные приказъ арміи и письмо къ графу Салтыкову, хотя и объявляли во всеобщее свѣдѣніе о началѣ военныхъ дѣйствій; но однако же они не могли замѣнить собою торжественнаго манифеста, которымъ обыкновенно русскіе государи объявляли о войнахъ своимъ подданнымъ и которые читались во всѣхъ храмахъ имперіи. Хотя Наполеонъ, и сдѣлавшись императоромъ, дѣйствовалъ подобнымъ образомъ съ европейскими державами, какъ напримѣръ съ Австріею въ 1805 г.; но въ Вильнѣ, за многими можетъ быть хлопотами, никому не приходило въ голову, что онъ можетъ вторгнуться въ предѣлы Россіи, безъ объявленія войны. Это обстоятельство и быстрый выѣздъ оттуда императора были причиною того, что Россія узнала о войнѣ изъ обнародованнаго приказа войскамъ и письма Государя къ графу Салтыкову. Но, выѣхавъ изъ Вильны, безъ сомнѣнія, императоръ не могъ не подумать о манифестѣ. Дѣйствительно,

*

по пріѣздѣ въ Свенцяны, на другой же день онъ сказалъ Ш и ш к о в у: «Надобно бы собрать свѣдѣнія и написать подробный манифестъ о началѣ и причинахъ нашей съ французами войны». Такому человѣку, какъ Шишковъ, совершенно незнакомому съ ходомъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею, съ спорными вопросами, постоянно возникавшими съ самаго Тильзитскаго мира и до 1812 года между кабинетами обѣихъ имперій, безъ сомнѣнія, было не только трудно, но едва-ли возможно исполнить это. Онъ понималъ важное значеніе такого манифеста для Россіи, какъ истинно русскій человѣкъ, и былъ достаточно добросовѣстенъ, чтобы не взяться за дѣло не по силамъ. «Я хотѣлъ приступить, — говоритъ онъ,—къ исполненію сего повелѣнія, но не было никакой возможности, потому что надлежало имѣть время заняться сею т р у д н о ю работою, сообразить всѣ прошедшія политическія сношенія и дѣянія, отобрать отъ графа Румянцева многія касающіяся до сего свѣдѣнія; а мы почти ежедневно переѣзжали съ мѣста на мѣсто, и при томъ графъ Румянцевъ, съ своею канцеляріею, ѣздилъ и останавливался по отдаленнымъ отъ насъ мѣстамъ, такъ что ни о чемъ нельзя было снестись съ нимъ и справиться. Написать же манифестъ какъ-нибудь, безъ всякихъ справокъ и свѣдѣній, безъ яснаго изложенія справедливыхъ причинъ, казалось мнѣ, было бы нѣчто недостойное обнародованія. По симъ обстоятельствамъ, при всемъ моемъ желаніи исполнить волю Его Величества, не могъ я къ тому приступить» [1]).

Между тѣмъ составленіе манифеста и скорѣйшее его обнародованіе императоръ все болѣе и болѣе считалъ настоятельнымъ, особенно послѣ возвращенія въ Видзи Балашева съ отвѣтомъ Наполеона на послѣднее къ нему письмо императора Александра.

Выѣхавъ изъ Вильны въ ночь 13-го іюня, генералъ-адъютантъ Балашевъ на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ мѣстечко Риконты по дорогѣ на Ковно, близъ котораго находились уже непріятельскіе аванпосты. Взявъ съ собою лейбъ-казачьяго полка урядника, казака и трубача, онъ черезъ часъ наѣхалъ на французскій ведетъ. Онъ принадлежалъ къ авангарду, состоявшему изъ двухъ корпусовъ конницы, подъ начальствомъ Мюрата, за которымъ непосредственно шелъ корпусъ Даву, а за нимъ самъ Наполеонъ съ гвардіею. О прибытіи русскаго генерала дали знать неаполитанскому королю, а онъ прислалъ своего адъютанта, съ тѣмъ, чтобы онъ проводилъ его къ маршалу Даву. Продолжая путь въ сопровожденіи этого офицера, Балашевъ вскорѣ встрѣтилъ Мюрата, окруженнаго свитою. Поравнявшись съ нашимъ генераломъ, онъ сошелъ съ лошади, то же сдѣлалъ и Балашевъ.

«Я очень радъ, генералъ, что вижу васъ между нами, и очень радъ

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Т. 1. стр. 128. Берлинъ 1870. *Ред.*

съ вами познакомиться», сказалъ онъ ему, «но начнемъ съ того, что надѣнемъ шляпы. Здѣсь все показываетъ, что началась война».

«Точно такъ, государь», отвѣчалъ Балашевъ, «кажется, таково намѣреніе императора Наполеона».

«Вы не думаете, что началъ войну императоръ Александръ?»

«Нѣтъ, государь, я имѣю при себѣ даже доказательства».

«Что вы?», продолжалъ Мюратъ, «а нота, которую вы прислали съ настоятельнымъ требованіемъ прежде всего очистить Пруссію, не начиная переговоровъ».

«Сколько мнѣ извѣстно», отвѣчалъ Балашевъ, «это было одно изъ условій въ этой нотѣ и не самое важное».

«Но не такое однако же», замѣтилъ Мюратъ, «которое могло быть принято. Впрочемъ, я очень былъ бы радъ, еслибы оба императора пришли къ соглашенію и не продолжали войны, которая началась противъ моего желанія. Я не хочу задерживать васъ, генералъ, продолжайте вашъ путь. Увѣряю васъ, что не могу вамъ сказать навѣрное, гдѣ находится теперь императоръ; но полагаю, что недалеко отсюда».

Суровый маршалъ Даву обошелся съ нимъ не такъ учтиво. Когда Балашевъ увидался съ нимъ, онъ объявилъ ему, что не знаетъ, гдѣ находится императоръ, и прибавилъ: «передайте мнѣ письмо, которое вы привезли, я пошлю его къ нему».

Балашевъ вынулъ письмо, но, держа его передъ нимъ и не отдавая, говорилъ: «вотъ письмо, но я долженъ вамъ замѣтить, г. маршалъ, что императоръ, мой повелитель, поручая мнѣ отвезти это письмо, предполагалъ, что я лично передамъ его въ руки самого императора Наполеона».

«Это все равно, генералъ, отвѣчалъ съ негодованіемъ Даву, здѣсь сила не на вашей сторонѣ, вы у насъ, надо поступать такъ, какъ отъ васъ требуютъ».

«Возьмите письмо, г. маршалъ, отвѣчалъ Балашевъ, но, считая долгомъ показать ему, что слѣдуетъ быть учтивѣе, сказалъ: «я попрошу васъ не принимать ни въ какой разсчетъ меня лично, но не забывать, что я имѣю счастіе носить званіе генералъ-адъютанта Его Величества русскаго императора».

Нѣсколько озадаченный, Даву поспѣшилъ сказать: «съ вами будутъ обходиться, генералъ, со всею должною вамъ учтивостію», немедленно поручилъ при немъ одному изъ офицеровъ отвезти письмо къ императору Наполеону и долго молча стоялъ передъ Балашевымъ, который также въ свой чередъ не считалъ нужнымъ заводить съ нимъ рѣчь. Послѣ долгаго молчанія Даву сказалъ только своему адъютанту, чтобы онъ распорядился завтракомъ. «Всѣ разговоры наши, пишетъ Балашевъ,

и сего дня, и слѣдующаго за нимъ, не заслуживаютъ особеннаго вниманія и основаны были на недовѣрчивости и осторожности».

На другой день, за обѣдомъ, онъ сказалъ ему, что получилъ уже приказанія на его счетъ. «Я долженъ продолжать движеніе, а вы останетесь здѣсь и должны дождаться отвѣта на письмо, которое привезли. Мнѣ кажется,—послѣ нѣкотораго молчанья прибавилъ онъ,—это письмо прислано для того только, чтобы выиграть время. Когда посланникъ требуетъ своихъ паспортовъ, то это уже доказываетъ, что рѣшились на войну. Если бы это было не такъ, то для чего было не позволить г. Лористону пріѣхать въ Вильну. Я очень желаю, чтобы поскорѣе было дано сраженіе; тогда можно будетъ начать переговоры».

Разставаясь съ Балашевымъ, онъ сказалъ ему: «прощайте, генералъ, я оставляю въ ваше распоряженіе мою квартиру и моего адъютанта, гр. Декастри. Приказывайте, всѣ ваши распоряженія будутъ исполнены; но знайте, что мы находимся въ войнѣ, и потому вы должны подчиниться нѣкоторымъ ограниченіямъ: я попрошу васъ разговаривать только съ моимъ адъютантомъ и не переходить за линію часовыхъ». Маршалъ Даву уѣхалъ впередъ къ Вильнѣ, куда по приказанію императора Наполеона, не теряя времени, долженъ былъ слѣдовать его корпусъ за авангардомъ Мюрата, а Балашевъ оставался въ этомъ положеніи до 18-го іюня, безъ сомнѣнія крайне унизительномъ для достоинства Россіи. Но это положеніе для уполномоченнаго императора Александра было придумано съ особенною цѣлью.

Вожди, сотрудники Наполеона на боевомъ поприщѣ, не сочувствовали предпринятому имъ нашествію на Россію, каждый по-своему желали, чтобы оно поскорѣе окончилось, но всѣ были увѣрены, не зная дипломатическихъ сношеній между двумя имперіями, что Россія вызвала на войну съ ней ихъ повелителя.

Іюня 18-го Балашеву объявили объ отъѣздѣ къ императору Наполеону и привезли его въ Вильну въ квартиру маршала Бертье. На другой день графъ Тюренъ, камергеръ Наполеона, объявилъ ему, что императоръ готовъ его принять. Войдя въ его кабинетъ, Балашевъ увидалъ, что это была та же самая комната, въ которой пять дней тому назадъ императоръ Александръ отправилъ его съ письмомъ къ Наполеону. Для этой-то выходки и задерживали нѣсколько дней Балашева.

«Я очень радъ видѣть васъ и познакомиться съ вами, генералъ, я много слышалъ о васъ хорошаго и знаю, что вы одинъ изъ преданныхъ людей императору Александру,—началъ говорить Наполеонъ, лишь только вошелъ къ нему Балашевъ.—Я буду говорить откровенно и поручаю вамъ вѣрно передать мои слова вашему Государю. Мнѣ весьма непріятно, что императоръ Александръ окруженъ дурными совѣтниками. Чего онъ ожидаетъ отъ этой войны? Я уже завладѣлъ безъ выстрѣла

нѣсколькими прекрасными изъ его областей и прежде нежели мы, онъ и я, узнали, за что мы воюемъ».

«Государь!—отвѣчалъ ему Балашевъ, – императоръ, мой повелитель, не желаетъ войны, не онъ ее началъ, его войска до сихъ поръ не переходили границъ его владѣній, между тѣмъ войска Вашего Величества прошли всю Европу, чтобы приблизиться къ нашимъ границамъ, перешли ихъ безъ предварительнаго объявленія войны и не встрѣтивъ сопротивленія со стороны нашихъ войскъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что мой Государь поручилъ мнѣ сообщить Вашему Величеству, что только въ день моего отправленія онъ получилъ извѣстія о причинахъ войны, которыя заявляетъ вашъ посланникъ. Онѣ состоятъ въ томъ, что нашъ посланникъ, кн. Куракинъ, настойчиво требовалъ своихъ паспортовъ. Онъ не одобряетъ поступка своего посланника, онъ не давалъ ему на то полномочія и напротивъ сдѣлалъ выговоръ, лишь только узналъ объ этомъ. Поэтому такое обстоятельство не можетъ служить поводомъ къ войнѣ. Если Ваше Величество имѣете какія-нибудь неудовольствія, то императоръ немедленно готовъ войти въ соглашенія, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ваши войска безъ замедленія вышли изъ предѣловъ Россіи. Несмотря на все, что случилось, Его Величество поручилъ мнѣ увѣрить васъ, что не существуетъ еще между нимъ и враждебнымъ вамъ кабинетомъ Великобританіи никакого соглашенія»... «А, это легко устроить, —прервалъ его императоръ Наполеонъ,—англичане только этого и ожидаютъ. Стоитъ послать нарочнаго, и все будетъ немедленно устроено. Но какимъ же образомъ императоръ Александръ говоритъ, что не онъ началъ войну. Развѣ я не предлагалъ въ продолженіи 18 мѣсяцевъ соглашеній со мною. Я не получалъ ни объясненій, ни даже отвѣта. Развѣ не вашъ посланникъ передалъ мнѣ ноту вашего кабинета, въ которой было сказано, если я хочу, чтобы вошли со мною въ переговоры, то прежде всего я долженъ вывесть мои войска изъ Пруссіи. Можно ли дѣлать подобное предложеніе государю, къ которому питаютъ уваженіе, съ которымъ не желаютъ начинать войны? Я думаю, что вы не писывали подобныхъ нотъ ни къ одному изъ малѣйшихъ европейскихъ дворовъ, не исключая даже и шведскаго; но французскій дворъ безъ сомнѣнія никогда не получалъ подобныхъ нотъ. Развѣ я не говорилъ кн. Куракину, чтобы онъ устранилъ это условіе, потому что оно принято быть не можетъ. Если бы мнѣ отдали Петербургъ и Москву въ добавокъ, и тогда я не потерплю такого условія; я долженъ принять его за объявленіе войны. Несмотря на все это, генералъ, онъ мнѣ представилъ эту ноту чрезъ два дня вмѣстѣ съ другими, придавая ей главное значеніе. Развѣ не вы первые начали вооружаться? Не вашъ ли императоръ первый прибылъ къ своимъ войскамъ? Я полагалъ даже, что эта нота была произведеніемъ

самого Куракина. Это честный человѣкъ, но ограниченный; другой бы на его мѣстѣ не представилъ бы этой ноты, послѣ того, что́ я говорилъ ему. Все это могло бы сдѣлаться само собою послѣ переговоровъ. Да могло бы, я вывелъ уже однажды мои войска изъ Пруссіи, я могъ это сдѣлать и въ другой разъ; но требовать этого отъ меня особою нотою... на что же это похоже! По правдѣ сказать, въ подобныхъ обстоятельствахъ слѣдовало бы употреблять людей болѣе тонкихъ и хитрыхъ, нежели князь Куракинъ. Но я своими глазами видѣлъ данныя ему наставленія, въ которыхъ находилось слово въ слово это условіе. Я сообщилъ эту ноту всѣмъ европейскимъ дворамъ, и всѣ признали ее за объявленіе мнѣ войны»...

Такъ говорилъ Наполеонъ, по обыкновенію увлекаясь рѣчью, не перерывая ея и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ это время отъ вѣтра растворилась форточка въ одномъ изъ оконъ; не перерывая рѣчи, онъ затворилъ ее, но она снова отворилась. Продолжая нѣсколько разъ затворять ее, онъ наконецъ съ явною досадою оторвалъ ее отъ рамы и выбросилъ за окно,—продолжая говорить: «Я хотѣлъ ѣхать въ Испанію и долженъ былъ отложить мою поѣздку, я сдѣлалъ большіе расходы. Я знаю, что война Франціи съ Россіею не шутка ни для Франціи, ни для Россіи. Я сдѣлалъ большія приготовленія, и у меня втрое болѣе войскъ, нежели у васъ. Я знаю не хуже васъ, сколько у васъ войскъ, а можетъ быть даже и лучше васъ. Ваша пѣхота простирается до 120 тыс., кавалерія отъ 60 до 70 тыс. Однимъ словомъ, у васъ войскъ до 200 тыс., что́ менѣе въ три раза, чѣмъ у меня. Императоръ Александръ окруженъ дурными совѣтниками. Какъ ему не стыдно приблизить къ себѣ негодныхъ людей!»

Осыпавъ бранью Армфельта, Штейна и Беннигсена, онъ продолжалъ: «я не знаю барона де-Толли; но судя по началу кампаніи, я думаю, что онъ не обладаетъ военными дарованіями. Ни одна изъ вашихъ войнъ не начиналась такъ безпорядочно, сколько сожгли вы магазиновъ и для чего? Не слѣдовало ихъ учреждать или воспользоваться ими. Неужели у васъ думали, что пришелъ посмотрѣть лишь на Нѣманъ, а не перейти его? Не стыдно ли вамъ, со временъ Петра I-го, съ тѣхъ поръ, какъ Россія сдѣлалась европейскою державою, никогда непріятель не переступалъ ея границъ и—вотъ я въ Вильнѣ, безъ сраженія завоевалъ цѣлую область. Хотя бы только изъ уваженія къ вашему Государю, котораго была здѣсь два мѣсяца главная квартира, вы должны бы защищать Вильну. Какой духъ вы хотите возбудить въ вашихъ войскахъ или уже возбудили? Я знаю, такой былъ въ нихъ духъ, когда они шли въ Аустерлицкую кампанію, они считали себя непобѣдимыми; а теперь они наперед убѣждены, что будутъ побѣждены моими войсками...»

Эти упреки русскимъ, утратившимъ будто-бы военныя доблести, не могли не задѣть за живое Балашева. Соблюдая приличія, онъ однако же рѣшился перервать своего собесѣдника...

«Могу увѣрить Ваше Величество, что дошедшіе до васъ слухи не имѣютъ никакого основанія. Русскіе воины далеки отъ того, чтобы потерять увѣренность въ своихъ силахъ, они ждутъ не дождутся, чтобы сразиться съ непріятелемъ, и ихъ нетерпѣніе возросло съ тѣхъ поръ, какъ они узнали, что нашимъ границамъ угрожаетъ опасность. Ваше Величество позволили мнѣ коснуться этого вопроса, а потому я осмѣливаюсь съ глубокимъ убѣжденіемъ предсказать вамъ, что война, которую вы предпринимаете, государь, будетъ ужасна, это будетъ война съ цѣлымъ русскимъ народомъ, а онъ — грозная сила. Русскій солдатъ храбръ, а народъ исполненъ любви къ отечеству и преданъ своему Государю». «Нѣтъ, генералъ, я знаю, въ Россіи никто не хочетъ войны, исключая совѣтниковъ императора Александра. Россія ея не хочетъ, Петербургъ не хочетъ, ни одна изъ европейскихъ державъ ея не одобряетъ, даже сама Англія ея не хочетъ, потому что она предвидитъ несчастія для Россіи и, можетъ быть, конечное бѣдствіе. Она полагаетъ, что Россія, въ томъ видѣ, какъ теперь, такая могущественная держава и одна только можетъ противодѣйствовать Франціи; но разъ она будетъ ослаблена, что же остается въ Европѣ? Нѣтъ, генералъ, я не могу не одержать успѣха въ этой борьбѣ. Я собралъ обо всемъ самыя точныя свѣдѣнія. Я знаю, что ваши войска храбры; но и мои также храбры; а у меня несравненно болѣе войскъ, нежели у васъ. У меня 80 тыс. поляковъ, а будетъ 200, до сихъ поръ при всѣхъ стычкахъ, въ сущности незначительныхъ, вы только съ ними имѣли дѣло. Что-за народъ эти поляки, какъ воодушевлены они желаніемъ возстановить войною прежнее свое отечество. Они дерутся, какъ львы. Чего вы можете ожидать отъ этой войны? потери польскихъ губерній, если будете ее продолжать. Я послалъ 50 тыс. на Волынь, что у васъ тамъ, ничего, Тормасовъ съ рекрутами, это все равно что ничего. Что у васъ здѣсь? 11 дивизій пѣхоты и 11 дивизій кавалеріи и не полныхъ, Багратіона я преслѣдую. Я увѣряю васъ, генералъ, ни одной войны вы не начинали хуже».

«Мы надѣемся, государь, окончить хорошо эту войну», замѣтилъ, прервавъ его рѣчь, Балашевъ.

Какъ бы не слыхавъ его замѣчанія, Наполеонъ продолжалъ: «потерявъ польскія области, вы начнете потомъ терять свои, гдѣ же этому предѣлъ! я готовъ идти въ ваши степи, сдѣлаю двѣ, три кампаніи, можете ли вы столько выдержать, какъ я?»

«Если по несчастью война не будетъ теперь же прекращена, то я предвижу, государь, — сказалъ Балашевъ,—выслушавъ ваши заявленія,

что она продолжится долго, и я смѣю васъ увѣрить, что мы будемъ продолжать четыре, пять и даже болѣе лѣтъ».

«Какъ вы можете продолжать войну безъ союзниковъ,—продолжалъ Наполеонъ,—тогда какъ, имѣя союзниковъ, вы не могли ее вести, напримѣръ, когда Австрія была съ вами. А теперь, когда вся Европа мнѣ помогаетъ, какъ вы можете мнѣ противустоять!»

«Мы будемъ дѣйствовать сообразно съ нашими силами».

«Откуда вы возьмете солдатъ, вамъ нужно брать по два рекрута съ 500 душъ для пополненія войскъ въ мирное время; я знаю, чего вамъ стоитъ Грузія, Турція, Финляндія. Я знаю, сколько вы взяли рекрутовъ и сколько еще можете взять. Вы далеко не пойдете—и что такое вашъ рекрутъ, сколько нужно времени, чтобы образовать изъ него солдата».

Послѣ мгновеннаго перерыва, онъ рѣзко спросилъ: «правда ли, что вы заключили миръ съ Турціею?» На утвердительный отвѣтъ Балашева онъ отвѣчалъ вопросомъ: «на какихъ условіяхъ? Они мнѣ неизвѣстны, мирный договоръ еще не обнародованъ. Если вы возвращаете имъ безусловно Молдавію и Валахію, то султанъ утвердитъ миръ; но если требуете, какъ говорятъ, чтобы ваша граница была по р. Прутъ, то никогда не утвердитъ, будьте увѣрены. Впрочемъ, я никогда не разсчитывалъ ни на турокъ, ни на шведовъ, это ничтожные народы»...

Какъ будто одушевляясь особенною любовью къ императору Александру, онъ продолжалъ: «Боже мой, какое великолѣпное открывалось для него будущее въ Тильзитѣ и особенно въ Эрфуртѣ. Я согласился отдать ему Финляндію, потомъ Молдавію и Валахію и можетъ быть современемъ отдалъ бы Варшавское герцогство»...

Но какъ-бы проговорившись и сказавъ болѣе, нежели хотѣлъ, поспѣшилъ прибавить: «не теперь, конечно, нѣтъ; но современемъ. Онъ самъ испортилъ свое прекрасное царствованіе или, лучше сказать, имѣлъ слабость послушаться людей злонамѣренныхъ въ отношеніи къ нему самому. Я не вѣрю, чтобы Румянцевъ писалъ эту ноту, это невозможно. Какъ начинать войну, незная за что? Могъ ли знать императоръ Александръ, что я не соглашусь сдѣлать то, чего онъ желаетъ; согласился же я въ Эрфуртѣ на присоединеніе Молдавіи и Валахіи, хотя я не былъ обязанъ къ тому по Тильзитскому договору. Я человѣкъ разсчета, я понялъ, что для меня выгоднѣе на это согласиться, нежели разорвать мой союзъ съ Россіей. И теперь могло то же случиться, какъ же не объяснившись напередъ вступать въ войну. Я уже въ Вильнѣ и не знаю, изъ-за чего мы деремся. Вся отвѣтственность за эту войну падаетъ на императора Александра передъ его народомъ; прежде онъ заключилъ со мною миръ, когда его народъ этого не желалъ, теперь началъ войну, когда его народъ не желаетъ. Какъ могъ императоръ Александръ, человѣкъ высокой честности, исполненный благородныхъ и возвышенныхъ

чувствъ, окружить себя людьми, у которыхъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти (comment peut-il s'environner de gens qui n'ont ni foi, ni loi). Какъ можемъ мы, я и другіе, которые искренно его любятъ, узнать безъ негодованія, что Армфельтъ и Штейнъ, люди, способные на всякое злодѣяніе, имѣютъ свободный доступъ въ его кабинетъ! Если бы онъ окружалъ себя русскими, никто бы не могъ ничего сказать противъ этого.

«Возможно ли, чтобы военный совѣтъ распоряжался военными дѣйствіями, такія войны никогда не бывали успѣшны. Мнѣ иногда въ глубокую ночь приходитъ въ голову счастливая мысль, я встаю, отдаю приказанія, и черезъ полчаса аванпосты уже начинаютъ приводить ихъ въ исполненіе. А у васъ: Армфельдъ дѣлаетъ предположенія, Беннигсенъ разбираетъ, де-Толли споритъ, Пфуль отвергаетъ и всѣ вмѣстѣ ничего не дѣлаютъ и теряютъ только время. Потомъ, къ какимъ вы прибѣгаете мѣрамъ?»

При этомъ онъ показалъ Балашеву перехваченныя письма, въ которыхъ нѣмцамъ совѣтуютъ оставить ряды французскихъ войскъ. «Какія это будетъ имѣть послѣдствія? Самъ императоръ Александръ будетъ причиною окончательнаго бѣдствія для Пруссіи. Я присоединю ее къ Франціи... Скажите императору, что я увѣряю его честнымъ словомъ, что въ моемъ распоряженіи находятся 550 тыс. войскъ по сію сторону Вислы, что война началась, но что я не противъ мира. Я употреблялъ всѣ способы, чтобы вступить въ переговоры, но мнѣ 18 мѣсяцевъ ничего не отвѣчали, Лористона не допустили пріѣхать въ Вильну, на посольство Нарбонна не обратили вниманія. Теперь я въ Вильнѣ и не выйду отсюда безъ особыхъ причинъ. Пусть императоръ Александръ напишетъ мнѣ или приметъ въ своей главной квартирѣ Лористона. Скажите ему, что мои чувства лично къ нему остаются неизмѣнно тѣ же, какія онъ могъ замѣтить при нашихъ свиданіяхъ и продолжительныхъ разговорахъ. Я хорошо его знаю и высоко цѣню его прекрасныя качества. Боже мой, Боже мой, какое бы прекрасное было его царствованіе, если бы онъ не разорвалъ союза со мною! Вы увидали бы, что случилось бы черезъ 10 лѣтъ».

Спросивъ потомъ, правда ли, что гр. Румянцевъ удаленъ отъ должности и замѣщенъ Кочубеемъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, императоръ Наполеонъ продолжалъ: «Скажите, за что удалили... какъ его зовутъ... что былъ при государственномъ совѣтѣ... Спе... Спер... я не помню его имени?» «Сперанскій, подсказалъ Балашевъ, — императоръ былъ имъ не доволенъ». «Правда ли, что тутъ была измѣна?» «Этого я не предполагаю, отвѣчалъ Балашевъ, — потому что въ такомъ случаѣ, это было бы обнародовано и его отдали бы подъ судъ».

«Стало быть какія-нибудь злоупотребленія, можетъ быть, воровство»

сказалъ Наполеонъ и отпустилъ Балашева, заявивъ, что въ продолженіи дня приготовитъ отвѣтъ на письмо императора Александра.

Лишь только генералъ Балашевъ вышелъ изъ кабинета французскаго императора въ другую комнату, наполненную генералами, въ числѣ которыхъ его встрѣтили, какъ знакомаго, Коленкуръ и Нарбоннъ, какъ подошелъ къ нему Дюрокъ и объявилъ, что императоръ приглашаетъ его къ своему обѣду въ 7 часовъ.

Кромѣ повторенія однихъ и тѣхъ же упрековъ политикѣ Россіи, будто бы, вопреки его желаніямъ, вызвавшей его на войну, хвастливой увѣренности въ успѣхѣ и желанія напугать громадою своихъ силъ и своею опытностію какъ полководца, въ рѣчахъ Наполеона, обращенныхъ къ Балашеву, нельзя не замѣтить скрытаго тока инаго рода мыслей. Онъ понималъ всю огромность своего предпріятія—сокрушить такую державу, какъ Россія. Къ осуществленію этого предпріятія влекла его неодолимая страсть къ всемірному господству; но онъ былъ, какъ и самъ говорилъ постоянно, человѣкъ разсчета. Необузданная страсть дикаря, какъ Тамерлана и Аттилы, уживалась въ этой необыкновенной личности съ математически точнымъ разсчетомъ образованнаго европейца. Разсчетъ былъ носильнымъ орудіемъ и пособникомъ могучей, неограниченной по самой своей природѣ, страсти. Управляемая имъ безсознательная способность дикаря почувствовать во́-время опасность давала ему средство пользоваться случайными обстоятельствами въ свою выгоду и выходить побѣдоносно изъ всякихъ затрудненій, достаточныхъ для того, чтобы погубить всякаго другаго военачальника. Это же свойство въ свой чередъ породило въ немъ вѣру въ счастье, въ свою звѣзду. Онъ увѣровалъ въ роковое свое значеніе и все и всѣхъ считалъ жертвами, обреченными судьбою, или его унизительному покровительству или неизбѣжной гибели.

На столѣ императора было только пять приборовъ, кромѣ Балашева съ нимъ обѣдали маршалы Бертье и Беліеръ и гр. Коленкуръ; въ другой комнатѣ обѣдали много генераловъ. «Нельзя было не замѣтить, что тонъ, который принялъ на себя Наполеонъ во время обѣда,—говоритъ Балашевъ,—былъ уже не тотъ, который онъ имѣлъ въ кабинетѣ, а гораздо надменнѣе. Мнѣ часто приходило на мысль остановить неприличіе этого тона какимъ-нибудь отвѣтомъ не по его вкусу, чтобы онъ могъ это замѣтить и воздержался. Иначе мнѣ одному посреди непріятелей нечѣмъ было поддерживать достоинство возложенной на меня должности». Онъ непрерывно дѣлалъ вопросы, нескромные и съ очевидною цѣлью насмѣхаться или выразить презрѣніе. «У васъ есть полки изъ киргизовъ?»—спрашивалъ онъ Балашева. «Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—у насъ есть только два полка изъ башкиръ и татаръ.» «Я это знаю потому,—замѣтилъ Наполеонъ, — что они перебѣгаютъ ко мнѣ». По случаю отставки

графа Гудовича и назначенія на его мѣсто графа Р о с т о п ч и н а, онъ спросилъ: «Не правда ли, что императоръ Александръ смѣняетъ всѣхъ тѣхъ, которые хорошо расположены къ французамъ?» — «Смѣю васъ увѣрить, государь, отвѣчалъ Балашевъ, что графъ Гудовичъ преданъ только Россіи и уволенъ по его просьбѣ за старостью и болѣзнью».

«Вамъ нужны теперь англоманы, правда ли, что Штейна приглашаютъ къ императорскому столу?» и получивъ положительный отвѣтъ, продолжалъ: «какъ можетъ Штейнъ обѣдать съ русскимъ императоромъ. Если бы даже онъ и желалъ слушать его совѣты, то во всякомъ случаѣ не долженъ былъ сажать его съ собою за столъ. Неужели онъ думаетъ, что Штейнъ можетъ быть привязанъ къ нему. Нѣтъ, ангелъ и дьяволъ никогда не должны быть вмѣстѣ. Правда ли, что императоръ Александръ, во время пребыванія въ Вильнѣ, каждый день пилъ чай у одной изъ здѣшнихъ красавицъ?» и обращаясь къ прислуживавшему ему за столомъ камергеру Т ю р е н у, спросилъ, какъ ее зовутъ? «Сулистровская», незадумавшись отвѣчалъ французъ, перепутывая имена. Безъ сомнѣнія, подобные вопросы ставили Балашева въ затруднительное положеніе. «Императоръ Александръ всегда любезенъ въ своемъ обращеніи и особенно съ женщинами; но въ Вильнѣ я видалъ его постоянно за инаго рода занятіями». «Почему же въ главной квартирѣ это можно себѣ дозволить» — отвѣчалъ Наполеонъ и обратился къ Коленкуру: «Не правда ли, вы были въ Москвѣ?» «Да, государь.» «Что, это большая деревня?» «Городъ, гдѣ множество большихъ и прекрасныхъ зданій.»

«А сколько, генералъ, жителей въ Москвѣ?» обратился онъ снова къ Балашеву.» «300 тыс., государь». «А домовъ?» «10 тысячъ.» «Церквей?» «До 240.» «Зачѣмъ такъ много?» «Онѣ всегда бываютъ полны народомъ». «Почему же это?» «Потому что нашъ народъ набоженъ» (c'est que notre peuple est dévot). «О, теперь нѣтъ набожныхъ.» «Извините, государь, замѣтилъ Балашевъ, можетъ быть въ Германіи и Италіи мало набожныхъ, но ихъ еще много въ Испаніи и Россіи».

Этотъ отвѣтъ не совсѣмъ понравился Наполеону, и онъ замолкъ на нѣсколько времени; но потомъ прервалъ молчаніе новымъ вопросомъ: «какая дорога ведетъ въ Москву?» «Ваше Величество предлагаете мнѣ этотъ вопросъ,—отвѣчалъ ему Балашевъ,—съ цѣлью поставить меня въ затрудненіе. Французы говорятъ, что всякая дорога ведетъ въ Римъ; а русскіе говорятъ, что можно избрать любую дорогу, чтобы достигнуть Москвы. Карлъ XII избралъ дорогу черезъ П о л т а в у».

Обѣдъ окончился. Войдя въ кабинетъ, Наполеонъ началъ длинную рѣчь, обращаясь къ Балашеву и повторяя въ разныхъ видахъ то, что уже говорилъ ему. «Императоръ Александръ,—говорилъ онъ,—испортилъ лучшее изъ бывшихъ въ Россіи царствованій (L'Empereur Alexandre a gâté le plus beau règne qui a jamais été en Russie). Боже мой, чего желаютъ люди!

Будучи разбитъ подъ Аустерлицемъ, разбитъ подъ Фридландомъ, однимъ словомъ, послѣ двухъ несчастныхъ кампаній, онъ получилъ Финляндію, Молдавію и Валахію, Бѣлостокъ и Тарнополь съ областями,—и недоволенъ. Екатерина не могла надѣяться пріобрѣсть болѣе. Онъ, къ своему несчастію, рѣшился на войну или увлекаемый дурными совѣтами, или своею судьбою. Но я не сержусь на него, несмотря на это, для меня каждая новая война есть новое торжество... Какъ можно ввесть въ свое общество Штейна, Армфельта, Винценгероде. Скажите императору Александру, пока онъ окружаетъ себя моими личными врагами, онъ дѣлаетъ мнѣ личное оскорбленіе, и я долженъ ему отвѣчать тѣмъ же. Я выгоню изъ Германіи всю его родню, изъ Виртемберга, Бадена, Веймара; пусть онъ приготовитъ имъ убѣжище въ Россіи. Развѣ у васъ мало русскихъ дворянъ, которые, безъ сомнѣнія, болѣе преданы императору, нежели эти наемники; неужели онъ можетъ думать, что они влюблены лично въ него (est ce qu'il croit qu'ils sont amoureux de sa figure?). Если онъ сдѣлаетъ Армфельда начальникомъ Финляндіи, но приближать его къ себѣ,—что же это такое? И на кого вы разсчитываете? продолжалъ онъ послѣ мгновеннаго раздумья,—на англичанъ? Но они не могутъ оказать вамъ пособія даже деньгами, потому что денегъ нѣтъ у нихъ самихъ; вы совершенно разстроите свои финансы, которые и такъ разстроены. На шведовъ? Если ихъ такова уже судьба, чтобы ими управляли сумасшедшіе короли, то они не могутъ быть вамъ полезны. Король съ ума сошелъ, призвали управлять другаго, но вотъ и П о н т е к о р в о сходитъ съ ума. Но погодите, мы еще увидимъ, какъ будутъ дѣйствовать шведы, когда вы будете поставлены въ дурное положеніе. Точно также и турки. Обѣ державы не упустятъ случая напасть на васъ, лишь только представится имъ удобный случай. У васъ нѣтъ хорошихъ генераловъ. Лучше всѣхъ Багратіонъ; онъ не большаго ума человѣкъ, но отличный генералъ. Что касается до Беннигсена, то, увѣряю васъ, я не замѣтилъ въ немъ дарованій. Какъ онъ дѣйствовалъ при Эйлау, при Фридландѣ! Пять лѣтъ тому назадъ онъ дѣлалъ ошибки за ошибками, а постарѣвъ еще теперь, на что же онъ способенъ... Я слышу, что императоръ Александръ самъ предводительствуетъ войсками. Для чего это? Чтобы принять на себя отвѣтственность, если они будутъ разбиты? Война—мое ремесло, я привыкъ къ нему. Онъ не въ такомъ положеніи, онъ императоръ по рожденію, онъ долженъ царствовать, а начальство надъ войсками поручить главнокомандующему. Награждать его, если онъ хорошо будетъ дѣйствовать; прогнать и наказать, если будетъ дѣйствовать дурно. Лучше, чтобы генералъ былъ отвѣтственнымъ липомъ передъ нимъ, нежели онъ отвѣтственнымъ передъ народомъ. И государи могутъ быть такъ же отвѣтственны! Этого не слѣдуетъ забывать».

Такъ говорилъ Наполеонъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и обращаясь къ Балашеву. Окончивъ рѣчь, онъ молча продолжалъ ходить

и вдругъ остановясь передъ Коленкуромъ и «ударивъ его легонько по щекѣ», сказалъ: «что жъ вы молчите, вы, старый угодникъ петербургскаго двора (Eh bien! Que ne dites vous rien, vieux courtisan de la Cour de Pétersbourg)? Готовы ли лошади для генерала? дайте ему моихъ, ему далеко ѣхать». Потомъ, обратясь къ маршалу Бертье: «Александръ, вы можете дать генералу прокламацію, она не составляетъ тайны», и отпустилъ Балашева [1]).

V.

Вмѣсто отвѣтнаго письма къ императору Александру, которое онъ намѣревался отправить съ Балашевымъ, Наполеонъ поручилъ своему начальнику штаба дать ему прокламацію, т. е. приказъ къ войскамъ о началѣ войны, объявленный имъ при переходѣ черезъ Нѣманъ [2]). Съ такими вѣстями онъ отправился въ главную квартиру Государя и нашелъ ее въ Видзи, 22-го іюня. Отправляя Балашева, императоръ не ожидалъ, чтобы Наполеонъ прекратилъ войну и вступилъ въ мирные переговоры. Извѣстія, привезенныя имъ, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всякая мысль о переговорахъ должна быть устранена [3]). Предстояло продолжать войну, которой первый періодъ уже близился къ окончанію и при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Непріятель, завладѣвъ Вильною, разобщилъ наши арміи и каждой изъ нихъ противупоставилъ бо́льшія по количеству силы. Первой арміи грозила опасность, вторая могла быть совершенно уничтожена, между тѣмъ Россія не знала о причинахъ войны. Послѣ обнародованнаго приказа войскамъ и письма императора къ графу Салтыкову 13-го іюня, извѣстившихъ Россію о пере-

---

[1]) Пребываніе генералъ-адъютанта Балашева въ Вильнѣ описано имъ въ собственноручной запискѣ, на французскомъ языкѣ; немногія строки ея изложены по-русски („Военно-Ученый Архивъ“ № 4349 отд. II) А. Н. Поповъ въ своемъ трудѣ о 1812 годѣ приводитъ ее почти цѣликомъ. Всѣ же предшествовавшіе ему историки отечественной войны: Михайловскій-Данилевскій и Богдановичъ ограничились приведеніемъ однихъ отрывочныхъ весьма неполныхъ данныхъ. *Ред.*

[2]) Здѣсь у почтеннаго автора вкралась неточность; Балашевъ былъ снабженъ отвѣтнымъ письмомъ къ императору Александру. Оно помѣчено: Вильно 19-го іюня (1-го іюля) и напечатано въ 24-мъ томѣ: „Correspondance de Napoléon I-er“ — Paris 1868. *Ред.*

[3]) Въ письмѣ Наполеона, привезенномъ Балашевымъ, между прочимъ сказано: „И такъ между нами объявлена война. Самъ Господь Богъ не можетъ сдѣлать такъ, чтобы то, что было, не было бы“. (La guerre est donc déclarée entre nous. Dieu même ne peut pas faire que ce qui a été n'ait été). *Ред.*

ходѣ непріятеля черезъ Нѣманъ, не появлялось манифеста о войнѣ. Эти, приказъ и письмо, появились въ «Сѣверной почтѣ», правительственной газетѣ того времени 19-го іюня; они были перепечатаны въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» и разнеслись по всѣмъ концамъ Россіи въ то время, когда положеніе дѣлъ измѣнилось, и происшествія далеко подвинулись впередъ. Случалось такъ, что частныя извѣстія, развезенныя какимъ-нибудь проѣзжимъ, распространяли слухи за долго до правительственныхъ объявленій. Во время передвиженія главной квартиры Государя отъ Свенцянъ къ Дрисскому лагерю и пребыванія ея въ Видзи, «я видѣлъ,—говоритъ Шишковъ,—что Анстетъ и Несельродъ ходили часто къ Государю и нѣчто ему читали. Скоро потомъ Несельродъ пришелъ ко мнѣ съ написанною по-французски на нѣсколькихъ листахъ тетрадью, сказывая, что Его Величество приказалъ мнѣ перевесть ее на русскій языкъ. Это былъ тотъ манифестъ, о которомъ Государь говорилъ мнѣ прежде и къ составленію котораго я приступить не могъ. Я удивился скорости сего сочиненія, оставилъ у себя тетрадь и прочиталъ ее со вниманіемъ; но, прочитавъ, удивился еще болѣе необдуманности, съ которою она была написана. Мнѣ казалось, что она не только не послужитъ къ оправданію и къ чести нашихъ поступковъ, но покажетъ ихъ въ видѣ, весьма для насъ невыгодномъ. Въ ней хотѣли оправдать Тильзитскій миръ и другія наши унизительныя съ Бонапартіемъ связи, о которыхъ лучше было бы, по моему мнѣнію, прейти молчаніемъ» [1]).

Въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Россія, появленіе манифеста представлялось дѣломъ неотложной необходимости, и скорость его сочиненія не должна бы возбуждать удивленія; но что касается до его содержанія, то оно дѣйствительно не соотвѣтствовало цѣли. Этотъ проектъ манифеста походилъ на растянутую, наполненную мелкихъ соображеній, дипломатическую ноту, обращенную притомъ не къ Россіи, а къ Европѣ, съ желаніемъ оправдать передъ ея кабинетами дѣйствія нашей политики, сравнивая ихъ съ политикою императора Наполеона. Послѣ заявленія о томъ, что война началась и «человѣчеству угрожаютъ новыя бѣдствія», послѣ увѣренія, что эта война «будетъ послѣдняя», и похвалъ русскому дворянству, народу и войскамъ, проектъ продолжаетъ: «Положеніе зачинщика войны прилично только тому, кто всю свою славу полагаетъ въ разрушеніи, а не тому, кто царствуетъ для того, чтобъ покровительствовать и сохранять. Теперь на насъ сдѣлано нападеніе, и мы съумѣемъ отразить несправедливое вторженіе въ наши предѣлы. Но во всякомъ случаѣ представимъ Европѣ изложеніе нашего образа дѣйствій въ отношеніи къ Франціи, начиная съ того времени, когда мы великодушно проливали свою кровь для тѣхъ государствъ,

[1]) Записки адмирала Шишкова т. I, стр. 130.

которыя теперь идутъ противъ насъ». За тѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ пререканій между двумя кабинетами, начиная съ Тильзитскаго мира и до пріѣзда въ Вильну гр. Нарбонна, и слѣдующее заключеніе: «Противупоставимъ противодѣйствіе дѣйствію, оружіе оружію, силу силѣ. Мы защищаемъ наше отечество, нашу политическую независимость. Мы сражаемся за славу русскаго имени, какой подвигъ можетъ быть лучше и достойнѣе божественнаго покровительства. Неудачи не приведутъ насъ въ уныніе, успѣхи не поселятъ въ насъ гордости. Наша цѣль заключается въ обезпеченіи безопасности нашей имперіи и въ доставленіи мира и спокойствія Европѣ. Происшествія докажутъ эту истину, и рано или поздно она окажетъ свое вліяніе и разсѣетъ то обаяніе или страхъ, который овладѣлъ народами. Мы примемъ съ распростертыми объятіями каждаго изъ нихъ, который захочетъ соединиться съ нами для защиты нашего дѣла. Она привлечетъ къ намъ союзниковъ, которыхъ выгоды совмѣстны съ нашими. Наше упованіе—на Бога, наше спасеніе—въ оружіи, наша надежда—на единодушное содѣйствіе всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Они возстанутъ поголовно, если это будетъ нужно. Они вооружатся, проникнутые великою истиною, что ничего нѣтъ невозможнаго для тѣхъ, которые сражаются за вѣру, семейство, честь и отечество, что ничего нѣтъ невозможнаго для тѣхъ, которые изгоняютъ изъ своихъ жилищъ несправедливо вторгнувшагося въ нихъ непріятеля. Честь, отечество, вѣра—священныя слова! Наполнятъ они сердца нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, да будутъ они въ ихъ устахъ и да защищаютъ они ихъ силою оружія. Богъ будетъ нашимъ помощникомъ во всѣхъ предпріятіяхъ».

Конечно, эта ученическая работа молодаго дипломата-иностранца, взявшагося не за свое дѣло, не могла не произвести тяжелаго впечатлѣнія на адмирала Шишкова. Она могла бы еще служить черновымъ наброскомъ для рядовой дипломатической ноты; но, какъ манифестъ, обращенный къ русскому народу въ такое грозное время, она, конечно, могла произвести непріятное впечатлѣніе. «Чувства мои, при чтеніи этой французской бумаги, пишетъ Шишковъ, наполнились такою горестью, что я, несмотря ни на что, пошелъ немедленно къ Государю и, объявя ему мнѣніе о ней, сказалъ съ твердостью: «воля ваша, Государь, но я не могу перевесть сей бумаги; она, мнѣ кажется, наполнена такими объясненіями, которыя русскому народу скорѣе подадутъ поводъ къ печали, нежели къ утѣшенію». Какъ ни были слова мои смѣлы, однакожъ, къ великой радости моей, Государь на нихъ не прогнѣвался, но съ кротостью старался убѣдить меня къ переводу оной, предоставляя мнѣ переправить въ ней, что я хочу. Ободренный симъ снисхожденіемъ, я утверждалъ снова, что она отъ начала до конца не съ такимъ достоинствомъ написана, съ какимъ ей быть должно, и что переправить ее столько же трудно, какъ

бы и вновь написать. Государь замолчалъ, и я вышелъ отъ него безъ всякаго рѣшительнаго предписанія. Наконецъ, ежедневные наши изъ мѣста въ мѣсто переѣзды и другія занятія, казалось, привели у него бумагу сію въ забвеніе, ибо онъ не напоминалъ мнѣ болѣе объ ней» [1]).

Кромѣ проекта манифеста, составленнаго графомъ Нессельроде, при содѣйствіи Анстета, былъ въ это время составленъ и другой проектъ, который, какъ по содержанію, такъ и по слогу, обличалъ свое происхожденіе изъ канцеляріи самого канцлера. Онъ написанъ слогомъ образованныхъ людей екатерининскаго времени, начинавшимъ въ это время, послѣ переворота, произведеннаго Н. М. Карамзинымъ, становиться уже устарѣлымъ. Но этотъ слогъ еще сильно замѣтенъ въ произведеніяхъ Шишкова и сходенъ съ тѣмъ, какимъ писаны всѣ русскія бумаги графа Румянцева. Что же касается до содержанія, то оно свидѣтельствуетъ, что его сочинителю во всей полнотѣ и точности были извѣстны предметы нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею. Кому же, кромѣ императора, могли они быть извѣстны въ такой степени въ это время, когда чрезвычайно строго сохранялась тайна дипломатическихъ сношеній и когда самыя приближенныя къ Государю лица знали только то, что онъ самъ считалъ возможнымъ имъ сообщать? Едва-ли, кромѣ графа Румянцева, кто-либо иной могъ написать этотъ проектъ манифеста, и весьма естественно, послѣ отказа А. С. Шишкова отъ возложеннаго на него порученія, по незнакомству съ дипломатическими нашими сношеніями, императоръ къ нему обратился съ этимъ порученіемъ. Въ этомъ проектѣ говорится, что «д в а лѣта коварствомъ и неограниченнымъ властолюбіемъ умышляемое нападеніе на русскую имперію наконецъ дѣйствіе свое воспріяло». Два года назадъ, въ 1810 году, императоръ Наполеонъ не утвердилъ заключенной по его же предложенію конвенціи съ Россіею о бывшей Польшѣ. Къ этому событію пріурочивается рѣшимость императора французовъ воевать съ нами, и оно прежде всѣхъ другихъ выставляется причиною войны. Послѣ Вѣнскаго мира (1809 г.) «едва лишь содѣйствіемъ нашимъ пролитіе крови,— говоритъ проектъ,—въ сей части Европы остановилось, едва торжественнымъ договоромъ водворились въ странахъ, войною удрученныхъ, тишина и порядокъ, какъ французскій императоръ умышлялъ уже противъ существованія оныхъ и мысленно размѣрялъ пространство времени, въ которое ему способно будетъ бросить пламенники свои на сѣверѣ и обольстить коварными предложеніями легкомысленныхъ людей той части бывшаго народа польскаго, которая познала истинное благоденствіе тогда только, когда къ имперіи нашей присоединилась... Приготовляя такую участь для сѣверныхъ странъ, французскій императоръ

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 131.

въ военной конвенціи, 1809 г. съ вѣнскимъ дворомъ заключенной, почелъ за нужное упомянуть имя какъ будто бы существующаго королевства польскаго, не изъ какой-либо къ жителямъ сей части Европы особой привязанности, но въ единственномъ намѣреніи произвести въ семъ краѣ раздоръ и мятежи. Мы не упустили изъявить ему по сему случаю нашего негодованія и получили въ отвѣтъ, съ самыми дружественными удостовѣреніями, предложеніе къ обезпеченію спокойствія на сѣверѣ истребить взаимнымъ согласіемъ и самое названіе поляковъ и Польши и утвердить согласіе сіе особымъ договоромъ. Мы почли нелишнимъ воспользоваться симъ предложеніемъ и, обязавъ, сколько возможно, французскаго императора актомъ, торжественно утвержденнымъ, остановить всегдашнее его стремленіе къ низверженію всякаго благоустройства. Конвенцію, по сему предмету заключенную и ничего инаго не содержавшую, кромѣ того, что самимъ французскимъ министерствомъ предложено было, посолъ французскій въ С.-Петербургѣ съ нашимъ канцлеромъ подписали. Въ оной принято было взаимное обязательство не возстанавливать бывшаго польскаго королевства, дабы не нарушить существующій порядокъ и ограничить число войскъ, въ герцогствѣ Варшавскомъ находящееся; но французскій императоръ недолго устоялъ въ словѣ своемъ положить самому себѣ таковую благую преграду и отказался упомянутый актъ утвердить своею ратификаціею, подъ предлогомъ, якобы не находилось для него въ сей конвенціи достаточныхъ взаимныхъ выгодъ, какъ будто бы въ силу оной мы что-либо новое пріобрѣтали. Симъ неожиданнымъ отступленіемъ отъ своихъ обѣщаній французскій императоръ обнаруживалъ достаточно свои, противъ благоденствія имперіи нашей, злотворные замыслы; но мы правиломъ себѣ положили избѣгать сколько возможно все то, что бы могло ускорить бѣдствія новой брани и мнили доброю вѣрою нашею пристыдить французскаго императора». Но вмѣсто того, императоръ Наполеонъ началъ усиливать свои войска на сѣверѣ Германіи и приближать ихъ къ нашимъ границамъ, присоединилъ къ Франціи съ ганзеатическими городами герцогство Ольденбургское, требовалъ прекращенія нашей торговли съ нейтральными, жаловался на нашъ тарифъ 1810 г. и наши оборонительныя вооруженія—«стремясь уравнять насъ въ разореніи и обезсиленіи съ властями, ему повинующимися».

Едва-ли можно ошибиться, предположивъ, что приведенныя мѣста изъ этого проекта и были причиною того, что императоръ не утвердилъ его и поручилъ написать другой графу Нессельроде. Въ этомъ послѣднемъ проектѣ о конвенціи о Польшѣ говорится какъ бы мимоходомъ, въ связи съ другими обстоятельствами, не придавая ей особеннаго значенія и не выдвигая впередъ, какъ исходную точку враждебныхъ замысловъ Наполеона противъ Россіи, какъ въ первомъ. Дѣйстви-

тельно, такая постановка вопроса о войнѣ съ Наполеономъ едва-ли согласовалась со взглядами императора и конечно не соотвѣтствовала обстоятельствамъ, въ которыхъ направленіе и дѣйствія поляковъ должны были получить весьма важное значеніе.

Послѣ перехода непріятелемъ Нѣмана и вторженія въ предѣлы имперіи началось и наступательное движеніе войскъ и военныя дѣйствія, хотя и не въ значительныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ манифестомъ необходимо было позаботиться и о составленіи извѣстій изъ арміи для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе. Едва императоръ оставилъ Вильну и прибылъ въ Свенцяны, какъ поручилъ генералу Пфулю составленіе перваго извѣстія (бюллетеня), представлявшаго особенную трудность, потому что въ немъ слѣдовало объяснить значеніе отступленія нашихъ войскъ и оставленіе непріятелю безъ боя значительныхъ областей имперіи. Вотъ проектъ этого извѣстія, имъ составленный:

«Россія сочла долгомъ держаться иной системы войны, въ сравненіи съ той, какой слѣдовала въ предшедшихъ войнахъ. До сихъ поръ всѣ говорили, что надо предупредить французовъ и повсюду нападать на нихъ. Трудно предупредить ловкаго непріятеля, умѣющаго пользоваться своими средствами. Это доказано печальными опытами. Императоръ Наполеонъ началъ войну съ силами гораздо большими, сравнительно съ тѣми, какія возможно было противупоставить ему на границахъ, но не съ тѣми, которыя онъ могъ встрѣтить, продолжая движеніе внутрь страны. Онъ долженъ былъ предполагать, что въ войнѣ съ нимъ будутъ слѣдовать старой системѣ. Съ этою цѣлью разсѣяли войска по границамъ на протяженіи почти 2.000 верстъ. Даже учреждали магазины, которые благоразумно сожгли и разрушили, начавши отступленіе. Чтобы еще болѣе затруднить движеніе непріятеля, все было увезено, что только можно было увезти,— продовольствіе, лошади, скотъ. Непріятель разсчитывалъ на рѣшительное сраженіе въ окрестностяхъ Вильны и ошибся въ своемъ разсчетѣ. Онъ хотѣлъ напасть на отдѣльные корпуса, которые быстро отступали, какъ бы захваченные врасплохъ, но не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, изнурилъ свои войска, разрушилъ конницу и оставилъ множество больныхъ въ госпиталяхъ. Да ободрятся всѣ желающіе свергнуть ненавистное иго! Первая армія, безъ потерь, въ хорошемъ состояніи достигла укрѣпленій на Дриссѣ, въ то время, какъ прекрасная армія князя Багратіона съ многочисленными казаками направляется на фланги и сообщенія непріятеля. Третья армія, подъ начальствомъ ген. Тормасова, дѣйствуетъ со стороны Волыни».

Кажется, нѣтъ нужды говорить, что этотъ проектъ перваго извѣстія изъ дѣйствующей арміи не могъ быть одобренъ императоромъ и обнародованъ; но за то могъ служить однимъ изъ убѣдительныхъ для

него доказательствъ совершенной неспособности ген. Пфуля и подтверждать справедливость нареканій и насмѣшекъ, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ. Неизвѣстно, кѣмъ составлено было другое; но трудность заключалась не въ одномъ изложеніи, а въ самой сущности. Нужно было оправдывать первоначальный планъ войны, довѣріе къ которому поколебалось уже въ самомъ императорѣ и отъ котораго пришлось скоро совершенно отказазаться. Предписаніе князю Багратіону, послѣдовавшее въ это самое время, идти на соединеніе съ первою арміею, о чемъ упоминается и въ этомъ извѣстіи, служило уже началомъ разрушенія первоначальнаго плана.

Въ этомъ извѣстіи растянутое по границамъ расположеніе нашихъ войскъ объяснялось тѣмъ, что послѣ движенія непріятеля къ Вислѣ въ февралѣ мѣсяцѣ «война казалась неизбѣжною; но государь императоръ рѣшился принять только мѣры осторожности и наблюденія, въ надеждѣ достигнуть еще продолженія мира». Эта надежда не исполнилась; но тѣмъ не менѣе непріятель вторгся въ наши предѣлы — «не прежде 12-го іюня: доказательство уваженія непріятеля къ принятымъ нами противъ него мѣрамъ». Описавъ движенія непріятельскихъ корпусовъ и отступленія нашихъ, для «занятія назначенныхъ имъ мѣстъ», въ этомъ извѣстіи объясняется, что «сіе движеніе нынѣ совершается» и описывается, гдѣ находились наши корпуса 17-го іюня, т. е. въ день составленія извѣстія. Движеніе, предписанное князю Багратіону, требовало того,—«чтобы избѣгать главнаго сраженія, доколѣ онъ не сблизится съ первою арміею, и потому нужно было Вильну до времени оставить. Дѣйствія начались и уже продолжаются пять дней; но ни который изъ разныхъ корпусовъ нашихъ не былъ еще атакованъ, а потому сія кампанія показываетъ уже начало весьма различное отъ того, какимъ прочія войны императора Наполеона означались. Происходили нѣкоторыя сшибки, въ которыхъ гвардейскіе казаки себя отличали».

Это извѣстіе было написано по-французски, и Государь прислалъ его вечеромъ часу въ девятомъ къ Шишкову, поручая немедленно перевесть для напечатанія въ вѣдомостяхъ. Чтеніе этой бумаги произвело на него тяжелое впечатлѣніе; вмѣсто ея онъ задумывалъ написать свою и отправился съ этимъ предложеніемъ къ Государю. «Но, выслушавъ меня,— говоритъ Шишковъ,—онъ приказалъ однако же перевесть её, примолвя притомъ, что онъ сейчасъ отправляетъ курьера и заляжетъ спать, покуда не получитъ сей бумаги». Шишковъ исполнилъ волю Государя; но грустной его мысли представлялось: «что подумаютъ, читая сіе? не всякъ ли скажетъ: какъ! въ пять дней отъ начала войны потерять Вильну, предаться бѣгству, оставить столько городовъ и земель въ добычу непріятелю и, при всемъ томъ, хвастать началомъ кампаніи! Да чего же

еще не достаетъ нашему врагу? Развѣ только того, чтобъ, безъ всякой препоны, приблизиться къ обѣимъ столицамъ нашимъ? Боже милосердый!—горькія слезы смываютъ слова мои»... Русскіе люди того времени вообще не могли примириться съ мыслью объ отступленіи нашихъ войскъ, о войнѣ оборонительной; а это чувство у адмирала Шишкова было раздражено болѣзненнымъ состояніемъ и трудностями бивачной жизни. Моряку, незнакомому съ трудностями сухопутныхъ походовъ, ему на старости лѣтъ и больному приходилось ихъ испытывать. «Въ Свенцянахъ,—говоритъ онъ,—отвели мнѣ ночлегъ въ жидовскомъ грязномъ и вонючемъ кабакѣ, съ земляным поломъ. Онъ состоялъ изъ двухъ горницъ, одной большой и другой маленькой, гдѣ въ углу стояла худая кровать съ приставленнымъ подлѣ нея къ стѣнѣ деревяннымъ столикомъ, едва могшимъ помѣстить на себѣ чернильницу, сальную свѣчку и мою бумагу. Тутъ, трудясь надъ непріятнымъ переводомъ, сидѣлъ я на треножномъ стулѣ, противъ маленькаго окошка, къ которому поминутно приходили солдаты стучать, чтобы имъ отперли двери кабака, такъ что я всякой разъ принужденъ былъ вскакивать со стула и каждому изъ нихъ во все горло кричать: «поди прочь! здѣсь стоитъ генералъ». Мало сего: сверху безпрестанно падали на бумагу мою тараканы, которыхъ я, пиша съ торопливостью, каждый разъ долженъ былъ отщелкивать. Къ симъ досадамъ присовокуплялась еще та, что хотя домъ, гдѣ остановился Государь, не далеко отстоялъ отъ меня, не болѣе 70 или 80 саженъ, однакожъ надлежало туда ночью, въ дождикъ, по грязной улицѣ бѣгать».

Не на одного Шишкова произвело непріятное впечатлѣніе это извѣстіе.

Едва-ли не безъ умысла, оно было помѣщено въ «Сѣверной почтѣ» не впереди—рядомъ съ правительственными сообщеніями, но въ числѣ частныхъ заявленій о благотворительномъ поступкѣ нѣкоторыхъ лицъ въ отношеніи къ голодавшимъ холмогорскимъ крестьянамъ, о приходѣ купеческихъ кораблей въ Кронштадтскій портъ, о полученіи новыхъ товаровъ отъ московскихъ фабрикъ въ магазинѣ купца Кузнецова. На это мнѣніе наводитъ и слѣдующее обстоятельство: черезъ десять дней въ «Сѣверной почтѣ» появилось впереди всѣхъ другихъ письмо главнокомандующаго Барклая-де-Толли къ министру внутреннихъ дѣлъ. Главнокомандующій писалъ: «Наконецъ смѣло могу увѣрить васъ, для увѣренія всей публики, что западныя войска наши въ самомъ наилучшемъ положеніи. Всѣ сыты, всѣ бодры и всѣ горятъ нетерпѣніемъ ударить на непримиримаго врага нашего. Вообще до сего времени все благопріятствуетъ намѣреніямъ нашимъ, и мы, надѣясь на Бога и храбрость воиновъ, не имѣемъ ни малѣйшей причины сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ оружія нашего». Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ помѣщенъ его приказъ къ войскамъ, объявленный наканунѣ написанія письма,

передъ вступленіемъ войскъ въ Дрисскій лагерь, и приказъ императора, объявленный въ день воспоминанія Полтавскаго сраженія. «Съ неожиданнымъ и даже наглымъ впаденіемъ непріятеля въ границы наши,—говорилось въ приказѣ главнокомандующаго,—надѣялся онъ расположенныя болѣе нежели на 800 верстахъ силы наши, какъ недостаточныя къ оборонѣ столь значительнаго пространства, разрѣзавъ колоннами своими на малыя части и истребивъ каждую порознь, свершить алчное намѣреніе свое, такъ сказать, однимъ пріемомъ. Симъ единственно способомъ, сколько ни противенъ онъ нравамъ народнымъ, удалось уже ему побѣдить разныя арміи и покорить державы, обманутыя надеждою на всеобщее уваженіе къ симъ священнымъ правамъ». Но это намѣреніе,—говоритъ далѣе приказъ,—ему не удалось и «вскорѣ соберетесь вы, храбрые воины, вмѣстѣ и общими силами противустанете врагу, дерзнувшему нарушить спокойствіе наше. И ежели бы онъ, утомленный тщетнымъ стремленіемъ на насъ и безчисленными нуждами въ семъ новомъ напряженіи силъ его, рѣшился избѣгать битвы съ нами; мы сами тогда устремимся на пораженіе его, мы сами съ помощію правосуднаго Бога отмстимъ ему за себя и за всѣхъ, отъ насилій его терпѣвшихъ». Въ приказѣ императора также заявлялось о предстоявшихъ битвахъ по соединеніи всѣхъ корпусовъ первой арміи въ Дрисскомъ лагерѣ. Всѣ эти извѣстія составлены были уже совершенно въ иномъ направленіи, нежели первое, дѣйствительно прошедшее почти никѣмъ незамѣченнымъ.

Императоръ надѣялся еще, что возможно будетъ принять сраженіе въ укрѣпленномъ лагерѣ, Барклай постоянно считалъ возможнымъ дѣйствовать наступательно. Увѣреніе главнокомандующаго, что войска находятся въ цѣлости, одушевлены мужествомъ и что первой арміи съ успѣхомъ удалось соединить всѣ свои корпуса, не давъ случая непріятелю разбить ихъ порознь, конечно, должно было произвести хорошее впечатлѣніе. Умалчивалось только одно, что была отрѣзана незначительная впрочемъ часть корпуса Дохтурова, и казаки Платова, удачно однакоже соединившіеся съ войсками Багратіона. Но не могли не замѣтить, что войска разбросаны были на пространствѣ 800 верстъ, и упрекали въ этомъ, хоть и не совсѣмъ справедливо, Барклая-де-Толли. «Онъ очень хорошій человѣкъ,—писалъ о немъ графъ Местръ своему правительству, повторяя конечно сужденіе высшаго петербургскаго общества, въ которомъ онъ постоянно вращался,—но не болѣе, и такой-то странный полководецъ противопоставленъ Наполеону. Онъ самъ публично осудилъ себя, объявивъ что войска Его Величества разбросаны были на пространствѣ въ 800 верстъ. Для чего же ихъ такъ размѣстили? Во всѣхъ войнахъ именно первый шагъ обличаетъ геніальнаго полководца. Онъ знаетъ, гдѣ слѣдуетъ ударить, и туда направляетъ силы, какъ огромное ядро, которое сразу раз-

рушаетъ все. Посредственность, не зная, гдѣ слѣдуетъ нанесть ударъ, дѣйствуетъ противоположнымъ образомъ, воображая, что повсюду можетъ наносить удары. Онъ раздѣляетъ ядро на мелкія дробинки, бросаетъ ихъ во всѣ стороны и никому не причиняетъ вреда. Когда Іосифъ II задумалъ начать войну съ турками, онъ составилъ планъ военныхъ дѣйствій, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Лесли и потомъ показалъ его фельдмаршалу Лаудону. Старый воинъ, разсмотрѣвъ этотъ планъ, разбросавшій войска по всѣмъ границамъ, сказалъ: «это прекрасное расположеніе войскъ, государь, для предохраненія государства—отъ чумы!» Не смотря на это, Іосифъ поступилъ по-своему, и послѣдствія извѣстны».

Впрочемъ, эти извѣстія появились въ «Петербургскихъ вѣдомостяхъ» въ то время, когда войска уже выступали изъ Дрисскаго лагеря, а разнеслись по всей Россіи, когда императоръ прибылъ уже въ Москву.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXVII [1]).

О начальникахъ и учителяхъ рязанскихъ духовныхъ училищъ.

Начальники и учителя рязанскихъ училищъ не имѣли никакого вліянія на насъ, — своихъ учениковъ, жившихъ въ семинарскомъ корпусѣ, пока дѣло касалось нашего житья внѣ классовъ, были полными нашими властелинами въ классѣ; отъ нихъ мы тутъ зависѣли такъ же, какъ и ученики Касимовскаго училища отъ Поликарпа Краснова, Горохова и Мартова.

Смотрителемъ въ то время былъ каѳедральный протоіерей Алексѣй Сидоровичъ Полянскій.

Немного мнѣ во всю жизнь случалось видѣть священниковъ, которые подобно Полянскому однимъ своимъ видомъ, своими пріемами могли внушить мірянамъ уваженіе къ себѣ.

Не только купцы, мѣщане, но чиновники и дворяне, очень уважали его, хотя онъ и не отличался особеннымъ умомъ, ученостью; даже проповѣдей вовсе не говаривалъ.

Онъ обучался нѣкогда въ Славяно-Греколатинской академіи, будто-бы вмѣстѣ съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, и пріѣзжалъ въ Рязань вмѣстѣ съ дядею своимъ архіепископомъ Амвро-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880, 1882, 1884, 1887, 1888 и 1892 гг., томы: XVII, XVIII, XXXIII, XXXIV, XLII, XLIII, LVI, LVII и LXXVI.

сіемъ, который пристроилъ его учителемъ философіи въ семинаріи; послѣ преобразованія духовныхъ училищъ въ 1874 г. Полянскій сдѣланъ былъ смотрителемъ рязанскихъ духовныхъ училищъ.

Зналъ онъ хорошо латинскій языкъ, катехизисъ и священную исторію, но греческаго языка, географіи и ариѳметики, особенно второй ея части, кажется, вовсе не зналъ; по-гречески даже плохо умѣлъ читать.

Дѣятельность свою по должности смотрителя онъ тѣмъ обнаруживалъ, что недѣли черезъ три-четыре обходилъ всѣ классы училища, спрашивалъ уроки, давалъ латинскія лекціи, и затѣмъ его мы кромѣ экзаменовъ никогда не видѣли.

Замѣтивши какую-либо неисправность, онъ бранился слѣдующими словами: «Ахъ ты поросенокъ, ... я вотъ тебѣ дамъ».

И если проступокъ казался очень важнымъ, то прибавлялъ: «ну-ка подайте хворостинку, хорошенько его, хорошенько»; но этихъ словъ мы не пугались; насъ ставили по его распоряженію; не обнажая, ударяли легко, да и давали не болѣе 10—15 ударовъ; кричишь бывало, но послѣ исподтишка и посмѣиваешься.

Между тѣмъ важный его видъ, сановитая походка, великолѣпная одежда, торжественные пріемы, особенный тонъ голоса производили на насъ грозное впечатлѣніе; мы словъ и взгляда его боялись болѣе, нежели хворостины.

Старшимъ по лѣтамъ учителемъ былъ Василій Петровичъ по прозвищу Козелъ.

Онъ училъ съ незапамятныхъ временъ, былъ учителемъ еще его батюшки.

Въ наше время онъ преподавалъ ариѳметику, катехизисъ, священную исторію и греческій языкъ.

Всѣ эти предметы, особенно два послѣдніе, зналъ отлично; могъ свободно читать греческихъ классиковъ, прозаиковъ и поэтовъ; легко писалъ самъ греческія рѣчи и для торжественныхъ случаевъ сочинялъ оды на томъ же языкѣ стихами.

Потомъ былъ весьма прилеженъ при исполненіи своей должности, приходилъ въ классъ очень рано и даже долго сиживалъ послѣ звонка.

Умѣлъ хорошо преподавать, уяснять особенности греческаго языка, его этимологію и синтаксисъ; занимательно разсказывалъ событія изъ священной исторіи; ну, кажется, на что́ бы лучше искать учителя?

И между тѣмъ это былъ самый безполезный учитель. Такого оригинала и въ мое время трудно было отъискать, а вы, будущіе мои читатели, вѣроятно, удивитесь, узнавши, какіе люди бывали у насъ учителями.

Василій Петровичъ, несмотря на свою старость, отличался какою-то наивною невинностью, дѣтскою простотою, а иногда чуть не ребяческою шутливостью и даже шаловливостью.

Многихъ изъ насъ онъ называлъ полууменьшительными и уменьшительными именами: Миша, Юша, Сема, Алеша или: Васенька, Мишенька, Сашенька,—въ досадѣ же говаривалъ: Васька, Ванька, Карлушка, Павлушка и даже съ прибавленіемъ словъ: мошенникъ, и пр.

Ко всѣмъ же намъ обращался большею частью со словами: ребята или ребятушки, произнося впрочемъ ихъ: рабята, рабятушки.

Иногда какъ будто нарочно старался позабавить насъ смѣшными сценами.

Замѣтивъ неисправность какого-либо большаго дѣтины, сидѣвшаго на третьей или четвертой партѣ, онъ требовалъ его къ отвѣту на середину класса.

Но едва бывало дѣтина сдѣлаетъ движеніе, чтобы, выбравшись изъ-за парты, идти свободнымъ проходомъ, какъ Василій Петровичъ закричитъ ему: «постой, постой, куда ты? зачѣмъ тревожить честныхъ людей и ходить по дорогѣ смирныхъ, исправныхъ учениковъ? нѣтъ, нагнись и ползи подъ партами».

И вотъ дѣтина, ростомъ иногда въ 2 аршина и 10 вершковъ, сгибается, подлѣзетъ подъ парты; здѣсь его встрѣчаютъ ноги любезныхъ товарищей, нерѣдко съ запасомъ грязи на сапогахъ; чуть не каждый старается задѣть ползущаго, который кромѣ того двигается по полу, покрытому соромъ, слюнями и ужасною грязью.

Наконецъ достигаетъ середины класса и вылѣзаетъ изъ-подъ партъ чучело-чучеломъ, такъ что дѣйствительно самъ Демокритъ, взглянувши на эту фигуру, разсмѣялся бы:

«Ну, здравствуй! Сёма или Ѳедя», спроситъ бывало Василій Петровичъ. «Каково поживаешь? Что скажешь новенькаго?»

И почти тотчасъ же опять предлагаетъ дѣтинѣ отправиться на свое мѣсто по прежней дорогѣ.

Въ другое время, замѣтивъ, что кто-либо, сидящій не на первой партѣ, шалитъ, Василій Петровичъ поручалъ сосѣду шалуна оттаскать его за волосы. Иной съ покорностью принималъ наказаніе, но другой и самъ вцѣплялся въ волосы наказывающаго, и начиналась взаимная потасовка.

Почтенный учитель начиналъ кричать: «постойте, перестаньте. Какъ ты смѣешь драться?» спрашивалъ шалуна. «Да онъ самъ дерется, отвѣчалъ этотъ; такъ какъ же его не ударить?» — «Ахъ ты мошенникъ! да вѣдь я ему велѣлъ это сдѣлать», скажетъ Василій Петровичъ.—«Да вы, Василій Петровичъ, приказали меня только наказать за шалость, а онъ началъ драться».

Разумѣется, весь классъ и самъ учитель хохочетъ, и обыкновенно дѣло этимъ и кончалось.

Если же являлись виновными два ученика-сосѣда, то имъ въ одно и то же время приказывалось драть другъ друга за волосы; ну тутъ, чуть ли не каждый разъ дѣло доходило до настоящей драки.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Простодушіе, наивность и шаловливость онъ выказывалъ не въ одномъ классѣ, а даже и въ церкви.

Я разскажу здѣсь три случая:

1) Въ рѣдкой изъ своихъ проповѣдей онъ не вставлялъ какого-либо выраженія, которое невольно вызывало улыбку на лицѣ слушателя.

Однажды, бывши уже протоіереемъ Борисоглѣбскаго собора, Василій Петровичъ, вышедши говорить проповѣдь, дѣйствительно вынулъ колоду игральныхъ картъ и подозвалъ къ себѣ

стоявшаго вблизи мальчика и, показавши ему отдѣльныя карты, спрашивалъ о каждой, какъ она называется.

Когда мальчикъ на все далъ удовлетворительные отвѣты, то проповѣдникъ сталъ ему предлагать вопросы изъ катехизиса, и мальчикъ оказался незнакомымъ съ нимъ.

Тогда-то старикъ, обратившись къ благочестивымъ слушателямъ, сказалъ: «вотъ, смотрите, православные, какое воспитаніе нынѣшнихъ дѣтей; названіе картъ они знаютъ, а закона Божія вѣдать не вѣдаютъ».

Разумѣется, въ церкви поднялся смѣхъ; тогдашній архіерей Гавріилъ, хотя и былъ его учителемъ, запретилъ говорить ему проповѣди.

2) Еще раньше этого Василію Петровичу слѣдовало говорить проповѣдь въ рязанскомъ лѣтнемъ соборѣ.

Здѣсь для проповѣдниковъ устроена была близъ одного столба каѳедра на высотѣ не менѣе $2—2^1/_2$ саженъ отъ церковнаго пола, но стѣнки ея имѣли небольшую высоту, такъ что стоявшій на ней болѣе чѣмъ на половину своего туловища былъ виденъ.

Василій Петровичъ, вошедши на каѳедру, спокойно положилъ на барьеръ каѳедры тетрадку съ проповѣдью, осмотрѣлъ своихъ слушателей и спокойно, медленно произнесъ обычное: В о и м я О т ц а и С ы н а и С в я т а г о Д у х а. А м и н ь.

Потомъ съ такимъ же спокойствіемъ и неторопливостью опустилъ руку сначала въ правый, а потомъ въ лѣвый карманъ своего подрясника, отыскивая въ нихъ очки.

Не нашедши ихъ, онъ нѣсколько секундъ былъ въ раздумьи, потомъ разстегнувши подрясникъ, сталъ искать очки въ карманѣ жилета. И прежде уже слушатели улыбались, когда старикъ, отворотивъ полы рясы, опускалъ руку въ карманы подрясника; но когда разстегнутъ былъ подрясникъ, то увидѣли не только жилетъ, но и рубашку проповѣдника, то многіе даже не удержались отъ смѣха.

Но неудача слѣдовала за неудачею: и въ жилетѣ очковъ не оказалось.

Тогда Василій Петровичъ, нисколько не сконфузясь, застегнулъ свой подрясникъ и обратился къ предстоявшимъ со словами: «православные, очки я забылъ».

Едва сдерживаемый до сихъ поръ смѣхъ разразился общимъ хохотомъ. Старецъ поклонился, не торопясь сошелъ съ каѳедры, сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ предъ мѣстною иконою у царскихъ вратъ, какъ обыкновенно поступали проповѣдники, сказавши свои поученія, и самымъ спокойнымъ образомъ отправился въ алтарь.

3) Бывши священникомъ при Воскресенской церкви, Василій Петровичъ имѣлъ часто, такъ сказать, стычки съ тамошнимъ дьячкомъ Карпомъ, или Терентьемъ, не припомню хорошенько имени; будемъ его звать Терентьемъ.

Дьячекъ былъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, исправенъ въ своей должности, зналъ отлично церковный уставъ, педантически и самъ исполнялъ и требовалъ отъ другихъ строгаго исполненія его.

Сознавая свою исправность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь расположеніемъ прихожанъ, онъ былъ настойчивъ до упрямства въ тѣхъ случаяхъ, когда считалъ себя правымъ.

По служебнику священникъ съ самаго начала такъ называемыхъ часовъ передъ обѣднею долженъ выдти изъ алтаря и сказать передъ царскими вратами: благословенъ Богъ нашъ и пр.

Дьячекъ говорилъ аминь и начиналъ чтеніе 3-го часа.

Всѣ почти священники, находясь въ алтарѣ у жертвенника, произносятъ свое: благословенъ... Такъ иногда поступалъ и Василій Петровичъ. Въ это время Терентій обыкновенно не начиналъ часовъ.

Василій Петровичъ, замѣтивъ это, громко изъ алтаря спрашивалъ: «Терентій, что же ты стоишь? Читай!» и получалъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ, не буду». «А почему же?» вновь говоритъ Василій Петровичъ, «развѣ ты не слышалъ возгласа? Читай!» «Нѣтъ, не буду, ты выйди изъ алтаря и скажи возгласъ здѣсь передъ царскими вратами, какъ требуетъ служебникъ, тогда стану читать».

Переговоры не вдругъ оканчивались; Василій Петровичъ настаивалъ на своемъ: читай, а Терентій на своемъ: не буду и пр.

Но дѣлать было нечего, и послѣдній, зная хорошо церковный уставъ, настаивалъ на своемъ и одерживалъ побѣду. И это повторялось часто, даже очень часто; стоявшіе въ церкви слышали весь разговоръ.

Но этотъ добрякъ и простодушный человѣкъ, разсердившись, бывалъ самымъ злымъ, вспыльчивымъ и капризнымъ, выходилъ изъ

себя, не любилъ дожидаться лозы, самъ подходилъ къ виновнику и начиналъ его подчивать пощечинами и таскать за волосы; въ этомъ случаѣ, подобно задорливымъ дѣтямъ, онъ доходилъ до какого-то безпамятства, отпускалъ, напр., по 10—20 и болѣе пощечинъ за одинъ разъ. Впрочемъ, несмотря на всѣ пощечины, потасовки и розги, ученики, по крайней мѣрѣ, далеко не всѣ, боялись Василія Петровича, любили проказничать въ его присутствіи и, даже иногда, такъ сказать, лѣзли ему въ глаза съ своими шалостями, чтобы вызвать со стороны его какія-либо репрессивныя мѣры; только трусливые и слабые его боялись.

Причина всего этого заключалась въ томъ, что взрослые молодцы,—а ихъ было очень много,—а за ними и менѣе рослые не давались, по тогдашнему нашему выраженію, Василію Петровичу, т.-е. не позволяли ему ударить себя по щекѣ или потаскать за волосы.

Старикъ, зная это, употреблялъ разныя продѣлки для того, чтобы кому-либо дать пощечину. Замѣтивъ, напр., что какой-либо Орловъ шалитъ, онъ, не вставая съ своего стула, начиналъ бранить не Орлова, а его сосѣда, напр., Иванова.

«Эй, Ивановъ, ты что шалишь?» Ивановъ, разумѣется, отвѣчаетъ: «помилуйте, Василій Петровичъ, я не шалю».

«Ахъ, ты, каналья, ты еще запираться сталъ, вотъ я тебя».

Послѣ этого, старикъ, вставши съ своего мѣста, отправлялся къ мнимовиновнику, но, подошедши къ нему, не давалъ пощечины ему, а награждалъ зазѣвавшагося и считавшаго себя безопаснымъ Орлова.

Это, разумѣется, производило всеобщій хохотъ, въ которомъ участвовалъ и Василій Петровичъ. Отъ часто повторявшихся подобныхъ сценъ произошло то, что когда подходитъ старикъ къ какой-либо партѣ съ явно-враждебными намѣреніями, то сидѣвшіе тутъ ученики принимали оборонительное положеніе, и Василію Петровичу развѣ какъ-нибудь тычкомъ удавалось наказать виновнаго.

Тутъ опять происходилъ смѣхъ, но однихъ уже учениковъ.

Учитель, раздосадованный неудачею и насмѣшниками, срывалъ, какъ говорится, свое сердце съ какого-нибудь невинно улыбающагося ученика-бѣдняка, задавалъ ему таску, приговаривая: «не смѣйся, сиди смирно», и пр.

Желая позабавиться надъ старикомъ или отмстить ему за пощечины и потасовки, ученики, главнымъ образомъ, прибѣгали къ двумъ средствамъ:

1) Старикъ на послѣобѣденные классы приходилъ частенько на-веселѣ и почти всегда съ сильнымъ расположеніемъ ко сну.

Случалось, что, усѣвшись на своемъ мѣстѣ, онъ мало-по-малу успокоивался и, подперши свою голову обѣими руками, засыпалъ сладкимъ сномъ. Въ это время обыкновенно въ классѣ водворялась мертвая тишина, отчего старикъ начиналъ даже всхрапывать.

Тогда одинъ какой-либо проказникъ, или нѣсколько человѣкъ вдругъ топали ногами, ударяли по столамъ толстыми книгами и вообще производили сильный шумъ.

Внезапно пробужденный старикъ вскакивалъ съ своего мѣста, пугался, растерывался и вообще приходилъ въ замѣшательство.

Въ прежнее время къ нему въ этомъ положеніи не одинъ разъ приводили ректора или инспектора.

2) Я уже сказалъ, что старика звали козломъ за его бороду, которая, дѣйствительно, имѣла сходство съ козлиною.

Къ несчастью, онъ слишкомъ былъ чувствителенъ къ этому прозвищу и потому—одинъ шалунъ напишетъ углемъ на стѣнѣ или вырѣжетъ ножичкомъ на двери и т. п. слово козелъ, другой исподтишка заблеетъ, тутъ какой-либо риторъ сквозь замочную скважину двери прокричитъ: козелъ; для этого даже внизу въ перегородкѣ, отдѣлявшей насъ классъ отъ риторическаго, пробито было небольшое отверстіе, черезъ которое нерѣдко раздавались на разные манеры слова: «ой козелъ, ты козликъ-козелъ, ой козлище-козельчикъ».

Ученики хохотали, а старикъ старался показать имъ, будто онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Случалось не разъ, что зазывали съ сосѣдняго двора настоящаго козла и вгоняли его въ классъ къ Василію Петровичу.

Тутъ хохотъ учениковъ и конфузъ учителя доходили до высшей степени, особенно когда выгоняемый козелъ рѣшался защищаться и начиналъ дѣйствовать своими рогами.

Очевидно, что такой учитель не могъ удовлетворительно преподать свой предметъ, еслибы слѣдовалъ даже хорошей педагогиче-

ской методѣ. Но у него была своя изобрѣтенная и поддерживаемая имъ однимъ метода.

Едва-ли не болѣе всего онъ чрезъ обученіе греческому языку старался и надѣялся сдѣлать насъ людьми нравственными.

Выбранное для этого средство было нѣсколько похоже на то, которое употреблялось въ бывшемъ первомъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ въ XVIII столѣтіи.

Какой-то изъ тогдашнихъ начальниковъ корпуса приказалъ на стѣнахъ даже ограды около сада написать различныя нравственныя изреченія для того, чтобы кадеты, всюду ихъ видя, ими вполнѣ пропитались.

Василій Петровичъ увлекался точно также идеею, но думалъ осуществлять ее нѣсколько иначе.

Дневальные до его прихода обязывались на черной доскѣ написать греческій текстъ съ соблюденіемъ правилъ орѳографіи и слогоударенія.

Такія изреченія, извѣстныя у насъ подъ именемъ сентенцій, должны были быть заимствованы не изъ Библіи, а изъ какихъ-либо другихъ сочиненій.

Главнымъ источникомъ, откуда мы ихъ брали, былъ бывшій тогда въ употребленіи греко-латинскій словарь Шереверьева (такъ мы его звали); и еще греческая грамматика на латинскомъ языкѣ.

Пришедши въ классъ, Василій Петровичъ прежде всего прочитывалъ сентенцію самымъ внимательнымъ образомъ. Затѣмъ начинался грамматическій разборъ и переводъ ея на русскій языкъ дневальнымъ, который стоялъ для этого у самой доски; исправлялись ошибки противъ орѳографіи и слогоударенія и, наконецъ, дѣлалось нравственное приложеніе къ намъ—шалунамъ.

Въ послѣднемъ случаѣ Василій Петровичъ отыскивалъ какого-либо молодца, къ которому она могла быть приложена:

«Вотъ смотри ты, Лебедевъ, говаривалъ почтенный наставникъ, вѣдь сентенція какъ нельзя лучше къ тебѣ идетъ; помнишь ли ты, какъ когда-то ты напроказничалъ» и пр.

Лебедевъ принимался доказывать, что сентенція идетъ не къ нему, а къ Петровскому.

Тутъ начинался споръ; Василій Петровичъ примирялъ враж-

дующихъ, мы хохотали. Примите къ свѣдѣнію, что и грамматическій разборъ происходилъ крайне медленно, и тогда поймете, что иногда на сентенцію употреблялось времени болѣе даже часу; случалось, что рѣшительно цѣлый классъ посвящался ей одной.

Дневальный, правильно написавшій и удовлетворительно разобравшій сентенцію, получалъ благодарность, въ противоположномъ случаѣ подвергался выговору, замѣчанію, взысканію и пр., которые большею частью состояли въ продолжительной рѣчи на тему: «ахъ, ты лѣнтяй-мальчишка!»

Но была одна сентенція, которая непремѣнно появлялась на доскѣ разъ или два въ каждую треть года и особенно не нравилась Василію Петровичу.

Въ ней сѣдины старика сравнивались съ козлиною бородою.

Прочитавши ее, Василій Петровичъ говаривалъ: «вотъ и видно, что дневальный дуракъ, мерзавецъ». Этотъ вступался за свою честь, доказывая, что сентенціей предписывается уважать сѣдины старца; и потому онъ — дневальный, напоминающій своимъ товарищамъ объ уваженіи, не заслуживаетъ названія мерзавца и пр.

Начинались пренія, оканчивавшіяся всегда приказаніемъ стереть мерзкую сентенцію.

Относительно научнаго преподаванія Василій Петровичъ держался того правила, что изученіе уроковъ на память было вовсе не нужно; слѣдовало только ихъ понимать и разсказывать съ толкомъ.

Признакомъ такого пониманія и толковости считалось, если кто, взявши учебникъ въ руки, читалъ по нему урокъ съ приличными остановками по запятымъ, по точкамъ, громкимъ голосомъ, съ особенною интонаціей.

«Вотъ такъ хорошо», говоритъ, бывало, отъ удовольствія Василій Петровичъ.

Не запрещалось читать урокъ и на память. Но если ученикъ нѣсколько поторопится, или не сдѣлаетъ приличной остановки, то обыкновенно получалъ замѣчаніе: «возьми, болтунъ, лучше книжку и прочитай по ней съ толкомъ». Потомъ, для спрашиванія уроковъ выбиралъ какую-либо парту и поднималъ кряду одного за другимъ

учениковъ, такъ что каждый догадливый мальчикъ за 10—15 человѣкъ могъ уже разсчитать, что́ ему придется отвѣтить.

Въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ, я описалъ уморительно смѣшную сцену съ моимъ любезнымъ товарищемъ Юшею, который на вопросъ изъ катехизиса отвѣчалъ правиломъ извлеченія квадратнаго корня.

Василій Петровичъ до такой степени увѣренъ былъ въ достоинствѣ своей методы, что онъ приказывалъ намъ даже на экзаменахъ для толку брать учебникъ въ руки и читать по немъ.

Алексѣй Сидоровичъ Полянскій смотрѣлъ сквозь пальцы на это. Но мы были свидѣтелями изумленія инспектора семинаріи Гедеона, экзаменовавшаго насъ въ качествѣ ревизора.

Замѣтивъ, какъ одинъ ученикъ читалъ свой отвѣтъ по учебнику, онъ сказалъ: «что это ты не знаешь и читаешь по книжкѣ? Экій ты дуракъ и лѣнтяй!» Тогда Василій Петровичъ счелъ обязанностью вступиться за ученика.

«Нѣтъ, ваше высокопреподобіе, онъ мальчикъ хорошій, умный и прилежный, а книгу взялъ въ руки для того, чтобы прочесть отвѣтъ съ толкомъ; я ихъ самъ училъ такъ читать».

Гедеонъ былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ и не зналъ, шутитъ ли старикъ или говоритъ серьезно. Впрочемъ, надобно сказать, что Василій Петровичъ довольно хорошо умѣлъ насъ научить переводу съ русскаго языка на греческій; мы умѣли отчетливо не только соблюдать правила этимологіи и синтаксиса, но и ставить удареніе и пр. Къ несчастію, и тутъ онъ дѣлалъ ошибки.

Всѣ свои переводы бралъ почти всегда изъ Библіи, преимущественно изъ Сираха, притчей Соломоновыхъ и пр.

Поэтому ученики, по крайней мѣрѣ многіе, умѣли находить въ Библіи подлинникъ и оттуда списывали, хотя скажу правду, иногда попадались въ бѣду, что́ случалось и со мною.

Инспекторомъ и другимъ нашимъ учителемъ былъ соборный ключарь протоіерей Николай Алексѣевичъ Гусевскій. Этотъ человѣкъ отличался спокойнымъ, ровнымъ, невозмутимымъ характеромъ, говорилъ медленно, почти никогда не улыбался, не выходилъ изъ себя, даже не сердился, не бранился.

При самомъ дурномъ отвѣтѣ ученика онъ говорилъ ему:

«экой ты, братецъ! что ты городишь какую чепуху?—или: экая ты телѣга!«

Въ двѣ трети онъ, кажется, только поставилъ двухъ или трехъ человѣкъ на колѣни.

А между тѣмъ мы его очень боялись, гораздо больше, нежели Василія Петровича. Зналъ и преподавалъ онъ латинскій языкъ и географію, особенно первый чрезвычайно хорошо и мастеръ былъ передавать свои свѣдѣнія. Но мы все-таки не очень усердно занимались его предметами, потому что разсчитывали всегда на его снисходительность и доброту, или потому, что онъ пропускалъ очень много классовъ, а если и приходилъ когда, то очень поздно.

Такой учитель и инспекторъ, разумѣется, намъ очень нравился во всѣхъ отношеніяхъ, особенно же тѣмъ, что только былъ нашимъ командиромъ; лозы намъ въ классѣ не были страшны. Къ нимъ Гусевскій никогда не прибѣгалъ; названіемъ телѣги мы не очень обижались, а слово «братецъ» даже льстило нашему самолюбію.

Козелъ конечно давалъ полную волю своимъ рукамъ, но мы отъ нихъ или увертывались, или двѣ, три пощечины считали за ничто.

Прибѣгалъ онъ и къ лозѣ, но почти никогда не приказывалъ обнажать тѣло, а догадливые молодцы подкладывали бывало подъ подштанники платки, или запускали туда рубаху; притомъ смирные, скромные, даже просто не очень шаловливые, не подпадали его гнѣву.

Вообще въ эти двѣ трети гораздо болѣе половины насъ въ классѣ не были наказаны розгами. Этимъ мы любили тщеславиться предъ низшеклассными и приходскими.

«Вѣдь вы еще мальчишки, говаривали мы имъ; смотрите, какъ васъ сѣкутъ въ классѣ учителя; вотъ на насъ уже смотрятъ, какъ на большихъ, на семинаристовъ, или вовсе не сѣкутъ, или такъ легонько по порткамъ».

Тѣ обижались нашими словами, отвѣчали намъ: «ну что вы хвастаетесь. Мы не видимъ, что у васъ дѣлается въ классѣ, ну вотъ на казенномъ и на квартирѣ старшіе и набольшіе развѣ васъ не вмѣстѣ съ нами или при насъ сѣкутъ? Развѣ мы всѣ васъ не дер-

жимъ, не сѣчемъ, не снимаемъ съ васъ портокъ? Эхъ, хвастунишки! Вамъ еще болѣе нашего достается». «Ну, да это на квартирѣ или на казенномъ, отвѣчали мы, за-то въ классѣ насъ никто не трогаетъ». Но скоро намъ уже не было возможности и этимъ хвастаться, даже пришлось завидовать низшеклассным и приходскимъ. Гусевскаго давно уже тяготила учительская должность; наконецъ послѣ Пасхи 1823 г. онъ вышелъ въ отставку, с д а в ш и, такъ сказать, свое учительство и инспекторство учителю Сапожковскаго духовнаго училища Степану Егоровичу Р о д о с с к о м у, который, впрочемъ, въ благодарность за это, долженъ былъ жениться на дочери своего предшественника.

Новый нашъ учитель и инспекторъ въ молодости былъ очень красивымъ человѣкомъ: бѣлокурый, высокаго роста, статный, съ лицомъ выразительнымъ, чистымъ и довольно румянымъ, съ живыми глазами, онъ могъ понравиться самой взыскательной красавицѣ.

Къ намъ онъ поступилъ уже изъ учителей Сапожковскаго духовнаго училища и зналъ латинскій языкъ, особенно географію, очень хорошо, умѣлъ ясно и основательно преподавать, отличался дѣятельностью. Но зато характеръ его для насъ былъ ужасенъ. И теперь (1870 г.), будучи священникомъ при рязанской Симеоновской церкви и несмотря на свой духовный санъ, на старость, онъ еще страшенъ для своихъ прихожанъ, причетниковъ и особенно семейныхъ; даже постороннія почетныя лица не должны раздражать его.

Будучи вспыльчиваго, чуть не бѣшенаго характера, имѣя необыкновенно высокое понятіе о своемъ умѣ, не любя щадить ни чьего самолюбія, не дѣлая никому уступки, онъ, встрѣчая какое-либо противодѣйствіе себѣ, выходитъ изъ себя и въ этомъ случаѣ готовъ раскричаться на кого угодно; а если противникъ его не важный человѣкъ, то онъ способенъ дать волю своимъ рукамъ.

Семейные его, какъ говорится, всегда в ъ с т р у н к ѣ п е р е д ъ н и м ъ. Услыхавши возвращеніе его домой поздно ночью, не раздѣвшись ложатся скорѣе, только чтобы не попасться ему на глаза и чѣмъ-либо не пробудить его негодованіе. Даже свѣтскія лица избѣгаютъ случаевъ хоть какъ-нибудь до него коснуться. Знакомый мнѣ

рязанскій почтмейстеръ Александръ Васильевичъ Дергуновскій, самъ тоже человѣкъ съ большимъ гономъ, неоднократно сознавался мнѣ, что онъ, когда Родосскій придетъ въ почтовую контору, всячески старается какъ можно поскорѣе и повѣжливѣе удовлетворить его. Сами архіереи боялись его трогать и даже снисходительно смотрѣли на его недостатки. И для нихъ и для всѣхъ онъ страшенъ не только своею дерзостью и нахальствомъ, но и своимъ крючкотворствомъ и сутяжничествомъ. Занимаясь давно составленіемъ всякаго рода прошеній, онъ дѣйствительно ознакомился со всѣми продѣлками нашего стараго судопроизводства и способенъ былъ запутать въ проказническія дрязги даже невиннаго человѣка.

По этой характеристикѣ можно догадаться, чѣмъ Родосскій былъ въ молодости для насъ, беззащитныхъ мальчиковъ, почти вполнѣ отданныхъ на его произволъ.

Мы уже знали по слухамъ, чего должны были ожидать отъ новаго своего учителя и инспектора. Когда мы собрались послѣ Пасхи 1823-го года, то болѣе двухъ недѣль къ намъ не ходилъ ни Гусевскій, ни Родосскій. Въ это время происходили приготовленія къ женитьбѣ послѣдняго на дочери перваго.

Явившись къ намъ въ первый разъ, Родосскій окинулъ насъ своими глазами и грозно спросилъ: «что же вы дѣлали въ прошлыя недѣли?» Вопросъ былъ такъ высказанъ, что изъ насъ никто не осмѣлился разинуть ротъ. «Что же никто не говоритъ?» закричалъ онъ.—«А? что же вы дѣлали? значитъ, ничего; я же вамъ!..., покажу себя. Есть ли лозы?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ старшему, чтобы на будущее время всегда ихъ было вдоволь, да притомъ самыхъ лучшихъ. Потомъ, взявъ Корнелія Непота, началъ заставлять то того, то другаго переводить его на русскій языкъ. Такъ какъ никто почти и не думалъ приготовляться, то только нѣкоторые изъ спрошенныхъ не были обруганы. Кромѣ того почти постоянно было повторяемо: «Эхъ! жалко, что нѣтъ лозъ, я бы велѣлъ такъ тебя вздуть, чтобы небо показалось тебѣ съ овчинку».

Къ слѣдующему классу данъ былъ намъ урокъ, и мы собрались на него со страхомъ и трепетомъ. Вскорѣ послѣ звонка взошелъ и Родосскій; по его пріемамъ и выраженію лица такъ и видно было,

что онъ рѣшился показать намъ себя во всемъ своемъ грозномъ величіи.

Прежде нежели началъ слушать урокъ, онъ спросилъ старшаго: а приготовлены ли лозы? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ показать ихъ себѣ; когда же старшій представилъ ему только одну лозу, то закричалъ: «да развѣ только одну? да ее можетъ и не достать даже и на одного, ахъ ты, мерзавецъ, постой-ка я тебя тоже вздую!».

Тутъ старшій, желая избѣжать грозившей ему опасности, вытащилъ еще три лозы, и этимъ, особенно тѣмъ, что лозы были съ отличными качествами, нашъ Юпитеръ на время поуспокоился, но тутъ же прибавилъ: «да смотри же, чтобы рука у тебя не дрожала, чтобы промаховъ не дѣлать, чтобы попадало куда нужно».

Нѣсколько спрошенныхъ учениковъ отвѣтили удачно и сѣли на мѣсто цѣлыми. Первый подпалъ гнѣву товарищъ нашъ, Матвѣй Тырновъ. Онъ былъ богатаго отца сынъ, съ нѣжнымъ, полнымъ, свѣжимъ и красивымъ лицомъ, имѣлъ лѣтъ 14—15 отъ роду, довольный ростъ, дороденъ и по внѣшнимъ пріемамъ очень развязенъ, но ничто не смягчило грознаго судію.

«Лозу, закричалъ онъ,—э, ну-ка, красавчикъ, ложись, вотъ здѣсь!» Предстоящая экзекуція насъ всѣхъ занимала. Капитальный вопросъ состоялъ для насъ въ томъ, станетъ ли новый учитель сѣчь насъ по обнаженному тѣлу, или наши инекспрессибли хоть немного будутъ насъ защищать отъ лозы? Мы даже сговорились ложиться на полъ, не обнажая себя, а старшаго упросили сѣчь по инекспрессиблямъ.

Тырновъ легъ, старшій заворотилъ платье и рубаху, но остановился въ раздумьи, что́ дѣлать далѣе. «Что же ты стоишь? Ну», закричалъ Родосскій.

Старшій, полагая, что ему велятъ сѣчь, ударилъ лозою Тырнова, но не снявши инекспрессиблей. «Ахъ ты!...» заревѣлъ Родосскій, «да развѣ я велю тебѣ сѣчь портки?» Старшій оправдывался тѣмъ, что прежде сѣкли не обнажая, и спустилъ съ Тырнова инекспрессибли, но немного; равнымъ образомъ и рубаха была заворочена не высоко. Замѣтивъ это, Родосскій схватилъ старшаго за волосы, задалъ ему отличную таску и остановившись

сказалъ: «а, ты, скотина! развѣ не знаешь, какъ это сдѣлать! Вотъ я васъ выучу; смотри ты, да и вы всѣ смотрите, чтобы рубахи заворачивались до пояса, а портки спускались до самыхъ колѣнъ; эй, смотрите!» Старшій, разумѣется, поспѣшилъ исполнить приказъ, и Тырновъ лежалъ на половину обнаженный, чуть-чуть не такъ же, какъ мы лежали въ Касимовѣ при сѣченіи въ два ряда.

Удары посыпались. Отъ сильной ли боли, отъ непривычки ли, отъ нѣжнаго ли воспитанія Тырновъ не улежалъ. «Держать его, мерзавца», раздалось; бѣднягу уложили, растянули, прижали къ полу, и началось хлестанье. Въ этотъ день болѣе десяти человѣкъ подверглись той же участи. Да и потомъ, хотя Родосскій иногда бывалъ даже ласковъ къ намъ, лоза не оставалась безъ дѣла.

Особенно страшнымъ онъ дѣлался, если отъ чего-либо приходилъ въ бѣшенство, тутъ сѣкалъ насъ безъ всякаго милосердія.

Кромѣ того часто сначала примется виновнаго бить по щекамъ и таскать за волосы, сшибетъ его съ ногъ и закричитъ: «лозу!» а самъ похаживаетъ по классу, да съ ладоней и пальцевъ очищаетъ приставшіе къ нимъ волосы.

Такой грозный учитель намъ, разумѣется, не понравился; мы стали жаловаться семинаристамъ; между ними нашлось много, которые приняли въ насъ участіе и довели до свѣдѣнія начальства. Но увы! начальство сочло это чуть не за бунтъ и внушило Родосскому, чтобы онъ постарался укротить строптивый духъ въ насъ, осмѣливающихся жаловаться на своихъ учителей.

Радосскій, услыхавши объ этомъ, дѣйствительно поналегъ на насъ.

Пришедши въ классъ, онъ безъ церемоніи заговорилъ: «а, вы еще жалуетесь на меня за то, что я васъ больно сѣку; постойте же, я вамъ покажу себя; до сихъ поръ вы видѣли еще цвѣтики, теперь узнаете и ягодки». И потомъ сталъ спрашивать изъ Корнелія Непота лучшихъ нашихъ учениковъ, Александра Стабникова и Верхоспасскаго. Первый съ рѣдкими способностями и особеннымъ прилежаніемъ учился всегда отлично; будучи съ малолѣтства гордъ и дорожа своею честью, онъ такъ старался вести себя, что его никогда почти не наказывали, а розги до того времени, о которомъ говорили, онъ не испытывалъ на себѣ болѣе уже трехъ лѣтъ.

Верхоспасскій же былъ племянникъ профессора словесности, Ареопагитскаго; онъ почти одинъ у насъ ходилъ барченкомъ, въ хорошемъ сюртукѣ, панталонахъ, смазныхъ сапогахъ и пр. Его даже не только не сѣкли, но и не ставили на колѣни. Родосскій на нихъ-то обоихъ и захотѣлъ показать свою власть.

Не долго нужно было ему ихъ спрашивать, чтобы отвѣты оказались неудовлетворительными.

Обоихъ ихъ послали подъ лозу. Мы думали, что хоть Верхоспасскій станетъ защищать себя, или что его только постращаютъ.

Но къ сожалѣнію своему увидѣли, что онъ молча легъ на полъ, его раздѣли, какъ и насъ, только панталоны труднѣе было снять, нежели портки, а потомъ и ему и Стабникову отпустили ударовъ по 50 самыхъ горячихъ. Тогда мы поняли, что находимся въ полной власти Родосскаго, и онъ сдѣлался еще строже къ намъ.

Притомъ, вѣроятно, для того чтобы не было дисгармоніи съ Василіемъ Петровичемъ и прочими учителями училища, онъ и имъ посовѣтовалъ наказывать всегда по обнаженному тѣлу, а не пугать только блохъ.

Василій Петровичъ былъ очень радъ этому. Вообще онъ сѣкъ насъ рѣже, нежели Родосскій; но всякій разъ уже очень чувствительно, а иногда и очень больно. Кромѣ того ему нельзя было не подурачиться и въ этихъ случаяхъ. Онъ и тутъ любилъ пошутить, подтрунить надъ нами. Прежде сѣченья онъ часто приказывалъ защекотать лозою. «Ну что, мерзавецъ, или Вася, Ваня, чуешь ли?»—спроситъ бывало старый дуракъ.—«А! да онъ вѣрно ничего не слышитъ, или заснулъ; ну-ка поразбуди его», и затѣмъ, разумѣется, слѣдовалъ ударъ лозою. Наказываемый вскрикнетъ или повернется. «О нѣтъ, онъ слышитъ, или не спитъ», проговоритъ Василій Петровичъ и велитъ стегать.

Въ другое время, отославши кого-либо на лобное мѣсто, самъ продолжалъ съ кѣмъ-либо говорить, а себѣ приказывалъ доложить, когда все будетъ готово. Докладъ этотъ состоялъ въ томъ, что сѣкущій давалъ одинъ сильный ударъ, останавливался и начиналъ щекотать лозою наказываемаго. Василій Петровичъ не всегда обращалъ вниманіе на первый докладъ; иногда дожидался другаго и третьяго. «Ахъ, да, мы заговорились», говаривалъ старикъ и от-

правлялся къ лобному мѣсту, и тутъ уже начиналась экзекуція. Положеніе наказываемаго во время доклада и щекотанья было невыносимо.

Прижатый къ полу сильными руками, чувствуя движущуюся по своему тѣлу лозу, уже испытывъ силу ея удара, онъ лежалъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, ожидая постоянно новыхъ ударовъ, вздрагивая или поворачиваясь тѣломъ, а иногда даже вскрикивая, тогда можно было подумать, что его сейчасъ начнутъ сѣчь. И странное дѣло! Мы все-таки козла не боялись и проказничали передъ его глазами.

Былъ у насъ еще учитель нотнаго пѣнія, соборный священникъ Иванъ Алексѣевичъ Бѣлокомутскій, по прозвищу Талагай; это чистый дуракъ; къ нему мы собирались въ одинъ классъ вмѣстѣ съ низшеклассными въ числѣ 250—300 человѣкъ. Бывало минутъ 20 проходитъ въ томъ, чтобы возстановить тишину въ этомъ сборищѣ, Талагай бѣгаетъ по классу, кричитъ своимъ сильнымъ басомъ: «молчите, я васъ!» надѣляетъ кого пинкомъ, кого оплеухою, и между тѣмъ шумъ и гамъ продолжается. Утихнулъ наконецъ; тутъ начинается пѣніе, то общимъ хоромъ, то по-одиночкѣ; въ послѣднемъ случаѣ большею частію опять брань, опять шумъ.

Къ счастію нашему, этому дураку не позволяли насъ сѣчь, иначе бы житье наше было не хорошо. Онъ только имѣлъ право или ставить на колѣна, или жаловаться инспектору, который уже расправлялся съ нами. Но жалобы были слишкомъ рѣдки. Между тѣмъ я боялся Талагая болѣе всѣхъ учителей и потому старался не бывать на его классѣ. Это опущеніе проходило мнѣ безнаказанно, потому что старшему нашему по классу пѣнія, Андрею Николаеву, я переводилъ переводы съ русскаго на латинскій и греческій языки; поэтому онъ меня всегда и отмѣчалъ бывшимъ въ классѣ и писалъ въ спискахъ въ первомъ или второмъ десяткѣ.

Самъ Талагай рѣшительно никого изъ учениковъ не зналъ, а составленіе списковъ поручилъ Николаеву. Наконецъ надо сказать нѣсколько словъ о двухъ учителяхъ низшаго отдѣленія, священникахъ Андреѣ Дмитріевичѣ Модестовѣ и о Павлѣ Александровичѣ Горностаевѣ.

Обоихъ мы, высшеклассные, видѣли у себя только въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда они приходили къ намъ вмѣсто нашихъ учителей. Модестовъ преподавалъ въ нашемъ отдѣленіи латинскій языкъ и кромѣ того состоялъ священникомъ при семинарской церкви. Какъ учитель, онъ былъ недуренъ, даже хорошъ, хоть очень золъ, вспыльчивъ и въ этомъ случаѣ крайне неразборчивъ.

Горностаевъ, преподававшій греческій языкъ, былъ гораздо слабѣе Модестова и почти что только заставлялъ зубрить уроки. Этотъ педагогъ, спросивши мальчика, знаетъ ли онъ урокъ изъ ариѳметики, и получивши въ отвѣтъ: «читать я знаю, а дѣлать не умѣю», говаривалъ: «ну, это ничего, дѣлать еще выучишься». У обоихъ изъ нихъ было постановлено, чтобы всѣ незнающіе уроки стояли на колѣнахъ по серединѣ класса еще до прихода учителя. Не всегда, конечно, но и нерѣдко тотъ и другой, пришедши въ классъ и замѣтивши стоящихъ на колѣнахъ, говаривали: э т о в с е н е з н а ю щ і е? и получивъ въ отвѣтъ: д а, прибавляли: л о з у! Тогда всѣхъ къ ряду безъ всякаго исключенія сѣкли, хотя иной, можетъ быть, только въ первый разъ черезъ три-четыре мѣсяца оказался незнающимъ урока или записанъ былъ въ нотатѣ единственно потому, что авдиторъ былъ на него золъ.

Модестовъ сталъ для казенно-коштныхъ учениковъ важною особою послѣ того, какъ Иліодоръ и Гедеонъ прибыли въ Рязанскую семинарію. Они сдѣлали его экономомъ на мѣсто К р о т к о в а.

По отношенію къ начальству Модестовъ былъ покоренъ, услужливъ до низости, низкопоклоненъ и пр.

При новой должности онъ уже мало занимался учительствомъ; вѣчно самъ съ собою разговаривалъ, наклонялъ голову, считалъ что-то постоянно; даже въ то время, какъ въ классѣ заставитъ мальчика переводить изъ Корнелія Непота, или читать урокъ, онъ продолжаетъ свои вычисленія и вдругъ къ потѣхѣ учениковъ вскрикивалъ: «да, двадцать пять, сорокъ семь» и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ торопился, какъ можно поскорѣе, наполнить свой карманъ казенными деньгами; тащилъ изъ семинаріи на свое семейство все: и масло, и муку, и крупу, и дрова, и свѣчи, бралъ съ поставщиковъ и подрядчиковъ десятками и сотнями рублей, но не пренебрегалъ однимъ рублемъ и полтиною; вѣдь и изъ гривенъ и копѣекъ соста-

вляются рубли, но за то вѣчно былъ въ хлопотахъ, бѣгалъ, суетился особенно такъ, чтобъ это видно было ректору и инспектору.

Этотъ золотой или лучше златолюбивый человѣкъ съ умѣньемъ взялся угождать ихъ высокопреподобіямъ и помогать имъ улучшить бытъ казенныхъ учениковъ, не жалѣя казенныхъ денегъ, а главнымъ образомъ не забывая наполнять ими свои карманы.

XVIII.

О нашихъ туторахъ или набольшихъ изъ семинаристовъ.

Кромѣ семинарскаго и училищнаго начальства было еще надъ нами третье, которое назову опекунскимъ, старшинскимъ, туторскимъ. Дѣло состояло въ томъ, что рѣдкій отецъ не отдавалъ своего сына, обучавшагося въ Рязанскомъ училищѣ, а часто даже и въ реторикѣ, какъ со мною было,—подъ надзоръ какого-либо семинариста, преимущественно философа или богослова; но училищные мальчики поручались и риторамъ, иногда даже высшеклассным. Само собою разумѣется, что всякій старшій или лучшій по успѣхамъ братъ имѣлъ большею частью надзоръ за прочими своими братьями, тутъ забывались иногда даже права первородства.

Жившіе въ семинарскомъ корпусѣ училищные мальчики по крайней мѣрѣ на половину имѣли надъ собою такого рода менторовъ или туторовъ, но, живя большею частію въ разныхъ комнатахъ, испытывали менѣе ихъ вліяніе, нежели квартирные ученики.

Эти обыкновенно жили съ своимъ ментором въ одной комнатѣ, находились постоянно предъ его глазами. Притомъ на казенномъ не всякій туторъ рѣшался наказывать розгами своего кліента въ той комнатѣ, гдѣ онъ живетъ; это иногда, хоть правду сказать, очень рѣдко, не нравилось другимъ товарищамъ и особенно старшему; только вліятельныя особы наказывали отданныхъ подъ ихъ надзоръ мальчиковъ, когда, какъ и гдѣ угодно; а прочіе уводили наказываемаго куда-либо въ столовую, кухню, классъ и пр. На квартирѣ же туторъ былъ полный властелинъ своихъ кліентовъ,

которыхъ число у инаго простиралось не только до 4—6, но даже до 10—12.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что туторы эти были полезны во многихъ отношеніяхъ, удерживая мальчиковъ отъ шалостей, поясняя имъ уроки и вообще руководствуя ихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Этому именно обстоятельству нужно приписать то, что ученики Рязанскаго училища вообще были гораздо лучше и развитѣе учениковъ училищъ, помѣщавшихся въ уѣздныхъ городахъ.

Конечно, встрѣчалось между туторами не мало молодцовъ, которые не только не заботились объ умственномъ образованіи своихъ питомцевъ, но и служили дурнымъ примѣромъ для нравственности, дѣлая ихъ свидѣтелями своихъ вакханалій, посылая въ кабакъ за водкою и даже иногда пріучая ихъ пьянствовать.

Зато плохіе и хорошіе туторы за немногими исключеніями любили наказывать своихъ подчиненныхъ розгами.

Ихъ самихъ сѣкали больно, а иногда и все время самаго торства лоза разгуливала по ихъ тѣлу; о другихъ наказаніяхъ, напр. о стояніи на колѣнахъ, суровыхъ выговорахъ, сидѣньи на хлѣбѣ и водѣ и пр. нечего и говорить.

Грубыя натуры въ этомъ случаѣ находятъ удовольствіе вымещать свои страданія на другихъ; въ нихъ развивается, такъ сказать, вкусъ или страсть къ сѣченью, пробуждается наслажденіе своею рукою отпускать полновѣсные удары, или другимъ поручать это дѣлать, а самимъ стоять и слѣдить, какъ постепенно разрисовывается тѣло рубцами, какъ кричитъ и мечется наказываемый, да, именно, такая дикая страсть развивается.

И вотъ туторъ высшеклассный, или риторъ, даже его туторъ, котораго или учитель, или инспекторъ въ тотъ день или отругалъ, или отщипалъ за волосы, или за уши, или даже высѣкъ,—возвратившись домой, ищетъ случая придраться къ своимъ мальчуганамъ и нарисовать лозою на ихъ тѣлѣ тѣ же рисунки, которые на него наложены. Философовъ тоже стегалъ инспекторъ и ректоръ, хоть и рѣдко; зато имъ приходилось переносить другія наказанія; вотъ и они, и богословы тоже принимались за своихъ кліентовъ.

Туторы или, какъ мы ихъ называли, старшіе, набольшіе изъ

семинаристовъ наказывали своихъ подчиненныхъ строже, чаще и больнѣе, нежели даже учителя. У послѣднихъ бывало подъ командою не только до 50, до 100, а иногда даже и до 150 человѣкъ; такъ тутъ, еслибы каждый день наказывалось по десяти человѣкъ, педагогъ удовлетворитъ своей страсти къ сѣченью.

По той же самой причинѣ учителя менѣе бывали придирчивы, прощали неважные промахи, потому что они всегда могли найти для сѣченія виновныхъ въ болѣе важныхъ проступкахъ. Но у инаго тутора только и есть одинъ-два подчиненныхъ, много 5—6, слишкомъ рѣдко 10—12 человѣкъ. Такъ какъ же тутъ пропустить хоть какой-либо случай, чтобы посѣчь своего кліента? вѣдь скоро ли представится еще новый случай?

Затѣмъ, начавши сѣчь, зачѣмъ ограничиваться немногими ударами? Вѣдь скоро ли еще кто-нибудь сдѣлаетъ какую-либо шалость, чтобы побольнѣе его посѣчь? нѣтъ, надо пользоваться всякимъ случаемъ и не тревожить себя изъ-за какихъ-либо десяти ударовъ.

А если нѣтъ никого виновнаго, а между тѣмъ хочется посѣчь, то почему не поискать вины, не попридраться къ чему-нибудь на законномъ основаніи?

Для этого обыкновенно начинали слушать уроки; если новый урокъ былъ прочитанъ, то принимались за старое; тутъ большею частью уже можно было къ чему-либо придраться.

Въ этомъ отношеніи я помню много случаевъ изъ своей ученической жизни, но укажу на примѣръ, повторявшійся не одинъ разъ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ. Онъ касается двухъ семинаристовъ, которые были дѣтьми двухъ дьяконовъ Дмитровскаго погоста Егорьевскаго уѣзда, и потомъ по окончаніи курса сами поступили тоже дьяконами на мѣста своихъ отцовъ. Одного изъ нихъ звали Борисомъ Алексѣевичемъ, а другаго Алексѣемъ Ѳедоровичемъ. Послѣдній былъ пѣвчимъ семинарскаго хора и зная, что его переведутъ изъ класса въ классъ, вовсе не учился; ему поэтому никто почти не отдавалъ мальчиковъ подъ надзоръ. Но Борисъ кое-какъ еще учился и имѣлъ подъ своимъ надзоромъ порядочное количество дѣтей, между прочимъ моихъ племянниковъ, Павла и Дмитрія Надеждиныхъ. Алексѣй Ѳедоровичъ страшно любилъ сѣчь дѣтей и потому не стыдясь усерднѣйше спра-

шивалъ Бориса позволить ему отправлять должную сѣкуцію, даже дѣлая кое-какія услуги, выговаривалъ условіе, чтобы при первомъ случаѣ ему позволено было поработать лозою; такіе переговоры, повторяю, производились вслухъ.

Борисъ, хотя любилъ тоже сѣчь, но иногда уступалъ лозу своему пріятелю односельчанину.

Эти-то два господина весьма нерѣдко вели такой разговоръ: «А что, Борисъ Алексѣевичъ? Вѣдь мы давно ребятъ не сѣкли!»— «Да, отвѣтитъ Борисъ,—дѣйствительно давно».

— «Ну, такъ что же, начни-ка ихъ слушать, а я пойду приготовлю лозу».

Начиналось слушаніе, наконецъ находили какую-либо ошибку. Тутъ опять былъ особеннаго рода оборотъ или переходъ къ сѣченію, основанный на одной глупой, площадной остротѣ или шуткѣ семинаристовъ. Если мальчикъ въ отвѣтъ на то, почему онъ не выучилъ или не знаетъ урока, отвѣчалъ, что у него памяти нѣтъ, или память плоха, тогда остряки и шутники говорили: «а такъ постой, мы поищемъ у тебя память; куда это она дѣвалась? ну-ка ложись на полъ».

По мнѣнію этихъ психологовъ, память изъ головы иногда переселялась въ педагогическую часть тѣла, и чтобы возвратить ее владѣльцу, стоило хорошенько его высѣчь.

Вотъ Борисъ и Алексѣй не просто-на-просто высѣкутъ, а большею частью начинаютъ допрашивать: «отчего же ты не знаешь урока?»

И какъ скоро получатъ отвѣтъ, что памяти нѣтъ, или забылъ, тогда оба заговаривали: «ну-ка ложись, мы поищемъ у тебя память и найдемъ ее»; и начиналась экзекуція. Разумѣется, она исполнялась, если какой-либо упрямецъ или молчалъ, или дѣлалъ увертки, не давалъ отвѣты, но все-таки почтенные господа любили допрашиваться до памяти. Что описанная метода находить причины высѣчь мальчика была во в к у сѣ, въ модѣ не у однихъ туторовъ, вотъ вамъ доказательство.

Нѣкоторые даже папаши, ознакомившись съ нею во время своей школьной жизни, держались ея, когда уже на головѣ ихъ было много сѣдыхъ волосъ, а сами пользовались въ обществѣ хорошей репутаціей.

По выходѣ моемъ въ отставку я три года въ Рязани держалъ квартиру въ домѣ протоіерея Николодворянской церкви, законоучителя гимназіи, Якова Петровича Алешинскаго, у котораго было семеро сыновей; старшіе двое обучались въ высшемъ отдѣленіи, двое въ риторикѣ, а прочіе трое другъ за другомъ въ слѣдующихъ низшихъ классахъ.

Отецъ былъ очень добрый, даже славный человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ очень не глупый, даже умный, только любилъ попить.

Дѣтьми своими, помѣстивъ ихъ въ особой свѣтелкѣ, онъ не особенно занимался, и они учились довольно лѣниво.

Но онъ считалъ, такъ сказать, своею обязанностію, какъ урожденнаго тутора, недѣли черезъ три-четыре отправляться къ нимъ въ свѣтелку и слушать ихъ изъ уроковъ.

Дѣло оканчивалось почти всегда тѣмъ, что всѣхъ ихъ сѣкъ розгами, хотя старшихъ два сына Владиміръ и Константинъ были уже рослыми молодцами.

Бывало сами дѣти, или моимъ племянникамъ, или мнѣ разсказывали чуть не о каждой изъ этихъ экзекуцій.

Учителя и начальники сами не озабочивались лично приготовлять розги для нашего сѣченія; это лежало на обязанности дневальныхъ или старшихъ. Но наши туторы, наши набольшіе не всегда имѣли возможность или желаніе поручить это другимъ.

Для избѣжанія излишнихъ хлопотъ, нѣкоторые заводили у себя ременныя плетки, иногда даже двѣ и три, съ двумя или тремя хвостами каждую, чтобы можно было употреблять ту или другую, смотря по степени проступка, или по возрасту наказываемаго.

Если при квартирѣ находился садъ, а плети не было, то каждый разъ вырѣзывались свѣжіе прутья. Но если ни саду, ни плети не было, то озабочивались заблаговременнымъ заготовленіемъ розогъ. Для этого покупали на базарѣ метлы, держали ихъ въ сыромъ мѣстѣ и по мѣрѣ надобности расходовали прутья.

Другіе изъ экономіи посылали мальчиковъ какъ-нибудь вечеромъ нарѣзывать прутьевъ въ ивникѣ у Трубежа или въ сосѣднихъ рощахъ. Иногда даже дѣлали нѣчто въ родѣ похищенія.

Тѣ же Борисъ Алексѣевичъ и Алексѣй Ѳедоровичъ, о которыхъ

сейчасъ было говорено, однажды забрались въ сосѣдній съ ихъ квартирою садъ и срубили тамъ большой сукъ съ березы.

Притащивши его въ комнату, они заставили самихъ мальчиковъ отрѣзывать прутья и связывать ихъ въ пучки.

Подобнаго рода жестокость обнаруживалась и другими способами.

Если, по мнѣнію тутора, мальчикъ или очень застращенъ, или въ состояніи понимать, что бѣгствомъ и укрывательствомъ нельзя спастись отъ розги, то посылалъ наказываемаго самого вырѣзать лозу въ саду или принести ее съ потолка, изъ-подъ пола, гдѣ она хранилась.

Точно также если плетки или лозы гдѣ-либо лежали въ комнатѣ, то наказываемый тоже долженъ былъ самъ взять ихъ и отдать въ руки судьѣ и сѣкущему.

Далѣе нѣкоторые учителя, какъ я уже сказалъ, не всегда приказывали сѣчь по обнаженному тѣлу. Потомъ немногіе заставляли самихъ мальчиковъ раздѣваться и такъ улечься, чтобы все было наружу и никакого клочка одежды и бѣлья не надо было поднимать или спускать, это исполнялось сѣкуторомъ или держателями.

Затѣмъ еще менѣе было такихъ, которые требовали, чтобы наказываемые лежали смирно, несмотря ни на какую боль, и если кто-либо слишкомъ сильно бился, то заставляли другихъ держать его.

Наконецъ еще менѣе было такихъ, которые сами собственноручно сѣкли. Но наши туторы далеко не всѣ такъ дѣйствовали. Я рѣшительно никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо изъ нихъ сѣкъ своего кліента иначе, какъ по голому тѣлу, еслибъ даже нужно было дать 3—4 удара.

Далѣе большею частію они сѣкли сами; отъ такого обычая отступало очень немного.

Затѣмъ встрѣчалось неменьшее количество прихотливыхъ молодцовъ, которые непремѣнно требовали, чтобы наказываемый лежалъ смирно, не препятствуя своими движеніями сѣченію; и если не исполнялось это приказаніе, то наказаніе усиливалось.

Эти господа иногда говорили наказываемому: «лежи смирно, въ такомъ случаѣ дамъ тебѣ 10 или 20 ударовъ. Но помни, что если

ты повернешься хоть на предпослѣднемъ ударѣ, то счетъ опять начнется съ перваго».

Отъ этого случалось, что, начавши сѣчь за маловажный проступокъ, отпускали за безпокойное лежаніе по полсотнѣ ударовъ и даже болѣе.

Братъ мой Николай Ивановичъ мнѣ разсказывалъ, что такъ именно поступилъ нашъ двоюродный братъ, Петръ Ивановичъ Добровольскій, о которомъ я впослѣдствіи буду говорить.

Такихъ, впрочемъ, молодцовъ бывало немного, большею частію или сами держали, или другихъ заставляли держать, или привязывали наказываемаго къ скамьямъ.

Встрѣчалось опять не мало туторовъ, которые требовали, чтобы наказываемый не только снялъ свои инекспрессибли, но приподнялъ платье и рубаху такъ, чтобы сѣкущему не было надобности дѣлать никакихъ поправокъ; и за нарушеніе этой заповѣди прибавлялось по пяти или десяти розогъ.

И удивительная человѣческая натура! Съ какою бывало аккуратностью стараемся исполнить это. Спустимъ все до колѣнъ, или подберемъ выше пояса, даже посмотримъ назадъ, все ли исправно, и затѣмъ молча растянемся и положимъ голову на свои скрещенныя руки.

Но большею частью туторы или заставляли другихъ обнажать или сами обнажали своихъ подчиненныхъ.

Самый, такъ сказать, процессъ или обрядъ сѣченья туторы разнообразили болѣе, нежели учителя, при томъ иногда по необходимости, а то и изъ любви къ искусству.

Обыкновеннѣйшій способъ какъ у нихъ, такъ и у учителей, состоялъ въ томъ, чтобы виновный легъ на полъ, растянувшись, по нашему выраженію, какъ доска, а на плечи, или руки и на ноги сядутъ большею частью два человѣка; а затѣмъ туторъ по обнаженнымъ частямъ отпускаетъ удары.

Но у инаго тутора и не было лишнихъ людей, которые могли бы держать наказываемаго, или онъ почему-либо любилъ, или могъ сѣчь только одинъ, безъ пособія кого бы то ни было.

Для удовлетворенія этому стремленію къ полной самостоятельности, употреблялись разные способы:

1) простѣйшій способъ состоялъ въ томъ, что виновнаго привязывали къ скамьѣ или къ какой-либо доскѣ; веревокъ или ремней у семинаристовъ не было; мѣсто ихъ замѣняли кушаки, утиральники, даже платки.

Чтобы связать руки, ихъ складывали на груди такъ, чтобы кисть правой руки была у локтя лѣвой, а кисть лѣвой у локтя правой, и тогда обматывали ихъ однимъ или двумя платками.

Въ случаѣ недостатка кушаковъ или утиральниковъ, привязывали только ноги и плечи; вырваться было нельзя, но зато части тѣла между перевязками поднимали и повертывали сколько угодно. Чтобы лишить и этого рода движенія, привязывали еще поясницу и ноги выше колѣнъ; ну, тогда одною только головою можно было двигать.

2) Если наказываемый былъ слабосиленъ, или его не хотѣли больно высѣчь, то туторъ клалъ его къ себѣ на лѣвую ногу, лѣвою рукою держалъ за плечи, правою ногою прижималъ ноги и затѣмъ въ полномъ смыслѣ предъ самыми глазами сѣкъ правою рукою.

Этотъ способъ сѣченія мальчики предпочитали другимъ, потому что тутъ, за невозможностію дѣлать большіе розмахи и употреблять длинную розгу или плетку, удары не могли быть слишкомъ сильными.

3) Непріятнѣе и такъ сказать безчестнѣе была операція, когда туторъ голову ущемлялъ между своими ногами и принималъ мѣры, чтобы руки не защищали мѣстъ, на которыя станетъ падать лоза.

Здѣсь удары были чувствительнѣе не только потому, что розмахи могли быть больше, но и потому, что наказываемый, имѣя свободными свои ноги и давая имъ и бедрамъ разнообразныя положенія, часто самъ бывалъ причиною того, что лоза падала на непривычныя къ ней части тѣла.

Кромѣ того наказываемый, если только руки его не были связаны, усиливался защищать ладонью поражаемыя лозою мѣста; этимъ прерывалъ на время наказаніе и прибавлялъ лишнія хлопоты наказывающему.

4) Наказываемаго клали на кровать, скамью, даже на столъ такъ, чтобы на нихъ лежало туловище, а ноги спускались внизъ, иногда же вполнѣ висѣли на воздухѣ, не доставая полу. Сѣкуторъ

садился на плечи, подбиралъ или связывалъ руки; при такомъ положеніи кожа на бедрахъ натягивалась, поэтому и удары лозою были болѣе или менѣе чувствительны.

Кромѣ того, такъ какъ на квартирѣ почти круглый годъ, а на казенномъ въ нехолодное время, мальчики оставались съ босыми ногами, то при описываемомъ наказаніи инекспрессибли съ перваго раза спускались до колѣнъ, а потомъ, во время сѣченья, отъ быстрыхъ и безпорядочныхъ движеній ногами совсѣмъ спадали на полъ; отчего наказанный во время и послѣ экзекуціи чуть не весь съ подошвы до плечъ былъ обнаженъ и потомъ, выпущенный на просторъ, долженъ былъ еще отыскивать свои куда-либо отлетѣвшія инекспрессибли.

Если притомъ руки были связаны и рубаха запущена за обшивку или подъ жилетъ, то послѣ экзекуціи стоишь, бывало, весь обнаженный, ждешь, пока развяжутъ руки, а къ этому не всегда тотчасъ же приступали, вѣроятно, желая наслаждаться разсматриваніемъ узоровъ, которые нарисовались отъ лозы на тѣлѣ.

5) Туторъ клалъ мальчика на полъ, садился ему на плечи и, придерживая ихъ лѣвою рукою, сѣкъ правою. Такъ какъ здѣсь удары падали не вполнѣ поперекъ педагогической части, а болѣе или менѣе наискось отъ правой стороны къ лѣвой, или отъ лѣвой къ правой, если сѣкли лѣвою рукою; то сѣченье это мы называли накось или наискосокъ, т. е. вкось, наискось.

Тутъ у многихъ туторовъ жестокость была изобрѣтательна. И самъ наказываемый, котораго никто не держалъ за ноги, желая какъ-нибудь вырваться, становился на колѣни, наклонялся на ту или другую сторону, искривлялъ ноги и т. п.

Черезъ это удары падали или на натянутую кожу или на непривычныя къ сѣченію части; особенно очень больно доставалось ляжкамъ.

Если былъ другой, который могъ держать наказываемаго за ноги, то наказывающій, посѣкши съ головы, или передавалъ лозу державшему за ноги, или мѣнялся съ нимъ мѣстами, и тогда концы лозы падали особенно чувствительно на поясницу и на бока. Это мы называли сѣченіемъ наискось съ головы и съ ногъ.

Такъ сказать для краткости и когда оба державшіе сѣкли вдругъ,

ударяя одинъ за другимъ и раздѣляя предоставленныя въ ихъ распоряженія части, одинъ преимущественно по правой, а другой по лѣвой сторонѣ тѣла.

6) Иной хитрецъ нарочно клалъ наказываемаго такъ близко отъ стѣны, что ему растянуться во всю длину тѣла не было никакой возможности. Въ этомъ случаѣ бѣдняга, упершись подошвами въ стѣну, поневолѣ становился на колѣни, поднималъ и натягивалъ свою педагогическую часть тѣла или падалъ; очевидно, что боль отъ лозы въ такомъ случаѣ усиливалась.

7) Былъ еще способъ, который назывался сѣченіемъ вдоль.

Если были въ запасѣ держатели въ достаточномъ количествѣ, то наказываемаго располагали по-надлежащему; иногда держали одинъ за плечи, а другой за ноги, но болѣе употреблялось 4 держателя; двое—на рукахъ, растянувъ ихъ перпендикулярно ихъ туловищу, а двое на ногахъ, тоже раздвинутыхъ между собою.

Сѣкуторъ становился впереди головы и сѣкъ вдоль по обоимъ бедрамъ, но такъ, что концы лозы доставали почти до колѣнъ. Потомъ становился между ногъ и начиналъ стегать по верхней части и вдоль по поясницѣ до пояса. Иногда сѣкли вдругъ двое, и отъ головы, и отъ ногъ. Такое сѣченіе производило сильнѣйшую боль тѣмъ, что удары попадали между бедрами и на бока.

Этотъ способъ употреблялся, но, такъ сказать, въ смѣшанномъ видѣ, особенно учителями надъ здоровыми ребятами; т. е. сѣкутъ сначала поперекъ ягодицъ, потомъ наискось и наконецъ вдоль, такъ, что все тѣло сзади, начиная отъ колѣнъ до пояса, покрывается рисунками, лентами и, пожалуй, блестками.

Даже безъ приказанія учителя, сѣкуторы, желая показать свое усердіе и искусство, сначала постегаютъ поперекъ ягодицъ, а потомъ наискосокъ и вдоль.

Родосскій стоитъ, бывало, и приговариваетъ: «а это хорошо, пробери-ка его вездѣ»; о касимовскомъ протопопѣ я уже и не говорю, какъ онъ восхищался заправкою.

8) Если не самое жестокое, то самое безобразное было сѣченіе съ головою и руками въ мѣшкѣ.

Оно начиналось тѣмъ, что или самъ наказываемый снималъ верх-

нюю одежду, или другіе это дѣлали; если не было ни пояса, ни жилета, то сѣкуторъ опоясывалъ наказываемаго платкомъ подъ самою такъ называемою подмышкою, спускалъ подштанники и заворачивалъ подолъ рубахи выше головы; такимъ образомъ голова и руки оказывались въ рубашкѣ, какъ въ мѣшкѣ.

Иной, взявши лѣвою рукою конецъ мѣшка, безпощадно сыпалъ удары на обнаженное, ничѣмъ не защищенное, тѣло.

Вырваться или руками прикрыть пораженныя части не было никакой возможности; оставалось повертываться на всѣ стороны, становиться на колѣни, то растягиваться во всю длину свою, то падать на правый или лѣвый бокъ; но спасенья или облегченья не было никакого.

Чтобы наказываемый не вертѣлся, его укладывали на полу; на конецъ мѣшка, т. е. на конецъ подола поднятой рубахи, становился сѣкуторъ: такимъ образомъ голова и плечи придавливались къ полу.

Если былъ лишній человѣкъ, то его заставляли держать за ноги и начинали сѣченіе вдоль отъ головы.

Натѣшившись съ этой стороны, держателю поручали мѣшокъ съ головою, а сѣкуторъ сѣкъ вдоль отъ ногъ къ головѣ.

И тутъ изобрѣтательность нашлась.

Одинъ конецъ кушака или чего-нибудь длиннаго привязывали, напримѣръ, къ лѣвой ногѣ, у самой щиколки, затѣмъ оставляли часть кушака свободною настолько, чтобы на нее можно было встать одною или обѣими ногами, и послѣ другой конецъ привязывали къ правой ногѣ.

Такъ какъ подобнымъ образомъ спутываютъ лошадей на пастбищахъ, не желая, чтобы онѣ далеко уходили, то и мы называли такую связку п у т а м и.

Если кто-либо становился на часть этихъ путъ между ногами, то послѣдними нельзя уже было наказываемому дѣйствовать свободно, и сѣкуторъ могъ стегать лозою верхнюю часть ягодицъ и поясницу.

Иногда и тутъ сѣкли двое вдругъ, и отъ головы, и отъ ногъ. Это сѣченіе въ мѣшкѣ съ путами вдоль отъ головы и до ногъ у учителей въ употребленіи не бывало; но, какъ я уже выше сказалъ, употреблялось чадолюбивыми мамашами.

Извините, г. читатель, если я для полноты отчета еще опишу вамъ нѣсколько мерзостей, о которыхъ вы вѣрно не имѣете понятія.

Насмотрѣвшись, какъ прогоняли солдатъ сквозь строй, т. е. наказывали шпицрутомъ, туторы-семинаристы иногда подражали и этому.

Въ такомъ случаѣ привязывали рубаху у пола, а портки или вовсе спускали, или тоже привязывали у колѣнъ.

Затѣмъ, поставивъ своихъ подчиненныхъ въ одинъ или два ряда и снабдивъ каждаго изъ нихъ прутомъ березовымъ или ивовымъ, заставляли преступника ходить по этой аллеѣ; разумѣется, удары сыпались съ обѣихъ сторонъ, не по спинѣ, а по бедрамъ; наказываемаго кто-либо водилъ, если онъ самъ шелъ неровно и припрыгивалъ.

О такого рода наказаніи мнѣ разсказывалъ мой родной племянникъ, Ѳедоръ Васильевичъ Лебедевъ, теперь, 1870 г., священникъ въ селѣ Ш...., Касимовскаго уѣзда.

Такія экзекуціи происходили на ихъ квартирахъ, когда онъ, будучи еще въ приходскомъ училищѣ, состоялъ подъ туторствомъ двоюроднаго моего брата, Аѳанасія Степановича Арбелова, теперешняго священника въ селѣ Пустыни, въ 12 верстахъ отъ Рязани.

Слышалъ я также отъ своего роднаго племянника Дмитрія Акимовича Надеждина, теперешняго военнаго медика, что, когда его братъ, Павелъ Акимовичъ, по правдѣ сказать, величайшій шалунъ и проказникъ, былъ въ приходскомъ училищѣ и низшемъ отдѣленіи, то туторъ предъ сѣченіемъ совершенно обнажалъ его и въ этомъ видѣ наказывалъ, чтобы, вѣроятно, ни одинъ прутикъ не упалъ иначе, какъ на голое тѣло.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Италія и Россія въ XVI столѣтіи.

P. Pierling „L'Italie et la Russie au XVI siècle". Paris, 1892.

Русское историческое общество издало недавно «вторымъ тисненіемъ», какъ говорилось въ старину, 35-й томъ своего «Сборника», которымъ началось печатаніе памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Почти одновременно съ этимъ объемистымъ томомъ въ 900 страницъ въ Парижѣ появилось небольшое изслѣдованіе о. Павла Пирлинга «L'Italie et la Russie au XVI siècle», служащее разъясненіемъ сыраго матерьяла, изданнаго нашимъ обществомъ.

Какъ извѣстно, въ «Сборникѣ» помѣщаются сырые матерьялы, по необходимости безъ всякой обработки, иногда безъ разъясненія, нерѣдко вовсе непонятные ни для читателей, ни даже для самихъ издателей. Такъ, издавая памятники дипломатическихъ сношеній Москвы въ XVI вѣкѣ, русское историческое общество обнародовало документъ, свидѣтельствующій, что въ мартѣ 1519 года посѣтилъ Москву посолъ магистра прусскаго ордена Альбрехта Бранденбургскаго Дитрихъ Шёнбергъ и что во время переговоровъ шла рѣчь, между прочимъ, о разрѣшеніи прибыть въ Москву какому-то торговому человѣку: «Да говорилъ онъ намъ, что хочетъ къ намъ ѣхати въ наши государства торговый человѣкъ, Павломъ зовутъ, изъ Венга города, а нынѣ тотъ Павелъ у великаго маистра; и намъ бы пожаловати, освободити ему въ наши государства ѣхати, а пріѣхати бы ему въ наши государства и отъѣхати добровольно безъ всякой зацѣпки. И ты отъ насъ тому Павлу молвилъ, чтобъ поѣхалъ къ намъ въ наши государства; а пріѣхати ему къ намъ и отъѣхати отъ насъ добровольно безъ всякіе зацѣпки. А будетъ ему надобеть наша опасная грамота, и мы ему свою опасную грамоту пошлемъ, что ему пріѣхати къ намъ и отъѣхати отъ насъ добровольно безъ зацѣпки» [1]).

---

[1]) Сборникъ, LIII, 101. Переговоры велись на латинскомъ языкѣ; въ «отвѣтномъ спискѣ» приведенъ дословный переводъ латинскаго текста, хранящагося въ кенигсбергскомъ Deutsch-Ordens-Briefarchiv. Pierling, 111. Непонятное выраженіе «изъ Венга города» столь же загадочно и въ латинскомъ текстѣ: ex Vihenna civitate.

Спустя шесть лѣтъ, весною 1525 года, по тѣмъ же памятникамъ, «присылалъ къ великому князю изъ Рима Климентъ, папа римскій, своего человѣка Павла Зеновьянина» [1]).

Кромѣ общаго имени Павелъ, все представляется разнымъ: одинъ изъ Венга, другой Зеновѣянинъ, одинъ торговый человѣкъ, другой «посланецъ папежскій». Такъ они и отмѣчены издателями «Сборника» за разныхъ лицъ, между тѣмъ оказывается, по изслѣдованію о. Пирлинга, что это одно и то же лицо—Павлуша Центуріоне изъ Генуи.

Paoletto принадлежалъ, хотя и побочно, къ древней генуэзской фамиліи Centurione, обогатившейся торговыми операціями. Отлично образованный какъ коммерсантъ, много путешествовавшій по торговымъ дѣламъ, посѣтившій Египетъ и Сирію, побывавшій въ Черномъ морѣ, предпріимчивый, смѣлый Павлуша задумалъ возстановить прежнюю славу генуэзской торговли, подорванной португальцами, открывшими ближайшій морской путь въ Индію чрезъ мысъ Доброй Надежды. Паолетто мечталъ найти иной путь для индійскихъ продуктовъ, не морской, болѣе или менѣе невѣрный, а рѣчной: изъ Инда чрезъ Гиндукушъ въ Оксъ, внизъ по Оксу до Каспійскаго моря, потомъ вверхъ по Волгѣ, чрезъ Оку, въ Москву-рѣку. Отважный генуэзецъ рѣшился привести свой смѣлый планъ въ исполненіе на свой страхъ и рискъ. Въ первое свое путешествіе въ Москвѹ, въ 1519 году, онъ потерпѣлъ полную неудачу: великій князь Василій III Ивановичъ принялъ «торговаго человѣка Павла изъ Венга» весьма милостиво, но рѣшительно воспретилъ ему не только всякое путешествіе по Волгѣ, но даже какую-либо отлучку изъ Москвы. Павлуша возвратился въ Геную, но не отказался отъ своего плана. Въ 1525 году онъ вторично отправился въ Москву, пробывъ въ ней мѣсяца два, и опять ничего не добился для своихъ торговыхъ цѣлей. Въ сентябрѣ онъ возвратился въ Римъ, но уже не одинъ, а въ сопровожденіи московскаго посланца Мити Герасимова.

О. Пирлингъ рисуетъ очень симпатичный портретъ этого Герасимова «Человѣкъ образованный, свѣдущій въ вопросахъ вѣроисповѣдныхъ, бѣгло говорящій по-латыни и по-нѣмецки, Дмитрій Герасимовъ, обычно

---

[1]) Сборникъ, XXXV, 692, 694 и 698. Три раза и всегда разно: Зеновѣянинъ, Зеневѣянинъ и Зевѣенинъ. Paoletto Centurione не посчастливилось въ Россіи: Карамзинъ, принимая латинизованное имя Centurio за названіе должности, сдѣлалъ изъ Павла Центуріоне «капитана Павла» (Ист. Гос. Рос., VII, 139); Аделунгъ глубокомысленно замѣчаетъ, что Centurione пишется то Genovese, то Januensis, не догадываясь даже, что одно есть переводъ другаго (Krit. lit. Uebersicht der Reisenden in Russland, I, 179); наконецъ, Карповъ, подъ редакціею котораго изданы XXXV и LIII томы «Сборника», не замѣтилъ, что Зеновеянинъ и Венга суть только измѣненныя Genovese или Zenovese и Genova, Pierling, 110.

именуемый Митей, прошелъ почтенную служебную карьеру. Онъ былъ «толмачъ нѣмецкій» въ посольской избѣ; онъ исполнялъ дипломатическія миссіи въ Швеціи и Даніи, въ Пруссіи и Австріи. Работая съ Максимомъ Грекомъ надъ переводомъ Псалтыри, онъ выказалъ обширныя познанія и широкіе взгляды. Это былъ трудъ тяжелый и опасный. Никто въ Москвѣ не зналъ греческаго языка. Въ то время предразсудки Византіи были болѣе распространены, чѣмъ языкъ. Максимъ переводилъ съ греческаго на латинскій; Герасимовъ и другіе—съ латинскаго на русскій, а писцы клали текстъ на бумагу. Умный аѳонскій монахъ скоро замѣтилъ, что кремлевскіе тексты кишатъ ошибками, описками, и принялся исправлять ихъ, къ ужасу и соблазну переводчиковъ и переписчиковъ. Одинъ только Герасимовъ стоялъ выше этихъ мелочей».

Никогда еще Россія не была такъ достойно представлена при папскомъ дворѣ, какъ во время пребыванія Герасимова въ Римѣ. Онъ интересовался развалинами древняго Рима, любовался художественными произведеніями Рима новаго, картинами Рафаэля и Микель-Анжело, восхищался стихами Аріоста, съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ знаменитыми папскими секретарями Бембо и Садолето, восторгался итальянской музыкой, съ благоговѣніемъ присутствовалъ въ день свв. Козьмы и Дамьяна на папскомъ богослуженіи и произвелъ на всѣхъ выгодное впечатлѣніе. Онъ уѣхалъ изъ Рима въ сопровожденіи папскаго посланца къ Василію III. Такъ, благодаря Герасимову, завязывались болѣе серьезныя связи Москвы съ Римомъ. Серьезными онѣ быть не могли, такъ какъ основывались на недоразумѣніяхъ, впервые разоблаченныхъ въ послѣднемъ трудѣ о. Павла Пирлинга.

Съ конца XV вѣка, не только въ Римѣ, но и при дворѣ папскомъ было распространено убѣжденіе, будто великіе князья московскіе весьма склонны признать главенство римскаго первосвященника, и будто папы готовы возвести Московію въ королевство. Эти легенды распространились по Европѣ и получили такой кредитъ, что императоръ Фридрихъ посылалъ довѣренное лицо въ Москву съ заявленіемъ, что право раздавать королевскія короны принадлежитъ не римской церкви, а Священной Римской Имперіи, а польскій король Казиміръ умолялъ папу Сикста IV не награждать московскаго великаго князя, врага Польши, знаками королевскаго достоинства! Обѣ эти легенды—о готовности в. к. Ивана III принять католичество и о согласіи папы Павла II возвести его въ королевскій санъ—были измышлены Жаномъ Батистомъ делла Вольпе, уроженцемъ Виченцы.

Въ 1465 г. Жанъ Вольпе прибылъ въ Москву, гдѣ его прозвали Иванъ Фрязинъ [1]). Человѣкъ умный, образованный, ловкій, онъ скоро

[1]) Фрязинъ есть нарицательное названіе всѣхъ иностранцевъ латинскаго происхожденія. Иванъ Фрязинъ есть Gian Battista della Volpe; его племян-

получилъ доступъ въ Кремль, сталъ монетчикомъ великаго князя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совѣтникомъ. Когда поднялся вопросъ о бракѣ Ивана III на Софіи Палеологъ, великій князь послалъ въ Италію для переговоровъ именно этого Вольпе. Хорошо понимая, что ни въ Москвѣ, ни въ Римѣ не могло быть и рѣчи о бракѣ православнаго князя съ католической принцессой, Вольпе, не разборчивый на средства, сталъ говорить въ Москвѣ, что Зоя Палеологъ греческаго вѣроисповѣданія, а въ Римѣ, что Иванъ III готовъ принять католичество. Самъ Вольпе, какъ извѣстно, принялъ въ Москвѣ православіе, а являясь въ Римъ выдавалъ себя за католика. О. Павелъ Пирлингъ приводитъ данныя, указывающія, что и первое упоминаніе о возведеніи Московіи въ королевскій рангъ относится къ этому же времени и принадлежитъ тому же Вольпе.

Чтобъ вѣрно понимать отношенія Рима къ Москвѣ въ XVI вѣкѣ, необходимо имѣть въ виду эти двѣ легенды, не имѣющія никакого серьезнаго основанія и тѣмъ не менѣе болѣе столѣтія пользовавшіяся извѣстнымъ кредитомъ въ Римѣ. «Въ Римѣ воображали, что московскій великій князь желаетъ стать католикомъ, и были убѣждены, что королевская корона представляется тѣмъ талисманомъ, который устранитъ всѣ препятствія къ окатоличенію Россіи. Вотъ почему всякій разъ когда Ватиканъ провозглашалъ крестовый походъ, Москва приглашалась не только поднять оружіе противъ турокъ, но признать постановленія Флорентинскаго собора и быть возведенною въ королевство. Это объясняется тѣмъ, что выдумки такихъ личностей, какъ Вольпе, повторялись и распространялись, причемъ сами обстоятельства какъ бы поддерживали подобныя легенды». Эти «обстоятельства» приводятся о. Пирлингомъ и составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ его изслѣдованія.

Какъ и всѣ труды о. Пирлинга, «L'Italie et la Russie au XVI siècle» основана на мало доступныхъ архивныхъ матеріалахъ, отличается строгими критическими пріемами и изложена живымъ, образнымъ языкомъ. Обращаемъ особенное вниманіе на характеристику великаго князя Василія III, «до настоящаго времени неизвѣстную русскимъ историкамъ» [1]). Пожелаемъ, чтобы это произведеніе нашего ученаго друга было возможно скорѣе переведено на русскій языкъ.

В. А. Бильбасовъ.

никъ Антонъ Фрязинъ есть Antonio Gislardi. Нѣкоторыя подробности ихъ семейнаго положенія изложены въ трудѣ о. Пирлинга, переведенномъ на русскій языкъ, „Россія и Востокъ“, Спб. 1892, стр. 30 sqq. Въ Біографическомъ Словарѣ, изготовляемомъ русскимъ историческимъ обществомъ, Фрязины могутъ получить теперь свое настоящее мѣсто.

[1]) Basilius, Moscoviae Princeps, in „Vitae illustrium virorum“, Basileae, 1578, p. 313—315.

Возраженія севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В. И. Денъ.

Съ особенно тяжелымъ чувствомъ прочелъ я записки генерала В. И. Денъ, начатыя имъ въ 1868 г. и появившіяся въ «Русской Старинѣ» только въ 1890 г., т. е. тогда, когда многія, упоминаемыя въ оныхъ, достойнѣйшія лица отошли уже въ вѣчность и когда остается уже мало въ живыхъ свидѣтелей Крымской войны, готовыхъ святою правдою замѣнить, набросанную въ рѣзкихъ выраженіяхъ, тѣнь на вѣрныхъ сыновъ отечества. Но кромѣ глубоко-непріязненнаго взгляда на дѣятелей войны 1854—1855 годовъ, перо г. Денъ весьма грѣшитъ и въ изложеніи фактовъ, напримѣръ: онъ говоритъ, что англійская кавалерія, безумно атаковавшая 13-го октября нашу артиллерію, попала подъ перекрестный огонь нашихъ батарей. Это не такъ! Истребленіе англійской кавалеріи, налетѣвшей, съ лордомъ Кардигамъ, на нашу Донскую батарею, которой командовалъ кн. Оболенскій, произошло не 13-го, а 7-го октября; встрѣченная картечью помянутой батареи, кавалерія смѣшалась, а прикрытіе нашей батареи, состоявшее изъ сводной резервной бригады уланъ, бросилось въ атаку и положило до 150 тѣлъ на мѣстѣ. Тутъ была найдена и вызолоченная каска лорда, о чемъ такъ точно послѣдовало донесеніе кн. Меншикову.

Въ выноскѣ, на стр. 671, кн. 3, касательно того же дѣла г. Денъ говоритъ, что видѣлъ въ главной квартирѣ лошадей Каргопольскаго драгунскаго полка, которыя сорвавшись скакали на англійскій лагерь, гдѣ встрѣченныя батальнымъ огнемъ понеслись къ Малахову кургану, съ котораго на нихъ тоже былъ открытъ огонь.

Какъ англичане, такъ и съ Малахова кургана, не могли стрѣлять по лошадямъ безъ ѣздоковъ,—что̀ само собой не имѣетъ смысла,—доказательствомъ служитъ еще то, что сорвалось съ коновязи нѣсколько лошадей не Каргопольскаго, а Веймарскаго гусарскаго полка, испуганныхъ выстрѣлами Донской батареи, шумомъ атаки и переловленныхъ у рѣки Черной, а англійскій лагерь находился на высотахъ у Кады-кіой, отъ рѣки на значительномъ разстояніи, въ дѣлѣ же 13-го октября были взяты генераломъ Липранди вы-

соты этой мѣстности и уничтожены четыре турецкихъ редута—дѣло чисто одной молодецкой 12-й дивизіи.

Въ сказаніи генерала Денъ, о дѣлѣ 24-го октября, въ которомъ онъ участвовалъ, близъ перевязочнаго пункта—въ наблюденіи за порядкомъ отступавшихъ нашихъ войскъ черезъ мостъ у устья рѣки Черной—ничего нѣтъ похожаго на то, что было въ дѣйствительности. Онъ говоритъ, что для указанія мѣста къ бою на правомъ флангѣ нашей позиціи, были даны генералу Соймонову—начальнику дивизіи—два матроса, которые на разсвѣтѣ перепились.

Изъ этого видно, что г. Денъ былъ наивно легковѣренъ, удерживая въ памяти такой нелѣпый слухъ. Кромѣ офицера генеральнаго штаба при дивизіи, въ полкахъ имѣлись жолонерные офицеры, да наконецъ, самая мѣстность боевой позиціи была не за горами, не за лѣсами, видна съ Малахова кургана, слѣдовательно не было надобности брать проводниковъ въ родѣ Сусанина.

Далѣе г. Денъ говоритъ, что въ началѣ этого дѣла, на нашемъ лѣвомъ флангѣ, при атакѣ Инкерманскихъ высотъ, наши передовыя части сильно пострадали отъ непріятельской артиллеріи, потому, будто, что наша артиллерія отстала и ее искали. Несправедливо! по причинѣ значительной крутизны Инкерманскихъ высотъ артиллерійскаго огня со стороны англичанъ не было; высоты взяты были густою, усиленною цѣпью стрѣлковъ, тѣлами которыхъ былъ устланъ скатъ—вслѣдствіе превосходства огнестрѣльнаго оружія врага—чему были свидѣтелями великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, бывшіе въ это время съ кн. Меншиковымъ.

За симъ говоритъ, что кн. Меншиковъ совершеннымъ своимъ бездѣйствіемъ уничтожилъ всѣ понятія его, г. Денъ, о ходѣ сраженія.

Такая напыщенная самомнѣніемъ фраза весьма неосновательна, несправедлива. По рѣшенію военнаго совѣта, командованіе войсками въ Инкерманскомъ дѣлѣ и ходъ самого сраженія былъ ввѣренъ генералу Даненбергу, которому была дана и диспозиція; г-ну Денъ, интересовавшемуся сраженіемъ, слѣдовало быть ближе къ огню, т. е. при генералѣ Даненбергѣ, а не при князѣ Меншиковѣ, охранявшемъ великихъ князей и устранившемъ себя въ этомъ дѣлѣ, какъ морякъ, предоставившій свободу дѣйствій старшему генералу сухопутныхъ войскъ. Въ горькой неудачѣ сраженія отчасти можно винить генерала Липранди, не завязавшаго дѣла съ явившейся передъ нимъ дивизіей Боске, шедшей на выручку англичанъ.

Г-нъ Денъ пишетъ, что налегавшій, при нашемъ отступленіи чрезъ мостъ у устья р. Черной, непріятель открылъ по нашимъ войскамъ огонь изъ поставленныхъ на гребнѣ Инкерманскихъ высотъ двухъ орудій, и при паденіи первой гранаты все пустилось бѣжать, а при второй—въ перевязоч-

ный пунктъ—въ одно мгновенье исчезли доктора и священникъ, бросившіе до 400 раненыхъ.

Изъ сказаннаго можно думать, что неустрашимый г. Денъ остался въ такомъ смертоносномъ мѣстѣ одинъ, осыпаемый гранатами. Нѣтъ! не такъ страшна была эта картина! Непріятель не преслѣдовалъ и былъ настолько великодушенъ, что изъ поставленныхъ дѣйствительно на высотахъ нѣсколькихъ орудій не сдѣлалъ ни одного выстрѣла,—чему я былъ свидѣтелемъ, проѣзжая мостъ съ офицерами генеральнаго штаба—въ противномъ случаѣ, отъ многихъ скученныхъ въ безпорядкѣ полковъ осталось бы одно воспоминаніе.

Далѣе говоритъ, что видѣлъ, какъ раненый въ ногу солдатъ отбивалъ прикладъ у своего ружья, бросилъ штыкъ и употреблялъ стволъ вмѣсто палки. Да на что же оно и было годно? Командуя ротой, я могу свидѣтельствовать, что при стрѣльбѣ въ цѣль изъ 200 боевыхъ зарядовъ едва попадала десятая часть, при дистанціи 200 шаговъ въ мишень 1 саж. ширины и такой же высоты. Каковъ же былъ шансъ непріятеля, поражавшаго насъ на 1000 шаговъ. Солдатъ это зналъ...

Г. Денъ говоритъ, что страшная неурядица, безтолковье, безпечность, равнодушіе составляли отличительную черту и характеристику меншиковской военной администраціи.

Какъ согласовать такой строгій, пристрастный приговоръ съ тѣмъ разумнымъ, предусмотрительнымъ движеніемъ князя Меншикова черезъ Мекензіеву гору, гдѣ, ставши въ тылъ непріятелю, остановилъ его передъ Севастополемъ и съ тою находчивостью, распорядительностью, съ коими, при всѣхъ малыхъ средствахъ въ началѣ войны, онъ долгое время съумѣлъ держать укрѣпленный на-скоро, чѣмъ попало, городъ. Что же касается неурядицы, безтолковья, являющихся иногда въ частяхъ войскъ отъ торопливости, суетливости, недоразумѣнья ихъ начальниковъ, а также присущихъ интендантству злоупотребленій, то вѣдь это было въ прежнихъ войнахъ, какъ было и въ послѣднюю 1877 года войну, когда при всѣхъ принятыхъ мѣрахъ къ устраненію погрѣшностей—цѣль не была достигнута.

Денъ говоритъ, что командованіе кн. Меншикова отличалось неопредѣленностью приказаній, но будетъ ли это справедливо, если мы узнаемъ изъ его же записокъ, что поводомъ къ тому послужило слово «помаячить», пойманное г-номъ Денъ въ переданномъ генералу Липранди приказаніи, которое совершенно совпадало съ мѣстностью, занимаемой отрядомъ противъ высотъ, гдѣ стоялъ маякъ, и г. Липранди понялъ желаніе князя—сдѣланной рекогносцировкой онъ помаячилъ по высотамъ и взялъ 4 редута.

Г. Денъ задаетъ себѣ даже вопросъ: «русскій ли былъ главнокомандующій кн. Меншиковъ?» и наконецъ разражается, въ согласіи съ мнѣніемъ одного вице-адмирала, что это былъ аспидъ, а не человѣкъ. Желчное настроеніе г-на Денъ, порождаемое сильнымъ негодованіемъ

противъ князя Меншикова, такъ явно видно для всѣхъ, кто хотя немного зналъ лично этого извѣстнаго заслугами государственнаго человѣка, что нѣтъ надобности даже разувѣрять въ томъ.

Онъ нашелъ и штабъ князя оригинальнымъ и удивлялся, что въ рукахъ полковника Вуншъ могли сосредоточиваться двѣ должности: начальника штаба и генералъ-интенданта. На дѣлѣ это было просто! Князь имѣлъ собственно его лицу принадлежащій штабъ, которымъ завѣдывалъ Вуншъ, имѣя помощникомъ капитана Лебедева и 6 писарей изъ моряковъ. При маломъ числѣ сухопутныхъ войскъ, съ которыми пришлось встрѣтить врага, не для чего, да и некогда было думать о формированіи штаба—время было горячее! по прибытіи же съ Дуная двухъ пѣхотныхъ корпусовъ былъ сформированъ штабъ южной арміи, и начальникомъ онаго былъ генералъ Семякинъ.

Г. Денъ, перечисляя авторитетно недостатки почти всѣхъ бастіоновъ, говоритъ, что Малаховъ курганъ подвергался атакѣ непріятельской кавалеріи. На это можно сказать, что г-ну Денъ вѣроятно не была извѣстна вся изрытая траншеями, неровная, каменистая мѣстность передъ курганомъ, куда съ трудомъ взбирался пѣшеходъ.

На стр. 52 кн. 4-ой г-нъ Денъ недоумѣваетъ, почему во время бывшей 2-го ноября бури начальство не поставило у устья р. Качи полевую артиллерію, которая своимъ огнемъ могла бы заставить нѣсколько непріятельскихъ кораблей спустить флаги. Какъ же могла дѣйствовать полевая артиллерія, когда разъяренная стихія срывала съ якорей корабли, причинивъ непріятельскому флоту значительный вредъ, и на сушѣ уносила съ кольями палатки и снимала крыши съ сараевъ и домовъ?... Онъ также находилъ большой глупостью распоряженія таврическаго губернатора Пестеля о вывозѣ изъ Симферополя дѣлъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ послѣ Альмскаго сраженія. Напрасно думалъ такъ г. Денъ! Непріятель съ Альмы могъ прямо идти къ Перекопу, стать передъ узкимъ перешейкомъ и, при блокадѣ полуострова союзнымъ флотомъ, отрѣзать Крымъ, а не идти на южную сторону, въ чемъ слѣдуетъ видѣть его большую ошибку.

Кончая симъ обзоръ записокъ г-на Денъ, я позволяю себѣ присовокупить одинъ эпизодъ изъ Крымской войны—не упомянутый ни въ одномъ разсказѣ или описаніи: что именно ускорило сообщеніе дѣйствующихъ войскъ съ осажденнымъ Севастополемъ, оборона коего безъ освѣженія была не мыслима?

Случилось это такъ: по приведеніи строя въ извѣстность послѣ Альмскаго сраженія, войска наши потянулись 12-го сентября, въ ночь, на Мекензіеву гору и съ разсвѣтомъ остановились у мѣстечка Атаркой, а непріятель въ то же время, не тревожимый во флангъ, свободно переходилъ съ Альмы на южную сторону города.

13-го сентября, въ 2 ч. по полудни, непріятель разбилъ на Мекензіевой горѣ часть нашего артиллерійскаго парка. Узнавши это, князь Меншиковъ приказалъ мнѣ ѣхать въ Севастополь и передать исписанныя карандашемъ двѣ записки генералъ-адъютанту Корнилову, сказавши: «если попадешься въ плѣнъ, записки съѣшь».

Съ грекомъ-балаклавцемъ, для указанія пути, и конвоемъ казаковъ я доѣхалъ до дер. Чоргунъ,— гдѣ былъ брошенъ послѣдними, при показавшемся вдали непріятелѣ; изъ Балаклавы, пользуясь темнотою ночи, мы съ грекомъ держались стороны моря и пробрались въ Севастополь, гдѣ патруль разъѣзжалъ по Екатерининской улицѣ, нарушая мѣрнымъ шагомъ тишину, въ которой все живое работало для возведенія укрѣпленій. Въ гостинницѣ Томасъ— куда заѣхалъ перекусить—собравшіеся офицеры-моряки шумѣли, въ горячемъ спорѣ, о скрывшемся отрядѣ войскъ, бросившемъ Севастополь на произволъ судьбы. Сказавши нѣкоторымъ, обратившимся ко мнѣ, гдѣ находится князь Меншиковъ съ войскомъ, я поспѣшилъ явиться къ генералъ-адъютанту Корнилову; онъ принялъ меня въ весьма тревожномъ состояніи духа, которое не могъ скрыть въ отрывистыхъ вопросахъ, заставившихъ меня понять, что негодованіе моряковъ было эхомъ его сомнѣнія въ разсчитанномъ движеніи князя Меншикова.

На другой день Корниловъ указалъ мнѣ, по картѣ, бухты, занятыя непріятельскимъ флотомъ. «Въ Балаклавѣ непріятель,—сказалъ онъ;—какъ же вы поѣдете обратно?»—«Попробую»,—отвѣтилъ я и пошелъ къ своему балаклавцу за совѣтомъ: что дѣлать?

15-го числа утромъ, выѣхавши изъ города, мы замѣтили у Инкерманскихъ высотъ многихъ англичанъ безъ оружія, въ безпорядкѣ шедшихъ на южную сторону къ союзной арміи; мы выждали ихъ подъемъ въ гору и пустились лѣсомъ въ расположеніе нашихъ войскъ. Къ сумеркамъ мы были на Мекензіевой горѣ, гдѣ трупы людей и лошадей лежали у разбитыхъ фуръ съ разбросанной изъ нихъ поклажей; разбитые боченки съ порохомъ покрывали дорогу, воздухъ былъ невыносимый отъ гніющихъ тѣлъ. Это было то мѣсто, гдѣ паркъ былъ настигнутъ непріятелемъ 13-го числа.

Въ 10 час. вечера я прибылъ въ отрядъ. Довольный моимъ возвращеніемъ, князь Меншиковъ выслушалъ мой докладъ и, чтобъ убѣдиться въ томъ, что съ остаткомъ англичанъ, тащившихся въ разбродъ, союзная армія очистила намъ сѣверную сторону, на другой же день утромъ послалъ находившагося при немъ лейтенанта Стаценко, по возвращеніи котораго двинулъ дѣйствующія войска къ сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты, по которой и открылось сообщеніе войскъ съ гарнизономъ Севастополя, получившаго крѣпость и силу геройски держаться 11 мѣсяцевъ подъ адской бомбардировкой.

Полковникъ **Н. П. Лебедевъ.**

8 іюня 1892 г.
Г. Серпуховъ.

БІОГРАФІЯ

Графа Ѳедора Васильевича Ростопчина,

составленная А. Ѳ. Брокеромъ въ 1826 году [1]).

Россія лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ сыновъ. 18 генваря пополудни въ семь часовъ скончался въ Москвѣ послѣ тяжкой продолжительной болѣзни оберъ-камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, россійскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ кавалеръ, многихъ академій и ученыхъ обществъ членъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ. Послѣ многихъ недуговъ оказалась тлѣвшая въгруди его водяная болѣзнь, къ коей присоединился нарывъ въ легкомъ. При совершенномъ разслабленіи всей нервической системы послѣдовала еще сильная одышка и, наконецъ, ударъ паралича, предшествовавшій тремя недѣлями кончинѣ его. Крѣпкое сложеніе графа, воздержное его житіе и многія поѣздки къ цѣлительнымъ водамъ сохранили здоровье

---

[1]) Біографическій очеркъ графа Ѳ. В. Ростопчина составленъ тотчасъ послѣ смерти бывшаго московскаго главнокомандующаго близкимъ ему человѣкомъ, Адамомъ Ѳомичемъ Брокеромъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 года были помѣщены письма графа Ростопчина къ Адаму Ѳомичу Брокеру за время съ 1815 по 1818 гг., которыя, независимо отъ отличающаго ихъ высокаго историческаго интереса, свидѣтельствуютъ также о дружескихъ чувствахъ графа Ѳедора Васильевича Ростопчина къ Брокеру, котораго онъ называлъ „любезнымъ братомъ и сотоварищемъ 1812 года“. Такъ напр., въ одномъ изъ писемъ къ Брокеру онъ пишетъ изъ Парижа: „прощай, почтенный человѣкъ, будь здоровъ и помни, что изъ Россіи вывезенъ во Францію человѣкъ стараго вѣка, который съ старыми чувствами тебя здѣсь любитъ и почитаетъ,—слово въ слово какъ въ Москвѣ въ 1812 году“.

Въ то время, когда графъ Ростопчинъ занималъ мѣсто московскаго главнокомандующаго, Адамъ Ѳомичъ Брокеръ состоялъ въ должности полиціймейстера. Ред.

его нѣсколько лѣтъ, но не могли продлить оное за предѣлы, Провидѣніемъ назначенные.

Очень обыкновенно осыпать покойниковъ похвалами. Когда не стало человѣка, мы видимъ однѣ его доблести, помнимъ его благодѣянія, уважаемъ его память и смотримъ на земное его поприще съ лучшей токмо стороны. Таковы современники, ежели же не пристрастны они въ сужденіяхъ своихъ, то слишкомъ уже бываютъ строги: одно потомство неумолимо, оно воздаетъ всякому по заслугамъ его. Нынѣ не трудно произнести приговоръ, ибо представляется намъ мужъ, коего дѣянія и вся жизнь не страшатся строжайшаго изслѣдованія: имя Ростопчина, столь имъ прославленное, есть лучшая памяти его похвала! Кому изъ русскихъ неизвѣстны заслуги, отечеству имъ оказанныя? Читатели конечно съ удовольствіемъ прочтутъ сообщаемыя мною здѣсь подробности и извинятъ нѣкоторые недостатки ради поспѣшности, съ коею статья сія была написана. Имѣвъ честь служить подъ начальствомъ покойнаго графа въ незабвенный 1812 годъ, пользовавшись его особенною благосклонностію и дружбою, находившись безотлучно при немъ во все продолженіе его болѣзни и имѣвъ отраду въ одно время и пріятную и горестную закрыть ему глаза, я болѣе другихъ могу имѣть свѣдѣнія о незабвенномъ семъ патріотѣ, игравшемъ столь блистательныя роли при трехъ царствованіяхъ.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ родился въ Москвѣ 12-го марта 1763 года. Онъ вступилъ весьма молодъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, гдѣ и продолжалъ службу до открывшейся со шведами войны, во время коей находился при принцѣ Нассау для дипломатической переписки: съ сего времени сдѣлался онъ извѣстнымъ императрицѣ Екатеринѣ Второй. Она часто изволила веселиться его разсказами и удостоивала его чести участвовать въ отборномъ ея обществѣ, въ которомъ блистали между прочими Сегюръ, Кобенцель, Фицъ Гербертъ, Шуваловъ, и которое одушевлялось присутствіемъ любезнѣйшей и премудрѣйшей изъ Царицъ. Говоря объ немъ одинъ разъ съ графомъ Мамоновымъ, она изволила сказать: «у этого молодаго человѣка большой лобъ, большіе глаза и большой умъ!» Графъ Александръ Матвѣевичъ столь плѣнялся умомъ симъ, что подъ разными предлогами отклонялъ домогательства Ростопчина, желавшаго служить въ тогдашнюю турецкую войну волонтеромъ. Курьерская экспедиція къ князю Потемкину все готова была, по словамъ Мамонова, и все откладывалась до того времени, какъ графъ А. А. Безбородко отправился въ Молдавію для мирныхъ переговоровъ. Министръ сей, замѣтя въ молодомъ Ростопчинѣ особенный умъ, познанія и легкость въ работѣ, взялъ его съ собою и употребилъ его съ пользою при собравшемся въ Яссахъ мирномъ конгрессѣ. По возвращеніи графа въ Петербургъ, императрица Екатерина Вторая пожало-

вала его въ камеръ-юнкеры ко двору своему. Она изволила назначить его посланникомъ въ Португалію; но послѣдовавшая Ея Величества кончина не позволила посольству сему состояться.

Императоръ Павелъ I при восшествіи своемъ на престолъ наименовалъ Ростопчина своимъ генералъ-адъютантомъ, впослѣдствіи ввѣрилъ ему министерство иностранныхъ дѣлъ, главное управленіе надъ почтовымъ департаментомъ, пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и графское Россійской имперіи достоинство. Государь сей удостоивалъ его особеннаго своего благоволенія, бывши еще великимъ княземъ, и чувство сіе при принятіи престола Всероссійскаго не токмо не измѣнилось, но паче еще возросло. Неограниченная къ нему довѣренность императора Павла I и милости, коими Государь сей его осыпалъ, совершенно оправдались пламенною графа Ростопчина къ царю и благодѣтелю преданностію, свято имъ сохраненною по самую кончину его.

Съ 1800 года графъ Ростопчинъ находился въ отставкѣ и жилъ попеременно въ Москвѣ и въ деревнѣ. Блаженной памяти императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ его въ 1810 году двора своего оберъ-камергеромъ. Въ 1812 же году изволилъ переименовать его въ генералы-отъ-инфантеріи и назначить въ Москву главнокомандующимъ на мѣсто фельдмаршала графа Гудовича; въ то же время повелѣно ему было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Въ сію незабвенную, достославную для Россіи эпоху, Наполеонъ съ отборными войсками цѣлой Европы напалъ на послѣдній оплотъ независимости царей и народовъ,—кровь полилась отъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки. Наконецъ древняя россійская столица занялась непріятелемъ. Смутныя времена рождаютъ,—говорятъ историки,—великихъ людей: и дѣйствительно при сихъ-то обстоятельствахъ великій умъ, твердость духа и любовь къ отечеству графа Ростопчина показались во всемъ ихъ блескѣ и заслужили ему славу, которая перейдетъ съ лѣтописями нашими къ позднѣйшему потомству. Бонапарте въ бѣшенствѣ своемъ думалъ Московскаго градоначальника биллютенями своими обезславить, но вмѣсто того онъ лишь только способствовалъ къ содѣланію имени его еще знаменитѣйшимъ. Кровожадный сей завоеватель, любившій славу, его одного только озарявшую, ненавидѣлъ тѣхъ, кои осмѣливались ему противустоять и кои служили отечеству своему вѣрою и правдою. По симъ уваженіямъ могъ ли кто болѣе графа Ростопчина быть ему ненавистнымъ.

Полчище, злымъ духомъ составленное и имъ предводительствуемое, быстро подвигалось къ сердцу Россіи; Наполеонъ былъ уже на Поклонной горѣ, а въ Москвѣ, въ сей многолюдной столицѣ, царствовали тишина, спокойствіе и безопасность. Прозорливый глазъ ея намѣстника былъ всюду. Онъ ободрялъ дворянство, наблюдалъ за народомъ пра-

вославнымъ, укрощалъ иностранцевъ, посѣщалъ ежедневно раненыхъ; онъ пекся о спокойствіи каждаго, о безопасности всѣхъ вообще.

Оставленіе Москвы входило въ составъ обширнаго оборонительнаго плана главнокомандующаго арміями [1]). Россія испила мѣру бѣдствій; но жертва сія великая искупила отечество и превознесла славу русскаго оружія: графъ Ростопчинъ былъ совершенно чуждъ военныхъ дѣйствій; обязанность его была сохранить порядокъ въ столицѣ, управленію его ввѣренной, и порядокъ былъ сохраненъ до самаго вступленія непріятеля въ Москву. Государь, послѣ воззванія своего къ первопрестольному граду, самъ изволилъ оный осчастливить своимъ присутствіемъ и столь былъ доволенъ управленіемъ и мѣрами, пріемлемыми его намѣстникомъ, что пожаловалъ ему эполеты съ Высочайшимъ своимъ шифромъ, сказавъ графу лестныя сіи слова: я самъ теперь у тебя на плечахъ! И по истинѣ заботы его были безчисленны. Еропкинъ прекратилъ рѣшительными мѣрами бунтъ, начавшійся убіеніемъ архипастыря, и заслужилъ тѣмъ неоспоримо достодолжную славу, какою же благодарностію не обязаны жители московскіе начальнику, предупредившему не только мятежъ, но малѣйшій въ городѣ безпорядокъ и въ какое время? тогда какъ всякій изъ жителей не ложною какою-либо тревожился молвою, но зналъ и видѣлъ угрожавшее Москвѣ неминуемое несчастіе! Труды, понесенные тогда Ростопчинымъ, въ свѣжей еще у всѣхъ памяти. Кто забылъ, съ какимъ усердіемъ, съ какою неутомимою попечительностію обнималъ онъ всѣ обязанности, званіемъ его уму налагаемыя?

Во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ графъ Ростопчинъ всячески затруднялъ продовольствіе войскъ французскихъ, отрѣзывая имъ подвозы провіанта. Обладая необыкновеннымъ даромъ говорить всякому языкомъ, ему наиболѣе понятнымъ, онъ умѣлъ особенно объясняться съ русскими крестьянами; печатныя его объявленія, писанныя самымъ простымъ, но убѣдительнымъ слогомъ, воспламеняли душу подмосковныхъ мужиковъ: они прятали женъ, дѣтей и имущества свои въ глубины лѣсовъ и пещеръ, а сами, вооружась какъ могли и чѣмъ ни попало, убивали всюду не только мародеровъ, но даже цѣлые непріятельскіе отряды. Душа воиновъ-поселянъ 1812 года воспалилась такимъ геройствомъ, что всякій мужикъ съ вилою-тройчаткою почиталъ себя

---

[1]) Главнокомандующій арміями, князь Кутузовъ, писалъ къ Государю изъ селенія Жилина отъ 4-го сентября: „въ семъ положеніи долженъ я былъ рѣшиться попустить непріятеля войти въ Москву. Осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству донести, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи“ и проч.

непобѣдимѣе француза, съ заряженною пушкою [1]). По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что около 30 тысячъ французовъ было побито въ самой Москвѣ и въ окресностяхъ оной въ теченіе шести недѣль одними поселянами и обывателями. Подкрѣпляя убѣжденія примѣромъ, графъ Ростопчинъ зажегъ собственноручно великолѣпный свой домъ въ селѣ Вороновѣ, который былъ Наполеономъ избранъ для главной его квартиры. Всѣмъ извѣстна французская надпись, прибитая графомъ къ воротамъ, когда выѣхалъ онъ изъ объятаго пламенемъ дома своего. Она была переведена на всѣ языки и читана въ цѣлой Европѣ съ восхищеніемъ [2]).

Наконецъ, ужасное зарево возвѣстило пламя, пожиравшее Москву! Я не стану входить въ подробности сего безсмертнаго событія, о коемъ нельзя говорить поверхностно: исторія изслѣдуетъ оное подробно. О пожарѣ московскомъ писано и разсуждаемо было различными образами въ Европѣ. Большая часть историковъ, приписывая отважную сію мѣру графу Ростопчину, отзывались объ оной яко о памятникѣ, утверждающемъ на всегда права его на безсмертную славу. Всѣмъ извѣстно, что графъ, будучи въ Парижѣ, издалъ книжку подъ заглавіемъ: «La vérité sur l'incendie de Moscou» (Истина о пожарѣ московскомъ), въ коей уклоняется онъ отъ славы, вовсе ему будто не принадлежащей, относя пожаръ московскій французамъ. Я не осмѣлюсь входить въ разбирательства и не позволю себѣ никакихъ сужденій, а удовольствуюсь замѣтить, что ежели славно въ бѣдственныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ показать необыкновенную рѣшимость, то еще славнѣе укрываться отъ похвалъ [3]).

Какъ бы ни было, пожаръ сей положилъ конецъ ослѣпленію Наполеона. Россія содѣлалась для него тогда вулканомъ, коего жерломъ была Москва. Устрашенный завоеватель приводитъ поспѣшно армію свою въ движеніе, не дожидаясь, чтобы вся она была поглощена; онъ оставляетъ Москву и бѣжитъ изъ столицы, занятіе коей куплено было по-

[1]) Почтенный издатель „Русскаго Вѣстника“ С. Н. Глинка передалъ потомству множество примѣровъ неустрашимости, усердія и любви къ отечеству сихъ отечественныхъ богатырей.

[2]) Вотъ надпись сія для любопытства тѣхъ, кому оная неизвѣстна: „восемь лѣтъ украшалъ я сіе село, восемь лѣтъ въ нѣдрахъ семейства моего жилъ я счастливо подъ покровительствомъ отеческаго правленія императора Александра. Поселяне сей деревни удаляются отъ васъ, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ не осквернился вашимъ присутствіемъ. Въ Москвѣ оставилъ я вамъ въ добычу два дома съ имуществомъ въ оныхъ на полмилліона, здѣсь найдете вы одинъ пепелъ!“

[3]) Въ сочиненіи: „La Russie anecdotique“ графа Андрея Ѳедоровича Ростопчина, онъ высказался относительно участія своего отца въ московскомъ пожарѣ слѣдующимъ образомъ: „Il ne donna jamais d'ordres pour brûler Moscou, mais prit toutes ses mesures pour que cela arrivât“. Р е д.

токами крови и гдѣ солдатамъ обѣщаны были миръ и изобиліе; онъ обнародываетъ, что Москва уже ни что иное, какъ мѣсто, заразою опустошенное и обитаемое одними разбойниками. Однакожъ Ростопчинъ является въ подорванномъ злобою Кремлѣ—окруженный дымящимися еще развалинами первопрестольнаго града, онъ занимается, со свойственною ему дѣятельностію, новыми своими заботами, требовавшими новыхъ трудовъ, и въ короткое время все принимаетъ совершенно другой видъ: храмы Божіи освящаются вновь, погорѣлые получаютъ пристанище, бѣдные—пищу, раненые—надзоръ, больные—пользованіе, городъ очищается отъ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ и лошадей, наполнявшихъ улицы, подвалы и колодези. Присутственныя мѣста, почты и всѣ части государственнаго управленія приводятся въ прежнее устройство, отовсюду стекаются обозы со всѣми жизненными потребностями: однимъ словомъ, Москва возникаетъ изъ пепла своего. Щедротами Императора всѣ раны государственныя исцѣляются, безпрерывныя побѣды армій нашихъ на границахъ Имперіи и въ Германіи, особенно же Лейпцигское сраженіе воспаляютъ гордость народную, которая взятіемъ Парижа доходитъ до упоенія. При полученіи сего радостнаго извѣстія, всѣ безъ изъятія жители Москвы были допущаемы къ своему градоначальнику, всѣ цѣловались съ нимъ и поздравляли другъ друга. Вечеромъ городъ былъ освѣщенъ, горѣвшій передъ домомъ графа щитъ возбуждалъ радость и любопытство народа: вокругъ изображенія Александра написано было: спасаетъ, а вокругъ ратника съ булавою: караетъ. Въ срединѣ изображенъ былъ подрываемый Кремль, Иванъ Великій отъ основанія до златой своей главы исписанъ былъ побѣдами русскихъ, а надъ колокольнею сею находилось одно выразительное слово: устою! на воротахъ же дома сіяли слова: міру—миръ. Восхищенная Москва, забывъ свои бѣдствія, предавалась радостной мысли, что ею спасена Европа, вся же Россія гордилась быть удѣломъ Благословеннаго Александра, гордилась принадлежать великодушному герою, который, вступая въ Парижъ, платилъ благодѣяніями за зло, претерпѣнное Москвою.

Усилія, заботы, попеченія и труды, понесенные графомъ Ростопчинымъ, потрясли крѣпкое его сложеніе, однакожъ онъ пробылъ въ службѣ до 1815 года. Государь, не соглашаясь на совершенную его отставку, пожаловалъ его членомъ Государственнаго Совѣта; но принявъ въ то же время въ уваженіе разстроенное его здоровье, изволилъ назначить ему преемника въ Москву, пожаловалъ ему безсрочный отпускъ съ позволеніемъ ѣхать въ чужіе краи.

Во всѣхъ земляхъ, гдѣ графъ Ростопчинъ только проѣзжалъ, въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, вездѣ встрѣчаемъ онъ былъ съ изъявленіями живѣйшаго не лицемѣрнаго почтенія. Короли: французскій,

прусскій, англійскій и виртембергскій осыпали его особенно милостями своими. Когда графъ Ростопчинъ пріѣхалъ въ Парижъ, то король, Людовикъ XVIII, принявъ его въ своемъ кабинетѣ въ приватной аудіенціи, сказалъ ему слѣдующія лестныя слова: «Я радуюсь, графъ, что могу вамъ въ Парижѣ отплатить за гостепріимство, оказанное мнѣ въ Митавѣ; ежели я нынѣ принимаю васъ въ Тюльерійскомъ моемъ замкѣ, то симъ обязанъ я частію вамъ же! въ Москвѣ началось освобожденіе Европы и возстановленіе всѣхъ законныхъ властей (de toutes les légitimités)».

Прусскій король, находясь въ 1822 году въ Теплицѣ съ графомъ Ростопчинымъ, былъ столь восхищенъ пріятностію его разговора, что большую часть дня проводилъ въ его обществѣ и осыпалъ его знаками лестнѣйшаго своего благорасположенія.

Во время пребыванія своего въ Лондонѣ, графъ Ростопчинъ пользовался таковымъ же расположеніемъ отъ англійскаго короля. Его Величество пригласилъ его съ малымъ избраннымъ обществомъ къ себѣ на обѣденный столъ, пить изволилъ за его здоровье и во все время стола занимался своимъ гостемъ. Графъ примѣтилъ въ одной изъ комнатъ короля прекрасную голову работы Леонарда Винчи и долго на оную любовался, возвратясь домой, былъ онъ весьма пріятно пораженъ, найдя на столѣ своемъ картину, столь ему понравившуюся и которую король просилъ его принять знакомъ памяти отъ Его Величества.

Покойный графъ Ростопчинъ пользовался особенными милостями блаженной памяти королевы Виртембергской Екатерины Павловны, цѣнившей преданность его къ престолу, умъ и необыкновенную его любезность. Онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ со многими почтенными особами, прославившимися заслугами своими, какъ напримѣръ съ героемъ Суворовымъ, съ княземъ Безбородкою, съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, съ герцогомъ Веллингтономъ и проч. Твердость его духа столь была всюду извѣстна, что въ Шлезіи самая крѣпкая водка носитъ до сихъ поръ названіе Doppelter Rostopchin (двойной Ростопчинъ).

Къ краткимъ симъ свѣдѣніямъ о службѣ покойнаго графа Растопчина я присовокуплю нѣкоторыя главнѣйшія черты его характера и окончу статью сію подробностями о преждевременной кончинѣ знаменитаго сего мужа.

Бывъ въ связи или въ сношеніяхъ со всѣми главными лицами трехъ въ Россіи царствованій, игравши самъ значительныя въ оныхъ роли, имѣвъ обширныя свѣдѣнія въ исторіи, прочитавъ все, что было любопытнаго въ теченіе полвѣка, объѣхавъ бо́льшую часть Европы, имѣвъ умъ наблюдательный, привлекательное краснорѣчіе и обладая при всѣхъ сихъ преимуществахъ необыкновенною памятью, графъ Ростопчинъ

представлялъ всякому бесѣду самую пріятную, поучительную, а вмѣстѣ и неисчерпаемый источникъ любопытнѣйшихъ анекдотовъ и примѣчанія достойныхъ происшествій. Удивленія достойно то, что никогда или весьма рѣдко повторялся, а когда разсказывалъ что-нибудь, то умѣлъ малѣйшему и самому ничтожному обстоятельству придавать особенное пріятство и занимательность. Умные люди, бесѣдуя съ нимъ, могли заимствовать полезныя историческія свѣдѣнія, тѣ же, коихъ природа одарила обыкновенными способностями, инаго труда не имѣли, какъ только слушать его и восхищаться его краснорѣчіемъ и остротою, ибо онъ былъ чрезвычайно словоохотенъ.

Графъ Ростопчинъ былъ чрезмѣрно учтивъ въ обществѣ: надъ оригиналами, коихъ встрѣчалъ въ ономъ, любилъ очень шутить, но, при всей остротѣ своей, соблюдалъ всегда величайшую вѣжливость и не позволялъ себѣ никогда что-нибудь оскорбительнаго на ихъ счетъ, когда же разбиралъ поведеніе и поступки людей, облеченныхъ важными должностями и во зло употребляющихъ власть свою, то тогда онъ не оказывалъ уже никакой пощады, и сужденія его были рѣзки, рѣшительны и строги. Къ отцу своему преисполненъ онъ былъ чрезвычайнаго почтенія и любви. Когда Императоръ Павелъ I, въ избыткѣ чувствъ своихъ и благодарности къ заслугамъ его, спросилъ его, чего онъ желаетъ, то графъ отвѣчалъ: Государь! обрати милости твои на стараго моего отца [1]). Въ семействѣ своемъ представлялъ онъ самаго нѣжнаго, внимательнаго супруга и попечительнаго отца, любилъ вообще страстно дѣтей и имѣлъ особенный даръ ихъ забавлять и къ себѣ привязывать. Онъ былъ нетерпѣливъ и вспыльчивъ, но сейчасъ обезоруживался, особенно когда не дѣлали ему возраженій. Сіи два качества ежели можно назвать ихъ недостатками, происходили отъ пламенной его души, не скрывавшей никогда чувствованій, ее наполнявшихъ. Въ дѣлахъ своихъ наблюдалъ онъ величайшій порядокъ, любилъ изящныя произведенія художествъ, но покупалъ всегда съ разборчивостію, вкусомъ и при удобныхъ случаяхъ. Оставленная имъ картинная галлерея, собраніе мраморовъ, бронзъ и отборная библіотека всѣми знатоками и охотниками цѣнятся гораздо дороже, нежели самому стоили. Между разительными въ характерѣ его чертами замѣтна была ненависть его къ лихоимству и подлости, онъ не могъ сносить сіи пороки и удалялся отъ всякой связи съ тѣми, коихъ въ нихъ подозрѣвалъ. Облеченъ бывъ на 34 году возраста своего большою властію и довѣренностію царскою и испытавъ вмѣстѣ съ симъ

---

[1]) Василій Ѳедоровичъ Ростопчинъ былъ отставной маіоръ. Оставя службу послѣ семилѣтней войны, онъ жилъ почти безвыѣздно въ деревнѣ. Императоръ Павелъ I пожаловалъ ему вдругъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Анны 1-го класса.

и превратности міра сего, онъ узналъ настоящую цѣну лести—зналъ и прочность и искренность придворнаго ладона. Пораженный съ младыхъ лѣтъ лицемѣріемъ, коварствомъ и непостоянностью царедворцевъ, графъ невыгодное имѣлъ мнѣніе о людяхъ вообще: въ идолахъ земныхъ, временщикахъ и любимцахъ не только никогда не искалъ, но обходился даже сухо съ ними; къ поклонникамъ же ихъ и обожателямъ явное оказывалъ всегда презрѣніе. Всякій человѣкъ имѣетъ своихъ недоброжелателей, рѣзкій же образъ мыслей графа Ростопчина, который онъ никакъ не бралъ на себя труда скрывать ни передъ кѣмъ, не могъ не умножить значительно число людей, его не любившихъ; но зато дружбу и уваженіе одного добродѣтельнаго и честнаго человѣка ставилъ онъ выше всѣхъ похвалъ корыстолюбивой толпы. Безкорыстіе его переходило за предѣлы, принятые общежитіемъ: надобно было наблюдать великую осторожность при дѣланіи графу самыхъ ничтожныхъ подарковъ, онъ отклонялъ оные обыкновенно какою-нибудь шуткою, а еще чаще оные отказывалъ, по той же причинѣ самъ весьма рѣдко дарилъ и токмо искреннихъ своихъ друзей, причемъ замѣтенъ былъ всегда страхъ сдѣлать ему вмѣстѣ съ подаркомъ и неудовольствіе.

Любовь его къ отечеству и преданность къ государямъ являлись безпрестанно во всѣхъ его дѣяніяхъ и разговорахъ. Русскій народъ почиталъ онъ сроднымъ ко всѣмъ великимъ дѣламъ, какъ по врожденнымъ въ немъ способностямъ, такъ и по усердію его къ престолу; русскаго,—говаривалъ онъ часто,—можно заставить дѣлать все на свѣтѣ двумя словами: Государю угодно. Онъ былъ уже боленъ, когда дошло извѣстіе о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, вышедъ изъ своей спальни въ залу и найдя насъ всѣхъ за столомъ, онъ приказалъ подать шампанское, выпилъ при всей своей слабости рюмку, самъ насъ поздравлялъ и принималъ поздравленія наши съ симъ радостнымъ для всей Россіи событіемъ; на другой день слегъ онъ въ постелю, съ коей уже и не вставалъ.

Кто не былъ тому свидѣтелемъ, съ трудомъ повѣритъ, съ какою поспѣшностію отправлялъ онъ дѣла, не дѣлая ни малѣйшаго при томъ упущенія. Во время бытности его главнокомандующимъ въ Москвѣ, случалось ему допускать къ себѣ, въ положенные на то дни, до 40 челобитчиковъ; онъ, въ самое короткое время, принимая отъ нихъ просьбы, тутъ же оныя прочитывалъ и при нихъ, и въ присутствіи своего правителя канцеляріи, давалъ на словахъ резолюціи, кои потомъ прописывалъ самъ на просьбахъ, на другой же день приводились онѣ въ исполненіе. Всякій проситель, слышавъ самъ свой приговоръ, въ правѣ былъ жаловаться, ежели приказанія графа не въ точности были исполняемы.

Графъ Ростопчинъ писалъ чрезвычайно скоро, прекраснымъ четкимъ почеркомъ и безъ всякихъ поправокъ. Когда бумага была важ-

наго содержанія, то онъ писалъ ее самъ прямо на-бѣло, потомъ секретарь списывалъ съ оной копію, которая и оставалась у графа, или въ канцелярскомъ архивѣ, а оригинальная бумага вся его руки отправлялась куда слѣдуетъ. Онъ очень любилъ литературу, зналъ англійскій, нѣмецкій, итальянскій и французскій языки, послѣднимъ владѣлъ онъ совершенно какъ природный французъ; онъ, вообще, много очень писалъ въ свою жизнь и любилъ сіе упражненіе наравнѣ съ чтеніемъ. Кромѣ разныхъ записокъ, лично до него касающихся или до другихъ важныхъ происшествій, коихъ былъ онъ свидѣтелемъ, графъ написалъ много комедій, наполненныхъ остроты и критики на оригинальныя лица, часто между нами встрѣчающіяся. По прочтеніи сихъ комедій въ маломъ обществѣ, онъ обыкновенно ихъ предавалъ огню, одна только, Живой мертвецъ, была представлена на сценѣ.

Разговоръ графа Ростопчина отличался разнообразностію, оборотами, необыкновенными и былъ испещренъ такъ называемыми острыми словцами, кои поражали оригинальностію и правдою своею, и тотчасъ всѣми выучивались и повторялись; онъ имѣлъ даръ находить всегда смѣшную сторону всякой вещи и умѣлъ придавать особенную занимательность разсказу о происшествіи самомъ обыкновенномъ. Время въ бесѣдѣ его столь скоро и пріятно проходило, что нельзя было никакъ дѣлать ему короткихъ посѣщеній. Во всѣхъ разсказываемыхъ имъ анекдотахъ, коихъ имѣлъ онъ безчисленное множество, для всякаго встрѣчающагося случая, англійское глубокомысліе и французская любезность соединялись всегда съ чувствами истиннаго русскаго боярина и патріота. Графъ Ростопчинъ былъ высокаго роста, имѣлъ черты калмыковатыя, огромный лобъ и большіе голубые глаза, исполненные выраженія. Въ молодости своей былъ онъ бѣлъ и свѣжъ. Неправильныя его черты, лысины, еще болѣе обнажавшія большую его голову, носъ, къ верху поднятый, поражали при первой встрѣчѣ и не предупреждали въ его пользу, но какъ скоро начиналъ онъ говорить, то начиналъ и нравиться, и слушатели обворожались немедленно привлекательнымъ голосомъ и пріятнѣйшею улыбкою. Двѣ противуположности были замѣтны въ графѣ Ростопчинѣ: когда не смѣялся онъ съ добродушіемъ, однимъ дѣтямъ только свойственнымъ и увлекавшимъ невольно всякаго къ смѣху, то бралъ на себя видъ будто задумчивый и съ важностью разсказывалъ происшествія самыя смѣшныя.

Графъ Ростопчинъ, желавшій живо устроить будущее благосостояніе возлюбленной своей дочери Елисаветы, бывшей поистинѣ совершеннѣйшимъ образцомъ красоты, кротости и ума, возвратился въ 1823 году въ Россію и основался въ Москвѣ. Ему опредѣлено было умереть въ томъ городѣ, въ которомъ онъ родился и прославился.

Онъ занемогъ нѣсколько дней по полученіи въ Москвѣ горестнаго

извѣстія о кончинѣ императора Александра Павловича. Хотя лѣкарства дѣйствовали довольно хорошо, больной прибѣгнулъ къ душевному врачеванію, и наканунѣ праздника Рождества исповѣдывался и причастился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, съ чувствами истиннаго христіанина и съ неограниченнымъ упованіемъ на милосердіе Божіе. Обрядъ сей, продолжавшійся почти часъ, долженъ былъ утомить ослабѣвшія его силы, но не поколебалъ ни мало твердую его душу. Когда я вошелъ къ нему для поздравленія съ совершеніемъ долга христіанина, онъ простеръ руку, пожалъ мою и сказалъ твердымъ голосомъ: «священникъ «этотъ человѣкъ умный, я доволенъ имъ и собою,—мнѣ легче, теперь «будетъ что Богу угодно!»

Въ 9 часовъ утра 27 числа того же мѣсяца, выговоръ его нѣсколько измѣнился ударомъ паралича, однакоже можно было понимать все, что больной говорилъ. Въ то же утро соборовался онъ масломъ, прощался самымъ нѣжнымъ образомъ съ супругою своею, съ сыномъ, съ друзьями, его окружавшими, и даже съ служителями своими; нѣкоторымъ изъ нихъ даровалъ отпускныя, назначилъ пенсіоны и награжденія многимъ, жившимъ у него въ домѣ. Отдохнувъ нѣсколько и собравшись съ силами, онъ далъ юному своему сыну самыя отеческія и мудрыя наставленія, оставляя ему въ примѣръ честную жизнь и христіанскую свою кончину. Попеченія его о дѣтяхъ были столь велики, что онъ и въ сіи послѣднія минуты своего бытія заботился объ нихъ и, благословляя ихъ заочно, предписывалъ самъ мѣры, кои надлежало взять послѣ его кончины, дабы не дошла она до свѣдѣнія отсутствовавшихъ его дѣтей какимъ-нибудь внезапнымъ образомъ. Послѣ сего назначилъ онъ нѣкоторымъ изъ родныхъ, друзей и знакомыхъ своихъ, инымъ тутъ предстоявшимъ, а другимъ отсутствующимъ, разныя вещи, ему принадлежавшія, въ доказательство вниманія и памяти объ нихъ на смертномъ одрѣ. Графъ просилъ прощенія во всѣхъ невольныхъ своихъ проступкахъ предъ кѣмъ бы то ни было и, наконецъ, распорядилъ все, касающееся до его похоронъ, желая, чтобы на оныхъ былъ только одинъ священникъ; чтобы были онѣ самыя простыя и чтобы тѣло его было предано землѣ на Пятницкомъ кладбищѣ и положено рядомъ съ возлюбленною его дочерью Елисаветою. Печальное и вмѣстѣ трогательное сіе зрѣлище имѣло нѣчто великаго и поучительнаго. Кто не желалъ бы умереть съ такою вѣрою и твердостію? Съ другой стороны, погруженные въ глубокую горесть, друзья рыдали при видѣ разстававшагося съ ними навсегда столь драгоцѣннаго для нихъ предмета, а съ другой—тотъ, который слезы сіи возбуждалъ, являлъ при страданіяхъ своихъ бодрость и терпѣніе, сопровождающія чистую токмо совѣсть, и душу, готовую соединиться съ Создателемъ своимъ. Съ сего, 27 числа, больной впалъ въ большую слабость, не отнявшую у него

однакожъ памяти и душевныхъ способностей. Онъ сохранилъ оныя по самый часъ своей кончины и часто разговаривалъ, призывая Бога на помощь и прощаясь съ своими домашними и друзьями. «Возьми, Боже мой! возьми меня!» были послѣднія, произнесенныя имъ слова.

Покойный графъ Ростопчинъ женатъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Протасовой; онъ оставляетъ послѣ себя двухъ сыновей [1]) и двухъ дочерей, изъ коихъ старшая, Наталья, замужемъ за таврическимъ губернаторомъ Д. В. Нарышкинымъ, а другая, Софья, за графомъ Евгеніемъ Сегюромъ, внукомъ извѣстнаго дипломата сего же имени, бывшаго посломъ французскимъ при императрицѣ Екатеринѣ Второй.

Москва.
6-го февраля 1826.

А. Б.

---

[1]) Старшій сынъ графа Ростопчина, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ, родился въ 1796 году, служилъ адъютантомъ при Барклаѣ-де-Толли, вышелъ въ отставку въ 1819 году и скончался 4-го апрѣля 1836 года; младшій, графъ Андрей Ѳедоровичъ, родился 13-го октября 1813 года въ Москвѣ и умеръ въ 1892 году въ С.-Петербургѣ. Онъ издалъ слѣдующія сочиненія:

1) Gengiskhana, Catalogue anecdotique, bibliographique, biographique et facétieux des livres de la bibliothèque du comte André Rastap chine (Tiré à cinquante exemplaires)—Bruxelles 1862.

2) Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine, rassemblés par son fils (Tiré à douze exemplaires)—Bruxelles 1864.

3) Russie anecdotique, bibliographique, biographique, géographique, historique, littéraire, statistique et, contrairement à l'ordinaire, véridique. Ouvrage dédié aux étrangers, curieux de la connaitre non pour l'injurier, p. le comte André Rastaptchine—Bruxelles 1874.

Кромѣ того графъ Андрей Ѳедоровичъ напечаталъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ дѣятельности его знаменитаго родителя въ „Русскомъ Архивѣ“ П. И. Бартенева. Ред.

ПЕРЕПИСКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ.

1812—1814 гг.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1892 годъ была напечатана большая часть всеподданнѣйшихъ писемъ московскаго главнокомандующаго 1812 года. Въ послѣсловіи П. И. Бартеневъ справедливо замѣчаетъ, что письма графа Ростопчина къ императору Александру Павловичу «представляютъ собою драгоцѣннѣйшее достояніе нашей исторіографіи». Но въ напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» перепискѣ встрѣчаются пробѣлы — въ этомъ собраніи недостаетъ нѣсколькихъ писемъ 1812 года, и совершенно отсутствуютъ письма, относящіяся къ 1813 и 1814 годамъ. Точно также въ «Русскомъ Архивѣ» не встрѣчаются отвѣтныя письма императора Александра; изъ послѣднихъ особенное вниманіе заслуживаетъ письмо отъ 6-го ноября 1812 года, въ которомъ Государь выражаетъ полное свое неудовольствіе по поводу безцѣльной казни Верещагина. Эти-то пробѣлы и пополняются приводимыми ниже письмами графа Ѳ. В. Ростопчина къ императору Александру Павловичу и отвѣтными на нихъ письмами Государя. **Н. Ш.**

Императоръ Александръ — графу Ростопчину.

Wilno, 24 Mai 1812 г.

L'obligation de garder quelques ménagements envers le maréchal, a seule retardé votre nomination pour lui succéder. Je lui avais témoigné le désir qu'il vint à Pétersbourg siéger au conseil. Il m'a répondu qu'il était trop vieux et trop cassé et m'a demandé sa retraite. Je la lui ai accordée et votre nomination a eu lieu tout de suite. — Je compte sur vous et j'aime à me persuader que vous justifierez ma confiance.

Je viens de voir votre fils aujourd'hui, c'est un joli jeune homme et parait promettre de devenir un bon serviteur de l'État.

Je passe maintenant à un objet que je soumets à votre discrétion,

car le secret le plus absolu est indispensable. Il y a quelque temps qu'un mécanicien très habile m'a été adressé avec une invention qui peut avoir les suites les plus graves. On a fait tout au monde en France pour parvenir à faire la découverte qui parait avoir réussi à cet homme. Il est toutefois permis de faire tous les essais qu'il propose pour s'en convaincre et l'objet en vaut certainement la peine. Devant adresser cet homme à Moscou, et voulant que ses travaux restassent absolument cachés à tout le monde, je ne me suis pas soucié de faire passer cet objet entre les mains du maréchal, de crainte que le médecin n'en eut tout de suite vent. J'ai donc adressé le tout au gouverneur M-r d'Abreskof.—Je lui écris aujourd'hui que la raison du mystère, envers le gouverneur général ayant cessé, par votre nomination, je lui prescris de vous apporter tous les papiers, concernant cette affaire, qu'il a en mains.—Ces papiers vous feront connaître le tout en détail.—Je désire, pour ne pas augmenter d'un tiers le nombre des personnes au fait de cette affaire, que vous vous serviez d'Abrescof qui sait déjà le tout, pour donner cours à la chose. Je demande de même que le personnage ne paraisse pas dans votre maison, mais que vous vous vissiez avec lui dans un endroit moins voyant.

Je vous le recommande, ayez quelques ménagements pour lui, et faites tout ce qui dépendra de vous pour lui faciliter les moyens d'exécution, et pour éloigner les entraves qui pourraient se présenter. Le feldjeguer qui vous remettra cette lettre amène avec lui 7 ouvriers venus à la suite du mécanicien. Il a ordre de les laisser hors de la ville jusqu'à ce qu'après vous être abouché avec Abrescof, et avoir eu tous les papiers, vous lui indiquerez où il doit les conduire.

Tout à vous
Alexandre.

Вильна, 24-го мая 1812 года.

Необходимость соблюсти нѣкоторое приличіе по отношенію къ фельдмаршалу [1]) только и задержала ваше назначеніе ему преемникомъ. Я выразилъ ему желаніе, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ засѣдать въ совѣтѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ слишкомъ старъ и немощенъ, и просилъ уволить его въ отставку. На это я изъявилъ свое согласіе, и ваше назначеніе состоялось тотчасъ. Я полагаюсь на васъ и вполнѣ убѣжденъ, что вы оправдаете мое довѣріе.

Я видѣлъ сегодня вашего сына; онъ весьма красивый юноша и обѣщаетъ, повидимому, стать хорошимъ слугою отечества.

Перехожу теперь къ предмету, для котораго нужна вся ваша скромность, такъ какъ въ этомъ случаѣ необходимо соблюденіе величайшей тайны. Нѣсколько времени тому назадъ, мнѣ былъ присланъ

---

[1]) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (р. 1741 г. † 1821 г.). Ред.

весьма искусный механикъ, съ изобрѣтеніемъ, которое можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Во Франціи дѣлались всевозможныя попытки, чтобы добиться открытія, на которое повидимому удалось напасть этому человѣку. Во всякомъ случаѣ для того, чтобы удостовѣриться въ этомъ, надлежитъ произвести всѣ, предлагаемые имъ, опыты; самое дѣло безспорно заслуживаетъ того. Такъ какъ этого человѣка пришлось отправить въ Москву, то желая, чтобы объ его работахъ рѣшительно никто не зналъ, я не хотѣлъ вести это дѣло черезъ посредство фельдмаршала, опасаясь, чтобы докторъ [1]) тотчасъ не провѣдалъ о немъ. По этой причинѣ я отправилъ все нужное къ губернатору Обрескову. Нынѣ я пишу ему, что такъ какъ съ вашимъ назначеніемъ нѣтъ болѣе причины соблюдать тайну по отношенію къ генералъ-губернатору, то я предписываю ему доставить вамъ всѣ бумаги, до этого дѣла касающіяся, которыя находятся въ его рукахъ. Изъ этихъ бумагъ вы узнаете все обстоятельно. Дабы не посвящать въ это дѣло третьяго лица, я желаю, чтобы вы вели это дѣло при посредствѣ Обрескова, которому уже все извѣстно. Я требую также, чтобы упомянутое лицо не появлялось въ вашемъ домѣ и чтобы вы видѣлись съ нимъ въ болѣе укромномъ мѣстѣ.

Поручаю его вашему вниманію, прошу васъ оказать ему нѣкоторое снисхожденіе и сдѣлать все, отъ васъ зависящее, чтобы облегчить ему выполненіе его работы и устранить, могущія возникнуть, препятствія. Фельдъегерь, который вручитъ вамъ это письмо, везетъ съ собою 7 рабочихъ, пріѣхавшихъ вслѣдъ за механикомъ. Ему приказано оставить ихъ за городомъ, до тѣхъ поръ, пока, условившись обо всемъ съ Обресковымъ и разсмотрѣвъ бумаги, вы не укажете ему, куда онъ долженъ будетъ отвезти ихъ. Преданный вамъ Александръ.

Графъ Ростопчинъ—императору Александру.

Moscou,
du 11 Juin 1812.

Sire!

Grâces soient rendues à l'Eternel, jamais un événement heureux n'est venu plus à propos. La nouvelle de la paix est parvenue à moi le 8 à deux heures du matin et à 7 heures elle s'était répandue par la ville. Pour satisfaire l'impatience de ceux qui venaient s'informer partout, et de chacun, j'ai fait imprimer à la police quelques centaines d'exemplaires pour les distribuer. La joie est générale. Cet événement a déjà produit deux effets. Le 7 la livre de café coutait 3 r. 50 cop., et

[1]) Докторъ Сальваторъ, состоявшій при фельдмаршалѣ Гудовичѣ. Ред.

hier elle se vendait à 2 r. Le ducat valait 12 r. 40 cop., il est maintenant à 10 r. 90 cop. Une grande quantité d'argent blanc a paru. Chacun cherche à s'en défaire au plus vite de crainte d'une baisse considérable. Le bas peuple dit: всѣ города теперь наши, гдѣ кровь христіанскую проливали. Ils ont en vue Bender et Ismail, dont les assauts meurtriers ont fait une si grande sensation. J'ai fait insinuer que les Turcs allaient faire cause commune avec nous, et ce matin on est déjà venu me dire avoir entendu des paysans raconter: турки покорились и дали нашему Государю подписку, что имъ платить дань ежегодно по 20.000 головъ французскихъ. Les marchands sont dans la joie, car ils espèrent secouer le joug des accapareurs. La noblesse s'enorgueillit avec raison d'une paix aussi avantageuse, malgré les obstacles et les difficultés. Quand à moi, j'y gagne plus que les autres. La paix a été de bonne augure pour le commencement de mon administration; et comme exprès la pluie que l'on désirait beaucoup est tombée deux fois dans le courant de la semaine. Je fais tout au monde pour gagner la bienveillance de tout le monde, afin de me rendre plus utile à Votre service et préparer les esprits de manière à pouvoir m'en servir dans l'occasion. Mes deux visites à la chapelle de Иверская Божія Матерь, l'accès que j'accorde à chacun, les poids vérifiés, 50 coups de bâton appliqués sous mes yeux à un bas-officier préposé à la vente du sel, et qui faisait attendre quelques paysans, tout cela me concilie l'affection de Vos bons et fidèles sujets.

M-r Protassiew emporte avec lui le souvenir du contentement général et les effets de la reconnaissance de la ville de Moscou. J'attendrai avec impatience l'arrivée des ordres de V. M. I. pour publier et célébrer la paix. J'espère que Moscou fournira un supplément volumineux à la gazette de m-r Kozadawlew.

J'ai vu Liepich; c'est un homme bien habile, et bien entendu dans la mécanique. Il a détruit mes doutes sur ses ressorts qui font mouvoir les ailes de la machine vraiment infernale, et qui ferait par la suite encore plus de mal au genre humain que Napoléon lui-même, si la construction du ballon était moins onéreuse. Liepich supplie très humblement V. M. I. de donner les ordres pour retrouver quelques caisses envoyés à Wilna à la suite des ouvriers qu'il a fait venir. Ces caisses contiennent des cordons et des rubans de laine qu'il prétend pouvoir remplacer difficilement par ceux d'ici. Comme il est impossible de tenir secret pendant quatre mois un établissement de 60 ouvriers établis à 7 verstes de la ville, nous sommes convenus avec m-r Obrescow qu'il passerait sous un nom supposé, un contrat avec Liepich, par lequel celui-ci s'engage à lui fabriquer une grande quantité de modèles de differentes machines d'agriculture, qui doivent être prêts pour le jour de l'an. Ceci fera tomber la curiosité

en cas qu'elle fut provoquée par quelque circonstance imprévue. Il m'est venu une idée que je soumets à V. M. I., lorsque la machine sera prête, Liepich veut partir avec pour Wilno. Peut-on être assez sûr de cet homme pour ne pas admettre la possibilité d'une trahison de sa part, et cette découverte tournée au profit de Vos ennemis?

J'ai en idée que la nouvelle de la paix avec les Turcs décidera Napoléon à la guerre avec Vous, Sire. Si aucun arrangement n'a eu lieu, il ne vaudra pas attendre les renforts qui viendront du Danube pour les armées destinées à combattre les Français. Je ne crains pas les revers. Votre Empire a deux puissants défenseurs dans son étendue et dans son climat. Seize millions d'hommes ont la même religion, la même langue, le rasoir ne les a pas touché, et les barbes sont le rempart de la Russie. Le sang versé des soldats produira des héros à leur place, et quand même des circonstances malheureuses Vous faisaient prendre le parti de Vous retirer devant un ennemi victorieux, l'Empereur de Russie restera toujours formidable à Moscou, terrible à Cazan et invincible à Tobolsk. Mais pardonnez mes craintes, mes inquiétudes; elles ont pour unique objet Votre personne sacrée, exposée à toute la perfidie et la scélératesse d'un homme atroce doué d'un genie infernal, et soutenu par la terreur. Cet homme n'a rien de sacré, pour lui un attentat, un crime ne sont que des voies permises pour réussir, et que deviendrons-nous? Que deviendra a Russie? livrée d'abord aux factions, ensuite aux griffes du démon.

Encore une fois pardonnez, Sire, ces réflexions à celui qui sait combien Vous chérissez la verité, qui l'aime lui-même, et qui la dépose à Vos pieds du droit de Votre

Tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 11-го іюня 1812 года.

Государь! Благодареніе Всевышнему, никогда счастливое событіе не случалось болѣе кстати. Извѣстіе о заключеніи мира получено мною 8-го числа, въ два часа по полуночи, а въ семь часовъ утра оно разнеслось по городу. Чтобы удовлетворить нетерпѣніе тѣхъ лицъ, которыя вездѣ и у всѣхъ и каждаго разспрашивали о подробностяхъ, я приказалъ напечатать въ полиціи, для раздачи, нѣсколько сотъ экземпляровъ съ этимъ извѣстіемъ. Радость всеобщая. Это событіе возъимѣло уже двоякое послѣдствіе. Седьмаго числа, фунтъ кофе стоилъ 3 р. 50 к.— вчера онъ продавался по 2 рубля; червонецъ стоилъ 12 р. 40 к., въ настоящее время онъ стоитъ 10 р. 90 к. Появилась масса серебряной монеты, но всякій старается сбыть ее, какъ можно скорѣе, опасаясь значительнаго пониженія курса. Простонародье говоритъ: всѣ города теперь

наши, гдѣ кровь христіанскую проливали, подразумѣвая подъ этимъ Бендеры и Измаилъ, такъ какъ кровопролитная осада этихъ крѣпостей произвела огромное впечатлѣніе. Я велѣлъ распустить слухъ, что турки будутъ дѣйствовать съ нами за-одно, и сегодня, по утру, мнѣ уже доложили, будто крестьяне разсказываютъ, что турки покорились и дали нашему Государю подписку, что имъ платить дань ежегодно по 20.000 головъ французскихъ; купцы ликуютъ, надѣясь освободиться отъ ига скупщиковъ. Дворянство справедливо гордится заключеніемъ столь выгоднаго мира, несмотря на встрѣтившіяся препятствія и затрудненія. Что же касается меня, то я, въ этомъ случаѣ, въ выигрышѣ болѣе другихъ. Заключеніе мира было хорошимъ предзнаменованіемъ для начала моего управленія; и, какъ нарочно, дождь, котораго всѣ такъ желали, выпалъ дважды въ теченіе недѣли. Я употребляю всѣ усилія къ тому, чтобы заслужить всеобщее благоволеніе, съ цѣлью быть какъ можно полезнѣе на службѣ В. В. и подготовить умы настолько, чтобы ими воспользоваться, въ случаѣ надобности. Двукратное посѣщеніе мною часонни Иверской Божіей Матери, моя доступность для каждаго, произведенная мною провѣрка вѣсовъ, наконецъ 50 палочныхъ ударовъ, данныхъ въ моемъ присутствіи одному унтеръ-офицеру, который былъ приставленъ при продажѣ соли и заставилъ ждать нѣсколькихъ крестьянъ,—все это снискало мнѣ расположеніе вашихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ.

Г. Протасьевъ сохранитъ, уѣзжая отсюда, воспоминаніе о всеобщемъ одобреніи и увозитъ съ собою вещественныя доказательства благодарности Москвы. Я буду ожидать съ нетерпѣніемъ приказаній В. И. В., чтобы объявить о заключеніи мира и отпраздновать это событіе. Надѣюсь, что описанія московскихъ празднествъ доставятъ объемистое прибавленіе къ газетѣ г. Козодавлева.

Я видѣлъ Липиха; это человѣкъ весьма искусный и опытный механикъ. Онъ разсѣялъ мои сомнѣнія на счетъ пружинъ, приводящихъ въ движеніе крылья того, по истинѣ, адскаго снаряда, который могъ бы нанести, со временемъ, болѣе вреда человѣческому роду, нежели самъ Наполеонъ, если бы постройка шара обходилась дешевле. Липихъ всепокорно проситъ В. И. В. повелѣть розыскать нѣсколько ящиковъ, отправленныхъ въ Вильно, вслѣдъ за рабочими, коихъ онъ выписалъ. Въ этихъ ящикахъ находятся шерстяные шнурки и тесьмы, которые, по его словамъ, ему будетъ трудно замѣнить здѣшними. Такъ какъ совершенно немыслимо держать въ тайнѣ, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, существованіе заведенія, въ которомъ 60 рабочихъ будутъ заниматься своимъ дѣломъ въ 7 верстахъ отъ города, то мы условились съ г. Обресковымъ, что онъ заключитъ подъ чужимъ именемъ, съ г. Липихомъ условіе, въ силу котораго послѣдній обязуется изготовить

для него множество моделей различныхъ земледѣльческихъ орудій, которыя должны быть готовы къ новому году. Это удовлетворитъ любопытство, въ томъ случаѣ, ежели бы оно было возбуждено какимъ-нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Мнѣ пришла одна мысль, которую я повергаю на усмотрѣніе В. И. В.; когда снарядъ будетъ готовъ, Липихъ хочетъ отправиться съ нимъ въ Вильно. Можно ли быть настолько увѣреннымъ въ этомъ человѣкѣ, чтобы не допустить возможности измѣны съ его стороны и чтобы это изобрѣтеніе не обратилось на пользу Вашихъ враговъ?

Я полагаю, что извѣстіе о заключеніи мира съ турками побудитъ Наполеона начать войну съ Вами, Государь. Ежели не было заключено никакого условія, то онъ не захочетъ ждать подкрѣпленій, которыя подойдутъ съ Дуная къ войскамъ, которыя должны будутъ сразиться съ французами. Я не боюсь неудачъ. Ваша имперія имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ въ ея обширности и климатѣ. Шестнадцать милліоновъ людей исповѣдуютъ одну вѣру, говорятъ на одномъ языкѣ, ихъ не коснулась бритва, и бороды будутъ оплотомъ Россіи. Кровь, пролитая солдатами, породитъ имъ на смѣну героевъ, и даже если бы несчастныя обстоятельства вынудили Васъ рѣшиться на отступленіе передъ побѣдоноснымъ врагомъ, и въ этомъ случаѣ императоръ Россіи всегда будетъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани и непобѣдимъ въ Тобольскѣ. Простите мнѣ эти опасенія, эту тревогу; она вызвана единственно заботою о священной особѣ В. В., которой угрожаетъ опасность со стороны вѣроломства и злодѣяній изверга, одареннаго адскимъ, геніальнымъ умомъ, и который находитъ поддержку въ страхѣ, имъ внушаемомъ. Для этого человѣка нѣтъ ничего святаго; злодѣяніе и преступленіе для него не болѣе, какъ дозволенныя средства, для достиженія успѣха, но что же станетъ съ нами? что будетъ съ Россіею, которая изъ рукъ крамолы попадетъ въ когти демона?

Еще разъ прошу Васъ, Государь, извинить за эти размышленія человѣка, который знаетъ, насколько Вы дорожите правдою, самъ любитъ ее и повергаетъ ее къ стопамъ Вашимъ, по праву глубоко Вамъ преданнаго графа Ростопчина.

Графъ Ростопчинъ—императору Александру.

Moscou,
du 25 Juillet 1812.

Sire!

J'ai le bonheur d'écrire à V. M. I. par le colonel Tshernishow, et demain je compte expédier un courier avec mes rapports et ceux du général Miloradowitsh, arrivé ici avant hier. Il compte retourner demain

à Kalouga où les troupes composant son corps seront rendus pour le 6 d'Août; il fait le plus grand éloge de ces bataillons et assure qu'il n'a jamais vu une pareille artillerie à cheval. J'ai pris avec lui tous les arrangements relativement aux places que son corps doit occuper. Je lui cède quelques généraux de ceux qui entraient dans la formation de la force militaire de Moscou. Il en enverra la liste demain. Comme il n'a pas le sou pour ses dépenses extraordinaires, je demande à V. M. I. la permission de lui donner 10.000 r. de ceux que j'ai à ma disposition par Vos ordres.

Les bruits qui courent en ville sont tous à notre avantage, mais rien de sûr, et pour tranquilliser la ville et me regler sur les événements j'ai expédié pour Smolensk un officier de police Вороненко en priant le Ministre de la guerre de lui faire communiquer les bonnes et mauvaises nouvelles pour être transmises ici par des estafettes. Cela sera le moyen de mettre obstacle aux inventions et de faire ajouter foi à ce que l'on dira. Le peuple est furieux contre les Français, et la police redouble de vigilence. Pour le reste tout est tranquille, tout est fidèle, et tout est plein d'ardeur. Chacun veut que Vous retourniez, Sire, à Moscou, et moi je Vous en supplie. Vous serez au centre des affaires, près des armées et à la tête du mouvement qui doit écraser l'ennemi de chacun de Vos sujets.

Le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 25-го іюля 1812 года.

Государь! Я имѣю счастье писать Вамъ съ полковникомъ Чернышѐвымъ, завтра же я разсчитываю отправить курьера съ моими донесеніями и съ донесеніями генерала Милорадовича, прибывшаго сюда третьяго дня. Онъ полагаетъ возвратиться завтра въ Калугу, куда будутъ передвинуты, 6-го августа, войска, составляющія его корпусъ; онъ отзывается объ этихъ баталіонахъ съ величайшею похвалою и утверждаетъ, что никогда не видалъ подобной конной артиллеріи. Я сдѣлалъ, вмѣстѣ съ нимъ, всѣ распоряженія относительно того, какія крѣпости долженъ занять его корпусъ. Я уступаю ему нѣсколько генераловъ изъ числа тѣхъ, которые входили въ составъ военныхъ силъ Москвы. Онъ пришлетъ имъ списокъ завтра. Такъ какъ у него нѣтъ ни гроша для его чрезвычайныхъ расходовъ, то я испрашиваю дозволенія В. И. В. на выдачу ему 10.000 руб. изъ тѣхъ суммъ, которыя находятся въ моемъ распоряженіи, по Вашему повелѣнію.

Слухи, которые ходятъ въ городѣ, всѣ клонятся въ нашу пользу, но ничего не извѣстно достовѣрнаго, поэтому, чтобы успокоить городъ

и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, я отправилъ въ Смоленскъ полицейскаго офицера Вороненко, и просилъ военнаго министра приказать, чтобы ему передавали всѣ хорошія и дурныя новости, которыя онъ будетъ сообщать сюда эстафетами. Это дастъ возможность положить конецъ выдумкамъ и заставитъ вѣрить тому, что будетъ объявлено. Народъ разъяренъ противъ французовъ, и полиція удвоиваетъ бдительность. Впрочемъ, все спокойно, всѣ преданы Вамъ, Государь, и преисполнены усердія. Всѣ желаютъ, В. В., чтобы Вы возвратились въ Москву, я же умоляю Васъ о томъ. Вы будете тутъ въ центрѣ военныхъ дѣлъ, вблизи отъ войскъ и во главѣ того движенія, которое должно сокрушить враговъ каждаго изъ Вашихъ подданныхъ въ отдѣльности.

Глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

Императоръ Александръ—графу Ростопчину.

St.-Pétersbourg, 8 Août 1812.

J'ai reçu Vos lettres du 13, du 25 et du 26 du mois passé.

Le recrutement qui vient de s'ordonner va égaliser la charge des paysans de la couronne avec ceux des propriétaires, et j'espère qu'on reconnaitra que je n'ai pas réservé pour ceux de la couronne la part la plus facile puisqu'ils vont devenir soldats tout de bon et pour la vie.

J'ai trouvé utile de nommer le général Koutousof chef de toutes les armées, et j'espère qu'il en naitra plus d'ensemble dans les opérations des armées qu'il n'y en avait grâce aux personnalités existantes entre les généraux.

Aussitôt que Lépich sera prêt, composez lui un équipage pour sa nacelle, d'hommes sûrs et intelligents, et dépéchez un courier au général Koutousof pour l'en prévenir.—Je l'ai instruit de la chose. Recomandez je vous prie à Leppich d'être bien attentif sur l'endroit où il descendra la première fois, pour ne pas se tromper et ne pas tomber dans les mains de l'ennemi. Il est indispensable qu'il combine ses mouvements avec le général en chef. Il faut par conséquent qu'avant de commencer les opérations, il descende au quartier général pour s'aboucher avec le général en chef. Dites-lui de même qu'il aie la précaution quand il sera à terre de faire remonter son ballon, en le rendant captif par une corde, pour qu'il ne soit pas entouré et examiné des curieux de l'armée, entre lesquels il pourra se trouver très facilement quelques espions ennemis.

J'ai été retenu à Pétersbourg huit jours de plus que je ne l'ai cru,

parce que le Prince Royal de Suède avec lequel je vais m'aboucher, n'a pas pu achever la Diète pour ce moment. Je pars ce soir et aussitôt de retour, je compte vous rendre visite. Cultivez autant que possible l'armement et le rassemblement de la force armée. Tous les moments sont précieux.

Tout à Vous
Alexandre.

С.-Петербургъ, 8-го августа 1812 года.

Я получилъ Ваши письма отъ 13-го, 25-го и 26-го числа истекшаго мѣсяца.

Объявленный наборъ рекрутъ уравняетъ повинности государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и я надѣюсь, всѣми будетъ признано, что первымъ изъ нихъ предоставлена мною не болѣе легкая доля, такъ какъ они поступаютъ на дѣйствительную службу и на всю жизнь.

Я счелъ полезнымъ назначить генерала Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ войскъ; надѣюсь, что это создастъ болѣе единства въ военныхъ дѣйствіяхъ, нежели замѣчалось до сихъ поръ, вслѣдствіе личныхъ несогласій, существовавшихъ между генералами.

Какъ только Липихъ будетъ готовъ, составьте для его ладьи, экипажъ изъ людей надежныхъ, и извѣстите объ этомъ генерала Кутузова, съ курьеромъ. Я уже увѣдомилъ его объ этомъ дѣлѣ. Внушите, пожалуйста, Липиху, чтобы онъ былъ весьма остороженъ въ выборѣ мѣста, куда онъ спустится первый разъ, чтобы не ошибиться и не попасть въ руки непріятеля. Ему необходимо сообразовать свои движенія съ дѣйствіями главнокомандующаго, поэтому, прежде нежели приступить къ опытамъ, ему необходимо отправиться въ главную квартиру и условиться съ главнокомандующимъ. Скажите ему также, чтобы, спустившись на землю, онъ озаботился всякій разъ поднять свой шаръ, держа его на привязи съ помощью каната, для того чтобы его не окружали и не разсматривали любопытные изъ военныхъ, среди которыхъ легко можетъ быть нѣсколько непріятельскихъ шпіоновъ.

Меня задержали въ Петербургѣ восемь дней долѣе, нежели я предполагалъ, такъ какъ наслѣдный принцъ шведскій, съ которымъ я долженъ имѣть свиданіе, не могъ къ этому времени закрыть сеймъ. Я уѣзжаю сегодня и тотчасъ по возвращеніи намѣреваюсь посѣтить васъ. Заботьтесь, насколько возможно, о вооруженіи и сосредоточеніи вооруженныхъ силъ. Всякая минута дорога.

Преданный Вамъ Александръ.

Императоръ Александръ—графу Ростопчину.

St.-Pétersbourg, 6 Novembre 1812.

J'ai reçu vos différentes lettres jusqu'à celle du 7 Novembre inclusivement. Vous parlez de tout ce que j'ai éprouvé pendant tout ce temps de calamité serait inutile, tout russe, même tout homme qui a quelque sentiment pourra vous le dire. Grâce à l'Etre suprême Sa volonté a tout changé et l'ennemi du genre humain commence à éprouver toute sa colère.

Je vous envoie différents papiers d'office. J'ai cru devoir nommer une commission pour juger da la conduite de tous ceux, employés par l'ennemi. La chose est trop sérieuse pour la traiter autrement.

J'aurais été complétement content de toute votre conduite dans ces circonstances si difficiles, sans l'affaire de Werestchaguin, ou plus tôt de sa fin. Je suis trop vrai pour vous parler un autre langage que celui de la franchise. Son supplice était inutile, et surtout ne devait jamais être fait de cette manière. Le pendre ou le fusiller aurait mieux valu.

Vous ne me trouverez pas à Pétersbourg, car dans quelques jours je serais à l'armée de Wittgenstein. Aussi je crois il sera plus utile que vous arrangiez tout à Moscou et que vous acheviez, en premier lieu, l'examen de l'enquête de la commission, dont vous êtes président.

Ensuite je Vous écrirai de l'armée ce que les circonstances m'obligeront à faire, et je vous donnerais des directions.

Tout à Vous

Alexandre.

С.-Петербургъ, 6-го ноября 1812 года.

Я получилъ ваши письма отъ разныхъ чиселъ, до письма отъ 7-го ноября включительно. Говорить обо всемъ, что я испыталъ за это время, преисполненное столькихъ бѣдствій, было бы излишне; всякій русскій, даже всякій человѣкъ, способный чувствовать, могъ бы сказать вамъ это. Благодареніе Всевышнему, Его воля все измѣнила, и врагъ человѣческаго рода начинаетъ испытывать всю силу Его гнѣва.

Посылаю вамъ различныя дѣловыя бумаги. Я счелъ долгомъ назначить коммиссію, для того чтобы выяснить поведеніе всѣхъ лицъ, которымъ пришлось служить непріятелю. Вопросъ этотъ слишкомъ важный, чтобы рѣшить его иначе.

Я былъ бы вполнѣ доволенъ вашимъ образомъ дѣйствій при этихъ,

столь затруднительныхъ, обстоятельствахъ, если бы не дѣло Верещагина, или, лучше сказать, не окончаніе этого дѣла. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами иначе, какъ съ полной откровенностью. Его казнь была не нужна, въ особенности ее отнюдь не слѣдовало производить подобнымъ образомъ. Повѣсить или разстрѣлять было бы лучше.

Вы не застанете меня въ Петербургѣ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней я буду въ арміи Витгенштейна. Поэтому, я полагаю, будетъ полезнѣе, ежели вы устроите всѣ дѣла въ Москвѣ, и, прежде всего, покончите слѣдствіе, возложенное на коммиссію, въ коей вы предсѣдательствуете. Затѣмъ, я напишу вамъ изъ арміи, о томъ, что вынудятъ меня предпринять обстоятельства, и дамъ вамъ необходимыя указанія.

Преданный вамъ Александръ.

Графъ Ростопчинъ—императору Александру.

1.

Moscou,
le 14 Décembre 1812.

Sire!

Le ministre de la police rendra un compte exact à V. M. I. de l'état actuel de Moscou. Plusieurs de Vos volontés contenues dans le dernier rescript que j'ai eu le bonheur de recevoir ont été déjà remplies. Un seul article est bien difficile, c'est celui des gens ruinés par l'invasion de l'ennemi. Toutes les classes s'arrogent le droit de crier au secours, et comme la bonne foi est devenue rare, il faudra du temps pour composer la liste de ceux qui peuvent implorer Votre bienfaisance. Il me faudrait des preuves toutes autres que les belles phrases, de beaux gestes et des ruisseaux de larmes. D'ailleurs je ne puis suffire à tout, et je supplie V. M. I. de nommer une commission pour examiner les prétentions de ceux qui se croient être ruinés. Le chef de ce comité n'a besoin que d' être un honnête homme, par conséquent impartial, autrement Vos bienfaits seront au plus offrant.

Je me mettrai à l'oeuvre aussitôt que l'architecte sera arrivé. Beaucoup d'églises difformes et déplacées étant brulées, je crois qu'il n' y aura aucun inconvénient à les abattre, si le plan l'exige. A une autre époque cela aurait pu indisposer, choquer le peuple, et fournir une ample matière à la canaille oisive noble pour des observations. V. M. I. apprendra avec plaisir que les maladies du gouvernement de Moscou diminuent, et ne sont nullement épidemiques. D'après ce qui est parvenu à ma connaissance, les fièvres nerveuses font bien plus de dégat dans les gouvernements où les prisonniers français ont passé.

Je suis parvenu à retrouver pour 30.000 R. de vitriol acheté par Liepich. Quel usage en doit-on faire? Je crains que la fabrication d'un nouveau ballon n'entraine dans des dépenses énormes, et le premier n'a couté 168.000 R. que parce que Liepich s'est servi de deux coquins pour ses emplettes, et il les a encore auprès de lui.

La commisson va très bien. Jusqu'à présent nous n'avons trouvé qu'un brigand nommé Позняковъ marchand d'ici; on a mis le scellé par mes ordres sur ses effets volés qui peuvent valoir entre 2 à 300.000 R. Щербачевъ a été arrêté aussitôt que la police est arrivée à Moscou.

J'ai eu une longue conversation avec le ministre de la police sur l'esprit public, que les évènements ont changé entièrement, mais qui ne s'est pas encore développé à cause de la dispersion générale qui déroute tout le monde. Chaque gentilhomme poltron, chaque marchand évadé et tout prêtre fugitif croient véritablement être des Пожарскій, des Мининъ, des Палицынъ, parce que les uns ont donné quelques paysans et les autres quelques sols pour sauver tout leur avoir. La masse des Russes est terrible et invincible, mais les individus en grande partie sont bien peu de chose. Le peuple s'est aguerri et s'est accoutumé au carnage. Nos soldats l'ont pillé avant l'ennemi, et comme il parait que Bonaparte a échappé, il serait bon de songer, tout en faisant des préparatifs contre lui, à se prémunir dans l'intérieur contre Vos ennemis et ceux de leur patrie.

Lorsqu'il a plus à V. M. I. de me témoigner le désir de me nommer chef de Moscou, et pendant son dernier séjour dans cette capitale de donner des marques éclatantes de sa bienveillance aux employés sous mes ordres, je Vous ai prié, Sire, de ne me donner aucune récompense pour être plus utile à Votre service. Maintenant que l'on me déchire, parce qu'on n'ose s'attaquer au prince de Smolensk, dont les ordres s'exécutent comme les Votres mêmes, et qu'on s'en prend à moi de l'abandon de Moscou, et de ce que je refuse le payement des millions que l'on me demande de tous côtés, croient être autorisé par le rescript où V. M. m'ordonne de prendre soin des malheureux, je prends la liberté d'avoir recours à Votre unique protection, car je suis trop fier, trop homme d'honneur, et trop fidèle pour en avoir une autre. Je Vous demande pour le gouverneur Obrescow qui est un serviteur fidèle, intelligent et d'une activité étonnante une marque de Vos bontés, et j'ose Vous assurer qu'il mérite d'être décoré de l'ordre de St. Alexandre. Quant aux autres grâces dont j'ai remis la liste au ministre de la police, V. M. I. est trop juste pour ne pas récompenser ses fidèles sujets.

Le tout dévoué
comte Théodore Rostopsin.

Москва, 14-го декабря 1812 года.

Государь! Министръ полиціи представитъ Вашему Императорскому Величеству полный отчетъ о теперешнемъ состояніи Москвы. Многія изъ желаній Вашихъ, выраженныхъ въ послѣднемъ рескриптѣ, который я имѣлъ счастье получить, уже исполнены. Только одинъ пунктъ представляетъ большія затрудненія, а именно тотъ, въ которомъ говорится о лицахъ, разоренныхъ нашествіемъ непріятеля. Всѣ сословія общества присвоиваютъ себѣ право просить о вспомоществованіи и, такъ какъ чистосердечіе стало нынче рѣдкостью, то потребуется довольно много времени на составленіе списка тѣхъ лицъ, которыя вправѣ прибѣгнуть къ Вашей благотворительности. Я потребую не красивыхъ фразъ, не прекрасныхъ жестовъ и потоковъ слезъ, а совершенно иныхъ доказательствъ. Къ тому же, я не могу справиться со всѣмъ одинъ и поэтому умоляю В. И. В. назначить коммиссію для разсмотрѣнія просьбъ тѣхъ господъ, которые полагаютъ себя разоренными. Только предсѣдатель этого комитета долженъ быть человѣкъ честный, слѣдовательно нелицепріятный, иначе Ваши благодѣянія достанутся тому, кто больше дастъ.

Я приступлю къ дѣлу, лишь только пріѣдетъ архитекторъ. Многія, довольно уродливыя церкви, стоявшія къ тому же совершенно не у мѣста, сгорѣли, и я полагаю, что теперь не встрѣтится препятствія снести ихъ, ежели это потребуется по плану. Въ иное время, это могло бы возстановить и оскорбить народъ, давъ обильную пищу праздной сволочи изъ дворянъ къ разнымъ замѣчаніямъ. В. И. В. будетъ пріятно узнать, что болѣзни въ Московской губерніи уменьшаются и отнюдь не имѣютъ характера эпидемическаго. Судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня, нервныя горячки уносятъ гораздо болѣе жертвъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ прошли плѣнные французы.

Мнѣ удалось розыскать купороса на 30.000 руб., купленнаго Липихомъ. Какое сдѣлать изъ него употребленіе? Я боюсь, чтобы изготовленіе новаго аэростата не повлекло за собою огромныхъ издержекъ, такъ какъ первый шаръ обошелся всего 168.000 р. только потому, что Липихъ сдѣлалъ закупки при посредствѣ двухъ бездѣльниковъ; они находятся еще при немъ.

Коммиссія дѣйствуетъ очень хорошо. Мы напали, до сихъ поръ, только на одного мошенника, по имени Позднякова; онъ здѣшній купецъ; по моему приказанію опечатаны украденныя имъ вещи, цѣною, быть можетъ, отъ 2 до 300.000 рублей. Щербачева арестованъ тотчасъ по прибытіи въ Москву полиціи.

Я имѣлъ продолжительный разговоръ съ министромъ полиціи относительно подъема народнаго духа, который совершенно измѣнился, подъ

вліяніемъ событій, но не можетъ проявиться по причинѣ всеобщаго бѣгства, которое сбиваетъ всѣхъ съ толку. Всякій малодушный дворянинъ, всякій бѣжавшій изъ столицы купецъ и бѣглый попъ считаетъ себя, не шутя Пожарскимъ, Мининымъ и Палицынымъ, потому что одинъ изъ нихъ далъ нѣсколько крестьянъ, а другой нѣсколько грошей, чтобы спасти этимъ все свое имущество. Въ массѣ, русскій народъ грозенъ и непобѣдимъ, но отдѣльныя личности весьма ничтожны. Народъ свыкся съ войною и приглядѣлся къ рѣзнѣ. Наши солдаты грабили его прежде непріятеля и такъ какъ Бонапартъ, повидимому, ускользнулъ отъ насъ, то было бы недурно, приготовляясь къ борьбѣ съ нимъ, въ то же время подумать о мѣрахъ борьбы внутри государства съ врагами Вашими и отечества.

Когда В. И. В. угодно было выразить желаніе назначить меня главнокомандующимъ города Москвы и удостоить, во время послѣдняго пребыванія Вашего въ этой столицѣ, знаками Вашего благоволенія лицъ, служащихъ подъ моимъ начальствомъ, то я просилъ Васъ, для пользы службы, не награждать меня ничѣмъ. Нынѣ, когда меня поносятъ, не осмѣливаясь порицать князя Смоленскаго, коего приказанія исполняются, какъ собственныя Ваши повелѣнія, и когда меня обвиняютъ за то, что Москва была оставлена войсками и что я отказываюсь платить имъ милліоны, которыхъ отъ меня требуютъ со всѣхъ сторонъ, считая меня уполномоченнымъ тратить ихъ тѣмъ рескриптомъ, въ которомъ В. В. повелѣваете мнѣ заботиться о неимущихъ, я осмѣливаюсь прибѣгнуть единственно къ Вашей защитѣ, ибо гордость, честь и преданность моя В. В. не дозволяютъ мнѣ искать иной защиты. Прошу Васъ удостоить знакомъ Вашего благоволенія губернатора Обрескова; онъ слуга вѣрный и необыкновенно дѣятельный; смѣю Васъ увѣрить, что онъ вполнѣ заслуживаетъ быть награжденнымъ орденомъ св. Александра Невскаго. Что касается прочихъ милостей, коихъ списокъ переданъ мною министру полиціи, то В. И. В., по своей всегдашней справедливости, конечно, вознаградите Вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Глубоко преданный

графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

2.

Moscou,
du 20 Décembre 1812.

Sire!

La plus belle année de Votre règne, et qui couvre la Russie d'une gloire immortelle, finit par une perte irréparable pour V. M. I. En perdant le Prince Georges, Vous perdez un ami, un sujet et un serviteur fidèle. Comme il m'honorait de sa confiance, j'ai eu bien des preuves de son attachement pour la Russie et de son enthousiasme pour Votre per-

sonne. Ses voeux constants n'ont pas été exaucés, et il a quitté ce monde où Vous devenez le libérateur de l'Europe. Dieu veuille conserver madame la Grande-Duchesse dont la douleur égale le bonheur dont elle a joui. Lorsque j'apprendrai l'arrivée du Duc père à Twer, je me propose d'y aller pour 24 heures, rendre mes devoirs aux restes inanimés d'un prince, auquel j'étais attaché par conformité de sentiments et par reconnaissance pour les bontés qu'il témoignait à mon fils, dont je remets la destinée entre Vos mains.

J'expédie ce courier pour faire parvenir à V. M. I. le rapport du comte Tolstoy qui m'annonce que les troubles dans les deux régiments de sa milice sont finis et que les coupables ont été livrés. Je tiens à l'idée qu'il faudrait remonter à la source de ce désordre imprévu. Vos ennemis sont térassés par la destruction des armées de Napoléon, mais ce monstre vit encore, et la haine de ses partisans couve sous la cendre sans être éteinte.

On finit de brûler les chevaux crevés au champ de Borodino. Dans quelque temps j'irai moi-même y faire une tournée pour voir par mes propres yeux si on a bien exécuté les ordres que j'ai donné relativement aux malades, à la destruction des cadavres et à la reddition des armes pour de l'argent.

J'ai l'honneur de faire parvenir à V. M. I. trois projets pour le monument qui doit attester aux siècles futurs la folie de Napoléon, et Votre sagesse. Il faut 800 canons pour la pyramide telle qu'elle est projetée, mais un plus grand nombre la rendrait plus belle encore en l'élevant davantage.

Le tout dévoué
comte Théodore Rostopsin.

Москва, 20-го декабря 1812 года [1]).

Государь! Прекраснѣйшій годъ Вашего царствованія, который покроетъ Россію безсмертною славою, заканчивается для В. И. В. невозвратимою утратою. Въ лицѣ принца Георга Вы теряете друга, вѣрнаго подданнаго и преданнаго слугу. Такъ какъ онъ удостоивалъ меня своимъ довѣріемъ, то я неоднократно былъ свидѣтелемъ его преданности Россіи и горячей привязанности къ В. В. Его всегдашняя мольба не была услышана, и онъ покинулъ этотъ міръ, въ то время, когда Вы становитесь избавителемъ Европы. Да хранитъ Господь великую княгиню; ея горе равносильно тому счастію, какимъ она пользовалась. Получивъ извѣстіе о прибытіи герцога-отца въ Тверь, я

[1]) Это письмо графа Ростопчина было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 года; повторяемъ его здѣсь для цѣльности общаго впечатлѣнія.

Ред.

предполагаю отправиться туда на сутки, чтобы отдать послѣдній долгъ бреннымъ останкамъ принца, которому я былъ преданъ какъ по общности чувствъ, такъ изъ признательности за милостивое его вниманіе къ моему сыну, дальнѣйшую судьбу котораго я ввѣряю въ Ваши руки.

Я отправляю этого курьера, чтобы доставить В. И. В. донесеніе графа Толстаго; онъ извѣщаетъ меня, что безпорядки, обнаруженные въ двухъ полкахъ его милиціи, прекращены и виновные обнаружены. По моему мнѣнію, слѣдовало бы прослѣдить возникновеніе этихъ неожиданныхъ безпорядковъ до самаго ихъ источника. Ваши враги приведены въ замѣшательство извѣстіемъ объ истребленіи войскъ Наполеона, но этотъ извергъ еще живъ, и злоба его приверженцевъ не угасла, но тлѣетъ подъ пепломъ.

Сожженіе труповъ павшихъ лошадей на Бородинскомъ полѣ приходитъ къ концу. Въ скоромъ времени я самъ объѣду его, чтобы удостовѣриться собственными глазами, въ точности ли исполнены мои приказанія относительно больныхъ, объ уничтоженіи труповъ и сдачѣ оружія за деньги.

Честь имѣю препроводить В. И. В. три проекта памятника, который долженъ будетъ свидѣтельствовать передъ грядущими вѣками о безуміи Наполеона и о Вашей мудрости. Для пирамиды, въ томъ видѣ какъ она проектирована, потребуется 800 пушекъ, но ежели употребить на нее еще бо̀льшее число орудій, то она будетъ гораздо красивѣе, выигравъ въ высотѣ. Глубоко преданный графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

3.

Moscou,
du 2 Janvier 1813.

Sire!

J'ai l'honneur de faire parvenir à V. M. I. un résumé des rapports originaux que possède le major Schmidt chef du bureau de la guerre, attaché au prince de Neufchatel. Il est resté ici à l'hopital Galitzine sous pretexte de maladie. C'est un homme d'un grand mérite, suisse d'origine, ayant 30 ans de service. Il désire passer en Angleterre où se trouvent deux de ses cousins. Comme il est dénué de tout je lui ai donné 500 R.

Pardonnez, Sire, que je joins ici la lettre de Куткинъ. Je sais que c'est un digne homme, et comme il doit périr victime de M. Pestel, c'est pour l'acquit de ma conscience que je mets sous Vos yeux la demande d'un innocent qui ne demande qu'à être jugé hors de Sibérie.

Le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 2-января 1813 года.

Государь! Честь имѣю препроводить В. И. В. краткое извлеченіе изъ подлинныхъ донесеній, находящихся въ рукахъ у маіора Шмидта [1]), директора военной канцеляріи, который состоитъ при принцѣ Невшательскомъ. Онъ остался здѣсь, въ Голицынскомъ госпиталѣ, подъ предлогомъ болѣзни. Это человѣкъ съ большими достоинствами, родомъ швейцарецъ, уже 30 лѣтъ состоящій на службѣ. Онъ желаетъ переѣхать въ Англію, гдѣ находятся его два двоюродныхъ брата. Такъ какъ онъ не имѣетъ никакихъ средствъ, то я далъ ему 500 руб.

Простите меня, Государь, за то, что я прилагаю, при семъ, письмо Куткина [2]). Я знаю, что это человѣкъ достойный, и такъ какъ онъ гибнетъ жертвою Пестеля, то я представляю, для успокоенія совѣсти, на Ваше усмотрѣніе просьбу невиннаго, который молитъ только объ одной милости—чтобы его судили внѣ предѣловъ Сибири.

Глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму графа Ростопчина отъ 2-го января 1813 года.

Total général de la perte de l'armée française:

7 Septembre devant Mojaisk.

morts 10. . . blessés 7. . .	Généraux de Division	17	
morts 15. . . blessés 14. . .	Généraux de Brigade	29	
	Colonels.	57	
	Majors	14	
	Chef de bataillons ou escadrons .	105	
	Officiers de l'état major . . .	17	
	Officiers subalternes.	1.367	
	Soldats	50.876	dont les deux tiers blessés.

(y compris ceux fait prisonniers ou perdus).

---

[1]) Александръ Ахиллъ Шмидтъ, уроженецъ Швейцаріи, Граубюнденскаго кантона.

[2]) Приложеніе къ письму не найдено. Ред.

Общій итогъ урона французской арміи 7-го сентября подъ Можайскомъ:

Дивизіонныхъ генераловъ . . .	убито 10. . . . ранено 7. . . .	17
Бригадныхъ генераловъ. . . .	убито 15 . . . ранено 14 . . .	29
Полковниковъ		57
Маіоровъ		14
Баталіонныхъ или эскадронныхъ командировъ . .		105
Офицеровъ генеральнаго штаба		17
Оберъ-офицеровъ		1.367
Солдатъ.		50.876 изъ коихъ двѣ трети ранены.

(включая въ это число взятыхъ въ плѣнъ или пропавшихъ безъ вѣсти).

4.

Moscou,
du 17 Mars 1813.

Sire!

Je crois nécessaire de faire parvenir à V. M. I. mes idées sur quelques individus dont la commission a examiné la conduite pendant le séjour des Français à Moscou. Je trouve que sous différents rapports ces gens doivent être éloignés à jamais de grandes villes et surtout de Votre résidence.

Щербачевъ et Поспѣловъ sont deux scélérats et leur place est d'être soldats dans des garnisons en Sibérie.

Villers ne peut pas être renvoyé hors du pays, il a beaucoup de liaisons en Russie, est au fait de tout et a donné des preuves de son zèle pour le service de Vos ennemis.

Вишневскій est un jacobin enragé d'autant plus dangereux qu'il a beaucoup de moyens. Sa façon de penser qu'il manifestait hautement lui a fait fermer la porte de plusieurs maisons qu'il fréquentait. Il avait même essayé de déterminer quelques personnes parmi la noblesse à rester ici lorsque tout le monde quittait la ville à l'approche de l'ennemi, assurant qu'on s'en trouverait bien.

Le tout dévoué
comte Théodore Rostopsin.

Москва, 17-го марта 1813 года.

Государь! Я считаю необходимымъ высказать В. И. В. мое мнѣніе о нѣкоторыхъ личностяхъ, коихъ поведеніе, во время пребыванія въ Москвѣ французовъ, подверглось обсужденію со стороны коммиссіи. Я нахожу, что этимъ лицамъ, по многимъ причинамъ, должно быть навсегда воспрещено жительство въ большихъ городахъ и въ особенности въ Вашей резиденціи.

Щербачевъ и Поспѣловъ два негодяя; ихъ настоящее мѣсто рядовыми въ Сибирскихъ гарнизонахъ.

Виллерсъ не можетъ быть высланъ изъ Россіи; у него тутъ много связей, онъ получаетъ подробныя свѣдѣнія обо всемъ, и мы имѣемъ доказательства его усердія на службѣ Вашимъ врагамъ.

Вишневскій ярый якобинецъ, тѣмъ болѣе опасный, что онъ имѣетъ большія средства. Его образъ мыслей, который онъ громко высказывалъ, закрылъ передъ нимъ двери многихъ домовъ, въ которыхъ онъ раньше былъ принятъ. Онъ пытался даже убѣдить нѣкоторыхъ изъ дворянъ остаться здѣсь, въ то время, когда всѣ спѣшили оставить городъ при приближеніи непріятеля, увѣряя ихъ, что это послужитъ имъ въ пользу.

Глубоко преданный графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

5.

Moscou,
du 22 Août 1813.

Sire!

Il m'est impossible d'exprimer la joie que j'éprouve de voir enfin les Autrichiens faire cause commune avec Vous et concourir au but glorieux de délivrer l'Europe du joug humiliant qui l'opprime. Cette nouvelle a ranimé la ville de Moscou et produira la même sensation dans tout l'Empire. Le succès a couronné Votre fermeté, elle a surmonté les obstacles que l'on croyait invincibles. Maintenant laissez reposer Votre plume et confiez à Votre épée le soin de couronner Vos travaux avec le titre de sauveur du continent. L'Europe Vous bénira et la Russie s'enorgueillera de son histoire. Cette décision de la Cour de Vienne me fait encore un grand plaisir, elle fera tomber une opinion que la sainte famille de Kontouzow a propagé: C'est que l'Empereur François voulait donner toutes ses forces à commander au maréchal de Smolensk, mais qu'après sa mort, il n'a eu de confiance en personne. Ce polisson de Koudashew racontait à Pétersbourg avoir lu cette lettre.

Le recrutement est suspendu d'arpès l'avis du conseil de M-rs les ministres auxquels j'ai dû représenter que sans délivrer les quittances pour tous les miliciens qui ne sont pas de retour, il n'y avait pas moyen d'avoir le nombre des recrues exigés, faute d'hommes et d'argent pour les habiller. Je préviens V. M. I. que quelques milliers de ces miliciens du gouvernement de Moscou sont encore à l'armée, employés comme domestiques; il serait juste de les prendre au service réel, d'autant plus que n'étant pas de retour, on les placera au rang des morts, et leurs propriétaires recevront des quittances.

Lorsque V. M. I. vint à Moscou l'année passée, les comtes Mamonow et Solticow demandèrent la permission de lever chacun un régiment de cavalerie à leurs frais, ce qu'ils ont exécuté en partie. Mais en même temps le conseiller privé Demidow et le chambellan prince Gagarine sollicitèrent la permission d'habiller chacun un regiment. Ils n'en ont rien fait. Le premier est resté quelque temps à l'armée, où sa conduite était bien suspecte. L'autre de Mojaisk s'en alla à Nigeny Novgorod d'où il est revenu ici. Demidow a 300.000 R. de rente et Gagarine 300.000. Tous deux ne songent nullement à remplir l'engagement qu'ils ont contracté de leur propre gré. Comme il est à supposer que cet hiver il y aura encore un recrutement, cela sera le cas de former ici deux régiments d'infanterie et de confier à ces deux messieurs le soin de les habiller. Des noms comme Кремлевской, Иверской, Успенской feraient plaisir au peuple enfant.

La chambre des finances d'ici par le désordre des employés m'a mis dans le cas de faire une représentation à M-r Gouriew. Le vice-gouverneur Arseniew est ivre mort tous les jours, et les sous-ordres suivent son exemple. Je ne me suis pas mêlé de l'organisation de la vente du vin après la sortie de l'ennemi, mais je ne trouve nullemeut nécessaire que l'on vende pour un million de roubles d'eau au bénéfice de vice-gouverneur, des fermiers et des employés. Les vexations dans le recrutement sont revoltants. J'ai envoyé des preuves de ces coquineries, car j'ai été à minuit moi même au magasin de vin, et j'ai pris les gens sur le fait pendant l'opération de méler l'eau avec le vin. Si V. M. I. jugera à propos de changer ce vice-gouverneur, je La supplie de vouloir bien nommer à cette place le colonel Dourassow, maître de police de Moscou, en l'avançant au grade de Conseiller d'État. J'ai éprouvé son zèle et sa fidélité et ce nouveau genre de service le mettra à même d'y être encore plus utile, car sa santé ne peut supporter la fatigue et l'activité que sa place actuelle exige.

Les batiments particuliers vont bien, et de nouvelles et belles façades remplacent les vieilles. Le loyer des maisons est à un prix exhorbitant. Cet hiver Moscou sera déjà bien peuplé par la noblesse oisive

qui ne voit de salut pour elle que dans la foule. Quand aux marchands ils se remettront bien vite de leur prétendue ruine. Le comte Golowine en recevant les suppliques vérifie à présent ce que je lui ai ecrit sur la mauvaise foi des individus.

Je souhaite du fond de mon âme que Vous reveniez couvert de gloire et de bénédictions, et que Votre premier soin se porte à guerir les plaies de la Russie, qui l'épuiseront, car on la fait saigner encore. Je Vous citerai deux preuves. A Simbirsk, malgré que la milice nouvellement levée soit congediée, son chef M-r Киндяковъ la garde sous differents prétextes, dans la ville de gouvernement, parce qu'il est fermier de vin. Dans le gouvernement d'Orel un recrue coute 400 R. à donner, et les chevaux que l'on prend pour le service 700 R.

Comme ma maison n'est pas prête et qu'il n'y a pas assez de monde pour un bal, je fais faire pour Votre fête une superbe illumination qui attirera le peuple et l'instruira. Mon seul regret est de ne pas me trouver auprès de Vous pour être témoin des succès et de la gloire qui Vous attendent.

Le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 22-го августа 1813 года.

Государь! Я не въ состояніи выразить радость, которую я испытываю, видя, что австрійцы дѣйствуютъ наконецъ съ Вами за одно и споспѣшествуютъ славной цѣли освобожденія Европы отъ постыднаго ига, ее угнетающаго. Это извѣстіе оживило Москву и произведетъ такое же впечатлѣніе во всей имперіи. Ваша твердость увѣнчалась успѣхомъ; она преодолѣла препятствія, почитавшіяся непобѣдимыми. Дайте теперь отдыхъ Вашему перу и предоставьте Вашей шпагѣ увѣнчать труды Ваши, доставивъ Вамъ имя избавителя континентальныхъ державъ. Европа будетъ благословлять Васъ, а Россія будетъ гордиться своей исторіей. Рѣшеніе, принятое Вѣнскимъ дворомъ, весьма радуетъ меня еще потому, что имъ будетъ опровергнуто мнѣніе, распространенное блаженнымъ семействомъ (la sainte famille) Кутузовыхъ, будто императоръ Францъ хотѣлъ поручить командованіе всѣми своими войсками фельдмаршалу, князю Смоленскому, но, послѣ его смерти, не имѣлъ ни къ кому довѣрія. Нашъ повѣса, Кудашевъ, разсказывалъ, въ Петербургѣ, будто онъ читалъ письмо, въ которомъ это говорилось.

Наборъ рекрутъ пріостановленъ, согласно мнѣнію Совѣта гг. министровъ, въ который мнѣ пришлось войти съ представленіемъ, что по недостатку людей и средствъ для ихъ обмундированія, невозможно набрать требуемое число рекрутъ, не получивъ обратно квитанцій за

всѣхъ ополченцевъ, которые не возвратились. Я долженъ предупредить В. И. В., что нѣсколько тысячъ этихъ ополченцевъ изъ Московской губерніи находятся еще въ арміи, въ качествѣ денщиковъ; было бы вполнѣ справедливо взять ихъ на дѣйствительную службу, тѣмъ болѣе, что ежели они не возвратятся, то ихъ внесутъ въ списки умершихъ, и ихъ помѣщики получатъ квитанціи.

Во время посѣщенія В. И. В. Москвы въ прошломъ году, графъ Мамоновъ и Салтыковъ просили разрѣшенія каждому изъ нихъ сформировать на свой счетъ, полкъ кавалеріи, что́ они отчасти и исполнили. Но въ то же время тайный совѣтникъ Демидовъ и камергеръ, князь Гагаринъ, просили дозволить каждому изъ нихъ обмундировать полкъ; однако они объ этомъ и не позаботились. Первый изъ нихъ пробылъ нѣкоторое время въ арміи, гдѣ его поведеніе было весьма подозрительно. Второй отправился изъ Можайска въ Нижній Новгородъ, откуда онъ возвратился сюда. Демидовъ имѣетъ 300.000 годоваго дохода, Гагаринъ столько же, но они и не думаютъ выполнить обязательство, прянятое ими на себя добровольно. Такъ какъ нынѣшней зимою будетъ, по всей вѣроятности произведенъ еще одинъ наборъ, то это дастъ возможность сформировать здѣсь еще два полка пѣхоты и кстати возложить на этихъ господъ заботу обмундировать ихъ. Названіе этихъ полковъ Кремлевскимъ, Иверскимъ или Успенскимъ доставило бы удовольствіе народу-младенцу.

Нерадивость чиновниковъ здѣшней Казенной Палаты вынудила меня войти съ представленіемъ къ г. Гурьеву. Вице-губернаторъ Арсеньевъ бываетъ ежедневно пьянъ до положенія ризъ, и подчиненные слѣдуютъ его примѣру. Я не вмѣшивался въ организацію торговли крѣпкими напитками по уходѣ непріятеля, но не вижу никакой надобности продавать на милліонъ рублей водки въ пользу вице-губернатора, откупщиковъ и чиновниковъ. Прижимки, дѣлаемыя при наборѣ рекрутъ, возмутительны. Я представилъ доказательства этихъ мошенническихъ продѣлокъ, такъ какъ я самъ былъ, въ двѣнадцать часовъ ночи, въ винномъ погребѣ и поймалъ торговцевъ на дѣлѣ, въ то время, какъ подливали воду въ вино. Ежели В. И. В. сочтете должнымъ смѣнить этого вице-губернатора, то я покорно прошу Васъ назначить на его мѣсто московскаго оберъ-полиціймейстера, полковника Дурасова, съ производствомъ его въ статскіе совѣтники. Я имѣю доказательства его усердной и преданной службы, а въ этой новой должности, онъ можетъ заявить себя еще болѣе полезнымъ, такъ какъ здоровье не позволяетъ ему долѣе переносить утомительныя и дѣятельныя обязанности, сопряженныя съ теперешней службою.

Частныя постройки идутъ хорошо; красивые новые фасады замѣняютъ собою старые. Цѣны на квартиры доходятъ до непомѣрныхъ

цифръ. Эту зиму въ Москву наѣдетъ уже достаточно празднаго дворянства, которое видитъ для себя спасеніе единственно въ толпѣ. Что же касается купцовъ, то они быстро оправятся отъ своего мнимаго разоренія. Графъ Головинъ, принимая прошенія, провѣряетъ теперь то, что я писалъ ему о недобросовѣстности нѣкоторыхъ лицъ.

Отъ глубины души желаю, чтобы Вы возвратились, Государь, увѣнчанные славою и напутственные благословеніями и чтобы первою Вашею заботою было залѣчить раны, нанесенныя Россіи, которыя истощатъ ее, такъ какъ ее до сихъ поръ подвергаютъ кровопусканію. Приведу Вамъ тому два примѣра. Несмотря на то, что вновь набранные, въ Симбирской губерніи, ополченцы распущены, ихъ начальникъ г. Киндяковъ задерживаетъ ихъ, подъ разными предлогами, въ губернскомъ городѣ, по той причинѣ, что онъ откупщикъ. Въ Орловской губерніи рекрутъ обходится 400 р., а лошадь для войска 700 р.

Такъ какъ домъ мой еще не отдѣланъ и въ Москвѣ нѣтъ еще достаточно людей, чтобы дать балъ, то я приказалъ устроить въ день Вашего тезоименитства роскошную иллюминацію, которая привлечетъ народъ и будетъ для него поучительна. Я сожалѣю единственно о томъ, что не нахожусь подлѣ Васъ и не могу быть свидѣтелемъ тѣхъ успѣховъ и той славы, которые Васъ ожидаютъ.

Глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

6.

Moscou,
du 1 Septembre 1813.

Sire!

Le jour de Votre fête a été un jour d'ivresse pour Moscou et c'est Votre fidèle serviteur qui certifie cette vérité. La cathédrale a été bénie le matin en grande pompe. La plus grande partie des images est déjà couverte d'argent, le reste sera prêt pour le 15. Nous avons jugé avec l'archevêque que la cérémonie méritait d'avoir lieu le 30. Le soir la ville s'est portée dans le quartier où se trouve ma maison pour jouir de la fête que j'y ai donné. L'illumination a parfaitement réussie; l'idée est à moi et j'ai exprimé d'une manière parlante Votre fermeté, le triomphe de Vos vertus, la gloire qui en rejaillit sur la Russie et la reconnaissance de l'Europe.

J'ai cru digne de Votre attention le discours que l'archevêque Augustin a prononcé le 26 au service pour les morts à la bataille de Borodino. Ce prélat par son esprit, et surtout par son attachement pour Votre personne mérite la bienveillance de V. M. I. C'est lui qui a sauvé

le trésor, qui a renouvellé les églises, et qui a prêché constamment fidélité, soumission et reconnaissance. Vous trouverez de plus grands orateurs, mais pas un prêtre plus dévoué que lui. C'est un ressort bien utile, d'autant plus qu'il n'entre dans la matière dont il est fait, rien de Platon, de Michel de Tshernigow, de Moise de Nigeny-Nowgorod, et encore moins du Patriarche Nicon.

Le tout dévoué
comte Théodore Rostopsin.

Москва, 1-го сентября 1813 года.

Государь! День Вашего ангела былъ днемъ восторга и ликованія для Москвы; преданный Вамъ слуга свидѣтельствуетъ истину этого факта. По утру былъ освященъ, съ большою торжественностью, соборъ. Большая часть образовъ одѣты уже серебряными ризами; остальныя будутъ готовы къ 15-му. Мы нашли съ архіепископомъ, что эту церемонію подобало совершить 30-го числа. Вечеромъ, весь городъ направился въ тотъ кварталъ, гдѣ находился мой домъ, чтобы полюбоваться на устроенное мною празднество. Иллюминація удалась какъ нельзя лучше, ея идея принадлежитъ мнѣ; я изобразилъ, наглядным образомъ, Вашу твердость, торжество Вашихъ добродѣтелей, славу, которую онѣ доставили Россіи, и признательность Европы.

Я считалъ рѣчь, произнесенную архіепископомъ Августиномъ, 26-го числа, на заупокойной обѣднѣ по убіеннымъ въ сраженіи подъ Бородинымъ, достойною Вашего вниманія. Этотъ архипастырь заслуживаетъ благоволенія В. И. В. какъ по своему уму, такъ, въ особенности, по своей преданности Вашей особѣ. Онъ спасъ казначейство, онъ же возобновилъ церкви и постоянно проповѣдывалъ народу быть преданнымъ, покорнымъ и признательнымъ. Вы найдете болѣе краснорѣчивыхъ витій, но не встрѣтите пастыря, болѣе его преданнаго. Онъ весьма полезенъ какъ дѣятель, тѣмъ болѣе, что въ его натурѣ нѣтъ закваски ни Платона, ни Михаила Черниговскаго, ни Моисея Нижегородскаго, а тѣмъ менѣе патріарха Никона.

Глубоко преданный графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

7.

Moscou,
du 6 Septembre 1813.

Sire!

Hier à sept heure du matin j'ai reçu la nouvelle des victoires qui couvrent Votre règne d'une nouvelle gloire. Triomphez, Sire, et assurez

Vous les bénédictions de toute l'Europe. Tout va bien ici à l'exception des voleurs dans les differents emplois que je mets au pied du mur, en accumulant les preuves de leur coquineries. Je fais des voeux pour Votre personne et c'est le voeu de tous les honnêtes gens.

Le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 6-го сентября 1813 года.

Государь! Вчера, въ семь часовъ утра, я получилъ извѣстіе о побѣдахъ, вѣнчающихъ Ваше царствованіе новою славою. Побѣждайте, Государь, упрочивъ за собою признательность Европы. Здѣсь все идетъ хорошо, ежели не считать злоупотребленій въ разныхъ вѣдомствахъ; я застращалъ воровъ, сбирая доказательства ихъ мошенническихъ продѣлокъ. Возношу молитвы о Вашемъ здравіи; это мольба всѣхъ честныхъ людей.

Глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

8.

Moscou,
du 24 Septembre 1813.

Sire!

Je renvoie Shenning qui a amené Vandamme. V. M. I. aura des détails sur ce général par mon rapport au ministre de la police.

Il y a un nouveau mal auquel il faudra remédier promptement. C'est le séjour des généraux et officiers prisonniers français dans l'intérieur du pays. Ils se sont introduits dans les maisons, et insinuent des maximes bien dangereuses. Ils prêchent la grandeur de Napoléon et sa générosité. Comme à l'exception de quelques individus la noblesse russe est la plus sotte, la plus crédule et la plus prévenue en faveur des Français, elle écoute et croit. C'est à Tambow et à Orel où sont les grands apôtres.

Il y a ici des frondeurs et des douteurs. Ils recueillent les bêtises, ajoutent leurs idées et font passer leurs incertitudes dans la bêtise des autres. Les plus marquants sont le général Apraxin, aigri de ne pas commander les armées, un Vsevolodsky, un Rounitsh de la poste un Poushkin chambellan. J'ai lavé la tête d'importance à celuilà et Rounitsh de la poste un peu inquiet sur son compte a fait pour le 15 une superbe illumination qui a manqué.

Le Major Schmidt attaché au Prince de Neufchatel pendant six

ans, qui sous pretexte de maladie est resté ici au départ des Français, est allé par mon ordre voir Vandamme hier, et après avoir causé pendant toute une journée m'a rendu compte de toute sa conversation. J'y trouvai des articles assez importants pour mériter Votre attention:

1) Rapp a ordre de capituler quinze jours après que la garnison sera reduite au quart de ration, et Vandamme craint que Danzig ne tiendra que jusqu'au mois de Novembre.

2) Daendels commandant de Modlin a écrit pendant l'armistice qu'il est très content des Polonais qui lui fournissent non seulement des provissions par eau pendant l'obscurité des nuits, mais qu'ils lui envoient des volontaires qu'il enrôle.

3) Que Vandamme a fait passer ce printemps 5.000.000 de livres pour empêcher le ministère danois de se déclarer contre Napoléon.

4) Que le Prince Royal de Suède (Bernadotte) doit être assassiné dans peu par des officiers suédois jaloux de la préférance qu'il accorde aux Français qui l'entourent.

5) Que Vandamme Grouchy et Lauriston ont été fait le 27—15 Août maréchaux de France, et que des aides de camp de Napoléon étaient venus de Dresde pour le féliciter sur cette promotion.

6) Que la campagne de l'année 1812 avait abbattu le courage des généraux, officiers et soldats.

7) Que sur 200 hommes dans les regiments nouvellement levé, à peine il y a un soldat qui ait cinq ans de service et distingué par un chevron.

8) L'on perd des canons, parce que les postillons ne savent pas mener, et les abandonnent, et que le soldat ne songe pas à les défendre.

9) Que le général Bertrand nommé commandant de Magdebourg a preté serment devant les maréchaux de défendre la place jusqu'à la dernière extremité.

10) Que Bonaparte abandonnera Dresde en laissant St. Cyr pour le défendre avec 15.000 hommes, et que lui-même occupera la ligne depuis Casseljusqu'à Francfort sur le Main.

J'ose supplier V. M. I. d'accorder la grâce que je demande au maître de police Broker et au major du quartier. Ils ont arrêté 40 voleurs en trois jours et 24 de ceux ci sont déjà devenus soldats.

Le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 24-го сентября 1813 года.

Государь! Я отсылаю обратно Шеннинга, привезшаго Вандама. В. И. В. получите подробныя свѣдѣнія объ этомъ генералѣ изъ моего донесенія министру полиціи.

Необходимо тотчасъ же принять мѣры къ искорененію новаго зла, какимъ является пребываніе плѣнныхъ французовъ—генераловъ и офицеровъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ. Они проникли въ частные дома и проводятъ весьма опасные взгляды. Они проповѣдуютъ о величіи и щедрости Наполеона. Такъ какъ русское дворянство, за исключеніемъ весьма немногихъ личностей, самое глупое, самое легковѣрное и наиболѣе расположенное въ пользу французовъ, дворянство, то оно слушаетъ ихъ и вѣритъ имъ. Эти великіе апостолы находятся въ Тамбовѣ и Орлѣ.

Здѣсь есть недоброжелатели правительства, люди во всемъ сомнѣвающіеся. Они охотно выслушиваютъ всякія нелѣпости, прибавляютъ къ нимъ свои измышленія и приплетаютъ свои собственныя сомнѣнія къ глупымъ росказнямъ другихъ. Между ними наиболѣе выдаются генералъ Апраксинъ, озлобленный тѣмъ, что ему не ввѣрено командованіе войсками, нѣкто Всеволодскій, Руничъ, служащій въ почтовомъ вѣдомствѣ и камергеръ Пушкинъ. Послѣднему я намылилъ голову, а Руничъ, который служитъ въ почтамтѣ, встревоженный нѣсколько за себя, устроилъ 15-го числа роскошную иллюминацію, которая, впрочемъ, не удалась.

Маіоръ Шмидтъ, состоящій уже шесть лѣтъ при принцѣ Невшательскомъ и оставшійся здѣсь, подъ предлогомъ болѣзни, въ то время, когда французы покинули Москву, посѣтилъ вчера, по моему приказанію, Вандама, и пробесѣдовавъ съ нимъ цѣлый день, передалъ мнѣ всю сущность ихъ разговора. Нѣкоторые пункты этой бесѣды, по ихъ важности, заслуживаютъ, мнѣ кажется, Вашего вниманія.

1) Раппу приказано сдаться на капитуляцію двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ гарнизону начнутъ выдавать всего четвертую часть пайка, и Вандамъ опасается, что Данцигъ не продержится долѣе, какъ до ноября мѣсяца.

2) Дендельсъ, комендантъ Модлина, писалъ во время перемирія, что онъ очень доволенъ поисками, которые, подъ покровомъ ночи, доставляютъ ему, водою, не только съѣстные припасы, но присылаютъ также и волонтеровъ, которыхъ онъ вербуетъ.

3) Вандамъ передалъ, будто бы, нынѣшнею весною, кому слѣдуетъ, 5.000.000 ливровъ, чтобы датское министерство не объявило себя противникомъ Наполеона.

4) Королевскій принцъ шведскій (Бернадоттъ) будетъ вскорѣ убитъ шведскими офицерами, недовольными тѣмъ предпочтеніемъ, которое онъ оказываетъ окружающимъ его французамъ.

5) Вандамъ, Груши и Лауристонъ были произведены 27-го (15-го) августа въ фельдмаршалы, и адъютанты Наполеона пріѣзжали изъ Дрездена поздравить ихъ съ этимъ повышеніемъ.

6) Походъ 1812 года охладилъ воинственный пылъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ.

7) Во вновь сформированныхъ полкахъ, на 200 человѣкъ едва-ли найдется одинъ солдатъ, прослужившій пять лѣтъ и имѣющій нашивки.

8) Армія теряетъ орудія потому, что ѣздовые не умѣютъ править и бросаютъ пушки, а солдаты и не думаютъ защищать ихъ.

9) Генералъ Бертранъ, назначенный комендантомъ Магдебурга, далъ слово, въ присутствіи фельдмаршаловъ и подъ присягою, защищать эту крѣпость до послѣдней возможности.

10) Бонапартъ уйдетъ изъ Дрездена, оставивъ защищать его Сенъ-Сира съ 15.000 войска, самъ же займетъ линію отъ Касселя до Франкфурта на Майнѣ.

Осмѣливаюсь покорнѣйше просить В. И. В. утвердить награду, испрашиваемую мною полиціймейстеру Брокеру и квартальному надзирателю. Они задержали, въ продолженіи трехъ дней, 40 мошенниковъ, изъ коихъ 24 уже сданы въ солдаты.

Глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

---

9. Moscou, du 5 Janvier 1814.

Sire!

Que peut-on désirer à V. M. I. pour cette année? Ce ne sont ni des lauriers, ni des bénédictions des peuples, ni l'admiration de l'Europe. Tout cela est devenu Votre proprieté. Il ne reste qu'à prier le Tout Puissant qu'il Vous accorde une santé inaltérable et un demi siècle au héros de tous les siècles à venir.

J'ai l'honneur de mettre aux pieds de V. M. I. le tableau de la ville de Moscou dans son état actuel. Cette ville a de l'âme, du corps et de la vie. Il y a à l'assemblée de la noblesse 450 personnes. Le club anglais compta plus de 400 membres. Le théatre Pozniakow où on joue pour les pauvres ne peut pas contenir tous ceux qui voudraient avoir des places. Les recettes passent chaque fois 1000 R. Au bal masqué on payait un rouble en argent blanc pour l'entrée. Il y a en 980 personnes. Cet argent est pour les invalides. La course des chevaux sur la glace est retablie; les boutiques sont occupées et encombrées de marchandises. Le manifeste du 6 Décembre, arrivé le dernier jour de l'année a été lue à la cathédrale et dans toutes les églises le premier de Janvier. Il a fait une grande sensation. La modestie est une des grandes qualités des grandes âmes. La ville a été illuminée, et devant mon hotel dans le transparent on lisait ces deux vers sous le chiffre de V. M. I.

Добродѣтель его законъ,
Передъ нимъ палъ I. Наполеонъ.

Ma santé se remet, mais demande encore des ménagements. Je chasse la maladie qui a été bien sérieuse. Dans une semaine je ferai passer au général Wiazmitinow pour être envoyé au quartier général les projets des places publiques, des boutiques et des vues du Kreml avec les nouveaux batiments.

De V. M. I.
le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 5 го января 1814 года.

Государь! Что можно пожелать В. Импер. Велич. въ наступившемъ году? Вамъ нельзя пожелать ни лавровъ, ни благодарности народной, ни поклоненія Европы; все это стало уже Вашимъ достояніемъ. Остается только молить Всевышняго о томъ, чтобы Онъ даровалъ несокрушимое здравіе и долголѣтіе герою грядущихъ вѣковъ.

Честь имѣю повергнуть къ стопамъ В. И. В. картину Москвы въ ея теперешнемъ состояніи. Въ этомъ городѣ есть душа, тѣло и жизнь. Въ дворянскомъ собраніи 460 членовъ, въ англійскомъ клубѣ ихъ болѣе 400. Театръ Познякова, гдѣ даются спектакли въ пользу бѣдныхъ, не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ получить мѣста. Сборъ превышаетъ каждый разъ 1.000 р. Въ маскарадѣ платили рубль серебромъ за входъ. Тамъ собралось 980 человѣкъ. Эти деньги идутъ въ пользу инвалидовъ. Бѣга по льду рѣки возобновились; лавки заняты и завалены товаромъ. Манифестъ 6-го декабря, полученный въ послѣдній день года, былъ прочитанъ во всѣхъ церквахъ 1-го января. Онъ произвелъ большое впечатлѣніе. Скромность одно изъ главныхъ качествъ великой души. Городъ былъ иллюминованъ, и передъ моимъ домомъ, въ транспарантѣ, подъ вензелемъ В. И. В. выдѣлялись слѣдующіе два стиха:

Добродѣтель его законъ,
Передъ нимъ палъ I. Наполеонъ.

Здоровье мое поправляется, но требуетъ еще осторожности. Я изгоняю болѣзнь, которая оказалась весьма серьезною. Черезъ недѣльку я пошлю генералу Вязьмитинову, для отсылки въ главную квартиру, проекты площадей, лавокъ и виды Кремля съ новыми постройками.

В. И. В. глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

---

10. Moscou, du 19 Janvier 1814.

Sire!

D'après le rapport que j'ai l'honneur de faire à V. M. I. elle daignera voir que Vandamme n'a pas fréquenté les premières maisons de Moscou.

Depuis son arrivée je ne l'ai vu qu'une fois pour jouir de l'impression que la bataille de Leipzig faisait sur lui. J'avais l'idée du caractère de ce vilain homme, mais n'ayant reçu aucun ordre particulier à son sujet, je ne pouvais le traiter de mon chef autrement qu'en général prisonnier, et j'ai pris sur moi de le faire accompagner par un officier de police. La manie des Français en Russie n'a pas cessé et leur position actuelle inspire encore plus d'intérêt pour eux à quelques nobles imbéciles qui leur payent le tribut de reconnaissance et de respect dû aux maîtres et aux instituteurs de leur enfance, et puisque l'année 1812 n'a pas pu les guérir de la folle passion pour cette maudite engeance, si Bonaparte ne cesse de vivre et de régner, il faudra s'occuper sérieusement à détruire ses enthousiastes, qui se trouvent en grand nombre dans toutes les classes, surtout parmi les étudiants.

La fille d'un marchand marié à un officier Докучаевъ a porté mon attention sur sa conduite avec ses gens qu'elle maltraitait et laissait manquer de tout. Les informations prises et appuyées des témoignages des prêtres, dont l'un est son confesseur ont été envoyés au general Wiazmitinow, auquel je demande une tutelle pour cette méchante créature, et pour l'empêcher de maltraiter ses pauvres gens, je l'ai fais mettre à la maison des fous, jusqu'à ce que je recoive des ordres relatives à sa personne.

Un escroc avec de faux certificats est venu sous pretexte de livrer du vin à Moscou, et a escamoté à Рюминъ, le directeur de la ferme d'ici, 100.000 R. est parti, et on est allé à sa poursuite. J'ai déjà découvert que mon procureur Желябовской est dans cette afffaire pour quelque chose, quoique ce monsieur passait pour un homme intègre, mais il faut croire que l'exemple de voler l'a séduit. Je peux Vous assurer que bientôt les honnêtes gens deviendront des phenixs. Il se passe rarement un mois que je n'expédieq uelque employé à la chambre criminelle. Il se trouve que l'argent est la félicité suprême pour la majeure partie du genre humain.

Le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 19-го января 1814 года.

Государь! Изъ донесеній, которыя я имѣю честь представить В. Импер. Вел., Вы соизволите усмотрѣть, что Вандамъ не бывалъ въ домахъ первыхъ сановниковъ Москвы. Со времени его пріѣзда, я видѣлъ его всего одинъ только разъ, и то изъ желанія полюбоваться впечатлѣніемъ, которое произвело на него сраженіе подъ Лейпцигомъ. Я имѣлъ понятіе о характерѣ этого скверная человѣка, но, не получивъ относительно его никакого особеннаго приказанія, я не могъ, по

своему произволу, относиться къ нему иначе, какъ къ плѣнному генералу и, уже на свой страхъ, приказалъ слѣдить за нимъ полицейскому офицеру. Манія къ французамъ не прошла въ Россіи, а ихъ настоящее положеніе внушаетъ къ нимъ еще болѣе участія со стороны иныхъ глупцовъ изъ дворянъ, которые платятъ имъ дань признательности и уваженія, должную ихъ учителямъ и воспитателямъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ; такъ какъ 1812 годъ не могъ излѣчить ихъ отъ нелѣпаго пристрастія къ этому проклятому отродью, то надобно будетъ серьезно приняться за уничтоженіе этихъ восторженныхъ поклонниковъ, а ихъ много во всѣхъ классахъ общества, въ особенности среди учащейся молодежи.

Дочь одного купца, вышедшая замужъ за офицера Докучаева, обратила на себя мое вниманіе своимъ обращеніемъ съ крѣпостными, съ которыми она обходилась очень дурно, лишая ихъ самаго необходимаго. Справки, наведенныя мною, подтверждены удостовѣреніемъ священниковъ, изъ коихъ одинъ ея духовникъ, и препровождены къ генералу Вязьмитинову, котораго я прошу назначить опеку надъ этой злою женщиною, а чтобы лишить ее возможности истязать ея бѣдныхъ людей, я распорядился помѣстить ее въ домъ умалишенныхъ до тѣхъ поръ, пока я не получу приказанія, какъ съ нею поступить.

Одинъ мошенникъ явился сюда съ подложными аттестатами, подъ предлогомъ, будто ему поручено доставить въ Москву вино, и выманивъ у Рюмина, здѣшняго главнаго откупщика, 100,000 р., скрылся; за нимъ послана погоня. Я уже открылъ, что мой прокуроръ Желябовскій замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; хотя этотъ господинъ и слылъ всегда честнымъ человѣкомъ, но надобно полагать, что примѣръ этого вора соблазнилъ его. Смѣю Васъ увѣрить, что честные люди будутъ скоро рѣдкостью. Рѣдкій мѣсяцъ я не предаю суду кого-нибудь изъ служащихъ. Оказывается, что большая часть человѣческаго рода видитъ въ деньгахъ величайшее благо.

Глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

11.

Moscou,
21 Février 1814.

Sire!

J'ai le bonheur de présenter à V. M. I. les projets pour les places publiques, les boutiques et les façades des batiments. Je suis sûr qu'avec la vente des matériaux le meilleur marché des acquisitions des maisons, et le produit des établissements de la commission pour les briques et le

bois, Vous dépenserez tout au plus 2.000.000 R. qui rentreront après dans la caisse des finances. J'aurai bien désiré que Votre sanction à ces projets fut apposée dans la ville même de Paris, et que le nouveau plan de Moscou sert d'un monument de plus à Votre gloire.

Malgré la joie des honnetes gens d'ici, il y a des craintes ridicules qui inquiétent. On a fait accroire que tout Paris est miné et doit sauter en l'air; une inquiétude d'un nouveau genre, et digne d'occuper un public bête et crédule, tourmente plusieurs de ses membres. C'est l'arrivée de Mr La Harpe au quartier général, annoncée dans les gazettes. On conclut da là qu'il doit être de nouveau question de donner la liberté aux paysans, et un certain Каразинъ à la langue philantrope et à l'âme juive dit en confidence qu'il y a déjà à Pétersbourg un comité chargé d'organiser cet affranchissement, et que le comte Kotshoubey en est le président. J'espère que V. M. I. ne voudra pas se fâcher contre la vieille commère Moscou. Elle est devenue encore plus ridicule et plus bête qu'elle n'a jamais été. Elle ne peut avoir une opinion suivie, car elle croit à tout, redit tout et a peur de tout.

Les trois voleurs des $\frac{100}{\text{m.}}$ R. escamotés au directeur des fermes Рюминъ sont trouvés, et mis en jugement. J'espère que la somme presqu'entière sera restituée. Il n'y manque que $\frac{30}{\text{m.}}$ R. employés à l'achat des marchandises qui sont confisquées.

Il sera possible que ma santé exigera un voyage en été aux eaux de Липецкъ, que les médecins me conseillent, et comme mes terres sont dans le voisinage, j'ose demander à V. M. I. la permission de m'absenter pour deux mois en été, après avoir réglé tout ce qui a rapport aux batiments. e pourrai être de retour à la fin de Juillet. Mes propres affaires sont un peu négligées, car occupé du bien être de mes paysans, je paye de mon argent toutes leur redevances, et mon froment a manqué entièrement l'été passé.

Le tout dévoué
comte Rostopsin.

Москва, 21-го февраля 1814 года.

Государь! Имѣю счастье представить В. И. В. проекты площадей, лавокъ и фасадовъ зданій. Я увѣренъ, что съ продажею матеріаловъ, съ наивыгоднѣйшею покупкою домовъ и при пользованіи заготовленіями, сдѣланными коммиссіею по заготовкѣ кирпича и дерева, Вамъ придется истратить самое большее 2.000.000 руб., которые возвратятся со временемъ въ казну. Я бы очень желалъ, чтобы эти проекты были Вами утверждены въ самомъ Парижѣ и чтобы новый планъ Москвы былъ однимъ изъ памятниковъ Вашей славы.

Несмотря на радость всѣхъ здѣшнихъ честныхъ людей, общество волнуютъ нѣкоторыя смѣшныя опасенія.

Распущенъ слухъ, будто подъ весь Парижъ подведены подкопы и что онъ долженъ взлетѣть на воздухъ; нѣкоторыхъ лицъ волнуетъ еще одна новая тревога, которая въ состояніи занимать только глупую, легковѣрную публику; это, возвѣщенный газетами, пріѣздъ Лагарпа въ главную квартиру. Изъ этого извѣстія заключаютъ, что вѣроятно вновь поднятъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; нѣкто Карамзинъ, на словахъ филантропъ, а въ душѣ еврей, говоритъ, подъ секретомъ, что въ Петербургѣ засѣдаетъ уже комитетъ, которому поручено выработать проектъ этого освобожденія и что въ немъ предсѣдательствуетъ графъ Кочубей [1]). Я надѣюсь, что В. И. В. не разсердитесь на старую кумушку Москву. Она стала еще смѣшнѣе и глупѣе, чѣмъ когда-либо. Она не можетъ имѣть твердаго убѣжденія, такъ какъ она всему вѣритъ, все повторяетъ и всего боится.

Три мошенника, похитившіе 100 тысячъ руб. у откупщика Рюмина, найдены и преданы суду. Я надѣюсь, что вся сумма будетъ возвращена ему. Недостаетъ только 30 тысячъ, употребленныхъ на покупку товаровъ, которые конфискованы.

Весьма вѣроятно, что здоровье мое потребуетъ лѣтомъ поѣздку на воды въ Липецкъ, куда посылаютъ меня доктора, и такъ какъ мои помѣстья находятся вблизи оттуда, то я осмѣливаюсь просить В. И. В. разрѣшить мнѣ лѣтомъ двухмѣсячный отпускъ, когда мною будутъ окончены всѣ дѣла, до построекъ относящіяся. Я могу возвратиться въ концѣ іюля. Мои собственныя дѣла нѣсколько разстроены, такъ какъ, заботясь о благосостояніи моихъ крестьянъ, я плачу за нихъ всѣ подати, а прошлое лѣто пшеница вовсе не уродилась у меня.

Глубоко преданный графъ Ростопчинъ.

12.

Moscou,
du 22 Juin 1814.

Sire!

Le général-adjutant de V. M. I. Wassiltshicow est arrivé à Moscou le 16 et la paix a été annoncée à la ville par 51 coups de canons Hier on a chanté le Te Deum à la cathédrale. L'evêque a prononcé un discours des plus touchants. Le Kreml était plein de monde. Les deux régiments formés ici ont été en parade. Après on a présenté à Mr Wassiltshicow, le maréchal de la noblesse une boite de 9 à $\frac{10}{m.}$ R. et le corps de marchands un plat doré avec une inscription, sur lequel il y avait 2.500 ducats.

---

[1]) Читая этотъ отзывъ графа Ростопчина о Карамзинѣ, можно только повторить слова П. И. Бартенева: „во имя всепрощающей исторіи да простится графу Ѳедору Васильевичу его злорѣчіе“. *Ред.*

Conformément aux ordres de V. M. I. qui m'ont été notifiés par le secrétaire d'état comte Nesselrode, le manifeste et le traité de paix avec la France traduit en russe ont été présenté au sénat de Moscou qui s'occupe de son impression et de la publication.

On ne peut pas se familiariser avec l'idée de Bonaparte vivant et régnant dans l'île d'Elbe. L'impression de ses succès passés est trop forte pour être déracinée, et elle est toujours soutenue par ses enthousiastes, c'est à dire les illuminés, les martinistes et les sectaires. Ceux-là communiquent leurs idées au bas peuple.

Par le papier ci-joint V. M. I. verra comme on la vole, et que sur les transports seuls dans une année, les grands et les petits coquins doivent partager des millions. Le maître de police Broker qui est ennemi du vol, m'a présenté hier la somme de $\frac{10}{m.}$ R. que les entrepreneurs des трактиръ ont osé lui offrir pour qu'il fermât les yeux sur la vente des liqueurs prohibées par les ordonnances. Cet article rapportait jadis aux chefs de la ville et à la police passé $\frac{100}{m.}$ R. par an. De ces $\frac{10}{m.}$ R. de Broker je ferai faire une galerie au boulevard, qui sera louée pour 1.000 R. par an, et ce revenu sera employé pour les établissements de charité.

Ma maladie m'a forcé de demander à V. M. I. encore au mois de Février une permission d'aller l'été pour deux mois aux eaux de Lipetzk, que les médecins m'avaient ordonné. Je n'ai pas eu le bonheur d'obtenir cette permission que ma santé délabrée exigeait. Et pour ne pas laisser échapper la belle saison, je pars après demain pour deux ou trois semaines aux eaux de Нащокинъ où je prendrai les bains sans sortir du gouvernement de Moscou.

Le tout dévoué
comte Théodore Rostopsin.

Москва, 22-го іюня 1814 года.

Государь! Генералъ-адъютантъ В-го И-го В-ва Васильчиковъ прибылъ въ Москву 16-го числа и о заключеніи мира было возвѣщено городу 51 пушечнымъ выстрѣломъ. Вчера въ соборѣ отслужено молебствіе. Епископъ произнесъ весьма прочувствованную рѣчь. Въ парадѣ участвовали два сформированные здѣсь полка. Послѣ парада, предводитель дворянства поднесъ г. Васильчикову табакерку, стоимостью отъ 9 до 10 тыс. рублей, а купечество поднесло вызолоченное блюдо съ надписью, на которомъ лежало 2.500 червонцевъ.

Согласно повелѣнію В. И. В., объявленному мнѣ статсъ-секретаремъ графомъ Нессельроде, манифестъ и мирный трактатъ, заключенный съ Франціей и переведенный на русскій языкъ, сообщенъ Москов-

скому Сенату, который занятъ въ настоящее время его отпечатаніемъ и опубликованіемъ.

Нельзя освоиться съ мыслью, что Бонапартъ живъ и царствуетъ на островѣ Эльбѣ. Впечатлѣніе его прошлыхъ успѣховъ слишкомъ сильно, чтобы быть искоренено, и оно постоянно поддерживается энтузіастами, т. е. иллюминатами, мартинистами и раскольниками. Послѣдніе внушаютъ свои мысли простому народу.

Изъ прилагаемой при семъ бумаги В. И. В. увидите, какъ Васъ обкрадываютъ; и что только по однимъ транспортамъ крупные и мелкіе мошенники могутъ положить въ карманы, въ одинъ годъ, милліоны. Оберъ-полиціймейстеръ Брокеръ, человѣкъ чуждый всякому мошенничеству, представилъ мнѣ вчера 10 тысячъ рублей, которые трактирщики осмѣлились предложить ему, съ тѣмъ, чтобы онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на продажу крѣпкихъ напитковъ, воспрещенную приказами. Эта статья доставляла прежде градоначальникамъ и полиціи 100 тыс. руб. въ годъ. На эти 10 тысячъ я устрою на бульварѣ крытую галлерею, которая будетъ приносить до 1.000 р. доходу, и доходъ употреблю въ пользу благотворительныхъ учрежденій.

Болѣзнь вынудила меня, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, просить у В. И. В. разрѣшенія воспользоваться лѣтомъ двухмѣсячнымъ отпускомъ, для поѣздки на воды въ Липецкъ, по предписанію врачей. Я не имѣлъ счастія получить этого отпуска, который былъ необходимъ для моего разстроеннаго здоровья, и чтобы не пропустить хорошаго времени года, я ѣду послѣ завтра на двѣ или на три недѣли на воды въ Нащокинъ, гдѣ я буду пользоваться ваннами, не выѣзжая изъ Московской губерніи.

Глубоко преданный графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

Императоръ Александръ—графу Ростопчину.

Парижъ, 18-го мая 1814 года.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ! Упорная брань, два года продолжавшаяся и покрывшая безсмертною славою отечество наше, благодареніе Всевышнему! прекратилась нынѣ, и миръ, давно желанный, на прочномъ основаніи для пользы и спокойствія Европы установленный, пресѣкъ кровопролитіе.

Подробности мира усмотрите вы изъ трактата, здѣсь включаемаго. Я поспѣшаю извѣстить васъ о семъ, для объявленія любезнымъ жителямъ древней столицы нашей, столь много соучаствовавшимъ въ минувшую войну всѣмъ подвигамъ, для защиты Россіи предпринятымъ.

Пребываю Вамъ благосклонный «Александръ».

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

КЪ ЛИТЕРАТУРѢ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ЗАКЛИНАНІЙ.

Вопросъ о западничествѣ въ народномъ русскомъ міросозерцаніи. — Князь Синеусъ, впервые являющійся въ народной словесности. — Царь Осинила. — Сини, сынъ Бабы-Яги. — Сине-море и островъ Буянъ. — Заклинанія честолюбца. — Заклинанія супружеской вѣрности. — Текстъ новооткрытыхъ замѣчательныхъ заклинаній XVII вѣка.

I.

Обыкновенно полагаютъ, что обращеніе Петра Великаго къ Западной Европѣ—его реформы въ Россіи по западнымъ образцамъ—встрѣчены были въ Россіи общимъ недовольствомъ и протестомъ какъ общества, такъ и народа русскаго, что послѣдній, хотя пассивно и подчинился, болѣе или менѣе, грозной волѣ Преобразователя, тѣмъ не менѣе, въ душѣ оставался преданнымъ исключительно исконной русской самобытности и крѣпко держался за старинные устои русской жизни. На необычайный успѣхъ проповѣди Талицкаго, Выморкова, Левина и многихъ другихъ подобныхъ, провозглашавшихъ Петра I, за его западничество, антихристомъ, указываютъ обыкновенно, какъ на типическое выраженіе такого настроенія общества и народа въ Россіи, въ началѣ XVIII столѣтія. Вообще наличное изученіе русской народной культуры, насколько оно существуетъ въ нашей исторической литературѣ (а существуетъ оно у насъ пока въ весьма незначительной степени,—собрана лишь масса, громадная, правда, сыраго матеріала для такого изученія), представляетъ много доказательствъ враждебнаго со стороны народа отношенія къ западной культурѣ въ эпоху Петра Великаго, какъ и за предшествовавшее ему время, и, сколько намъ извѣстно, вовсе не даетъ указаній относительно признаковъ сочувственнаго, въ какой бы то ни было степени, со стороны народа, взгляда на культур-

ное сближеніе народа съ Западомъ, предпринятое и до извѣстной степени осуществленное Петромъ I.

Намъ кажется, однако, что факты послѣдняго рода найдутся, и въ немаломъ количествѣ, въ массѣ наличнаго историческаго матеріала, собраннаго уже учеными историками и обнародованнаго. Мысль покойнаго Щапова, сочиненія котораго доселѣ представляютъ почти единственную въ нашей литературѣ попытку ученаго синтеза фактическаго матеріала по исторіи русской народной культуры, объ исключительномъ господствѣ въ древне-русской народной жизни и міросозерцаніи началъ византійскихъ, которыя этотъ ученый почему-то отождествляетъ съ «схоластикою» (ошибочность такого отождествленія доказана уже отчасти въ извѣстномъ сочиненіи В. С. Иконникова о византійскомъ вліяніи на древнюю Русь, а позднѣйшими изслѣдователями подтверждается все больше и больше), требуетъ значительнаго ограниченія. Даже сочиненія самого Щапова — «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа» (Спб., 1870 г.) и другія представляютъ не мало фактовъ, которые даютъ основаніе думать, что не одна Византія вліяла на народную культуру древней Руси, а также и Западъ, съ которымъ, съ самыхъ раннихъ поръ, начиная съ призванія варяжскихъ князей «володѣть и княжить нами», древняя Русь имѣла вовсе нерѣдкія сношенія, болѣе или менѣе воздѣйствовалъ на народную русскую жизнь и міросозерцаніе, обнаруживая иногда это воздѣйствіе въ такихъ экстраординарныхъ явленіяхъ, какъ раціоналистическія и протестантскія ереси (ереси стригольниковъ, жидовствующихъ и т. д.),—что это воздѣйствіе сказывалось не только въ верхнихъ слояхъ—въ правительствѣ и въ обществѣ, но проникло и въ народныя массы.

Вообще намъ кажется, что если судить даже по однимъ фактамъ народной жизни, содержащимся въ памятникахъ юридическаго и общественнаго быта народа, вопросъ объ исторіи западничества въ русскомъ простомъ народѣ доселѣ, впрочемъ, сколько намъ извѣстно никѣмъ еще не поставленный, имѣетъ полный смыслъ.

Главный источникъ для культурной исторіи собственно народа содержится, конечно, въ произведеніяхъ его духовнаго творчества, каковы: сказки, былины, пѣсни, легенды, духовные стихи и т. д. Доселѣ продолжается еще лишь собираніе этихъ памятниковъ и ихъ детальное изслѣдованіе; что касается синтетическихъ обобщеній въ этой области, которыя дали бы возможность сдѣлать какіе-либо общіе выводы относительно существеннаго характера древне-русскаго народнаго міросозерцанія, то это дѣло, къ сожалѣнію, пока находится, можно сказать, въ примитивномъ состояніи. Господствующею остается пока доселѣ давнишняя, исконная точка зрѣнія, по которой народная словесность наша во всемъ ея объемѣ представляется плодомъ самобытнаго духовнаго творчества

русскаго народа и выразителемъ самобытныхъ началъ русскаго народнаго самосознанія въ его отрѣшенной отъ западно-европейскихъ и вообще инородныхъ вліяній самостоятельной дѣятельности. Хотя историко-сравнительный методъ изученія произведеній народной словесности широко началъ у насъ примѣнять еще Ѳ. И. Буслаевъ, но О. Ѳ. Миллеръ, въ своихъ сочиненіяхъ: «Илья Муромецъ и богатырство кіевское» и «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности», не пошелъ далѣе по этому пути, и знамя самобытности въ русскомъ народномъ словесномъ творчествѣ крѣпко держится въ его изслѣдованіяхъ, такъ что статья Вл. Вас. Стасова «о происхожденіи русскихъ былинъ» изъ тюркскихъ и другихъ восточныхъ источниковъ долго казалась парадоксомъ и не въ мѣру смѣлымъ новаторствомъ. Но затѣмъ, благодаря замѣчательнымъ изслѣдованіямъ памятниковъ русской словесности по историко-сравнительному методу, академика А. Н. Веселовскаго, отличнаго знатока иностранныхъ западныхъ народныхъ литературъ, а также московскаго ученаго г. Всеволода Миллера (разумѣемъ его «экскурсы въ область народнаго эпоса», печатавшіеся въ «Русской Мысли» и недавно изданные отдѣльною книгою) и другихъ ученыхъ—И. Н. Жданова, Ѳ. Батюшкова и т. д., чѣмъ дальше, тѣмъ больше сокращается—въ наличныхъ итогахъ собранныхъ произведеній народной русской словесности—количество продуктовъ самобытнаго народнаго русскаго творчества. Одна часть этого количества оказывается непосредственнымъ наслѣдіемъ отдаленной эпохи первоначальныхъ арійцевъ, другая находится въ генетическомъ соотношеніи съ умственнымъ достояніемъ то Византіи, то народовъ финскихъ или тюркскихъ; третья—представляетъ много параллелизма и даже тождества съ произведеніями народной словесности современныхъ западныхъ народовъ, не только славянскихъ, но также германскихъ, и даже романскихъ. Вся же громадная область народной русской словесности представляется какъ итогъ продуктовъ духовной жизни русскаго народа, насколько она совершалась болѣе или менѣе внѣ непосредственнаго воздѣйствія на нашъ народъ христіанства, вліяніе котораго сказалось въ нашей словесности лишь въ духовныхъ стихахъ и легендахъ,—при чемъ обнаруживается, что чѣмъ древнѣе произведеніе русской народной словесности, тѣмъ меньше въ немъ слѣдовъ воздѣйствія христіанства, такъ что даже въ духовныхъ стихахъ и легендахъ не только христіанскія имена, но и факты христіанской церковной исторіи искажаются до неузнаваемости, и весьма нерѣдко подъ христіанскія фабулы подкладывается содержаніе чисто языческое (напр., въ стихахъ космогоническихъ), хотя съ другой стороны нельзя не замѣтить, что даже въ былинахъ встрѣчаются иногда черты глубоко-христіанскія, какъ, напримѣръ, извѣстный совѣтъ, который даетъ матерой

казакъ Иванъ Тимоѳеевичъ Ильѣ Муромцу, отправляя его на подвиги богатырскіе:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина...

Но есть одинъ видъ произведеній устной народной словесности нашей, который представляетъ доселѣ несомнѣнные признаки полной духовной русской народной самобытности. Это—народныя заклинанія. Этотъ родъ словесныхъ произведеній представляется доселѣ какъ вышедшій изъ самаго, такъ сказать, нутра русскаго народнаго духа и носитъ на себѣ, поэтому, всѣ признаки безусловной самобытности. Нельзя не пожалѣть, что этотъ родъ произведеній русской народной словесности доселѣ вовсе не былъ предметомъ научнаго обслѣдованія и какихъ бы то ни было синтетическихъ построеній; въ наличной ученой литературѣ пока имѣется лишь одинъ простой, большой сборникъ народныхъ заклинаній (Л. Н. Майкова: «Великорусскія заклинанія» во II томѣ записокъ отдѣленія этнографіи Императорскаго географическаго общества), имѣющій притомъ одинъ весьма существенный недостатокъ (не по винѣ, конечно, издателя, а по отсутствію данныхъ въ самыхъ источникахъ)—отсутствіе указаній, при каждомъ изъ заклинаній, времени его происхожденія, такъ что заклинанія, по сборнику, представляются какъ бы продуктами современной народной жизни, обращающимися въ народѣ лишь въ настоящее время, почему по названному сборнику нельзя составить себѣ понятія ни о постепенномъ ходѣ историческаго развитія народнаго творчества въ этомъ родѣ, ни о томъ, насколько этотъ сборникъ заклинаній можетъ служить матеріаломъ для исторіи развитія русскаго народнаго міросозерцанія и входящихъ въ составъ его элементовъ. Будущему историку русской культуры предстоитъ въ этомъ отношеніи повторительная работа по первоисточникамъ, которые Л. Н. Майковымъ всѣ указаны самымъ тщательнымъ образомъ при каждомъ заклинаніи...

Если это дѣйствительно такъ, т. е. если народныя заклинанія составляютъ наиболѣе самобытный видъ народнаго словеснаго творчества, то, конечно, они имѣютъ и наибольшую цѣнность, какъ матеріалъ для характеристики русскаго народнаго міровоззрѣнія въ его историческомъ развитіи.

Съ этой точки зрѣнія нижеслѣдующія заклинанія, найденныя нами въ одномъ судномъ дѣлѣ 1728 года, имѣющія дату 1721 г., и кромѣ того, указаніе на то, что въ этомъ году они списаны съ другаго, болѣе древняго стиха, слѣдовательно, могутъ быть отнесены къ концу XVII вѣка, а можетъ быть и болѣе раннему времени, представляются намъ заслуживающими особаго вниманія. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ пяти заклинаніяхъ, найденныхъ нами въ другомъ подобномъ же судномъ дѣлѣ того

же 1728 года (напечатанныхъ въ «Пантеонѣ русской литературы», изд. А. Н. Чудиновымъ, сентябрь 1888 г.). Въ нихъ мы находимъ характеристику народныхъ русскихъ взглядовъ на то значеніе, какое имѣли и, по народному понятію, должны имѣть для народной русской жизни Западная Европа съ ея культурой. Въ высшей степени замѣчательнымъ представляется намъ въ одномъ изъ нижеслѣдующихъ заклинаній молитвенное обращеніе заклинателя къ «царю Осинилѣ», который представляется здѣсь чисто миѳическимъ существомъ, въ родѣ «морскаго царя», въ былинѣ «о Садкѣ-купцѣ, богатомъ гостѣ». Въ этомъ имени—Осинило невольно слышится отголосокъ имени стараго Синеуса, призваннаго, вмѣстѣ съ братьями, володѣть и княжить славянами изъ-за синя моря—съ запада. Въ немъ, царѣ Осинилѣ, народная фантазія, очевидно, олицетворяетъ и обоготворяетъ (царю Осинилѣ заклинатель молится) западную культуру и западно-европейское вліяніе на русское народное міросозерцаніе, равно какъ на бытъ народный и нравы, начавшееся съ прибытіемъ къ намъ варяговъ,—вліяніе, представляющееся народу демоническимъ и непостижимо-всемогущимъ, обладающимъ силою и правоспособностію нарушать и изнѣнять, по желанію и молитвѣ заклинателя, установившіеся въ русской жизни правила и порядки, и чудодѣйственнымъ образомъ удовлетворять безпрепятственно грѣховнымъ и даже преступнымъ, съ обычной точки зрѣнія, желаніямъ заклинателя. Въ упомянутомъ заклинаніи человѣкъ молится царю Осинилѣ, чтобы онъ «осмирилъ и сократилъ» его врага, такъ чтобы тотъ «сталъ слѣпъ и глупъ, какъ мокрое теля», чтобы «связались его ноги и челюсти», такъ чтобы онъ не могъ ни кому-либо жаловаться, ни говорить что-либо про заклинателя. Въ другомъ изъ нижеслѣдующихъ заклинаній дѣйствующими лицами являются три сына бабы-Яги, изъ которыхъ одинъ носитъ также имя Сини (очевидно отъ глагола «синить»). Въ этомъ Сини, намъ кажется, можно видѣть также намекъ на того же Синеуса-Осинилу, какъ въ тройственномъ числѣ сыновей бабы-Яги—указаніе на трехъ варяжскихъ князей, призванныхъ володѣть и княжить на Руси. Этотъ сынъ бабы Яги, Сини, обладаетъ, вмѣстѣ съ двумя другими братьями, силою, по молитвѣ заклинателя, «схватить супостата-властеля щучьими зубами, спутать китовыми жилами, по нутру и по сердцу, по устамъ и по рукамъ», такъ что ему ни пикнуть, ни зѣвнуть, ни рукою дернуть.

Эти два миѳическихъ образа—царя Осинила и сына-Сини, сколько намъ извѣстно, являются въ настоящихъ заклинаніяхъ впервые въ нашей народной словесности и, такимъ образомъ, мы здѣсь получаемъ новыя два миѳическія существа по русской народной демонологіи и, кромѣ того, замѣчательную черту народнаго міровоззрѣнія—взглядъ народа на характеръ и свойство западной культуры, которая представляется ему,

въ противоположность культурѣ христіанско-византійской, непреодолимо-могущественно дѣйствующею демоническою силою, помогающею человѣку въ такихъ лишь его стремленіяхъ, которыя самъ онъ съ нескрываемымъ цинизмомъ признаетъ грѣховными и дурными съ точки зрѣнія исповѣдуемой имъ внѣшнимъ образомъ морали религіозной.

Если Осинила и Сини представляются въ заклинаніи силами, вредно дѣйствующими, лишающими людей ихъ естественныхъ способностей, убивающими, мертвящими ихъ физическія и духовныя силы, то въ другихъ нижеприводимыхъ заклинаніяхъ вліяніе Запада, изъ-за синя моря, представляется нѣсколько съ другими чертами. Всѣ исканія и домогательства такъ называемой свободной любви происходятъ, по заклинаніямъ, непремѣнно на синемъ морѣ-океанѣ, на островѣ на Буянѣ: «тутъ-то ходилъ, тутъ-то гулялъ, тутъ-то буялъ рабъ Божій, имярекъ», заклиная, чтобы «какъ на церкви Божіей крестъ повершенъ и весь міръ крещеный, народъ Божій, предъ нимъ преклоняется, такъ бы и раба Божія, имярека, къ нему рабу Божію, имяреку, преклонилась всѣмъ сердцемъ, всѣмъ животомъ своимъ, всею душою и тѣломъ своимъ, по всякъ день, по всякъ часъ, и во дне и въ полудне, въ нощи и въ полунощи». Не трудно понять, почему всѣ эти исканія свободной любви переносятся къ синю морю-океану, на островъ Буянъ. Въ то время, какъ на западѣ общественные нравы свободно слагались по идеямъ Аріосто, Боккачіо, Петрарки и др., въ древней Руси господствовали пуританскіе законы Домостроя, и затворничество женщинъ въ теремахъ было ихъ неизбѣжнымъ удѣломъ. Изъ обращавшихся между русскими грамотниками передѣлокъ западныхъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей, въ родѣ Бовы королевича и Еруслана Лазаревича, отъ пріѣзжихъ въ Россіи иноземцевъ, изъ сношеній русскихъ людей съ заморскими странами, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше учащавшихся, русскій народъ не могъ не знать объ особенностяхъ заморскихъ семейныхъ нравовъ, о временахъ рыцарства: отсюда столь частыя, въ любовныхъ особенно заклинаніяхъ, обращенія къ синему морю, къ острову Буяну, которые—море-окіянъ и островъ Буянъ—находятся, какъ сказано въ одномъ изъ заклинаній (Записки отд. этнографіи, т. II, стр. 455), «не на востокѣ» отъ Россіи, не «на восточной сторонѣ», гдѣ живутъ татары и гдѣ господствуетъ женское затворничество, а на западѣ, гдѣ слагались рыцарскія отношенія между лицами двухъ половъ. Тамъ, на синемъ морѣ-окіянѣ, на островѣ Буянѣ, свободно происходятъ тѣ любовныя похожденія, которыя невозможны въ странѣ господства Домостроя. «Тутъ-то ходилъ, тутъ-то гулялъ, тутъ-то буялъ, тутъ-то искалъ рабъ Божій имярекъ». Въ заклинаніяхъ, относящихся къ этому циклу, сине-море олицетворяется. На спросъ раба Божія, пришедшаго сюда гулять и буять, сине-море съ притворною скромностію отвѣчаетъ: «о рабъ Божій, имярекъ,

и ты, раба Божія, имярекъ! Гдѣ тутъ быти, гдѣ гуляти, гдѣ буяти? Тутъ, рабъ Божій, и черный воронъ костей не занесетъ!» Но рабъ Божій, имярекъ, такимъ отвѣтомъ не смущается и настойчиво заклинаетъ, чтобы силою невѣдомою, дѣйствующею на синѣ-морѣ-окіянѣ и на островѣ Буянѣ, его душечка къ нему преклонилась всѣмъ сердцемъ, душою и тѣломъ, всею правдою, во всякъ день и во всякъ часъ, во дни и въ нощи. Заговаривая любимую женщину, рабъ Божій, имя рекъ, при этомъ «замыкаетъ въ ея бѣломъ тѣлѣ душу и ретиво сердце тридесятью замками нѣмецкими», и ключи отъ нихъ относитъ въ сине-море, гдѣ кладетъ ихъ подъ бѣлъ-бѣлугъ камень, приговаривая при этомъ, чтобы тамъ, на синемъ морѣ, колдунамъ и вѣдунамъ не бывать, и сине-море не пересушать».

Отсюда же понятно и то, почему этотъ таинственный островъ свободной любви, гдѣ совершаются всѣ недозволенныя церковною моралью любовныя похожденія, носитъ названіе Буянъ. И въ современномъ намъ языкѣ слово буянъ означаетъ смѣлаго дерзостнаго нарушителя установленнаго порядка жизни. Въ древнемъ же языкѣ буять (сличи «страсть обуяла», «обуяла похоть» и т. п.) слово это значитъ похотствовать грѣховно. Очевидно, въ этомъ смыслѣ и островъ безпрепятственныхъ любовныхъ похожденій получилъ свое названіе Буяна.

Наиболѣе сильныя и энергическія заклинанія изъ нижеслѣдующихъ, найденныхъ мною, именно любовныя. Здѣсь заклинатель доходитъ до чисто Фаустовскаго демонизма: «не благословясь и не перекрестясь»— о чемъ нарочито заявляется въ началѣ заклинанія,—онъ идетъ молиться самому чорту, сидящему подъ толстыми оболоками въ глубокомъ омутѣ, о томъ, чтобы ему даны были въ желаемой мѣрѣ физическія силы для одолѣнія любимой женщины. Это «не молясь и не перекрестясь» только въ любовныхъ заклинаніяхъ и встрѣчается. Въ остальныхъ заклинаніяхъ (напр. честолюбца или мужа, просящаго о ненарушимости любви супружеской, и пр.) русскій человѣкъ остается вѣренъ самому себѣ, или лучше сказать, своему исконному двоевѣрію: выходитъ въ чисто поле не иначе, какъ «благословясь и перекрестясь», хотя идетъ не за чѣмъ инымъ, какъ волхвовать, колдовать, т. е. завѣдомо нарушать заповѣдь своей вѣры.

Не менѣе любопытны изъ ниже приведенныхъ заклинаній только-что упомянутыя заклинанія честолюбца. «Какъ «красное солнце и свѣтлый мѣсяцъ, бѣлая заря и свѣтлая луна и частыя звѣзды» преклоняются къ Ерусалиму-граду и гробу Господню, какъ радуются и преклоняются, когда посадятъ царя на царство, князья и бояре и всѣ православные христіане и престольныя власти: такъ бы преклонились всѣ предъ рабомъ Божіимъ имярекъ по мое слово и по мой договоръ». «Какъ поклоняются Спасову образу и пречистой Богородицѣ, всѣмъ

царямъ православнымъ, князьямъ и боярамъ власти, архіепископы и епископы, священническіе чины и иноческіе, и всѣ православные христіане: такъ бы поклонялися мнѣ, имярекy, вси князи и бояри и власти, архіепископы и епископы... и всѣ православные христіане. Какъ дрожатъ и боятся зайцы страшнаго грома, такъ бы страшились и боялись меня, раба Божія, имярека, всякихъ чиновъ люди. Какъ у умершаго человѣка рѣчи нѣтъ, такъ бы рѣчи не было ни у какого человѣка супротивъ меня, раба Божія, имярека, всегда и присно, аминь».

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ заклинаніе супружеское, дышащее прекраснымъ чистымъ чувствомъ. Это—настоящая идиллія-элегія. Не къ чорту и не къ колдуну, а къ пресвятой Богородицѣ обращается здѣсь со своею мольбою заклинатель: «Пресвятая Богородица! Матерь Божія! Знаменовала ты Господа нашего, истиннаго Христа, знаменуй ты и насъ, рабовъ Твоихъ, имярекъ, такожде и какъ мы, рабы Божіи, въ любви и совѣтѣ сходились, и подъ вѣнцомъ стояли у Христа и законъ Божій принимали, и одну чашу перепивали: и намъ, рабамъ Божіимъ, жити въ любви и совѣтѣ, отнынѣ и до вѣка, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». Проговорить трижды на соли.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія въ одномъ изъ нижеслѣдующихъ заклинаній подробное изложеніе самой процедуры волхвованія бабы-Яги, означающее здѣсь, очевидно, обыкновенную ворожею или колдунью, хотя представленную и съ миѳическими чертами. Эта процедура въ рукописи заклинанія обозначена особыми знаками, называемыми въ заклинаніи метами; эти «меты» составлены изъ соединенія въ неравномъ числѣ (отъ двухъ до девяти) буквъ Г, г, а, и знака □ (маленькаго квадрата), напр. Г Г Г а, г г г г □ и т. д. и означаютъ, повидимому, какія-то манипуляціи волхвователя; послѣ каждаго знака-манипуляціи слѣдуетъ основанное на немъ предсказаніе. Это изображеніе процедуры волхвованій, сколько намъ извѣстно, встрѣчается здѣсь впервые въ нашей, доселѣ извѣстной литературѣ заклинаній.

Любопытны, наконецъ, въ историко-бытовомъ отношеніи обстоятельства, благодаря которымъ сохранились до нашего времени эти заклинанія, принадлежащія, какъ сказано, по меньшей мѣрѣ, второй половинѣ XVII вѣка. Списокъ ихъ былъ найденъ у одного священника вологодской епархіи, во время судопроизводства надъ нимъ по случаю неправильнаго повѣнчанія имъ двухъ двоюродныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ (сыновей священниковъ на дочеряхъ священника же!) и двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ (изъ крестьянъ). Виновный объяснилъ, что онъ списалъ эти заклинанія для своего зятя-священника съ другой рукописи, обращавшейся издавна въ народѣ. Какъ глубоко проникало, значитъ, суевѣріе волхвованій въ

жизнь народа, если оно нашло себѣ адептовъ даже въ клерикальномъ мірѣ, между самыми священниками!

Заказчикъ (благочинный) донесъ о неправильныхъ бракахъ архіерею, архіерей счелъ нужнымъ донести о нихъ синоду, при чемъ доставилъ въ оный и «письмишки», найденныя у виновнаго, т. е. списокъ заклинаній. Св. синодъ, естественно, отнесся со всею строгостію къ столь необычайному преступленію, какъ занятіе волхвованіемъ и заклинаніями со стороны священника. Прежде разбирательства дѣла въ синодѣ, архіерей счелъ себя обязаннымъ сослать виновнаго въ монастырь, гдѣ велѣлъ его сковать и отдать подъ особый караулъ. Св. синодъ, съ своей стороны находя, что «то дѣло важное и времени долгопродолжительнаго терпѣть не можетъ», опредѣлилъ: «мѣстному архіерею произвесть совершенное слѣдованіе съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, и если окажется, что тѣ «письмишки» (списки заклинаній) подлинно руки его, попа, или, что безъ розыска, того, чьей они руки, дознать не можно будетъ, онаго попа, яко человѣка подозрительнаго, для розыска, обнажа священства, отослать къ градскому суду въ вологодскую провинціальную канцелярію». Было ли доказано, что тѣ письмишки руки того попа и что затѣмъ сталось, изъ имѣющагося о всемъ этомъ дѣла не видно.

Приводимъ далѣе самый текстъ заклинаній, писанный въ дѣлѣ рукою копіиста, къ сожалѣнію, очень неисправно, со многими очевидными ошибками.

II.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану азъ, рабъ Божій имярекъ, благословяся, облакаюся въ облакъ [1]) свѣтъ и попояшуся свѣтлою зарею, обтычюся частыми звѣздами, украшаю себя отъ какова (макова?) цвѣту; дай же мнѣ, Господи, красоту свѣтлаго солнца, зрѣніе отъ облака-свѣта, очи отъ быстры рѣки; дай же мнѣ, Господи, силу отъ сильныхъ то (тучъ?) грозу, отъ грозныя тучи страхъ, отъ страшнаго грома храбрость, отъ буйнаго вѣтра быстрость. Какъ поклоняются Спасову образу и пречистой Богородицѣ, всѣмъ царемъ православнымъ, княземъ и бояромъ власти—архіепископы и епископы, архимандриты, игумены, священническіе чины и иноческіе, и всѣ православные: тако бы поклонялися мнѣ, рабу Божію имярекъ, всѣ князи и бояра, власти, архіепи-

[1]) Любопытно сопоставленіе двухъ словъ „облакаюся въ облакъ“, — не „облекаюся“, а „облакаюся“, какъ будто слово „облекаться“ происходитъ отъ „облако“.

скопы, епископы, архимандриты и игумены, священническаго чину и иноческаго, и всѣ православные христіане. Какъ дрожатъ и страшатся-боятся зайцы страшнаго гро (грома), такъ бы боялися и страшилися отъ мене, раба Божія имярекъ, всякихъ чиновъ люди. Какъ умершаго человѣка рѣчи нѣтъ, такъ бы рѣчи не было ни у какова человѣка супротивъ раба Божія имярекъ, всегда и нынѣ, аминь. Говорить трижды на ширинку, да плюнуть, да утеретися ширинкой, идти предъ власти, въ чисто поле. Есть же въ чистомъ полѣ Торховъ кустъ и въ томъ кустѣ сидитъ яга-баба на золотѣ стулѣ и прядетъ шелковъ ку (кустъ). И молюся язъ р. х. и. (рабъ христовъ имярекъ?); государыня баба-яга говоритъ: что же ты мнѣ молишь, о чемъ бьешь челомъ. И язъ р (реку?) свой имярекъ. Государыня баба-яга, послужи же ты мнѣ, привяжи килу тому рабу своему имярекъ. И она говоритъ: недосугъ мнѣ. Есть-де у меня трое свенъ (сыновъ?): сынъ Вези [1]), сынъ Пузи, сынъ Сини. «Сынъ Вези [2]), вяжи килу у раба своего имярекъ; сынъ Сини, сини килу; сынъ Пузи [3]), пузи килу малу и велику, яловишной пузырь». И выходятъ изъ-подъ бѣла камня и изъ сыроматерые земли-матки три брата, ягобабины три сына: сынъ-Вези [4]), сынъ-Пузи, сынъ-Сини. «Господи Боже благослови! Отче свѣтъ Государь, истинный Христосъ, небесный царь! Схвати жъ, Господи, моего супостата властеля щучьими зубами, спутай его китовыми жилами, по нутри и по сердцу, и по устамъ и по рукамъ его, чтобы ему ни пикнуть, ни зѣвнуть, ни рукою дернуть, ни слова молвити на меня, раба Божія имярекъ; поставь же меня, Господи, яко же лютаго звѣря льва, ибо (?) соизмышленіе польскихъ казаковъ *гга* [5])—глава весела, и путь радостенъ и корыстенъ, рука твоя полна; мета сія добра, *ггга*, дума твоя добра, пускай сбудется скоро, *гггга*, корысть будетъ и пропажа съищется вскорѣ, послѣ радость и корысть, *ггггга*, корыстно и радостно вельми у тебя будетъ, не тужи, *гггггггга* радость и корысть кажетъ, и путь чистъ вельми и здоровъ, *гг*□ кажетъ кручину и убытокъ, являетъ не вскорѣ, не добра мета сія, *ггг*□ являетъ кручину-убытокъ, та кручина сойдетъ вскорѣ, *гггга* кручина не вскорѣ, убытка не будетъ, но бойся, *гггг*□ дума

---

[1]) [2]) [3]) Судя по слѣдующей фразѣ, это слово, кажется, слѣдуетъ читать „вяжи“.

[4]) Пузи—отъ слова пузо, брюхо.

[5]) Отсюда, очевидно, начинается рядъ предсказаній колдуньи бабы-яги основываемыхъ на какихъ-то знакахъ, можетъ быть, манипуляціяхъ гадальщицы, называемыхъ здѣсь метами („мета сія добра“ и т. п.) и обозначаемыхъ въ рукописяхъ знаками *г* и *Г*, соединяемыхъ отъ трехъ до девяти, съ присоединеніемъ къ каждой группѣ знаковъ еще *а* или □ (малый квадратъ). За каждой такой метой слѣдуетъ предсказаніе, имѣющее весь характеръ обычныхъ и въ настоящее время шарлатанскихъ предсказаній: дума твоя хороша, она сбудется (или: не сбудется), скоро (или: не скоро) и т. д.

выйдетъ, а не на скорѣ, убытка не будетъ, *гггггг*□ кручину являетъ и убытокъ, плоха мета сія; *гггггггг*□ кручину являетъ не на скорѣ, что думалъ, то у тебя и будетъ не вскорѣ; *ггг* дума кажетъ, человѣче, и сбудется не вскорѣ; *гггг* дума кажетъ и сбудется на скорѣ, что задумалъ, добра сія; *ггггг* дума кажетъ добра, только медленна, не вскорѣ; *ГГГГГ* дѣло кажетъ противно, а здраво; *гггггг* являетъ, человѣче, корысть на пути и въ дорогѣ, вездѣ добра вельми; *ггггггг* корысть будетъ не вскорѣ, дѣло сіе сбудется; *ГГГГГГГГГ* дѣло сіе добро и корыстно вельми въ пути и въ дорогѣ. Что замѣтилъ, все сбудется, добра мета сія, аминь добра. Господи помилуй. Тебѣ Господи.

Лѣта семьсотъ двадесять перваго, мѣсяца іюля въ третій день Вологодскаго уѣзду трое.

III.

1) «Анна Мана голъ плашелковъ (платъ шелковъ?) повичь (?) до саду иду Васил (?) Олѣя мг [1]). Поклонюсь и помолюсь царю Осинилѣ: сократи и сосмири его кобеля боярскова и крестьянскова и монастырскова, чернаго и бѣлаго, пестраго и желтаго, что есть на роду родился слѣпъ, и сталъ бы глупъ, какъ мокрое теля, смирняе мокрово теляти, кротчае мокрово же теляти; сколь плотно, сколь жестко колъ еловой въ сырую землю воткненой и вицами еловыми завязаной тамо, плотнѣе и того жесточае въ оное дѣля связались (бы?) рѣзвые ноги и челюсти, и въ челюсти языкъ связался (бы?), и лаю бъ не слыхать на меня, имярекъ, во вѣки вѣковъ. Сколь плотно и сколь жестоко у сей деревни подвижному бревну вверхъ не встать, и того плотняе и того жесточае связались (бы?) рѣзвые ноги и челюсти, и въ челюстяхъ языкъ связался (бъ?) и лая не слыхать на меня имярекъ».

2) «Падшая сила, сатанины угодники, сатанины послуживцы! Какъ вы служите своему царю сатанѣ вѣрою и правдою, такожде и мнѣ, имярекъ, послужите вѣрою и правдою. Какъ мертвые въ землѣ и подъ землею спятъ заглушены и задушены, очми не видятъ и ушми не слышатъ, также и вы заглушите и задушите всему дому, хозяина и хозяйку и дѣтей его, малыхъ младенцевъ, и гостей приходящихъ, и умахивайте ихъ куньими хвостами, и укачивайте, какъ мати качаетъ дѣтей въ колыбели». Это заклинаніе, очевидно, произносится воромъ, предъ входомъ въ домъ, который онъ намѣревается обокрасть.

[1]) Эту фразу, полная непонятность которой зависитъ, можетъ быть, отъ искаженія ея писцомъ-копіистомъ, мы затрудняемся объяснить.

3) «Стану я, имярекъ, не благословясь и не перекрестясь, изъ избы пойду не дверьми, съ двора въ вороты, умыюся ни водою, ни росою, утрусь ни твальни (ни тканьемъ?), ни пряденымъ, утрусь кобыльимъ хвостомъ, выду въ чистое поле, въ туманную сторону, подъ толстые оболока. Есть въ туманной сторонѣ подъ толстыми оболоками глубокъ омутъ, въ томъ глубокомъ омутѣ вялъ мужъ чортъ, у вяла мужа чорта вяли руки, вяли ноги, вяло тѣло, вялы тридесять жилъ и суставовъ, вяла блудная жила . . . . . [1]). И я, рабъ имярекъ, наговариваю на тово рбм (раба Божія имярекъ), чтобы у него вяли руки и ноги и бѣлое тѣло, вяла блудная жила . . . . . [2]), не было бы ему хотѣнья на блудное дѣло, на бабъ и на молодыхъ молодицъ и на красныхъ дѣвицъ. И я наговариваю на кольцо. И онъ, имярекъ, въ кои поры ступитъ и перешагнетъ, въ тѣ же бы поры тѣло упало тутъ.. Мудрымъ словамъ ключъ, замокъ. А поставилъ тѣло въ тѣло, и будетъ его [3]) тѣло, раба Божія имярекъ . . . . . [4]) крѣпчи и твержае всякаго желѣза каленаго простаго, и мѣди, и серебра, и всякаго камени морскаго, и земнаго, и подземнаго, и буди мое слово острѣе меча и сабли и иглы булатныя. Языкъ мой ключъ».

Въ своей замѣткѣ мы, конечно, отнюдь не имѣли претензіи исчерпать вопросъ о значеніи народныхъ русскихъ заклинаній, какъ источника для изученія народнаго русскаго міросозерцанія. Мы имѣли въ виду лишь поставить этотъ вопросъ и вызвать болѣе насъ досужихъ дѣятелей науки на вполнѣ спеціальное ученое его рѣшеніе, на основаніи какъ имѣющихся уже сборниковъ заклинаній) кромѣ цитованнаго нами сборника Майкова имѣются еще значительныя ихъ собранія: въ «Сказаніяхъ русскаго народа» Н. П. Сахарова (т. I, кн. 2), въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній» (т. I и II) и «Архивѣ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній» (кн. IV) Н. В. Калачева, въ «Пѣсняхъ», собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ (т. IV), въ «Лѣтописяхъ русской литературы» Н. С. Тихонравова (томы I, III, IV и V), въ его же «Отреченныхъ книгахъ древней Руси» (т. II), въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей», въ изданіяхъ Есипова: «Раскольничьи дѣла XVIII стол. и друг.»), такъ и на основаніи тѣхъ новыхъ доселѣ неизвѣстныхъ памятниковъ народнаго русскаго творчества этого рода, какіе могутъ быть вновь найдены въ архивахъ. Архивныя ученыя коммиссіи могутъ въ этомъ отношеніи оказать большія услуги наукѣ.

Проф. Н. И. Барсовъ.

---

[1]) [2]) [4]) Въ этихъ мѣстахъ въ подлинникѣ значатся фразы, неудобныя для печати.

[3]) Вѣроятно, слѣдуетъ читать: мое.

БЕРЛИНСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

для

исторіи новой русской литературы.

Будучи въ Берлинской королевской библіотекѣ лѣтомъ 1891 года, я, благодаря благосклонному участію начальника рукописнаго отдѣленія доктора Штерна, ознакомился и снялъ копіи почти со всѣхъ, хранящихся въ вышеозначенной библіотекѣ, автографовъ русскихъ писателей. Они принадлежали частью къ извѣстной коллекціи собирателя автографовъ Іосифа Радовица и описаны въ книжкѣ «Verzeichniss der Joseph v. Radowitz hinterlassenen Autographen-Sammlung». Berlin, 1864, стр. 660—663, частью къ бумагамъ Варнгагена фонъ-Энзе, частью подарены въ библіотеку частными лицами. Конечно, эти матеріалы очень различны по достоинству, но въ исторіи часто пріобрѣтаютъ значеніе и мелкія вещи, съ перваго взгляда какъ будто и не имѣющія никакой цѣны. Вотъ почему рядомъ съ новыми письмами Гоголя, Пушкина, Ломоносова, читатель прочтетъ извѣстія и замѣтки и о другихъ автографахъ русскихъ дѣятелей, интересныхъ пока для однихъ спеціалистовъ.

И. А. Шляпкинъ.

Отрывки стихотвореній и записка А. С. ПУШКИНА.

I.

На холмы Грузіи ночная тѣнь легла,
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла,
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... мечтанья [1]) моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце живо вновь и любитъ—отъ того,
Что не любить оно не можетъ

Это стихотвореніе, напечатанное въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1831, 2, стр. 56, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ», находится безъ заглавія на клочкѣ бумаги въ собраніи Radowitz подъ № 8082. Варіанты нашего списка напечатаны разбивкой и заслуживаютъ вниманія, особенно 2 послѣдніе. Въ доселѣ печатавшейся редакціи слова:

Мнѣ грустно и легко,

какъ-то не ладили со словами:

Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ.

Унынье—такая вещь, которая не легко переносится. Слова

не мучитъ, не тревожитъ

нейдутъ къ дальнѣйшимъ:

И сердце вновь горитъ.

Вотъ почему намъ лично берлинская редакція кажется лучшей.

II.

Весна, весна, пора любви!
Какъ тяжки мнѣ твои явленья,
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!

[1]) Это слово написано вмѣсто зачеркнутаго унынья. Листокъ украшенъ внизу начерченной чернилами женской фигурой съ бабочкиными крыльями.

Какъ чуждо сердцу наслажденье... [1])
Все, что минуетъ и блеститъ, [2])
Наводитъ скуку и томленье... [3])
Отдайте мнѣ мятель и вьюгу
И зимній долгій мракъ ночей...

Автографъ Берл. кор. библ. безъ №. На лоскуткѣ англійской бумаги пять профилей, начерченныхъ перомъ. Это, конечно, матеріалъ для II строфы къ VII главѣ «Евгенія Онѣгина».

Приводимъ для сравненія и эту строфу, по изданію П. О. Морозова.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Ѳ. В. Булгарину.

Напрасно думали вы, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, чтобъ я могъ забыть свое обѣщаніе. Дельвигъ и я непремѣнно явимся къ Вамъ съ повиннымъ желудкомъ сегодня въ 3½ часа. Голова и сердце мое давно Ваши. А. Пушкинъ.

Авт. Берл. кор. библ. безъ №. Послѣдняя фраза, очевидно, ироническая, обведена краснымъ карандашемъ. На оборотѣ адресъ: Его Высокоблагородію, милостивому государю Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину. На бумагѣ видна облатка и водяные знаки 1826 года.

---

[1]) Вмѣсто зачеркнутыхъ: Хоть силы умираютъ къ смерти,
Какая грудь...
Нѣтъ, нѣтъ мнѣ чуждо.

[2]) Вмѣсто зачеркнутаго: Все то, что блещетъ.

[3]) Вмѣсто зачеркнутаго: жаркое мученье.

IV.

Въ собраніи Radowitz подъ № 8081 значится черновой оригиналъ сказки Пушкина: „О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“, безъ начала (62 строкъ). Рукопись въ малую четвертку на синеватосѣрой бумагѣ съ водяными знаками А. Г. 1829. Писана небрежною скорописью въ два столбца съ помарками и исправленіями. Кромѣ варіантовъ, по которымъ можно прослѣдить, какъ осторожно относился великій поэтъ нашъ къ каждому слову своихъ произведеній, любопытнымъ является и эпилогъ. Намекъ, въ немъ упоминаемый, едва-ли не относится къ женѣ поэта—извѣстной красавицѣ своего времени. Не хотѣлъ ли онъ намекнуть, что и ея красота преходяща, какъ и красота мачихи-царицы? и ли что и ей нужно быть осторожной въ виду завистливыхъ къ ея красотѣ представительницъ свѣтскаго круга? По письмамъ 1833 года видно, что поэтъ недоволенъ успѣхами въ свѣтѣ своей жены. Кромѣ того, наша рукопись даетъ и твердую дату для опредѣленія времени и мѣста написанія сказки: Болдино, 4 ноября 1833 года. Это подтверждается и письмами поэта за это время къ женѣ. Мы читаемъ въ письмѣ отъ 21 октября 1833 г.: «началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты... не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться»; отъ 30 октября: «недавно расписался и уже написалъ пропасть»; отъ 6 ноября: «я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого, а то альманашники заѣдятъ меня». (Сочиненія Пушкина, ред. П. О. Морозова, стр. 330, 331 и 333).

Римскія цифры обозначаютъ страницы тетрадки, а арабскія — столбцы. Чистоваго оригинала сказки мы не знаемъ, а напечатана она была въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834, томъ II, отдѣлъ 1, стр. 1—17. По этому изданію указаны нами и варіанты.

А. С. ПУШКИНЪ

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ

1833

Варіанты изъ Берлинской Королевской библіотеки

Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зори до ночи,
Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ, въ сочельникъ въ самый, въ ночь
Богъ даетъ царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелехонько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И къ обѣднѣ умерла.
Долго царь былъ неутѣшенъ,
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ, и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела,
Съ нимъ привѣтливо шутила,

И красуясь говорила:
„Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.
Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такова.
(I, 1) И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;
А приданое готово:
7 торговыхъ городовъ
Да 140 теремовъ.
На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ царица наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
„Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
„Ты прекрасна, с л о в а [1]) нѣтъ,
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ
Да п о д ъ з е р к а л о [2]) какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!
„Ахъ ты, г л ў п о е [3]) стекло!
Это л ж е ш ь [4]) ты мнѣ на зло!
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою.

---

[1]) П е ч. спору.
[2]) П е ч. по зеркальцу.
[3]) П е ч. мерзкое.
[4]) П е ч. врешь.

(I, 2) Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла:
Мать брюхатая [1]) сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но еще: какъ можно ей
Быть еще меня милѣй? [2])
Признавайся: всѣхъ я краше!
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ ровной нѣтъ.
Такъ ли?“ Зеркальце въ отвѣтъ:
„А [3]) царевна все-жъ милѣе,
Все жъ румянѣй и бѣлѣе.“
Дѣлать нечего. Она,
Злобной [4]) зависти полна,
Бросивъ [5]) зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей
Весть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, [6]) живую
Подъ сосной покинуть [7]) тамъ
На съѣденіе волкамъ.
(II, 1) Чортъ ли сладитъ [8]) съ бабой гнѣвной?
Хоть и нехотя съ царевной,
Въ лѣсъ Чернавушка пошла, [9])
И въ такую даль [10]) свела,
Что царевна испугалась
И о правдѣ догадалась, [11])
И взмолилась: [12]) „жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?

---

[1]) Печ. беременна.

[2]) Печ. Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?

Въ рук. зачеркнуто: Но какъ смѣть и далѣе: еще меня, меня послѣднее меня зачеркнуто.

[3]) Рук. зачеркнуто: но.

[4]) Печ. Черной... Рук. зачеркнуто: Гнѣва.

[5]) Рук. зачеркнуто: Спрятавъ.

[6]) Рук. зачеркнуто: Тамъ связать ее...

[7]) Печ. Подъ сосной оставить. Рук. зачеркнуто: Да одну покинуть.

[8]) Рук. зачеркнуто: Спорить что ли.

[9]) Печ. Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла.

Рук. зачеркнуто: Что жъ передъ словомъ: съ царевной.

[10]) Рук. зачеркнуто: далеко.

[11]) Печ. Что царевна догадалась
И до смерти испугалась,

Рук. поправлено написанное прежде: Что царевна догадалась
И о..... испугалась.

[12]) Рук. зачеркнуто: сказала.

Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя."
Та, въ душѣ ее любя, [1])
Не убила, не связала,
Такъ пустила и сказала: [2])
„Не кручинься, Богъ съ тобой".
А сама пришла [3]) домой.
„Что"? сказала ей царица, [4])
Гдѣ красавица дѣвица?
«Тамъ въ лѣсу стоитъ одна",
Отвѣчаетъ ей она:
„Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
(II, 2) Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть".
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала. [5])
Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За невѣстой молодой, [6])
За красавицей душой.
Но царевна [7]) молодая,
До зари [8]) въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ [9]) все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она;
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась
(III, 1) И царевна очутилась
Въ свѣтлой гридницѣ; [10]) кругомъ

---

[1]) Рук. послѣ этой строчки зачеркнута другая: **Богъ съ тобою ей сказала.**
[2]) **Печ.** Отпустила и сказала. Рук. зачеркнуто: И заплакавши: **(сказала).**
[3]) **Рук.** зачеркнуто послѣ „пришла"—одна.
[4]) **Рук.** зачеркнуто стоявшее царица вм. сказала.
[5]) **Рук.** зачеркнуто: Что царевна за(пропала).
[6]) **Печ.** За красавицей душой,
За невѣстой молодой.
[7]) **Печ.** невѣста.
[8]) **Рук.** зачеркнуто: Между тѣмъ.
[9]) **Рук.** зачеркнуто: По тропинкѣ.
[10]) **Печ.** горницѣ.

Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ прибрала,
Истопивъ, закрыла печку,
Засвѣтила Богу свѣчку, [1])
На палати взобралась
И тихонько улеглась.
Часъ обѣда приближался,
Топотъ по двору раздался:
Входятъ 7 богатырей,
Семь румяныхъ лихачей. [2])
Старшій молвилъ: „Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
(III, 2) Кто же? выдь и покажися,
Съ нами честно [3]) подружися.
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь [4]) намъ названый;
Коль старушка, будь намъ [5]) мать,
Такъ и станемъ называть; [6])
Коли красная дѣвица,—
Будь намъ милая [7]) сестрица“.
И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ [8]) отдала;
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Тѣ по рѣчи въ мигъ познали, [9])
Что царевну принимали;

---

[1]) Печ. Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку.

[2]) Рук. зачеркнуто: удалыхъ хухачей (!) Печ. усачей.

[3]) Печ. чинно.

[4]) Печ. Будешь братецъ.

[5]) Рук. зачеркнуто: будешь.

[6]) Печ. величать.

[7]) Рук. зачеркнуто: Будешь родная.

[8]) Рук. хозяимъ.

[9]) Печ. Вмигъ по рѣчи тѣ спознали.

Усадили въ уголокъ,
Поднесли ей [1]) пирожокъ.
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася [2]) она;
(IV, 1) Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.
День за днемъ идетъ, мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ могучихъ [3]) плечъ
У татарина отсѣчь,
Иль свинцомъ подбавить вѣсу [4])
Пятигорскому черкесу.
(IV, 2) А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечутъ [5]) ей они;
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ 7 вошло.
Старшій молвилъ ей: „дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица.
Всѣхъ насъ 7, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя. Такъ Бога ради,

---

[1]) Печ. Подносили.
[2]) Рук. зачеркнуто: Отказалася.
[3]) Печ. широкихъ.
[4]) Печ. Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
[5]) Печ. перечатъ.

Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою. [1])
Что жъ качаешь [2]) головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?“
(V, 1) „Охъ [3]) вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные“,
Имъ царевна говоритъ:
„Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей“.
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
„Спросъ не грѣхъ [4]). Прости ты насъ“,
Старшій молвилъ, поклонясь:
„Коли такъ, не заикнуся
Ужь о томъ“. „Я не сержуся“,
Тихо молвила она,
„И отказъ мой [5]) не вина“.
Женихи ей поклонились, [6])
Потихоньку удалились,
(V, 2) И въ согласьи [7]) всѣ опять
Стали жить [8]) да поживать.
Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась [9]) и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,

---

[1]) Рук. зачеркнуто: золовкой.
[2]) Рук. зачеркнуто прибавленное ты.
[3]) Печ. Ой.
[4]) Рук. зачеркнуто: И пошли“,
[5]) Рук. зачеркнуто: Спросъ не грѣхъ.
[6]) Рук. зачеркнуты слѣдующія строки:
Ужь ему дано и слово,
И приданое готово, и въ середину вписано:
Потихоньку удалились.
[7]) Печ. согласно.
[8]) Рук. зачеркнуто (стали) съ нею.
[9]) Рук. зачеркнуто нами неразобранное слово.

Красоваться снова стала
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! [1]) скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И сй [2]) зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, [3]) спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы, [4])
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя [5]) милѣй“.
(VI, 1) И царица налетѣла [6])
На [7]) Чернавку: „какъ ты смѣла
Обмануть меня? да [8]) въ чемъ?“...
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить, [9])
Иль царевну погубить.
Разъ царевна молодая
Милыхъ братьевъ поджидая
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ [10]) крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая [11]) черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Ей кричитъ она въ окошко; [12])
Бабушка, постой немножко,
Пригрожу сама я псу,
И [13]) кой что тебѣ снесу“.
Отвѣчаетъ ей черница:
„Охъ ты, дитятко, дѣвица!

---

[1]) Рук. написано только: зерк.

[2]) Рук. зачеркнуто: Только.

[3]) Рук. зачеркнуто. Вотъ живетъ.

[4]) Рук. зачеркнуто начатое послѣ этой строки: Красота достойна.

[5]) Рук. зачеркнуто: (Та) еще тебя.

[6]) Рук. зачеркнуто: поблѣднѣла.

[7]) Рук. зачеркнуто: И къ.

[8]) Печ. и.

[9]) Рук. зачеркнуто: такъ и быть.

[10]) Рук. зачеркнуто: предъ

[11]) Рук. зачеркнуто: старая.

[12]) Въ рукописи было: Ей, погоди еще, пожди.
Печ. Бабушка, постой немножко,
Ей кричитъ она въ окошко.

[13]) Рук. зачеркнуто: Да.

(VI, 2) Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ". Дѣвица [1]) хочетъ
Выдти къ ней и хлѣбъ взяла, [2])
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней, [3])
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. „Что за чудо?
Видно онъ наѣлся [4]) худо",
Ей царевна говоритъ:
„На жъ, лови!" и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
„Благодарствую", сказала,
„Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ лови!"
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
(VII, 1) Но царевна въ обѣ руки
Хвать—поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ,
Благодарствуй за обѣдъ",
Старушоночка сказала,
Поклонилась [5]) и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ, и ей въ лицо
Жалко смотритъ, громко воетъ,
Словно [6]) сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
„Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ!" и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу [7]) сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,

[1]) Печ. Царевна.
[2]) Рук. зачеркнуто: съ собой.
[3]) Рук. первоначально было: Лишь старуха ступитъ къ ней.
[4]) Печ. выспался онъ.
[5]) Рук. зачеркнуто: И въ вороты.
[6]) Рук. зачеркнуто: Будто.
[7]) Рук. зачеркнуто: Тихонько.

Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмячки насквозь.
(VII, 2) Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прикусила, [1])
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, [2]) моя душа,
Пошатнулась, [3]) не дыша,
Бѣлы руки опустила, [4])
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала ..
Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ, и ко двору
Путь имъ кажетъ. „Не къ добру!“
Молвилъ старшій, „знать печали [5])
Не минуемъ“. Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ, [6])
(VIII, 1) Песъ за яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился [7])
И издохъ. Напоено [8])
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести [9]) душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,

---

[1]) Печ. прокусила.

[2]) Рук. зачеркнуто: И красавица.

[3]) Рук. зачеркнуто: І другъ заснула.

[4]) Рук. зачеркнуто: Опустились, Скоры ножки подкосились.

[5]) Печ. Братья молвили; печали.

[6]) Рук. зачеркнуто: они; потомъ написано: Стремглавъ, и тоже зачеркнуто.

[7]) Въ рукописи было: Проглотилъ и закрутился.

[8]) Рук. зачеркнуто: Начинено.

[9]) Рук. зачеркнуто: съ горестью.

Что лишь только не дышала.
Ждали 3 дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую [1]) гору,
И въ полунощную пору
(VIII,2) Гробъ ея къ 6 столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшоткой оградили;
И предъ мертвою [2]) сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: „Спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима [3])
И для милаго хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному“.
Въ тотъ же день царица злая,
Доброй [4]) вѣсти поджидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты, царица, спору нѣтъ;
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
(IX, 1) За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Что дѣлать? плачетъ,
Къ красну солнцу молодецъ [5])
Обратился наконецъ [6])

---

[1]) Въ рук. было: Понесли царевну въ гору.
[2]) Рук. зачеркнуто: милою.
[3]) Рук. зачеркнуто: хранима.
[4]) Рук. зачеркнуто: Тайной.
[5]) Рук. зачеркнуто: Къ красну солнышку вдовецъ.
[6]) Печ. Нѣтъ, какъ, нѣтъ! Онъ горько плачетъ
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.

„Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей".—„Свѣть ты мой",
Красно солнце отвѣчало:
„Я царевны не видало.
Знать ее въ живыхъ ужь нѣтъ. [1])
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Можетъ быть ее гдѣ встрѣтилъ [2])
Или слѣдъ ея примѣтилъ". [3])
Темной ночки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей
(IX, 2) Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
„Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Полнолицый, свѣтлоокой, [4])
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея [5])".—„Постой",
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
„Нѣтъ, царевны я прекрасной
Не видалъ. Мнѣ не всегда
Карауллть череда. [6])
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала".—Какъ обидно!
Королевичъ прошепталъ. [7])
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
„Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.

---

[1]) Рук. зачеркнуто: [Знать] ея пропалъ и слѣдъ.

[2]) Печ. Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ.

[3]) Печ. замѣтилъ.

[4]) Печ. Круглолицый, свѣтлоокой.

[5]) Печ. Я женихъ ей". Братецъ мой. Въ рук. зачеркнуто: Отвѣчалъ и далѣе: ей. Братецъ мой.

[6]) Печ. Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.

[7]) Печ. отвѣчалъ. Рук. зачеркнуто: закричалъ.

Ты къ нему теперь ступай:
Не печалься же, прощай".
(X, 1) Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, взывая:
„Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь [1]) на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного;
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей". —„Братецъ мой", [2])
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный: [3])
„Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Вкругъ ограда — нѣтъ слѣдовъ [4])
Вкругъ того пустаго мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста".
(X, 2). Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась [5])
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Вотъ предъ нимъ, [6]) во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна вѣчнымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,

---

[1]) Рук. зачеркнуто: Ты летаешь.
[2]) Печ. Я женихъ ея".—Постой.
[3]) Въ рук. было сначала: Буйный вѣтеръ отвѣчаетъ
[4]) Печ. Не видать ничьихъ слѣдовъ. Рук. зачеркнуто: И нѣтъ.
[5]) Рук. зачеркнуто: отперлась.
[6]) Печ. Передъ нимъ.

Привздохнувъ, произнесла:
Какъ же долго я спала!
(XI, 1) И встаетъ она изъ гроба...
„Ахъ!“ и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ.
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается [1]) обратно,
И трубитъ уже молва:
„Дочка царская жива!“
Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: „Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“ [2])
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Всѣхъ [3]) румянѣй и бѣлѣе“.
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала [4])
И царевну повстрѣчала.
(XI, 2). Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей.
И никто такого пира
Не видалъ съ начала міра.
Сказка ложь, да намъ урокъ,
А иному и намекъ. [5])

4 ноября 1833 Болд (ино) [6])

---

[1]) Рук. зачеркнуто: пустилися.
[2]) Рук. зачеркнуто: Всѣхъ на свѣтѣ, всѣхъ бѣлѣе.
[3]) Печ. Все.
[4]) Далѣе въ рукописи зачеркнуто: За Чернавкой.
[5]) Печ. И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.
[6]) Дата въ печатномъ изданіи отсутствуетъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВЕНГЕРСКОЙ И КРЫМСКОЙ КАМПАНІЯХЪ.

Начну съ того, что во время Крымской кампаніи я былъ адъютантомъ 1-й бригады 1-й драгунской дивизіи; въ послѣднее же время кампаніи былъ адъютантомъ авангарда Евпаторійскаго отряда, расположеннаго въ м. Сакахъ, близъ Евпаторіи, занятой тогда непріятелями. Отрядомъ нашимъ командовалъ въ то время генералъ графъ Ржевусскій, при которомъ и случилось разсказываемое мною курьезное столкновеніе наше съ французами.

Прежде всего я долженъ сказать, что симпатичныя отношенія къ намъ французовъ постоянно высказывались въ Крымскую кампанію, хотя мы и считались тогда врагами. Не разъ я былъ свидѣтелемъ, когда, послѣ дѣла, для уборки тѣлъ павшихъ въ бою воиновъ, были заключаемы на нѣсколько часовъ перемирія и какъ французы всегда радушно къ намъ относились: они чуть не обнимались съ нами, между тѣмъ какъ англичане, сардинцы и турки, стоя въ отдаленіи, равнодушно смотрѣли на насъ, не выражая впрочемъ и злобы, исключая нафанатизированныхъ турокъ, смотрѣвшихъ на насъ злобно, «какъ на гяуровъ». Начало такихъ радушныхъ къ намъ отношеній французовъ, мнѣ кажется, нужно искать въ историческомъ складѣ событій, болѣе же всего должно отнести къ сходству характеровъ этихъ двухъ націй.

Во время продолжительнаго перемирія (около мѣсяца), предшествовавшаго заключенію мира въ 1856 году, въ Евпаторіи была сосредоточена непріятельская кавалерія, преимущественно французская, подъ начальствомъ французскаго генерала Даленвиля. По его и офицеровъ иниціативѣ, нашъ начальникъ авангарда, графъ Ржевусскій, вмѣстѣ съ супругою своею, были приглашены французами — удостоить ихъ посѣщеніемъ на нейтральной почвѣ между аванпостами и въ виду всѣми ожидаемаго мира выпить за здоровье нашего императора. При

этомъ они поставили въ извѣстность, что жена Даленвиля въ качествѣ хозяйки желаетъ также привѣтствовать насъ и познакомиться съ графинею Ржевусскою. Не долго думая, Ржевусскій и супруга его (урожденная Дашкова, дочь бывшаго нашего министра юстиціи) согласились быть въ гостяхъ у французовъ. Нельзя не сказать, что красота и молодость графини Ржевусской, при ея высокой добродѣтели, религіозности и патріотическомъ чувствѣ, заставляли всѣхъ насъ поклоняться ей. Никогда не забуду, какъ эта прелестная женщина, въ маленькой сакской православной церкви, на колѣняхъ, ницъ, молилась о дарованіи мира и всѣхъ успѣховъ русскому народу, въ лицѣ его обожаемаго монарха! Дѣйствительно, эта женщина была очаровательна, но увы! ей не суждено было долго жить.

На назначенное свиданіе мы отправились на другой день въ полдень, кортежемъ; въ коляскѣ поѣхала одна графиня, окруженная свитой, красивымъ ея мужемъ и нѣсколькими офицерами, въ числѣ которыхъ былъ и я, какъ адъютантъ; шествіе замыкалъ отборный взводъ донскихъ казаковъ, въ парадной формѣ.

Подъѣзжая къ цѣпи нашихъ аванпостовъ, мы увидѣли, что навстрѣчу намъ галопируютъ французы, которые, снявъ на отмахъ свои кепи, привѣтствовали графиню и насъ. Подъѣхавъ къ разбитой французами палаткѣ, хоръ трубачей одного изъ французскихъ драгунскихъ полковъ привѣтствовалъ насъ какимъ-то маршемъ. Затѣмъ генералъ Даленвиль съ названною имъ его супругою и другими офицерами встрѣтили насъ около палатки. Не могу не сказать, что насколько красивымъ и симпатичнымъ показался намъ Даленвиль, настолько непривлекательною показалась его жена, о которой потомъ говорили, что эта дама не была женою Даленвиля, а была подставною, чтобы только вызвать посѣщеніе нашей графини Ржевусской, о красотѣ которой такъ много слышали французы (не знаю, насколько это было вѣрно). Въ предупрежденіе затрудненій въ разговорахъ, французы позвали одного своего юнкера, въ качествѣ переводчика,—сына польскаго эмигранта изъ Россіи, говорившаго прекрасно по-русски.

Этотъ юноша, кажется, былъ счастливѣе всѣхъ; онъ бросался къ намъ на шею, на что французы смотрѣли съ удовольствіемъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы не всѣ вошли въ палатку, такъ какъ она была невелика. На столѣ, какъ теперь помню, были поставлены разныя закуски и консервы, въ числѣ которыхъ обращалъ на себя вниманіе большой паштетъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ Даленвилемъ за здоровье нашего Государя Императора! Затѣмъ графъ Ржевусскій провозгласилъ тостъ за здоровье императора Наполеона III, послѣ чего, не помню кѣмъ, провозглашенъ тостъ за здоровье императрицы французовъ Евгеніи. Вслѣдъ за этимъ тостомъ графиня Ржевусская сказала, что она знала

и видѣла нынѣшнюю императрицу въ Мадридѣ, когда та была еще графинею Монтихо, и тогда она принадлежала къ одному съ ней обществу, при чемъ сказала, что теперешняя императрица, дѣйствительно, была очень красива, но что у ней недоставало манеръ. Фразой этой графиня наша вызвала цѣлую бурю негодованія со стороны французовъ. Интендантскій генералъ схватился за рукоятку сабли, что̀ сдѣлали и другіе французскіе офицеры, исключая генерала Даленвиля; примѣру французовъ послѣдовали и мы—русскіе, исключая нашего Ржевусскаго. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы начальникъ французовъ Даленвиль, какъ хозяинъ и виновникъ нашего посѣщенія, не парализовалъ возбужденія; онъ, какъ будто не слыша сказаннаго Ржевусскою, обратился ко всѣмъ при выходѣ изъ палатки и сказалъ: посмотрите, господа, на русскихъ казаковъ, какіе они молодцы! Казаки въ это время стояли противъ выхода, держа коней подъ уздцы. Поведеніе и примѣръ Даленвиля заставили французовъ успокоиться и простить русской красавицѣ сказанное ею. Затѣмъ мы, сконфуженные, оставивши паштетъ и другія закуски нетронутыми, отправились во-свояси не провожаемые уже французами.

Когда мы возвратились домой, то я, обѣдая у Ржевусскихъ, какъ юдъютантъ его, слышалъ, какъ графъ говорилъ графинѣ: можно ли было говорить такія обидныя для національнаго чувства слова, на что̀ графиня отвѣчала, что она вполнѣ сознаетъ свой промахъ, но что сказала совершенную правду, подъ давленіемъ наплывшаго въ ней патріотическаго чувства, такъ какъ можетъ быть завтра откроются военныя дѣйствія. Въ самое непродолжительное время, тѣ же французы, черезъ парламентера, сообщили намъ, что миръ заключенъ, чего мы еще не знали.

Передамъ теперь другой инцидентъ—изъ Венгерской кампаніи 1849 года, оставившій во мнѣ тяжелое воспоминаніе.

Нашъ драгунскій корпусъ, стоя въ Галиціи, составлялъ тогда резервъ нашей дѣйствующей арміи въ Венгріи по ту сторону Карпатскихъ горъ, подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго. Въ то время я былъ очень юнъ, только-что выпущенъ изъ кадетскаго корпуса прапорщикомъ и въ Венгерскую кампанію служилъ въ Московскомъ драгунскомъ полку (нынѣ лейбъ-драгунскій). По приказанію главнокомандующаго, образованъ былъ отрядъ изъ войскъ, стоявшихъ въ Галиціи. Въ составъ этого отряда, подъ начальствомъ нашего начальника дивизіи, генерала барона Вранге ля, вошли части войскъ: баталіонъ австрійской пѣхоты («жолнерши»—такъ мы ихъ тогда называли), австрійская полевая батарея и два пикинерныхъ эскадрона нашего Московскаго драгунскаго полка, въ одномъ изъ которыхъ нахо-

дился и я. Отрядъ этотъ долженъ былъ, пройдя Карпаты, по нарочно испорченному тогда венгерцами шоссе, появиться передъ городомъ и не сдававшеюся венгерской крѣпостью «Мункачъ». Съ другой стороны названной крѣпости, стоялъ уже отрядъ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Карловича. Такимъ образомъ крѣпость, въ центрѣ города находившаяся, въ видѣ отрѣзаннаго конуса, была окружена нашими и австрійскими войсками.

Когда предложено было гарнизону сдаться, то комендантъ крѣпости согласился сдать ее съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы австрійскія войска не были при этомъ, а были бы отодвинуты назадъ, такъ какъ гарнизонъ сдается русскимъ, не признавая австрійцевъ побѣдителями въ эту кампанію.

Когда, согласно сказанному, крѣпость была намъ, русскимъ, сдана, то венгерскимъ офицерамъ оставлено было право носить оружіе подъ честнымъ словомъ не злоупотреблять этимъ довѣріемъ.

По окончаніи сдачи крѣпости и обезоруженіи гарнизона, мы, вмѣстѣ съ военно-плѣнными венгерскими офицерами и ихъ комендантомъ, отправились въ ресторанъ, въ крѣпости тогда находившійся. Комендантъ этотъ былъ стройный, высокаго роста, блондинъ, показавшійся намъ очень симпатичнымъ.

Отрекомендовавшись другъ другу и познакомившись между собою, мы сѣли обѣдать, запивая кушанья венгерскимъ виномъ. Когда компанія развеселилась, забывъ грустное настроеніе венгерцевъ, то мы стали обмѣниваться съ ними заздравными тостами чрезъ переводчиковъ, или кто какъ умѣлъ, на разныхъ языкахъ; обѣдъ нашъ принялъ характеръ военной пирушки, безъ всякаго тяжелаго чувства съ обѣихъ сторонъ. Въ это самое время, неожиданно, явился какой-то австрійскій офицеръ изъ нашего соединеннаго отряда, гремя своею саблею въ металлическихъ ножнахъ. Когда онъ вошелъ въ залъ, гдѣ мы обѣдали, то на него такъ непривѣтливо были устремлены глаза всѣхъ присутствующихъ, что ему ничего болѣе не оставалось, какъ сконфуженно ретироваться. Нельзя не признаться, что во время Венгерской кампаніи между нами и непріятелями нашими всегда проглядывали радушныя отношенія, чего нельзя было сказать по отношенію къ нашимъ союзникамъ-австрійцамъ, государство которыхъ, въ 1848 году, было спасено Россіею.

Подъ конецъ обѣда меня вызвали въ переднюю, гдѣ одинъ изъ двухъ нашихъ жандармовъ, состоявшихъ тогда при нашемъ начальникѣ дивизіи, вручилъ мнѣ предписаніе, въ которомъ было изображено: «Вслѣдствіе требованія австрійскаго правительства, предписывается вамъ, немедленно, взять и привезти въ военную австрійскую канцелярію находящагося въ ресторанѣ бывшаго коменданта крѣпости «Мункачъ» (фамилію не упомню), котораго и сдать подъ росписку австрійскимъ

властямъ, для чего и посылаются въ ваше распоряженіе два жандарма и экипажъ». Нужно было войти въ мое положеніе, чтобы понять, какъ тяжело было исполнить такое приказаніе начальника. Когда чрезъ переводчика я объявилъ данное мнѣ приказаніе, стараясь утѣшить бывшаго коменданта тѣмъ, что его требуютъ, вѣроятно, лишь для объясненій, то онъ, вручивъ мнѣ свою шпагу, сказалъ: «я знаю, что меня ожидаетъ» и съ этими словами, не попрощавшись ни съ кѣмъ, отправился со мною, куда его требовали. Мѣсяца чрезъ полтора послѣ этого мы узнали, что бывшій комендантъ крѣпости «Мункачъ» повѣшенъ. Не знаю, что сталось съ другими венгерскими офицерами, съ которыми мы пировали въ ресторанѣ, котораго я болѣе уже не посѣщалъ, такъ какъ мы, въ скоромъ времени, возвратились въ Галицію, а затѣмъ въ Россію, что̀ было въ послѣднихъ числахъ сентября 1848 года.

Н. Богдановской.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Къ исторіи царствованія императора Павла Петровича.

1.

Именной указъ, данный Сенату — о пропускѣ иностранцевъ въ Россію для торговли.

28-го іюня 1798 года. Развратныя правила и буйственное восполеніе разсудка, поправшія законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ, разсѣянныя въ нѣкоторой части Европы, обратили вниманіе наше, устремленное всегда и во всѣхъ случаяхъ на благоденствіе вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, которыхъ желая сохранить во всегдашней тишинѣ и спокойствіи, приняли мы всѣ мѣры къ отраженію зла отъ предѣловъ Имперіи Нашей, предписавъ пограничнымъ Губернаторамъ о строгомъ наблюденіи за всѣми тѣми, кои въ Имперію нашу пріѣзжать пожелаютъ; а дабы при всемъ томъ споспѣшествовать торговлѣ, коей цвѣтущее состояніе и всевозможное распространеніе есть изъ первыхъ нашихъ попеченій, признали мы за нужное, относительно пропуска чужестранныхъ въ Россію, коимъ пріѣздъ дозволенъ, учинить слѣдующее постановленіе: 1) Коль скоро кто изъ торгующихъ иностранцевъ, выѣхавшихъ изъ Россіи, или вовсе не бывшихъ, пожелаетъ въ оную въѣхать, таковый долженъ снабдить себя двумя видами, незадержный пропускъ его обезпечивающими, и именно: рекомендацію къ какому-либо Россійскому или Иностранному въ Россіи пребывающему торговому дому, или къ кому-либо извѣстному въ торговлѣ обращающемуся, отъ одного изъ торговыхъ домовъ того города или Государства, въ которомъ онъ жительствуетъ, и свидѣтельствомъ отъ одного изъ Министровъ Двора нашего, или котораго-либо изъ нашихъ Консуловъ, удостовѣряющимъ, что онъ точно тотъ, о комъ въ рекомендаціи купеческой пишется и дѣйствительно ѣдетъ въ Россію за торговымъ дѣломъ. 2) Министры и Консулы наши обязаны при каждой дачѣ таковаго свидѣтельства тотчасъ доносить намъ, прописавъ причины, побудившія ихъ къ дачѣ

паспорта и трактъ, по которому сей иностранецъ поѣдетъ и ѣхать долженъ. 3) Россійскіе или Иностранные въ Россіи пребывающіе торговые домы, или частные изъ торгующихъ, коль скоро получатъ извѣщеніе, что въ Россію отправляется или уже пріѣхалъ товарищъ ихъ, приказчикъ, коммисіонеръ или другой кто имъ рекомендованный отъ ихъ корреспондентовъ, но только бы предметъ его путешествія относился къ торговлѣ, для обезпеченія таковому свободнаго въ Россіи пребыванія, обязаны увѣдомлять Военнаго Губернатора или Коменданта того города, съ показаніемъ Государства, изъ котораго сей пріѣзжій или ѣдущій отправился. Въ слѣдствіе чего, сіи Начальники должны таковыхъ, по освидѣтельствованіи ихъ паспортовъ, пропускать безъ задержанія. 4) Равномѣрно симъ позволеніемъ пользоваться могутъ и иностранные шкиперы и матросы, когда они находящимся здѣсь Россійскимъ и иностраннымъ купечествомъ, для управленія и препровожденія ихъ мореходныхъ судовъ выписываемы будутъ, но не иначе какъ по таковомъ же соблюденіи порядка, о которомъ въ 3-мъ пунктѣ сказано. 5) Поелику извѣщеніе сіе удобно быть можетъ дѣлано токмо тѣми торговыми домами или частно торгующими, которые, въ портовыхъ или пограничныхъ городахъ, сами пребываніе имѣютъ, другимъ же внутри Государства живущимъ причинило бы отягощеніе, то, дабы не лишить и ихъ сей выгоды, повелѣваемъ: чтобъ о чужестранцахъ, выше сего изъясненныхъ, увѣдомляли они Начальника той губерніи, гдѣ кто будетъ обрѣтаться, который обязанъ немедленно сообщать о томъ Военному Губернатору или Коменданту того мѣста, чрезъ которое пріѣздъ иностранца будетъ, для полученія ему пропуска въ Россію. 6) Дозволивъ на семъ основаніи пріѣздъ въ Имперію нашу иностранцевъ для пользы и выгоды торговли, надѣемся мы, что какъ вѣрноподданные наши, такъ и иностранцы, здѣсь находящіеся, ощутивъ наше о благосостояніи ихъ попеченіе, не употребятъ во зло данное нами на сіе позволеніе. И поелику, большая часть таковыхъ пріѣзжаютъ только на время, и пребывающимъ здѣсь, иногда не иначе извѣстны, какъ только по увѣдомленіямъ ихъ корреспондентовъ, то и не требуемъ мы отъ нихъ отчета за поступки ихъ; ибо сами они за себя уже отвѣтствовать будутъ. Таковое постановленіе повелѣваемъ Сенату нашему повсемѣстно обнародовать, для непремѣннаго по оному исполненія.

2.

Разсужденіе ценсуры по поводу піесы «Der redliche Starost».

1800 года.

Содержаніе сей піесы [1]) есть слѣдующее: староста въ нѣкоторой деревнѣ собираетъ крестьянъ, объявляетъ имъ свое намѣреніе сложить съ себя свою

[1]) „Der redliche Starost unter seiner Dorfgemeine. Ein ländliches Gemälde, in einem Aufzuge. S. M. dem Kaiser und Selbstherrscher aller Reussen, Paul dem Ersten, unterthänigst gewidmet". Ред.

должность; всѣ объ немъ сожалѣютъ; просятъ, чтобы онъ остался, но онъ отъ своего намѣренія не отстаетъ. Крестьяне напослѣдокъ согласились выбрать сына его на его мѣсто, который женится на богатой дѣвушкѣ. Все сіе происходитъ въ торжественный день коронованія Е. И. В. Государя Павла I-го, вотъ главное существо сей піесы, не заключающее ничего противнаго. Но между прочими по сей матеріи разсужденіями, сочинитель привмѣшиваетъ и такія, кои не соотвѣтственны нравамъ и умоначертаніямъ крестьянъ, а паче русскихъ. Напримѣръ: деревенскій староста главное тутъ дѣйствующее лице, безпрестанно и не кстати твердитъ объ отечествѣ, о любви къ отечеству, о неустрашимости и славѣ умереть за отечество; разсуждаетъ о мирѣ и войнѣ; въ супружескомъ и семейственномъ щастіи приводитъ крестьянамъ въ примѣръ Императора и Императорской домъ; въ одномъ наконецъ мѣстѣ сравниваетъ себя съ Государемъ относительно занимаемой имъ въ селѣ должности.

Сіи и подобныя сему нескладныя разсужденія почитаются невмѣстными и неприличными для крестьянъ.

«Гражданскій ценсоръ статскій совѣтникъ Туманскій».

«Ученой ценсоръ коллежской совѣтникъ Семенъ Котельниковъ».

«Секретарь Михаило Селастенникъ».

3.

П. Х. Обольяниновъ—Ѳ. М. Брискорну.

Павловскъ. 10 іюня 1800 года.

Милостивый Государь мой Ѳедоръ Максимовичъ!

Присланное при отношеніи Вашего Пр-ва сочиненіе подъ заглавіемъ: «Der redliche Starost» С.-Петербургскою ценсурою просмотрѣно, и хотя не найдено въ ономъ ничего прямо противнаго правиламъ, ценсурою предписаннымъ, но по несообразности выраженныхъ тутъ мыслей съ обыкновеніями и мыслями россійскихъ крестьянъ не заслуживаетъ по мнѣнію ее быть напечатано, а паче во избѣжаніе перевода онаго на россійскій языкъ, что могло бъ произвести въ простомъ народѣ разные толки, и потому какъ самое сочиненіе, такъ и сдѣланныя ценсурою замѣчанія, препровождая при семъ съ истиннымъ почтеніемъ

Мил-й Г-рь мой Вашего Пр-ва покорнѣйшій слуга

«Петръ Обольяниновъ».

Помѣта: «получено 12-го іюня 1800 года».

Сообщилъ **Н. К. Шильдеръ.**

II.

Изъ переписки Александра Михайловича Тургенева съ В. А. Жуковскимъ [1]).

1.

Москва, 22-го сентября, по-нашему по-христіанскому 1841 годъ.

Я ждалъ, я долго ждалъ, я вѣрилъ обѣщанію твоему, что прежде мнѣ и никому о совершеніи брака ты напишешь. Нѣтъ вѣсти отъ тебя, нѣтъ, диво! Какъ новобрачные, вы всѣхъ и все забыли... Но хрупнуло мое терпѣнье, беру перо писать упрекъ. Кому? Андреевичу моему. По сердцу, по душѣ — я твой. Ты тысячу мнѣ разъ сказалъ, ты сотни разъ ко мнѣ писалъ, мой любезный Ермолафъ, и вдругъ пять мѣсяцевъ ни слова! Мнѣ было грустно слышать о совершеніи брака отъ чужихъ и слышать отъ людей такихъ, которые коварно улыбались. Ольга по милости Бога довольно здорова, проситъ твоего благословенія, умѣетъ хорошо читать твои сочиненія, любимыя ея пьесы: «Шильонскій узникъ» и «Царь Берендей».

Оба молимъ Бога сохранить тебя и твою Елизавету въ добромъ здравіи на многія лѣта.

Ермолафъ. Ольга.

2.

1841 года.

Любезный, искренній, истинный другъ мой, родной не по тѣлу, родной мой по душѣ, добрый мой, чистая душа Андреевичъ!

Ермолафъ твой не усумнился и на одно мгновеніе, ему и на мысль не всходило, чтобы Жуковскій могъ когда-либо забыть своего Ермолафа. Нѣтъ, молчаніе твое, лѣнь твоя его восхищали: онъ понималъ, чувствовалъ, что ты, другъ его, счастливъ, исполненъ радостью, что вся душа, весь составъ твой занятъ, исполненъ Елизаветою. Ермолафъ сорадовался, восхищался тысячи разъ, желалъ быть птичкою, чтобъ летѣть къ вамъ, видѣть васъ, наслаждающихся на землѣ блаженствомъ рая, и вмѣстѣ съ симъ былъ и есть совершенно увѣреннымъ въ томъ, что ангелъ вѣчный жилецъ и владѣлецъ души твоей оставитъ въ ней уголокъ твоему Ермолафу.

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ 1892 г. (LXXVI, стр. 361) были помѣщены письма В. А. Жуковскаго къ другу его А. М Тургеневу. Въ бумагахъ Тургенева уцѣлѣли только нѣкоторыя изъ отвѣтныхъ писемъ „Ермолафа“, которыя будутъ прочтены не безъ интереса всѣми помнящими любопытныя записки Александра Михайловича, явившіяся на страницахъ нашего журнала.

Ред.

3.

25-го декабря 1841 года.

Далеко, другъ, отъ насъ живешь, далеко въ сторонѣ чужой. Тебѣ Ермолафъ твой за море шлетъ поклонъ и вмѣстѣ съ нимъ желаетъ онъ, чтобъ ты, твоя Елизавета въ здоровьи добромъ многи лѣта, въ любви счастливо провели.

Господь благословитъ вашъ домъ, вамъ чада добрыя родятся, и дружба и любовь сильнѣе укрѣпятся сей благостью небесъ. Годъ новый радостно начните и Ермолафа вспомяните на благотворныхъ Рейна берегахъ. У насъ пушистый снѣгъ долъ, горы, лѣсъ давно покрылъ; хладъ быстро воды въ мостъ твердый превратилъ. Сухой скрипитъ снѣгъ подъ пятою; лице и уши, носъ—сердитый, злой морозъ безъ состраданія кусаетъ.

Свирѣпъ удѣлъ судьбою назначенъ сѣвера сынамъ—въ году шесть мѣсяцевъ страдать. Все слышать пѣнье птицъ—свободно не дышать, природы красоту не зрѣть, дрожать и цѣпенѣть!—Сынъ юга этого не знаетъ.

Ольга-сирота, дочь крестная тебѣ, усердно молитъ Бога, да сохранитъ ей крестнаго отца, твоего благословенья проситъ.

Она хорошо читаетъ по-русски, по-французски и по-нѣмецки, начала склады. Благодарю Творца, дитя прелестное и тѣломъ и душой, нравъ ангельскій, живой, веселый.

Оба поздравляемъ тебя съ наступающимъ днемъ твоего тезоименитства, просимъ свидѣтельствовать наше почтеніе твоему Ангелу—твоей Елизаветѣ.

4.

Москва. 18-го января 1842 года.

Письмо твое, чистая душа, получилъ вчера, слѣдовательно оно путешествовало 35 дней. Меня не было дома, письмо приняла Ольга; возвращаюсь, Ольга бѣжитъ ко мнѣ держа письмо въ рукѣ, прыгаетъ, кричитъ: радость, папа, великая радость! Вотъ письмо отъ папа крестнаго, читай скорѣе, онъ вѣрно пишетъ и ко мнѣ. Я поздравлялъ васъ, милые друзья, отъ 21-го декабря; вы вѣроятно черезъ 9—10 дней будете читать мою хартію.

Кому же вѣрить, если тебѣ не вѣрятъ. Ты философъ и христіанинъ, то-есть уменъ и добръ. Я скорѣе самъ себѣ не повѣрю, нежели не повѣрю тебѣ, доколѣ буду жить, дотолѣ буду принадлежать тебѣ всей душой; увѣренъ, несомнѣнно увѣренъ, что и ты доколѣ будешь жить—будешь любить твоего Ермолафа.

Великая благодать божія, вразумившая человѣка придумать каракульки, посредствомъ которыхъ люди могутъ говорить находясь одинъ отъ другаго за тридесятъ земель. Однако же этотъ разговоръ не тотъ, который бываетъ при личномъ свиданіи. Это Ѳедотъ — да не тотъ, и я жалѣю о тѣхъ временахъ,

когда существовали коверъ-самолетъ и шапка-невидимка. Я побывалъ бы у васъ, друзья, уже разъ десятокъ и мрачное тихое расположеніе мгновенно прогналъ бы, какъ вѣтръ разноситъ туманъ. Ты сокрушаешься о здравіи твоей Елизаветы, но не увеличиваешь ли сокрушеніе твое, любовь твоя — любовь чистая, святая. О, я это понимаю и я любилъ. Вѣришь ли ты, вѣритъ ли твой Ангелъ Елизавета гомеопатіи, я вѣрю потому, что благотворныя дѣйствія гомеопатическаго лѣченія испыталъ надъ собою. Вѣроятно въ Дюссельдорфѣ есть врачи-гомеопаты, посовѣтуйтесь съ ними...

Да относительно письмописанія не одержима ли Авдотья Петровна (Елагина) тѣмъ же недугомъ, которымъ ты страждешь? Прошу и молю тебя не сокрушаться, уповай на милость Творца и благодари его, Онъ надѣлилъ тебя счастіемъ на землѣ—да будетъ Его святая воля! А жаль, что нѣтъ коврасамолета, я опустился бы къ вамъ, какъ снѣгъ на голову, котораго мы другой мѣсяцъ ждемъ не дождемся. Есть снѣгъ да не по-нашему: русской землѣ нужна шуба большая сибирскаго медвѣдя, такая, какъ та, которую я давалъ тебѣ на дорогу до Петербурга, а теперь земля наша продрогла, она до сего времени щеголяетъ въ пальто. Его благородіе старый знакомый господинъ морозъ, онъ изволитъ проказить болѣе чѣмъ въ 1812 году.

Ольга цѣлуетъ васъ обоихъ, проситъ твоего благословенія. Благодарю Господа, она довольно здорова, учится хорошо и очень хорошо по лѣтамъ ея.

Поздравляю тебя со днемъ твоего тезоименитства.

5.

Москва, 20-го марта 1842 года.

На Руси святой издревле говорятъ: у человѣка руки золотыя, но горло г... О тебѣ, любезный другъ Андреевичъ, имѣемъ право сказать: голова у тебя золотая, но руки лѣнивыя. Твои руки не знаю уже какое заслуживаютъ названіе, ибо онѣ не могутъ быть сравнены и съ г.... горломъ! Оно (горло) по крайней мѣрѣ ощущаетъ удовольствія, наслаждается въ продолженіи, какъ вино протекаетъ въ немъ, а лѣнивыя твои руки лишаютъ искренно тебя любящихъ друзей имѣть отрадныя свѣдѣнія о твоемъ житьѣ-бытьѣ въ странѣ неоспоримо прелестной, надѣленной дарами природы, но далекой отъ тебя любящихъ.

Печальную сообщаю тебѣ вѣсть, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ [1]) вчера, то есть 19-го марта утромъ, преселился въ жизнь вѣчную. Геркулеская сила тѣла его мѣсяца два есть-ли еще не болѣе боролась со смертію. Началась болѣзнь рвотою и поносомъ, нѣсколько разовъ, казалось, болѣзнь уступала искусству врачей, больной начиналъ оздоравливать, оправляться, былъ уже въ такомъ

[1]) Генералъ-маіоръ, бывшій флигель-адъютантъ императора Александра I, заключившій капитуляцію Парижа, р. 1788 † 1842 г. Ред.

состояніи силъ, что хотѣлъ выѣзжать, но смерть насылала на него новое нападеніе лютой болѣзни, и онъ занемогалъ снова и быстро силы жизненныя въ немъ угасали. Недѣли двѣ или долѣе сего времени Михаилъ страдалъ, томился, его мучили врачи, сажали въ ванну горячей воды, лили холодную воду на голову, вливали въ него лѣкарства, словомъ мучили его какъ во времена гоненія христіанъ мучили за исповѣданіе вѣры въ Бога живаго. Судьбы Всемогущаго неисповѣдимы. Часъ его ударилъ, и Орлова уже нѣтъ среди живыхъ.

---

6 [1]).

Слава Богу, сохранившему васъ, любезный другъ, Василій Андреевичъ, въ добромъ здравіи и безъ встрѣчи непріятностей, оскорбленія среди буйной, развратной, пьяной толпы неистовствовавшихъ нѣмцевъ. Это событіе можетъ быть названо чудомъ. И дѣйствительно есть чудо—бѣснующіеся въ полномъ отсутствіи здраваго разсудка, глумящіеся во тьмѣ разврата, разъяренные злобою, жаждущіе корысти, своеволія, разрушители всякаго порядка оставили васъ неприкосновенно, допустили пройти среди сего хаоса покойно, безъ оскорбленія. Слава Богу, избавившему васъ.

Прошу васъ простить мнѣ благосклонно, что котъ въ сапогахъ мнѣ болѣе по сердцу греческаго героя. Вы знаете, почтенный другъ, я невѣжда — Ермолафъ, но не обинуясь дозволяю сказать вамъ: — сочиненія Жуковскаго будетъ читать позднѣйшее потомство съ восхищеніемъ, съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, будутъ много и много разъ изданы, а переводъ его Одиссеи послѣ перваго тисненія будетъ почтенно покоиться на полкахъ въ книгохранилищахъ. Простите милостиво Ермолафу невѣждѣ за всякое, просто сказанное, какъ говорятъ сибиряки. Книгопродавцы говорили мнѣ, что сочиненій вашихъ много спрашиваютъ, а они всѣ вышли, теперь трудно пріобрѣсть ихъ. Вы напрасно, любезный другъ, укоряете меня, что за мною остался отвѣтъ на вашу ко мнѣ грамотку, да прошу разсудить милостиво, куда бы я послалъ мою до васъ ермолафію, не знавъ мѣста пребыванія вашего! Скажу вамъ о себѣ, какъ въ благословенныя времена сказалъ въ Казанѣ ген. губ. кн. Мещерскому татаринъ: а бачика, князь старамъ стала, умъ кончала, глупамъ стала. Вступивъ въ октябрѣ на 75-ое поприще моего подъ солнцемъ пребыванія, начинаю чувствовать и сказанную правду татариномъ. Уже много отсюда ушло кокарытниковъ моихъ и я по общему порядку ежеминутно приближаюсь къ вызову за заставу. Да будетъ со мною воля Творца и Бога нашего.

7.

Замѣтка А. М. Тургенева, написанная послѣ смерти В. А. Жуковскаго.

Не только мы, знавшіе чистоту души въ Бозѣ почившаго друга нашего, да и тѣ, которые знали его по виду, которымъ онъ былъ чуждъ, услышавъ

[1]) Безъ числа и года это письмо должно быть отнесено къ 1848 году. Ред.

послѣднюю вѣсть о немъ, сказали: праведенъ былъ человѣкъ сей на землѣ! Потеря наша въ семъ мірѣ невозвратна, но доколѣ будемъ здѣсь существовать, память о немъ будетъ для насъ священна, образъ его незабвеннымъ, не изгладится въ помыслахъ нашихъ. Онъ—Жуковскій всегда останется съ нами, всегда присутственнымъ въ душѣ нашей.

Прискорбно будетъ всѣмъ русскимъ, есть ли тѣло его успшаго оставятъ въ землѣ чуждой, если не воздвигнутъ памятника, свидѣтельствующаго о доблестяхъ и достоинствахъ его позднѣйшему потомству.

Въ послѣднемъ его письмѣ ко мнѣ, полученномъ въ ноябрѣ прошлаго года (1851), онъ говорилъ о непрестанномъ его желаніи возвратиться на родину и сказалъ: «смотри, Ермолафъ, не сыграй ты со мной шутки, не убѣги до моего возвращенія».

III.

Неизданныя письма Дениса Васильевича Давыдова—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

1.

17-го сентября (1835 г.) Маза.

Милое и дружеское письмо ваше, любезнѣйшій другъ, Александръ Ивановичъ, я получилъ вчера и спѣшу благодарить васъ, но какъ благодарить, не знаю. Слова не выразятъ чувствъ моихъ. Одолженіе ваше за предѣлами обыкновенныхъ, свѣтскихъ одолженій; оно бьетъ прямо въ сердце отцовское, а для возблагодаренія за такого рода одолженія, нѣтъ лексиконовъ и риторикъ; нѣтъ ни пера, ни языка; и такъ довольствуйтесь моимъ сердцемъ, вамъ на вѣкъ преданнымъ и благодарнымъ.

Жду съ нетерпѣніемъ письма вашего съ подробностями какъ записать въ кандидаты моего в т о р а г о сына, ибо, какъ я васъ, кажется, увѣдомилъ, с т а р ш а г о я приготовляю въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщеній подъ непосредственное начальство почтеннѣйшаго и всей душей уважаемаго мною графа Карла Ѳедоровича [1]). Повторяю вамъ, что ему (т. е. второму) скоро 11 только лѣтъ, слѣдственно, записавъ его въ кандидаты, я хочу продержать его еще у себя для приготовленія къ тому, что по программѣ требуется.

Вы пишете о какой-то моей славѣ, — что принцъ [2]) съ радостію приметъ сына Дениса Давыдова; напоминаете о службѣ моей 1812 года и пр. Это дань вашей дружбы; вы такъ меня видите; вы, можетъ быть, одинъ въ Россіи. Ваша прекрасная душа съ отголоскомъ на все отечественное, на все благородное и отважное представляетъ меня какимъ-то историческимъ лицемъ, тогда какъ я ничто какъ пахарь и иногда сотрудникъ Смирдина и все тутъ.

[1]) Генералъ-адъютантъ графъ К. Ѳ. Толь, главноуправляющій путями сообщенія (р. 1777 † 1842 г.). Ред.

[2]) Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Ред.

Кстати о Смирдинѣ, — читали ли вы послѣднюю статью мою? — о Суворовѣ? Какъ она вамъ кажется? жаль мнѣ, что онъ держитъ подъ спудомъ любимое мое дѣтище: воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи,—эту статью я вамъ рекомендую; вы ею будете довольны, ручаюсь. Въ ней я говорю про вдохновеніе во время сраженія; говорю, что оно столько же нужно полководцу, сколько витію и поэту, и потомъ вотъ слова мои: «принадлежность Суворова, «принадлежность Наполеона поэтовъ и витій дѣйствія,—какъ Пиндара, какъ «Мирабо полководцевъ слова». Это не дурно.

Не могу забыть письмо ваше,—что ни говорю и ни думаю, а все оно въ головѣ у меня—нѣтъ въ сердцѣ. Мало вамъ одолжать меня стараніемъ о принятіи сына моего въ кандидаты,—нѣтъ надо было еще предложить себя для надзора иногда за нимъ и въ праздничные дни брать его къ себѣ въ домъ вмѣстѣ съ Леонидомъ [1]). Знаете ли вы, что это такое?—но что мнѣ спрашивать васъ, знаете ли? вы сами отецъ и страстный отецъ — слѣдственно этотъ вопросъ лишній, но лишній для устъ, а не для сердца. Ничего не могу болѣе вамъ сказать: да вознаградитъ васъ Богъ въ дѣтяхъ вашихъ, за ваши мнѣ одолженія.

Анекдоты о Ланскомъ, Ушаковѣ и другихъ я вамъ доставить не могу, ибо ничего не знаю. Кой-что однако напишу о Ланскомъ и доставлю. Теперь я по уши занятъ: дописываю статью Смирдину и рыскаю по полямъ за волками, лисицами и зайцами. Преданный вамъ душею

Денисъ Давыдовъ.

2.

5-го ноября (1835 года) Маза.

Почтеннѣйшій и милой мой другъ, Александръ Ивановичъ! Я право не знаю, какъ благодарить васъ; письмо ваше и всѣ нужныя наставленія я отъ васъ получилъ, теперь надо приступить къ дѣлу, т. е. къ кандидатству. Досадно то, что грамота моя на дворянство находится въ моемъ домѣ въ Москвѣ, куда пишу, чтобы скорѣе ее ко мнѣ выслали; боюсь, что замедлю—тогда какъ слышу, что охотниковъ въ кандидаты до 600,—а мѣстъ на 150. Впрочемъ употреблю все стараніе, чтобы имѣть.

Вы пишете, что вамъ нравится мое воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи. Это мое любимое дитя. Жаль, что г. Сенковской или не знаю кто опакостилъ лучшія розы цвѣтника моего. Я объ этомъ писалъ и еще пишу Смирдину, пусть исправляютъ мои граматическія ошибки—не зная граматики, я не только не буду въ претензіи за исправленіе этихъ ошибокъ, но еще благодаренъ буду. Но измѣнять слогъ мой—хотя онъ и не превосходенъ, я не соглашаюсь. Одно переставленное слово часто отнимаетъ всю душу періода. Возьмите напримѣръ: въ встрѣчѣ съ великимъ Суворовымъ, я кончаю такъ: и Прага, залитая кровью, курилась... Въ Библіотекѣ, сказано: и Прага курилась, залитая кровью защитниковъ. Первое,

[1]) Сынъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Ред.

послѣдній махъ кисти живописца, послѣднее вялая фраза Сенковскаго; къ тому же Прага залита была не одной кровью защитниковъ, довольно было брызговъ и нашей крови [1]). Потомъ въ воспоминаніи сказано у меня: «все это мертво безъ вдохновенія, безъ какого-то порыва непонятнаго, неизвѣстнаго и пр. и столько же необходимаго для поэта, для витіи, какъ для полководца; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова,—поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо—полководцевъ слова». Какъ же въ Библіотекѣ сказано: который (порывъ) равно необходимъ и поэту и витіи и полководцу и который составлялъ принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій военнаго дѣла, принадлежность Пиндара и Мирабо, — полководцевъ слова.

Ахъ! онъ с... с...! поэтовъ и витій военнаго дѣла! Да и какъ весь періодъ исковерканъ!

Теперь я пишу Смирдину, чтобы онъ статьи мои пересылалъ ко мнѣ прежде, чѣмъ печатать ихъ, немедленно по выходѣ ихъ изъ станка Сенковскаго и цензуры. Иначе нельзя; что ни дай этимъ самозванцамъ литераторамъ—все они на свой ладъ переворотятъ.

Я зимою буду въ Петербургѣ на малое время и обниму любезнѣйшаго друга Александра Ивановича отъ всей души; пока до свиданія. Преданный вамъ душею

Денисъ Давыдовъ.

P. S.

На будущей почтѣ пришлю вамъ послѣднія двѣ статьи, на которыя подрядился я. Буду просить васъ вручить ихъ Смирдину и, взявъ у него 2000 асс., немедленно прислать ко мнѣ, чѣмъ обяжете очень.

22-го декабря 1835 года.

3. Маза.

Сейчасъ прочиталъ я въ приказахъ о производствѣ вашемъ [2]), любезнѣйшій другъ, Александръ Ивановичъ, и спѣшу васъ отъ всей души моей поздра-

---

[1]) Въ письмѣ къ Н. М. Языкову, по тому же поводу, Д. В. Давыдовъ писалъ слѣдующее:

«Хотя онъ (Сенковскій) человѣкъ съ замѣчательнымъ умомъ и большими свѣдѣніями, но про него можно сказать то, что Наполеонъ сказалъ про Фуше: «Cet homme a la manie de fourrer son pied dans le soulier de tout le monde». Зачѣмъ не оставилъ онъ въ покоѣ пяти словъ, коими заключается статья моя: *Встрѣча съ великимъ Суворовымъ*: «И Прага, залитая кровью, курилась». Какъ же онъ это разжижилъ! «И Прага курилась, залитая кровью защитниковъ». Онъ не постигъ, что слово: «курилась» есть послѣдній махъ кисти живописца, слѣдовательно въ немъ заключается и вся сила періода; но я не окончу, если бы вздумалъ указывать вамъ на тѣ (всѣ?) мѣста нивы моей, изрытой этимъ хотя и даровитымъ кротомъ словесности». (Сочиненія Д. В. Давыдова — Москва 1860 г. Часть третья—стр. 154). Ред.

[2]) 6-го декабря 1835 г. Данилевскій произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Ред.

вить. Пора, пора и пора,—только жаль, что производство это сопрягается съ назначеніемъ въ сенаторы. Рано еще вамъ мѣнять поприще суда Божія на поприще суда человѣческаго—впрочемъ, сенаторство не мѣшаетъ взмаху сабли, когда нужда потребуетъ. Была бы только гроза,—зачернѣлась бы только туча на горизонтѣ, и мы явимся и какъ алкіоны выпечатаемся бѣлымъ пятномъ на черной тучѣ.. За ними дѣло не станетъ, да то плохо, что грозы-то не предвидится. Какъ не пожалѣть о нашей общей потерѣ, о благодѣтелѣ нашемъ Наполеонѣ! Этотъ добрый человѣкъ не оставлялъ насъ въ тоскѣ тунеядства. Нынѣ вѣкъ болтуновъ; все болтаетъ, и на каѳедрахъ, и въ газетахъ, и въ гостинахъ, а что изъ того проку? Бороды вмѣсто бакенбардовъ, длинные ногти и золотыя очки на носу! Намъ не для чего задирать другихъ. Слава Богу! одной рукою хватаемся за Сѣверный мысъ, другою за Арарать, а ступней въ срединѣ Европы; хоть бы насъ задрали! да кому! Европа въ халатѣ, безъ портокъ, ѣстъ, пьетъ и сплетничаетъ; ей тѣсенъ мундиръ и каска въ тягость! И такъ, видно, намъ съ вами долго—а можетъ быть и никогда уже не жить нашей истинной жизнью! Я 22-го января выѣзжаю отсюда въ Москву. Въ Москвѣ пробуду дня три и поскачу въ Петербургъ на нѣсколько дней. Первый мой выѣздъ будетъ къ вамъ,—или лучше, сказать, только что пріѣду, сейчасъ дамъ вамъ знать о моемъ пріѣздѣ. Я нетерпѣливъ обнять васъ и поблагодарить за вашу милую благодѣтельную дружбу, ибо есть дружбы разнаго рода.

Я полагаю, что вы уже получили посылку мою съ двумя статьями для Смирдина. Пожалуйста, не щадите его и при отдачѣ ему статей тутъ же отберите отъ него статьи общественнаго блага, т. е. деньги 2000 р. не могутъ быть нигдѣ лишними, особенно въ Петербургѣ.

Я съ собою привезу еще одну статью, довольно любопытную; это занятіе мною Дрездена. За нее я дешево не возьму, да вѣдаетъ о томъ Смирдинъ и Комп., ибо это статья изъ партизанскаго дневника моего. Во мнѣ возникла довольно оригинальная мысль года два тому назадъ: я вздумалъ всѣ выручаемыя мною деньги за сочиненія мои употреблять на прибавку жалованій учителямъ и на покупку книгъ дѣтямъ моимъ,—а такъ какъ вояжъ, предпринимаемый мною теперь собственно для старшаго моего сына, котораго я намѣренъ отдать въ 1837 году въ Институтъ Путей Сообщенія, то на эту поѣздку я употребляю деньги изъ этой суммы. Мнѣ хочется, чтобъ въ совершенномъ возрастѣ сыновей моихъ, они знали, что на воспитаніе ихъ употреблены были не однѣ деньги пшеничныя, — но и тѣ, которыя я пріобрѣталъ головою. Это можетъ быть послужитъ имъ примѣромъ—ибо хорошій примѣръ дѣйствительнѣе всякаго словеснаго наставленія.

Что вамъ болѣе писать изъ глухихъ степей нашихъ? У насъ вьюги да мятели и все тутъ,—и такъ простите до свиданія. Преданный вамъ душею

Денисъ Давыдовъ.

Сообщилъ **Н. К. Шильдеръ.**

лаго столѣтія. Такъ, весьма интересенъ тотъ фактъ, что составители пѣсенъ обращали большое вниманіе на чисто народные мотивы. Наконецъ, въ приложеніяхъ помѣщенъ сборникъ печатныхъ трудовъ В. И. Лѣствицына (въ количествѣ 369 №№). Кромѣ того, къ этому прекрасно напечатанному въ типографскомъ отношеніи тому приложенъ портретъ И. А. Вахрамѣева и изображеніе идола Святовида, найденное въ Подоліи.

О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Изслѣдованіе Р. Вл. Зотова. Изданіе Археографической коммиссіи. Спб. 1892.

Въ своемъ трудѣ г. Зотовъ занимается исторіей Черниговскаго княжества въ татарское время, основываясь главнымъ образомъ на Любецкомъ синодикѣ—драгоцѣнномъ памятникѣ, содержащемъ въ себѣ много новыхъ данныхъ, проливающихъ свѣтъ на исторію Сѣверской земли въ періодъ, очень мало изслѣдованный, отъ нашествія Батыя до завоеванія Южной Руси Ольгердомъ. Недостатокъ лѣтописныхъ извѣстій за этотъ періодъ служитъ главной причиной тому, что историческая наука не могла освѣтить съ достаточной яркостью многія событія этого періода. Но Любецкій синодикъ, положенный въ основу изслѣдованія г. Зотова, открываетъ возможность дальнѣйшихъ работъ по исторіи Сѣверской земли: по этому синодику авторъ пытается возстановить личности черниговскихъ князей и хотя нѣсколько объяснить загадочные моменты изъ жизни Черниговскаго княжества. Кромѣ синодика, авторъ воспользовался для намѣченной имъ цѣли и другими источниками и пособіями. Къ книгѣ приложенъ азбучный указатель, очень облегчающій историческія справки.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. III. Бенни—Боборыкина. Спб. 1892.

Настоящій томъ, въ 444 стр., составленъ по тому же плану, какъ и предшествовавшіе два тома этого замѣчательнаго явленія нашей энциклопедической и словарной литературы. Многія статьи въ этомъ томѣ представляютъ обширныя историко-литературныя монографіи, съ критической оцѣнкой литературнаго значенія писателя. Въ большинствѣ случаевъ такія статьи принадлежатъ перу самого г. Венгерова. Обширныя библіографическія указанія сопровождаютъ почти всѣ замѣтки и служатъ очень полезнымъ пособіемъ для справокъ.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Томъ 53. Спб. 1892.

Вышедшій недавно 53-й томъ „Сборника“ весьма богатъ и разнообразенъ своимъ содержаніемъ. Въ составъ его входятъ: 1) Обзоръ дѣятельности отдѣленія за пятидесятилѣтіе съ 1841 по 1891 г. — рѣчь вице президента академіи, Я. К. Грота. 2) Отчетъ о дѣятельности отдѣленія за 1891 г., сост. акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. 3) Историко-литературное изслѣдованіе архимандрита Леонида о родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ. 4) Отчетъ о седьмомъ присужденіи пушкинскихъ премій, которыхъ удостоились сочиненія Я. П. Полонскаго, П. Н. Потапенко и А. Д. Львовой. 5) Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ акад. А. Н. Майкова, касающіеся „Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ“ по рукописямъ XVIII в. и „Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ“ по рукописи XVII в. 6) Шестой выпускъ розысканій акад. А. Н. Веселовскаго въ области русскаго духовнаго стиха. 7) Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ, акад. А. Н. Веселовскаго, и 8) Собранные Э. А. Вольтеромъ библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни.

А. М.

С. Н. Шубинскій. Историческіе очерки и разсказы. Третье изданіе, дополненное и исправленное, съ 52 портретами и иллюстраціями. 3 р.

Третье изданіе „Историческихъ очерковъ и разсказовъ“ С. Н. Шубинскаго существеннымъ образомъ отличается отъ предъидущихъ двухъ. Въ него вошло не только много новыхъ статей, но нѣкоторыя изъ прежнихъ („Березовскіе ссыльные“, „Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны“, „Дочь Бирона“) значительно дополнены и переработаны. Книга издана очень изящно, иллюстрирована 52 портретами и рисунками, сдѣланными большею частью съ рѣдкихъ оригиналовъ и наглядно представляющими намъ главныхъ дѣятелей и многія характерныя бытовыя черты русской жизни конца XVII и всего XVIII вѣковъ. Нельзя не пожелать самаго широкаго успѣха этимъ „Очеркамъ и разсказамъ“: составленные частью по архивнымъ матеріаламъ („Англичане въ Камчаткѣ въ 1877 г.“, „Подпоручикъ Ѳедосѣевъ“, „Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ“), частью по мало извѣстнымъ печатнымъ источникамъ („Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.“, „Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“, „Александрова дача“, „Русскій помѣщикъ прошлаго столѣтія“), написанные живымъ языкомъ, затрогивающіе выдающихся лицъ и интересныя событія того времени, лишенные малѣйшихъ длиннотъ, читаемые съ неослабнымъ интересомъ,—они ярко рисуютъ нашу русскую жизнь въ концѣ XVII и въ теченіе прошлаго столѣтія и имѣютъ значеніе не только какъ книга для популярнаго ознакомленія съ тѣмъ временемъ, но могутъ быть далеко не безполезны и для лицъ, изучающихъ русскую исторію.

Н. Ш.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1870 г., третье изд., (*10 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1876 г., второе изд., (*50 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*31 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*27 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., второе изд. (*51 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 книгъ (*27 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 кн. изд. второе (*50 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*44 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*57 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*37 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.

Редакторы-издатели: Н. Шильдеръ и С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. ФЕВРАЛЬ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Екатерина II и Гриммъ.** Глава I. В. А. Бильбасова ... 257

II. **Воспоминанія В. И. Панаева.** Бракосочетаніе и кончина великой княжны Александры Николаевны. Сообщ. М. Л. Казембъ-Бекъ 299

III. **Изъ записокъ стараго преображенца.** I. Отцы-командиры былыхъ временъ. — II. Мой первый полковой командиръ. — III. 1848. — Производство въ прапорщики. — Холерная паника въ Петербургѣ. — Князя Н. К. Имеретинскаго..... 313

IV. **Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ** (1863—1874 гг.). Главы V—IX. Д. Г. Анучина..... 340

V. **Баронъ Штейнъ въ Россіи въ 1812 году.** (Изъ бумагъ А. Н. Попова). Сообщ. П. Н. Цуриковъ..... 383

VI. **Записки Н. В. Веригина.** Главы X—XIV 405

VII. **Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова,** проф. Спб. духовной академіи. Главы XXIX—XXX 448

VIII. **Матеріалы и замѣтки.** I. Сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній (историческій очеркъ) Э. А. Жуковскаго. — II. К. В. Чевкинъ въ письмахъ его къ графу Дибичу (Изъ бумагъ К. В. Чевкина). — III. Письмо митрополита Филарета по поводу восшествія на престолъ императора Александра II. Сообщ. С. Ѳ. Огородниковъ 481

IX. **По поводу записокъ Толмачева.** М. Брадке (рожд. Кояндеръ)..... 495

X. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа **Ѳедора Ѳедоровича Берга,** намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Грав. худ. И. И. Матюшинъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. О«бщественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1893.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1893 г.

Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890. 8°. 296 стр.—То же (1796—1828). Спб. 1893. 8°. 308 стр., ц. за обѣ книги 3 р.

Трудная задача представлялась автору сочиненія, заглавіе котораго мы выписали, такъ какъ у г-жи Лихачевой почти не было предшественниковъ не только въ общей разработкѣ избраннаго ею вопроса, но и въ отдѣльныхъ частяхъ его. Автору приходилось самому и подыскивать разбросанные въ разныхъ мѣстахъ факты, и группировать ихъ. Особенно замѣтна такая мозаичность работы въ первыхъ двухъ главахъ труда г-жи Лихачевой, гдѣ она даетъ обзоръ исторіи женскаго образованія въ допетровской Руси, потому что всестороннему изслѣдованію мѣшаютъ здѣсь и скудость матеріала, и часто даже неособенная достовѣрность его. Исторію нашего женскаго образованія г-жа Лихачева начинаетъ съ 1086 г., т. е. со времени основанія въ Кіевѣ, при Андреевскомъ монастырѣ, перваго училища для дѣвочекъ княжною инокинею Анною Всеволодовною, обширные размѣры котораго позволяютъ автору заключить вмѣстѣ съ М. Д. Хмыровымъ, что это было первое женское училище не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Вообще, г-жа Лихачева совершенно правильно нигдѣ въ своемъ трудѣ не даетъ безотносительныхъ результатовъ, а сравниваетъ развитіе женскаго образованія у насъ съ положеніемъ этого дѣла въ Западной Европѣ. Излагая исторію женскаго просвѣщенія въ допетровской Руси, авторъ считаетъ положительнымъ, что женщины не были отчуждены въ то время у насъ отъ образованія въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова, т. е. грамотности и начитанности въ божественныхъ книгахъ. Разсматривая въ послѣдующей главѣ исторію женскаго образованія при Петрѣ, г-жа Лихачева находитъ, что оно сдѣлало шагъ впередъ сравнительно съ прежнимъ временемъ; такъ уже въ то время находились женщины, которыя умѣли говорить по-нѣмецки. Кромѣ того, указомъ 1724 г. Петръ I прямо предписываетъ производить обученіе женщинъ при монастыряхъ. Еще большая забота о женскомъ образованіи прилагается со времени императрицы Елизаветы, когда указомъ 1743 г. обученіе дѣтей вмѣнялось въ обязанность родителямъ. Правда, прямо про дѣвочекъ въ указѣ этомъ не сказано, но впослѣдствіи самъ Сенатъ ссылался на него, какъ на обязательный для дѣтей обоего пола. Замѣтимъ кстати, что, вообще, все наше, законодательство по женскому образованію до Екатерины II ограничивалось 4-мя указами.

Со вступленіемъ на престолъ этой императрицы, въ исторіи женскаго образованія въ Россіи наступаетъ новая эра, такъ какъ учрежденіе ею „Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ“ (5 мая 1764 г.) было, по мнѣнію автора, такимъ шагомъ впередъ въ обученіи женщинъ, что мы стали въ этомъ отношеніи даже выше Западной Европы. Понятно, что и изложеніе г-жи Лихачевой должно много выиграть, когда она приступаетъ къ этому періоду исторіи женскаго образованія, такъ какъ подъ руками у нея теперь, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ печатныхъ пособій, являются и богатые архивные матеріалы, которыми, конечно, она не могла воспользоваться по многимъ причинамъ во всей ихъ обширности. Нѣкоторая случайность въ выборѣ фактовъ замѣтна у автора, когда онъ излагаетъ исторію домашняго и частнаго воспитанія женщинъ при Екатеринѣ, такъ какъ для этого ранѣе ничего рѣшительно не было сдѣлано. Несмотря на самыя энергическія работы правительства о женскомъ образованіи при Екатеринѣ, результаты, добытые имъ, не могутъ назваться особенно блестящими; главною виною этому являлось, конечно, крайнее равнодушіе общества къ женскому образованію. Такъ въ годъ смерти Екатерины всего училось 1.121 дѣвушка, 759 изъ нихъ приходилось на одну Петербургскую губернію, а если сравнить 362 остальныхъ съ 26 милліоннымъ населеніемъ тогдашней имперіи, то процентъ отношенія будетъ болѣе, чѣмъ ничтожный. Но Екатерина сдѣлала то, что всѣ дѣвочки, безъ исключенія сословій, могли учиться, и что обученіе женщинъ сдѣлалось дѣломъ государственнымъ.

Второй томъ г-жи Лихачевой посвященъ исторіи женскаго образованія при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Изложеніе этого тома ведется почти исключительно на основаніи архивныхъ матеріаловъ, что позволяетъ автору изложить устройство тогдашнихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ большою подробностью и точностью, какъ въ ихъ экономическомъ положеніи, такъ и въ отношеніи образа жизни воспитанницъ, ихъ воспитанія и образованія.

Императрица Марія Ѳеодоровна произвела коренную реформу въ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній, подчиненныхъ ея вѣдѣнію указомъ 12-го ноября 1796 г., т. е. черезъ 6 дней по смерти Екатерины. Реформа эта лежала въ самомъ характерѣ Маріи Ѳеодоровны. Она не задавалась широкими полетами мыслей своей свекрови и не мечтала поэтому, подобно Екатеринѣ, перевоспитать весь народъ въ тѣхъ предѣлахъ, какъ ей было этого угодно. Марія Ѳеодоровна имѣла въ виду приготовить изъ дѣвушекъ, получающихъ образованіе въ институтахъ, только хорошихъ женъ, матерей и хозяекъ. Поэтому она гораздо меньше вникала въ дѣло образованія, чѣмъ въ дѣло воспитанія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заботы ея о воспитанницахъ доходили до такихъ мелочей, что она сама списывала рецепты дѣтскихъ болѣзней, безпокоилась

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 23 ЯНВАРЯ 1893 Г.

ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА". Б. ПОДЪЯЧ., 39.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БЕРГЪ,

намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ. Род. 1794 † 1874 г.

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

I.

«Вслѣдъ за наслѣднымъ принцемъ Дармштадтскимъ прибылъ, четыре дня назадъ, г. Гриммъ. Его бесѣда для меня наслажденіе; но намъ предстоитъ еще переговорить о столькихъ вещахъ, что до сихъ поръ въ нашихъ бесѣдахъ было болѣе живости, чѣмъ порядка. Мы много говорили о васъ. Я сказала ему то, о чемъ вы, можетъ быть, забыли—что ваши сочиненія пріучили меня размышлять» [1]).

Такъ писала императрица Екатерина II «его литературному величеству» Вольтеру 15 сентября 1773 года. Екатерина называетъ своего собесѣдника просто Гриммъ, какъ въ томъ же письмѣ она говоритъ о Дидро, Гельвеціи, Рейналѣ. Кто же этотъ Гриммъ? Чѣмъ онъ извѣстенъ и почему явился въ Россію?

Вопросы не праздные. Болѣе двадцати лѣтъ, до послѣднихъ дней своей жизни, Екатерина вела постоянную переписку съ Гриммомъ; до настоящаго времени обнародовано болѣе 600 писемъ ея къ этому Гримму. Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ; она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остроумныя письма къ Вольтеру и энциклопедистамъ, которые должны были расточать ей похвалы по всей Европѣ, когда кропала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законо-

[1]) „Oeuvres de Voltaire“. LXXVIII, 276; Сборникъ рус. ист. об., XIII, 358; Фабіянъ, Переписка, II, 127.

дательницы. Екатерина II была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Д'Аламберу и всѣмъ «знаменитостямъ» вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно же письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее хотятъ вызвать на разговоръ [1]); тѣмъ болѣе умѣла она писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Конечно, изъ всѣхъ писаній Екатерины, письма всего болѣе могутъ служить матеріаломъ для обрисовки ея внутренняго существа. Но письма письмамъ рознь. Письма, напримѣръ, къ Д'Аламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи «болѣе свободы», чѣмъ во Франціи, или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣдомленіемъ, что «Россія пользуется полною терпимостью» [2]), имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ письма къ Гримму, въ которыхъ Екатерина записываетъ, почти день за днемъ, рядомъ съ отзывами о серьезныхъ дѣлахъ, всякія мелочи, до извѣстія о рубашенкѣ своего внука [3]), великаго князя Александра Павловича, и о здравіи Monsieur Thomas, своей комнатной собачки, включительно [4]). Какъ произведенія Вольтера Екатерина «читала, перечитывала и изучала», такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово; письма же къ Гримму—черновые наброски, безъ предвзятой цѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матеріалъ для составленія «Siècle de Catherine II», какъ pendant къ «Siècle de Louis XIV» [5]); въ письмахъ же къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе [6]), иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ своею «Cor-

[1]) «Mémoires de Catherine II», Londres, 1859, p. 59.

[2]) Сборникъ, VII, 179; X, 39.

[3]) Ibid., XXIII, 215.

[4]) Ibid., XXIII, 2, 35, 88, 89, 147, sqq.

[5]) Кажется, Вольтеръ догадывался объ этой цѣли и старался отклонить ее; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Екатеринѣ, отъ 3 декабря 1771 г., встрѣчается такая фраза: Heureux l'écrivain qui donnera dans un siècle l'histoire de Catherine II. Voltaire, LXXVIII, 211.

[6]) Сборникъ, XXIII, 316, 317, 319, 322, 344.

respondance Littéraire» нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не только на произведенія искусства и на явленія литературы. Письма къ Гримму отличаются интимнымъ характеромъ; въ нихъ Екатерина изливала свои задушевныя мысли, высказывалась вся, была вполнѣ искренна. Какъ «Мемуары» Екатерины являются наиболѣе важнымъ источникомъ для ея исторіи до воцаренія, такъ въ письмахъ къ Гримму заключаются наиболѣе правдивыя показанія Екатерины о самой себѣ за послѣдніе годы ея царствованія. Чтобы вѣрно оцѣнить Екатерину, нужно хорошо узнать Гримма, которому она «исповѣдывалась» по всѣмъ вопросамъ своей домашней, общественной и государственной жизни.

Кто же этотъ Гриммъ?

До настоящаго времени это еще вопросъ. Нѣмецъ, дебютировавшій въ Парижѣ небольшой брошюрой, доставившей ему громкую извѣстность; критикъ, въ теченіе десятилѣтій разсылавшій коронованнымъ особамъ Европы свою рукописную «Correspondance Littéraire»; писатель, принятый въ салонѣ г-жи Жоффренъ, бывшей «литературнымъ термометромъ» своего времени, и посѣщавшій пятницы г-жи Неккеръ; философъ, бывшій другомъ Руссо, Гольбаха, Дидро, Д'Аламбера; человѣкъ, наконецъ, болѣе сорока лѣтъ находившійся въ сношеніяхъ со всѣми знаменитостями своего вѣка, долженъ былъ бы, казалось, представляться фигурой довольно опредѣленной. Оказывается, однако, что онъ всѣмъ былъ извѣстенъ, но его никто не зналъ, никто не интересовался имъ настолько, чтобы набросать хотя бы бѣглый эскизъ его портрета. Современники Гримма ничего не говорятъ о немъ; даже друзья умалчиваютъ. Мармонтель, постоянный посѣтитель «холостыхъ обѣдовъ» Гримма, ни однимъ словомъ не обмолвился о немъ въ «Mémoires de ma vie», представляющихъ цѣлую галлерею современныхъ портретовъ; аб. Морреле не говоритъ о Гриммѣ ни въ «Mélanges de littérature et de philosophie», ни въ своихъ «Mémoires». Только «другъ» Руссо, въ своихъ «Confessions», и «подруга сердца» г-жа Эпинэ, въ своихъ «Mémoires», занимаются Гриммомъ, но ихъ показанія не имѣютъ существеннаго значенія. Они разно смотрятъ на Гримма—Руссо чернитъ, Эпинэ превозноситъ—но оба рисуютъ Гримма въ халатѣ, въ домашнемъ быту, среди личныхъ дрязгъ, не касаясь его

общественной и литературной дѣятельности. Мы не имѣемъ надобности ни опровергать «клеветы» Руссо [1]), ни принимать «панегирикъ» г-жи Эпинэ, такъ какъ то и другое вовсе не касается тѣхъ сторонъ Гримма, которыя однѣ могутъ интересовать насъ. Ближайшій сотрудникъ Гримма, его секретарь, Мейстеръ составилъ небольшую, но спеціальную записку «Le baron de Grimm» [2]), въ которой сохранилъ нѣсколько воспоминаній, сообщенныхъ ему самимъ Гриммомъ. Мейстеръ называетъ его «философомъ», чаще «писателемъ», и всегда другомъ всѣхъ энциклопедистовъ; почему же никто изъ философовъ и писателей, современниковъ и друзей Гримма не упоминаетъ о немъ?

Гриммъ рано началъ писать, будучи еще гимназистомъ; писалъ на своемъ вѣку очень много, но мало печаталъ. Всѣ важнѣйшіе его труды напечатаны уже послѣ его смерти: «Correspondance Littéraire» впервые издана въ 1812 году [3]), переписка съ Екатериною II только въ 1881 году. Гриммъ, быть можетъ, единственный писатель въ мірѣ, который писалъ не для печати. Неудивительно, что его не знали. Онъ пріобрѣлъ «посмертную» извѣстность; только спустя сто лѣтъ по смерти Гримма стали интересоваться его писаніями. Только теперь, когда напечатано все то, что Гриммъ писалъ не для печати, пробудился нѣкоторый интересъ и къ личности Гримма. Этимъ именно Гриммъ отличается отъ всѣхъ своихъ «друзей». Руссо и Дидро, Д'Аламберъ и Гольбахъ, Рейналь, Гельвецій, всѣ «друзья» Гримма, своими сочиненіями сами нарисовали свою литературную физіономію, завоевали себѣ опредѣленное положеніе,

---

[1]) On n'est pas juste pour Grimm, grâce au témoignage de J. J. Rousseau dans ses Confessions. Mais Rousseau ne se gène en rien pour mentir et à l'égard de Grimm il a été un menteur. Sainte-Beuve, Causeries du Lundi, VII, 227.

[2]) Помѣщена въ I т. Tourneux, Correspondance, 3. J. H. Meister, 1744—1826, переводчикъ „Идиллій" Геснера, съ молодыхъ лѣтъ поселившійся въ Парижѣ. Его зналъ Дидро, любила г-жа Неккеръ, принимала г-жа Дюбарри. Во время революціи онъ покинулъ Парижъ и поселился въ Цюрихѣ, гдѣ и умеръ.

[3]) Полное изданіе появилось лишь въ наши дни: Maurice Tourneux, «Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister» etc. Paris, 16 vls, 1882. Въ этомъ изданіи впервые точно отмѣчено все, принадлежащее Гримму.

составили имя. Съ каждымъ изъ этихъ именъ связывалось представленіе объ извѣстномъ ученомъ или литературномъ произведеніи. Гриммъ ничего не написалъ, ничего не издалъ, что́ придавало бы его имени извѣстную окраску. Онъ только писалъ письма, цѣнность которыхъ заключалась, прежде всего, именно въ томъ, что они не были обнародованы. При жизни, Гримма знали лучше за предѣлами Франціи, гдѣ читалась его «Correspondance Littéraire», чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ объ этомъ рукописномъ изданіи знали весьма немногіе.

Теперь «Correspondance Littéraire» доступна всѣмъ; обнародована и переписка Гримма съ Екатериною II, если не вся, то бо́льшая ея часть. Эти два изданія и должны служить единственнымъ матеріаломъ для возсозданія литературной физіономіи Гримма. Матеріалъ, должно сознаться, крайне благодарный, но въ то же время допускающій возможность самыхъ противоположныхъ заключеній. Во всѣхъ писаніяхъ Гримма, отъ его перваго гимназическаго письма къ проф. Готшеду до старческой исповѣди императору Павлу, замѣчаются нѣкоторыя черты, крайне затрудняющія изслѣдователя: рядомъ съ свѣтлымъ взглядомъ, вѣрнымъ сужденіемъ и большимъ вкусомъ постоянно встрѣчается замѣтная предвзятость, угодливая льстивость и фальшивое «себѣ на умѣ». Чѣмъ ни объяснялись бы эти несимпатичныя черты, онѣ нерѣдко приводятъ изслѣдователей къ прямо противоположнымъ заключеніямъ. Нѣмецкій ученый Гиллебрандъ чернитъ недостатки Гримма, напоминая Руссо; французскій Шереръ—восхваляетъ его достоинства, подобно Эпинэ; русскій Я. Гротъ находитъ, что Гриммъ «съ нѣкоторыми слабостями, отчасти проистекавшими изъ самыхъ обстоятельствъ его жизни, соединялъ несомнѣнныя достоинства» [1]).

Обстоятельства жизни всегда играютъ извѣстную роль; эта-то роль и должна быть опредѣлена и выяснена. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, «обстоятельства жизни» Гримма довольно извѣстны.

---

[1]) Karl Hillebrand, „Katharina II und Grimm“, in „Deutsche Rundschau“, VII, 377; Edmond Scherer, „Melchior Grimm“, Paris, 1887; Я. К. Гротъ, „Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ“, Спб. 1884 г.

«Я родился — пишетъ Гриммъ—свободнымъ гражданиномъ имперскаго города и явился въ свѣтъ бѣднякомъ». Отецъ Мельхіора Гримма былъ пасторомъ въ одномъ изъ приходовъ Регенсбурга; позже онъ былъ назначенъ суперъ-интендантомъ лютеранскихъ церквей въ Верхнемъ Пфальцѣ. Какъ лицо духовное, онъ далъ своимъ дѣтямъ хорошее образованіе: Мельхіоръ Гриммъ обучался въ Регенсбургской гимназіи и слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Будучи еще въ гимназіи, Гриммъ интересовался литературой и 18-ти-лѣтнимъ юношей написалъ, въ 1741 году, свое первое письмо профессору логики и метафизики Лейпцигскаго университета Готшеду [1]), «изъ педантовъ педанту». Письмо очень длинно и скучно, но весьма характерно.

«Писать вамъ, безъ сомнѣнія, неслыханная дерзость съ моей стороны; но невыразимое уваженіе, внушаемое мнѣ вашими безмѣрными заслугами, возбудили во мнѣ непреоборимое желаніе познакомиться съ вами. Я могъ бы, конечно, указать мотивъ, оправдывающій мой поступокъ—братъ мой, гофмейстеръ барона Шёнберга, поручилъ мнѣ собрать и переслать вамъ прилагаемыя брошюры; но я не скрою отъ Вашего Великолѣпія, что мною руководило главнѣйшимъ образомъ желаніе выразить вамъ то благоговѣніе, какое я питаю къ вашимъ несравненнымъ достоинствамъ. Скажу вамъ прямо—я еще молодой человѣкъ, только чрезъ полтора года поступающій въ Лейпцигскій университетъ; здѣсь, въ гимназіи, я учусь латинскому языку и другимъ свободнымъ искусствамъ; но высшее мое наслажденіе — чтеніе нравоучительныхъ сочиненій и вообще книгъ, написанныхъ хорошимъ слогомъ. Къ сожалѣнію, къ нашемъ Регенсбургѣ нѣтъ ни одной порядочной книжной лавки, такъ что я не видалъ здѣсь ни одного изъ безцѣнныхъ твореній

[1]) Ioh. Chr. Gottsched, 1700—1766, много потрудившійся для нѣмецкаго языка и нѣмецкой литературы. Безъ таланта, но съ большимъ вкусомъ и серьезною ученостью, онъ, неустаннымъ трудомъ, педантически очищалъ языкъ и литературу нѣмцевъ, ставя въ образецъ древнихъ классиковъ и французскія произведенія. Онъ издавалъ нѣсколько журналовъ, напечаталъ нѣсколько сборниковъ, всегда имѣлъ въ виду улучшеніе нѣмецкаго языка и возвышеніе литературнаго вкуса. Онъ самъ написалъ одну только драму „Der sterbende Cato“, водянистую и бездарную, но составленную по всѣмъ правиламъ искусства того времени. Письмо Гримма къ Готшеду см. Danzel, „Gottsched und seine Zeit“, Leipzig, 1848, S. 344 sqq.

Вашего Великолѣпія. Нѣсколько лѣтъ назадъ, мой братъ осчастливилъ меня вашимъ «Опытомъ стихосложенія» [1]), равно какъ «Разсужденіемъ объ изученіи» Роллэна [2]), въ нѣмецкомъ переводѣ Шваба. Не въ силахъ выразить, съ какимъ наслажденіемъ прочелъ я эти произведенія. Только теперь впервые прозрѣлъ я и понялъ, что такое истинное знаніе! Сверхъ того, братъ привезъ мнѣ недавно изъ Лейпцига ваше «Ораторское искусство» [3]), которое я прочелъ съ такою же жадностью и которое окончательно раскрыло мнѣ глаза. Я увидѣлъ, что часто принималъ за золото ту позолоту, которою любятъ украшаться quasi-ученые люди. Но да позволитъ мнѣ Ваше Великолѣпіе высказать, что въ двухъ его произведеніяхъ, выше мною названныхъ, я нашелъ излишнюю скромность. Считаю того глупцомъ и негодяемъ, кто не признаетъ, что Германія обязана вамъ, вамъ однимъ, развитіемъ своего языка, поэзіи и краснорѣчія. Надѣюсь дожить до того времени, когда Германія превзойдетъ всѣ другія страны въ этихъ отрасляхъ литературы! Этимъ она будетъ обязана великому Готшеду, такъ какъ его славными усиліями возрождается въ Германіи хорошій вкусъ, такъ какъ онъ побуждаетъ своихъ соотечественниковъ подражать образцамъ древнихъ классиковъ и новѣйшихъ французовъ. Мнѣ, однако, не вѣрится, чтобы Германія теперь уже была въ этомъ отношеніи ниже другихъ странъ. Въ Италіи повсюду господствуетъ дурной вкусъ. Франція сдѣлала большіе успѣхи, но развѣ мы не можемъ ихъ Буало, Роллэну, Фонтенеллю, Вольтеру, словомъ, всѣмъ ихъ литературнымъ знаменитостямъ, противопоставить нашего Готшеда? То, чему Англія восхищается въ своемъ Ньютонѣ, Аддисонѣ, Стилѣ, мы благоговѣйно чтимъ въ нашемъ безсмертномъ Готшедѣ. Въ немъ одномъ совокупилось все то, что въ другихъ странахъ подѣлено между многими личностями. И если Франція величается г-жею Дасье [4]), мы мо-

---

[1]) „Versuch einer kritischen Dichtkunst". Leipzig, 1730.

[2]) Charles Rollin, 1661—1741, историкъ, авторъ „Histoire ancienne", 13 т., и „Histoire Romaine", 16 т Гриммъ упоминаетъ объ его „Traité de la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres", 4 т. Нѣмецкій переводъ Шваба намъ неизвѣстенъ.

[3]) „Ausführliche Redekunst", Leipzig, 1728.

[4]) Anne Dacier, 1654—1720, жена академика, хранителя личной библіотеки короля и переводчика классиковъ ad usum Delphini, извѣстная перевод-

жемъ гордиться нашею г-жею Готшедъ! Удивленіе, которое я чувствую къ Вашему Великолѣпію, часто уже было для меня весьма выгодно. Ему именно обязанъ я дружбой съ Шёнбергомъ, достойнымъ сыномъ саксонскаго министра. У него славная голова, открытая душа, и для него нѣтъ бо́льшаго наслажденія, какъ перелистывать вмѣстѣ со мною ваши произведенія. Онъ теперь иначе не называетъ меня, какъ критикомъ, такъ какъ мы все обсуживаемъ, изъ всего дѣлаемъ вопросъ, все критикуемъ». И такъ далѣе, и такъ далѣе, еще нѣсколько страницъ, гдѣ Гриммъ «умоляетъ» прислать ему портретъ г-жи Готшедъ и, въ концѣ концовъ, прилагаетъ «на просмотръ учителя» нѣсколько своихъ поэтическихъ произведеній, между прочимъ, сатиру «на гонителей философіи» и какую-то оду [1]).

Въ этомъ первомъ письмѣ, еще гимназиста, видны уже въ зародышѣ тѣ особенности, которыя проявлялъ Гриммъ въ своей жизни и съ которыми онъ сошелъ въ могилу: нескромность, доходящая до наглости, незнающая мѣры лесть и, какъ конечная цѣль, достиженіе земныхъ благъ. Гимназистъ Гриммъ не только рѣшается писать письмо профессору университета, но высказываетъ свои сужденія, даетъ даже совѣты, выпрашиваетъ портретъ профессорши, Frau Professorin, похваляется дружбой съ Шёнбергомъ, какъ выгоднымъ дѣломъ. Поповичъ, хотя и протестантскій, онъ дружитъ на гимназической еще скамьѣ не съ кѣмъ инымъ, какъ Шёнбергомъ, сыномъ богатыхъ и именитыхъ родителей; своего брата, управляющаго регенсбургскимъ домомъ барона Шёнберга, онъ величаетъ Hofmeister! Гриммъ, уже и въ этомъ первомъ своемъ письмѣ, прибѣгаетъ ко лжи, лишь бы угодливою лестью добиться благоволенія Готшеда: произведенія «лейпцигскаго педанта» не играли никакой роли въ его отношеніяхъ къ Шёнбергу, съ которымъ онъ былъ въ друже-

---

чица Гомера; она же переводила Анакреона, Плавта, Аристофана, всего Теренція.—Louise Gottsched, 1713—1762, много помогала мужу въ его литературно-критическихъ трудахъ, написала драму „Panthea“ и комедію „Die Hausfranzösin“, оставила три тома замѣчательныхъ „Briefe“.—Сравненіе Гримма нельзя назвать вполнѣ удачнымъ: Буало ставилъ г-жу Дасье выше ея мужа и напоминаніе объ этомъ едва-ли могло быть пріятно Готшеду.

[1]) Danzel, 344. Ew. Hochedelgebohren Magnificenz, собственно: ваше высокоблагорожденное великолѣпіе.

скихъ отношеніяхъ еще задолго до того, какъ услышалъ въ первый разъ самое имя Готшеда [1]).

Болѣе года, до прибытія Гримма въ Лейпцигскій университетъ, продолжалась эта переписка съ Готшедомъ. Она велась Гриммомъ въ томъ же приторно-льстивомъ тонѣ, иногда стихами—убійственными виршами, въ которыхъ Готшедъ ставился «по праву» рядомъ съ Гораціемъ, причемъ ужь, конечно, Буало долженъ былъ уступить ему свое мѣсто [2]). Эта лесть не была безцѣльною: Гриммъ, увлеченный «Нѣмецкой сценой» [3]), издававшейся Готшедомъ, рѣшился написать трагедію. Онъ окончилъ ее уже въ Лейпцигѣ, подъ личнымъ руководствомъ Готшеда, и въ 1743 г. трагедія «Баниза» была напечатана. Самолюбіе 20-ти лѣтняго драматурга было удовлетворено вполнѣ: трагедія не только была напечатана, она была представлена на сценѣ, въ Страсбургѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и имѣла успѣхъ. Малотого: много лѣтъ спустя, Фридрихъ II, принимая впервые Гримма, встрѣтилъ его первыми стихами трагедіи [4]).

Въ концѣ XVII стол., появился въ Лейпцигѣ романъ Циглера «Азіатская Баниза» [5])—рыцарская «авантюра» въ восточной об-

---

[1]) О дружбѣ съ Готлобомъ Шёнбергомъ Гриммъ писалъ Екатеринѣ II, отъ 9 октября 1790 г.: c'est mon ami depuis l'âge de onze ans (Сборникъ, XXXIII, 268); отъ 22 февраля 1791 г.: c'est le plus ancien ami que j'aie au monde, puisque notre amitié date de l'âge de dix ans (Ibid., 315). Ни съ одиннадцати, ни съ десятилѣтнимъ мальчикомъ Гриммъ не могъ читать ни „Versuch einer kritischen Dichtkunst", ни Ausführliche Redekunst", тѣмъ менѣе это чтеніе могло повести къ дружбѣ, о которой говорится въ письмѣ.

[2]) Danzel, 347: Ist's möglich? Grosser Geist, Du den die Klügsten schätzen,
Dir, den wir dem Horaz mit Recht zur Seite setzen,
Dem Frankreichs Boileau, Du schreibst mir, Grosser Mann,
Und treibest mein Bemühn durch Deinen Beyfall an?

[3]) „Die deutsche Schaubühne nach den Regeln und Exempeln der Alten". Leipzig, 6 т., 1741. Это есть сборникъ лучшихъ переводныхъ и оригинальныхъ драматическихъ произведеній того времени. Здѣсь помѣщены первые драматическіе труды знаменитаго Шлегеля, въ то время лейпцигскаго студента и ученика Готшеда.

[4]) Письмо Гримма Фридриху II, отъ 29 іюня 1781 г.: Sire, je me rappellerai toujours bien vivement avec quelle verve Votre Majesté me déclama un jour tout le commencement Der Asiatischen Banise (Tourneux, XVI, 467).

[5]) Anselm von Ziegler und Klipphausen, „Asiatische Banise, oder blutiges, doch muthiges Pegu". Leipzig, 1688. Романъ написанъ надутымъ, высокопарнымъ слогомъ; фабула его невѣроятна до нелѣпости и, тѣмъ не менѣе, это былъ все-таки лучшій романъ того времени. Только первая его часть написана Циглеромъ, вторая же—Гаманномъ, значительно позже.

становкѣ. Романъ имѣлъ невѣроятный успѣхъ, пережилъ множество изданій, былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, вызвалъ появленіе «англійской», даже «египетской» Банизы, выдержалъ нѣсколько передѣлокъ для сцены и до конца XVIII вѣка, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, вызывалъ слезы у романическихъ нѣмокъ. Содержаніе трагедіи Гримма цѣликомъ взято у Циглера; это даже не подражаніе, а переложеніе прозаическаго романа въ стихотворную трагедію. Переложеніе убійственное: ни одного удачнаго стиха, ни одного красиваго оборота — все вяло, безвкусно, тупо. Лессингъ обвинялъ за эту трагедію даже не Гримма, а Готшеда, подъ руководствомъ котораго она была писана. Къ чести Гримма должно сказать, что онъ самъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Лессинга о его «Банизѣ». Когда Готшедъ приготовлялъ второе изданіе «Нѣмецкой сцены», Гриммъ писалъ ему: «Я всегда считалъ «Банизу» недостойною этого сборника. Небу, очевидно, не было угодно, чтобъ я сдѣлался поэтомъ, несмотря на всю любовь мою къ поэзіи. Отчасти сознаніе, что во мнѣ нѣтъ поэтическаго таланта, отчасти мое служебное положеніе были причиною, что я, вслѣдъ за выходомъ изъ университета, отказался отъ поэзіи, вѣрнѣе отъ риѳмоплетства. Только ваше доброе стремленіе поощрять молодыя силы могло дать «Банизѣ» мѣсто въ вашемъ сборникѣ; но такъ какъ я рѣшительно отказался отъ занятій подобнаго рода и, слѣдовательно, въ такомъ поощреніи не нуждаюсь, то вы поступите вполнѣ основательно, если замѣните «Банизу» въ новомъ изданіи какою-либо лучшею трагедіею» [1]).

Отреченіе отъ «Банизы» свидѣтельствуетъ о перемѣнѣ, происшедшей въ Гриммѣ. Этой перемѣной, въ высшей степени счастливой, Гриммъ обязанъ вліянію проф. Эрнести на своихъ слушателей [2]). Знаменитый философъ, «Цицеронъ Германіи», Эрнести, своими изслѣдованіями, формировалъ умъ и вкусъ студентовъ на образцовыхъ твореніяхъ древняго міра. Всѣмъ своимъ развитіемъ

---

[1]) Danzel, 348.

[2]) I. A. Ernesti, 1707—1781, основатель новой богословской и филологической школы, положившій начало критическому изученію Библіи. Наиболѣе характерный отзывъ Гримма объ Эрнести въ „Correspondance Littéraire“ см. Tourneux, VIII, 150; тамъ же, стр. 314, рѣзкій отзывъ Гримма о Готшедѣ, правда, уже покойномъ.

Гриммъ обязанъ Эрнести, не Готшеду, и всегда съ благодарностью вспоминалъ комментаріи Эрнести на «De Officiis», гдѣ моральные принципы и нравственные идеалы выяснялись при разборѣ грамматическихъ формъ.

Гриммъ оставался въ Лейпцигскомъ университетѣ не болѣе двухъ лѣтъ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставилъ его отказаться отъ такой «умственной роскоши», какъ университетское образованіе, и обратиться къ трудовому заработку, чтобъ обезпечить себѣ существованіе. Дружба съ Шёнбергомъ принесла ему теперь существенную пользу: по просьбѣ друга, Готлоба Шёнберга, Гриммъ поступилъ воспитателемъ его младшаго брата, Адольфа Шёнберга. Отецъ ихъ, Іоганъ-Фридрихъ Шёнбергъ, былъ министромъ дрезденскаго государственнаго совѣта и саксонскимъ посланникомъ при германскомъ сеймѣ, жилъ постоянно въ Регенсбургѣ, сошелся съ пасторомъ Гриммомъ и оказывалъ покровительство его «недоучившемуся» сыну, Мельхіору Гримму. Болѣе трехъ лѣтъ прожилъ Гриммъ въ домѣ Шёнберга, воспитывая сына и исполняя, при случаѣ, обязанности секретаря при отцѣ. Въ концѣ 1748 года, сопровождая своего воспитанника въ его «образовательномъ путешествіи», Гриммъ попалъ въ Парижъ и разстался съ своимъ воспитанникомъ: Адольфъ Шёнбергъ возвратился въ Регенсбургъ, Гриммъ поселился въ Парижѣ. Но и тамъ онъ устроился, благодаря только покровительству Шёнберга—молодой, богатый соотечественникъ Шёнберга, графъ Фризенъ [1]) взялъ Гримма къ себѣ секретаремъ. «Секретарь,—говоритъ Мармонтель,—скоро сдѣлался другомъ своего патрона»: жилъ въ его домѣ, пользовался всѣми удобствами, не неся никакой обязанности. Графъ Фризенъ жилъ открыто: все высшее общество посѣщало его, всѣ «модныя знаменитости» сходились въ его салонахъ, всѣ «знатные иностранцы» являлись къ нему [2]). Гриммъ всѣхъ видѣлъ, всѣмъ былъ представляемъ, со всѣми познакомился.

[1]) Auguste Henri comte de Frise, собственно Friesen, 1728—1755. Его мать, графиня Козелъ, была побочною дочерью польскаго короля Августа II, курфюрста Саксонскаго; гр. Фризенъ, поэтому, приходился племянникомъ графу Морицу Саксонскому, побочному сыну Августа II. Безенваль, въ своихъ „Mémoires“, и Руссо, въ „Confessions“, много говорятъ о немъ.

[2]) Гриммъ въ письмѣ къ Готшеду, отъ 10-го сентября 1754 г., изъ Парижа: C'était un Allemand qui faisant un bon usage d'une fortune considérable, était parvenu à avoir la meilleure maison de Paris, en rassemblant chez lui tous les gens d'un mérite superieur. Danzel, 353.

Такъ, въ первые годы по выходѣ изъ университета, Гриммъ, сынъ бѣднаго пастора, все жилъ «на хлѣбахъ изъ милости»—въ Регенсбургѣ у Шёнберга, въ Парижѣ—у графа Фризена. Но жилъ, по словамъ современниковъ, не дурно. Разъ въ недѣлю онъ устраивалъ у себя, въ домѣ графа Фризена, «холостые обѣды», на которые сходились Дидро, Руссо, Гельвецій, Мармонтель и на которыхъ царила «вольная свобода». Въ домѣ же графа Фризена познакомился Гриммъ съ барономъ Студницемъ, посланникомъ герцога Саксенъ-Готскаго въ Парижѣ; когда наслѣдный принцъ Саксенъ-Готскій прибылъ въ Парижъ, Гриммъ былъ представленъ ему, причемъ немедленно же подружился съ Клюпфелемъ, домовымъ пасторомъ принца. Это была тоже «выгодная» дружба: недаромъ Гриммъ заказываетъ въ Парижѣ парикъ для своего друга, высылаетъ его женѣ помаду, зубной элексиръ, заботится о заглавной виньеткѣ для основаннаго Клюпфелемъ «Almanach de Gotha» [1]).

Благодаря графу Фризену, Гриммъ въ это время жилъ припѣваючи. Какъ всѣ молодые люди, онъ волочился за хорошенькими женщинами, влюблялся, по цѣлымъ днямъ занимался музыкой съ Руссо, вечера проводилъ въ театрахъ; особенно любилъ онъ оперу. По отзыву всѣхъ современниковъ, Гриммъ былъ красивъ, хорошо сложенъ, ловокъ, остроуменъ. Онъ пользовался успѣхами въ дамскомъ обществѣ, отъ театральныхъ кулисъ до великосвѣтскихъ будуаровъ; онъ былъ желаннымъ гостемъ въ литературныхъ салонахъ, гдѣ знакомство съ нѣмецкою литературою выгодно выдѣляло его сужденіе о текущихъ явленіяхъ литературы французской; его любили и въ холостой компаніи, какъ остроумнаго собесѣдника, нерѣдко мѣшавшаго еще «французскій съ регенсбургскимъ» языкомъ [2]). Онъ любилъ музыку, и самъ недурно игралъ «на клавеси-

---

[1]) La nouvelle perruque a très bien réussi; elle n'a qu'un petit défaut de la tête où elle ne sert pas bien. Le perruquier pourrait y remédier à l'avenir... Ma femme vous prie de lui procurer deux ou trois pots de pommade et autant de petites bouteilles de l'eau pour les dents de l'abbé Ancelot... L'épreuve du titre de l'Almanach est vraiment jolie. Je vous remercie de tous les soins que vous avez bien voulu en prendre. Ce petit Almanach sera le roi des almanach en Allemagne. Tourneux, XVI, 535, 537.

[2]) Meister, 6, 12; Besenval, „Memoires", II, 37, 82, sqq; Rousseau, „Oeuvres", ed. 1852, I, 180, 184, 192, 193.

нахъ», какъ тогда говорили. Любовь именно къ музыкѣ выдвинула его изъ толпы, сдѣлала «извѣстностью» въ Парижѣ—своими писаніями о музыкѣ нѣмецъ Гриммъ получилъ право гражданства во французской литературѣ.

Два письма Гримма въ «Mercure» о нѣмецкой литературѣ прошли совершенно незамѣченными. Они не могли быть интересны по содержанію: оба письма напечатаны въ 1750 году, когда Лессингу было только 20 лѣтъ, Виланду—17, а Гёте едва-ли годъ [1]); что же касается языка, то Гриммъ прямо извинялся, что французскій языкъ настолько для него чужой (une langue trop étrangère), что онъ даже не рѣшается переводить «восхваляемые» имъ отрывки изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

Гриммъ ничего уже болѣе не писалъ о нѣмецкой литературѣ и обратился къ французской музыкѣ. Здѣсь онъ имѣлъ «неожиданный» для него самого успѣхъ.

Въ началѣ 1752 года въ Парижѣ вышла небольшая брошюра «Письмо г. Гримма о лирической трагедіи Омфалъ» [2]). Опера «Омфалъ» Детуша дѣлала въ это время сборы, нравилась мно-

---

[1]) Извѣстный интересъ этимъ письмамъ могла придать только «Мессіада» Клопштока, первыя пѣсни которой появились въ «Bremischen Beiträgen», 1748 г.; но Гриммъ ни тогда, ни 20 лѣтъ позже не понималъ Мессіады: «j'ai essayé de lire ce poëme dans l'original; je ne l'entend point; et pour me casser la tête, j'aime autant employer cette peine à lire l'Iliade qu'à déchiffrer le Messie de M Klopstock». Tourneux, VIII, 253.

[2]) Гриммъ писалъ Готшеду, отъ 3 февраля 1752 года: «Вчера я отдалъ въ печать небольшую брошюру, подъ заглавіемъ «Lettre de M. Grimm sur Omphale, tragédie lyrique, reprise par l'Academie de la Musique le 14 Janvier 1752» (Danzel, 350). Брошюра написана очень осторожно, даже льстиво для французскихъ композиторовъ, причемъ Mondonville называется «Орфеемъ Франціи», а Rameau приводитъ автора въ восхищеніе. Въ концѣ брошюры, Гриммъ, выразивъ свой восторгъ передъ всякимъ талантомъ, «comme son plus grand bien après l'amour de la vertu», объявляетъ, что онъ воздвигъ въ сердцѣ своемъ «un temple aux mortels privilégiés de la nature»; конечно, онъ вводитъ въ этотъ храмъ всѣхъ французовъ, но на главномъ алтарѣ храма помѣщаетъ Фридриха II, у котораго въ одной рукѣ бразды правленія «et la flûte dans l'autre», и къ которому Гриммъ протягиваетъ руку за подачкой, прибавляя: «Le ciel pour le dédommager du malheur qu'il a de régner, lui a accordé le précieux privilège, dont il est digne de répandre ses bienfaits sur les talents qu'il a le bonheur d'admirer» (Tourneux, XVI, 309). Фридрихъ, однако, не любилъ такого внимама.

гимъ; Детушъ всѣми признавался выдающимся композиторомъ [1]), и никто не сомнѣвался, что французская музыка обладаетъ всѣми совершенствами. Нѣмецъ Гриммъ усумнился въ этомъ: онъ отдавалъ предпочтеніе музыкѣ итальянской и высказывалъ такія требованія относительно речитатива, арій, дуэтовъ, которыя были вполнѣ разумны, но вовсе не согласовались съ условіями французской «лирической трагедіи» того времени [2]). «Письмо г. Гримма» читалось, обсуждалось, обратило вниманіе на автора; оно вызвало опроверженіе, завязалась полемика. Гриммъ былъ замѣченъ: его имя стало извѣстно парижанамъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ маѣ 1752 года, прибыла въ Парижъ труппа «итальянскихъ буффовъ». Театральная дирекція не обратила, однако, вниманія на «Письмо г. Гримма», и представленія итальянцевъ давались одновременно съ французскою оперою на сценѣ «музыкальной академіи», какъ называли тогда оперный театръ. «Никто не предвидѣлъ—говоритъ Руссо—послѣдствія такихъ совмѣстныхъ спектаклей. Несмотря на то, что итальянскіе пѣвцы были нехороши, а оркестръ уродовалъ музыку, эти итальянскія представленія нанесли непоправимый ударъ французской оперѣ. Сравненіе обоихъ музыкальныхъ представленій, французскихъ и итальянскихъ, исполнявшихся въ одинъ и тотъ же вечеръ, на одной и той же сценѣ, образумило французовъ: вялая, чопорная, условная музыка французская казалась еще скучнѣе послѣ смѣлой, рельефной, живой итальянской музыки. Какъ только кончали итальянцы, публика расходилась и французы играли передъ пустой залой. Дирекція измѣнила порядокъ спектаклей, поставивъ итальянцевъ въ концѣ—публика стала съѣзжаться къ итальянской пьесѣ, предпочитая «Serva Padrona» даже пьесамъ Рамо, прежде столь любимымъ. Театральный Парижъ раздѣлился на двѣ партіи.

---

[1]) Кромѣ Гримма. Въ своей «Correspondance Littéraire» онъ такъ отозвался о nommé Destouches: On l'a regardé pendant sa vie comme un grand musicien et comme l'arbitre du goût, quoiqu'il soit démontré que c'était le plus plat compositeur qu'eût eu la France, ce qui n'est pas peu de chose. Tourneux, II, 370.

[2]) Гриммъ подробно разсмотрѣлъ вопросъ въ «Encyclopédie», въ статьѣ «Poème lyrique» (Tourneux, XVI, 363) и въ разборѣ оперы Монсиньи «La reine de Golconde». Tourneux, VII, 38.

одна, наиболѣе многочисленная, состоявшая изъ придворныхъ, знатныхъ и богатыхъ, была за французскую музыку; другая партія, очень маленькая, изъ знатоковъ музыки, литераторовъ и критиковъ, была за итальянскую музыку. Итальяноманы собирались обыкновенно въ партерѣ, подъ ложей королевы; франкоманы, наполнявшіе весь партеръ, группировались главнымъ образомъ подъ ложей короля. Такъ возникли извѣстныя клички того времени: coin de roi и coin de la reine. Сужденія и споры перешли скоро изъ театра въ типографію, и появились брошюры» [1]).

Самою мѣткою и наиболѣе эффектною оказалась брошюра Гримма «Le Petit Prophète de Boehmischbroda» [2]).

Впечатлѣніе, произведенное случайной статьей, листкомъ, брошюрой, можетъ быть довольно точно опредѣлено по отзывамъ современниковъ; несравненно труднѣе оцѣнить такое случайное произведеніе по его существу, спустя сто лѣтъ, когда утерялся уже смыслъ всѣхъ намековъ и давно угасли страсти, волновавшія современниковъ автора. «Petit Prophète» произвелъ сильное впечатлѣніе и создалъ Гримму завидное положеніе; но читать теперь эту брошюру, внѣ условій, ее вызвавшихъ, невозможно — до того она представляется намъ теперь убогою по замыслу и жалкою по выполненію. Мы не должны, однако, забывать, что брошюра не для насъ писана, и если она достигла своей цѣли, то потому именно, что замыселъ ея и исполненіе вполнѣ отвѣчали потребностямъ той минуты, для которой она составлена.

Форма разсказа — библейская пародія, причемъ рѣчь раздѣлена на мелкіе «стихи» и самой рѣчи придавъ видъ еврейскихъ причтъ. Эта форма, быть можетъ, не говоритъ въ пользу литературнаго вкуса Гримма, примѣнившаго ее къ оперной музыкѣ, но эта форма употреблялась многими, отъ Вольтера до Ренана. Быть можетъ, ничѣмъ не объяснимая рамка, въ которую вставленъ разсказъ, плѣнила современниковъ именно своею таинственною неизвѣстностью.

---

[1]) Rousseau, I, 200.

[2]) In—8, p. 58, s. a. et l (1753). Второе изданіе 1774 г. Екатерина II только видѣла его, но не читала: J'ai le bonheur de posséder un exemplaire du „Petit Prophète", mais je ne l'ai qu'entrevu, car M. Potemkine s'en est emparé dans un clin d'oeil (Сборникъ, XXIII, 9). Перепечатано два раза: «Correspondance de Grimm,» Paris, 1831, XV, 370, и Tourneux, XVI, 313.

Зачѣмъ это мѣстечко Boehmischbroda? Что это за имя Nepomucenus Franciscus de Paula Waldstorch? Къ чему тутъ Прага и іезуиты, у которыхъ воспитывался этотъ Непомученокъ? Это не личныя воспоминанія Гримма, никогда не бывшаго даже въ Богеміи, въ Чехіи [1]); это плодъ его тяжелой фантазіи, чисто нѣмецкой, даже не чешской.

Пражскій студентъ Вальдшторхъ пилилъ на скрипкѣ въ своей коморкѣ, когда «невидимый» голосъ объявилъ ему, что онъ избранъ возвѣстить горькія истины народу легкомысленному и тщеславному. Тотчасъ же невидимая рука схватила его «за волосы» и перенесла въ Парижъ, прямо въ оперную залу. Вальдшторхъ дивится всему, что видитъ и слышитъ—дирижеру оркестра, «помахивающему палочкой, какъ мясникъ ножемъ», пѣвцамъ и пѣвицамъ, балету, дивертиссементу — и все описываетъ въ шутливомъ тонѣ. «И позналъ я, что это называется во Франціи оперой, и отмѣтилъ для памяти въ своей книжкѣ». Когда занавѣсъ упалъ, голосъ повелѣлъ Вальдшторху посѣтить coin de la reine и записать откровеніе, которое онъ долженъ будетъ объявить Парижу. Это откровеніе очень ядовитая сатира на Францію XVIII вѣка, и она-то, вѣроятно, обезпечила успѣхъ брошюры.

Богъ очень возвысилъ Францію. «И французскій народъ—народъ любезный; я люблю его умъ свѣтлый и быстрый, я люблю его мягкіе нравы, и я хочу сдѣлать его своимъ народомъ, и онъ будетъ первымъ народомъ въ мірѣ, и не будетъ никогда народа столь любезнаго, какъ народъ французскій». Дѣйствительно, Франція стала, при Людовикѣ XIV, родиной всѣхъ талантовъ и очагомъ цивилизаціи. И по нынѣ въ ней безъ числа философовъ, поэтовъ, артистовъ, и ея слава блеститъ среди сосѣдей, но, въ сущности, слышится уже фальшивая нота. Франція отдалась дурному вкусу; она гонится за остротой, столь же фальшивой, какъ и голоса ея

---

[1]) Вольтеръ, въ письмѣ къ Фридриху II, отъ ноября 1769 г. назвалъ Гримма «un Bohémien»; Гриммъ, въ «Correspondance Littéraire», тотчасъ же замѣтилъ по этому поводу: Je m'inscris en faux contre la qualité de Bohémien qu'il me donne, je n'ai de ma vie été en Bohême, je ne me crois pas responsable des réveries du Petit Prophète de Boehmischbroda. On m'a supposé des liaisons avec lui, mais je ne suis pas son compatriote, et je ne veux pas renoncer à ma qualité de citoyen du Saint-Empire. Tourneux, VIII, 355.

оперныхъ пѣвцовъ; она предалась суетности и судитъ ежедневно обо всемъ, не думая ни о чемъ. «И я скрылъ твой позоръ и твое паденіе отъ сосѣдей твоихъ, и внушилъ я имъ уваженіе и удивленіе къ тебѣ, какъ будто не потеряла ты вкуса къ высокому и прекрасному; и я не дозволилъ твоимъ сосѣдямъ увидѣть, что ты погрязла въ мелочности идей твоихъ». Особенно сказалось паденіе, конечно, въ музыкѣ; но Франція не въ конецъ еще осуждена; надъ нею и въ пользу ея свершится еще одно чудо — ей пошлется труппа итальянскаго буффа, ей дано будетъ услышать музыку Перголезе. Это будетъ откровеніе, время знаменій и чудесъ; чтобъ насладиться этимъ дивнымъ пѣніемъ, философъ покинетъ свой кабинетъ, геометръ — свои вычисленія, астрономъ — свой телескопъ, химикъ — свои реторты. Это будетъ послѣднимъ предостереженіемъ, и если нація не внемлетъ ему, ожесточится въ грѣхахъ своихъ, она погибнетъ окончательно. «И я вспомяну всѣ твои продерзости съ того дня, какъ ты освистала «Мизантропа»; и я отниму у тебя Comédie-Française и осную ее въ націяхъ чуждыхъ тебѣ; и тогда подивятся, подъ созвѣздіемъ Медвѣдицы, тѣмъ геніямъ, которые я далъ тебѣ, и ты одна не услышишь ихъ; и шутка-водевиль станетъ любимымъ твоимъ зрѣлищемъ, и ты будешь восхищаться ею; и неприличіе и пошлость шутокъ не опечалятъ тебя, и безнаказанно оскорбятъ твои нравы, потому что ты не отличишь уже добра отъ зла, и философы уже не просвѣтятъ тебя, такъ какъ я воспрещу писать имъ».

Эта сатира понравилась всѣмъ, и брошюра имѣла успѣхъ необыкновенный. Гриммъ писалъ Готшеду: «Petit Prophète» имѣетъ успѣхъ невѣроятный въ Парижѣ — менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ разошлось три изданія! Посылаю вамъ экземпляръ лучшаго изданія, сдѣланнаго самимъ авторомъ. Чтобы вполнѣ понять эту брошюру, надо знать тьму мелочей, трудно объяснимыхъ для чужестранца и составляющихъ всю соль шутки» [1]).

Брошюрой Гримма споръ о музыкѣ не былъ, конечно, рѣшенъ. Франкоманы отвѣчали цѣлымъ роемъ брошюръ и листковъ. Руссо

---

[1]) Danzel, 351. Готшедъ въ это время велъ, подобно Гримму, борьбу противъ „музыкальной драмы“, и г-жа Готшедъ передѣлала «Petit Prophète», приурочивъ его къ погибели оперетки Вейсса „Der Teufel ist los“.

своимъ «Lettre de M. Russeau sur la musique française» [1]) подлилъ масла въ огонь—оперный оркестръ сжегъ чучело Руссо; прошелъ слухъ, будто Руссо будетъ сосланъ [2]). «Музыка—говоритъ Гриммъ—отодвинула на задній планъ раздоры парламента съ дворомъ, изгнаніе парижскаго парламента и переводъ высшаго судилища въ Понтуазъ—объ этомъ почти забыли, увлеченные итальянскими буффами. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что появленіе тенора Манелли и примадонны Тонелли спасло Францію отъ междоусобной войны: безъ итальянской музыки, парижская публика занялась бы раздоромъ парламента съ духовенствомъ, и фанатизмъ легко могъ бы повести къ междоусобицѣ» [3]).

Музыкальная распря эта окончилась чисто полицейскимъ способомъ. При помощи жандармовъ, патріотическіе «франкоманы» одержали верхъ. Вотъ какъ финалъ спора разсказанъ Гриммомъ: «Г-жа Помпадуръ увидѣла французскую музыку въ опасности и встрепетала. Рѣшено было возобновить «Titon et l'Aurore» Мондонвилля [4]) и во что бы ни стало создать оперѣ полный успѣхъ. Всѣ придворные чины участвовали въ этомъ заговорѣ противъ итальяномановъ. Въ день перваго представленія, съ утра, coin de la reine былъ занятъ жандармами; легкая конница и мускетеры заняли весь партеръ. Когда итальяноманы явились, ни въ ихъ сборномъ пунктѣ, ни въ партерѣ не было уже мѣста, они должны были разойтись по корридорамъ и въ парадизы, откуда они ничего не видѣли, но ясно слышали оглушительныя рукоплесканія франкомановъ. Особый курьеръ былъ отправленъ въ Шуази, гдѣ находился король, съ извѣщеніемъ о блистательномъ успѣхѣ французской музыки. Наше пораженіе было полное. Вскорѣ пошли еще далѣе и выслали изъ Парижа труппу итальянскаго буффа, какъ источникъ раздора. Я предлагалъ итальяноманамъ выразить наше уваженіе къ

[1]) Всѣ нѣмецкіе біографы приписываютъ эту брошюру Гримму (Brockhaus, Pierer и др.), но несправедливо. Не только Руссо, въ своихъ „Confessions", прямо говоритъ: „Lettre sur la musique française" est de moi (I, 200), но Гриммъ, въ «Correspondance Littéraire», свидѣтельствуетъ: J. J. Rousseau vient de mettre le feu aux quatre coins de Paris par une Lettre sur la musique, dans laquelle il prouve etc. (II, 307).

[2]) Tourneux, II, 312.

[3]) Ibid., II, 258.

[4]) Ibid., VIII, 109; X, 84.

хорошей музыкѣ прямо и открыто: взять по двѣ ложи съ каждой стороны, явиться всѣмъ въ длинныхъ траурныхъ плащахъ, съ плерезами, въ широкихъ шляпахъ, покрытыхъ крепомъ. Мой проектъ не былъ принятъ — опасались, что вся наша траурная процессія будетъ препровождена изъ театра прямо въ Бастилію» [1]).

Въ этой борьбѣ одинъ только итальяноманъ остался въ выигрышѣ—Гриммъ. Имя его повторялось всѣмъ Парижемъ. Вольтеръ, прочитавъ «Petit Prophète», сказалъ: «De quoi s'avise donc ce Bohémien d'avoir plus d'esprit que nous?» и этотъ отзывъ литературнаго патріарха доставилъ Гримму завидное положеніе среди «философовъ». Гриммъ съумѣлъ воспользоваться имъ въ полной мѣрѣ.

Извѣщая Готшеда объ успѣхѣ «Petit Prophète», Гриммъ прибавлялъ уже въ особой припискѣ: «Мой адресъ все въ томъ же домѣ графа Фризена, Rue Basse du Rempart, безъ всякаго обозначенія, такъ какъ я не состою болѣе секретаремъ графа. Здѣшніе литераторы предпочитаютъ лучше оставаться вполнѣ свободными, чѣмъ состоять при комъ-нибудь, я послѣдовалъ ихъ примѣру и добылъ себѣ небольшой литературный заработокъ. Но и не состоя при графѣ Фризенѣ, я по-прежнему живу въ его домѣ» [2]).

Гриммъ давно уже искалъ этого литературнаго заработка, но неуспѣшно. Въ первые годы своего пребыванія въ Парижѣ, ему, конечно, препятствовало малое еще знаніе французскаго языка. Франкоманы подсмѣивались надъ его германизмами даже въ «Petit Prophète» [3]). Тѣмъ не менѣе, Гриммъ писалъ статьи въ «Mercure» о нѣмецкой литературѣ [4]), участвовалъ въ составленіи театральнаго календаря на 1752 годъ, гдѣ помѣщена его статья о нѣмецкомъ театрѣ [5]), задумалъ даже издавать журналъ, «Journal Etranger», въ которомъ предполагалъ знакомить французовъ съ произведеніями ума не-французскаго, преимущественно, конечно, нѣ-

---

[1]) Ibid., VI, 381.

[2]) Danzel, 351.

[3]) Ему указывали ошибки противъ французскаго языка, напримѣръ: Tous les grands hommes que je t'ai donnes, à commencer de Molière, et de Corneille, вм. par Molière et par Corneille.

[4]) Tourneux, XVI, 269.

[5]) Посылая Готшеду „Almanach historique de tous les spectacles“ Гриммъ писалъ: Den Artikel der das deutsche Theater betrifft, habe ich geliefert. Danzel, 350.

мецкаго. Всѣ эти попытки не удались и не могли удасться. Литературный трудъ, въ основѣ котораго лежала не-французская литература, не могъ доставить литературнаго заработка въ то время, когда требовалось прямо обратное отношеніе: литературный заработокъ былъ возможенъ въ видѣ распространенія въ не-французскихъ странахъ идей, принциповъ и взглядовъ, провозглашаемыхъ французами. Гриммъ скоро понялъ это.

Во второй половинѣ XVIII вѣка Парижъ являлся тѣмъ умственнымъ центромъ, изъ котораго выходилъ свѣтъ на всѣ страны. Въ это именно время французская литература много потеряла въ чистотѣ языка и прелести слога, но еще болѣе выиграла въ смѣлости мысли и новизнѣ идей. Все подвергалось сомнѣнію, все становилось вопросомъ—вѣрованія, нравы, законы, все обсуждалось сильными и оригинальными умами съ точки зрѣнія естественной природы и чистаго разума. Это была работа живая и плодотворная. Она интересовала всѣхъ и дѣлала Парижъ любопытнымъ, особенно для живших въ вдали отъ него. Каждый день на литературномъ языкѣ Парижа являлись новинки, способныя приковать вниманіе всего міра: разсказъ Вольтера или рѣчь Руссо, книга Монтескье или томъ «Histoire Naturelle», тысячи мелкихъ брошюръ по всевозможнымъ вопросамъ и тяжелые фоліанты Энциклопедіи. Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, не говоря уже о мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ, естественно интересовались парижскими литературными новинками; но парижская періодическая печать не могла удовлетворить это любопытство. Парижская печать находилась тогда подъ цензурой и не могла говорить именно о томъ, что наиболѣе интересовало. «La Gazette de France» была оффиціозною, вскорѣ даже оффиціальною; «Le Mercure» составлялъ привилегію, которая трудно давалась, но легко отнималась. Кромѣ всего, что печаталось, было многое и внѣ печати, интересовавшее не одинъ Парижъ—легкіе стишки, веселые анекдоты, всѣ тѣ сплетни и скандалы, которые переходили въ Парижѣ изъ устъ въ уста, тѣ писаные листки, которые передавались изъ рукъ въ руки и составляли ту «потаенную литературу», которою интересовались внѣ Парижа, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ въ самомъ Парижѣ. При строгостяхъ цензуры,

всѣ эти извѣстія являлись прямымъ достояніемъ рукописной корреспонденціи.

Такъ возникли «Nouvelles Littéraires», «Correspondance Littéraire» и т. п. Если не ошибаемся, Фридрихъ II, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, первый завелъ въ Парижѣ своего особаго корреспондента, который обязанъ былъ сообщать ему всѣ парижскія новости, и такимъ корреспондентомъ долгое время былъ Тиріо [1]), correspondant littéraire du roi de Prusse. Съ 1747 года, извѣстный впослѣдствіи Рэйналь началъ посылать герцогинѣ Доротеѣ Саксенъ-Готской свои «Nouvelles Littéraires»; корреспондентомъ маркграфа Анспахскаго былъ Сюардъ; Фаваръ посылалъ свои корреспонденціи въ Вѣну, Дамилавилль [2])—Вольтеру, въ Женеву.

Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, Гриммъ имѣлъ случай читать корреспонденціи аб. Рэйналя. Листки «Nouvelles Littéraires» отправлялись герцогинѣ Саксенъ - Готской черезъ ея представителя въ Парижѣ, барона Студница, который давалъ ихъ прочитывать Гримму. «Возвращаю вамъ—сказано въ письмѣ отъ 19 мая 1749 года—два листка «Nouvelles Littéraires»; усерднѣйше прошу и впредь присылать ихъ мнѣ для прочтенія» [3]). Подружившись съ Рэйналемъ, узнавъ технику предпріятія, Гриммъ скоро оцѣнилъ подобную корреспонденцію, понявъ, что только въ ней можетъ заключаться для него тотъ литературный заработокъ, котораго онъ искалъ, и, какъ нѣмецъ, онъ практичнѣе всѣхъ взялся за дѣло.

---

[1]) Thiriot, Thieriot, 1696—1772. По словамъ Гримма, Тиріо не былъ ни литераторъ, ни человѣкъ образованный, но это былъ живой архивъ всевозможныхъ литературныхъ сплетень, мелкихъ стишковъ, анекдотовъ, которыми онъ охотно дѣлился со всѣми, но лишь на словахъ, никому не оставляя копій. Онъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ Вольтеромъ, переписывался даже съ нимъ (Tourneux, X, 123). Фридрихъ II былъ очень недоволенъ его корреспонденціями и жаловался, что «по поводу каждаго своего насморка онъ писалъ мнѣ galimatias de quatre pages» («Oeuvres de Frédéric II», ed. Preuss, XVII, 14). Фридрихъ позже вовсе не хотѣлъ имѣть корреспондента, отказался отъ услугъ Сюарда, Лагарпа, Гримма, но подъ конецъ сталъ снова получать корреспонденціи изъ Парижа опять отъ того же Тиріо.

[2]) Damilaville, 1723—1768. Въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ своей жизни былъ въ постоянной перепискѣ съ Вольтеромъ, которому сообщалъ всѣ новости литературныя, политическія и иныя; отвѣтныя письма Вольтера печатались въ «Correspondance Littéraire» (Tourneux, VIII, 222).

[3]) Tourneux, II, 230.

Въ 1753 году, когда «Petit Prophète» доставилъ Гримму «громкую» извѣстность, онъ началъ свою «Correspondance littéraire, philosophique et critique», первый листокъ которой помѣченъ маемъ. Вопреки своимъ предшественникамъ, Гриммъ составлялъ свою «Correspondance» не для одного какого-либо лица, а для нѣсколькихъ. Тяжесть расходовъ падала, такимъ образомъ, не на одного адресата, а распредѣлялась между нѣсколькими лицами, причемъ ничтожная сравнительно стоимость копій значительно вознаграждала первоначальныя издержки на составленіе рукописи. Этимъ объясняются, надо полагать, безуспѣшные поиски новѣйшихъ ученыхъ, до настоящаго времени не опредѣлившихъ, для кого именно Гриммъ началъ составлять свою «Correspondance Littéraire». Аббатъ Рэйналь, отправляя первый листокъ своихъ «Nouvelles Littéraires» герцогинѣ Саксенъ-Готской, сопроводилъ его письмомъ къ герцогинѣ, въ которомъ почтительно просилъ указаній, желая возможно полнѣе удовлетворить ея желаніе; Гриммъ предпослалъ первому листку своей «Correspondance» слѣдующее краткое предисловіе:

«Въ листкахъ, которые насъ просятъ высылать, мы будемъ лишь вскользь упоминать о тѣхъ брошюрахъ, которыми ежедневно наводняется Парижъ и которыя составляютъ неизбѣжное зло литературы; но мы постараемся представить серьезную критику и точный отчетъ о книгахъ, заслуживающихъ вниманіе публики. Театральныя представленія, эта столь блестящая отрасль французской литературы, займутъ въ листкахъ подобающее имъ мѣсто; искусства также не будутъ забыты и, вообще, мы не опустимъ ничего, интересующаго иностранцевъ. Истина и искренность будутъ водить перомъ нашимъ. Дружба, связывающая насъ со многими учеными, не будетъ имѣть вліянія на наше сужденіе объ ихъ произведеніяхъ» [1]).

Конечно, никто не «просилъ высылать», и Гриммъ самъ, мало по малу, распространилъ свое рукописное изданіе, котораго расходилось, по словамъ Мейстера, «пятнадцать, даже шестнадцать экземпляровъ по различнымъ европейскимъ дворамъ, отъ береговъ

---

[1]) Tourneux, II, 239.

Арно до береговъ Невы» [1]). Даже пятнадцать экземпляровъ представляли уже почтенный литературный заработокъ. До настоящаго времени извѣстно, однако, только девять клiентовъ: ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, герцогиня Саксенъ-Готская [2]), королева Шведская, императрица Екатерина II [3]), польскiй король Станиславъ-Августъ, маркграфъ Анспахскiй, герцогъ Саксенъ-Веймарскiй, принцесса Нассау - Заарбрюкенская и великiй герцогъ Тосканскiй. Съ увѣренностью можно только сказать, что въ числѣ неизвѣстныхъ шести или семи подписчиковъ не было прусскаго короля Фридриха II: несмотря на весь ѳимiамъ, постоянно воскуриваемый ему Гриммомъ, несмотря даже на просьбы родныхъ короля [4]), Фридрихъ II никогда не изъявлялъ желанiя получать «Correspondance Littéraire».

Гриммъ высылалъ свою рукописную газету только владѣтельнымъ особамъ. «Давно уже—пишетъ онъ въ 1766 году—я постановилъ для себя закономъ высылать «Correspondance» только

---

[1]) Ibid., 235.

[2]) „Correspondance Littéraire“ Гримма составляла при саксенъ-готскомъ дворѣ конкуренцiю „Nouvelles Littéraires“ аб. Рэйналя и вскорѣ совсѣмъ вытѣснила ихъ (Tourneux, XVI, 11). Гриммъ сознавалъ все неприличiе такой конкуренцiи относительно друга и объяснялъ такъ, будто самъ Рэйналь передалъ ему свое предпрiятiе. Мейстеръ только отъ самого Гримма могъ услышать о платонической любви Гримма къ „нѣмецкой принцессѣ“: Le premier des amis de Grimm, qui pénétra ce terrible secret fut l'abbé Raynal. Les confidences qu'il ne put refuser alors au zèle d'un ami si profondément touché de sa passion et de son malheur, les lièrent plus intimement, et c'est à l'intérêt de cette liaison qu'il dut l'offre que lui fit l'abbé de lui céder sa correspondance littéraire avec quelques cours du nord et du midi de l' Allemagne“ (Tourneux, I, 6). Весь этотъ разсказъ опровергается фактически: Гриммъ началъ свою корреспонденцiю въ маѣ 1753 г., а Рэйналь прекратилъ свою только въ февралѣ 1755 года.

[3]) Съ 1764 года. Въ письмѣ къ герцогинѣ Саксенъ-Готской, отъ 7 марта 1765 года, Гриммъ говоритъ: „L'impératrice de Russie m'a ordonné l'année dernière de lui envoyer cette correspondance (Tourneux, XVI, 427). Въ письмѣ къ г-жѣ Жоффренъ, отъ 17 мая 1765 года, Екатерина II писала: „Я очень люблю листки, которые Гриммъ присылаетъ мнѣ: пусть по-прежнему продолжаетъ и даетъ полную свободу перу своему. Я очень довольна, что характеръ его соотвѣтствуетъ вашему описанiю: это придаетъ не мало значенiя его сужденiямъ о книгахъ и дѣлахъ, и я буду читать его еще съ бо̀льшимъ удовольствiемъ“ (Сборникъ, I, 271; XXXIII, 1). Въ январѣ 1766 г. Гриммъ писалъ герцогинѣ Саксенъ-Готской: L'impératrice de Russie a reçu mon travail jusqu'à présent avec beaucoup de bonté (Tourneux, XVI, 445).

[4]) Tourneux, XVI, 407, 423, 427.

принцамъ крови, и многія важныя соображенія обязываютъ меня держаться этого правила и впредь. Мнѣ предлагали по 100 пистолей, даже по 1.200 франковъ за доставку этихъ листковъ значительнымъ, но частнымъ лицамъ въ Англіи, я никогда не рѣшался на это». Но и для «коронованныхъ» подписчиковъ не было установленной цѣны на «Correspondance Littéraire»: польскій король, напримѣръ, платилъ 40 дукатовъ, т. е. 400 франковъ, а Екатерина II оплачивала эту же «Correspondance» по 360 руб. въ годъ, т. е. почти 1.500 франковъ [1]). Позже, когда Гриммъ не принималъ уже участія въ рукописномъ изданіи, когда вся эта «boutique» перешла въ полную собственность его секретаря, Мейстера, цѣна «Correspondance Littéraire» опредѣлилась въ 300 фр., и газету эту получали многія частныя лица даже въ самой Франціи. Гёте говоритъ, что онъ постоянно читалъ это рукописное изданіе, которое получали многіе «принцы и богатые люди» въ Германіи «за хорошее вознагражденіе» и что оно «удовлетворяло общему любопытству знать, что дѣлается въ Парижѣ, справедливо признававшемся въ это время центромъ цивилизованнаго міра» [2]).

Рукописная газета Гримма выходила два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа. Гриммъ строго придерживался своей программы и по его «Correspondance Littéraire» нельзя было «знать, что дѣлается въ Парижѣ». Когда Фридрихъ II заявилъ, что газета Гримма съ его «разборами книгъ и рецензіями театральныхъ представленій» очень скучна и что онъ желалъ бы узнавать изъ нея всѣ «парижскіе анекдоты», которые прусскій король очень любилъ, Гриммъ рѣшительно отказался измѣнить свою программу. «Я питаю полное отвращеніе — пишетъ онъ — къ собирателямъ анекдотовъ, и это отвращеніе настолько сильно, что я не могу побороть его даже въ угоду величайшему мужу нашего вѣка. Есть два рода извѣстій: одни очень интересны и важны, но честный человѣкъ, оставаясь человѣкомъ частнымъ, никогда не долженъ передавать ихъ кому-либо—

[1]) Екатерина пишетъ Гримму, отъ 20 сентября 1775 г.: «Le grand chambellan vous fera passer sept cent vingt roubles pour les années de 1774 et 1775 (Сборникъ, XXIII, 36), и отъ 16 октября 1780 г.: „L'argent pour les feuilles de deux ans de M. Meister, pour chacun 360 roubles, vous sera envoyé (Ibid, 194). Эту цифру приводитъ и Гриммъ (Ibid., XXXIII, 81).

[2]) Gegen bedeutende Vergeltung. Scherer, 95.

только лицо, аккредитованное при дворѣ, обязано сообщать ихъ своему правительству; другіе же анекдоты, составляющіе скандалезную хронику Парижа, его закулисную, чаще всего будуарную сторону, всегда мнѣ были противны, и я, выслушивая ихъ всѣ, ни одному не удѣляю ни вниманія, ни памяти болѣе какъ на нѣсколько минутъ» [1]). И до послѣдняго времени «Correspondance» подъ редакціею Гримма была посвящена исключительно литературѣ, театру, искусствамъ. Въ искусствахъ, правда, Гриммъ былъ неповиненъ, но его другъ, Дидро, своими «Salons», придалъ и въ этомъ отношеніи важное значеніе рукописному изданію Гримма.

Съ перваго же листка «Correspondance Littéraire», помѣченнаго маемъ 1753 г., читатели становились au courant всѣхъ литературныхъ и театральныхъ новинокъ Парижа. Начиная съ Вольтера и его «Siècle de Louis XIV», академической рѣчи Б ю ф ф о н а, «Traité des sensations» К о н д и л ь я к а и кончая «Traitement des cors aux pieds» или «Soins faciles pour la propreté de la bouche» [2]), рѣшительно все, что появлялось на книжномъ рынкѣ Парижа, отмѣчалось, обсуждалось и оцѣнивалось въ «Correspondance». Равнымъ образомъ, не было ни одной пьесы, какъ ничтожна она ни была бы, не появлялось ни одного актера или актрисы, отъ m-lle Clairon, игра которой не нравилась Гримму, до m-lle Raucourt, о которыхъ не представлялся бы подробный отчетъ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что Гриммъ давалъ свое сужденіе первымъ, не выжидая, пока о книгѣ или о пьесѣ составится уже общественное мнѣніе.

Гриммъ представляется намъ предтечею современной критики. Онъ не довольствуется пересказомъ содержанія книги, не прибѣгаетъ къ выпискамъ: онъ обсуждаетъ, мотивируетъ свою оцѣнку, оспариваетъ или подкрѣпляетъ сужденія автора, выставляетъ особенности книги и, нерѣдко, его отзывъ о книгѣ является вполнѣ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Къ Гримму вполнѣ приложимъ отзывъ Вольтера о другомъ писателѣ: «онъ способенъ составить точный отзывъ обо всемъ, и вы часто замѣтите, что его отзывъ гораздо лучше тѣхъ книгъ, о которыхъ онъ говоритъ» [3]). Обладая умомъ

[1]) T o u r n e u x, XVI, 424.
[2]) I b i d., II, 204, 240, 261; IV, 99, 316; IX, 80.
[3]) V o l t a i r e, LXXXII, 297.

серьезнымъ и познаніями, если не глубокими, то довольно обширными, Гриммъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ къ обобщенію, къ постановкѣ вопроса, разрѣшеніе котораго въ томъ или другомъ смыслѣ и составляетъ собственно его оцѣнку разсматриваемаго сочиненія. Въ этомъ отношеніи онъ для насъ, конечно, скученъ, иногда даже наивенъ; но не должно забывать, что его «Correspondance Littéraire» имѣла въ виду «коронованныхъ подписчиковъ», которымъ рѣдко представлялся случай къ обсужденію общихъ, основныхъ вопросовъ. Гриммъ часто начинаетъ свои листки съ общихъ положеній, которыя мы склонны называть общими мѣстами, но которыя въ свое время были бичами частныхъ предразсудковъ. «Изъ всѣхъ искусствъ—говоритъ онъ—наименѣе извѣстное и наиболѣе часто нарушаемое есть искусство спорить. Самымъ вѣрнымъ путемъ къ утвержденію и распространенію истины представляется путь обсужденія, еслибы мы хотѣли и умѣли отличать добро отъ зла, не думая ни о воображаемомъ вредѣ, который можетъ, будто бы, произойти отъ провозглашенія истины, ни о суетной пользѣ, которую иные думаютъ извлечь изъ заблужденій» [1]) и т. д. Для насъ немного новаго въ подобныхъ истинахъ, но для тѣхъ, которые выросли въ убѣжденіи, что не всякій человѣкъ можетъ «смѣть свое сужденіе имѣть», въ мысляхъ Гримма, конечно, болѣе пользы, чѣмъ въ «Recherches philosophiques sur la liberté de l'homme», по поводу которыхъ онѣ высказаны.

Говоря собственно о «Correspondance Littéraire», и только о ней, необходимо признать слогъ Гримма—не языкъ, по временамъ дающій чувствовать автора-нѣмца—вполнѣ цѣлесообразнымъ: простымъ, яснымъ, рѣдко витіеватымъ, иногда увлекательнымъ. Страннымъ образомъ, лучшія страницы въ его листкахъ принадлежатъ некрологамъ. Потому ли, что онъ писалъ некрологи только дѣятелей выдающихся, своею жизнью предлагавшихъ богатый матерьялъ; потому ли, что смерть давала ему возможность дать отзывъ болѣе цѣльный, полный, или потому, быть можетъ, что, отдавая этимъ послѣдній долгъ умершему, онъ старался рельефнѣе, ярче обрисовать покойнаго—все равно, написанные имъ некрологи, почти всѣ,

[1]) Tourneux, II, 479.

составлены очень живо, образно и всегда вѣрно [1]). Некрологъ «творца химіи во Франціи» Руэлля [2]), этого «un homme de génie sans culture», или некрологъ Гельвеція, склоннаго «обобщать идеи и доходить до послѣднихъ логическихъ выводовъ, равныхъ обыкновенно нулю», должны быть признаны образцовыми некрологами, въ которыхъ Гриммъ находилъ особую точку зрѣнія и даже особыя выраженія для естествоиспытателя и для философа [3]). «Еслибъ выраженіе galant-homme не существовало во французскомъ языкѣ—пишетъ Гриммъ—его слѣдовало бы изобрѣсти для Гельвеція. Онъ былъ прототипомъ галантнаго человѣка. Справедливый, снисходительный, безъ раздраженія, безъ злобы, всегда ровный въ обращеніи со всѣми, онъ обладалъ всѣми общественными добродѣтелями, которыя онъ заимствовалъ отчасти изъ идеи, составленной имъ о человѣческой природѣ. Сердиться на дурнаго человѣка, встрѣченнаго въ жизни, онъ признавалъ столь же нелѣпымъ, какъ негодовать на камень, попавшій подъ ноги. Привычка обобщать идеи и усматривать только важнѣйшіе результаты сдѣлала его, быть можетъ, нѣсколько равнодушнымъ къ добру, за то и самымъ терпимымъ человѣкомъ въ мірѣ; но эта терпимость простиралась только на частные пороки людей—Гельвецій былъ, напротивъ, немилосердъ и безпощаденъ къ виновникамъ общественныхъ бѣдствій [4]). Онъ не любилъ полумѣръ ни въ чемъ и всегда указывалъ рѣшительныя средства, по большей части насильственныя». Трудно, въ немногихъ словахъ, вѣрнѣе обрисовать нравственный обликъ Гельвеція.

Аккуратный нѣмецъ, Гриммъ сообщалъ своимъ читателямъ о всѣхъ книгахъ и брошюрахъ, появлявшихся въ Парижѣ. Въ то время книгъ издавалось очень много; еще больше выходило брошюръ. «У

---

[1]) Къ лучшимъ некрологамъ должно отнести некрологъ Пирона. Tourneux, X, 161.

[2]) Guillaume-François Rouelle, 1703—1770, профессоръ химіи въ Jardin des Plantes, знаменитый своими изслѣдованіями о соляхъ. Tourneux, IX, 106.

[3]) Claude Adrien Helvétius, 1715—1771, авторъ книги „De l'Espit", отвергнутой Сорбонною, проклятой папою и, по опредѣленію парламента, сожженной палачемъ въ 1759 г. Tourneux, IX, 417.

[4]) Бѣлинскій выражалъ это такъ: „Терпимость къ заблужденію я понимаю и цѣню; но терпимости къ подлости я не терплю". Пыпинъ „Бѣлинскій, его жизнь и переписка", Спб. 1876, II, 277.

насъ постоянно жалуются—говоритъ Гриммъ—на печать, какъ на неизсякаемый источникъ дурныхъ книгъ, наводняющихъ Парижъ; называютъ это злоупотребленіемъ печатнаго станка. Это несправедливо: отчего же не жалуются на злоупотребленіе чтеніемъ? Должно сознаться, что съ тѣхъ поръ, какъ чтеніе сдѣлалось общедоступнымъ ремесломъ, литература и вкусъ болѣе распространились, но замѣтно понизились. Не говоря уже о томъ, что дурные писатели не нанесутъ намъ ни малѣйшаго ущерба, если мы не будемъ читать ихъ произведеній, крайне скучно читать книгу не для поученія или удовольствія, а единственно для того, чтобъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ этой книги» [1]). Гриммъ именно былъ обязанъ читать всѣ вновь выходящія книги, какъ ремесленникъ, для отзыва. Онъ давалъ, впрочемъ, отзывъ сообразно достоинству книги—иногда въ нѣсколько строкъ, иногда въ нѣсколько страницъ; болѣе важнымъ произведеніямъ онъ нерѣдко посвящалъ нѣсколько листковъ. Болѣе мелкія брошюры служили ему иногда только поводомъ, чтобъ представить «бѣглый, но точный и вѣрный очеркъ состоянія французской литературы въ данный моментъ» [2]).

Театральная хроника занимаетъ въ «Correspondance Littéraire» такое же мѣсто, какъ и библіографія. Какъ въ настоящее время, такъ и сто лѣтъ назадъ, парижскимъ театромъ интересовалось значительно бо̀льшее число иностранцевъ, чѣмъ французскими книгами. Въ половинѣ прошлаго вѣка, какъ и теперь, парижскіе театры переживали кризисъ. Когда начали высылаться листки Гримма, въ 1753 году, лучшія пьесы Детуша были уже поставлены, Пиронъ написалъ уже свою «La Métromanie», Кредильонъ-отецъ своего «Rhadamiste», Вольтеръ далъ цѣлый рядъ такихъ трагедій, какъ «Zaïre», «Alzire», «Mérope», «Mahomet», и театры пробавлялись пьесами Мармонтеля, Сорэна, Латуша и др. «Теперь всякій мальчишка считаетъ долгомъ совѣсти, тотчасъ по выходѣ изъ училища, накропать непремѣнно трагедію. Это дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, самое бо̀льшее полугода, и автору чудится уже несмѣтное богатство и слава драматурга. Такъ составлена и трагедія «Петръ Великій» однимъ изъ

---

[1]) Tourneux, III, 162; V, 296.
[2]) Ibid., II, 293.

подобныхъ недоучекъ» [1]). И тѣмъ не менѣе Гриммъ добросовѣстно разбираетъ подобныя пьесы, указывая ихъ достоинства и недостатки, или въ нѣсколькихъ словахъ, или на нѣсколькихъ страницахъ. Разборъ «Cosroès» Ла-Ферва занимаетъ болѣе десяти печатныхъ страницъ [2]). Кромѣ пьесъ Гриммъ подробно говоритъ объ исполнителяхъ, разбирая игру каждаго, нерѣдко обсуждая отдѣльный жестъ или мимическій эффектъ. Судя по Гримму, парижская публика того времени была менѣе сдержанна, чѣмъ теперь. «Когда прелестнѣйшее созданіе въ мірѣ, граціозное и величественное—говоритъ онъ о дебютѣ m-lle Raucourt въ роли Дидоны—подошло къ рампѣ, когда раздался мягкій, красивый голосъ артистки, когда обнаружилась ея благородная, умная и тонкая игра — восторгъ публики не зналъ предѣловъ. Громъ рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ потрясъ зрительную залу; увлеченіе доходило до опьяненія: незнакомые поздравляли другъ друга и лобызались. По окончаніи спектакля, зрители, разойдясь по всѣмъ концамъ Парижа, разнесли повсюду восторженные отзывы о дебютанткѣ, и весь Парижъ только и говорилъ, что о m-lle Raucourt» [3]).

Гримма обыкновенно зовутъ «философомъ» не только секретарь Мейстеръ и другіе современники, Гриммъ самъ называлъ себя «писателемъ-философомъ» [4]). Онъ никогда не былъ философомъ, и эта кличка примѣнялась къ нему, какъ къ члену литературной партіи, господствовавшей во Франціи и состоявшей изъ такихъ мыслителей, какъ Вольтеръ, Руссо, Д'Аламберъ, Дидро и др. Умъ Гримма менѣе всего умъ философическій; если онъ и ставитъ иногда вопросы о началѣ и цѣли мірозданія, то никогда не даетъ на нихъ отвѣта. Гриммъ примкнулъ къ энциклопедистамъ, но не раздѣлялъ ихъ увлеченій, по крайней мѣрѣ не всѣ. Трезвый, положительный умъ Гримма возмущался всякимъ метафизическимъ наведеніемъ и не допускалъ даже гипотезъ. Ни объ одномъ философскомъ вопросѣ онъ не пи-

[1]) Ibid., VII, 167.

[2]) Ibid., VII, 399; Les Deux Soeurs — восемь страницъ (491), Béverley— девять (VI, 74).

[3]) Ibid., X, 139.

[4]) Un écrivain-philosophe. Tourneux, II, 381. Про маркиза Круамара Гриммъ говоритъ: On l'appelait le Philosophe, parce qu'il avait de bonne heure renoncé aux vues d'ambition (Ibid., X, 47). И въ этомъ смыслѣ Гриммъ не можетъ быть названъ философомъ.

салъ, не побесѣдовавъ предварительно съ Дидро, своимъ другомъ, но ко всѣмъ положеніямъ Дидро и другихъ философовъ Гриммъ относился съ отрицаніемъ, прежде всего, и съ сомнѣніемъ во что бы то ни стало. «Когда Лейбницъ, милордъ Шэфтсбюри и знаменитый Попъ говорятъ, что все хорошо, я ихъ спрашиваю: вы почемъ знаете? и они никогда не отвѣтятъ мнѣ на этотъ маленькій вопросъ» [1]). Гриммъ «готовъ» согласиться съ Декартовымъ «cogito, ergo sum», но отказывается понять всякія дальнѣйшія заключенія [2]). Онъ высказывается противъ сужденій Руссо о воспитаніи юношества, противъ взглядовъ, высказанныхъ Вольтеромъ по поводу лиссабонской катастрофы, даже противъ нѣкоторыхъ мыслей Гельвеція [3]); но самъ онъ никогда и ничего по этимъ вопросамъ самостоятельнаго не выражалъ. Такъ держалъ онъ себя и относительно религіозныхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ его время; онъ высказался только по вопросу о «христіанскихъ храмахъ» [4]) и въ этомъ случаѣ доказалъ вполнѣ, что онъ менѣе всего можетъ быть названъ философомъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Онъ и не «экономистъ», которыхъ такъ не любила Екатерина II [5]). Между тѣмъ, по «Correspondance Littéraire» можно прослѣдить зарожденіе началъ политической экономіи. Здѣсь, по листкамъ Гримма, можно видѣть, какъ впервые возбуждались вопросы о населеніи, промышленности, торговлѣ, о налогахъ и финансахъ. «Эти вопросы становятся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе интересными», говоритъ Гриммъ еще въ 1755 году, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1767 году, заявляетъ уже, что «политическая экономія, торговля, хлѣбопашество—вотъ вопросы, господствующіе надъ всѣми умами» [6]). Когда появился знаменитый «L'ami des hommes» Мирабо, Гриммъ посвятилъ ему въ 1757 году рядъ статей, въ которыхъ обсуждалъ возбужденные имъ вопросы, но такъ осторожно, что долгое время трудно было понять, отвергаетъ или при-

---

[1]) Tourneux, III, 245.
[2]) Ibid., VII, 381.
[3]) Ibid., III, 267; IV, 29; V, 109, 121, 259.
[4]) Ibid., VI, 101, 115.
[5]) Въ письмахъ къ Гримму, см. Сборникъ, XXIII, 44, 52; Русскій Архивъ, 1878, III, 28, 32.
[6]) Tourneux., II, 507; VII, 403.

нимаетъ онъ новое ученіе, пока, наконецъ, въ 1767 году, Гриммъ не принялъ болѣе опредѣленнаго положенія: онъ не признавалъ Кенэ, не понималъ Мерсье де Ла-Ривьера [1]) и глумился надъ Мирабо. «Каждый вторникъ — пишетъ Гриммъ — экономисты собираются у Мирабо. Прежде всего, они плотно обѣдаютъ; потомъ они пашутъ, орутъ, боронятъ, засѣваютъ и не оставляютъ во всей Франціи ни одной пяди земли безъ обработки. И проработавъ, такимъ образомъ, языкомъ цѣлый день въ богатой залѣ, теплой зимою и прохладной лѣтомъ, они расходятся вечеромъ, очень довольные собою и искренно убѣжденные, что сдѣлали Францію болѣе цвѣтущею» [2]). Гриммъ не понималъ новаго ученія. Экономисты являлись для него сектой, но сектой политической, слѣдовательно, болѣе для него опасной, чѣмъ всѣ религіозныя секты: надъ религіей Гриммъ смѣялся, касаться же политики опасался, какъ установившагося начала, съ которымъ были связаны всѣ его общественные идеалы, отъ которыхъ зависѣло его личное благосостояніе.

«Изъ всѣхъ знаній наименьшій успѣхъ сдѣлала у насъ наука политическая» [3]), говоритъ Гриммъ. Несмотря на то, Гриммъ ясенъ и точенъ только въ политикѣ; здѣсь онъ вполнѣ своеобразенъ и проявляетъ весь свой критическій умъ и практическій смыслъ. Гриммъ въ политикѣ реалистъ, опирающійся не на право, а на силу; но, по его объясненію, сила эта вытекаетъ изъ законовъ естественнаго права. «Хотите вы знать, что̀ такое естественный законъ—я скажу вамъ одинъ изъ такихъ законовъ: не клади палецъ на свѣтильню горящей свѣчи. И знаете ли, почему это есть естественный законъ? Потому, что если вы вздумаете преступить этотъ законъ, то вы обожжете себѣ палецъ, что̀ причинитъ вамъ боль, а вы не любите боли. Всякій другой законъ, не заключающій въ самомъ себѣ своего оправданія, не есть естественный законъ» [4]). Гриммъ въ этомъ случаѣ рѣзокъ и, по-своему, послѣдователенъ. «Въ школахъ намъ говорятъ только о принципахъ и о правѣ; открываемъ исторію лю-

---

[1]) Русская Старина, LXXII, 283, 507.

[2]) Tourneux, III, 387, 398, 412, 435, 448; IV, 29; VII, 431, 444, 467; VIII, 38, 372, 421; IX, 81.

[3]) Ibid., III, 97.

[4]) Ibid., VII, 451.

баго народа и видимъ только власть и силу. Не лучше ли исходить изъ единственно вѣрнаго принципа, что какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ моральномъ все зависитъ отъ силы, что болѣе сильный всегда подчиняетъ себѣ болѣе слабаго, но что болѣе сильный по тому самому и болѣе справедливый, болѣе добродѣтельный?» Вся соціальная доктрина Гримма выражена имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Хотите вы знать, что́ я думаю по этому поводу? Не будемъ дѣтьми, не будемъ бояться словъ. Дѣло въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ инаго права, кромѣ права сильнаго, такъ какъ только право сильнаго законно. Это равно справедливо какъ для физическаго, такъ и для моральнаго міра: не желать, чтобъ сильнѣйшій былъ господиномъ, такъ же разумно, какъ не хотѣть, чтобъ пудовый камень вѣсилъ болѣе фунтоваго. Истинные элементы естественнаго права, какъ и народнаго, заключаются въ простомъ вычисленіи различныхъ силъ. Отчего ни произошло бы первоначальное подчиненіе народа—отъ оружія ли, отъ силы убѣжденія, отъ вліянія ли родительской власти—это все равно; сущность только въ томъ, что народъ долженъ былъ подчиниться и останется подчиненнымъ на-вѣки, что одинъ человѣкъ безсиленъ передъ массою и что онъ необходимо долженъ чувствовать на себѣ давленіе этой массы и сообразоваться съ этимъ давленіемъ, иначе онъ погибнетъ. Вслѣдствіе этого, состояніе общества есть состояніе насильственное, въ которомъ всегда властвуетъ сильнѣйшій».

Такіе политическіе принципы дѣлали Гримма совершенно равнодушнымъ къ формѣ правленія. Совершеннаго правительства нѣтъ и, по словамъ Гримма, быть не можетъ: правительство существуетъ для всего народа, а народъ состоитъ изъ весьма розныхъ элементовъ. «Люди вообще не созданы ни для свободы, ни для истины, хотя эти два слова постоянно у нихъ на языкѣ. Свобода и истина даны въ удѣлъ только немногимъ избранникамъ и то подъ условіемъ не очень гордиться ими. Масса же обречена на рабство и заблужденіе, которыя держатъ ее въ своихъ оковахъ. Прочтите исторію, и вы убѣдитесь въ этомъ» [1]). Гриммъ, поэтому, довольствуется всякою формою правленія; онъ въ восторгѣ отъ «просвѣщеннаго

[1]) Ibid., X, 129.

деспотизма», и удивляется, «какимъ образомъ, такой глубокій и просвѣщенный умъ, какъ Монтескье, могъ усматривать въ формѣ правленія причины величія и паденія націй» [1]). Мнѣнія Гримма относительно администраціи, особенно же финансовой, свидѣтельствуютъ о его полномъ невѣдѣніи въ вопросахъ государственнаго права [2]). Наивность Гримма въ этомъ отношеніи граничитъ съ недомысліемъ, трудно допустимымъ въ «философѣ» даже sui generis. «Наши политическіе философы—говоритъ онъ—не замѣчаютъ той истины, что обширное государство не можетъ быть хорошо управляемо. Скажу болѣе: правительство только тогда можетъ быть признано хорошимъ, когда глава государства знаетъ имя, качества и состояніе послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, такъ какъ быть государемъ значитъ заботиться о благѣ каждаго въ государствѣ. Какимъ же образомъ одинъ человѣкъ или, считая даже министровъ, двадцать человѣкъ могутъ составить счастіе двадцати милліоновъ, которыхъ они не знаютъ даже по имени? Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ государствѣ даже послѣдній хлѣбопашецъ имѣетъ такое же право быть счастливымъ, какъ и глава государства» [3]). Гриммъ смѣшиваетъ политическую свободу націи съ системой управленія: «Читая Les intérêts de la France mal entendus, я съ грустью увидѣлъ, что государственные мужи Франціи были главными виновниками ея величайшихъ бѣдствій. Вотъ въ чемъ заключается важное преимущество свободнаго народа надъ такою монархіею, какъ во Франціи. Нація, т. е. общество и народъ, всегда хорошо сознаютъ свои интересы; между тѣмъ какъ министры, къ тому же часто смѣняемые, вовсе не знаютъ, въ чемъ заключается въ данный моментъ общественное благо. Мало того, когда самоуправляющійся народъ замѣтилъ въ чемъ-либо свою ошибку, реформа является не только вполнѣ естественною, но и обязательно необходимою; между тѣмъ какъ министры склонны упрямо поддерживать не только свои ошибки, но даже свои глупости, думая этимъ сохранить престижъ власти» [4]).

---

[1]) Ibid., III, 283.

[2]) Ibid., III, 294, X, 171. Взглядъ Гримма на значеніе правительства выраженъ яснѣе всего въ VII, 430.

[3]) Ibid., II, 385.

[4]) Tourneux, III, 289, 309.

Въ качествѣ «философа», Гриммъ обобщалъ явленія, ставилъ вопросы и высказывалъ «принципіальные взгляды» по поводу всевозможныхъ произведеній французской литературы. Само собою разумѣется, что, составляя «Correspondance Littéraire» въ продолженіе двадцати лѣтъ, онъ впадалъ иногда въ противорѣчіе съ самимъ собою. Съ одинаковою серьезностью, Гриммъ въ одномъ случаѣ говоритъ, что мы предпочитаемъ настоящее прошлому, а въ другомъ, что—прошлое настоящему. «Мы безпрестанно восхваляемъ нашъ вѣкъ и въ этомъ отношеніи не дѣлаемъ ничего новаго; люди всегда предпочитаютъ время, въ которое они живутъ, длинной вереницѣ предшествовавшихъ имъ вѣковъ», говоритъ Гриммъ въ 1757 г., а въ 1768-мъ оказывается, что «мы всегда восхваляемъ прошлые вѣка, такъ какъ не чувствуемъ ихъ страданій, и предпочитаемъ предковъ, такъ какъ не переживаемъ ихъ заблужденій» [1]). Такія противорѣчія встрѣчаются, однако, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Гриммъ выходилъ изъ сферы литературной критики и становился «философомъ». Въ этомъ отношеніи его не всегда спасали даже предварительныя совѣщанія съ «Сократомъ нашего времени»: Дидро обсуждалъ хорошо, Гриммъ излагалъ дурно, и самая слабая сторона «Correspondance Littéraire» есть именно философская, между тѣмъ какъ критическая часть сохраняетъ и до настоящаго времени свое значеніе.

Несмотря на тщательно составленный указатель къ изданію «Correspondance littéraire, philosophique et critique», трудно сказать, до какой цифры доходитъ число книгъ, о которыхъ данъ Гриммомъ критическій отзывъ. Это тѣмъ болѣе трудно, что рукописный листокъ наполнялся не только отзывами о литературныхъ произведеніяхъ и театральныхъ представленіяхъ; въ немъ, сверхъ того, помѣщена масса писемъ, рѣчей, статей и стихотвореній [2]), случайно

---

[1]) Ibid., III, 327; VIII, 116.

[2]) Отмѣчаемъ важнѣйшія. Письма: IV, 93, 254, 307; V, 188, 199, 344, 361, 428; VI, 111, 412, 437, 458; VIII, 4, 49, 64, 120, 203, 390, 472; IX, 11, 45, 52, 61, 88, 92, 141, 164, 166, 177, 210, 219, 222, 251, 281, 383, 410, 415; X, 73, 97, 103, 143, 193. Рѣчи: VIII, 216, 264; IX, 329. Статьи: III, 32; V, 190, 247, 424; VI, 1, 477; VIII, 29, 396; IX, 134, 149, 350, 427, 498. Стихотворенія: IV, 32, 112, 160; V, 418; VI, 340; VII, 438, 455, 470; VIII, 56, 234, 248, 359, 484; IX, 74, 176, 223, 264, 445. Всѣ эти вставки далеко не равнаго до-

попадавшихъ въ руки Гримма. Между прочимъ, въ «Correspondance Littéraire» впервые оповѣщены письма Екатерины II къ разнымъ лицамъ [1]), передано содержаніе сказокъ о Хлорѣ и Февеѣ [2]), сообщено о распрѣ А. П. Сумарокова съ гр. П. С. Салтыковымъ, причемъ приведено и письмо императрицы къ русскому драматургу; въ этихъ же листкахъ сохранены и стихи Вольтера о Екатеринѣ II [3]).

Подобныя вставки совершенно естественны, и мы не имѣемъ права оцѣнивать ихъ стоимость по нашему прейскуранту—въ прошломъ вѣкѣ онѣ интересовали многихъ. Но въ «Correspondance Littéraire» встрѣчаются и вставки инаго рода. Когда не было серьезныхъ книгъ или когда Гриммъ не имѣлъ времени написать статью, онъ прибѣгалъ къ выпискамъ, причемъ не стѣснялся, напримѣръ, выписывать цѣлыя страницы изъ ничтожнѣйшаго романа графини Ревель «Histoire de Geneviève» [4]), сообщать пустѣйшіе мадригалы, вздорныя шарады, даже разсказывать какую-то игру trou-madame или фокусы чревовѣщателя [5]). Гриммъ справедливо полагалъ, что забава, интересовавшая Парижъ, вполнѣ годилась для какой-нибудь Готы или Веймара. Недостатокъ литературныхъ произведеній воз-

---

стоинства рядомъ съ письмами Екатерины II, Фридриха II, Вольтера, Галіани, Дидро, встрѣчаются письма Волланъ, Клэронъ и др., рѣчи не только академиковъ, но и патеровъ, сказанныя при погребеніи; статьи Вольтера или Дидро смѣняются статьями Дамилавиля и лицъ совершенно непзвѣстныхъ; о стихотвореніяхъ же и говорить нечего—только отмѣченныя нами выше имѣютъ какое-либо литературное или историческое значеніе.

[1]) Д'Аламберу (V, 198), Вольтеру (V, 418), Мармонтелю (VIII, 203), Сумарокову (IX, 187), г-жѣ Дени (XII, 168), Бюффону (XIII, 98, 100). Не говоря о другихъ письмахъ, даже письмо къ Сумарокову стало у насъ извѣстно гораздо позже: оно впервые было напечатано въ «Сынѣ Отечества» на 1816 годъ (L, 166).

[2]) Tourneux XVI, 10, 85.

[3]) Les vers de M. Voltaire, qui courent depuis quelques jours dans Paris, et qu'on ne mettra pas à côté des meilleurs de ce grand poëte. Tourneux, V, 418.

[4]) Tourneux, III, 143; V, 226. Эта comtesse de Revel умерла 26-ти лѣтъ; самъ Гриммъ сознается: son style et son goût n'étaient pas encore absolument formés, и помѣщаетъ большой отрывокъ изъ ея пустаго романа потому только, что эта графиня написала панегирикъ г-жѣ Эпинэ, любовницѣ Гримма. Этотъ панегирикъ тоже напечатанъ въ „Correspondance“, III, 118. Только отношеніями Гримма къ г-жѣ Эпинэ можно объяснить помѣщеніе въ „Correspondance“, IX, 351, ея «Dialogue copié d'après nature, ou de l'amitié de deux jolies femmes“.

[5]) Tourneux, III, 128; VIII, 183; IX, 13, 94, 262; X, 10, 31.

*

мѣщался также и просто новостями, въ родѣ отъѣзда Гельвеція въ Берлинъ или же нотъ къ «Etrennes optico-lyrique» [1]).

Рукописная «Correspondance Littéraire» существовала ровно сорокъ лѣтъ, безъ перерыва. Первыя двадцать лѣтъ, съ 1753 по 1773 г., она составлялась преимущественно Гриммомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Гриммъ уѣзжалъ изъ Парижа—въ Германію, Англію, Италію—листки составлялись Дидро, Мейстеромъ, г-жею Эпинэ и ихъ друзьями; чаще всего, однако, Дидро [2]). Съ 1773 года, когда Гриммъ отправился въ Россію, его рукописное изданіе поступило въ полную собственность Мейстера [3])—съ этого года онъ не участвуетъ уже въ «Correspondance» и не отвѣтственъ за нее. Двадцать лѣтъ безустанной работы, два раза въ мѣсяцъ,естественно должны были утомить Гримма. «Я совершенно подавленъ писаніемъ и срочной работой, пишетъ Гриммъ въ 1766 году, послѣ тринадцатилѣтняго труда. Мой другъ Дидро присылаетъ мнѣ, вмѣсто краткаго отчета, цѣлую книгу о художественной выставкѣ. У меня не хватило дерзости исключить что-либо, и приходилось редактировать его листки, по мѣрѣ ихъ полученія, самому списывать ихъ, чтобы переписчики могли потомъ копировать, а это требуетъ много времени. Умалчиваю о другихъ спѣшныхъ работахъ, которыя пригвоздили меня, съ утра до вечера, къ письменному столу... Мнѣ нездоровится, я усталъ; работа не спорится» [4]).

Ничто такъ не убиваетъ, какъ срочная работа. Послѣ семилѣтней работы въ «Отечественныхъ Запискахъ», Бѣлинскій писалъ своимъ друзьямъ: «Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно, я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмѣлья послѣ двухнедѣльной оргіи,

[1]) Ibid., VI, 157, 229, 481.

[2]) Un voyage que je me propose de faire cette année en Allemagne m'oblige de songer aux moyens de maintenir cette Correspondance pendant mon absence. M. Diderot s'étant offert de se charger de cet travail, je confie dès à présent la plume à son amitié. Ainsi cette Correspondance gagnera infiniment à mon absence, et il est à craindre pour moi qu'à ce prix on n'exige de moi de faire tous les ans un voyage. Tourneux, VIII, 276.

[3]) Ibid., X, 208.

[4]) Tourneux, 428, 442.

праздношатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности... Мнѣ невыносима и вредна срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ... Я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ, а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и казенная манера писать обо всемъ» [1]). Между тѣмъ, «Отечественныя Записки» выходили разъ въ мѣсяцъ, а «Correspondance Littéraire» составлялась два раза, черезъ каждыя двѣ недѣли, что̀ еще утомительнѣе.

Бѣлинскій во многомъ напоминаетъ Гримма. Подобно Гримму, Бѣлинскій составлялъ срочный отчетъ о литературныхъ произведеніяхъ, и отъ Пушкина и Лермонтова переходилъ къ «Новѣйшему и самому полному телескопу», отъ Кольцова и Лажечникова обращался къ «Шапкѣ юродиваго или трилиственнику»; подобно Гримму, поучавшемуся въ бесѣдѣ съ Дидро, Бѣлинскій, споря съ В. Боткинымъ, узнавалъ о новыхъ философскихъ системахъ [2]); подобно Гримму, Бѣлинскій изнемогъ въ «журнальной срочной работѣ». Въ пріемахъ литературной критики, въ системѣ обсужденія вопросовъ, въ стремленіи къ отысканію принциповъ, къ указанію идеаловъ можно найти много сходнаго у Гримма и у Бѣлинскаго. Но условія, при которыхъ они работали, были совершенно различны.

Главный интересъ «Correspondance Littéraire» заключался въ томъ, что она, какъ рукописное изданіе, избавленное отъ всякаго контроля и отвѣтственности, предоставляла автору полную свободу мнѣній и выраженій. Эта свобода была обезпечена, во-первыхъ, небольшимъ числомъ «коронованныхъ» читателей, обязанныхъ скромностью, и, во-вторыхъ, пересылкой изданія не иначе, какъ чрезъ соотвѣтствующія посольства. Осторожный Гриммъ, находившій, что «самая блестящая идея не стоитъ одной ночи, проведенной въ Бастиліи», принялъ всѣ предосторожности, чтобы оградить себѣ полную безопасность. Г-жа Жоффенъ, предлагая польскому королю Станиславу

---

[1]) Пыпинъ, II, 244, 250.

[2]) „Сколько можно получить понятіе о предметѣ изъ вторыхъ рукъ, я понялъ Конта, въ чемъ мнѣ особенно помогли разговоры и споры съ тобою". Пыпинъ, II, 273.

Августу получать «Correspondance Littéraire», сопровождаетъ свое письмо слѣдующимъ наставленіемъ: «Вотъ первый пакетъ; присоединяю письмо Гримма, при которомъ онъ былъ мнѣ доставленъ. Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ письма Гримма, что для него существенно важно, чтобъ эти листки никѣмъ не списывались. Всѣ германскіе дворы, получающіе «Correspondance», остаются вѣрны Гримму и выполняютъ точно свои обязательства. Осмѣлюсь даже заявить, что нескромность Вашего Величества въ этомъ отношеніи можетъ причинить мнѣ большія непріятности».

При этихъ условіяхъ, эзоповскій языкъ неумѣстенъ, и Гриммъ долженъ быть искрененъ [1]). Въ этомъ отношеніи Гриммъ, дѣйствительно, безупреченъ: онъ могъ ошибаться въ своихъ отзывахъ о книгахъ и пьесахъ, но въ своихъ критическихъ замѣткахъ онъ никогда не фальшивилъ ни ради пріязни, ни ради злобы [2]), и Дидро не безъ основанія сообщаетъ, что Гриммъ признавался за человѣка вполнѣ справедливаго [3]). Гриммъ грѣшилъ, особенно въ послѣднее время, съ другой совсѣмъ стороны: отсутствіе какой-либо отвѣтственности обязывало его быть крайне осторожнымъ, между тѣмъ онъ дѣлалъ иногда отзывы о книгахъ, не читая ихъ, и вмѣсто серьезнаго разбора ограничивался какой-либо шуткой по поводу названія книги или имени автора [4]). Но и въ этихъ «грѣхахъ» Гриммъ все-таки былъ искрененъ: онъ всегда чистосердечно каялся и признавалъ ихъ послѣдствіемъ своей «отвратительной профессіи», своего «жалкаго ремесла» [5]), обязывающаго его, въ качествѣ литературнаго критика, давать отзывъ о всевозможныхъ книгахъ. Это, по словамъ Бѣлинскаго, каторжный трудъ, и Гриммъ не разъ подумывалъ отказаться отъ этой «неблагодарной работы», поглощающей все его время.

[1]) Бѣлинскій, напротивъ, не могъ быть искреннимъ. „Я по-прежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и какъ я думаю“, писалъ онъ уже въ 1845 г. Пыпинъ, II, 243.

[2]) Это подтверждается особенно ясно рядомъ отзывовъ о Вольтерѣ и Руссо. Tourneux. по указателю.

[3]) Le juste par excellence. Tourneux, IX, 47.

[4]) Tourneux, VII, 61; VIII, 313; IX, 47. Въ этомъ изданіи „Correspondance Littéraire“, въ примѣчаніяхъ, указаны многіе подобные отзывы Гримма съ точнымъ разъясненіемъ неосновательности ихъ, напр., III, 280.

[5]) La misère de métier, la profession détestable, le travail ingrat, etc. Tourneux, IX, 47, 48; XVI, 428. Подобные же отзывы встрѣчаются и у Бѣлинскаго.

«Много уже разъ—пишетъ онъ герцогинѣ Саксенъ-Готской [1])—хотѣлъ я испытать свои силы и, оставляя въ покоѣ произведенія другихъ, попробовать самому написать серьезное сочиненіе; но «Correspondance» не даетъ мнѣ досуга, необходимаго для созданія чего-либо самостоятельнаго».

Можно съ увѣренностью, однако, сказать, что всякая подобная попытка Гримма была бы безплодна. Самостоятельное творчество было чуждо Гримму. Сюжетъ его драмы «Banise» заимствованъ; его «Petit Prophète» доказалъ полное отсутствіе фантазіи и безпомощную убогость замысла. Между тѣмъ, оба эти произведенія написаны въ молодые еще годы Гримма. Ему было уже, однако, 47 лѣтъ, когда онъ составилъ «Sermon philosophique prononcé le jour de l'an 1770 dans la grande synagogue de la rue Royale»—жалкую пародію въ quasi-библейскомъ стилѣ, вымученную, натянутую и, что̀ хуже всего, небезкорыстную [2]). Вся эта «Проповѣдь» есть, въ сущности, угодническое восхваленіе, прежде всего, всѣхъ нѣмецкихъ властителей, патроновъ Гримма—баденъ-дурлахскихъ, гессенъ-дармштадтскихъ, саксенъ-готскихъ, анспахскихъ, вюртембергскихъ, брауншвейгскихъ и др., затѣмъ всѣхъ государей, получающихъ «Correspondance Littéraire»—императрицы русской, короля польскаго, королевы шведской, не исключая, конечно, и Фридриха II, упорно не желавшаго быть подписчикомъ Гримма. Никогда еще изъ-подъ пера Гримма не выходило нѣчто болѣе тупое по замыслу и болѣе неопрятное по исполненію, чѣмъ этотъ «Sermon», съ его нѣмецкимъ остроуміемъ въ французскомъ костюмѣ.

Гриммъ былъ нѣмецъ не только по рожденію: онъ былъ нѣмецъ по складу ума, точнаго и ограниченнаго, по силѣ характера, мелочнаго и настойчиваго, по темпераменту, по взгляду на жизнь. Менѣе всего Гриммъ могъ быть французомъ, и французскіе ученые напрасно стараются поставить ему въ заслугу его приверженность къ своей національности [3]). Гриммъ писалъ свою «Correspondance»

---

[1]) Tourneux, XVI, 428.

[2]) Ibid., VIII, 414.

[3]) Grimm est un étranger qui, s'il demande droit de bourgeoisie chez nous n'entend pas pour cela déguiser son origine. J'insiste sur ce point: Grimm n'a nullement honte de sa nationalité, il y appuie plutôt, rappelant qu' il n'est pas des nôtres et qu'il nous juge du dehors. Scherer, 46.

преимущественно для нѣмецкихъ читателей и не имѣлъ повода скрывать, что онъ не только родился, но и остается нѣмцемъ. Свою литературную дѣятельность въ Парижѣ онъ началъ съ того, что знакомилъ Францію съ своею родиною, печаталъ въ «Mercure» статьи о нѣмецкой литературѣ. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1772 году, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ вспоминалъ о встрѣченномъ имъ въ Парижѣ неуваженіи къ Вольтеру: «Въ жизнь свою не забуду того удивленія и смущенія, съ какимъ я, молодой простофиля, только-что прибывшій изъ Германіи, гдѣ такъ удивляются и такъ почитаютъ Вольтера, услышалъ, что Вольтеръ не болѣе какъ посредственность. И это говорилось въ Парижѣ, гдѣ, конечно, должны были лучше знать Вольтера, чѣмъ въ Регенсбургѣ! Этотъ нѣмецкій простакъ думалъ, что судьба забросила его во Францію только для того, чтобы доказать ему, до какой степени онъ еще глупъ» [1]). Въ «Correspondance Littéraire» нѣсколько такихъ мѣстъ, гдѣ Гриммъ прямо называетъ себя нѣмцемъ [2]). Послѣ 1773 г., когда Гриммъ не участвовалъ уже въ этомъ рукописномъ изданіи, онъ выступилъ и въ самомъ Парижѣ представителемъ одного изъ нѣмецкихъ государей.

Болѣе всего, однако, Гриммъ выказалъ себя нѣмцемъ въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи. Обязанный всѣмъ Франціи, сдѣлавшей изъ «нѣмецкаго простофили» французскаго «философа», Гриммъ не скрывалъ, что имѣетъ много основаній любить Францію [3]) и, тѣмъ не менѣе, не любилъ ее. Гриммъ дебютировалъ брошюрой противъ французской музыки и, какъ мы видѣли, съ большимъ успѣхомъ. Уже въ «Petit Prophète» онъ упоминалъ, хотя и вскользь, что французскій языкъ не созданъ «для пѣнія»; позже, Гриммъ находилъ, что французскій языкъ лишенъ ясности, точности, энергіи; если эти качества встрѣчаются иногда въ литературныхъ произведеніяхъ, то благодаря лишь таланту писателей. Гриммъ приводитъ даже шутку Галіани, что «черезъ 200 лѣтъ французскій языкъ станетъ языкомъ ученыхъ, а русскій — придворнымъ языкомъ» [4]).

---

[1]) Tourneux, X, 63.

[2]) Ibid., IX, 110.

[3]) J'ai tant de raison d'aimer la France, пишетъ Гриммъ герцогинѣ Саксенъ-Готской, отъ 13 декабря 1764 г. Tourneux, XVI, 419.

[4]) Tourneux, II, 467; VIII, 146, 167; X, 57, 113; Сборникъ XXXII, 293.

Гриммъ отвергаетъ всякое искусство во Франціи; не только живопись, даже архитектуру. «Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ намъ кричатъ, что Суффло великій архитекторъ, но этотъ великій архитекторъ построилъ въ Ліонѣ театральную залу, въ которой ничего не слышно; построилъ другую въ Парижѣ, въ которой ничего не видно» [1]). Этого мало: «когда французы излѣчатся отъ своей національной спѣси, они признаютъ, что имъ нужно поучиться музыкѣ у итальянцевъ и нѣмцевъ, а разбивкѣ садовъ—у англичанъ» [2]). Словомъ, все, что дѣлается французами—все нехорошо: нехорошо, что Шамуссе́ учредилъ городскую почту въ Парижѣ; нехорошо, что Маренъ предложилъ составить совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ для безплатныхъ консультацій въ пользу неимущихъ; нехорошо, что Фенье́ предлагаетъ обезпечить прислугу, неспособную къ труду [3]). Посвящая цѣлыя страницы опредѣленію характера французовъ, Гриммъ приходитъ къ заключенію, что французы во всемъ уступаютъ другимъ націямъ и превосходятъ всѣхъ только веселостью нрава, граничащею съ игривостью, но воодушевляющею ихъ въ трудныя минуты [4]). Даже въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ Гриммъ признается лицомъ вполнѣ компетентнымъ, сказывается по временамъ его нелюбовь къ Франціи: изъ французскихъ классиковъ Гриммъ признаетъ только Монтэня, Мольера и Ла-Фонтена; прелести Корнеля нужно отыскивать среди «кучи навоза»; называя Расина «безсмертнымъ и божественнымъ», онъ признаетъ «недостаткомъ» его изящество; само собою разумѣется уже, что Босюэта онъ совсѣмъ не выноситъ, а Тома́ упрекаетъ за его длинноты, которыя не допустятъ его стать «первоклассникъ писателемъ» [5]), и т. под.

Всѣ подобные отзывы и замѣчанія объясняются тѣмъ, что Гриммъ былъ нѣмецъ, не французъ. Эта національная особенность Гримма имѣла въ данномъ случаѣ хорошія и дурныя стороны, но именно она помогла ему здраво и трезво взглянуть на многія литературныя

---

[1]) Tourneux, V, 453.
[2]) Ibid., IX, 348.
[3]) Chamousset, Marin, Faignet. Ibid., V, 297.
[4]) Ibid., VII, 429.
[5]) Ibid., V, 161; VII, 213, IX, 124, X, 112.

явленія того времени. Если его «Correspondance Littéraire» не обратилась для насъ въ старую газету, а осталась произведеніемъ, сохраняющимъ свою цѣнность, она обязана этимъ основнымъ свойствамъ нѣмца Гримма—трезвости критики, искренности сужденія, неподкупности взгляда, словомъ, той интеллектуальной правотѣ, которою отличались позже Сентъ-Бевъ и Бѣлинскій. Гриммъ былъ ихъ предтечею.

Вотъ какимъ представляется Гриммъ въ 1773 году. Въ мартѣ, онъ передалъ «Correspondance Littéraire» своему секретарю Мейстеру и выѣхалъ изъ Парижа. Осенью Гриммъ прибылъ въ Петербургъ, о чемъ Екатерина II извѣстила Вольтера письмомъ отъ 15-го сентября.

В. А. Бильбасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА [1].

Род. 1792 г. † 1859 г.

Бракосочетаніе и кончина вел. кн. Александры Николаевны.

Почти каждый годъ, ко времени маневровъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ кто-нибудь изъ иностранныхъ принцевъ, иногда двое, трое, чаще всего прусскіе. По великолѣпію императорскаго двора и радушію пріема, они очень любили погостить у насъ; да къ тому же въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ въ царственномъ семействѣ много стекалось фамильныхъ праздниковъ, по случаю дней рожденія и тезоименитствъ августѣйшихъ особъ. Болѣе другихъ торжественны были дни 25-го іюня и 1-го іюля. Тогда Петергофъ, распространенный и украшенный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, любимое его дѣтище, представлялъ самую оживленную картину веселія двора и народа.

Лѣтомъ 1843 года прибылъ небывалый еще гость, принцъ Гессенъ-Кассельскій Фридрихъ Вильгельмъ, молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ, красивой наружности. Въ городѣ тотчасъ заговорили, что это женихъ которой-нибудь великой княжны Ольги или Александры Николаевны. Съ первой же встрѣчи понравился онъ Александрѣ Николаевнѣ, и вскорѣ были они помолвлены. Помню, какъ князь Петръ Михайловичъ, котораго Николай Павловичъ называлъ своимъ семьяниномъ, возвратясь въ одно воскресенье отъ государя, съ прискорбіемъ объявилъ мнѣ о послѣдовавшемъ рѣшеніи. Время доказало, что онъ былъ правъ въ своемъ огорченіи, въ своемъ предвѣдѣніи....

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., томъ LXXI, ноябрь, стр. 275—293, декабрь, стр. 469—496.

Бракосочетанія великихъ княженъ совершены были на одной недѣлѣ, въ половинѣ января мѣсяца 1844 года. Начались большія празднества. Самыя великолѣпныя были у великой княгини Елены Павловны и у министра двора, въ домѣ департамента удѣловъ, перестроенномъ нынѣ во дворецъ великаго князя Михаила Николаевича. Праздникъ великой княгини, соединяя въ себѣ и балъ, и маскарадъ, и итальянскую оперу, и пантомимное представленіе изъ миѳологіи, въ которомъ участвовали великія княжны, превосходилъ все, что̀ въ этомъ родѣ вообразить себѣ можно. Ужинали въ комнатахъ, выходящихъ съ разныхъ сторонъ на великолѣпную лѣстницу, настежь растворенныхъ, и на самой лѣстницѣ, какъ и въ галлереѣ, ее окружающей, такъ и на площадкахъ до самаго низа. Все это, ярко освѣщенное, уставленное цвѣтами и растеніями южныхъ климатовъ, представляло зрѣлище необыкновенное и совершенно новое. Маскарадъ князя Петра Михайловича отличался роскошью и разнообразіемъ костюмовъ. Ужинъ былъ въ сосѣднемъ домѣ Землемѣрскаго училища, для чего въ стѣнѣ онаго нарочно была пробита дверь. Кто бы могъ предвидѣть, какою печалію вскорѣ стѣснились эти увеселенія?

Уже на этихъ балахъ многіе замѣтили, что Александра Николаевна часто покашливала. Кашель этотъ начался у ней еще съ лѣта, въ Петергофѣ, но не возбуждалъ никакого опасенія. Въ концѣ великаго поста разнесся слухъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, у ней обнаружилась чахотка. Другіе врачи, особливо ближайшіе ко двору, хотя того не признавали, но находили нужнымъ, чтобы по наступленіи лѣта она не отлагательно отправилась въ чужіе края, для пребыванія въ лучшемъ климатѣ и для молочнаго лѣченія. Ей, конечно, и безъ того надобно было оставить отечество, но императрица Александра Ѳеодоровна никакъ не рѣшалась отпустить ее больную отъ себя и положила ѣхать вмѣстѣ съ нею, лишь только возвратится государь изъ Лондона, куда онъ по приглашенію королевы отправился весною. Но уже было поздно: неизлѣчимая болѣзнь развилась быстро, такъ что въ концѣ іюня мѣсяца докторъ Мандтъ, пользовавшійся особенною довѣренностію Николая Павловича, посланъ былъ къ нему на встрѣчу, чтобы осторожно предупредить его объ опасномъ положеніи дочери, и чтобы истощенный

видъ юной страдалицы не слишкомъ поразилъ его по прибытіи. Мандтъ встрѣтилъ его въ Голландіи. Человѣкъ энергическій, нѣжнѣйшій отецъ, Николай Павловичъ не заставилъ себя ждать; онъ отмѣнилъ посѣщеніе нѣкоторыхъ дворовъ и не пріѣхалъ, а прилетѣлъ. Больная была безнадежна, съ каждымъ днемъ, видимо, угасала жизнь этого прекраснаго существа, любимицы и царственной семьи, и всей столицы. Довольно было видѣть это милое дѣтское лицо, во дни цвѣтущаго здоровья постоянно оживленное улыбкою, эту прелесть каждаго движенія, безъискусственно живописную, эту ко всѣмъ благосклонность, чтобы почувствовать къ ней какое-то невольное влеченіе. Неутѣшный отецъ дни и ночи проводилъ около умирающей, спалъ въ сосѣдней комнатѣ на кушеткѣ, не раздѣваясь и только снимая сапоги, чтобы шумомъ не потревожить слабаго, перерывчатаго ея сна. На его рукахъ она скончалась.

Многіе еще помнятъ тотъ поздній сумрачный вечеръ первыхъ чиселъ августа, когда гробъ усопшей великой княгини перевезенъ былъ изъ Царскаго села въ Петропавловскую крѣпость. Можно сказать, весь Петербургъ вышелъ ему на встрѣчу. Отъ самой заставы до Троицкаго моста публика и народъ благоговѣйно стояли непрерывными густыми рядами. Тронутый изъявленіемъ такой любви и преданности, императоръ тутъ же, не выѣзжая изъ крѣпости, написалъ собственноручно рескриптъ генералъ-губернатору съ выраженіемъ городу самой пылкой, исполненной поэзіи сердца, признательности...

По полученіи наслѣдникомъ цесаревичемъ высочайшаго рескрипта относительно благотворительнаго заведенія въ память великой княгини Александры Николаевны, его императорское высочество выразилъ князю Волконскому желаніе, чтобы дѣломъ учрежденнаго для того комитета управлялъ я.

Первое засѣданіе было въ Александріи, въ извѣстномъ небольшомъ домикѣ, нынѣ увеличенномъ, близъ фермы, принадлежащемъ наслѣднику. Послѣ непродолжительныхъ преній положено учредить женскую больницу для неизлѣчимыхъ, на пятьдесятъ кроватей, изъ которыхъ десять собственно для чахоточныхъ роженицъ. Когда мы встали изъ-за стола, предсѣдатель, т. е. наслѣдникъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «такъ потрудитесь составить журналъ нашего засѣ-

данія, да подумайте, какъ бы избѣжать этого тяжкаго выраженія: для неизлѣчимыхъ». Не только я, глубоко тронутый тонкостію чувства, явленнаго такою мыслію, всѣ присутствующіе были пошевелены ею, и принялись общими силами искать выраженія, но не нашли другаго, какъ фразы: больница для такихъ больныхъ, которыхъ въ другія врачебныя заведенія не принимаютъ; въ народѣ же пустить наименованіе: Александринская больница. Такъ оно и усвоилось.

Слѣдующія засѣданія комитета происходили въ Зимнемъ уже дворцѣ, на половинѣ его высочества по вечерамъ. Мы обыкновенно собирались за нѣсколько минутъ до назначеннаго времени передъ кабинетомъ, и никто, даже принцы не садились, ожидая приглашенія войти, что̀ наслѣдникъ дѣлалъ лично, отворяя дверь кабинета.

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, его высочество началъ сажать меня на свое предсѣдательское мѣсто, а до того времени садился я противъ него, на другомъ концѣ стола, самъ же сталъ занимать первое мѣсто съ правой стороны. И какъ я ни откланивался отъ такой чести, онъ придвинулъ мнѣ свои кресла, сказавъ: «садитесь, садитесь; такъ будетъ намъ слышнѣе, что̀ вы читаете».

Суммы, отчисленной кабинетомъ, за поступившіе въ оный брильянты, оказалось недостаточно для сооруженія зданія и содержанія заведеній. Наслѣдникъ внесъ отъ себя и супруги своей 30.000 р. сер.; государь приказалъ отпустить изъ кабинета полтораста, помнится, тысячъ рублей серебромъ же, оставшіеся отъ ассигнованныхъ на заготовленіе разныхъ предметовъ приданаго, наконецъ, разрѣшилъ обратить въ вѣчный фондъ больницы и заведенія сестеръ милосердія, въ которомъ Александра Николаевна принимала большое участіе, собственный капиталъ ея, за отчисленіемъ четвертой части принцу Кассельскому.

Предположено было вдоль фасада больницы, отъ Итальянской до Невскаго проспекта, провести небольшую улицу, сдѣлавъ ее продолженіемъ Шестилавочной. Для этого надобно было купить и сломать два дома: одинъ маленькій деревянный въ Итальянской улицѣ, а другой большой каменный, кажется, купца Егорова, на Невскомъ проспектѣ. Первый тотчасъ купили мы за 8.000 руб. и тѣмъ открыли возможность подвозить къ строенію матеріалъ, но

для покупки втораго, оцѣненнаго въ триста тысячъ рублей, не имѣли мы никакой возможности. Оставалось одно средство: продать большое пустопорожнее городское мѣсто, противъ больницы, занятое огородами и простирающееся вплоть до Знаменской улицы, гдѣ въ старину былъ Итальянскій садъ, отчего сосѣдняя Итальянская улица и получила свое названіе. По соображенію члена нашего, генералъ-губернатора Кавелина, за это мѣсто, разбитое на три удобныхъ для постройки домовъ участка, можно было выручить тоже 300.000 рублей, а покупщики нашлись бы. Государь на это соизволилъ, но дѣло что-то заглохло. Однажды князь Волконскій возобновилъ вопросъ: «когда же,—спросилъ онъ,—будетъ продано пустопорожнее мѣсто и купленъ домъ купца Егорова?» — «Теперь уже нельзя на это разсчитывать, — отвѣчалъ принцъ Ольденбургскій, — государь задумалъ построить домъ для Маріинскаго института, и это мѣсто займется дворомъ и садомъ заведенія». — «Такъ гдѣ же деньги-то на покупку дома?» продолжалъ князь. — «Я докладывалъ объ этомъ государю, — сказалъ наслѣдникъ,—онъ отозвался, что найдетъ деньги». — «Да,—возразилъ князь серьезнымъ тономъ,— онъ всегда говоритъ, что найдетъ деньги, а какъ дойдетъ дѣло до денегъ, такъ ихъ нѣтъ, и давай наваливать на меня, на кабинетъ. А мнѣ гдѣ взять? У меня осталось тамъ къ новому году всего 18 рублей». (Засѣданіе происходило въ концѣ декабря). Всѣ были поражены этими смѣлыми словами и съ удивленіемъ устремили глаза на князя. Но цесаревичъ тотчасъ нашелся, онъ громко захохоталъ, вмѣсто всякаго отвѣта; всѣ невольно послѣдовали его примѣру, раздался общій взрывъ смѣха, такъ что и самъ князь засмѣялся.

Мѣсто будущей надзирательницы больницы хотѣлось мнѣ предоставить одной бѣдной вдовѣ, съ тремя уже почти взрослыми дѣтьми, женщинѣ отличныхъ достоинствъ, и вдобавокъ замѣчательной красоты, несмотря на сорока-лѣтній возрастъ. Послѣднее обстоятельство, хотя и стороннее, и случайное, не было, однакоже, по моему мнѣнію, лишнимъ. Я разсчитывалъ, что страждущему больному гораздо пріятнѣе и облегчительнѣе видѣть около себя человѣка не только внимательнаго и деликатнаго, но еще и благообразнаго. Я заблаговременно обратился къ члену нашему, принцу

Ольденбургскому, на котораго, какъ на опытнаго по части больничныхъ заведеній человѣка, возложено было комитетомъ внутреннее устройство и организація больницы. «Намъ надобно,—началъ я, пріѣхавъ къ нему въ одно утро,—заранѣе позаботиться о выборѣ надзирательницы для нашей больницы, а то, когда узнаютъ объ окончаніи постройки, явится толпа женщинъ, и мы, не имѣя времени разузнать о нихъ хорошенько, можемъ сдѣлать ошибку».—«Правда-съ».—«Я имѣю, ваша свѣтлость (ему тогда не было еще пожаловано титула высочества), въ виду такую даму».—«Кого-съ?»—«Госпожу Ланге; можетъ, вы изволили знать (принцъ очень памятливъ) дочь ея, воспитывавшуюся въ Смольномъ монастырѣ, и сына, обучавшагося въ Коммерческомъ училищѣ?»—«Да-съ, помню, помню, и мать хороша собою, и дочь тоже очень не дурна».—«Точно такъ, ваша свѣтлость, а за нравственныя качества и способность г-жи Ланге къ этой должности я ручаюсь».—«Ну, такъ хорошо-съ, мы будемъ имѣть ее въ виду».

Спустя мѣсяцъ, оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, управлявшій дворомъ наслѣдника, прислалъ ко мнѣ, по его повелѣнію, просьбу одной пожилыхъ лѣтъ дѣвицы, воспитывавшейся въ Смольномъ монастырѣ, въ которой императрица Марія Ѳеодоровна въ свое время принимала участіе объ опредѣленіи ея въ надзирательницы больницы съ тѣмъ, чтобы я по этой просьбѣ доложилъ въ завтрашнее засѣданіе комитета. Это меня смутило: «бѣда, думаю, моя кандидатка не устоитъ, и тѣмъ болѣе досадно, что, вопреки моему правилу заявлять о чемъ-нибудь преждевременно, я сообщилъ ей объ успѣхѣ ходатайства моего у принца; но, постой, знаю, какъ отразить нашествіе». На другой день, по прочтеніи журнала прошедшаго засѣданія и послѣ нѣкоторыхъ по главному дѣлу сужденій, принцъ Ольденбургскій встаетъ съ своего мѣста и, подавая наслѣднику какую-то бумагу, говоритъ: «эту просьбу вдовы (кажется, Вороновой), извѣстной императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ по воспитанію въ Смольномъ монастырѣ (опять Марія Ѳеодоровна, и отъ часу не легче, Смольный монастырь), объ опредѣленіи ея въ надзирательницы нашей больницы, передала мнѣ графиня Баранова для представленія, вмѣстѣ съ ея рекомендаціею, вашему высочеству».

— «Да, сказалъ цесаревичъ,—получили вы отъ Олсуфьева такую же просьбу?».

— Получилъ, ваше высочество.

— «Что жъ вы о ней скажете?»

— По моему мнѣнію, ваше высочество, просьба эта удовлетворена быть не можетъ.

— «Почему?»

— Потому что просительница дѣвица, а у насъ будетъ десять кроватей для роженицъ, за которыми въ особенности понадобится ухаживать и наблюдать: дѣвицѣ это не идетъ.

— «Совершенно согласенъ съ вами; а что скажете о другой просьбѣ?»

При этихъ словахъ я обратился къ принцу Ольденбургскому:

— Позвольте, ваша свѣтлость, напомнить вамъ, что мѣсяцъ назадъ я рекомендовалъ на эту должность одну достойную даму, и вы изъявили согласіе.

— «Да-съ, но я совсѣмъ позабылъ. Кто это?» спросилъ наслѣдникъ.

— Вдова Ланге, ваше высочество, можетъ быть, изволите припомнить: она была камеръ-фрау великихъ княженъ, донынѣ сохраняетъ къ нимъ самую глубокую преданность и привязанность, не можетъ безъ признательнаго чувства говорить о нихъ и искренно оплакиваетъ преждевременную кончину ея высочества Александры Николаевны. Поэтому, кажется, всего приличнѣе ей завѣдывать заведеніемъ въ память покойной.

— «Конечно, но и рекомендуемая графинею Барановою тоже имѣетъ много права. Не знаю, какъ рѣшить этотъ вопросъ».

— Ваше высочество,—сказалъ, вставая генералъ-губернаторъ Храповицкій, заступившій мѣсто Кавелина,—по моему мнѣнію, изъ всѣхъ кандидатокъ должна быть предпочтена та, которую рекомендуетъ Владиміръ Ивановичъ.

— «Я самъ тоже думаю, отвѣчалъ цесаревичъ,—но безъ батюшки и матушки не могу этого рѣшить. Пришлите мнѣ, продолжалъ онъ, повернувшись ко мнѣ,—записку о вашей г-жѣ Ланге».

Надобно сказать, что года за два передъ тѣмъ, къ петергофскому полиціймейстеру подкинули ребенка, въ хорошемъ бѣльѣ и съ двумя стами рублей серебромъ, которые (какъ сказано было въ приложенной запискѣ) будутъ ежегодно доставляемы. Полиціймейстеръ просилъ о дозволеніи усыновить дитя, но какъ у насъ нѣтъ закона объ усыновленіи подкидышей дворянами, то государь приказалъ князю Волконскому послать меня къ генералу Храповицкому, спросить его, какъ онъ поступилъ съ подкинутою ему нѣсколько лѣтъ назадъ дѣвочкою. Храповицкій объяснилъ мнѣ, что онъ ждетъ исполненія шести лѣтъ, чтобы положить въ кредитное установленіе на ея имя двѣсти тысячъ рублей, потому что тогда, какъ увѣрили его, мать не будетъ уже имѣть права потребовать назадъ своего ребенка. (Очевидно, что гадательное это увѣреніе основано было на примѣненіи настоящаго случая къ извѣстному закону, относительно пятилѣтней безвѣстности супруговъ другъ о другѣ). Кончивъ объ этомъ, Храповицкій выразилъ искреннее удовольствіе, что о немъ в с п о м н и л и. «Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, — говорилъ онъ, — какъ я въ опалѣ; думалъ, что обо мнѣ совсѣмъ забыли. А я, какъ имъ всѣмъ (императорской фамиліи) преданъ!» Простодушіе и чувство, съ которыми старикъ произнесъ эти слова, тронули меня. Черезъ годъ послѣ этого, Кавелинъ померъ, и Храповицкій назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ [1]). По поводу этого назначенія, я спросилъ однажды наслѣдника, почему Кавелинъ участвовалъ въ нашемъ комитетѣ: «потому ли, что онъ былъ наставникомъ вашего высочества, или потому, что былъ генералъ-губернаторомъ? и если по этой послѣдней причинѣ, то не слѣдуетъ ли Храповицкому заступить его мѣсто?» — «Скорѣе полагаю, что по послѣдней причинѣ, — отвѣчалъ цесаревичъ, — но лучше спрошу объ этомъ государя». На слѣдующій день его высочество изволилъ объявить мнѣ, что, по отзывамъ государя, Кавелинъ былъ включенъ имъ въ число членовъ комитета, и именно какъ генералъ-губернаторъ, и что слѣдственно Храповицкій долженъ занять его мѣсто.

---

[1]) Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, генералъ-адъютантъ съ 1816 года, род. 9-го августа 1784 г., † 31-го марта 1847 г. Р е д.

— «Такъ увѣдомьте его объ этомъ», промолвилъ наслѣдникъ.

— Ваше высочество, сказалъ я,—не прикажете ли лучше заготовить рескриптъ отъ васъ на имя Матвѣя Евграфовича: во сколько разъ такое увѣдомленіе будетъ для него драгоцѣннѣе.

— «Очень хорошо; такъ заготовьте и пришлите къ моему подписанію».

Признаться, я сдѣлалъ это потому болѣе, что меня тронула упомянутая выше чистая русская преданность старика къ царскому дому. Получивъ обратно подписанный наслѣдникомъ рескриптъ, я пожелалъ самъ отвезти его къ Матвѣю Евграфовичу, чтобы видѣть, какъ онъ на него подѣйствуетъ. «Его высочество, наслѣдникъ цесаревичъ,—сказалъ я, вошедши въ кабинетъ,—поручилъ мнѣ доставить вашему высокопревосходительству этотъ пакетъ». Храповицкій распечаталъ, прочиталъ и съ крупными на глазахъ слезами нѣсколько разъ поцѣловалъ подпись. Я былъ очень доволенъ, что не ошибся въ моемъ ожиданіи. Тутъ я разсказалъ ему, какимъ образомъ состоялось назначеніе его въ члены. Можетъ быть поэтому, кромѣ собственнаго убѣжденія, по чувству признательности ко мнѣ, старикъ поддержалъ предложеніе мое въ комитетѣ.

По приказанію наслѣдника, я послалъ ему записку о г-жѣ Ланге, вмѣстѣ съ журналомъ комитета, который обыкновенно представлялъ онъ на усмотрѣніе государя. Вечеромъ журналъ былъ возвращенъ мнѣ, а записки нѣтъ. Я опять опечалился, думалъ, что она оставлена безъ послѣдствій. Такъ проходило недѣли двѣ. Вотъ однажды князь Петръ Михайловичъ говоритъ мнѣ: «Потрудитесь сходить къ наслѣднику, онъ къ вамъ милостивъ, спросите его высочество вотъ объ этомъ-то». Теперь совершенно не помню, что̀ это былъ за вопросъ и по какому дѣлу. Иду, прошу камердинера доложить. Тотъ отвѣчаетъ, что никакъ не смѣетъ, потому что его высочество торопится къ государю съ бумагами. Въ самомъ дѣлѣ, наслѣдникъ вышелъ въ ту же минуту, держа въ рукѣ портфель, и, увидавъ меня, подошелъ съ вопросомъ: «Что скажете?» Я передалъ ему порученіе князя и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Засимъ онъ сдѣлалъ мнѣ легкій поклонъ и скрылся въ коридорѣ. Я счелъ неприличнымъ идти тотчасъ вслѣдъ за нимъ и пріостановился въ залѣ. Что же? Вдругъ дверь коридора отворяется, и цесаревичъ,

*

переступивъ порогъ, говоритъ мнѣ: «А я и забылъ сообщить вамъ, что и государь и матушка предпочли ту даму, которую рекомендовали вы». Сколько доброты въ этомъ поступкѣ! Онъ спѣшилъ къ государю, прошелъ уже довольно коридоромъ и воротился для того, чтобы меня порадовать, примѣтя, конечно, принимаемое мною участіе въ г-жѣ Ланге.

Въ іюлѣ 1848 г., въ самый разгаръ ужасной тогдашней холеры, больница была окончательно готова. Я увѣдомилъ объ этомъ князя и предложилъ освятить ее въ день кончины ея высочества, 29-го іюля. Дворъ, а съ нимъ и князь безвыѣздно находились тогда въ Петергофѣ. Министръ, по докладѣ государю, отвѣчалъ мнѣ, что Его Величеству угодно, чтобы обрядъ освященія совершенъ былъ наканунѣ, 28-го числа, что 29-го онъ пріѣдетъ съ сыновьями въ Петропавловскій соборъ на панихиду, и чтобы тамъ въ это время, кромѣ членовъ комитета, членовъ строительной при комитетѣ коммиссіи, наблюдавшей за произведеніемъ работъ, и нѣсколькихъ первенствующихъ врачей, никого лишняго не было.

29-го іюля, мы всѣ собрались, разумѣется, заблаговременно и встрѣтили государя на лѣстницѣ. Глаза его были красны отъ слезъ. Онъ вошелъ въ церковь со всѣми своими сыновьями и приказалъ служить панихиду, въ продолженіе которой опять много плакалъ и снова прослезился, когда, по окончаніи службы, увидѣлъ надъ жертвенникомъ ту самую глазетовую сѣнь, которая осѣняла гробъ покойницы при отпѣваніи. Потомъ пошелъ обозрѣвать зданіе. Мы послѣдовали за нимъ. На этомъ пути я успѣлъ улучить минуту, чтобы подойти къ наслѣднику и доложить, что такъ какъ комитетъ учрежденъ рескриптомъ Его Величества, то и на закрытіе онаго нуженъ или Высочайшій же рескриптъ, или, по крайней мѣрѣ, журналъ, Высочайше утвержденный. Цесаревичъ поблагодарилъ меня за напоминаніе и немного погодя передалъ объ этомъ князю Петру Михайловичу. Государь остался доволенъ зданіемъ и, сойдя съ лѣстницы, по которой мы всѣ, съ обоихъ ея спусковъ, его провожали, сказалъ: «князь Петръ Михайловичъ, благодарю! Принцъ Петръ! Благодарю! Благодарю! Ну, Саша! Благодарю тебя!», съ сими словами началъ обнимать стоявшаго подлѣ него наслѣдника; въ эту минуту глаза его высочества черезъ плечо отца устре-

мились на меня, и по движенію губъ видно было, что онъ что-то тихо говоритъ ему. «Ужь не обо мнѣ ли», — подумалъ я по какому-то предчувствію. Такъ и вышло, — вдругъ раздался лебединый голосъ государя: — «Панаевъ!» Я, стоявшій на четвертой отъ полу ступенькѣ, тотчасъ подбѣжалъ къ нему. «Спасибо, спасибо тебѣ, Панаевъ, — сказалъ государь, взявши меня за руку, — право, все очень хорошо». Съ этими словами онъ вышелъ на крыльцо, сѣлъ съ царевичемъ въ коляску и поѣхалъ прямо въ Петергофъ. Князь отправился туда же, но успѣлъ мнѣ сказать, чтобы я завтра привезъ въ Петергофъ проектъ послѣдняго нашего журнала о закрытіи комитета.

Въ тотъ годъ рейсы петергофскаго парохода, принадлежащаго министерству двора, распредѣлены были страннымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, вечерній отходилъ отъ невской своей пристани въ пять часовъ; не знаешь бывало, гдѣ обѣдать въ Петербургѣ? Можно нерѣдко по милости обѣда опоздать на пароходъ; въ Петергофѣ—такъ это будетъ около уже семи часовъ. Въ такомъ раздумьи я былъ на другой день посѣщенія государемъ больницы, вышедъ изъ канцеляріи въ четыре часа; но, вспомнивъ, что поѣду мимо гостиницы «Лондонъ», рѣшился отобѣдать тамъ на скорую руку. На пароходъ, набитый пассажирами, пріѣхалъ во-время. Пары были разведены, пробилъ назначенный часъ, а пароходъ не двигался. «Что это значитъ?» — спросилъ я капитана. «Мы ждемъ принца Ольденбургскаго; онъ будетъ кушать въ моей каютѣ, и тамъ все уже приготовлено». Пока мы говорили, принцъ взошелъ на пароходъ и хотя я находился въ противоположномъ концѣ, онъ меня примѣтилъ. Минутъ черезъ десять адъютантъ его, Мухановъ, подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что его свѣтлость проситъ меня къ себѣ въ каюту съ нимъ откушать. «Поблагодарите,—отвѣчалъ я,—его свѣтлость за лестное приглашеніе; но, къ крайнему сожалѣнію, я не могу имъ воспользоваться: я сейчасъ только отобѣдалъ». Черезъ полчаса тотъ же Мухановъ опять ко мнѣ подходитъ съ новымъ предложеніемъ принца, что, если я не могъ у него отобѣдать, то пришелъ бы, по крайней мѣрѣ, выпить съ нимъ бокалъ шампанскаго и чашку кофе. Я тотчасъ отправился въ каюту. На столѣ стояла бутылка шампан-

скаго; я съ удовольствіемъ выпилъ два бокала; а за кофе говорилъ все объ устройствѣ больницы. Я сказалъ, между прочимъ, что везу проектъ послѣдняго нашего журнала; принцъ желалъ прочесть его и одобрилъ. По прибытіи въ Петергофъ, я на другое утро представилъ проектъ министру. Онъ также одобрилъ его и подписалъ, посовѣтовавъ мнѣ, чтобы улучить наслѣдника, идти теперь же на верхъ (князь жилъ тогда въ нижнемъ этажѣ Петергофскаго дворца, по лѣвую сторону главнаго подъѣзда) и подождать въ портретной, когда онъ выйдетъ отъ государя, гдѣ его высочество и можетъ подписать журналъ, а чернильница тамъ есть, стоитъ на окнѣ. Я пошелъ, въ сѣняхъ встрѣтился мнѣ принцъ Ольденбургскій и спросилъ: «одобрилъ ли князь мой журналъ?» Я отвѣчалъ, что не только одобрилъ, но и подписалъ, и что по совѣту его иду на верхъ представить журналъ наслѣднику. «Вы его тамъ не найдете,—сказалъ принцъ.—Онъ уже вышелъ отъ государя, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ Ораніенбаумъ». Я воротился къ князю и передалъ ему слышанное отъ принца. «Ну, такъ поѣзжайте часа въ два на дачу его высочества и тамъ его подождите»,—сказалъ князь.

Пріѣзжаю, спрашиваю камердинера, скоро ли цесаревичъ будетъ назадъ. Тотъ отвѣчаетъ, что онъ и самъ не знаетъ, что государь звалъ сегодня ихъ высочества къ себѣ кушать въ четыре часа, а вотъ недавно, проѣзжая мимо, громко закричалъ: «не въ четыре, а въ половинѣ четвертаго». Боимся, чтобы его высочество, не зная объ отмѣнѣ, не запоздалъ. Подождавъ напрасно полчаса и соображая, что наслѣдникъ, согласно первому приглашенію государя, не поторопится изъ Ораніенбаума, пріѣдетъ, положимъ въ три часа; но вѣдь ему надобно будетъ переодѣться, а много ли останется времени до половины четвертаго, и успѣетъ ли со мною заняться. Вслѣдствіе этихъ соображеній, я разсудилъ, что всего лучше поѣхать мнѣ къ Олсуфьеву (оберъ-гофмейстеру, управлявшему дворомъ наслѣдника), бывшему со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, передать ему журналъ и просить представить оный къ подписанію его высочества, такъ какъ онъ по нѣскольку разъ въ день съ нимъ видится, по подписаніи же переслать ко мнѣ. Олсуфьевъ охотно принялъ на себя этотъ трудъ; но вдругъ спросилъ: «скажите, по-

жалуйста, что̀ у васъ было вчера тамъ въ новой больницѣ?» «Вотъ что́ было,—отвѣчалъ я съ живостью:—государь остался доволенъ; отъѣзжая благодарилъ членовъ, каждаго по-именно; когда же сталъ обнимать наслѣдника, я примѣтилъ, что его высочество шепнулъ ему, чтобы онъ поблагодарилъ и меня, потому что въ ту же минуту государь подозвалъ меня и во всеуслышаніе выразилъ мнѣ свою царскую признательность. Какъ я радъ, Василій Дмитріевичъ, что вы меня объ этомъ спросили, сдѣлайте милость, выразите его высочеству мою глубочайшую признательность за такое милостивое его ко мнѣ вниманіе».

— «Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Олсуфьевъ,—вы должны сами это сдѣлать; надобно, чтобы онъ видѣлъ, какъ цѣнится его благодушіе, и чрезъ то болѣе бы сближался съ подданными».

— Но когда и гдѣ могу это сдѣлать?

— «Сегодня же, когда будете представлять ему вашъ журналъ къ подписанію; возьмите его назадъ и поѣзжайте обратно».

Пріѣхавъ опять на ферму, я не долго уже ждалъ возвращенія наслѣдника, минутъ десять. Раздался топотъ верховой лошади; онъ вошелъ и тотчасъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Что, изготовили журналъ?»

— Готовъ, ваше высочество.

Тутъ, взявъ меня за руку, сказалъ онъ съ выраженіемъ особенной доброты:

— «Благодарю васъ, Панаевъ».

— Позвольте мнѣ поблагодарить ваше высочество.

— «За что?»

— А за то счастіе, которое вчера изволили мнѣ доставить. Вѣдь я прочелъ въ вашихъ глазахъ желаніе, чтобы государь поблагодарилъ и меня.

— «Ну что̀ объ этомъ говорить», и снова взялъ меня за руку. Въ эту минуту я хотѣлъ, растроганный, поцѣловать ее, но онъ не допустилъ и, сказавъ:

— «Вотъ ужь лучше такъ», обнялъ и поцѣловалъ меня. Потомъ, быстро повернувшись, пошелъ во внутреннія комнаты, говоря:

— «Я сейчасъ буду готовъ».

Дѣйствительно, не болѣе какъ чрезъ пять минутъ, меня къ нему позвали. Его высочество сидѣлъ въ гостиной за столомъ, на которомъ стояла чернильница. Я подалъ журналъ; онъ прочелъ, одобрилъ и подписалъ; вставая же, опять взялъ меня за руку и опять сказалъ:

— «Благодарю васъ».

В. И. Панаевъ.

Сообщила М. Л. Казембекъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА.

I.

Отцы-командиры былыхъ временъ.

Первое понятіе о дѣйствительной, фронтовой службѣ я получилъ гораздо ранѣе поступленія въ полкъ. Первое впечатлѣніе было очень непріятное. Я былъ еще ребенкомъ, когда мнѣ пришлось увидѣть на практикѣ самую грубую, безотрадную форму тѣлеснаго наказанія въ войскахъ,—такъ называемую «зубочистку»,—по мягкому, офицерскому выраженію [1]). Воспоминаніе относится къ 1844 году, то-есть къ первой годинѣ моего воспитанія въ Пажескомъ корпусѣ. Въ одно изъ воскресеній разводъ съ церемоніею предстоялъ отъ Преображенскаго полка, и нашъ крохотный, пажескій караульчикъ привели въ манежъ на репетицію развода. Лѣвый флангъ преображенцевъ стоялъ отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и къ этому-то лѣвому флангу, въ концѣ репетиціи, подлетѣлъ тогдашній преображенскій отецъ-командиръ, генералъ-маіоръ Жерковъ. Кулакъ у него былъ огромный, и дѣйствовалъ онъ этимъ кулакомъ очень оригинально: «костяшками» (т. е. костистыми выступами основаній пальцевъ) генералъ громилъ виновнаго по спинѣ, по шеѣ или по скулѣ, а иногда костяшки проѣзжали по цѣлой шеренгѣ и разбрасывали, подобно ядру, цѣлый полувзводъ, что и дѣйствительно случилось разъ, на двѣнадцати-рядномъ ученьи.

Генералъ-маіоръ Жерковъ наглядно представляетъ отжившій, но характерный типъ полковыхъ командировъ былаго времени. Начнемъ съ него, потому что это типъ—образцовый. Въ Преображенскомъ, какъ и въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ, искони устраивалось какъ-то такъ, что послѣ энергичнаго и знающаго дѣло командира наступалъ слабый и неспособный, портившій отличный порядокъ, заведенный предшественникомъ, или, какъ тогда выражались,—«распускавшій» полкъ. Для

[1]) Солдаты говорили: «зуботычина». Это проще и прямѣе.

поправленія дѣла опять назначали крутаго службиста, а онъ снова приводилъ все въ порядокъ или, по принятому выраженію: «подтягивалъ» полкъ. Напримѣръ, послѣ барича и щеголя Исленьева (командовалъ онъ въ концѣ 20-хъ годовъ) принялъ Преображенскій полкъ огневой, блестящій фронтовикъ, Микулинъ (правилъ до конца 30-хъ годовъ), а послѣ него наступилъ баронъ Мункъ, вялый флегматикъ, распустившій полкъ до крайности. Я слышалъ отъ старыхъ офицеровъ, что Мункъ передалъ Жеркову полковое хозяйство въ самомъ плачевномъ состояніи: «при Мункѣ часто случалось, что передъ парадомъ или разводомъ преображенцы отправлялись въ сосѣдній Павловскій полкъ позаимствоваться аммуниціею, шароварами, сапогами и проч. Съ своей стороны, павловцы, въ случаѣ нужды, дѣлали тѣ же займы у преображенцевъ». Мункъ распустилъ Преображенскій полкъ и по фронту до того, что онъ сталъ, какъ говорилось, «въ послѣднемъ номерѣ». Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что императоръ Николай, по собственному его выраженію: «любившій преображенцевъ, какъ дѣтей своихъ»,—и озабоченный распущенностью полка, далъ ему въ командиры Жеркова. Въ этомъ случаѣ государь выбралъ такого человѣка, который могъ оправдать и оправдалъ его выборъ. Генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Жерковъ выслужился изъ кантонистовъ и, безъ всякой протекціи, дослужился до званія командира образцоваго полка. Полкъ этотъ былъ въ то время разсадникомъ учителей для всей русской арміи, конечно, фронтовыхъ учителей, такъ какъ, кромѣ фронта, почти ничего не требовалось. Въ образцовый полкъ назначали самыхъ крѣпкихъ, сильныхъ, здоровыхъ людей изъ всѣхъ полковъ, доводили ихъ до фронтоваго совершенства и возвращали въ полки для обученія. Понятно, что командиръ такого полка, получивъ Преображенскій, послѣ Мунка, живо подобралъ поводья, распущенные предшественникомъ... Но, прежде всего, нарисую портретъ. Наружность Жеркова напоминала пословицу: «не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ». Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій, нѣсколько сутуловатый. По лицу и фигурѣ онъ воплощалъ типъ службиста тогдашней эпохи. Сѣдые волосы были зачесаны по формѣ, впередъ и нѣсколько приподняты съ одной стороны хохолкомъ. Лицо широкое, скуластое; сѣрые глаза и густыя брови, почти черныя, безъ сѣдины, характерно его оттѣняли. Прибавьте къ этому два пучка подбритыхъ и нафабренныхъ усовъ и бакенбарды, тоже подбритыя по формѣ, то-есть въ уровень съ усами. Вотъ — Жерковъ! Впрочемъ, общее выраженіе лица его было симпатично. Въ немъ проглядывала добрая, широкая, истинно русская натура, которую формалистика держала въ оковахъ. Но природа вырывалась на волю, когда Жерковъ разражался громкимъ, басистымъ хохотомъ и, долго еще потомъ, веселое выраженіе удерживалось на его лицѣ, какъ-будто нехотя уступая

мѣсто оффиціальному. Жерковъ принялся за дѣло энергично. Солдатъ онъ началъ потчивать такими зубочистками, что они на всю жизнь сохранялись въ памяти не только получателей, но и тѣхъ, кому привелось смотрѣть на нихъ со стороны. Розогъ генералъ тоже не жалѣлъ, а по тогдашнимъ условіямъ полномочіе командира полка простиралось до права дать солдату 800 ударовъ. Если розогъ не было подъ рукою, Жерковъ нисколько не затруднялся. Мнѣ разсказывали, что однажды, въ Славянкѣ (загородное расположеніе полка), онъ остановилъ на улицѣ роту, шедшую въ безпорядкѣ; вызвалъ фельдфебеля передъ фронтъ, и тутъ же, въ стоячемъ положеніи, велѣлъ дать ему нѣсколько десятковъ фухтелей, плашмя—тесаками. Если такъ расправлялись съ фельдфебелемъ, то что же могли ждать рядовые, и они это отлично понимали! И все-таки же, не розгами и не кулаками импонировалъ Жерковъ. Несправедливыя, безтолковыя наказанія даже и въ ту эпоху не пугали, а только ожесточали солдатъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Жерковъ никогда не наказывалъ несправедливо или неосмотрительно. Его зоркіе, сѣрые глаза имѣли способность пронизывать и развернутый и густой строй. Никакая шеренга, никакой закоулокъ не могъ скрыть лѣнивца или разгильдяя-солдата. Жерковъ сейчасъ же распознавалъ и выкликалъ его по имени:

— Мануилъ Максакъ!.. Ты думаешь, что я тебя, бестію, не вижу?.. Виж-ж-ж-у, образина ты этакая, лѣнивая!..

Послѣднія слова гремѣли, какъ раскатъ грома; Жерковъ вкапывался въ третью шеренгу, откуда раздавался страшный для солдатъ звукъ «зубочистки». Такова была домашняя расправа; она, въ то время, производилась рѣшительно всѣми начальниками, съ весьма рѣдкими исключеніями, но, конечно, не выписывалась въ полковыхъ приказахъ. Вообще, перечитывая приказы того времени, можно изумиться видимой умѣренности цифры штрафованныхъ. Напримѣръ, въ полковыхъ приказахъ 1848 года, до 28 апрѣля, подписанныхъ еще Жерковымъ, встрѣчается въ теченіе цѣлаго мѣсяца не болѣе трехъ или четырехъ случаевъ взысканій во всемъ полку. Главными, оффиціальными проступками, были: самовольныя отлучки, кража, пьянство и буйство. Провинившихся въ гренадерскихъ ротахъ обыкновенно смѣщали въ фузелерныя, но въ приказѣ упоминалось только о смѣщеніи. Впрочемъ, если виновный гренадеръ, кромѣ перевода, наказывался еще розгами передъ фронтомъ, то взысканіе мотивировалось и въ приказѣ. Привожу образчикъ: «Роты Его Высочества (3-й гренадерской) рядоваго Кононова, за чрезмѣрное пьянство и намѣреніе продать съ себя новую, казенную шинель, предписываю наказать передъ батальономъ 300 ударами розогъ»...

За воровство Жерковъ охотнѣе всего переводилъ въ армію

и въ приказахъ упоминалось только о переводѣ за дурное поведеніе, безъ дальнѣйшихъ упоминаній о взысканіяхъ и безъ всякихъ разъясненій. Наконецъ, подъ судъ нижніе чины отдавались, большею частью, за побѣги, за кражу значительныхъ суммъ и тому подобныя крупныя вины. По всему этому всякій, хотя нѣсколько знакомый съ гвардейскою службою того времени, будетъ крайне недовѣрчиво смотрѣть на умѣренность оффиціальной цифры штрафованныхъ нижнихъ чиновъ. Почти безошибочно можно сказать, что 70% всѣхъ штрафовъ производились домашнимъ образомъ, и не трудно понять, почему: за каждый проступокъ рядоваго, дошедшій до свѣдѣнія высшаго начальства, подтягивался не одинъ виновный, но и всѣ его ближайшіе начальники. Я уже не говорю о томъ, какія бывали послѣдствія, если кто попадался самому государю. Наглядным примѣромъ можетъ служить слѣдующій, подлинный фактъ. Случилось, что императоръ Николай былъ въ Большомъ театрѣ. Шелъ какой-то балетъ, и неизвѣстный обожатель одной изъ танцовщицъ пришелъ въ такой восторгъ, что неловко брошенный имъ огромный букетъ зацѣпилъ царскую ложу. Государь разгнѣвался и тотчасъ же уѣхалъ. Проѣзжая мимо Конно-Гвардейскаго переулка, императоръ услышалъ пронзительный женскій крикъ: Караулъ!.. Разбой!.. Онъ приказалъ кучеру завернуть въ переулокъ и тамъ засталъ врасплохъ рослаго конногвардейскаго солдата, очень хмѣльнаго. Солдатъ билъ какую-то женщину и тащилъ у ней съ головы платокъ. Государь вышелъ изъ саней и прямо пошелъ къ мѣсту сцены, но солдатъ, увидѣвшій грозный и величественный образъ царя, шмыгнулъ въ ближайшій темный подъѣздъ и спрятался тамъ въ углу, но государь послѣдовалъ за нимъ, отыскалъ буяна, схватилъ его за погонъ, привелъ на ближайшій дворъ казармъ и крикнулъ: «дежурнаго!..»

Такъ звученъ и такъ могучъ былъ этотъ богатырскій крикъ, что не только дежурные, но и самъ командиръ полка, генералъ-маіоръ Ланской, выбѣжали на дворъ. Государь все еще держалъ за погонъ провинившагося солдата и, только при появленіи Ланскаго, оттолкнулъ его отъ себя, со словами: «вотъ тебѣ твоего полка безобразникъ! Возьми-ка, да полюбуйся на него!» Императоръ разсказалъ въ короткихъ словахъ всю исторію, сильно выговорилъ за нее Ланскому, велѣлъ разсадить всѣхъ дежурныхъ по гауптвахтамъ и уѣхалъ. Не говоря о примѣрномъ тѣлесномъ наказаніи виновнаго, его эскадронный и отдѣленный командиры отправлены подъ арестъ. Командиру полка объявленъ строжайшій выговоръ, такъ же, какъ и бригадному, принцу Гессенъ-Дармштадтскому, и даже начальнику дивизіи, генералу Эссену, было сдѣлано замѣчаніе.

Вотъ почему такъ сильно и единодушно было желаніе начальниковъ избѣгать оффиціальной огласки. Солдаты сами предпочитали домашнюю расправу ненавистной имъ розыскной и судной системѣ, изъ-за кото-

рой, какъ они выражались: «служба пропадаетъ!» Жерковъ былъ такого же мнѣнія, и за это обожали его солдаты. Наконецъ, и какъ ни странно сказать, но къ утайкѣ преступленій побуждало отчасти желаніе пощеголять исправностью своей части въ нравственномъ отношеніи! Подтягивая солдатъ, Жерковъ также круто муштровалъ и господъ офицеровъ. Въ началѣ командованія полкомъ, его изустныя замѣчанія и выговоры были крайне жестки и грубы. Вотъ образчики: «Прапорщикъ, такой-то! Васъ каждая скотина унтеръ-офицеръ учитъ, такъ дайте же ему за это хоть цѣлковый!» Или: «Помилуйте, поручикъ, вы изъ устава и въ зубъ толконуть не можете!.. Да приложите же руку ко лбу, когда начальникъ съ вами говоритъ!..» А то вотъ еще, въ такомъ родѣ: «Прапорщикамъ Ушакову и Молоствову—нуль за фронтъ!.. Вамъ хоть весь день толкуй, все повираете!.. Съ вами надо говорить... поѣвши!..» Какъ всѣ неразвитые люди, необузданные воспитаніемъ, Жерковъ нарывался на рѣзкую отповѣдь. Одинъ изъ офицеровъ, Б.....скій, на любимое замѣчаніе Жеркова, что унтеръ-офицеръ умнѣе его, Б.....скаго, смѣло отвѣтилъ, — да у насъ, ваше превосходительство, всегда такъ! подчиненные несравненно умнѣе своихъ начальниковъ!» Кромѣ энергическихъ замѣчаній и внушеній, Жерковъ держалъ офицеровъ въ рукахъ болѣе ощутительными мѣрами, наряжая ихъ или «приглашая», какъ онъ говорилъ, на два или на три десятка лишнихъ дежурствъ. Разсказывали мнѣ, что онъ положительно выжилъ изъ полка одного изъ офицеровъ, Б.....на, именно—приглашеніемъ на 30 дежурствъ. Но офицерамъ, такъ же, какъ и солдатамъ, Жерковъ былъ страшенъ не взысканіями, а справедливостью и безпристрастіемъ. Онъ гналъ и преслѣдовалъ, безъ пощады, только такихъ офицеровъ, которые надѣвали мундиръ лишь для того, чтобы щеголять въ немъ и славиться блестящимъ положеніемъ въ обществѣ, а къ службѣ относились самымъ небрежнымъ и беззастѣнчивымъ образомъ. Да, впрочемъ, пусть засвидѣтельствуетъ оффиціальный документъ о томъ: какого рода офицеровъ подтягивалъ и преслѣдовалъ Жерковъ. Въ приказѣ 25 апрѣля 1848 года было оповѣщено слѣдующее происшествіе. «Стоявшій, 23 числа сего апрѣля въ караулѣ, въ артиллерійской лабораторіи, прапорщикъ Сухозанетъ, въ 7 часовъ вечера, поручивъ караулъ бывшему въ ономъ за старшаго, 9-ой роты унтеръ-офицеру, Трифону Яковлеву, самъ уѣхалъ въ Большой театръ и возвратился на свой постъ только по окончаніи спектакля. За таковое отступленіе отъ порядка службы прапорщикъ Сухозанетъ арестовывается мною на гауптвахтѣ, впредь до окончанія надъ нимъ слѣдствія». Вообще, судя по приказамъ, оффиціальныя взысканія дѣлались Жерковымъ преимущественно послѣ карауловъ, парадовъ и смотровъ, вообще только въ случаяхъ, когда проступокъ получалъ такую огласку, что замять дѣло не было возможности. На домашнихъ же

ученьяхъ исключительно преобладала патріархальная расправа, а на нее командиръ полка былъ великій мастеръ. Офицеры совершенно вѣрно говаривали, что на ученьяхъ Жерковъ былъ умѣренъ лишь до перваго пота. Но какъ только его вгоняло въ испарину, онъ ожесточался, начиналъ колотить солдатъ и грубо кричалъ офицерамъ: «господъ прошу ногу держать!.. Равняться въ заслонку!.. [1]). Подпоручикъ Н..... въ!.. Куда вы смотрите?.. Воронъ считаете! Идите въ затылокъ!.. Прапорщикъ Т..... кій!.. перемѣните ногу .. вѣдь вы во фронтѣ ходите, а не по Невскому шляетесь!..» И прочее,—все въ томъ же родѣ. Комплименты Жеркова были такъ же своеобразны, какъ и его распеканія. Одинъ разъ онъ сказалъ Веловзору, послѣ церемоніальнаго марша: «фу, какимъ вы ананасомъ прокатили!..».

Оставимъ въ сторонѣ полковаго командира и поговоримъ о человѣкѣ, а человѣкъ — Жерковъ былъ превосходный! И въ лицѣ и въ дѣлахъ его свѣтилась добрая, честная, правдивая, русская душа. Въ послѣдніе годы командованія, почтенный Александръ Васильевичъ значительно укротился, сблизился съ офицерами и со многими изъ нихъ даже кутилъ и бражничалъ. Но и тутъ онъ выказалъ природную проницательность и знаніе людей, потому что дружился съ такими личностями, какъ Н. А. Пенхержевскій, Н. Е. Барановъ, К. Ѳ. Коссаковскій и прочіе. Всѣ они были слишкомъ порядочными людьми, чтобы употребить во зло его довѣріе и пріязнь. Кончилось тѣмъ, что эти отличные офицеры оказывали весьма хорошее вліяніе на отца-комаидира. Покойный Н. А. Пенхержевскій, бывшій при Жерковѣ только штабсъ-капитаномъ, до такой степени пріобрѣлъ его дружбу, что, прямо сказать, воспитывалъ своего отца-командира. Какъ-то разъ Жерковъ вздумалъ подтрунить надъ Пенхержевскимъ: «А вотъ, Николай Александровичъ, каблучки-то у васъ, я вамъ доложу, субтильные,—словно какъ у модной барыни!..» На это Пенхержевскій спокойно отвѣтилъ: «что же дѣлать!.. Какъ люди, такъ и мы!.. Вѣдь не могу же я равняться съ вами и носить, какъ вы изволите,—сапоги по лекалу [2]) шитые?» Жерковъ сконфузился: «Что вы говорите!.. Какъ по лекалу?»—«Да такъ, по казенному образцу оба на одну ногу и безъ каблуковъ, какъ у солдатъ. Положимъ, вы этимъ отличаетесь отъ всѣхъ офицеровъ, и никто, конечно, не смѣетъ вамъ удивляться; но, если бы я надѣлъ такіе сапоги, всѣ бы надо мною смѣялись, а смѣхъ хотя и от-

[1]) По всѣмъ четыремъ угламъ Михайловскаго манежа стоятъ желѣзныя печи. На домашнихъ репетиціяхъ развода, при маршѣ рядами, держали линію такъ, что передній офицеръ шелъ на заслонку печи, а остальные равнялись въ затылокъ.

[2]) То-есть—пригнанные, какъ у солдатъ, на прямую колодку, такъ что оба сапога были одинаковы и могли одѣваться на любую ногу.

личіе, но очень непріятное!» Жерковъ нашелся только возразить на это: «Хмъ, вотъ, я вамъ скажу, окказія какая!» Онъ замолчалъ, задумался и сейчасъ же велѣлъ сшить себѣ сапоги съ каблуками, а съ этихъ поръ сталъ смотрѣть сквозь пальцы на щегольство офицеровъ, даже прапорщиковъ, которыхъ презиралъ: «Помилуйте,—говаривалъ Жерковъ—да каждая собака, какая ни выбѣжитъ изъ полка, открываетъ прапорщику ваканцію!» Полнѣйшее неуваженіе Александра Васильевича къ прапорщикамъ основывалось, преимущественно, на томъ, что, по его мнѣнію, они неспособны ни къ какой дѣятельности, совершенно праздны и потому порочны: «Я вамъ доложу, что дѣлать имъ нечего, вотъ они и бѣснуются!»—твердилъ командиръ полка. Когда же ему возражали, что вѣдь прапорщикъ — тоже человѣкъ, да еще человѣкъ молодой и, что, натрудившись на службѣ, онъ тоже хочетъ развлечься, и повеселиться,—Жерковъ становился втупикъ и пренаивно удивлялся: «вотъ такъ резонъ! Помилуйте, что вы мнѣ разсказываете! Да надъ чѣмъ ему натрудиться, прапорщику-то! Ему никакого дѣла нѣтъ, развѣ вотъ—въ караулъ сходить, въ уставѣ прочесть или пойти выстричься, а больше ему и дѣлать нечего!» Однако кончилось все-таки тѣмъ, что Жерковъ сталъ снисходительнѣе и къ прапорщикамъ, преслѣдуя ихъ только въ тѣхъ случаяхъ отступленія отъ формы, какіе оглашены были приказами по корпусу.

Въ концѣ своего командованія, всѣ офицеры, даже и тѣ, кого онъ наиболѣе допекалъ, полюбили его искренно и не иначе отзывались о немъ, какъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ и благодарностью. О солдатахъ и говорить нечего! Жерковъ былъ просто ихъ полубогомъ. Многіе изъ бывшихъ преображенскихъ командировъ, занимавшихъ впослѣдствіи высшія должности, бывало, подъѣзжали къ фронту на смотрахъ, не возбуждая въ солдатахъ ни малѣйшаго вниманія или сочувствія, или же вызывая рѣзкія, незначащія замѣчанія, приправленныя зѣвкомъ. Но стоило только показаться Жеркову или Жаркóву, какъ звали его солдаты, какъ по всѣмъ рядамъ пробѣгалъ веселый одобрительный шопотъ, начиналось переглядываньe, поталкиванье локтемъ товарища и радостные возгласы: «гляди, гляди... Жаркóвъ!» Одинъ разъ лѣтомъ, на маневрахъ, Жерковъ, командовавшій уже тогда третьею гренадерскою дивизіею, подъѣхалъ къ Преображенскому полку и сейчасъ же началъ пристально глядѣть на одного унтеръ-офицера, да на такого рябаго и неказистаго, что, казалось, ни одинъ командиръ не удержалъ бы его въ памяти. Унтеръ-офицеръ страшно обрадовался, высунулся изъ рядовъ и, не выждавъ привѣтствія Жеркова, гаркнулъ: «Здравія желаю вашему превосходительству»!.. «Здорово, братъ, Лукьяновъ или Лукьянченко... Какъ тебя?»..—пробасилъ Александръ Васильевичъ.—«Лукьяновъ, ваше превосходительство!.. Имѣлъ счастіе служить при васъ!..» «Знаю, бра-

тецъ, знаю... Мнѣ-ли не знать? Вѣдь я же на тебя и галуны надѣлъ... Ты служилъ въ 7-й ротѣ...» И Жерковъ выложилъ передъ Лукьяновымъ весь его формуляръ. Несомнѣнно, что любовь и уваженіе подчиненныхъ много способствовали тому, что Жерковъ довелъ до блестящаго состоянія и фронтовую часть и дисциплину въ полку. То же самое можно сказать и о полковомъ хозяйствѣ. Жалѣю, что не могу говорить подробно о дѣятельности Жеркова въ этомъ отношеніи. Я служилъ подъ его начальствомъ уже въ то время, когда онъ былъ нашимъ бригаднымъ командиромъ, а изъ полка онъ вышелъ всего за два мѣсяца до моего поступленія. Да, если бы я и служилъ при немъ, то едва-ли, какъ молодой офицеръ, могъ бы проникнуть закулисныя тайны полковаго хозяйства, въ то время, когда у полковаго командира была вполнѣ своя рука владыка. Даже и старшіе офицеры сами не знали, что они должны были получать. Напримѣръ, квартирныя деньги стали получаться только при Жерковѣ. Я зналъ только навѣрное, что Жерковъ состоялъ членомъ хозяйственной коммиссіи, подписавшимъ, въ 1845 году «Инструкцію ротному командиру гвардейской пѣхоты» и «Правила для продовольствія нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса улучшенною пищею и обезпеченія ихъ въ необходимыхъ нуждахъ.» Слѣдовательно, при Жерковѣ вводился новый порядокъ довольствія солдатъ, и легко себѣ представить, что это дѣло, какъ новое и существенное, кипѣло подъ руками опытнаго и добросовѣстнаго служаки. Жерковъ берегъ солдата, не думая о себѣ или о своемъ карманѣ. Будучи самъ солдатскимъ сыномъ, онъ когда-то ѣлъ солдатскій хлѣбъ, тянулъ солдатскую лямку, самолично, а потому, что касается пищи и одежды, никто не могъ ни обойти, ни обмануть его. Какъ строевые чины во фронтѣ, такъ и нестроевые на кухнѣ, знали, что, при малѣйшей попыткѣ урѣзать у солдатъ провіантъ или кормить ихъ пожиже и поплоше, Жерковъ отпотчуетъ фельдфебеля фухтелями, артельщику же намнетъ спину своимъ страшнымъ кулакомъ. Одежду командиръ полка всегда осматривалъ самъ. Въ другихъ полкахъ загоняли экономію, шили узкія шинели и мундиры, но Жерковъ самъ пригонялъ каждую шинель и не оставлялъ закройщика въ покоѣ, пока не могъ просунуть между грудью солдата и шинелью тотъ же свой огромный кулакъ, который засовывалъ и между рукою и рукавомъ, требуя, чтобы все было «съ запасцемъ». Его заботы о солдатѣ доходили до смѣшнаго. Разсказывали за достовѣрное, что когда гвардейцамъ дали каски вмѣсто киверовъ, Жерковъ проспалъ ночь въ креслѣ съ каской на головѣ, чтобы на себѣ испытать: каково будетъ солдату въ караулѣ провести ночь! Вотъ, чѣмъ объясняется загадка, почему человѣкъ, надѣлявшій солдатъ палочными ударами и зубочистками, тотъ, чьи грубости чуть не вошли въ пословицу,—вдругъ становится идоломъ офи-

церовъ и солдатъ, заслуживаетъ всеобщую, неподдѣльную любовь и уваженіе. Дѣло въ томъ, что русскій солдатъ или простолюдинъ имѣетъ чуткое сердце и угадываетъ доброту, умъ и справедливость, хотя бы все это прикрыто было самою грубою и толстою оболочкою. Въ концѣ концовъ могу повторить, что генералъ Жерковъ блистательно оправдалъ выборъ государя, не потому только, что онъ поставилъ полкъ первымъ номеромъ по фронту, даже не потому, что онъ, при всемъ томъ, сберегъ и здоровье солдатъ, но, главное, потому, что превратить распущенный полкъ въ образцовый было чрезвычайно трудно, такъ какъ непрактичныя, неудобоисполнимыя условія тогдашняго фронтоваго обученія были одинаково тягостными для учителей и для учащихся. Солдатъ держалъ ружье не въ правой рукѣ и не наклонно, какъ теперь, а, напротивъ, — отвѣсно и прямо, въ лѣвой рукѣ, такъ что стволъ и штыкъ торчали вверхъ, перпендикулярно плечамъ. Извѣстно, что почти у каждаго человѣка лѣвая рука гораздо слабѣе правой. Поэтому у солдата, поднимавшаго, при тихомъ шагѣ, ногу на поларшина отъ земли, вся лѣвая сторона лишалась точки опоры, такъ что онъ инстинктивно кривился направо, чтобы не лишиться равновѣсія; когда же лѣвая нога вновь опускалась на землю, солдатъ, опять-таки, невольно прислонялся къ ружью и выгибалъ лѣвый бокъ вогнутою линіею. Такія искривленныя фигуры начальство называло «кренделями» и приказывало ихъ выправлять до отвѣснаго положенія. Но стойка—это вѣдь только начало премудрости. Надлежало обучить каждаго рядоваго ружейнымъ пріемамъ, а ихъ было 48; каждый пріемъ дробился на нѣсколько темповъ, а темпы — на подраздѣленія. Кромѣ того, слѣдовало обучить маршировкѣ тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ,—и это все еще не бѣда! Настоящая муштра начиналась съ того дня, когда приходила пора сводить и прямолинейныхъ, и «кренделей» въ ротный, батальонный и полковой строй. Тутъ уже задача усложнялась до крайности: надо было добиться, чтобы каждый солдатъ металъ ружьемъ и маршировалъ, какъ всѣ остальные, и, наоборотъ, чтобы вся масса манипулировала и двигалась, какъ одинъ человѣкъ! Между тѣмъ, въ полутемномъ манежѣ, а особенно на плацу, при солнечномъ освѣщеніи, правильность ружейныхъ пріемовъ, при большомъ протяженіи фронта, контролировать было неимовѣрно трудно. Несогласіе или неправильность темповъ выражались развѣ неровными переливами свѣта и тѣни отъ штыковъ и стволовъ или же шероховатымъ, нескладнымъ дребежжаніемъ шомполовъ и ружейныхъ ложъ. Да и недостаточно было подмѣтить неправильность, слѣдовало еще понять ея причины, то-есть — происходитъ ли она отъ невниманія, или же отъ неумѣлости и лишней суеты?

Вотъ тутъ-то преображенскій отецъ-командиръ являлся мастеромъ своего дѣла. Ястребиный глазъ Жеркова быстро подмѣчалъ подобныя

явленія и, въ тотъ же мигъ, распознавалъ ихъ причину. Онъ голосилъ громовымъ басомъ: «от-ста-вить»!.. и сейчасъ же принимался читать мораль: «Седьмой взводъ, протоканальи!.. Спячка на васъ напала?.. Ну, смотри, какъ бы я васъ не разбудилъ!.. А во второмъ взводѣ горячку порятъ?.. Вѣдь сказано: выдерживай!.. Да что я, сто разъ вамъ буду повторять, что-ли?!» Онъ даже не оставлялъ въ покоѣ замыкающихъ унтеръ-офицеровъ, то-есть людей, запрятанныхъ за тремя шеренгами, у самой стѣны манежа. Жерковъ все видѣлъ и кричалъ: «Караськовъ! Караськовъ!.. Ты воображаешь, что я не вижу, какъ ты тамъ ружьемъ помахиваешь? Ну, помахай, помахай... Я-те галуны-то смахну!..»

Такая проницательность наводила страхъ и, когда командиръ полка повторялъ пріемъ, лѣнивенькіе подбирались, горяченькіе умѣряли свой пылъ, и тысяча ружей взлетали и сверкали вверхъ и внизъ, какъ одно ружье! Ученье становилось еще серьезнѣе, когда приходила очередь маршировкѣ развернутымъ и сомкнутымъ строемъ. Жерковъ понималъ, что это—изъ всѣхъ задачъ труднѣйшая, и становился на высоту своего положенія. Тутъ его пронималъ знаменитый «первый потъ». Онъ кипятился и гремѣлъ на весь манежъ: «Господъ прошу ногу держать!.. А унтеръ-офицерамъ—смотрѣть на господъ!.. А люди!.. внима-ні-е!..» Потомъ онъ командовалъ, колонна двигалась, но сначала движеніе не клеилось. Не только солдаты, но и господа-офицеры, съ перепуга, не сразу попадали въ тактъ; «кренделя» сбивались съ ноги и путали всю свою шеренгу, словомъ, дѣло выходило дрянь! Вотъ тогда-то, при малѣйшей затяжкѣ, колебаніи или учащеніи шага, Жерковъ неистово кричалъ: «Сто-о-о-й!» А потомъ вдругъ затихалъ и переходилъ въ разговорный тонъ, чего Боже упаси! Эти разговоры были страшнѣе крика и распеканья, потому что, въ подобныхъ случаяхъ, отецъ-командиръ велъ слѣдующій разговоръ: «Капитанъ Швенцокъ, у васъ тамъ, въ 3-мъ взводѣ, во 2-й шеренгѣ, какіе-то три подлеца все танцуютъ!» Несчастный капитанъ бѣгалъ по фронту, заглядывалъ, загадывалъ и все-таки никакъ не могъ различить «трехъ подлецовъ». Но Жерковъ давно ихъ различилъ и спокойно говаривалъ: «Позвольте-ка, я вотъ сейчасъ до нихъ доберусь!..» Онъ втискивался въ глубину колонны и, среди мертвой тишины, слышалось, какъ командирскіе кулаки громыхали по всѣмъ по тремъ танцорамъ. Въ такія минуты душа солдатская уходила въ носки и въ пятки, зато, когда Жерковъ опять двигалъ колонну, всѣ эти носки и пятки, имъ одушевленные, трамбовали манежъ съ такимъ изумительнымъ согласіемъ, что колонна двигалась какъ одинъ человѣкъ! При подобномъ результатѣ Жерковъ молчалъ, а если онъ молчалъ,—значило, что дѣло пошло на-ладъ, но въ этомъ случаѣ командиръ полка и не затягивалъ, а сейчасъ же кончалъ ученье. Впрочемъ, былъ еще одинъ мастеръ, умѣвшій подтягивать полки не хуже преображенскаго

командира. Это былъ начальникъ дивизіи, то-есть отецъ-командиръ самого Жеркова. Его-то мы и выведемъ теперь на сцену.

Съ начала 40-хъ годовъ, первою гвардейскою пѣхотною дивизіею командовалъ генералъ-лейтенантъ Александръ Ѳедоровичъ фонъ-Моллеръ 1-й [1]). Недавно появились въ печати записки его жены, свидѣтельствующія, что карьера Моллера началась въ день 14 декабря 1825 года, когда бдительность его, по словамъ автора, разстроила злой умыселъ мятежниковъ, пытавшихся проникнуть во дворецъ подъ видомъ внутренняго караула. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, Моллеръ постоянно повышался въ чинахъ и должностяхъ. Пожалованный флигель-адъютантомъ и потомъ генералъ-маіоромъ, онъ командовалъ лейбъ-егерскимъ полкомъ, дѣлалъ съ нимъ кампанію 1831 года, а, впослѣдствіи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, командовалъ первою дивизіею до 1855 года, когда онъ былъ назначенъ помощникомъ командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. По наружности, Моллеръ представлялъ рѣзкій контрастъ съ Жерковымъ, которому приходился по плечо. Это былъ очень маленькій, очень толстенькій человѣчекъ съ такимъ одутловатымъ и краснымъ лицомъ, какъ будто его вѣчно жалъ воротникъ. На головѣ генерала красовался темно-русый паричекъ, напоминавшій колоритъ волосъ его юношескихъ лѣтъ, и усы свои Моллеръ подбривалъ, фабрилъ подъ цвѣтъ паричка и заостривалъ вверхъ, по-гусарски. Вообще онъ любилъ молодиться, и эта моложавость доставила ему интересное и пріятное похожденіе. Офицерская шинель, тогдашняго покроя, съ высокимъ, стоячимъ воротникомъ, ничѣмъ не отличалась отъ генеральской, такъ же, какъ и полковая каска, — совершенно одинаковая, какъ у офицеровъ, такъ и у генераловъ. И вотъ случилось, что Моллеръ, прохаживаясь по Невскому въ егерьской шинели и каскѣ, повстрѣчался съ пріѣхавшимъ изъ провинціи генералъ-маіоромъ, начальникомъ армейской бригады. Моллеръ, разумѣется, прошелъ безъ поклона и не далъ дороги генералу, а тотъ обидѣлся и прикрикнулъ: «Господинъ офицеръ, пожалуйте сюда!» Моллеръ обернулся, но, полагая, что дѣло его не касается, продолжалъ свою прогулку; но генералъ догналъ, остановилъ его и заговорилъ по-начальнически: «скажите пожалуйста, вѣрно у гвардейцевъ не въ обычаѣ отдавать честь старшимъ? А я васъ, все-таки, попрошу взять подъ козырекъ, когда генералъ дѣлаетъ вамъ честь съ вами говорить!» Моллеръ, сначала опѣшилъ, но потомъ обрадовался, видя, что его принимаютъ за офицера, однако взялъ подъ козырекъ и

[1]) Братья и однофамильцы въ общихъ армейскихъ спискахъ писались по номерамъ старшинства. Братъ Александра Ѳедоровича командовалъ въ то время Павловскимъ полкомъ и подписывался «фонъ-Моллеръ 2-й».

*

отвѣтилъ веселымъ тономъ и съ самодовольною улыбкою: «Позвольте спросить, ваше превосходительство, отъ кого имѣю несчастіе получить выговоръ?» Но улыбка и самоувѣренный тонъ еще болѣе разсердили генерала. Онъ сталъ отрывисто покрикивать: «Я генералъ-маіоръ такой-то!... Прошу васъ, капитанъ, не улыбаться и посбавить тонъ!... Я съ вами не шуточки шучу!... Ваша фамилія?».. Но тутъ уже Моллеръ, видя, что сцена разъигрывается слишкомъ натурально, и что около него уже собралась толпа зѣвакъ, поспѣшилъ отрѣзать серьезно и сухо: «ваше превосходительство, между нами есть недоразумѣніе, вы ошиблись!»... Съ такими словами онъ отпахнулъ съ одного плеча шинель и, когда оттуда блеснулъ генералъ-лейтенантскій эполетъ, бригадный почтительно отодвинулся, самъ взялъ подъ козырекъ и сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ. Моллеръ съ удовольствіемъ извинилъ и, еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ разсказывалъ объ этой «авантюркѣ», какъ онъ выражался. Спѣшу однакоже оговориться, что самъ не слышалъ отъ него подобнаго разсказа, хотя имѣлъ честь служить при Александрѣ Ѳедоровичѣ и быть лично ему извѣстнымъ впослѣдствіи. Если даже это не фактъ, но анекдотъ, то все-таки очень характерный, потому что, не только по наружности, но по энергіи и живости поступковъ начальнику дивизіи никакъ нельзя было дать 60 лѣтъ, а развѣ 40 или 45. Дѣйствительно, несмотря на свой маленькій ростъ и тонкій, крикливый голосокъ, какъ у старой барыни, Моллеръ умѣлъ подтягивать не хуже Жеркова, но манеры были вовсе не жерковскія! Александръ Ѳедоровичъ былъ, въ своемъ родѣ, человѣкъ начитанный. Разсказывалъ мнѣ полтавскій помѣщикъ Б а р а н о в с к і й, что когда онъ служилъ въ лейбъ-егерскомъ полку казначеемъ и библіотекаремъ, его полковой командиръ, Моллеръ, часто приставалъ съ вопросами: «Нѣтъ ли чего новенькаго почитать, особенно Бальзака или Поль-де-Кока? Будучи почитателемъ французской беллетристики, Моллеръ любилъ французить даже и тогда, когда распекалъ «субалтерновъ» или дѣлалъ замѣчанія ротнымъ командирамъ. Онъ выговаривалъ, напримѣръ, такъ: «Ходите вы—ноншалямáнъ (nonchallement), саблю вы держите санъ фасонъ, поэтому и теню (tenue) у васъ никакой нѣтъ!»... Вообще насчетъ младшихъ офицеровъ, Моллеръ расходился съ Жерковымъ во взглядахъ, не только не признавая безусловнаго ничтожества прапорщиковъ, но считая ихъ за офицеровъ и за людей, но конечно за людей молодыхъ, заслуживающихъ снисхожденія даже и тогда, когда ихъ легкомысліе могло бы затронуть начальство за живое. Это я испыталъ на самомъ себѣ и радъ публично повиниться, чтобы помянуть добромъ снисхожденіе, самообладаніе и доброту покойнаго начальника своего. Дѣло происходило такъ: Моллеръ дѣлалъ инспекторскій смотръ 2-му Преображенскому баталіону, на дворѣ Таврическихъ казармъ. Осмотрѣвъ 4-ю

роту, въ которой я служилъ, онъ сказалъ ротному командиру, такъ сказать «анъ неглижé» (en negligé): «люди у васъ смотрятъ не солдатами, а «конскриптами»! Я не могъ удержаться и разсмѣялся, конечно не громко, но, къ сожалѣнію, какъ разъ въ ту минуту, когда маленькіе, сѣрые, нѣсколько выпуклые глаза начальника дивизіи остановились на мнѣ. Но онъ ничего не сказалъ, кончилъ смотръ и, только распрощавшись съ командиромъ полка и раскланявшись съ офицерами, подозвалъ меня къ себѣ, отвелъ въ сторону и спросилъ сухо, но спокойно: «Ваша фамилія такая-то?»—«Такъ точно, ваше превосходительство».—«Давеча, когда я дѣлалъ замѣчаніе вашему ротному командиру, вы позволили себѣ засмѣяться! Я слишкомъ гордъ, чтобы принять это на свой счетъ и оставляю вашу»... — тутъ онъ на секунду остановился, потупился, улыбнулся и продолжалъ: «..я оставляю вашу о п р о м е т ч и в о с т ь безъ вниманія, но совѣтую вамъ быть впередъ осторожнѣе, потому что далеко не всякій начальникъ поступилъ бы съ вами такъ, какъ я поступаю. Я давно служу, послушайтесь меня и никогда не позволяйте себѣ такихъ ужимокъ во фронтѣ, иначе вамъ придется жестоко за нихъ поплатиться!» Сказалъ онъ это и уѣхалъ съ нашимъ командиромъ полка, а меня ждалъ другой выговоръ отъ господъ товарищей. Мой смѣхъ, конечно, былъ замѣченъ; офицеры видѣли, что дѣло со мною не ладно, собрались посреди двора и нетерпѣливо ожидали моего появленія. Допросы и отвѣты были короткіе: «ну, что,—взмылилъ?»...—«Да, взмылилъ, даже порядочно!» — «А насколько засадилъ?» — «Нинасколько». — «Ну, такъ, стало быть, подрядилъ на малую толику дежурствъ?»—«Нѣтъ, не подрядилъ, а простилъ,—сказалъ, что оставляетъ безъ послѣдствій». Офицеры чрезвычайно удивились: «однако, господа, выходитъ, что Моллеръ-то предобрѣйшая душа! Попробовалъ бы кто осклабиться во фронтѣ Жеркову, такъ тотъ бы улыбнулся ему двадцатью дежурствами или засадилъ бы на недѣльку въ мѣстѣ злачномъ!»...

Вотъ это чуть ли не единственный, сочувственный отзывъ, слышанный мною отъ офицеровъ про Моллера.

А вѣдь онъ никогда никому изъ нихъ не сказалъ ни одного грубаго слова! И тѣ же офицеры обожали Жеркова, хотя онъ ежедневно подносилъ комплименты, въ родѣ слѣдующаго: «Подпоручикъ... Прапорщикъ... вы, тамъ во второмъ взводѣ, да возьмите же, наконецъ, полусаблю плотнѣе въ плечо, а то вы съ нею точно въ лямки играете!.. Да пузо-то свое подберите!... Не брюхо надо выставлять, а грудь!.. Эхъ, вы... не въ гвардіи бы вамъ служить, а въ пузатой гарнизѣ!...» Вотъ какъ пророчествовалъ нашъ идолъ и все-таки не переставалъ идоломъ быть!

Несмотря на то, что сравненіе, очевидно, говорило въ пользу

Моллера, офицеры положительно какъ будто игнорировали начальника дивизіи, рѣдко поминали о немъ вообще, но никогда не переставали говорить о Жерковѣ. Еще страннѣе и пристрастнѣе думали и говорили солдаты. Горячо любя Жеркова, они относились къ Моллеру не только равнодушно, какъ офицеры, но положительно недолюбливали начальника дивизіи. За что же это? Я служилъ семь лѣтъ подъ начальствомъ Моллера и ни разу не видѣлъ, чтобы онъ ударилъ кого-либо изъ солдатъ или разразился бы на нихъ непечатною бранью. Правда, говорили мнѣ, что, командуя Егерскимъ полкомъ, онъ тоже жестоко дрался и сѣкъ солдатъ безпощадно, но я слухамъ никогда не вѣрилъ безусловно, а могу утверждать лишь то, что̀ видѣлъ и слышалъ самъ. На ученьяхъ, даже въ страдную минуту, Моллеръ голосилъ звонкимъ теномъ: «Господа-офицеры, покорно прошу вниманія, а люди—у-ш-ш-ши!...» [1]). Неистовыхъ же и ругательныхъ жерковскихъ выходокъ Моллеръ никогда себѣ не позволялъ. Если, напримѣръ, въ колоннѣ, при движеніи, начиналась помянутая неурядица, Моллеръ также зорко, быстро и вѣрно подмѣчалъ, гдѣ и за кѣмъ дѣло стало. Онъ такъ же, какъ Жерковъ, останавливалъ движеніе, но не вкапывался въ ряды и не барабанилъ кулаками по спинамъ и по скуламъ. Моллеръ дѣлалъ гораздо проще и, казалось бы, практичнѣе. Онъ приказывалъ учащемуся батальону или полку стоять вольно (т. е. отдыхать), выводилъ изъ колонны замѣченный взводъ или роту передъ фронтомъ и начиналъ водить взадъ и впередъ, на виду у всѣхъ. Тогда «танцоры», «кренделя» и недоучки сейчасъ же выдавали себя смѣшнымъ ковыляньемъ и оторопѣлостью. Отдыхающіе товарищи осмѣивали ихъ, а Моллеръ, всегда очень серьезный, не позволялъ себѣ даже улыбнуться, напротивъ, самъ заботливо переставлялъ слабыхъ людей въ 3-ю шеренгу и заставлялъ роту маршировать съ барабаннымъ боемъ до тѣхъ поръ, пока не добивался такта, послѣ чего вставлялъ въ свое мѣсто и продолжалъ ученье. Но именно въ этомъ, повидимому, совершенно гуманномъ и раціональномъ обученіи и коренилась непопулярность Моллера и нелюбовь къ нему солдатъ. Они сравнивали его съ Жерковымъ и не могли простить начальнику дивизіи за то, что онъ не подражаетъ ихъ отцу-командиру. Пускай бы колотилъ, да поскорѣе кончалъ ученье! Жерковъ, самъ тянувшій солдатскую лямку, зналъ, что русскіе солдаты—народъ смѣтливый и очень хорошо понимаютъ, чего отъ нихъ требуютъ. Но непроизводительнаго труда они не любятъ и заминаются, а вдохновить ихъ можно не нравоучительною болтовнею, а слѣдуетъ «*накостылять загорбки*», какъ самъ Жерковъ выражался. Поэтому онъ словесно преподавалъ урокъ только передъ фронтомъ, да и то, какъ мы

[1]) То есть: держать уши востро!

видѣли, не любилъ повторять. Солдаты знали, что второе напомнаніе безъ зубочистки рѣдко обходилось, и не заставляли себѣ повторять. Съ отдѣльными же личностями или съ «индивидуальностью», какъ нынче говорится, Жерковъ и подавно не любилъ терять времени. Онъ донималъ ихъ «костяшками», не говоря ни единаго слова, и битый вдругъ начиналъ понимать и дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ! Правду говоритъ пословица: «за битаго двухъ небитыхъ даютъ!» Моллеръ поступалъ совершенно наоборотъ: онъ не кипятился, не ругался, не дрался, ну, ужь зато страшно затягивалъ ученья и добивался результата, неотступно, хладнокровно, терпѣливо въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, тогда какъ Жерковъ, правда, кулакомъ добивался его въ одну минуту, зато кончалъ ученье черезъ полчаса. Расправу Моллера по способу выводки передъ фронтъ и муштры на виду у всѣхъ солдаты просто ненавидѣли, считая ее равносильною приводкѣ къ позорному столбу. Нелюбовь ихъ къ Моллеру достигла въ высшей степени въ лагеряхъ,—гдѣ онъ дѣлалъ нескончаемыя дивизіонныя ученья на военномъ полѣ. Конечно, добиться уравненія шага въ четырехъ полкахъ, сомкнутыхъ въ одну колонну,—дѣло не легкое! Но солдаты объ этомъ знать не хотѣли и бранили Моллера на чемъ свѣтъ стоитъ! Дѣйствительно, онъ училъ, училъ, водилъ, водилъ насъ по безконечному военному полю до полнаго изнеможенія. Его ученья продолжались по пяти и по шести, даже по семи часовъ (отъ 4-хъ утра до 11). Офицеры и солдаты приходили въ отчаяніе! Вообще, они не любятъ начальника—п и л ў, а «пилить», на солдатскомъ языкѣ, значитъ морить людей понапрасну. Сказать по совѣсти,—они были правы! Учили насъ много, морили еще больше и, почти всегда, понапрасну. Нелюбовь солдатъ наглядно выражалась при всякомъ удобномъ случаѣ. Какъ только Моллеръ выѣзжалъ передъ фронтъ на своемъ огромномъ, ворономъ жеребцѣ, въ рядахъ сейчасъ же слышалось ядовитое словцо: «а вонъ и воробей нашъ на крышѣ пріѣхалъ! Ну, ужь и промаитъ насъ сегодня пузырь!...» Вообще, про Моллера солдаты говорили не иначе, какъ: «дивизіи начальникъ» или же «пузырь», и никогда не упоминали его по имени и отчеству, тогда какъ, напротивъ, Жерковъ всегда былъ для нихъ: «батюшка, Александръ Васильевичъ». Такъ они называли его въ разговорахъ между собою съ надбавкою всякихъ хвалебныхъ эпитетовъ. Даже новобранцамъ такъ нажужжали въ уши это популярное имя, что однажды, когда Жерковъ, какъ бригадный начальникъ, смотрѣлъ рекрутъ и поздоровался съ ними, одинъ рекрутикъ весело гаркнулъ: «здравія желаемъ, батько Ляксандръ Васильичъ!» Начальство очень сконфузилось, фельдфебеля сжали кулаки, дядька [1]) рекрута обомлѣлъ отъ страха, но

[1]) Дядька—старый солдатъ, придаваемый каждому рекруту для надзора и руководства.

Жерковъ и бровью не сморгнулъ, только спросилъ: «А какъ тебя самого звать по имени и по отцу?» Рекрутикъ обстоятельно отозвался, что самъ онъ—Павло́, а батько—Прокі́пъ, и сейчасъ же пояснилъ, что онъ, батька, братья, сестры, всѣ они—Чебанюкі́». Тутъ уже, не только Жерковъ, но всѣ присутствующіе покатились со смѣху. Александръ Васильевичъ, продолжая хохотать, счелъ однако нужнымъ нѣсколько охладить наивную интимность подчиненнаго: «Ну, такъ вотъ что́ я тебѣ доложу, Павелъ Прокопычъ, дурында ты хохлацкая, попроси своего дядьку, чтобы онъ научилъ тебя, какъ надо здороваться съ начальствомъ, не то ты сегодня будешь брататься, а завтра чертыхаться начнешь! Нѣтъ, братъ, дослужись-ка, сперва, какъ я, до генерала, и тогда побратаемся!»

Выше я имѣлъ случай сказать, что Жерковъ, уже будучи дивизіоннымъ начальникомъ, любилъ подъѣзжать къ роднымъ преображенцамъ. Вотъ, подъѣзжаетъ онъ, бывало, на своемъ гнѣдомъ конѣ и начнетъ балакать съ бывшими подчиненными:

— «А помнишь ли, ребята, какъ я вамъ премудрость въ спину вбивалъ, а она въ башку входила?...»

По рядамъ проносился раскатъ смѣха. Солдатики единодушно, весело кричали: «Помнимъ, ваше превосходительство!.. Такъ надо было!.. По дѣламъ!.. Безъ порки никакъ невозможно... еще мало поучить изволили... не доучили!» Тогда Жерковъ снималъ каску, смиренно склонялъ сѣдую голову и говорилъ покаяннымъ тономъ: «Ну, что же... если я задолжалъ кому, если не додалъ кому полсотни горяченькихъ, такъ простите мнѣ, братцы, великодушно мои тяжкія согрѣшенія!» Смѣхъ превращался въ хохотъ. Солдатики хватались за бока и едва могли выкрикивать: «Богъ проститъ!.. только ужь больно много задолжали... Теперь, чай, и не разсчитаться бы!..»—«Ну, ужь нѣтъ,—досказывалъ Жерковъ, отъѣзжая,—небось, расквитался бы до копѣечки, да еще съ лихвою воздалъ бы каждому свое!»[1]) Солдаты долго глядѣли ему вслѣдъ и провожали батальнымъ огнемъ самыхъ лестныхъ выраженій. Всѣ они сводились къ одному: «Эхъ, да и молодчинища же нашъ Ляксандръ Васильичъ!..» Пробовалъ иногда и Моллеръ балагурить съ солдатами, но всегда неудачно.

Разъ онъ даже сталъ на тумбу и, пропуская мимо себя полки, задушевно приговаривалъ: «Поберегите, ребята, вашего маленькаго капрала!» Но солдатики не отзывались на такія любезности. Рѣчи и балагурства начальника дивизіи встрѣчались натянутыми улыбками,

[1]) Пока послѣдній изъ солдатъ, свидѣтелей этого балагурства, не ушелъ въ безсрочный отпускъ, часто разсказывали и повторяли его, и кстати и не кстати, и всегда разсказъ начинался словами: „А помнишь, братцы, какъ Жарко́въ въ грѣхахъ покаялся?..“

и онъ ничего не слышалъ отъ солдатъ, кромѣ заученныхъ казенныхъ фразъ: «точно такъ», «никакъ нѣтъ», «не могу знать».

Гвардія, въ общемъ порядкѣ управленія, соединялась съ гренадерскимъ корпусомъ и состояла съ нимъ подъ однимъ общимъ начальствомъ. Высшею гвардейскою инстанціею послѣ начальника дивизіи была власть начальника гвардейской пѣхоты. Должность эту занималъ наслѣдникъ цесаревичъ, Александръ Николаевичъ. Въ тѣ поры онъ былъ еще молодой человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силъ, полный, стройный, румяный. Черты лица его поразительно напоминали императрицу Александру Ѳеодоровну, а большіе, голубые глаза, съ быстрымъ, величественнымъ взглядомъ, — императора Николая. Наслѣдникъ престола привлекалъ къ себѣ любовь гвардейцевъ добротою своей души и ласковымъ, человѣчнымъ обхожденіемъ, представлявшимъ отрадную противоположность съ крутыми, безчеловѣчными пріемами большинства командировъ того крутаго времени. Цесаревичъ взыскивалъ рѣдко и неохотно, зато весьма часто и охотно ходатайствовалъ за провинившихся передъ государемъ-родителемъ и передъ своимъ августѣйшимъ дядею, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, командиромъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

Со времени его кончины (1849 г.) появилось въ печати не мало воспоминаній и сказаній современниковъ о суровомъ обращеніи и безпощадной строгости великаго князя, но во всѣхъ свидѣтельствахъ проглядываетъ мысль, что строгость эта была напускная, а сердце — добрѣйшее, мягкое, отзывчивое и въ высшей степени гуманное. Я служилъ при Михаилѣ Павловичѣ камеръ-пажемъ и офицеромъ, а все-таки, вмѣсто личной оцѣнки, приведу лучше правдивый разсказъ преображенскаго товарища моего, покойнаго К. Ѳ. Коссаковскаго. Въ тѣ поры онъ былъ только штабсъ-капитаномъ, но съумѣлъ до такой степени пріобрѣсти вниманіе и довѣріе Михаила Павловича, что великій князь нерѣдко удостоивалъ его откровенными и самыми милостивыми разговорами: «Какъ-то разъ, лѣтомъ»,—разсказывалъ Коссаковскій,—«пріѣхалъ я изъ лагеря въ Петербургъ и шелъ мимо Михайловскаго дворца въ то самое время, когда великій князь выѣзжалъ въ коляскѣ изъ воротъ и какъ разъ повернулъ въ мою сторону. Я сталъ во фронтъ. Михаилъ Павловичъ, увидѣвъ меня, велѣлъ кучеру остановиться, вышелъ изъ коляски, пошелъ со мною пѣшкомъ и началъ очень милостиво разговаривать: «Bonjour, mon cher, je suis content de vous voir. Que fait-on chez vous?» (то-есть въ лагеряхъ). Коссаковскій отвѣчалъ, что дѣло идетъ своимъ порядкомъ, и началъ было входить въ подробности учебныхъ занятій и смотровъ, но великій князь не далъ ему договорить. Его лицо, обыкновенно строгое и суровое, просвѣтлѣло веселымъ, шутливымъ выраженіемъ; онъ пристально посмотрѣлъ на Коссa-

ковскаго, разсмѣялся и перебилъ разсказъ словами:—«Halte! Je ne veux pas vous faire subir un examen, mais je déclare, que dans ce moment vous avez peur, parce que je vous ai accosté dans la rue!»—Et, pourquoi, Monseigneur?»—«Mais, vous savez bien l e p o u r q u o i!.. Je suis, donc, l'épouventail, la bête noire de tous ces messieurs de la garde. On veut faire de moi un homme sans coeur et sans entrailles, qui ne demande pas mieux... je dirai plus,—qui aime à se procurer le plaisir de faire des malheureux! Je ne vous en dit pas davantage car vous le savez parfaitement vous-même et vous aurez tort de ne pas me le dire dans le blanc des yeux!..» Въ этихъ словахъ,—говорилъ Коссаковскій,—было столько искренности и столько грусти, что они меня глубоко тронули, до того, что я чуть не забылъ, съ кѣмъ говорю, и началъ возражать смѣло, горячо и также искренно: «Monseigneur, je me permets de Vous dire, que Vous êtes complétement dans l'erreur! Il n'est pas équitable de prendre des exceptions pour règle générale. Ceux d'entre nous qui font leur devoir, ne Vous redoutent aucunement, sachant que le fin-fond de Votre sévérité est la justice et le bien de nous tous! Pourquoi dois-je Vous craindre si je n'ai rien à me reprocher!.. Je Vous jure sur ma tête que la majorité Vous aime et Vous respecte justement parce qu'en tout ce qui concerne le service, elle pense, absolument comme Vous!.. Ce n'est que la minorité qui Vous craint, mais ce sont des officiers qui ne considèrent le service que comme un agréable privilège, sans égard aux devoirs qu'il impose. Eh bien, ces messieurs n'ont qu'à trembler devant Vous,—tant pis pour eux, et tant mieux pour le service!». Великій князь остановился и выслушалъ очень внимательно. Его лицо опять прояснилось; онъ крѣпко пожалъ руку Коссаковскаго и сказалъ съ чувствомъ: «Merci, mon cher, vous avez parlé en homme de coeur et en homme d'esprit. Vous m'avez fait du bien en me disant tout cela. On a tort de me craindre. Je suis un de ceux dont vous parlez: je fais mon devoir, je ne redoute rien, mais je ne veux du mal à personne. Si l'on me voit jurer et pester à tout bout de champ, croyez, mon cher, que la colère ne me vient pas d'ici mais bien de là!..» При этихъ словахъ, великій князь показалъ сначала на сердце, а потомъ на горло и продолжалъ:—«Je ne cherche pas les conflits, mais ils viennent me trouver malgré moi. Je ne sais quelle force surnaturelle, quel mauvais génie me fait, toujours, tomber sur les désordres, en flagrant délit et d'attraper ceux, qui, comme vous le dites, ont des raisons pour craindre la justice!..»

«Разговаривая такимъ образомъ»,—разсказывалъ Коссаковскій,—«мы прошли Михайловскій театръ, вышли къ дому Смирдина и, обогнувъ уголъ, вступили на Михайловскую улицу. Мы уже подходили къ гостиницѣ [1]), какъ вдругъ насъ объѣхала извощичья карета. Она

[1]) Кажется, это была гостинница Клея.

остановилась не доѣзжая отеля, и оттуда выскочили два офицера въ фуражкахъ, въ разстегнутыхъ сюртукахъ и безъ оружія; оба были навеселѣ, что называется: «на первомъ взводѣ». Весельчаки выпрыгнули, очень шумно и говорливо, на тротуаръ, но, замѣтивъ того, кто шелъ имъ на встрѣчу, остановились, какъ громомъ пораженные, въ пяти шагахъ отъ великаго князя. «Признаюсь» — говорилъ Коссаковскій, — «что и я былъ такъ пораженъ этою нечаянностью, что поблѣднѣлъ и до того перепугался, какъ будто я самъ напроказилъ. Великій князь посмотрѣлъ на меня въ упоръ; онъ, кажется, замѣтилъ мой испугъ, потому что засмѣялся и сказалъ: «Eh bien, mon cher, voyez vous-même,—n'est-ce pas cela mon sort, dont je vous parlais tout-à-l'heure!».. Потомъ, онъ спокойно обратился къ офицерамъ: «Пожалуйте-ка сюда!.. Ну, на кого вы похожи?.. Я васъ спрашиваю, на кого вы похожи!..» Офицеры молчали, хмѣль пропалъ, они поспѣшно застегивались. Великій князь спросилъ фамиліи, велѣлъ опять сѣсть въ карету и ѣхать на гауптвахту Михайловскаго дворца, явиться караульному офицеру и сказать, что они отправлены подъ арестъ имъ лично, и впредь до приказанія. Офицеры бросились въ карету и со страху пытались въ ней стоять, хотя и согнувшись въ-три-погибели. Великій князь грозно крикнулъ извощику: «пошелъ!» Карета тронулась, офицеры попадали на сидѣнье, а извощикъ до того испугался, что снятую шапку положилъ подъ себя и до самой гауптвахты ѣхалъ съ непокрытою головою, какъ будто везъ какую святыню. Михаилъ Павловичъ долго глядѣлъ вслѣдъ каретѣ, сильно нахмурясь и покачивая головою. Замѣчая, что на мѣстѣ происшествія собралась порядочная толпа, глазѣвшая на него, онъ махнулъ своему кучеру, и коляска подъѣхала. Но напускной гнѣвъ уже исчезъ съ его лица. Великій князь сталъ прощаться съ Коссаковскимъ, очевидно потѣшаясь его смущеніемъ: «A propos, illustre capitaine, je crois, Dieu me pardonne, que nous-même, nous sommes un peu tremBleur!..» Коссаковскій поклонился и отвѣчалъ очень серьезно. «Votre Altesse vient de faire une juste remarque. Je l'avoue franchement... oui... j'ai eu peur»... Великій князь расхохотался, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Этотъ разговоръ и похожденіе весьма типичны. Дѣйствительно, онъ былъ добръ, справедливъ, но безпощадно строгъ, преслѣдовалъ всякое нарушеніе дисциплины и, волею-неволею, нападалъ на виновныхъ. Михаилъ Павловичъ имѣлъ вѣскія и серьезныя причины быть неумолимо строгимъ, послѣ событій 14-го декабря и тому подобныхъ знаменій времени, проявлявшихся во всей Европѣ. Дивизіонные и полковые командиры, слѣдуя указаніямъ высшаго начальства, не могли не быть строгими и, если кто-либо изъ нихъ распускалъ свою часть, тотъ сейчасъ же лишался мѣста, и его замѣнялъ другой, болѣе энергичный начальникъ. Но можно ли приписать крутую систему военнаго образованія 1840-хъ годовъ

исключительно начальствующимъ лицамъ, ихъ единичному характеру или произволу? Нѣтъ, нельзя. Главный вопросъ не въ личностяхъ, а въ томъ, въ какое время онѣ жили и дѣйствовали? Системы военнаго воспитанія и образованія мѣняются и совершенствуются, какъ и все на свѣтѣ; время такъ быстро летитъ и такъ часто разрушаетъ старыя бытовыя условія и возрождаетъ новыя, что люди едва за нимъ поспѣваютъ. Поэтому всякая система, организація, устройство или переустройство имѣетъ значеніе, лишь смотря по тому,—свое оно или чужое; самобытное или заимствованное? Наконецъ, еще важнѣе вопросъ: какія историческія причины побудили правительство вводить новые порядки на мѣсто старыхъ? Безъ этихъ данныхъ трудно разобраться въ историческомъ событіи и еще труднѣе хвалить или порицать дѣла людей.

II.

Мой первый полковой командиръ.

Генералъ-маіоръ Жерковъ сдалъ Преображенскій полкъ свиты Его Величества генералъ-маіору Александру Андреевичу Катенину. Выписываю подлинникомъ прощальный приказъ Жеркова, 27-го апрѣля 1848 года, какъ образчикъ служебнаго стиля того времени:

«По Высочайшей волѣ, оставляя нынѣ полкъ, который, во все время моего командованія, постоянно удостоивался самыхъ лестныхъ похвалъ Государя Императора и Высокихъ начальниковъ нашихъ,—я священною обязанностью считаю изъявить искреннѣйшую и душевную признательность достойнымъ сотрудникамъ моимъ, гг. батальоннымъ и ротнымъ командирамъ, равно и всѣмъ гг. офицерамъ. Благодарю также всѣхъ нижнихъ чиновъ за ихъ усердную и добросовѣстную службу, надѣюсь, что они будутъ всегда тѣ же вѣрные слуги своему Царю и начальникамъ. Въ заключеніе прошу всѣхъ чиновъ полка сохранить память о начальникѣ, всегда готовомъ быть полезнымъ своимъ славнымъ сослуживцамъ». Есть пословица, хотя и не русская: «каковъ слогъ,—таковъ и человѣкъ!» Предоставляю каждому судить: справедлива ли она въ данномъ случаѣ. Въ приказѣ по гвардейской пѣхотѣ, 24 апрѣля 1848 года, наслѣдникъ цесаревичъ [1]) объявилъ искреннѣйшую благодарность и живѣйшую признательность генераламъ Жеркову и Липранди: «какъ за доведеніе ввѣренныхъ имъ частей до блестящаго образованія, такъ и за примѣрное состояніе хозяйства и внутренняго

---

[1]) Впослѣдствіи императоръ Александръ II.

порядка въ оныхъ». «Присовокупляю,—говоритъ его высочество,—«что я навсегда сохраняю къ симъ достойнымъ генераламъ чувство моего душевнаго уваженія, котораго они, по дѣйствіямъ своимъ, непзмѣнно чистымъ и добросовѣстнымъ, вполнѣ заслуживаютъ».

Смѣнившій Жеркова генералъ Катенинъ началъ службу въ Преображенскомъ полку подпрапорщикомъ, въ 1818 году, когда дядя его, Павелъ Александровичъ [1]), извѣстный писатель, переводчикъ Корнеля, служилъ тамъ полковникомъ. Его помянулъ Пушкинъ своимъ мелодичнымъ стихомъ: «Гдѣ нашъ Катенинъ воскресилъ,—Корнеля геній величавый!». Племянникъ Павла Александровича (будущій командиръ полка), Александръ Андреевичъ, участвовалъ съ преображенцами въ турецкой и польской войнѣ (1828—1831) и пробылъ во фронтѣ до капитанскаго чина; а именно: съ 1830 по 1839 годъ онъ командовалъ Государевою ротою въ поручичьемъ и капитанскомъ чинѣ, но, по свидѣтельству сослуживцевъ, былъ уже не молодъ, такъ что волоса его начинали серебриться. Катенинъ былъ офицеръ школы памятнаго въ исторіи полка генерала Микулина. Назначенный флигель-адъютантомъ, послѣ Калишскихъ маневровъ 1839 года, и произведенный въ полковники, онъ перешелъ въ свиту государя и оставался въ ней до назначенія начальникомъ штаба Гренадерскаго корпуса въ началѣ 1840 годовъ. Вопросъ: какія причины побудили императора Николая дать Преображенскій полкъ Катенину—я, конечно, рѣшить не берусь. Во всякомъ случаѣ, не фронтовая подтяжка могла служить тому поводомъ, такъ какъ полкъ, вышколенный Жерковымъ, въ ней не нуждался. Вѣроятнѣе всего, что государь желалъ поддержать въ полку старый, молодецкій духъ, старыя преданія, которыя Николай I такъ любилъ въ преображенцахъ, особенно со дня 14-го декабря 1825 года. Императоръ любилъ и преимущественно носилъ мундиры преображенскій и конногвардейскій, причемъ говаривалъ: «люблю носить эти мундиры потому, что въ нихъ я всегда могу быть спокойнымъ за себя». Такія знаменательныя слова сказаны были по поводу весьма непріятной исторіи, случившейся въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Катенинъ былъ лично и хорошо извѣстенъ государю не только какъ старый, коренной преображенецъ, но и какъ флигель-адъютантъ, отлично исполнявшій возложенныя на него порученія. Старые кавказцы того времени помнили скандальное дѣло князя Дадіана. Онъ былъ зять главнокомандующаго на Кавказѣ, барона Розена, командовалъ Мингрельскимъ полкомъ въ званіи флигель-адъютанта, и не постыдился злоупотреблять своей властью до того, что наряжалъ солдатъ на свои частныя работы, эксплоатируя ихъ трудъ въ пользу собственнаго кармана. Государь

[1]) Воспоминанія Колокольцова. „Русская Старина“, іюнь 1883 г., стр. 619.

поручилъ слѣдствіе по этому дѣлу полковнику Катенину. Вывести на чистую воду продѣлки такого близкаго родственника главнокомандующаго было довольно трудно, но Катенинъ блистательно выполнилъ свою задачу. Государь узналъ всю правду, безъ утайки, и во время посѣщенія Кавказа, на смотру, передъ фронтомъ, собственноручно сорвалъ аксельбантъ съ Дадіана [1]) и передалъ его сыну барона Розена. Колокольцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ только намекаетъ на это обстоятельство слѣдующими словами: «Находясь въ свитѣ государя, онъ (Катенинъ) сопровождалъ Его Величество во многихъ путешествіяхъ по осмотру войскъ и на Кавказѣ былъ оставленъ по весьма важному тогда порученію». Впрочемъ, помянутая заслуга не имѣетъ прямаго значенія въ дѣлѣ полученія генераломъ полка. Тутъ достаточно было его репутаціи стараго преображенца, вполнѣ уважительной, тѣмъ болѣе, что и родной братъ его, Михаилъ Андреевичъ, и дядя, Павелъ Александровичъ, служили въ томъ же полку. Вотъ что говоритъ сослуживецъ Катенина, генералъ-маіоръ Колокольцовъ: «И такъ, нашъ (преображенскій капитанъ Катенинъ), командиръ Государевой роты, былъ человѣкъ серьезный, весьма замѣчательнаго ума, способностей и познаній. Я засталъ его въ полку (1834) какъ одного изъ числа старшихъ нашихъ офицеровъ и, какъ казалось, болѣе всѣхъ имѣвшаго вліяніе въ полку. Онъ воспитывался, учился и образовывался, какъ это велось въ кругу древнихъ дворянъ, у себя дома, при отличныхъ воспитателяхъ и учителяхъ и, пожалуй,—хуже ли бывало тогдашнее образованіе—это можно указать на то, что во всѣ времена русское дворянское сословіе всегда стояло выше воспитаніемъ и образованіемъ иностраннаго».

Это, нѣсколько смѣлое, сужденіе мы, конечно, не будемъ разсматривать и критиковать. Далѣе, авторъ упоминаетъ объ извѣстной уже карьерѣ Катенина и замѣчаетъ, что назначеніе его командиромъ полка послѣ должности начальника корпуснаго штаба казалось бы умаленіемъ, но это-де и показываетъ, какъ высоко ставилъ государь значеніе Преображенскаго полка [2]). Это дѣйствительно фактъ, чрезвычайно интересный, но я пока не остановлюсь на немъ, а лучше выпишу первый, вступительный приказъ Катенина, гдѣ онъ обрисовался, какъ въ зеркалѣ: «Вступивъ въ командованіе славнаго Преображенскаго полка, я снова возвратился въ семью родную, гдѣ научился служить вѣрою и правдою. Глубоко чувствуя всю важность моей обязанности, я долженъ заслужить довѣріе Государя Императора, милость Наслѣдника Цесаревича и благоволеніе Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича.

[1]) Дадіанъ былъ помилованъ въ 1856 г. Александромъ II по просьбѣ родственницы своей, правительницы Мингреліи.

[2]) Воспоминанія Колокольцова. „Русск. Стар.“, іюнь 1883 г., стр. 619—620.

Преображенцы! Зная васъ, я увѣренъ, что вы поможете мнѣ исполнить этотъ священный долгъ. Я увѣренъ, что вы, по первому мановенію Царскому, пойдете въ огонь и въ воду, по первому слову радостно умрете за Царя и отечество! Я первый, вы за мной! Боже, Царя храни!» Ну, какъ же не сказать: «le style—c'est l'homme!»

III.

1848. Производство въ прапорщики въ недобрый часъ! Холерная паника въ Петербургѣ. Двѣ смерти на заздравномъ пиру.

Мои «Записки стараго пажа» («Русскій Вѣстникъ» 1887 №№ 8-й и 9-й) кончаются 13-мъ іюня 1848, то-есть днемъ производства въ прапорщики Преображенскаго полка. Въ этомъ году выпускные камеръ-пажи и вообще воспитанники военно-учебныхъ заведеній отправились въ Красное Село не тотчасъ по выпускѣ, а имъ предоставлено было нѣкоторое время, чтобы заняться обмундировкою и сборами на дѣйствительную службу, такъ что мы фактически были на свободѣ недѣли двѣ. Пріятныя приготовленія къ новой жизни были, къ несчастію, омрачены страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ. Весною началась въ Петербургѣ холера и въ началѣ лѣта стала такъ сильно свирѣпствовать, что навела всеобщую панику. Это была вторая холера и ужасала всѣхъ не менѣе первой, свирѣпствовавшей въ 1831 году. Всѣ, кто имѣлъ малѣйшія средства, спѣшилъ выбраться изъ зараженнаго Петербурга въ деревню или на дачу. Никогда не забуду пустынный, унылый видъ Невскаго проспекта, гдѣ встрѣчалось почти одно простонародіе, особенно рабочіе. Живо припоминаю разговоръ двухъ такихъ простолюдиновъ. Они вяло шли рядкомъ, посматривая во всѣ стороны и безпрестанно крестясь при видѣ нескончаемыхъ похоронныхъ процессій. Наконецъ, одинъ вздохнулъ и ворчливо проговорилъ: — «Охъ, Господи Милостивый! Вотъ времячко настало!.. И городъ — пустырь-пустыремъ, только мертвыхъ видать, а живые-то гдѣ?.. Бывало проходу нѣтъ отъ господъ... бары да барыни нарядныя прохаживались, прокатывались, а нашего брата отсель, бывало,—по шеямъ!.. Мы туточки и остались, а господа-то куда всѣ дѣвались?.. Гляди и съ собаками не отыщешь!.. А нашему брату дѣваться некуда, слоняйся тутъ по-прежнему и хотѣлъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! А все работушка да заботушка, а смерть надъ головой!.. Какъ мухи мретъ народъ-то... вишь какъ коситъ»!.. И онъ показалъ на длинный рядъ гробовъ, тянувшихся съ угла Литейной, вѣроятно изъ Маріинской больницы. Въ этихъ ужасныхъ

процессіяхъ не видно было ни священниковъ, ни провожавшихъ родныхъ или друзей. Со всѣхъ госпиталей и больницъ тянулись цѣлыми десятками гробы, такъ плохо сколоченные, что разложившіеся, на жарѣ, трупы проглядывали сквозь дырья и расщелины, издавая нестерпимую вонь. Помню, что, встрѣтивъ разъ у Симеоновскаго моста подобную процессію въ непосредственной близи, я чуть не лишился чувствъ отъ ужаса и отвращенія. Отъ послѣднихъ проводовъ всѣхъ этихъ безъименныхъ, неизвѣстныхъ покойниковъ непріятно-рѣзко отличались похороны знатныхъ и богатыхъ, съ гербами, орденами и факелами! Грустно было надѣвать первые эполеты въ такое ужасное время! Естественное желаніе пощеголять въ новешенькомъ, съ иголочки, мундирѣ, хотя бы передъ отцомъ, матерью, братьями, сестрами,—намъ, въ этотъ годъ, не удалось, такъ какъ почти въ каждомъ семействѣ господствовали трауръ или паника. Впрочемъ, лично мнѣ, по правдѣ сказать, даже и блеснуть-то было не передъ кѣмъ. Родныхъ почти никого не было, и только одна мачиха моя переселилась, въ ту пору, изъ Москвы въ Петербургъ и жила на дачѣ, на Каменномъ островѣ. Въ первый же день, какъ только я надѣлъ мундиръ,—сейчасъ же поѣхалъ къ ней обѣдать. Мачиха любовалась и поздравляла новаго офицера, конечно, не такъ, какъ родная мать, однакоже весьма любезно и ласково. Сѣли обѣдать. Подали борщъ, а на второе — сосиськи съ капустою, любимое блюдо хозяйки, очень вкусное, но такое жирное, что, даже и въ нынѣшнее время, никто бы не счелъ его безопаснымъ. Я наотрѣзъ отказался отъ угощенія и не совѣтовалъ притрогиваться къ нему, но хозяйка смѣялась надъ моею мнительностію и говорила, что не надобно мѣнять образа жизни: кто-де къ чему привыкъ, пусть продолжаетъ ѣсть, какъ прежде; внезапныя перемѣны режима гораздо вреднѣе, опаснѣе же всего—неумѣренное воздержаніе. Однакоже, я уѣхалъ въ безпокойствѣ, такъ какъ мачихѣ уже при отъѣздѣ моемъ было, какъ говорится, «не по себѣ». Она поблѣднѣла и усердно глотала тильманскія капли. На другой день утромъ, не безпокойство, а уже какое-то тягостное предчувствіе подтолкнуло меня ѣхать на острова провѣдать мачиху. Я засталъ весь домъ вверхъ дномъ! Ночью она опасно заболѣла холерою, а въ то время болѣзнь развивалась чрезвычайно быстро и неудержимо. Къ ужасу моему, мнѣ сказали, что я едва-ли могу видѣть больную: положеніе ея было безнадежное и каждую минуту ждали смертельнаго исхода. Я, однакоже, настоялъ на своемъ, вошелъ къ больной и не узналъ ее! Мачиха сидѣла въ горячей ваннѣ. Это былъ полутрупъ! Лицо почернѣло и хотя больная была въ полномъ сознаніи, но говорить не могла. Вмѣсто словъ раздавалось безсильное хрипѣніе. Я напустилъ на себя безпечный, шутливый тонъ, ободряя и отвлекая больную отъ страшной мысли о кончинѣ. Мысленно же я молился за нее и былъ

убѣжденъ, что все кончено. Къ счастію, опасенія не сбылись. Ее спасъ, – прямо скажу,—воскресилъ старшій докторъ Маріинской больницы Шпёреръ, одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ врачей. Для насъ, молодыхъ офицеровъ, не въ добрый часъ произведенныхъ, даже обычное празднованіе вступленія въ новую жизнь было отравлено жаломъ смерти! На Невскомъ, около Аничкина моста, существовалъ, въ тѣ поры, ресторанъ Лерхе. Тамъ мы вспрыскивали новые эполеты съ обычнымъ возліяніемъ Бахусу, на зло холерѣ. Пирушка закончилась трагически. Двое вновь произведенныхъ изъ школы юнкеровъ,—Демидовъ (лейбъ-гусаръ) и Турчаниновъ (лейбъ-уланъ) заболѣли, тутъ же, въ ресторанѣ, со всѣми признаками холеры. Родныхъ у этихъ офицеровъ не было. Не зная, какъ поступить съ офицерами, еще не являвшимися въ полки, дали знать въ юнкерскую школу. Тамъ имъ подали первую помощь и перевезли въ Петергофъ, въ общій кадетскій лазаретъ, гдѣ оба вскорѣ скончались [1]). Понятно, что послѣ такого страшнаго почина мы заторопились выѣзжать изъ Петербурга и явиться на службу въ Красносельскій лагерь. Товарищъ мой, по выпуску, графъ Апраксинъ (Сергѣй Александровичъ), тоже молодой преображенецъ, предложилъ переночевать у него и вмѣстѣ отправиться въ лагерь. Онъ жилъ на Итальянской, въ собственномъ домѣ. Отецъ Апраксина, въ то время сенаторъ, принялъ меня очень ласково и радушно. Это былъ высокій старикъ, сѣдой, какъ лунь, но красавецъ, съ правильными, благородными чертами лица и симпатичнымъ выраженіемъ. Графъ пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ, и я никакъ не могъ думать, что вижу его въ послѣдній разъ, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ пріѣхать въ лагерь на той же недѣлѣ. Между тѣмъ, едва мы успѣли туда пріѣхать, какъ уже молодаго Апраксина поспѣшно вызвали въ Петербургъ. Отецъ его скоропостижно заболѣлъ и скончался. Впослѣдствіи я слышалъ отъ сына, что старикъ умеръ отъ удара, но въ то время холера весьма часто являлась въ формѣ апоплексіи. Это былъ особенный, сравнительно легчайшій, видъ этой ужасной болѣзни. Первый служебный шагъ въ лагерѣ, разумѣется,—представленіе ближайшему начальству. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ своего полковаго командира, генералъ-маіора Катенина. Наружность его была типична и внушительна: львиная, ермоловская голова, большая, сѣдая и курчавая. Сѣрые, умные глаза, подъ русыми бровями, безъ сѣдины, и большіе усы, тоже русые, напоминавшіе типы французскихъ «vieux grognards». Наконецъ, его высокая и широкая фигура въ блестящемъ, преображенскомъ мундирѣ, производила большой эффектъ.

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали мнѣ впослѣдствіи; навѣрное же не могу утверждать факта этихъ двухъ смертей.

Представленіе начальнику дивизіи Моллеру и наслѣднику, командиру гвардейской пѣхоты, я совершенно запамятовалъ. Великому князю Михаилу Павловичу мы представлялись въ Красносельскомъ дворцѣ, очень маленькомъ и тѣсномъ, а представляющихся было много. Пока дошла до насъ очередь, мы должны были ждать въ какихъ-то пустыхъ комнатахъ, которыя провѣтривались, такъ что двери и окна были настежь. Тутъ нашъ новый командиръ полка въ первый разъ подтянулъ насъ, но не по-жерковски, а очень милымъ образомъ. Чтобы не запылить новенькихъ мундирчиковъ, мы надѣли шинели и посиживали въ нихъ, когда вошелъ Катенинъ, въ мундирѣ, безъ шинели, а мы, хотя и поднялись съ мѣстъ, но шинелей не сняли. Александръ Андреевичъ выдержалъ на минуту этотъ недостатокъ служебнаго такта, и потомъ, обращаясь къ Толстому, котораго зналъ еще ребенкомъ, сказалъ ему: «Любезнѣйшій Толстой, снимите-ка шинель, теперь не озябнете... (еще бы въ концѣ іюня!)... такъ-то и вамъ будетъ ловчѣе, да и мнѣ тоже!» Представленіе великому князю Михаилу Павловичу осталось у меня въ памяти. Отецъ помянутаго Толстаго (Михаила Николаевича), генералъ-лейтенантъ Николай Матвѣевичъ Толстой, состоялъ въ тѣ поры при особѣ его высочества. Великій князь, подшучивая надъ молодымъ прапорщикомъ, приставалъ и къ отцу его, конечно, весьма счастливому видѣть первенца своего въ эполетахъ: «Ну, вотъ... выростилъ... обрядилъ... ну, улыбайся, радуйся... поздравляю!... А позволь узнать: какая гауптвахта ближе къ твоему дому?...» Генералъ отвѣтилъ, отшучиваясь, что караулы стараго и новаго Адмиралтейства были бы ближайшими и удобнѣйшими для него и для сына, если бы, Боже упаси, кому-либо привелось познакомиться съ тамошними гауптвахтами въ качествѣ арестанта. Великій князь перебилъ генерала: «Еще бы не пришлось!... Вотъ новости!... Тотъ не кавалеристъ, кто не падалъ съ лошади, и тотъ не прапорщикъ, кто не попадалъ подъ арестъ! Ну, что же... постараемся бывать полезнымъ и пріятнымъ; будемъ сажать поперемѣнно, то на старое... то на новое... вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, можетъ наскучить одно и то же!...» Намъ стало очевидно, что его высочество въ духѣ, и мы пріободрились. Послѣ Толстаго онъ подошелъ къ Полозову и спросилъ: «Какого Полозова?...» Узнавъ, что это сынъ Данилы Петровича [1]), великій князь сталъ очень лестно отзываться о службѣ и личности старика-генерала и, наконецъ, сказалъ Полозову: «Такъ на что же тебѣ лучшаго примѣра? Служи, какъ отецъ твой служилъ, и мы будемъ друзьями...» Потомъ очередь дошла до меня. Въ запискахъ «Стараго пажа» я описывалъ: мое первое представленіе ве-

---

[1]) Полозовъ, Данило Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Жандармскаго округа.

ликому князю, описалъ его наружность и шутливые пріемы въ тѣ дни, когда онъ бывалъ веселъ и спокоенъ; тамъ же я упомянулъ, что состоялъ камеръ-пажемъ при Михаилѣ Павловичѣ. Поэтому онъ не спросилъ о фамиліи, а быстро отступилъ, шутливо нахмурился, сдѣлалъ видъ, какъ будто удивился, и началъ приговаривать: «Скажите, пожалуйста!.. Посмотрите, пожалуйста!... Мой господинъ эксъ-камеръ-пажъ! Давно ли вы въ корпусъ опредѣлились? Давно ли мнѣ привозили напоказъ маленькую букашку... Крошечнаго пажишку, ростомъ въ аршинъ отъ земли... а теперь, прошу полюбоваться... вонъ какъ вытянулся, какимъ женихомъ пріодѣлся!... Правда говорилъ вашъ Жирардотъ [1]): «la mauvaise herbe grandit vite!» Такимъ образомъ говорилъ его высочество почти съ каждымъ изъ представлявшихся офицеровъ, то шутливо, то серьезно, и наконецъ сказалъ всѣмъ вообще нѣсколько напутственныхъ словъ и пожеланій счастія на службѣ.

Князь Н. К. Имеретинскій.

(Окончаніе будетъ)

[1]) Извѣстный Карлъ Карловичъ, командиръ Пажеской роты.

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ,

НАМѢСТНИКЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

(1863—1874 г.).

(Матеріалы для исторіи усмиренія польскаго мятежа 1863 — 1864 г. и послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій въ Привислянскомъ краѣ).

V [1]).

Варшавскій Дневникъ.

Въ видахъ послѣдовательности и для окончательнаго объясненія отношеній графа Берга къ прессѣ, помѣщаю подробный разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ началось въ Варшавѣ изданіе «Варшавскаго Дневника» на русскомъ языкѣ.

Первоначально, оффиціальнымъ органомъ въ Царствѣ Польскомъ былъ «Dziennik Warszawski», издававшійся на польскомъ языкѣ. Во время безпорядковъ въ краѣ и въ такъ называемый манифестаціонный періодъ, редакторомъ Dziennik'а былъ талантливый Мининшевскій, и газета расходилась въ большомъ числѣ экземпляровъ. Считаясь органомъ правительства, «Dziennik Warszawski» былъ газетою партіи бѣлыхъ съ чисто польскимъ направленіемъ. Русскіе интересы имъ вполнѣ игнорировались, все поглощалось стремленіемъ къ одной цѣли—мирнымъ путемъ, успокоивая и убаюкивая правительство, пріобрѣсти для края полную свободу дѣйствій и возможно большія права и привилегіи.

[1]) См. „Русскую Старину“ 1893 г., январь.

Послѣ трагической смерти Минишевскаго и разгула революціонныхъ страстей, направленіе Dziennik'a измѣнилось, и онъ— не могу однако опредѣлить, когда именно, но еще въ управленіе великаго князя Константина Николаевича—сталъ издаваться подъ редакціею Н. И. Павлищева, товарища А. С. Пушкина по Лицею и женатаго на его родной сестрѣ. Павлищевъ много лѣтъ жилъ въ Царствѣ Польскомъ, хорошо зналъ польскій языкъ и литературу и написалъ нѣсколько монографій изъ исторіи Польши. Благонамѣренность Н. И. Павлищева стояла выше всякихъ сомнѣній, но, допуская даже, что онъ былъ человѣкомъ ученымъ, дѣло журналистики было мало ему извѣстно, и онъ не имѣлъ публицистическихъ дарованій. Значеніе Dziennik'a упало до нуля. Относительно польскаго общества это совершенно понятно. Открыто патріотическое направленіе газеты, столь льстившее польскому самолюбію во время редакторства Минишевскаго, исчезло, а слѣдовательно и газета перестала интересовать мѣстныхъ патріотовъ, тѣмъ болѣе, что, съ переходомъ подъ новую редакцію, она утратила всѣ свои литературныя достоинства. Русское общество не могло простить газетѣ крайнюю безцвѣтность и неумѣлость въ защитѣ русскихъ интересовъ, причемъ газета весьма часто компрометтировалась редакціонными промахами.

Благодаря довѣрію редактора къ его исключительно польскимъ сотрудникамъ, «Dziennik Warszawski» нерѣдко печаталъ статьи если не прямо противуправительственныя, то крайне тенденціознаго и зловреднаго направленія, вызывавшія въ русскомъ обществѣ большое негодованіе. Поэтому русскіе газету не любили, читали весьма мало, и она появлялась среди общаго равнодушія, расходясь едва-ли не исключительно между обязательными подписчиками.

Но вотъ административные порядки измѣнились, образовался Учредительный комитетъ и закипѣла работа по оздоровленію общественнаго строя Привислянскаго края. Туда прибыло много русскихъ дѣятелей, смѣло приступившихъ къ выполненію реформъ, соображенныхъ незабвенными Н. А. Милютинымъ, кн. В. А. Черкаскимъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ и другими. Полномочія Учредительнаго комитета были весьма обширны, программа административ-

ныхъ работъ удостоилась уже въ общихъ чертахъ санкціи верховной власти, и на мѣстѣ оставалось лишь приготовить окончательные проекты законовъ, сообразивъ ихъ съ мѣстными условіями и данными. При такихъ условіяхъ, необходимости въ поддержкѣ со стороны прессы русскіе люди, пріѣхавшіе въ Варшаву, не встрѣчали. Но зная великую пользу печатнаго слова, Н. А. Милютинъ съ радостью привѣтствовалъ бы появленіе въ Варшавѣ самостоятельной русской газеты и охотно воспользовался бы услугами мѣстной журналистики, чтобы черезъ нее знакомить край съ тѣмъ, что дѣлается въ немъ правительствомъ, разъясняя основанія производимыхъ реформъ, ихъ ходъ и послѣдствія. Однако отъ этого пришлось отказаться; собственно польскія газеты были враждебно настроены противъ всего русскаго, а оффиціальный органъ редактировался невозможно и его нельзя было избрать проводникомъ идей, полагавшихся въ основаніе готовившихся реформъ. Вотъ почему въ Dziennik'ѣ печатались только оффиціальные акты, а все, что Милютинъ и Черкаскій желали добавить къ нимъ въ видѣ частныхъ объясненій, печаталось въ Петербургѣ и Москвѣ, и русская публика о дѣятельности русскихъ въ Варшавѣ узнавала наиболѣе изъ «Русскаго Инвалида» и «Московскихъ Вѣдомостей», черпавшихъ свои свѣдѣнія изъ перваго источника.

Оставшись, такимъ образомъ, совершенно въ сторонѣ отъ общаго теченія административной жизни, «Dziennik Warszawski» шелъ старымъ путемъ и, не получая руководства отъ правительственныхъ сферъ, впадалъ въ невозможные промахи, печатая статьи, вполнѣ не подходящія къ намѣреніямъ правительства, въ доброй однако вѣрѣ, что поступаетъ согласно его цѣлямъ [1]). Отсюда начало безконечнымъ на него жалобамъ намѣстнику, причемъ Н. А. Милютинъ и князь Черкаскій, вмѣстѣ и отдѣльно, говорили, что единственный выходъ изъ такого ненормальнаго положенія видятъ

[1]) Такъ, въ то время, когда въ Варшавѣ образована уже была коммиссія для разработки вопроса объ упраздненіи римско-католическихъ монастырей, «Dziennik Warszawski» напечаталъ замѣтку, въ которой говорилось, что появившійся въ иностранной печати слухъ о предстоящемъ, будто бы, закрытіи монастырей невѣренъ, и правительство никогда не рѣшится на подобную мѣру уже потому, что она оскорбитъ религіозное чувство католиковъ и покроетъ страну развалинами.

въ томъ, чтобы взамѣнъ польскаго оффиціальнаго органа основать въ Варшавѣ серьезную русскую газету, которая могла бы представлять и достойно защищать русскіе интересы.

Графъ Бергъ сознавалъ справедливость дѣлаемыхъ противъ Dziennik'a заявленій, но нисколько не убѣждался въ необходимости изданія въ Варшавѣ такой русской газеты, опереться на которую могли бы Милютинъ и Черкаскій, и безъ того пользовавшіеся громаднымъ вліяніемъ на дѣла и мѣстное русское общество. Мало еще зная характеръ этихъ политическихъ дѣятелей, намѣстникъ опасался, что съ основаніемъ такой газеты, на ея столбцы перейдутъ не только кружковыя и личныя статьи и недоразумѣнія, но и станутъ развиваться различныя славянофильскія теоріи, могущія усилить и безъ того существовавшій антагонизмъ между русскими и поляками. Этого же послѣдняго онъ допустить не хотѣлъ, да и не могъ.

Поэтому, долгое время, графъ Бергъ ограничивался только разъясненіями и внушеніями редактору Dziennik'a, оставляя все по-старому. Однако время брало свое, печатаніе оффиціальнаго органа на польскомъ языкѣ становилось кричащимъ анахронизмомъ, и переходъ къ русскому языку былъ до очевидности необходимымъ. Субсидія «Дневнику» равнялась 18 т. руб. (?) независимо отъ обязательной подписки. Всѣ европейскія газеты получались въ Варшавѣ почти на полтора дня ранѣе, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а потому, при ловкомъ веденіи дѣла, издающаяся въ Варшавѣ газета могла давать своимъ ближайшимъ подписчикамъ всѣ политическія свѣдѣнія нѣсколькими днями ранѣе, чѣмъ это было возможно для газетъ столичныхъ. Толкуя о такомъ именно веденіи газеты, многіе сходились на мысли, что опытное въ дѣлѣ издательства лицо, напримѣръ, А. А. Краевскій могъ бы сразу поставить варшавскую газету въ самыя выгодныя экономическія условія.

Всѣ эти толки оставались, однако, только толками въ немногочисленныхъ русскихъ кружкахъ, и Н. И. Павлищевъ продолжалъ крѣпко держать въ своихъ рукахъ изданіе вполнѣ сѣренькаго Dziennik'a.

Такъ было до сентября 1864 г. Въ началѣ этого мѣсяца, я по семейнымъ дѣламъ былъ въ Петербургѣ и собирался уже ѣхать

обратно въ Варшаву, какъ получилъ отъ Н. А. Милютина пакетъ на мое имя отъ графа Берга, привезенный изъ Варшавы А. Ф. Гильфердингомъ. Въ пакетѣ было два письма ко мнѣ — одно отъ намѣстника отъ 16 (28) сентября, а другое незапечатанное,—отъ князя В. А. Черкаскаго. Графъ Бергъ писалъ:

«Mon cher colonel [1]). Je vous prie de conférer avec S. Ex. le Sénateur Milioutine sur la nécéssité de nous trouver un littérateur russe connaissant la langue polonaise et capable de diriger le journal russe à Varsovie. Cette affaire est importante et ne s'enmanche pas du tout malgré notre bon vouloir et nos efforts.

«Trois ou quatre personnes ont été essayées et personne n'a répondu à notre attente.

«Ne négligez rien pour découvrir et pour enroler l'homme désiré par nous.

«Recevez, mon cher colonel, l'expression de mon amitié la plus affectueuse. Tout à vous Berg».

Письмо князя Черкаскаго, написанное днемъ раньше, 15 (27) сентября, заключало въ себѣ слѣдующее:

«Милостивый Государь Дмитрій Гавриловичъ. Я докладывалъ сегодня его сіятельству графу-намѣстнику о непрестанныхъ промахахъ редакціи «Варшавскаго Дневника», которые вновь повторились на дняхъ, по случаю газетныхъ извѣстій о новомъ посланіи папы къ польскимъ епископамъ. По этому случаю графу угодно было поручить мнѣ написать къ вамъ частнымъ образомъ и просить васъ воспользоваться вашимъ присутствіемъ въ Петербургѣ, чтобы поискать тамъ—не найдется ли хорошій самостоятельный редакторъ, которому можно было бы поручить изданіе оффиціальной варшав-

---

[1]) «Любезный полковникъ. Прошу васъ переговорить съ его превосходительствомъ, сенаторомъ Милютинымъ, о необходимости для насъ пріискать русскаго литератора, знающаго польскій языкъ и способнаго вести русскую газету въ Варшавѣ. Это дѣло серьезное, но не удастся намъ, несмотря на наши желанія и усилія.

„Три или четыре лица были испробованы, но не удовлетворили нашимъ ожиданіямъ.

„Не пренебрегите ничѣмъ, чтобы отыскать и пригласить лицо, нами желаемое.

„Примите, любезный полковникъ, выраженіе моей сердечной дружбы. Весь вашъ Бергъ".

ской газеты. При этомъ я выразилъ мысль, которую графу угодно было одобрить, что—въ случаѣ нужды можно было бы согласиться на измѣненіе нынѣшней системы, а именно: можно было бы сдѣлать изданіе русской газеты главнымъ дѣломъ, оставивъ польскую газету придаточною къ ней и притомъ подчиненною редактору первой. Такимъ образомъ, редакторъ русской газеты сдѣлался бы главнымъ лицомъ въ управленіи обѣихъ газетъ, что, безъ сомнѣнія, значительно облегчило бы выборъ лица. Весьма полезно было бы пріискать такое лицо между петербургскими литераторами. Объ этомъ можно бы, казалось бы, съ пользою спросить совѣта Николая Алексѣевича Милютина, который, быть можетъ, былъ бы въ состояніи кого-нибудь указать. Податель этого письма А. Ф. Гильфердингъ, которому графъ хотѣлъ лично передать нѣкоторыя еще по настоящему предмету для васъ указанія, могъ бы также, вѣроятно, сколько-нибудь облегчить вамъ трудную во всякомъ случаѣ задачу, которую никому не удалось еще здѣсь разрѣшить. Желая вамъ полнѣйшаго успѣха, прошу и т. д. Князь В. Черкаскій. 15 (27) сентября 1854 г. Варшава».

Итакъ во время моего краткаго отсутствія, благодаря новымъ безтактностямъ Dziennik'a, участь его была рѣшена, и послѣдовало соглашеніе намѣстника съ главнымъ директоромъ внутреннихъ дѣлъ на приглашеніе русскаго писателя для изданія русской газеты. Содержаніе приведенныхъ писемъ ясно это доказывало, и въ этомъ отношеніи не представлялось ни малѣйшихъ сомнѣній. Все это подтвердилъ мнѣ и А. Ф. Гильфердингъ, не передавшій однако никакихъ дополнительныхъ указаній графа.

Когда я пріѣхалъ къ Н. А. Милютину, онъ зналъ уже сущность дѣла и успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя соображенія [1]). По его мнѣнію, найти подходящаго редактора въ Петербургѣ было затруднительно, какъ по общимъ тогдашнимъ условіямъ журналистики, такъ и потому, что здѣсь не было никого, выставлявшагося

[1]) Свѣдѣнія о печальномъ положеніи варшавской оффиціальной газеты давно уже были извѣстны въ журнальномъ мірѣ Петербурга, гдѣ слышали также, что ищутъ редактора. Еще въ началѣ августа К. И. Тимковскій и В. П. Трубачеевъ писали къ Н. А. Милютину и предлагали себя въ редакторы.

невольно бросающимся въ глаза кандидатомъ, между тѣмъ какъ такое именно лицо находилось въ Москвѣ. Это былъ Петръ Карловичъ Щебальскій. Онъ велъ польскій вопросъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ необыкновенной энергіей, умомъ и послѣдовательностью. Въ его рукахъ, варшавскій оффиціальный органъ, безъ сомнѣнія, сразу занялъ бы подобающее ему положеніе, въ чемъ ручались какъ политическія убѣжденія Щебальскаго, такъ и его литературныя и особенно публицистическія способности. Однако остановиться на этой комбинаціи было невозможно. Намѣстникъ и князь Черкаскій рекомендовали пріискать соотвѣтственное лицо въ Петербургѣ. На какихъ основаніяхъ состоялось между ними столь долго неустановлявшееся соглашеніе насчетъ изданія русской газеты въ Варшавѣ, мы не знали. Но можно было предположить, что достиженіе согласія облегчилось обоюдными уступками и непремѣннымъ условіемъ пріискать редактора въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ. Быть можетъ, устраненіемъ московскихъ журналистовъ намѣстникъ предупреждалъ новое усиленіе и безъ того сильной партіи административныхъ дѣятелей, а князь Черкаскій доказывалъ, что онъ, прежде всего, желаетъ вывести оффиціальный варшавскій органъ изъ того невозможнаго положенія, въ которомъ онъ находился при сотрудникахъ-полякахъ и при редакторѣ, человѣкѣ хотя и вполнѣ русскомъ, но давно оставившемъ Россію, незнавшемъ ея жизни и въ способности котораго не вѣрили главные мѣстные дѣятели, не выключая и самого намѣстника.

Не имѣя близкаго знакомства съ литературными кружками, Н. А. Милютинъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ директору канцеляріи статсъ-секретаріата по дѣламъ Царства Польскаго, тайн. сов. Старынкевичу, бывшему въ дружественныхъ отношеніяхъ съ журналистомъ Дудышкинымъ, пользовавшимся большимъ значеніемъ между петербургскими литераторами. Подобное направленіе дѣла одобрилъ и А. А. Краевскій, котораго я познакомилъ съ даннымъ мнѣ порученіемъ. Результаты нашей попытки были, однако, неутѣшительны; рекомендовать кого-либо на такой отвѣтственный постъ Дудышкинъ не рѣшался, говоря, что вполнѣ подходящихъ лицъ въ Петербургѣ нѣтъ. Разумѣется, что на такое рѣшеніе вопроса я согласиться не могъ и убѣдительно просилъ Старынкевича, Дудыш-

кина и Краевскаго указать мнѣ наиболѣе подходящаго кандидата, за отказомъ котораго, съ спокойною совѣстью, можно было бы придти къ заключенію, что Петербургъ дѣйствительно не можетъ удовлетворить запросу. По общему единодушному указанію, такимъ лицомъ былъ признанъ Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ (нынѣ, 1893 г., начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати). Н. А. Милютинъ одобрилъ это указаніе, и я отправился къ г. Ѳеоктистову. Переговоры были коротки; Евгеній Михайловичъ поблагодарилъ за оказываемое ему довѣріе, но не рѣшился покинуть Петербурга, гдѣ былъ вполнѣ доволенъ своимъ тогдашнимъ положеніемъ.

Затѣмъ, когда были испытаны всѣ средства въ Петербургѣ, явилась возможность обратиться къ Москвѣ. Останавливаясь на этой мысли, Н. А. полагалъ, что Катковъ никакъ не разстанется съ Щебальскимъ, но думалъ, что при посредствѣ Михаила Никифоровича намъ, все-таки, удастся пріискать въ Москвѣ какое-либо другое благонадежное лицо, хотя и не столь талантливое. Установивъ необходимость обращенія къ Москвѣ, слѣдовало спросить согласіе намѣстника, и 23 сентября 1864 г. я послалъ слѣдующую телеграмму: «Варшава, графу Бергу. Здѣсь нѣтъ никого. Сенаторъ Милютинъ считаетъ совершенно необходимымъ, чтобы я ѣхалъ въ Москву, гдѣ есть надежное лицо. Списаться съ нимъ затруднительно. Жду приказаній». Утромъ 24-го, я отправилъ графу Бергу обстоятельное письмо, въ которомъ объяснилъ какъ неудачу поисковъ въ Петербургѣ, такъ и неизбѣжность поѣздки въ Москву, чтобы лично переговорить съ намѣченнымъ кандидатомъ Щебальскимъ. «Списаться съ нимъ, говорилъ я, о должности редактора затруднительно и невыгодно потому, что онъ можетъ предложить слишкомъ тяжелыя условія, да притомъ трудно будетъ ему, безъ словеснаго объясненія, рѣшиться на дѣло незнакомое». О самомъ кандидатѣ я приводилъ вполнѣ лестный отзывъ Н. А. Милютина и добавилъ, что Щебальскій хорошо говоритъ по-польски.

Согласіе графа Берга пришло 26-го утромъ. Онъ разрѣшалъ мнѣ ѣхать въ Москву, а слѣдовательно соглашался и на переговоры съ П. К. Щебальскимъ.

28-го сентября я былъ уже у Каткова. Онъ принялъ меня очень любезно, выслушалъ подробности и согласился, что дѣло за-

тѣвается хорошее. Изданіе русской газеты въ Варшавѣ необходимо, хотя бы и въ видѣ оффиціальнаго органа; близость къ Европѣ дѣйствительно обезпечиваетъ ей полную возможность достигнуть матеріальнаго успѣха, а предполагаемое порученіе ея редакторству П. К. Щебальскаго даетъ несомнѣнную увѣренность, что она будетъ издаваться въ соотвѣтственномъ духѣ и съ необходимыми литературными пріемами. Отпустить П. К. въ Варшаву на такое хорошее и полезное дѣло онъ согласился безъ колебаній, взявъ на себя всѣ предварительные переговоры и заранѣе предвидя согласіе Щебальскаго. При этомъ М. Н. посовѣтовалъ мнѣ не быть особенно щедрымъ на денежныя обѣщанія. Онъ совѣтовалъ не давать сразу надежду на полученіе 18 тысячъ, а находилъ достаточнымъ предложить Щебальскому 12 тысячъ. «Это и вознаградитъ его и дастъ возможность впослѣдствіи увеличить субсидію, а тѣмъ еще болѣе пріохотить къ дѣлу П. К., который отъ денегъ не откажется».

На слѣдующій день я обѣдалъ у М. Н. и познакомился съ Щебальскимъ, который прямо заявилъ, что обо всемъ переговорилъ съ М. Н., охотно принимаетъ предложеніе и, въ виду спѣшности дѣла, готовъ черезъ недѣлю ѣхать въ Варшаву, чтобы окончательно условиться и сдѣлать приготовленія для перевоза туда семейства. Щебальскій произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе, и цѣль моей поѣздки была достигнута скорѣе и легче, нежели я ожидалъ. Обѣдъ у Каткова прошелъ очень оживленно, вечеромъ я и почти всѣ обѣдавшіе отправились въ театръ, а на другой день я уже выѣхалъ въ Петербургъ, извѣстивъ телеграммами о моемъ успѣхѣ—графа Берга и Н. А. Милютина. Н. А. былъ очень доволенъ успѣхомъ, на который никакъ не разсчитывалъ и которому, по его словамъ, всѣ удивлялись въ Петербургѣ, гдѣ не допускали даже мысли, чтобы Катковъ отпустилъ Щебальскаго.

Ранѣе 3-го октября, я не могъ уѣхать изъ Петербурга и хотя не потерялъ много времени послѣ соглашенія съ Щебальскимъ, но еще до отъѣзда въ Варшаву получилъ оттуда извѣстіе, которое поставило меня въ совершенный тупикъ и заставило сильно призадуматься. Н. А. Милютинъ, вечеромъ 1-го октября или на другой день, прислалъ мнѣ полученную имъ изъ Варшавы телеграмму,

которою его извѣщали (не помню кто, можетъ быть кн. Черкаскій), что 1-го октября въ Варшавѣ появился 1-й номеръ «Варшавскаго Дневника» на русскомъ языкѣ. Что это значило? Ни я, ни ст. сек. Милютинъ не могли придумать никакого объясненія этому обстоятельству.

По пріѣздѣ въ Варшаву, прямо съ дороги, я отправился къ намѣстнику. Графъ Бергъ, по обыкновенію, встрѣтилъ меня любезно, обнялъ и, поблагодаривъ за приглашеніе Щебальскаго, тотчасъ же прибавилъ: «Vous ne m'avez pas compris». Заранѣе приготовленный услышать отъ графа выраженіе его неудовольствія,— хотя и не зналъ, въ чемъ собственно я не удовлетворилъ его желаній,—я отвѣчалъ, что, поступая такъ, какъ я поступалъ, я ни на минуту не сомнѣвался, что въ точности исполняю его волю, такъ ясно и категорически выраженную въ его письмѣ. При этомъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, я просилъ графа вѣрить, что всѣ даваемыя мнѣ порученія я исполнялъ и буду исполнять, только по личному моему убѣжденію и прямому ихъ смыслу, не читая между строкъ и не доискиваясь заднихъ мыслей. Графъ не перебивалъ моихъ словъ и, давъ мнѣ договорить все, что я хотѣлъ сказать, спросилъ меня, получилъ ли я письмо кн. Черкаскаго, вложенное въ его письмо? и послѣ утвердительнаго отвѣта, снова повторилъ: «Vous ne m'avez pas compris». На этомъ дѣло и кончилось. Тотчасъ же графъ заговорилъ о другомъ предметѣ, какъ бы не существовало обстоятельства, очевидно, для него непріятнаго. Только нѣсколько лѣтъ спустя—при обстоятельствахъ весьма для меня тяжелыхъ, о чемъ я разскажу послѣ—графъ Ѳ. Ѳ. сказалъ мнѣ, что онъ давно уже убѣдился, что я во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ всегда былъ вѣренъ себѣ и поступалъ такъ, какъ считалъ себя обязаннымъ поступить по убѣжденію, а не въ угоду кому-нибудь.

На другой день по возвращеніи Варшаву, войдя въ кабинетъ графа рано утромъ съ обычною телеграммою въ Петербургъ, я увидѣлъ на столѣ у окна, впереди жардиньерки съ цвѣтущими азаліями, какія-то, какъ мнѣ показалось, афиши голубаго и розоваго цвѣта. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть, и что же? это были оттиски на цвѣтномъ атласѣ перваго № «Варшавскаго Дневника», этого недоноска

Павлищева. Графъ Бергъ, увидя мое недоумѣніе, разсмѣялся и попросилъ передать ему куски атласа, проговоря: «надо ихъ приложить къ дѣламъ». Я было попросилъ себѣ хотя одинъ экземпляръ, но напрасно—графъ унесъ ихъ въ свою спальню и заперъ въ шкафъ, гдѣ хранилъ свою корреспонденцію.

Въ чемъ же было дѣло и чего я не понялъ въ письмѣ ко мнѣ графа Берга? Кажется, онъ думалъ, что въ самомъ фактѣ препровожденія имъ ко мнѣ письма кн. Черкаскаго я увижу, что порученіе его отыскать редактора между петербургскими литераторами не было его личнымъ желаніемъ, а лишь вынужденною уступкою настойчивымъ представленіямъ кн. Черкаскаго. Онъ думалъ, что, понявъ это, я догадаюсь не найти подходящаго кандидата въ Петербургѣ. Отрицательный результатъ моихъ поисковъ въ Петербургѣ и испрошеніе разрѣшенія ѣхать въ Москву открыли ему и его и мою ошибки, но онъ, разумѣется, не могъ отказать мнѣ въ разрѣшеніи ѣхать въ Москву и далъ его немедленно. Очевидно, что, давая это разрѣшеніе, графъ Бергъ быстро перешелъ къ рѣшимости начать изданіе въ Варшавѣ русской газеты мѣстными средствами, не отдавая оффиціальнаго органа въ руки московскихъ журналистовъ. Поспѣшно отданному приказанію отвѣчало неожиданное и быстрое появленіе 1-го № «Варшавскаго Дневника», явившагося 1-го октября 1864 г. въ крайне неряшливомъ видѣ. Только быстротою исполненія приказанія, Н. И. Павлищевъ сталъ на высоту минуты. Во всемъ же прочемъ онъ показалъ свою несостоятельность, что́, кажется мнѣ, и закрѣпилъ отпечатаніенъ для графа Берга перваго № своей газеты на цвѣтномъ атласѣ. Кому еще были поднесены такіе же именинные номера—не знаю.

Появленіе 1-го № «Варшавскаго Дневника», само собою, поразило Щебальскаго. Онъ спрашивалъ—ѣхать ли ему при теперешнихъ обстоятельствахъ? Отвѣтъ былъ утвердительный, и Щебальскій скоро явился въ Варшаву.

Графъ Бергъ принялъ его радушно и пригласилъ въ тотъ же день къ обѣду. Приглашенъ былъ и я. Щебальскій держалъ себя очень ловко, говорилъ много, свободно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанно отвѣчалъ на всѣ вопросы намѣстника и видимо понравился ему. Послѣ обѣда, графъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что

весьма доволенъ моимъ выборомъ, и что Щебальскій произвелъ на него безусловно пріятное впечатлѣніе. Въ свою очередь, и Щебальскій былъ очень доволенъ пріемомъ и обворожительнымъ обращеніемъ графа.

Павлищевъ въ это время назывался главнымъ редакторомъ «Варшавскихъ Дневниковъ», и было возможно, сохраняя главнаго редактора, назначить отдѣльныхъ редакторовъ какъ для польской, такъ и для русской газеты. Вопросъ о денежныхъ средствахъ не представлялъ никакихъ затрудненій, потому что бюджетъ Царства Польскаго былъ составляемъ въ Варшавѣ, и всякіе расходы, потребные на изданіе газеты, были бы удовлетворены немедленно. Не принимая, однако, никакого окончательнаго рѣшенія, намѣстникъ поручилъ Щебальскому переговорить съ Павлищевымъ и условиться о совмѣстной съ нимъ работѣ.

По словамъ Щебальскаго, переговоры эти были въ высшей степени комичны. Н. И. Павлищевъ, носившій тогда мундиръ военнаго министерства съ шашкою черезъ плечо, поступилъ съ непрошенымъ гостемъ чисто по-военному. Безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, онъ объявилъ ему, что ведетъ дѣло изданія обоихъ дневниковъ лично и ни въ чьей помощи не нуждается, но охотно возьметъ его къ себѣ въ ближайшіе сотрудники, дозволяя писать иногда передовыя статьи по предварительному соглашенію и одобренію ихъ содержанія. Главною же обязанностью Щебальскаго будетъ — имѣть всегда на-готовѣ отъ 75 до 100 строкъ текста на тотъ случай, если на какой-либо № не хватитъ матеріала, заготовленнаго постоянными сотрудниками. Къ сожалѣнію, въ моихъ бумагахъ, не сохранилось копіи записки, представленной Н. И. Павлищевымъ графу Бергу объ обязанностяхъ Щебальскаго. Но я отлично помню, что на листкѣ почтовой бумаги было написано нѣсколько параграфовъ въ двѣ, три строки каждый, и между ними одинъ заключалъ требованіе о заготовленіи 75—100 строкъ текста.

Находя для себя условія, предложенныя Н. И. Павлищевымъ, неподходящими, Щебальскій не сталъ входить съ нимъ въ споры и пререканія и порѣшилъ было отказаться отъ всякаго приступа къ работѣ. Въ русскомъ кружкѣ, принявшемъ Щебальскаго сочувственно, всѣ уговаривали его не обращать вниманія на личныя не-

пріятности и просили принести самолюбіе въ жертву общему дѣлу и, мало-по-малу, добиться полнаго хозяйничанья въ русской газетѣ. Щебальскій согласился на это, и въ «Дневникѣ» появилось нѣсколько прекрасно написанныхъ статей, заблиставшихъ «яркою заплатой на бѣдномъ рубищѣ» газеты. Эти статьи читали, имъ радовались, но подъ лежачій камень вода нейдетъ, а потому и дѣло совмѣстной работы не шло на ладъ. Съ суровымъ редакторомъ не были возможны никакіе уклады, а намѣстникъ, всячески лаская Щебальскаго, не давалъ никакихъ разрѣшеній по существу дѣла. Щебальскій, сильно тяготясь такимъ положеніемъ, сталъ проситься въ Москву къ семейству, и его отпустили охотно въ началѣ декабря 1864 г. Слѣдуетъ ли прибавлять, что графъ Бергъ щедро вознаградилъ Щебальскаго за дорожныя издержки и тѣ убытки, которые онъ понесъ отъ временнаго перерыва своихъ занятій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и празднаго проживанія въ Варшавѣ. Впрочемъ, время это не было потеряно; П. К. ознакомился съ русскими дѣятелями въ Варшавѣ и положеніемъ дѣлъ, что̀ и дало ему возможность помѣстить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько весьма интересныхъ варшавскихъ писемъ. Князь Черкаскій не разъ спрашивалъ меня: «ну, скажите, пожалуйста, за сколько графъ Бергъ откупился отъ Щебальскаго?» Очень интересовались этимъ и другіе, но я не могъ удовлетворить ихъ любопытства и по сей часъ не знаю, какъ велика была сумма, выданная графомъ.

Мнѣ кажется, здѣсь будетъ вполнѣ умѣстнымъ привести отрывокъ изъ письма ко мнѣ Щебальскаго, изъ Москвы, отъ 23 декабря 1864 г.

«Я чрезвычайно радъ, что имѣю случай писать вамъ и надѣюсь, что вы отвѣтите. Что говорится и что дѣлается у васъ? Какое впечатлѣніе произвело мое первое варшавское письмо, и было ли оно замѣчено. Я препроводилъ его къ графу при письмѣ. Не говорилъ ли онъ чего-нибудь — такого, разумѣется, что̀ было бы можно сообщить по почтѣ? Если бы была ваша особливая милость, то случаи написать и помимо почты бываютъ нерѣдки. Я думаю, Павлищевъ мой выросъ и поздоровѣлъ? Впрочемъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была злодѣйская статейка, которая должна была ему не понравиться. Увѣряю васъ, что она написана помимо меня; я про-

челъ ее въ вагонѣ между Петербургомъ и Москвой. Я желалъ бы, чтобы графъ не думалъ, что я способенъ къ мелкому мщенью; прошу васъ сказать ему объ этомъ и засвидѣтельствовать, что только обаяніе личныхъ сношеній съ нимъ могло вознаградить меня за тысячи мелкихъ досадъ, которыя мнѣ дѣлалъ вашъ публицистъ. Это я говорю совершенно искренно.

«Письмо вы получите во время Рождественскихъ праздниковъ. Поздравляю васъ и супругу вашу. Дай Богъ, чтобы новый годъ былъ годомъ совершеннаго успокоенія Польши и усиленія въ ней русскихъ началъ. Дай Богъ здоровья и настойчивости всѣмъ находящимся въ ней русскимъ людямъ. Дай Богъ, что бы Александръ Николаевичъ, какъ нѣкогда Людовикъ XIV, сказалъ (и съ большимъ основаніемъ): «il n'y a plus de Pyrennées».

Нѣсколько дополнительныхъ словъ.

Былъ ли доволенъ графъ Бергъ новымъ дѣтищемъ Павлищева? Разумѣется, нѣтъ. Жалобы на безобразія «Варшавскаго Дневника» приносились ему безпрерывно и подкрѣплялись подлинными №№, въ которыхъ самъ графъ могъ прочитать тѣ мѣста, на которыя жаловались. Не разъ, выслушавъ чтеніе отрывка, графъ быстро бралъ у читавшаго газету и, сдѣлавъ на ней черту краснымъ карандашемъ, надписывалъ: un tas de bêtises! «Пожалуйста положите это въ конвертъ и отправьте редактору».

Н. И. Павлищевъ говоритъ, что графъ Бергъ преслѣдовалъ и гналъ его, но объясняетъ это досадою на появлявшіяся въ «Дневникѣ» нападки на польское дворянство и духовенство. Такъ или иначе, но важно то, что самъ редакторъ печатно заявилъ, что графъ Бергъ обходился съ нимъ крутенько.

Нужна ли была Милютину, Черкаскому и такъ называемому ихъ кружку самостоятельная русская газета въ Варшавѣ, которая проводила бы ихъ мысли и вообще поддерживала бы ихъ дѣйствія? Нѣтъ, не была нужна. Сильные своимъ положеніемъ и предоставленными имъ закономъ правами, они дѣлали свое дѣло, не нуждаясь въ содѣйствіи с в о е й газеты. А поэтому, если они и желали создать приличную оффиціальную газету, то главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы положить конецъ оскорбительному, для русскаго человѣка, существованію Dziennik'a. Неудачу свою съ изданіемъ

русской газеты они считали мелочною, не мѣшавшею общему дѣлу, и не принимали никакихъ мѣръ противъ злосчастнаго русскаго «Дневника».

Въ заключеніе нельзя не поставить еще одного вопроса. Былъ ли правъ графъ Бергъ, жестоко посмѣявшись надъ своими противниками и подаривъ Варшавѣ безобразный «Варшавскій Дневникъ»? Отвѣчать отрицательно на этотъ вопросъ не возможно, но, во всякомъ случаѣ нельзя не дать графу смягчающихъ обстоятельствъ.

Онъ безусловно зналъ, что успѣхъ или неуспѣхъ начатыхъ въ краю реформъ нисколько не зависитъ отъ того, будетъ ли издаваться въ Варшавѣ русская газета. Тормозя дѣло появленія въ Варшавѣ серьезнаго русскаго органа, онъ имѣлъ въ виду предупрежденіе перенесенія на столбцы ея обсужденія тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которыми тогда занималось правительство и которые волновали и русскихъ и поляковъ. Подливать масла въ огонь ему казалось неблагоразумнымъ тѣмъ болѣе, что всѣ могущія возникнуть недоразумѣнія ему самому пришлось бы устранять, сглаживать, теряя много времени на ненужную работу и перенося массу непріятностей. Только съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на дѣло. Во всякомъ, однако, случаѣ, лучше было бы, если бы всего этого прискорбнаго инцидента не было. Онъ далъ не малую пищу злорадству поляковъ, видѣвшихъ рознь въ русскомъ лагерѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, П. К. Щебальскому пришлось поступить на службу въ Царство Польское, гдѣ онъ долго былъ начальникомъ Сувалкской, а потомъ Варшавской учебной дирекціи. Съ этою должностью онъ, въ послѣдніе годы своей жизни, соединилъ, наконецъ, и званіе редактора «Варшавскаго Дневника». Газета быстро сдѣлалась интереснымъ и замѣтнымъ органомъ русской печати вообще, но силы Петра Карловича были уже подорваны, и онъ скоро умеръ, уступивъ, во время болѣзни, редактированіе «Дневника» другому лицу.

VI.

Гналъ ли графъ Бергъ Н. И. Павлищева?

Въ 5-мъ № «Историческаго Вѣстника» за 1887 г. подъ заглавіемъ: «Къ характеристикѣ графа Берга» напечатана найденная въ бумагахъ Н. И. Павлищева записка—«Отношенія мои къ покойному графу Бергу».

Кончается эта записка такъ:

«De mortuis aut nihil, aut bene,—гласитъ іезуитская пословица. По-нашему можно не говорить; но если ужь говорить, то надо сказать правду... и я правду сказалъ».

Эти строки показываютъ, что записка враждебна графу Бергу; приводимыя мною ниже разъясненія докажутъ, что обвиненія записки вполнѣ несправедливы. Бывшій редакторъ «Варшавскихъ Дневниковъ» горько сѣтуетъ, что графъ Бергъ былъ къ нему не только неблагосклоненъ, но и несправедливъ, подвергая его гоненіямъ и лишая наградъ и другихъ выгодъ, вполнѣ имъ заслуженныхъ своею дѣятельностью.

Заявляя, что «Русскій Варшавскій Дневникъ» былъ основанъ имъ по почину Николая Алексѣевича Милютина, авторъ записки выставляетъ три факта въ подтвержденіе нерасположенія къ нему намѣстника.

«За то, что я въ 1864 году исполнилъ Высочайшее повелѣніе, возложенное на меня, перевести по-польски и напечатать въ 30.000 экземплярахъ объявленіе о крестьянской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ 19 февраля того же года, притомъ келейно, въ три дня, чтобы не предупредилъ насъ жондъ своимъ подземнымъ воззваніемъ,—за то, что «Дневникъ» служилъ органомъ Учредительному комитету и первый поднялъ перчатку, брошенную Мазадомъ (№ 14, 28) противъ крестьянскаго дѣла, мнѣ слѣдовала по уставу золотая медаль. Графъ Бергъ назначилъ мнѣ серебряную.

«Государю императору благоугодно было, по поводу прекращенія моихъ «Седмицъ», выразить желаніе, чтобы «трудившійся надъ составленіемъ сихъ обозрѣній, столько лѣтъ удостоиваемыхъ личнаго Высочайшаго прочтенія и вниманія, тайный совѣтникъ Пав-

*

лищевъ, какъ за свои труды, такъ и за продолжительную въ Царствѣ Польскомъ службу, награжденъ былъ пожалованіемъ маіората» [1]).

«Что же графъ Бергъ? онъ раздаетъ въ 1869 г. до пятидесяти маіоратовъ и въ концѣ года представляетъ, чтобы, за неимѣніемъ маіоратовъ, наградить меня арендой.

«Гоненіе продлилось до конца. Когда я, послѣ упраздненія моей должности, въ 1871 г. заявилъ мои права на увеличеніе моей пенсіи, пожалованной мнѣ въ 1861 г., графъ, не разсматривая просьбы, возвратилъ ее съ надписью, «что она не имѣетъ законнаго основанія». Я протестовалъ передъ министромъ финансовъ, но жалобу мою послали на разсмотрѣніе эмеритальной коммиссіи въ Варшаву, а такъ какъ коммиссія эта подчинена намѣстнику, то и вышелъ приговоръ, совершенно согласный съ его резолюціей».

Очень прискорбно, что свои доводы Н. И. подтвердилъ фактами, лично до него относящимися, и притомъ въ сферѣ матеріальныхъ выгодъ. Я самымъ положительнымъ образомъ долженъ ихъ опровергнуть.

Напечатанный выше разсказъ о томъ, какъ появился на свѣтъ «Русскій Варшавскій Дневникъ» показываетъ, что Н. А. Милютинъ воспріемникомъ сего чудища не былъ и положительно желалъ видѣть въ главѣ сего изданія не Н. И. Павлищева, а какое-либо другое болѣе компетентное лицо. Порученіе издавать сперва польскій, а потомъ и русскій оффиціальный органъ, свидѣтельствуя о личномъ довѣріи графа Берга, было крайне выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Редакторъ получалъ значительную (болѣе 18 т. р.?) денежную субсидію и прекрасную казенную квартиру. «Дневникъ» никогда не служилъ органомъ Учредительнаго комитета, напротивъ того, совершенно имъ не признавался, и къ его услугамъ никто изъ членовъ этого комитета никогда не прибѣгалъ.

Перевести на польскій языкъ и напечатать 30.000 экз. объявленія намѣстника о крестьянской реформѣ было, мнѣ кажется, самымъ естественнымъ порученіемъ редактору оффиціальной газеты.

---

[1]) Точно формулированное Высочайшее повелѣніе поставлено въ кавычки самимъ Павлищевымъ.

Объявленіе намѣстника, по самому своему существу, подлежало напечатанію въ оффиціальномъ органѣ на обоихъ языкахъ, слѣдовательно, сдѣлать переводъ съ русскаго на польскій редакція была обязана. Отпечатаніе 30.000 экземпляровъ объявленія для раздачи народу—сводится къ самой простой типографской работѣ. Въ чемъ же тутъ заслуга? Нельзя же допустить, чтобы она состояла въ томъ, что переводъ и печатаніе сдѣланы келейно, и никто о нихъ не разболталъ. Переводъ дѣлалъ самъ редакторъ, а печатаніе 30.000 экз. объявленія происходило подъ охраною жандармовъ, не выпускавшихъ, въ теченіе печатанія, ни одной души изъ типографіи. Но и за эту заслугу редактору газеты дана серебряная медаль съ надписью «за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ». Золотыя медали были розданы въ самомъ ограниченномъ числѣ. Ихъ получили члены Учредительнаго комитета, центральной и ликвидаціонной коммиссій, губернаторы и предсѣдатели коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ военныхъ—только начальники главныхъ военныхъ отдѣловъ, имѣвшіе права генералъ-губернаторовъ. Почему редакторъ «Дневника»—подробно притомъ выяснившій, въ чемъ состояли его труды по крестьянской реформѣ—могъ претендовать на золотую медаль, просто не понятно. Да не будь прямо выраженнаго желанія графа Берга, ни одинъ членъ Учредительнаго комитета никогда бы не предложилъ редактора «Дневника» въ кандидаты на полученіе медали. Серебряную медаль редакторъ получилъ только по желанію намѣстника. Въ дѣлахъ Учредительнаго комитета объ этой злополучной медали хранится большая переписка, возбужденная жалобами редактора «Дневника».

Когда прекращено составленіе «Седмицъ» и когда «по поводу ихъ прекращенія» могло послѣдовать Высочайшее повелѣніе о пожалованіи тайному совѣтнику Павлищеву маіората—мнѣ не извѣстно. «Седмицы» напечатаны въ 1887 г. въ двухъ томахъ. Послѣдняя седмица LXVII помѣчена 5 числомъ мая 1864 г., а такъ какъ въ тайные совѣтники г. Павлищевъ былъ произведенъ 1-го ноября 1864 г. [1]), то слѣдуетъ предположить, что повелѣніе о маіоратѣ

[1]) Этотъ фактъ оффиціально сообщенъ мнѣ покойнымъ М. Ѳ. Мирковичемъ, бывшимъ помощникомъ начальника главнаго штаба.

«тайному совѣтнику Павлищеву» состоялось не тотчасъ же по прекращеніи «Седмицъ», но нѣсколько мѣсяцевъ послѣ награжденія его чиномъ тайнаго совѣтника, при испрошеніи котораго, лицу, находившемуся въ отставкѣ, безъ сомнѣнія, были учтены всѣ оказанныя имъ до того времени заслуги.

Маіораты въ Царствѣ Польскомъ за время намѣстничества графа Берга раздавались съ 1866 по 1869 г. [1]). Послѣдніе 54 маіората были пожалованы 9-го и 16-го іюля и 1-го августа 1869 г. и были образованы «изъ послѣднихъ оставшихся въ Царствѣ Польскомъ казенныхъ имѣній». Тайн. сов. Павлищевъ въ числѣ лицъ, получившихъ маіораты, не значится. И если, какъ говоритъ онъ самъ, графъ Бергъ представлялъ его въ концѣ 1869 г., за «неимѣніемъ маіоратовъ» къ арендѣ, то приведенный намѣстникомъ мотивъ былъ безусловно вѣренъ.

Обстоятельство это заставляетъ предполагать, что Высочайшее повелѣніе о маіоратѣ, если оно въ дѣйствительности было, то послѣдовало не тотчасъ по прекращеніи «Седмицъ», а въ 1869 г., послѣ уже раздачи въ маіораты всѣхъ казенныхъ имѣній. Тогда и становится понятнымъ, что графъ Бергъ не могъ представить Н. И. Павлищева къ маіорату,—ихъ уже не изъ чего было образовать. Въ противномъ случаѣ, фактъ неисполненія Высочайшаго повелѣнія о назначеніи редактору «Дневниковъ» маіората былъ бы просто чудовищнымъ. Все заставляетъ думать, что никакого повелѣнія о представленіи г. Павлищева къ маіорату не было, и разсказъ о томъ—одно недоразумѣніе.

Совершенно несправедливо обвиняется также графъ Бергъ и по дѣлу отказа въ увеличеніи пенсіи. Въ Царствѣ Польскомъ всѣ служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ подвергаются вычетамъ въ десять процентовъ со всего получаемаго ими жалованья. Изъ этихъ вычетовъ образуется общая сумма, на счетъ которой и назначаются эмеритальныя пенсіи. Чтобы получить полную пенсію, надо прослужить сорокъ платныхъ лѣтъ, но зато размѣръ полной пенсіи равняется полному содержанію, послѣдней должности присвоенному. Подобная эмеритура имѣетъ характеръ частный, и прави-

[1]) См. ниже статью „Раздача маіоратовъ“.

тельство не можетъ измѣнять размѣръ пенсій, а каждый получаетъ столько, сколько ему причитается за прослуженное число лѣтъ. Очевидно, что увеличить эмеритальную пенсію какому-либо одному лицу значило бы дѣйствовать въ ущербъ всѣмъ остальнымъ вкладчикамъ эмеритальной кассы. Пенсія тайн. сов. Павлищеву была назначена въ 1861 г. и безъ сомнѣнія въ полномъ размѣрѣ, иначе онъ бы жаловался. Въ 1871 г. оставляя должность директора «Дневниковъ», онъ проситъ увеличить пенсію изъ эмеритальной кассы, съ которой онъ уже разсчитался въ 1861 г. За что же? За то, что издавалъ «Дневники» ничего общаго съ эмеритальной кассой не имѣвшіе. Отказывая въ увеличеніи пенсіи, эмеритальная коммиссія дѣйствовала согласно закону, а не потому, что хотѣла угодить намѣстнику.

Обвиненія разлетѣлись прахомъ. Предоставленіе Н. И. Павлищеву прекрасно обезпеченнаго мѣста директора «Дневниковъ», производство его въ тайные совѣтники, назначеніе аренды—все это сдѣлано графомъ Бергомъ. Неужели же онъ это дѣлалъ съ цѣлью преслѣдованія злополучнаго редактора? Что-то не понятно.

Но съ другой стороны Н. И. Павлищевъ прямо говоритъ, что графъ Бергъ преслѣдовалъ и гналъ его, приказывалъ ему даже пріискать другаго главнаго редактора.

Вотъ какъ завершился этотъ эпизодъ, по словамъ самого Николая Ивановича. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ предписывалъ, чтобы я пріискалъ другаго главнаго редактора, а такъ какъ таковымъ былъ я, директоръ, то и отвѣчалъ, что слагаю съ себя званіе директора. На это получаю отвѣтъ: «оставаться впредь до распоряженія». Распоряженія не послѣдовало; я и оба редактора остались на своихъ мѣстахъ до самаго упраздненія дирекціи «Варшавскихъ Дневниковъ» въ 1870 г. («Ист. Вѣст.» 1887 г. № 5, стр. 339).

Посмотримъ на обѣ стороны. Намѣстникъ преслѣдовалъ, гналъ, но окончательно выгнать не рѣшился. Редакторъ чувствовалъ, что его притѣсняютъ и гонятъ, но крѣпко держался своего мѣста и отсидѣлъ на немъ еще четыре года.

Не забывать ничьихъ заслугъ было прекрасною чертою графа Ѳедора Ѳедоровича. Точно также, привыкнувъ къ лицамъ, давно при немъ служащимъ, графъ Бергъ трудно съ ними разставался и, сохраняя ихъ до послѣдней возможности, выказывалъ иногда, какъ

и въ данномъ случаѣ, выдающуюся, даже чрезмѣрную снисходительность.

VII.

Варшавскій адресъ и балъ у президента Витковскаго.

Свитскій генералъ князь Эмилій Зейнъ Витгенштейнъ-Берлебургъ, во время польскаго возстанія 1863—1864 г., былъ начальникомъ войскъ и отдѣла Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги, проживая въ г. Влоцлавскѣ. Онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ самыхъ крайнихъ мѣръ для усмиренія мятежа, но, въ то же время, настаивалъ и на необходимости поддерживать людей порядка, которые несомнѣнно были во всѣхъ слояхъ общества, но, боясь террора со стороны людей, руководившихъ безпорядками, опасались высказывать свои убѣжденія, держались въ сторонѣ и, тѣмъ самымъ, поддерживали революціонное движеніе. Насколько революціонеры рѣшительно расправлялись со всѣми добровольно имъ не подчинявшимися, видно изъ того, что по приказанію жонда и его властей, въ 1863 и 1864 г., въ Привислянскомъ краѣ было убито—951 чел., а ранено и изувѣчено—56; всего 1007 жертвъ [1]). Хотя польское общество и представляло тогда «панургово стадо», но, въ виду террора жонда, нельзя отказать этому стаду въ нѣкоторомъ снисхожденіи.

Для прекращенія такого положенія вещей, надо было отыскать людей порядка, дать имъ возможность высказаться публично и затѣмъ оказать имъ поддержку. Словомъ, нужно было дать общественному мнѣнію первый толчекъ, который пробудилъ бы общество отъ страшной и губительной апатіи, овладѣвшей имъ. Въ этихъ видахъ, князь Витгенштейнъ совѣтовалъ поощрить подачу адресовъ

---

[1]) Эта цифра показана въ отчетѣ генералъ-полиціймейстера въ Царствѣ Польскомъ за 1864 г. стр. 15 и 16. Указомъ 16 (28) февраля 1865 г. вдовы и дѣти убитыхъ получили денежныя пособія и пенсіи, и за каждаго убитаго освобождены отъ военной службы три лица, въ число коихъ поступаютъ—сперва сыновья умерщвленнаго, а потомъ родные его внуки.

отъ разныхъ слоевъ польскаго общества. Само собою разумѣется, что вѣрить искренности адресовъ не слѣдовало, полагаться на нихъ и прекратить другія мѣры воздѣйствія было невозможно, но значеніе ихъ могло быть не малое. Адресы все-таки несомнѣнно шли изъ общества, протестовали противъ дѣйствій агитаторовъ и заявляли о существованіи въ населеніи людей, если не вполнѣ преданныхъ правительству, то во всякомъ случаѣ желавшихъ прекращенія безпорядковъ и возстановленія прежняго нарушеннаго покоя. Говоря о вѣрноподданническихъ чувствахъ и прося лишь прощенія и милости, такіе адресы, ничѣмъ не связывая правительство, дѣйствительно могли ободрить павшихъ духомъ и заставить революціонеровъ серьезно призадуматься.

Князь Витгенштейнъ говорилъ, что у него есть на примѣтѣ люди, готовые немедленно представить адресъ. Намѣстникъ, любившій переписываться съ княземъ Эмилемъ и лично съ нимъ бесѣдовать, одобрилъ его предположенія и разрѣшилъ принять адресъ. Этотъ первый актъ покорности выразили жители небольшаго городка Варшавской губерніи—Нѣшавы. 2 (14) ноября 1863 г. 344 жителя этого городка представили слѣдующій адресъ:

«Ваше Императорское Величество.

«Страхъ и угрозы сдѣлали насъ невольными соучастниками возстанія. Безсильные, не соединенные однимъ чувствомъ, мы не имѣли средствъ выступить открыто противъ партіи возмутителей. Милостивый Твой взглядъ, обращенный на насъ, соединилъ насъ, и мы, первые, вѣрные Твои подданные, — просимъ Тебя о прощеніи и милости для насъ. Прими, Монархъ, увѣреніе въ вѣрноподданнѣйшихъ чувствахъ» [1]).

Появленіе Нѣшавскаго адреса произвело сильное впечатлѣніе на общество и переполошило жондъ народовый. Отъ полномочнаго своего коммиссара въ Мазовецкомъ воеводствѣ жондъ потребовалъ представить ему въ теченіе 24-хъ часовъ: «дѣйствительно ли и при какихъ обстоятельствахъ подписанъ адресъ въ Нѣшавѣ? Сколько лицъ подписали его и кто они: евреи, нѣмцы или поляки? Что

[1]) Въ сѣверо-западномъ краѣ подача такихъ адресовъ началась еще въ послѣднихъ числахъ іюля 1863 г.

именно Москва, правдоподобно, сдѣлала или сдѣлаетъ съ этимъ адресомъ? Какое впечатлѣніе адресъ этотъ произвелъ на окрестныхъ жителей? Жондъ народовый постановилъ дать строгій примѣръ, для прекращенія зла въ самомъ началѣ: насиліе не можетъ оправдывать даже слабыхъ, тамъ, гдѣ слабость считается низостью, а низость нѣкоторыхъ или нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ можетъ обезчестить весь народъ».

Однако кинжалъ и веревка не были употреблены для наказанія жителей Нѣшавы, а адресы стали поступать со всѣхъ сторонъ. Къ февралю 1864 г. ихъ было подано 116 съ 35.478 подписями преимущественно отъ городскаго населенія и крестьянъ. Помѣщики первый адресъ подали въ февралѣ, а духовенство—въ мартѣ.

Когда появились адресы и стали подаваться отъ разныхъ городовъ края, было очевидно, что и Варшава должна послѣдовать общему примѣру. Варшавскимъ президентомъ былъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Витковскій, изъ уроженцевъ Царства Польскаго, а можетъ быть и самой Варшавы. Онъ, что называется, изъ кожи лѣзъ, чтобы доказать свою преданность правительству и усердіе, выставить водворяющійся въ городѣ порядокъ и благонамѣренность главной массы городскаго населенія, а въ то же время не потерять своего престижа въ глазахъ польскаго общества. Если Варшава была «сердцемъ и карманомъ» возстанія, то въ обычное время она по всѣмъ правамъ могла считаться центромъ умственной дѣятельности всего польскаго народа и резиденціей интеллигенціи Привислянскаго края. По своему содержанію, варшавскій адресъ не долженъ былъ отличаться отъ содержанія другихъ адресовъ, такъ какъ Варшава хотя и играла въ злосчастную политику, но оффиціально политическаго значенія не имѣла, да ей и не дозволили бы выраженія въ своемъ адресѣ какихъ-либо политическихъ программъ. Варшавяне подобно жителямъ Нѣшавы, и съ бо́льшимъ еще основаніемъ, могли просить только о прощеніи и милости. Слѣдовательно, варшавскій адресъ долженъ былъ отличаться количествомъ и качествомъ лицъ, приступившихъ къ его подписанію. Число подписей, пропорціонально общей цифрѣ населенія, должно было равняться многимъ тысячамъ, а самыя подписи должны были принадлежать не только массѣ темнаго и неизвѣстнаго мѣщанства и купече-

ства, но и выдающимся представителямъ дворянства, духовенства, науки, литературы, финансоваго міра и другихъ круговъ и кружковъ цивилизованнаго общества, безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Безъ особыхъ объясненій понятно, что такого именно адреса составить въ 1864 г. было невозможно.

Затѣмъ легко было составить адресъ отъ всѣхъ, напримѣръ, домовладѣльцевъ, хозяевъ торговыхъ заведеній и тому подобное. Но дѣланность, а потому и ничтожность такого «валоваго» заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ была очевидна. Слѣдовало отказаться отъ составленія и подобнаго адреса.

Между прочимъ, жители различныхъ отдаленныхъ циркуловъ (кварталовъ) Варшавы, сами по себѣ, не обращаясь къ центральному городскому управленію, стали подавать адресы самостоятельно. Адресъ евреевъ былъ подписанъ 503 лицами, и адресъ жителей 4-го циркула Варшавы имѣлъ уже 2.126 подписей. Подача общаго адреса отъ имени всего города, въ лицѣ президента, становилась со дня на день болѣе и болѣе необходимою.

Въ такомъ положеніи, Витковскій, убѣдившись въ невозможности подать адресъ, замѣчательный по содержанію или блещущій подписями,—рѣшился взять другимъ—оказалостью и торжественностью самой подачи адреса. Онъ задумалъ дать отъ города балъ и при самомъ появленіи намѣстника встрѣтить его рѣчью и просить его посредничества о представленіи всеподданнѣйшаго адреса.

Мысль о балѣ на первыхъ порахъ смутила намѣстника. Не слишкомъ ли рано думать о балахъ, соберется ли на балъ достаточно публики, какъ устроится матеріальная часть бала, потребующая большихъ денежныхъ затратъ, наконецъ, будетъ ли подъ самымъ адресомъ подписано достаточное число удовлетворительныхъ подписей. Всѣ эти сомнѣнія были краснорѣчиво устранены авторомъ проекта. Какъ ни мало гармонировало устройство бала въ Варшавѣ съ тогдашними обстоятельствами, но ничто однако не препятствовало обратиться и къ этой попыткѣ воздѣйствія на общественное мнѣніе, тѣмъ болѣе, что мѣстная публика начала уже появляться въ театрахъ. Матеріальная часть была обезпечена путемъ необременительнаго сбора съ каждаго домовладѣльца. Подобные сборы со всѣхъ домовладѣльцевъ весьма распространены въ Вар-

шавѣ и городахъ Привислянскаго края и практикуются для покрытія расходовъ, на которыхъ нѣтъ ассигнованій по городскимъ росписямъ. Составленіе смѣты расходамъ и самой раскладки принадлежитъ обыкновенно городскимъ магистратамъ. Текстъ адреса былъ одобренъ безъ затрудненія, а на счетъ подписей президентъ давалъ самыя положительныя заявленія.

Разрѣшивъ устройство бала для представленія на немъ адреса, графъ Бергъ съ большою охотою сталъ заботиться объ удачномъ выполненіи задуманнаго плана. Онъ положительно вѣрилъ, что балъ и адресъ произведутъ впечатлѣніе, благопріятно подѣйствуютъ на населеніе и дадутъ возможность на нѣкоторое смягченіе мѣръ, принимавшихся имъ къ усмиренію мятежа. Возможно скорѣе достигнуть водворенія порядка и возстановленія прежняго теченія общественной жизни—было его задушевнымъ желаніемъ. Спѣша достигнуть благопріятныхъ результатовъ, графъ Бергъ, быть можетъ, слишкомъ скоро далъ Витковскому возможность убѣдить себя въ цѣлесообразности бала. Дѣло было не въ адресѣ и не въ балѣ, а въ результатахъ такой попытки. Благая цѣль положительно оправдывала средства, и на диссонансъ бала съ длившимся мятежомъ можно было смотрѣть сквозь пальцы.

Замѣчательно, что жондъ народовый глядѣлъ на задуманное дѣло съ той же точки зрѣнія, какъ и намѣстникъ. Намѣстникъ ждалъ отъ попытки Витковскаго благихъ результатовъ; жондъ—опасался, что такіе результаты дѣйствительно послѣдуютъ, и рѣшился принять мѣры къ противодѣйствію успѣху бала. Въ городѣ заговорили объ осужденіи жондомъ мысли устройства бала отъ городскаго общества. Слухи эти, провѣренные изъ разныхъ источниковъ, окончательно убѣдили намѣстника, что составленный планъ вѣренъ и что привести его въ исполненіе весьма полезно.

Послѣ пожара городской ратуши отъ поджога 6 (18) октября 1863 г., у города не было своего помѣщенія, а потому затѣянный балъ предоставлено было президенту дать въ залахъ такъ называемаго намѣстниковскаго дворца, гдѣ прежде жили намѣстники, а въ 1863 г. стояли войска. Дворецъ, нынѣ занятый губернскимъ правленіемъ и квартирою губернатора, выходилъ фасадомъ на Новый свѣтъ, имѣя передъ собою обширный дворъ и пространные боковые

флигеля, занятые архивомъ Государственнаго совѣта, собственною канцеляріею намѣстника и квартирами чиновниковъ. Отъ времени и особенно отъ расквартированія солдатъ, внутренность зданія достаточно пострадала. Особенно были попорчены полы и каменныя лѣстницы. Чтобы привести ихъ въ должный порядокъ, пришлось произвести продолжительныя и дорого стоющія работы. Наконецъ, все было готово, и балъ назначенъ на 18 (30) января 1864 г. Наступило время приготовить и рѣчи. Не мало дней потрачено было на ихъ обсужденіе. Президентъ Витковскій усиленно просилъ, чтобы не только было позволено ему говорить по-польски, но чтобы и намѣстникъ отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ. Кромѣ того, президентъ настаивалъ на томъ, чтобы въ рѣчахъ Варшавѣ предпосланы были слова «stoleczne miasto» (столечне [1]) място) т. е. «столичный городъ».

Графъ Бергъ не говорилъ по-польски, а потому въ случаѣ согласія на предложеніе Витковскаго ему пришлось бы заучить свою рѣчь наизусть. Не легко было это, но въ концѣ концовъ, графъ согласился съ опущеніемъ однако слова «столечне място», такъ какъ именовать такимъ образомъ мятежный городъ совсѣмъ не подобало.

Свою рѣчь графъ написалъ по-французски, я перевелъ ее на русскій языкъ, а Витковскій—на польскій. До нынѣ у меня хранится листокъ, на которомъ рукою Витковскаго написана его привѣтственная рѣчь по-русски, а потомъ рукою графа—французскій текстъ его отвѣтной рѣчи и, наконецъ, мною записанъ переводъ отвѣта намѣстника по-русски. Куда дѣвался польскій переводъ графскаго отвѣта—не знаю, а онъ былъ сдѣланъ Витковскимъ.

Рѣчь графа была такова:

«Citoyens de Varsowie.

«Je reçois avec satisfaction l'expression de vos louables sentiments.

«Je les porterai à la connaissance de notre Auguste Maître.

«Je serai heureux de les voir se réaliser et ramener dans cette ville toutes les prosperités, dont vous avez joui sous le sceptre bienfaisant de nos Souverains.

[1]) Въ этомъ словѣ буква л произносится не э л ь, а твердо э л ъ.

«Repoussez loin de vous les coupables séditions qui font le malеur de ce pays.

«Revenez franchement au gouvernement qui veut votre bonheur».

По-русски это значило:

«Граждане Варшавы.

«Съ удовольствіемъ принимаю достохвальныя чувства ваши.

«Я ихъ повергну на благоусмотрѣніе нашего Августѣйшаго Монарха.

«Я буду счастливъ видѣть, какъ чувства ваши оправдаются на дѣлѣ и возвратятся въ этотъ городъ благополучія, которыми вы пользовались подъ благодѣтельнымъ скипетромъ нашихъ Государей.

«Оттолкните далеко отъ себя преступныя возмущенія, составляющія несчастіе этой страны, и возвратитесь чистосердечно къ правительству, которое желаетъ вашего счастья».

Въ польскомъ текстѣ слова se réaliser передавались выраженіемъ «ужечивистнёне» (urzeczywistnione). Произнести это слово совершенно не удавалось графу. Польская его рѣчь была почти непонятна и даже производила комичное впечатлѣніе, а потому, несмотря на всѣ старанія Витковскаго убѣдить, что при достаточной практикѣ графу удастся отвѣчать по-польски, пустая затѣя эта была оставлена. Къ сожалѣнію, пришлось, затѣмъ, отказаться и отъ русскаго языка. Графъ Бергъ, какъ уже бывали съ нимъ случаи, могъ забыть выученный текстъ, суфлировать было невозможно, и тогда бы онъ, постоянно думавшій по-французски, продолжалъ бы свою рѣчь по-французски. Въ предупрежденіе такого крайне нежелательнаго казуса рѣшено было, что Витковскій скажетъ свое привѣтствіе по-польски, потомъ прочтетъ по-русски адресъ, а графъ-намѣстникъ отвѣтитъ по-французски.

Несмотря на то, что французскимъ языкомъ графъ владѣлъ мастерски, онъ все-таки готовился и много разъ говорилъ свою рѣчь громко, обращаясь къ кому-либо изъ бывшихъ съ нимъ. Входишь, бывало, къ нему въ кабинетъ, а онъ идетъ на встрѣчу и декламируетъ: «Citoyens de Varsovie» или «Repoussez loin de vous» и т. д. Подобное приготовленіе показываетъ, какъ серьезно графъ Бергъ относился къ одобренному имъ плану устройства торжественной подачи адреса.

Въ виду рѣшительныхъ приготовленій къ балу, жондъ народовый, не имѣя надежды помѣшать балу запрещеніемъ явиться на него, задумалъ обратить дѣло въ шутку. 16 января вышелъ 5-й № подметнаго листка народовой полиціи, издаваемаго подъ заглавіемъ «Распоряженія и извѣстія», гдѣ было напечатано:

«Упомянемъ о балѣ, который въ будущую субботу, т.-е. 30-го дня текущаго мѣсяца, данъ будетъ въ Варшавѣ, бурмистромъ города (какъ самъ Витковскій называть себя заставляетъ), на которомъ должны находиться здѣшніе граждане. Съ этою цѣлью разосланы уже приглашенія къ старшинамъ ремесленныхъ цеховъ, а также другимъ важнѣйшимъ фабрикантамъ и купцамъ, чтобы они, вмѣстѣ съ женами и дочерьми, собрались въ намѣстниковскій палацъ, къ 10-ти часамъ вечера.

«Какъ скоро гости соберутся въ достаточномъ числѣ, президентъ обратитъ вниманіе присутствующихъ на отсутствіе графа Берга и поѣдетъ просить его, чтобы онъ соблаговолилъ сдѣлать честь своимъ присутствіемъ городскому балу. Но какъ, однако, графъ Бергъ откажется отъ этой чести, «не желая имѣть дѣло съ бунтовщиками, которые въ городѣ даютъ балы, а въ полѣ тревожатъ наши войска»,—Витковскій возвращается и заклинаетъ гражданъ объ отправленіи депутаціи, которая бы, вмѣстѣ съ нимъ, могла умилостивить намѣстника. Депутація, составленная изъ четырехъ лицъ, теперь уже подговоренныхъ, ѣдетъ въ замокъ и тамъ, съ большимъ трудомъ, укрощаетъ гнѣвъ графа Берга и вмѣстѣ съ нимъ возвращается въ зало».

Въ послѣдніе часы, однако, жондъ не выдержалъ своего олимпійскаго спокойствія и рѣшилъ еще разъ метнуть громы. Вечеромъ 18-го января, когда уже совсѣмъ стемнѣло, намѣстнику дали знать, что въ намѣстниковскомъ дворцѣ начался пожаръ. Огонь показался на лѣстницѣ праваго флигеля, гдѣ былъ архивъ Государственнаго Совѣта и жилъ А. К. Заборовскій, помощникъ статсъ-секретаря при совѣтѣ управленія въ Царствѣ Польскомъ. Безъ сомнѣнія, надѣялись, что пожаръ, охвативъ архивъ, помѣшаетъ балу. Однако, пожарные, бывшіе въ намѣстниковскомъ дворцѣ, быстро овладѣли огнемъ и прекратили пожаръ прежде, чѣмъ вѣсть о немъ успѣла распространиться въ городѣ. Впослѣдствіи было дознано, что на-

чальникъ народовой полиціи Янъ Карловичъ распорядился поджечь намѣстниковскій дворецъ. Помощникъ его, Массонъ, выбралъ для сего начальника одной части народовыхъ убійцъ въ Варшавѣ Эмануила Шафарчика, а тотъ приказалъ исполнить покушеніе своему подчиненному Антону Новаковскому, который и получилъ для поджога банку съ легко воспламеняющеюся фосфорною жидкостью. Новаковскій не успѣлъ пробраться въ главное зданіе намѣстниковскаго дворца, въ которомъ тогда, кромѣ военнаго караула, было много полицейскихъ чиновъ, и поджогъ лѣстницу праваго флигеля. Отъ этой преступной попытки не осталось существенныхъ слѣдовъ, кромѣ довольно сильнаго фосфорнаго запаха, не проникшаго, впрочемъ, въ бальное помѣщеніе. Во время бала, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, на окраинахъ, пущены были шутихи, но тоже безъ всякихъ послѣдствій.

Графъ Бергъ прибылъ на балъ съ многочисленной военной свитой, въ которой, между прочимъ, находились два флигель-адъютанта: гродненскаго гусарскаго полка баронъ Клодтъ и гвардейскаго уланскаго—Чирковъ. Они должны были отвезти въ замокъ поднесенный городомъ адресъ.

У входа въ залъ стоялъ президентъ Витковскій, окруженный густою толпой какихъ-то незнакомыхъ намъ господъ. На лѣвомъ плечѣ президента, покрытомъ малиновою бархатною пеленой съ золотою бахрамой, лежалъ большой серебряный цилиндръ въ аршинъ почти длиною и діаметромъ въ $1^1/_2$ вершка. На круглой крышкѣ футляра красовалась фигура сирены — гербъ Варшавы; бока его были украшены рѣзьбой и на одномъ изъ нихъ была надпись: «obywatele miasta Varszawy». Въ этомъ цилиндрѣ, или, какъ говорятъ поляки, пушкѣ, былъ адресъ, написанный на пергаментѣ, длиною въ 14, а шириною въ 12 вершковъ.

Когда намѣстникъ остановился при входѣ въ зало, президентъ громкимъ голосомъ, по-польски, произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

«Среди революціоннаго террора, когда никто изъ жителей не былъ увѣренъ ни въ жизни, ни въ имуществѣ, всемилостивѣйшій монархъ прислалъ намъ тебя, графъ, а Богъ чудомъ сохранилъ жизнь твою. Непоколебимою силою воли и энергическою дѣятельностью успокоилъ ты городъ, обыватели котораго, проникнутые

благодарностью, стоятъ передъ тобою и, прося о твоей защитѣ, прежде всего умоляютъ о твоемъ посредничествѣ у всемилостивѣйшаго Государя Императора и короля о великодушномъ прощеніи вины согражданъ, которые нарушили вѣрноподданническую присягу, данную Его Императорскому Величеству Государю и отцу нашему».

За симъ генералъ Витковскій прибавилъ по-русски:

«Собравшись въ городскомъ магистратѣ, домовладѣльцы, старшины ремесленныхъ цеховъ и другіе почетные жители составили и подписали этотъ вѣрноподданническій адресъ, который и просятъ черезъ васъ представить Государю Императору».

Адресъ былъ прочитанъ громко.

Принявъ адресъ изъ рукъ президента, графъ Бергъ, громко и выразительно, на французскомъ языкѣ, произнесъ свой отвѣтъ, приведенный выше.

Послѣ рѣчи, намѣстникъ передалъ адресъ флигель-адъютантамъ барону Клодту и Чиркову для отвоза его въ замокъ, а самъ вошелъ въ танцовальную залу, привѣтливо раскланиваясь съ гостями.

Во время обмѣна привѣтствіями и чтенія адреса, мнѣ удалось подробно разглядѣть варшавскихъ гражданъ, окружавшихъ президента Витковскаго. Сейчасъ же сзади его, въ числѣ «раскаявшихся» виднѣлись почтенные русскіе купцы и старожилы Варшавы: Истоминъ, Малковъ (?), Дутовъ... За ними все были неизвѣстныя лица, нерѣдко со всклоченной шевелюрой и мало привѣтливыми лицами. Часть ихъ была во фракахъ, большинство же въ черныхъ сюртукахъ. Изъ свиты, окружавшей намѣстника, раздавались голоса, увѣрявшіе, что президентъ собралъ со всего города всѣхъ Витковскихъ и своихъ родственниковъ, которые и поднесли адресъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ многое было преувеличено, но была и правда. Витковскій не съумѣлъ, или, вѣрнѣе, не смогъ набрать болѣе или менѣе выдающихся подписей.

Вскорѣ начался полонезъ. Намѣстникъ первый туръ прошелъ съ супругою президента, а генералъ Витковскій съ супругою генерала Минквица, начальника штаба. Второй туръ графъ Бергъ шелъ съ m-me Минквицъ.

О балѣ говорить нечего. Все прошло, какъ обыкновенно быва-

етъ на оффиціальныхъ балахъ. Сперва танцовало русское общество и нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса, а потомъ поднялись и польскія дамы. Польскихъ кавалеровъ не было замѣтно. Намѣстникъ оставилъ балъ въ 12 часовъ, но танцы продолжались до четырехъ часовъ и прерывались только веселымъ ужиномъ.

Достигнуты ли были результаты, которыхъ ожидали отъ бала? Достигнуты вполнѣ. Запретъ съ общественныхъ удовольствій былъ снятъ. Публика начала появляться въ театрахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ. Совершенно пустѣвшіе въ 1863 г. театры, посѣщавшіеся исключительно русскими, стали наполняться. Сборы значительно улучшились и къ январю 1865 г. дошли до 25.000 р. (въ мѣсяцъ), — цифры, никогда до того времени небывалой [1]).

По поводу этого бала можно сказать: «все хорошо, что хорошо кончается».

Адресы, обыкновенно въ подлинникахъ, посылались въ Петербургъ, гдѣ, послѣ поднесенія ихъ государю, печатались въ оффиціальной газетѣ и сохранялись въ статсъ-секретаріатѣ Царства Польскаго. Также посланъ былъ и варшавскій адресъ. Вскорѣ получено было Высочайшее повелѣніе благодарить жителей Варшавы, подписавшихъ этотъ адресъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвращенъ намѣстнику и самый адресъ съ серебрянымъ футляромъ и бархатною пеленою. Онъ долгое время лежалъ въ одномъ изъ канцелярскихъ шкафовъ 1-го департамента управленія генералъ-полиціймейстера.

VIII.

Помилованіе Ляндовскаго,

7-го сентября 1863 г., когда графъ Бергъ проѣзжалъ въ Варшавѣ по Новому свѣту, въ него, изъ дома графа Замойскаго, произведенъ былъ выстрѣлъ изъ ружья и брошено пять орсиніевскихъ

---

[1]) Этотъ фактъ взятъ изъ отчета генералъ-полиціймейстера за 1864 годъ (стр. 181).

гранатъ и тарелокъ съ фосфорною жидкостью. Графъ остался невредимъ, но его пальто и внутренняя обшивка коляски были пробиты картечью. Одинъ казакъ легко раненъ, двое контужены и двое получили обжоги. Обѣ дышловыя и семь казачьихъ лошадей (изъ 9-ти) ранены.

Убійцы скрылись, и долгое время не удавалось разыскать ихъ. Много мѣсяцевъ спустя, всѣ подробности этого покушенія, произведеннаго помощникомъ начальника варшавской народовой стражи Экертомъ, были выяснены. Главнѣйшіе виновники однако не попались. Подъ судъ были отданы трое: Красускій, принесшій на мѣсто покушенія гранаты и жидкость; Павелъ Ляндовскій—начальникъ стражи народовой, приказавшій своему помощнику Экерту выполнить рѣшеніе жонда о покушеніи на жизнь намѣстника, и провизоръ Шмидтъ, доставившій фосфорное вещество и уступившій свою квартиру для приготовленія гранатъ.

Изъ этихъ трехъ лицъ только одинъ Красускій былъ уличенъ и обвиненъ въ убійствѣ юнкера Чарнецкаго изъ-за политическихъ цѣлей, Ляндовскій же и Шмидтъ никакихъ убійствъ лично не совершали и судились только за покушеніе на жизнь намѣстника. Военный судъ всѣхъ троихъ приговорилъ къ смертной казни. Докладъ объ этомъ полеваго аудиторіата войскъ въ Царствѣ Польскомъ былъ утвержденъ графомъ Бергомъ и обращенъ къ исполненію, черезъ полеваго генералъ-аудитора Н. И. Полторанова.

Какъ-то послѣ утренняго доклада, графъ приказываетъ мнѣ пригласить къ 8-ми часамъ вечера генералъ-аудитора и вмѣстѣ съ нимъ явиться къ нему въ кабинетъ. Въ назначенное время мы вошли къ нему. Усадивъ насъ около стола, за которымъ обыкновенно выслушивалъ доклады, графъ Бергъ объявилъ намъ, что назначенное на завтра приведеніе въ исполненіе приговора надъ лицами, покушавшимися на его жизнь, онъ желаетъ измѣнить. Онъ рѣшился не допустить смертной казни тѣхъ преступниковъ, которые, не совершивъ другихъ какихъ-либо убійствъ, участвовали въ покушеніи на его жизнь, и что поэтому онъ даруетъ жизнь Ляндовскому и Шмидту. Что же касается Доминика Красускаго, то его, убившаго юнкера Чарнецкаго, должна постигнуть назначенная ему судомъ казнь.

*

Н. И. Полторановъ доложилъ, что по предоставленной намѣстнику власти не только карать преступниковъ, но и миловать ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ то необходимымъ, подобное рѣшеніе вполнѣ зависитъ отъ графа, и остается только рѣшить, будетъ ли положенная уже конфирмація измѣнена замѣною Ляндовскому и Шмидту смертной казни каторжными работами, или же надъ ними долженъ совершиться обрядъ политической смерти, т. е. имъ будетъ объявленъ приговоръ, они будутъ введены на эшафотъ, и тамъ уже исполненіе приговора будетъ пріостановлено, и имъ объявится дарованіе жизни.

Графъ Бергъ остановился на послѣднемъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «исполненіе этой моей воли я возлагаю на васъ, вы завтра поѣдете на эспланаду цитадели и тамъ сдѣлаете все, что нужно».

Засимъ условлено было, что черезъ часъ или два генералъ-аудиторъ вернется въ замокъ и представитъ намѣстнику на утвержденіе текстъ новой конфирмаціи, относительно двухъ милуемыхъ преступниковъ.

Поздно вечеромъ конфирмація была представлена графу Бергу, прочитана и утверждена. Вручая ее мнѣ, графъ Ѳ. Ѳ. крѣпко пожималъ мои руки и, давая взволнованнымъ голосомъ послѣднія приказанія, много разъ повторялъ: «надѣюсь, cher colonel, что вы все сдѣлаете, какъ слѣдуетъ; главное, не опоздайте во-время остановить исполнителей, а то пожалуй будетъ уже поздно». Отпуская окончательно изъ кабинета, онъ крѣпко обнялъ меня и еще разъ повторилъ свои наставленія. Я просилъ его, чтобы онъ не безпокоился, что я въ точности исполню его волю, и въ настоящемъ случаѣ особенно радуюсь быть вѣстникомъ такой его милости.

Возвратясь домой—я жилъ въ замкѣ въ третьемъ этажѣ, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ покоевъ, занимаемыхъ намѣстниковъ въ бель-этажѣ—я рѣшилъ пораньше лечь спать, такъ какъ слѣдовало встать рано. Исполненіе судебныхъ приговоровъ обыкновенно происходило часовъ въ 7, 8 утра. Не прошло однако получасу послѣ моего возвращенія, является ко мнѣ линейный казакъ и проситъ къ намѣстнику. Иду. Въ кабинетѣ, у самыхъ дверей, ожидалъ меня графъ Бергъ.

— Не правда ли, mon cher, вы сдѣлали уже всѣ ваши приготовленія?

— Все, графъ, готово, не безпокойтесь; сейчасъ собирался ложиться спать, чтобы съ зарею встать.

— Да, да это прекрасно, но я думалъ, какъ вы отправитесь на мѣсто?

— Я уже приказалъ, чтобы мой экипажъ былъ поданъ къ шести часамъ, и поручилъ дежурнымъ казакамъ наблюсти, чтобы лошади были поданы во-время.

— Прекрасно, я забылъ, что у васъ есть свой экипажъ, и боялся, что въ такую раннюю пору не найдете извощика, и вамъ придется идти пѣшкомъ.

— Во всякомъ случаѣ я не пошелъ бы пѣшкомъ, а поѣхалъ бы или верхомъ или въ дежурной извощичьей колескѣ, которая всегда стоитъ во дворѣ замка.

— Ну, ступайте ложитесь и помните, что придется рано вставать.

Черезъ часъ, когда я уже раздѣвался, раздается звонокъ. Выхожу самъ отворить дверь и вижу дежурнаго адъютанта.

— Идите опять къ графу, не знаю, что сегодня вы такъ ему понадобились. Приказалъ, чтобы я самъ пошелъ къ вамъ и привелъ васъ, если вы еще не спите.

— А еслибы спалъ, будить не велѣлъ?

— Какъ не велѣлъ, велѣлъ. Вы, говоритъ, если онъ въ постели, постучите въ дверь. Напрасно я говорилъ, что вы человѣкъ семейный и безпокоить васъ неловко, а онъ отвѣчаетъ: «ничего, постучите».

Вхожу въ кабинетъ. Графъ еще и не думалъ ложиться, а сидѣлъ за столомъ, за письмами.

— Я васъ позвалъ, чтобы переговорить, какъ вы условитесь съ начальникомъ парада. Вѣдь вамъ надо сперва объяснить ему, въ чемъ дѣло; нужно, чтобы онъ далъ вамъ полную возможность исполнить мое приказаніе.

— Точно такъ, ваше сіятельство, я начну прямо объясненіемъ съ нимъ и предъявлю ему вашу конфирмацію. Повѣрьте, что не упущу ничего изъ того, что было условлено здѣсь у васъ въ при-

сутствіи генералъ-аудитора. Вы подписали предписаніе генералу Каталею о томъ, что на меня возложено вами особое порученіе при исполненіи судебнаго приговора, предписаніе это у меня, вотъ оно, вмѣстѣ съ конфирмаціей.

— Браво... вы никуда не спрятали этихъ документовъ и держите ихъ при себѣ. Очень хорошо. Больше я уже не пришлю за вами. А вѣрны ли у васъ часы?

— Сегодня повѣрялъ, извольте посмотрѣть.

Часы оказались вѣрными.

Часа въ два легъ я спать, но сонъ былъ тяжелый. Скорѣе не сонъ, а какой-то кошмаръ. Мнѣ представлялось, что я опоздалъ, что казнь уже совершилась до моего пріѣзда. Я вскочилъ въ испугѣ; холодный потъ выступилъ на лбу, сердце сильно билось. Видно я волновался не меньше графа Берга. До сна ли тутъ, когда вамъ ввѣрена жизнь человѣка! Я посмотрѣлъ на часы. Было 4 ч. утра. Засыпать вновь я побоялся и немедленно всталъ, чтобы бодрствующимъ дождаться минуты отъѣзда.

И хорошо сдѣлалъ. Въ половинѣ пятаго снова явился казакъ съ требованіемъ къ графу. Немедленное мое появленіе въ кабинетѣ видимо произвело на графа хорошее впечатлѣніе.

— Вы уже встали?

— Не могу спать.

— Я тоже не сплю. Вотъ я что придумалъ. Поѣдете вы въ своемъ экипажѣ, что-нибудь можетъ случиться; по недоразумѣнію пожалуй васъ не пропустятъ на эспланаду, куда въ подобные дни экипажей не пускаютъ. Что вы тогда будете дѣлать? Такъ я приказалъ заложить мою коляску; въ пять часовъ она будетъ у подъѣзда и съ конвоемъ. Могутъ думать, что я куда-нибудь поѣду. Садитесь въ коляску, берите конвой и поѣзжайте съ Богомъ. Теперь я уже буду вполнѣ спокоенъ, что вы не опоздаете.

Мнѣ положительно пріятно было видѣть все это волненіе, не оставлявшее графа. Оно свидѣтельствовало о сердечной его добротѣ.

Въ пять часовъ ровно я сѣлъ въ экипажъ. Когда коляска, выѣхавъ изъ воротъ замка, повернула направо, мимо покоевъ намѣстника, я посмотрѣлъ на окна графскаго кабинета. Въ одномъ изъ нихъ виднѣлась знакомая фигура въ халатѣ на легонькомъ мѣху

изъ бѣлыхъ мерлушекъ и съ черной шелковой шапочкой на головѣ. Усы, какъ всегда, нафабрены и лихо закручены кверху, глаза довольно улыбались. Графъ Бергъ, глядя на меня, посылалъ мнѣ рукою поцѣлуй.

По совершенно пустыннымъ улицамъ я доѣхалъ до цитадельной эспланады. На ней тоже народу не было, только въ одномъ мѣстѣ небольшая кучка рабочихъ устраивала эшафотъ. Я поѣхалъ въ цитадель и у самыхъ воротъ встрѣтился съ генераломъ Каталеемъ, выѣзжавшимъ верхомъ. Онъ командовалъ военнымъ парадомъ. Я вышелъ изъ коляски и пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Что̀, съ добрыми вѣстями? спросилъ онъ, здороваясь со мною.

— Съ добрыми; прочтите предписаніе, а потомъ поговоримъ.

— Слава Богу, сказалъ Каталей, и честь графу Бергу за милость къ своимъ врагамъ. Когда я увидѣлъ васъ въ колескѣ графа, я тотчасъ же догадался, что вы присланы съ помилованіемъ, а не пріѣхали смотрѣть на позорище.

Каталей сошелъ съ лошади, и я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Условиться о подробностяхъ было не долго. Послѣ мы долго ходили по полю, разговаривая о тогдашнихъ тяжелыхъ временахъ.

Наконецъ пришли войска и заняли мѣсто вокругъ эшафота. Потомъ показалась печальная процессія. Преступниковъ везли на телѣгахъ. Передъ ними шла странная фигура въ красной мантіи съ огромнымъ мечемъ въ рукахъ. Это, какъ мнѣ сказали, былъ оффиціальный палачъ въ его форменномъ одѣяніи. Вся его обязанность состояла только въ присутствованіи на экзекуціяхъ. Самъ онъ былъ чиновникомъ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, и у него на груди красовался какой-то бѣленькій иностранный крестикъ.

Началась церемонія. Доминикъ Красускій, Шмидтъ и Павелъ Ляндовскій, въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ, со связанными назадъ руками, были поставлены передъ эшафотомъ. Я сталъ въ разстояніи какого-нибудь шага впереди Ляндовскаго, чтобы быть ближе къ самому центру дѣйствій. Около меня былъ аудиторъ Афонасьевъ. Войска взяли на караулъ, аудиторъ громко прочелъ

приговоръ. Подошли священники. Ихъ было два—ксендзъ для Красускаго и Шмидта и пасторъ для Ляндовскаго. Я смотрѣлъ на послѣдняго, котораго зналъ въ лицо и видѣлъ прежде веселымъ и беззаботнымъ. Не помню, каковъ былъ Красускій—на него не смотрѣлъ, но Шмидтъ представлялся совершенно мертвымъ человѣкомъ съ страшно исказившимся лицомъ и дикимъ взглядомъ. Ляндовскій былъ блѣденъ, лицо его осунулось, но онъ держалъ себя спокойно и даже съ нѣкоторымъ задоромъ поглядывалъ вокругъ. Онъ бодрился, и это ему почти удавалось, хотя и видно было, что спокойствіе напускное и дорого ему стоитъ. Стоя со всѣмъ близко отъ него, я слышалъ, какъ изъ груди его вырывались судорожные звуки гм... гм... гм... Онъ плохо слушалъ слова пастора, говорившаго ему о покаяніи и подносившаго крестъ къ его губамъ. Онъ отводилъ голову отъ креста, видимо боясь потерять напускную твердость.

Вотъ ихъ всѣхъ троихъ повели на эшафотъ и въ томъ же порядкѣ поставили на табуреты. Петли накинуты; капюшоны надвинуты на глаза. Ужасная минута! Табуретъ изъ-подъ Доминика Красускаго былъ выдернутъ. Несчастный опустился внизъ, и веревка стала закручиваться.

— Остановитесь, громко сказалъ я въ это время.

— Остановитесь, повторилъ и Каталей. Сведите осужденныхъ съ эшафота и поставьте на прежнее мѣсто.

На эшафотѣ произошелъ переполохъ. Люди, стоявшіе за Ляндовскимъ и Шмидтомъ, не знали, что дѣлать, и вопросительно глядѣли впередъ. Я долженъ былъ громко приказать, чтобы обоихъ приговоренныхъ сняли съ табуретовъ, открыли имъ лица и подвели ко мнѣ.

Все засуетилось. Всѣ догадались, что Ляндовскаго и Шмидта ожидаетъ помилованіе.

Когда съ нихъ сняли петли и капюшоны, Шмидтъ оказался какой-то инертной массой, его снесли на рукахъ. Очевидно, онъ не узнавалъ, что съ нимъ дѣлается. Ляндовскій сошелъ самъ и, остановясь около меня, проговорилъ нѣсколько разъ: пане пулковнику, пане пулковнику! Я и до сихъ поръ слышу эту фразу и голосъ, которымъ она была произнесена; не забуду ихъ я до послѣднихъ моихъ дней. Все напускное фанфаронство безслѣдно слетѣло съ

Ляндовскаго, онъ глядѣлъ на меня самымъ умиленнымъ, признательнымъ взглядомъ, голосъ его шелъ прямо отъ сердца. Молодая жизнь заговорила въ немъ и, съумѣвъ за четверть часа назадъ не падать духомъ предъ наступавшею смертью, онъ теперь весь отдался чувству радости и умилился духомъ. О жизнь! по истинѣ ты самое великое благо, дарованное Творцомъ человѣку.

— Живите и помните эти минуты, проговорилъ я, наклоняясь къ Ляндовскому.

Снова раздалась команда генерала, и снова аудиторъ Афонасьевъ прочелъ конфирмацію графа Берга, дарующую Ляндовскому и Шмидту жизнь, съ отсылкою ихъ въ пожизненныя каторжныя работы. Всѣ глаза устремились на читавшаго и двухъ стоявшихъ передъ нимъ помилованныхъ. Я увѣренъ, что не было недовольныхъ, и что всѣ ушли съ мѣста экзекуціи съ облегченнымъ сердцемъ.

Простившись съ Каталеемъ, я поѣхалъ въ замокъ и подробно передалъ обо всемъ графу Бергу. Онъ былъ очень доволенъ и крѣпко обнялъ меня.

— Теперь напишемъ телеграмму государю, сказалъ онъ.

Телеграмма тотчасъ же была отправлена.

Не знаю, когда именно, но только очень недолго, послѣ высылки въ Восточную Сибирь Ляндовскаго, его — какъ австрійскаго подданнаго, — передали австрійскимъ властямъ. Шмидта я засталъ еще въ Иркутскѣ, куда въ 1879 г. назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ. Къ Шмидту были уже примѣнены всѣ льготы, дарованныя сосланнымъ за участіе въ мятежѣ 1863 — 1864 гг., и онъ только не имѣлъ права свободнаго возвращенія на родину. Полагаю, что по коронаціонному манифесту 15 мая 1883 г. и это право было ему предоставлено.

IX.

Абиссинскій маэстро Лазаревъ въ Варшавѣ.

При крайней живости и подвижности своего характера, графъ Бергъ иногда дѣйствовалъ по первому впечатлѣнію, забывая при-

сущую ему осторожность и не собирая свѣдѣній и справокъ, могущихъ дать совершенно другой оборотъ дѣлу. Правда, что это бывало въ случаяхъ не важныхъ, и происходившія черезъ то quiproquo серьезныхъ послѣдствій не имѣли, хотя и вели къ немалымъ курьезамъ. Разскажу о двухъ изъ такихъ случаевъ.

Было ли то въ самомъ началѣ 1864 г. или нѣсколько позже, не помню, но хорошо знаю, что мятежъ еще продолжался, и въ Варшавѣ дѣлались лишь слабыя попытки къ возобновленію публичныхъ зрѣлищъ и оживленію общественной жизни. Услышалъ я, что артисты варшавской консерваторіи и казеннаго театральнаго оркестра дѣятельно заняты репетированіемъ сочиненій какого-то знаменитаго русскаго композитора, желающаго дать въ Варшавѣ нѣсколько концертовъ. Прибавляли, что русскому концертанту покровительствуетъ намѣстникъ. Будучи въ тотъ же вечеръ въ театрѣ, въ нижней намѣстниковской ложѣ, я спросилъ у капельмейстера Левандовскаго—какой это русскій музыкантъ собирается здѣсь концертировать. Онъ отвѣчалъ—это Лазаревъ, и разсыпался въ похвалахъ его таланту и сочиненіямъ.

Я просто былъ приведенъ въ ужасъ этою новостью. Маэстро абиссинскій собирается давать концерты въ Варшавѣ, да еще подъ покровительствомъ намѣстника! Очевидно, что тутъ крылось большое недоразумѣніе, и я тотчасъ же, въ театрѣ, началъ наводить справки.

Одинъ изъ адъютантовъ намѣстника, принадлежавшій къ мѣстнымъ уроженцамъ и ничего не знавшій о бурныхъ скандалахъ, сопровождавшихъ концерты Лазарева въ Петербургѣ—передалъ мнѣ, что нѣсколько времени тому назадъ, утромъ, въ его дежурство явился въ пріемную какой-то господинъ, назвавшій себя русскимъ композиторомъ, и просилъ доложить о немъ намѣстнику. Графъ пригласилъ посѣтителя въ кабинетъ. Что происходило въ кабинетѣ, адъютантъ не зналъ, однако помнитъ, что послѣ выхода незнакомца съ аудіенціи намѣстникъ пригласилъ къ себѣ директора варшавской консерваторіи, извѣстнаго скрипача Аполлинарія Контскаго.

Послѣ спектакля я, по обычаю, разбиралъ въ кабинетѣ намѣстника почту. По окончаніи доклада, передавъ графу о ходящихъ

въ городѣ слухахъ на счетъ концертовъ Лазарева, я спросилъ, правда ли, что графъ ему протежируетъ. Оказалось слѣдующее. Введенный дежурнымъ адъютантомъ въ кабинетъ, Лазаревъ отрекомендовался извѣстнымъ русскимъ маэстро и просилъ разрѣшенія дать въ Варшавѣ нѣсколько концертовъ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ указалъ на свой георгіевскій крестъ, заявилъ о своей дружбѣ съ Россини (онъ въ афишахъ прямо называлъ себя amico di Rossini) и блестящихъ концертахъ, данныхъ имъ въ Петербургѣ и за границей. Графъ былъ тогда въ хорошемъ расположеніи духа, принялъ слова Лазарева за чистую монету и не только разрѣшилъ концерты, но пошелъ дальше — самъ предложилъ Лазареву театральный оркестръ и обѣщалъ поручить Аполлинарію Контскому взять концертанта подъ свое покровительство и обезпечить ему успѣхъ участіемъ въ концертахъ выдающихся мѣстныхъ музыкантовъ. Сказано—сдѣлано. Немедленно вызванъ Контскій и получилъ соотвѣтственныя указанія. Трудно допустить, чтобы Контскій, изъѣздившій всю Россію и дававшій концерты въ десяткахъ русскихъ городовъ, не зналъ о томъ, что̀ такое Лазаревъ. Однако, онъ не сорвалъ маски съ нахала и, видя настоятельную рекомендацію намѣстника, обѣщалъ исполнить его волю и помочь русскому концертанту.

Когда я объяснилъ, кто такое Лазаревъ и что-за скандалы происходили въ Петербургѣ при концертахъ «абиссинскаго маэстро», графъ очень упрекалъ себя въ неосмотрительности и немедленно рѣшился не допустить концертовъ и скорѣе избавить театральный оркестръ и нѣкоторыхъ особо приглашенныхъ Контскимъ артистовъ отъ тягостной для нихъ необходимости разучиванія нелѣпыхъ произведеній Лазарева. Дѣйствовать, однако, надо было осторожно, чтобы отказомъ разрѣшенныхъ концертовъ не вызвать Лазарева на скандалъ, не дать повода къ городскимъ сплетнямъ, а главное имѣть возможность какимъ-нибудь образомъ отблагодарить тѣхъ мѣстныхъ артистовъ, которые дали согласіе на участіе въ концертахъ, очевидно, изъ одного лишь желанія угодить намѣстнику. Рѣшено было просить Лазарева, прежде объявленія о концертахъ, сыграть нѣсколько его пьесъ съ акомпаниментомъ двухъ-трехъ солистовъ у самого намѣстника. При этомъ случаѣ, имѣвшемъ видъ особой съ

его стороны любезности къ русскому композитору, графъ Бергъ могъ лично поблагодарить польскихъ артистовъ за ихъ отзывчивость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ознакомиться съ Лазаревымъ и его музыкою, и окончательно рѣшить, быть ли его концертамъ или нѣтъ. Музыкальное утро въ замкѣ назначалось исключительно для семейства графа и лицъ его свиты, и должно было происходить не въ парадныхъ комнатахъ, а въ маленькой гостиной.

Въ условленное время собрались всѣ приглашенные, и гостепріимный хозяинъ оказалъ самый любезный пріемъ мѣстнымъ музыкантамъ за ихъ вниманіе къ русскому собрату. Лазаревъ сказалъ, что познакомитъ присутствующихъ со своей ораторіей «Сотвореніе міра». Публика и музыканты заняли мѣста, маэстро сталъ посрединѣ комнаты, поднялъ руку, вооруженную дирижерской палочкой, и далъ сигналъ начинать. Раздались звуки не особенно стройные и гармоничные. Всѣ начали переглядываться, и скоро самъ Лазаревъ остановилъ музыкантовъ. Обратясь къ присутствующимъ, онъ заговорилъ: «Это введеніе въ мою знаменитую ораторію; изображаетъ оно хаосъ предъ началомъ мірозданія. Но надо сильнѣе выражать мои мысли, не такъ, какъ вотъ эти господа сыграли сейчасъ; ничего у нихъ внушительнаго не вышло; я вамъ покажу, какъ надо играть». Сказавъ это, Лазаревъ подбѣгаетъ къ открытому фортепіано, нагибается надъ нимъ и начинаетъ наигрывать что-то уже совсѣмъ дикое. «Слушайте, внимательнѣе слушайте! Вотъ это духъ носится надъ бездной, вотъ ангелы встрѣчаютъ Творца райскимъ пѣніемъ; какіе дивные звуки! Да вы слушайте съ благоговѣніемъ— вѣдь это геніальное произведеніе». И пошелъ, и пошелъ. Было понятно, что передъ нами или сумасшедшій или невѣроятный нахалъ. Въ дѣйствительности абиссинскій маэстро былъ и тѣмъ и другимъ.

При первыхъ безобразныхъ выходкахъ Лазарева, графъ Бергъ поглядѣлъ на меня съ улыбкой, но вскорѣ лицо его выразило глубокое негодованіе, и онъ, вставъ съ мѣста, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ сидѣвшею около него m-me Ляхницкой. Маэстро не замѣтилъ-было этого выхода, но когда и мы всѣ встали, онъ, не разгибая спины, обратился въ нашу сторону, и видя, что мы готовы тоже уйти, пересталъ играть, говоря, что не стоитъ играть передъ людьми, не понимающими его дивныхъ произведеній.

Воспользовавшись перерывомъ, польскіе музыканты, взявъ свои инструменты, потихоньку ушли, и кто-то изъ насъ обратился къ Лазареву съ укоризной, что онъ осмѣлился послѣ своихъ скандальныхъ концертовъ въ Петербургѣ обратиться къ намѣстнику и готовъ былъ скомпромметировать въ Варшавѣ достоинство русскихъ композиторовъ и русской музыки.

Подобныя укоризны подѣйствовали на Лазарева раздражающимъ образомъ. Абиссинскій маэстро кричалъ, жестикулировалъ и обвинялъ всѣхъ въ невѣжествѣ. Пришлось оставить его одного, приказавъ прислугѣ проводить расходившагося нахала къ выходу.

Намѣстникъ живо благодарилъ меня за предупрежденіе публичнаго скандала и поручилъ оберъ-полиціймейстеру устроить возможно скорый отъѣздъ Лазарева изъ Варшавы. Тотъ предъявилъ сперва непомѣрныя требованія; хотѣлъ непремѣнно дать нѣсколько концертовъ или получить взамѣнъ ихъ нѣсколько тысячъ рублей, но потомъ, видя непреклонность полиціи, согласился уѣхать, если получитъ билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ до Петербурга и за него будутъ уплачены всѣ расходы въ гостиницѣ и по приготовленію къ концертамъ, т. е. за стулья, помѣщеніе и репетиціи. Польскимъ музыкантамъ-солистамъ посланы были цѣнные подарки. Всѣ эти расходы графу Бергу пришлось покрыть изъ своего кармана, но онъ очень былъ доволенъ быстрымъ выдвореніемъ Лазарева и часто потомъ вспоминалъ, какъ былъ наказанъ за неосторожную поддержку amico di Rossini.

Другой, совсѣмъ уже комичный случай произошелъ отъ поспѣшности графа Берга въ самый день окончательнаго выѣзда изъ Варшавы великаго князя Константина Николаевича. Проводивъ великаго князя и его семейство, новый намѣстникъ со своею свитою прямо съ вокзала отправился въ православный соборъ, гдѣ заранѣе предваренное духовенство собралось отслужить напутственный молебенъ.

По окончаніи молебна графу Бергу поднесли просфору. Взявъ просфору и обратясь къ выходу, графъ быстро и совершенно неожиданно для окружающихъ направился къ пожилой дамѣ, стоявшей у архіерейскаго мѣста съ двумя миловидными дѣвицами. Группа трехъ женщинъ въ цвѣтныхъ костюмахъ была весьма элегантна, и

графъ принялъ ихъ за представительницъ русскаго общества. Подойдя къ пожилой дамѣ, онъ самымъ галантнымъ образомъ расшаркался передъ нею и съ обворожительною улыбкою подалъ ей просфору. Та сдѣлала реверансъ и взяла просфору. Я шелъ вслѣдъ за графомъ и услыхалъ сзади себя какую-то суету. Оглянувшись, я увидѣлъ оберъ-полиціймейстера, генерала Левшина, сильно жестикулировавшаго.

Когда графъ сѣлъ въ экипажъ и отъѣхалъ отъ собора, я узналъ разгадку энергическихъ жестовъ оберъ-полиціймейстера. Почтенная дама оказалась совсѣмъ непочтенною и пользовалась даже крайне двусмысленною репутаціею, въ особенности относительно двухъ сопровождавшихъ ее дѣвицъ.

Не знаю, узналъ ли когда-нибудь графъ Бергъ объ этомъ памятномъ для «непочтенной дамы» случаѣ.

Д. Г. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Баронъ Штейнъ въ Россіи въ 1812 году.

Иностранцы принимали также участіе въ происшествіяхъ этого времени. Тѣ, которые были посмѣлѣе или опасались гоненій Наполеона, давно уже искали убѣжища въ Россіи. Ихъ наплывъ особенно усилился въ то время, когда императоръ Александръ пріѣхалъ въ главную квартиру, въ Вильну. Но изъ всѣхъ пріѣхавшихъ туда иностранцевъ, безъ сомнѣнія, самымъ значительнымъ лицомъ былъ знаменитый баронъ Штейнъ, бывшій министръ прусскаго короля. Не одна ненависть къ нему Наполеона, считавшаго его своимъ личнымъ врагомъ, какъ доказываютъ и его отзывы о немъ ген. Балашеву, придали ему извѣстность, но и его дарованья, какъ государственнаго человѣка, и заслуги, оказанныя имъ своему отечеству. Но Германія поняла и оцѣнила его достоинства и заслуги гораздо позднѣе, нежели русскій императоръ. Еще передъ заключеніемъ Тильзитскаго мира, онъ изъявилъ желаніе вступить въ русскую службу и получилъ согласіе со стороны императора; но послѣ этого мира и удаленія отъ дѣлъ, по настоянію Наполеона, барона Гарденберга, онъ сдѣлался главнымъ сотрудникомъ короля въ управленіи государствомъ, обрѣзаннымъ со всѣхъ сторонъ въ своихъ владѣніяхъ, обремененнымъ громадною военною контрибуціею, не только съ крѣпостями, занятыми французскими гарнизонами, но и со столицею, находившеюся въ ихъ власти. При такомъ повидимому безвыходномъ положеніи, онъ нашелъ возможность положить прочныя начала будущему возрожденію и развитію Пруссіи. Но его преобразованія создали ему враговъ.

Кто же были его враги? Германскіе историки обыкновенно говорятъ, что былъ жертвою ненависти къ нему Наполеона, и какъ бы нехотя и мимоходомъ указываютъ какъ на враждебную ему французскую партію въ Пруссіи. Но кто же составляли эту партію? Всѣ высшія и вліятельныя сословія государства. Они говорили, что онъ можетъ быть «хорошимъ министромъ народа, но не короля», за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, раздѣлявшихъ взгляды Штейна и связанныхъ

съ нимъ дружбою и которыхъ эти историки не насчитываютъ и до десяти человѣкъ. Конечно, образъ его мыслей не могъ быть пріятенъ Наполеону, но онъ и не могъ бы его знать. Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, требуя смѣны Гарденберга, онъ самъ указывалъ на Штейна, какъ на человѣка, который съ успѣхомъ могъ исполнить его обязанности, и до Эрфуртскаго свиданія съ императоромъ Александромъ не выражалъ никакихъ жалобъ на Штейна.

Передъ самымъ этимъ свиданіемъ, появилось въ «Газетѣ французской имперіи» («Journal de l'Empire»), перехваченное французскими властями въ Берлинѣ, его письмо къ гр. Витгенштейну, надѣлавшее столько шуму въ то время. Въ этомъ письмѣ, выражая сочувствіе къ народному возстанію въ Испаніи, возлагая большія на него надежды, онъ говорилъ, что раздраженіе противъ французовъ въ Германіи усиливается и что надо его поддерживать въ виду неизбѣжной войны Франціи съ Австріею, отъ которой будетъ зависѣть судьба Европы и, стало быть, Пруссіи вмѣстѣ съ нею. Обнародывая это письмо, «Газета французской имперіи» присовокупила замѣтку, въ которой пояснила, что подобные документы бываютъ поводомъ разрушенія государствъ, что выраженные въ ней взгляды обличаютъ взгляды прусскаго министерства, которымъ руководитъ баронъ Штейнъ, и скорбѣла о томъ, что прусскій король терпитъ «такого неспособнаго и неблагонамѣреннаго министра». Всѣ поняли, конечно, что обнародованіе въ правительственной «Газетѣ французской имперіи» письма барона Штейна могло совершиться не иначе, какъ по распоряженію ея императора, а люди внимательные не могли не догадаться—перу какого сочинителя принадлежитъ сопровождавшая его замѣтка.

Этого одного обстоятельства достаточно уже было, чтобы усилить тотъ страхъ, который составлялъ одну изъ существенныхъ силъ, руководившихъ политическою жизнью Германіи въ это время.

Баронъ Штейнъ получилъ этотъ листокъ газеты въ тотъ день (сентября $^{9}/_{21}$), когда долженъ былъ выѣхать изъ Кенигсберга въ Эфуртъ для переговоровъ съ французскимъ правительствомъ, опираясь на заступничество за Пруссію, принятое на себя русскимъ императоромъ. Вмѣсто поѣздки въ Эрфуртъ, Штейнъ явился къ королю съ просьбою объ отставкѣ. Король не принялъ отставки до тѣхъ поръ, пока не объяснится дѣло, по возвращеніи изъ Эрфурта русскаго императора, но для переговоровъ съ Франціею отправилъ туда графа Гольца изъ членовъ такъ называемой французской партіи. Возвращаясь въ Россію, императоръ нѣсколько времени провелъ въ Кенигсбергѣ и, несмотря на то, что постоянно говорилъ въ смыслѣ сохраненія мирныхъ отношеній къ Франціи, принялъ любезно Штейна, совѣтовалъ ему оставить управленіе дѣлами внѣшней политики, на чемъ единственно и настаивалъ, по его

мнѣнію, Наполеонъ, но продолжать руководство внутреннимъ управленіемъ Пруссіи. Но сообщенія графа Гольца были совершенно инаго свойства, онъ считалъ необходимымъ совершенное удаленіе отъ дѣлъ барона Штейна, и его мнѣніе поддерживали большая часть лицъ, окружавшихъ короля.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній король уступилъ давленію большинства, Штейнъ не только былъ принужденъ оставить должность министра, но и самую Пруссію, и почти какъ изгнанникъ проживалъ въ Прагѣ, постоянно опасаясь преслѣдованій Наполеона.

Въ такомъ положеніи онъ находился до начала 1812 года, когда получилъ отъ императора Александра слѣдующее письмо: [1])

«Мое уваженіе къ вамъ не измѣнилось вслѣдствіе происшествій, удаливших васъ отъ дѣлъ. Вы его пріобрѣли силою вашего характера и замѣчательными дарованіями. Рѣшительныя обстоятельства настоящаго времени должны соединить всѣхъ людей благомыслящихъ, друзей человѣчества и либеральныхъ идей. Дѣло идетъ о спасеніи ихъ отъ варварства и рабства, готовыхъ ихъ поглотить. Наполеонъ намѣревается довершить порабощеніе Европы и, чтобы достигнуть этой цѣли, ему необходимо побѣдить Россію. Давно уже она приготовляется къ отпору и постепенно собраны сильныя средства. Для всѣхъ друзей добродѣтели и вообще лицъ, воодушевленныхъ чувствами независимости и любовью къ человѣчеству, важенъ успѣхъ въ этой борьбѣ, вы, баронъ, который занимаете такое видное мѣсто между ними, вы не можете питать другихъ чувствъ, какъ содѣйствовать усиліямъ Сѣвера восторжествовать надъ алчнымъ деспотизмомъ Наполеона. Я настоятельно приглашаю васъ сообщить мнѣ ваши мысли или письменно чрезъ вѣрныя руки, или словесно, пріѣхавъ ко мнѣ въ Вильну. Гр. Ливенъ дастъ вамъ для этого паспортъ. Ваше присутствіе въ Богеміи, конечно, могло бы имѣть свою выгоду, ибо вы находились бы, такъ сказать, въ тылу французскихъ армій. Но слабость Австріи, которая, по всей вѣроятности, заставитъ ее стать подъ знамена Франціи, можетъ поставить васъ не въ безопасное положеніе, а особенно вашу переписку. Я приглашаю васъ обдумать важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и избрать тотъ способъ дѣйствій, который бы наиболѣе былъ полезенъ великому дѣлу, для котораго мы оба трудимся. Мнѣ не нужно вамъ говорить, что въ Россіи вы будете приняты съ распростертыми объятіями. Мое истинное къ вамъ расположеніе можетъ служить въ этомъ ручательствомъ».

---

[1]) 27-го марта 1812 года изъ С.-Петербурга, Пертцъ: «Жизнь Штейна» («Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein») т. 3-й, стр. 599.

По полученіи этого письма и паспорта на проѣздъ отъ нашего посланника при Берлинскомъ дворѣ, Штейнъ немедленно извѣстилъ императора, что готовъ воспользоваться его приглашеніемъ, выѣхалъ изъ Праги и пріѣхалъ въ Вильну къ началу іюня мѣсяца. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, убѣдившихъ его въ томъ, что война неизбѣжна, онъ представилъ императору 6-го (18-го) іюня записку, въ которой предлагалъ средства воспользоваться силами Германіи въ пользу Россіи. «Въ настоящее время,—писалъ онъ,—эти силы находятся въ распоряженіи Наполеона, но слѣдуетъ изыскать средства, чтобы отвлечь ихъ отъ него и противъ него направить, возбудивъ общественное мнѣніе такъ, чтобы оно могло открыто выражаться противъ него. Все народонаселеніе Германіи недовольно настоящимъ положеніемъ дѣлъ и тѣмъ, кто его создалъ. Оно видитъ, что его независимость, жизнь и имущество приносятся въ жертву выгодамъ государей, которые предаютъ его для того только, чтобы на время уберечь свое существованіе. Оно угнетено чужеземными ордами, встревожено и оскорблено, его принуждаютъ воевать съ народами, которые должны быть или естественными его союзниками, или противъ которыхъ онъ не питаетъ никакой вражды; всѣ учрежденія, всѣ древніе обычаи уничтожены и не осталось и слѣдовъ того благоденствія, въ которомъ находился этотъ народъ двадцать лѣтъ тому назадъ, дворянство лишилось своихъ преимуществъ и блестящихъ мѣстъ, подверглось конскрипціи, строжайшей, нежели во Франціи; земледѣльцы обременены налогами и постоемъ войскъ; всякая торговля уничтожена или производится тайно запрещенными товарами, фабричные города упали вслѣдствіе континентальной системы, разорвавшей вѣковыя связи съ Америкою. До сихъ поръ смотрѣли на эту страну какъ на могущественный двигатель общественнаго развитія, которая умножаетъ благосостояніе народовъ своими торговыми оборотами, и ослѣпленное честолюбіе одного человѣка, поощряемое малодушіемъ государей, которыхъ онъ угнетаетъ, разрушаетъ эти связи, повергаетъ въ бѣдность Европу и ведетъ ее къ варварству. Отъ этого насильственнаго положенія дѣлъ по преимуществу страдаетъ Германія. Ея промышленныя произведенія главный сбытъ имѣли въ Америкѣ, и теперь изсякъ этотъ источникъ народнаго богатства. Безпокойная, подозрительная тиранія полиціи подавляетъ общественное мнѣніе. Литература, переписка, преподаваніе—все подвергнуто ея давленію. Разорвано всякое общественное довѣріе, всѣ связи дружбы, и въ этой обширной странѣ можно встрѣтить только или несчастныхъ, потрясающихъ свои оковы, или презрѣнныхъ людей, которые ими гордятся».

Въ приведенныхъ словахъ съ полною откровенностью, которая наиболѣе дѣлаетъ чести тому государю, для котораго они были написаны, баронъ Штейнъ выразилъ свой взглядъ на современное положеніе Гер-

маніи. Онъ не возлагалъ никакихъ надеждъ ни на государей Германіи, ни на приверженцевъ Франціи, къ которымъ принадлежали почти всѣ вліятельныя сословія. Но онъ вѣрилъ въ силы германскаго народа. Вся его политическая дѣятельность состояла въ томъ, чтобы избавить его отъ тѣхъ оковъ, въ которыхъ держало его государственное устройство Германіи, и отъ иноземнаго ига. Успѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя были предприняты имъ въ Пруссіи въ его хотя и недолговременное управленіе ея дѣлами, и примѣръ Испаніи, могущественно дѣйствовавшій на всю Европу, укрѣпили въ немъ вѣру въ народныя силы. Но какими же способами онъ думалъ пробудить эти силы, чтобы воспользоваться ими въ пользу Россіи?

«Въ народѣ, охотно читающемъ, какъ нѣмцы, гдѣ писатели составляютъ нѣкотораго рода силу и дѣйствуютъ на общественное мнѣніе», онъ прежде всего считалъ нужнымъ распространить сочиненія, направленныя противъ Наполеона. Съ этою цѣлію онъ предлагалъ перепечатать вторую часть сочиненія Арндта «Духъ времени» и перевесть на нѣмецкій языкъ сочиненіе Фабра «О внутреннемъ состояніи Франціи», распространить ихъ въ Германіи и поощрять наградами и орденами извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, какъ Шлейермахера въ Берлинѣ, Стефенса и Бредова въ Бреславлѣ, Герена въ Геттингенѣ и Людена въ Іенѣ. Арндта онъ предлагалъ вызвать въ Россію, чтобы поручить ему составленіе статей и извѣстій.

«Лишь только начнутся военныя дѣйствія, писалъ Штейнъ, Германія безъ сомнѣнія будетъ наводнена ложными и хвастливыми извѣстіями и воззваніями, необходимо, чтобы противодѣйствовать ихъ вліянію, тайно издавать въ Германіи особую газету». Баронъ Штейнъ подготовилъ средства для исполненія на дѣлѣ своего предположенія. Книги Арндта и Фабра онъ предлагалъ перепечатать въ Швеціи, перевесть чрезъ Россію къ границамъ Галиціи и, пользуясь путями тайной торговли, доставить ихъ въ Прагу—къ Грунеру. Грунеръ былъ почитателемъ Штейна и ненавистникомъ французовъ и занималъ мѣсто начальника полиціи въ Берлинѣ. Послѣ удаленія Штейна, онъ оставилъ службу и Пруссію и удалился въ Прагу. У него были подготовлены способы для распространенія этихъ книгъ по Германіи и типографскія средства для изданія газеты. Конечно, ему нужно было оказать денежное пособіе.

Въ то время, когда это первое предложеніе будетъ приводиться въ дѣйствіе и окажетъ вліяніе на общественное мнѣніе, «будетъ возможно, говоритъ Штейнъ, обратить вниманіе на то, чтобы затруднять всѣ предпріятія непріятеля». Одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ въ этомъ случаѣ средствъ, ему казалось, состояло въ томъ, чтобы по дорогамъ ловить французскихъ курьеровъ, которые или изъ главной квартиры

перевозили извѣстія въ Парижъ или поддерживали сообщенія между различными отрядами войскъ. Съ этою цѣлію онъ предполагалъ составить вооруженные отряды отъ 12 до 15 человѣкъ каждый, которые разсыпаясь переходили бы скрытными путями, подстерегая этихъ курьеровъ на дорогахъ Германіи, и сосредоточивались бы въ лѣсахъ или вообще удобныхъ мѣстахъ, чтобы ихъ перехватывать. Баронъ Штейнъ считалъ возможнымъ образовать въ Германіи своего рода гверильясовъ, хотя въ ограниченномъ размѣрѣ и съ частною цѣлію, и надѣялся, что ненависть къ французамъ достигла такихъ размѣровъ, что можетъ побѣдить тотъ страхъ, который обладалъ Германіею. Онъ предлагалъ даже дѣйствовать на иностранныя войска, находившіяся въ арміи Наполеона, особенно на кроатовъ, тирольцевъ и иллирійцевъ. «Въ эти войска можно подослать для переговоровъ ихъ же соотечественниковъ,—писалъ онъ. На нѣмцевъ можно дѣйствовать чрезъ нѣмецкихъ же преданныхъ офицеровъ, на тирольцевъ чрезъ ихъ вождей, которые находятся теперь въ Вѣнѣ, напримѣръ чрезъ Спекбахера, сходнаго съ храбрымъ Гоферомъ, на кроатовъ чрезъ греческихъ и сербскихъ монаховъ. Посредствомъ воззваній можно ихъ возбудить къ тому, чтобы они оставляли войска Наполеона и стекались подъ знамена вашего величества, чтобы освободить ихъ отечество отъ позорнаго рабства, въ какомъ они находятся. Имъ можно обѣщать: 1) что изъ нихъ будутъ составлены отдѣльные отряды, подъ начальствомъ офицеровъ ихъ единоплеменниковъ и 2) при счастливомъ исходѣ войны обезпечить имъ возвращеніе на родину; въ противномъ же случаѣ сдѣлать изъ нихъ съ особымъ управленіемъ военныя поселенія по образцу казаковъ или австрійскихъ граничаръ». Начальниками этихъ отрядовъ онъ предполагалъ назначить такихъ лицъ, которыхъ имена были бы извѣстны и уважаемы въ Германіи, какъ герцоговъ Ольденбургскаго, Брауншвейскаго, которые въ это время предлагали свои услуги, и офицеровъ тоже извѣстныхъ, какъ полковникъ Гюзенау, Шазо и т. под.; сборными мѣстами для перебѣжчиковъ назначить ближайшіе города къ поприщу военныхъ дѣйствій, какъ Кіевъ и Рига, и учредить особый комитетъ для завѣдыванія устройствомъ этихъ войскъ.

Подобныя предположенія совершенно не соотвѣтствовали личнымъ качествамъ императора и безъ сомнѣнія въ иное время были бы имъ отвергнуты. Опровергать явную ложь и клеветы Наполеоновской печати, вступать въ пререканія съ нею и подговаривать къ перебѣгамъ воиновъ изъ-подъ его знаменъ онъ счелъ бы недостойнымъ себя, какъ лично, такъ и въ качествѣ государя великой державы. Но въ его характерѣ была и другая черта: способность уступать обстоятельствамъ и требованіямъ, которыя онъ считалъ выраженіемъ общаго мнѣнія, не отказываясь отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій въ глубинѣ души, отсро-

чивать ихъ исполненіе и до поры до времени слѣдовать по пути несогласному съ ними. Это свойство иные изъ его современниковъ приписывали неувѣренности въ самомъ себѣ, другіе—слабости характера и измѣнчивости взглядовъ; но едва ли они были правы и вѣрно угадывали дѣйствительную причину такого образа дѣйствій. Съ самаго восшествія на престолъ императоръ Александръ постоянно испытывалъ, что его взгляды на внутреннюю политику государства были совершенно несогласны съ значительнымъ, преобладающимъ большинствомъ русскихъ образованныхъ и власть имѣющихъ людей, т. е. дворянства. Со временъ Тильзитскаго договора еще явнѣе ему выказалось ихъ несогласіе съ внѣшнею политикою Петербургскаго кабинета, основаннаго на союзѣ и дружбѣ съ Наполеономъ. Но это мнѣніе большинства, основанное на относительной конечно образованности и безусловномъ значеніи крѣпостнаго права, опиралось на Россію, въ немъ была с и л а, уступать которой требовала историческая необходимость. Но эта сила, гордая и самоувѣренная, не подкрѣпила бы своимъ согласіемъ предложеній германскаго государственнаго человѣка: по гордости она также не сочла бы нужнымъ входить въ споры съ Наполеоновскою печатью; по самоувѣренности она отвергла бы всякую чуждую помощь—и притомъ въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ и такимъ недостойнымъ способомъ пріобрѣтенной. Но къ этой силѣ прибѣгли на помощь въ это время общее мнѣніе всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которые отовсюду стеклись въ Россію не столько водимые желаніемъ служить ей, сколько ненавистью къ Наполеону. Противъ врага, не пренебрегающаго никакими средствами, должно дѣйствовать его же оружіемъ. Не употреблялъ ли онъ всѣ способы, чтобы возмутить противъ Россіи ея подданныхъ польскаго происхожденія, не грозитъ ли возстановить крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, не обнародуетъ ли множество клеветъ и ложныхъ извѣстій?—говорили они,—выставляя притомъ иностранныя войска, находившіяся въ арміи Наполеона, какъ жертву насилія, увлеченную имъ противъ ихъ желанія. Доставить имъ возможность оставить ненавистныя имъ знамена значило бы освободить ихъ отъ ига.

Императоръ, выражая графу Огинскому въ Вильнѣ желаніе издавать при главной квартирѣ газету, для того чтобы противодѣйствовать ложнымъ извѣстіямъ, распускаемымъ эмиссарами Наполеона, говорилъ ему, что никогда не любилъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, считая ихъ унизительными для себя (qu'il regardait comme bien au dessous de lui); но понялъ, что это необходимо, потому что Наполеонъ слишкомъ пользуется такими средствами. [1])

---

[1]) «Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais 1788—1815». Paris 1827. T. 3. p. 153.

Получивъ записку барона Штейна, императоръ немедленно [1]) отвѣчалъ ему: «Я прочелъ вашу записку съ большимъ вниманіемъ и узнаю въ ней тотъ геній, которымъ вы всегда отличались. Доброе наше дѣло выиграло чрезвычайно много, пріобрѣтя васъ въ число сотрудниковъ. Въ настоящее время, какъ вы справедливо замѣтили, необходимо привесть въ исполненіе тѣ мѣры, которыя вы предлагаете въ вашей запискѣ. Вы окажете мнѣ большую услугу, если немедленно этимъ займетесь, а я съ своей стороны готовъ оказать вамъ всякое отъ меня зависимое пособіе. При первомъ нашемъ свиданіи мы переговоримъ о нужнѣйшихъ мѣрахъ».

Существенная мысль, выраженная въ запискѣ барона Штейна, заключалась въ томъ, чтобы образовать особые нѣмецкіе полки, которые, состоя подъ нашими знаменами, дѣйствовали бы совокупно съ нашими войсками противъ Наполеона. Эта мысль была давно извѣстна императору, и записка барона Штейна быть можетъ подтвердила возможность привесть ее въ исполненіе, въ чемъ вѣроятно онъ сомнѣвался прежде или считалъ такое предпріятіе или невозможнымъ по его сущности или несвоевременнымъ по политическимъ отношеніямъ къ Франціи.

При томъ положеніи, въ которомъ находилась въ это время Германія, въ ней было много военныхъ лицъ, остававшихся, такъ сказать, безъ употребленія. Эти праздныя силы образовались вслѣдствіе такихъ причинъ: Во-первыхъ всѣ тѣ, которые, по личнымъ убѣжденіямъ согласнымъ съ убѣжденіями барона Штейна, не хотѣли служить въ войскахъ германскихъ государствъ, преданныхъ Франціи, и потому вынуждены были оставить службу отечеству и разойтись по тѣмъ странамъ, гдѣ, какъ въ Испаніи, дрались противъ Наполеона, или гдѣ не признавали его господства, какъ въ Англіи, Россіи и отчасти Швеціи. Но такихъ лицъ не могло быть много, имъ нужно было имѣть достаточныя собственныя средства для своего существованія. Во-вторыхъ, всѣ тѣ, которые были уволены изъ службы Пруссіи и Австріи за неимѣніемъ мѣстъ, когда сокращено было число войскъ этихъ государствъ по волѣ Наполеона. Въ третьихъ, наконецъ, образованіе Рейнскаго союза и Вестфальскаго королевства имѣло большое вліяніе на военную службу нѣмецкихъ дворянъ. До того времени, какъ они, такъ особенно меньшіе ихъ сыновья естественно стремились въ военную службу великихъ германскихъ державъ, Пруссіи и Австріи; но въ 1809 г. Наполеонъ потребовалъ, чтобы всѣ уроженцы Рейнскаго союза были уволены отъ службы въ Австріи и Пруссіи.

Эти праздныя силы искали употребленія и нуждались въ дѣятельности. Двое изъ русскихъ, молодыхъ чиновниковъ, дипломаты графъ Нессельроде и флигель-адъютантъ Чернышевъ были знакомы со многими

---

[1]) Въ тотъ же день, 6-го (18-го) іюня 1812 года. Ред.

изъ нихъ и, находясь за границею, знали враждебное настроеніе населеній Западной Европы къ Наполеону. Имъ пришло на умъ воспользоваться этими праздными силами въ пользу Россіи. Они, въ началѣ 1811 года, написали соображенія о составленіи изъ нихъ кадровъ для нѣмецкихъ полковъ въ составѣ русской арміи, сообщили ихъ Вальмодену въ Вѣну и когда баронъ Тетенборнъ привезъ имъ въ Парижъ эти соображенія съ одобреніемъ Вальмодена, они рѣшились представить ихъ въ видѣ особой записки на усмотрѣніе русскаго императора, какъ совокупный ихъ обоихъ трудъ. Бѣдствія, которыя пали на Германію—говорятъ они въ этой запискѣ,—съ начала французской революціи, возбудили въ ней всеобщую ненависть къ французамъ. Въ войнѣ 1809 г. Австрія возлагала большую надежду на эту ненависть, которую она ловко поддерживала и возбуждала; но послѣдствія не оправдали ея ожиданій, потому что въ этомъ отношеніи не было единства въ дѣйствіи. Пруссія не только не дѣйствовала, но противодѣйствовала, а одной Австріи не довѣряли. Послѣ Вѣнскаго мира недовольство въ Германіи усилилось и особенно въ сѣверной. Нѣмцы раздражены противъ насилій Франціи, но они никогда не возстанутъ, какъ испанцы. Они будутъ думать и обдумывать и упустятъ удобное время; ихъ надо подвинуть на народный подвигъ.

Для достиженія этой цѣли, Чернышевъ и графъ Несельроде предлагали составить особый корпусъ войскъ изъ нѣмцевъ, съ нѣмецкими офицерами и подъ начальствомъ какого-нибудь извѣстнаго въ Германіи военачальника. Они указывали въ этомъ случаѣ на Вальмодена, который съ своей стороны вызывался доставить сколько угодно офицеровъ, а Тетенборнъ—артиллеристовъ для 36 орудій. Вальмоденъ брался даже составить этотъ корпусъ въ Австріи, когда начнется война. Но съ этимъ мнѣніемъ не согласились составители записки потому, во-первыхъ, что были увѣрены въ томъ, что Австрія не въ союзѣ съ нами будетъ дѣйствовать противъ французовъ, а напротивъ въ союзѣ съ ними противъ насъ, и во вторыхъ, потому, что, по ихъ мнѣнію, этотъ корпусъ тогда только можетъ принесть пользу, когда до открытія войны уже будутъ готовы кадры для 3 полковъ пѣхоты, 2 кавалеріи и 3 ротъ артиллеріи. «Ваше Величество,—писали они государю,—можете немедленно приступить къ осуществленію этой мѣры, подъ предлогомъ, что желаете соединить въ особые полки вашихъ лифляндскихъ, курляндскихъ и финляндскихъ подданныхъ, которымъ незнаніе русскаго языка часто служитъ препятствіемъ къ ревностной службѣ въ русскихъ войскахъ».

Эта записка была доставлена императору въ іюнѣ 1811 г.; а на словахъ Чернышевъ выражалъ ему эту мысль еще въ началѣ этого года. Но она не была приведена въ исполненіе и быть можетъ послужила только поводомъ къ тому, что въ это время широко были растворены

двери русской военной службы для иностранцевъ. Отправляя эту записку на имя императора, Чернышевъ въ то же время писалъ графу Румянцеву: «я позволилъ себѣ, чрезъ посредство вашего сіятельства отправить государю записку о предметѣ полезномъ и важномъ для службы Его Величества. Безъ сомнѣнія императоръ сообщитъ ее вамъ, и потому испрашиваю вашей защиты и покровительства. Чтобы воспользоваться временемъ мира, который не можетъ быть продолжителенъ, необходимо увеличивать наши средства обороны. Съ этою цѣлью я предлагаю устроить у насъ корпусъ нѣмецкихъ войскъ, не давая въ то же время повода къ жалобамъ на насъ со стороны французскаго правительства. Этотъ разсадникъ, приготовленный заранѣе, можетъ впослѣдствіи послужить для важныхъ политическихъ и военныхъ цѣлей. Предложеніе услугъ со стороны многихъ извѣстныхъ офицеровъ германскаго народа даетъ возможность привесть въ исполненіе эту мѣру и поставить во главѣ этихъ войскъ лицъ, пользующихся извѣстностію въ Германіи, способныхъ возбудить довѣріе и вызвать воодушевленіе, а это можетъ служить ручательствомъ за успѣхъ. Для насъ тѣмъ болѣе необходимо не теряя времени воспользоваться этими средствами, что грозная туча, которая собирается надъ нами, не разразилась до сихъ поръ потому только, что это не соотвѣтствуетъ видамъ Наполеона; но тѣмъ не менѣе опасность существуетъ, и грозная туча разразится въ непродолжительномъ времени. Чтобы уменьшить по возможности эту опасность, слѣдуетъ воспользоваться тѣмъ временемъ затишья, которымъ мы пользуемся по милости плохаго оборота французскихъ дѣлъ въ Испаніи, увеличимъ свои силы и вообще всѣ приготовленія къ войнѣ, отъ которыхъ единственно будетъ зависѣть наше существованіе».

Ободренный отзывомъ императора и, можетъ быть, послѣ свиданія съ нимъ, черезъ два дня баронъ Штейнъ представилъ новую записку [1]), въ которой указывалъ на способы привесть въ исполненіе предложенныя имъ мѣры. Онъ предлагалъ избрать нѣсколькихъ лицъ и поручилъ имъ главное управленіе всѣми способами дѣйствій на Германію; снабдить тайными наставленіями и деньгами Грунера и уполномочить выбрать надежныхъ людей и разослать ихъ въ разныя мѣстности для образованія вооруженныхъ шаекъ. «Грунеръ,—писалъ онъ,—можетъ располагать многими людьми, которые только ожидаютъ подобной дѣятельности и которые составятъ эти шайки изъ недовольныхъ прусскихъ, гессенскихъ и ганноверскихъ солдатъ». Онъ долженъ выйти съ производителями тайной торговли на богемской границѣ, чтобы распространить различныя изданія, направленныя противъ французовъ, въ Германіи, и при-

[1]) Вильна 8-го (20-го) іюня 1812 года.

готовить всѣ средства для печатныхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ содержаніе будетъ ему сообщаемо отсюда. Чрезъ него же онъ совѣтовалъ послать паспортъ для Арндта, съ которымъ бы онъ, подъ видомъ купца, могъ проѣхать въ Россію. Министру народнаго просвѣщенія онъ предлагалъ дать порученіе разослать награды тѣмъ писателямъ, которыхъ онъ перечислилъ въ первой запискѣ. Развивая далѣе свое предложеніе, онъ совѣтовалъ присоединить къ нимъ и такихъ, которые—«отличаясь учеными достоинствами совершенно, равнодушны къ политическому положенію Германіи, какъ знаменитый филологъ Вольфъ въ Берлинѣ, Гёте, Виландъ,—даже можно наградить извѣстнаго пражскаго ученаго математика Герстнера». Что касается до призыва перебѣжчиковъ, то кромѣ назначенія для нихъ особыхъ начальниковъ и сборныхъ мѣстъ баронъ Штейнъ предлагалъ составить воззваніе и къ нимъ и распустить его въ иностранныхъ войскахъ Наполеона. «Это воззваніе,—писалъ онъ государю,—должно быть написано съ достоинствомъ, просто, и въ немъ ясно выразить, что Его Величество намѣренъ освободить Германію отъ ига».

Въ первой запискѣ онъ указывалъ, что и между французскими генералами есть много недовольныхъ Наполеономъ, въ этой онъ предлагалъ уже «черезъ графа Левенгельма просить наслѣднаго шведскаго принца, чтобы онъ указалъ на средства, которыми возможно воспользоваться для привлеченія ихъ на свою сторону».

Довѣряя способностямъ барона Штейна и его опытности въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики Германіи, императоръ согласился съ его предложеніями, учредилъ особый комитетъ по дѣламъ Германіи и поручилъ ему составить воззваніе къ нѣмцамъ, служившимъ подъ знаменами Наполеона. Комитетъ долженъ быть состоять подъ предсѣдательствомъ герцога Ольденбургскаго; но за его отсутствіемъ временное предсѣдательство поручено было его сыну, принцу Георгу, супругу великой княгини Екатерины Павловны. Членами этого комитета были: баронъ Штейнъ, графъ Ливенъ, бывшій нашъ посолъ при Берлинскомъ дворѣ, и графъ Кочубей. На основаніи первыхъ совѣщаній комитета, составлена была инструкція для его дѣйствій и одобрена императоромъ. «Германія противъ ея желанія увлечена въ настоящую войну,—говорилось въ ней,—вызываетъ на чрезвычайныя соображенія, на которыя должно обратить вниманіе» и которыя сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Члены комитета знакомы съ положеніемъ Германіи, и потому на нихъ возлагалась обязанность войти въ сношенія съ лицами, которымъ вполнѣ извѣстны статистика и государственныя права Германіи съ тѣмъ, чтобы можно было пользоваться въ случаѣ нужды собранными ими свѣдѣніями.

2. Все, что ни совершается теперь въ Германіи, въ высшей степени важно, и потому комитетъ долженъ изыскать способы для полученія своевременныхъ свѣдѣній о всѣхъ происшествіяхъ.

3. Успѣху происшествій для достиженія предполагаемыхъ цѣлей очень часто способствуетъ извѣстность о нихъ, и потому комитету поручалось руководить общественнымъ мнѣніемъ, обнародывая свѣдѣнія объ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ и о всемъ томъ, что непріятель пожелалъ бы скрывать, съ тою цѣлію, чтобы возбудить въ угнетенныхъ народахъ надежду на наши войска и приготовить ихъ не только дружелюбно встрѣтить ихъ въ своей странѣ, но и содѣйствовать имъ.

4. Комитету поручалось призывать въ нашу службу нѣмцевъ; но дѣйствовать осторожно въ этомъ случаѣ, не возбуждая къ внезапному возстанію народъ и не подвергая опасности частныхъ лицъ. Что же касается до нѣмцевъ, которые оставили свое отечество, избѣгая чужеземнаго ига, и выразили желаніе вступить въ нашу службу, то изъ нихъ предполагалось немедленно составить особые корпуса въ составѣ нашихъ войскъ. «Тѣ изъ нѣмцевъ, которые убѣждены,—сказано въ инструкціи,—что, служа подъ нашими знаменами, они будутъ служить въ пользу своего отечества, несмотря на то, что ихъ законные государи находятся въ войнѣ съ нами, какимъ бы образомъ они ни оказались въ Россіи, какъ перебѣжчики или плѣнные, будутъ соединены въ отдѣльные корпуса пѣхоты, конницы и артиллеріи».

Во время войны эти корпуса должны были дѣйствовать совокупно съ нашими войсками. Въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны и освобожденія ихъ отечества отъ чужеземнаго ига, каждый могъ свободно возвратиться на свою родину или оставаться въ Россіи. Для приведенія въ исполненіе этой мѣры предполагалось назначить особыхъ офицеровъ «нѣмецкаго легіона», на всѣхъ аванпостахъ нашихъ войскъ для пріема плѣнныхъ нѣмцевъ и препровожденія ихъ въ Ревель и Кіевъ, гдѣ будутъ устроены д е п о для образованій изъ нихъ частей для предположенныхъ нѣмецкихъ корпусовъ войскъ. Въ отношеніи къ солдатамъ не сдѣлано никакой оговорки; но что касается до офицеровъ, то имъ обѣщанъ пріемъ въ эти корпуса тѣми же чинами, но если только комитетъ убѣдится въ «преданности, вѣрности и способности къ службѣ». Къ нѣмцамъ высшихъ сословій выражено явное недовѣріе, безъ сомнѣнія потому, что большинство изъ нихъ было поклонниками Наполеона, или,—какъ выражаются нѣмецкіе историки, принадлежали къ «французской партіи», въ составъ которой, за немногими исключеніями, входили всѣ образованныя сословія Германіи.

Въ нѣмецкіе корпуса дозволялось принимать и русскихъ офицеровъ, для того чтобы помочь знаніемъ русскаго языка своимъ незнавшимъ его товарищамъ и подчиненнымъ сноситься съ русскими военными вла-

стями. Съ этою цѣлію дозволялось комитету приглашать въ эти корпуса «нашихъ дворянъ курляндскихъ, лифляндскихъ и эстляндскихъ въ качествѣ унтеръ-уфицеровъ» и собственною властью производить ихъ въ офицеры. Эти иностранныя войска во все время службы должны были подчиняться конечно русскимъ военнымъ законамъ, и комитетъ обязывался о назначеніи офицеровъ давать знать военному министерству.

Инструкція нѣмецкому комитету была обдуманно составлена, но ея составители не могли не обратить вниманія на то, что могутъ возникнуть неожиданныя обстоятельства, которыхъ не разрѣшатъ выраженныя въ ней правила. Поэтому «во всѣхъ случаяхъ, которые не предвидѣны въ этой инструкціи,—говоритъ послѣдній ея параграфъ,—предсѣдатель комитета лично долженъ докладывать императору и вообще доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствіяхъ комитета». Проектъ этой инструкціи, конечно вслѣдствіе особеннаго расположенія, былъ сообщенъ императоромъ барону Штейну, хотя онъ участвовалъ, какъ членъ, въ совѣщаніяхъ комитета, на основаніи которыхъ онъ былъ составленъ. Баронъ Штейнъ представилъ императору свои замѣчанія. Войти въ качествѣ члена въ составъ коллегіальнаго учрежденія, по дѣламъ котораго будетъ докладывать государю предсѣдатель, конечно, не соотвѣтствовало его видамъ. Замѣтивъ только, что вслѣдствіе враждебныхъ отношеній Австріи къ Россіи закрылись пути для тайной переписки съ своими единомышленниками и что слѣдуетъ изыскать новые, онъ совѣтовалъ «какъ можно упростить дѣлопроизводство въ этомъ комитетѣ, устранивъ тяжелыя коллегіальныя формы и принявъ тотъ способъ веденія дѣлъ, который употребляется въ конторахъ, гдѣ каждый занимается отдѣльною частью и общему собранію докладываетъ только о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій и о дѣлахъ особенно важныхъ». «Военная часть составитъ наибольшее число дѣлъ и если о всѣхъ ихъ докладывать комитету,—писалъ баронъ Штейнъ,—то это затруднитъ и замедлитъ ходъ другихъ дѣлъ». Устраняя свою личную дѣятельность отъ соучастія другихъ членовъ комитета, онъ желалъ также придать ей самостоятельное значеніе, сохранивъ за каждымъ изъ членовъ права личнаго доклада государю. «До сихъ поръ,—писалъ онъ,—каждый изъ членовъ пользовался честью непосредственнаго представленія государю. Было бы имъ тяжело лишиться этого важнаго преимущества».

Въ то же время, какъ былъ образованъ этотъ комитетъ, императоръ, по совѣту барона Штейна, поручилъ ему самому составить проектъ воззванія къ нѣмцамъ, служившимъ подъ знаменами Наполеона. Разсмотрѣвъ этотъ проектъ, государь зачеркнулъ или измѣнилъ всѣ рѣзкія и бранныя выраженія, относившіяся къ императору Наполеону, и за подписью главнокомандующаго, Барклая-де-Толли, велѣлъ напечатать и разослать

начальникамъ передовыхъ войскъ для распространенія между непріятельскими войсками.

Это воззваніе, о которомъ съ такимъ негодованіемъ говорилъ Балашеву императоръ Наполеонъ, было напечатано въ слѣдующемъ видѣ:

«Нѣмцы!

«Зачѣмъ вы воюете съ Россіею, перешли ея границы, вражески относитесь къ ея народонаселенію, тогда какъ, въ продолженіе многихъ столѣтій, она постоянно находилась въ дружескихъ къ вамъ отношеніяхъ, принимала къ себѣ тысячи вашихъ соотечественниковъ, вознаграждала ихъ дарованія и поощряла ихъ занятія торговлею и промыслами? Что побудило васъ на это несправедливое нашествіе, которое грозитъ гибелью вамъ самимъ и можетъ окончиться или смертью ста тысячъ васъ самихъ или совершеннымъ порабощеніемъ для васъ? Впрочемъ, вы не по своему желанію рѣшились на это нашествіе, вашъ здравый умъ, ваше чувство справедливости не допустили бы васъ до этого; вы—несчастное орудіе въ рукахъ иноземнаго властолюбія, которое неуклонно стремится къ порабощенію всей Европы.

«Нѣмцы!

«Жалкое и постыдное орудіе чуждаго властолюбія, образумьтесь, вспомните, что въ продолженіе столѣтій вы были великимъ народомъ въ исторіи, отличившимся успѣхами въ наукахъ и художествахъ во время мира и доблестью въ войнѣ, возьмите за образецъ Испанію и Португалію, гдѣ сила воли цѣлаго народа успѣшно противодѣйствуетъ иноземному порабощенію. Вы угнетены, но не выродились и не унизились; многіе изъ васъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ, забыли свои обязанности въ отношеніи къ отечеству; но большая часть изъ вашего народа честны, храбры, недовольны чужеземнымъ порабощеніемъ, вѣрны Богу и отечеству.

«Вы, которыхъ завоеватель пригналъ къ границамъ Россіи, оставьте знамена рабства и соберитесь подъ знаменами отечества, свободы, народной чести, которыя будутъ подняты подъ защитою русскаго императора, моего милостиваго повелителя. Онъ обѣщаетъ вамъ помощь всѣхъ храбрыхъ русскихъ людей изъ 50 милліоновъ своихъ подданныхъ, рѣшившихся вести войну до послѣдняго издыханія за свою независимость и народную честь.

«Его Величество императоръ Александръ поручилъ мнѣ всѣхъ храбрыхъ нѣмецкихъ солдатъ и офицеровъ, которые перейдутъ къ намъ, помѣщать въ нѣмецкій легіонъ. Надъ вами будетъ начальникомъ одинъ изъ государей Германіи, который дѣлами и пожертвованіями доказалъ свою преданность дѣлу отечества, и ваше назначеніе будетъ состоять въ томъ, чтобы снова завоевать свободу Германіи. Когда великая цѣль будетъ достигнута, признательное отечество вознаградитъ мужествен-

ныхъ и вѣрныхъ своихъ сыновъ за спасеніе его отъ послѣдней погибели.

«Если же борьба и не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то мой милостивый государь обѣщаетъ обезпечить ваше существованіе въ южныхъ областяхъ Россіи.

«Нѣмцы, избирайте одно изъ двухъ или послѣдуйте за призывомъ отечества и чести и потомъ наслаждайтесь наградами за мужество и подвиги, — или пригибайтесь болѣе и болѣе подъ то иго, которое васъ угнетаетъ къ стыду, униженію и насмѣшкѣ иностранцевъ и проклятію вашихъ потомковъ».

Въ приведенномъ воззваніи вполнѣ выразился характеръ и образъ мыслей барона Штейна; не осталось въ немъ только слѣдовъ той злобы, которую внушалъ къ себѣ «великій завоеватель» даже въ людяхъ, одаренныхъ необыкновенными способностями: ихъ истребилъ для исторіи карандашъ русскаго императора къ чести Россіи и своего высокаго положенія. Но этотъ образъ мыслей раздѣляли весьма немногіе изъ соотечественниковъ барона Штейна. Въ первыхъ же засѣданіяхъ комитета, послѣ окончательнаго его образованія, во время пребыванія главной квартиры въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, произошло важное разногласіе. Братъ предсѣдателя комитета, принцъ Августъ Ольденбургскій, представилъ записку, въ которой доказывалъ, что, обращаясь къ Германіи, не слѣдуетъ возбуждать народъ и пользоваться содѣйствіемъ тайныхъ обществъ, но обратиться къ государямъ, лишившимся своихъ владѣній, и, обѣщая имъ, что они будутъ имъ возвращены, употребить ихъ орудіемъ для своихъ цѣлей.

Такое предложеніе, рѣшительно противоположное взглядамъ барона Штейна, конечно, возмутило его и вынудило яснѣе выразить свой образъ мыслей, не стѣсняясь придворными соображеніями. Главное основаніе, – писалъ онъ въ своемъ возраженіи на эту записку [1]), — состоящее въ томъ, чтобы дѣйствовать исключительно посредствомъ изгнанныхъ государей, приведетъ: во 1) къ разъединенію силъ, которыя необходимы для дѣйствія, во 2) отдастъ эти силы въ руки совершенно неспособныхъ людей и въ 3) оставитъ безъ употребленія средства тѣхъ областей, которыя не принадлежали изгнаннымъ государямъ. То предпріятіе, которое мы начинаемъ, неужели можетъ быть ввѣрено или ганноверскому правительству, котораго глава—въ Лондонѣ, или гессенскому, во главѣ котораго находится ничтожный и корыстолюбивый старикъ, или правительству Фульды, которой государь имѣлъ бы

---

[1]) Эта записка была вручена императору Александру 6-го (18-го) сентября 1812 года. Ред.

свое собственное мнѣніе, или брауншвейгскому, котораго государемъ трудно руководить, или ольденбургскому, которое, по своей мудрости и нравственнымъ началамъ, заслуживаетъ полнаго довѣрія, но которое едва-ли будетъ обладать достаточною силою, чтобы исчисленныхъ выше своихъ сотоварищей, ихъ кабинеты, министровъ, генераловъ, камердинеровъ и любовницъ, включая сюда и госпожу Шлотгеймъ, подвигнуть на общее дѣло.

Въ этихъ замѣчаніяхъ на записку принца Августа Ольденбургскаго, которыя, конечно, не предназначались для обнародованія, баронъ Штейнъ со всею откровенностію выразилъ свой взглядъ на положеніе Германіи. Но онъ не опасался этого обнародованія. Въ составленномъ имъ проектѣ воззванія къ нѣмцамъ, служившимъ въ войскахъ императора Наполеона, находились слѣдующія строки: «Всѣ угнетены, но не развращены, и не выродились, хотя почти всѣ ваши государи измѣнили дѣлу отечества, вмѣсто того, чтобы пролить за него свою кровь; хотя большая часть вашего дворянства и чиновниковъ предложили свои услуги для погибели отечества, вмѣсто того, чтобы его защищать». Но эти строки подъ карандашемъ русскаго императора превратились въ обнародованномъ воззваніи въ слѣдующее выраженіе: «многіе изъ васъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ, забыли свои обязанности въ отношеніи къ отечеству». Русскій императоръ, по самому своему высокому положенію, чувствовалъ тоньше значеніе и силу совершавшихся и грядущихъ событій и, не увлекаясь злобою дня, вычеркнулъ оскорбительныя выраженія въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ желалъ привлечь къ участію въ общемъ дѣлѣ.

Устраняя личный тяжелый опытъ участія барона Штейна въ общихъ дѣлахъ Германіи и Пруссіи, въ особенности, опытъ, который не могъ не имѣть на него вліянія, и предполагая, что сильная душа способна преодолѣть личныя впечатлѣнія, какъ бы глубоко ни врѣзались они въ ея существо, самый ходъ историческихъ событій могъ убѣдить его, что Германія собственными своими силами спасена быть не можетъ. Таковъ и былъ его образъ мыслей.

На государей Германіи, которыхъ политика была основана на корыстныхъ видахъ, онъ не возлагалъ никакой надежды, точно такъ же, какъ и на высшія сословія, воспитанныя подъ сильнымъ вліяніемъ французской образованности и увлеченныя необычайными успѣхами Наполеона. Оставалась одна надежда—на народъ. Эта стихія, составлявшая необходимую основу всѣхъ государствъ, забытая дотолѣ, угнетенная и презираемая за необразованность, вдругъ и неожиданно получила важное значеніе въ соображеніяхъ государственныхъ людей, противниковъ Наполеона, съ тѣхъ поръ какъ народное возстаніе въ Испаніи съ успѣхомъ противодѣйствовало нашествію великаго завоевателя. Не было

похвалъ, которыми не осыпали бы подвиговъ гверильясовъ. Но для народа необходимы руководители въ его дѣйствіяхъ. На Пиринейскомъ полуостровѣ, конечно, не кадикское правительство, но англійскія войска, предводимыя Веллингтономъ, служили средоточіемъ военныхъ дѣйствій и придавали общее значеніе частнымъ подвигамъ гверильясовъ. Но кто же въ это время могъ руководить возстаніемъ германскаго народа?.....

Штейнъ смотрѣлъ на Россію какъ на единственное достаточно сильное орудіе для спасенія Германіи, а на русскаго императора, какъ на единственнаго государя, чуждаго своекорыстныхъ видовъ и готоваго дѣйствовать для общаго блага. Когда баронъ Штейнъ пріѣхалъ въ Вильну, императоръ поручилъ графу Несельроде узнать, какое бы онъ желалъ занять мѣсто. «Я не имѣю намѣренія вступать въ русскую службу; но въ виду военныхъ дѣйствій буду заботиться о благѣ Германіи».

Но пока вопросъ о войнѣ ими еще не былъ рѣшенъ, его, также какъ и многихъ другихъ враговъ Наполеона, не могла не смущать мысль о возможности мирнаго исхода враждебныхъ отношеній между Россіею и Франціею. Въ нее долго вѣрилъ графъ Румянцевъ и постоянно выражалъ во всеуслышаніе, какъ дипломатъ старой школы, привыкшій до конца скрывать настоящіе виды своей политики. Это раздражало барона Штейна, и онъ осыпалъ незаслуженною бранью русскаго канцлера, отмщая на немъ свой гнѣвъ за мысль о возможности мира съ Наполеономъ, который безъ сомнѣнія могъ быть заключенъ не иначе, какъ въ ущербъ Германіи. Но могъ ли даже въ это время русскій канцлеръ надѣяться на мирный исходъ несогласій между Россіею и Франціею? Конечно, не могъ. Именно въ это время, когда уже прекратились обыкновенныя наши дипломатическія сношенія съ европейскими дворами, еще находился въ Штутгардтѣ нашъ посланникъ при виртембергскомъ королѣ Алопеусъ. Въ частномъ къ нему письмѣ, отправленномъ съ совѣтникомъ этого посольства Шредеромъ, графъ Румянцевъ писалъ ему: «Изъ Парижа продолжаютъ приходить извѣстія, что тамъ предпочитаютъ войнѣ путь мирныхъ переговоровъ. Я увѣренъ, что тамъ только и думаютъ, что о войнѣ; но можетъ быть военные замыслы плохо соотвѣтствуютъ современному положенію Франціи».

Переходъ Наполеоновыхъ войскъ черезъ Нѣманъ положилъ конецъ сомнѣніямъ барона Штейна и усилилъ его дѣятельность. Едва главная квартира императора достигла Свѣнцянъ, какъ онъ представилъ 15-го (27-го) іюня новую записку императору, въ которой еще яснѣе и опредѣленнѣе выразилъ свой взглядъ на положеніе Германіи. «Война началась,—писалъ онъ,—а потому не слѣдуетъ медлить для принятія дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы возбудить возстаніе въ Германіи». Съ трудомъ выдерживалъ баронъ Штейнъ отсрочку враждебныхъ дѣйствій противъ императора Наполеона, которыя онъ предлагалъ и которыя отсрочивалъ рус-

скій императоръ, пока еще не началась война. Съ радостію онъ узналъ, что война началась, и при этомъ важномъ событіи счелъ нужнымъ заявить русскому императору: «первый вопросъ, который возбуждаетъ эта война, состоитъ въ томъ: можно ли разсчитывать на добровольное, значительное возстаніе части германскаго народа или его слѣдуетъ вызвать и поддержать посредствомъ войскъ? Если этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, тогда уже слѣдуетъ обратиться къ соображеніямъ о томъ, какъ должны дѣйствовать войска, чтобы возбудить возстаніе. Какъ не раздражены однако же нѣмцы противъ иноземнаго ига, я не полагаю однакоже, чтобы они могли произвесть добровольно возстаніе въ значительныхъ силахъ, на успѣхъ котораго можно бы разсчитывать. Южная Германія, жители которой воспріимчивѣе къ впечатлѣнію и способнѣе къ воодушевленію, не могутъ разсчитывать ни на какую военную помощь съ тѣхъ поръ, какъ Австрія вступила въ союзъ съ французами. Въ сѣверной Германіи народъ раздраженъ угнетеніемъ, и въ нѣкоторыхъ областяхъ существуетъ глухое броженіе, но онъ холоденъ и неподвиженъ. Его возстаніе будетъ задержано множествомъ богатыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ и собственною его привычкою къ существующему порядку дѣлъ. Нужно употребить иныя средства, а не простыя возбужденія и воззванія».

Хотя баронъ Штейнъ, разочарованный въ правительствахъ и высшихъ сословіяхъ Германіи, полагалъ, что единственная сила, которая могла бы противоборствовать завоевателю, заключалась въ народѣ, но думалъ однакоже, что какъ по своему положенію, такъ и его характеру, нѣмецкій народъ не способенъ къ общему добровольному возстанію противъ насилія, какъ испанцы; къ поголовному и добровольному возстанію испанцевъ присоединилась уже помощь и руководство Англіи и кадикскаго правительства. Нѣмецкій народъ находился въ иномъ положеніи, его слѣдовало, по мнѣнію барона Штейна, принудить къ возстанію и съ этою цѣлію сдѣлать высадку значительнаго корпуса войскъ на сѣверные берега Германіи, который въ то же время угрожалъ бы флангу и тылу Наполеоновыхъ войскъ. Мысль о такой высадкѣ, совокупно съ шведами подъ главнымъ предводительствомъ Бернадота, входила въ соображенія императора, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ на другой флангъ непріятеля въ Иллиріи, сѣверной Италіи и Тиролѣ, для котораго предназначалась Дунайская армія. Но въ короткій промежутокъ времени отъ перехода непріятеля черезъ Нѣманъ и до прибытія нашей главной квартиры въ Свѣнцяны совершилась важная перемѣна въ военныхъ соображеніяхъ. По всѣмъ извѣстіямъ отъ передовыхъ нашихъ войскъ не подлежало уже никакому сомнѣнію, что непріятель вторгся въ предѣлы Россіи съ такимъ числомъ войскъ, которымъ не могла противустоять первая армія. Не раздроблять военныя силы, не предприни-

мать отдаленныя побочныя дѣйствія, но всѣми возможными способами усилить войска, дѣйствовавшія въ средоточіи войны—вотъ мысль, которая не давала покоя и напрягала всѣ силы дѣятельности русскаго императора. Въ это время онъ предписалъ второй западной арміи поспѣшить на соединеніе съ первою, недолго спустя послѣ того онъ положилъ предѣлъ воинственнымъ мечтаніямъ адмирала Чичагова и предписалъ ему идти въ предѣлы имперіи и соединить Дунайскую армію съ войсками генерала Тормасова; мысль о народномъ ополченіи составляла уже предметъ соображеній. Возможно ли было въ это время думать о томъ, чтобы послать значительный корпусъ русскихъ войскъ на сѣверные берега Германіи и уменьшать способы защиты своего отечества?

Барону Штейну, конечно, не были извѣстны тайныя мысли императора и его военныя распоряженія; онъ не имѣлъ съ нимъ свиданія послѣ отъѣзда изъ Вильны до прибытія въ Дрисскій лагерь. Убѣжденный въ возможности этой экспедиціи, также какъ и въ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ непріятеля Дунайской арміи, онъ написалъ и представилъ на одобреніе императору 18-го (30-го) іюня письмо къ графу Мюнстеру въ Лондонъ, которому сообщилъ эти соображенія. Императоръ одобрилъ письмо, можетъ быть еще колеблясь въ рѣшеніяхъ о назначеніи Дунайской арміи и корпуса войскъ, находившагося въ Финляндіи, и вѣроятнѣе потому, что не представлялось никакой нужды сообщать тайны русской политики ни барону Штейну, ни его другу, графу Мюнстеру. Но и баронъ Штейнъ съ своей стороны начиналъ понимать положеніе дѣлъ.

«Дѣйствительнымъ средствомъ возбудить народное возстаніе въ Германіи,—писалъ онъ императору въ вышеупомянутой запискѣ отъ 15-го (27-го) іюня,—будетъ высадка войскъ, которыя заняли бы значительное пространство земли, смѣнили бы все управленіе и привели бы въ движеніе всѣ перья, чтобы возбудить страсти толпы. Но одна Россія не можетъ поставить этого войска. Она должна воспользоваться всѣми своими военными средствами, для того чтобы противоборствовать непріятелю, вторгнувшемуся въ ея границы, затягивать это противодѣйствіе и воспользоваться потомъ своимъ успѣхомъ. Поэтому вторженіе въ Германію она должна возложить на своихъ союзниковъ. Что касается до высадки, то ее слѣдуетъ произвесть въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ французскихъ войскъ, чтобы имъ было трудно отдѣлить часть своихъ силъ для противодѣйствія ей. Поэтому мнѣ кажется наиболѣе удобною страна между Эльбою и Иселемъ, нежели между Одеромъ и Вислою. Послѣдняя составляетъ узкую полосу между берегомъ и Польшею, и настроеніе народонаселенія не представляетъ тѣхъ удобствъ, какъ въ первой. Притомъ и французамъ туда легче будетъ

отдѣлить часть своихъ войскъ. Если избрать первую страну, то высадка можетъ быть произведена въ двухъ мѣстахъ: шведское войско можетъ высадиться у Любека, англійское вмѣстѣ съ нѣмецкимъ легіономъ у Емдена. Войска должны воспользоваться всѣми военными средствами страны, гдѣ будутъ высажены, и усилиться изъ ихъ народонаселенія, употребивъ слѣдующіе къ этому способы: послѣ высадки въ Любекѣ и Емденѣ войска должны войти въ сообщеніе одно съ другими по Эльбѣ и всю страну между Эльбою и Одеромъ считать поприщемъ для ихъ военныхъ дѣйствій, гдѣ какъ можно долѣе они должны задерживать войска, которыя бы противъ нихъ послалъ Наполеонъ. Между тѣмъ войска, высадившіяся въ Эмденѣ, должны устроить опорные пункты въ восточной Фрисландіи и Бременѣ. Эта Фрисландія вообще мало доступна, она покрыта обширными болотами, черезъ которыя проложено немного дорогъ. Онѣ могутъ быть защищены полевыми укрѣпленіями. Защиту этой страны можно ввѣрить самому народонаселенію, которое надо снабдить оружіемъ. Оно очень недовольно новымъ порядкомъ дѣлъ, лишившимъ его прежнихъ вольностей, и тѣсно связано съ англичанами вслѣдствіе торговыхъ сношеній.

«Утвердившись на берегахъ Эльбы, соединенныя войска могли бы въ ихъ тылу ввесть военное устройство во всей сѣверной Германіи между Эльбою, Иселемъ, Рейномъ и Тюрингскимъ лѣсомъ. Эта часть Германіи состоитъ преимущественно изъ прежнихъ прусскихъ областей и изъ ганноверскихъ и гессенскихъ владѣній, населена мужественнымъ народомъ и привыкшимъ къ военному устройству».

Населеніе этихъ странъ, по разсчету барона Штейна, могло доставить до 75 тысячъ воиновъ безъ ландвера и ландштурма.

75 тысячъ строевыхъ войскъ вмѣстѣ съ высадившимися шведскими и англійскими войсками и нѣмецкимъ легіономъ, конечно, составили бы почтенную силу, точно такъ же, какъ и Дунайская армія, подкрѣпленная славянскими и недовольными Венгріи, сѣверной Италіи, Тироля и Швейцаріи, составили бы еще болѣе грозную. Эти двѣ диверсіи могли бы угрожать большою опасностью тылу и обоимъ флангамъ Наполеоновыхъ ополченій и совершенно измѣнить ходъ событій. Но обѣ эти силы существовали только въ воображеніи. Чтобы составить 75 тысячъ войскъ въ сѣверной Германіи, прежде всего нужно было — время.

Время года уже значительно подвинулось впередъ, писалъ баронъ Штейнъ, а для исполненія этихъ предположеній нужно имѣть довольно времени, и потому безконечно важно поспѣшить соглашеніями съ союзниками Россіи, т. е. съ Англіею и Швеціею. Но соглашеніе Россіи съ Англіею еще не состоялось. Она отвергла всѣ тѣ условія, которыя обязывали ее помогать и содѣйствовать экспедиціи адмирала Чичагова. Она торговалась о денежныхъ пособіяхъ и неохотно относилась къ

желанію наслѣднаго принца шведскаго пріобрѣсть Норвегію въ уплату за измѣну Франціи; а между тѣмъ политика Россіи поставлена была въ такое положеніе, что ея союзъ съ Англіею могъ совершиться не иначе, какъ вмѣстѣ съ Швеціею. Императоръ Наполеонъ вѣрно понималъ обстоятельства; дѣйствительно Россіи не нужно было болѣе 24 часовъ времени, какъ говорилъ онъ, для того чтобы заключить союзъ съ Англіею. Но шведскія условія союза, съ одной стороны, и условія Россіи о содѣйствіи Англіи предпріятіямъ адмирала Чичагова, съ другой,—останавливали ходъ дѣлъ. Наслѣдный принцъ шведскій охотно предпринималъ начальство надъ войсками, которыя должны были высадиться въ Германіи, но при такихъ условіяхъ, чтобы Англія дала деньги и притомъ въ томъ количествѣ, которое онъ назначалъ, а Россія—корпусъ своихъ войскъ въ его распоряженіе. Войска, находившіяся въ Финляндіи, и предназначались для этой цѣли. Но участіе Швеціи въ общихъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона условливалось ея частными видами на присоединеніе Норвегіи. Это обстоятельство естественно усложняло общія дѣйствія войною противъ Даніи. Это обстоятельство весьма смущало барона Штейна, занятаго исключительно направленіемъ общаго хода дѣлъ къ пользамъ Германіи.

Послѣ того, какъ императоръ изъявилъ одобреніе тѣмъ предположеніямъ, которыя онъ изложилъ въ запискѣ, составленной въ Свѣнцянахъ, баронъ Штейнъ сообщилъ о нихъ своимъ единомышленникамъ и съ особою подробностію графу Мюнстеру въ Лондонѣ, такъ какъ ихъ успѣхъ зависѣлъ по преимуществу отъ содѣйствія Англіи. Представляя императору проектъ этого письма [1]), баронъ Штейнъ писалъ ему: «составляя это письмо и размышляя о томъ, что Ваше Величество благоволили сообщить мнѣ о предположеніяхъ наслѣднаго шведскаго принца, мнѣ представились слѣдующія соображенія, которыя осмѣливаюсь представить на ваше воззрѣніе. Наслѣдный принцъ разсчитываетъ на то, что потеря Зеландіи и столицы вынудитъ датскаго короля уступить Норвегію. Я сомнѣваюсь, чтобы король, извѣстный своею гордостью и упрямствомъ, рѣшился на эту уступку иначе, какъ при самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ. Онъ удалится съ остатками своихъ войскъ на полуостровъ и будетъ продолжать войну, которая не будетъ имѣть никакого вліянія на дѣйствія французской арміи и не послужитъ диверсіею. Въ крайнемъ случаѣ онъ бросится въ руки Наполеону, которому въ продолженіе этого времени принуждена будетъ противодѣйствовать исключительно одна Россія. Если же успѣхъ будетъ на его сторонѣ, то очевидно, что датскому королю будутъ возвращены его владѣнія. Только одна прямая высадка на берега Германіи можетъ послужить диверсіею

[1]) Видзи 18-го (30-го) іюня 1812 года.

для французской арміи, принудитъ ее раздѣлить свои силы, увеличитъ силы союзниковъ, воспользовавшись вооруженіями части Германіи и даже можетъ способствовать видамъ наслѣднаго принца на увеличеніе своихъ владѣній».

Частные виды союзниковъ Россіи, безъ сомнѣнія, усложняли общій ходъ дѣлъ, противорѣчили одни другимъ и затрудняли политику русскаго кабинета; но только цѣною этихъ видовъ и можно было пріобрѣсть союзниковъ. По необходимости императоръ долженъ былъ принимать ихъ въ соображеніе. «Ваши разсужденія о томъ, какъ слѣдовало бы дѣйствовать наслѣдному шведскому принцу,—отвѣчалъ онъ барону Штейну,— конечно, основательны; но въ этомъ надо убѣдить его самого. Но не должно ему слишкомъ противорѣчить, иначе онъ можетъ предаться въ руки Франціи, тѣмъ болѣе, что, не получая значительной помощи отъ англичанъ, ему трудно поддерживать политику враждебную Франціи, не имѣя англійскихъ войскъ въ своемъ распоряженіи, въ такой бѣдной странѣ, какъ Швеція. Во всякомъ случаѣ, я постараюсь убѣдить его».

Торговыя отношенія сильно связывали Швецію съ Англіею, но британское правительство съ недовѣріемъ относилось къ бывшему маршалу Франціи, неохотно соглашалось на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи и торговалось о денежныхъ пособіяхъ. Еще съ большимъ недовѣріемъ относилось оно къ предполагаемымъ дѣйствіямъ Дунайской нашей арміи. Хотя императоръ и оставилъ въ письмѣ барону Штейну то мѣсто, въ которомъ онъ выражаетъ надежду, что Англія окажетъ содѣйствіе предпріятіямъ Дунайской арміи, но ему уже хорошо было извѣстно, какъ относился къ нимъ великобританскій кабинетъ. Надежда императора убѣдить наслѣднаго шведскаго принца измѣнить первоначальныя свои предположенія увѣнчалась успѣхомъ впослѣдствіи, но самая высадка шведскимъ войскъ въ Германію состоялась только въ слѣдующемъ году.

При быстромъ отступленіи нашихъ войскъ и отъѣздѣ императора изъ Дрисскаго лагеря въ Москву, распался и самъ комитетъ по дѣламъ Германіи. Принцъ Георгъ Ольденбургскій получилъ приказаніе императора отправиться въ Тверь для участія въ образованіи ополченія, и мѣсто предсѣдателя комитета временно поручено было его брату, принцу Августу. Кочубей уѣхалъ въ Петербургъ, князь Ливенъ не долго спустя назначенъ былъ посломъ въ Англію, а самъ баронъ Штейнъ въ свитѣ императора поѣхалъ за нимъ въ Москву.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

X [1]).

Зима до третьяго лагеря прошла въ ожиданіи, скоро ли будетъ развязка съ Марачинскимъ и Колотовымъ, которые, кажется подъ видомъ болѣзни, почти не показывались на ученьяхъ. Общество офицеровъ стало разъединяться; полковникъ Энгельманъ, товарищъ по кадетскому корпусу Габбе, не показывался на квартирахъ тѣхъ, къ кому прежде хаживалъ, Варпаховскій, получивъ въ командованіе 2-й батальонъ, отдѣлился даже отъ Пущина и Габбе, снисхожденіемъ которыхъ удержался въ полку, когда его высочество, передъ фронтомъ, назвалъ его, кажется еще въ капитанскомъ чинѣ, «гороховымъ шутомъ». По всему видно было, что взглядъ полковниковъ не одинаковъ былъ со взглядомъ капитановъ на переводъ старшихъ двухъ капитановъ, которые при первомъ производствѣ были бы полковниками. Полковники видѣли, какъ и его высочество, не столько щекотливость къ бранному слову, сколько желаніе капитановъ, а за ними и младшихъ чиновъ, очистить себѣ дорогу къ производствамъ. Энгельманъ и Варпаховскій могли ожидать себѣ подобнаго же приговора младшихъ офицеровъ при первомъ поводѣ къ неудовольствію на ихъ начальническое обхожденіе съ офицерами, и особенно могъ ожидать Варпаховскій толчка отъ своихъ подчиненныхъ. Кромѣ французскаго языка, на которомъ онъ говорилъ кое-какъ и которому выучили его Пущинъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXVI, октябрь, стр. 45—80, ноябрь, стр. 294—314.

и Габбе, онъ ничего не смыслилъ и всѣмъ былъ непріятенъ своей картежной игрой. . . . . Пущинъ во время моихъ прогулокъ съ нимъ изъ лагеря къ Маримонскому каскаду, сидя передъ каскадомъ, разговаривалъ со мной и о офицерахъ нашего полка. Объ Варпаховскомъ, переведенномъ изъ армейскаго полка, за полученную имъ въ сраженіи тяжелую рану, въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, говорилъ, что онъ до того тупъ, что едва можно было вдолбить ему нѣсколько французскихъ словъ для обыкновенныхъ фразъ, которыми бы онъ хотя нѣсколько могъ быть не смѣшнымъ для гвардейскаго офицера; что же касается о разговорѣ съ нимъ о чемъ-нибудь дѣльномъ, то и русскій языкъ въ этомъ случаѣ тоже для него, что и французскій. Варпаховскаго я нигдѣ не встрѣчалъ, онъ имѣлъ свой картежный кругъ внѣ нашего полка. Однажды въ лагерѣ онъ выигралъ въ своей палаткѣ три тысячи злотыхъ у Петра Андреевича Габбе, получивъ при игрѣ одну тысячу злотыхъ, а двѣ остались за Габбе. Со мной послѣ этой игры встрѣтился благородный Энгельгардтъ, который былъ свидѣтелемъ проигрыша Габбе; онъ съ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ о карточномъ вампирѣ, котораго, говорилъ, надобно выжить изъ полка, какъ глупца по головѣ и какъ вреднаго по своей картежной игрѣ. Описываю этотъ случай, какъ взглядъ лучшихъ офицеровъ на Варпаховскаго, бывшаго впослѣдствіи причиной всѣхъ несчастій Пущина и Габбе и моего добровольнаго съ ними участія въ гибели.

До выступленія въ лагерь, за 2 или 3 мѣсяца, полковой нашъ командиръ производилъ нашему полку за Варшавой на Пескахъ ученье. Варпаховскій командовалъ 2-мъ батальономъ. Въ 5-й ротѣ Петра Андреевича Габбе одинъ солдатъ передней шеренги сдѣлалъ по командѣ на караулъ какой-то темпъ не въ разъ съ другими. Варпаховскій подскакалъ къ нему и приказалъ влѣпить виновному нѣсколько ударовъ тесакомъ. Габбе, стоя во фронтѣ, замѣтилъ на французскомъ языкѣ батальонному своему начальнику, что онъ наказываетъ лучшаго солдата во всей его ротѣ и что этотъ солдатъ во всю свою службу никогда и дурнаго слова ни отъ одного изъ своихъ начальниковъ не слыхалъ, а не только подвергался столь поругательному наказанію.

Варпаховскій отвѣчалъ Габбе по-русски, что онъ его арестуетъ, если онъ будетъ продолжать свои объясненія о солдатѣ.

Какъ молнія, пронеслось мимо ушей офицеровъ всего полка, что Варпаховскій, ничтожный Варпаховскій, хочетъ арестовать Габбе.

Скоро послѣ разговора Габбе съ Варпаховскимъ данъ былъ отдыхъ солдатамъ. Пущинъ не вытерпѣлъ забывчивости глупца противъ всѣми любимаго и уважаемаго Габбе, вышелъ передъ своей ротой и закричалъ своимъ громкимъ голосомъ, грозя рукой: «я тебя..... я тебя... «гороховаго шута», проучу, я тебѣ покажу... картежнику, кто ты!».

Варпаховскій, сидѣвъ на лошади въ близкомъ разстояніи отъ Пущина, слышалъ всю его брань и имѣлъ неосторожность прискакать къ взбѣшенному капитану съ требованіемъ, чтобы онъ ему сказалъ, къ кому относятся всѣ оскорбленія, которыя онъ произноситъ предъ фронтомъ солдатъ.

Пущинъ отвѣтилъ ему рѣзко и съ презрѣніемъ, что онъ послѣ ученья скажетъ ему, кому онъ все говорилъ, а теперь не мѣсто и не время объясняться съ нимъ.

Варпаховскій повелительно объявилъ капитану 2-й Гренадерской роты, чтобы онъ сейчасъ же далъ ему, какъ своему начальнику, отвѣтъ, къ кому относятся всѣ бранныя его слова.

Пущинъ, передъ которымъ Варпаховскій еще болѣе пресмыкался, нежели передъ Габбе, услыхавъ начальническій голосъ этой ничтожности, забылъ все и закричалъ: «а, ежели ты хочешь знать, кому я все передъ солдатами говорилъ, такъ это тебѣ, и съ тобой я раздѣлаюсь».

Варпаховскій въ ту же минуту поскакалъ къ полковому командиру, пересказалъ ему все слышанное отъ Пущина и объявилъ, что, послѣ ученья, онъ подастъ рапортъ, въ которомъ пропишетъ всю брань Пущина и будетъ требовать по законамъ удовлетворенія. Добрый нашъ Василій Михайловичъ, по закону начальникъ, а по нравственнымъ своимъ качествамъ въ кругу офицеровъ, подобныхъ Пущину и Габбе, безгласный, до того растерялся, что не съумѣлъ дать домашнее направленіе къ окончанію взрыва двухъ негодованій. На несчастіе, къ растерявшемуся отъ ссоры двухъ офицеровъ Василію Михайловичу неожиданно пріѣхалъ на ученье новый нашъ

бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Рихтеръ, недавно принявшій въ командованіе нашу бригаду и никого не знавшій изъ офицеровъ. Кишкинъ, увидавъ Рихтера, тотчасъ отправился къ нему и донесъ о случившемся, какъ подчиненный начальнику. Рихтеръ, не обдумавъ послѣдствій, арестовалъ Пущина, назначилъ ему отправиться на гауптвахту, а шпагу его послалъ къ его высочеству. Ученье, послѣ всѣхъ описываемыхъ событій, прекратилось, и мы, взволнованные дерзостью Варпаховскаго противъ Габбе и вынужденнымъ проступкомъ Пущина противъ баталіоннаго командира, разошлись по своимъ квартирамъ въ ожиданіи, какое направленіе приметъ вся эта исторія. Его высочество, получивъ шпагу Пущина, тотчасъ отправилъ ее обратно для врученія Пущину и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ бригадному командиру прибыть къ себѣ въ загородный дворецъ. Рихтеръ, по возвращеніи отъ цесаревича, извѣстилъ капитана Пущина, что его высочество требуетъ его къ себѣ въ Бельведеръ.

Буду пересказывать первое свиданіе Пущина съ государемъ цесаревичемъ, какъ слышалъ отъ него, когда онъ возвратился отъ его высочества къ полковому адъютанту Мичурину, у котораго былъ свой поваръ и съ которымъ я, Габбе и Вилимбаховъ вмѣстѣ столовались. Цесаревичъ принялъ Пущина, не помню хорошо, въ шлафрокѣ или сюртукѣ безъ эполетъ, но какъ то, такъ и другое означало всегда, что цесаревичъ принимаетъ у себя не подчиненнаго, а товарища. Первое слово цесаревича было: «садись подлѣ меня, Николай Николаевичъ, и выслушай меня».

Послѣ этихъ милостивыхъ словъ его высочество припомнилъ капитану первую его исторію, упомянулъ, сколь онъ былъ радъ окончанію бывшихъ непріятностей и какъ ему было утѣшительно увѣриться, что покой въ обществѣ офицеровъ перваго гвардейскаго полка болѣе не нарушится, какъ вдругъ къ своему ужасу онъ получаетъ шпагу его и узнаетъ о страшной горячности его противъ своего начальника.

— Я знаю разницу между тобой и Варпаховскимъ, который ни въ какомъ отношеніи тебѣ не товарищъ, но онъ твой начальникъ, ты забылся противъ его, ты оскорбилъ его, а законъ, какъ тебѣ извѣстно, не даетъ права подчиненному оскорблять начальника.

Прошу тебя, убѣдительно прошу, кончи, ты съ этимъ (умолчу названіе, котораго достоинъ былъ Варпаховскій), кончи какъ хочешь и какъ онъ хочетъ, но кончи такъ, чтобы онъ не подавалъ рапорта о твоемъ поступкѣ, тогда и я, при всемъ моемъ желаніи, при пріемѣ его рапорта, тебя, достойнѣйшаго изъ достойныхъ, не въ силахъ и не въ правѣ буду выручать изъ бѣды.

Разсказавъ милостивый пріемъ его высочества, Пущинъ пригласилъ своего товарища Габбе вмѣстѣ ѣхать къ Варпаховскому и предложить ему окончаніе ихъ ссоры на чемъ будетъ положено. Габбе объяснилъ Варпаховскому причину ихъ пріѣзда и желаніе не только всѣхъ офицеровъ полка, но и его высочества прекратить ссору на томъ положеніи, какое будетъ между поссорившимися соглашено. «И такъ, какого удовлетворенія желаете вы, полковникъ, отъ моего товарища», заключилъ Габбе свою рѣчь.

— Болѣе никакого, отвѣчалъ Варпаховскій, какъ одного, чтобы капитанъ Пущинъ выдалъ мнѣ письменное удостовѣреніе, что все, что онъ говорилъ, не относилось и не относится къ моему лицу.

— Такой квитанціи на вашу честь я вамъ не дамъ, да и размыслите, къ чему послужитъ она вамъ, выбирайте одно изъ двухъ, сказалъ съ видимымъ презрѣніемъ Пущинъ, или пистолеты, или, наконецъ, я унижусь до того, что буду въ моихъ словахъ, которыя относились къ вамъ, извиниться въ собраніи всѣхъ офицеровъ нашего полка.

— Я не принимаю ни того, ни другаго; а выдайте мнѣ то письменное удостовѣреніе, котораго я желаю.

— Пойдемте, Петръ Андреевичъ, пусть онъ остается при своемъ желаніи, — и съ этими словами вышелъ отъ Варпаховскаго Пущинъ, а за нимъ и Габбе.

Варпаховскій въ тотъ же день подалъ рапортъ о всѣхъ обидахъ, сдѣланныхъ ему Пущинымъ, и рапортъ пошелъ по командѣ до его высочества. На другой день полковой командиръ пригласилъ къ себѣ капитана Пущина и объявилъ ему, что его высочество требуетъ капитана къ себѣ въ загородный дворецъ. Пущинъ заѣхалъ отъ генерала Кишкина къ адъютанту Мичурину, у котораго всѣ, обѣдавшіе у него, уже собрались, а Габбе предварилъ насъ, что Николай Николаевичъ отъ Кишкина заѣдетъ къ нимъ. Пущинъ во

вторую свою исторію уже былъ не въ прежнихъ со мною отношеніяхъ, онъ не видалъ во мнѣ не только пылкаго, но и хладнокровнаго одобренія всему окончательному ходу удаленія изъ полка Марачинскаго и Колотова; онъ былъ со мной очень вѣжливъ, но пріязни уже не было между нами, хотя Габбе былъ по-старому со мной хорошъ. Послѣ обѣда Пущинъ спросилъ меня, уничтожилъ ли я тѣ письма, которыя писалъ онъ ко мнѣ во время судопроизводства надъ нимъ. Я отвѣтилъ ему, что сжегъ до одного и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ капитана, уничтожилъ ли и онъ мои письма. «Если вы сожгли мои письмы, то мнѣ ваши ни на что не были нужны», замѣтилъ мнѣ тотъ, чье самолюбіе, кажется, считало себя оскорбленнымъ словомъ с ж е г ъ, въ которомъ онъ видѣлъ неуваженіе мое къ его письмамъ.

Его высочество вышелъ въ залъ изъ кабинета къ Пущину въ полной формѣ, что показывало, что пріемъ ему будетъ сдѣланъ не вчерашній.

— Капитанъ Пущинъ, я просилъ васъ вчерась кончить съ полковникомъ Варпаховскимъ вашъ оскорбительный съ нимъ поступокъ, какъ онъ пожелаетъ, вы не исполнили моего желанія, полковникъ Варпаховскій подалъ рапортъ о вашихъ дерзостяхъ, вы будете преданы суду, вы до того забылись, что даже не уважили и моей просьбы, а она клонилась къ вашему спасенію.

— Но исполненіе вашей просьбы, ваше высочество, унизило бы меня. Полковникъ Варпаховскій требовалъ отъ меня какой-то росписки на свою честь, онъ не принялъ отъ меня тѣхъ предложеній, которыя облагородили бы его и не унизили бы меня.

— А хотя бы онъ требовалъ отъ васъ и росписки, вы должны были написать ее, какъ онъ этого желалъ. Я вамъ сказалъ, чтобы вы кончили ваше дѣло съ нимъ, какъ онъ пожелаетъ, вы не исполнили и моего желанія.

— Нѣтъ, ваше высочество, перебилъ съ горячностью Пущинъ цесаревича, я никогда не исполню того вашего желанія, которое оскорбительно для моего имени.

— Вы будете судимы за ваши дерзости не только противъ личности Варпаховскаго, но и противъ службы, вы забылись до по-

слѣдней крайности, судомъ разберутъ всѣ ваши дерзости, которымъ надобно положить конецъ.

Говоря эти слова съ большимъ гнѣвомъ, цесаревичъ близко подошелъ къ Пущину, и капитанъ, забывъ, передъ кѣмъ онъ стоялъ и съ кѣмъ говорилъ, громко вскрикнулъ:

— Ваше высочество, отойдите отъ меня...

— Что вы этимъ хотите сказать, какъ вы смѣете мнѣ это говорить, мнѣ, брату вашего императора, что у васъ въ мысляхъ...

И эти слова произносилъ цесаревичъ передъ самымъ лицомъ Пущина, который сказалъ:

— Я вамъ напоминаю, ваше высочество, отойдите отъ меня...

Цесаревичъ, отступивъ на два шага отъ Пущина, вскрикнулъ:

— О! это не даромъ, эти дерзости, я догадываюсь, откуда идутъ. Дмитрій Дмитріевичъ, запечатать квартиру капитана Пущина, приставить караулъ къ запечатанной его квартирѣ, тамъ найдутся такія бумажки, которыя покажутъ всѣ замыслы г-на Пущина.

— Въ моихъ бумагахъ, ваше высочество, вы не найдете ничего, кромѣ переписки съ моими родными, оставьте мою квартиру въ покоѣ, не дѣлайте такого распоряженія, которое оскорбляетъ не только меня, но и всѣхъ офицеровъ.

— Это мы увидимъ, переписку съ вашими родными отдѣлятъ отъ той, которая ведетъ васъ къ неслыханной забывчивости.

— Еще разъ прошу васъ, ваше высочество, не приказывайте запечатывать мою квартиру.

— Нѣтъ, нѣтъ, запечатать, это показываетъ, что тамъ найдутся такія бумаги, которыя откроютъ ваши намѣренія.

— Ну, такъ послѣ этого я не хочу съ вами носить мундиръ. . . . . .

И съ этими словами Пущинъ сорвалъ съ своего мундира эполетъ. Цесаревичъ былъ до того разсерженъ, что разорвалъ шляпу свою и весь былъ осыпанъ перьями отъ разорваннаго султана на шляпѣ; положивъ объ руки на голову, пошелъ поспѣшно въ кабинетъ со словами: «Курута, Курута, смотри что дѣлается».

Дмитрій Дмитріевичъ послѣдовалъ за цесаревичемъ въ кабинетъ

и вскорѣ вышелъ къ Пущину съ словами: «Николай Николаевичъ, пожалуйте вашу шпагу и отправьтесь на гауптвахту Саксонскаго плаца».

Пущинъ, послѣ ужасной сцены, стоялъ въ какомъ-то забытьи, отдалъ начальнику штаба шпагу и отправился, не сказавъ ни слова, въ назначенное ему мѣсто.

На другой день его высочество разсказалъ генераламъ проступокъ Пущина и спросилъ ихъ, какому наказанію, по мнѣнію ихъ, подвергается капитанъ. Кажется Албрехтъ, командиръ л.-гв. Уланскаго его высочества полка, или Кноринтъ, командиръ л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка, отвѣчалъ коротко:

— Въ 24 часа разстрѣлять.

Стоявшій тутъ же генералъ-маіоръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ сказалъ:

— Судить.

Цесаревичъ на это слово съ сердцемъ замѣтилъ Нарышкину:

— Конечно, не безъ суда.

2-я Гренадерская рота, которой командовалъ Пущинъ, была расположена въ упраздненномъ католическомъ монастырѣ, и тутъ же была и квартира капитана. Со двора входили по крутой въ ступеней 15 лѣстницѣ къ комнатамъ Пущина, передъ которыми шла, въ сажень шириной, галлерея. Три небольшія комнаты капитана были во 2-мъ этажѣ, и подъ окнами его комнатъ была черепичная, аршина два или $1^1|_2$, крыша надъ нижнимъ этажемъ, гдѣ квартировали солдаты. До этой узкой покрыши надъ окнами нижняго этажа отъ земли, разстоянія было не болѣе аршинъ семи. Съ галлереи сходили мы по тремъ ступенямъ, отворивъ дверь въ первую комнату Пущина, изъ которой, направо и налѣво, было по комнатѣ. Въ средней комнатѣ стояли его фортопіаны, налѣво отъ этой комнаты была гостиная, а направо спальня, гдѣ находился столъ съ длиннымъ выдвижнымъ ящикомъ, съ перегородкой къ концу для разныхъ бумагъ, о которыхъ, кажется, и самъ Пущинъ забылъ передъ роковой своей поѣздкой къ его высочеству и притомъ объявилъ мнѣ, какъ будто предчувствуя страшную развязку своей запальчивости, что письма мои къ нему уничтожены. Передъ дверью квартиры Пущина, на галлереѣ, былъ поставленъ караулъ, которому

запрещено было безъ разрѣшенія впускать въ комнаты капитана кого-либо.

Намъ нужно знать подробности квартированія Пущина; впослѣдствіи увидятъ, что и я съ Габбе не подвергся бы суду, какъ адъютантъ генерала Блюмера, написавшій обвиненіе противъ нашего правительства и спасшійся отъ суда благороднымъ поступкомъ нашего учителя англійскаго языка Заржицкаго.

Къ разбору бумагъ капитана Пущина не приступали, караулъ стоялъ передъ его квартирой, судъ производился надъ виновнымъ. Габбе, какъ вызвавшій забывчивость противъ себя Варпаховскаго и какъ причина раздраженія Пущина на ихъ баталіоннаго командира, былъ снова главнымъ руководителемъ офицеровъ полка и наиболѣе капитановъ съ разными предложеніями къ спасенію Пущина. Самое шумное и болѣе замѣтное собраніе почти всѣхъ офицеровъ, отъ капитана до прапорщика, было у поручика Энгельгардта. Здѣсь предлагалось въ полномъ составѣ офицеровъ просить полковаго командира, что всякую участь, какая бы ни предстояла Пущину, готовы раздѣлить съ нимъ его сослуживцы.

Помню обращеніе ко мнѣ, квартировавшаго вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ, поручика л.-гв. Волынскаго полка Овандера, который былъ невольнымъ свидѣтелемъ и слушателемъ шума и съ которымъ я не былъ знакомъ, чтобы я представилъ Габбе и тѣмъ, которые увлекаются имъ, что благородное предложеніе его будетъ принято его высочествомъ и самимъ государемъ императоромъ, какъ бунтъ.

Я откровенно сказалъ Овандеру, что самолюбіе капитановъ не приметъ голоса подпоручика и что я въ теченіе всей исторіи нашего полка, какъ первой, такъ и нынѣшней, не разъ испыталъ все неудобство младшему офицеру по чину давать наставленіе старшимъ.

Шумное наше собраніе разошлось, но его высочество зналъ о всѣхъ нашихъ собраніяхъ и о всѣхъ намѣреніяхъ къ спасенію Пущина. Чрезъ нѣсколько дней послѣ собранія у Энгельгардта, его высочество назначилъ нашему полку ученье. Съ первыхъ же движеній, которыя давалъ цесаревичъ своей командой полку, уже было видно, что царственный нашъ начальникъ вызываетъ офицеровъ къ отвѣту за свои шумныя сходбища. «Въ полъ-оборотъ направо, въ

полъ-оборотъ налѣво, налѣво кругомъ, направо, налѣво, прямо», быстро слѣдовали другъ за другомъ, и солдаты разорвались на большія пространства одинъ отъ другаго.

Цесаревичъ сердился, кричалъ, что полкъ узнать нельзя, весь разбрелся, кричалъ, чтобы командующіе взводами шли каждый по себѣ, не примыкая къ разорваннымъ солдатамъ, и вдругъ обратился ко мнѣ, стоявшему между 7-мъ и 8-мъ взводами съ словами: «Офицеръ между 7-мъ и 8-мъ взводами, идите прямо передъ собой, не примыкайте ни вправо, ни влѣво, идите прямо передъ собой».

Снова начались безпрестанныя повертыванія полка, снова разорвались солдаты, и я снова, оставшись одинъ, имѣлъ забывчивость примыкать слегка къ 8-му взводу. Его высочество наблюдалъ меня шагахъ во ста отъ 8-го взвода и, увидѣвъ мое легкое примыканіе, крикнулъ гнѣвно:

— Подпоручикъ Веригинъ, послѣдній разъ говорю вамъ, идите прямо передъ собою, возьмите предметъ на 40 шаговъ передъ собой, идите на него, не примыкайте ни вправо, ни влѣво и не оборачивайте головы ни въ которую сторону, слышите, послѣдній разъ говорю вамъ!

Послѣ этого цесаревичъ скомандовалъ на ходу: «тихимъ шагомъ налѣво кругомъ», повертывалъ полкъ и въ полъ-обороты и полные обороты, поворачивалъ насъ такъ, что солдаты маршировали, наконецъ, разорванные какими-то кучками, повернулъ баталіоны лицомъ къ себѣ, сердился на разорвавшіеся ряды и остановилъ полкъ.

Съ командой «стой», я повернулъ голову налѣво, цесаревичъ увидалъ это, ударилъ шпорами свою лошадь, на всемъ скаку остановилъ лошадь передъ самымъ моимъ носомъ и гнѣвно закричалъ:

— Подпоручикъ Веригинъ, я вамъ говорилъ, чтобы вы не повертывали головы во фронтѣ вашей головы, какъ вы смѣете не исполнять моего приказанія, вы будете за ослушаніе ваше строго отвѣчать, отъ васъ, подпоручикъ Веригинъ, весь полкъ разорвался, весь полкъ разстроился, отъ васъ, отъ васъ, это я вижу.

Съ этими словами великій князь отскакалъ отъ меня, подозвалъ къ себѣ начальника штаба Дмитрія Дмитріевича Куруту, приказавъ ему учить полкъ, и отправился къ своему экипажу. Противъ средины

нашего 1-го баталіона цесаревичъ пріостановилъ, шагахъ въ 50 отъ баталіона, свою лошадь и закричалъ:

— Бунтовщики, бунтовщики!

Доскакавъ до праваго фланга, снова повернулъ къ баталіону и еще громче крикнулъ:

— Бунтовщики, гренадеры!

Поправивъ свою неосторожность, его высочество сѣлъ въ коляску, что-то поговорилъ съ Курутой и отправился въ Варшаву. Бригадный генералъ Рихтеръ объявилъ мнѣ, что я арестуюсь. Начальникъ штаба не долго насъ училъ, скомандовалъ съ плеча и хотѣлъ ѣхать также въ Варшаву, какъ увидалъ, что офицеры всего полка сходятся въ кругъ. Офицеры 2-го баталіона пошли ко мнѣ, и первый штабсъ-капитанъ Габбе спросилъ меня, что передо мной кричалъ цесаревичъ. Я въ короткихъ словахъ началъ разсказывать гнѣвъ его на меня, но Габбе желалъ знать одного, какое названіе онъ далъ полку. Я, Бибиковъ, кажется еще Жеребцовъ, который командовалъ подлѣ меня 8-мъ взводомъ, а за нами и прочіе офицеры 1-го баталіона объявили, что цесаревичъ назвалъ полкъ «бунтовщиками». Общее негодованіе такъ было велико противъ слова «бунтовщики», что ни полковой командиръ, ни бригадный не могли своимъ посредничествомъ прекратить шумнаго разговора офицеровъ между собой, а состоявшему въ свитѣ его высочества генералъ-маіору Жандру Габбе рѣзко замѣтилъ, чтобы онъ не мѣшался не въ свое дѣло. Положено было всѣмъ собраться у капитана Иванова, тотчасъ по приходѣ съ ученья на квартиры. У Дмитрія Степановича Иванова написаны были рапорты объ отставкѣ, хотя срокъ подачи просьбъ объ отставкахъ давно уже прошелъ, но на это никто не обратилъ вниманія. Надобно здѣсь замѣтить, что цесаревичъ долженъ былъ въ скоромъ времени ѣхать въ г. Вильно къ государю императору, куда Его Величество ожидали къ смотру с.-петербургскихъ гвардейскихъ полковъ, расположенныхъ, послѣ исторіи л.-гв. Семеновскаго полка, въ Виленской губерніи. На другой день Константинъ Павловичъ, убѣдясь, что рапорты объ отставкахъ не будутъ взяты офицерами назадъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ. Цесаревичъ принялъ офицеровъ

въ полной формѣ генерала, что́ необходимо упомянуть для послѣдующаго разсказа.

— Вы подаете, господа, въ отставку, и въ неположенное время, началъ говорить Константинъ Павловичъ, развѣ вы не знаете, какія могутъ быть послѣдствія отъ вашихъ дѣйствій, это сочтется возмущеніемъ, и вы будете судимы военнымъ судомъ, какъ возмутившіеся; я слышу, что вы считаете себя оскорбленными моимъ словомъ, которое я сказалъ солдатамъ — б у н т о в щ и к и, а кто слышалъ, что я назвалъ васъ бунтовщиками?

Поручикъ Аполлонъ Ильичъ Б и б и к о в ъ отвѣчалъ цесаревичу: я слышалъ, ваше императорское высочество.

— Какъ! вы слышали, вы, Бибиковъ, котораго государь императоръ, по моему ходатайству, забывъ сдѣланный вами проступокъ въ лейбъ-егерскомъ полку, перевелъ изъ армейскаго полка въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, такъ это ваша благодарность, такъ это вы разгласили, что я назвалъ гг. офицеровъ бунтовщиками, тогда какъ я сказалъ: бунтовщики гренадеры!

Кажется Габбе, а не другой изъ капитановъ, замѣтилъ его высочеству, что гренадерами командуютъ офицеры, слѣдовательно, и они несутъ одно названіе съ своими подчиненными; сверхъ этого, еще кто-то изъ ротныхъ командировъ, или едва-ли не двое, подтвердили, что слышали слово «бунтовщики». И его высочество, увидавъ столько свидѣтелей, счелъ за лучшее, не отвѣчая имъ, гнѣвно описывать гибель, которой подвергаются офицеры отъ подачи рапортовъ въ отставку.

Когда цесаревичъ убѣдился, что нѣтъ надежды на миролюбивое окончаніе дѣла, заключилъ тѣмъ, что приказалъ арестовать всѣхъ бывшихъ у него офицеровъ, разсадить ихъ по гауптвахтамъ и судить военнымъ судомъ. Офицеры садились уже въ экипажи, когда вышелъ къ нимъ адъютантъ начальника штаба и просилъ ихъ къ Дмитрію Дмитріевичу, который желалъ переговорить съ ними.

Курута садился уже за обѣдъ, когда вошли къ нему капитаны.

— Я васъ просилъ, господа, къ себѣ, чтобы сдѣлать расписаніе у меня, кому на какую гауптвахту слѣдовать, вѣдь на одной гауптвахтѣ всѣмъ вамъ невозможно помѣститься, а покудова будемъ дѣлать распоряженіе, позвольте мнѣ поѣсть, я бы всѣхъ васъ просилъ раз-

дѣлить со мной мою хлѣбъ-соль, да поваръ мой приготовилъ только на одного меня.

Послѣ этихъ словъ Дмитрій Дмитріевичъ сѣлъ обѣдать, офицеры, по приглашенію начальника штаба, разсѣлись на стульяхъ, и тутъ всегда хладнокровный, всегда умный, всегда хитрый Курута началъ разъяснять своимъ гостямъ, какія они надѣлали хлопоты своимъ благороднымъ и пылкимъ участіемъ къ судьбѣ Николая Николаевича, и какъ онъ высоко цѣнитъ такое самоотверженіе ихъ къ спасенію своего товарища, но средства къ спасенію таковы, — «по моему мнѣнію, — сказалъ добрый и разсудительный старикъ, — что вы, господа, только себя подвергаете бѣдѣ, а мнѣ кажется, всего лучше уладится дѣло, когда вы помиритесь съ его императорскимъ высочествомъ. Положимъ, его высочество не говорилъ обиднаго слова «бунтовщики», и вы не слыхали этого слова, тогда все кончится миромъ. Посудите сами, можно ли его императорскому высочеству сознаться въ произнесеніи слова, которое вы приписываете себѣ, когда онъ объявилъ вамъ, что это слово относится къ солдатамъ». Эту мысль начальникъ штаба развивалъ во время обѣда до тѣхъ послѣдствій, которыя наконецъ убѣдили офицеровъ, что имъ слѣдуетъ удовольствоваться объявленіемъ цесаревича, что онъ не говорилъ слова «бунтовщики». Кончился обѣдъ, Дмитрій Дмитріевичъ отправился въ покои его высочества, который также въ это время отобѣдалъ. Чрезъ четверть часа Курута возвратился къ ротнымъ командирамъ и пригласилъ ихъ къ цесаревичу. Великій князь принялъ офицеровъ въ шлафрокѣ, что было знакомъ милости, и тотчасъ сказалъ:

— Между нами ничего не было, я не говорилъ ничего для васъ обиднаго, я васъ люблю, вы это знаете, если бы постигло васъ несчастіе, тогда плачъ вашихъ матерей отозвался бы въ моемъ сердцѣ, я сужу о вашихъ матеряхъ по моей матери, несчастіе ваше можетъ свести ихъ въ гробъ, и тогда падетъ на меня ихъ проклятіе, а я, господа, счастливъ вашимъ счастіемъ, вы употребляете сильныя мѣры къ спасенію вашего товарища, котораго я всегда любилъ и люблю не менѣе васъ, капитанъ Пущинъ сдѣлалъ проступокъ противъ службы, и судъ приговорилъ его по нашимъ военнымъ законамъ къ наказанію, но даю вамъ слово, господа, я

буду просить государя императора, моей 30-ти лѣтней службой, о помилованіи Пущина, будьте только покойны послѣ моего отъѣзда къ государю въ Вильно, куда я отправлюсь завтра, дожидайтесь моего возвращенія спокойно. Спросите Дмитрія Дмитріевича, какой тревоги надѣлали мнѣ ваши безпокойства, мой желудокъ разслабъ, Кутковскій (докторъ его высочества) долженъ мнѣ былъ помогать, но теперь все забыто, я покоенъ и поѣду спокойнымъ.

Послѣ этихъ словъ въ знакъ примиренія цесаревичъ перецѣловалъ всѣхъ офицеровъ и отпустилъ ихъ по домамъ. Большую часть гнѣвнаго и милостиваго разговора его высочества въ теченіе всей исторіи съ ротными командирами я слышалъ отъ полковаго адъютанта Мичурина, который, по мѣсту своему, находился иногда съ капитанами у его высочества или слышалъ онъ иное отъ полковаго командира, а я и отъ нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ.

XI.

Цесаревичъ возвратился въ Варшаву отъ государя императора изъ Вильны, недѣли за двѣ до выступленія нашихъ пѣшихъ гвардейскихъ полковъ въ лагерь, и скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ съ замѣчаніемъ о слабости цесаревича не принялъ судебнаго приговора Пущина, а приказалъ препроводить его въ Аудиторіатъ и при всѣхъ сказалъ его высочеству, чтобы всѣхъ судить военнымъ судомъ по всей строгости законовъ, кто по перепискѣ съ Пущинымъ хотя нѣсколько будетъ прикосновененъ къ его поступкамъ.

Молва увѣряла, и вѣроятно, чрезъ свиту цесаревича, которая находилась при немъ въ Вильнѣ, что его высочество представилъ государю императору судебный приговоръ Пущина на большомъ выходѣ императора и дѣйствительно просилъ помилованія приговоренному къ наказанію.

Но государь императоръ, не принявъ судебнаго дѣла изъ рукъ цесаревича, сказалъ, что «капитанъ Пущинъ въ прошедшемъ году, какъ ему извѣстно, надѣлалъ дерзостей противъ вашего импера-

торскаго высочества, и вы были столь великодушны, что простили Пущину его дерзость, нынѣшній его проступокъ будетъ разсмотрѣнъ въ Аудиторіатѣ, куда извольте отправить судебное дѣло о Пущинѣ. Вы приказали запечатать квартиру Пущина и поступили очень хорошо, прикажите разсмотрѣть всѣ его бумаги и всю его переписку и, если что-либо откроется, прикосновенное къ его дерзостямъ, предайте всѣхъ тѣхъ суду, кто откроется въ бумагахъ участникомъ въ его проступкѣ или подстрекателемъ».

Такъ, по крайней мѣрѣ передавала намъ слова императора молва, а изъ насъ были и такіе, которые на выходѣ все, сказанное государемъ цесаревичу, считали предварительно между ими условленнымъ, что̀ впрочемъ несправедливо. Еще до гнѣва цесаревича на нашъ полкъ, со всѣми послѣдствіями отъ неосторожно сказаннаго слова «бунтовщики», Пущинъ далъ знать П. А. Габбе, что въ высшей степени опасная письменная, на французскомъ языкѣ, брошюрка адъютанта Блюмера, противъ нашего правительства, имъ не уничтожена и хранится у него въ письменномъ столѣ его спальной комнаты. Габбе передалъ эту вѣсть нашему учителю англійскаго языка, Заржицкому, и этотъ, только по прозванію полякъ, по характеру же и образу мыслей, истинный англичанинъ, рѣшился, во что бы ни стало, добыть бумагу, губившую его ученика и соотечественника. Въ бурную дождливую, темную ночь Заржицкій подставилъ къ черепичной крышѣ надъ окнами комнатъ Пущина лѣстницу, взобрался, не болѣе какъ въ $1^1/_2$ арш., по крышѣ до окна средней комнаты, открылъ окно, влѣзъ въ комнату и отперъ въ спальной комнатѣ доставленнымъ отъ Пущина ключомъ ящикъ у стола, вынулъ большой конвертъ и тотчасъ спустился по лѣстницѣ на землю, взявъ лѣстницу съ собой. Заржицкій не пошарилъ въ столѣ, бывъ увѣренъ, что, кромѣ конверта съ трактатомъ о Польшѣ, у его земляка нѣтъ ничего болѣе въ ящикѣ, и этимъ не спасъ меня и Габбе, какъ спасъ своего друга-поляка. Письма мои и П. А. Габбе лежали въ углѣ ящика, какъ оказалось послѣ при обыскѣ, а конвертъ адъютанта по срединѣ и, какъ разсказывалъ Заржицкій, явившійся на другой день къ Габбе съ конвертомъ, ему въ потемкахъ попался въ руки трактатъ, и онъ съ радости бросился къ окну, изъ котораго спускался, къ лѣстницѣ, едва не миновалъ лѣстницы и не

*

упалъ на землю. Добрый англичанинъ - полякъ сильно впослѣдствіи горевалъ, что довѣрилъ памяти Пущина, который убѣжденъ былъ, что кромѣ конверта адъютанта въ столѣ у него ничего не было.

Недѣли за двѣ до выступленія гвардейскихъ полковъ въ лагерь, сдѣлалось извѣстнымъ, что квартира капитана Пущина начальникомъ штаба и еще, кажется, дежурнымъ генераломъ Кривцовымъ обыскана, и всѣ бумаги его взяты. Спустя нѣсколько дней послѣ обыска квартиры Пущина, П. А. Габбе поѣхалъ къ Д. Д. Курутѣ въ Бельведерскій дворецъ его высочества, для узнанія о послѣдствіяхъ обыска. Цесаревичъ увидалъ въ окно подъѣхавшаго Габбе къ крыльцу, вышелъ къ входившему по лѣстницѣ капитану и приказалъ ему слѣдовать за собой въ кабинетъ. Его высочество, въ короткихъ словахъ разсказалъ о неуспѣхѣ своего ходатайства у государя императора къ прощенію Пущина и вдругъ обратился къ своему любимцу съ словами:

— И ты, тоже Петруша, попался съ бумажками, и твои письма найдены у Пущина.

Габбе отвѣчалъ цесаревичу, что онъ съ Пущинымъ никогда не велъ такой переписки, которая могла кого-либо оскорбить.

— Однако, вотъ письмо, въ которомъ вмѣсто фамиліи подписано Космополитъ, тутъ много такого, за что ты будешь отвѣчать; и съ этими словами, его высочество показалъ Габбе мое письмо.

Габбе сказалъ, что это письмо не имъ писано, какъ показываетъ и самый почеркъ руки.

— А кто же это писалъ?

Петръ Андреевичъ отвѣтилъ, что въ судѣ окажется, кто писалъ, если о письмѣ будетъ судебное дознаніе.

— Но вотъ твое письмо, за твоей подписью, въ которомъ ты одобряешь все написанное Космополитомъ.

Габбе оправдывалъ и письмо Космополита, и свое тѣмъ, что въ товарищеской перепискѣ мало ли что̀ пишется и что изъ такой переписки, кажется, нельзя выводить проступка, они пишутся не для огласки и, беру смѣлость доложить вашему высочеству,—прибавилъ Петръ Андреевичъ,—можетъ быть и въ вашей перепискѣ найдется многое, что̀ вы повѣряете только той особѣ, къ которой пи-

шете, а не для того, чтобы мысли вашего высочества желали вы отдать на судъ постороннихъ для васъ людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пишу того, чего нельзя показать, поди посмотри въ моемъ бюро, и ты тамъ не найдешь такой переписки, которая бы была неумѣстна.

Говоря эти слова, цесаревичъ подошелъ къ бюро, выдвинулъ ящикъ, а когда Габбе сталъ подходить къ ящику, то его высочество задвинулъ ящикъ.

— Теперь ты поѣзжай на свою квартиру и тамъ оставайся, покудова не коснется до тебя дѣло. Вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю, какъ желаю тебѣ счастія, ты не смотри на Веригина, который тоже тутъ вмѣшался, это московскій баричъ, выйдетъ въ отставку прапорщикомъ и будетъ въ своихъ помѣстіяхъ гонять собакъ, а у насъ братъ, съ тобой вѣдь нѣтъ помѣстій, намъ надобно служить.

Габбе замѣтилъ его высочеству, что у Веригина тоже, кажется, нѣтъ помѣстій.

— Что ты мнѣ говоришь, я знаю эту фамилію, это люди очень богатые; ну, теперь поѣзжай и сиди у себя дома, занимайся, да не пиши того, что можетъ тебѣ вредить. Прощай.

Привожу весь разговоръ его высочества съ Габбе, какъ онъ мнѣ, при нашихъ свиданіяхъ въ армейскихъ полкахъ, былъ переданъ имъ, какъ доказательство особенной любви цесаревича къ тому офицеру, котораго онъ носилъ ребенкомъ на своихъ рукахъ, о чемъ впослѣдствіи буду говорить подробнѣе.

Габбе былъ, по возвращеніи на свою квартиру, арестованъ, бумаги его всѣ взяты. Квартира командира 5-й роты находилась вмѣстѣ съ его ротой въ такъ называемыхъ артиллерійскихъ казармахъ, въ которыхъ былъ расположенъ весь л.-гв. Волынскій полкъ и гдѣ помѣщалась также 5-я рота нашего полка.

Спустя недолго послѣ арестованія Габбе и преданія его суду за участіе по своей перепискѣ въ проступкѣ капитана Пущина, полкъ нашъ выступилъ въ лагерь. Передъ дверьми квартиры Габбе поставленъ былъ караулъ и, кромѣ его денщика Никиты, никто къ нему не былъ допускаемъ. Петръ Андреевичъ далъ мнѣ знать черезъ поручика Энгельгардта, къ которому писалъ тайно, что и мои письма найдены у Николая Николаевича Пущина и чтобы я готовился

также къ отвѣту за мою прошлогоднюю переписку съ Пущинымъ. Чрезъ недѣлю полковой нашъ адъютантъ пришелъ ко мнѣ по утру въ мой баракъ и объявилъ мнѣ, что меня требуютъ въ дежурство, которое помѣщалось въ Брюлевскомъ дворцѣ его высочества. Я отправился изъ лагеря пѣшкомъ въ Варшаву, явился въ дежурство, гдѣ объявленъ мнѣ былъ дежурнымъ генераломъ Кривцовымъ арестъ, и меня отвели въ особую комнату Саксонскаго дворца, который примыкалъ къ Брюлевскому дворцу. Передъ дверями моей комнаты поставленъ былъ караулъ изъ нѣсколькихъ солдатъ и унтеръ-офицера. Черезъ нѣсколько дней моего ареста меня потребовали въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ находилась военно-судная коммиссія. Мнѣ были представлены мои письма къ Пущину, одно большое, за подписью Космополитъ, другое небольшое, безъ подписи. Я объявилъ, что какъ то, такъ и другое были писаны мной, и далъ въ этомъ подписку. Военно-судную коммиссію надъ Габбе и мной составляли гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ офицеры: Презусомъ былъ Подольскаго кирасирскаго полка полковникъ Пенхержевскій, членами—того же полка ротмистръ Врангель, поручикъ Клюбфельдъ и еще другіе, которыхъ всѣхъ не припомню, но Врангель, Клюбфельдъ и другіе едва-ли не были офицерами л.-гв. уланскаго полка.

Въ судъ я приходилъ подъ карауломъ чрезъ Саксонскую площадь, на которой былъ, въ противоположной сторонѣ отъ Саксонскаго дворца, и ордонансъ-гаузъ. Во время судопроизводства ко мнѣ пріѣзжалъ, въ мою арестантскую комнату, дежурный генералъ и хотѣлъ отъ меня узнать, гдѣ скрыты мной мои бумаги, которыхъ при обыскѣ имъ не найдено въ моей квартирѣ ни одной, тогда какъ, — присовокупилъ Кривцовъ, —и общій голосъ и самъ вашъ полковой командиръ говоритъ, что вы много писали. Я отвѣчалъ и увѣрялъ генерала, что собственныхъ моихъ сочиненій никакихъ не было, а занимался иногда переводами съ нѣмецкаго языка, для изученія только языка, и что всѣ эти переводы мной уничтожались, какъ нестоющіе храненія, и самыя письма моихъ родныхъ, о которыхъ тоже упомянулъ Кривцовъ, я также всегда, по прочтеніи, уничтожалъ.

— Слѣдовательно, у васъ нѣтъ даже и никакихъ писемъ?—заключилъ генералъ свой допросъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, и Кривцовъ оставилъ меня. На другой день этого допроса снова отворились двери, и Кривцовъ вошелъ ко мнѣ. Вотъ разговоръ его со мной:

— Вы говорите, что у васъ нѣтъ никакихъ писемъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Точно нѣтъ, припомните, точно ли нѣтъ?

— Я сказалъ уже, ваше превосходительство, что нѣтъ.

Послѣ этого моего отвѣта генералъ вынулъ изъ своего боковаго кармана кругомъ исписанную четвертушку почтовой бумаги рукой Пущина, и подавая мнѣ ее, спросилъ меня: «къ вамъ ли это писано?»

Я держалъ въ рукахъ неимовѣрно оскорбительное для особы его высочества письмо ко мнѣ Пущина, о которомъ совершенно забылъ и которое найдено было у меня въ карманѣ стараго и брошеннаго моего жилета. Я объявилъ, что письмо писано было ко мнѣ въ такую минуту, когда Пущинъ былъ внѣ своего здраваго ума, что я ни мало не раздѣляю тѣхъ чувствъ къ особѣ его высочества, которыя въ бѣшеномъ гнѣвѣ выражаетъ капитанъ и которыхъ онъ и самъ не питаетъ къ его высочеству.

Кривцовъ перебилъ меня, сказавъ: «я къ вамъ присланъ его высочествомъ не для разсужденій съ вами о чувствахъ. Его высочество приказываетъ вамъ чрезъ меня прочитать это письмо вслухъ при мнѣ; извольте читать его».

— Я не въ силахъ читать этого письма, ваше превосходительство, и что бы со мной ни было, я не буду читать его.

— Вы новый дѣлаете проступокъ, вы ослушиваетесь приказанія его высочества, еще повторяю вамъ въ послѣдній разъ, читайте письмо.

— Нѣтъ, не буду читать, ваше превосходительство, того письма, гдѣ каждое слово—оскорбленіе его высочеству.

Не сказавъ на этотъ отвѣтъ ничего, Кривцовъ вышелъ отъ меня.

Не знаю, до пріѣзда ли ко мнѣ, или послѣ, былъ Кривцовъ у Пущина, показалъ ему найденное у меня его письмо, но читалъ ли Николай Николаевичъ письмо вслухъ передъ Кривцовымъ, какъ

это угодно было его высочеству, я не знаю; но знаю только то, что послѣ отъѣзда генерала изъ арестантской комнаты Пущина, виновный написалъ письмо къ цесаревичу, выразилъ въ письмѣ на французскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ капитанъ лучше, чѣмъ русскимъ, все свое раскаяніе въ своихъ безумствахъ, не просилъ прощенія своимъ проступкамъ, а скорѣе умолялъ о наказаніи за нихъ.

И таково было сердце нашего великодушнаго царственнаго начальника. Раскаяніе примиряло его даже и съ его оскорбителями, цесаревичъ все забывалъ, когда ему говорили: «виноватъ». Его высочество отвѣчалъ собственноручной запиской Пущину, на французскомъ языкѣ и въ такихъ великодушныхъ выраженіяхъ, гдѣ великая душа цесаревича забывала легко и въ письмахъ сдѣланныя ему оскорбленія, но гдѣ было сказано, что проступокъ капитана противъ службы переданъ имъ, какъ начальникомъ, на судебное рѣшеніе, которое можетъ быть уничтожено только государемъ императоромъ, и что цесаревичъ будетъ ходатайствовать о великодушіи Его Величества. Я и впослѣдствіи, когда встрѣтился въ Брестѣ съ Пущинымъ послѣ прощенія насъ, не видалъ этой записки цесаревича, но слышалъ объ ней отъ Габбе. Пущина забывчивость о моихъ къ нему письмахъ погубила меня, моя забывчивость о его страшномъ письмѣ образумила его и возвратила ему высокое вниманіе того, отъ кого зависѣло все наше счастіе.

Мой отказъ Кривцову не читать письма не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Въ судебномъ допросѣ я долженъ былъ отвѣчать, что не принадлежу ни къ какому тайному обществу, и что Космополитъ подписано мной вмѣсто фамиліи, какъ имя, которое, по моимъ понятіямъ, характеризуетъ человѣка, который всѣмъ желаетъ добра, что̀ требуется отъ насъ и ученіемъ святаго Евангелія, было мной упомянуто. Въ короткомъ письмѣ, между прочимъ, было мной написано: мы дѣйствуемъ, а какъ—писать нельзя. Въ судѣ я показалъ, что дѣйствія наши, какъ извѣстно его высочеству, состояли въ стараніи избавить Пущина отъ предстоявшаго ему наказанія и что этими стараніями было достигнуто милостивое прощеніе капитану его высочествомъ.

Привожу здѣсь главныя противъ меня обвиненія, которыя безъ

обыска квартиры Пущина не были бы пагубой для меня, но замѣтимъ съ той же откровенностію, съ которой не одобряю во многомъ трехъ подсудимыхъ, обвинить меня и Габбе слѣдовало; надобно было оправдать въ общемъ мнѣніи запечатаніе и обыскъ квартиры Пущина. Толки не только въ нашемъ полку, но и въ другихъ гвардейскихъ полкахъ были, что квартира Пущина была запечатана безъ всякаго основанія къ подозрѣнію въ противозаконной перепискѣ Пущина съ кѣмъ-либо, а потому каждая записка, которая имѣла связь съ проступкомъ капитана, была оправданіемъ, что квартира его была не по горячности цесаревича запечатана и обыскана. Двѣ записочки Габбе еще болѣе затруднили судъ къ обвиненію его. Одна записка была на русскомъ языкѣ, гдѣ Петръ Андреевичъ извѣщалъ Пущина, что читалъ мое разсужденіе къ оправданію Пущина въ судѣ и что, находя ихъ, какъ выражалъ онъ, мудрыми, весьма было бы хорошо нѣкоторыя мѣста цѣликомъ помѣстить противъ обвиненій. Въ этой запискѣ ничего не было, чѣмъ бы можно сдѣлать Габбе виновнымъ, въ ней находили одно одобреніе моихъ мыслей о правотѣ Пущина и этимъ одобреніемъ обвинялся и самый одобритель. Другая записка въ пяти строкахъ была на италіанскомъ языкѣ, писанная еще въ прапорщичьемъ чинѣ къ Пущину съ гауптвахты, гдѣ стоялъ Петръ Андреевичъ въ караулѣ, чему прошло до нашего суда болѣе 10 лѣтъ. Въ этой запискѣ было сказано что-то о дурномъ обѣдѣ и, между прочимъ, главный проступокъ состоялъ въ томъ, что въ караулъ пріѣхала маленькая свинья, а потомъ пріѣхала и большая, которымъ онъ отдавалъ честь. По-италіански большая и малая свинья не имѣютъ того оскорбительнаго значенія, какъ на русскомъ языкѣ, и разъясненіе Габбе судъ не принялъ къ оправданію, что шуточнымъ названіемъ пріѣхавшихъ по службѣ къ нему дежурнаго полковника по карауламъ и бригаднаго генерала онъ не думалъ оскорблять ихъ, да и они не искали о той обидѣ, которую болѣе, чѣмъ чрезъ 10 лѣтъ приписываютъ ему.

Но, не найдя у Пущина важныхъ бумагъ, которыхъ, замѣтимъ, ни по какому отношенію нельзя было у него и ожидать, рады были къ оправданію обыска квартиры обвинить насъ въ такой перепискѣ, которая подходила бы къ обвиненію насъ въ оскорбительной

противъ начальства перепискѣ и высшихъ себя, за что я и Габбе преданы были суду.

Противъ обвинительныхъ пунктовъ въ теченіе 2-хъ недѣль я и Габбе, не встрѣчаясь ни въ судѣ, ни на дорогѣ къ суду, сдѣлали наконецъ всѣ свои показанія... Въ послѣдній день моихъ отвѣтовъ въ судѣ президъ суда полковникъ Пенхержевскій и еще кто-то изъ офицеровъ со мной знакомыхъ, хваля мои скромные и разсудительные отвѣты на всѣ судебные допросы, не то чтобы совѣтовали, а просили меня написать письмо его императорскому высочеству, въ которомъ повергъ бы я свою судьбу великодушію его высочества, какъ это сдѣлалъ Н. Н. Пущинъ. Я согласился съ доводами людей, которые также носили военный мундиръ, что все-таки по перепискѣ съ Пущинымъ я неправъ и не останусь въ глазахъ общественнаго мнѣнія просителемъ безъ вины, что всегда унижаетъ просителя. И написалъ короткое письмо его высочеству, въ которомъ признавалъ себя виноватымъ, повергалъ себя великодушію цесаревича и въ концѣ упомянулъ, что хотя по гербу и принадлежу я къ роду всѣхъ и богатыхъ Веригиныхъ, но по состоянію моему я имъ чужой.

Габбе по перепискѣ своей столь былъ невиноватъ, что ему нельзя было сдѣлать въ судѣ и предложенія о письмѣ къ его высочеству, но цесаревичу, какъ было ясно по дѣйствіямъ Дмитрія Дмитріевича Куруты, всего болѣе желательно было видѣть покорность любимца своего, и скажу здѣсь, если бы написалъ Петръ Андреевичъ не такого содержанія письмо, которое было имъ отправлено къ его высочеству, тогда самое большое наказаніе его со мной кончилось бы переводомъ насъ тѣми же чинами на непродолжительное время въ армейскіе полки. Начальникъ штаба нѣсколько разъ пріѣзжалъ, по окончаніи судебныхъ допросовъ, къ Габбе, сидѣлъ у него по нѣскольку часовъ, балагурилъ, какъ разсказывалъ Петръ Андреевичъ, и заключалъ каждый разъ свою бесѣду тѣмъ, чтобы любимецъ цесаревича написалъ ему пріятное письмо.

— А ужь если вы захотите написать пріятное для его высочества, тогда я увѣренъ, говорилъ Курута, все будетъ забыто, и вы пойдете безъ помѣхъ той дорогой, которой достойны.

Габбе написалъ, наконецъ, письмо, которое однако только разсердило его высочество и вынудило сказать его:

— Онъ хлопочетъ о другихъ; онъ и не думаетъ понимать своего собственнаго проступка.

Въ письмѣ было сказано, что онъ сколько ни разсматриваетъ, сколько ни судитъ своихъ поступковъ во время всѣхъ полковыхъ безпокойствъ, не можетъ найдти въ себѣ такой вины, которая давала бы ему возможность искать великодушнаго прощенія у его высочества, а просить прощенія, не бывъ виноватымъ, значило бы оскорбить не только собственное чувство справедливости, но и подвергнуть себя справедливому нареканію общественнаго суда. Въ концѣ письма выразился Габбе обо мнѣ, какъ объ офицерѣ, который по одному чувству привязанности къ капитану Пущину написалъ въ выраженіяхъ наскоро написанныхъ и отъ того не совсѣмъ вѣжливыхъ для его высочества, но что Веригинъ совершенно чуждъ всему ходу полковыхъ происшествій и одинаково виноватъ, какъ и всѣ младшіе офицеры полка.

Я уже выше замѣтилъ, что покорное письмо Габбе не перемѣнило бы участи Пущина, котораго проступокъ судимъ по рапорту баталіоннаго командира, но если его и меня не избавило бы совершенно отъ суда, то навѣрное не лишило бы его чиновъ и орденовъ, а меня — однихъ чиновъ. Цесаревичъ, какъ объяснилось мнѣ впослѣдствіи, видѣлъ въ Габбе неблагодарность къ его любви, и это чувство неблагодарности приводило въ гнѣвъ высокаго нашего начальника, а при первомъ словѣ Габбе, что онъ вполнѣ чувствуетъ потерю милостей его высочества, я видѣлъ весь восторгъ цесаревича къ чувству раскаянія, о чемъ буду говорить подробно въ своемъ мѣстѣ.

Во время нашего судопроизводства и въ продолженіе почти годичнаго содержанія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя опишу ниже, я получилъ отъ Габбе нѣсколько записокъ, которыя не относились къ нашему дѣлу, а заключали въ себѣ желаніе узнать, какъ содержатъ меня, чѣмъ занимаюсь я. Отвѣты мои были одинакаго содержанія съ вопросами. Намъ приносили въ извѣстное время по утру кофе, въ полдень обѣдъ и къ вечеру чай. Въ булки, называемыя мунтовыми, мы вкладывали свои записки, которыя переходили къ намъ безъ всякой догадки о нашей хитрости. И если бы была открыта эта чайная переписка, тогда, можетъ быть, объяснилось бы,

что у насъ въ головѣ не было никакихъ политическихъ затѣй и мы и понятія не имѣли о томъ заговорѣ, который объяснился 14 декабря 1824 года.

Допросы съ насъ были, какъ говорятъ, сняты, и насъ оставили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы содержались, ожидать почти годъ Высочайшаго рѣшенія нашему дѣлу, а еще болѣе, кажется, для того, чтобы по перепискѣ нашей, которая съ почты представлялась его высочеству, объяснились наши связи [1]).

XII.

Я томился въ комнатѣ, которой длина была пять шаговъ, ширина $3^1/_2$, и изъ которой я не дѣлалъ ни шагу на воздухъ или въ сосѣднюю комнату, и въ этомъ почти годичномъ заточеніи не видалъ къ себѣ участія ни одного изъ своихъ сослуживцевъ. Скажу прямо, что это безучастіе должно приписать моему неблагоразумію въ отношеніяхъ моихъ съ моими сослуживцами: съ иными изъ поручиковъ, подпоручиковъ и прапорщиковъ я былъ почти незнакомъ, а тѣ, которые принадлежали къ первенствующимъ голосамъ, не видѣли во мнѣ льстиваго для себя языка.

Теперь буду до объявленія мнѣ Высочайшаго приговора припоминать о томъ, что стоитъ памяти.

Италія взволновалась карбонаріями. На съѣздѣ монарховъ въ Лайбахѣ или Веронѣ положено было уничтожить вооруженной силой всегдашнюю мечту всѣхъ италіанцевъ къ единству Италіи. Извѣстно, что Австрія одна справилась съ возстаніемъ италіанцевъ, но до этой справы гвардейскимъ полкамъ, расположеннымъ въ Варшавѣ, объявлено было, чтобы готовились къ походу въ Италію. Мой ротный командиръ Петръ Христофоровичъ Граббе принялъ на себя всѣ хлопоты для покупки лошадей, вьюковъ и вообще всего, что для него и меня необходимо было бы въ походѣ. Главно-

[1]) Нѣкоторые изъ разсказовъ Н. В. Веригина о событіяхъ того времени въ л.-гв. Литовскомъ полку можно найти въ болѣе сжатомъ видѣ въ сочиненіи Маркграфскаго: „Исторія л.-гв. Литовскаго полка“ (Варшава. 1887).

Ред.

командующимъ нашей италіанской арміей назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, который и прибылъ съ Кавказа въ Варшаву. На другой или третій день, по волѣ его высочества представлялись кавказскому герою всѣхъ полковъ офицеры начальникомъ штаба Дм. Дм. Курутой. Я на этомъ представленіи, бывъ дежурнымъ по баталіону, не находился. Не припомню хорошо, въ это же представленіе или въ частномъ свиданіи Алексѣй Петровичъ, спросивъ Граббе о здоровьи брата его Павла Христофоровича, сказалъ ему: «когда ты перемѣнишь свою нѣмецкую фамилію на русскую, я просилъ объ этомъ не разъ и твоего брата».

Павелъ Христофоровичъ Граббе былъ адъютантомъ Ермолова во время всей кампаніи 1812 года и по достоинствамъ своимъ былъ другомъ Ермолова. Извѣстна нашего народнаго генерала нелюбовь къ нѣмцамъ, но Граббе и многіе другіе не были въ его глазахъ нѣмцами, и отъ того онъ такимъ нѣмцамъ въ шутку говаривалъ, чтобы они перемѣнили свою фамилію на русскую. Цесаревичъ показывалъ нашему будущему главнокомандующему гвардейскіе полки, но какъ боевой генералъ не былъ фронтовой генералъ, то и не приходилъ въ восторгъ отъ выправки, обмундировки и нашей по командѣ поворотливости, что̀, какъ было извѣстно, очень огорчало великаго князя. Ермоловъ, какъ разсказывали, замѣтилъ однажды его высочеству, что всѣ эти чудеса, которыя онъ видитъ въ нашихъ полкахъ, никакъ не примѣнимы на Кавказѣ, гдѣ у него солдаты ходятъ въ бараньихъ шапкахъ, съ сумкой черезъ плечо, а въ сумкѣ у нихъ и боевые патроны и хлѣбъ на ѣду лежатъ вмѣстѣ; одѣты въ мѣшки, которыми дыханіе не спирается, въ такихъ мундирахъ, какъ здѣсь я вижу, прибавлялъ главнокомандующій кавказской арміей,—солдатъ на Кавказѣ пропадетъ.

Такой отзывъ о кавказскомъ солдатѣ очень не нравился его высочеству, а еще болѣе равнодушіе главнокомандующаго къ отличному доведенію нашихъ полковъ по фронтовой службѣ, къ нашей обмундировкѣ, въ которой малѣйшая морщинка или пятно наводили страхъ и на начальниковъ и на подчиненныхъ.

Граббе иногда бывалъ у Ермолова, и онъ, какъ видно, очень тяготился пребываніемъ своимъ въ Варшавѣ.

— Не понимаю, зачѣмъ они меня здѣсь держатъ, говорилъ кавказецъ,—дѣлать мнѣ здѣсь нечего, я отъ скуки пропадаю, да и меня же они не любятъ, и тутъ все не по мнѣ.

Чтобы занять кавказскаго генерала чѣмъ-либо болѣе по его вкусу, ему показывали всѣ варшавскія заведенія и между прочимъ онъ осматривалъ наши гвардейскія казармы, въ которыхъ помѣщался 1-й баталіонъ нашего полка и полкъ польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка. Во время пріѣзда Ермолова съ начальникомъ штаба Дм. Дм. Курутой, дежурнымъ по полку наряженъ былъ П. А. Габбе, отъ котораго я слышалъ разсказъ осмотра казармъ Ермоловымъ. До пріѣзда Ермолова явился къ Габбе дворцовый архитекторъ италіанецъ Боретти, который всегда встрѣчалъ Алексѣя Петровича въ тѣхъ зданіяхъ, которыя ему показывались. Ермоловъ обошелъ казармы, вышелъ на дворъ, остановился передъ казармами и началъ говорить о военной архитектурѣ, замѣтивъ предварительно что-то не по мыслямъ своимъ въ казармахъ. Габбе разсказывалъ послѣ, что это было чтеніе профессора вообще объ архитектурѣ и о военной въ особенности. Архитекторъ Боретти, по отъѣздѣ Ермолова и Куруты, говорилъ Габбе, что онъ изучалъ архитектуру въ лучшихъ италіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, слушалъ лекціи у лучшихъ профессоровъ, но такія глубокія знанія, съ критическимъ разборомъ въ военной архитектурѣ отъ первыхъ появленій этой науки до нашихъ временъ, онъ встрѣчаетъ въ первый разъ. Пылкій италіанецъ въ порывѣ восторга, какъ увѣрялъ, едва не сказалъ Ермолову, что считаетъ его первымъ архитекторомъ въ мірѣ. Дежурный капитанъ по полку видѣлъ все смиреніе нашего Куруты передъ умомъ и знаніями Ермолова, который, какъ казалось, хотѣлъ показать всю разницу между собой и нашимъ начальникомъ штаба. Въ краснорѣчивомъ и ученомъ разсказѣ Ермолова о архитектурѣ, Курута подалъ какъ-то и свой голосъ, но трехъ-аршинный Алексѣй Петровичъ взглянулъ на двухъ-аршиннаго Дмитрія Дмитріевича такъ, что тотъ потерялъ охоту вмѣшиваться въ поучительный разсказъ Ермолова.

Австрійцы одни усмирили взволновавшихся италіанцевъ, и Ермоловъ, проживъ въ Варшавѣ, кажется, съ мѣсяцъ, отправился наконецъ снова на Кавказъ, а мы снова начали маршировать на

ученьяхъ и парадахъ, на которыхъ не всегда могли любоваться такимъ картиннымъ рыцаремъ, какъ Алексѣй Петровичъ.

Послѣ перваго суда надъ капитаномъ Пущинымъ и его прощенія, старшіе офицеры нашего полка оставались въ какомъ-то тревожномъ положеніи; онъ не видѣли перевода Марачинскаго и Колотова въ армейскіе полки, хотя сдѣлалось извѣстнымъ, что эти два капитана не останутся въ нашемъ полку. Само собой разумѣется, что главными руководителями ожиданій были Пущинъ и Габбе. Въ это время какого-то смутнаго нашего полковаго общественнаго положенія, бѣжали съ часовъ два солдата л.-гв. Волынскаго полка. Бѣглецы были пойманы и приговорены къ прогнанію сквозь строй. Наканунѣ наказанія, нашему полку приказано было рано утромъ собраться за Повонской заставой, гдѣ обыкновенно производились ученья, и 1-й баталіонъ нашего полка долженъ былъ наказывать одного изъ преступниковъ. Вскорѣ, по прибытіи на Пески нашего и въ удаленіи отъ насъ л.-гв. Волынскаго полка, пріѣхалъ цесаревичъ съ генераломъ Жандромъ, выстроилъ нашъ полкъ въ каре, въѣхалъ въ средину каре, вызвалъ штабъ и оберъ-офицеровъ къ себѣ и, сидя на лошади, обратился къ намъ съ такой рѣчью:

— Господа, во время всей моей службы еще не было такого срама, чтобы солдаты бѣгали съ часовъ, а нынче, съ нашими толками о ненаказаніи гвардейскаго солдата палками, вотъ до чего дошло, два солдата л.-гв. Волынскаго полка бѣжали съ часовъ, и я вынужденъ лично присутствовать при наказаніи этихъ преступниковъ, чтобы показать всѣмъ солдатамъ, какому подвергается наказанію бѣглецъ съ часовъ. Вы хорошо знаете, что въ наказаніяхъ никто не находитъ удовольствія, наказываютъ только виноватыхъ, а между тѣмъ мысли о безнаказанности палками, по вашему мнѣнію, за небольшія вины переходятъ на толки вотъ ихъ (тутъ указалъ цесаревичъ на нашихъ гренадеръ) и тогда породятся между ними такіе проступки, которыхъ вы сами ужаснетесь. Вы сами помѣщики, вы знаете, кого вы отдаете, нерѣдко, въ солдаты: пьяницъ, воровъ, лѣнивцевъ, мошенниковъ, и правительство принимаетъ ихъ, и этотъ сбродъ негодяевъ доводится палками до того, что не тяготитъ государства, а приноситъ своимъ назначеніемъ ему пользу. Ослабьте узду, которой сдерживается нашъ солдатъ, тогда онъ,

разнузданный, васъ первыхъ разорветъ. Я покажу вамъ, какъ должно наказывать преступниковъ.

Цесаревичъ выѣхалъ изъ каре, нашъ полкъ выстроился въ двѣ шеренги, и арестанта повели съ завязанными руками къ штыку между двухъ рядовъ солдатъ, вооруженныхъ палками. Цесаревичъ ѣхалъ съ одной стороны, а генералъ Жандръ съ другой...

Я въ первый разъ въ жизни увидалъ наказаніе сквозь строй и скажу, что много нашлось бы преступниковъ, которые предпочли бы смертную казнь ужаснымъ палочнымъ истязаніямъ.

Габбе, хотя по отобраннымъ у него бумагамъ, которыхъ навязали цѣлую простыню, не только Пущина, но и меня менѣе былъ виноватъ, по вліянію же своему на весь ходъ шумныхъ тревогъ въ защиту Пущина былъ первое лицо, а въ доказательство тому, послѣ его ареста и преданія его суду, всѣ успокоились и уже никакихъ попытокъ не дѣлали къ выручкѣ не только Пущина, но и невиноватаго по своимъ бумагамъ Габбе.

Мнѣ разсказывалъ поручикъ М. И. Жеребцовъ, нынѣшній сенаторъ, такое происшествіе, которое показываетъ всюпривязанность цесаревича къ Д. Д. Курутѣ, что было до поступленія моего въ л.-гв. Литовскій полкъ. Во время маневровъ гвардейскимъ полкамъ, Курута командовалъ правымъ флангомъ арміи и сдѣлалъ какое-то движеніе, не согласное съ назначеніемъ его высочества. Цесаревичъ послалъ своего адъютанта къ начальнику штаба съ объясненіемъ ему той ошибки, какую Дмитрій Дмитріевичъ сдѣлалъ. Вскорѣ Курута снова двинулъ свой флангъ не такъ, какъ слѣдовало, и великій князь, разсердясь, приказалъ, чрезъ адъютанта своего, явиться Курутѣ къ нему. Дмитрій Дмитріевичъ отправился на своемъ аргамакѣ самымъ легкимъ галопомъ къ огненному своему благодѣтелю, и это хладнокровное приближеніе выводило уже цесаревича изъ терпѣнія. Когда Курута приблизился къ его высочеству, то онъ рѣзко сказалъ своему любимцу:

— Курута, ты корова.

Дмитрій Дмитріевичъ, послѣ такого привѣтствія, обернулся къ свитѣ цесаревича и сказалъ:

— Господа, вы можетъ быть не слыхали, его императорское высочество говоритъ, что я корова.

Сказавъ хладнокровно эти слова тѣмъ же тихимъ голосомъ, начальникъ штаба подъѣхалъ къ командиру нашего полка генералъ-маіору Кишкину, передалъ ему командованіе правымъ флангомъ, послалъ своего адъютанта къ его высочеству съ докладомъ, что онъ сдѣлался нездоровъ, и, передавъ командованіе генералу Кишкину, сѣлъ въ свою двуконную колясочку и отправился въ Варшаву.

Цесаревичъ не долго продолжалъ маневры, сѣлъ въ коляску и поскакалъ вслѣдъ за Дмитріемъ Дмитріевичемъ въ Варшаву. Курута только-что вошелъ въ свои комнаты, какъ увидалъ на своей шеѣ того, кѣмъ онъ былъ созданъ.

— Если ты на меня будешь сердиться, мой другъ, если ты не будешь прощать мою горячность, тогда мнѣ надобно отказаться отъ командованія!

И можно ли было Курутѣ отъ такой привязанности, и кого же, не быть до слезъ тронутымъ! Передаю, что̀ слышалъ.

Въ Крулевскомъ замкѣ, четвероугольномъ огромномъ зданіи, внутри двора у подъѣзда къ входу въ королевскіе покои находилась караульня, гдѣ по-ротно отбывались караулы. Мнѣ памятны два караула въ королевскомъ замкѣ: одинъ во время съѣзда къ императору родственныхъ нашему царственному семейству принцевъ, короля Виртембергскаго, герцога Кумберландскаго, а другой, когда цесаревичъ выходилъ къ своей колясклѣ съ портретомъ будущей своей супруги княгини Ловичъ.

Послѣ маневровъ для короля Виртембергскаго, 1-я мушкатерская рота вступила въ наружный караулъ Крулевскаго замка; начальникомъ караула былъ ротный нашъ командиръ Петръ Христофоровичъ Граббе и мы, его ротные офицеры, поручикъ Григорій Ивановичъ Жеребцовъ и я, прапорщикъ или подпоручикъ, уже не помню. Русскій царь давалъ обѣдъ своимъ царственнымъ гостямъ и своимъ подданнымъ, которые были удостоены приглашеніемъ къ царскому столу отъ полковника до высшихъ чиновъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Во внутреннемъ караулѣ стоялъ въ это время поручикъ Желтухинъ, нынѣшній директоръ Пажескаго корпуса. Желтухинъ пересказывалъ о ходѣ обѣда, которымъ и мы, офицеры, какъ внутренняго, такъ и наружнаго караула, надѣлялись. Обѣдомъ въ Крулевскомъ замкѣ пользова-

лись съ царской кухни офицеры только во время пріѣздовъ императора въ Варшаву, въ караулѣ же Брюлевскаго его высочества дворца никогда не отпускался обѣдъ караульнымъ офицерамъ съ кухни цесаревича. Безпрестанный пріѣздъ въ экипажахъ замѣчательныхъ лицъ къ часу обѣда былъ для меня картиной, и самый разъѣздъ обласканныхъ царскимъ взглядомъ или словомъ стоилъ наблюденія, особенно, если бы быть поближе къ отъѣзжавшимъ. Сколько послѣ одной улыбки, а не только ласковаго слова или непродолжительной бесѣды уѣзжаетъ отъ царей либераловъ не либералами, республиканцевъ горячими монархистами! Я помню пріѣздъ князя Петра Андреевича Вяземскаго къ намъ въ лагерь къ П. А. Габбе, съ которымъ онъ былъ, какъ поэтъ съ поэтомъ, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, послѣ получасоваго разговора съ нимъ государя императора.

Князь-поэтъ и поэтъ знаменитый, многое порицалъ въ нашемъ государственномъ управленіи, говорилъ неодобрительно о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, хулилъ ходъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, словомъ, все шло не по его взгляду, и его языкъ, какъ въ печати, такъ и въ бесѣдахъ, былъ не тайной и цесаревичу и государю. Императоръ назначилъ часъ прибытія къ себѣ Вяземскому, говорилъ ему о Польшѣ, снишелъ до объясненій, почему въ государственномъ управленіи иное дѣлается такъ, а не иначе, и князь Вяземскій, какъ говорилъ Габбе, въ такомъ былъ восторгѣ отъ высокаго государственнаго ума Александра I-го, что ему оставалось только слушать мудраго монарха.

Часовъ въ 6 вечера пріѣхалъ цесаревичъ въ Крулевскій замокъ, гдѣ Граббе, Жеребцовъ и я стояли въ караулѣ, вышелъ изъ коляски къ крыльцу въ покои гофмаршала Броница, который справа отъ караульни занималъ въ нижнемъ этажѣ рядъ комнатъ. Спустя часъ, цесаревичъ вышелъ изъ комнаты къ колескѣ съ завернутой какой-то картиной, сѣлъ и уѣхалъ. Тутъ узналъ я, что цесаревичъ пріѣзжалъ къ своей невѣстѣ дѣвицѣ Грудзинской, которая была отъ разводнаго перваго мужа жены Броница и жила въ королевскомъ дворцѣ вмѣстѣ съ матерью. Цесаревичъ повезъ съ собой списанный съ его будущей супруги портретъ для представленія его лично матери своей государынѣ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, и

по возвращеніи его высочества изъ С.-Петербурга скоро мы узнали, что великій князь Константинъ Павловичъ женится на дѣвицѣ Грудзинской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущее положеніе его супруги.

Вѣнчаніе цесаревича съ княгиней Ловичъ было, по слухамъ, въ присутствіи генераловъ: Куруты, Албрехта, Кноринга и, кажется, Нарышкина въ придворной церкви Кралевскаго замка сначала по нашему обряду, а послѣ по католическому. Послѣ вѣнчанія цесаревичъ сѣлъ съ своей супругой въ кабріолетъ, управлялъ парой въ дышлѣ лошадей самъ и отправился черезъ всю длину Краковской улицы въ Бельведерскій свой дворецъ, который отъ замка отстоялъ не ближе 7 верстъ. Длинная улица покрыта была любопытными, которые знали о бракосочетаніи цесаревича.

Дня черезъ три пѣшимъ гвардейскимъ полкамъ было назначено его высочествомъ ученье, на которомъ я имѣлъ честь видѣть въ первый разъ супругу великаго князя Константина Павловича. Цесаревичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ княгиней Ловичъ въ коляскѣ, въ которой всегда ѣздилъ, какъ извѣстно, четверкой въ рядъ. Князь и княгиня сѣли на верховыхъ лошадей и поѣхали почти рядомъ вдоль фронта гвардейскихъ полковъ. Князь предъ каждымъ баталіономъ, какъ водится и до нынѣ, привѣтствовалъ солдатъ: «здорово ребята», или: «здорово, гренадеры», а мы въ отвѣтъ: «здравія желаемъ вашему императорскому высочеству». Княгиня Ловичъ нѣсколько любезностей сказала въ 1-мъ баталіонѣ капитану Иванову, а во 2-мъ Пущину на французскомъ языкѣ, въ Волынскомъ же, какъ говорили, поручику Овандеру—на англійскомъ. Объѣхавъ фронтъ полковъ, княгиня уѣхала въ Варшаву, а великій князь поучилънасъ.

Вотъ еще происшествіе, о которомъ я забылъ разсказать, а оно показываетъ всю смѣлость офицеровъ къ изъявленію его высочеству своего ропота въ неисполненіи ихъ ожиданій и всю снисходительность цесаревича къ забывчивости Пущина, Габбе, а за ними, какъ ихъ хвостъ, и другихъ. 8 ноября, св. Михаила, былъ нашъ полковой праздникъ. Ежегодно въ этотъ день цесаревичъ, какъ шефъ нашего полка, послѣ церковнаго парада подчивалъ всѣхъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, по выходѣ изъ дворцовой церкви въ залѣ королевскаго замка, богатымъ завтракомъ. По возвращеніи

*

нашего полка, когда капитанами было объявлено полковому командиру о брани Марачинскаго съ Колотовымъ и когда уже сдѣлалось извѣстнымъ, что цесаревичъ принимаетъ въ свою защиту старшихъ двухъ капитановъ, за завтракомъ 8 ноября принадлежавшіе къ партіи Пущина ничего не ѣли, находились около стола молчаливыми, и хотя это было довольно далеко отъ мѣста, гдѣ стоялъ цесаревичъ, завтракая подлѣ сидѣвшаго вице-короля Заёнчика, но имъ это было замѣчено. Полковники, не принадлежавшіе къ исторіи капитановъ, капитаны Марачинскій и Колотовъ, а съ ними и тѣ офицеры, которые по образованію своему никогда не могли слиться съ кругомъ офицеровъ Пущина и Габбе, завтракали на одномъ столѣ, а единомышленники Пущина и Габбе на другомъ добровольно голодали. Послѣ завтрака полковой нашъ командиръ обратился ко всѣмъ офицерамъ, когда были налиты бокалы шампанскимъ, съ приглашеніемъ идти къ великому князю пить за здоровье его высочества. Полковники: Энгельманъ, Варпаховскій, капитаны: Марачинскій, Колотовъ и нѣкоторые изъ младшихъ офицеровъ послѣдовали за полковымъ командиромъ, но большая часть капитановъ и младшихъ офицеровъ или остались на своихъ мѣстахъ или показывали видъ, что идутъ и не шли. Вся эта сцена происходила въ виду цесаревича, который стоялъ съ бокаломъ въ рукѣ между двухъ столовъ въ концѣ залы, имѣя по сторонамъ себя генералитетъ, и въ ожиданіи прихода офицеровъ того полка, для котораго давался имъ завтракъ. Къ неподвижнымъ или колебавшимся офицерамъ подбѣжалъ генералъ-адъютантъ Красинскій съ словами на французскомъ языкѣ: «господа, васъ ожидаетъ великій князь».

Цесаревичъ, увидавъ, что офицеры не двигаются къ нему, выпилъ бокалъ, не сказавъ ни слова, схватилъ поспѣшно шляпу и тотчасъ вышелъ изъ залы. Надобно замѣтить, что между офицерами и слова не было о томъ, чтобы за завтракомъ не ѣсть. Когда размѣстились предъ столами, то первый Пущинъ не взялся и за вилку, за нимъ Габбе, а потомъ, какъ будто по условленному знаку, и другіе или и совсѣмъ не ѣли или кой-что брали, но тутъ же видно было, что дѣлаютъ этимъ противъ товарищества проступокъ. То же самое произошло и съ шампанскимъ: не пошелъ Пущинъ, не тро-

нулся Габбе, а за ними и другіе то пойдутъ, то воротятся, и этимъ еще болѣе увеличивали непріятность положенія того, за чье здоровье всѣ, съ крикомъ «ура», должны были выпить бокалъ шампанскаго. Цесаревичъ и безъ того хорошо зналъ, но на этомъ завтракѣ еще болѣе убѣдился, что Пущинъ и Габбе составляютъ всю силу полковаго голоса. Присутствовавшіе на завтракѣ всѣхъ полковъ командиры пришли въ какой-то ужасъ отъ смѣлой выходки офицеровъ Литовкаго полка и тотчасъ послѣдовали изъ залы за его высочествомъ.

XIII.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я былъ арестованъ и преданъ суду съ содержаніемъ въ большой комнатѣ Саксонскаго дворца, гдѣ не было и печи. Въ октябрѣ, когда сдѣлалось холодно, меня перевели въ комнату втораго этажа въ ордонансъ-гаузѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго содержался и Пущинъ. Въ декабрѣ Пущинъ сильно захворалъ и былъ переведенъ въ комнаты Брюлевскаго дворца, гдѣ были цесаревичемъ доставлены ему всѣ удобства къ выздоровленію, а меня перемѣстили въ его комнату. Почти годъ высидѣлъ я безвыходно подъ арестомъ, какъ и сотерпѣливецъ мой, П. А. Габбе, но онъ на своей квартирѣ; другую половину года я жилъ въ комнатѣ длиной 5 шаговъ, шириной $3^1|_2$, вышиной въ 7 аршинъ, гдѣ окна были забиты снаружи плотно досками, и только для дневнаго полусвѣта оставлено было вверху одно стекло, нужное мѣсто было у меня подъ носомъ, и всѣ занятія мои состояли въ чтеніи книгъ, которыя допускалось мнѣ получать изъ книжнаго магазина Глюксберга. Здѣсь я имѣлъ много времени читать Гете, Шиллера, Байрона, Шлегеля, Виланда, Фосса, Канта, Циммермана, которыхъ сочиненія покупалъ въ стереотипныхъ изданіяхъ и которыя до сихъ поръ на лицо въ моей библіотекѣ. Въ концѣ февраля добрый мой тюремщикъ, ветеранъ жандармской команды, прусакъ, не знавшій и польскаго языка, объявилъ мнѣ, что капитанъ Пущинъ лишенъ чиновъ и орденовъ и отправляется рядовымъ въ пѣхотный Литовскій

полкъ. Когда я содержался во 2-мъ этажѣ ордонансъ-гауза, гдѣ стекла оконъ были замазаны очень тщательно известкой на клею, но гдѣ свѣту было много болѣе, чѣмъ въ комнатѣ нижняго этажа, въ одно утро, послѣ развода плацъ-адъютантъ взошелъ ко мнѣ съ моимъ крѣпостнымъ служителемъ Евграфомъ, за которымъ слѣдовалъ, какъ за арестантомъ солдатъ съ ружьемъ. Адъютантъ подалъ мнѣ бумагу и объявилъ мнѣ, что присланъ отъ его императорскаго высочества для узнанія, какъ рѣшу я наказать своего крѣпостнаго слугу за проступокъ, который прочту я въ поданномъ прошеніи его высочеству, и если желаю, чтобы онъ былъ сосланъ въ имѣніе моего отца, то это будетъ исполнено чрезъ внутреннюю стражу. Изъ прошенія я узналъ, что мой пьяный Евграфъ прибилъ хозяйку дома полковницу, гдѣ я квартировалъ, едва далъ справиться съ собой караулу, который былъ призванъ родственникомъ моей хозяйки, полковымъ командиромъ 4 пѣхотнаго полка Богуславскимъ, и наконецъ связанный содержался на гауптвахтѣ королевскаго замка. Цесаревичъ приказалъ представить русака, съ которымъ едва справился польскій караулъ, и при выходѣ къ разводу подошелъ въ сѣняхъ къ стоявшему предъ двумя часовыми рыжему, какъ огонь, моему слугѣ, взглянулъ на него и сказалъ:

— Хорошъ, отведите его къ его помѣщику, отдайте ему это прошеніе, какъ онъ рѣшитъ наказать его, такъ онъ будетъ и наказанъ и если подпоручикъ Веригинъ желаетъ отправить его въ имѣніе отца своего, то отправить его чрезъ внутреннюю стражу.

Я просилъ адъютанта доложить его высочеству, что самое тяжелое наказаніе то, которое я самъ переношу, и потому прошу, впредь до рѣшенія моей участи, посадить моего человѣка въ такое мѣсто, изъ котораго бы шагу не могъ онъ сдѣлать.

Цесаревичъ, узнавъ о моемъ рѣшеніи, приказалъ коменданту Левицкому посадить моего Евграфа, какъ я желаю, но мой Евграфъ отличный портной, все время своего ареста обшивалъ дворню коменданта, и ему, какъ онъ пьяный впослѣдствіи говаривалъ, житье было хорошее. Кроткій, какъ овца, въ трезвомъ видѣ, услужливый, вѣрный, но когда напьется, то уже для Евграфа не было власти; на всѣхъ кидался онъ, какъ дикій звѣрь, сила же была у него нечеловѣческая. Упоминаю о счастіи моего Евграфа быть

представленнымъ его высочеству въ подтвержденіе многихъ разсказовъ о всегдашней внимательности цесаревича къ правамъ нашимъ на своихъ слугъ: никогда великій князь не давалъ права и самой полиціи наказывать пьяныхъ нашихъ слугъ безъ нашего на то разрѣшенія или приказанія.

Въ маѣ мѣсяцѣ, почти черезъ годъ моего заточенія, съ обѣдомъ вошелъ ко мнѣ денщикъ мой Кузьма, который до этого дня приносилъ въ теченіе всего моего ареста кушанье, чай, кофе къ наружнымъ дверямъ дома, ставилъ принесенное подлѣ часоваго, а сторожъ, у котораго былъ ключъ отъ замка моей комнаты, принималъ приносъ и вносилъ его мнѣ, сначала по осмотрѣ плацъ-маіоромъ или его адъютантомъ, а впослѣдствіи безъ всякаго осмотра. Явленіе моего Кузьмы сказало мнѣ, что участь моя рѣшена, и дѣйствительно онъ былъ присланъ ко мнѣ съ вѣстью, чтобы я готовился къ отъѣзду изъ Варшавы.

На другой день вошелъ ко мнѣ плацъ-маіоръ Эксаментовскій, пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ комнату военно-судной коммиссіи, которая была въ томъ же ордонансъ-гаузѣ, гдѣ я содержался. Не выходя полгода изъ комнаты, гдѣ для очистки воздуха не было даже форточки, при выходѣ на воздухъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько дурно. Въ комнатѣ военно-судной коммиссіи я нашелъ своихъ судей, кромѣ презуса Пенхержевскаго, мѣсто коего теперь занималъ полковникъ л.-гв. Уланскаго полка Штрандманъ. Спустя четверть часа прибылъ къ слушанію рѣшенія и П. А. Габбе. Послѣ привѣтствія меня, какъ своего сотерпѣливца, обратился Габбе съ поздравленіемъ аудитора крестомъ на шею за его точное исполненіе той обязанности, которая была возложена на него въ отношеніи насъ. Поздравивъ аудитора съ крестомъ, обратился Петръ Андреевичъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что презусъ нашъ, полковникъ Пенхержевскій, получилъ въ командованіе полкъ за то же, за что аудиторъ получилъ на шею крестъ.

— Видите ли, Николай Викторовичъ, нашимъ несчастіемъ эти люди счастливы, прибавилъ Петръ Андреевичъ. Однако насъ привели сюда выслушать сужденіе нашихъ судей, послушаемте, какъ насъ судили: извольте читать, а мы будемъ слушать.

Аудиторъ приступилъ къ чтенію, Габбе же, во все время перво-

начальнаго и довольно продолжительнаго чтенія, разсказывалъ мнѣ о своемъ житьѣ подъ арестомъ, своихъ занятіяхъ, посѣщеніяхъ его Курутой и громко смѣялся при своихъ разсказахъ. Когда дочиталъ аудиторъ до обвиненія насъ, то Габбе пылко началъ опровергать и доказывать всю несправедливость приписываемаго ему проступка. Но выслужившійся до аудиторства солдатъ былъ смять доводами Габбе до того, что аудиторъ, какъ и многіе изъ офицеровъ, обратились ко мнѣ съ просьбой о успокоеніи Габбе, который возраженіями своими не перемѣнитъ Высочайшаго рѣшенія, и когда на вопросъ, можетъ ли онъ апеллировать противъ несправедливыхъ обвиненій, былъ данъ ему отвѣтъ, что военно-судная коммиссія не приметъ его апелляціи, мой благородный сотерпѣливецъ сѣлъ снова подлѣ меня на стулъ и просилъ продолжать чтеніе. Послѣ прочтенія: «за всѣ вышеуказанные проступки, подпоручикъ Веригинъ лишается чиновъ съ записаніемъ въ рядовые 50 Егерскаго полка, а штабсъ-капитанъ Габбе лишается чиновъ и орденовъ съ записаніемъ рядовымъ въ Волынскій пѣхотный полкъ», исправляющій должность презуса, полковникъ Штрандманъ просилъ Габбе о вручніи ему орденовъ, которые долженъ онъ доставить его высочеству. Габбе снялъ съ себя русскіе ордена, полученные имъ въ теченіе кампаніи 1813 года, а баварскаго ордена не хотѣлъ отдавать.

— Этотъ орденъ я получилъ во время сраженія отъ баварскаго короля, и только онъ можетъ лишить меня своей награды.

Ни просьбы, ни убѣжденія не могли поколебать рѣшимости русскаго солдата, и Штрандманъ вынужденъ былъ ѣхать, по настоянію Габбе, къ цесаревичу, чтобы узнать отъ него, имѣетъ ли право русское правительство лишать его того ордена, который онъ получилъ отъ иностраннаго государя. Во время поѣздки Штрандмана чрезъ площадь въ Брюлевскій дворецъ, я упросилъ Габбе оставить споръ съ властью, которая можетъ подвергнуть его и гораздо бо́льшему наказанію, къ которому мы теперь приговорены, и Габбе возвратившемуся Штрандману подалъ баварскій орденъ, не спросивъ его объ отвѣтѣ цесаревича. Я разстался съ Габбе до свиданія нашего уже въ армейскихъ полкахъ рядовыми, гдѣ мы видѣлись тайкомъ.

XIV.

Дня черезъ 3 послѣ прочтеннаго намъ приговора, Габбе былъ отправленъ съ жандармомъ на почтовыхъ въ штабъ 24 пѣхотной дивизіи, расположенной въ г. Дубно, а меня черезъ недѣлю повезъ туда же отъ селенія до селенія, на обывательскихъ, офицеръ Житомірскаго пѣхотнаго полка, доставившій въ Варшаву партію солдатъ, выбранныхъ для гвардейскихъ пѣшихъ полковъ изъ пѣшихъ отдѣльнаго литовскаго корпуса. Путь мой до Дубно продолжался дней 10, мы не торопились поѣздкой. Около 3-хъ часовъ по полудни пріѣхали мы въ Дубно, остановились у какого-то обывателя, какъ зовутъ мѣщанъ въ доставшихся отъ Польши городахъ. Провожатый мой отправился въ штабъ съ представленіемъ бумагъ обо мнѣ и для узнанія, когда меня самого представить, а я, узнавъ, что Волынскій полкъ квартируетъ въ селеніяхъ около Дубно, послалъ моего Евграфа съ запиской къ Габбе, котораго извѣщалъ о моемъ пріѣздѣ въ Дубно.

Часовъ въ 11 я уже съ офицеромъ спалъ, какъ явился ко мнѣ мой Евграфъ и, къ удивленію моему, съ нимъ пришелъ Петръ Андреевичъ. Надобно замѣтить, что офицеръ, по возвращеніи отъ дивизіоннаго генерала, которому былъ представленъ и которому онъ объявилъ, чтобы меня завтра ему представить, сказалъ мнѣ, что не разъ было подтверждено ему отъ генерала о недопущеніи меня къ свиданію съ Габбе, и что онъ подвергнется большой отвѣтственности, если допуститъ насъ свидѣться. Добрый офицеръ слушалъ нашъ разговоръ и не показывалъ вида, что онъ знаетъ, кто ко мнѣ пришелъ и съ кѣмъ я проговорилъ до восхода солнца. Габбе былъ уже съ недѣлю рядовымъ въ полку, разсказалъ мнѣ, что состоитъ подъ безпрестаннымъ надзоромъ приставленнаго къ нему унтеръ-офицера, что ротному его командиру дано по командѣ письменное повелѣніе о недопущеніи его съ кѣмъ-либо къ свиданіямъ, что самыя строгія мѣры долженъ принять ротный командиръ, чтобы Габбе ни съ кѣмъ не имѣлъ переписки, письма же его должны быть представляемы къ отсылкѣ на почту не запечатанныя чрезъ полковаго командира, что за свиданіе рядоваго Габбе съ рядовымъ 50 Егер-

скаго полка Веригинымъ подвергается капитанъ военному суду, что рядоваго Габбе должно посылать на всѣ ученья и не избавлять его ни отъ какихъ повинностей рядоваго. Но какъ ни въ одномъ сословіи не найдемъ мы такого участія къ бѣдамъ своего собрата, какъ въ военномъ, и хотя бы съ разныхъ сторонъ и даже разныхъ націй солдатъ встрѣтилъ солдата въ бѣдѣ, одинъ другому постарается облегчить бѣду, такъ случилось и съ нами. Повелѣніе его высочества исполнялось, но наши капитаны и, какъ увидимъ дальше, самые высшіе чины какъ будто не знали, что мы не въ точности исполняемъ объявленное намъ повелѣніе, хотя надобно замѣтить, повелѣнія капитанамъ написаны были по секрету. Я едва могъ уговорить моего бывшаго капитана, а теперь моего одночинца, что пора намъ было разстаться, что онъ и себя и своего добраго сторожа унтеръ-офицера подвергнетъ большому горю, когда въ Дубно, гдѣ дивизіонная квартира, встрѣтитъ его кто-либо изъ опасныхъ для насъ чиновъ.

На другой день моего пріѣзда въ Дубно, я былъ представленъ дивизіонному генералу 24-й пѣхотной дивизіи Ѳедору Григорьевичу Гоголю, отъ котораго узналъ, что мнѣ назначено явиться въ 50-й Егерскій полкъ, расположенный въ Кременецкомъ уѣздѣ. Я отправился изъ Дубно въ г. Кременецъ на почтовыхъ, и чрезъ 6 часовъ явился къ бригадному адъютанту Христу, который, какъ скоро объяснилось, учился въ Казанской гимназіи въ то время, когда я былъ студентомъ Казанскаго университета. Добрый Христъ, не представляя меня ни бригадному генералу, ни полковнику, которымъ, какъ онъ увѣрялъ меня, больно было принять меня въ моемъ несчастіи, отправилъ меня въ мѣстечко Вишневецъ, графа Мнишка, столь знаменитаго въ нашей исторіи жизнію и первоначальными дѣйствіями Дмитрія Самозванца. Я явился въ роту капитана Тапильскаго, и скажу, что въ теченіе всей моей жизни у этого благороднаго, добраго до послѣдней мелочи, внимательнаго офицера, былъ я въ моемъ несчастіи истинно счастливъ. Я прожилъ у Тапильскаго до возвращенія моего изъ Бреста въ Кременецъ, уже съ возвращеніемъ мнѣ моего подпоручичьяго чина.

Цесаревичъ ежегодно осматривалъ дивизіи отдѣльнаго литовскаго корпуса въ мѣстахъ, гдѣ были собираемы полки и артиллерій-

скія роты этого корпуса. Передъ смотромъ цесаревича, корпусный командиръ отдѣльнаго литовскаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи Довре, разсудилъ, съ своей стороны, предварительно видѣть выправку и одежду каждаго полка, и мнѣ было объявлено, чтобы я прибылъ также, въ одеждѣ рядоваго, къ смотру Довре. Съ перваго дня до прощенія меня, мнѣ позволено было ходить въ гражданскомъ платьѣ, и на это, кажется, было тайное приказаніе его высочества, но Габбе долженъ былъ всегда наряжаться въ солдатское платье, о чемъ было оффиціальное повелѣніе цесаревича. Такъ какъ приказано было щадить мое здоровье, то положено было ставить меня во фронтъ только на смотры цесаревича. Довре командовалъ корпусомъ не для фронтовой службы, и потому смотры его были для одного напоминанія, что въ отдѣльномъ литовскомъ корпусѣ есть корпусный командиръ. Меня и Габбе, по приказу его высочества, какъ послѣ сдѣлалось намъ извѣстнымъ, ставили на смотрахъ съ праваго фланга роты въ передней шеренгѣ третьимъ человѣкомъ, несмотря, подходимъ мы по росту или нѣтъ въ этомъ ряду. Я всталъ въ назначенное мнѣ мѣсто, скомандовали для подъѣзжавшаго корпуснаго и съ нимъ дивизіоннаго, бригаднаго, полковаго командировъ и всей свиты при нихъ: «отъ ноги, разъ, два», я вскинулъ ружье на плечо, и ружье мое повалилось у меня съ плеча на землю; я не успѣлъ его даже подхватить. Довре и вся свита при немъ были отъ меня шагахъ въ 10-ти, и надобно было видѣть ужасъ на лицахъ полковаго командира, баталіоннаго, бригаднаго и моего капитана Тапильскаго, который представлялъ свою роту корпусному командиру, такъ какъ Довре осматривалъ полкъ по-ротно. У солдата падаетъ ружье, которое онъ приподнимаетъ хладнокровно съ земли. Это озадачило всю свиту, но когда полковникъ мгновенно узналъ, что этотъ солдатъ я, назвалъ мою фамилію дивизіонному генералу, а тотъ корпусному, то добрый Довре замѣтилъ тутъ же, что напрасно меня ставили. «Съ нимъ, какъ видно, сдѣлалось дурно,—присовокупилъ старикъ,—отпустите его на квартиру».

Полковой командиръ, давъ проѣхать мимо меня Довре, немедленно подъѣхалъ ко мнѣ съ приказаніемъ, чтобы я ѣхалъ на квартиру.

Послѣ смотра по-ротно полковъ 24-й дивизіи корпуснымъ ко-

мандиромъ Довре, недѣли черезъ двѣ, вся дивизія собралась въ лагерь въ 15 верстахъ отъ г. Дубно и въ 3-хъ отъ мѣстечка Млынова графа Хоткевича. На пути къ лагерю подъ Дубномъ, въ темную и дождливую ночь, я отправился къ Петру Андреевичу Габбе, который находился отъ мѣста нашего ночлега въ верстахъ 5-ти. Всю ночь до самой зари я блуждалъ подъ указаніями моего проводника Евграфа, который въ проѣздъ мой изъ Варшавы чрезъ Дубно былъ у Петра Андреевича и довелъ его ко мнѣ. Былъ случай, что меня съ Евграфомъ какой-то фельдфебель счелъ за бродягъ, но мое объясненіе спасло меня отъ представленія ротному его командиру, и послѣ этого я поторопился добраться, не видавшись съ Петромъ Андреевичемъ, въ свою роту, гдѣ Тапильскій сильно безпокоился о моемъ возвращеніи.

Въ лагерѣ по-очередно стояли полки, за неимѣніемъ для всѣхъ палатокъ, а также, кажется, и удобнаго мѣста. Нашъ 50-й Егерскій полкъ расположился въ большомъ селеніи графа Лядуховскаго (названія не припомню), отъ котораго начинался лагерь, занятый Волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Тапильскій, товарищъ и другъ его, капитанъ Богомолецъ, и съ ними я заняли какой-то курятникъ на дворѣ крестьянина, котораго изба-мазанка обращена была въ кухню. Сколотили для насъ три койки, и очень мало осталось между койками мѣста для прохода къ намъ. Когда мы нѣсколько поустроились, то навѣстилъ насъ, изъ желанія со мной познакомиться, 1-го баталіона командиръ, подполковникъ Иванъ Никитьевичъ Тараканов ъ, прежде почти незнавшій моего ротнаго командира. Этотъ благородный штабъ-офицеръ впослѣдствіи сдѣлался истиннымъ моимъ другомъ и въ теченіе почти 3-хъ лѣтней моей службы въ 50-мъ Егерскомъ полку, былъ неразлучнымъ моимъ товарищемъ во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ. На другой день нашего въ курятникѣ квартированія, бригадный генералъ Харитоновъ потребовалъ къ себѣ капитана Тапильскаго, которому поручилъ передать мнѣ просьбу его, чтобы я не старался видѣться съ моимъ сотерпѣливцемъ П. А. Габбе.

— Свиданіе ихъ,—присовокупилъ генералъ,—можетъ погубить меня, если его высочество узнаетъ мое слабое распоряженіе въ надзорѣ за г-номъ Веригинымъ, а вы, капитанъ, совершенно пропа-

дете; попросите г. Веригина, чтобы онъ не велъ никакой переписки съ г-номъ Габбе, самая ихъ переписка можетъ быть для насъ пагубой.

Точно такое же порученіе было сдѣлано и отъ моего полковаго командира, Александра Андреевича Унгебаура, который чрезъ адъютанта Христа прислалъ мнѣ французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, изъ которыхъ состояла у него очень замѣчательная библіотека. Всѣ просили о несвиданіи съ П. А. Габбе, но была ли возможность не видѣться тѣмъ, у кого одна была бѣда, одно прежнее товарищество, одни были помыслы и одни воспоминанія.

Часовъ около 5-ти послѣ обѣда, на другой день секретнаго объявленія мнѣ желаній бригаднаго и полковаго командировъ, ко мнѣ пришелъ подполковникъ Тараканов, и мы, сидя на койкахъ, разсуждали о мѣрахъ его высочества противъ свиданій Габбе со мной и перепискѣ нашей съ кѣмъ бы то ни было. Я уже не разъ разсказывалъ въ короткихъ словахъ любопытнымъ исторію нашихъ бѣдъ, и Тараканову, еще не знавшему отъ меня о причинахъ моего несчастія, объяснилъ, что мѣра цесаревича противъ нашей переписки понимается мной такъ: его высочество хочетъ показать, что нашъ образъ мыслей о правительствѣ и наши связи съ какими-то политическими, по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстными, затѣями такъ подозрительны, что перехваченная наша переписка можетъ оправдать строгія мѣры правительства противъ нашихъ свиданій и противъ нашихъ письменныхъ сношеній...

Такъ разсуждалъ я, когда на дворѣ послышался голосъ пѣвца какой-то французской пѣсни Беранже; я уставилъ глаза съ вопросомъ на Тараканова, Тапильскаго, Богомольца и еще бывшаго тутъ же милаго, умнаго прапорщика Шапошникова, и покудова всѣ на меня смотрѣли тоже съ вопросомъ, вошелъ въ нашъ курятникъ пѣвецъ и, приподнявъ фуражку, безъ которой открылась прекрасная голова безъ волосъ на темени до самаго возвышеннаго лба, обратился ко мнѣ со словами:

— Такъ вотъ гдѣ вы поживаете и въ какой пріятной бесѣдѣ, не по-нашему.

— Господа, сказалъ я всѣмъ присутствовавшимъ офицерамъ,— это Петръ Андреевичъ Габбе, теперь мы оба можемъ быть причи-

ной большихъ бѣдъ моему благородному капитану, а вамъ непріятностей.

Капитанъ Тапильскій отвѣчалъ мнѣ, что онъ за честь почтетъ раздѣлить со мной и Петромъ Андреевичемъ всѣ бѣды, а подполковникъ Таракановъ замѣтилъ, что здѣсь всѣ за честь считаютъ быть товарищами нашими, а между военными товарищами нѣтъ предательства.

Послѣ столь благородныхъ отвѣтовъ бесѣда наша пошла веселая о лагерной службѣ и жизни. Привожу это первое мое свиданіе съ Петромъ Андреевичемъ, какъ свидѣтельство военнаго братства между офицерами.

Въ концѣ селенія у одного крестьянина было на огородѣ нѣсколько черешневыхъ высокихъ кустовъ, между которыми для отдыха сдѣлана была широкая кровать съ подстилкой изъ соломы. Сюда условился я съ моимъ сотерпѣливцемъ приходить въ извѣстные дни, и здѣсь мы, лежа на кровати, читали нѣмецкую поэзію, до которой, замѣчу, Петръ Андреевичъ не былъ большимъ охотникомъ, но для меня, не знавшаго французскаго языка, посвящалъ со мной все время чтенію Шиллера, Гёте, Виланда и другихъ поэтовъ,— мыслителей Германіи. Луиза Фосса своимъ простодушіемъ, патріархальностію часто забавляла насъ до хохоту, который однажды едва-было не открылъ грозному полковому командиру Петра Андреевича наше убѣжище. Мы читали и хохотали, не зная, что вблизи насъ командиръ Волынскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Барановъ, осматривалъ за огородомъ на лугу свой фурштадтъ. Громкій голосъ Баранова заставилъ насъ вспомнить, что мы подвергаемъ не однихъ себя опасности, а Барановъ былъ служака во всей силѣ слова и въ точности исполнилъ бы наставленіе цесаревича, найдя насъ, двухъ страшныхъ политическихъ мечтателей, въ тайной бесѣдѣ. Послѣ нѣсколькихъ нашихъ чтеній въ черешневой бесѣдкѣ, Петръ Андреевичъ назначилъ однажды день моего прихода въ нашъ пріютъ во вторникъ, но мнѣ показалось, что мы условились сойтись въ среду. Во вторникъ я отправился по обыкновенію пѣшкомъ въ Млыново къ графу Хоткевичу, который ожидалъ меня въ этотъ день, а Петръ Андреевичъ пришелъ въ бесѣдку, но, прождавъ меня часа два, отправился обратно въ лагерь. При выходѣ изъ деревни

его встрѣтилъ на дрожкахъ Барановъ и сдѣлалъ ему вопросъ: «гдѣ вы были, вы были у Веригина, садитесь со мной».

Габбе отвѣчалъ, что онъ не былъ у меня, но Барановъ не хотѣлъ вѣрить тому, что̀ дѣйствительно отъ случая было — правда. Барановъ, подъѣхавъ къ палаткѣ Габбе, вызвалъ безсмѣннаго караульнаго при Петрѣ Андреевичѣ и сказалъ, что онъ виноватъ въ отпускѣ рядоваго Габбе, потребовалъ палокъ и въ присутствіи либеральнаго преступника счетомъ было дано караульному пятьсотъ ударовъ.

Когда Петру Андреевичу возвращены были чины, и Барановъ, сблизившись съ нимъ, хотѣлъ удостовѣриться словомъ благороднаго Габбе, точно ли онъ не видался со мной въ день встрѣчи съ своимъ полковымъ командиромъ. Узнавъ истину, призналъ себя виновнымъ противъ Габбе, но караульный все-таки стоилъ, по его мнѣнію, наказанія, какъ виновный въ допущеніи Габбе прогуливаться безъ его надзора. Бѣдный караульный, по выздоровленіи изъ госпиталя, куда снесли его послѣ наказанія, очень обрадовался наградѣ Петра Андреевича, получивъ отъ него 100 р. ас., и готовъ былъ снова подставить для 100 р. спину за добраго своего арестанта.....

Скажу коротко, безъ подробныхъ описаній: мы не разъ подвергались при нашихъ тайныхъ свиданіяхъ опасности быть открытыми, и каждый разъ прятались или по кустамъ, или въ высокой ржи, а сошедшись, по минованіи опасности, смѣялись съ болью въ сердцѣ своему ребячеству.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXIX [1]).

Объ учебныхъ и неучебныхъ занятіяхъ учениковъ Рязанскаго духовнаго училища и о моемъ житьѣ-бытьѣ въ Рязани въ теченіе перваго года.

Высшее и среднее начальство наше мною описано; теперь время приняться за низшее, за самыхъ подчиненныхъ и въ частности за меня самого. Такъ сказать, внутренняя администрація въ классѣ, равно какъ и обязанности учениковъ, были въ Рязанскомъ училищѣ почти тѣ же самыя, какъ и въ Касимовскомъ; точно также существовали авдиторы, цензоры или старшіе, дневальные и пр. Но было кое-что, чего въ Касимовѣ не встрѣчалось. Прежде всего въ одномъ высшемъ отдѣленіи находилось около 150 учениковъ, болѣе нежели во всемъ Касимовскомъ училищѣ.

Между ними, разумѣется, очень многіе отличались своимъ ростомъ и выглядывали уже взрослыми людьми, такъ что я тутъ явился, если не пигмеемъ, то мальчонкою. Особенно высоки ростомъ и стары по лѣтамъ были Алексѣй Петровскій, называвшійся въ насмѣшку Бацылкою, Ѳедоръ Смирновъ и Ѳедоръ Соколовъ, и тогда они всѣ были никакъ не ниже 2 арш. 11 верш., но впослѣдствіи Соколовъ пріобрѣлъ извѣстность уже въ гвардіи и при императорскомъ дворѣ.

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892 и 1893 гг., томы XVII, XVIII, XXXIII, XXXIV, XLII, XLIII, LVI, LVII, LXXVI и LXXVII.

Будучи исключенъ изъ училища и не находя причетническаго мѣста, онъ поступилъ послушникомъ въ Солотчинскій монастырь и сдѣлался болѣе нежели трехъ-аршиннымъ дѣтиной.

При такомъ ростѣ онъ для монастыря уже былъ не годенъ; чѣмъ бы ни оставался и ни дѣлался, послушникомъ ли, іеродіакономъ или іеромонахомъ, для него всѣ стихари, ризы и епитрахили были бы коротки, не доставали бы до колѣнъ; для него слѣдовало бы запасти новое облаченіе.

Поэтому тогдашній солотчинскій архимандритъ Иларій посовѣтовалъ великану поступить въ военную службу, и онъ, разумѣется, тотчасъ же былъ отправленъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Преображенскій полкъ.

Но и наше начальство любило уважить ростъ.

Старшимъ въ классѣ былъ сдѣланъ не за успѣхи, не за поведеніе, а собственно за ростъ, Алексѣй Покровскій или Бацылка.

И надо сказать, что онъ поступалъ безъ церемоніи со всѣми нами, кромѣ тѣхъ, которые близко были къ нему по росту. Дисциплина была имъ введена самая строгая и поддерживалась неумолимо.

Послѣ звонка, когда усядемся по своимъ мѣстамъ, онъ грозно посматриваетъ на всѣхъ насъ 150 человѣкъ, и если кто-либо нарушитъ благочиніе, то онъ подойдетъ къ виновнику и вцѣпится ему въ волосы одною или обѣими руками, словомъ, дастъ отличную таску.

И когда ему не хотѣлось марать свои руки, въ такомъ случаѣ у него въ рукахъ появлялись или пучокъ розогъ или палка. Подойдя къ виновнику, онъ одною рукою наклонялъ его на парту, а другою—правою отпускалъ по спинѣ нѣсколько ударовъ, не раздѣвая впрочемъ.

Конечно, въ зимнее время, когда мы одѣвались въ тулупы, удары и палкою и лозою не были чувствительны, но лѣтомъ, затрапезные халаты или нанковые сюртуки очень плохо насъ отъ нихъ защищали.

За эти побои никто съ него не взыскивалъ; мы даже боялись жаловаться, не надѣясь ни на чье правосудіе, кромѣ того жалоба могла имѣть еще болѣе непріятныя послѣдствія.

Разумѣется, Бацылку, хотя бы онъ оказался неправымъ, не смѣнили бы изъ старшихъ. Тогда бы онъ, конечно, самъ не сталъ бить палкою или лозою, но сталъ бы писать записку и такъ или иначе довелъ бы до лозы; да и каждый изъ насъ самъ за свои отвѣты могъ ознакомиться съ нею, но у насъ сѣкли не дневальные, а старшій; значитъ, тогда уже на законномъ основаніи онъ отпустилъ бы нѣсколько даже десятковъ такихъ горячихъ ударовъ, при томъ по тѣлу или совсѣмъ обнаженному, или прикрытому одними портками, что ужь мы лучше соглашались выносить по нѣскольку ударовъ сквозь тулупы и сюртуки.

Къ счастію нашему, его начальствованіе продолжалось не болѣе двухъ третей года.

Впрочемъ, Бацылка не всегда оказывался суровымъ ригористомъ, а иногда, даже очень часто, принималъ участіе въ нашихъ играхъ, которыхъ нельзя даже назвать невинными.

Въ Рязанскомъ училищѣ я встрѣтилъ то, чего не было въ Касимовскомъ, именно: кулачные бои.

Обыкновенно они начинались до звонка и въ экстренныхъ случаяхъ продолжались даже послѣ него минутъ 10—30, чуть не до самаго прихода учителя.

Ареною для боя служила середина класса, т. е. мѣсто, остававшееся незанятымъ партами, на которомъ стоялъ столъ для учителей и на которомъ насъ сѣкли розгами.

Бойцы раздѣлялись на двѣ враждующія стороны, смотря по тому, на которой сторонѣ класса сидѣли; отчего произошло названіе: выходила на бой сторона на сторону.

Бой начинался мелочью, т. е. слабосильными и нерослыми ребятами, но потомъ одушевленіе овладѣвало и болѣе рослыми молодцами, такъ что не всегда, конечно, но и не рѣдко всѣ наши великаны и самъ Бацылка вступали въ бой; въ это-то время иногда и полъ и стекла дрожали.

До насъ дошло преданіе, что курса за два или за три прежде насъ, въ квартирѣ жившаго надъ нашимъ классомъ профессора Красильникова съ чайною и другою посудою случилось нѣчто вродѣ пляски. Шкафъ, гдѣ она стояла, не былъ затворенъ, между тѣмъ сотрясеніе отъ происходившаго внизу боя до такой степени было

сильно, что блюдечки, рюмки, стаканы припрыгивали на своихъ мѣстахъ и, подвигаясь мало по малу къ отвореннымъ дверцамъ, начали выпадать изъ шкафа.

Профессоръ, узнавши объ этомъ танцѣ и слыша внизу стукъ и шумъ, бросился въ классъ.

Молодцы тотчасъ заняли свои мѣста, какъ будто ни въ чемъ не бывало, но профессоръ нашелся и отыскалъ виновныхъ, выбирая тѣхъ изъ учениковъ, которыхъ лицо болѣе, нежели у другихъ, раскраснѣлось.

Не знаю, какое было взысканіе съ молодцевъ, участвовавшихъ въ этомъ побоищѣ, но намъ наша послѣдняя битва даромъ не прошла. Кулачные бои у насъ въ классахъ происходили только въ зимнее время по очень простой причинѣ; лѣтомъ если не всѣ, то большею частію, мы ходили босоногими; поэтому во время битвы иной обутый своими сапогами могъ отдавить ногу тому, кто пришелъ на-легкѣ — безъ сапоговъ.

Можетъ быть, тутъ былъ и другой разсчетъ; тулупы — наша зимняя одежда, хоть сколько-нибудь ослабляли наносимый ударъ кулакомъ противника; тогда какъ нанковый сюртучокъ или затрапезный халатъ, изъ которыхъ преимущественно шилась ученическая лѣтняя одежда, служили плохимъ панцыремъ.

На этомъ основаніи самые ожесточенные кулачные бои происходили въ великій постъ, какъ въ такое время, когда намъ съ ними надобно было, по нашему выраженію, распрощаться до слѣдующей зимы; а въ 1824 г. такое распрощаніе мы считали тѣмъ обязательнѣе для себя, что послѣ каникулъ одни изъ насъ поступали въ реторику, другіе оставались въ высшемъ отдѣленіи или исключались изъ училища. Но при новомъ семинарскомъ начальствѣ наши кулачные бои встрѣчали препятствіе въ томъ, что въ комнатахъ надъ нашимъ классомъ вмѣсто Красильникова помѣстился Гедеонъ, котораго могъ обезпокоить слишкомъ сильный кулачный бой.

Тутъ намъ очень пригодился любимецъ его и нашъ товарищъ Кузьминжевскій.

Онъ самъ былъ большой охотникъ до кулачныхъ боевъ и, живя

у Гедеона, извѣщалъ насъ о томъ, въ какое время мы безопасно могли выйти сторона на сторону.

Одинъ изъ такихъ дней палъ на субботу четвертой недѣли поста, Гедеонъ уѣхалъ къ архіерею, а у насъ къ нашему удовольствію Родосскій почему-то не могъ скоро прійти въ классъ. Какъ не воспользоваться стеченіемъ столь благопріятныхъ обстоятельствъ? И воспользовались, конечно; число учениковъ въ высшемъ отдѣленіи въ это время чуть не на цѣлую треть уменьшилось противъ того, которое было съ начала курса; одни, притомъ самые рослые, исключены были, или же сами вышли изъ училища въ предыдущія каникулы; другіе по пріѣздѣ Иліодора разосланы были по училищамъ уѣздныхъ городовъ.

Но съ уменьшеніемъ числа бойцовъ, задоръ остальныхъ не уменьшился.

Битва начиналась, прерывалась, возобновлялась, опять прерывалась и возобновлялась; воинственный азартъ дошелъ до высшей степени.

Къ нашему несчастію, въ этотъ-то критическій моментъ, когда слѣдовало рѣшить, которая изъ сторонъ должна была считаться побѣжденною и какая побѣдительницею, Иліодору вздумалось проводить по корридору какого-то короткаго свѣтскаго знакомаго, пріѣзжавшаго къ нему.

Въ корридорѣ, особенно идя мимо нашего класса, онъ услыхалъ необыкновенный шумъ въ немъ, простился съ посѣтителемъ, хотѣлъ отворить дверь къ намъ, но долго не могъ этого сдѣлать, потому что одна изъ сторонъ была къ ней прижата.

Но она пособралась съ силами, поправилась и оттѣснила своихъ противниковъ, и въ то самое время, какъ начала торжествовать свою побѣду, а противники усиливались отразить ее, во время самаго сильнаго разгара, Иліодоръ взошелъ въ классъ; произошла новая кутерьма; нѣкоторые неосторожно толкнули даже его высокопреподобіе. Онъ самъ не захотѣлъ съ нами разсчитываться, а послалъ отыскать Родосскаго, который прямо къ нему и отправился, получилъ отличную головомойку, пришелъ къ намъ, взбѣшенный до самаго нельзя. «Весь классъ на колѣни», закричалъ онъ, почти бѣгалъ по классу, не могъ хорошенько ничего разспросить, то того

ударитъ, то другаго за волосы оттреплетъ, то закричитъ: «ахъ вы, канальи!».

Около полчаса продолжалось это бѣшенство.

Тутъ пробилъ звонокъ изъ класса. «Ну, сказалъ онъ, ужь съ вами я раздѣлаюсь въ слѣдующій классъ». Но слѣдующій классъ долженъ былъ быть во вторникъ, потому что въ понедѣльникъ праздновалось восшествіе Императора на престолъ. Во вторникъ Родосскій пришелъ къ намъ очень рано, началъ разспрашивать, кто бился на-кулачки, кто шумѣлъ, но ничего опредѣленнаго не узналъ; да и дѣйствительно всѣ или бились на-кулачки, или, стоя на партахъ, шумѣли и ободряли свою сторону. «Ну, такъ я васъ всѣхъ перепорю», рѣшилъ Родосскій и потребовалъ старшаго низшаго отдѣленія, которому уже приказано было озаботиться приготовленіемъ розогъ.

Старшій явился въ сопровожденіи самыхъ рослыхъ своихъ товарищей, которые должны были отправлять должности сѣкуторовъ, держателей и помогателей, потому что, во избѣжаніе медленности, Родосскій велѣлъ сѣчь насъ съ подготовкою въ два ряда.

Произошло новое побоище; кулаки, конечно, не были въ ходу, но немногіе изъ насъ встали съ полу безъ блестокъ на своемъ тѣлѣ.

Родосскій какъ будто мстилъ намъ за тотъ нагоняй, который получилъ отъ ректора; а низшеклассные съ полнымъ усердіемъ и даже съ удовольствіемъ удовлетворяли этой мстительности; имъ пріятно было, что мы, высшеклассные, такъ часто форсившіе передъ ними, отданы были имъ на жертву и въ буквальномъ смыслѣ не могли вырваться изъ ихъ рукъ.

Конечно, такая катастрофа, происходившая, какъ я уже сказалъ, въ предпослѣднюю треть курса, и мнѣ и всѣмъ намъ не была по сердцу, но и на первый разъ Рязанское училище мнѣ не очень понравилось. Не имѣя опредѣленнаго для себя мѣста, я до прихода учителя Гусевскаго долженъ былъ стоять у двери.

Еще до звонка нѣкоторые ученики, узнавши, что я изъ Касимовскаго училища, дразнили меня татариномъ, такъ какъ въ Касимовѣ жили татары.

Послѣ звонка Бацылка былъ что-то особенно суровъ; хоть всѣ

сидѣли смирно, но онъ находилъ возможность придраться къ ученикамъ; того таскалъ за волосы, другому влѣплялъ въ спину по нѣскольку ударовъ бывшею въ рукахъ у него лозою не изъ очень тонкихъ ивовыхъ прутьевъ.

Была середина сентября, многіе еще ходили въ лѣтнемъ платьѣ, халатахъ и сюртукахъ; поэтому удары лозою были слишкомъ чувствительны.

Бацылка мнѣ представлялся даже не цензоромъ или старшимъ; я думалъ, что это ужь не богословъ ли какой, которому поручено до прихода учителя командовать нами.

Опасаясь, чтобы онъ и меня не отхлесталъ лозою, я сталъ смирнехонько, прижавшись къ стѣнѣ, какъ говорится, ни живъ—ни мертвъ.

Наконецъ Гусевскій, пришедши, посадилъ меня на вторую парту, гдѣ сидѣли первые ученики, переведенные изъ низшаго въ высшее отдѣленіе; мнѣ это, конечно, было пріятно, но во-первыхъ мое самолюбіе очень оскорбилось тѣмъ, что меня посадили ниже бывшаго моего товарища и любимца моего по Касимову, Ивана Крылова. Въ Касимовѣ я былъ гораздо выше его, а тутъ пришлось быть ниже. Но, главное дѣло, оба мы нажили враговъ въ своихъ товарищахъ рязанскихъ за то, что насъ очень высоко посадили. Они, особенно Сампсонъ Постниковъ, постарались и меня и Крылова впутать въ немаленькую бѣду.

Василій Петровичъ Козелъ далъ намъ переводъ съ русскаго на греческій языкъ. Мы уже знали, что онъ всегда беретъ текстъ изъ библіи, а сосѣди наши имѣли у себя греческую библію, обѣщались намъ дать списать переводъ.

Василій Петровичъ иногда пропускалъ въ переводахъ нѣкоторыя мѣста изъ библейскаго текста; такъ онъ поступилъ и въ настоящемъ случаѣ.

Сосѣди это замѣтили, но меня и Крылова захотѣли, какъ говорится, утопить.

Постниковъ списалъ къ ряду весь текстъ безъ пропуска и далъ намъ для списыванья.

Мы не подозрѣвали обмана, а сличить съ русскимъ текстомъ не

догадались, да даже и времени не имѣли, почему-то получили греческій текстъ передъ самымъ концомъ класса.

Но едва я пришелъ въ комнату, какъ поздравили меня съ бѣдою. Опасаясь, чтобы мы не открыли того, какъ намъ достался текстъ, Постниковъ и другіе товарищи стали насъ уговаривать сказать, что такой переводъ, но безъ пропусковъ былъ у насъ въ Касимовѣ; въ противномъ случаѣ грозили намъ всею своею ненавистью. Мы поддались на эту удочку и дали торжественное обѣщаніе поступить такъ, какъ намъ приговорили сдѣлать.

Черезъ нѣсколько дней Василій Петровичъ, прочитавши всѣ переводы, пришелъ въ классъ и началъ насъ спрашивать, отчего у насъ явилась прибавка.

Мы стали говорить такъ, какъ насъ научили.

Но Василій Петровичъ скоро умѣлъ запутать насъ въ противорѣчія; Крыловъ, не знаю почему, только какимъ-то образомъ, избѣгъ негодованія почтеннаго педагога; все оно излилось на меня.

Старикъ подошелъ ко мнѣ и, допрашивая меня, запутывая въ словахъ, отъ времени до времени потчивалъ пощечинами.

Наконецъ, раздосадованный моею несознательностію, онъ потребовалъ лозу; Бацылка принесъ ее, и мнѣ приказано было идти на лобное мѣсто.

Въ училищной моей жизни не разъ бывало, что я въ подобныхъ случаяхъ являлся бунтовщикомъ; и теперь тоже заупрямился и не хотѣлъ сойти съ мѣста своего.

Василій Петровичъ, уже не раздосадованный, но чуть ли не взбѣшенный моимъ упрямствомъ, вновь подошелъ ко мнѣ и то таская за волосы, то надѣляя пощечинами, кричалъ: «ступай, мерзавецъ, ступай!»

Отъ боли, отъ стыда, отъ сотрясенья въ головѣ я былъ въ какомъ-то полубезпамятствѣ и, несмотря ни на что, ухватившись за парту, не выходилъ изъ-за нея; тутъ меня такъ-таки и не удалось высѣчь; поставили только на колѣни, но зато отъ моральнаго или физическаго потрясенія я заболѣлъ и нѣсколько дней лежалъ въ больницѣ.

Василію Петровичу сдѣланъ былъ выговоръ за то, что онъ билъ меня по головѣ, ему совѣтовали впередъ не драться, а сѣчь

розгами. «Развѣ мудрено было такого мальчика, говорили про меня, вытащить изъ-за парты, повалить на полъ, заставить держать и высѣчь такъ, чтобы небу было жарко? Развѣ у васъ нѣтъ молодцевъ, которые бы за уши приподняли его?»

Не блистателенъ былъ мой дебютъ и у Алексѣя Ивановича Вихирева, моего тутора, которому я отданъ былъ въ полное распоряженіе.

Онъ принадлежалъ къ лучшимъ ученикамъ и самъ по себѣ былъ человѣкъ дѣятельный и энергическій; ужь, что̀ задумаетъ сдѣлать, не остановится ни передъ какими препятствіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вспыльчивъ, даже золъ и по тогдашнимъ понятіямъ думалъ, что безъ лозы изъ семинариста, даже взрослаго, не сдѣлаешь ничего путнаго, и потому часто сѣкъ своихъ подчиненныхъ, притомъ почти всегда самъ.

И такъ какъ онъ былъ чрезвычайно силенъ, то удары отъ его плетки или лозы были очень чувствительны.

Я скоро испыталъ это. Когда онъ началъ давать мнѣ переводы съ русскаго на латинскій языкъ, я оказался въ этомъ отношеніи до такой степени слабымъ въ сравненіи съ рязанскими учениками, что мнѣ самому стало совѣстно.

У Вихирева былъ, кромѣ Евсея, еще братъ Павелъ, мой тогдашній товарищъ. О его успѣхахъ можно судить потому, что онъ оставался еще въ высшемъ отдѣленіи, когда я уже былъ въ философіи и сдѣлался его туторомъ.

Первый мой переводъ я сдѣлалъ хуже этого господина. Ал. Ив. Вихиревъ твердо рѣшился выправить меня. Онъ мнѣ каждую мою ошибку разъяснялъ самымъ отчетливымъ образомъ и приказывалъ обращаться къ нему съ моими недоумѣніями во всякое время.

Такъ какъ второй и третій мои переводы нисколько не сдѣлались лучше и въ нихъ иногда повторялись ошибки, уже мнѣ прочтенныя и исправленныя, то мнѣ и напомнили, что если я стану попрежнему плохо переводить, то меня познакомятъ съ плеткою. И чтобы я лучше понялъ, какія ощущенія мнѣ придется испытывать отъ этого знакомства, плетку вынули изъ сундука, меня положили на лѣвую ногу и, заворотивъ платье и рубаху, но не обнажая вполнѣ, слегка ударили разъ пятокъ кончиками плетки.

Надобно правду сказать, что предостереженіе это слишкомъ меня тронуло.

Въ слѣдующіе два раза отъ того ли, что я былъ повнимательнѣе или самые переводы были полегче, только у меня вмѣсто 20—25 ошибокъ появилось 10-ть. Но потомъ опять пошло по-прежнему. Но тогда уже началось настоящее знакомство съ плеткою.

Чтобы пробудить мою дѣятельность, Вихиревъ сказалъ мнѣ, что за каждую лишнюю сверхъ десятка ошибку я буду получать по одному удару, а если ошибка была уже мнѣ пояснена, то по три удара.

Это обѣщаніе было исполняемо неумолимо, такъ что мнѣ много разъ приходилось ложиться и быть обнаженнымъ, чтобы получить одинъ или два удара. Нельзя сказать, чтобы подобныя угощенія мнѣ нравились. Вмѣсто того, чтобы прилежаніемъ и внимательностью исправить себя, я рѣшился сначала прикинуться больнымъ, а потомъ припрятаться и убѣжать. Но оба опыта кончились для меня очень печально, или лучше больно.

Болѣзнь моя состояла въ томъ, что я никакъ не могъ ни поднять головы, ни встать съ постели, ни, разумѣется, переводить переводъ и учить урокъ.

Вихиревъ ощупалъ мою голову и пульсъ, попросилъ то же сдѣлать подлѣкаря — своего товарища. Когда убѣдились, что я обманываю, тогда рѣшились меня полѣчить. Мой туторъ велѣлъ мнѣ повернуться на кровати спиною вверхъ, говоря: «надобно посмотрѣть, не болитъ ли у тебя тамъ что-нибудь».

Я сначала и не подозрѣвалъ, что со мною хотятъ дѣлать,—повернулся, какъ мнѣ велѣли, прикрываясь впрочемъ одѣяломъ, подъ которымъ я лежалъ въ одномъ бѣльѣ. Туторъ не торопясь снялъ съ меня одѣяло, потомъ позвалъ братьевъ Евсея и Павла и сказалъ имъ: «подержите-ка его». Тутъ-то я понялъ, въ чемъ дѣло. Оставляя меня на кровати, сѣли мнѣ на голову и ноги, обнажили, и плетка, въ качествѣ лѣкарства, начала меня лѣчить.

Ударивъ разъ десять, Вихиревъ спросилъ меня: сяду ли я теперь за столъ? Разумѣется, я забожился Христомъ-Богомъ, что сяду и буду сидѣть сколько угодно. Меня отпустили; я, одѣвшись

и обувшись, сѣлъ за столъ и о своей болѣзни — ни слова. Только послѣ пришлось мнѣ выдержать много насмѣшекъ изъ-за нея.

Побѣгъ мой еще былъ неудачнѣе болѣзни. Я запрятался было въ дровахъ на дворѣ, но меня видѣли, скоро отыскали и привели къ моему судьѣ. «Ты гдѣ это былъ?» спросилъ меня Вихиревъ. — На дворѣ, въ дровахъ. «Зачѣмъ ты туда зашелъ?» — Урокъ учить. «Что же ты слишкомъ долго сидѣлъ?» — Да я заснулъ. «Ну такъ тебя надобно же разбудить». И вмѣсто плетки велѣли принести двѣ лозы, положили меня на полъ и приказали двумъ моимъ здоровымъ товарищамъ съ обѣихъ сторонъ угощать меня розгами.

Увѣщаніе было такъ убѣдительно, что я съ тѣхъ поръ не рѣшался ни быть больнымъ, ни скрываться.

Между тѣмъ переводы продолжались по-прежнему; по-прежнему также меня сѣкли, если было въ переводѣ болѣе 10 ошибокъ или ошибки повторялись во второй, третій и пр. разъ.

Съ другой стороны Вихиревъ, можно сказать, отчасти былъ внимателенъ ко всѣмъ моимъ нуждамъ, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и полною готовностью объяснялъ мнѣ уроки и мои ошибки, былъ ласковъ до-нельзя со мною, когда я былъ исправенъ; мнѣ слишкомъ стало ясно, что онъ не врагъ мой, что онъ строгъ ко мнѣ, когда я неисправимъ, а въ случаѣ моей исправности — онъ готовъ для меня все сдѣлать.

Несмотря на строгія и даже жестокія наказанія, я полюбилъ его и сталъ, какъ говорится, изъ кожи лѣзть, чтобы хорошо переводить переводы.

Въ октябрѣ ужь у меня стало появляться менѣе 10 ошибокъ, тогда это роковое число было понижено до семи.

Къ концу года я сталъ переводить уже безъ ошибокъ. Но будучи живымъ, толковымъ ребенкомъ, я часто дѣлалъ дѣло кое-какъ, и вотъ послѣ того, какъ было сдѣлано у меня двѣ-три ошибки, а иногда даже ни одной, слѣдовалъ переводъ не только съ 10-ю, но и съ 20 ошибками. Ну тогда опять принимались за плетку или за лозу.

Но черезъ годъ моей рязанской жизни, я по учебной части уже сдѣлался очень исправнымъ человѣкомъ, и меня Вихиревъ наказывалъ почти только за одни шалости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ я, такъ сказать, въ гору и въ классѣ.

Еще въ первую треть я сталъ считаться очень хорошимъ ученикомъ, а къ концу года меня уже посадили на шестое мѣсто.

Неудачный мой дебютъ по классу Василія Петровича забылся; ко мнѣ стали обращаться уже съ покорнѣйшими просьбами, особенно тѣ, которые не имѣли надъ собою туторовъ и которыхъ домашними прибавочными занятіями никто не хотѣлъ управлять.

Обыкновенно просили меня диктовать тѣ переводы, которые мнѣ давалъ Вихиревъ, и потомъ исправлять ихъ или, какъ мы тогда говаривали, подчеркивать.

Для характеристики тогдашняго времени разскажу, какъ сами ученики смотрѣли на тѣлесное наказаніе.

Меня особенно просили задавать переводы трое изъ моихъ товарищей: Перевлѣсскій, Дроздовъ и Флеровъ.

Разумѣется, и у нихъ было не малое количество ошибокъ и даже болѣе, нежели у меня послѣ того, какъ Вихиревъ мало-по-малу заставилъ меня хорошо переводить.

Видя, какъ меня сѣкли за ошибки, слыша то же самое про своихъ товарищей, приписывая успѣхи этому самому обстоятельству и вообще, сообразно съ духомъ времени, думая, что безъ лозы нельзя обойтись, а между тѣмъ желая непремѣнно выучиться хорошо переводить съ русскаго на латинскій языкъ, они положили сами другъ-друга наказывать за дурные переводы.

Я, разсмотрѣвши или подчеркнувши ихъ переводы, одинъ долженъ былъ сказать имъ, что у одного изъ нихъ есть напр. 10 или 15 ошибокъ (нужно было брать наибольшую цифру); тогда они, не зная, кто изъ нихъ сдѣлалъ такое количество ошибокъ, полагали или съ общаго согласія, или большинствомъ голосовъ, нужно ли его высѣчь, или нѣтъ?

Если рѣшеніе состоялось въ положительномъ смыслѣ, то всѣ мы уходили въ свой пустой классъ или въ другое уединенное мѣсто, а одинъ изъ нихъ заготовлялъ лозу, но не болѣе какъ изъ двухъ или трехъ небольшихъ березовыхъ прутьевъ.

Въ классѣ я показывалъ переводъ тому, кто сдѣлалъ большее число ошибокъ.

Убѣдившись въ справедливости моихъ замѣчаній, онъ безъ спора ложился, самъ напередъ раздѣвшись; двое изъ нихъ его держали,

а я долженъ былъ назначить число ударовъ, но не болѣе 20; впрочемъ двое другихъ могли увеличить число, если находили его малымъ.

Сѣченіе было не очень больно, не со всего размаха, однако и не тихо.

Если у одного изъ прочихъ двухъ или у обоихъ было то же число ошибокъ, какъ и у перваго, то и они одинъ за другимъ ложились.

Но если каждый изъ нихъ лучше перевелъ, нежели наказанный, то я долженъ былъ сказать, что вотъ еще у другаго, не называя его, столько-то ошибокъ; тогда они опять рѣшали, высѣчь ли его, или нѣтъ.

Третьяго, если только у него было ошибокъ менѣе, нежели у каждаго изъ первыхъ двухъ, уже не сѣкли.

Такое взаимное, такъ сказать, сѣченіе, было въ модѣ не у однихъ поименованныхъ трехъ молодцевъ, но и у другихъ.

Иные были даже рѣшительнѣе ихъ, соглашаясь, чтобы дававшій имъ переводы ихъ же товарищъ самъ по своему усмотрѣнію ихъ наказывалъ розгою, разумѣется, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, но все-таки чувствительно.

Бывши уже профессоромъ академіи, я однажды осматривалъ земледѣльческое училище, устроенное для удѣльныхъ крестьянъ за Выборгскою заставою у Петербурга.

Священникъ и законоучитель училища Игнатій Аѳанасьевичъ Спасскій, съ которымъ я ходилъ, увидавши одного мальчика лѣтъ 15—16, спросилъ его: «ну, что каково ты учишься?» —Да что, батюшка, все плохо; ужь я и не знаю, что́ дѣлать. Попросите, батюшка, директора, чтобъ меня получше посѣкли, авось не пойму ли я грамоту».

Сколько у насъ съ Спасскимъ было смѣху, потому что мы оба, какъ рязанцы и почти товарищи по классу, припомнили подобныя, добровольныя желанія быть высѣченными.

На насъ, какъ на ученикахъ, лежало не мало и другихъ, кромѣ учебныхъ, обязанностей, которыя мы должны были тоже исполнять.

Дневальными въ классѣ мы и въ Рязани были такъ же, какъ

и въ Касимовѣ, только съ меньшимъ количествомъ обязанностей.

Печей мы не топили; это исполнялось семинарскими служителями; забота о розгахъ была возложена на старшаго.

При Родосскомъ дневальные обязаны были держать и раздѣвать наказываемыхъ и если не надѣялись съ кѣмъ-либо управиться, то требовали пособія отъ другихъ; и въ этомъ случаѣ никто не смѣлъ отказаться подъ опасеніемъ быть высѣченнымъ.

Впрочемъ, развѣ немногіе желали бы не участвовать въ держаніи, большая же часть охотно садилась на руки и ноги наказываемаго, были даже молодцы, которые упрашивали дневальныхъ вызывать ихъ для держанья, находя своего рода удовольствіе вблизи видѣть, какъ разрисовываетъ лоза обнаженное тѣло, какъ на немъ появляются ленты, блестки и пр.

Далѣе дневальные обязаны были мести классы метлою, которую брали на семинарской кухнѣ. Послѣ дежурства въ классѣ они (ихъ было всегда двое) отправлялись въ первый день къ одному, а во второй къ другому учителю и здѣсь отправляли разныя черныя работы, рубили дрова, носили воду, ставили самоваръ и пр.

Это была не важная вещь, но мы болѣе всего боялись собакъ въ домѣ Гусевскаго и Родосскаго, которыя нападали на насъ и хватали за ноги даже въ то время, когда несли мы ушаты съ водою.

Кромѣ того за водою ходили далеко по улицѣ въ домъ Вердеревскаго. Улица была истинно собачья; въ каждомъ дворѣ жило не менѣе двухъ-трехъ собакъ, и отъ всѣхъ этихъ друзей человѣка намъ приходилось отбиваться.

Зато уже мы не сидѣли въ классѣ, чѣмъ особенно и были довольны. Но дневальство у учителей продолжалось только одинъ годъ; во второй же годъ, Иліодоръ и Гедеонъ, узнавши объ этомъ, запретили учителямъ употреблять насъ, какъ лакеевъ, хотя съ другой стороны оставили насъ въ качествѣ семинарскихъ сторожей, заставляя дневать въ классѣ и потомъ, какъ сейчасъ увидите, принуждали насъ къ другимъ разнымъ работамъ.

За травами и въ Рязани насъ посылали почти также часто, какъ и въ Касимовѣ.

Въ Рязани была одна особенность: къ публичному экзамену въ

семинаріи мы приносили множество цвѣтовъ зеленыхъ, желтыхъ и пр., чтобы ими закрыть полъ въ залѣ и украсить стѣны ея; усыпали также цвѣтами корридоры и столовую. Ходили мы за травами въ сосѣднія рощи: Павловскую, принадлежащую архіерею, потомъ въ лѣсъ около селъ Голеничина и Никульчи.

Особенно трудны были наши ботаническія экскурсіи за девисиломъ, который мы собирали за селомъ Хриповымъ, верстахъ въ семи отъ Рязани. Въ эту экскурсію мы отправлялись въ восемь часовъ утра и возвращались изъ нея уже около 4-хъ часовъ вечера, голодные и утомленные.

Особенно страдали мы, жившіе на казенномъ; случалось, что намъ отъ обѣда ровно ничего не оставалось, и мы цѣлый день до самаго ужина должны были пробавляться однимъ чернымъ хлѣбомъ.

Набранныя травы относились иныя въ аптеку, другія хранились въ семинарской библіотекѣ и больницѣ, кое-что относили и въ архіерейскій домъ.

Находили намъ работу и на семинарскомъ дворѣ. Заставляли рыть картофель, рубить капусту, чистить садовыя дорожки, вырывать крапиву, укладывать дрова или переносить ихъ съ одного на другое мѣсто.

Въ послѣднемъ случаѣ я однажды сдѣлался извѣстнымъ Иліодору и Гедеону.

Когда насъ заставили переносить трехполѣнныя дрова съ одного мѣста на другое въ присутствіи ректора и инспектора, мнѣ пришла фантазія подговорить пріятелей своихъ играть кстати въ солдаты.

Для этого каждый изъ насъ, взявши плаху, выстраивался во фронтъ, и мы шли въ шагъ къ указанному мѣсту.

Скоро къ намъ стали присоединяться другіе, и составлялись полки человѣкъ въ 50.

Иліодоръ и Гедеонъ, увидавши это и замѣтивши, что мы, принесши плахи, спѣшили поскорѣе за новыми, чтобы не опоздать попасть во фронтъ,—поняли, что при такой игрѣ у насъ дѣло пойдетъ живѣе; узнали зачинщика и, подозвавши къ себѣ, похвалили меня и

шутя произвели въ офицеры, приказавши, чтобы я шелъ впереди фронта.

Убѣдившись, что наша игра нравится начальству, мы еще съ бо́льшимъ усердіемъ принялись носить и бѣгать.

Вскорѣ появилось соперничество, составились другіе отряды, подъ предводительствомъ тоже другихъ офицеровъ.

Иліодоръ и Гедеонъ, похваливая то тѣхъ, то другихъ, подзадоривали насъ; мы лѣзли изъ кожи и въ часъ дѣлали то, на что при обыкновенной работѣ мало бы было и двухъ часовъ.

На всѣ описанныя работы посылали обыкновенно насъ, училищныхъ мальчиковъ.

Но были случаи, когда вся семинарія, не исключая спѣсивыхъ богослововъ и философовъ, работала. Въ архіерейскомъ домѣ, при архіереѣ Филаретѣ, производились большія каменныя работы; разломано было старое готическое крыльцо и еще какое-то зданіе, отчего чуть не весь дворъ былъ заваленъ кирпичами.

И вотъ въ одинъ день съ 8 часовъ утра, выслали всѣхъ безъ исключенія учениковъ семинаріи и училища въ архіерейскій домъ и заставили сносить мусоръ въ указанныя мѣста, а годные въ дѣло кирпичи складывать въ кучи.

Носилокъ и тачекъ было очень мало; училищные и многіе риторы носили мусоръ въ подолахъ своихъ платьевъ; богословы и философы большею частью отбирали и собирали кирпичи въ кучи, стоять безъ дѣла было опасно; за работами, кромѣ старшихъ, наблюдали самъ его высокопреосвященство и отецъ ректоръ съ инспекторомъ.

Кажется, сколько помню, мы ходили на эту работу два или три раза.

Было еще занятіе для учениковъ семинаріи и училища, живущихъ на казенномъ. Иліодоръ и Гедеонъ, какъ монахи, употребляли рыбу, но находили, вѣроятно, болѣе выгоднымъ получать ее даромъ, безъ денегъ, нежели покупать у рыбаковъ.

Они приказали эконому, на казенный счетъ купить неводъ и потомъ вызывали изъ насъ охотниковъ, которые бы въ послѣ-обѣденные классы соглашались отправляться ловить рыбу въ одномъ озерѣ за Трубежемъ; иногда и сами вмѣстѣ съ нами отправлялись.

Охотниковъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, было множество, всякій, даже богословы и философы, желали выказать свое усердіе предъ ихъ высокопреподобіями.

Бывало, чуть не всѣ живущіе на казенномъ ученики семинаріи и высшаго класса училища выходили на рыбную ловлю (низшеклассныхъ и приходскихъ по причинѣ ихъ слабосилія не велѣно было брать). Прибывши къ озеру, раздѣлялись на двѣ части и располагались на обоихъ берегахъ.

Ловля начиналась съ котораго-либо конца озера; чтобы черезъ извѣстныя разстоянія вытаскивать неводъ изъ озера, привязывались къ одному изъ крыльевъ невода длинныхъ двѣ веревки, при помощи которыхъ неводъ то перетягивался на одинъ берегъ, то растягивался поперекъ озера.

Ловля почти всегда была обильная; крупную рыбу брали въ собственность почтенные начальники, а мелочь оставляли намъ; ее обыкновенно, не мытую и не чищенную, всыпали въ котелъ, наливали водою и покипятивши подавали намъ подъ именемъ ухи.

Вѣроятно тогда озеро не было отдаваемо на откупъ, и потому большой помѣхи рыболовство наше не встрѣчало.

Но помню, какъ однажды человѣкъ десять мужиковъ подъѣхали къ намъ и начали насъ ругать за то, что мы ловимъ рыбу и топчемъ луга.

Ихъ подвели къ Иліодору и Гедеону. Оба они, съ магистерскими крестами, важно взглянули на мужиковъ и спросили ихъ: «вы что тутъ раскричались? Какъ вы смѣете ругаться?» и пр. Мужики сконфузились и убрались во-свояси.

XXX.

О казеннокоштной жизни учениковъ въ Рязанской семинаріи.

Время уже теперь мнѣ коснуться казеннокоштной нашей жизни, сказать о томъ, какъ благопопечительное начальство содержало сиротъ, бѣдныхъ и тѣхъ, за которыхъ отцы вносили очень порядочныя, по тогдашнему времени, деньги (75—85 руб. асс.)

Сначала опишу, какъ было дѣло при Іеронимѣ и Полотебновѣ, а потомъ какія улучшенія послѣдовали при Иліодорѣ и Гедеонѣ.

Всѣ ученики семинаріи и училища, жившіе въ семинарскомъ корпусѣ, помѣщались при Іеронимѣ въ семи комнатахъ нижняго этажа, отъ 15 до 30 и даже 40 человѣкъ въ комнатѣ.

Въ то время у всѣхъ были желѣзныя кровати, очень широкія, такъ что на каждой изъ нихъ не очень взрослымъ людямъ можно было спать вдвоемъ.

Казенная постель каждаго ученика-семинариста состояла изъ матраца, набитаго едва-ли не коровьей шерстью, двухъ подушекъ и суконнаго одѣяла, столь узкаго и короткаго, что молодцы, даже средняго роста, могли не иначе прикрывать имъ свои ноги, какъ согнувшись.

У бурсаковъ же, т. е. учениковъ уѣзднаго училища, постели были свои собственныя и состояли изъ узкихъ войлоковъ съ одною подушкою. Такимъ образомъ чуть не половина кровати оставалась ничѣмъ незанятою.

Но для приличія, каждому приказывалось прикрывать войлокъ хоть чѣмъ-нибудь; тутъ вмѣсто одѣяла служили сюртуки, халаты, тулупы и пр.

У всѣхъ почти своекоштныхъ или денежныхъ были свои порядочныя постели, напр., у меня перинка съ большимъ, суконнымъ одѣяломъ.

Изъ казеннаго платья выдавались только сюртуки; они шились для семинаристовъ изъ посредственнаго сукна, а для учениковъ училища изъ матеріи, называвшейся мухояромъ, которой я ни прежде, ни послѣ не видывалъ ни на комъ, кромѣ бурсаковъ.

Мухояровые сюртуки шились безъ такъ называемаго разрѣза сзади, такъ что въ нихъ можно было ходить безъ панталонъ и, придерживая рукою ту и другую полу спереди, не показывать своего бѣлья.

Но суконные сюртуки шились по модѣ, съ разрѣзомъ, между тѣмъ казенныхъ панталонъ не давали, а свои многимъ не на что было купить.

И потому очень нерѣдко наши щеголи, надѣвши сюртукъ, отправлялись въ городъ безъ панталонъ, отчего и въ тихую погоду

бѣлье выглядывало изъ-подъ сюртука, особенно сзади; но въ сильный вѣтеръ объ половинки юбки такъ раздвигались, что и рубаха и инекспрессибли выставлялись, такъ сказать, на-показъ.

Суконный сюртукъ долженъ былъ служить три года, а мухояровый—годъ, но обыкновенно уже черезъ полгода расползался, такъ дурна была матерія.

Поэтому, всякій ученикъ долженъ былъ имѣть свою собственную одежду, для которой, впрочемъ, не было ни шкафа, ни вѣшалокъ, и ее или клали подъ подушку или вѣшали на гвозди, вбитые въ стѣну.

Бѣлья рѣшительно не выдавали никакого. Чтобы получить пару сапоговъ, надобно было просить о томъ инспектора, а этотъ докладывалъ Правленію, которое иногда находило нужнымъ или отказывать просителямъ, или давать не иначе какъ по экзамену; притомъ болѣе одной пары сапоговъ въ годъ получить нельзя было.

Такимъ образомъ и обувь надобно было всякому имѣть свою.

Ученики училищные въ лѣтнее время ходили почти всѣ босые; у меня и у нѣкоторыхъ товарищей, хотя и были всегда сапоги, но лѣтомъ мы такъ же, какъ и въ Касимовѣ, ихъ надѣвали развѣ только въ церковь, а въ комнатахъ, на дворѣ, въ классѣ были босыми; даже по городу такъ разгуливали.

Комнаты освѣщались съ половины сентября до Пасхи сальными свѣчами.

Старшему и его помощнику давалась особая свѣча съ отдѣльнымъ столикомъ, который, впрочемъ, онъ самъ долженъ былъ добыть. Для прочихъ жильцовъ стояло по одному или по два громадныхъ стола топорной работы съ такими же скамьями.

На эти-то столы, за которыми садилось по 15 и даже по 25-ти человѣкъ, давались двѣ или не болѣе трехъ свѣчей, такъ что нѣкоторые, только поднявшись съ мѣста и подвинувши книжку къ свѣчѣ, могли разобрать буквы.

Для поддержанія чистоты въ комнатахъ, имѣлись служители, но они мели ихъ особеннымъ манеромъ; вспрыснувши водою мѣста, не занятыя кроватями, а иногда по лѣни, этого даже не дѣлая, начинали простою метлою мести полъ; часть сору, конечно, выметалась вонъ, но другая попадала подъ кровать, гдѣ надолго, иногда

на цѣлую треть года, оставалась неприкосновенною, а третья поднималась столбомъ въ видѣ пыли и послѣ осаживалась слоями на постели, стѣны, печку и пр.

Такъ какъ при входѣ въ корпусъ и въ комнаты не лежало никакихъ половиковъ для обтиранія ногъ, то можно уже догадываться, что́ за чистота была въ нашихъ комнатахъ, которыхъ при томъ никогда не мыли, кромѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ.

Если прибавить сюда, что въ баню ходили и перемѣняли бѣлье черезъ двѣ недѣли, то можно судить, въ какой неопрятности мы жили; въ училищѣ чуть не всѣ страдали чесоткою; да многіе и изъ семинаристовъ отъ нея не были свободны.

Эта проказа, начавшаяся у меня въ Касимовѣ, въ Рязани отъ житья на казенномъ до такой степени усилилась, что я, какъ уже сказалъ, насилу вылѣчился въ академіи.

Какъ ни отвратительно слушать и читать разсказы о паразитахъ—насѣкомыхъ: блохахъ, клопахъ и вшахъ, но историческая вѣрность заставляетъ меня не молчать и о нихъ. Трудно рѣшить, чего у насъ было больше, блохъ ли, клоповъ или вшей!

Пріѣхавши изъ домовъ, мы по крайней мѣрѣ не имѣли на себѣ послѣднихъ, но первыя и вторые, проголодавшись, нападали на насъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ противъ прежняго.

Клопами были наполнены всѣ щели кроватныхъ досокъ, чуть не всѣ углы, гдѣ соединялись различныя части желѣза, изъ которыхъ состояла кровать, затѣмъ нѣкоторые поселялись компаніями на стѣнахъ, особенно близъ печки.

Въ лѣтнее и осеннее время блохъ разводилось великое множество.

Въ сочиненіи своемъ объ устройствѣ духовныхъ училищъ я разсказалъ, какъ два щеголя профессора, приведенные экономомъ въ залу, гдѣ хранились постели учениковъ во время каникулъ, были въ буквальномъ почти смыслѣ облѣплены блохами; экономъ этотъ былъ Модестовъ, преемникъ Кроткова, а наставники Василій Арефьевичъ Покровскій и Михаилъ Петровичъ Богородицкій.

Этотъ разсказъ лучше всего показываетъ, сколько блохъ мы кормили своею кровью.

*

Вшей тоже было не меньше; бывало, при всей привычкѣ, страшно самому заглянуть за свою обшивку. Но съ ними мы, по крайней мѣрѣ, справлялись сами.

Иногда гдѣ-либо за уголкомъ одинъ, а то, особенно въ теплое время, цѣлою кучею, чуть не цѣлою комнатою, сядемъ и начнемъ осматривать всѣ складки своихъ рубахъ и подштанниковъ и истреблять своихъ враговъ; для удобства при этой охотѣ скидали иногда рубахи долой и прикрывались халатомъ, а иногда и голые охотились за своею дичью.

Какова картина, когда въ комнатѣ занимались этимъ 20—30 человѣкъ!

Клоповъ мы считали неистребимыми; очистишь отъ нихъ свою кровать, они заползутъ отъ сосѣдей, со стѣнъ и пр.

Несмотря на свою молодость, мы иногда не могли даже спать отъ угрызеній всѣхъ нападавшихъ на насъ паразитовъ.

Не могли похвалиться казенно-коштные и своею пищею и всѣмъ, что относится къ столовой.

Столовою служила огромная комната, въ которой стояли столы въ три ряда.

О томъ, чтобы мыть или мести полъ въ ней, слишкомъ мало думали.

До какой степени былъ загрязненъ онъ, можно заключить изъ слѣдующаго событія:

Когда, въ началѣ 1825 г., вновь прибывшій на епархію архіерей Филаретъ вздумалъ посѣтить семинарію, сказавши напередъ объ этомъ начальству, то вздумали тогда вымыть полъ въ столовой, но при всѣхъ усиліяхъ ничего не могли сдѣлать; грязь не смывалась, вздумали ее соскабливать, но и это мало помогло, потому что въ однихъ мѣстахъ она совсѣмъ отвердѣла, а въ другихъ, такъ сказать, въѣлась въ половыя доски.

Поэтому нашли нужнымъ насыпать по полу желтый песокъ и тѣмъ прикрыть нечистоту. Верхняя поверхность досокъ на столахъ, конечно, не была такъ грязна, какъ полы, но не могла назваться и чистою.

Скатертей у насъ вовсе не употребляли тогда, столы, конечно, вытирали кое-чѣмъ, но на нихъ мало-по-малу составлялись слои

изъ остатковъ всѣхъ нашихъ кушаньевъ; тутъ смѣшивались и жиръ отъ говядины, щей и остатки каши, капусты, крошекъ хлѣба и пр. и пр., всего было по-немножку.

Для учениковъ семинаріи стояли оловянныя тарелки, когда-то пріобрѣтенныя семинаріей или ей подаренныя кѣмъ-то; но училищные мальчики прямо черпали своими ложками щи изъ общей миски и, кромѣ того, должны были имѣть свои ложки и сами носить ихъ въ столовую; такимъ образомъ, передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ каждый изъ насъ вооружался этимъ оружіемъ, а иной аккуратный человѣкъ носилъ ее съ собою даже въ классъ.

Ученики семинаріи при Іеронимѣ были свободны отъ этого униженія.

Докончу описаніе столовой замѣтками о примыкавшихъ къ ней кухнѣ и хлѣбной. Въ послѣдней было повѣшено два рукомойника для нашего умыванья.

Хотя тутъ и стояли лохани, но между тѣмъ отъ постоянной сырости въ полу образовалось углубленіе аршина въ два длины и въ аршинъ ширины; въ немъ рѣшительно почти всегда стояла лужа нечистой воды.

Другая, не менѣе этой лужи, была въ самой кухнѣ близъ лохани, въ которую лили воду, употреблявшуюся для мытья посуды.

Прочія части пола въ кухнѣ и хлѣбной (я забылъ сказать, что онъ состоялъ изъ толстаго, кирпичнаго свода) были покрыты грязью, тутъ же валялись остатки отъ пищи, кожура картофеля, обрѣзки капусты и пр.

Близъ одной стѣны въ кухнѣ стояли два чана, въ которыхъ попеременно приготовлялся и оставался для питья квасъ; каждый изъ насъ туда опускалъ ковшъ и черпалъ имъ, сколько ему хотѣлось, а потомъ остатки не всѣми выплескивались, а выливались въ чанъ; туда часто опускался и ковшъ.

Есть русская пословица: не красна изба углами — красна пирогами. Къ несчастію, нельзя было эту пословицу примѣнить ни къ кухнѣ, ни къ нашей столовой: не красны онѣ были углами и стѣнами, и полами, но не могли хвастаться и своими щами, кашами, кашицами и даже простымъ чернымъ хлѣбомъ.

Не скажу, чтобы ужь всегда подавалась дурная говядина, но

ея всегда было очень немного; притомъ, часто она состояла изъ солонины даже не свѣжей, изъ залежалой, даже съ душкомъ часто; бывали случаи, когда отъ этого душка, по русской пословицѣ, носъ воротило, и самая говядина вязла въ зубахъ.

Масло, какъ постное, такъ и скоромное, отпускалось въ умѣренномъ количествѣ и, кромѣ того, нерѣдко прогорклое.

Но гречневая крупа, изъ которой намъ приготовлялась каша, бывала тоже прогорклою, проквасившеюся.

Даже черный хлѣбъ приготовлялся изъ затхлой, залежалой муки; слежавшіеся ея куски, прежде нежели клали ихъ въ квашню, надобно было разбить обухомъ, отчего получался хлѣбъ не ноздреватый, а какъ мы говорили, съ закаломъ, безъ вкуса.

Для наблюденія за правильнымъ приготовленіемъ пищи, для пріема говядины, для раздѣленія ея по столамъ, были дневальные изъ риторовъ или философовъ; за тѣмъ же могъ наблюдать и главный старшій.

Вслѣдствіе такихъ порядковъ, разумѣется, лучшія части говядины отдѣлялись богословамъ, философамъ и риторамъ, а намъ, бурсакамъ, доставались уже обрѣзки, жилы и пр., притомъ въ самомъ маломъ количествѣ, такъ что приходилось куска по три на каждаго.

Точно также и масла доставалось вдоволь богословамъ и пр., а намъ уже кое-какіе остатки и даже поддонки.

Но въ скоромные дни пища все-таки была еще сносна; постные дни вотъ уже было наказанье наше.

О рыбѣ и помину не было, кромѣ какихъ-либо важнѣйшихъ праздниковъ, когда для насъ брали соленую, пресоленую осетрину или бѣлужину. Обыкновенно горячее блюдо состояло изъ щей, въ которыхъ, какъ мы говорили, варилась вода съ прибавкою капусты да нѣсколькихъ гречневыхъ крупинокъ; за ужиномъ же, вмѣсто щей, подавалась кашица, т. е. вареная вода съ небольшимъ количествомъ пшенныхъ крупъ, куда подбавлялось немного масла. Второе и послѣднее блюдо, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни состояло изъ гречневой каши.

За обѣдомъ она еще была часто хороша, но къ ужину, подъ ея названіемъ, подавали тѣ пригорѣлыя, но размоченыя и разогрѣтыя

пѣнки, которыя при первоначальномъ приготовленіи ея составились или вверху или близъ стѣнокъ чугуновъ.

Тутъ и при большомъ количествѣ масла, даже скоромнаго, было немного вкуснаго.

Наше доброе и благочестивое начальство старалось недостаточную нашу тѣлесную пищу обильно восполнить духовною, тѣмъ живымъ и дѣйственнымъ словомъ Божіимъ, которое проникаетъ, какъ ученіе Апостола, до членовъ и мозговъ.

Оно приказывало, и въ обѣдъ и ужинъ, громогласно читать или Новый Завѣтъ, или Четьи-Минеи, или какую-либо другую душеспасительную книгу; чтецами обыкновенно были по очереди богословы и философы.

Но эта духовная пища, сколько я могу припомнить, какъ-то плохо насъ насыщала, и потому мы вовсе не слушали читаемое. Зато, бывало, ждешь, не дождешься очереди быть дневальнымъ въ комнатѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что благопопечительное начальство наше не давало для комнатъ замковъ, а по мѣстамъ не было даже ни пробоевъ, ни накладокъ у дверей, и чтобы въ отсутствіе учениковъ не происходило никакого воровства, обыкновенно въ каждой комнатѣ оставался дневальный, увольнявшійся отъ обязанности быть и въ классѣ и въ церкви.

Дневальные сидѣли также въ комнатахъ во время общаго ужина и обѣда, зато послѣ для нихъ накрывался особый обѣдъ и ужинъ.

Такъ какъ тутъ же засѣдали главный старшій и дневальный по кухнѣ, то, разумѣется, были и лучшія щи, и самая хорошая говядина, болѣе, нежели въ достаточномъ количествѣ, и каша, промасленная до-нельзя, уже ѣшь—не хочу!

Кромѣ ужина и обѣда у насъ было нѣчто въ родѣ завтрака и полдника. Для этого разносился по комнатамъ хлѣбъ, по ломтю на каждаго.

Но мы, бурсаки, часто и тутъ страдали. Вмѣсто свѣжихъ ломтей намъ приносили корзину кусковъ, оставшихся отъ обѣда или ужина, уже моченыхъ, завалявшихся; и эти куски не раскладывались по кроватямъ, а высыпались на столъ, куда со всѣхъ сторонъ мы сбѣгались, чтобы схватить, что̀ подъ руку попадется.

При такомъ порядкѣ, застѣнчивые, несмѣлые, неповоротливые, или, случайно небывшіе въ комнатѣ оставались уже безъ куска хлѣба.

Впрочемъ, во избѣжаніе подобныхъ несчастій и вообще для улучшенія своего стола, мы обыкновенно изъ столовой уносили хлѣбъ по ломтю, по два и даже болѣе, несмотря на строжайшее запрещеніе, и ихъ употребляли по требованію аппетита.

Въ холодное же время, когда отапливались печи, мы эти ломти или совершенно обращали въ сухари или поджаривали, и это считалось большимъ лакомствомъ.

При такой нашей экономіи у насъ въ сундукахъ и заголовьяхъ кроватей, подъ подушками бывали запасы сушеныхъ и не сушеныхъ кусковъ хлѣба.

Это сильно привлекало крысъ, которыя водились у насъ въ огромномъ количествѣ; онѣ не только съѣдали наши хлѣбные запасы, но даже огрызали и ложки, на которыхъ слои жира привлекали ихъ вкусъ.

Въ самомъ дѣлѣ, крысъ было такъ много, что онѣ ночью своею стукотнею, а иногда бѣганьемъ по лицу и даже кусаньемъ за ноги, не давали намъ спать,—залѣзали въ наши сапоги, прогрызали ихъ, лакомились тулупами и пр.

Вслѣдствіе этого и мы по временамъ объявляли имъ войну. Обыкновенно нѣсколько дней къ ряду послѣ ужина мы приносили кашу или куски хлѣба и оставляли ихъ на ночь на столѣ.

Крысы лакомились этимъ добромъ.

Потомъ постепенно закрывали кирпичами отверстія въ полу, черезъ которыя они пролѣзли въ комнаты.

Въ ночь, назначенную для нападенія, оставляли только два или три отверстія и, когда по погашеніи огня, крысы собирались ужинать на столѣ, въ это время по данному знаку остававшіяся открытыми отверстія закрывались, появлялся огонь: крысы разбѣгались по комнатѣ, и тутъ-то начиналось избіеніе ихъ; онѣ скрывались всюду и въ сапоги, и въ заголовья, и въ платье, но повальный обыскъ открывалъ ихъ убѣжища и каждый плѣнный наказывался немедленною смертью.

При удачныхъ ловляхъ случалось убивать въ одну ночь по де-

сятку и даже по два крысъ; однажды въ нашей комнатѣ было убито за разъ 27 жертвъ.

О стукѣ и шумѣ, происходившемъ въ этомъ случаѣ, нечего и говорить.

Описанная мною жизнь казеннокоштныхъ учениковъ преимущественно относится къ тому времени, когда семинаріей управляли Іеронимъ и Полотебновъ. Новому начальству, разумѣется, нельзя было обойтись безъ разныхъ измѣненій, улучшеній, а также и ухудшеній, но въ иныхъ случаяхъ оно оставило дѣло въ прежнемъ положеніи.

Напримѣръ, метода поддерживать чистоту въ комнатахъ не измѣнилась: та же метла, тотъ же служитель, ею дѣйствующій, та же пыль, все то же, но на переднюю и заднюю часть кроватей надѣли тиковые чахлы.

Тотъ и другой послужили квартирами для семинарской артиллеріи; но задній чахолъ, опускаясь до самаго пола, имѣлъ спеціальное назначеніе закрывать соръ, который собирался подъ кроватями. Для учениковъ семинаріи пріобрѣтены были новые постельные приборы, т. е. матрацы, подушки и одѣяла, но простынь и перемѣнъ наволочекъ по-прежнему не полагалось, а старые матрацы переданы были бурсакамъ.

Сшили также новые суконные сюртуки и даже брюки для семинаристовъ, пользовавшихся полнымъ казеннымъ содержаніемъ, но ихъ позволяли надѣвать только въ праздники или при экстренныхъ какихъ-либо случаяхъ; въ другое время они находились подъ замкомъ коммиссара.

Для храненія платья сдѣлано было по одному шкафу въ комнатѣ.

Конечно, это было недостаточно для 20 или 40 человѣкъ, но все-таки лучше, нежели ничего; и чего-то въ этихъ шкафахъ не было навѣшено, особенно навалено на днѣ ихъ: лѣтомъ тутъ лежала грудою зимняя и другая ненужная одежда.

Не шутя говорю, что однажды кому-то понадобилось отыскать свою какую-то старую одеженку. Вдругъ изъ рукава одного тулупа выскочила огромная крыса, оставивъ на нашъ произволъ народившихся недавно своихъ потомковъ.

Оказалось, что она нашла очень удобнымъ устроить себѣ въ шкафѣ гнѣздо и поселилась въ рукавѣ тулупа со своимъ потомствомъ.

И столовая получила улучшеніе: столы покрывали скатертями; конечно, онѣ не отличались ни узорами, ни бѣлизною, но все-таки были скатертями.

Затѣмъ учениковъ разсадили по новому порядку: прежде на каждомъ столѣ сидѣло по 14 человѣкъ, они раздѣлялись на двѣ партіи по 7 человѣкъ, которые уже кушали изъ одной миски. Теперь оставили за столомъ тѣхъ же 14 человѣкъ, но раздѣлили ихъ на три партіи или миски, какъ мы выражались; въ двухъ партіяхъ на концахъ столовъ сидѣло по пяти, а въ средней по четыре человѣка.

Что же касается до пищи, то ее улучшить вполнѣ было мудреное дѣло.

Вся прислуга при семинаріи, не исключая поваровъ и коммиссаровъ, состояла изъ церковниковъ или исключенныхъ семинаристовъ.

Этихъ-то молодцевъ заставляли варить щи, супъ, кашу и пр.

Разумѣется, они наливали воды, пускали туда извѣстное количество капусты, клали потомъ куски говядины въ скоромный день, кипятили все, и черезъ нѣсколько часовъ выходили щи.

Къ счастію, коммиссаръ при столовой Дорофей, долго служа въ кухнѣ, пріобрѣлъ кой-какія свѣдѣнія въ кулинарномъ семинарскомъ искусствѣ, зналъ, какъ надобно промыть говядину, подбить щи мукою и пр.

Этотъ метръ д'отель нашъ давалъ наставленія мѣнявшимся поварамъ, какъ готовить пищу. Такой порядокъ вещей остался и при Иліодорѣ, но къ чести его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, говядину перестали подавать тухлую, варить кашу изъ проквасившейся или прогорклой крупы, печь хлѣба съ закальцемъ изъ испортившейся муки. Семинаристы народъ не гастрономическій, только бы ужь не было очень дурно, а то все скушаютъ.

Поэтому не удивительно, что новое начальство съ перваго раза очень понравилось за улучшенія по столовой.

Притомъ оно, узнавши, что бурсаки сами носятъ свои ложки

въ столовую, очень любило посмѣиваться надъ этимъ, но пока не находило нужды или времени оставить этотъ обычай.

Но гастрономически-блаженныя времена продолжались не долго.

Иліодоръ и Гедеонъ, получивъ отъ своихъ предшественниковъ большой запасъ остаточныхъ суммъ и не зная еще экономіи, щедрою рукою тратили ихъ на удовлетвореніе не только нуждъ семинаристовъ, но и своихъ прихотей и затѣй, а экономъ Модестовъ являлся съ полною готовностью тотчасъ же исполнить всѣ ихъ приказанія, по которымъ надобно было тратить казенныя деньги; вѣдь все-таки что-нибудь да останется въ карманѣ.

Ректоръ и инспекторъ оба кушали вмѣстѣ и пользовались всѣми запасами, нужными для себя и находившимися въ семинарской кладовой.

Для двоихъ ихъ, конечно, не много бы понадобилось хлѣба, муки, крупы и масла, но съ Иліодоромъ пріѣхали два его брата, ученики семинаріи, риторъ и философъ.

Кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ двоихъ или троихъ человѣкъ прислуги; всю эту челядь надобно было кормить рѣшительно одними казенными запасами; для любезныхъ братцевъ даже говядина бралась казенная.

Потомъ поваръ получалъ изъ кладовой столько припасовъ, сколько его душѣ угодно было; контроля тутъ не было; ихъ высокопреподобія мелочами и дрязгами не любили заниматься.

Экономъ объ этомъ не смѣлъ упомянуть, потому что и самъ все бралъ для себя изъ семинарскихъ запасовъ; такимъ образомъ на отцовъ-начальниковъ съ ихъ присными и прислугою шло можетъ быть болѣе, нежели сколько нужно было для 20 — 30 человѣкъ учениковъ.

Потомъ ихъ высокопреподобія изумились, нашедши въ семинаріи одну только лошадь, которую семинаристы прозвали Сократомъ; ее употребляли для черныхъ работъ; на ней ѣздили Полотебловъ и Кротковъ; Іеронимъ же имѣлъ монастырскихъ лошадей.

Новое начальство тотчасъ же исправило этотъ недостатокъ; купили карету, зимній возокъ, санки и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ и четырехъ лошадей; и все это, разумѣется, куплено, поддерживалось и содержалось на казенныя деньги.

Нельзя же было не улучшить и своихъ комнатъ; онѣ были распространены, выкрашены, обставлены новою мебелью.

Для лошадей, кареты, возка понадобилась конюшня и каретный сарай; разумѣется, ихъ надобно было устроить какъ можно живѣе.

Модестовъ хлопоталъ, исполнялъ все; противорѣчій никакихъ.

Но по окончаніи года оказалась громадная растрата денегъ, которую притомъ нельзя было внести всю въ отчеты. Начальство перепугалось, принуждено было, по слухамъ, сдѣлать заемъ у бывшаго казначеемъ Иванова, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилось ввести строгую экономію.

Продать матрацы, подушки, шкафы, скатерти и пр. нельзя уже было; они пошли бы за безцѣнокъ; продать коляску, сани и лошадей, по крайней мѣрѣ сократить число послѣднихъ, какъ можно? Вѣдь конюшня и сарай для нихъ выстроены и притомъ какъ же ѣздить въ гости ихъ высокопреподобіямъ?

Не ходить же пѣшкомъ, или же не ѣздить на извощикахъ за гривенникъ или четвертакъ.

Даже покупать для себя, своихъ присныхъ, своей прислуги съѣстные припасы на свой счетъ опять тоже не выгодно было для отца ректора и инспектора; вѣдь они не даромъ же начальники; тогда еще не извѣстна была та революціонная атеистическая мысль, что будто бы начальство существуетъ для пользы подчиненныхъ; тогда вѣровали и исповѣдовали (впрочемъ, и нынче тоже много есть такихъ же исповѣдниковъ), яко подчиненные существуютъ для пользы своихъ начальниковъ.

Вотъ почему достопочтенное семинарское начальство—Иліодоръ и полулиберальный прогрессистъ отецъ Гедеонъ убѣдили себя, что экономію можно соблюсти только на счетъ семинаристовъ вообще и на счетъ преимущественно ихъ желудка.

Такой благочестивый и полулиберальный взглядъ находилъ себѣ подтвержденіе въ ученіи нашей матери, православной церкви, объ умерщвленіи плоти, о пріученіи къ посту и пр. И вотъ началась экономія.

Количество говядины и масла, выдаваемо на ежедневное упо-

требленіе для учениковъ, уменьшено; найдено нужнымъ и возможнымъ покупать ихъ пониже сортомъ и, значитъ, подешевле.

А отецъ Модестовъ при сей вѣрной оказіи позволялъ себѣ иногда принимать припасы уже и очень плохіе, напоминавшіе времена Кроткова.

Затѣмъ скатерти куда-то скрылись и появлялись только въ какихъ-либо экстренныхъ случаяхъ; вѣдь въ самомъ дѣлѣ отъ употребленія на столахъ онѣ скоро грязнились, а за мытье ихъ надобно было платить прачкамъ.

Столы вновь во время обѣда и ужина были ничѣмъ не покрыты кромѣ слоевъ грязи, которая теперь увеличилась отъ особеннаго обстоятельства.

Новое начальство на первыхъ порахъ напринимало на казенное содержаніе слишкомъ много народу, такъ что всѣхъ въ прежнихъ жилыхъ комнатахъ помѣстить не было возможности; для этого очистили двѣ комнаты, въ которыхъ были классы приходскаго училища, а самые классы перевели въ столовую; одинъ помѣщался на столахъ ближе къ образу, а другой ближе къ двери.

Не говорю уже объ неудобствѣ, которое происходило отъ того, что въ одной и той же комнатѣ въ одно и то же время сидѣли два учителя; каждый изъ нихъ громко говорилъ съ своими учениками и часто бранилъ ихъ; въ одно и то же время вдругъ читали свои уроки два ученика; иногда даже сѣкли вдругъ въ обоихъ классахъ, и такимъ образомъ составлялись дуэты изъ кричавшихъ и лежавшихъ на полу—все это не относится къ разсматриваемому предмету.

Намъ нужно только знать, что мальчики (всѣхъ ихъ было болѣе 150 человѣкъ) приносили на ногахъ множество грязи, ходили прямо по столамъ и оставляли на нихъ то, что̀ было на ихъ подошвахъ.

О мытьѣ столовъ послѣ ихъ не очень заботились; отчего и происходило, что казеннокоштные ученики, сѣвши за столъ обѣдать, видѣли предъ собою на столѣ не только слой свѣжей грязи, но иногда и такъ называемое з о л о т о, заносимое изъ отхожихъ семинарскихъ мѣстъ, содержавшихся въ отвратительнѣйшей нечистотѣ,

гдѣ, какъ говорится, часто ни пройти, ни ступить не было возможности, не запачкавъ своихъ ногъ.

Извините, господинъ читатель, за эти подробности, они характеризуютъ благочестивое начальство, которое, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, держало насъ по 3—4 часа за всенощною, заставляло ежедневно прочитывать всѣ утреннія и вечернія молитвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не заботилось о томъ по крайней мѣрѣ, чтобы благовоспитываемые духовные отроки и юноши, обѣдая, не имѣли предъ своими глазами того, что́ на деликатномъ языкѣ называется...

Новая семинарская экономія не пренебрегала и другими средствами.

Начальство, смѣявшееся надъ тѣмъ, что бурсаки-мальчики ходили съ своими ложками въ столовую, нашло нужнымъ распространить эту мѣру и на учениковъ семинаріи.

И вотъ богословы, философы, сами старшіе, самъ главный старшій должны были, идя въ столовую, захватить свою ложку.

Нѣкоторые поспѣсивѣе, погордѣе поручали это дѣло училищнымъ мальчикамъ; но большею частію сами приносили въ рукахъ или въ карманѣ ложку.

Сначала въ видѣ манифестаціи проказники привязывали ее къ тоненькой веревочкѣ и шли въ столовую или по столовой, перекинувъ веревочку черезъ плечо такъ, что одинъ конецъ ея былъ въ рукѣ молодца, а другой вмѣстѣ съ ложкою лежалъ на спинѣ; но и эта оппозиція скоро прекратилась.

Насколько такое распоряженіе было полезно для семинарской экономіи, я не знаю; зато много бывало смѣшныхъ сценъ изъ-за него.

Иногда старшій затеряетъ или не вдругъ отыщетъ ключъ отъ комнаты, и вотъ одни изъ его подчиненныхъ, которые ложку съ собою брали въ классъ, обѣдаютъ, а другіе стоятъ да ждутъ, когда отопрется комната.

Иногда ученикъ гдѣ-либо позамедлитъ и прибѣжитъ, когда уже старшій заперъ комнату и ушелъ въ столовую,—и вотъ несчастный отыскиваетъ въ столовой старшаго, беретъ у него ключъ, спѣшитъ опять въ комнату, а его товарищи очищаютъ между тѣмъ миску со щами.

Иногда ложка затеряется; случалось, что проказники нарочно воровали ихъ; тогда опять уже рѣшительно нечѣмъ ѣсть.

Поэтому-то многіе всегда носили ложку въ карманѣ сюртука или жилета; но и тутъ не безъ смѣшныхъ сценъ.

То какой-либо проказникъ квартирный ученикъ вытащитъ изъ кармана ее и во всеуслышаніе закричитъ: «а вотъ, братцы, смотрите-ка, какая ложка у ложечника» (квартирные ученики въ насмѣшку называли казенныхъ ложечниками).

Бывали примѣры, что въ классѣ и даже на публичномъ экзаменѣ ученикъ, вынимая изъ кармана платокъ, вытаскивалъ оттуда вмѣстѣ и ложку, которая падала на полъ залы въ глазахъ не только профессоровъ, или ихъ высокопреподобія, но даже и его высокопреосвященства и свѣтской публики.

И ко всему этому подавала поводъ копѣечная экономія, которая сберегала копѣйки, между тѣмъ воровала по сотнямъ и даже тысячамъ рублей!

Наконецъ для поправленія финансовъ, начальство рѣшилось отмѣнить распоряженіе, сдѣланное имъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и имѣвшее порядочное вліяніе на меня.

Я уже говорилъ, что въ семинарскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ казеннокоштными учениками жило много пансіонеровъ или денежныхъ, которые платили за свое содержаніе въ училищѣ 75, а въ семинаріи 85 рублей ассигнаціями въ годъ.

Иліодоръ и Гедеонъ, принявши слишкомъ много учениковъ на казенное содержаніе и черезъ то стѣснивши ихъ помѣщеніе, нашли нужнымъ сослать на квартиры всѣхъ насъ пансіонеровъ; кромѣ того, они полагали, что мы, какъ дѣти достаточныхъ отцевъ, большею частью благочинныхъ и протоіереевъ, бываемъ недовольны содержаніемъ и своими внушеніями волнуемъ настоящую казенщину.

Вслѣдствіе этого около 20-го числа сентября я долженъ былъ сойти на квартиру. Но почтенное начальство скоро увидало, что изъ денежныхъ можно извлекать не менѣе пользы, какъ и изъ казеннокоштныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, число денежныхъ простиралось, сколько мнѣ помнится, до 20 человѣкъ.

Если положить, что изъ нихъ одна половина ежегодно за свое содержаніе платила 75, а другая 85 руб., то получится 1.600 рублей.

Конечно, записавши всю ее въ приходъ въ шнуровыя книги, начальство не могло извлечь изъ нея какую-либо пользу.

Но злая молва гласила, что если не вся, то значительная часть ея оффиціально оставалась неизвѣстною. Въ такомъ случаѣ хоть напримѣръ 1.000 руб. очень могли пригодиться на прикрытіе честныхъ расходовъ, о которыхъ въ отчетахъ нельзя было упоминать.

На основаніи такихъ-то соображеній въ концѣ сентябрьской же трети объявлено было, что денежные опять могутъ поступать на казенное для житья, хотя число казеннокоштныхъ учениковъ нисколько не уменьшилось, а даже и увеличилось.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній.

(Историческій очеркъ).

При созданіи Императорскихъ воспитательныхъ домовъ имѣлось въ виду основать ихъ «общимъ подаяніемъ»; при этомъ императрица Екатерина II предоставила имъ различныя привилегіи, къ числу коихъ относится и сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній; Опекунскому же Совѣту Воспитательнаго дома императрица повелѣла «съ великимъ вниманіемъ наблюдать непрестанно, чтобъ никто, кто бы ни былъ, не нарушалъ привилегій сего Дома, ибо оныя чрезъ то, мало-по-малу, ослабѣютъ и наконецъ дѣйствія своего вовсе лишатся» [1]). Привилегіи эти, вмѣстѣ со всѣми другими правами и преимуществами Воспитательнаго дома, были подтверждены 27 апрѣля 1774 года («наиторжественнѣйше» и «на вѣки», какъ сказано въ грамотѣ Воспитательному дому) и 15 марта 1836 года.

Въ § 16 гл. VI Высочайше утвержденной 1 сентября 1763 г. первой части Генеральнаго плана Воспитательнаго дома постановлено: «отъ публичныхъ позорищъ, т. е. комедій, оперъ, баловъ и всякихъ игралищъ за деньги, брать четвертую часть дохода въ Воспитательный домъ». Постановленіе это очень кратко, изъ него нельзя даже вывести вполнѣ ясно волю законодателя. Эта воля разъясняется послѣдующими узаконеніями, а именно: указомъ 12 іюля 1783 г. повелѣно: брать съ спектаклей $^1/_4$ часть съ чистаго дохода, а указомъ 22 февраля 1798 г. предписано: вмѣсто $^1/_4$ части чистаго дохода городовыхъ театровъ — отсылать въ Воспитательный домъ всегда $^1/_{10}$ часть валоваго дохода. 21-го же декабря 1797 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы губернаторы «приняли въ особое свое попеченіе» сборъ съ увеселеній. И дѣйствительно

[1]) § 9 Высочайше утвержденной 11 августа 1767 г. второй части Генеральнаго плана Воспитательнаго дома

сборъ производился повсюду и со всѣхъ увеселеній, даже съ такихъ, которыя давались безъ платы за входъ. Независимо отъ этого, сборъ производился также съ буфетовъ, бывшихъ на увеселеніяхъ, и съ кофейныхъ домовъ. Первоначально сборъ съ этихъ домовъ былъ принудительнымъ, въ 1799-мъ же году повелѣно брать съ содержателей ихъ только добровольное подаяніе. Что касается размѣра сбора, то въ первое время существованія привилегіи брали $^1/_4$ часть съ валоваго дохода; такъ въ Москвѣ первый сборъ былъ произведенъ 16 ноября 1763 г., и взята $^1/_4$ часть съ собранныхъ денегъ «342 персонъ, бывшихъ въ машкарадѣ — 85 р. 50 к.»; въ С.-Петербургѣ первый сборъ поступилъ 13 февраля 1773 г. также въ размѣрѣ $^1/_4$ части «съ зрителей», взятые съ балансера Сандера «за представленія имъ балансированія» — 120 р. Затѣмъ въ 1775 г. московскій Опекунскій Совѣтъ «во избѣжаніе разсчетовъ» согласился съ содержателями Петровскаго театра брать десятую часть съ полнаго сбора въ театрѣ. Согласно этому, Совѣтъ и съ разныхъ увеселеній сталъ брать тоже десятую часть; такъ 10 августа 1775 г. получено отъ англичанина Валтона съ дозволеннаго ему въ манежѣ при кадетскомъ шляхетскомъ корпусѣ конскаго ристанія «изъ собираемой имъ съ смотрителей суммы по 10 к. съ рубля за 7 разъ производимаго имъ дѣйствія» — 46 р. 70 к. Впослѣдствіи Опекунскій Совѣтъ сталъ входить въ соглашеніе съ предпринимателями увеселеній объ уплатѣ нѣкоторой суммы денегъ. Въ томъ случаѣ, когда деньги собирались въ размѣрѣ извѣстной части всего сбора, взиманіе это производилось по окончаніи представленія; это видно изъ записей въ журналахъ Опекунскаго Совѣта; такъ, въ журналѣ 9 марта 1776 г. сказано: «принято 16 р. 60 к. съ англійскаго берейтера Іоганна Симсона за показываніе имъ своего искусства въ ѣздѣ верхомъ на лошадяхъ» по окончаніи имъ того показыванія съ собираемыхъ имъ съ зрителей денегъ пятую часть съ рубля. Если же Опекунскій Совѣтъ вступалъ въ соглашеніе съ антрепренерами, чтобы, вмѣсто принадлежащей ему четвертой части, они выплачивали опредѣленную сумму по уговору, то въ такомъ случаѣ деньги получались впередъ. За симъ, что касается тѣхъ увеселеній, кои устраивались «комитетомъ, управлявшимъ зрѣлищами и музыкой» (впослѣдствіи дирекція Императорскихъ театровъ), то $^1/_4$ часть съ нихъ разсчитывалась съ чистаго дохода, это видно изъ п. 37 Высочайшаго указа 12 іюля 1773 г., гдѣ сказано: «принадлежащая Воспитательному дому часть отъ спектаклей имѣетъ ему доставляема быть по запискамъ изъ суммы, собираемой за входъ въ театры за вычетомъ сопряженныхъ съ тѣмъ издержекъ». Но такъ какъ въ С.-Петербургѣ, съ августа 1783 г. по октябрь 1797 г., дирекція не доставляла Воспитательному дому никакого дохода, потому что «отъ зрѣлищъ собранная сумма безъ остатка» употреблялась въ расходъ на тѣ же зрѣлища, то и послѣдовалъ указъ 22 февраля 1798 г. о томъ, чтобы вносить $^1/_{10}$ часть съ валоваго дохода. Клубы, собранія и общества вносили опредѣленный съ нихъ Опекунскимъ Совѣтомъ сборъ за годъ впередъ; такъ англійское собраніе платило 500 р. въ годъ, мѣщанское

общество 300 р., два танцовальныхъ общества по 200 р. и т. д.; но иногда нѣкоторыя собранія «по усердію своему» присылали бо́льшія суммы, тогда Опекунскій Совѣтъ обыкновенно благодарилъ за присылку.

Обращаясь за симъ къ вопросу о томъ, сколько брали съ предпринимателей увеселеній, даваемыхъ безъ входной платы, нельзя не замѣтить, что онъ разрѣшается Высочайшимъ повелѣніемъ 21 декабря 1798 г.; тамъ прямо повелѣно: «назначать взносъ нѣкоторой суммы съ каждаго представленія». Эта нѣкоторая сумма опредѣлялась по уговору; такъ въ 1798 г. помѣщики: Казанской губерніи прапорщикъ Есиповъ и Тамбовской—генералъ-лейтенантъ Загряжскій уговорились платить за свои театры (въ деревнѣ) по 100 руб. въ годъ.

Заботы Опекунскаго Совѣта о сборѣ съ увеселеній проявляются съ первыхъ дней существованія привилегіи; именно 24 октября 1763 г. состоялось положеніе московскаго Опекунскаго Совѣта о сообщеніи полиціймейстерской канцеляріи о томъ, чтобы «она учинила пристойное распоряженіе къ доставленію въ Опекунскій Совѣтъ четвертой части изъ денежнаго сбора» съ увеселеній и о порученіи сего сбора эконому Воспитательнаго дома Навроцкому. И вотъ, онъ первый разъ представилъ собранныя имъ деньги 16 ноября, а затѣмъ деньги вносятся чуть ли не каждый день. Тѣмъ не менѣе «дабы возможно было съ увеселеній деньги четвертую часть воспитательнымъ домамъ получать», московскій Опекунскій Совѣтъ, 20 октября 1764 г., положилъ: «потребовать отъ полиціймейстерской канцеляріи реестръ о всѣхъ позорищахъ и ихъ содержателяхъ и предписать канцеляріи, чтобы она впредь доставляла бы таковыя свѣдѣнія о всѣхъ увеселеніяхъ, гдѣ быть имѣютъ, въ которыхъ командахъ полицейскихъ и въ чьихъ домахъ».

Въ С.-Петербургѣ сборъ сталъ производиться съ 1773 года; а именно: 13 февраля этого года «изъ главной полиціймейстерской канцеляріи было писано» въ с.-петербургское отдѣленіе Императорскаго Воспитательнаго дома, «что по указу Ея Императорскаго Величества опредѣлено: взятыя съ балансера Сандера за представленіе имъ балансированія съ зрителей четвертой части деньги 120 р. отослать въ оное воспитательное отдѣленіе при сообщеніи, которые при семъ съ расходчикомъ канцеляристомъ Сатулинымъ и посланы». Съ этихъ поръ и въ С.-Петербургѣ также начинаютъ поступать деньги съ увеселеній.

Въ Москвѣ, для сбора денегъ, съ первыхъ же дней существованія привилегіи, назначается, какъ мы видѣли, особое лицо; въ С.-Петербургѣ же первые сборы присылались самою полиціею, поэтому надо полагать, что она и производила сборъ. Но вскорѣ послѣ этого сборъ въ С.-Петербургѣ былъ порученъ служившему въ должности эконома С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома коммиссару Кушнареву [1]) и затѣмъ сборъ постоянно поручался до 1874 г. одному изъ служащихъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

[1]) Лица, завѣдывавшія сборомъ, получали за труды по сему предмету особое вознагражденіе. Это вознагражденіе установлено по Высочайшему Ея Величества повелѣнію, 1 іюня 1799 г., въ размѣрѣ 1% съ собранныхъ денегъ.

Засимъ, что касается до губерній, то, къ сожалѣнію, нельзя съ достовѣрностью сказать, производился ли какой-либо сборъ съ увеселеній по губерніямъ до 1797 г. Причина этого заключается въ томъ, что вообще дѣлъ по разсматриваемому вопросу сохранилось весьма мало. Скорѣе можно полагать, что сбора съ губернскихъ увеселеній не производилось до 1797 г., потому что если бы таковой сборъ производился, то не было бы основанія издавать особый указъ о производствѣ сбора по губерніямъ. Послѣ же изданія этого указа сборъ въ пользу Воспитательнаго дома сталъ производиться по всей Россіи.

За поступленіемъ сбора Опекунскій Совѣтъ строго слѣдилъ, и если онъ замѣчалъ, что сборъ по какой-либо губерніи не поступаетъ, то тотчасъ сносился, почему не дѣлается въ пользу Воспитательнаго дома сборовъ; такъ 5 ноября 1803 г., Саблуковъ пишетъ виленскому губернатору Ланскому, что по привилегіи Воспитательнаго дома получается сборъ «не только отъ всѣхъ увеселеній въ столицѣ и губерніяхъ, но и съ самаго каменнаго театра», «предполагая же, что въ Виленской губерніи даются театры и спектакли», онъ проситъ взимать съ оныхъ $^1/_{10}$ часть и доставлять въ Опекунскій Совѣтъ. Если же Опекунскій Совѣтъ получалъ относительно исполненія его требованія по сбору съ увеселеній какое-либо противодѣйствіе со стороны мѣстной администраціи, то Совѣтъ сообщалъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, а онъ дѣлалъ уже распоряженіе объ удовлетвореніи этого требованія; такъ въ 1805 г. Эстляндскій гражданскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Лангель писалъ въ С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, что по неполученію съ февраля мѣсяца 1805 г. денегъ въ пользу Императорскаго Воспитательнаго дома отъ городскаго ревельскаго начальства, онъ писалъ по сему предмету къ ревельскому военному губернатору, адмиралу Спиридову, который отвѣтилъ, что эти сборы должны идти не въ Воспитательный домъ, но на нужды бѣдныхъ города Ревеля, и что имъ предложено отъ магистрата для сборовъ опредѣлять всякій разъ чиновника.

Вслѣдствіе сего, Опекунскій Совѣтъ сообщилъ это министру внутреннихъ дѣлъ, на что графъ Викторъ Кочубей прислалъ почетному опекуну Саблукову копію съ своего распоряженія Спиридову, въ коемъ говорится: «я счелъ нужнымъ сообщить вамъ, милостивый государь мой, что доходъ сей, бывъ исключительно во всей имперіи присвоенъ Воспитательному дому, не можетъ ни на какое другое употребленіе обращаемъ быть безъ нарушенія привилегій, заведенію сему Всемилостивѣйше пожалованныхъ, и что потому часть сбора, съ публичныхъ зрѣлищъ въ Ревелѣ, въ пользу Воспитательнаго дома слѣдующая, должна быть въ свое время доставляема въ оный неотмѣнно».

За симъ Лангель сообщилъ Опекунскому Совѣту, что Спиридовъ будетъ отсылать деньги отъ себя въ Опекунскій Совѣтъ. Спиридовъ же дѣйствительно сталъ высылать ихъ; такъ, въ январѣ 1806 г., были присланы имъ 564 р. 25 к. за 1805 г. (по 1 января 1806 г.).

Теперь разсмотримъ, какимъ порядкомъ производился сборъ. Относительно

сего надо замѣтить, что особыхъ правилъ порядка взиманія сбора съ увеселеній до 1799 г. не существовало. Въ столицахъ сборъ производился такъ: сборъ съ театровъ присылался въ Совѣтъ съ казначеемъ дирекціи театровъ каждый мѣсяцъ при особомъ сообщеніи; «въ прочія же партикулярныя за деньги представленія» Опекунскій Совѣтъ посылалъ унтеръ-офицеровъ, которые стояли во входахъ. Но посылались они вѣроятно въ тѣхъ случаяхъ, когда сборы производились безъ предварительнаго договора, а деньги получались послѣ сбора, тогда эти унтеръ-офицеры нужны были для контроля, сколько было публики или сколько получено денегъ; но, если сборъ производился впередъ по условію, то естественно не было основанія для посылки кого-либо. Съ цѣлію же имѣть свѣдѣнія объ открываемыхъ увеселеніяхъ, императрица Марія Ѳеодоровна приказала сообщить с.-петербургскому военному губернатору, чтобы онъ предписалъ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру не разрѣшать никакихъ увеселеній до тѣхъ поръ, пока антрепренеры не представятъ удостовѣреній о томъ, «что они учинили воспитательнымъ домамъ уплату».

Въ маѣ 1799 г. повелѣніемъ Ея Величества порученъ сборъ съ с.-петербургскихъ увеселеній казначейскому помощнику, титулярному совѣтнику Рехенбергу, и ему составлена особая инструкція, въ коей сказано, что на него возложено бдительное смотрѣніе «за всѣми въ С.-Петербургѣ за деньги даваемыми увеселеніями и стараніе о томъ, чтобъ тѣмъ губерніямъ, отъ которыхъ не присылается таковыхъ доходовъ, напоминать о семъ надлежащимъ образомъ». «Если вы достовѣрно узнаете,—говорится въ инструкціи,—что таковыя публичныя представленія даются и въ другихъ городахъ (кромѣ Москвы), но съ оныхъ въ пользу Воспитательнаго дома никакого дохода не доставляется, то о семъ съ объясненіемъ представить члену Совѣта, дабы принять надлежащія къ тому мѣры». Въ инструкціи этой указанъ порядокъ, какимъ долженъ производиться сборъ. Рехенбергу предписано вести записку о всѣхъ увеселеніяхъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, знать, сколько берутъ «съ персоны» и слѣдить, чтобы $^1/_4$ часть шла въ доходъ Воспитательнаго дома; полученныя деньги вносить въ сохранную казну «при запискахъ», выдавать содержателямъ увеселеній, за своимъ подписаніемъ, росписки въ томъ, что «учинилъ уплату», которыя они должны были представлять полиціи.

Такимъ образомъ производился сборъ съ увеселеній въ столицахъ. Что касается до сбора по губерніямъ, то начальники губерній поручали полиціи брать съ антрепренеровъ извѣстную часть и собранныя деньги препровождали въ опекунскіе совѣты.

Какъ извѣстно, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ безпрестанно доставлялись вѣдомости о состояніи ея заведеній, и она входила во всѣ подробности управленія вѣдомствомъ. Поэтому естественно, что императрица сама слѣдила за сборомъ съ увеселеній. Хотя въ Москвѣ она и поручала непосредственное наблюденіе за сборомъ одному изъ почетныхъ опекуновъ, тѣмъ не менѣе она руководитъ всѣмъ дѣломъ какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ.

Такъ, когда Ея Величество замѣтила, что кофейные дома подчиняются сборамъ наравнѣ съ увеселеніями, она тотчасъ предписываетъ, чтобы сборы эти не были принудительными.

Въ августѣ 1800 г. государыня, усмотрѣвъ изъ доставленной по Петровскому театру за іюнь мѣсяцъ вѣдомости, что доходъ съ онаго, въ сравненіи съ прошлогоднимъ, очень малъ, повелѣла своему секретарю Полетикѣ «указать почетному опекуну Маслову, отчего сіе произошло».

Словомъ, императрица зорко наблюдала за поступленіями денегъ, и ей представляются вѣдомости о поступленіи денегъ и докладываются даже такія дѣла, какъ объ отсрочкѣ взноса денегъ; такъ, въ 1825 г. дирекція московскихъ театровъ не могла внести сбора за октябрь и ноябрь мѣсяцы, за неимѣніемъ денегъ, и поэтому просила московскаго генералъ-губернатора о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Опекунскимъ Совѣтомъ о разрѣшеніи внести деньги при первой возможности. Опекунскій Совѣтъ доложилъ объ этомъ Ея Величеству. Государыня 4 января 1825 г. положила на докладѣ резолюцію «позволяю».

Вотъ тѣ мѣры, которыя были предприняты съ цѣлію обезпеченія данной Воспитательному дому привилегіи на сборъ съ увеселеній.

Изъ разсмотрѣнія распоряженій по сему предмету нельзя не удивляться, до какой степени верховная власть заботилась о Воспитательномъ домѣ и насколько она слѣдила за тѣмъ, чтобы интересы его по сбору съ увеселеній были соблюдаемы. Эта заботливость проявляется всюду; такъ, когда повелѣно было, чтобы «въ дни рожденія и тезоименитства Его Величества московскіе обыватели имѣли свободный и безденежный входъ въ состоявшій подъ присмотромъ Воспитательнаго дома театръ», то Ея Величество государыня императрица Марія Ѳеодоровна, рескриптомъ отъ 27 сентября 1797 г., сообщила главному попечителю Воспитательнаго дома Сиверсу, что она «дабы не причинить казнѣ Воспитательнаго дома чрезъ то убытка», будетъ присылать изъ своихъ средствъ за каждое представленіе по 1 т. руб., всего же по 2 т. р. въ годъ.

Точно также, усмотрѣвъ изъ выписки Московскаго Опекунскаго Совѣта отъ 25 іюля 1799 г., что собранныя въ Петровскомъ театрѣ въ день тезоименитства Ея Величества деньги 326 р. положено, безъ исключенія $^1/_{10}$ части въ пользу Воспитательнаго дома, отослать московскому военному губернатору «на искупленіе бѣдныхъ, пришедшихъ не въ состояніе и по долгамъ содержимыхъ», императрица сообщила графу Сиверсу, что она не желаетъ, чтобы «сіе распоряженіе хотя мало обратилось въ ущербъ дома», и потому возвратила изъ своихъ средствъ причитавшіяся Воспитательному дому деньги; затѣмъ, въ виду того, что съ италіанскою труппою было заключено условіе, и въ немъ не предусмотрѣнъ сборъ въ пользу Воспитательнаго дома, государь императоръ Павелъ I, въ указѣ 22 февраля 1798 г., предписываетъ главному директору театровъ князю Юсупову: «чтобы впредь подобныя условія дѣланы

были безъ ущербу доходовъ, предоставленныхъ въ пользу Воспитательнаго дома на основаніи привилегій, ему пожалованныхъ».

Послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны (24 октября 1828 г.) сборъ съ увеселеній начинаетъ уменьшаться, и уменьшеніе это проявляется до конца шестидесятыхъ годовъ. Объясняется это тѣмъ, что сохранныя и ссудныя казны опекунскихъ совѣтовъ давали имъ громадныя суммы, сборъ же съ увеселеній приносилъ, сравнительно съ этими милліонами, незначительныя средства [1]). Поэтому все вниманіе и было обращено на финансовыя учрежденія. Кромѣ того, съ 1854 г. для опекунскихъ совѣтовъ является почти фактическая невозможность къ осуществленію ихъ привилегіи по сбору съ увеселеній; именно въ этомъ году дирекція Императорскихъ театровъ получила также право (отмѣненное въ 1882 г.) на часть сбора со столичныхъ увеселеній, вслѣдствіе чего предприниматели должны были платить двойной сборъ. При предъявленіи требованій со стороны опекунскихъ совѣтовъ объ уплатѣ денегъ, предприниматели увеселеній указывали на рѣшительную невозможность исполнять эти требованія, въ виду обременительности двойнаго сбора, грозившаго имъ разореніемъ.

Какъ выше было указано, сборъ съ 1828 г. уменьшался, и это уменьшеніе замѣчалось не только въ сборѣ съ увеселеній, даваемыхъ частными лицами, но и въ сборѣ съ Императорскихъ театровъ. Поэтому еще въ 1850 г. Опекунскій Совѣтъ началъ переписку съ дирекціей театровъ о доставленіи, взамѣнъ $^1/_{10}$ части дохода, ежегодно одной опредѣленной суммы. Вслѣдствіе сего было испрошено, 6-го октября 1851 г., Высочайшее соизволеніе на то, чтобы Императорскіе театры вносили ежегодно въ опекунскіе совѣты 7 т. р. за с.-петербургскіе театры и 5 т. р. за московскіе.

Съ передачею сохранныхъ и ссудныхъ казенъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, средства опекунскихъ совѣтовъ уменьшились настолько, что нужно было изыскивать какой-либо источникъ для увеличенія этихъ средствъ. И вотъ съ 1868 г. принимаются различныя мѣры къ усиленію сбора съ увеселеній. Эти мѣры заключаются главнымъ образомъ въ болѣе правильномъ наблюденіи за поступленіемъ сбора съ увеселеній, даваемыхъ въ столицахъ, но сборъ этотъ производился до послѣдняго времени по соглашенію съ предпринимателями увеселеній. Независимо отъ этого, опекунскіе совѣты обратили особое вниманіе на разработку вопроса по сбору съ увеселеній и стали поручать эту разработку различнымъ лицамъ и коммиссіямъ; наконецъ 5 мая 1892 г. Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи способа взиманія сбора въ томъ смыслѣ, что сборъ этотъ впредь будетъ производиться не съ предпринимателей увеселеній, но съ посѣтителей въ дополненіе къ цѣнѣ билета.

Э. А. Жуковскій.

---

[1]) Отъ С.-Петербургской театральной дирекціи получалось до 50 т. руб. въ годъ.

II.

К. В. Чевкинъ въ письмахъ его къ графу Дибичу.

(Переводъ съ французскаго).

С.-Петербургъ, 22-го сентября 1829 года.

Вотъ уже седьмой день, какъ я прибылъ къ мѣсту назначенія, не имѣя до сихъ поръ возможности извѣстить Васъ объ этомъ, въ виду того, что отправка курьера постоянно откладывалась. Если столь продолжительное замедленіе могло причинить безпокойство Вашему Сіятельству, я, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что оно будетъ разсѣяно пріятнымъ образомъ.

Позвольте мнѣ прежде всего, Ваше Сіятельство, выразить Вамъ мою живѣйшую благодарность за Вашу неисчерпаемую доброту; лестный пріемъ, оказанный мнѣ Его Величествомъ, и милости, которыми онъ меня осыпалъ, я долженъ приписать лестному Вашему отзыву обо мнѣ, и мнѣ остается только желать и впредь оставаться всегда достойнымъ его.

Благоволите также принять самыя искреннія мои поздравленія по случаю наградъ, пожалованныхъ Вамъ справедливою щедротою нашего монарха; какъ бы велики онѣ ни были, я считаю ихъ ниже благосклонной благодарности и дружескаго довѣрія, которыя питаетъ къ Вамъ Его Величество, въ существованіи коихъ я имѣлъ случай лично убѣдиться. Мнѣ трудно выразить, насколько это отрадно было моему сердцу, но смѣю надѣяться, что моя преданность и моя привязанность къ Вамъ достаточно извѣстны Вашему Сіятельству для того, чтобы убѣдиться въ искреннемъ сочувствіи моемъ ко всему, что̀ касается Васъ.

Обращаюсь теперь къ порученію, которое Вы удостоили возложить на меня. Прежде всего я счелъ долгомъ не медлить во время дороги, и я надѣюсь, что касается до этого обстоятельства, не заслужить Вашего неодобренія: выѣхавъ изъ Адріанополя 4-го сентября до разсвѣта, я прибылъ къ Государю 16-го послѣ обѣда, захвативъ дорогою депеши, посланныя наканунѣ моего отъѣзда сухимъ путемъ. Въ Одессѣ графъ Воронцовъ, согласно Вашей просьбѣ, не сдѣлалъ затрудненій относительно освобожденія одного меня отъ карантина, испрашивая у Его Величества разрѣшенія и впредь поступать такимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ; Государь повелѣть соизволилъ, что онъ вполнѣ одобряетъ данное мнѣ разрѣшеніе, но что затѣмъ никто не долженъ болѣе получать его; я не думаю, чтобы это рѣшеніе могло огорчить графа Воронцова; впрочемъ, голубая лента, которую ему пожаловали, послужитъ графу утѣшеніемъ.

По прибытіи въ Царское Село, я прежде всего передалъ графу Чернышеву депеши на его имя; вскорѣ, по счастливой случайности, зашелъ къ нему графъ Несельроде, коему я вручилъ принадлежащія ему депеши, и затѣмъ мы отправились втроемъ къ Государю. Его Величество принялъ извѣстіе о мирѣ

съ величайшею радостью; онъ тотчасъ просилъ къ себѣ Императрицу, которая поспѣшно прибыла въ сопровожденіи великаго князя наслѣдника, молодыхъ великихъ княженъ и даже маленькаго великаго князя Константина. Тогда произошелъ общій обмѣнъ поздравленій, радости, сочувствія; я не въ состояніи выразить всю глубину волновавшихъ меня чувствъ, которыя навсегда будутъ запечатлѣны въ моей памяти, какъ лучшее воспоминаніе жизни. Вслѣдъ затѣмъ, Государь пожелалъ прочесть депеши и трактатъ, все было имъ вполнѣ одобрено; только одна статья, казалось, возбудила его сожалѣніе, это возвращеніе Карса; я позволилъ себѣ доложить нѣкоторыя соображенія относительно незначительныхъ выгодъ, представляемыхъ занятіемъ этого пункта; Его Величество удостоилъ меня выслушать, и нѣсколько дней спустя графъ Несельроде бесѣдовалъ со мною объ этомъ вопросѣ и просилъ меня составить записку, которую я уже вручилъ ему, и выразилъ мнѣ надежду, что Государь не будетъ настаивать на пріобрѣтеніи Карса, но, повидимому, пожелаетъ получить Батумъ и турецкую Гурію.

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда, я имѣлъ у Его Величества продолжительную частную аудіенцію, въ которой я имѣлъ счастіе доложить всѣ словесныя сообщенія, которыя Вы мнѣ препоручили.

Государь былъ очень радъ узнать, что Вы остались довольнымъ Алексѣемъ Орловымъ; онъ сочувственно отнесся къ Вашей мысли послать его въ Константинополь, но только какъ чрезвычайнаго посла; насколько я могъ заключить изъ словъ графа Несельроде, это посольство должно быть только временное и продолжиться не болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ; затѣмъ возвратится графъ Рибопьеръ, которому графъ Несельроде полагаетъ нужнымъ поручить окончаніе греческаго дѣла, которое онъ такъ хорошо началъ. Помощникомъ графа Орлова полагаютъ назначить Бутенева; но во всякомъ случаѣ я думаю, что попросятъ Фонтона сопровождать его до Константинополя и пробыть тамъ только нѣсколько дней, чтобы помочь ему устроиться.— Согласно настоятельнымъ указаніямъ Вашего Сіятельства, я высказалъ относительно Фонтона все хорошее, что было мнѣ передано Вами словесно; все это принесло желаемые плоды; графъ Несельроде передавалъ мнѣ, что ему пожалована аренда въ 4.000 рублей серебр. на 50 лѣтъ; это цѣлое обезпеченное состояніе.

Графъ Толь получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, выдержавъ только Днѣпровскій карантинъ; что касается до его замѣщенія, то Государь находится въ такомъ же затрудненіи, какъ и Вы, въ виду того, что не можетъ быть и рѣчи о Нейдгардтѣ, коему Его Величество уже обѣщалъ дать шесть мѣсяцевъ отдыха. Я переименовалъ всѣхъ лицъ, о которыхъ Вы упомянули, когда говорили со мною объ этомъ вопросѣ, и графъ Чернышевъ пишетъ Вамъ о семъ подробно, какъ я имѣю основаніе предполагать.

Государь былъ очень доволенъ прекраснымъ состояніемъ продовольственной части; Его Величеству пріятно было узнать о хорошихъ отношеніяхъ, устано-

вившихся между Вами и графомъ Воронцовымъ; но Государь, повидимому, не благоволитъ къ Абакумову и полагаетъ, что онъ не въ состояніи дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Его Величество съ прискорбіемъ замѣтилъ увеличеніе числа больныхъ; онъ не перестаетъ выражать желаніе, чтобы были приняты всѣ возможныя мѣры для ихъ благосостоянія. Государь, однако, полагаетъ, что отправка больныхъ моремъ на военныхъ судахъ сопряжена будетъ съ затрудненіями изъ опасенія заразы, которая привезена была больными моряками на «Скоромъ», а также и потому, что госпитали для принятія этихъ больныхъ еще не готовы.

Что касается до начала возвращенія войскъ, то Государь хотя и одобряетъ Ваши распоряженія, но желаетъ, чтобы они были согласованы, насколько возможно, съ новой организаціей арміи, которая должна уже находиться въ Вашихъ рукахъ. Я сильно опасаюсь, чтобы это обстоятельство не причинило затрудненій Вашему Сіятельству, такъ какъ въ ней встрѣчаются положенія, не соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ; я счелъ долгомъ доложить объ этомъ Государю, на что Его Величество отвѣтилъ мнѣ, что, конечно, Вамъ будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій. Я доношу все это Вашему Сіятельству, чтобы представить только отчетъ въ возложенномъ на меня порученіи, такъ какъ я полагаю, что графъ Чернышевъ сообщитъ Вамъ въ своемъ письмѣ или въ оффиціальныхъ бумагахъ все относящееся до этого дѣла и до другихъ вопросовъ съ большею точностію и подробностію.

Государь, повидимому, желаетъ избѣжать, насколько возможно, занятія княжествъ; графъ Несельроде утверждаетъ, что подобное занятіе возбудило бы во всей Европѣ сильнѣйшія подозрѣнія относительно нашихъ настоящихъ намѣреній по отношенію къ княжествамъ; что же касается до Силистріи, то мы можемъ не стѣсняясь ее занимать. Его Величество признаетъ также необходимымъ ускорить водвореніе господарей, дабы, въ случаѣ кризиса, котораго можно опасаться въ виду непрочнаго положенія Оттоманской имперіи, была бы уже установлена организація одного изъ предполагаемыхъ государствъ. Вице-канцлеръ самъ напишетъ Вамъ объ этомъ, и если онъ не сдѣлаетъ это съ настоящимъ курьеромъ, то навѣрное отправитъ съ послѣдующимъ.

Я доложилъ Его Величеству, что Вы вполнѣ довольны окружающими Васъ лицами и намѣрены войти съ представленіемъ о ихъ награжденіи; Государь благосклонно приметъ Ваше ходатайство. Я также упомянулъ о Вашемъ берейторѣ Браунѣ и о докторѣ Шлегелѣ; что касается перваго, то Государь тотчасъ согласился наградить его Анненскимъ крестомъ, о чемъ я доложилъ графу Чернышеву; относительно доктора, я выразилъ желаніе Ваше о пожалованіи его лейбъ-медикомъ, съ сохраненіемъ содержанія; но, повидимому, въ этомъ дѣлѣ встрѣчаются затрудненія вслѣдствіе обѣщанія, даннаго Государемъ князю Волконскому, не назначать болѣе сверхъ-штатныхъ докторовъ; тѣмъ не менѣе Его Величество изволилъ выразиться, что онъ постарается ула-

дить это дѣло, посовѣтовавшись съ графомъ Чернышевымъ, который, слѣдовательно, не преминетъ сообщить Вамъ о результатѣ.

Вы поручили мнѣ, Ваше Сіятельство, словесно доложить Его Величеству мысли, уже высказанныя Вами письменно, относительно предстоящаго рекрутскаго набора и его уменьшенія; я исполнилъ это, но Государь продолжаетъ твердо стоять на противоположномъ мнѣніи; онъ говоритъ, что наборъ этотъ переносится съ полною покорностію, и что онъ необходимъ для укомплектованія арміи, въ особенности послѣ разрѣшенія, даннаго относительно раннихъ отпусковъ и потерь отъ болѣзней, на которыя слѣдуетъ разсчитывать въ дѣйствующихъ войскахъ.

Я также напомнилъ о Вашей просьбѣ относительно знамени Муромскому батальону; Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ не упустилъ изъ виду это обстоятельство, и прибавилъ, что онъ предполагалъ назначить баталіону не георгіевское знамя, но знамя съ надписью з а К у л е в ч у.

Говоря о возвращеніи войскъ, я забылъ сообщить Вамъ, что Государь уже поручилъ графу Воронцову и графу В и т т у составить инструкцію, въ какомъ порядкѣ они должны быть подвержены карантинному очищенію; въ этой инструкціи предстоитъ согласовать безопасность имперіи въ санитарномъ отношеніи съ благосостояніемъ войскъ.

Мнѣ остается, Ваше Сіятельство, сообщить Вамъ то, что Его Величество удостоилъ передать мнѣ о его личныхъ намѣреніяхъ относительно Васъ; согласно новому распредѣленію арміи, Ваше Сіятельство уже видѣли, что в т о р а я а р м і я кончаетъ свое существованіе; отнынѣ останется только одна армія и отдѣльные корпуса; руководствуясь мыслью, о которой Государь часто бесѣдовалъ съ Вами, еще во время Вашего нахожденія при немъ, повидимому, желаютъ ввести новую организацію, которая, съ одной стороны, соединила бы въ одномъ лицѣ обязанности главнокомандующаго арміею (безъ отдѣльныхъ корпусовъ) и права начальника Главнаго Штаба Его Величества для всѣхъ войскъ безъ исключенія, но только въ отношеніи личнаго состава, т. е. по части генералъ-квартирмейстера и дежурства; въ то же время, вся матеріальная часть должна находиться въ вѣдѣніи товарища начальника Главнаго Штаба, который по этой части, по поставкѣ подрядовъ и пр. дѣламъ имѣлъ бы постоянно личный докладъ у Его Величества. И такъ Государь повидимому желаетъ имѣть Васъ при себѣ, возложивъ на Васъ вышеупомянутую двойную обязанность, и поэтому желаніе Ваше оставаться при арміи, во время возвращенія ея въ наши предѣлы для упроченія ея благосостоянія, оказывается вполнѣ удобоисполнимымъ.—Соединеніе обязанностей главнокомандующаго и начальника Главнаго Штаба можетъ состояться только послѣ отставки или кончины графа С а к е н а.—Я могу говорить, Ваше Сіятельство, обо всемъ этомъ только весьма поверхностно, такъ какъ долженъ даже сознаться, что я не вполнѣ уяснилъ себѣ предположенную организацію, проектъ которой вырабатывается, к а к ъ я п о л а г а ю, у генерала К л е й н м и х е л я, который сдѣлался,

повидимому, однимъ изъ главныхъ дѣльцовъ. Несмотря на всю неопредѣленность моихъ свѣдѣній, я счелъ однако долгомъ доложить ихъ Вамъ, предполагая, что они могутъ интересовать Васъ; впрочемъ, я имѣю основаніе предполагать, что Его Величество, если не пишетъ Вамъ теперь, то несомнѣнно, въ скоромъ времени, будетъ говорить Вамъ объ этомъ.

Я оканчиваю мое длинное письмо дѣломъ, касающимся только меня лично, и основываясь на Вашей постоянной добротѣ ко мнѣ, позволяю себѣ надѣяться, что Вы примете въ немъ участіе; во всякомъ случаѣ, я считаю своимъ долгомъ, Ваше Сіятельство, сообщить Вамъ это, какъ моему благодѣтелю и второму отцу: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я познакомился съ одной молодой дѣвушкой, о которой Вы можетъ быть слышали, графиней Томатисъ (Comtesse Tomatis), одной изъ фрейлинъ, живущихъ во дворцѣ; она близкій другъ моей сестры, и это обстоятельство дало мнѣ возможность часто видѣться съ ней и вскорѣ оцѣнить всѣ ея достоинства; взаимное расположеніе возбудило во мнѣ надежду на будущее счастіе, избравъ ее подругой жизни; но такъ какъ ни она, ни я не располагали никакимъ состояніемъ, я вынужденъ былъ отложить дорогое для меня намѣреніе до времени, когда моя служба позволитъ мнѣ пріобрѣсти средства къ безбѣдному существованію отъ щедротъ Государя; я счелъ нужнымъ до этого времени хранить намѣреніе мое въ величайшей тайнѣ. Однако, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, объ этомъ дѣлѣ начались разговоры, и оно дошло даже до свѣдѣнія Государя и Императрицы. По прибытіи моемъ сюда, Ихъ Величества стали громко разглашать мое намѣреніе; я осмѣлился высказать Государю всю неловкость моего положенія; съ одной стороны намѣреніе вступить въ бракъ разгласилось, съ другой же стороны, я не былъ въ состояніи исполнить его, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, тогда Его Величество соблаговолилъ успокоить меня, сказавъ мнѣ, что онъ и Императрица все устроятъ, и совѣтовалъ мнѣ поспѣшить свадьбой. Такимъ образомъ, благодаря новой милости Его Величества, въ скоромъ времени я буду женатъ согласно желанію, которое я питалъ уже нѣсколько лѣтъ. Это и есть, Ваше Сіятельство, личное дѣло, которое я счелъ долгомъ сообщить Вамъ; позвольте мнѣ надѣяться, что я и впредь не лишусь Вашей благосклонности и Вашихъ милостей въ новомъ моемъ положеніи. Осмѣливаюсь также быть увѣреннымъ, что это новое общественное положеніе нисколько не отвлечетъ меня отъ исполненія моихъ служебныхъ обязанностей, но, напротивъ того, придастъ мнѣ новыя силы, чтобы трудиться съ большимъ усердіемъ и заслужить всѣ тѣ великія милости, которыми я былъ осыпанъ.

Прошу Ваше Сіятельство простить мнѣ многословіе и безсвязность моего письма; послѣднее обстоятельство произошло невольно и вызвано лихорадкой, которая меня не покидаетъ; примите также увѣренія самой искренней привязанности и преданности отъ благодарнаго Вамъ

Чевкина.

С.-Петербургъ, 1-го мая 1830 г.

Осмѣливаюсь писать эти строки не для того, чтобы выразить Вашему Сіятельству соболѣзнованіе въ ниспосланномъ Вамъ столь понятномъ горѣ. Я далекъ отъ мысли утѣшать того, силы души и высокія религіозныя чувства коего столь хорошо мнѣ извѣстны. Только изъ этихъ двухъ великихъ источниковъ Вы могли почерпнуть Вашу покорность; въ этомъ убѣжденіи мы нашли нѣкоторое успокоеніе относительно Васъ, и оно же даетъ намъ надежду, что въ будущемъ Вы обрѣтете спокойствіе и отдыхъ [1]).

Я позволилъ себѣ безпокоить Ваше Сіятельство настоящимъ письмомъ, съ цѣлью поговорить о себѣ; признавая себя, вслѣдствіе личныхъ чувствъ и благодаря узамъ живѣйшей благодарности, связаннымъ навсегда въ служебномъ отношеніи съ особой Вашего Сіятельства, я считаю своимъ долгомъ сообщить Вамъ о новомъ назначеніи, которымъ удостоилъ меня Государь Императоръ.

Уже въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ лихорадка, которую я захватилъ въ Адріанополѣ, не переставала разстраивать мое здоровье самымъ серьезнымъ образомъ; я чувствую также все большую нужду въ ортопедической помощи; въ этомъ положеніи, заграничное путешествіе сдѣлалось для меня необходимостью, и Его Величество, вникнувъ въ мое положеніе, даровалъ мнѣ для этого средства, поручивъ мнѣ привѣтствовать новыхъ великихъ герцоговъ Баденскаго и Дармштадтскаго и, затѣмъ, прикомандировалъ меня къ Парижскому посольству, съ дозволеніемъ проживать тамъ, гдѣ потребуетъ мое здоровье.

Эта новая милость нашего августѣйшаго повелителя даетъ мнѣ, такимъ образомъ, полную надежду возстановить здоровье, сильно разстроенное; я былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы мое путешествіе не удаляло меня отъ Вашего Сіятельства, и это именно въ то время, когда я имѣлъ полное право разсчитывать имѣть возможность снова продолжать службу подъ Вашимъ начальствомъ. Смѣю надѣяться, что если съ Божіею помощью мое здоровье возстановится ранѣе зимы, мнѣ возможно будетъ возвратиться къ семьѣ и находиться въ Вашемъ распоряженіи.

Соблаговолите, Ваше Сіятельство, простить мнѣ мою самоувѣренность, но я не могу не уступить этому желанію, вспомнивъ, что я Вамъ обязанъ настоящимъ служебнымъ положеніемъ и всею опытностью, которою я обладаю, и, что̀ превыше всего—руководящими мною убѣжденіями.

Итакъ, удостойте меня милости сохранить меня въ Вашей памяти; располагайте мною вполнѣ въ будущемъ, какъ и въ настоящемъ, и прошу Васъ быть увѣреннымъ, что служить подъ Вашимъ начальствомъ будетъ всегда истинное счастье для Вашего душевно преданнаго и благодарнаго

Чевкина.

Изъ бумагъ К. В. Чевкина.

---

[1]) Припомнимъ здѣсь, что во время нахожденія въ 1830 г. графа Дибича въ Бургасѣ, скончалась въ Петербургѣ 13-го марта супруга его, графиня Анна Егоровна, рожденная баронесса фонъ-Торнау.

III.

Письмо митрополита Филарета по поводу восшествія на престолъ императора Александра II.

Москва, 21-го февраля 1855 года.

Управляю мысль мою словомъ Святыя Церкви. Милостивый и долготерпѣливый Господь, наказавъ насъ бывшія печали посѣщеніемъ, се изобильно исполнилъ утѣшенія сердца наша, оправдавъ надъ нами царствовати Возлюбленнаго Ему Благочестивѣйшаго Императора Александра Николаевича.

Привѣтствую симъ даромъ Божіимъ Россію: привѣтствую и Васъ. Да будетъ и пребудетъ Онъ возлюбленъ Господу наслѣдственными добродѣтелями: благочестіемъ, благостью, любовію къ вѣрноподданнымъ, ревностію о правдѣ и о благѣ ввѣреннаго Ему Царства. Да послетъ Ему Господь помощь отъ Святаго и отъ Сіона небеснаго да заступитъ Его. Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасеніи Твоемъ да возрадуется зѣло.

Едва я удержался, чтобы не вознести моего смиреннаго слова къ Государю Императору: однако удержался, опасаясь, не значило ли бы сіе поставить себя выше законнаго уровня. Довлѣетъ для меня долгъ и утѣшеніе взывать къ Царю Царствующаго о Немъ и о Супругѣ Его и о Наслѣдникѣ Его.

Вчера часъ провозглашенія начавшагося Царствованія былъ миренъ и торжественъ. Кремль былъ полонъ, и я между двумя стѣнами народа достигъ Церкви. Она была наполнена такъ, что я не скоро достигъ Олтаря.

Вышедъ изъ Олтаря въ облаченіи въ сопровожденіи прочаго духовенства, съ Высочайшимъ манифестомъ въ рукахъ, я остановился на предолтарномъ амвонѣ и когда предъ начатіемъ чтенія положилъ на себя крестное знаменіе, всѣ присутствующіе сдѣлали то же. Потомъ прочтенъ мною Высочайшій манифестъ при глубокомъ безмолвіи предстоящихъ. Впрочемъ, я немного могъ наблюдать, занятый борьбою въ себѣ, чтобы слезы не воспрепятствовали произносить трогательныя слова Царевы. Потомъ молитвословіе клира, колѣнопреклоненная молитва и многолѣтіе Государю Императору. Затѣмъ произнесъ я присягу и гласно вторили предстоящіе. Долго стоялъ я, держа на Евангеліи Крестъ, и смотря на тѣснящихся наперерывъ къ Евангелію и Кресту, помышлялъ: такъ всегда будьте ревностны къ исполненію воли Царевой.

Призывая помощь Божію и Вашей вѣрности и любви къ Царю, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Сообщилъ **С. Ѳ. Огородниковъ.**

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ ТОЛМАЧЕВА.

Замѣтка.

Въ № 9-мъ «Русской Старины» за прошлый годъ напечатаны записки покойнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Толмачева, въ которыхъ разсказанъ случай съ бывшимъ директоромъ Калужской гимназіи, Александромъ Самойловичемъ Кояндеръ.

Въ несчастіе можетъ впасть каждый человѣкъ, но несправедливо увеличивать это несчастіе пристрастнымъ отношеніемъ къ самой личности человѣка, а именно таковымъ является отношеніе г-на Толмачева къ моему покойному отцу, —и это заставило меня взяться за перо.

У меня хранятся копіи съ послѣднихъ, предсмертныхъ писемъ моего отца къ калужскому губернатору, къ г-ну Толмачеву и къ Алекс. Андреевичу Рихтеръ; и каждый, прочитавъ ихъ, вѣроятно долженъ будетъ сознаться, что между характеристикой, данной г-мъ Толмачевымъ и дѣйствительностію, нѣтъ ничего общаго.

Не желая, по причинамъ понятнымъ каждому, печатать сполна упомянутыя письма и тѣмъ дѣлать общимъ достояніемъ то, что каждый привыкъ хранить въ глубинѣ души своей,—въ дальнѣйшемъ я привожу только тѣ мѣста изъ писемъ, которыя служатъ выраженіемъ послѣднихъ заботъ покойнаго.

1) Г. Калужскому гражданскому губернатору князю Александру Петровичу Оболенскому.

Дабы не взять грѣха на душу мою и не подвергнуть взысканію гг. старшихъ учителей за растраченныя мною деньги, считаю обязанностію оставить списокъ виновниковъ моего несчастія, коимъ, сколько я припомнить могу, я проигралъ и съ которыхъ деньги взыскать должно.... (слѣдуетъ списокъ). Если Вы получите бумагу сію, то знайте, что я взялъ мѣры, чтобы такая же была доставлена въ руки министра просвѣщенія, и на ней написалъ, что и Вамъ доставлена такая же.

2) Г. визитатору Якову Васильевичу Толмачеву.

Милостивый Государь Яковъ Васильевичъ!

.....Не покиньте, на первый случай, семейство мое въ ужасномъ его положеніи. Но дабы не потерпѣли сослуживцы мои, имѣвшіе ко мнѣ до-

вѣренность, то считаю я нужнымъ оставить на оборотѣ сего письма списокъ тѣмъ лицамъ, коимъ я, сколько припомню, проигралъ деньги казенныя.... (слѣдуетъ тотъ же списокъ).

3) 2-е письмо къ г-ну Толмачеву.

....Ради Бога, чтобы не пострадали невинные товарищи мои. Они люди добрые, невинные. Въ письмѣ моемъ къ вамъ я сказалъ, съ кого взыскать деньги.

4) Александру Андреевичу Рихтеръ.

Любезный другъ и братъ!

....Прилагаемую при семъ записку прошу Васъ доставить въ руки почтеннаго министра просвѣщенія. Прошу сдѣлать сіе непремѣнно, дабы не навлечь непріятностей взысканія бѣднымъ и добрымъ моимъ сослуживцамъ, къ чему обязываетъ меня моя совѣсть.

(При семъ письмѣ такъ же, какъ и при письмѣ къ министру просвѣщенія—такой же списокъ игроковъ).

«Да проститъ мнѣ милосердый Богъ поступокъ мой! моя совѣсть передъ Нимъ чиста, я не былъ злодѣемъ, старался быть полезнымъ ближнимъ, но по слабостямъ былъ вреденъ себѣ и семейству моему».

Въ каждомъ изъ четырехъ писемъ стоятъ на первомъ планѣ не личные интересы покойнаго, олицетворявшіеся, при тѣхъ обстоятельствахъ, его многочисленной семьей, оставшеюся безъ всякихъ средствъ къ существованію, а интересы постороннихъ лицъ, на которыхъ могло отразиться несчастіе, постигшее моего отца.

Человѣкъ, такъ чувствовавшій и поступающій, не можетъ быть названъ эгоистомъ, не можетъ быть названъ «хитрымъ»; человѣкъ, безропотно возложившій на себя все наказаніе за вину свою, безъ всякой попытки избѣжать или уменьшить его, точно также не въ разсчетѣ на связи, такъ поступалъ мой покойный отецъ. Впрочемъ то, что могло показаться г-ну Толмачеву «сильными связями», было въ сущности не что иное, какъ уваженіе и пріязнь, съ которыми лучшіе и благороднѣйшіе люди того времени относились къ моему покойному отцу.

Къ этому и я съ своей стороны могу съ полнѣйшею искренностію прибавить, что воспоминанія мои, относящіяся какъ къ тому времени, (мнѣ было 12 лѣтъ), такъ и къ послѣдующему, хранятъ выраженія того глубокаго участія и сожалѣнія, съ какимъ относились къ судьбѣ моего отца всѣ знавшіе его.

Вдова дѣйствительнаго статск. совѣтн. Марія Брадке, рожденная, Кояндеръ.

Калуга. Октября 24
1892 года.

о томъ, что институтки три дня подрядъ ѣдятъ одно и то же кушанье и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ государыня печется объ увеличеніи средствъ на содержаніе институтовъ и какъ сама, такъ и великія княжны, дѣлаетъ богатые денежные подарки, такъ что для 5 женскихъ учебныхъ заведеній столицы, состоящихъ подъ ея покровительствомъ, было выдано единовременно изъ казны за 32 года ея управленія 1.653.616 р. асс., кромѣ того, ежегодно отпускалось по 537.064 р. асс. Пожертвованій частныхъ лицъ было до 900 тыс. р. Сама императрица за время своего управленія пожертвовала болѣе 2 милліон. рубл. и ежегодно отпускала по 50 тыс. р. Съ началомъ XIX столѣтія все болѣе и болѣе начинаетъ слабѣть и равнодушіе общества къ женскому образованію, которое было въ такой силѣ въ началѣ царствованія Екатерины. Такъ уже въ 1805 г. тверскіе дворяне ходатайствуютъ объ открытіи у нихъ института для благородныхъ дѣвицъ; въ 1812 г. открывается женскій институтъ въ Харьковѣ, въ 1818 г.— въ Полтавѣ. Г-жа Лихачева подробно останавливается на первыхъ шагахъ дѣятельности этихъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній и разсказываетъ намъ отношеніе къ нимъ общества и мѣстной прессы. Наряду съ этимъ, конечно, умножилось и число женскихъ учебныхъ заведеній столицы, открывались „дома трудолюбія“ и т. п. Наибольшій, какъ кажется, интересъ представляетъ въ 2-мъ томѣ „Матеріаловъ“ г-жи Лихачевой послѣдняя глава, гдѣ она наглядно показываетъ, какой результатъ дало все это женское образованіе для литературы. На основаніи данныхъ „Библіографическаго словаря русскихъ писательницъ“ князя Голицына (Спб. 1889), авторъ выводитъ, что за періодъ времени въ 34 года (1796—1830) у насъ было нѣсколько болѣе 200 женщинъ-писательницъ, наибольшая доля которыхъ приходится на поэтессъ (68) и переводчицъ (47); но среди женскихъ произведеній не было ни одного, оставившаго замѣтный слѣдъ въ потомствѣ. Это обстоятельство, однако, не лишаетъ возможности сказать, что образованіе русскихъ женщинъ къ концу первой трети текущаго столѣтія сдѣлало почти колоссальный шагъ впередъ, сравнительно съ эпохой Екатерины.

Заключимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы г-жа Лихачева не отказала читателямъ въ удовольствіи имѣть продолженіе ея интересныхъ „Матеріаловъ для исторіи женскаго образованія въ Россіи“.

А. М.

Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Составилъ К. А. Ивановъ. Спб. 1892. 8°. 217 стр., ц. 80 к.

Составить хорошій учебникъ по исторіи среднихъ вѣковъ—задача далеко нелегкая, если принять во вниманіе обширныя требованія министерской программы по этому періоду. Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ можно привѣтствовать учебникъ г. Иванова, составленный по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ научнымъ трудамъ изъ области исторіи среднихъ вѣковъ. Авторъ всячески старается оживить свое изложеніе; съ этою цѣлію онъ указываетъ поэтическія и научныя произведенія касательно той или другой эпохи, а иногда даетъ изъ нихъ и выдержки, даже въ текстѣ. Другою особенностью книги г. Иванова, отличающею ее отъ произведеній подобнаго рода, является то, что авторъ старался освѣтить надлежащимъ образомъ значеніе Византіи, которая являлась въ средніе вѣка главной хранительницей культуры древняго міра, вмѣстѣ съ тѣмъ была и матерью нашей русской образованности. По вполнѣ понятнымъ также причинамъ г. Ивановъ обращаетъ должное вниманіе и на исторію славянскихъ народовъ. Недовѣряя собственнымъ силамъ и заботясь о тщательности работы, авторъ показывалъ свой трудъ въ рукописи проф. В. Г. Васильевскому, извѣстному знатоку средневѣковой исторіи, отъ чего книга г. Иванова должна пріобрѣсти еще больше значенія въ нашей учебной литературѣ.

Н. М.

Краткій очеркъ учебной и ученой дѣятельности Казанской духовной академіи за пятьдесятъ лѣтъ ея существованія. 1842—1892 г.г. И. Бердниковъ. Казань. 1892. 8°. 115 стр., ц. 50 к.

Къ прошлогоднему 50-ти-лѣтнему юбилею Казанской духовной академіи вышло два капитальныхъ труда, посвященныхъ исторіи ея: г. Знаменскаго и г. Терновскаго На основаніи главнымъ образомъ этихъ двухъ сочиненій и написана брошюра г. Бердникова, представляющая оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ (№ 10—11, 1892 г.). Авторъ разсказываетъ сперва исторію выработки программы преподаванія духовныхъ академій, останавливаясь, конечно, преимущественно на Казанской, которая, кромѣ общей съ другими академіями задачи—сообщить высшее богословское образованіе, должна была заниматься обращеніемъ раскольниковъ и просвѣщеніемъ инородцевъ. Затѣмъ передаетъ онъ о мѣрахъ, принимавшихся для приготовленія профессорскихъ стипендіатовъ при Казанской духовной академіи и перечисляетъ достойныхъ изъ нихъ, указывая ихъ научные труды. Далѣе находятся свѣдѣнія объ ученой дѣятельности профессоровъ академіи, объ академическомъ журналѣ и библіотекѣ, въ которой заключается, между прочимъ, богатое собраніе рукописей Соловецкаго монастыря. Изложеніе г. Бердникова нѣсколько разбросанное и не раздѣлено на главы, что сильно затрудняетъ чтеніе.

А. С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1870 г., третье изд. (*3 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*41 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*28 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*24 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*45 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*16 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*42 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*37 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (*2 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*48 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (*209 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (*150 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*35 экз.*), съ портретами 9 руб.
«Русская Старина» 1892 г., 12 книгъ (*142 экз.*), съ портретами, 9 руб.

Редакторы-издатели: Н. Шильдеръ и С. Зыковъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. МАРТЪ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Первая годовщина кончины М. И. Семевскаго.** Н. Ш.

II. **Екатерина II и Гриммъ.** Глава II. В. А. Бильбасова... 497

III. **Два письма К. Н. Батюшкова.** Сообщ. Л. Н. Майковъ.. 525

IV. **Изъ записокъ стараго преображенца.** — IV. Лагерь подъ Краснымъ Селомъ.— Частный бытъ и служебныя занятія офицеровъ. — V. Политическія событія 1848 г. и отношенія къ нимъ офицеровъ.—Число и составъ офицеровъ въ 1848—1852 гг. — Щегольство. — Наружная представительность генерала Катенина.—Сравненіе его съ Микулинымъ. — Характеристика замѣчательнѣйшихъ офицеровъ: Пушкинъ, Шульгинъ, Салогубъ, Пенхержевскій, Ребиндеръ, Коссаковскій. — Князя Н. К. Имеретинскаго..... 531

V. **Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ** (1863—1874 гг.). Главы X—XII. Д. Г. Анучина..... 559

VI. **Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ,** первый министръ финансовъ Россійской имперіи. А. Ш..... 574

VII. **Записки Н. В. Веригина.** Главы XV—XVII..... 579

VIII. **Новые матеріалы для біографіи А. Н. Сѣрова.** (Письма 1845—1849 гг.). Сообщ. Н. Финдейзенъ..... 616

IX. **Къ исторіи русскаго театра.** Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой. (1822—1826 гг.). Письма I—VIII. Сообщ. Владимиръ И. Воденовскій..... 625

X. **Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова,** проф. Спб. духовной академіи. Глава XXXI..... 657

XI. **Вопросъ польскій.** 1806—1809 гг. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н. Цуриковъ. 667

XII. **Встрѣча съ Суворовымъ въ 1799 году.** Изъ записокъ барона Густава-Маврикія Армфельдта. Перевелъ со шведскаго и сообщилъ Г. Ѳ. Сюннербергъ..... 696

XIII. **Матеріалы и замѣтки.** Пребываніе императора Александра I въ Архангельскѣ. (Изъ записокъ очевидца). Сообщ. С. Ѳ. Огородниковъ.— 701

XIV. **По поводу статьи «Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ».** Сообщ. Левъ Николаевичъ Павлищевъ..... 707

XV. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа **Алексѣя Ивановича Васильева,** перваго министра финансовъ Россійской имперіи. Грав. худ. И. И. Матюшинъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.

1893.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1893 г.

Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенко. Томъ первый. Съ портретомъ автора. С.-Петербургъ. 1893.

Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ въ области новѣйшихъ литературныхъ мемуаровъ должны быть признаны воспоминанія профессора С.-Петербургскаго университета А. В. Никитенко. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ эти воспоминанія служили украшеніемъ „Русской Старины“, и остается только сожалѣть, что внезапная кончина М. И. Семевскаго воспрепятствовала дальнѣйшему помѣщенію дневника на страницахъ нашего журнала. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе въ печати записокъ и дневника А. В. Никитенко въ полномъ ихъ объемѣ.

Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ заключается: „Моя повѣсть о самомъ себѣ“ и „Дневникъ“ съ 1826 по 1855 годъ.—Кромѣ драгоцѣнныхъ фактовъ чисто историческаго значенія, дневникъ г-на Никитенко даетъ дѣлый рядъ весьма тонко очерченныхъ характеристикъ нашихъ государственныхъ и литературныхъ дѣятелей; эти характеристики не только вполнѣ вѣрны, но начертаны вполнѣ художественно. Затѣмъ дневникъ отличается еще однимъ драгоцѣннымъ свойствомъ: прекраснымъ слогомъ.

Въ третій томъ войдетъ дневникъ 1873—1877 годовъ, который не былъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ и заключаетъ въ себѣ хронику послѣднихъ лѣтъ жизни автора. А. В. Никитенко скончался 21-го іюля 1877 года. **Н. Ш.**

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Томъ VII. Спб. 1892.

Вышедшимъ нынѣ седьмымъ томомъ закончено сравнительно въ скорое время обширное изданіе А. Брикнера; первая часть „Матеріаловъ“ появилась въ печати въ 1888 году.—Трудъ этотъ порученъ былъ А. Брикнеру внукою графа Никиты Петровича Панина, княгинею Маріею Александровною Мещерскою, которая въ продолженіе многихъ лѣтъ занималась собираніемъ и просмотромъ драгоцѣнныхъ бумагъ богатаго семейнаго архива Паниныхъ. Всѣ эти матеріалы издатель дополнилъ данными, извлеченными изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и изъ Стокгольмскаго архива.—Хотя политическая дѣятельность графа Н. П. Панина обнимаетъ около семи лѣтъ (1795—1801 г.), но она тѣсно связана съ самыми важными событіями этой эпохи и представляетъ собою важныя данныя для характеристики этого періода нашей исторіи.

Седьмой томъ заключаетъ въ себѣ: 1) Путешествіе въ Финляндіи 1802 г., 2) Путешествіе въ Европѣ и окончательная опала (1802—1804), 3) Ополченіе въ Смоленской губерніи (1806—1807), 4) Письма и записки (1807—1814), 5) Дѣло съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ (1813—1814), 6) Бумаги, относящіяся къ опалѣ (1818—1826), 7) Частная жизнь въ Дугинѣ (1816—1837). Къ этому тому приложенъ художественно исполненный портретъ графа Н. П. Панина, гравированный въ Парижѣ, и видъ кабинета графа въ Дугинѣ.

Издатель въ седьмомъ томѣ, какъ и въ предъидущихъ, не ограничился однимъ печатаніемъ собранныхъ имъ документовъ, но и снабдилъ ихъ примѣчаніями. **Н. Ш.**

Историческій обзоръ дѣятельности Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Дѣйствительнаго члена комитета Н. В. Воскресенскаго. Воронежъ. 1892. 8°. 84 стр.

Названная брошюра представляетъ перепечатку съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями соотвѣтственнаго отдѣла изъ большаго юбилейнаго труда того же автора „Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Начавъ съ приведенія законовъ и циркуляровъ, относящихся къ учрежденію статистическихъ комитетовъ, г. Воскресенскій разсказываетъ затѣмъ о первыхъ шагахъ комитета своей губерніи, дѣятельность котораго за первыя 18 лѣтъ его существованія (1835—1853) представляется настолько безцвѣтной, что самъ комитетъ не могъ рѣшить предъявленнаго къ нему въ 1853 г. вопроса, были ли когда-нибудь его засѣданія и велись ли журналы ихъ, а отвѣтилъ наивно, что изъ дѣлъ его этого не видно. Но зато со слѣдующаго 1854 г. дѣятельность комитета становится вполнѣ на надлежащую почву, благодаря энергіи двухъ выбранныхъ въ этомъ году членовъ его К. О. Александрова-Дольника и Н. И. Второва, которые въ томъ же 1854 г. начинаютъ хлопотать объ изданіи памятной книжки Воронежской губерніи. Книжка эта впервые появилась только въ 1856 г. и съ тѣхъ поръ, правда, съ промежутками выходитъ и понынѣ.

Послѣднее изданіе ея, въ двухъ выпускахъ, вышло въ 1891 и 92 г.г. и получило одобрительные отзывы со стороны нѣсколькихъ столичныхъ журналовъ. Особенный интересъ возбудилъ помѣщенный въ ней трудъ г. Дикарева по изслѣдованію мѣщанскаго говора и приложенный къ нему, какъ сырой матеріалъ, богатый сборникъ пословицъ и поговорокъ. Г. Второву принадлежитъ также начало разработки и изданія цѣнныхъ историческихъ актовъ, начиная со времени Михаила Ѳеодоровича и кончая Петровской эпохой. Работу эту, по удаленіи г. Второва, продолжалъ М. Ѳ. Де-Пуле, который издалъ въ 1861 г. воеводскія дѣла бывшаго города Орлова (нынѣ село Воронежскаго уѣзда). Акты, собранные г. Второвымъ, во многихъ случаяхъ легли въ основаніе первой части исторіи русскаго флота г. Елагина (1864 г.). Въ 1872 г. часть петровскихъ актовъ была выпущена въ свѣтъ г. Яворскимъ. Затѣмъ, въ концѣ 80-хъ годовъ, изданіе ихъ энергично продолжалъ Л. Б. Вейнбергъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ учрежденіе музея при статистическомъ комитетѣ.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА КОНЧИНЫ

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА СЕМЕВСКАГО.

9-го марта 1893 года исполняется первая годовщина со дня смерти основателя «Русской Старины», Михаила Ивановича Семевскаго.

Безполезно повторять по этому поводу то, что́ уже неоднократно высказывалось на страницахъ «Русской Старины» со дня кончины Михаила Ивановича—о его заслугахъ исторической наукѣ, неутомимой общественной дѣятельности, неизмѣнномъ стремленіи всѣми силами служить своему отечеству; все это извѣстно́ всѣмъ, сочувствующимъ преуспѣянію русской исторической науки, и все это составитъ, безъ сомнѣнія, богатый матеріалъ для біографіи Михаила Ивановича, появленіе которой вѣроятно не заставитъ себя долго ждать. — Новой редакціи остается лишь, присоединясь къ горю неутѣшной семьи, выразить ей свое сочувствіе въ ея незамѣнимой утратѣ.

Н. Ш.

Дозволено цензурою. СПБ., 20 февраля 1893 г.

Тип. тов. „Общ. польза", в подъяч., 39.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ВАСИЛЬЕВЪ,

первый министръ финансовъ Россійской Имперіи.

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

II [1]).

Гриммъ обладалъ рѣдкою, но незавидною способностью устраивать свои дѣла. Онъ всегда имѣлъ вѣрныхъ друзей, готовыхъ оказать ему услугу, и богатыхъ покровителей, способныхъ помочь даже не въ трудную минуту. Онъ вступилъ въ жизнь подъ покровительствомъ барона Шёнберга и графа Фризена, и сошелъ со сцены подъ защитой Екатерины II.

Въ 1755 г. умеръ графъ Фризенъ, въ домѣ котораго Гриммъ жилъ и милостями котораго пользовался вполнѣ. «Живя у графа, Гриммъ ни въ чемъ не нуждался», записано въ мемуарахъ г-жи Эпинэ. Но и самая смерть графа Фризена помогла карьерѣ Гримма: герцогъ Орлеанскій часто навѣщалъ больнаго графа, встрѣчался съ Гриммомъ и, когда друзья «нѣмецкаго француза» описали герцогу его безпомощное положеніе, зачислилъ Гримма въ свои секретари. Гриммъ поспѣшилъ забыть, что «французскіе литераторы предпочитаютъ лучше быть ничѣмъ, чѣмъ состоять при комъ-нибудь», и принялъ мѣсто, которое обезпечивало ему 2.000 франковъ въ годъ и давало право пріѣзда ко двору. Екатеринѣ II Гриммъ такъ описываетъ своего благодѣтеля: «Это не былъ геній, это не былъ орелъ; онъ обладалъ умомъ, быть можетъ, весьма ограниченнымъ, но природа надѣлила его такимъ инстинктомъ относительно вопросовъ чести, что никогда человѣкъ сомнительнаго поведенія не приближался къ нему, тѣмъ менѣе не могъ пользоваться его внима-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII. февраль.

ніемъ. Этотъ инстинктъ, эта щепетильная брезгливость отталкивала отъ него людей недостойныхъ. Какая-то врожденная всѣмъ Орлеанамъ страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ сталкивала его иногда съ дурною компаніею, но даже въ этихъ ночныхъ оргіяхъ онъ умѣлъ сохранять достоинство своего положенія и то внѣшнее приличіе, которое никогда не покидало его: даже въ разгарѣ кутежа собутыльники видѣли въ немъ принца крови. Онъ никогда не оскорблялъ общественной нравственности, публика ничего не знала о его дебошахъ, и, несмотря на попойки, никогда не оставлявшія замѣтнаго слѣда, дворъ Пале-Рояля пользовался общимъ уваженіемъ. Все, что̀ было во Франціи болѣе именитаго и заслуженнаго, добивалось чести быть допущеннымъ къ этому двору, и если Людовикъ XV былъ королемъ Версали, герцогъ Орлеанскій назывался королемъ Парижа»[1]).

Гриммъ скоро понялъ, что при «королѣ Парижа» онъ не можетъ надѣяться на какую-либо карьеру, и искалъ выхода. Въ это время «Correspondance Littéraire» поставила уже его въ сношенія со многими нѣмецкими дворами; она познакомила его съ нѣмецкими курфюрстами, герцогами и принцами, принимавшими участіе въ Семилѣтней войнѣ. Вольный городъ Франкфуртъ велъ во время войны безконечную переписку съ французскимъ дворомъ по поводу реквизицій, контрибуцій и военныхъ счетовъ всякаго рода; переписка затягивала уплату, городъ терпѣлъ убытки. Другъ Гримма, историкъ Маллэ[2]), корреспондентъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ государей, предложилъ франкфуртскому магистрату поручить Гримму слѣдить въ Парижѣ за перепиской съ французскимъ правительствомъ. «Городъ Франкфуртъ — пишетъ Гриммъ въ маѣ 1759 г. — понуждаетъ меня взяться за эту переписку. Эта обязанность мнѣ по душѣ

---

[1]) Сборникъ, XLIV, 503. Louis Philippe, comte de Chartres, duc d'Orléans, 1725 — 1785, женатый на Henriette Bourbon-Conti. Онъ принималъ участіе во всѣхъ французскихъ войнахъ того времени и, между прочимъ, въ Семилѣтней войнѣ. Какъ Екатерина II въ Россіи, такъ онъ во Франціи первый привилъ оспу себѣ и дѣтямъ. Его сынъ, Филиппъ-Эгалите, казненъ 6 ноября 1793 года.

[2]) Paul-Henri Mallet, 1730—1807, преподавалъ литературу въ Копенгагенѣ, исторію въ Женевѣ и былъ гессенъ-кассельскимъ резидентомъ въ Бернѣ; авторъ „Histoire du Danemark“, „Histoire des suisses“, „Histoire de la Ligue Hanséatique“. Особенно важны его „Mémoires sur la littérature du Nord“.

и дастъ мнѣ возможность выказать мои способности. Я ожидаю только согласія герцога Орлеанскаго, которое надѣюсь получить на дняхъ же». Гриммъ сталъ аккредитованнымъ при версальскомъ дворѣ посланникомъ вольнаго города Франкфурта, съ жалованьемъ 24.000 франковъ въ годъ.

Десять лѣтъ назадъ, Гриммъ шатался по парижскимъ улицамъ, безъ опредѣленныхъ занятій, безъ матеріальныхъ средствъ; теперь онъ «Monsieur l'Ambassadeur», какъ шутя называлъ его Дидро, онъ богатъ, онъ персона въ Парижѣ. Эта персона не съумѣла, однако, удержаться на своемъ посту. Какъ видно, Гриммъ не утруждалъ себя франкфуртской перепиской: «Гриммъ очень доволенъ своимъ положеніемъ—пишетъ г-жа Эпинэ — и новыя занятія не обременяютъ его. За исключеніемъ одного дня въ недѣлѣ, который онъ посвящаетъ двору, мы ведемъ прежній образъ жизни». Не прошло и года, какъ на почтѣ было перехвачено письмо къ Маллэ, въ которомъ Гриммъ глумился надъ герцогомъ Брольи[1]), порицалъ политику французскаго двора, критиковалъ военныя дѣйствія. Его обвинили въ измѣнѣ и шпіонствѣ; только благодаря заступничеству герцога Орлеанскаго, Гримму разрѣшили оставаться въ Парижѣ. Франкфуртъ лишилъ его званія своего посланника.

Гриммъ—нѣмецъ настойчивый: не удалось съ Франкфуртомъ, можетъ удастся съ Готой.

Луиза-Доротея, герцогиня Саксенъ-Готская, была нѣмкой только по рожденію; по характеру и нраву, по вкусамъ и склонностямъ она была француженкой, даже парижанкой. Веселая, живая, остроумная, она переписывалась съ Вольтеромъ, который величалъ ее «Souveraine sans faste et femme sans faiblesse», слѣдила за постановкой французскихъ пьесъ на придворномъ театрѣ, учредила орденъ «Ermites de bonne humeur» съ девизомъ «Vive la joie», интересовалась литературнымъ движеніемъ во Франціи, много читала и не пропускала ни одной строчки въ «Correspondance Littéraire».

---

[1]) Нѣмецъ Гриммъ глумился напрасно. Victor-Francois duc de Broglie разбилъ пруссаковъ при Зондерсгаузенѣ, въ 1758 г., Бергенѣ, въ 1759, и при Корбахѣ, въ 1760 г. Маршалъ Субизъ, смѣнившій его въ командованіи, далъ Фридриху II возможность оправиться отъ пораженій, нанесенныхъ герцогомъ Брольи.

Гриммъ былъ представленъ въ Парижѣ ея сыну, познакомился съ Студницемъ, подружился съ Клюпфелемъ. Заказъ париковъ и пересылка помады пригодились: во время путешествія 1762 года, Гриммъ былъ милостиво принятъ въ Готѣ и съ тѣхъ поръ переписывался съ герцогиней. Губертсбуртскій миръ не примирилъ Францію съ Пруссіей, и отношенія державъ оставались холодными; желая сблизить Людовика XV съ Фридрихомъ II, Гриммъ, въ особой докладной запискѣ, поданной герцогу Шуазелю, французскому министру иностранныхъ дѣлъ, указываетъ на Луизу-Доротею, какъ наиболѣе способнаго посредника къ примиренію[1]). Въ письмахъ къ герцогинѣ Доротеѣ, Гриммъ сообщаетъ о своихъ хлопотахъ во французскомъ министерствѣ по поводу уплаты саксенъ-готскому двору военныхъ издержекъ по Семилѣтней войнѣ, но еще чаще пишетъ ей о дамскихъ прическахъ, о фижмахъ и т. п. Герцогиня умерла въ 1767 году—устройство мавзолея на ея могилѣ было поручено именно Гримму, и благодарный супругъ назначилъ его совѣтникомъ посольства съ жалованьемъ въ 1.600 франковъ. Это не франкфуртскіе 24.000 фр., но Гриммъ, наученный опытомъ, былъ уже остороженъ, и не напрасно: сынъ герцогини Доротеи, герцогъ Эрнестъ II[2]), назначилъ Гримма своимъ полномочнымъ министромъ при версальскомъ дворѣ.

Сношенія Гримма съ гессенъ-дармштадтскимъ дворомъ были не менѣе успѣшны. Ландграфиня Каролина вовсе не походила на герцогиню Доротею, и Гриммъ, оставляя въ сторонѣ куафюры и фижмы, высказываетъ особую заботливость объ устройствѣ дѣтей ландграфини. А дѣтей было много—пять дочерей и три сына. Вся переписка Гримма съ ландграфиней гессенъ-дармштадтской наполнена хлопотами о выдачѣ замужъ принцессъ—о вопросѣ наиболѣе

---

[1]) „Revue Historique“, 1884, mai-juin. Авторъ статьи, R. Hammond, приписываетъ всю переписку по этому поводу Гельвецію, не Гримму. Ошибка произошла вслѣдствіе невѣрной отмѣтки въ Парижскомъ Архивѣ, гдѣ хранится переписка.

[2]) Мейстеръ, въ своей запискѣ: Le duc de Saxe-Gotha n'oublia jamais le courage et le dévouement avec lequel Grimm osa lui donner, dans une circonstance importante, un conseil très sage, mais absolument contraire aux affections qui à cette époque avaient pris sur l'âme de ce prince l'ascendant le plus décidé... il le nomma son ministre à la cour de France. Это записано со словъ самого Гримма и ничѣмъ не подтверждается.

чувствительномъ для материнскаго сердца, но, казалось бы, совершенно постороннемъ для издателя «Correspondance Littéraire». Гриммъ не напрасно, однако, тратилъ чернила и бумагу на переписку съ Каролиной.

Кромѣ дочерей, у ландграфини гессенъ-дармштадтской были сыновья. Старшему, наслѣднику престола, принцу Людвигу, было 18-ть лѣтъ, когда, въ 1771 году, ландграфиня обратилась къ Гримму съ просьбою сопровождать его въ путешествіи, въ качествѣ не столько ментора, сколько друга. Постоянно крича о своемъ безкорыстіи и хорошо зная стѣсненное въ матеріальномъ отношеніи положеніе ландграфини, Гриммъ съумѣлъ, однако, выговорить себѣ содержаніе, превосходившее доходы отъ «Correspondance Littéraire». Этого ему было, все-таки, мало, и онъ рѣшился восполнить содержаніе иными выгодами. Ему представлялось невозможнымъ, просто «неприличнымъ» сопровождать наслѣднаго принца гессенъ-дармштадтскаго, не имѣя никакого знака отличія, никакого ни ордена, ни титула. Гриммъ остановился, прежде всего, на шведскомъ орденѣ Сѣверной Звѣзды—его даютъ артистамъ, Гриммъ видѣлъ его на докторахъ: если ландграфиня попроситъ, и ему дадутъ крестикъ Сѣверной Звѣзды. Ландграфиня попросила, заинтересовала даже принца Генриха прусскаго, но изъ Стокгольма отвѣтили отказомъ, говоря, что Сѣверная Звѣзда дается только дворянамъ.

Отказали въ орденѣ, не откажутъ въ титулѣ. Съ безстыдствомъ, равнымъ наглости, Гриммъ проситъ ландграфиню добыть ему баронскій титулъ изъ Вѣны: герцогъ Тосканскій, подписчикъ «Correspondance Littéraire», замолвитъ, конечно, за него слово; Кауницъ расположенъ къ нему, и если ландграфиня напишетъ въ Вѣну, то успѣхъ несомнѣненъ; канцелярскіе расходы, правда, велики, а Гриммъ живетъ только личнымъ трудомъ, но среди его друзей найдутся пріятели банкира австрійскаго двора, есть, наконецъ, люди настолько состоятельные, что для нихъ подобная жертва легка, и дѣло какъ-нибудь уладится. Оно и уладилось: Гриммъ получилъ въ 1772 году дипломъ на титулъ барона Священной Имперіи съ правомъ писать de Grimm, а ландграфиня Каролина уплатила за него канцелярскіе расходы въ 4.000 гульденовъ. Дидро не могъ безъ смѣха слышать нелѣпое baron de Grimm и сталъ называть его

«маркизомъ»; всѣ парижскіе «друзья» Гримма подтрунивали надъ его покупнымъ дворянствомъ; но Гриммъ, какъ истый «философъ», снесъ всѣ насмѣшки и никогда не забывалъ приставить злополучное д е къ своему имени [1]).

Осенью 1773 года, баронъ де Гриммъ, сопровождая наслѣднаго принца гессенъ-дармштадтскаго, спѣшившаго на свадьбу своей сестры съ цесаревичемъ П а в л о м ъ П е т р о в и ч е м ъ, прибылъ въ Петербургъ. Съ этого времени Гриммъ окончательно перестаетъ заниматься литературой и всецѣло посвящаетъ себя на служеніе императрицѣ Екатеринѣ II, исполняя всевозможныя ея порученія и ведя съ нею переписку, которая теперь только обнародована, и то не вся.

Печатное изданіе «Correspondance Littéraire» воскресило Гримма и поставило его, какъ литературнаго критика, въ ряды выдающихся дѣятелей прошлаго вѣка; обнародованіе частной переписки его съ Екатериной II погубило Гримма и выставило его въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ. Гриммъ «Correspondance Littéraire» и Гриммъ souffre-douleur Екатерины—два совершенно разныя лица. Насколько его критическія статьи полны мысли, кратки, иногда рѣзки, чаще ироничны, но всегда сильны, правдивы, настолько его частныя письма пусты, вялы, всѣ безъ исключенія многорѣчивы и въ большинствѣ случаевъ полны невыносимой лести и низкаго угодничества.

Конечно, общественное служеніе обязываетъ. Публичное слово, даже въ рукописномъ изданіи, предназначенномъ для немногихъ, только для избранныхъ, должно быть достойно публичности; оно подлежитъ контролю, не полицейскому, но тѣмъ болѣе строгому, и влечетъ за собою отвѣтственность, не судебную, но тѣмъ болѣе обязательную. «Correspondance Littéraire», какъ газета, обязывала Гримма быть всегда на высотѣ своей задачи; но ничто не заставляло Гримма измѣняться въ частной перепискѣ. Частныя письма Б ѣ л и н с к а г о, во многихъ отношеніяхъ, строже, ярче, сильнѣе его печатныхъ статей. Бѣлинскій не раздвоивался; это была цѣльная, стройная натура, всегда себѣ довлѣющая—въ печати, въ пере-

[1]) Гриммъ и раньше, еще въ 1768 году, любилъ украшаться этой частичкой д е (T o u r n e u x, VIII, 213), но, конечно, не въ оффиціальныхъ бумагахъ (I b i d., XVI, 455).

пискѣ, въ разговорѣ. Не то Гриммъ: строгій, правдивый, честный въ «Correspondance Littéraire», онъ унижается въ частной перепискѣ до лести, лжи и клеветы; проводя въ «Correspondance Littéraire» свѣтлыя идеи, высокіе идеалы, онъ преслѣдуетъ въ частной перепискѣ свою личную выгоду, имѣя въ виду исключительно матерьяльныя блага. Правою рукою онъ пишетъ Екатеринѣ письмо, а лѣвую протягиваетъ за подачкой.

Переписка Екатерины II и Гримма издана русскимъ историческимъ обществомъ. Письма Екатерины занимаютъ весь XXIII томъ, въ 700 стр. текста, безъ перевода на русскій языкъ [1]); письма Гримма — менѣе 400 стр. въ XXXIII томѣ, причемъ всѣ письма переведены на русскій языкъ [2]), и весь XLIV томъ, въ 800 стр. [3]), при-

[1]) Здѣсь помѣщено болѣе 600 писемъ и записочекъ. Сама Екатерина шутя замѣчала, что она только и дѣлаетъ, что пишетъ Гримму: il ne faut point qu'on dise dans mon histoire que je passais ma vie à vous écrire (123); je ne suis ici que pour vous écrire (182); si cela continue je n'écrirai plus qu'à vous (191) и т. д.

[2]) Не разъ уже была указываема необходимость измѣнить ту часть § 3 устава русскаго историческаго общества, которая гласитъ: „документы и акты, писанные на иностранныхъ языкахъ, печатаются въ подлинномъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ“. Кому нуженъ этотъ переводъ документовъ и актовъ, издающихся не для легкаго же чтенія? Само общество отступало отъ этого правила съ 1-го же тома своего „Сборника“, гдѣ переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата напечатана безъ перевода. Не переведенъ на русскій языкъ и весь XXIII томъ, т. е. письма Екатерины къ Гримму. Если было признано, почему-либо, необходимымъ отдать въ этомъ отношеніи предпочтеніе письмамъ Гримма къ Екатеринѣ, то слѣдовало озаботиться болѣе тщательнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Конечно, такой переводъ, какъ, напр., ich ziehe meine Stecknadel gar schön aus dem Spiel—я выдергиваю свою булавку изъ игры (стр. 15), une querelle d'allemand—нѣмецкая ссора (стр. 26, 206, 224), revenons à nos moutons—возвратимся къ нашимъ баранамъ (стр. 173, 175) и т. п., долженъ быть признанъ весьма точнымъ, но едва-ли удачнымъ и, во всякомъ случаѣ, такой переводъ не много содѣйствуетъ пониманію текста. Встрѣчаются, однако, переводы и болѣе точные, напр.: je dis comme dans les Tristes d'Ovide—я сказалъ словами Тристій Овидія (стр. 147). Почему же русскія Тристіи должны быть понятнѣе французскихъ les Tristes? Надо думать, что Epistolae ex Ponto обратятся въ Понтиковъ, les Pontiques. Иногда переводъ только затемняетъ текстъ: что значитъ фраза: императрица не найдетъ иноходца въ г. Булье? Въ текстѣ такъ: l'impératrice ne trouvera pas un Passgänger dans M-r de Bouillé (стр. 359), причемъ было уже объяснено, что подъ Passgänger подразумѣвались дурные министры, бездарные дѣятели, и т. п. XXIII, VI.

[3]) Въ этомъ XLIV т. не только письма Гримма оставлены безъ перевода на русскій языкъ, но даже русскій документъ, изъ Придворнаго Архива, на-

чемъ перепечатаны всѣ его письма, вошедшія въ XXXIII томъ. Переписка эта длилась, почти безъ перерыва [1]), болѣе двадцати лѣтъ—съ 1774 по 1796 годъ. Екатерина писала Гримму послѣднее письмо за три недѣли до своей смерти; Гриммъ писалъ Екатеринѣ въ послѣдній разъ спустя двѣ недѣли по ея смерти.

Двадцатилѣтняя переписка двухъ нѣмцевъ на чуждомъ имъ обоимъ французскомъ языкѣ—живая картинка XVIII вѣка, не только по языку, еще болѣе по содержанію. Космополитизмъ въ вопросахъ духовной жизни достигъ наибольшаго развитія въ эпоху Дидро, Гиббона, Галліани и ихъ друзей, между тѣмъ какъ именно въ это-то время въ вопросахъ государственной жизни стала выдѣляться идея національной обособленности. Въ этомъ отношеніи Екатерина II и Гриммъ являются представителями прошлаго вѣка. Правда, судьба рано оторвала ихъ обоихъ отъ родины—Екатерина покинула Германію 14-ти-лѣтнею дѣвочкою и никогда болѣе не видала своей отчизны; Гриммъ провелъ лучшіе годы, отъ 14 до 70-ти, въ Парижѣ. Все-таки, Екатерина чаще прибѣгаетъ къ нѣмецкому языку, чѣмъ Гриммъ, и вставляетъ иногда нѣмецкія фразы, свидѣтельствующія, что она хорошо знала родной языкъ [2]). Нѣмецкой литературой не интересовалась ни Екатерина, ни Гриммъ. Въ перепискѣ не упоминается ни Лессингъ, ни Гёте, ни Шиллеръ, ни даже Гердеръ, въ Россіи писавшій свои «Fragmente» [3]). А

печатанъ въ переводѣ на французскій языкъ! Подобное отступленіе отъ устава русскаго историческаго общества сдѣлано только для писемъ Гримма; начиная съ XLV т. русскіе документы печатаются опять безъ перевода на иностранный языкъ.

[1]) Письма Екатерины начинаются вслѣдъ за отъѣздомъ Гримма изъ Петербурга, въ 1774 году, и оканчиваются 19 октября 1796 г., причемъ встрѣчаются только два перерыва (съ 12 декабря 1791 г. по 4 апрѣля 1792 г. и съ 7 дек. 1792 г. по 13 апр. 1793 г.); письма же Гримма начинаются только съ 1779 г. и хотя оканчиваются 19 ноября 1796 г., но между 1783 и 1785 гг. нѣтъ ни одного письма.

[2]) Одно изъ своихъ „посланій“ Гриммъ не сшилъ,-листки перемѣшались, и Екатерина долго не могла даже найти нѣкоторыхъ среди своихъ бумагъ. Извѣщая объ этомъ Гримма, она продолжаетъ: „Nun habe ich sie, und werde sie schon durchhecheln als Flachs durch den Kamm. Ist dieses nicht wahrlich eine so schön ausgesonnene Vergleichung als selbst der ehrwürdige Homerus sie hätte dermalen aussinnen können“. Сборникъ, XXIII, 532.

[3]) J. G. Herder, 1744—1803, былъ съ 1764 по 1769 г. учителемъ и проповѣдникомъ въ Ригѣ, гдѣ и написалъ свой первый трудъ „Fragmente über die neuere deutsche Literatur“, въ 1767 г.

между тѣмъ, когда Фридрихъ II написалъ брошюру о нѣмецкой литературѣ, Екатерина сожалѣла, что ея «братъ» мало знакомъ съ новѣйшею литературою Германіи, а Гриммъ укорялъ Фридриха въ невѣдѣніи и литературы, и языка. Гриммъ писалъ Екатеринѣ: «Нельзя отрицать, что августѣйшій авторъ недостаточно знакомъ съ своимъ предметомъ и судитъ о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно видѣть, какъ великій государь, и, что̀ хуже еще, умный человѣкъ, посвящаетъ значительную часть дня чтенію, и, живя въ своемъ отечествѣ, столица котораго обладаетъ первоклассными писателями, ничего этого не знаетъ, даже не подозрѣваетъ, что его родной языкъ уже не тотъ, какимъ говорили и писали 60 или 80 лѣтъ назадъ; вполнѣ искренно не вѣдаетъ онъ ничего, что̀ писалось вокругъ него въ теченіе 40 лѣтъ, не знаетъ, какой переворотъ совершился и въ языкѣ, и въ головахъ нѣмецкихъ»[1]). Екатерина отвѣчала: «Что дѣлать! Онъ ужь осунулся: онъ мало кого видитъ, а когда принимаетъ кого, то самъ говоритъ, а другіе только слушаютъ; никто не рискуетъ противорѣчить ему — его боятся. Вотъ причины, почему ему многое неизвѣстно. Да и года что-нибудь значатъ. Въ 1740 году мы были молоды, теперь мы уже стары»[2]), и Екатерина начинаетъ восхвалять романы Николаи и повѣсти Тюммеля, ставя ихъ рядомъ съ произведеніями Вольтера!

Французскій языкъ въ письмахъ Гримма чище, складнѣе, чѣмъ въ письмахъ Екатерины. Это объясняется, прежде всего, тѣмъ, что Гриммъ постоянно жилъ среди парижскихъ литераторовъ и, наконецъ, тѣмъ, что Гриммъ обдумывалъ, обработывалъ свои «посланія», между тѣмъ какъ Екатерина писала ему на-скоро, въ видѣ забавы, для отдохновенія. «Вотъ еще два ваши письма, требующія отвѣта. Правда, тутъ же лежатъ два письма отъ прусскаго короля, три отъ шведскаго, два отъ Вольтера, втрое больше отъ Богъ знаетъ кого — всѣ они писаны и доставлены раньше вашихъ, но такъ какъ они

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 130.

[2]) Ibid., XXIII, 202, 208, 212, 228. Oh, comme on écrit bien en allemand, malgré les dépréciateurs de la littérature allemande. По ея мнѣнію, „Allgemeine Deutsche Bibliothek“, изд. Николаи, est une archive de génie, de raison, d'ironie etc.

меня вовсе не забавляютъ и на нихъ нужно еще писать отвѣты, а съ вами я просто болтаю, а не пишу вамъ (замѣтьте это — это ново), то я предпочитаю забаву и даю полную свободу моей рукѣ, перу и головѣ царапать все, что̀ имъ вздумается» [1]). Не говоря уже о письмахъ Екатерины къ Вольтеру, даже письма ея къ г-жѣ Жоффренъ и Бielke написаны болѣе правильнымъ языкомъ, чѣмъ къ Гримму. Дѣйствительно, она не писала ему письма — она болтала съ нимъ: почти ежедневно она записывала какой-нибудь заказъ, набрасывала какую-нибудь новость или отвѣчала на его запросъ; когда накоплялось такимъ образомъ нѣсколько листовъ, «цѣлый томъ», отъѣзжавшему курьеру поручалось сдать его изъ рукъ въ руки, Гримму, въ Парижѣ» [2]).

Частая переписка Гримма съ императрицей Россіи, пересылка курьеровъ изъ Петербурга въ Парижъ и обратно, исполненіе Гриммомъ заказовъ Екатерины не только во Франціи, но въ Италіи и другихъ странахъ, отправка въ Петербургъ художественныхъ произведеній, изготовленныхъ по требованіямъ императрицы, раздача русскихъ орденовъ, медалей, пособій и пенсій, жалуемыхъ Екатериною — все это естественно обращало вниманіе на Гримма. Мало кто зналъ полномочнаго министра саксенъ-готскаго, всѣ смотрѣли на Гримма, какъ на корреспондента русской императрицы, какъ на довѣренное, близкое Екатеринѣ лицо. «Эта пересылка курьеровъ — пишетъ Гриммъ — часто занимала воображеніе любопытныхъ, и чѣмъ болѣе я съ полною откровенностью увѣрялъ, что эти сношенія не имѣютъ никакого вліянія ни на политическую систему петербургскаго двора, ни на взаимныя отношенія европейскихъ кабинетовъ, тѣмъ менѣе мнѣ вѣрили. Русскіе путешественники, пріѣзжавшіе погостить въ Парижъ, бывали иногда столь высокомѣрны, что предполагали, будто я исключительно занимаюсь тѣмъ, что сообщаю императрицѣ объ ихъ связяхъ и похожденіяхъ; можетъ быть посланники Ея Величества при французскомъ дворѣ не всегда были спокойны относительно моей переписки, принимая меня за тайнаго и непріятнаго контролера. Великіе парижскіе политики,

---

[1]) Ibid., XXIII, 82.
[2]) Сборникъ, II, 337; XXIII, 197, 201; XXXIII, 59, 90, 91.

съ своей стороны, предполагая, что, долго проживъ во Франціи, я хорошо знаю ее, удостоивали меня чести думать, что я вслѣдствіе того могъ быть интереснымъ для императрицы и очень опаснымъ для Франціи. Они думали, что въ Парижѣ и Версали не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустаго, безъ того, чтобы императрица не была увѣдомлена мною немедленно, со всѣми подробностями и величайшею точностію. Еслибы они могли ознакомиться съ этой объемистою перепискою, они очень удивились бы, не найдя въ ней ни одного изъ тѣхъ именъ, которыхъ искали бы... Я долженъ отдать министрамъ Людовика XVI ту справедливость, что безпрестанная присылка ко мнѣ курьеровъ не возбуждала въ нихъ подозрѣній и никогда не безпокоила ихъ» [1]).

И не могла безпокоить: зная Гримма, никто не считалъ возможнымъ, чтобы Екатерина могла вести съ нимъ переписку, имѣющую политическое или государственное значеніе. Трудно себѣ представить, до чего пусты и ничтожны письма Гримма по содержанію, до чего они скучны и тупы по языку. Это, собственно, даже не письма, а длиннѣйшіе отчеты [2]) объ исполненіи заказовъ императрицы, причемъ, кое-гдѣ и кое-когда, Гриммъ присоединяетъ вновь вышедшую книгу и обязательно въ каждомъ отчетѣ рекомендуетъ императрицѣ кого-нибудь, выпрашиваетъ у нея орденъ, пенсію, какую-нибудь подачку себѣ, близкимъ или нужнымъ ему людямъ [3]). Все это, отъ начала до конца, приправлено самою низкою

[1]) Ibid., 338, 339.

[2]) Гриммъ называетъ ихъ докладами и сопровождаетъ однимъ и тѣмъ же, непремѣнно нѣмецкимъ заголовкомъ: Allerunterthänigster höchst eilfertiger Vortrag (всеподданнѣйшій наиноспѣшнѣйшій докладъ).

[3]) Чтобы не быть голословными, приводимъ точное указаніе всѣхъ 26 лицъ, для которыхъ Гриммъ выпрашиваетъ чего-нибудь въ упомянутыхъ 18-ти изданныхъ „докладахъ“: Рейфенштейнъ (стр. 9, 21), Филидоръ (29, 33, 89, 139), Эпинэ (37, 124, 197, 227, 231), Жилле (41, 75, 103, 202), Даньеръ (42, 119), Одэ (50), Эннери (61), Бретэль (62, 199), Огюстъ (65), Трэншенъ (84), Галлеръ (103, 407), Н. П. Румянцовъ (106), Гуттенъ (111), Седэнъ (124), Мого (129), Казеттъ (152), Лепаонъ (155), Пухельбергъ (163), Гуэль (192), Клериссо (209), Гюберъ (236), Бирономъ (237), Шёнбергъ (268, 315), Лебренъ (309), Булье (353), Ларошъ (XLIV, 235). Не ручаемся, конечно, за полноту нашего списка. Дѣло въ томъ, что онъ сдѣланъ по „докладамъ“ Гримма, которые далеко не всѣ изданы; въ письмахъ Екатерины встрѣчается еще нѣсколько именъ, что и даетъ право заключать, что каждый докладъ сопровождался подобной просьбой.

лестью и изрѣдка тупыми, чисто нѣмецкими остротами. Отчетъ, помѣченный 1-мъ января 1781 г., начинается такъ:

«Государыня. Не надо, чтобы греческій годъ начался безъ принесенія мною къ стопамъ моей августѣйшей и безсмертной Монархини дани признательности съ пожеланіями моими и выраженіемъ глубочайшаго, я могъ бы прибавить нѣжнѣйшаго уваженія, и со всѣми тѣми эпитетами, которые удобно во всѣхъ возможныхъ значеніяхъ присоединить къ этому слову; ибо боги принимаютъ всѣ подобныя приношенія, и всякое истинное благоговѣніе заключаетъ въ себѣ сосредоточенный огонь и нѣжность. Если найдется, не говорю въ имперіи Вашего Императорскаго Величества, но въ цѣломъ мірѣ кто-нибудь, возъимѣвшій претензію превзойти меня въ привязанности къ нашей Императрицѣ, пусть онъ покажется, и я выскажу ему, что онъ солгалъ, а что всего хуже, докажу ему это, будь онъ даже изъ Риги или Нарвы. Короче, пусть мнѣ не горячатъ голову, потому что сердце достаточно горячо.

«Надо теперь отдать отчетъ Вашему Величеству въ томъ, какъ я прожилъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ истекшаго года. По полученіи той императорской грамоты, которая начата была въ Псковѣ, продолжалась въ Полоцкѣ и окончена была въ Могилевѣ, и которую я не иначе могу назвать, какъ прелестной, небесной и незабвенной[1]), я, конечно, исполнился слишкомъ большой гордости, блаженства и тщеславія. Милосердый Богъ не хочетъ, чтобы дѣти его плавали въ благополучіи. Среди вседневныхъ поученій, которыми Его небесная благость заботливо приправляетъ жизнь мою, я обременилъ свою августѣйшую и sississime благодѣтельницу множествомъ посланій, докладовъ и другихъ пустяковъ. Не видя отвѣта на свои пошлости, я сначала жилъ всѣмъ запасомъ философіи, который имѣлъ въ своей сумкѣ. Я сказалъ себѣ: послѣ урожайнаго года наступаетъ голодный годъ; это очень просто; надо переносить это съ покорностію и мужествомъ, пока императорскому провидѣнію угодно будетъ оживить тебя благодѣтельнымъ взглядомъ; оно хорошо знаетъ, что можетъ располагать по волѣ своей жизнью и

---

[1]) Эта фраза въ текстѣ на нѣмецкомъ языкѣ: die ich nicht anders als prächtig, göttlih und unvergesslich nennen kann.

смертью своего многострадальнаго. Я былъ тогда далекъ отъ мысли, что Императрица почти каждый день занимается тѣмъ, что пишетъ ко мнѣ страничку или двѣ, и что ея благотворительность изготовляетъ мнѣ новую незабвенную грамоту, безсмертное произведеніе, обнимающее болѣе чѣмъ шесть недѣль, и которое одинъ изъ курьеровъ долженъ былъ привезти мнѣ. Не будучи въ состояніи ни предвидѣть, ни предположить такую невѣроятную вещь, я все жилъ своимъ запасомъ философіи, который отъ одного почтоваго дня до другаго замѣтно истощался. Когда я остался непричемъ, я сказалъ себѣ: ты, бѣдный цвѣточекъ, долженъ теперь увянуть, потому что твоя небесная Садовница тебя забыла [1]). Ко мнѣ привязалась лихорадка, я слегъ и надѣялся окончить свое поприще, благословляя ее. Мой старый гувернеръ Тиръ [2]) чуть не доконалъ меня. Онъ предсталъ предо мною неожиданно. Я тогда еще недостаточно поправился, чтобы кого-нибудь принимать, и люди мои отослали его, не предупредивъ меня. Когда я узналъ это, я велѣлъ бѣжать за нимъ, вернуть его. Имя его меня оживило. Я сказалъ себѣ: вотъ роса небесная, сошедшая освѣтить увядающій цвѣтокъ; рука Императрицы съ нимъ. Ничуть не бывало: мой гувернеръ пріѣхалъ изъ Штутгарта и Монбельяра, куда графъ Панинъ послалъ его по особому порученію, и съ нимъ не было ни небесной росы, ни императорской руки. Тогда я опять склонилъ голову и сказалъ себѣ: ну, теперь ты долженъ увянуть. Но та, которой благодѣтельный геній поддерживаетъ и пробуждаетъ жизнь величайшаго изъ существующихъ государствъ, сказала тогда: ну, нѣтъ, ты не увянешь. И ея небесный и императорскій ангелъ по имени Принчипати [3]), потому что ангелъ значитъ вѣстникъ, вошелъ ко мнѣ, и при видѣ грамоты непомѣрной толщины я былъ возвращенъ къ жизни. Всего менѣе удивительно

---

[1]) Опять нѣмецкая вставка: du, armes Blümlein, musst nun verwelken, denn deine himmliche Gärtnerin hat deiner vergessen.

[2]) Георгій Тиръ, Thier, подполковникъ, состоявшій при коллегіи иностранныхъ дѣлъ для курьерскихъ посылокъ. Такъ XXXIII, 549; иначе XXIII, 728: «пріѣзжій изъ Франціи педагогъ"; еще иначе XLIV, 869: „pedagogue". „Гувернеръ"—нѣмецкая острота Гримма.

[3]) Тоже нѣмецкая острота: ангелъ, дѣйствительно, значитъ вѣстникъ, и первый чинъ третьяго чина ангеловъ называется по-итальянски Principati т. е. il primo ordine della terza gerarchia; у насъ Господства.

то, что садовникъ Троншенъ приписывалъ себѣ это чудо, сдѣлавъ мнѣ внезапно, ночью, кровопусканіе изъ ноги, хотя онъ величайшій противникъ кровопусканій, какого я когда-либо зналъ. Я не хотѣлъ его вывести изъ этого пріятнаго заблужденія, ни сообщить ему, что еслибъ вѣстникъ Принчипати не появился предо мною на другой день и не оживилъ меня, показавъ моему слабѣющему взору буквы августѣйшаго письма, предъ которымъ я простираюсь двадцать разъ въ день, чудо садовника Троншена никакъ не достигло бы своей цѣли...

«Ваше Величество, не въ укоръ будь сказано, привели мою кровь въ такое воспаленное состояніе, что я не знаю, какъ съ нею справиться. Вотъ что̀ значитъ побывать вблизи императорскаго треножника: пламя переходитъ на васъ, и если вы сотканы изъ ткани не довольно плотной, чтобы быть несгораемымъ, вы и ткань ваша сгорите во мгновеніе ока. Я въ этомъ положеніи, Государыня, и хорошо, еслибы я милостью Божіею загорѣлся и сгорѣлъ отъ лучей славы, сіяющихъ вокругъ августѣйшаго и священнаго чела моей Монархини, тогда смерть моя была бы слишкомъ славною» [1]), и т. д.

И такъ десятки страницъ, вѣрнѣе, весь текстъ, за исключеніемъ строкъ, посвященныхъ фактическому отчету. Конечно, скучно читать подобную галиматью и ее никоимъ образомъ нельзя объяснять какими-то особенностями XVIII вѣка, будто-бы не знавшаго границъ въ своихъ любезностяхъ—ничего подобнаго не встрѣчается въ изданной нынѣ перепискѣ всѣхъ выдающихся дѣятелей прошлаго вѣка. Гримма нельзя даже назвать виртуозомъ лести; его лесть груба, тяжела и всегда одна и та же, по шаблону: какъ только курьеръ привезетъ письмо Екатерины, Гриммъ тотчасъ лобызаетъ «священныя буквы августѣйшей грамоты»; Екатерина постоянно или «Греческая Императрица» или «Минерва Гиперборейская», ея посланія постоянно и всегда «божественны» [2]). Его остроуміе въ лести не шло дальше пошлаго желанія быть погребеннымъ рядомъ

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 89—93. Мы привели переводъ русскаго историческаго общества, исправивъ только наиболѣе грубыя ошибки.

[2]) Сборникъ, XXXIII, 19, 43, 46, 59, 99, 108, 109, 112, 120, 128, 138, 141, 150, 152, 181, 194, 221, 230, 244, 249 sqq.

съ собачками императрицы [1]). «Культъ Екатерины» заставляетъ Гримма даже богохульствовать, но съ чисто нѣмецкою тупостью. Такъ, выпрашивая у Екатерины камей, изображающій ея профиль, Гриммъ пишетъ: «Это профиль одной изъ великолѣпнѣйшихъ головокъ, какія удалось всемогущему Токарю выпустить изъ своей мастерской, съ тѣхъ поръ какъ Онъ занимается выдѣлкой головъ вкривь и вкось. Оттого увѣряютъ, скажу мимоходомъ, что когда Онъ увидѣлъ свое произведеніе, Онъ тотчасъ принялъ важный видъ бургомистра дармштадтскаго, щелкнулъ по своей табакеркѣ изъ вареной кожи, взялъ щепотку табаку съ самодовольной и самоувѣренной миной, и сказалъ, покашливая: да, да, изъ этой головки выйдутъ чудесныя дѣла въ продолженіи восемнадцатаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ» [2]). Въ своихъ недостаткахъ Гриммъ такъ обвиняетъ Господа Бога: «Великій Токарь, занятый созданіемъ, которое онъ предполагалъ на 1729 годъ въ Штетинѣ, былъ, въ теченіе десяти лѣтъ, предшествовавшихъ этому чудесному году, очень скупъ на всѣ хорошія приправы, чтобы ихъ соединить и вложить въ эту единственную форму, и когда онъ замѣтилъ, что успѣхъ превзошелъ его ожиданія, то въ первомъ движеніи радости необдуманно разбилъ свою форму, такъ что съ тѣхъ поръ онъ ничего не создалъ годнаго, и вотъ истинный и немногимъ извѣстный ключъ къ пониманію того, почему такіе долгіе годы неурожая предшествовали и послѣдовали за великимъ штетинскимъ чудомъ» [3]). Подобная лесть возмущала Екатерину: «Я получила книгу «Catharina in ihrer Thaten». Послушайте, непозволительно же такъ безцеремонно хвалить людей, не прослывъ отъявленнымъ льстецомъ, да оно такъ и есть. Если вѣрить вамъ, я стала, на старости лѣтъ, образцомъ государей! О, Боже мой, Боже мой, какой дурной образецъ, если вѣрить всему дурному, что̀ говорили и говорятъ еще про меня. И къ чему эта литанія похвалъ, на что̀ она? Это длинно, это скучно,—и баста».

Лесть свидѣтельствуетъ о зломъ сердцѣ, тупость—о тяжеломъ

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 184, 243, 247 sqq.

[2]) Ibid., XXXIII, 161.

[3]) Рожденіемъ принцессы Софіи цербстской, т. е. Екатерины II. Сборникъ, XXXIII, 366. Тѣмъ же характеромъ отличается пародія на 40-й псаломъ (132), насмѣшка надъ Евангеліемъ (165), надъ словами Христа (175), надъ изреченіемъ: „сердце царево въ рукѣ Божіей“ (190) и т. п.

умѣ. Остроты Гримма крайне тупы: онъ желалъ бы «прибавить еще одну пуговку къ сюртучку своего безсмертія»; при видѣ князя Орлова, онъ готовъ «плакать какъ теленокъ»; почтовые чиновники перлюструютъ письма Екатерины II, «не потерявъ ни одной затяжки изъ своей трубки табаку»; ему нужна «нѣмецкая флегматичность, чтобы мысли Екатерины не сбросили его съ ногъ всѣми четырьмя копытами вверхъ» [1]), и т. п. Эти вымученныя остроты, непремѣнно на льстивой подкладкѣ, ни мало не содѣйствуютъ живости изложенія.

Фактическая, дѣловая сторона переписки Гримма, его счеты [2]) очень важны и поучительны. Не всѣ еще счеты изданы, но по «Вѣдомости о деньгахъ, переводимыхъ къ статскому совѣтнику барону Гримму», хранящейся въ Придворномъ Архивѣ, оказывается, что въ теченіе 32 лѣтъ, съ 1765 по 1797 г., Гримму было переслано менѣе 500.000 рублей [3]), т. е. среднемъ числомъ, менѣе 15.000 руб. въ годъ расходовалось на заказы и покупки, исполнявшіяся за границею чрезъ посредство Гримма. Пятнадцать тысячъ въ годъ — сумма болѣе чѣмъ скромная, и всѣ толки о «расточительности» Екатерины въ этомъ отношеніи должны быть признаны вполнѣ неосновательными. Конечно, Гриммъ, съ своей точки зрѣнія, былъ правъ, когда писалъ: «Я довольно дорого стою императрицѣ съ тѣхъ поръ, какъ по своему званію многострадальнаго расточаю ея деньги направо и налѣво» [4])—для Гримма, выросшаго въ бѣдности, если не въ нуждѣ, ежегодный расходъ въ 15.000 рублей естественно казался чрезмѣрнымъ. Между тѣмъ, довѣрять Гримму, когда онъ «радуется», получивъ отъ Екатерины категорическое увѣдомленіе, что она «ничего болѣе покупать не будетъ», тоже нельзя: Гриммъ только и жилъ этими покупками — не будетъ заказовъ, не нуженъ будетъ и коммиссіонеръ. «У меня совѣсть не спокойна, когда я ду-

---

[1]) Ibid., XXXIII, 55, 56, 67, 71, 149, 181, 207.

[2]) Сборникъ, XXXIII, 74, 188, 312, 414, 420.

[3]) Всего, по вѣдомости, Гримму было переслано: 306.441 р., 253.279 ливровъ (82.850 р.) и 200 000 голландскихъ гульденовъ (108.000 р.), что составитъ приблизительно 477.290 рублей. Въ эту сумму входятъ 44.000 жалованья Гримму, за 22 года, по 2.000 р. въ годъ, и 11.160 р. платы за „Correspondance Littéraire“, за 31 годъ, по 360 р. въ годъ. Сборникъ, XXIII, 705.

[4]) Ibid., 115.

маю обо всѣхъ деньгахъ, которыя я извлекъ изъ императорской шкатулки», пишетъ Гриммъ въ февралѣ 1781 года; а чрезъ полгода, въ августѣ: «Во мнѣ нуждаются для громадныхъ запасовъ, необходимыхъ прихотливости, и вотъ что чудесно избавляетъ меня отъ погибели. И потому моя молитва содержитъ только одинъ стихъ: чтобы Господь сохранилъ прихотливые вкусы Своей помазанницы, и избавилъ бы отъ кладезя забвенія многострадальнаго коммиссіонера» [1]).

Пользуясь тѣмъ, что не вся еще переписка Гримма съ Екатериной II обнародована, мы могли бы оставить безъ разрѣшенія вопросъ о безкорыстіи Гримма, какъ коммиссіонера, поставщика и маклера [2]). Но намъ кажется, что и напечатаннаго матерьяла вполнѣ достаточно, чтобы отвѣчать на вопросъ утвердительно. Гриммъ могъ быть обманываемъ, но самъ онъ не обманывалъ Екатерину; по крайней мѣрѣ, нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было хотя бы заподозрить его маклерскую честность. Устроивъ покупку кабинета Цукмантеля за 30.000 ливровъ, Гриммъ пишетъ: «Люди, которымъ я довѣряю, убѣждаютъ меня, что этотъ кабинетъ уступленъ за безцѣнокъ, и что императрица никогда еще ничего не пріобрѣтала такъ дешево». По поводу покупки картинъ въ Римѣ, Гриммъ писалъ «завѣдомую ложь» римскому корреспонденту: «Недавно, въ одномъ обществѣ, гдѣ не подозрѣвали, что это дѣло меня интересуетъ, одинъ путешественникъ много распространялся на счетъ огромныхъ покупокъ императрицы россійской въ Римѣ, прибавляя къ этому, что императрица покупаетъ все очень дорого и что сами римляне дивятся, какія цѣны она платитъ». Отправляя въ Петербургъ два брильянта своей возлюбленной г-жи Эпинэ, купленные Екатериной, Гриммъ прибавлялъ: «Увидя эти брильянты, мой укладчикъ очень утѣшилъ меня, самъ того не подозрѣвая, восклицаніемъ: Ахъ, какъ они превосходны! Я спросилъ его, во сколько онъ цѣнитъ ихъ на первый взглядъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что они могли бы стоить отъ 25 до 30 тысячъ ливровъ. Очень жаль, что уклад-

[1]) Ibid., 105, 116, 164, 184, 217.

[2]) Это безкорыстіе заподозрѣвается даже Я. Гротомъ: „Для Гримма лично всякая война Россіи была невыгодна: императрица прекращала по этому поводу всѣ заказы и траты за границей“ (стр. 479).

чикъ не золотыхъ дѣлъ мастеръ. Еслибъ его авторитетъ имѣлъ какой-нибудь вѣсъ, я вспрыгнулъ бы какъ козленокъ отъ радости, что доставилъ Вашему Величеству дешевую покупку» [1]). Конечно, очень несимпатична продажа брильянтовъ «подруги сердца», весьма наивна оцѣнка ихъ укладчикомъ, чѣмъ-то ребяческимъ отзывается «завѣдомая ложь» о римскихъ картинахъ, но едва-ли, однако, подобныя заявленія могутъ оправдать нападки на Гримма въ этомъ отношеніи.

Быть можетъ, не изданныя еще письма Гримма къ Екатеринѣ II представляютъ наибольшій интересъ? Такъ, по крайней мѣрѣ, должно бы заключить изъ признаній самого же Гримма: «Хоть и рѣдко, тѣмъ не менѣе случалось, что императрица, считая неудобнымъ обыкновенный министерскій порядокъ сношеній, поручала мнѣ дать уразумѣть что-либо французскому министерству, но въ этихъ случаяхъ имя императрицы оставалось въ сторонѣ, и я возвѣщалъ лишь плодъ личныхъ моихъ разсужденій, основанныхъ на познаніи коренныхъ убѣжденій государыни. Министры Людовика XVI равнымъ образомъ заставляли меня довольно часто принимать порученія по такимъ дѣламъ, которыя они хотѣли изъять изъ общаго теченія. Я замѣтилъ имъ, что я прежде всего русскій, что ежели они намѣрены были говорить неправду, или дѣйствовать противно словамъ своимъ, то напрасно обращались ко мнѣ, потому что, еслибы имъ и удалось внушить мнѣ ложное довѣріе, то и въ такомъ случаѣ имъ не удастся ни минуты обмануть императрицу относительно настоящихъ ихъ намѣреній. Отдавая Ея Величеству отчетъ объ этихъ переговорахъ, я въ точности излагалъ порядокъ, въ которомъ все происходило, содержаніе вопросовъ и отвѣтовъ, присовокупляя и личное мое мнѣніе; сообщая мнѣ свой взглядъ, императрица постоянно одобряла мое поведеніе. Я долженъ отдать ту справедливость французскому министерству, что оно никогда меня не обманывало; я помню, что именно въ негоціаціяхъ съ Портою объ уступкѣ Тавриды, министерство въ точности исполнило все, что было мнѣ объявлено и что казалось не совсѣмъ правдоподобнымъ въ то время» [2]). Это весьма важное показаніе Гримма едва-ли за-

[1]) Ibid., 37, 115, 165.
[2]) Сборникъ, II, 340.

служиваетъ полнаго довѣрія. Неизданныхъ писемъ Гримма мы не читали; письма же Екатерины изданы, и въ нихъ нѣтъ указаній на подобныя порученія Гримму вести какіе-либо переговоры съ французскимъ министерствомъ. Не въ характерѣ Екатерины дѣйствовать помимо «обыкновеннаго министерскаго порядка сношеній» и даже прямое указаніе Гримма на вопросъ о присоединеніи Крыма не оправдывается письмами Екатерины, какъ, равнымъ образомъ, Екатерина никогда не выражала «одобренія его поведенію». Только лишь по выѣздѣ Гримма изъ Парижа, когда уже были прекращены всякія сношенія съ французскимъ министерствомъ, Гриммъ исполнялъ иногда дипломатическія порученія [1]), касавшіяся французскихъ принцовъ, покинувшихъ Францію.

Читать въ настоящее время доклады, отчеты, письма Гримма, какъ бы они ни назывались, чрезвычайно тяжело. Слова нѣтъ, обнародованіе частной переписки есть во всякомъ случаѣ большое испытаніе; для Гримма же изданіе его писемъ къ Екатеринѣ является вполнѣ заслуженною карою. Онъ самъ рисуетъ себя въ нихъ въ крайне несимпатичномъ свѣтѣ. Не то съ письмами Екатерины къ Гримму. Насколько его письма скучны, плоски, ничтожны, настолько ея живы, искренни, значительны. Эти «наброски», пересылавшіеся Гримму, заключаютъ мысли, думы Екатерины, ея намѣренія, ея мечтанія. Въ нихъ вся Екатерина, все ея внутреннее существо. Величіе Екатерины, даже ея слава не были бы понятны безъ этихъ комментаріевъ, ею самою начертанныхъ во всѣ минуты жизни, тяжелыя и свѣтлыя.

Не политическія стремленія Екатерины, а ея личныя свойства ярко выступаютъ наружу въ этихъ письмахъ къ Гримму; она является въ нихъ не политикомъ, а человѣкомъ. Конечно, говоря о коронованныхъ особахъ такого пошиба, какъ Екатерина II, трудно отдѣлить политика отъ человѣка, трудно до невозможности. Подобно Петру I, Екатерина II, своими учрежденіями и побѣдами, своими дѣлами и словами, представляется настолько интересною личностью, что является потребность узнать эту личность вполнѣ, со всѣхъ сторонъ; но узнать ее вполнѣ нельзя, не изучивъ, какую

[1]) Русская Старина, LXXVI, 15.

роль въ ея жизни играла политика, такъ какъ именно Екатерина ставила выше всего интересы государственные и приносила имъ въ жертву всѣ другія соображенія и чувствованія.

Не беремся за невозможное и, прежде всего, опредѣлимъ точку зрѣнія, согласную съ условіями и взглядами прошлаго вѣка: Екатерину нельзя узнать ни какъ человѣка, ни какъ политическаго дѣятеля, если примѣнять къ ней мѣрку нашего времени.

Великіе люди всегда честолюбивы; Екатерина была къ тому же и тщеславна. Она съ удовольствіемъ слушала, что ея профиль—тотъ же профиль Александра Македонскаго [1]); она приходила въ восторгъ, когда представители общественнаго мнѣнія въ Европѣ величали ее повелительницей Востока, насадительницей цивилизаціи, Семирамидой Сѣвера. Всѣ современники, близко знавшіе Екатерину и писавшіе о ней—Сегюръ и Де-Линь, Дашкова и Грибовскій—говорили, что она стремилась къ славѣ, что честолюбіе и славолюбіе были главнымъ зачаткомъ ея дѣятельности [2]). Но какой же славы? Когда Гриммъ прислалъ Екатеринѣ хвалебное посланіе по случаю тешенскаго мира, она отвѣчала ему: «Хотите, я скажу вамъ, что я думаю объ этомъ тешенскомъ мирѣ, который вы такъ восхваляете, и о славѣ, которою, по вашимъ словамъ, покрыли себя умиротворители? Въ жизнь свою я не полагала славы въ дѣйствіяхъ наиболѣе превозносимыхъ; всякій превозноситъ или не превозноситъ, смотря по личному усмотрѣнію. Но, по мнѣ, слава не въ этомъ: слава, которая мнѣ нравится, есть та слава, которая менѣе всего превозносится; это та слава, которая не только производитъ благо въ настоящее время, но и создаетъ въ будущемъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ. Эта слава посѣвается иногда однимъ словомъ или одной строчкой, прибавленной или убавленной. Это та слава, которой самые ученые мужи ищутъ иногда съ фонаремъ въ рукѣ и, наткнувшись на нее носомъ, ничего не поймутъ въ ней, если у нихъ недостаетъ генія, способнаго къ развитію. Ахъ, государь мой, одна капля такой славы за-

---

[1]) Сборникъ, XXXIII, 70, 106.

[2]) Іосифъ II пишетъ Кауницу: Il faut savoir qu'on a à faire avec une femme qui ne se soucie que d'elle et pas plus de la Russie que moi; ainsi il faut la chatouiller. Sa vanité est son idole. Arneth, 35.

тмеваетъ въ моихъ глазахъ всѣ мелкія славы, о которыхъ говорятъ мнѣ»[1]). Вотъ въ чемъ единственно состоялъ весь идеализмъ этой великой реалистки. Она часто насмѣхалась надъ идеалистами, особенно надъ Дидро. «Въ своихъ преобразовательныхъ планахъ — сказала Екатерина Дидро — вы упускаете изъ виду разницу нашего положенія: вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ; ваша фантазія и ваше перо не встрѣчаетъ препятствій; но бѣдная императрица вродѣ меня трудится надъ человѣческой шкурой, которая весьма чувствительна и щекотлива»[2]).

Екатерина вѣрила, конечно, въ прогрессъ; но, какъ и всѣ лучшіе люди въ XVIII вѣкѣ, она была убѣждена, что прогрессъ зависитъ вполнѣ и единственно отъ законодательныхъ мѣръ. Въ чемъ бы ни заключался государственный идеалъ Екатерины, надежнѣйшія средства къ его достиженію она видѣла въ законахъ, указахъ, регулятивахъ всякаго рода. Полушутя-полусерьезно, она часто извѣщаетъ Гримма, что страдаетъ «законодательною маніею», législomanie, какъ она называла свою болѣзнь. При самомъ началѣ переписки съ Гриммомъ, въ 1775 г., она пишетъ ему: «Вотъ вамъ новость: появилась новая болѣзнь, называемая маніей законодательства, и говорятъ, будто русская императрица одержима ею во второй уже разъ: въ первый разъ императрица только установила принципы; теперь же началось самое дѣло»[3]). Постоянно извѣщая Гримма о всѣхъ своихъ законодательныхъ работахъ, посылая ему даже переводы нѣкоторыхъ указовъ[4]) и манифестовъ, Екатерина оставила намъ собственноручное свидѣтельство, что манія законодательства не покидала ее во всю жизнь. Въ 1788 г. она сообщаетъ Гримму: «Я работаю, какъ лошадь, и мои секретари, числомъ четыре, не успѣваютъ уже; нужно увеличить число секретарей. Я поглощена писаніемъ и то и дѣло выражаю мои мысли чернилами.

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 165.

[2]) Записки гр. Сегюра, 143.

[3]) Сборникъ, XXIII, 13.

[4]) Изъ письма отъ 12 апрѣля 1775 г.: „Въ жизнь свою я столько не царапала, какъ теперь. Я царапаю краснорѣчивые манифесты, которые будутъ дурно переведены: въ манифестахъ болѣе мыслей, чѣмъ словъ, а у переводчиковъ обыкновенно болѣе словъ, чѣмъ мыслей. Если вы встрѣтите такой переводъ, то плюньте и не читайте его". Сборникъ, XXIII, 21.

Въ жизнь мою я столько не писала». Ни болѣзнь, ни война, ничто не излѣчивало Екатерину отъ этой маніи. «Несмотря на болѣзнь, я изготовила въ этомъ мѣсяцѣ три указа, изъ которыхъ одинъ уже подписанъ, второй переписывается, а третій находится еще въ чистилищѣ моихъ секретарей». Къ началу второй турецкой войны относится слѣдующее извѣстіе: «Въ началѣ войны я ни о чемъ болѣе не думала, какъ только о войнѣ, и теперь надо наверстать потерянное для законодательныхъ работъ время; это не такъ-то легко». На предложеніе Гримма праздновать 20-ти-лѣтіе царствованія, Екатерина отвѣчала: «Я не люблю праздниковъ въ мою честь. Когда я издамъ какой-нибудь добрый законъ, вотъ это мой праздникъ, и я веселюсь»[1]). Эта страсть законодательствовать вызываетъ въ насъ только улыбку; но и сама, вѣдь, Екатерина подтрунивала надъ своей «легисломаніей»; къ тому же должно помнить, что въ основѣ этой страсти лежали самыя благія намѣренія. Она не останавливалась на мелочахъ, не страдала бюрократизмомъ, а имѣла въ виду общія начала, заимствованныя ею у Монтескье и Блэкстона, и стремилась ко благу народа. Это лучше всего видно изъ слѣдующей ея жалобы: «Законодательство идетъ кое-какъ, ни шатко, ни валко. Я нахожу то тамъ, то сямъ отдѣльные взгляды, но нѣтъ ничего цѣлаго, общаго. Эта цѣльность, гдѣ все устанавливалось само собою, одно такъ, другое иначе, въ извѣстной рамкѣ, никогда не выступая изъ предѣловъ, теперь окончательно потеряна и давно уже ея нѣтъ и слѣдовъ»[2]).

Съ этой стороны, Екатерина, руководствующаяся такими учителями, какъ Монтескье и Блэкстонъ, являлась для философовъ съ самой симпатичной стороны и естественно возбуждала въ нихъ удивленіе. Ея всегдашняя любезность къ «принцамъ мысли», ея щедрая готовность явиться къ нимъ на помощь, ея свободомысліе и терпимость покорили сердца всѣхъ философовъ. Но ея внѣшняя политика относительно Польши и Турціи? Какъ относились философы къ раздѣлу Польши и къ присоединенію Крыма?

Мы теперь такъ уже привыкли слышать о «преступности»

---

[1]) Ibid., 20, 22, 39, 46, 205, 206, 440.
[2]) Сборникъ, XXIII, 61.

уничтоженія Польши и о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи относительно Турціи, что совершенно упускаемъ изъ виду взгляды современниковъ Екатерины на поляковъ и турокъ. А эти взгляды очень любопытны. Не только Вольтеръ, Дидро, Д'Аламберъ, даже польскій король Станиславъ-Августъ, по его письмамъ къ г-жѣ Жоффренъ, видѣли въ Польшѣ и въ Турціи лишь два очага религіознаго фанатизма и политическаго произвола. Въ глазахъ философовъ, Екатерина, въ ея польскихъ и оттоманскихъ дѣлахъ, являлась поборницей терпимости, просвѣщенія, справедливости и порядка. Поляки представлялись въ то время такими же отъявленными-варварами, какъ и турки. Чувство національности не было извѣстно прошлому вѣку, и католицизмъ не пользовался тогда тѣмъ вліяніемъ, которое позже, въ XIX вѣкѣ, такъ помогло полякамъ въ дѣлѣ возбужденія симпатій къ ихъ родинѣ. Паденіе Польши разсматривалось современниками Екатерины, какъ неизбѣжное явленіе, подготовленное самими поляками. Въ 1780 г., слѣдовательно уже послѣ перваго раздѣла Польши, въ Парижѣ жила молодая полька Годская, бывшая замужемъ за княземъ Сангушко; Гриммъ пишетъ о ней: «Пріятно слышать, какъ она говоритъ о русской императрицѣ и заставляетъ молчать людей, позволяющихъ себѣ толковать о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ даже первоначальныхъ понятій. Надо видѣть, съ какою легкостью она разгоняетъ, смущаетъ и уничтожаетъ подобныхъ враліей. По поводу важныхъ обстоятельствъ, касающихся событій въ Польшѣ, она исправляла свѣдѣнія лицъ, которыя по своему положенію должны бы лучше знать дѣло. На дняхъ, въ довольно многочисленномъ кружкѣ, она такъ охарактеризовала духъ правительства въ трехъ участкахъ Польши: замѣтивъ, что почва Бѣлоруссіи худшая изъ всѣхъ трехъ, «еслибъ у меня была земля въ прусскомъ участкѣ—сказала она—я сочла бы за счастье потерять половину для того, чтобъ перенести другую въ Бѣлоруссію, а еслибы мои земли были въ австрійскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссіи». При этомъ она подробно развила причину подобнаго желанія и его степеней[1])». Въ 1790 году, Гриммъ пишетъ Екате-

[1]) Ibid., XXXIII, 150.

ринѣ: «Когда, зимою, передъ открытіемъ Народнаго Собранія, я подмѣтилъ среди возбужденія умовъ первые зародыши общественнаго безумія, я иногда осмѣливался говорить имъ, шутя: «Вижу, что вы хотите выдумать свободу и превзойти своимъ геніемъ англичанъ и американцевъ; но постарайтесь не отстать отъ поляковъ». Я тогда думалъ, что произношу злую шутку; теперь я не нанесу какому-нибудь польскому сейму такого оскорбленія, чтобы приравнять его къ Національному Собранію»[1]). Вольтеръ восхваляетъ Екатерину, какъ «умиротворительницу» Польши, благодаритъ ее за данные полякамъ законы и за водвореніе порядка въ странѣ [2]).

Также точно одобряло общественное мнѣніе прошлаго вѣка и турецкую политику Екатерины. Въ то время была еще жива память о страшномъ вторженіи османовъ въ Европу, тогда говорили еще съ удивленіемъ о подвигахъ Собѣсскаго и принца Евгенія; тогда не былъ еще изобрѣтенъ «общеевропейскій интересъ», требующій, чтобъ лучшія земли міра страдали подъ турецкимъ игомъ! Въ прошломъ вѣкѣ, Вольтеръ громко проповѣдовалъ изгнаніе турокъ изъ Европы и громилъ поляковъ и турокъ, какъ враговъ цивилизаціи. «Будьте увѣрены — писалъ онъ Екатеринѣ — что вамъ принадлежитъ въ исторіи наиболѣе великое имя, но, ради Бога, побейте турокъ, побейте ихъ вопреки папскому нунцію въ Польшѣ, который такъ дружитъ съ турками.

De tous les préjugés destructrice brillante,
Qui du vrai, dans tout genre, embrassez le parti,
Soyez à la fois triomphante
Et du Saint-Père et du Mufti".

Вольтеръ не понималъ, какъ можно терпѣть въ Европѣ людей, которые «не любятъ стиховъ, не посѣщаютъ театровъ и не понимаютъ французскаго языка»; онъ «серьезно убѣжденъ, что турки будутъ изгнаны изъ Европы русскими», и неустанно проситъ Екатерину ополчиться на турокъ. «Скоро уже четыре года — пишетъ Вольтеръ въ 1772 году — какъ я проповѣдую крестовый походъ противъ турокъ. Я убѣжденъ, что св. Марія Терезія, въ согласіи съ

---

[1]) Ibid., 296.
[2]) Voltaire, LXXVIII, 141, 241, 251, 273 sqq.

св. Екатериной, также легко овладѣютъ Босфоромъ, какъ онѣ овладѣли Польшей, освободятъ всѣхъ прелестницъ султанскаго сераля и водрузятъ крестъ на св. Софіи. Какое прелестное зрѣлище: двѣ императрицы, взявъ Мустафу за уши, уводятъ его въ Азію» [1]). Гриммъ не иначе называетъ Екатерину, какъ «греческой императрицей» [2]).

Эти два вопроса, польскій и турецкій, не только не умаляли обаянія Екатерины, но, согласно взглядамъ современниковъ, возвеличивали ее. Это необходимо помнить, если желательно вѣрно оцѣнить и понять переписку Екатерины съ Гриммомъ.

Екатерина не противодѣйствовала, даже не противорѣчила, а предугадывала и предупреждала передовыхъ людей своего времени, когда писала Гримму: «Не трудитесь уничтожать польскую націю— она сама роетъ себѣ могилу. Поляки уничтожили недавно Постоянный Совѣтъ, это единственное учрежденіе, наблюдавшее за исполненіемъ законовъ. Не безпокойтесь: ихъ безумное ничтожество поведетъ ихъ отъ одной крайности къ другой, и наступитъ время, когда они сознаютъ свою глупость и почувствуютъ раскаяніе» [3]). Именно въ польскомъ вопросѣ Екатерина головой выше всѣхъ «философовъ» и политическихъ дѣятелей, крайне невѣжественныхъ въ исторіи, особенно же въ исторіи Польши. Въ 1795 году, во время окончательнаго раздѣла Польши, «политическій противникъ» Екатерины, прусскій министръ Герцбергъ высказывалъ мнѣніе о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ; Екатерина пишетъ по этому поводу Гримму: «Эта скотина Герцбергъ заслуживаетъ, чтобы его порядкомъ побили, — у него столько же познаній въ исторіи, какъ у моего попугайчика. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, ибо Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I старшему его сыну Изяславу, отъ котораго произошли князья Полоцкіе. Позже, великій князь литовскій отдалъ Литву своему сыну Святославу, не имѣвшему потомства. Пятый сынъ Ольгерда, Ягеллонъ, сталъ,

---

[1]) Voltaire, ibid., 29, 37, 251, 255, 273.
[2]) Сборникъ, XXXIII, 43, 46, 99, 112, 152 sqq.
[3]) Ibid., XXIII, 470.

въ 1386 г., королемъ Польши, принявъ латинство и женившись на Ядвигѣ, королевѣ польской. Онъ-то именно и присоединилъ Литву къ Польшѣ, но глупый, невѣжественный министръ ничего этого не знаетъ, при своемъ высокомѣріи онъ глупъ и грубъ, какъ померанскій быкъ. Онъ не знаетъ, что не только Полоцкъ, но и вся Литва до XVIII столѣтія производила во всѣхъ судахъ всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что всѣ акты литовскихъ архивовъ писаны русскимъ языкомъ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе въ нихъ ведется по нашему церковному обычаю отъ сотворенія міра, при чемъ указаны и греческіе церковные индикты. Это доказываетъ, что до XVII вѣка не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ греческое исповѣданіе было господствующимъ и что его исповѣдовали князья и великіе князья, что даже всѣ церкви, особливо же соборы, строились алтаремъ на востокъ, по обычаю восточной церкви. Если вамъ нужны еще доказательства, можете потребовать—правду доказать не трудно. Сверхъ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала части или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть при случаѣ еще болѣе побитъ за свое незнаніе народовъ, приписываемыхъ имъ къ владѣніямъ своего глупаго государя. Оселъ!» [1]). Гриммъ сообщаетъ Екатеринѣ, что поляки болѣе всего сожалѣютъ о своемъ имени и что ей совѣтуютъ пособить ихъ горю, принявъ титулъ королевы польской; Екатерина отвѣчаетъ: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли, я получила то, что̀ сами поляки не переставали называть Червонной Русью—Кіевское воеводство, Подолію и Волынь; Литва же никогда не была коренною частью Польши, равно какъ и Самогитія. Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди польской земли, я не могу принять и титулъ королевы польской. Сверхъ того, если эта нація потеряла даже свое имя, то мнѣ кажется, что вполнѣ заслуженно: она уничтожила всѣ договоры, обезпечивавшіе ея существованіе, никогда не слушала никакихъ доводовъ и дошла до такого разъединенія, что два человѣка ни въ чемъ не соглашались. Продажные, испорченные,

[1]) Ibid., 620.

легкомысленные, болтливые, притѣснители и прожектеры, отдавшіе свои имѣнія въ управленіе жидамъ, которые высасывали кровь изъ народа, а имъ давали весьма мало—вотъ каковы поляки! Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни пядью польской земли, и предлагаютъ мнѣ быть польской королевой! Передъ этимъ они просили у меня внука, у прусскаго короля сына, у вѣнскаго двора эрцгерцога, все заразъ; у курфюрста саксонскаго просили они дочку, у испанскаго короля инфанта, у бурбонскаго дома принца, а сами у себя установляли законъ, чтобъ имѣть только Пяста. Все это какъ-то укладывается въ польской головѣ, хотя во всемъ этомъ нѣтъ здраваго смысла» [1]).

Въ турецкомъ вопросѣ не нужно даже ничего объяснять—всѣ передовые люди вѣка раздѣляютъ взглядъ Екатерины, желаютъ ей успѣха. Въ ея войнахъ съ Турціею, въ первой и во второй, участвуютъ воины всѣхъ націй; во второй больше, чѣмъ въ первой, но и въ первой были французы, австрійцы, нѣмцы, англичане, датчане. Екатерина открыто настаиваетъ на значеніи именъ, выбранныхъ ею для своихъ внуковъ—Александръ, просвѣтитель Азіи, и Константинъ, основатель христіанскаго владычества въ Византіи. Вотъ какъ Екатерина извѣстила Гримма о рожденіи перваго внука: «Знаете вы господина Александра? Это вовсе не Александръ Великій, а Александръ очень маленькій, который родился 12 декабря 1777 года въ девять и три четверти часа утра, и который въ честь св. Александра Невскаго получилъ торжественное имя Александра. Но, Богъ мой, что-то выйдетъ изъ мальчугана? Я утѣшаю себя Бэйлемъ и отцомъ Тристрама Шанди, которые того мнѣнія, что имя вліяетъ на лицо, а это имя знаменито; многіе великіе люди его носили, лишь бы негодяи не попали въ эту компанію» [2]). Два года спустя, по рожденіи втораго внука: «Меня спрашивали, кто будетъ крестнымъ отцомъ; я отвѣчала: только мой лучшій другъ Абдулъ Гамидъ могъ бы имъ быть, но такъ какъ христіанинъ не можетъ быть крещенъ туркомъ, по крайней мѣрѣ окажемъ ему почетъ, назвавъ ребенка Константиномъ. Всѣ тотчасъ же воскликнули: Константинъ! И вотъ онъ сталъ Константиномъ,

[1]) Ibid., 647.
[2]) Ibid., 71.

величиною съ добрый кулакъ, а у меня теперь Александръ справа и Константинъ слѣва. Но этотъ нѣжнѣе своего старшаго братца, и чуть пахнетъ на него свѣжій воздухъ, онъ ужь прячетъ голову въ пеленки, онъ ищетъ тепла... да, да... что мы знаемъ, то знаемъ про себя... но, ни слова болѣе. Да, вотъ ужь именно: какъ снѣгъ на голову» [1]). Имя Константина возбудило толки; толки дошли до Екатерины, Екатерина пишетъ Гримму: «Ну, можно ли такъ злословить по поводу именъ, даваемыхъ при крещеніи? Только отъ бездѣлья можно къ этому придираться! Развѣ Александра и Константина слѣдовало назвать Никодимомъ или Ѳаддеемъ? Но, вѣдь, каждому изъ нихъ нужно же было дать имя. Ангелъ перваго — святой того города, въ которомъ онъ родился, а второй родился за нѣсколько дней до празднованія своего ангела. Случайно имена оказались звучныя, ну такъ что же? Это ужь не моя вина. Я не отрицаю, что люблю звучныя имена; послѣднее изъ нихъ воспламенило фантазію риѳмоплетовъ, которые прожужжали мнѣ уши всякимъ вздоромъ, въ которомъ перебиралось и то, и се; я велѣла имъ сказать, чтобъ они убирались во-свояси, не называли ни кумы, ни кумушки, и оставили меня въ покоѣ. Но вы не знаете худшаго: дѣло въ томъ, что, къ сожалѣнію, въ первые пять дней крестникъ моего кума имѣлъ кормилицу, прелестную, какъ Божій день, родомъ гречанку, именемъ Елена. И вотъ эта Елена, какъ и другія Елены, производила страшный шумъ. Къ счастію, Елена захворала, и Елену отослали, и шумъ, произведенный Еленою, затихъ, къ моему великому удовольствію, потому что я не хочу, чтобъ щебетали о вещахъ, въ которыхъ нѣтъ смысла» [2]).

В. А. Бильбасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid., 136.

[2]) Сборникъ, XXIII, 147.

ДВА ПИСЬМА К. Н. БАТЮШКОВА.

Послѣ изданія сочиненій К. Н. Батюшкова (С.-Пб. 1885—1887), третій томъ котораго заключаетъ въ себѣ собраніе его писемъ, мнѣ стали извѣстны еще два письма его, поступившія въ недавнее время въ собраніе автографовъ Императорской Публичной Библіотеки. Одно изъ нихъ—пріятельская записка къ Д. Н. Блудову, а другое обращено къ графу Н. П. Румянцову.

Записка къ Блудову не снабжена никакою датой, но время ея написанія можно опредѣлить съ достаточною точностью. Батюшковъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1812 года и вскорѣ за тѣмъ познакомился съ Блудовымъ; основой ихъ связи послужили общность литературныхъ интересовъ и особенно нерасположеніе къ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова»; въ своемъ дружескомъ кругу, къ которому принадлежали также А. И. Тургеневъ и Д. В. Дашковъ, пріятели посмѣивались надъ тѣмъ литературнымъ направленіемъ, представительницею котораго была «Бесѣда». Въ письмѣ отъ 5-го мая 1812 года Батюшковъ извѣщалъ князя П. А. Вяземскаго, что онъ присутствовалъ въ одномъ изъ засѣданій «Бесѣды», и съ негодованіемъ говорилъ о выслушанныхъ тамъ чтеніяхъ; въ томъ же письмѣ онъ упоминаетъ о перенесенной имъ болѣзни (Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 182). На тѣ же обстоятельства есть указанія и въ печатаемой запискѣ къ Блудову. Отсюда слѣдуетъ, что ее можно пріурочить къ веснѣ 1812 года. Французская пьеса, упоминаемая тутъ Батюшковымъ, есть «La Mélomanie, comédie en un acte et en vers, mélée d'ariettes» (Paris, MDCCLXXXIII). О содержаніи пьесы можно судить по заглавію; авторомъ ея былъ Chaplein, а музыку къ ней сочинилъ Гренье; пьеса игралась

и въ Петербургѣ. Быть можетъ, Батюшковъ намѣревался воспользоваться этою пьесой для сочиненія какой-нибудь шутки на счетъ «бесѣдчиковъ», ревностныхъ почитателей стараго слога.

Что касается письма къ графу Н. П. Румянцову, то оно писано Батюшковымъ въ 1818 году, за нѣсколько дней до отъѣзда въ Италію на дипломатическую службу. Батюшковъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что обязанъ Румянцову вѣчною признательностью; мы не знаемъ, на какое обстоятельство изъ раннихъ лѣтъ жизни Батюшкова здѣсь намекается, но можемъ сказать, что онъ вообще пользовался расположеніемъ Румянцова. Лѣтомъ 1818 года Константинъ Николаевичъ ѣздилъ на югъ Россіи; ему не удалось побывать въ Крыму, но онъ успѣлъ осмотрѣть остатки древней Ольвіи и вообще очень одушевился этою поѣздкой въ «землю классическую, гдѣ бились Святославъ, Суворовъ, и гдѣ созидались храмы Ахиллу, его герою». Еще изъ Одессы, подъ живыми впечатлѣніями историческихъ воспоминаній, собирался онъ писать Румянцову (Сочиненія, т. III, стр. 521), но вѣроятно, не привелъ своего намѣренія въ исполненіе; поэтому въ печатаемомъ письмѣ Батюшковъ и излагаетъ Румянцову тѣ свѣдѣнія объ одесскомъ археологѣ Иванѣ Павловичѣ Бларамбергѣ, которыя могъ бы сообщить раньше. Этотъ Бларамбергъ (род. въ 1772 г., ум. въ 1831 г.), фламандскій уроженецъ, переселившійся въ Россію и бо́льшую часть жизни проведшій и прослужившій въ Одессѣ, былъ въ свое время однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ собирателей древностей въ Новороссійскомъ краѣ. Познакомившись съ нимъ, Батюшковъ писалъ изъ Одессы А. Н. Оленину слѣдующее: «Сохраню для васъ двѣ медали: одну изъ нихъ подарилъ мнѣ г. Бларамбергъ, у котораго прекрасное, единственное въ своемъ родѣ собраніе медалей, обло́мковъ и статуй. Вы его знаете: онъ—шуринъ г. Розенкампфа. Здѣсь, въ Одессѣ, я пользуюсь его благосклонностью и кабинетомъ. Жаль, что онъ не публикуетъ его» (Сочиненія, т. III, стр. 519). Это желаніе Батюшкова, которое онъ повторяетъ и въ письмѣ къ Румянцову, было осуществлено четыре года спустя: въ 1822 году, въ Парижѣ была издана книжка подъ заглавіемъ: «Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia, faisant partie du cabinet du conseiller d'état Blaramberg à Odessa». Въ письмѣ своемъ Батюшковъ упо-

минаетъ также о статуѣ Мира, заказанной Румянцовымъ знаменитому Кановѣ. Константинъ Николаевичъ видѣлъ ее въ домѣ Румянцова, куда она была доставлена въ 1817 году; теперь она находится въ Московскомъ публичномъ музеѣ; слѣпокъ же съ нея хранился у самого художника. Въ 1819 году, бывши въ Римѣ, Батюшковъ посѣтилъ мастерскую Кановы и вручилъ ему письмо, о которомъ просилъ Румянцова. Вотъ что́ по этому поводу Константинъ Николаевичъ писалъ изъ Рима Оленину: «Доложите графу Николаю Петровичу, что вручилъ его письмо Кановѣ и поклонился статуѣ Мира въ его мастерской. Она—ея лучшее украшеніе. Долго я говорилъ съ Кановою о графѣ Румянцовѣ, и мы оба отъ чистаго сердца пожелали ему долгоденствія и благоденствія» (Сочиненія, т. III, стр. 540). Упоминаемый въ письмѣ къ Румянцову «Рюрикъ» есть морское судно, ходившее въ кругосвѣтное плаваніе на средства, пожертвованныя графомъ Николаемъ Петровичемъ.

Л. Майковъ.

I.

Д. Н. Блудову.

Нѣтъ ли у васъ «Mélomanie» особенно напечатанной, или по крайней мѣрѣ въ «Письмахъ» Лагарпа? Пришлите мнѣ ее на нѣсколько дней. Мнѣ сегодни получше, но я начинаю чувствовать другую болѣзнь, стократъ опаснѣе горячки—піитическую желчь отъ славянскихъ бредней.

К. Б.

II.

Графу Н. П. Румянцову.

Сіятельный графъ, милостивый государь! Наканунѣ отъѣзда моего въ чужіе краи осмѣливаюсь писать къ вашему сіятельству и напомнить вамъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, который обязанъ вамъ вѣчною признательностію. Еще въ недавнемъ времени одолженъ я вамъ благосклон-

нымъ пріемомъ графа де-Ланжерона, которому имѣлъ честь вручить письмо ваше. Онъ готовъ былъ снабдить меня рекомендательными письмами въ Тавриду, гдѣ я намѣревался прилежно заняться изысканіемъ древностей, и еслибы случай благопріятствовалъ, то доказалъ бы на дѣлѣ мое усердіе служить вашему сіятельству. Приближеніе осени и извѣстіе, что я опредѣленъ къ неаполитанской миссіи, помѣшали мнѣ посѣтить Крымъ, страну любопытную во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Одессѣ я имѣлъ случай видѣть у г. Бларамберга, извѣстнаго вамъ чиновника, рѣдкой кабинетъ медалей, вазъ, статуй, надписей изъ Ольвіи, драгоцѣнное собраніе остатковъ древняго города, въ однѣхъ рукахъ и однимъ человѣкомъ составленное. Желательно, чтобы ваше сіятельство изволили потребовать у него подробный каталогъ всѣмъ его сокровищамъ: ручаюсь, что онъ заслужитъ вниманіе ваше. Я съ моей стороны священнымъ долгомъ почелъ увѣдомить васъ о семъ собраніи, которое, легко можетъ статься, перейдетъ въ руки поляковъ или англичанъ, ибо г. Бларамберъ, по напечатаніи каталога, намѣревается продать свой кабинетъ. Въ бытность мою въ Одессѣ его уже торговали.

Оставляя Россію, осмѣливаюсь повторить вамъ, милостивый государь, что я исполню порученія ваши; и въ Неаполѣ, и въ окрестностяхъ онаго тщательно осмотрю монастыри, частныя и публичныя библіотеки, и если найду что-нибудь важное касательно исторіи нашего отечества, увѣдомлю васъ; что могу, куплю и доставлю немедленно. Каждому россіянину сладостно трудиться для васъ, покровителя наукъ, друга и добра и человѣчества, а мнѣ, обязанному вамъ лично, еще болѣе сладостно! Гдѣ бы я ни былъ, сохраню въ памяти моей милости ваши: ни время, ни отдаленіе не истребятъ ихъ изъ моего сердца.

Не угодно ли вашему сіятельству дать мнѣ порученія въ Римъ и письмо къ Кановѣ? Я долгомъ поставлю себѣ навѣстить его и сказать ему, что видѣлъ статую Мира въ святилищѣ музъ.

Не угодно ли будетъ вамъ дать мнѣ другія порученія къ извѣстнымъ вамъ людямъ? Въ первыхъ числахъ ноября я отправляюсь прямо въ Неаполь.

Заключу мое письмо поздравленіемъ васъ, милостивый государь, съ счастливымъ прибытіемъ вашего «Рюрика», и пожелавъ отъ искренняго и простаго сердца здравія и благоденствія, съ глубочайшимъ почитаніемъ и признательностью пребуду, милостивый государь, вашего графскаго сіятельства покорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ.

Октября 19, 1818.

Петербургъ. Сообщ. Л. Н. Майковъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА.

IV [1]).

Лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Частный бытъ и служебныя занятія офицеровъ.

Тогдашній (въ 1848 году) Красносельскій лагерь нисколько не былъ похожъ на нынѣшній. Нынче онъ какъ будто раскинутъ въ лѣсу или въ паркѣ, а въ ту пору, буквально, нигдѣ не видно было ни кустика, ни деревца. Каждый полкъ располагался въ одну линію, каждый баталіонъ—въ колоннѣ къ атакѣ. Кромѣ большихъ интерваловъ между полками, баталіонами и полубаталіонами, проходили [2]), между рядами палатокъ, маленькія улички въ три шага шириною. За солдатскими разбивались офицерскія палатки, а за ними денщичьи. Далѣе, въ серединѣ полка, стояла ставка полковаго командира, то-есть, просто три офицерскихъ палатки, соединенныя между собою. Но ни полковой командиръ, ни штабъ-офицеры, ни ротные командиры не жили въ палаткахъ, а помѣщались въ маленькихъ деревянныхъ домикахъ или баракахъ, выходившихъ фронтомъ на такъ называемую заднюю линейку или проѣзжую дорогу, проходившую шагахъ въ восьмидесяти отъ палатки командира полка. Такихъ бараковъ было по четыре на баталіонъ; оффиціально они предназначены были на офицерскія кухни, на практикѣ же обратились въ жилье старшихъ офицеровъ, а кухни выстроены во второй линіи самими офицерами, негласно, то-есть, противъ правилъ, но начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. За бараками располагались солдатскія столовыя, то-есть, просто ряды дерновыхъ скамеекъ, подъ открытымъ небомъ; далѣе размѣщались фуражный дворъ, лазаретъ и проч. Младшіе офицеры жили въ палаткахъ (за солдатскими), и намъ,

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII., февраль.

[2]) Между полками—150 шаговъ; между баталіонами—75; между полубаталіонами—25.

новичкамъ, слѣдовало сейчасъ же позаботиться о холщевой квартирѣ. Офицерская палатка отличалась отъ солдатской только тѣмъ, что, кромѣ парусиннаго верха наружной палатки, внутри натягивался еще грубый синій тикъ. Офицеры начинали съ того, что покупали доски; изъ нихъ сколачивался полъ, и этимъ многіе ограничивались. Нѣкоторые офицеры, вмѣсто казеннаго синяго тика, натягивали внутри, на деревянныхъ рамахъ, собственный роскошнѣйшій тикъ, такъ что палатка получала видъ комнаты. Наконецъ, иные барчи приказывали дѣлать сплошныя, деревянныя стѣны, но великій князь Михаилъ Павловичъ, встрѣтивъ какъ-то солдатъ, несшихъ такой домикъ-палатку, велѣлъ изрубить его на дрова и посадилъ домовладѣльца подъ арестъ. Офицерское житье въ палаткѣ было плохое. Въ солнечную пору—нестерпимый жаръ; въ холодное время—стужа, пронизывающая до костей, а въ сырую погоду — насморки, флюсы и прочія послѣдствія непогоды. Дождливое время было наигоршею бѣдою, потому что приходилось спать въ сыромъ бѣльѣ и подвергаться, день и ночь, снизу — испареніямъ, а сверху—невольнымъ дѹшамъ. Я всегда завидовалъ солдатской практичности. У нихъ была одна только парусина, но они натягивали ее такъ туго, что дождь, если и проникалъ внутрь палатки,—то развѣ въ видѣ мельчайшей водяной пыли. Двѣнадцать человѣкъ преловко мѣстились въ одиночной, парусинной палаткѣ. Кругомъ были нары, и на каждой боковой сторонѣ укладывались по четыре человѣка, ногами въ середину. На задней сторонѣ — только двое, изъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и, по обѣ стороны двери, — тоже двое. Подкладывали они подъ себя тюфячекъ или просто солому, одѣяломъ служила шинель, а сундучекъ подъ нарами заключалъ въ себѣ весь гардеробъ. Словомъ, объ удобствахъ не думали, а жили по суворовскому правилу: «солдатскій туалетъ таковъ: — какъ всталъ — такъ и готовъ!» Надобно только прибавить, что ружья и аммуниція, конечно, тоже хранились въ палаткахъ, вокругъ серединнаго шеста. При объѣздахъ же лагеря высшимъ начальствомъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, кричали: «ружья въ пирамиду выставить!» Тогда они выносились на переднюю линейку, гдѣ были устроены круглыя дерновыя горки и по серединѣ каждой находился толстый шестъ съ мѣднымъ куполомъ: вокругъ него располагались ружья, стволами вверхъ, что, особенно при солнцѣ, было очень эффектно. При объѣздахъ лагеря государемъ или кѣмъ-либо изъ лицъ царской фамиліи, кричали: «всѣмъ на линію!» Солдаты высыпали изъ палатокъ, пѣсенники становились впереди и, по всей линіи раздавались пѣсни, начиналась пляска. Государь, Николай Павловичъ, часто объѣзжалъ лагерь въ шарабанѣ, наполненномъ дамами, и самъ правилъ лошадьми. Поздоровавшись съ офицерами, поговоривъ съ командиромъ полка и полюбовавшись своей ротою, государь пускалъ

лошадей рысью, и всѣ офицеры, съ Катениным ъ въ головѣ, бѣжали тоже рысцею, до праваго фланга Семеновскаго полка. Вообще говоря, такіе объѣзды могли очаровать не только иностранца, но и русскаго гостя. Музыка, пѣніе, пляска по всей линіи, толпа офицеровъ въ каскахъ съ золотыми орлами, въ блестящихъ эполетахъ, радостное «ура!» солдатъ,—все это могло ослѣпить и отуманить зрителя. Онъ думалъ себѣ: что-за чудное, блестящее войско! Что-за развеселую жизнь оно ведетъ! Вѣрно, что хорошо и тепло жить имъ на свѣтѣ, если всѣ такъ счастливы и довольны. Но если бы тотъ же зритель пожилъ въ лагерѣ хотя бы недѣлю и приглядѣлся къ быту офицеровъ и солдатъ, онъ заговорилъ бы совсѣмъ иначе. Посмотримъ на житье-бытье въ Красносельскомъ лагерѣ въ 1848 г. Въ началѣ, оно было еще сносно: занимались устройствомъ лагеря, праздновались царскіе объѣзды, потомъ начинались ротныя, батальонныя и полковыя ученья. Все это продолжалось часъ или два и было еще посильнымъ бременемъ. Но въ концѣ іюня начинались на военномъ полѣ дивизіонныя 12-ти-рядныя ученья и потомъ дивизіонныя линейныя ученья (въ полномъ числѣ рядовъ), «съ порохомъ и артиллеріею», какъ говорилось въ приказахъ, то-есть, стрѣльба производилась холостыми зарядами. Если, напримѣръ, ученье было назначено въ 7 часовъ утра, то людей будили въ 4 часа, а къ пяти были уже готовы на линейкахъ. Этимъ начиналось утро, крайне тягостное для солдатъ, которыхъ начинали будить гораздо раньше помянутыхъ часовъ, предписанныхъ приказомъ. Конечно, не менѣе тягостно было утро для офицеровъ: иные, случалось, пріѣзжали поздно ночью изъ Петербурга или проводили почти всю ночь за картишками или за бутылочкою, и прямо отправлялись на ученье, не отдохнувъ ни минуты. Да, такимъ полунощникамъ лучше было не засыпать, а то бывало и добудиться ихъ было невозможно! Былъ у насъ одинъ офицеръ, очень сердитый со сна. Денщикъ будилъ его не иначе, какъ дергая изо всѣхъ силъ за обѣ ноги, но сейчасъ же опрометью убѣгалъ за дверь, такъ какъ поручикъ имѣлъ привычку пускать сапогами и чѣмъ попало въ того, кто пытался нарушить его сонъ. Надобно, однако, отдать справедливость сердитому поручику, что, стоило только одинъ разъ дернуть его за ноги, и онъ вставалъ сейчасъ, правда, въ страшномъ возбужденіи, продолжавшемся, впрочемъ, только при умываньи, когда онъ отводилъ душу, злобно плеская воду въ денщика и браня нещадно свою судьбу, ученья и особенно начальника дивизіи или вообще того, кто назначалъ ихъ въ такую рань! Капитанъ Н. П. Фроловъ, къ счастію своихъ служителей, любилъ покушать, такъ что его легко было добудиться. Денщикъ просто бралъ въ руки тарелку съ бутербротами, подносилъ ее какъ можно ближе къ носу барина

и громко говорилъ: «Ваше высо—діе! Извольте вставать! Самоваръ готовъ и ломтики (т. е. бутерброты) намазаны!»

Николай Петровичъ сейчасъ же открывалъ глаза, втягивалъ въ себя носомъ воздухъ и спрашивалъ: «Съ чѣмъ это? Кажется, съ сыромъ, съ просонья не разберу!... А еще съ чѣмъ?.. Дай-ка сюда... А-а-а! съ копченымъ языкомъ... отлично!.. Ну, спасибо, давай одѣваться!» Онъ клалъ въ ротъ одинъ ломтикъ и вставалъ безъ всякаго шума и скандала. Къ сожалѣнію, это были рѣдкіе примѣры немедленнаго вставанья. Въ холодное или сырое время, особенно въ палаткѣ, вставать было тягостно! Обыкновенно, на 10-й или 15-й докладъ денщика: «Ваше благородіе, да извольте же вставать... полкъ давно ушелъ!» офицеръ сердито отвѣчалъ: «врешь!.. Всегда надуваешь!.. Еще на линейку не выходили... дуракъ!.. Пошелъ вонъ!»... Когда же денщикъ отчаянно кричалъ: «Ей Богу, ушли всѣ, уже съ полчаса, какъ выступили!»—офицеръ вдругъ вскакивалъ въ ужасѣ и набрасывался на денщика: «такъ что же ты меня не будилъ! Видишь, какъ ты меня подводишь! Живѣй, давай одѣваться!» Денщикъ, будившій не одинъ десятокъ разъ, привыкъ получать выговоры и только старался попасть подъ ладъ: «Готово, пожалуйте умываться и самоваръ кипитъ».. Но офицеру было не до того, онъ кричалъ: «Убирайся ты съ самоваромъ!.. Некогда... давай мундиръ!».. Черезъ пять минутъ онъ командовалъ: «давай шарфъ... знакъ... ранецъ!» Но все это онъ надѣвалъ уже на ходу, а потомъ выбѣгалъ догонять полкъ. Отчего же такой страхъ и поспѣшность? А потому, что надобно было, во что бы ни стало, догнать полкъ до проѣзда полковаго командира, выѣзжавшаго полчаса, много часъ послѣ выступленія полка. Догнать же его было нелегко. Преображенцы народъ рослый, ноги у нихъ длинныя и шагъ огромный. Поэтому, даже шагая не торопясь, они дѣлали версту въ четверть часа, а на холодкѣ—и болѣе. Вотъ почему такъ торопливо выбѣгали изъ бараковъ и палатокъ господа опоздавшіе; на равнинѣ, передъ лагеремъ начинали мелькать блестящія фигурки, взапуски бѣжавшія за полкомъ. Завидя другъ друга, господа офицеры дѣлали вольты и собирались вмѣстѣ. Кто былъ пополнѣе и погрузнѣе, пользовался этимъ случаемъ, чтобы уменьшить ходу и отдохнуть: «Фу, ты пропасть! Больше не могу! задыхаюсь!... господа, пойдемте шажкомъ ... Ишь ты длинноногіе, какъ ихъ сегодня нелегкая понесла!.. Не видать!.. И куда мчатся на ходуляхъ-то на своихъ?... Вѣдь не радость дивизіонное ученье!» «Да, ну полно»... перебивалъ другой. «Догонимъ, небось, не въ первый разъ!.. однако, если уже догонять, такъ теперь, а то начальство раньше насъ догонитъ!» Въ дѣйствительности начальство рѣдко кого догоняло, развѣ толстяковъ, запыхавшихся и не могущихъ догнать полкъ никакимъ образомъ. Въ послѣдніе годы правленія Катенина, случилось одно та-

кое происшествіе. Трое полныхъ здоровяковъ, въ томъ числѣ, двое титулованныхъ, опоздали, побѣжали за полкомъ и, къ величайшей радости, встрѣтили полковой лазаретный фургонъ. Они съ наслажденіемъ разсѣлись и уже не думали догонять полкъ, а желали быть доставленными прямо на военное поле. Но тутъ случилась оказія! Начальникъ дивизіи жилъ за авангардным лагеремъ на дачѣ и, отправляясь на ученье, прямо наѣхалъ на фургонъ, пересѣкшій ему дорогу. Изъ этого бѣды бы не вышло, потому что фургонъ былъ крытый, а господа офицеры притулились къ угламъ весьма чинно. Къ несчастію, Моллеру вздумалось посмотрѣть въ окошечко фургона: нѣтъ ли больныхъ и отсталыхъ? Это поставило трехъ засѣдателей въ критическое положеніе, такъ какъ сказаться больными такимъ здоровеннымъ людямъ было немыслимо. Толстяки предпочли стремглавъ спрыгнуть съ фургона и спѣшить къ своимъ мѣстамъ, соблюдая инкогнито, то-есть, не озираясь назадъ въ сторону начальства. Моллеръ, смѣясь, обратился къ адъютанту своему Рейбницу: «Полюбуйтесь-ка: вѣдь это, кажется, ваши партнеры въ ералашѣ? Они воображаютъ, что я ихъ не вижу и не узнаю!.. Пожалуйста, разувѣрьте ихъ въ этомъ!» Рейбницъ, хохотавшій до упаду, могъ наконецъ отвѣтить: «Слушаю-съ! Сегодня же разувѣрю. Я не ожидалъ, что они еще съ утра начнутъ ставить ремизы!»

Моллеръ разсказалъ эту веселую «авантюрку» Катенину, въ видѣ шутки, прося его оставить дѣло безъ послѣдствій, но Катенинъ и не думалъ шутить. Послѣ ученья, онъ собралъ офицеровъ, вызвалъ впередъ трехъ провинившихся, нарядилъ каждаго на лишнія дежурства, да еще задалъ страшную головомойку, которую закончилъ словами: «Я не допущу, господа, чтобы полкъ терпѣлъ нареканія изъ-за того, что соблаговолили сѣсть въ фургонъ: князь, графъ и подпоручикъ!»

Эти анекдотическія мелочи, конечно, не имѣютъ значенія, какъ матеріалы для исторіи, но я намѣренъ описывать бытъ офицеровъ, а начало будничнаго дня въ лагеряхъ, то-есть, предъидущій разсказъ — только виньетка къ этой главѣ. Полусонный и голодный полкъ шелъ пять верстъ до военнаго поля, а ученье угоняло его еще на столько же, даже еще дальше отъ лагеря. Начиналось съ того, что Моллеръ строилъ всю дивизію въ одну густую колонну, двигалъ ее впередъ и принимался уравнивать шагъ 12 баталіоновъ (болѣе 4.000 человѣкъ!), неумолкаемо покрикивая: «Егаря (егери) не части!.. Преображенскіе, не затягивай!.. Семеновскіе, подберись!.. Измайловскіе, ногу держи!».. и проч. Промаявшись въ этой толчеѣ не менѣе двухъ часовъ, мы могли поздравить себя съ тѣмъ, что наконецъ-то ученье начинается. Моллеръ развертывалъ колонну, строилъ боевые порядки, водилъ насъ развернутымъ, сомкнутымъ и разсыпнымъ строемъ. Ученье начиналось въ 6,

а кончалось въ 11 часовъ, да еще слѣдуетъ прибавить пять верстъ обратнаго пути до лагеря. А вечеромъ назначалась обыкновенно стрѣльба или же случалось такъ, что утромъ дѣлали полковое, а вечеромъ дивизіонное ученье, что было вдвое тяжелѣе. Такъ продолжалось до самаго смотра государя, бывшаго обыкновенно въ концѣ іюня [1]). Въ іюлѣ происходили царскіе смотры стрѣльбы, а въ началѣ августа—корпусное ученье. Оно дѣлалось или по тревогѣ или просто по приказу, какъ всѣ прочія ученья. Въ первомъ случаѣ, войска поднимались ночью, а возвращались около 4 часовъ пополудни. Безъ тревоги же ученье начиналось около 8 часовъ утра и кончалось въ 6 вечера. Возвращеніе домой съ корпуснаго ученья было похоже на отступленіе съ поля битвы, послѣ проиграннаго сраженія. Вездѣ тащились отсталые; иной солдатъ лежалъ на землѣ посинѣлый, и ему пускали кровь; при каждомъ ручьѣ, при каждой лужѣ, солдаты ложились на землю и жадно глотали воду прямо изъ источника. Офицеры срывали съ себя шарфы, ранцы, снимали каски, разстегивались, садились въ фургоны или на верховыхъ лошадей штабъ-офицеровъ и адъютантовъ, которые, забывая всякій страхъ отвѣтственности, уѣзжали въ лагерь на извощикахъ. Корпусное ученье ослѣпляло, кажется, самыхъ дальновидныхъ иностранцевъ, какъ напримѣръ, нѣмца Фридриха Гагерна, сопровождавшаго въ 1839 году въ Россію принца Александра Нидерландскаго. Гагернъ оставилъ любопытныя записки, между прочимъ: «Journal meiner Reise nach Russland». Вотъ что тамъ говорится о корпусномъ ученьи (переводъ съ нѣмецкаго): «8 августа (1839 г.) маневръ всей гвардіи: 48 баталіоновъ пѣхоты, 3 дивизіи кавалеріи. Въ русской арміи существуютъ извѣстныя нормальныя расположенія войскъ. Они имѣютъ нумера и названія: растянутое, сомкнутое, маскированное, резервное... Русская пѣхота маршируетъ очень красиво, и вся эта масса была сведена въ одно мгновеніе для прохожденія полковыми колоннами. Когда императоръ двинулъ впередъ всю эту массу, онъ кликнулъ, обращаясь къ иностранцамъ: «Посмотрите, господа, это очень замѣчательно, посмотрите, какъ все это сформировалось въ одинъ мигъ!».. [2]) «Нормальныя расположенія», о которыхъ говоритъ Гагернъ, назывались у насъ «боевыми порядками». Ихъ было четыре, и они заключались въ послѣдней части воинскаго устава. Эти боевые порядки представляли извѣстныя, разъ на всегда опредѣленныя, сочетанія развернутаго строя съ сомкну-

[1]) Смотровъ командира гвардейской пѣхоты и великаго князя Михаила Павловича я, въ лагеряхъ, не помню. Кажется, они происходили до лагерей, въ апрѣлѣ и въ маѣ, на Семеновскомъ плацу, и только по полкамъ.

[2]) „Das Leben des Generals Friedrich von Gagern“. Leipzig. 1856. Томъ 3, стр. 377.

тымъ и разсыпнымъ; Гагернъ довольно вѣрно опредѣляетъ тактическій характеръ всѣхъ трехъ сочетаній. Мнѣ говорили наши офицеры, участвовавшіе въ Венгерской кампаніи, что боевые порядки все-таки были пригодны на практикѣ въ томъ смыслѣ, что, когда войска приходили въ разстройство, начальникъ командовалъ: «стройся въ такой-то боевой порядокъ!» Тогда всѣ, по старой привычкѣ, строились довольно живо и приходили въ порядокъ, а порядокъ, какой бы онъ ни былъ, все-таки лучше безпорядка.

Корпусное ученье было не послѣднимъ испытаніемъ лагерной службы. Въ половинѣ августа начинались большіе двусторонніе маневры. Они были въ обычаѣ у всѣхъ европейскихъ армій, поэтому иностранцы старались всѣми силами составить себѣ основательное понятіе о значеніи маневровъ въ русскомъ войскѣ. Гагернъ разузнавалъ и разспрашивалъ всѣхъ и каждаго. Онъ разсказываетъ, что съ нимъ познакомился знаменитый баронъ Жомини и жаловался, что, несмотря на его званіе генералъ-адъютанта и генерала отъ инфантеріи, ему не потрудились даже отвести помѣщенія, и онъ не знаетъ, куда ему дѣваться. Гагернъ предложилъ ему свою комнату; старикъ охотно принялъ предложеніе и, вѣроятно изъ благодарности, разсказывалъ много интереснаго. Давъ понять, что причиною немилости при дворѣ служитъ разладъ его съ министромъ, княземъ Чернышевымъ, Жомини сталъ говорить о войнахъ Наполеоновскихъ и утверждалъ, что Наполеонъ никогда не заставлялъ войска маневрировать, потому что нравственный элементъ не входитъ тутъ въ разсчетъ, а только численное превосходство; привыкать же считать численность причиною успѣха вредно, и потому двусторонніе маневры немыслимы. Гагернъ не упускалъ случая бесѣдовать и съ русскими, особенно съ высшими начальниками, и слышалъ отъ нихъ, что маневры надоѣли всѣмъ имъ до отвращенія. То же, по его словамъ, говорила вся свита государя, отъ перваго чина до послѣдняго. Гагерну безъ церемоніи говорили: «Eh bien, capitaine n'avez vous pas encore assez de manoeuvres?» Поэтому, наблюдательный нѣмецъ составилъ себѣ, кажется, не совсѣмъ выгодное понятіе о нашихъ маневрахъ и объ участіи въ нихъ государя. Вотъ, что онъ говоритъ, между прочимъ: «6 августа (1839). Императоръ очень доволенъ своими маневрами. Онъ говоритъ: «Я ввелъ въ практику лагери и большіе, полевые маневры. При императорѣ Александрѣ были только парады...» 11 августа мы поѣхали въ Красное Село, гдѣ послѣ завтрака сѣли верхомъ и отправились, подъ предводительствомъ императора, искать непріятеля, до поздней ночи. Все это дѣлается такъ серьезно, что забавно становится. Иностранные послы участвуютъ во всемъ изъ вѣжливости, но нисколько не очарованы. Я ѣхалъ домой рядомъ съ графомъ Воронцовымъ и лордомъ

Кланрикардомъ. Кланрикардъ сказалъ Воронцову: «To morrow we schall have another exhibition?».. (А завтра у насъ другая выставка?) Отвѣтъ, съ глубокимъ вздохомъ «Good God, yes!» («Боже мой, да!») [1]). Вообще, записки Гагерна интересны тѣмъ, что ясно показываютъ, до какой степени простирается наша откровенная, наивная интимность съ иностранцами. Гагернъ ни разу не говоритъ о томъ, что его кто-либо изъ русскихъ разспрашивалъ о голландскихъ и вообще иностранныхъ войскахъ, зато на каждой страницѣ подробно описываетъ свои допросы и развѣдки, причемъ хвалитъ довѣрчивость и предупредительность всѣхъ и каждаго, замѣчая, что особенно русскіе нѣмцы весьма рады встрѣтиться съ соотечественникомъ и открываютъ ему всю свою душу; нашлось не мало путеводителей и толковниковъ, спѣшившихъ разболтать любознательному иностранцу всю нашу подноготную [2]).

Интересенъ одинъ разсказъ изъ практики маневровъ. Послѣ ночлега въ Ропшѣ, рано утромъ, войска проходили мимо дворца, отправляясь на позиціи. Гагернъ смотрѣлъ на солдатъ и пришелъ было въ восхищеніе отъ ихъ бодраго шага, веселаго вида и громкаго, непринужденнаго балагурства. Но главный начальникъ проходившей части сейчасъ же отрезвилъ наблюдателя: «мы-де всегда веселы, когда выпьемъ чарку водки, а люди сейчасъ получили двойную порцію!» Не даромъ Гагернъ превозноситъ русскую «Freimüthigkeit».. эта «Freimüthigkeit» (искренность), то-есть, безтактная болтовня, безъ удержу, съ иностранцами и наше поклоненіе западной культурѣ, доходящее до того, что мы благоговѣйно и дѣтски домогаемся дружбы просвѣщенныхъ гостей и открываемъ имъ всю свою душу, какъ молодой, богатый купчикъ братается съ шулерами, готовыми его объиграть. Сантиментальность нашей дружбы къ нашимъ дорогимъ гостямъ Запада приводитъ къ тому, что мы сами себѣ дѣлаемся противны впослѣдствіи! Можно съ увѣренностью сказать, что русская «Freimüthigkeit», ежегодно повторявшаяся съ 1830 по 1850 годъ, вразумила иностранцевъ и побудила ихъ къ перемѣнѣ тактики, съ помощью которой имъ удалось отплатить намъ за дружбу, довѣрчивость и разговорчивость — Крымскою войною!

Возвращаюсь къ лагерному быту. Казалось бы, что офицерамъ можно было отдохнуть отъ служебныхъ передрягъ въ праздники и царскіе дни; ихъ вѣдь было не мало. Но по праздникамъ назначались церковные парады, а вечеромъ, очень часто — стрѣльба въ цѣль. Воскресный отдыхъ, стало быть, существовалъ только въ календаряхъ,

---

[1]) Das Leben des G. Gagern. Часть 3, стр. 375—384.

[2]) Переводъ дневника путешествія Гагарна по Россіи въ 1839 г. напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1886 года (іюль), стр. 21—54 и 1890 года (февраль), стр. 321—339. Ред.

такъ какъ на парадахъ обязательно должны были присутствовать всѣ наличные офицеры, кромѣ уволенныхъ командиромъ полка. Самовольныя же отлучки были дѣломъ рискованнымъ, какъ покажетъ слѣдующій приказъ по полку: «Штабсъ-капитаны Т.....ъ и В.....ой, безъ дозволенія уѣхали изъ лагеря и оба не были сегодня на церковномъ парадѣ, что, въ ихъ чинахъ, я считаю проступкомъ совершенно противнымъ порядку службы, и только на этотъ разъ ограничиваюсь приказаніемъ нарядить каждаго, безъ очереди, на три раза дежурнымъ по полку: если же это повторится, то таковыя дѣйствія будутъ доведены до свѣдѣнія высшаго начальства, и они тотчасъ же будутъ отрѣшены отъ командованія ротами» [1]).

Тягость служебныхъ трудовъ была все-таки мала въ сравненіи съ тѣмъ, невыносимо мучительнымъ настроеніемъ, съ какимъ офицеръ отправлялся на каждое ученье, зная наперед, что за малѣйшую ошибку, даже такую, какъ, напримѣръ, потеря дистанціи на церемоніальномъ маршѣ, его ждали выговоръ, лишнія дежурства или арестъ. Даже внѣ службы, офицеръ вынужденъ былъ наблюдать за собою самымъ мелочнымъ образомъ, если онъ не хотѣлъ подвергнуться взысканіямъ или непріятностямъ.

Хорошею иллюстраціею къ этому тексту можетъ служить слѣдующій приказъ Жеркова: «Г. начальникъ дивизіи изволилъ замѣтить, что нѣкоторые гг. офицеры дозволяютъ себѣ носить волосы, остриженные не по формѣ, вслѣдствіе чего я, въ подтвержденіе многократныхъ приказаній, строжайше предписываю гг. офицерамъ въ стрижкѣ волосъ отнюдь не отступать отъ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ военнаго министра 15-го ноября 1837 г. за № 115, и непремѣнно стричь и причесывать волосы такъ, чтобы спереди, на лбу и на вискахъ—были не длиннѣе вершка, а округъ ушей и на затылкѣ гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа налѣво» [2]). Жерковъ былъ убѣжденъ, что этотъ приказъ исключительно написанъ ради прапорщиковъ и развѣ еще—подпоручиковъ, не допуская мысли, чтобы кто-либо изъ старшихъ офицеровъ могъ поступиться своимъ достоинствомъ до ношенія длинныхъ волосъ. Въ этомъ, пожалуй, была своя доля правды, такъ какъ изъ старшихъ офицеровъ многіе были лысы, стало быть, ни стричь, ни причесывать имъ было нечего; а тѣ изъ нихъ, какіе сохранили на головѣ нѣкоторую растительность, дѣйствительно считали малодушіемъ сталкиваться съ приказомъ № 37. Поэтому Жерковъ, никогда не смотрѣвшій на лицо прапор-

---

[1]) Приказъ по полку, 20-го іюля 1852 года.

[2]) Приказъ по полку, 6-го февраля 1848 года.

щика, а всегда на его затылокъ, послѣ приказа началъ еще внимательнѣе приглядываться и, конечно, сейчасъ же нашелъ, что у прапорщика В.....аго и уши и воротникъ прикрывались прической «à la russe». Но почтенный Александръ Васильевичъ, умудренный опытомъ и совѣтами Пенхержевскаго, на этотъ разъ, не «пригласилъ» прапорщика на лишнія дежурства, а попробовалъ урезонить его добромъ: «Посмотрите-ка вы на генерала Вяткина, развѣ онъ вамъ чета! Всѣми уважаемый человѣкъ, начальникъ дивизіи, а все-таки стрижется подъ гребенку, хотя у него—вѣдь какая шишка на головѣ!» При этомъ Жерковъ наглядно приставилъ свой кулакъ къ собственной головѣ, демонстрируя величину шишки. Надобно признаться, что это сравненіе прапорщика съ высшимъ начальствомъ было крайне не удачно. Начальнику 1-й дивизіи, Моллеру, легко было писать приказы о стрижкѣ, такъ какъ самъ онъ носилъ паричекъ, разъ на всегда подходившій къ помянутому приказу военнаго министра, а начальнику 3-ей дивизіи, генералу Вяткину, было 60 лѣтъ, тогда какъ прапорщику В...му—всего двадцать! Катенинъ, смѣнившій Жеркова, понималъ это и не только не преслѣдовалъ щегольства офицеровъ, но поощрялъ его; если же младшіе заходили слишкомъ далеко, то онъ не взыскивалъ, не писалъ приказовъ, а говорилъ дружески-конфиденціально: «Почтеннѣйшій мой!.. Пора бы намъ съ вами постричься..»

Посмотримъ дальше: чѣмъ обусловливался частный бытъ офицеровъ, могли ли они, напримѣръ, хотя бы хорошо поѣсть и чѣмъ-нибудь развлечься послѣ служебныхъ трудовъ? Общаго офицерскаго стола, въ лагеряхъ, въ ту пору и въ поминѣ не было, а общество офицеровъ разбивалось на нѣсколько артелей, отъ 4-хъ до 8 человѣкъ, такъ какъ для бо́льшаго числа не было мѣста ни въ баракѣ, ни въ палаткѣ. Самая дешевая была артель Шернваля, обходившаяся въ 30 рублей на человѣка во все лѣто. Тамъ подавали щи, кашу, кусокъ мяса и подобныя простыя, сытныя блюда; пирожное являлось только по праздникамъ. Обыкновенно, на столѣ стояла бутылка мадеры или хереса, распивавшаяся по рюмочкамъ. Самая дорогая была артель Мезенцова, стоившая каждому члену около 300 руб. за все лагерное время. Обѣдали артели отъ 3-хъ до 5 часовъ. Въ 5 часовъ начинались вечернія занятія; затѣмъ, отъ 7 часовъ до ночи—всякій былъ свободенъ. Я не включилъ въ часы досуга время отъ окончанія утреннихъ ученій до обѣда, потому что въ эти часы всѣ спали какъ убитые.

Какъ же проводились часы досуга? Еще будучи пажемъ, я слышалъ, что, когда-то, въ полку велась сильная карточная игра, но въ мое время (1848—1865) она была весьма умѣренная, зато бутылочка являлась всегда на первомъ планѣ. Площадки близъ офицер-

скихъ палатокъ 3-го баталіона, также и площадка передъ генеральскою ставкою были любимѣйшія мѣста выпивокъ. Тамъ возсѣдалъ президентъ и оракулъ «всепьянѣйшей артели» Н...въ 1-й, поступившій въ полкъ изъ моряковъ. Его прозвали Андрей Мадера (Анъ-Дрей-Мадера!). Каждое его слово, каждая острота возбуждала одобрительный хохотъ и разносилась по всему лагерю. Привожу образчики тогдашняго острословія, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ: 1) Когда человѣкъ дерево?—Тогда, когда онъ сосна (со-сна). 2) А когда будочникъ—цвѣтокъ?—Тогда, когда онъ незабудкою (не за будкою). 3) Какое сходство между іюльскимъ солнцемъ и начальствомъ?—Оба пекутъ и распекаютъ. 4) Какая разница между каретою и часами?—Первую сначала закладываютъ, а потомъ ѣдутъ, а вторыя сначала ѣдутъ, а потомъ закладываютъ. 5) Ну, а какая разница между ученьемъ, мученьемъ и сѣченьемъ? Отвѣтъ:—Никакой... Каждая попойка увеселялась круговыми пѣснями, но о нихъ промолчу по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ автора.

Стоитъ сказать нѣсколько словъ и о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ въ лагеряхъ. Утро солдата уже было обрисовано: ранній подъемъ, суета, гроза палокъ и кулаковъ, усталость до изнеможенія, наконецъ, по приходѣ домой, чистка и уборка до 11 часовъ, т. е. до обѣда. Въ 11 часовъ роты строились на линейкахъ, около своихъ палатокъ, а дежурные офицеры становились передъ своими баталіонами. Дежурный по полку командовалъ: «баталіоны направо!» Команда повторялась, и тогда по всему лагерю поднимался страшный писк отъ флейтъ, наигрывавшихъ разные марши. Дѣло въ томъ, что въ каждой почти ротѣ состоялъ одинъ или нѣсколько флейтщиковъ изъ солдатскихъ дѣтей. Пайка́ имъ не полагалось, а солдаты кормили ихъ безвозмездно; вотъ они и отслуживали тѣмъ, что выпискивали какой-нибудь маршъ, когда солдаты шли обѣдать. Послѣ обѣда въ палаткахъ царилъ мертвый сонъ; въ 5 часовъ—ученье, а въ 7½—ужинъ, тѣмъ же порядкомъ. За обѣдомъ варились щи или гороховый супъ, но послѣдній весьма рѣдко, потому что въ то время не было водопроводовъ, какъ теперь, а вода получалась изъ двухъ колодцевъ на правомъ флангѣ лагеря. Въ этой водѣ горохъ не разваривался и, когда, бывало, доложатъ ротному командиру, что для варки гороха слѣдовало бы привезти воду изъ Лиговки, то капитанъ махалъ рукою и рѣшалъ: «Ну, вотъ еще—изъ Лиговки! Пусть варятъ щи!»

До 1 января 1850 года, на каждаго человѣка полагалось по 1 фунту мяса въ недѣлю, стало быть—менѣе ¼ фунта въ день. Говядину рубили и клали въ котелъ; только послѣ большихъ ученій или на маневрахъ солдатамъ выдавались особыя мясныя порціи, по фунту на человѣка, и то особымъ приказомъ. Обѣдъ состоялъ изъ щей или супа и каши, а

ужинъ—изъ однѣхъ щей или супу. За обѣдомъ, обыкновенно, солдаты вычерпывали всю нарубленную говядину, такъ что къ ужину оставалась одна жижа. Странное дѣло! Извѣстно, что при частомъ повтореніи все съѣстное пріѣдается просто до отвращенія. Исключеніемъ служитъ хлѣбъ и то же можно сказать про щи и кашу. Не даромъ солдаты говорятъ: «Каша—мать наша!» Вообще съ продовольствіемъ солдатъ обращались съ непростительною небрежностью. Количество продуктовъ, влагаемыхъ въ котелъ, никѣмъ изъ офицеровъ не опредѣлялось, такъ что и кашеваръ самъ не зналъ въ точности, сколько чего онъ туда клалъ. Повседневнаго контроля, ни съ чьей стороны не было никакого. Мнѣ разсказывали старые кашевары, что ихъ каждый день требовалъ къ себѣ фельдфебель и назначалъ общее количество припасовъ, слѣдуемыхъ на варку. Послѣ ужина, часовъ до 10, а въ праздничные дни и отъ полудня до вечера (стрѣльба назначалась въ праздники рѣдко, развѣ передъ смотрами), солдаты приходили нѣсколько въ себя отъ будничной суеты; на линейкахъ и около палатокъ раздавались пѣсни, слышался веселый говоръ. Появлялись бродячіе балаганчики съ кукольною комедіею. Солдаты называли ихъ «Петрушками». Солдатскія пѣсни звучали сообразно настроенію духа, но почти всегда распѣвались громко и лихо, а въ дни продолжительнаго отдыха или въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, звуки пѣсенъ свободно и далеко разносились надъ лагеремъ, какъ неподдѣльные отголоски доброй, беззаботной и безбоязненной русской души.

Я и молодые товарищи мои сейчасъ же спѣшили распредѣлиться по артелямъ. Я попалъ въ артель Гольгоера (Александра Ѳедоровича), очень маленькую, но очень хозяйственную. Роскоши не было, но подавались на обѣдъ три простыхъ, вкусныхъ блюда и бутылка Bourgogne Nuits отъ Гордона. Кромѣ помянутаго Александра Ѳедоровича Гольгоера, командира 1-го баталіона, въ артели состояли: младшій его братъ Николай Ѳедоровичъ, въ то время командиръ 5-ой роты и Евгеній Николаевичъ Демидовъ, командиръ 2-ой гренадерской. Всѣ они были люди солидные, отличные офицеры, уважаемые начальствомъ и товарищами. Заранѣе говорю, что долженъ былъ благодарить судьбу за то, что попалъ въ общество такихъ превосходныхъ людей. Понятно, что мы, молодые прапорщики, забрасывали старыхъ офицеровъ вопросами о новомъ полковомъ командирѣ: каковъ онъ по службѣ? Какъ обращается съ офицерами? Такъ ли взыскиваетъ, какъ Жерковъ? Намъ отвѣчали, что Катенинъ командуетъ полкомъ всего два мѣсяца, съ офицерами держитъ себя спокойно, ровно, даже ласково, такъ что, вообще, кажется, наступило лучшее время. Съ Жерковымъ, молъ, и сравнивать нельзя: совсѣмъ другой человѣкъ! Солдатъ онъ своеручно не бьетъ, а,

при серьезной провинности, поступаетъ строго, не взирая на привилегіи. Надобно сказать, что полкъ состоялъ въ то время изъ 3-хъ гренадерскихъ и 9 фузелерныхъ ротъ. Гренадерскія состояли изъ взвода гренадеръ и взвода стрѣлковъ. Всѣ эти роты были титулованныя: 1-ая гренадерская называлась ротою Его Величества; 2-ая—ротою Его Высочества (вел. кн. Михаила Павловича). Во всѣ эти роты назначали самыхъ отборныхъ людей, ихъ холили, берегли, выставляли на показъ и баловали до того, что такими ротами трудно было командовать. И вотъ, за три дня до моего вступленія, вышелъ слѣдующій приказъ: [1]) «Зачисленный въ роту дворцовыхъ гренадеръ, роты Его Величества унтеръ-офицеръ Ѳедоръ Хининъ, въ тотъ самый день, когда полковникъ Чекмаревъ [2]), по заведенному порядку, объявлялъ ему, какъ долженъ вести себя дворцовый гренадеръ, и въ чемъ состоитъ его обязанность, напился до безчувствія пьянъ, за что и зачисляется обратно въ роту Его Величества рядовымъ». Нашлись и еще охотники изъ нижнихъ чиновъ, попробовавшіе испытать новаго полковаго командира: одинъ вздумалъ пьянствовать и буянить, другой самовольно отлучился изъ лагеря, а третій нагрубилъ фельдфебелю. Всѣмъ имъ дано отъ 150 до 200 розогъ (порція весьма умѣренная, въ сравненіи съ жерковскими). Съ офицеровъ, до нашего поступленія, было тоже нѣсколько примѣровъ взысканія. Одного Катенинъ нарядилъ на два дежурства, а другаго посадилъ на два дня подъ арестъ. Въ сравненіи съ жерковскими «приглашеніями», это были такіе пустяки, что и говорить о нихъ не стоило! Не знаю, какъ другіе, но я очень обрадовался такимъ отзывамъ о своемъ первомъ полковомъ командирѣ, только радость моя, къ сожалѣнію, оказалась преждевременною.

Вскорѣ мнѣ пришлось испытать на самомъ себѣ дисциплинарные пріемы командира полка. Въ лагеряхъ, какъ и въ городѣ, назначались разводы съ церемоніею, не имѣвшіе уже ровно никакого смысла. Въ Красномъ Селѣ существовала всего одна гауптвахта, да еще въ самомъ полку былъ унтеръ-офицерскій караулъ, называемый заднимъ пикетомъ, а солдаты называли его «бекетомъ» или «палочнымъ карауломъ», потому что тамъ всегда производилась экзекуція розгами. Кажется, эти два караула можно бы разводить и безъ церемоніи; между тѣмъ, лагерный разводъ былъ обставленъ еще болѣе утонченными формальностями, чѣмъ городской. Тутъ были какіе-то приготовительные пріемы, такъ что даже младшіе офицеры принимали дѣятельное участіе. На репетиціи такого развода мнѣ и пришлось вкусить дисциплинарныхъ ягодокъ. Обязанность моя заключалась только въ томъ,

---

[1]) Приказъ по полку, 9 іюня 1848 года.

[2]) Командиръ роты дворцовыхъ гренадеръ.

чтобы разомкнуть шеренги, скомандовать «къ осмотру ружей!» Потомъ, опять сомкнуть шеренги и отвести свою часть на опредѣленное мѣсто. Дѣло, какъ видно, не мудреное, но въ началѣ репетиціи явился Катенинъ. Онъ сталъ не на серединѣ полка, а сбоку, въ интервалѣ между 1-мъ и 2-мъ баталіономъ, и началъ пристально и строго вглядываться въ «дѣйствіе» моей 4-ой роты. Я же дебютировалъ на службѣ въ 1 разъ и, видя въ числѣ зрителей самого командира полка, засуетился и, хотя скомандовалъ правильно, но не сразу могъ найти свое мѣсто. Катенинъ напустился на меня съ бѣшеною запальчивостью: «Прапорщикъ!... Вы здѣсь не въ корпусѣ! Уставу вы, кажется, не выучились, такъ доучитесь у меня на гауптвахтѣ!».. Цѣлую четверть часа я выслушивалъ нотацію въ томъ же родѣ, правда, — не жерковскую, то-есть, не грубую по выраженіямъ, но чрезвычайно колкую и обидную по существу. Однако, тутъ, въ противность убѣжденіямъ Жеркова, оказалось, что и прапорщикъ можетъ имѣть самолюбіе. Я ушелъ къ себѣ въ палатку, застегнулъ полы ея, замѣнявшія двери, и сталъ раздумывать: ужь не сложить ли мнѣ сразу эти первые эполеты, предметъ шестилѣтнихъ мечтаній и надеждъ! Зачѣмъ ожидать горшаго? Не лучше ли порѣшить со службою теперь же?.. Когда пришли звать меня къ обѣду, я отказался, такъ какъ ѣда и питье не приходили мнѣ на умъ. Но тутъ-то и оказалось, что я попалъ въ хорошій кружокъ. Старослуживые, почтенные товарищи мои, не садясь за столъ, всею артелью явились ко мнѣ, безъ церемоніи взяли меня подъ руки и повели къ столу. Всѣ они принялись утѣшать самымъ искреннимъ образомъ, увѣряя, что каждый изъ нихъ считалъ сотнями подобныя распеканціи; мнѣ напоминали, что Катенинъ вѣдь даже не взыскалъ съ меня, а что это было просто замѣчаніе, хотя слишкомъ крутое для перваго раза, но принимать его къ сердцу не стоитъ. Однако, утѣшенія не подѣйствовали. Я подалъ рапортъ больнымъ, но не притворный, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, заболѣлъ заваломъ печени и отправился на ч е р д а к ъ полковаго лазарета. Странно сказать: на чердакъ, но это было единственное больничное отдѣленіе для офицеровъ. Полковой лазаретъ помѣщался въ довольно обширномъ, деревянномъ домѣ, по серединѣ и позади лагеря. Зданіе было окружено садомъ, единственнымъ во всемъ лагерѣ, но офицерской палаты въ лазаретѣ не было, такъ что офицерамъ приходилось помѣщаться въ очень просторномъ, впрочемъ, очень сухомъ и чистомъ чердакѣ. Болѣзнь моя удивила офицеровъ, помнившихъ жерковскіе служебные пріемы, и даже самого Катенина, тоже прошедшаго крутую школу 30-хъ годовъ... Но все это мелочи жизни, ея изнанка! Гдѣ же самая жизнь, гдѣ исторія,—не офицерская исторія, а серьезная, общечеловѣческая? Отвѣчу въ слѣдующей главѣ.

V.

Политическія событія 1848 г. и отношеніе къ нимъ офицеровъ. Число и составъ офицеровъ въ 1848—1852 годахъ. Щегольство. Наружная представительность генерала Катенина. Сравненіе его съ Микулинымъ. Характеристика замѣчательнѣйшихъ офицеровъ: Пушкинъ, Шульгинъ, Салогубъ, Пенхержевскій, Ребиндеръ, Коссаковскій.

Я пишу о 1848 годѣ, и самъ собою является вопросъ: Неужели февральскія событія этого года во Франціи, «мартовскіе дни» въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ прошли на нашихъ глазахъ такъ незамѣтно, какъ будто стѣна, вышиною до неба, отдѣляла Россію отъ Европы! Эти недомолвки моихъ записокъ и совершенное отсутствіе въ нихъ какихъ-либо воспоминаній о политическихъ или общественныхъ дѣлахъ очень характерны, такъ какъ недописанное важнѣе написаннаго, и фактъ умолчанія интереснѣе самихъ записокъ. Необходимо замѣтить, что, хотя до половины іюня я былъ еще камеръ-пажемъ, однако, по праздникамъ, все-таки вращался въ обществѣ, встрѣчался съ людьми серьезными, мыслящими, бывалыми и слушалъ ихъ разговоры и сужденія. Между тѣмъ не припоминаю изъ нихъ ничего! Помню только, что въ январѣ 1848 года, то-есть за мѣсяцъ до паденія Людовика-Филиппа, на какомъ-то большомъ обѣдѣ во дворцѣ, великая княгиня Марія Николаевна, сидѣвшая не далеко отъ канцлера графа Несельроде, подняла бокалъ, засмѣялась и шутливо сказала: «Comte, à la santé de Louis-Philippe». Канцлеръ приподнялся, поклонился, но ничего не отвѣтилъ, а только выразительно покачалъ головою съ видомъ сомнѣнія и сожалѣнія. Дѣйствительно, въ ту минуту участь французскаго короля была безповоротно рѣшена. Нельзя безусловно сказать, чтобы мы ни о чемъ не знали и не разсуждали. Печать и общество слѣдили за европейскими событіями, на сколько могли, да и всякій имѣлъ не мало случаевъ удовлетворить свою любознательность. Во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ, особенно у Даціаро и Беггрова, красовались въ окнахъ портреты изгнаннаго короля и его министровъ, наравнѣ съ Ламартиномъ, Луи-Бланомъ, Кавеньякомъ, Ламорисьеромъ и другими корифеями революціи и республики. Всѣ сатирическія изданія наполнялись ѣдкими карикатурами на Людовика-Филиппа и Гизо съ надписями: Louis file vite et son ami Qui-sot!

Любимый журналъ высшаго общества: «L'illustration» вѣрно воспроизводилъ, въ рисункахъ и въ текстѣ, всѣ парижскія событія и уличныя сцены, но цензурныхъ помарокъ и вырѣзокъ не было видно. У книгопродавца Лури можно было достать всевозможныя запрещенныя книги и брошюры (французскія) — всѣмъ, кому только угодно было заплатить нѣсколько дороже. Однако, безучастіе и равнодушіе русскаго общества было полнѣйшее. Молодежь, смѣясь, шутливо-иронически повторяла громкіе французскіе лозунги: liberté, égalité, fraternité, а общее мнѣніе старыхъ и молодыхъ сводилось къ заключеніямъ въ родѣ слѣдующихъ: «Опять они тамъ перебѣсились! Французская жаровня опять раскипятила мозги... Теперь пойдетъ дурь по всей Европѣ, а чуть подойдетъ къ намъ поближе, Николай Павловичъ вольетъ имъ ледяной водицы на голову, и мы скажемъ: «Слава Богу, что насъ оставили въ покоѣ!» Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году потокъ революціонной лавы подошелъ къ намъ близко, но русская мощь выступила изъ береговъ и смыла венгерскую революцію.

Съуживая свой кругозоръ до тогдашней полковой жизни, могу только сказать, что если на ученьи кричатъ: «Я васъ доучу на гауптвахтѣ!» — такъ куда ужь тутъ думать о французскомъ національномъ собраніи или о франкфуртскомъ парламентѣ. Политика и всякія завиральныя идеи еще болѣе испарялись съ конца іюня, когда начинались дивизіонныя ученья на военномъ полѣ. Я уже говорилъ, что Моллеръ былъ мастеръ приводить насъ въ полное изнеможеніе своими нескончаемыми ученіями на военномъ полѣ. Я былъ зачисленъ въ 4-ую роту, а въ нее переводились самые плохіе рекруты и штрафованные люди изъ 1-го баталіона. Катенинъ всегда кричалъ на эту роту: «Четвертая!.. Старая!.. Лѣнивая!.. Неповоротливая!..» Помню, какъ-то разъ, ходили мы часа три по военному полю, изнурились отъ жары и страшно устали. Солдаты 4-ой роты шагали въ глубокомъ молчаніи, повѣсивъ голову и безпрестанно отирая потъ. Вдругъ, къ общему удивленію, когда насъ остановили, чтобы дать отдохнуть, раздался, наперерывъ общему молчанію, глубокій вздохъ, и одинъ изъ старыхъ солдатъ крѣпко ударилъ прикладомъ въ землю и злобно проговорилъ: «Тьфу ты... Прыщъ, окаянный, сколько часовъ мучитъ!..» Надобно было видѣть маленькую, красную, надутую фигуру Моллера, чтобы понять, сколько ѣдкости, непріязни и комизма заключало въ себѣ ядовитое слово «Прыщъ».

Въ лагерное время 1848 года, характеръ и направленіе новаго преображенскаго командира выяснились настолько, что можно было составить о немъ довольно вѣрное понятіе. Я уже имѣлъ случай сказать, что Катенинъ былъ офицеръ школы Микулина, занимающаго видное мѣсто въ лѣтописяхъ полка. Энергичный, пылкій, блестящій Микулинъ — высоко держалъ знамя съ девизомъ: «безусловная преданность

Царю и Россіи, готовность стоять за нихъ на жизнь и на смерть. Во-вторыхъ—безъ раздумья, безъ разсужденья, горячо стоять за честь полка, а честь полка, въ лицѣ его шефа, то-есть въ лицѣ монарха, тождественна съ честью и славою всего государства и всей арміи!» Можно по справедливости сказать, что у Микулина слово вязалось съ дѣломъ. Онъ же и былъ тотъ самый командиръ 1-го Преображенскаго баталіона, который вывелъ его на Дворцовую площадь, утромъ 14-го декабря, а этотъ памятный день стяжалъ всему полку любовь, благодарность и довѣріе императора Николая 1-го и его преемниковъ. Микулинъ былъ фанатикъ своихъ идеаловъ. Во время пожара Зимняго дворца, въ 1837 г., когда государь Николай Павловичъ великодушно запретилъ тушить огонь и спасать что̀ бы ни было, дабы не подвергать никого напрасной гибели, Микулинъ сказалъ преображенцамъ: «Ребята! Хотя бы всѣмъ намъ пришлось пропасть, а царскій престолъ мы добудемъ и вынесемъ все до послѣдняго винтика!» Такъ оно и случилось [1]).

Микулинъ любилъ такихъ офицеровъ, какъ онъ самъ, то-есть, офицеровъ-хватовъ, умѣвшихъ вездѣ найтись, во всемъ извернуться, оправдать пословицу: «по платью встрѣчаютъ»... словомъ, умѣвшихъ съ блескомъ и съ шумомъ проложить себѣ дорогу къ почетной извѣстности. Катенинъ, вѣрный отеческимъ преданіямъ, любилъ щегольство, любилъ блестѣть, гремѣть и показывать товаръ лицомъ. Во всемъ, что̀ касается внѣшности, онъ являлъ личный примѣръ. На фронтовыхъ ученьяхъ, генералъ билъ на эффектъ, завелъ себѣ великолѣпную лошадь «Карій» и шиковалъ на ней передъ полкомъ, подбоченивался, накренивалъ внизъ сѣдую голову, смотрѣлъ исподлобья и грозно поводилъ глазами, бровями и усами. Мундиръ его былъ постоянно разорванъ подъ-мышкою отъ слишкомъ усерднаго маханія саблею и воинственныхъ жестовъ. Онъ любилъ, чтобы въ числѣ офицеровъ, особенно въ адъютантахъ и ординарцахъ, было побольше титулованныхъ и на ученьяхъ безпрестанно покрикивалъ: «Князь Вяземскій, поѣзжайте и передайте то-то!.. Графъ Апраксинъ! прикажите такъ-то и то-то!.. Флигель-адъютантъ, полковникъ Мусинъ-Пушкинъ!.. Ведите батальонъ!..» Повторяю, что Катенинъ былъ совершеннымъ сколкомъ съ Микулина, про котораго разсказываютъ, что на великосвѣтскомъ балѣ его спросили—какъ онъ доволенъ обстановкою? Микулинъ отвѣ-

[1]) Въ „Русск. Старинѣ“ 1883 г. генералъ Колокольцовъ, самовидецъ пожара, вовсе не упоминаетъ о Микулинѣ и о его присутствіи на пожарѣ, но я все-таки оставляю приведенный мною разсказъ, какъ преданіе, которое самъ слышалъ отъ старыхъ офицеровъ.

тилъ: «Еще бы не доволенъ! Посмотрите... двѣнадцать преображенскихъ воротниковъ я здѣсь нынче насчиталъ!..»

Вообще надобно сказать, что на счетъ представительности и удачи счастье служило Катенину.

При вступленіи его въ командованіе, въ полку считалось 65 офицеровъ. Въ январѣ 1850 года цифра эта возросла до 76. Изъ этого числа — тридцать, т. е. почти половина, были старые пажи; затѣмъ, восемнадцать человѣкъ поступили изъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, около десяти—изъ полковыхъ подпрапорщиковъ; семь переведены изъ армейскихъ полковъ и, наконецъ, всѣ остальные поступили изъ другихъ полковъ гвардіи или изъ военно-учебныхъ заведеній. Въ «Запискахъ стараго пажа» («Русскій Вѣстникъ», 1887 г. № 9), я по возможности подробно и обстоятельно описывалъ, какими отличными людьми оказывались и въ жизни и въ службѣ, бывшіе воспитанники Пажескаго корпуса. Могу только повторить, что то же самое, въ частности, замѣчалось и во всѣхъ преображенскихъ офицерахъ изъ пажей, какихъ я только засталъ при поступленіи въ полкъ. Даже не говоря о бывшихъ пажахъ, онъ сохранялъ еще микулинскій складъ. Искони сложилось про военныхъ летучее слово: «щеголи — въ пѣхотѣ; пьяницы — во флотѣ; умные въ артиллеріи; добряки—въ кавалеріи».

Въ описываемое время преображенцы были именно — первые щеголи въ пѣхотѣ и давали тонъ военной моды, если можно такъ выразиться. Мундиры, въ то время имѣвшіе еще форму фраковъ, носили въ обтяжку, стараясь выпускать грудь. Брюки, безъ кармановъ, были сверху широки, а снизу такъ узки, что вся нога выходила изъ нижняго, полукруглаго вырѣза. Сюртуки носили нѣсколько короче форменныхъ, съ короткими рукавами, изъ-подъ которыхъ выпускались манжеты рубашки. Полусаблю тоже носили нѣсколько выше нормальнаго, и вмѣсто форменныхъ, расходящихся къ верху бортовъ пуговицъ, носили борты прямые. Фуражки носили небольшія,— вмѣсто огромныхъ, форменныхъ, и прямыя, на прусскій образецъ, или же низенькія съ широкимъ дномъ. Была еще манера выставлять вдоль борта цѣпочки съ брелоками, но законодатель моды и вкуса, Коссаковскій, убилъ эту затѣю тѣмъ, что велѣлъ прорѣзать на брюкахъ кармашекъ для часовъ и выпускалъ цѣпочку изъ-подъ мундира. Онъ ввелъ также въ моду, такъ называемые, дипломатическіе проборы. Наконецъ, эполеты, въ то время постоянно носимые при всякой формѣ, дѣлались толстые, въ противуположность форменному образцу, и заламывались сверху внизъ такъ, что не лежали, а какъ будто висѣли съ плечъ. Худо ли, хорошо ли было это щегольство, во всякомъ случаѣ Катенинъ тутъ не причемъ. Всѣ эти внѣшнія особенности су-

ществовали до него—и, какъ въ началѣ было сказано, ни строгость, ни личный примѣръ Жеркова не могли искоренить ихъ. Катенинъ желалъ, чтобы и солдаты не отставали отъ офицеровъ по части щегольства, и всѣ его приказы изобилуютъ напоминаніями: «людямъ быть одѣтыми какъ можно чище и опрятнѣе». Въ этомъ отношеніи новому командиру полка были также развязаны руки, благодаря блестящему состоянію, въ какомъ Жерковъ передалъ ему полковое хозяйство. Средства полка въ сороковыхъ годахъ были значительныя. Мнѣ разсказывали старые преображенцы, хорошо знакомые съ этимъ дѣломъ, что, сравнительно съ другими полками, Преображенскій былъ доходнѣйшій изъ всѣхъ, и что онъ, даже при самомъ широкомъ удовлетвореніи служащихъ въ немъ, могъ приносить командиру чистой экономіи по крайней мѣрѣ 10.000 рублей. Въ Преображенскомъ полку существовали, напримѣръ, бани и четыре лавочки,—статьи доходныя, а ими безотчетно распоряжался полковой командиръ. Дрова тоже приносили громадный доходъ, такъ какъ отпускалось менѣе половины количества, требуемаго по положенію. Наконецъ, были доходы уже совсѣмъ необычайные. Въ полку, напримѣръ, долгое время считалось по спискамъ 700 кантонистовъ и на нихъ отпускалось полное довольствіе, тогда какъ въ наличности состояло всего сто; остальные выбыли Богъ знаетъ когда и куда. Стало быть, преображенцамъ можно было щеголять сколько угодно.

До сихъ поръ я не опускалъ мелочей и подробностей полковаго быта; не могу обходить ихъ даже, если бы хотѣлъ: преображенцы—историческій полкъ, двѣсти лѣтъ занимающій почетное мѣсто въ русскихъ лѣтописяхъ. По истеченіи столѣтія отъ кончины Петра Великаго (1725—1825) значеніе первенца русскихъ войскъ не только не умалилось, но еще возвысилось. Описаніе походовъ и войнъ, въ какихъ полкъ принималъ участіе, далеко не составляетъ исторіи полка. Онъ жилъ своею особою жизнью какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ; въ этой жизни надобно искать подготовку къ бою, видѣть практическую школу многихъ преображенцевъ, ставшихъ впослѣдствіи на видныя мѣста въ государствѣ. Я прослужилъ въ Преображенскомъ полку 17 лѣтъ, а въ военной службѣ—40 лѣтъ безъ малаго и дожилъ до того времени, когда исторію пишутъ не такъ, какъ прежде. Всѣ заслуги, всѣ достоинства, въ комъ бы они ни проявились, находятъ мѣсто въ исторіи, слѣдовательно, должны значиться и въ историческихъ матеріалахъ. Если въ нихъ открывается дѣятельность какого-либо общества или братства, правильно организованнаго, нельзя не разсмотрѣть характеристики лицъ, имъ руководившихъ, или относить результаты этой дѣятельности къ одному лицу. Полковой же командиръ самый первый, главнѣйшій представитель власти, но далеко не единственный. За нимъ слѣдуютъ штабъ-офицеры.

*

Командиръ 1-го баталіона, полковникъ Гольгоеръ не долго оставался при мнѣ въ полку. Помнится, что въ томъ же 1848 году его мѣсто заступилъ командиръ 3-го баталіона, полковникъ Алексѣй Петровичъ Мусинъ-Пушкинъ, старый, коренной преображенецъ, тоже микулинскаго времени. Это личность интересная, не потому только, что Катенинъ любилъ и отличалъ Пушкина, но потому, что онъ самъ впослѣдствіи (1856—1858) командовалъ Преображенскимъ полкомъ. Когда я пріѣхалъ въ лагерь и сталъ являться старшимъ офицерамъ,— почтенный Алексѣй Петровичъ жилъ въ Ластихѣ (небольшой, чухонской деревушкѣ, въ полверстѣ отъ праваго фланга лагеря). Онъ вышелъ ко мнѣ въ мундирѣ съ Станиславскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ уже тогда показался мнѣ человѣкомъ лѣтъ 45-ти, довольно высокаго роста, довольно полнымъ. Лицо было у него одутловатое, съ мелкими, заплывшими чертами, а глаза — сѣрые, выпуклые, называемые въ просторѣчіи телячьими или оловянными. Длинные усы небрежно опускались внизъ, и видно было, что ни гребень, ни косметика не стѣсняли природу; зато прическа и волосы на головѣ поражали изысканностью, и только черезъ годъ я могъ догадаться, что Пушкинъ носилъ накладку,—до того искусно она была сдѣлана. Женатъ онъ былъ на Капитолинѣ Михайловнѣ, рожденной С.... вой, изъ богатой, малороссійской фамиліи. Она была добродушна до того, что ея наивности постоянно конфузили мужа. Пріѣхавъ въ Петербургъ изъ Малороссіи, она все сидѣла у окна, любуясь столичными диковинками, и безпрестанно подзывала къ себѣ мужа: «Алексисъ, Алексисъ!.. Иди сюда скорѣе... вонъ идетъ солдатъ въ большой кичкѣ... Какъ зовутъ-то ихъ?.. Какъ, бишь, ты говорилъ?» Алексѣй Петровичъ былъ въ отчаяніи: «Да павловскій солдатъ... что-за невидаль такая!..» Но жена и опять начинала кричать: «Алексисъ!.. Бѣги скорѣе!.. Вонъ, мѣдный солдатъ идетъ, а на головѣ баклага у него, съ гривой съ лошадиной!..» Мужъ, конечно, еще хуже сердился: «Тьфу, ты пропасть!.. Да это конногвардейскій солдатъ и не мѣдный онъ вовсе человѣкъ, а такой же, какъ и всѣ, только латы мѣдныя носитъ... и не баклага, а каска [1]) у него на головѣ!..»

Меня она озадачила при первомъ же представленіи въ Ластихѣ. Когда ея мужъ назвалъ мою фамилію, она вдругъ спросила: «Такъ вы, князь, стало быть, католикъ?..» — «Что вы, помилуйте, я православный,

---

[1]) Каски гвардейскихъ кирасиръ 1840-хъ годовъ напоминали римскіе шлемы и были оторочены сверху щетинистымъ гребнемъ, кончавшимся спереди крючкообразнымъ, волосянымъ заворотомъ.

отчего вамъ такъ кажется?..»—«А какже?.. Вѣдь вы . . . . скій... Ну, и у поляковъ всѣ фамиліи — скій, да скій!» При такомъ странномъ объясненіи, Пушкинъ всталъ, махнулъ рукою и ушелъ, оставивъ насъ вдвоемъ, а я радъ былъ найти благодарный предметъ разговора для перваго знакомства и началъ доказывать, что многія русскія и даже малороссійскія фамиліи кончаются на скій. К. М. все выслушала, благодарила за свѣдѣнія и сейчасъ же все перезабыла, такъ что при слѣдующемъ же свиданіи сказала мнѣ: «А я по Невскому ѣхала... у васъ тамъ въ костелѣ огромный съѣздъ! Что тамъ сегодня было . . . Хоронили что-ли кого?..»

Въ третій разъ, встрѣтившись съ нею, я взялъ да и перекрестился по-православному. К. М. удивилась: «Ай, вы по-нашему креститесь, а я все думала, что вы полякъ!..» Наконецъ, Пушкинъ вышелъ изъ терпѣнія: «Что это! Князь тебѣ въ двадцатый разъ говоритъ, что онъ православный, а ты все свое долбишь!..»

А. П. Мусинъ-Пушкинъ былъ простодушный, добрый, русскій баричъ съ хорошимъ состояніемъ. Какъ всѣ баричи, онъ имѣлъ склонность къ лѣни и покою, любилъ хорошо покушать, полежать, но честолюбіе и славолюбіе подталкивало его искать службы и дѣятельности, и этотъ разладъ природы съ житейскою практикою дѣлалъ его непохожимъ на самого себя. У себя дома, покушавъ въ удовольствіе и отдохнувъ послѣ хорошаго обѣда, Алексѣй Петровичъ становился добродушнымъ, обходительнымъ человѣкомъ, то-есть тѣмъ, какимъ онъ былъ рожденъ. Даже, вообще, внѣ службы, простодушная улыбка никогда не сходила съ его лица, зато на службѣ онъ дѣлался серьезнымъ и становился невыносимымъ существомъ. Пушкинъ былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы усвоить себѣ сложныя и мелочныя требованія тогдашняго устава и, какъ всѣ люди, неувѣренные въ себѣ, крайне суетился и страшно пилилъ и надоѣдалъ во фронтѣ всѣмъ и каждому. На офицеровъ и на солдатъ онъ постоянно кричалъ своимъ охрипшимъ, какъ бы надорваннымъ голосомъ, и все-таки никто не могъ понять, чего онъ добивается, а самъ онъ, конечно, меньше всѣхъ! Ни ума, ни умѣнья говорить, ни знанія дѣла—ничего въ немъ не было; офицеры его не любили и не уважали, солдаты ненавидѣли, и все высшее начальство было самаго незавиднаго мнѣнія о службѣ этого штабъ-офицера. Одинъ только Катенинъ, наперекоръ всѣмъ мнѣніямъ, какъ говорится, носилъ Пушкина на рукахъ и вознесъ его очень высоко. 25 сентября 1848 г. Пушкинъ получаетъ 1-й баталіонъ (важное въ полку отличіе); 3 апрѣля 1849 онъ удостоивается назначенія флигель-адъютантомъ и, вслѣдъ затѣмъ, получаетъ Анненскій орденъ 2-й степени. 30 марта 1852 г. Пушкинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры

съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Катенинъ пишетъ въ честь его эффектный, благодарственный приказъ и заканчиваетъ его такими словами: «Честь и хвала тому, кто, въ продолженіе 27 лѣтъ, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ не измѣнилъ преображенскому мундиру. Общая благодарность полка да сопровождаетъ его на новомъ поприщѣ служенія!..» Этимъ новымъ поприщемъ былъ сначала полкъ короля прусскаго (3-ей гвард. дивизіи), а потомъ (1856 г.)— Преображенскій.

Вторымъ преображенскимъ баталіономъ командовалъ полковникъ Николай Дмитріевичъ Шульгинъ, сынъ Дмитрія Ивановича Шульгина, бывшаго въ то время петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Николай Дмитріевичъ былъ моимъ первымъ баталіоннымъ командиромъ, и я, какъ теперь, вижу передъ собой средняго роста, полненькаго штабъ-офицера, то и дѣло нервно подергивавшаго головою въ одну сторону. Онъ былъ прекраснѣйшій, добрѣйшій, честнѣйшій человѣкъ, и душа его проглядывала въ лицѣ до того, что напустить на себя служебную важность ему никакъ не удавалось. Онъ имѣлъ свои странности, не особенно причудливыя, и все-таки въ немъ поражалъ какой-то оттѣнокъ комизма во всемъ, что онъ ни дѣлалъ и ни говорилъ, хотя на службѣ и внѣ службы Шульгинъ былъ всегда серьезенъ и старался импонировать. Во-первыхъ, онъ былъ не бойкій ѣздокъ, что вовсе не удивительно, такъ какъ большинство тогдашнихъ штабъ-офицеровъ совсѣмъ не умѣли ѣздить верхомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ говорили и много анекдотовъ ходило объ этомъ. Лошади сѣдлались англійскими сѣдлами и управлялись мундштукомъ, а выучиться этому надобно было смолоду да и то съ большимъ трудомъ. Между тѣмъ, пѣхотные капитаны дѣлались штабъ-офицерами не ранѣе 40-лѣтняго возраста, когда учиться чему-нибудь вообще, а верховой ѣздѣ въ особенности, — невозможно. Вотъ почему жалкая ѣзда пѣхотныхъ кавалеровъ бросалась всѣмъ въ глаза и, конечно, не укрывалась отъ высшаго начальства.

Мнѣ разсказывали, что великій князь Михаилъ Павловичъ, послѣ смотра какого-то полка, позвалъ къ себѣ штабъ-офицеровъ, чтобы объявить имъ свои замѣчанія. Одинъ изъ нихъ ѣздилъ на рыжей кобылѣ, очень смирной, но до того разбитой на переднія ноги, что ѣздить на ней быстрымъ аллюромъ было рискованно. Но заставить ждать великаго князя было дѣломъ еще болѣе рискованнымъ, такъ что полковникъ, не желая отстать отъ другихъ, подбодрилъ свою кобылу сабельными фухтелями и заставилъ ее пойти усиленнымъ галопомъ. Подъѣхавъ къ великому князю, ѣздокъ пожелалъ молодецки осадить лошадь сразу, на полномъ скаку, и потянулъ поводья, но рыжая кобыла, не выдержавъ такого искуса, рухнула на колѣна, а сѣдокъ, потерявшій стремена, какъ-то странно перелетѣлъ черезъ голову лошади, сѣлъ на землю

въ пяти шагахъ отъ начальства, но не потерялся, взялъ подъ козырекъ и, сидя отрапортовалъ: «Ничего, ваше высочество, Богъ помиловалъ!..»

Я уже говорилъ въ началѣ статьи, что Михаилъ Павловичъ, несмотря на суровую внѣшность, имѣлъ веселый, даже шутливый характеръ. Въ этотъ день онъ былъ недоволенъ смотромъ и намѣренъ былъ дать нагоняй командиру полка и разсажать подъ арестъ замѣченныхъ офицеровъ. Но эпизодъ со смѣлымъ кавалеристомъ такъ разсмѣшилъ высокаго начальника, что онъ былъ не въ состояніи сердиться, ограничился общими замѣчаніями и потомъ, обращаясь къ командиру полка, сказалъ: «Съ вами мнѣ долго говорить нечего... вы сами видѣли, что у васъ въ полку и ѣзда и маршировка — все идетъ сверху внизъ!.. А сегодня дѣло даже и не пошло, а прямо шлепнулось на землю передо мною!..» Тутъ великій князь не могъ сдержаться, захохоталъ и уѣхалъ. Странная игра случая! — Гроза нагоняя и арестовъ благополучно пронеслась надъ полкомъ, благодаря одному опрометчивому шагу рыжей кобылы!..

Старый преображенскій товарищъ, разсказывавшій мнѣ только-что описанное похожденіе, прибавилъ, что, кажется, и послѣ этого происшествія не было принято никакихъ мѣръ къ обученію пѣхотныхъ ѣздоковъ, пока подобная же сцена не разъигралась, наконецъ, въ глазахъ самого государя. Разъ на маневрахъ, императоръ Николай встрѣтилъ пѣхотный баталіонъ безъ начальника. Ему доложили, что полковникъ отсталъ и куда-то запропалъ. Государь разгнѣвался, потребовалъ къ себѣ полковаго командира и, выговаривая ему за безпорядокъ, поѣхалъ шагомъ къ небольшому лѣсу, изъ котораго только-что вышелъ баталіонъ. Тутъ и оказался искомый штабъ-офицеръ. Издали было только видно, что онъ, сидя верхомъ, возился съ чѣмъ-то между деревьями, сильно пригнувшись къ лукѣ и опуская правую руку то на голову, то на шею лошади.

Государь остановился, присмотрѣлся и озабоченно сказалъ полковому командиру: «Что тамъ случилось?.. Не заболѣлъ ли онъ?.. Поди узнай поскорѣе!..»

Командиръ полка доскакалъ до лѣса въ одну минуту и увидѣлъ, что его штабъ-офицеръ просто дерется съ своею лошадью и не можетъ заставить ее перейти близлежащую широкую, но не глубокую и сухую канаву. Полковой командиръ вспыхнулъ:

— Что вы тамъ барахтаетесь!.. Извольте ѣхать къ своему баталіону! Вы срамите весь полкъ!.. Дайте ей шпоры!.. Государь изволитъ смотрѣть на васъ!..

При этихъ грозныхъ словахъ полковникъ стремглавъ соскочилъ на землю, взялся за поводья и самъ побѣжалъ рысью черезъ канаву, таща за собою оторопѣлаго коня. Полковой командиръ вышелъ изъ себя:

— Что вы дѣлаете?.. Зачѣмъ слѣзаете?.. Извольте сію же минуту сѣсть въ сѣдло!.. Но полковникъ, сильно опѣшенный, уже взбирался на край канавы, махалъ рукою своему генералу и съ добродушною поспѣшностью приговаривалъ: «Ничего, ваше п—во, такъ скорѣе .. такъ я скорѣе подоспѣю!..» И онъ, вскарабавшись на сѣдло, очутился лицомъ къ лицу съ государемъ, уже подъѣхавшимъ къ мѣсту происшествія съ огромною и блестящею свитою.

Императоръ сначала засмѣялся при видѣ этой странной побѣгушки, но потомъ еще сильнѣе разгнѣвался и велѣлъ посадить подъ арестъ неловкаго ѣздока. Этимъ дѣло, однако же не ограничилось. Послѣ маневровъ появился приказъ по корпусу, предписывавшій всѣмъ штабъ-офицерамъ и адъютантамъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи неупустительно являться въ назначенные дни въ Михайловскій манежъ для обученія верховой ѣздѣ подъ руководствомъ полковниковъ гвардейской кавалеріи, назначаемыхъ по очереди для этой цѣли. Когда я поступилъ на службу, обученіе это давно уже было введено, но обратилось въ пустую формальность. Въ началѣ пріѣзжалъ въ манежъ кое-кто и кое-когда, а потомъ и вовсе перестали ѣздить, въ виду того, что гонять на кордѣ почтенныхъ штабъ-офицеровъ, прожившихъ полвѣка, представлялось неудобоисполнимымъ.

За вѣрность предъидущихъ двухъ разсказовъ я ручаться не могу: мало-ли что разсказываютъ! Вѣдь говорили же мнѣ, что въ пѣхотѣ большинство не умѣетъ ѣздить. Между тѣмъ, въ Преображенскомъ полку (правда, это было блестящее его время!) я увидѣлъ совсѣмъ другое: всѣ батальонные адъютанты: Пенхержевскій (полковой адъютантъ), князь Вяземскій, графъ Апраксинъ, Кашкинъ ѣздили очень не дурно, а изъ старшихъ чиновъ,—самъ Катенинъ и младшіе штабъ-офицеры: Самсоновъ и Шернваль были отличные ѣздоки, такъ что, напротивъ, меньшинство, а именно: три батальонныхъ командира оказывались слабыми въ верховой ѣздѣ. Пушкинъ ѣздилъ отвратительно, хотя комическихъ эпизодовъ и съ нимъ не бывало. У Н. Д. Шульгина былъ массивный, гнѣдой меринъ «Артасъ», до того разжирѣвшій, что былъ похожъ болѣе на слона, чѣмъ на коня: Онъ не любилъ быстрыхъ аллюровъ и ходилъ только шагомъ или маленькою рысцою, да и то весьма не охотно. Шпоры и понуканія ѣздока ни къ чему не служили, такъ какъ Николай Дмитріевичъ своими коротенькими ножками шпорилъ только подпругу. Лѣтомъ, въ жаркую пору, когда появлялись оводы и слѣпни, «Артасъ» выходилъ изъ хладнокровнаго своего темперамента и начиналъ страшно лягаться, козлить и забрасывать морду на сторону, такъ что Николай Дмитріевичъ, боясь укушенія, вооружался огромной вѣткою и отма-

хивалъ своего коня спереди, а гарнистъ дѣлалъ то же самое сзади. Вотъ и все, что́ можно сказать. При моемъ поступленіи въ полкъ, Шульгинъ былъ довольно слабъ по фронту; онъ недавно получилъ баталіонъ и, кажется, Жерковъ не успѣлъ сдѣлать изъ него фронтовика. Впослѣдствіи Николай Дмитріевичъ наловчился, солдаты привыкли къ его голосу, и, если фронтовое образованіе сильно расклеилось при Катенинѣ, то это случилось не въ одномъ второмъ баталіонѣ, а въ цѣломъ полку и виною распущенности былъ не Шульгинъ. Третьимъ баталіономъ командовалъ полковникъ Салогубъ, переведенный изъ Московскаго полка. Кстати замѣчу, что производство въ полковники и назначеніе баталіоннымъ командиромъ соблюдались тогда не въ каждомъ полку отдѣльно, а по общей очереди всей гвардейской пѣхоты. Лицо Салогуба весьма некрасивое, съ усами, подстриженными щеткою, очень подходило къ солдатскимъ физіономіямъ. Его сухая, худощавая фигура, на тощей, плохой лошаденкѣ, имѣла какой-то жалкій, несчастный видъ. Командуя, во фронтѣ, баталіономъ, онъ, казалось, плакалъ и умолялъ исполнить команду. Внѣ фронта Салогубъ старательно стушевывался, не подавалъ голоса. Онъ безъ словъ выражалъ свое неловкое положеніе между богатыми и щеголеватыми преображенцами. Такъ вотъ и ждешь, бывало, что онъ скажетъ: «Господа, простите, ради Бога, что я между вами! Право, я и самъ не радъ, да что же дѣлать, если прикомандировали!» Впрочемъ, онъ не долго оставался въ полку, — ушелъ куда-то, и 3-й баталіонъ принялъ полковникъ Михаилъ Петровичъ Вонлярлярскій, старый преображенецъ, залетѣвшій, тоже по корпусной очереди, въ Волынскій полкъ и выхлопотавшій переводъ въ старое гнѣздо. Михаилъ Петровичъ, хотя не дурно, даже эффектно ѣздилъ на отличной гнѣдой лошади, но фронтовикъ былъ тоже очень плохой,—едва-ли не слабѣе всѣхъ своихъ товарищей. Такой подборъ штабъ-офицеровъ: одинъ не твердый, другой—не совсѣмъ твердый и третій вовсе слабый,—конечно, клонился къ невыгодѣ полка, а въ немъ, какъ разъ въ то время, имѣлись отличные кандидаты на командованіе баталіонами. Передъ моимъ поступленіемъ, были откомандированы, для исправленія должности младшихъ штабъ-офицеровъ, два капитана: Гаврило Петровичъ Самсоновъ и Карлъ Андреевичъ Шернваль. Оба они были люди умные, серьезные, отличные офицеры, а, главное,—люди съ твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ, такъ что умѣли поставить себя въ превосходныя отношенія съ начальствомъ и съ товарищами, а для молодыхъ офицеровъ служили примѣромъ, достойнымъ подражанія. Шернваль, финляндецъ, низенькій, коренастый, несмотря на малый ростъ, былъ человѣкъ съ сильною волею и чрезвычайно энергичный. Мнѣ разсказывали, что въ доброе старое время ему попалась, такъ называемая, «бунтарская рота», то-есть, распущенная, разбалованная

такъ, что солдаты пробовали ротнаго командира и, если онъ былъ безхарактерный—дѣлали съ нимъ все, что̀ хотѣли. Шернваль началъ ихъ подтягивать; это не понравилось, и разъ, на домашнемъ ученьи, когда командиръ поздоровался съ ротою, солдаты не отвѣтили ему. Не призадумываясь ни на минуту, Шернваль вынулъ полу-саблю, подошелъ къ правофланговому и сказалъ твердо и рѣшительно: «здорово, такой-то!» Тогда правофланговый, онъ же и первый заводчикъ безпорядка, видя, что шутки выходятъ плохія, отвѣчалъ громко и усердно. Шернваль обратился ко всему фронту, поздоровался еще разъ, но теперь уже всѣ отвѣчали очень дружно. Однако, даромъ имъ эта продѣлка не прошла. Карлъ Андреевичъ смолчалъ, но сталъ не торопясь и постепенно налегать на зачинщиковъ, да такъ перебралъ, лучше сказать, такъ передралъ ихъ, что на всегда отбилъ охоту бунтовать. Послѣ штабъ-офицеровъ, самую выдающуюся роль въ полку играетъ полковой адъютантъ. 9-го апрѣля 1848 года, послѣ откомандированія Россета, штабсъ-капитанъ Н. А. Пенжержевскій былъ назначенъ исправлять должность полковаго адъютанта, а 17-го числа былъ въ ней утвержденъ. Все это было еще при Жерковѣ; Пенжержевскій оставался полковымъ адъютантомъ, почти во все командованіе Катенина, именно по 13-ое мая 1852 года. Онъ умеръ 32 года тому назадъ бездѣтнымъ, такъ что я могу вполнѣ искренно поговорить объ этомъ человѣкѣ, память котораго глубоко уважаю. При первомъ свиданіи съ нимъ, я увидѣлъ высокаго, худощаваго, блѣднаго офицера, съ черными, умными глазами, съ правильнымъ профилемъ лица. Тонкія губы прикрыты были рѣденькими усами, и онъ безпрестанно кусалъ ихъ въ раздумьи. Пенхержевскій говорилъ мало, но всегда умно. Если же онъ и молчалъ, то чаще всего горькая иронія свѣтилась въ едва замѣтной усмѣшкѣ. Онъ, кажется, смотрѣлъ на все окружающее съ тѣми чувствами, какихъ оно и въ самомъ дѣлѣ заслуживало. Но если Николай Александровичъ начиналъ говорить, то выходило или крылатое словцо̀, долго потомъ ходившее въ полку, или же хлёсткая сатира. Разъ онъ сказалъ: «Бываютъ на свѣтѣ только два рода дураковъ: одни не подумаютъ и скажутъ глупость, а другіе выскажутъ ее, крѣпко подумавши. Дуракъ послѣдняго рода любитъ важно помалчивать. Это глубокомысленный дуракъ!»

Но Пенхержевскій былъ не всегда такимъ сдержаннымъ и молчаливымъ, какимъ я засталъ его въ полку. Этотъ благороднѣйшій, добрый, умный человѣкъ былъ когда-то первымъ весельчакомъ и душею полковаго общества. Про него разсказывали множество анекдотовъ, самыхъ забавныхъ и остроумныхъ, но конецъ его жизни и карьеры былъ печальный. Много способствовала тому его жена, очень красивая женщина, но бездушная кокетка. Не называю ея имени и не говорю о ней,

чтобы не омрачить память превосходнаго товарища и человѣка. Въ его должности, въ тогдашнюю эпоху имѣла значеніе не административная, не канцелярская ея сторона, иначе любой старшій писарь могъ бы замѣнить своего начальника. Полковой адъютантъ имѣлъ значеніе, какъ посредникъ между офицерами и командиромъ полка, бывшимъ въ то время почти полновластнымъ и неограниченнымъ лицомъ. Я много видѣлъ полковыхъ адъютантовъ, но втораго Пенхержевскаго ни въ комъ изъ нихъ не узнавалъ. Онъ стоялъ за старшихъ, какъ за младшихъ товарищей, съ мужествомъ истиннаго друга и не боялся говорить Катенину горькія истины. Генералъ не любилъ, напримѣръ, Ч . . . . . ва, гналъ и распекалъ его на каждомъ шагу и какъ-то разъ крикнулъ на него во фронтѣ: «равнодушіе ваше къ службѣ поведетъ васъ когда-нибудь прямо на гауптвахту, а можетъ быть выведетъ изъ полка!..» Ч . . . . . ву это надоѣло, и онъ высказался Пенхержевскому напрямки: «Да скажи же ты ему, наконецъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, меня доѣдаетъ!.. Не могу же я переродиться, пороть горячку, безъ всякаго толка и мучить людей! Такъ, зато у меня ни бѣглыхъ, ни больныхъ нѣтъ!..» На другой же день Пенхержевскій, отправляясь съ докладомъ къ полковому командиру, захватилъ съ собою списки больныхъ и бѣглыхъ и не обинуясь доложилъ всю правду-матку: «Вы благодарите и поощряете Р . . . . . на и преслѣдуете Ч . . . . . ва. Не угодно ли просмотрѣть вѣдомость о бѣжавшихъ. Во 2-й ротѣ ихъ много, а въ 9-й ни одного! Вы сами недавно приказали объявить выговоръ въ приказѣ тому же Р . . . . . ну за неумѣренное число больныхъ въ его ротѣ, а Ч . . . . . ва и въ этомъ упрекнуть нельзя, у него въ ротѣ больныхъ нѣтъ. За что же вы его преслѣдуете!» Вообще, Пенхержевскій держалъ себя ровно со всѣми. Помню, что, будучи совершенно юнымъ прапорщикомъ, я не только не стѣснялся, но любилъ обращаться къ нему въ случаѣ надобности. Невозможныя просьбы и притязанія онъ отклонялъ, обращая ихъ въ шутку, а если кто не понималъ шутки, тогда онъ серьезно, въ нѣсколькихъ простыхъ и дѣльныхъ словахъ, убѣждалъ самаго упрямаго и заносчиваго. Повторяю въ заключеніе, что Пенхержевскій былъ безукоризненный служака и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умный, добрый, честнѣйшій человѣкъ. Вознаградила ли его служба - мать и отецъ-командиръ? Нѣтъ, не вознаградила. Пушкинъ, Коссаковскій, Герштенцвейгъ были осыпаны наградами, будучи представлены государю въ самыхъ лучшихъ аттестаціяхъ, такъ что, сверхъ заурядныхъ наградъ, удостоились еще особой монаршей милости — флигель-адъютантскаго аксельбанта. Всѣ они и многіе другіе были выведены на дорогу почестей, а Пенхержевскій не получилъ почти ничего, ни на торжествѣ 1849 года, ни на 150 лѣтнемъ юбилеѣ полка, ни въ годовщину 25-лѣтія императора Николая въ званіи шефа Преображенскаго полка, въ 1850 г. Семейныя

непріятности давно уже подкапывали здоровье Николая Александровича, а безпрестанные и безпощадные толчки его самолюбію добили его окончательно. Онъ сталъ чахнуть, у него развилась скоротечная чахотка. 13-го мая 1852 года Пенхержевскій былъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, а 27-го іюня въ полку служили по немъ панихиду!

Вторая вліятельная личность въ полку—полковой казначей, въ то время назначавшійся по выбору офицеровъ. Жерковъ смѣнилъ и перевелъ безъ огласки въ армію штабсъ-капитана Шв е н ц о н а, бывшаго казначеемъ въ командованіе генерала М у н к а, такъ какъ оказалась растрата полковыхъ суммъ. Офицеры выбрали, а Жерковъ утвердилъ въ должности казначея поручика Константина Григорьевича Р е б и н д е р а. Онъ былъ выпущенъ изъ 2-го кадетскаго корпуса и сразу отлично поставилъ себя на службѣ. Наружность его поражала контрастами: совершенно лысая голова и совершенно молодое лицо, съ небольшими, выхоленными усами и съ большими, лазорево-голубыми глазами, постоянно принимавшими то мечтательное, то восторженное выраженіе. Казначей былъ большой энтузіастъ, много читалъ и всегда громко восхищался прочитаннымъ, особенно — Америкою и американцами. Карта Новаго Свѣта, на мольбертѣ, была всегда у него передъ глазами, и онъ посматривалъ на нее, даже выдавая жалованье и квартирныя деньги. Это не мѣшало ему также горячо восторгаться чьимъ-нибудь, ловко скроеннымъ мундиромъ или шикарными эполетами. Казначей отскакивалъ назадъ, любовался и покрикивалъ: «ш-и-и-къ!..» Вообще, онъ любилъ и всегда употреблялъ слово «шикъ», самъ одѣвался съ шикомъ, но главная его добродѣтель заключалась въ томъ, что онъ никогда никого не хулилъ, ничего не бранилъ, не фрондировалъ, зато всѣмъ восторгался, особенно Преображенскимъ полкомъ. Когда заходила о немъ рѣчь, Ребиндеръ говорилъ такъ пламенно, такъ увлекательно, что самъ Микулинъ спасовалъ бы передъ нимъ. Онъ горячо утверждалъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ величественнѣе и почтеннѣе Преображенскаго полка, и что тотъ недостоинъ оставаться въ немъ на минуту, кто не рѣшился быть преображенцемъ до гробовой доски! И Жерковъ и Катенинъ любили и цѣнили этого отличнаго офицера, и онъ платилъ имъ взаимной любовью и уваженіемъ до того, что самъ же нарушилъ свой торжественный обѣтъ. Дѣло въ томъ, что, когда Катенинъ назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ, нашъ казначей очутился въ трудномъ положеніи. Надо было, такъ сказать, выбирать между «отцомъ» и «отечествомъ». Съ переполоху, онъ выбралъ отца, поступилъ адъютантомъ къ Катенину и сдѣлалъ потомъ блестящую карьеру, но говорить о ней не буду, потому что предстоитъ описать личности, хотя не столь извѣстныя, но, пожалуй, еще болѣе замѣчательныя,—такою былъ штабсъ-капитанъ Константинъ Ѳаддеевичъ Коссаковскій, командовавшій, въ

1848 г., третьею ротою 1-го баталіона. Практичный умъ Коссаковскаго побѣдилъ физическую природу. Онъ былъ, по лицу, просто уродъ! Все складывалось въ немъ некрасиво, угловато, особенно нижняя челюсть и подбородокъ, непомѣрно выдававшійся впередъ. Коссаковскій отпустилъ огромные усы, сгущалъ ихъ частью бороды и все это загибалъ впередъ, такъ что природный недостатокъ совершенно стушевывался. Въ добавокъ, Коссаковскій былъ отвратительно сложенъ, но онъ помогъ и этому горю, а именно тѣмъ, что, наперекоръ тогдашней модѣ—мундировъ въ обтяжку, онъ заказывалъ платье широкое, какъ мѣшокъ, а, между тѣмъ, оно сидѣло на немъ также гладко, какъ и обтяжное. Константинъ Ѳаддеевичъ вышелъ въ полкъ изъ пажей и не только отлично воспользовался пажескимъ воспитаніемъ, но самъ, своимъ примѣромъ и умомъ, съумѣлъ воспитывать другихъ. Онъ завѣдывалъ полковою библіотекою, много читалъ и умѣлъ кстати выказывать свои познанія. Кромѣ того, онъ широко примѣнилъ къ дѣлу житейскія правила старыхъ пажей на счетъ общественной представительности. Коссаковскій вошелъ въ высшее петербургское общество, былъ всюду охотно принятъ и вездѣ былъ какъ дома. Многія изъ лицъ царской фамиліи знали и любили его. Я уже имѣлъ случай привести доказательство, что самъ великій князь Михаилъ Павловичъ уважалъ и отличалъ этого штабсъ-капитана до того, что, оставляя начальническій тонъ, говорилъ съ нимъ на распашку.

Вообще, въ отношеніяхъ своихъ къ начальству Коссаковскій держалъ себя чрезвычайно ловко. Онъ не раболѣпствовалъ ни передъ кѣмъ, но говорилъ почтительно, а, главное, такъ умно и дѣльно, что всякій начальникъ невольно имъ интересовался. Изъ товарищей немногіе любили его, потому что всѣ ему завидовали. Но Константинъ Ѳаддеевичъ умѣлъ, съ замѣчательнымъ тактомъ, обезоруживать самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ. Помню, что мой ротный командиръ Швенцонъ просто не могъ говорить про Коссаковскаго, не разражаясь самою безпощадною бранью, а кончилось тѣмъ, что тотъ же Швенцонъ превозносилъ его больше всѣхъ! Такія чудеса достигались утонченною деликатностью въ обращеніи и стараніемъ услужить, при случаѣ, и принести пользу именно своимъ врагамъ да еще такъ, что стараніе не имѣло вида заискиванія. Съ младшими товарищами, съ молодыми офицерами, обращеніе Константина Ѳаддеевича было еще политичнѣе, еще утонченнѣе. Онъ просто разсыпался передъ ними, какъ будто въ каждомъ прапорщикѣ провидѣлъ фельдмаршала. Въ каждомъ изъ нихъ онъ подмѣчалъ хорошую черту или острое слово и сейчасъ же превозносилъ повсюду автора. Былъ напримѣръ у насъ въ полку прапорщикъ Петровичъ Черный, родомъ сербъ. Какъ всѣ сербы, онъ любилъ Россію и сталъ, какъ-то разъ, говорить, что гордится своею службою и тѣмъ,

что служитъ «Бѣлому Царю». Одинъ изъ молодыхъ его товарищей отвѣтилъ шуткою: «Ну, вотъ еще новости! Какой же слуга Царю-Бѣлому — князь Черный!» Коссаковскій подхватилъ слово на-лету, протрубилъ его повсюду и сдѣлалъ и слово и автора его популярными. Жерковъ чрезвычайно любилъ и уважалъ Коссаковскаго, обращался съ нимъ дружески и подпалъ самъ подъ его вліяніе. Катенинъ любилъ и цѣнилъ его, еще болѣе. Онъ сразу поднялъ этого способнаго человѣка надъ общимъ уровнемъ и, въ два года съ небольшимъ, устроилъ ему блестящую карьеру.

Князь Н. К. Имеретинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ,

НАМѢСТНИКЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

(1863—1874 г.).

(Матеріалы для исторіи усмиренія польскаго мятежа 1863—1864 г. и послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій въ Привислянскомъ краѣ).

X [1]).

Польская депутація въ С.-Петербургѣ въ 1865 году.

Весною 1865 г. графъ Бергъ приглашенъ былъ въ Петербургъ для присутствованія на погребеніи наслѣдника цесаревича Николая Александровича. Суда нашей военной эскадры, перевозившей тѣло покойнаго, изъ Ниццы моремъ, были задержаны бурями и значительно опоздали. Графу Бергу пришлось пробыть въ Петербургѣ около двухъ мѣсяцевъ. Помѣщеніе ему было отведено въ Зимнемъ дворцѣ, на бывшей половинѣ вел. кн. Ольги Николаевны. Для меня и адъютанта, А. А. Куцынскаго, дана была прежняя квартира доктора Мандта, выходившая окнами во дворъ, между подъѣздами Салтыковскимъ и Іорданскимъ.

Сперва у графа Берга, а потомъ и въ нашемъ свитскомъ помѣщеніи, стали появляться разные поляки изъ Варшавы, отъ которыхъ я узналъ, что въ Петербургѣ собирается особая польская депутація для выраженія государю вѣрноподданническаго сочувствія по поводу понесенной имъ тяжкой утраты. Была ли объ этомъ рѣчь

[1]) См. „Русскую Старину“ 1893 г., январь и февраль.

еще въ Варшавѣ, или мысль о депутаціи возникла во время выжиданія въ Петербургѣ—не знаю. Только на пріемъ депутаціи согласіе послѣдовало, и она стала собираться. Вѣроятно, пріемъ ея былъ заранѣе обусловленъ простымъ представленіемъ государю безъ поднесенія адреса, по крайней мѣрѣ объ адресѣ не было никакихъ разговоровъ.

Казалось бы, что данное въ Петербургѣ согласіе на пріемъ депутаціи не вызывало толкованій, но не такъ думали поляки. Во всѣхъ случаяхъ, когда имъ оказываютъ вниманіе, они видятъ политику и заискиваніе передъ ними. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Говорили, что пріемъ депутаціи составитъ событіе въ лѣтописяхъ нашихъ отношеній съ Польшей, что прошлое будетъ предано забвенію, и правительство вернется къ прежнимъ своимъ намѣреніямъ и реформамъ, оставшимся невыполненными вслѣдствіе вооруженнаго мятежа 1863—1864 гг. Легковѣрные паны строили самыя радужныя надежды и прямо говорили, что войти въ старый курсъ очень легко и еще легче поставить крестъ на всѣхъ начинаніяхъ Милютина и К° не имѣющихъ будто бы никакой подъ собою почвы.

Отголоски подобныхъ мыслей дошли до насъ черезъ нѣкоего Л. . . . . го, бывшаго нашего гвардейскаго офицера, завѣдывавшаго въ Варшавѣ какой-то школой. Онъ тоже находился въ числѣ пріѣхавшихъ изъ Варшавы депутатовъ.

Несомнѣнно было, что подобные толки занимали польское общество Варшавы. Тамъ, ничему не научившіеся изъ опыта жизни поляки охотно вѣрили нелѣпымъ разсказамъ и оживились. Слухи объ этомъ дошли, между прочимъ, до Берлина, и канцлеръ Бисмаркъ приказалъ генеральному консулу въ Варшавѣ барону Рехенбергу ѣхать въ Петербургъ и зорко слѣдить за всѣмъ происходившимъ тамъ по поводу пріема польской депутаціи. Бисмаркъ тогда строго держалъ своихъ познанскихъ поляковъ и опасался, чтобы въ Петербургѣ не было принято какихъ-либо неожиданныхъ мѣръ и не оказано нежелательныхъ поблажекъ полякамъ.

Наконецъ день пріема былъ назначенъ на 13-е іюня въ Зимнемъ дворцѣ. Депутація собралась въ одной изъ комнатъ около кабинета государя, вправо отъ бильярдной. Первымъ въ главѣ депута-

ціи, сталъ дѣйст. тайн. сов. Губе, знакомившій въ свое время государя, бывшаго еще великимъ княземъ, съ польскими законами. Депутаты размѣстились въ одну линію и стали вдоль всей продольной стѣны, по боковой и завернули на другую продольную стѣну, хвативъ до ея половины. Всѣхъ ихъ было болѣе тридцати человѣкъ.

Въ залѣ, вмѣстѣ съ депутатами, ожидалъ государя и графъ Бергъ. При немъ находились—я и адъютантъ, гвардіи штабсъ-ротмистръ Куцынскій [1]). Государь, всегда отличавшійся необыкновенною точностію и аккуратностью при пріемахъ, не заставилъ себя ждать и на этотъ разъ. Ровно въ назначенное время, двери распахнулись, и въ комнату вошелъ государь, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича Александра Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Государь и цесаревичъ были въ лейбъ-гусарскихъ венгеркахъ. За нимъ вошли дежурные—генералъ-адъютантъ В. Г. Бибиковъ, свитскій генералъ и флигель-адъютантъ. Я въ первый разъ тогда видѣлъ цесаревича; лицо его дышало здоровьемъ и свѣжестью молодости.

Отвѣтивъ на привѣтственный поклонъ депутаціи, государь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, остановясь почти по срединѣ комнаты, произнесъ на французскомъ языкѣ слѣдующее [2]):

«J'ai désiré vous voir, messieurs, pour vous remercier des sentiments que vous M'avez témoignés dans les dernières pénibles circonstances. J'aime à croire qu'ils sont sincères. Je désire, qu'ils soient partagés par la majorité de vos compatriotes Mes sujets en Pologne. Ces sentiments seront la meilleure garantie que nous n'aurons plus à subir les épreuves par lesquelles nous venons de passer.

«Je désire que vous transmettiez Mes paroles à vos compatriotes égarés. Je compte sur vous pour les ramener à la raison.

«Je dois vous rappeler à cette occasion les paroles qu'on a voulues Me reprocher comme une insulte à la Pologne et que J'ai prononcées en 1856 à Varsovie, lorsque J'y suis venu la première fois comme souverain. On M'a reçu alors avec empressement, et c'est au palais de Lazienki que J'ai dit à vos compatriotes: «Point de rêveries!»

---

[1]) Сынъ бывшаго начальника Варшавскаго жандармскаго округа, родомъ сербъ. Умеръ онъ 11-го февраля 1892 г. отставнымъ полковникомъ.

[2]) «Journal de St. Pétérsbourg, 6 (18) juin 1865, № 125.

S'ils avaient suivi ce conseil ils auraient épargné bien des malheurs à votre pays. Je reviens donc à Mes paroles d'alors: «Point de rêveries!»

«J'aime également tous Mes sujets fidèles, Russes, Polonais, Finlandais, Livoniens et autres; ils Me sont tous également chers; mais jamais Je ne souffrirai qu'on admette l'idée que le royaume puisse se séparer de l'empire et exister sans lui. Il fut créé comme tel par un Empereur de Russie, et il doit tout à la Russie.

«Voici Mon fils Alexandre, Mon héritier. Il porte le nom de l'Empereur qui jadis a créé le royaume. J'espère qu'il saura dignement gouverner son héritage et qu'il ne tolérera pas ce que Je n'ai pas toléré.

«Je vous remercie de nouveau des sentiments que vous avez manifestés dans la triste circonstance récente».

Рѣчь государя, сказанная быстро и громко, произвела сильное впечатлѣніе. Каждое слово ея разбивало одну за другой иллюзіи поляковъ. Каждое слово глубоко умиляло меня. Я въ первый разъ въ моей жизни присутствовалъ при такомъ многознаменательномъ общеніи самодержавнаго монарха съ своими подданными. Онъ говорилъ имъ въ первый разъ послѣ недавно усмиреннаго мятежа, которымъ вѣтреные поляки отблагодарили своего государя за всѣ его благія для нихъ начинанія. Рѣчь была строга, но не местью и злобой дышала она, а спокойствіемъ и величіемъ могущественнаго повелителя, опирающагося на историческіе факты и сильнаго сознаніемъ своей правоты и правъ русскаго народа. Слушая его, я трепеталъ всѣмъ существомъ моимъ и воскресалъ духомъ, измученнымъ въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Царствѣ Польскомъ. Я воочію убѣдился, съ какою твердостью русскій императоръ изложилъ свой взглядъ на польское дѣло и съ какою энергіею завѣщалъ свои мысли—въ присутствіи представителей поляковъ—своему наслѣднику и будущему верховному вождю двухъ народовъ, братскихъ по происхожденію, по враждебныхъ другъ другу вслѣдствіе множества историческихъ событій. Я понялъ, что начатая въ Привислянскомъ краѣ работа основана на неизмѣнной царскихъ волѣ и что русскимъ дѣятелямъ тамъ предстоитъ широкое поле дѣятельности къ несомнѣнному торжеству Россіи.

Государь кончилъ рѣчь и сталъ обходить депутацію, начавъ съ Губе, къ которому отнесся съ особымъ вниманіемъ. Каждому изъ

остальныхъ тоже нашлось любезное слово. Одному, между прочимъ, государь сказалъ, что помнитъ его офицеромъ Семеновскаго полка. Обойдя всѣхъ, государь снова поклонился и вышелъ изъ комнаты.

Я все это время находился въ какомъ-то очарованномъ состояніи и чувствовалъ, что былъ свидѣтелемъ замѣчательнаго историческаго момента. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, я пошелъ за графомъ Бергомъ въ его помѣщеніе и спросилъ его, не прикажетъ ли онъ принести ему текстъ государевой рѣчи, которая отъ слова до слова легла мнѣ на душу и могла быть записана безъ малѣйшаго затрудненія. Графъ Бергъ отклонилъ мое предложеніе, сказавъ, что если государю угодно будетъ опубликовать его слова, то самъ прикажетъ это сдѣлать. Это дѣйствительно могло быть основательнымъ, и я отправился къ себѣ.

Тамъ я уже нашелъ Л . . . . . аго и еще кого-то. Они пришли туда прямо съ аудіенціи. Обращаясь ко мнѣ, одинъ изъ нихъ спросилъ меня: «не правда ли, какъ государь былъ милостивъ и какъ категорически далъ обѣщаніе исполнить надежды поляковъ». Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него — очевидно онъ, а можетъ быть и нѣкоторые другіе изъ его товарищей, готовы были распространить самыя неточныя свѣдѣнія о всемъ происшедшемъ. Моментально я сознался, что записать слова государя необходимо, и тутъ же рѣшился сдѣлать это и въ тотъ же вечеръ послать текстъ рѣчи государя въ Варшаву, чтобы парализовать тамъ невѣрные слухи, могущіе дойти отъ членовъ депутаціи.

Отдѣлавшись отъ докучливыхъ гостей, я тотчасъ же, вмѣстѣ съ Куцынскимъ, занялся возстановленіемъ рѣчи. Работа шла быстро, и черезъ четверть часа рѣчь была записана и, какъ намъ казалось, вполнѣ точно.

Въ это самое время вошли ко мнѣ Н. А. Милютинъ и баронъ Рехенбергъ. Оба они пріѣзжали къ графу Бергу узнать о результатахъ представленія депутаціи. Не заставъ графа, они зашли ко мнѣ. Я немедленно и съ неостывшимъ еще душевнымъ волненіемъ передалъ все происшедшее и прочиталъ записанную мною рѣчь государя. Выслушавши мой разсказъ и рѣчь, Милютинъ пришелъ въ восторгъ и не находилъ словъ, чтобы достаточно выставить вѣрность и твердость взгляда государя. Оказалось, что государь, неоднократно ра-

*

ботая въ послѣднее время съ Милютинымъ и статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго, Платоновымъ, ни однимъ словомъ не упоминалъ о польской депутаціи и о своемъ намѣреніи произнести депутатамъ привѣтствіе.

Никакой справки по этому дѣлу онъ не требовалъ, и ему представлено не было. Тѣмъ неожиданнѣе было произнесеніе государемъ знаменательной рѣчи, высказанной по личной его иниціативѣ.

— Слава Богу, говорилъ Н. А. Милютинъ, польскій вопросъ стоитъ въ мысляхъ государя незыблемо, нѣтъ никакихъ опасеній, что взгляды его могутъ измѣниться. Чрезвычайно важно, что государь высказался вполнѣ самостоятельно и завѣщалъ свой взглядъ цесаревичу; дѣло закрѣплено на многіе годы, и будемъ надѣяться, что навсегда.

Узнавъ, что я посылаю текстъ рѣчи въ Варшаву (въ письмѣ къ моей женѣ), Милютинъ попросилъ у меня копію рѣчи и хотѣлъ показать ее князю В. А. Долгорукову (шефу жандармовъ), къ которому ѣхалъ въ тотъ день обѣдать.

Баронъ Рехенбергъ тоже былъ доволенъ результатами пріема польской депутаціи и говорилъ, что слова государя произведутъ самое успокоительное впечатлѣніе въ Берлинѣ.

На другой день утромъ, послѣ уже моего доклада, графъ Бергъ снова прислалъ за мною. У него я нашелъ шефа жандармовъ. Обращаясь ко мнѣ, князь Долгоруковъ сказалъ:

— Н. А. Милютинъ передалъ мнѣ записанную вами, полковникъ, рѣчь государя къ польской депутаціи. Я докладывалъ ее сегодня государю, и Его Величество изволилъ отозваться, что вы записали совершенно вѣрно и именно то, что онъ сказалъ; всего измѣнено только одно слово въ самомъ началѣ. Слова государя будутъ напечатаны. Позвольте васъ благодарить за вашу находчивость и умѣнье записывать. Весьма радъ съ вами познакомиться.

На другой день слова государя появились въ «Journal de St.-Pétersbourg» (18 іюня 1865 г. № 125) и сдѣлались извѣстными всему читающему міру.

Замѣчательно однако, что ни въ одномъ русскомъ журналѣ или газетѣ рѣчь эта не появлялась, и о ней даже не упомянуто и въ «Моск. Вѣд.»

Такимъ образомъ была предупреждена возможность если не исказить слова государя, то совсѣмъ замолчать пріемъ польской депутаціи.

Для возстановленія въ памяти аналогичнаго случая, не лишнимъ считаю привести здѣсь рѣчь, сказанную въ 1835 г. императоромъ Николаемъ Павловичемъ варшавскимъ депутатамъ. Привожу ее съ имѣющагося у меня литографированнаго экземпляра.

Приказавъ войти депутатамъ въ особую залу, государь императоръ, въ присутствіи князя, намѣстника-фельдмаршала Паскевича, и варшавскаго военнаго губернатора, генералъ-адъютанта Панкратьева, изволилъ произнести слѣдующее:

«Мнѣ извѣстно, господа, что вы намѣревались сказать мнѣ рѣчь. Знаю даже ея содержаніе и, желая удержать васъ отъ лжи, не хочу, чтобы ваша рѣчь была произнесена предо мною. Такъ, господа, желаю удержать васъ отъ лжи: ибо мнѣ извѣстно, что ваши чувства совсѣмъ не таковы, какими вы ихъ представляете мнѣ, и могу ли я вамъ вѣрить, когда тѣмъ же самымъ языкомъ вы говорили со мною наканунѣ мятежа.

«Не вы ли увѣряли меня пять лѣтъ и восемь лѣтъ назадъ о вашей вѣрности, преданности и расточали изъявленія вашей привязанности, а чрезъ нѣсколько дней вы разрушили ваши клятвы и помрачили себя гнусными поступками.

«Императоръ Александръ сдѣлалъ для васъ болѣе, нежели долженъ былъ сдѣлать россійскій императоръ. Я это говорю, ибо такъ думаю. Онъ осыпалъ васъ благодѣяніями; онъ старался о васъ болѣе, нежели о своихъ собственныхъ подданныхъ; онъ сдѣлалъ край вашъ счастливѣйшимъ и цвѣтущимъ во всѣхъ отношеніяхъ, а вы заплатили ему самою черною неблагодарностію. Вы никогда не могли довольствоваться своимъ наивыгоднѣйшимъ положеніемъ и кончили тѣмъ, что сами разрушили собственное счастіе. Я вамъ говорю откровенно, желая, чтобы наши взаимныя отношенія были ясны, и чтобы вы знали, чего должны держаться на будущее время: ибо нынѣ въ первый разъ послѣ мятежа вижу васъ и говорю съ вами.

«Господа! дѣла, а не слова нужны. Надобно, чтобы раскаяніе

происходило отсюда (при семъ Его Величество изволилъ указать на сердце). Я говорю съ вами не горячась, вы видите, я спокоенъ. Не питаю противъ васъ мщенія и сдѣлаю васъ счастливыми мимо вашей воли. Вотъ фельдмаршалъ: онъ исполняетъ мои намѣренія, помогаетъ мнѣ въ моихъ видахъ и также заботится о вашемъ благосостояніи (при сихъ словахъ депутація поклонилась фельдмаршалу. Его Величество продолжалъ), что, напримѣръ, доказываютъ эти поклоны? Ничего рѣшительно. Прежде всего должно исполнять свои обязанности и вести себя, какъ прилично честнымъ людямъ.

«Предъ вами теперь двѣ дороги: или упорствовать въ мечтаніяхъ о Польшѣ независимой, или жить покойно вѣрными подданными подъ моимъ правленіемъ. Если вы сохраните еще ваши грезы объ утопіи о народности, о Польшѣ независимой, это можетъ только повлечь васъ къ великимъ бѣдствіямъ. У меня здѣсь воздвигнута Александровская цитадель, и объявляю вамъ, что, при малѣйшемъ смятеніи, я разрушу городъ и истреблю Варшаву,—и, конечно, ужь не я выстрою ее снова.

«Прискорбно мнѣ говорить вамъ подобнымъ образомъ. Весьма прискорбно государю обращаться такимъ образомъ съ своими подданными, но я говорю вамъ это для вашего блага. Вамъ должно стараться заслужить забвеніе прошедшаго и только вашимъ поведеніемъ, вашею преданностію къ правительству, вы можете того достигнуть.

«Мнѣ извѣстно, что существуетъ заграничная переписка, сюда присылаются неблагонамѣренныя сочиненія и стараются возмутить умы; наилучшая полиція въ свѣтѣ, при такой границѣ, какою вы окружены, не можетъ воспрепятствовать тайнымъ сношеніямъ. Вы сами должны наблюдать за этимъ и искоренить зло. Только воспитывая хорошо вашихъ дѣтей, внушая имъ правила религіи и вѣрности къ государю, вы можете быть на прямой стезѣ. Среди смятеній, волнующихъ Европу, среди разныхъ ученій, потрясающихъ общественное зданіе, одна только Россія остается твердою и незыблемою. Вѣрьте мнѣ, я вамъ сдѣлаю добро мимо вашей воли. Если вы будете исполнять свои обязанности, мое отеческое попеченіе всегда будетъ надъ вами, и, не взирая на все прошедшее, правительство не перестанетъ заботиться о вашемъ благосостояніи и счастіи.

«Помните хорошо обо всемъ, что я сказалъ вамъ. Прощайте!»

XI.

Старообрядцы.

Въ бывшихъ губерніяхъ Царства Польскаго Августовской и Плоцкой (нынѣ Сувалкской, Ломжинской и Плоцкой) въ довольно значительномъ числѣ живутъ старообрядцы. Еще болѣе ихъ за кордономъ—въ Пруссіи. Между обѣими группами старообрядцевъ поддерживаются сношенія. Живя между чужеземцами, старообрядцы сохранили въ неприкосновенности свою вѣру, языкъ, нравы и привычки. Многіе изъ нихъ говорятъ исключительно по-русски. Мнѣ случилось видѣть парня, лѣтъ 25, женатаго на полькѣ, онъ не только обратилъ ее изъ католичества, но выучилъ говорить по-русски и одѣвалъ въ русскій костюмъ. Она такъ походила на русскую бабу говоромъ, костюмомъ и ухватками, что я не сразу повѣрилъ въ ея польское происхожденіе.

Сохраняя русскіе обычаи и будучи весьма преданы правительству, наши старообрядцы немало терпѣли отъ притязательности православнаго духовенства. Отцы благочинные ежегодно совершали изъ Варшавы путешествія въ старообрядческія селенія и зорко наблюдали за невозведеніемъ новыхъ молитвенныхъ домовъ и сохраненіемъ въ прежнемъ видѣ уже существовавшихъ. Объѣзды эти очень досаждали старообрядцамъ. Въ чемъ было дѣло — сказать трудно. Зналъ я нѣкоторыхъ благочинныхъ, люди были очень хорошіе и, казалось, не падкіе на поборы, а впрочемъ какъ узнаешь чужую душу.

Во время безпорядковъ въ краѣ объѣзды благочинныхъ прекратились. Во время мятежа старообрядцы враждебно относились къ повстанцамъ, не помогали имъ, не впускали къ себѣ въ деревни и крѣпко держались стороны правительства. Графъ М. Н. Муравьевъ, которому въ порядкѣ административнаго управленія была подчинена Августовская губернія, обратилъ и на старообрядцевъ особое вниманіе и въ благодарность за ихъ вѣрное поведеніе не только дозволилъ имъ поправить старыя молельни, но даже далъ на это денегъ и прислалъ въ подарокъ колокола.

Все шло благополучно, мятежъ улегся, спокойствіе въ краѣ водворилось, а старообрядцы радостно звонили во всѣ колокола. А между тѣмъ лица, наблюдавшія за старообрядцами, снова начали объѣзды и замѣтили всѣ новшества. Сувалкскій губернаторъ П. К. Жерве, назначенный по выбору графа Муравьева и съ его разрѣшенія дозволившій старообрядцамъ ввести столь пріятныя для нихъ новшества, не рѣшился удовлетворить требованія благочинныхъ о водвореніи прежнихъ порядковъ.

Архіепископъ поддержалъ представленіе своихъ подчиненныхъ и явился съ жалобами къ намѣстнику, — прося приказать снять у старообрядцевъ колокола и запереть молитвенные дома, которые во время мятежа были открыты.

Графъ Бергъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и далъ рѣшительный отпоръ.

— Что ваши благочинные, во время безпорядковъ и мятежа, дѣлали свои объѣзды? спросилъ онъ.

— Нѣтъ не дѣлали, опасно было показаться въ тѣхъ мѣстахъ, всюду были банды повстанцевъ.

— Ваши подчиненные боялись повстанцевъ и перестали исполнять свои обязанности, а старовѣры этихъ самыхъ повстанцевъ ловили, вязали и представляли по начальству. Какъ же я могу теперь отнять отъ нихъ то, что имъ въ награду дано Муравьевымъ? Воздержите своихъ и прикажите имъ помириться съ тѣмъ, что случилось.

Архіепископъ не удовольствовался этимъ и написалъ намѣстнику бумагу, въ которой изложилъ всѣ продерзости старообрядцевъ, какъ-будто бы не было предварительнаго разговора съ намѣстникомъ и не существовало оффиціальныхъ распоряженій Муравьева.

Графъ Бергъ не отвѣчалъ, считая основательно, что лучше замолчать это дѣло, чѣмъ раздувать его перепискою.

Архіепископъ не остановился на этомъ и писалъ въ Петербургъ. Оттуда пришла бумага къ намѣстнику, а какъ онъ и на нее молчалъ, то вслѣдъ за первой бумагой явилось повтореніе съ настояніемъ.

Тутъ помогъ графу Бергу обычай писать письма въ самыя высшія сферы правительства. Онъ подробно изложилъ все дѣло, упо-

мянувъ о дѣлаемыхъ притязаніяхъ съ одной стороны и заслугахъ старовѣровъ съ другой. Отвѣтъ былъ самый удовлетворительный. Ему отвѣчали, что молчаніе въ данномъ случаѣ самое благое дѣло, лучше золота. Такъ графъ и отмолчался.

Вскорѣ представился новый и болѣе серьезный случай все по поводу тѣхъ же старообрядцевъ. Заслышавъ о новыхъ реформахъ въ Привислянскомъ краѣ, закордонные старообрядцы задумали переселиться туда изъ Пруссіи. Представитель ихъ Павелъ Прусскій—нынѣ архимандритъ одного изъ православныхъ монастырей въ Москвѣ—взялъ на себя переговоры по этому поводу. Пріѣзжалъ ли онъ для этого въ Варшаву или видѣлся съ Н. А. Милютинымъ въ Петербургѣ—не знаю, но Милютинъ раздѣлилъ его взгляды и обѣщалъ переговорить съ графомъ Бергомъ. Въ это время подготовлялся указъ о закрытіи римско-католическихъ монастырей и секуляризаціи имуществъ римско-католическаго духовенства, а потому въ распоряженіи правительства могли оказаться весьма значительные земельные участки, на которыхъ и можно бы было поселить старообрядцевъ. Такое назначеніе помонастырскихъ и подуховныхъ земель сразу разрѣшало вопросъ объ этихъ земляхъ и давало во всемъ краѣ густую цѣпь русскихъ поселеній, немноголюдныхъ, правда, но населенныхъ людьми крайне стойкими въ русской народности и православіи. Выгоды политическія были бы громадны, а самое переселеніе ничего бы правительству не стоило и даже обѣщало увеличеніе доходовъ.

Графъ Бергъ безусловно одобрилъ намѣренія старообрядцевъ и согласился съ Н. А. Милютинымъ и кн. В. А. Черкаскимъ о надѣлѣ ихъ подуховными землями. Мало того, ему казалось возможнымъ подорвать значеніе Бѣлой Криницы и переманить австрійское старообрядческое духовенство въ одну изъ губерній Привислянскаго края. Однако графъ Бергъ понималъ всю трудность этого дѣла, увеличивавшуюся тѣмъ, что самъ онъ былъ иновѣрцемъ и не могъ имѣть компетентности въ столь важномъ для русской церкви дѣлѣ. Поэтому онъ желалъ, чтобы предварительно начала дѣла было переговорено съ архіепископомъ. Ежели онъ согласится — графъ Бергъ обѣщалъ полную свою поддержку; если нѣтъ—то считалъ благоразумнѣе отказаться отъ этого проекта и

отвѣчать Павлу Прусскому, что старообрядцы могутъ переселяться изъ Пруссіи, но безъ всякихъ льготъ со стороны правительства.

Такъ какъ я лично находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ архіепископомъ, то меня просили вступить съ нимъ въ частные переговоры и позондировать почву.

Архіепископъ былъ очень любезенъ со мною, но при первомъ словѣ о старообрядцахъ сказалъ, что помнитъ, какъ поступили съ нимъ въ дѣлѣ о колоколахъ и молитвенныхъ домахъ, и никогда не забудетъ своей неудачи. Выслушавъ дальнѣйшее сообщеніе, онъ спросилъ меня:

— Вы не обидитесь, если я сдѣлаю вамъ прямой вопросъ?

— Говорите, владыко, я знаю, что вы меня не захотите ничѣмъ обидѣть.

— Такъ скажите откровенно, вы красный?

— Какъ красный?

— Да вотъ такой же, какъ Милютинъ и Черкаскій.

— Что вы, владыко, какіе же они красные! Это люди самые преданные царю и отечеству и монархисты съ головы до ногъ. Они только и думаютъ о славѣ и пользѣ Россіи и надѣются, что переселеніе сюда изъ Пруссіи старообрядцевъ принесетъ неисчислимыя выгоды какъ имъ, такъ и намъ.

— Ладно, пусть такъ, но я никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не дамъ своего на это согласіе и буду изъ всѣхъ силъ протестовать, такъ и передайте.

Графъ Бергъ выслушалъ мой докладъ, пожалъ плечами и сказалъ: «Eh bien, c'est fini, n'en parlons plus».

На этомъ дѣло и кончилось. А мысль о привлеченіи закордонныхъ старообрядцевъ въ Привислянскій край заслуживала полнаго вниманія. Безъ всякихъ денежныхъ затратъ, мы получили бы людей истинно русскихъ, трезвыхъ, работящихъ и имѣвшихъ хорошіе достатки.

XII.

Вопросъ о безбрачіи ксендзовъ.

Старокатолическое движеніе, начавшееся въ Западной Европѣ, не могло не отозваться и на берегахъ Вислы. Многочисленное римско-католическое духовенство Привислянскаго края съ давняго времени тяготится безбрачіемъ и хлопочетъ объ уничтоженіи этого обычая, столь противнаго человѣческой природѣ и ведущаго на практикѣ не только къ безпорядочной, но и преступной жизни ксендзовъ. Лица, ведущія пропаганду въ этомъ смыслѣ, вовсе не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые, путемъ брака, желали бы упорядочить свою собственную жизнь, дать имя женщинѣ, съ которою живутъ, или прижитымъ внѣ брака дѣтямъ. Нѣтъ, главнѣйшіе борцы противъ безбрачія сами ничего не выиграютъ отъ уничтоженія этого института и дѣйствуютъ въ видахъ общей пользы въ цѣляхъ уничтожить происходящій отъ этого вредъ для общества.

Ратуя противъ безбрачія, ксендзы говорятъ, что распоряженіе папы Григорія VII (1073—1085), т. е. его булла «si qui sunt Preesbyteri» и т. д., не есть главное препятствіе къ осуществленію ихъ желаній. Непреложныхъ указаній на безбрачіе нѣтъ ни въ евангеліи, ни въ канонахъ, ни въ преданіяхъ первыхъ вѣковъ христіанства. Отвергается оно и народами востока, исповѣдующими православіе. Стоя на этой почвѣ, говорятъ они, имъ не страшна борьба съ Римомъ и побѣда возможна. Примѣры вступленія въ бракъ итальянскихъ римско-католическихъ священниковъ многочисленны и подтверждаютъ заявленія ксендзовъ. Боятся они совсѣмъ не этого, а мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. До 1836 года, въ гражданскихъ законахъ Царства Польскаго не содержалось никакихъ ограниченій насчетъ права вступленія духовныхъ лицъ въ браки. Законъ о безбрачіи римско-католическаго духовенства не охранялся государственною властью, и нарушеніе его не влекло за собою преслѣдованія со стороны государства. Но вышедшій въ 1836 г. для Царства Польскаго законъ «о союзѣ брачномъ» впервые беретъ на себя охрану чисто церковнаго распоряженія, за которымъ не всѣ католики признаютъ и кано-

ническое право. Статья 27-я «союза брачнаго» прямо говоритъ: «духовные, имѣющіе степени священства, какъ-то иподіаконы, діаконы и іереи, не могутъ вступать въ бракъ». Введеніе этой статьи въ дѣйствующее гражданское право установило такой порядокъ, при которомъ до борьбы съ Римомъ и не дойдетъ, потому что первый прокуроръ, получившій извѣстіе о бракѣ ксендза, обязанъ привлечь его къ судебной отвѣтственности. Вопросъ о борьбѣ съ римской куріей устраненъ совершенно, и правило Григорія VII охраняется мѣстными законами, борьба противу коихъ немыслима.

Насколько мнѣ извѣстно, главнымъ борцомъ противъ безбрачія въ Привислянскомъ краѣ былъ и до нынѣ (1892 г.) еще здравствующій настоятель Л. . . . . скаго прихода въ Сандомірской епархіи (Радомская губернія) ксендзъ Іосифъ М. . . . . скій, человѣкъ весьма почтенный, благонамѣренный и добрыхъ нравовъ.

Онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи брака и передъ намѣстникомъ, и у князя Черкаскаго, какъ главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Графъ Бергъ отвѣчалъ отказомъ, сославшись на 27-ю статью закона о союзѣ брачномъ. Князь Черкаскій три прошенія ксендза оставилъ безъ отвѣта. Графъ Бергъ поступилъ совершенно правильно, сославшись на законъ. Понятна и уклончивость князя Черкаскаго; онъ призналъ за лучшее молчать тамъ, гдѣ оффиціально не могъ ничего сдѣлать, хотя бы лично и желалъ помочь дѣлу.

Сторонники отмѣны безбрачія отказались отъ полученія разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, начали хлопотать объ исключеніи ст. 27-й изъ закона о союзѣ брачномъ. До изданія—1836 г., ея не было въ текстѣ закона. Совершенно возможно, говорили они, сдѣлать новое изданіе съ пропускомъ этой статьи, т. е. съ возстановленіемъ прежняго текста. Тогда у нихъ руки будутъ развязаны, и они, не опасаясь гражданскихъ властей, рѣшительно примутся за борьбу съ Римомъ.

Число подобныхъ лицъ постепенно увеличивалось и разъ ко мнѣ, какъ радомскому губернатору, явилось весьма высоко стоящее въ духовной іерархіи римско-католической Сандомірской епархіи лицо съ заявленіемъ, что одинъ изъ деканатовъ (благочиніе), въ полномъ составѣ всѣхъ своихъ членовъ, т. е. декана, настоятелей

и администраторовъ приходовъ и викарныхъ ксендзовъ, рѣшились вступить въ бракъ, если правительство обезпечитъ имъ непреслѣдованіе судебными властями.

Предъявленное мнѣ письменное по сему соглашеніе было подписано болѣе чѣмъ пятнадцатью ксендзами. Всѣ они хотѣли повѣнчаться одновременно. То же самое готовы были сдѣлать и нѣкоторые ксендзы другихъ благочиній. Дѣло принимало такой характеръ, что о немъ нельзя было промолчать. Такъ какъ послѣ князя Черкаскаго дѣла духовныхъ исповѣданій находились въ менѣе энергичныхъ рукахъ (Мухановъ и графъ Коскуль), составъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ былъ поголовно польскій, при чемъ никакихъ секретовъ не хранилось и всѣ заявленія ксендзовъ въ дѣлѣ примиренія и единенія съ православіемъ дѣлались извѣстными ихъ врагамъ, то я, боясь скомпрометтировать довѣрившіяся мнѣ лица, просилъ намѣстника о вызовѣ меня въ Варшаву, для личнаго доклада по серьезному дѣлу, не подлежащему огласкѣ. Вызовъ послѣдовалъ по телеграфу.

Когда я объяснилъ суть дѣла, графъ Бергъ очень благодарилъ меня за осторожность, съ которою я поступилъ, и просилъ меня къ обѣду, на который позванъ былъ и графъ Коскуль, совершенно мнѣ незнакомый. Послѣ обѣда графъ не начиналъ разговора о ксендзахъ, а, отпустивъ Коскуля, передалъ мнѣ, что не считаетъ возможнымъ возбуждать вопроса о бракѣ ксендзовъ, такъ какъ онъ могъ бы повредить нашимъ отношеніямъ съ римскою куріей. Тѣмъ дѣло и кончилось. Тогда я понялъ, что намѣстникъ благодарилъ меня не за осторожность только, а за то, что я не началъ этого вопроса письменно, думая дать дѣлу лучшее направленіе личными переговорами.

Въ бытность графа Д. А. Толстаго въ 1868 г. въ Радомѣ, я подробно объяснялъ ему этотъ вопросъ и указывалъ на просьбы ксендзовъ объ исключеніи изъ закона «о союзѣ брачномъ» статьи 27-й. Онъ вполнѣ соглашался съ этимъ, не считалъ необходимымъ заботиться о чистотѣ католицизма, но ничего на себя не взялъ, и все осталось по-прежнему.

Д. Г. Анучинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ВАСИЛЬЕВЪ,

первый министръ финансовъ Россійской имперіи.

Краткій біографическій очеркъ по поводу 90-лѣтія министерства финансовъ.

Министерство финансовъ учреждено въ царствованіе императора Александра I, одновременно съ нѣкоторыми другими министерствами, 8-го сентября 1802 года. Первымъ министромъ финансовъ былъ графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, родившійся въ Петербургѣ 17-го февраля 1742 г. Отецъ Алексѣя Ивановича, Иванъ Васильевичъ Васильевъ († 1754 г.), служилъ секретаремъ въ Сенатѣ и былъ женатъ на Иринѣ Андреевнѣ Володимировой; дѣдъ же его, Василій Васильевъ, бывшій оберъ-секретаремъ въ адмиралтействъ-коллегіи при Петрѣ Великомъ, имѣлъ жену Агафью Артемьевну, изъ фамиліи Слескинцовыхъ[1]). Получивъ скромное образованіе въ состоявшемъ въ то время при Сенатѣ юнкерскомъ училищѣ, Алексѣй Ивановичъ началъ свою службу протоколистомъ въ канцеляріи оберъ-прокурора Глѣбова. Преемникъ послѣдняго, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, примѣтивъ въ Васильевѣ исправность, смѣтливость и особенную способность коротко и ясно излагать бумаги, сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи и, въ знакъ особеннаго своего расположенія къ нему, женилъ его на родной своей племянницѣ, княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Урусовой. Тогда ему было 28 лѣтъ. Въ 1777 году онъ сдѣланъ оберъ-секретаремъ и, состоя членомъ коммиссіи уложенія, составилъ сводъ законовъ по финансовому управленію. До того времени никакое мѣсто не имѣло вѣрнаго свѣдѣнія ни о числѣ податныхъ душъ

---

[1]) Внукъ роднаго брата Агафьи Слескинцовой, Василія Артемьевича Слескинцова, Ѳедоръ Алексѣевичъ Слескинцовъ имѣлъ дочь Марію, которая была замужемъ за секретаремъ Сената, Василіемъ Васильевичемъ Колмовскимъ, служившимъ впослѣдствіи начальникомъ архива въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ министерства финансовъ.

въ Россіи, ни о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Васильевъ первый составилъ «Государственную окладную книгу», которая даже и теперь служитъ основаніемъ въ министерствѣ финансовъ. За этотъ трудъ императрица Екатерина II наградила Васильева 300-ми душъ въ Могилевской губерніи. Затѣмъ возложено было на него учрежденіе четырехъ государственныхъ экспедицій по казенному управленію и составленіе «Наставленія казеннымъ палатамъ», за что Васильевъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, а въ 1781 году, при назначеніи его управляющимъ экспедиціею для ревизіи государственныхъ счетовъ — этимъ началомъ государственнаго контроля,—произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; при открытіи же учрежденныхъ имъ экспедицій пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. Съ 1784 года, по болѣзни князя Вяземскаго, Васильевъ часто докладывалъ дѣла по Государственному казначейству императрицѣ, которая, узнавъ лично способности и дѣятельность Васильева, пожаловала его въ тайные совѣтники и сенаторы и назначила директоромъ медицинской коллегіи. Дѣятельность его и на этомъ поприщѣ была плодотворна. Васильеву государство обязано учрежденіемъ медико-хирургической академіи, устройствомъ для нея магазина на Аптекарскомъ островѣ, распространеніемъ Ботаническаго сада, учрежденіемъ по губерніямъ врачебныхъ управъ, изданіемъ медицинскихъ штатовъ и усиленіемъ академическихъ курсовъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Павла I, Васильевъ былъ назначенъ государственнымъ казначеемъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Получивъ, такимъ образомъ, возможность въ болѣе широкихъ размѣрахъ примѣнить къ дѣлу свои финансовыя знанія, Васильевъ, для возвышенія кредита, предложилъ, не уменьшая мѣдной монеты, установить высокую пробу на серебро и золото, выкупать послѣдовательно государственныя ассигнаціи, уменьшилъ расходы сокращеніемъ числа губерній и лицъ служащихъ, возвысилъ цѣну на гербовую бумагу, установилъ особую для векселей и актовъ на владѣніе недвижимыми имуществами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сложено, по его ходатайству, свыше 7 милліоновъ недоимокъ съ народа, на городскія сословія обращено содержаніе присутственныхъ мѣстъ и полиціи, возвышены гильдейскія пошлины, для облегченія крестьянъ подушный окладъ положено взимать съ наличнаго числа душъ и, наконецъ, введена упрощенная форма государственныхъ смѣтъ дохода и расхода, разрѣшена вольная продажа соли на Украйнѣ, а въ Москвѣ открыта соляная контора. За таковыя услуги государству Павелъ I наградилъ Васильева орденами: св. Анны, Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, возвелъ его въ баронское достоинство, пожаловалъ 2.000 душъ въ Саратовской губерніи и произвелъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Всѣ эти успѣхи по службѣ не могли не

возбудить недоброжелательства въ приверженцахъ личнаго своего честолюбія: благодаря дѣйствіямъ генералъ-прокурора Обольянинова и графа Кутайсова, любимца императора, графъ Васильевъ вдругъ лишился монаршаго благоволенія и былъ уволенъ, въ концѣ 1800 года, отъ всѣхъ должностей. Тутъ только обнаружилось полное безкорыстіе Васильева. Не получая жалованья и истративъ всѣ доходы съ деревень, ему не на что было жить.

Императоръ Александръ I, въ первый же день восшествія своего на престолъ (1081 г.), возвратилъ Васильеву всѣ прежнія его должности, въ день коронаціи (15-го сентября того же года), возвелъ его въ графское достоинство, а въ 1802 г., съ учрежденіемъ министерства финансовъ, назначилъ его первымъ министромъ финансовъ. Управленіе графа Васильева этимъ министерствомъ продолжалось только до половины 1807 г., но и въ это время, устроивъ управленіе частями винною, горною и соляною, онѣ умѣлъ обойтись безъ чрезвычайныхъ мѣръ во время войны съ Франціей (1805 — 1807), что одно уже можетъ характеризовать въ лучшемъ видѣ его административныя и финансовыя способности. Апоплексическій ударъ, прекратившій жизнь графа Васильева, 15-го августа 1807 года, былъ громовымъ ударомъ, отразившимся на всѣхъ частяхъ управленія, гдѣ новыя лица, занявшія мѣста неутомимаго сановника, не скоро дали забыть потерю его въ отечествѣ. Мѣсто упокоенія останковъ графа Васильева въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Въ архивахъ министерства нельзя не удивляться количеству бумагъ, писанныхъ рукою графа Васильева.

Онъ зналъ лично всѣхъ своихъ подчиненныхъ и обращался съ ними съ небывалымъ дотолѣ снисхожденіемъ. Ни вспышекъ, ни крика, ни брани. Величайшее негодованіе его выражалось словами: «Это изъ рукъ вонъ!» Въ случаяхъ же, менѣе важныхъ, онъ ограничивался легкимъ выговоромъ, сопровождавшимся обыкновенно вступленіемъ: «Не прогнѣвайся, позволь тебѣ сказать». Это выраженіе обратилось почти въ поговорку между дѣльцами того времени, слѣдовавшими, какъ извѣстно, по преимуществу строгости и субординаціи, не допускавшимъ никакихъ оправданій отъ лица, которому начальникъ выражалъ гнѣвъ свой. Болѣе же всего обращалъ онъ вниманіе на воспитаніе молодыхъ людей и потому, по выпускѣ изъ учебныхъ заведеній сыновей всѣхъ своихъ чиновниковъ, призывалъ ихъ къ себѣ какъ бы для переэкзаменовки и назначалъ имъ у себя мѣста, призывая впослѣдствіи и по службѣ каждаго лично, чтобы исправлять писанныя имъ бумаги и подавать совѣты. Такимъ образомъ, Алексѣй Ивановичъ былъ по службѣ не только администраторъ, но и педагогъ.

Князь Долгорукій, въ словарѣ своемъ, носящемъ названіе «Ка-

пище моего сердца», говоритъ: «Графъ Васильевъ пріобрѣлъ славу искуснѣйшаго министра финансовъ Россійской державы и въ прямомъ смыслѣ слова былъ государственный человѣкъ. Екатерина II, примѣтя въ немъ ревностнаго сотрудника генералъ-прокурора, вела его постепенно къ важнѣйшимъ должностямъ. Генералъ-прокуроръ былъ уже безъ языка и, подъ именемъ его, Васильевъ управлялъ гражданскимъ тѣломъ всей Имперіи. Мужъ опытный, свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, и самыхъ кроткихъ свойствъ, онъ могъ назваться, какъ говорятъ французы: «Un des meilleurs routiers de l'Empire.» Не было въ немъ генія превосходнаго, но зато навыкъ къ дѣламъ и познаніе отечества необыкновенные. Достигши до сана и почестей вельможи у трона Павла I и пробившись къ верховной степени изъ кучи, такъ сказать, приказныхъ служителей, коимъ началъ онъ и самъ свое гражданское поприще, онъ никогда не воздымался тщеславною гордостію, былъ ласковъ, привѣтливъ, благоприступенъ всѣмъ, и современники его погрѣшатъ, если многіе изъ нихъ забудутъ личныя имъ отъ него одолженія, а всѣ вообще—знаменитыя его заслуги государству».

Самою же лучшею характеристикою дѣятельности графа Васильева, какъ администратора и примѣрнаго семьянина, можетъ служить Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату по случаю смерти графа Васильева 18 августа 1807 г. Въ этомъ государственномъ актѣ сказано: «Въ 15 день сего мѣсяца, къ крайнему прискорбію Нашему, смерть прекратила, посвященную болѣе 50-ти лѣтъ службѣ отечества, жизнь Нашего Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Министра Финансовъ графа Васильева. Неутомимая дѣятельность, ревностнѣйшее усердіе къ пользамъ отечества, особенныя способности и знаніе въ дѣлахъ государственныхъ достойно возвели его съ начальныхъ степеней службы до управленія одною изъ важнѣйшихъ частей государственнаго хозяйства, и въ самомъ образованіи и устроеніи коей имѣлъ онъ ближайшее участіе въ царствованіе блаженной памяти Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II. Со вступленіемъ на престолъ въ Бозѣ почивающаго родителя Нашего и въ царствованіе Наше, управляя всѣми отраслями государственныхъ доходовъ и расходовъ, неусыпными трудами своими, содержалъ онъ многочисленную часть сію не только съ строжайшемъ порядкѣ и цѣлости, но со времени образованія министерствъ вновь устроилъ ввѣренный управленію его департаментъ, присовокупя къ оному новые источники доходовъ, и въ самыя трудныя времена, при чрезвычайныхъ государственныхъ нуждахъ, благоразуміемъ и опытностію своею, избирая наилучшіе способы къ исправленію всѣхъ оборотовъ, къ его части принадлежащихъ, содѣйствовалъ тѣмъ къ облегченію важнѣйшихъ предпріятій, къ пользѣ и славѣ отечества обращенныхъ. Сверхъ таковыхъ достоинствъ и за-

слугъ государственнаго человѣка, представлялъ онъ собою въ домашней жизни примѣръ добродѣтельнаго гражданина. И по всѣмъ симъ отношеніямъ, пріобрѣвшимъ ему всеобщее уваженіе и Наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ онъ пребыть въ памяти признательнаго отечества».

Мужескаго потомства графъ Васильевъ по себѣ не оставилъ. Изъ двухъ дочерей его, одна, Екатерина, вышла замужъ за князя Сергѣя Николаевича Долгорукаго, другая, Марія,—за графа Василія Васильевича Орлова-Денисова, и такъ какъ ни та, ни другая дѣтей не имѣли, то графское достоинство перешло первоначально къ племяннику графа Васильева, Кавалергардскаго полка ротмистру Владиміру Васильеву (указъ 18 августа 1807 г.), а за прекращеніемъ и его рода передано дворянину Владиміру Шиловскому, которому по Высочайше учрежденному 28 февраля 1878 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта повелѣно именоваться впредь «графомъ Васильевымъ-Шиловскимъ». [1]).

А. Ш.

[1]) Помѣщаемый портретъ графа А. И. Васильева есть копія съ портрета его, находящагося въ министерствѣ финансовъ, и доставленъ намъ А. Шетаевымъ.

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

XV [1]).

Недѣль черезъ пять, по вступленіи въ лагерь 25-й дивизіи отдѣльнаго Литовскаго корпуса, дождались, наконецъ, пріѣзда его императорскаго высочества государя цесаревича, и на другой день пріѣзда его высочества былъ назначенъ смотръ всей дивизіи. Государь цесаревичъ пріѣхалъ къ намъ по осмотрѣ 24-й дивизіи, гдѣ находился въ Литовскомъ пѣхотномъ полку рядовымъ Николай Николаевичъ Пущинъ. Генералъ Жандръ, охотникъ до болтовни и до картъ, послѣ представленія всего генералитета и полковыхъ командировъ его высочеству, разсказалъ о встрѣчѣ Пущина цесаревичемъ, и вотъ его разсказъ, какъ былъ переданъ мнѣ и Габбе присутствовавшимъ нашимъ начальствомъ.

«Цесаревичъ, подъѣхавъ къ взводу, гдѣ съ фланга въ передней шеренгѣ третьимъ солдатомъ стоялъ Пущинъ, какъ обыкновенно на всѣхъ смотрахъ насъ ставили, скомандовалъ полку съ плеча и слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Пущину, взялъ его подъ руку, вывелъ противъ всего полка, поцѣловалъ бывшаго командира 2-й Гренадерской роты и сказалъ, обратясь къ спѣшившейся при цесаревичѣ свитѣ:

«— «Господа, Николай Николаевичъ Пущинъ былъ примѣрнымъ офицеромъ всей нашей русской арміи, а теперь онъ образецъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXVI, октябрь, стр. 45—80, ноябрь, стр. 294—314; изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль, стр. 405—447.

солдата, я горжусь имѣть подъ своимъ начальствомъ столь достойнаго сослуживца. Дай мнѣ себя расцѣловать, мой другъ».

«Послѣ этого великодушный братъ императора поцѣловалъ нѣсколько разъ со всей своей горячностію солдата, отпустилъ его во фронтъ, самъ сѣлъ на лошадь и, объѣхавъ всѣ полки, производилъ имъ разныя построенія. Часто подъѣзжалъ цесаревичъ къ Литовскому пѣхотному полку и указывалъ своей свитѣ на всѣ ружейные пріемы Пущина, на его маршировку, восхищался солдатомъ до того, что это восхищеніе отразилось на всю дивизію, которой тогда командовалъ генералъ-лейтенантъ Савоини».

Скажемъ здѣсь, что Пущинъ, прибывъ на почтовыхъ изъ Варшавы въ Ливны рядовымъ въ Литовскій пѣхотный полкъ, отпустилъ своего служителя въ деревню и самъ чистилъ себѣ ружье, амуницію, являлся на всѣ безъ изъятія ротныя, баталіонныя и полковыя ученья, словомъ, несъ всѣ обязанности рядоваго. Такая служба и вся жизнь рядоваго Пущина была извѣстна его высочеству, а цесаревичъ не любилъ баричей и всегда былъ въ восторгѣ отъ суровой солдатской жизни. Пущинъ по характеру былъ солдатъ, въ его службѣ не было тѣхъ продѣлокъ, какими морочатъ хитрецы свое довѣрчивое начальство.

На другой день пріѣзда цесаревича одѣли меня вторично, послѣ смотра Довре, въ солдатскій мундиръ, обвязали мои плечи ранцемъ и поставили третьимъ человѣкомъ съ праваго фланга передней шеренги во взводѣ.

Его высочество, подъѣхавъ къ взводу, гдѣ я стоялъ, сдѣлалъ кругъ около него, чтобы видѣть меня издали, и, доѣхавъ до конца полка, послалъ ко мнѣ генерала Жандра. Полку, по отъѣздѣ цесаревича, было скомандовано съ плеча, и генералъ Жандръ подъѣхалъ ко мнѣ съ слѣдующимъ привѣтомъ:

— Его императорское высочество приказалъ вамъ сказать, что отъ васъ зависитъ идти дальше и дальше, и чтобы вы берегли ваше здоровье.

Этими словами на русскомъ языкѣ заключилъ Жандръ свою рѣчь, которая въ началѣ была довольно продолжительна на французскомъ языкѣ, но что̀ говорилъ мнѣ отъ имени цесаревича на французскомъ языкѣ, осталось для меня неизвѣстнымъ. Ложный

стыдъ удержалъ меня объяснить Жандру, что я французскаго языка не понимаю.

Вслѣдъ за Жандромъ подскакалъ ко мнѣ мой полковой командиръ, Александръ Андреевичъ Унгебауеръ съ вопросомъ тоже на французскомъ языкѣ, что говорилъ мнѣ Жандръ. Мнѣ было очень неловко переминаться съ ноги на ногу и ничего не отвѣчать полковнику, который, не получивъ отъ меня отвѣта, отъѣхалъ на свое мѣсто и могъ подумать, что какая-либо радостная вѣсть отняла у меня языкъ.

Послѣ, когда къ удивленію своему узнали, что гвардейскій офицеръ не знаетъ французскаго языка, полковникъ мой не дивился болѣе моему молчанію. Много было встрѣчъ у меня съ лицами большаго вѣса, обращавшимися ко мнѣ на французскомъ языкѣ, и я принужденъ былъ всегда отмалчиваться.

Цесаревичъ точно также объѣхалъ кругомъ взводъ Волынскаго пѣхотнаго полка, гдѣ стоялъ Петръ Андреевичъ Габбе, и также съ конца полка послалъ генерала Жандра къ рядовому Габбе, но здѣсь сцена была другая. Жандръ, подъѣхавъ къ Петру Андреевичу, спросилъ его на французскомъ языкѣ:

— Какъ вы поживаете?

Габбе отвѣчалъ ему по-русски:

— Для меня странно, что вы, генералъ, спрашиваете меня о здоровьи, когда видите, что я затянутъ этими ремнями.

Жандръ, услыхавъ рѣзкій отвѣтъ рядоваго, тотчасъ отъѣхалъ отъ него и, явясь къ его высочеству, на спросъ: «ну что?» отвѣчалъ цесаревичу:

— Хорохорится.

Великій князь при такомъ отвѣтѣ Жандра пришелъ въ сильный гнѣвъ, и начальство 24-й дивизіи ожидало самыхъ дурныхъ послѣдствій для всей дивизіи. Но смотръ шелъ хотя и безъ восторговъ, а довольно покойно. При проходѣ нашихъ взводовъ цесаревичъ, глядя на меня и Габбе, снова съ гнѣвомъ говорилъ о виновности нашей и прибавлялъ:

— О, вы не знаете, какія у нихъ были затѣи въ головѣ, ихъ образъ мыслей — это ужасъ!

О Петрѣ Андреевичѣ прибавилъ при проходѣ его:

— Онъ неблагодаренъ, я его взносилъ на своихъ рукахъ, я его ласкалъ, какъ дитя свое, онъ пошелъ противъ меня.

Послѣ смотра его высочества сдѣлалось извѣстнымъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ будетъ производить смотръ всему отдѣльному Литовскому корпусу и гвардейскимъ полкамъ государь императоръ подъ г. Брестомъ, и все начало готовиться къ Высочайшему смотру.

50-й Егерскій полкъ потянулся, кажется, въ концѣ августа или началѣ сентября къ Бресту. Я ѣхалъ всю дорогу на подводѣ и тутъ насмотрѣлся, что и самый нашъ военный мундиръ носится, большей частію, подъячими, которые еще смѣлѣе гражданскихъ подъячихъ требуютъ того, что́ имъ нужно или выгодно. Продовольствіе солдатъ, полученіе подводъ дѣлалось хотя и подъ квитанціи, но или съ грубой смѣлостію, или съ пошлой лаской. Но, чѣмъ мы ближе подходили къ Бресту, тѣмъ осторожнѣе или, лучше сказать, боязливѣе становились ротные командиры въ своихъ настояніяхъ отъ поселянъ и тѣмъ болѣе любезничали съ панами-экономами или арендаторами. И скажемъ съ откровенностію: посмотрите вообще на квартированіе нашихъ войскъ въ селеніяхъ, городахъ и вездѣ услышите жалобы на придирки къ пищѣ солдата у домохозяина и на придирки съ умысломъ, чтобы поселянину не отдать положенную отъ казны муку, крупу, вездѣ ропщутъ на беззаконное число забираемыхъ подводъ, за которыя стараются даже не заплатить и положенной правительствомъ ничтожности. Вѣроятно, все это еще допетровскіе остатки нашего характера, когда воеводы посылались на воеводства покормиться, и долго еще будетъ бороться законъ съ нашими привычками и еще дольше проборется, если не положить не только необходимаго, но и приличнаго каждому мѣсту законнаго содержанія, тогда—и гласность поможетъ закону не кормиться властямъ на мірской счетъ.

Каждый полкъ передъ выступленіемъ на тѣсныя квартиры подъ Брестомъ его высочество встрѣчалъ самъ, и мнѣ было объявлено, чтобы я облекся въ солдатскую одежду для выставки меня цесаревичу, но на другой день, по случаю проливнаго дождя, пришло повелѣніе, чтобы полкъ вступилъ на квартиры безъ церемоніи, и я въѣхалъ на своей подводѣ въ назначенную мнѣ съ моимъ капитаномъ квартиру безъ маршировки предъ цесаревичемъ.

При вступленіи Волынскаго пѣхотнаго полка, великій князь выѣхалъ со всей своей военной свитой посмотрѣть, и не столько, какъ говорили, на полкъ, какъ на Петра Андреевича Габбе.

Когда прошелъ взводъ, гдѣ находился рядовой Габбе, состоявшій въ свитѣ цесаревича, генералъ-маіоръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ подъѣхалъ къ Петру Андреевичу и началъ разспрашивать его на французскомъ языкѣ о житьѣ-бытьѣ въ новомъ его бытѣ. Цесаревичъ тотчасъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ генералу, чтобы онъ явился на свое мѣсто. Левъ Александровичъ отвѣчалъ адъютанту: «сейчасъ» и между тѣмъ продолжалъ разговаривать съ своимъ соратникомъ, съ которымъ съ давняго времени былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Великій князь послалъ вторично адъютанта къ Нарышкину съ тѣмъ же приказаніемъ, и только по третьей посылкѣ, которую предупредилъ смѣлый вельможа своимъ отъѣздомъ отъ Габбе, явился генералъ къ его высочеству.

Цесаревичъ съ сердцемъ выговаривалъ Льву Александровичу не только неумѣстность его участія къ Габбе, но и нарушеніе порядка службы.

— Что вы, генералъ, хотѣли показать вашимъ разговоромъ съ Габбе, говорилъ великій князь,—ваше участіе, вашу любовь, да я съ дѣтскихъ его лѣтъ любилъ, и онъ за мою любовь заплатилъ мнѣ неблагодарностію, и какъ вы не подумали, что поступкомъ вашимъ вы забываетесь и противъ меня, и противъ службы.

Не упомню всего сказаннаго его высочествомъ генералу Нарышкину, но многое было наговорено ему въ томъ же смыслѣ.

Наконецъ насталъ день Высочайшаго смотра. Полки выстроились и, послѣ нѣкоторыхъ движеній, по-взводно пошли церемоніальнымъ маршемъ мимо императора. Когда взводъ, гдѣ я стоялъ 3-мъ съ праваго фланга, открылся предъ государемъ, его высочество довольно громко сказалъ:

«Съ праваго фланга 3 человѣкъ рядовой Веригинъ, Ваше Императорское Величество».

Государь вынулъ лорнетъ и смотрѣлъ на меня во все время, когда проходилъ мимо его взводъ. Мой полковой командиръ и бригадный, впослѣдствіи, говорили мнѣ, что у нихъ сердце трепетало, когда цесаревичемъ была произнесена моя фамилія и государь смо-

трѣлъ на меня въ лорнетъ. Они боялись, чтобы со мной не сдѣлалось дурно, какъ на смотру Довре. Мой церемоніалъ прошелъ счастливо, а также и Пущина, при маршировкѣ котораго цесаревичъ былъ въ восторгѣ и восторга своего не скрывалъ при братѣ-императорѣ, но съ Петромъ Андреевичемъ и на царскомъ смотру не обошлось безъ тревоги. Когда проходилъ взводъ Волынскаго пѣхотнаго полка, гдѣ любимецъ цесаревича маршировалъ въ рядахъ солдатъ, великій князь не разсмотрѣлъ своего упрямца и вообразилъ, что онъ подъ какимъ-либо предлогомъ не явился на смотръ.

— Гдѣ Габбе, почему его нѣтъ во фронтѣ, кто осмѣлился его оставить, обратился государь цесаревичъ съ этимъ спросомъ къ полковому командиру. Барановъ отвѣчалъ его высочеству, что Габбе стоитъ 3-мъ человѣкомъ во взводѣ, который только-что прошелъ.

— Быть не можетъ, чтобы я не узналъ Габбе, его нѣтъ, посмотрите, тутъ ли онъ, сказалъ цесаревичъ своему адъютанту, кажется, графу Несельроде. Адъютантъ подъѣхалъ къ Петру Андреевичу, всмотрѣлся въ него, обмѣнялся съ нимъ на французскомъ языкѣ привѣтомъ и донесъ его высочеству, что Габбе находится во фронтѣ.

Цесаревичъ доложилъ государю, что рядовой Габбе прошелъ въ томъ взводѣ, въ которомъ онъ его не разсмотрѣлъ, считая его въ другомъ взводѣ. Тѣмъ бы и кончилась эта суматоха, но начальникъ штаба 2-й арміи, знаменитый генералъ Толь, знавшій и любившій Петра Андреевича съ дѣтскихъ его лѣтъ, не утерпѣлъ замѣтить довольно громко, что больно смотрѣть на несчастіе столь достойнаго офицера, котораго онъ зналъ и любилъ ребенкомъ и уважалъ его въ офицерскомъ чинѣ, когда онъ находился подъ его начальствомъ во время послѣдней кампаніи. Надобно замѣтить, что Толь съ первыхъ своихъ офицерскихъ чиновъ былъ коротко знакомъ съ семействомъ Петра Андреевича, которое жило въ Петербургѣ; отецъ Петра Андреевича служилъ въ Сенатѣ экзекуторомъ и былъ всѣми уважаемъ, какъ образецъ честности . . . . . .

. . . . . .

Цесаревичъ отъѣхалъ отъ государя, остановился передъ Толемъ и здѣсь, какъ мнѣ разсказывали, начался съ обѣихъ сторонъ столь горячій разговоръ, который прекратилъ государь только

третьимъ призывомъ своего брата къ себѣ. Великій князь горячо напоминалъ Толю, какъ онъ любилъ Габбе, сколь заботился о его счастіи, но что Габбе самъ былъ виною своего несчастія, «онъ забылъ все и пошелъ противъ меня», говорилъ цесаревичъ.

— Я знаю его вину, ваше высочество, возражалъ ему громко и горячо Карлъ Ѳедоровичъ, знаю и проступки другихъ двухъ офицеровъ Литовскаго полка, слышалъ о причинахъ ихъ проступковъ, и они, конечно, достойны наказанія — это сказано было съ злой усмѣшкой. Но третій призывъ государя: «Ваше императорское высочество, пожалуйте ко мнѣ» заставилъ цесаревича отъѣхать отъ Толя и встать подлѣ своего брата.

Послѣ смотра на другой день явился ко мнѣ полковой адъютантъ нашего 50-го Егерскаго полка съ поздравленіемъ отъ полковаго командира съ всемилостивѣйшимъ возвращеніемъ прежняго моего подпоручичьяго чина, съ оставленіемъ на службѣ въ 50-мъ Егерскомъ полку и съ приказаніемъ явиться къ его императорскому высочеству въ Брестъ, въ офицерскомъ сюртукѣ, безъ шпаги и эполетъ и въ фуражкѣ.

Къ вечеру я пріѣхалъ въ Брестъ, остановился у Петра Христофоровича Граббе, отправился съ нимъ къ капитану Иванову, гдѣ встрѣтилъ П. А. Габбе въ кругу тѣхъ офицеровъ, которые принадлежали къ высшему разряду л.-гв. Литовскаго полка. Здѣсь, послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій, Владим. Петр. Желтухинъ вручилъ мнѣ мою рукописную книгу, въ которую вносилъ я изъ разныхъ книгъ разныя замѣтки и помѣщалъ свои собственныя мысли. Не скрою, что при передачѣ этой книги между мной и Желтухинымъ произошелъ непріятный разговоръ.

Человѣкъ, хранившій для возврата мою рукопись, замѣтилъ мнѣ, что она не стоила храненія, и вынудилъ меня отвѣчать ему колкостью, что въ книгу вносилось мной все для себя, а не для него.

Вообще, положеніе мое было непріятно въ кругу прежнихъ моихъ сослуживцевъ, и я гораздо сдѣлалъ бы лучше, если бы съ представленіемъ его высочеству отправился прямо въ деревню къ моему капитану Тапильскому; я не встрѣтилъ бы какой-то странной зависти къ моему несчастію, которое сдѣлало меня товарищемъ

несчастій Габбе и Пущина, и этимъ выдвинуло меня изъ ряда всѣхъ самолюбій. Габбе и Пущинъ пріѣхали въ Брестъ еще до обѣда—и я не нашелъ Пущина у Иванова; виновникъ и своихъ и моихъ бѣдъ находился уже у его высочества. Цесаревичъ отдѣлялъ Пущина отъ Габбе и меня. Пущинъ лишенъ былъ чиновъ и орденовъ прежде нашего лишенія за 5 мѣсяцевъ, и теперь его высочество призвалъ къ себѣ капитана вечеромъ на чашку чая. Перескажу разсказъ Пущина о бесѣдѣ цесаревича съ нимъ, а Пущинъ не любилъ прикрасъ въ событіяхъ и не говорилъ никогда того, чего не было. Бесѣда цесаревича съ виновнымъ предъ нимъ показываетъ все великодушіе царственнаго нашего начальника къ тѣмъ, кто забывался предъ нимъ.

Его высочество ввелъ капитана Литовскаго пѣхотнаго полка подъ руку изъ пріемной, небольшой комнатки, которую я на другой день съ Петромъ Андреевичемъ долженъ былъ узнать, въ гостиную, посадилъ его на диванъ подлѣ себя, приказалъ подать чай и, оставшись одинъ съ своимъ собесѣдникомъ, началъ разговоръ такъ:

— Николай Николаевичъ, позволь, я буду говорить, а тебя прошу, не возражай, выслушай меня. Скажу тебѣ, какъ товарищъ товарищу по боевой нашей службѣ, какъ допустилъ ты, съ твоимъ умомъ, твоимъ характеромъ, твоими заслугами, руководить собой молодому офицеру, а онъ, какъ видно по твоей съ нимъ перепискѣ, вмѣшивался во всѣ происшествія старшихъ офицеровъ. Габбе твой товарищъ, я не удивляюсь его участію въ твоей исторіи; ты съ нимъ, какъ говорится, одной ложкой ѣлъ, одной чашкой пилъ, но Веригинъ слишкомъ молодъ, чтобы быть вашимъ наставникомъ, а вы оба допустили себя ходить на его помочахъ.

Послѣ этого горькаго для самолюбія Пущина замѣчанія, его высочество говорилъ своему собесѣднику, что все старое онъ давно забылъ, а что Пущинъ всегда былъ своей службой на виду у государя императора, объ этомъ и говорить нечего. Цесаревичъ говорилъ много похвальнаго, примѣрнаго о службѣ Пущина и заключилъ свою бесѣду съ капитаномъ тѣмъ, что взялъ съ него слово пересказать своимъ товарищамъ все, кромѣ одного обѣщанія, которое дано было Пущинымъ его высочеству и которое навсегда осталось тайной даже, кажется, и для Петра Андреевича. Не полагалъ

ли цесаревичъ, что Петръ Андреевичъ и я принадлежимъ къ какому-либо тайному обществу и, въ началѣ всей полковой исторіи, считалъ также и Пущина членомъ этого общества, но увѣрившись по всѣмъ бумагамъ и послѣдующимъ поступкамъ Пущина, что онъ не состоитъ въ преступныхъ связяхъ съ тѣми политическими затѣями, о которыхъ правительство уже имѣло тогда нѣкоторыя свѣдѣнія, меня и Габбе еще называлъ заговорщиками и, можетъ быть, открывъ такую тайну Пущину, взялъ съ него слово не говорить намъ о своей догадкѣ.

На другой день представленія Пущина его высочеству, мнѣ и Габбе назначено было явиться въ 9-ть часовъ утра къ начальнику штаба отдѣльнаго Литовскаго корпуса, генералъ-лейтенанту Вельяминову-Зернову, который отправился съ нами пѣшкомъ во дворецъ цесаревича. Дорогой Вельяминовъ сказалъ Петру Андреевичу, что въ нашей русской арміи послѣдовала горестная для всѣхъ перемѣна, что на мѣсто начальника главнаго штаба, Петра Михайловича Волконскаго, назначенъ баронъ Дибичъ, и что утрата князя—для всѣхъ русскихъ истинно горестна. Вельяминовъ всю дорогу вспоминалъ всѣ заслуги Петра Михайловича и очень откровенно горевалъ о потерѣ начальника, которому можно было подчиняться.

На маленькомъ дворѣ передъ дверьми также маленькаго дома, который занималъ цесаревичъ въ Брестѣ, насъ встрѣтилъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута словами: «а, пожалуйте, господа,—его высочество васъ давно дожидается», и съ этими словами подошелъ къ дверямъ, отворилъ ихъ, и мы увидали цесаревича, передъ которымъ стоялъ губернаторъ Житомірской губерніи Гижицкій.

Его высочество, увидавъ насъ, сказалъ Гижицкому:

— Ну, теперь вы ступайте, помните, что я вамъ говорилъ, а вы, господа, пожалуйте сюда.

Мы взошли, остановились подлѣ дверей, я всталъ по правую сторону, Петръ Андреевичъ по лѣвую. Цесаревичъ при входѣ нашемъ подошелъ къ бюро, нѣсколько времени на открытой доскѣ бюро порылся въ бумагахъ и потомъ быстро обернулся и подошелъ къ намъ.

— Вы, господа, занеслись, вы занеслись, ваши бумажки, ваши

бумажки, еслибы государь императоръ видѣлъ ихъ, я не знаю, что бы тогда было, вашъ образъ мыслей, вашъ образъ мыслей — это ужасъ, вы взялись разбирать поступки правительства, а это не ваше дѣло, вы сами погубили себя, обдумайте, что вы писали, ваше ли дѣло разбирать то, что не принадлежитъ къ вашимъ занятіямъ, вы забыли, подъ какимъ вы правительствомъ находитесь, вы были оскорбительны въ вашей перепискѣ противъ правительства, государь императоръ былъ милостивъ къ вамъ, а вашъ образъ мыслей, вашъ образъ мыслей!!..

Габбе сказалъ цесаревичу:

— Позвольте, ваше императорское высочество, сказать мнѣ одно слово.

Великій князь отступилъ отъ насъ на два шага, и въ какой-то нерѣшительности, которая, кажется, показывала боязнь, чтобы снова не встрѣтить какой-либо непріятности для себя и бѣдъ для Габбе, отвѣчалъ:

— Говорите.

— Мой образъ мыслей, ваше императорское высочество, по крайней мѣрѣ никому не желалъ вреда.

Цесаревичъ этими простыми словами Габбе какъ-будто былъ нѣсколько озадаченъ, нѣсколько разъ откашлянулся и потомъ сказалъ:

— Да, да, вы никому не желали вреда, но вашимъ образомъ мыслей вы погубили себя и вы забыли, чѣмъ я былъ для васъ, вы пошли противъ меня, — г. Веригинъ, русскій дворянинъ, вступилъ въ военную службу, избралъ этотъ родъ службы подъ моимъ начальствомъ — и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: — за что васъ и благодарю, — но вы, г. Габбе, я васъ въ дѣтскихъ годахъ вашихъ носилъ на своихъ рукахъ, я привыкъ васъ называть моимъ Петрушей, васъ на своихъ рукахъ носила моя матушка-императрица, вы все это забыли и пошли противъ меня.

— Позвольте, ваше императорское высочество, еще сказать мнѣ одно слово.

— Говорите.

— Я вполнѣ чувствую потерю вашихъ милостей.

Великій князь, услыхавъ отъ Габбе эти чувства, устремилъ на него глаза и, помолчавъ нѣсколько, вскрикнулъ:

— Правда это?

— Я говорю моимъ сердцемъ, ваше императорское высочество.

И при этихъ словахъ у Петра Андреевича навернулась слеза на глазахъ.

Цесаревичъ, увидавъ слезу на глазахъ своего любимца, кинулся обнимать и цѣловать его, сказавъ:

— Ну, если такъ, то все забыто, все забыто; кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ,—и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: — это коренная русская пословица, тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго.

Надобно замѣтить, что въ моей перепискѣ съ Пущинымъ въ одномъ мѣстѣ было упомянуто, при разборѣ разговора его высочества съ капитанами, что кто говоритъ пословицами, тотъ обнаруживаетъ недостатокъ своихъ мыслей, и это глупое и дерзкое мое заключеніе было, вѣроятно, поводомъ обращенія цесаревича ко мнѣ въ такую минуту, когда сердце его было полно добротой.

Расцѣловавъ Габбе, его высочество началъ цѣловать меня, говоря:

— Ну, все забыто, все забыто.

Послѣ первыхъ порывовъ горячей любви къ Габбе, великій князь началъ говорить такъ:

— Теперь слушайте, что̀ я вамъ обоимъ буду говорить. Отъ васъ зависитъ обратить вниманіе государя императора на вашу службу, а я всегда готовъ быть за васъ ходатаемъ, все возвратится, все зависитъ отъ вашихъ поступковъ. Вы теперь отправитесь въ свои полки, тамъ вамъ нѣтъ товарищей, не входите въ связи, которыя могли бы вамъ повредить, вы оба любите заниматься чтеніемъ, читайте, но не ведите никакихъ переписокъ, отъ которыхъ бываютъ бѣды. А тебѣ, Петруша, скажу я, тебя снова буду называть Петрушей, я тебя люблю, какъ сына, ты со способностями, ты замѣченъ государемъ, а ты знаешь, къ чему ведетъ такое замѣчаніе. Напишите вашимъ роднымъ, успокойте ихъ, что мы помирились. Я напишу матушкѣ-императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что я съ тобой, Петруша, помирился, а она хочетъ знать о тебѣ, а ты напиши своей

сестрицѣ Софьѣ Андреевнѣ, что мы съ тобой помирились, она всѣхъ у васъ въ семействѣ умнѣе.

Говоря эти слова, цесаревичъ часто насъ обоихъ цѣловалъ, по три раза въ каждое обниманіе, какъ это бывало въ привычкѣ его высочества, и, смотря въ глаза Габбе, меня сильно трепалъ рукой по лѣвому боку, что̀ Петру Андреевичу подало поводъ, послѣ, замѣтить въ шутку, что цесаревичъ хотѣлъ меня доколотить и ему хотѣлось даже просить о пощадѣ меня, какъ человѣка, и безъ того къ чахоткѣ близкаго.

— Вы можете у вашихъ товарищей здѣсь, въ Брестѣ, остаться на три дня, пожалуйста не разбирайте прошедшаго; что́ было, то прошло, а теперь надобно стараться поправить прошедшія ошибки, вы такъ умны, что найдете много предметовъ для разговора, кромѣ толковъ о своихъ бѣдахъ.

И эти слова цесаревичъ прерывалъ поцѣлуями и наконецъ намъ сказалъ:

— Ну, прощайте, еще поцѣлуйте меня въ знакъ нашего, Петръ Андреевичъ, откровеннаго примиренія.

Мы вышли отъ его высочества и встрѣтились снова съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ Курутой на дворѣ. Габбе на нѣсколько минутъ былъ остановленъ начальникомъ главнаго штаба отдѣльнаго Литовскаго корпуса, и послѣ я узналъ отъ Петра Андреевича, что Курута между разговоромъ спросилъ его:

— Скажите, mon cher, за что́ былъ разжалованъ Веригинъ?

Еслибы такой спросъ былъ сдѣланъ мнѣ, тогда я отвѣчалъ бы Курутѣ:

— Вы это лучше должны знать, ваше превосходительство, чѣмъ я, вы разсматривали мой проступокъ, и если я былъ разжалованъ безъ вины, тогда это не дѣлаетъ чести моимъ судьямъ.

На дорогѣ къ квартирѣ капитана Иванова Петръ Андреевичъ обратился ко мнѣ съ такой рѣчью, которая показала мнѣ умышленное, вѣроятно, при прощаньи замѣчаніе цесаревича своему любимцу, что онъ мирится съ нимъ откровенно, но едва-ли довѣряетъ откровенности Габбе.

— Пожалуйста,—говорилъ Петръ Андреевичъ,—Николай Викторовичъ, не говорите вы нашимъ, что я разнѣжился отъ его болтовни о его

ласкахъ и императрицы. Въ моихъ дѣтскихъ годахъ я былъ хорошенькій мальчикъ, учился не дурно, онъ пріѣзжалъ въ кадетскій корпусъ, щипалъ меня за щеки, бралъ съ собой и привозилъ къ императрицѣ, которая тоже забавлялась мной, какъ хорошенькимъ ребенкомъ.

Мы въ этотъ день обѣдали у Иванова, послѣ обѣда отправились гурьбой пить кофе къ Михаилу Ивановичу Жеребцову. Послѣ кофе пошли снова къ Иванову, и когда изъ квартиры Жеребцова вышли на улицу, то Пущинъ взялъ Петра Андреевича подъ руку и сказалъ громко:

— Возьмите меня, Петръ Андреевичъ, подъ руку и учите меня, а насъ обоихъ будетъ учить Николай Викторовичъ; вѣдь великій князь увѣренъ, что мы оба пропащіе люди безъ наставленій Николая Викторовича.

Я шелъ между Жеребцовымъ и, кажется, П. Х. Граббе. Я отвѣчалъ Пущину такъ: Николай Николаевичъ, если его высочество оскорбилъ ваше самолюбіе замѣчаніемъ, что я былъ вашимъ наставникомъ, то онъ хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ лишить меня вашего добраго ко мнѣ чувства, которымъ я гордился въ моемъ несчастіи.

— Извините, Николай Викторовичъ, я и этого не умѣлъ понять, отвѣчалъ мнѣ Пущинъ.

Я хотѣлъ отправиться тогда же въ 50-й Егерскій полкъ послѣ этихъ словъ оскорбленнаго самолюбія, но Жеребцовъ уговорилъ меня не брать къ сердцу вспышки, которая произошла у Пущина, вѣроятно, отъ вчерашняго разговора съ нимъ великаго князя. И худо я сдѣлалъ, что остался на позволенное цесаревичемъ время между людьми, которыхъ мелочное самолюбіе уязвлялось моимъ бывшимъ общественнымъ положеніемъ въ л.-гв. Литовскомъ полку. Только Граббе, Жеребцовъ, Энгельгардтъ, Бибиковъ были справедливы ко мнѣ. Я не говорю о тѣхъ, которые принадлежали къ толпѣ и которыхъ даже было не видно на квартирѣ Иванова, да и не могли они быть въ высшемъ кругѣ офицеровъ, но Желтухинъ, благородный, умный, во всей силѣ слова честный Желтухинъ, также былъ ко мнѣ очень равнодушенъ, а его мнѣніемъ и другіе руководились, какъ люди безъ своихъ мыслей.

— Прощайте, сказалъ я прежнимъ моимъ сослуживцамъ и отправился поздно вечеромъ отъ П. Х. Граббе въ 50-й Егерскій полкъ.

Впослѣдствіи я узналъ отъ Петра Андреевича, что онъ, во все слѣдованіе Волынскаго пѣхотнаго полка, былъ по повелѣнію его высочества арестованъ. Какая была причина ареста, никто не зналъ, но полагали, что новая немилость цесаревича происходила отъ негодованія за отказъ Пущину сдѣлать съ нимъ вмѣстѣ визитъ нашимъ бывшимъ полковому и бригадному командирамъ, также генераламъ Кнорингу, Албрехту, и даже, наконецъ, Варпаховскому. Пущинъ представился бывшимъ своимъ начальникамъ, которыми всегда былъ уважаемъ, но Граббе еще болѣе, можетъ быть, уважаемый Кишкинымъ, Рихтеромъ и Курутой, не счелъ ихъ достойными визита. Онъ не понималъ, для чего къ нимъ идти.

XVI.

Волынскій пѣхотный полкъ былъ расположенъ около г. Дубно, а 50-й Егерскій полкъ—около г. Кременца. Въ г. Дубнѣ находились дивизіонная, бригадная и полковая квартиры. Петръ Андреевичъ сдѣлался гостемъ дивизіоннаго генерала Ѳедора Григорьевича Гогеля, бригаднаго генерала Бартоломея и полковаго командира Баранова. Жизнь его, какъ онъ писалъ мнѣ, проходитъ весело, пріятно, но такая жизнь продолжалась не долго; скоро штабсъ-капитанъ Граббе былъ переведенъ изъ Волынскаго полка въ 49-й Егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Ч. . . . . Цесаревичъ, узнавъ объ общемъ вниманіи къ несчастливцу, счелъ за лучшее удалить его изъ мѣста, гдѣ не могло быть безъ толковъ о томъ, что̀ не нравилось его высочеству. Ч. . . . . былъ извѣстенъ, какъ картежникъ, онъ обыгрывалъ поляковъ и проигрывалъ съ намѣреніемъ своимъ начальникамъ генераламъ,

держалъ солдатъ, какъ говорится, въ ежовыхъ рукахъ, колотилъ и праваго и виноватаго, фронтовую службу зналъ безъ упреку и ни въ какомъ отношеніи не могъ быть собесѣдникомъ П. А. Габбе. Штабсъ-капитанъ, по своему чину, долженъ былъ командовать ротой, но ему не давалась, по повелѣнію его высочества, рота. Книги и собственныя литературныя занятія коротали дни изгнанника даже и въ Дубно, гдѣ для размѣна мыслей были люди.

Мнѣ назначено было государемъ цесаревичемъ жить при полковомъ штабѣ въ г. Кременцѣ. Мой полковой командиръ, просвѣщенный, умный, благородный, добрый Александръ Андреевичъ Унгебауеръ, съ первыхъ дней моего представленія ему, объявилъ мнѣ, чтобы я ежедневно у него обѣдалъ, проводилъ у него вечера, и я, въ теченіе всей моей неслужбы (службы я никакой не несъ) и жизни въ Кременцѣ, былъ какъ будто семьяниномъ въ домѣ моего благодѣтеля. Бригадный мой генералъ Харитоновъ, добрый 60-лѣтній служака, приглашалъ меня къ себѣ по воскресеньямъ на вечеръ, и я сдѣлался непремѣннымъ членомъ игры втроемъ въ вистъ и бостонъ съ моимъ полковымъ и бригаднымъ командирами.

Кромѣ вниманія ко мнѣ Александра Андреевича Унгебауера и генерала Харитонова, со мной былъ очень друженъ баталіонный командиръ 1 баталіона полковникъ Иванъ Никитичъ Тараканов.

Городъ Кременецъ былъ знаменитъ лицеемъ, основаннымъ пожертвованіями поляковъ и собственными средствами богатымъ графомъ Чацкимъ. Изъ профессоровъ лицея я былъ дружески знакомъ съ профессоромъ русской словесности Александровскимъ и другимъ—польской исторіи, котораго, къ стыду моему, прозваніе забылъ. Сверхъ этихъ двухъ лицъ особенно былъ ко мнѣ привязанъ садовникъ лицейскаго богатаго ботаническаго сада Витцель. Я называю его садовниковъ, но это названіе не отвѣчаетъ названію нашихъ садовниковъ; Витцель былъ ученый Gärtner и преподавалъ науку садоводства въ лицеѣ теоретически и практически. Истиннымъ было для меня наслажденіемъ гулять съ нимъ по обширному и богатому всѣхъ родовъ растеніями ботаническому саду, гдѣ онъ мнѣ по-нѣмецки объяснялъ роды цвѣтовъ, деревьевъ, но особенно любилъ

восхищаться со мной твореніями Шиллера, котораго сочиненія почти всѣ были въ моей дорожной книжницѣ. Смѣшно сотни книгъ называть—библіотекой.

Упомяну здѣсь, что моя книжница въ Варшавѣ не была, во время обыска моей квартиры генераломъ Кривцовымъ, подвергнута цензурному разсмотрѣнію, и потому я привезъ съ собой въ Кременецъ даже книги, считавшіяся запрещенными, какъ напримѣръ, въ нѣмецкомъ переводѣ: «Развалины Вольнея», «Система природы»—подъ именемъ Мирабо, а написанная, какъ извѣстно, барономъ Гольдбахомъ, «Конституція 3-го мая», Колонтая и еще нѣсколько другихъ, найденныхъ мной въ Варшавѣ у собирателя рѣдкихъ книгъ мелочнаго книжнаго торговца, старика Бауера. Помню, что на отвѣтъ мой генералу Кривцову: «у меня нѣтъ никакихъ рукописей, которыхъ вы ищете у меня и требуете отъ меня, кромѣ книгъ, ваше превосходительство», — генералъ сказалъ мнѣ: «книгъ вашихъ его императорское высочество не приказалъ разсматривать, вы можете имѣть ихъ, какія вамъ угодно, но гдѣ ваши бумаги, вы, какъ извѣстно, много писали». А это милостивое рѣшеніе цесаревича о моихъ книгахъ дало мнѣ возможность привезти съ собой весь мой сборъ запрещенныхъ у насъ книгъ.

Нѣмецъ Витцель не любилъ вольнодумной философіи и читалъ со мной поэзію Шиллера и Гёте.

Въ лицеѣ воспитывались разныхъ возрастовъ дѣти польскихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ многіе жили въ самомъ Кременцѣ. Кромѣ лицея для мальчиковъ, были пансіоны для дѣвицъ, но въ этихъ пансіонахъ учились дочери бѣдной шляхты, а надутые паны для образованія своихъ дочерей имѣли, какъ это и у насъ водилось, водится и еще долго будетъ водиться, такъ называемыхъ мадамъ. Мадамы учили по-французски, какъ господствующему языку въ высшемъ кругѣ дворянства, для другихъ же предметевъ, какъ ариѳметики, польскаго языка, исторіи и т. д., приглашали на уроки профессоровъ лицея.

Для русскихъ офицеровъ, если бы они даже и отвѣчали своимъ образованіемъ дамамъ польской аристократіи, не было доступу въ семейный кругъ князей: Четвертинскаго, Сапѣги, Любо-

мірскаго, графовъ Чацкаго, сына основателя лицея Тарновскаго, пановъ: Швейкоцкаго, Рищевскаго, Дрзевецкаго, Сабанскаго и другихъ, которые частью жили со своими дѣтьми постоянно въ Кременцѣ или пріѣзжали на зиму для вечеровъ, баловъ, обѣдовъ и тѣхъ занятій, которыя нравятся женщинамъ...

Кременецъ, какъ мнѣ говорили, наполнился польской аристократіей не столько для образованія своихъ дѣтей и препровожденія между собой времени, сколько отъ нелюбви къ Варшавѣ, гдѣ господствовало русское правительство, въ лицѣ цесаревича и даже намѣстника Царства Польскаго, князя Заёнчика, исполнителя желаній русскаго правительства. Приводили примѣры рѣзкихъ выходокъ его высочества противъ того или другаго изъ польскихъ магнатовъ, и эти выходки согнали ихъ въ маленькій Парижъ, какъ называли часто городокъ Кременецъ, а на Заёнчика негодовали, какъ на потатчика неуважительности великаго князя къ польскому вельможеству. И дѣйствительно, какъ всѣмъ извѣстно, цесаревичъ не жаловалъ барскаго чванства, надутости, но всегда былъ покровителемъ слабаго, и польская бѣдная шляхта должна благоговѣть къ его высочеству за его вниманіе къ незавидному ихъ положенію въ унизительной службѣ своимъ магнатамъ. Въ домахъ князей: Сангушки, Любомірскихъ, Чарторижскихъ, графовъ: Потоцкихъ, Ходкевичей, Браницкаго и другихъ вельможъ столовая прислуга состояла изъ бѣдной шляхты, и эта шляхта, занимавшая въ имѣньяхъ своихъ богатыхъ пановъ и болѣе благородныя должности, всегда была съ ножомъ за своего пана на всѣхъ сеймахъ во время всѣхъ смутъ въ Польшѣ. Русское правительство старалось оторвать несчастную дробную шляхту отъ теремовъ вельможъ, давая имъ право вступать на службу въ русскомъ войскѣ, на ряду съ русскими дворянами.

Мнѣ разсказывали о происшествіи съ однимъ изъ первыхъ магнатовъ Польши, который съ бывшимъ своимъ тарелочнымъ шляхетнымъ слугой поступилъ оскорбительно, тогда какъ слуга этотъ уже былъ офицеромъ Житомірскаго пѣхотнаго полка, и за оскорбленіе мундира, магнатъ, служившій генералъ-адъютантомъ у На-

полеона, былъ приговоренъ, кажется, къ мѣсячному аресту: офицеръ Житомірскаго полка (забылъ его фамилію) былъ посланъ полковымъ командиромъ для покупки обозныхъ лошадей на какую-то ярмарку не далеко отъ мѣстечка Славутъ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ этого мѣстечка князь Сангушко, у котораго этотъ шляхтичъ былъ прежде въ услуженіи. Офицеръ, знавшій главнаго конюшеннаго князя, былъ допущенъ къ осмотру лошадей, но когда пожелалъ онъ видѣть и тѣхъ лошадей, которыя по цѣнности своей и рѣдкости не показывались никому безъ разрѣшенія самого Сангушки, то офицеръ взялъ на себя право лично получить отъ бывшаго своего господина позволеніе на осмотръ его арабскихъ жеребцовъ, которые цѣнились по 10 т. червонцовъ каждый. 60-ти лѣтній вельможа сидѣлъ въ гостиной со своей супругой за утреннимъ кофе, когда вошелъ къ нему безъ доклада въ русскомъ мундирѣ шляхтичъ съ сильнымъ желаніемъ видѣть его арабскихъ жеребцовъ, объяснивъ ему предварительно, что онъ посланъ своимъ начальникомъ для покупки лошадей. Князь подивился бездокладному входу офицера и еще болѣе его желанію видѣть лошадей, которыя никому не показываются, да и вообще съ конюшни его никакія лошади никому не продаются. Офицеръ весьма неучтиво вздумалъ доказывать, что неисполненіе его желанія отнесется къ неуважительности князя русскому офицерскому мундиру, который онъ имѣетъ честь носить. Когда начались съ обѣихъ сторонъ жаркія возраженія, княгиня встала и, выходя изъ гостиной, сказала своему супругу на французскомъ языкѣ, что этотъ офицеръ былъ у нихъ лакеемъ, и что ей неприлично быть въ его присутствіи. Князь просилъ бывшаго своего слугу, уже сѣвшаго въ кресло, безъ приглашенія, оставить его въ покоѣ, когда же услыхалъ дерзкій отказъ требованію Сангушки, то объявилъ ему, что онъ прикажетъ своимъ служителямъ вывести его изъ дома. Офицеръ, сидя на креслѣ, сказалъ Сангушкѣ: «я посмотрю, осмѣлитесь ли вы оскорбить въ моемъ лицѣ всѣхъ офицеровъ русской арміи». Сангушко позвонилъ въ колокольчикъ, вошелъ 12-ти-вершковый гайдукъ, которому онъ приказалъ вывести вонъ дерзкаго и даже выпроводить изъ мѣстечка. Вошли другіе гайдуки, взяли офи-

цера подъ руки, вывели изъ дома, посадили его силой на подводу и вытолкали изъ селенія.

По возвращеніи въ полкъ, поруганный мундиръ подалъ полковому командиру рапортъ, гдѣ прописалъ всѣ оскорбленія князя Сангушки. Ни полковой командиръ, ни бригадный, ни самый дивизіонный не могли кончить дѣла извиненіемъ князя, которое онъ соглашался просить у офицера, въ присутствіи всего полка офицеровъ; обиженный требовалъ поединка съ Сангушкой на пистолетахъ. Конечно, князю не страшенъ былъ пистолетъ, но унизительно было ему и помыслить о поединкѣ съ бывшимъ своимъ горничнымъ слугой, который дерзостью хотя и довелъ его до забывчивости противъ военнаго мундира, но по личности своей не стоилъ быть даже и въ его передней. Князь отказался отъ дуели съ лакеемъ-шляхтичемъ; онъ уѣхалъ обратно въ свой Славутъ изъ Дубно, куда былъ приглашенъ дивизіоннымъ генераломъ для окончанія непріятнаго для него происшествія.

Гордый магнатъ предоставилъ свой проступокъ противъ русскаго мундира рѣшить судебнымъ порядкомъ, если не довольствуется обиженный даже и унизительнымъ для князя извиненіемъ, на которое онъ соглашался. Надобно замѣтить, что во все время этой исторіи великій князь имѣлъ уже свѣдѣнія о ходѣ всего дѣла и секретно далъ повелѣніе генералу Гогелю настаивать на удовлетвореніи требованія офицера, иначе дать ходъ дѣлу по командѣ. Жалоба офицера пошла по командѣ и когда дошла до его высочества, то наряжено было слѣдствіе и, наконецъ, по судебному военному приговору князь Сангушко высидѣлъ въ г. Житомірѣ подъ арестомъ нѣсколько недѣль, иные говорили на гауптвахтѣ, другіе—въ какой-то башнѣ. Мудрено ли послѣ этого, что польская аристократія чуждалась встрѣчи съ русскими офицерами.

Полковой мой командиръ, кромѣ иностранныхъ книгъ, выписывавшихся имъ чрезъ мѣстечко Броды изъ Лейпцига,—получалъ отъ одного московскаго книгопродавца всѣ русскія книги, которыя стоили чтенія. Профессоръ Александровскій и я, тотчасъ, приглашались полковникомъ на вечерній чай, по полученіи имъ чего-либо замѣчательнаго изъ Москвы, и за стаканомъ пунша, — до котораго

профессоръ былъ большой охотникъ, — Александровскій читалъ намъ стихотворенія Пушкина, Жуковскаго и «Горе отъ ума» Грибоѣдова, присланное Унгебауеру безъ всякихъ пропусковъ въ рукописи.

Мнѣ позволялось ѣздить зимой изрѣдка съ подполковникомъ Тараканомъ въ мѣстечко Радзивиловъ, гдѣ была баталіонная квартира Тараканова. Всѣ служащіе въ Радзивиловской таможнѣ жили даже роскошно. Таможенный начальникъ, дѣйств. ст. совѣтникъ Штакельбергъ, пакхаузный,—ст. совѣт. Будбергъ и почтъ-директоръ, ст. сов. Гирсъ—давали зимой балы, гдѣ танцы и карты удерживали гостей до свѣту, а другіе чиновники приглашали на вечера, обѣды и чѣмъ болѣе было гостей, тѣмъ виднѣе былъ балъ или вечеръ.

Радзивиловъ былъ скопищемъ контрабандистовъ-жидовъ. Пріѣзжали чиновники изъ Петербурга для слѣдствій о контрабандѣ, для прекращенія этого государственнаго зла, и оканчивалось тѣмъ, что послѣ отъѣзда чиновника зло еще болѣе увеличивалось. Я зналъ въ Радзивиловѣ не крупнаго чиновника-нѣмца, по отзыву многихъ честнаго, онъ мнѣ откровенно говорилъ, что отъ правительства ему выдается въ годъ 300 р., а ему перепадаетъ отъ разныхъ статей пріема и отпуска до 10 т. р., «а будь я посмѣлѣе,— добавлялъ онъ, — то могъ бы получать даже болѣе 20 т. р.» Въ Радзивиловѣ былъ и полиціймейстеръ, который служилъ безъ жалованья, а изъ одной чести, чему, какъ мнѣ говорили, корпусный командиръ Довре очень дивился и не могъ понять, какимъ образомъ бѣдный чиновникъ съ большимъ семействомъ можетъ существовать безъ жалованья и жить одной честью. И какія были яства въ Радзивиловѣ, какія вина, фрукты! Таможенная радзивиловская рогатка была отъ вольнаго города Броды— рукой подать, а въ Броды все свозилось австрійское, французское и англійское, и все дешевле нашего роднаго.

Лѣтомъ, кажется, на два мѣсяца, полки собирались, отъ г. Дубновъ 15-ти верстахъ и мѣстечка гр. Ходкевича, Млынова—въ трехъ. Въ лагерѣ я проводилъ все время съ Петромъ Андреевичемъ въ чтеніи нѣмецкихъ книгъ или въ моей палаткѣ или у него; намъ уже не было запрещенія сходиться. Нерѣдко навѣщалъ я добраго

польскаго вельможу гр. Александра Ходкевича, бывшаго въ опалѣ за его польскія политическія бредни и забывчивость противъ цесаревича. Графъ никуда не выѣзжалъ изъ своего нѣкогда великолѣпнаго, а въ мое время разрушавшагося дворца; онъ чуждался общественныхъ связей по своему, какъ было видно, очень незавидному положенію. Палацъ, какъ называютъ въ Польшѣ великолѣпныя зданія магнатовъ, выстроенъ былъ едва-ли еще не во времена гетмана Ходкевича. Передній домъ окруженъ былъ службами и стоялъ на возвышеніи противъ огромнаго пруда, чрезъ плотину котораго переѣзжали мѣстечко Млыновъ, гдѣ жили евреи и гдѣ былъ почтовый дворъ. Кругомъ всего строенія былъ расположенъ садъ, едва-ли не на 150 десятинахъ.

«Садъ этотъ, какъ говорилъ мнѣ Ходкевичъ, устраивался съ глубокимъ и широкимъ каналомъ, съ искусственными горами и прудами, съ множествомъ въ разныхъ видахъ гротовъ, тогда, когда во владѣніи его матери было кругомъ Млынова 25 т. душъ крестьянъ, а теперь, просовокуплялъ графъ, я не въ силахъ и поддерживать его».

Передъ переднимъ фасомъ дома была обширная съ купами разныхъ деревьевъ поляна, на которую изъ дома выходили по большому изъ дикаго камня крыльцу; на полянѣ въ разныхъ мѣстахъ находились скамьи изъ мрамора. На этихъ скамьяхъ по вечерамъ передъ прудомъ я сиживалъ съ пожилымъ графомъ, который разсказывалъ мнѣ о причинахъ упадка Польши и мечталъ о надеждахъ ея возстановленія. Я приходилъ въ садъ Ходкевича съ описаніемъ конституціи 3-го мая Колонтая, и эта книга была поводомъ къ разъясненіямъ его о всѣхъ смутахъ Польши и о всѣхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ его отечества сосѣдственныхъ державъ, изъ которыхъ Австрія была самой отвратительной для поляковъ. Графъ Александръ Ходкевичъ былъ химикъ и напечаталъ своего сочиненія химію; онъ любилъ говорить о химіи и водилъ меня иногда въ свою лабораторію, гдѣ дѣлалъ разные химическіе опыты, но химія графа, какъ говорили мнѣ въ Кременцѣ ученые поляки, не пользовалась большой извѣстностію даже и въ самой Польшѣ. И химикъ-графъ, сидя въ своей лабораторіи, допускалъ своей супругѣ проматывать его имѣ-

ніе, а потомъ, живя въ Варшавѣ, когда водворились тамъ русскіе, лишился своей супруги.

Князь Голицынъ былъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича, навѣщалъ часто въ Варшавѣ графа Ходкевича, аккомпанировалъ на скрипкѣ супругѣ графа, которая превосходно играла на фортепіанахъ, и тутъ началась между музыкантами сердечная связь и кончилась отъѣздомъ обоихъ въ Швейцарію. Впослѣдствіи, по отставкѣ, я былъ хорошо знакомъ въ Моршанскѣ съ роднымъ братомъ этого князя Голицына, Павломъ Сергѣевичемъ.

У графа Ходкевича было два сына и дочь. Сыновей я зналъ. Младшій графъ поступилъ въ польскую артиллерію, а старшій остался для хозяйства 2 т. душъ, которыя переданы были ему его бабушкой. Мать графа Александра Ходкевича предвидѣла разореніе своего сына отъ неразсудительной роскоши его супруги и обезпечила первенца-внука изъ своего родоваго имѣнія тѣмъ, что̀ получила въ приданое отъ своего отца. Дочь графа была замужемъ за графомъ Осолинскимъ, котораго картинная галлерея въ Варшавѣ была не послѣдней въ Европѣ, какъ мнѣ говорили считавшіе себя знатоками живописи. И дочь Ходкевича не была счастлива въ супружествѣ, она оставила своего мужа и переѣхала на житье къ своему отцу. У графа Александра Ходкевича былъ еще братъ, съ дѣтства помѣшанный, котораго я встрѣчалъ въ саду и сожалѣлъ о существованіи такого человѣка, но мнѣ говорили, что жизнь помѣшаннаго—счастіе для его старшаго брата. Младшій братъ считался владѣльцемъ $^1/_2$ всего имѣнія, т. е. 12.500 душъ крестьянъ, и состоялъ подъ опекой своего старшаго брата.

При встрѣчѣ помѣшанный всегда и каждому говорилъ: «это мое, все мое, Млыновъ мой, все мое, у брата ничего нѣтъ, онъ у меня живетъ», но какъ только завидитъ брата, то скоро отходилъ отъ своего собесѣдника.

По возвращеніи намъ 3-мъ, несчастливцамъ, чиновъ, въ первое лѣто лагеря подъ Млыновымъ, его императорское высочество не пріѣзжалъ осматривать дивизію отдѣльнаго литовскаго корпуса, и этотъ лагерь прошелъ для меня и Петра Андреевича въ однихъ

нашихъ свиданіяхъ, на ученія же мы оба ни на какія не ходили.

Этотъ лагерь еще мнѣ памятенъ по свиданію со мной сына нашего корпуснаго командира Довре, который опечаленъ былъ отчаяннымъ поступкомъ единственнаго наслѣдника своего имѣнія. Ко мнѣ вошелъ въ одно утро молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, въ солдатской шинели, и рекомендовался мнѣ, какъ бывшій прапорщикъ того же гвардейскаго полка, гдѣ напросился на гибель и гдѣ пострадалъ онъ. Вотъ исторія необдуманности л.-гв. Литовскаго полка прапорщика Довре.

Сынъ нашего корпуснаго начальника воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, когда уже меня отправили изъ Варшавы рядовымъ въ армейскій полкъ. Послѣ насъ, въ первый лагерь, много говорилось между офицерами л.-гв. Литовскаго полка о ходѣ всей нашей исторіи, о смѣлости Пущина, благородствѣ всѣхъ поступковъ Габбе, о моемъ добровольномъ вмѣшательствѣ въ исторію капитановъ. Полковые толки о насъ сильно могли разжигать вновь прибывшія прапорщичьи горячія головки. Довре былъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ на что-либо смѣлое прапорщиковъ, и его пылкость сдѣлалась не тайной для его высочества, который хорошо умѣлъ узнавать духъ каждаго полка.

Въ одну изъ лагерныхъ бесѣдъ въ палаткѣ, кажется, Желтухина или Мичурина, Довре пылко началъ доказывать, что никакая военная власть не можетъ посадить офицера подъ арестъ на палочный пикетъ. Не помню, какой былъ поводъ къ разговору о палочномъ пикетѣ. Нѣкоторые изъ старшихъ офицеровъ хотѣли увѣрить Довре, что палочный пикетъ не есть мѣсто ареста только для бѣглыхъ солдатъ и подобныхъ имъ преступниковъ, но что, на основаніи военныхъ законовъ, въ какомъ-либо важномъ случаѣ, подвергались и офицеры этому, конечно, унизительному аресту, но все-таки основанному на законѣ. Спорщикъ кончилъ тѣмъ, что его и самъ царь можетъ только силой посадить на палочный пикетъ, но онъ своими ногами не пойдетъ туда.

Чрезъ нѣсколько дней его высочество пріѣхалъ въ лагерь и,

уже не помню, на ученьи или на разводѣ замѣтилъ въ маршировкѣ въ движеніяхъ Довре все нехорошо, и, наконецъ, разгорячился противъ ошибокъ прапорщика до того, что приказалъ ему идти подъ арестъ на палочный пикетъ. Прапорщикъ смѣло замѣтилъ цесаревичу, что палочный пикетъ есть мѣсто для преступниковъ-солдатъ, а для офицеровъ мѣсто ареста гауптвахта, и онъ пойдетъ туда, а не на палочный пикетъ. Сказавъ эти слова, Довре отправился на полевой пикетъ и, явясь къ караульному офицеру, объявилъ ему, что онъ арестованъ его высочествомъ.

Послѣ церемоніальнаго марша, распустивъ полкъ по палаткамъ, цесаревичъ подъѣхалъ верхомъ къ пикету, вызвалъ изъ караульной палатки Довре, приказывалъ ему идти на палочный пикетъ, упрашивалъ его пощадить своего старца-отца, заслуженнаго генерала, котораго онъ убьетъ своимъ ослушаніемъ противъ закона; словомъ, употреблялъ и ласку и угрозу, но у Довре одинъ былъ отвѣтъ:

— Не пойду, ваше высочество, не оскверню моимъ повиновеніемъ офицерскаго мундира.

Великій князь заключилъ тѣмъ, что далъ прапорщику на размышленіе 24 часа сроку, и что онъ пріѣдетъ завтра къ нему, чтобы узнать его отвѣтъ.

На другой день цесаревичъ подъѣхалъ прямо къ палаткѣ пикета; Довре не вызванный вышелъ вмѣстѣ съ карауломъ изъ палатки, и здѣсь Константинъ Павловичъ сильно разсердился на новую дерзость прапорщика, который, не бывъ вызванъ изъ палатки, гдѣ содержался подъ арестомъ, вышелъ къ его высочеству произвольно, какъ будто-бы цесаревичъ пріѣхалъ единственно для него. Послѣ гнѣва на другую необдуманность Довре, цесаревичъ потребовалъ отъ прапорщика, чтобы онъ шелъ подъ арестъ на палочный пикетъ. Услыхавъ вчерашній отказъ въ повиновеніи, его высочество объявилъ Довре, что онъ прикажетъ его отвести солдатамъ силой, а когда и эта угроза не испугала прапорщика, то по командѣ цесаревича нѣсколько солдатъ взяли на руки прапорщика и отнесли его за лагерныя палатки, на такъ называемый палочный пикетъ.

За отцомъ Довре былъ отправленъ фельдъегерь еще въ первый день ослушанія молодости противъ царственнаго начальства. Ста-

рикъ Довре пріѣхалъ скоро въ Варшаву, но отказался отъ приказанія своему сыну сдѣлать добровольно переходъ съ полеваго пикета на палочный пикетъ.

Молодой Довре былъ преданъ военному суду, не помню уже за что, былъ судимъ и приговоренъ согласно съ волей цесаревича къ тяжкому наказанію, но въ Высочайшемъ приказѣ наказаніе было, за заслуги отца, смягчено на исключеніе прапорщика Довре изъ военной службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда его тѣмъ же чиномъ не принимать. Старикъ, по явкѣ къ нему исключеннаго сына изъ службы, приказалъ вступить ему снова въ военную службу, и Довре былъ принятъ, по Высочайшему приказу, рядовымъ въ Волынскій пѣхотный полкъ, гдѣ, какъ говорили мнѣ впослѣдствіи, прослужилъ онъ рядовымъ едва-ли не болѣе 10 лѣтъ.

Цесаревичъ имѣлъ въ правилахъ разсчитываться безъ отлагательствъ съ тѣми, кто по какому-либо случаю подвергался его негодованію. Если полковой командиръ заслуживалъ гнѣвъ своего царственнаго начальника, то, при первомъ ученьи, весь полкъ терпѣлъ одинаково съ своимъ полковымъ начальникомъ; если ротный начальникъ вызывался на неравный бой, то вся рота никуда не годилась, и если, наконецъ, прапорщикъ заносился въ либерализмъ, то и за взводомъ сыскивалъ его цесаревичъ, а не только во взводѣ. Цесаревичъ во всѣхъ любилъ покорность безъ разсужденій.

На другое лѣто полки снова выступили въ лагерь, и я снова проводилъ время въ чтеніи нѣмецкихъ книгъ съ Петромъ Андреевичемъ, а когда цесаревичъ осмотрѣлъ нашу дивизію, то мы оба возвратились въ мѣста нашей зимней стоянки. Его высочество, при проходѣ церемоніальнымъ маршемъ тѣхъ взводовъ, которыми намъ поручалось командовать во время смотра цесаревича, очень разгорячался въ выраженіяхъ за неблагодарность къ нему Габбе и повторялъ, что онъ причиной не только своей собственной гибели, но и тѣхъ, кто съ нимъ вмѣстѣ судился.

И только стоило Петру Андреевичу написать одно покорное письмо къ своему благодѣтелю, тогда все бы измѣнилось; цесаревичъ обнялъ бы своего любимца безъ недовѣрчивости, и всѣ мы воз-

вратились бы въ л.-гв. Литовскій полкъ. Но на призывъ къ покорности Габбе всегда отвѣчалъ:

— Въ чемъ я виноватъ, за что я наказанъ и въ чемъ мнѣ просить прощенія?

И этотъ отвѣтъ оставался неизмѣннымъ до самаго дня помѣшательства благородно-гордаго Габбе.

Я отправился однажды вмѣстѣ съ Довре къ моему доброму графу Ходкевичу въ Млыновъ, узнавъ, что онъ недавно женился на 18-ти-лѣтней дѣвицѣ Щ е н е в с к о й, племянницѣ г-жи Щеневской, которой я былъ сосѣдомъ по квартирѣ въ Кременцѣ и которой два сына, воспитывавшіеся въ Кременецкомъ лицеѣ, часто посѣщали меня съ добрымъ и благороднымъ своимъ наставникомъ. Мы графа нашли въ саду передъ прудомъ, гдѣ графиня сидѣла на мраморной скамьѣ, а графъ лежалъ на травѣ у ногъ своей супруги и читалъ ей какую-то французскую книгу. Графъ подошелъ ко мнѣ съ радушнымъ привѣтомъ и, узнавъ отъ меня въ моемъ спутникѣ сына корпуснаго командира, сказалъ ему по-французски, что онъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ его отцомъ и очень радъ его знакомству.

Ходкевичъ, послѣ нѣсколькихъ съ обѣихъ сторонъ словъ, представилъ насъ своей супругѣ. Графиня поднялась со скамьи, вытянулась величаво во весь свой ростъ, и мы увидали передъ собой ту красоту, которую описать можетъ одинъ Байронъ и нарисовать Рафаэль. Передъ нами стояло съ доброй улыбкой какое-то божество[1]). Стройная, величавая красота изрѣдка вмѣшивалась въ нашъ разговоръ на польскомъ языкѣ, замѣтивъ намъ, что она не знаетъ нѣмецкаго языка, на которомъ мы вели съ графомъ разговоръ. Довре, сынъ француза, очень плохо говорилъ по-французски, и на мое удивленіе объяснилъ мнѣ, что мать его нѣмка, которая съ дѣтства всегда говорила съ нимъ по-нѣмецки, не зная французскаго языка, а отецъ съ матерью тоже говорилъ плохимъ нѣмецкимъ языкомъ, сыномъ же очень рѣдко занимался, если не никогда, и отъ того молодой человѣкъ по-нѣмецки говорилъ, какъ нѣмецъ, по-русски, какъ русакъ, французскій же языкъ былъ для него мало понятенъ.

---

[1]) Тогда еще не было въ обычаѣ женщинъ привѣтствовать гостей сидя.
Н. В. Веригинъ.

Старикъ Довре, какъ говорили, былъ на войнѣ знаменитый начальникъ штаба, а внѣ войны молчаливъ, тихъ, и отъ того сынъ рѣдко слышалъ голосъ отца. Молва увѣряла, что отпоръ французовъ отъ Петербурга былъ большей частію дѣломъ генерала Довре, который у Витгенштейна былъ начальникомъ штаба.

XVII.

По возвращеніи изъ лагеря, остатокъ лѣта и вся зима прошли, до третьяго лагеря, въ обычныхъ моихъ занятіяхъ. Ежедневно я обѣдалъ у моего добраго полковаго командира, по четвергамъ вечеромъ приходилъ на вистъ или бостонъ, который всегда составлялся изъ моихъ двухъ начальниковъ бригаднаго, полковаго и меня; тотъ же вистъ собирался по воскресеньямъ у генерала, который еще въ первыхъ чинахъ женился на нѣмкѣ и, живя однимъ жалованьемъ любилъ сытно и вкусно накормить своихъ гостей. На половинѣ пути къ 70 годамъ, вспоминаю давно прошедшее и вспоминаю съ горячимъ чувствомъ признательности за отеческую внимательность ко мнѣ добраго моего генерала Харитонова и благодѣтеля моего Александра Андреевича Унгебауера.

Генералъ былъ, во всей силѣ слова, служака; съ самаго нижняго чина, въ теченіе 40 лѣтъ, дослужился до начальника бригады и, перешедъ всѣ ступени чиновъ, зналъ службу до страха всѣмъ подчиненнымъ ему чинамъ. Горе было ротному командиру, когда онъ не усердно занимался ученіемъ роты; знатокъ службы, при первомъ смотрѣ роты, тотчасъ видѣлъ всѣ упущенія начальника роты отъ ремешка аммуниціи до всѣхъ поворотовъ солдата во фронтѣ. Тогда было не то, что нынѣ; начальникъ армейской пѣхоты бранивалъ подчиненнаго рѣзкими словами, и эта брань рѣдко оскорбляла подчиненнаго, который, едва грамотный, дослужившись терпѣніемъ до высшаго чина, также бранился, какъ его бранивали. Но если начальникъ видѣлъ, при первой попыткѣ на брань, въ глазахъ сво-

его подчиненнаго смѣлый для себя отвѣтъ, то удерживался тогда отъ брани. Замѣчу здѣсь, однако, то, что дивизіонный генералъ Ѳедоръ Григорьевичъ Гогель, по своему высокому образованію, никогда, ни передъ кѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не забывался; онъ былъ высоко уважаемъ и цесаревичемъ, и всѣми его подчиненными.

Между полковыми командирами былъ по образованію и многостороннимъ свѣдѣніямъ замѣчателенъ начальникъ Житомірскаго пѣхотнаго полка Михаилъ Александровичъ Ермоловъ, который былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Петромъ Андреевичемъ Габбе.

Третій и послѣдній для меня и Петра Андреевича лагерь подъ Млыновымъ памятенъ мнѣ тѣмъ, что сострадалецъ мой не прибылъ за болѣзнію съ полкомъ въ лагерь, а остался на кантониръ-квартирахъ. Цесаревичъ, узнавъ, еще при осмотрѣ 24-й дивизіи, о неприбытіи Габбе въ лагерь, прислалъ повелѣніе, чтобы его вытребовать къ смотру полковъ нашей 25-й пѣхотной дивизіи, и Петръ Андреевичъ явился ко мнѣ въ палатку на житье, дѣйствительно съ сильной лихорадкой. При смотрѣ нашихъ полковъ, дивизіонный генералъ доложилъ его высочеству, что штабсъ-капитанъ такъ боленъ, что не могъ явиться на смотръ, а когда я проходилъ предъ взводомъ церемоніальнымъ маршемъ мимо цесаревича, то видѣлъ гнѣвъ его высочества на неявку Габбе къ смотру. Мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи мой полковой командиръ, что великій князь истолковалъ болѣзнь бывшаго своего любимца какъ упрямство, какъ неохоту быть на смотру и, указывая на меня, говорилъ:

— Веригинъ, мнѣ извѣстно, слабаго здоровья, но онъ передъ взводомъ, а Габбе во всемъ своеволенъ, притворяется, онъ оскорбителенъ.

Цесаревичъ уѣхалъ въ Варшаву, Габбе больной отправился изъ моей палатки на свои зимнія квартиры, я же остался въ своей палаткѣ до выхода полка изъ лагеря.

При послѣднемъ моемъ свиданіи съ Петромъ Андреевичемъ, не было и рѣчи ни съ моей, ни его стороны, что мы хотимъ просить объ отставкѣ. Моя военная служба безъ всякой службы и отчеты моего

полковаго командира о моей жизни и моихъ знакомствахъ ставили, если не въ опасное, то въ непріятное положеніе Александра Андреевича, и это побуждало меня избавить его отъ ежедневнаго гостя, который за хлѣбъ-соль можетъ подвергнуть безнамѣренно какому-либо горю своею благодѣтеля. Я, съ вѣдома Унгебауера и Харитонова, написалъ просительныя письма къ его высочеству и начальнику его штаба, генералу Курутѣ, прося въ нихъ позволенія подать по болѣзни въ отставку и обязываясь по выздоровленіи снова вступить въ военную службу подъ высокое начальство его императорскаго высочества государя цесаревича.

И какъ нарочно судьба вела меня къ неразрывной связи съ Габбе, который также въ одно со мной время отправилъ письма къ цесаревичу и Курутѣ объ разрѣшеніи ему выйдти въ отставку. Еще повторю, ни при свиданіяхъ, ни въ перепискѣ нашей, которую мы вели между собой, не было ни даже намека, что тотъ или другой изъ насъ намѣренъ просить объ отставкѣ, и когда Петръ Андреевичъ изъ письма моего узналъ, что я отправилъ письмо къ цесаревичу, то сильно въ своемъ отвѣтѣ негодовалъ на мое молчаніе объ отставкѣ. Сотерпѣливецъ мой предсказывалъ, что цесаревичъ будетъ считать его причиной и моего нежеланія продолжать службу. Кажется, такъ это и сбылось.

Его высочество чрезъ начальника штаба Куруту отвѣчалъ мнѣ, что «согласенъ представить Его Императорскому Величеству прошеніе мое, которое я долженъ подать по командѣ, и съ удовольствіемъ принимаетъ готовность мою снова вступить подъ его команду». Въ томъ же письмѣ Куруты было упомянуто, что его императорское высочество изволилъ повелѣть корпусному командиру Довре о принятіи отъ меня на отставку прошенія, которое пойдетъ по командѣ. Когда полковой мой командиръ получилъ отъ генерала предписаніе о принятіи отъ меня, съ разрѣшенія его императорскаго высочества, прошенія, то я, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1824 года, подалъ на Высочайшее имя прошеніе о увольненіи меня по болѣзни въ отставку.

Петръ Андреевичъ не получилъ отъ генерала Куруты никакого отвѣта на свое письмо къ его императорскому высочеству, а ему было дано знать только по командѣ, что онъ можетъ подать въ от-

ставку. Отвѣтъ Куруты на мое письмо и его молчаніе на письмо Габбе показывали всю немилость цесаревича къ бывшему своему любимцу, который очень былъ равнодушенъ къ полученію отвѣта.

Я былъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ у обѣдни въ Лицейской католической церкви, куда пріѣзжала на молитву польская аристократія. Подлѣ меня стоялъ студентъ лицея Яловицкій, лѣтъ 20-ти, молодой, образованный человѣкъ, и вмѣстѣ со мной любовался княжной Четвертинской.....

— А теперь, — сказалъ Яловицкій, — цесарь лежитъ въ гробу.

Яловицкій удивился, что смерть государя, о которой хотя и потихоньку, но всѣ говорятъ, для меня одного тайна, и когда узналъ отъ меня всю опасность разглашенія о кончинѣ монарха—до правительственнаго объявленія, то прекратилъ разсказъ о болѣзни и кончинѣ Александра Павловича въ Таганрогѣ.

Въ этотъ день я обѣдалъ, по обыкновенію, у полковника, а какъ было воскресенье, то вечеръ провелъ за вистомъ у генерала, и хотя на лицахъ моихъ начальниковъ была видна кончина любимаго монарха, но никто слова не говорилъ о этомъ народномъ бѣдствіи.

Дня чрезъ три пріѣхалъ ко мнѣ подполковникъ Тараканов изъ Радзивилова, онъ за тайну объявилъ мнѣ какъ о кончинѣ государя, такъ и о сближеніи баталіоновъ на тѣсныя квартиры около Кременца, но какая этому причина, никто не знаетъ, а думаютъ, что для присяги новому императору.

Пришло по начальству повелѣніе изъ Сената всѣмъ гражданскимъ чинамъ и народу принести присягу государю императору Константину Павловичу. Гражданскіе чины г. Кременца принесли присягу императору Константину 1-му, а мы, военные, не имѣли по своей командѣ повелѣнія о принесеніи присяги, и это подавало во всѣхъ обществахъ поводъ къ шопотнымъ толкамъ о причинѣ непризнаванія нами императоромъ нашего царственнаго начальника. Глухо молва и на разные лады начала шептать, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не принимаетъ короны Россійской имперіи, а уступая свое наслѣдіе своему брату Николаю, желаетъ быть королемъ Польши.

Болтали втихомолку поляки, что когда получено было въ Варшавѣ горестное извѣстіе о кончинѣ императора Александра, то одинъ изъ представлявшихся цесаревичу генераловъ и, кажется, начальникъ жандармовъ, генералъ отъ кавалеріи Рожнецкій, титуловалъ великаго князя «ваше императорское величество» и будто цесаревичъ на этотъ титулъ разсердился, но когда Рожнецкій, въ слѣдъ за своей неумѣстной угодливостію, сказалъ «ваше королевское величество», то цесаревичъ не изъявилъ негодованія на этотъ титулъ.

Вся эта болтовня могла показать одно, сколь полякамъ желательно было самобытное возстановленіе польскаго не царства, а королевства.

Еще безтолковѣе пошло шептанье между поляками о возстаніи гвардейскихъ въ Петербургѣ полковъ противъ навязываемаго имъ императора и требованіи на престолъ Константина съ конституціей. Въ слѣдъ за этими толками сдѣлалось извѣстнымъ, что отъ Кіева идетъ съ баталіономъ солдатъ подполковникъ Муравьевъ съ призывомъ къ войску и народу: «да здравствуетъ императоръ Константинъ, да здравствуетъ конституція»! Дивизіонный генералъ Гогель сдѣлалъ на всякій случай распоряженіе, чтобы дать отпоръ 7-го корпуса тѣмъ полкамъ, которые рѣшатся или соблазнятся пристать къ баталіону Муравьева. 7-мъ корпусомъ командовалъ строгій генералъ Роттъ. Въ полки этого корпуса были размѣщены многіе офицеры Семеновскаго гвардейскаго полка, а также и рядовые, когда солдаты этого полка были раскассированы отъ офицеровъ до послѣдняго солдата за возмущеніе противъ своего полковаго командира, полковника Шварца, человѣка грубаго, дерзкаго фронтовика, назначеннаго командиромъ одного изъ первыхъ гвардейскихъ полковъ, послѣ образованнаго и всѣми любимаго генерала барона Розена. Въ нѣсколькихъ полкахъ 7-го корпуса были по подозрѣнію въ заговорѣ съ Муравьевымъ арестованы многіе офицеры и въ томъ числѣ полковой командиръ гусарскаго полка Муравьевъ-Апостолъ. Подполковникъ Муравьевъ съ нестройнымъ своемъ баталіономъ приближался къ имѣнію престарѣлой графини Браницкой, которая жила въ селѣ Бѣлая-Церковь, гдѣ въ подвалахъ ея замка хранилась, по увѣренію поляковъ, милліоны серебромъ и золотомъ, и эти милліоны Муравьевъ надѣялся захватить для своихъ конституціонныхъ дѣйствій.

Впослѣдствіи разсказывали, что находчивость одного гайдука графини спасла ея милліоны отъ нашествія Муравьева и также о признательности владѣлицы громаднаго имѣнія къ спасителю своему. Гайдукъ былъ посланъ по какому-то случаю изъ Бѣлой Церкви и едва-ли не для узнанія о шествіи Муравьева. Солдаты схватили гайдука, представили его Муравьеву, и на спросъ его: «есть ли солдаты въ Бѣлой Церкви», отвѣчалъ, что нашло разныхъ полковъ въ Бѣлую Церковь и окрестности селенія видимо невидимо. Это показаніе гайдука, какъ увѣряли меня, было причиной, что Муравьевъ остановился верстъ за 20-ть отъ Бѣлой Церкви, когда еще въ селеніи не было ни одного солдата, и тѣмъ лишился громадныхъ денежныхъ средствъ, которыя во всѣхъ дѣлахъ большая сила. Сутки, потерянныя Муравьевымъ, сблизили полки 7-го корпуса въ Бѣлую Церковь, откуда направились на возмутившійся баталіонъ, и однимъ ударомъ Павлоградскій гусарскій полкъ Муравьева-Апостола разсѣялъ конституціонистовъ, захвативъ раненаго ихъ начальника въ плѣнъ. Корпусный командиръ Роттъ, выстроивъ полки въ боевой порядокъ, подъѣхалъ къ Павлоградскому гусарскому полку и сказалъ гусарамъ:

— Ребята, вашъ полковой командиръ-измѣнникъ отправленъ въ Петербургъ, онъ замаралъ тотъ мундиръ, который вы носите, смойте пятно съ этого мундира, передъ вами участники его измѣны, поручаю вамъ однимъ разогнать ихъ.

Солдаты закричали: «рады стараться, веди насъ на измѣнниковъ». И по командѣ: «маршъ, маршъ» полкъ ринулся съ крикомъ «ура», и въ одну минуту храбрый баталіонъ Муравьева разбѣжался.

Когда конституціонисты были уничтожены, то графиня Браницкая, узнавъ о заслугѣ своего гайдука, приказала позвать его къ себѣ и, сказавъ ему спасибо за спасеніе ея замка отъ грабежа, пожаловала ему своеручно карбованецъ, т. е. цѣлковый. Многіе поляки и сами русскіе офицеры, знавшіе владѣлицу 120 тысячъ душъ крестьянъ и баснословныхъ наличныхъ милліоновъ, разсказывали о скупости графини, сидѣвшей по вечерамъ всегда съ двумя сальными свѣчами.

Во время марша Муравьева къ Бѣлой Церкви получено было

секретное повелѣніе моимъ полковымъ командиромъ отъ цесаревича: «наблюдать за мной бдительно и при малѣйшемъ подозрѣніи въ какомъ-либо возмутительномъ замыслѣ или участіи въ замыслахъ, арестовать меня и содержать подъ строжайшимъ карауломъ впредь до дальнѣйшаго повелѣнія отъ его императорскаго высочества».

Мой великодушный, благородный начальникъ въ одно утро пришелъ ко мнѣ и, не подавъ мнѣ ни малѣйшаго вида о небезопасности моего положенія, пригласилъ меня придти къ нему пораньше обѣдать и проводить съ нимъ вечера, покудова собиравшіеся баталіонные командиры будутъ находиться въ Кременцѣ.—«Мы наиграемся до сыта въ нынѣшніе долгіе вечера, а потомъ и на покой по своимъ угламъ, благо наши партнеры собрались со своими баталіонами для ожидаемой со дня на день присяги».

До развязки съ Муравьевымъ полученъ былъ въ Кременцѣ указъ Сената о приведеніи къ присягѣ народъ и гражданскіе чины императору Николаю I-му и вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, на другой или третій день пришло повелѣніе государя цесаревича о приведеніи къ присягѣ и насъ всѣхъ военныхъ императору Николаю. Присяга была принесена всѣми сословіями безъ всякихъ толкованій. Я, по небольшой болѣзни и жестокому морозу, не былъ у присяги, испросивъ на то предварительно разрѣшеніе моего полковаго командира, который хотѣлъ мнѣ прислать для подписанія присяжный листъ, и это небытіе у присяги едва не повело меня къ большому, если не несчастію, то переполоху. На другой день присяги, рано утромъ, мой полковой командиръ, Александръ Андреевичъ Унгебауеръ, послалъ ко мнѣ со своимъ вѣстовымъ для подписи присяжный листъ, который надобно было отправить сколь можно скорѣе къ бригадному генералу для отсылки въ тотъ же день къ дивизіонному генералу. Вѣстовой вмѣсто моей квартиры въ темнотѣ зашелъ на квартиру поручика Грека, который, надобно замѣтить, по распоряженію бригаднаго и полковаго командира выѣхалъ въ полночь съ порученіемъ узнать, что дѣлается въ полкахъ 7-го корпуса, расположенныхъ по близости нашего полка. Денщикъ Грека на спросъ вѣстоваго полковаго командира: «всталъ ли поручикъ», отвѣчалъ, что поручикъ въ полночь на тройкѣ фурманщика-жидка ускакалъ, а куда, онъ не знаетъ, но такъ торопился, какъ будто-бы

собрался бѣжать. Глупецъ, не спрося о фамиліи уѣхавшаго офицера, явился къ полковому командиру съ докладомъ, что я въ полночь, по словамъ моего денщика, ускакалъ, и добавилъ изъ своей головы, что кажется къ Кіеву. Полковой адъютантъ, бывшій въ это время у Александра Андреевича, разсказывалъ мнѣ послѣ, въ какой пришелъ ужасъ мой благодѣтельный начальникъ отъ моей неблагодарности къ его довѣрчивости. Александръ Андреевичъ не говорилъ, а кричалъ въ кабинетѣ:

— Вотъ вамъ довѣрчивость къ благородству этого человѣка, вотъ вамъ благодарность, онъ меня погубилъ, я буду за него солдатомъ, онъ ускакалъ къ Муравьеву. Бѣгите скорѣе, Шапошникова, къ бригадному генералу, разбудите его, если онъ еще не всталъ, и доложите о побѣгѣ Веригина; но нѣтъ, постойте, напишите поскорѣе рапортъ генералу о побѣгѣ Веригина.

Шапошниковъ началъ писать рапортъ, и въ это время вошла жена Александра Андреевича, бывъ встревожена его крикомъ. Мужъ объявилъ женѣ со слезами на глазахъ, что я бѣжалъ и что неблагодарный погубилъ его, ее и дѣтей ихъ, что его будутъ судить, какъ участника въ моемъ побѣгѣ и что милость будетъ, когда разжалуютъ его только въ солдаты. Плачъ жены еще болѣе увеличилъ боль сердца моего благодѣтеля. Шапошниковъ съ подписаннымъ рапортомъ явился къ бригадному генералу Харитонову, и тутъ снова онъ видѣлъ плачъ жены генерала и ужасъ того, который во все время моей службы въ 50-мъ Егерскомъ полку обходился со мной отечески.

По возвращеніи Шапошникова къ полковому командиру съ докладомъ, чтобы присяжный листъ доставить сколь можно скорѣе бригадному генералу при рапортѣ безъ моей подписи для отправленія вмѣстѣ съ рапортомъ о моемъ побѣгѣ дивизіонному генералу, Александръ Андреевичъ приказалъ своему адъютанту сходить на мою квартиру, которая была въ близкомъ разстояніи отъ квартиры полковаго командира, и разспросить моего денщика со всей подробностію о моемъ побѣгѣ. На дворѣ уже было довольно свѣтло, я лежалъ еще въ постели, когда услыхалъ голосъ адъютанта, который звалъ моего денщика, хлопотавшаго въ кухнѣ около самовара. На спросъ мой: «кто тамъ», Шапошниковъ вбѣжалъ ко мнѣ въ спальню

и съ радостнымъ крикомъ: «да вы дома, Николай Викторовичъ», выбѣжалъ изъ моей спальни, торопливо говоря: «послѣ, послѣ все разскажу, а теперь скорѣе обрадовать Александра Андреевича». Полковой мой командиръ самъ мнѣ въ тотъ же день разсказалъ о ужасномъ своемъ и бригаднаго генерала положеніи при вѣсти о моемъ побѣгѣ и радость свою о моемъ покойномъ снѣ.

— Но радость эта, говорилъ Александръ Андреевичъ,—переходила въ упрекъ себѣ, что я допустилъ усомниться о вашемъ образѣ мыслей къ нашимъ дружескимъ отношеніямъ.

Что было бы, еслибы его высочество получилъ прежде рапортъ о моемъ побѣгѣ, а потомъ о моемъ покойномъ снѣ на своей квартирѣ—трудно рѣшить. Присяжный листъ былъ мной подписанъ, и тѣмъ вся тревога кончилась.

Прошеніе на Высочайшее имя покойнаго императора Александра Павловича по командѣ было мнѣ отъ его императорскаго высочества возвращено съ повелѣніемъ подать другое прошеніе на Высочайшее имя государя императора Николая Павловича. Я подалъ прошеніе и ждалъ отставки, которая пришла, наконецъ, мнѣ и Петру Андреевичу въ мартѣ 1826 года. Въ Высочайшемъ приказѣ было напечатано такъ:

«Увольняются отъ службы:

49-го Егерскаго полка штабсъ-капитанъ Габбе и 50-го Егерскаго полка подпоручикъ Веригинъ»,

а вслѣдъ за этимъ

«Переводятся:

Либавскаго пѣхотнаго полка капитанъ Пущинъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ».

Не знаю, какъ понимать въ одномъ и томъ же приказѣ наше увольненіе отъ службы тѣми же чинами и переводъ Пущина въ тотъ же полкъ, изъ котораго мы разжалованы были въ рядовые за оскорбительную съ нимъ переписку противъ начальства и высшихъ себя. Кажется, его высочеству угодно было переводомъ Пущина показать намъ, что мы сами виной всѣхъ своихъ потерь по службѣ, какъ это впослѣдствіи и было объяснено моему отцу, когда онъ просилъ цесаревича о позволеніи мнѣ снова вступить въ военную службу. Но нашъ проступокъ, и особенно Петра Андреевича, въ

сравненіи съ проступкомъ Пущина былъ такъ ничтоженъ, что мы скорѣе могли ожидать помилованія, чѣмъ Пущинъ.

По полученіи отставки, Петръ Андреевичъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Кременецъ. Нѣсколько дней провели мы вмѣстѣ, каждый день обѣдали у полковника, а по вечерамъ играли у него въ вистъ или бостонъ втроемъ. Въ послѣдній вечеръ отъѣзда Петра Андреевича къ брату его, полковому командиру 7-го Егерскаго полка, который расположенъ былъ въ 40 верстахъ отъ Кременца, бывшій мой полковой командиръ, сидя съ нами за картами, получилъ конвертъ отъ бригаднаго генерала. Распечатавъ конвертъ и вынувъ бумагу съ надписью секретное, Александръ Андреевичъ сказалъ мнѣ:

«Повелѣніе секретное, я получилъ секретное повелѣніе, когда вы, Николай Викторовичъ, служили въ моемъ полку, а теперь вы уже въ отставкѣ и теперь не знаю, о чемъ еще можетъ идти рѣчь секретно».

Прочитавъ повелѣніе, Унгебауеръ подалъ мнѣ его со словами:

«Снова объ васъ, Николай Викторовичъ, и очень нерадостное».

Признаюсь, слова моего бывшаго начальника нѣсколько меня смутили, мнѣ въ первыя минуты вообразилось, что не приказано ли меня арестовать и отправить въ Петербургъ, какъ подозрительнаго въ государственной измѣнѣ. Надобно замѣтить, что нѣсколько офицеровъ изъ корпуса генерала Ротта уже были арестованы и отправлены въ Петербургъ, какъ было намъ извѣстно, по подозрѣніямъ въ измѣнѣ присягѣ. Но повелѣніе заключалось въ томъ, чтобы по волѣ государя императора отобрать отъ меня, по прилагаемой формѣ, подписку о невъѣздѣ моемъ въ три столицы: С.-Петербургъ, Москву и Варшаву. На другой день я получилъ отъ полковника такого содержанія бумагу:

«Уволенному отъ службы изъ 50-го Егерскаго полка господину подпоручику Веригину».

«Его превосходительство бригадный командиръ г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Харитоновъ, повелѣніемъ отъ 4 марта за № 269, объявилъ мнѣ, что г. начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, отъ 10 числа минувшаго февраля, увѣдомилъ его императорскаго высочества цесаревича, что государь императоръ, уволивъ васъ за болѣзнію отъ

службы, приказомъ 5-го числа того февраля Высочайше повелѣть соизволилъ: взять съ васъ подписку о невъѣздѣ вашемъ въ три столицы: С.-Петербургъ, Москву и Варшаву, о каковой Высочайшей волѣ о воспрещеніи вамъ въѣзда въ С.-Петербургъ и Москву объявлено г. генералъ-адъютантомъ барономъ Дибичемъ обѣихъ сихъ столицъ гг. военнымъ генералъ-губернаторамъ. Во исполненіе чего рекомендую вашему благородію, съ полученія сего, давъ о вышеизъясненномъ на себя подписку по приложенной у сего формѣ, представить таковую ко мнѣ для отсылки по командѣ куда слѣдуетъ.

Полковникъ Унгебауеръ».

Подписка. «Сходно Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, я симъ даю обязательство, что въ запрещенныя для въѣзда моего три столицы: С.-Петербургъ, Москву и Варшаву въѣзжать не буду, въ чемъ и подписуюсь, на контониръ-квартирахъ въ г. Кременцѣ марта 8 дня 1826 года 50-го Егерскаго полка отставной подпоручикъ Веригинъ».

Петръ Андреевичъ также далъ по Высочайшему повелѣнію обязательство о невъѣздѣ въ три столицы.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе будетъ).

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

Александра Николаевича Сѣрова.

(Письма 1845–1849 гг.).

Къ огромному собранію писемъ Александра Николаевича Сѣрова, которое почти цѣликомъ появилось на страницахъ «Русской Старины» за 1875—1888 гг. [1]), въ настоящее время есть возможность присоединить еще нѣсколько интересныхъ писемъ покойнаго художника, писанныхъ имъ въ разное время сестрѣ его, Софьѣ Николаевнѣ, въ замужествѣ Дю-Туръ, именно изъ Симферополя, гдѣ Сѣровъ служилъ съ 1845 по 1854 г. (за исключеніемъ періода 1849—50 гг., когда А. Н. служилъ во Псковѣ). Настоящія письма, несомнѣнно дающія новый матеріалъ для біографіи замѣчательнаго музыкальнаго критика, предоставлены мнѣ вдовою покойнаго автора «Юдифи»—Валентиной Семеновной Сѣровой, которой я и считаю долгомъ принести мою искреннюю благодарность.

Эти новыя письма являются дополненіемъ къ той замѣчательной корреспонденціи, которая адресовалась В. В. Стасову и имъ же была опубликована; такимъ образомъ эти два матеріала имѣютъ между собою связь и, тѣмъ самымъ, настоящій дорисовываетъ, отчасти, общую картину цѣлаго періода жизни этого художника, періода, по вѣрному замѣчанію В. Стасова, «образованія и приготовленія» (1820—1850 гг.).

Считаю излишнимъ выписывать здѣсь подробныя свѣдѣнія изъ біографическаго очерка Сѣрова (біографіи, да къ тому же полной, онъ еще не дождался), тѣмъ болѣе, что многаго сказать и не пришлось бы—

---

[1]) См. «Русскую Старину»: 1875 г., т. XIII, стр. 581—602;—т. XIV, стр. 328—338, 492—501;—1876 г., т. XV, стр. 129—143, 348—363, 853—870;—т. XVI, стр. 132—146;—т. XVII, стр. 787—810;—1877 г., т. XVIII, стр. 145 158, 363—368, 513—530, 683—698;—т. XIX, стр. 101—112;—т. XX, стр. 335—346, 523—534;—1878 г., т. XXI, стр. 151—176;—1888 г., т. LIX, стр. 343—384, 647—682;—т. LX, стр. 393—394.

жизнь (музыкальная) Сѣрова только-что начала тогда развиваться. Александръ Николаевичъ Сѣровъ (род. 11 января 1820 г., умеръ 20 января 1871 г.), по окончаніи курса въ императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія (въ 1840 г.), съ чиномъ IX класса, поступилъ въ канцелярію 5-го (уголовнаго) департамента Правительствующаго Сената, гдѣ онъ и прослужилъ пять лѣтъ, до 1845 г., когда въ сентябрѣ того же года былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя Симферопольской уголовной палаты.

Софья Николаевна (Дю-Туръ) — младшая сестра Сѣрова, его искренній и лучшій другъ какъ дѣтства, такъ и юношества. Сестрѣ онъ повѣрялъ всѣ свои замыслы, отъ нея, какъ равно и отъ Владиміра Васильевича Стасова, онъ всегда ждалъ искреннихъ сужденій. Съ ней началъ Сѣровъ любить музыку, литературу, живопись, обоюдно помогая развиваться другъ другу—вотъ причина того теплаго, дружескаго и откровеннаго тона во всѣхъ письмахъ, помѣщенныхъ здѣсь. Быть можетъ, сестрѣ своей Сѣровъ признавался даже въ томъ, что̀ хотѣлъ скрыть отъ прочихъ людей, хотя и близко знавшихъ его. Отношенія А. Н. къ другому лицу, часто упоминаемому въ настоящей перепискѣ, именно къ Владиміру Васильевичу Стасову,—вполнѣ обрисованы въ ихъ дружеской корреспонденціи, уже напечатанной въ «Русской Старинѣ». Тамъ вполнѣ рельефно высказалась эта рѣдкая, долгая, едва-ли не братская симпатія этихъ двухъ выдающихся дѣятелей русскаго искусства, которая въ послѣдній періодъ жизни Сѣрова такъ странно, такъ больно оборвалась и превратилась въ открытую вражду. В. В. Стасовъ — товарищъ Сѣрова по школѣ (они сошлись еще въ училищѣ Правовѣдѣнія), товарищъ по изученію музыкальнаго искусства, съ своей стороны, также обрисовалъ эти отношенія въ отрывкѣ изъ своихъ воспоминаній («Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ», «Русская Старина» 1880—1881 гг.) и къ нимъ нужно отослать читателя.

Необходимыя для поясненія писемъ свѣдѣнія будутъ сообщаемы мною въ примѣчаніяхъ.

Н. Ф.

Письма А. Н. Сѣрова къ С. Н. Дю-Туръ.

I.

Симферополь, 31-го октября 1845 г.

Chère Sophie,

Сегодня получилъ я твое письмецо отъ 17-го и тотчасъ выставилъ на конвертѣ «3-е, получено тогда-то». Я это дѣлаю всегда съ такою же

аккуратностью, какъ Иванъ Никифоровичъ отмѣчалъ на своихъ дыняхъ: «сія дыня съѣдена такого-то числа», и если былъ кто,—то «присутствовалъ такой-то». Я здѣсь лишенъ театра, но ты знаешь, какъ мало я жалѣю объ итальянцахъ, и разсказъ твой еще болѣе подтвердилъ мнѣ, что потеря не велика. Вотъ дѣло другое, если Плесси [1]) окажется дѣльною. Тогда мнѣ будетъ очень досадно; тѣмъ больше, что мнѣ настоящей хорошей игры долго не придется видѣть. Въ Одессѣ все-таки итальянцы, которые вездѣ почти одинаковы. Я читалъ въ газетахъ, что у васъ будутъ давать новую оперу Верди «I Lombardi alla prima Crociata». Я очень бы желалъ, чтобъ ты ее видѣла и слышала. Это, говорятъ, что-то совершенно въ новомъ родѣ (но, разумѣется, все пустяки, а только эффектно).—Съ завтрашнею почтою отправляю письмо къ Пошману [2]). Въ этомъ письмѣ, довольно большомъ, я описалъ свое житье-бытье и всѣ впечатлѣнія, которыя я успѣлъ получить отъ Крыма, причемъ ловко коснулся пространства Россійскаго государства, благодѣяній ко мнѣ начальства и проч. и проч. Однимъ словомъ, слогъ Чичикова и «Сѣверной Пчелы». Но по моему разсчету, это было необходимо, потому что принцъ долженъ быть уже въ Петербургѣ. Въ понедѣльникъ я былъ на парадномъ обѣдѣ у Вл. Макс. Княжевича. Тамъ были и губернаторъ, и секретарь князя Воронцова, и прокуроръ, и Самойловъ [3]), и всѣ аристократы и главные чиновники нашего Симферополя. Но къ нимъ я уже привыкъ, такъ же, какъ и къ тому, что здѣсь гастрономія доведена до высокой утонченности. Ѣдятъ и пьютъ превкусно. Но сверхъ всякаго ожиданія этотъ день былъ для меня очень важенъ. Я въ числѣ гостей познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Бакунинымъ. И съ перваго разговора мы, къ неописанной радости обоихъ, чрезвычайно сошлись. И онъ и я давно жаждали потолковать обо всякой всячинѣ съ человѣкомъ понимающимъ, но такого не оказывалось! Вообрази же себѣ мою радость: онъ не артистъ и не литераторъ, но любитъ и уважаетъ въ искусствѣ и въ поэзіи, или, просто въ области мысли, все то и исключительно то, что я (или мы) люблю и уважаю, Бетховена, Гегеля, Гоголя, G. Sand, Листа, даже Поль-де-Кока, даже Мéгу (за «Флориду и Низанъ») и наконецъ все, гдѣ натура, гдѣ истина! Надо тебѣ сказать, что онъ образовался въ Германіи, ученъ

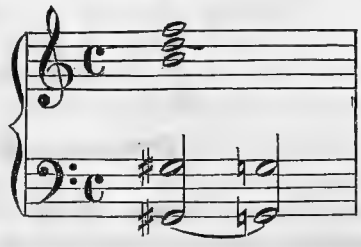
---

[1]) Французская актриса, игравшая въ то время на сценѣ Михайловскаго театра. Н. Ф.

[2]) Семенъ Антоновичъ Пошманъ, первый директоръ училища Правовѣдѣнія. Н. Ф.

[3]) Директоръ гимназіи въ Симферополѣ, братъ знаменитаго артиста В. В. Самойлова. Н. Ф.

дѣльно и отчаянный гегелистъ. Въ музыкѣ его божество—Бетховенъ, а со стороны индивидуальнаго наслажденія допускаетъ и итальянскія мелодіи. Съ нѣкоторой стороны идеи его подходятъ къ стасовскимъ,—а съ другой во многомъ онъ мнѣ напоминаетъ студента—Полуденскаго. (И надо же, что онъ такой же длинный, какъ тѣ. Видно, мнѣ. коротенькому, уже такое счастье на долговязыхъ). Вчера онъ былъ у меня и сидѣлъ съ 4-хъ часовъ до 11. Перебралъ мои книги, мои партитуры—и въ восхищеніи. Объ одномъ мы чуть не плакали, что у меня еще нѣтъ фортепіано! Онъ говоритъ, что я безъ ф. п.=септ-аккордъ безъ разрѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ попробуй взять напримѣръ:



такъ и тянетъ разрѣшить великолѣпнымъ С-дуромъ, а его нѣтъ!—Онъ изъявилъ большое удивленіе, какъ я, воспитавшійся въ Россіи, въ казенномъ училищѣ, такъ полонъ гуманныхъ идей. Но потомъ, подумавъ, сказалъ: «нѣтъ, это удивительно: вы всѣмъ этимъ одолжены музыкѣ. Потому что музыка—есть свобода». Онъ здѣсь уже около 2 лѣтъ и служилъ чиновникомъ особыхъ порученій у Княжевича, съ которымъ онъ меня просилъ какъ можно болѣе сблизиться. Я надѣюсь, что двѣ, три бесѣды, и мы съ Вл. Макс. сойдемся, потому что, благодаря Бога, я еще юнъ и духомъ и тѣломъ.—Бакунинъ говоритъ, какъ я и ожидалъ, что крымскія лѣтнія лунныя ночи ни съ чѣмъ сравниться не могутъ. Въ одну изъ такихъ ночей онъ верхомъ взбирался на вершину Чатырдага и любовался оттуда неизмѣримымъ моремъ, осереброннымъ луной. Онъ говоритъ также, что кто видѣлъ одно Балтійское море—моря еще не видалъ. И такъ говорятъ всѣ.—Отъ меня будетъ зависѣть самому испытать всѣ эти наслажденія, и никто въ этомъ мнѣ не помѣшаетъ. Но до лѣта или весны еще далеко!—Не подумай однако, что мы здѣсь лишены современной литературы Петербурга. Ничуть. Уголовная палата получаетъ «Отечественныя Записки» и «С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости», у Княжевича есть и «Библіотека для Чтенія» и всѣ журналы и газеты. Дамы здѣсь читаютъ «Le Juif errant» и «Le Comte Montechristo»—точно такъ же, какъ и въ Петербургѣ.—Недавно я пробѣгалъ много нумеровъ «Одесскаго Вѣстника»; тамъ мнѣ встрѣтились премилыя переводныя статейки, но все

прочее перепечатывается изъ другихъ газетъ, а по музыкальной части кто-то пишетъ преглупо. Музыка вообще въ Новой Россіи еще не процвѣтаетъ, а что бы могло тутъ быть! Какая почва для искусствъ!— Виноградъ, которымъ я лакомлюсь преисправно, имѣетъ на меня очень благодѣтельное вліяніе. Вообще я здѣсь боюсь одного, что отъ слишкомъ правильной жизни скоро догоню В. Ж. и П. П. Я тучнѣю съ каждымъ днемъ. Пока—довольно!

Поцѣлуй маму и всѣхъ. Ton Alexandre.

(Приписка сбоку). Удивляюсь, что нѣтъ письма отъ Вольдемара! [1]).

II.

Симферополь, 28 ноября 1845 г.

Chère Sophie,

Изъ благодарности за твое большое письмо отъ 10-го, пишу къ тебѣ также не на осьмушкѣ. Притомъ побесѣдовать есть о чемъ.—Судьбамъ угодно было, чтобъ послѣдняя почта (съ которой я получилъ отчетъ о посѣщеніи вами Стасовыхъ и, слѣдовательно, первыя вѣсти объ игрѣ Плесси) немного запоздала, такъ что я въ прошедшій четвергъ успѣлъ отправить къ вамъ и къ W. [2]) мое предварительное (!) мнѣніе о Плесси, чтобъ, какъ нарочно, черезъ часъ послѣ того получить un cruel démenti. Un démenti qui me réjoit pour vous, mais qui me fait souffrir pour moi-même. Что-за странность, что мнѣ не суждено наслаждаться этими безподобными актрисами столько, какъ бы мнѣ можно было, при постоянной жизни въ Петербургѣ! —Отъ Albert [3]) я тогда уѣхалъ и для чего?—теперь Плесси, еще лучшая (что, также какъ ты, трудно себѣ представляю),—подарила себя вамъ и на долго,— опять безъ меня! Положимъ, что я ее когда-нибудь и увижу, — но могъ бы видѣть чуть не каждый разъ! Ты теперь уже видѣла ее [4]), и вѣроятно отчетъ твой (счастливица!) уже близко отъ моего Крыма.— Чѣмъ больше ты будешь хвалить, тѣмъ больше я буду досадовать; но эта досада—пріятная. О Петербургѣ я не жалѣю—по многому, но въ моемъ уединеніи здѣсь все, что приноситъ съ собой запахъ петербургской жизни, меня радуетъ невыразимо. Ты легко поймешь это противо-

---

[1]) и [2]) В. В. Стасовъ.

[3]) Французская актриса, игравшая въ Петербургѣ въ 1843 г. Н. Ф.

[4]) Я даже знаю въ чемъ: „Estelle“ и „Faute de s'entendre“. Такъ ли? А. С.

рѣчіе.—Когда мимо оконъ палаты моей мелькнетъ киверъ почталіона—сердце мое забьется, глаза просіяютъ, и я весь превращусь въ ожиданіе до самой той минуты, пока наконецъ съ жадностью распечатаю конверъ отъ васъ. Въ прошедшую почту (10-го), отправивъ ко мнѣ такъ много писемъ за разъ, вы думали (а мама даже и написала), что мнѣ будетъ чтенія на три дня. Увы! я все это проглотилъ въ какія-нибудь четверть часа! По цѣлымъ недѣлямъ я жду этого наслажденья, и оно проходитъ— какъ мигъ! Впрочемъ, и послѣ прочтенія во мнѣ разливается какая-то живительная теплота, точно будто, послѣ двухъ-недѣльной разлуки, я пріѣхалъ къ вамъ въ Ораніенбаумъ, и мы долго и хорошо разговаривали. Особенно это я чувствовалъ при послѣднихъ письмахъ твоихъ и маминыхъ (отъ 10-го). Я очень радъ, что моя маленькая шалость такъ хорошо удалась. Ты должна помнить всегда, что старшій твой братъ, съ слоновыми глазками, умѣетъ быть шельмой, если захочетъ, и вообще, если не мѣшаетъ губительная лѣнь, и когда нужно—разсчитываетъ каждый часъ, каждое слово. Иначе, по его мнѣнію, въ наше время, нельзя съ честію исполнять возложенную на него роль привилегированнаго смертнаго (d'un mortel privilégie, какъ остроумно выразилась G. Sand въ своей прелестной фантазіи «Теверино», которую, натурально, ты давно прочла въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» и, натурально, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Что-за G. Sand!) Въ одномъ изъ своихъ писемъ ты спрашиваешь меня, хорошо ли мнѣ жить? Изъ всего, что я уже писалъ вамъ, сами вы знаете, можетъ ли быть мнѣ дурно жить. Внѣ дома меня, если не смѣю сказать еще любятъ, по крайней мѣрѣ уважаютъ, угождаютъ и ласкаютъ всячески. При томъ же почти постоянно прекрасная погода не позволяетъ мнѣ быть не въ духѣ, и я всегда веселъ. Дома у меня милыя комнаты, просторно, привольно, тихо,—иногда по цѣлымъ днямъ никто не мѣшаетъ мнѣ дѣлать, что хочу. А это главное для меня. Я все еще пробавляюсь чужими фортепіанами, но у меня есть партитуры, которыми я наслаждаюсь, слушая глазами, и есть скрипка, которая, «отъ безрыбья», доставляетъ мнѣ много удовольствія и подсобляетъ мнѣ въ работахъ. На дняхъ я написалъ романсъ на слова Лермонтова [1]), который пришлю тебѣ на судъ и для врученія любезному тенору Харлампію Ильичу. На дняхъ же я кончилъ довольно странную для меня работу, а именно одинъ вальсъ Лабицкаго (Catherinen Walzer) переложилъ съ фортепіано на оркестръ.—Не знаю, какъ-то это удалось; его скоро будутъ пробовать на балу въ Дворянскомъ Собраніи, но оркестръ маленькій, неполный, дрянной, и мнѣ довольно трудно было со всѣмъ этимъ

[1]) Этотъ романсъ остался неизвѣстнымъ и въ составленный г. Молчановымъ указатель произведеній Сѣрова не вошелъ. Н. Ф.

сладить.—Я все считаю себя въ долгу у васъ на счетъ рисунковъ моего житья-бытья. Это въ самомъ дѣлѣ вамъ необходимо. Въ письмахъ, по большей части, описывается перемѣняющееся, а все постоянное, т.-е., какъ и гдѣ я каждый день, для васъ остается еще темнымъ, безъ подробныхъ рисунковъ. Видовъ же Симферополя подождите до болѣе благопріятнаго времени. Теперь хотя и не дурна у насъ погода, но перемѣнчивая; часто бываютъ сильные вѣтры; оттого я хожу постоянно въ своей шубкѣ, а въ ней рисовать не ловко. Все это еще не уйдетъ.—У меня голова идетъ вокругъ отъ радости, когда подумаю, что̀ мнѣ предстоитъ здѣсь весной! Напримѣръ въ Бахчисарай, который лежитъ въ 30 верстахъ отъ Симферополя, въ прелестной долинѣ,—отправляются здѣсь весной и лѣтомъ въ обыкновенныхъ городскихъ дрожкахъ, такъ же легко и просто, какъ петербургскіе жители ѣздятъ на острова, и сто̀итъ это всего два цѣлковыхъ. А въ Бахчисараѣ—знаменитый ханскій дворецъ съ фонтанами и цвѣтами, и съ такими богатыми воспоминаніями.—Въ другую сторону, также подъ Симферополемъ, начинаются роскошныя долины до Суда́ка, гдѣ одинъ ландшафтъ лучше другаго. Все это я на дняхъ по нѣскольку разъ слышалъ отъ человѣка, нѣсколько знающаго толкъ въ изящной натурѣ, именно отъ Айвазовскаго [1]).

. . . . . .

Какъ всякій настоящій артистъ, кромѣ своего искусства, онъ горячо любитъ и музыку. Такъ какъ онъ долго жилъ въ благословенной Италіи и лично знакомъ со всѣми музыкальными знаменитостями тамъ и въ Парижѣ, то и по этой части его бесѣда была очень занимательна для меня.—Онъ самъ порядочно играетъ на скрипкѣ, довольно хорошо чувствуетъ музыку и былъ въ восхищеньи отъ моей способности читать на фортепіано и голосомъ все, что мнѣ подкладывали, какъ дрова. Такъ какъ онъ былъ на короткое время въ Симферополѣ и долженъ былъ объѣздить всѣ лучшіе дома, то мы безпрестанно встрѣчались то тамъ, то сямъ. Чаще разумѣется у Казначеевыхъ, гдѣ онъ какъ родной. Теперь онъ уѣхалъ опять въ Ѳеодосію, гдѣ пробудетъ всю зиму, чтобъ въ маѣ отправиться съ картинами въ Петербургъ.—Мы разстались пріятелями. (Забавно то въ нашемъ знакомствѣ, что онъ и не предполагаетъ, чтобы я сколько-нибудь владѣлъ карандашемъ).—Въ субботу я опять провелъ часа три за органомъ лютеранской церкви, и меня очень порадовало, что я начинаю порядочно распоряжаться педалью, что̀ довольно трудно. Представь себѣ хорошенько мое наслажденіе: одному безъ слушателей, въ невозмутимой тишинѣ изучать анатомію этого музыкальнаго слона и потомъ пріобрѣтенныя познанія испытывать на безподоб-

[1]) Здѣсь пропускъ—въ письмѣ своемъ Сѣровъ описываетъ нѣкоторыя картины нашего знаменитаго художника. Н. Ф.

ныхъ хоралахъ С. Баха. Воскресенье также былъ день для меня счастливый. Въ сей день снова сдѣлалось для меня доступно наслажденье: играть въ 4 руки вещи серьезныя. Я обѣдалъ у Мюльгаузеновъ. Послѣ стола тотчасъ принялись за музыку и не отходили отъ фортепіано съ 4-хъ до 8-ми часовъ. Тереза Мюльгаузенъ играетъ съ толкомъ, а главное, читаетъ съ листа весьма свободно. Для меня это кладъ, потому что съ С*** я могу играть только то, что она выдолбитъ, а въ это время мнѣ прискучитъ всякая пьеса, тѣмъ болѣе, что настоящей музыки я ей и предложить не осмѣлюсь, а нѣмка будетъ и пѣть со мною все.—Поетъ она, какъ и всѣ нѣмки, смѣшно, но вѣдь мнѣ до этого мало дѣла; лишь бы выходили вѣрныя ноты.—Мы играли въ 4 руки разныя разности, но къ несчастью у ней нѣтъ бетховенскихъ симфоній,—придется кое-что аранжировать (тѣмъ больше, что это, рано или поздно, необходимо). Играли Мендельсона, Генделя, «Гугенотовъ»—потомъ, къ моему счастью, нашлась вещь, по которой я давно грустилъ—«Schöpfung»[1])—не для 4-хъ рукъ, а для пѣнья съ ф. п. И какъ добрался до этой музыки, то съигралъ и спѣлъ чуть ли не всю ораторію. Потомъ нашлась совершенно незнакомая для меня ораторія Андрея Ромберга[2]) на Шиллерову «Lied von der Glocke»—это меня заняло чрезвычайно, и я прочиталъ за ф. п. всю ораторію отъ первой до послѣдней ноты. Тереза, которой эта музыка уже знакома, помогла мнѣ пѣть тамъ, гдѣ необходимъ былъ женскій голосъ. Отъ Мюльгаузеновъ, которые, натурально, захватили меня, я поѣхалъ къ Славинскимъ и тамъ, по причинѣ превосходнаго рояля, не могъ отъ него оторваться до 12 часовъ. Аптекарь Христлибъ, сопровождавшій меня въ оба дома, изумился моей неутомимости.—Какъ видишь, я совершенно плаваю въ искусствѣ.—Въ понедѣльникъ, въ день твоего рожденья, у меня былъ вечеромъ Бакунинъ. Мы съ нимъ долго бесѣдовали; между прочимъ, была рѣчь и о тебѣ. Онъ любитъ разлагать характеры, а я былъ полонъ вами, потому, что именно въ тотъ день получилъ ваши письма отъ 10-го Бакунинъ съ каждымъ разомъ все болѣе влюбляется въ меня и жаждетъ теперь моего портрета, чтобъ чаще имѣть передъ собой мой лобъ и мой носъ, которые онъ называетъ энергическими, а точку, гдѣ у меня сходятся главныя линіи лица, т.-е. брови, линіи лба и линіи носа, онъ называетъ зажигательною точкою... (У меня, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи, нѣсколько странная физіономія). Я увѣренъ, что и тебѣ сильно понравился бы такой человѣкъ, какъ Бакунинъ, съ

---

[1]) «Сотвореніе міра»—ораторіл Гайдна. Н. Ф.

[2]) Andreas Romberg (1767—1821) композиторъ, извѣстный въ свое время скрипачъ и капельмейстеръ. Кромѣ означенной ораторіи написалъ симфоніи, увертюры и проч. Н. Ф.

его оригинальными манерами, дѣвическою скромностью и восторженными рѣчами.—Вчера я былъ на званомъ вечерѣ у Казначеевыхъ (по случаю отъѣзда Айвазовскаго). Было много дамъ и дѣвицъ (ни одной, впрочемъ, хорошенькой); благодаря распорядительности хозяйки чрезвычайно образованной и любезной дамы, было довольно весело. Мнѣ первый разъ въ жизни случилось тутъ видѣть, какъ разыгрываютъ въ лицахъ ш а р а д ы русскія и французскія (charades en action). Я участвовалъ дѣятельно во всемъ, какъ актеръ и какъ музыкантъ (игралъ танцы, какіе пришлись и д а ж е вспомнилъ двѣ польки наизусть!), вообще былъ развязенъ и любезенъ до крайности; дурачился, какъ бывало дома, и меня не знали, какъ благодарить за c o m p l a i s a n c e (между тѣмъ какъ я гораздо больше веселилъ самъ себя, нежели ихъ).—Такимъ-то образомъ я, какъ видишь, живу, что называется, п р и п ѣ в а ю ч и и все ищу той страшной п р о з ы ж и з н и, которою меня запугали люди, т а к ъ х о р о ш о меня знающіе.—Если въ этомъ письмѣ найдешь что-нибудь интереснымъ для W., то сообщи ему; впрочемъ, объ Айвазовскомъ я ему еще напишу, и подробно. Александру Григорьевичу напишу со слѣдующею почтою, потому что завтра уже не успѣю.—Пока, chère Sophie, прощай и не сердись на меня за такое огромное посланіе. Сестеръ и Сережу цѣлую. Братъ твой Alexandre.

Сообщилъ **Н. Финдейзенъ.**

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой 1822—1826 годовъ.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка въ закулисномъ мірѣ петербургскаго драматическаго театра образовались два враждебныхъ лагеря. Во главѣ одного стоялъ князь А. А. Шаховской, во главѣ другаго—П. А. Катенинъ.

Занимая мѣсто члена по репертуарной части въ театральной дирекціи, на обязанности котораго лежала постановка піесъ и содѣйствіе развитію молодыхъ талантовъ, князь Шаховской, страстно преданный театру, служилъ въ это время центромъ, около котораго группировалось все, что только тяготѣло къ театру. У него собирались драматическіе писатели, артисты, образованные любители сценическаго искусства. Руководить артистовъ, учить ихъ онъ считалъ своей прямой и даже ему исключительно принадлежащей обязанностью. Въ своихъ занятіяхъ съ артистами онъ придерживался традиціи, рутинныхъ взглядовъ, которые находили себѣ противниковъ даже среди членовъ его дружескаго кружка, позволявшихъ себѣ иной разъ спорить и не соглашаться съ своимъ главой. Методъ обученія князя Шаховскаго заключался въ томъ, что, прослушавъ чтеніе ученика или ученицы, онъ читалъ вслѣдъ за тѣмъ имъ самъ, требуя рабскаго себѣ подражанія: это было нѣчто въ родѣ наигрыванія или насвистыванія разныхъ пѣсенъ ученымъ снѣгирямъ и канарейкамъ. Къ тому же онъ указывалъ, при какомъ стихѣ необходимо стать на правую ногу, отставивъ лѣвую, и при какомъ слѣдуетъ перекинуться на лѣвую ногу, вытянувъ правую, что, по его

мнѣнію, придавало чтецу «величественный видъ»[1]). Само собой понятно, что многіе изъ друзей князя Шаховскаго, какъ напримѣръ Катенинъ, Грибоѣдовъ и другіе, не могли одобрять такого метода и втихомолку подсмѣивались надъ своимъ пріятелемъ, какъ человѣкомъ отсталымъ, рутинеромъ[2]). Находились также и артисты, которые не могли превратиться въ попугаевъ и въ машины, искавшіе болѣе живаго преподаванія. Эти недовольные обращались за совѣтами къ Катенину, извѣстному въ то время своими переводами Корнеля и Расина, и кромѣ того считавшемуся однимъ изъ лучшихъ чтецовъ[3]) въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, незамѣтно образовывался «кружокъ» Катенина, въ который съ другими учениками князя Шаховскаго вошла также извѣстная артистка Александра Михайловна Колосова, вышедшая впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго трагика, В. А. Каратыгина.

Во всемъ этомъ Шаховской видѣлъ «измѣну», личную обиду. Друзья Катенина были его врагами, которыхъ онъ не щадилъ. Прежде всего гнѣвъ его обрушился на А. М. Колосову, которую онъ выживалъ со сцены черезъ посредство своихъ учениковъ. Ученики эти,—пишетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ—«отказывались играть въ мои съ Каратыгинымъ (тоже измѣнившимъ Шаховскому) бенефисы, не приходили на репетиціи піесъ, въ которыхъ мы играли, сказывались больными при представленіи трагедій и драмъ, въ которыхъ мы имѣли блистательныя роли, даже просто не кланялись съ нами до наступленія ихъ собственныхъ бенефисовъ»[4]). Не ограничиваясь этимъ, Шаховской всѣми силами старался «отвлечь самыхъ ревностныхъ почитателей» артистки. Въ концѣ концовъ такого рода интригами онъ довелъ ее до того, что она volens nolens должна была оставить сцену и, чтобы не терять напрасно времени, а также быть подальше отъ непріятностей, взяла отпускъ и въ іюлѣ 1822 года уѣхала въ Парижъ, гдѣ въ это время на сценѣ дѣйствовали знаменитые артисты: Тальма, Дюшенуа, Жоржъ и Марсъ.

Скоро избавился Шаховской и отъ главнаго своего врага—П. А.

---

[1]) Русск. Вѣстникъ 1881 г., № 4, стр. 571.
[2]) Записки П. А. Каратыгина. С.-Пб. 1880, стр. 55.
[3]) О немъ статья Е. В. Пѣтухова. (Историч. Вѣстникъ 1888 г., т. 33).
[4]) „Русск. Вѣстникъ“ 1881 г., № 4, стр. 574.

Катенина. Въ 1822 году, 18-го сентября, шла трагедія Озерова «Поликсена». Извѣстная Семенова играла Гекубу, а роль Поликсены—16-ти-лѣтняя Азаревичева, ученица Семеновой. Послѣдняя, не имѣвшая никакихъ средствъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ, для драматическихъ ролей, играла очень плохо. Несмотря на это, Семенова при вызовахъ выводила съ собой также и свою ученицу, которой никто не вызывалъ. Это возбудило протестъ въ публикѣ. Раздалось шиканье. Катенинъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, глава театраловъ, закричалъ: «Семенову одну». Семенова была очень обижена этимъ протестомъ и пожаловалась тогдашнему генералъ-губернатору графу Милорадовичу на Катенина, котораго давно уже «ненавидѣла», какъ учителя своей соперницы Колосовой. Милорадовичъ, находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Шаховскимъ, запретилъ Катенину входъ въ театръ и доложилъ объ этомъ государю, при чемъ представилъ дѣло въ такомъ видѣ, что Катенинъ 7-го ноября былъ высланъ изъ Петербурга. Полиціймейстеръ Чихачовъ заставилъ его выѣхать въ одинъ часъ[1]).

Такимъ образомъ, учитель и ученица, находившіеся въ дружескихъ отношеніяхъ, были разъединены: она жила въ Парижѣ, а онъ поселился въ своемъ имѣніи, с. Кологривѣ, находившемся, по его выраженію, «въ странѣ медвѣдей». Бо́льшая часть печатаемыхъ писемъ относится ко времени этой разлуки. Они заключаютъ въ себѣ много интереснаго для характеристики Колосовой, самого Катенина, для исторіи театра того времени и даже цензуры. Такъ, напримѣръ, Катенинъ сообщаетъ одинъ изъ многочисленныхъ курьезовъ того времени. Цензоръ вычеркнулъ въ одной піесѣ фразу: «рыцарю недостаточно быть храбрымъ, ему надо быть и любезнымъ». «Знаете ль вы», спрашиваетъ Катенинъ, «въ чемъ заключается зловредность этой фразы? Вотъ въ чемъ: слово рыцарь (chevalier) примѣнимо къ каждому дворянину, который ѣздитъ верхомъ, и потому кавалерійскіе офицеры, прочтя эти слова, пожалуй примутъ ихъ себѣ за правило и предадутся любви, а любовь есть страсть гибельная». Цензоромъ былъ никто иной, какъ извѣстный А. И. Кра-

[1]) Записки П. А. Каратыгина, стр. 92. — Русск. Архивъ 1871 г. стр. 973.

совскій, не пропускавшій транспарантовъ безъ разрѣшенія, тщательно вычеркивавшій изъ поваренныхъ книгъ «вольный духъ», на который кухарки должны были ставить пироги. Вся закулисная сторона театральной жизни того времени, отношенія между артистами и дирекціей, интриги и произволъ представителей послѣдней—все это послужило содержаніемъ длинныхъ и обстоятельныхъ писемъ Катенина, котораго вполнѣ справедливо П. А. Каратыгинъ причисляетъ къ «истымъ театраламъ» своего времени, какихъ теперь уже не существуетъ.

Катенинъ, дѣйствительно, близко принималъ къ сердцу интересы театра. Предметомъ его постоянныхъ заботъ и даже безпокойства было распредѣленіе ролей, которому онъ придавалъ большое значеніе. Здѣсь онъ предусматривалъ все: внѣшность артиста, его голосъ, манеры, декламацію. Нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ А. М. Колосову, онъ самъ училъ чтенію, проходилъ съ ними роли, выбиралъ и переводилъ піесы для бенефисовъ. Заботливость эта, по крайней мѣрѣ относительно Колосовой, съ которой онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, доходила до того, что онъ указывалъ ей всѣ подробности костюма, требовавшагося той или другой ролью, его форму и цвѣтъ. Наставленіями въ такомъ родѣ переполнены его письма къ Колосовой. Кромѣ того, Катенина какъ театрала, интересовалъ не только русскій театръ. Сцена Théâtre Français, на которой подвизались въ это время Тальма, Жоржъ, Мантъ, Дюшенуа и другіе актеры, извѣстные ему лично, интересовала его не меньше. Въ своихъ письмахъ онъ закидываетъ Колосову вопросами о томъ или другомъ актерѣ, или актрисѣ; ему хочется отчасти провѣрить свои впечатлѣнія, полученныя отъ игры этихъ артистовъ, съ впечатлѣніями своей ученицы, отчасти же посмотрѣть, насколько ушло впередъ драматическое искусство французовъ, въ какомъ отношеніи находится оно къ русскому, нѣтъ ли чего-нибудь новаго, ему неизвѣстнаго.

Кромѣ театра, Катенинъ интересовался и литературой, особенно литературой драматической. Изъ своего уединенія онъ разспрашиваетъ Колосову о литературныхъ новостяхъ, поручаетъ купить тѣ или другія сочиненія. «Есть ли во Франціи», спрашиваетъ онъ въ одномъ изъ писемъ, «новыя трагедіи? Вы знаете, что этимъ именемъ

я не называю пяти актовъ въ стихахъ, въ которыхъ изображены мнимыя историческія событія, на самомъ же дѣлѣ служащія только личиною для удобнѣйшей декламаціи о законной власти, о Бурбонахъ, о Бонапартѣ, объ обѣихъ камерахъ и о половинномъ жалованьи наполеоновскихъ солдатъ.... Я желалъ бы Расина, но боюсь, что его умѣнье писать утрачено». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ выслать ему сочиненія Мальфилатра, Лефранда-Помпиньяна, Андрея Шенье и главнымъ образомъ Делавиня, въ которомъ «есть нѣчто расиновское» и котораго онъ поэтому болѣе всего «уважалъ». Во всѣхъ этихъ вопросахъ вполнѣ сказался Катенинъ-«классикъ», «не романтикъ», какъ онъ подписался въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. С. Пушкину [1]). Будучи «не-романтикомъ», Катенинъ, однако, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ главой современнаго ему романтизма, А. С. Пушкинымъ, а также Грибоѣдовымъ. Дружба эта на первый взглядъ очень не понятна и не вполнѣ еще выяснена въ нашей исторической литературѣ. Изъ писемъ, печатаемыхъ ниже, этой дружбы не видно. Катенинъ говоритъ здѣсь только о прошлой дружбѣ, постоянно жалуется, что онъ забытъ, проситъ Колосову при случаѣ напомнить о немъ Пушкину, сказать, что «не похвально съ его стороны, во-первыхъ, оставить одно письмо безъ отвѣта уже давно, а во-вторыхъ, не писать въ Кологривъ», когда онъ писалъ ему въ Кишиневъ. Такимъ же точно образомъ жаловался онъ Колосовой на Грибоѣдова, въ такомъ же родѣ писалъ онъ и самому Пушкину [2]). Что касается Грибоѣдова, то онъ не разъ долженъ былъ увѣрять Катенина въ дружбѣ, извиняя свою неисправность «лѣностью», и просилъ не пенять «въ уваженіе прежней и, дастъ Богъ, всегдашней дружбы» [3]). Такой же «лѣностью», или недостаткомъ времени нужно объяснять и неаккуратность Пушкина, который въ своихъ письмахъ какъ самому

---

[1]) Р. Архивъ 1881 г., т. I, стр. 147.

[2]) Р. Архивъ 1881 г., т. I, стр. 148 и 161.

[3]) Сочиненія Грибоѣдова, изд. Шляпкина, т. I, 170. Искренность Грибоѣдова доказывается его письмами къ другимъ лицамъ (Соч., т. I, стр. 218). О томъ же свидѣтельствуетъ письмо Каратыгина къ Катенину (Р. Архивъ 1871 г., т. I, стр. 242). Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ Катенинымъ написали комедію „Студентъ“ (Соч. Грибоѣдова, т. II, 43. — С. Отечества 1816 г., ч. 31, № 30, стр. 153).

Катенину, такъ и другимъ лицамъ, даже скептически относившимся къ его другу, высказывалъ свою симпатію и уваженіе къ Катенину. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, 1826 г., онъ говорилъ: «Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полеваго, друга нашего. Теперь не до того, а ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь»... [1]) Въ такомъ же родѣ писалъ онъ Александру Бестужеву (Марлинскому), убѣждая его «отдать справедливость Катенину» [2]), и самому Катенину... «Не издавать ли намъ журналъ», спрашивалъ его Пушкинъ, «въ родѣ «Edinburgh Review»? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, у насъ нѣтъ критика» [3]). По поводу выхода своего «Бориса Годунова» Пушкинъ въ письмѣ къ П. А. Плетневу выразился такимъ образомъ: «Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ дѣло» [4]). Самъ Катенинъ писалъ, что Пушкинъ всегда хвалилъ его, какъ критика [5]). Печатно также Пушкинъ называлъ Катенина «тонкимъ критикомъ», «опытнымъ художникомъ» [6]). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Пушкинъ не только находился въ дружескихъ отношеніяхъ, но даже цѣнилъ мнѣніе человѣка, повидимому, совершенно противуположныхъ съ нимъ воззрѣній. Единственный, не дружескій отзывъ Пушкина, который онъ случайно обронилъ въ одномъ изъ писемъ къ Вяземскому [7]), нужно поэтому, намъ кажется, и разсматривать, какъ случайный, вызванный какими-нибудь исключительными обстоятельствами.

Что же общаго было между Пушкинымъ и Катенинымъ? Что связывало эти два, повидимому, совершенно различные міра? Какъ

---

[1]) Сочиненія, изд. Литер. фонда, т. VII, стр. 181.
[2]) Тамъ же, VII, 118 стр.
[3]) Тамъ же, VII, стр. 175.
[4]) Тамъ же, стр. 256.
[5]) Р. Архивъ 1881 г., т. I, стр. 159.
[6]) Сочиненія, т. III, 406.
[7]) По поводу извѣстной эпиграммы князя Вяземскаго, Пушкинъ написалъ ему: „Дружба въ сторону—Катенинъ стоитъ чего-нибудь получше и позлѣе. Въ немъ та же авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи“ (Соч., т. VII, стр. 7).

могли находиться въ дружескихъ отношеніяхъ, уважать и любить другъ друга. Катенинъ - классикъ, «не - романтикъ», и виднѣйшій представитель романтизма? По мнѣнію однихъ, дружба эта объяснялась тѣмъ, что Катенинъ былъ для своего времени человѣкъ очень образованный, занималъ среди современныхъ ему писателей видное мѣсто по необыкновенной начитанности и огромному запасу разнообразныхъ свѣдѣній, и уже однимъ этимъ вызывалъ къ себѣ всеобщее уваженіе [1]). Люди, знавшіе Катенина лично, дѣйствительно преклонялись предъ его энциклопедичностью [2]). Другіе, помимо этой причины выставляли еще «сердечное расположеніе» [3]). Объ эти причины, конечно, могли имѣть значеніе, но только отчасти. Главная же заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что у классика Катенина и романтика Пушкина были точки соприкосновенія, были общіе взгляды на нѣкоторые вопросы. Правда, Пушкинъ писалъ къ Катенину въ 1825 г.: «Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ»... [4]) Думаемъ, однако, что простая любовь къ поэзіи, къ литературнымъ занятіямъ не могла еще сблизить людей двухъ противуположныхъ лагерей. Многіе занимались, любили литературу, но не со всѣми былъ друженъ Пушкинъ. Главная же причина заключалась въ томъ, что какъ Пушкинъ, такъ и Катенинъ требовали отъ художественнаго произведенія реализма, вѣрнаго изображенія дѣйствительной жизни. «Чѣмъ ближе поэтъ новый», —писалъ Катенинъ, — «обработывая предметъ древній, подойдетъ къ свойству, быту и краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, тѣмъ превосходнѣе будетъ его произведеніе... Предписывать поэту выборъ предметовъ не справедливо и вредно», но «извинительно и даже похвально предпочтеніе поэзіи своей, отечественной, народной», потому что «хорошее сочиненіе въ этомъ родѣ можетъ достигнуть бо́льшаго совершенства, нежели всякое другое; свое ближе чужаго: поэтъ съ нимъ познакомится короче, выразитъ вѣрнѣе и сильнѣе»... [5]). Въ своихъ письмахъ къ Колосовой, онъ, разбирая со-

[1]) Московск. Вѣдомости 1855 г., № 145.

[2]) Сѣверн. Пчела 1853 г., № 193. — Макаровъ, Н. „Мои семидесятилѣтнія воспоминанія“, ч. I. С.-Пб. 1881, стр. 26, 27.

[3]) Историч. Вѣстникъ 1888 г., т. 33, стр. 564.

[4]) Сочиненія, т. VII, стр. 153.

[5]) Литературная Газета 1830 г., № 4, стр. 30.

временныя ему комедіи, какъ на главный ихъ недостатокъ, указываетъ на отсутствіе въ нихъ «правдоподобія» и «натуры». Этотъ основной принципъ проводилъ Катенинъ и на практикѣ, въ своихъ переводахъ и сочиненіяхъ, за что́ ему не разъ доставалось отъ Гнѣдича, «непримиримаго», по словамъ Грибоѣдова, «врага простоты». Катенина упрекали за то, что въ переводѣ комедіи Грессета «Le méchant» онъ перемѣнилъ «порядокъ явленій, связалъ ихъ инымъ образомъ между собой, словомъ сказать, старался ходъ комедіи сдѣлать проще, живѣе, натуральнѣе и выбросить все, что дѣлало оный вялымъ» [1]). Ему ставили въ упрекъ употребленіе словъ и выраженій чисто народныхъ, вродѣ гуторить, повадка, вотъ вся те недолга, рано по-утру и другихъ, придававшихъ рѣчи болѣе простоты, натуральности [2]). Въ 1834 году, критикъ «Телескопа» поставилъ это въ особенную заслугу Катенину. «Неоспоримое достоинство г. Катенина заключается въ томъ, что онъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ эпоху безусловнаго преобладанія чужеземныхъ идей и формъ въ нашей поэзіи, обнаруживалъ уже особенное предрасположеніе къ народности, сдѣлавшейся теперь общею потребностью всѣхъ біеній литературной жизни» [3]). Несомнѣнно, что это былъ пунктъ, на которомъ сходились Катенинъ съ Пушкинымъ и, благодаря которому, Катенинъ могъ по достоинству цѣнить произведенія Пушкина, цѣнить ихъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ это дѣлали другіе «Шлегели», по своимъ воззрѣніямъ гораздо болѣе подходившіе къ Пушкину, вродѣ А. Марлинскаго. Катенинъ въ восторгѣ отъ «Евгенія Онѣгина» и «графа Нулина» [4]), считаетъ «Евгенія Онѣгина» лучшимъ произведеніемъ Пушкина [5]), указываетъ нѣкоторые недостатки, и Пушкинъ соглашается съ нимъ, называетъ его за это «тонкимъ критикомъ», «опытнымъ художникомъ» [6]). «Русланъ и Людмила» была встрѣчена современниками

[1]) Сынъ Отечества 1821 г., ч. 68, стр. 222.

[2]) Сынъ Отечества 1821 г., ч. 67, стр. 225. См. также Сынъ Отечества 1816 г., ч. 31, № 30, стр. 153.

[3]) Телескопъ 1834 г., т. XX, стр. 218.

[4]) Русскій Архивъ 1881 г., т. I, стр. 159.

[5]) Русскій Архивъ 1881 г., т. I, стр. 156.

[6]) Русскій Архивъ 1881 г., т. I, стр. 149.—Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, т. III, стр. 406. Критикой Марлинскаго Пушкинъ былъ недоволенъ. „Твое письмо очень умно“, писалъ онъ ему, „но все-таки ты не правъ, все-таки

лучше всѣхъ другихъ произведеній Пушкина. Катенинъ, однако, какъ тонкій критикъ съ дѣйствительнымъ художническимъ чутьемъ, оцѣнилъ ее по достоинству. Онъ высказалъ мысль, повторенную гораздо позже, именно, что это «не больше какъ сказка, лишенная колорита мѣстности, времени и народности» [1]).

Отсюда ясно, что Катенинъ, если и былъ врагомъ романтизма, то во всякомъ случаѣ не того, представителемъ котораго считался Пушкинъ. «Я вовсе не понимаю», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, «что есть романтизмъ, и держусь въ точности опредѣленія, сдѣланнаго самимъ Шлегелемъ» [2]); другими словами, Катенинъ имѣлъ въ виду романтизмъ, «родителемъ котораго на Руси» былъ Жуковскій, «поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ». Романтизмъ Пушкина во многомъ сходился съ классицизмомъ Катенина и прежде всего въ требованіи реальности, простоты, натуры. Съ другой стороны, сближенію Катенина съ Пушкинымъ могло способствовать также и то обстоятельство, что послѣдній все-таки высоко ставилъ такихъ писателей, какъ Корнель и Расинъ, тогда какъ другіе теоретики отзывались едва снисходительно [3]), а Булгаринъ, какъ это видно изъ печатаемыхъ ниже писемъ, называлъ ихъ даже школьниками. Несомнѣнно, что Пушкинъ пошелъ гораздо дальше Катенина по пути реализма; говорить нечего о томъ, что его талантъ былъ несравненно выше. Однако, будучи художникомъ самъ, Пушкинъ вполнѣ умѣлъ цѣнить (тогда какъ другіе не умѣли этого дѣлать) писателей, которые были богаты другими дарами природы, другими способностями души, другимъ взглядомъ на общество [4]). Его дружескія отношенія къ Катенину не представляются намъ поэтому чѣмъ-то непонятнымъ, невозможнымъ. Точки соприкосновенія, указанныя нами выше, дѣлали эту дружбу вполнѣ естественной. Думаемъ, поэтому, что Пушкинъ былъ вполнѣ искренень, говоря:

ты смотришь на „Евгенія Онѣгина“ не съ той точки, все-таки онъ лучшее произведеніе мое“ (Сочиненія, т. VII, стр. 117 и 118).

[1]) Литературная Газета 1830 г., № 42, стр. 42. — Критическія статьи Н. Г. Чернышевскаго. С.-Пб. 1893, стр. 115.

[2]) Литературная Газета 1830 г., № 19, стр. 151 (примѣч.).

[3]) Отечественныя Записки 1855 г., т. 99, ч. IV, стр. 82.

[4]) Отечественныя Записки 1855 г., т. 99, ч. IV, стр. 83.

«Многіе, въ томъ числѣ и я, много тебѣ обязаны: ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бы согласился ты разговоры свои сложить на бумагу, то великую пользу принесъ бы русской словесности.» [1])

Печатаемыя письма Катенина къ Колосовой были сообщены въ копіяхъ М. И. Семевскому покойнымъ Петромъ Петровичемъ Каратыгинымъ. Изъ 25 писемъ только I, VII—XIV писаны по-русски, остальныя же на французскомъ языкѣ. Переводъ принадлежитъ г. Каратыгину, а также и нѣсколько примѣчаній, подписанныхъ его иниціалами.

Владиміръ Боцяновскій.

I.

28-го августа 1822 г. Петербургъ.

Давно бы уже, любезнѣйшая Александра Михайловна, были у васъ мои письма, еслибъ молва, у которой, сказываютъ, будто сто устъ, не лгала изъ девяносто девяти. Здѣсь пронесся слухъ, что князя Тюфякина [2]) въ Парижѣ нѣтъ, что онъ уѣхалъ лѣчиться къ Барежскимъ водамъ; и я, не зная, какъ къ вамъ грамоту мою доставить, рѣшился ждать ее отъ васъ; теперь дождался: весьма радъ и благодаренъ. Вы доѣхали скоро, что̀ дѣлаетъ честь вашей коляскѣ и г-ну Маршалю [3]), о которомъ вы ни гу-гу. Слабое ваше удивленіе парижскимъ талантамъ меня не удивило; я напередъ зналъ и предсказывалъ, что во многомъ надобно будетъ повѣрить и отвергнуть гласъ народа, который совсѣмъ напрасно слыветъ гласомъ Божіимъ; за то, признайтесь, что городъ самъ по себѣ чудо-чудное.

---

[1]) Сочиненія, т. VII, стр. 75.—Писемскій тоже въ молодости находился подъ вліяніемъ Катенина и обязанъ ему знакомствомъ съ псевдо-классической литературой (Русскій Архивъ 1875 г., т. I, стр. 455—456).

[2]) Князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ (род. 1769 г., ум. 1845 г.) занималъ должность главнаго директора императорскихъ театровъ съ 1819 по 1821 г. Въ это время онъ находился въ годовомъ отпуску. Послѣ Тюфякина, директоромъ былъ назначенъ А. А. Майковъ.

[3]) Французскій актеръ, настоящая фамилія котораго была Шмидъ. Онъ сопровождалъ Колосовыхъ до Франкфурта. (П. К.).

Здѣсь мы продолжаемъ пользоваться лѣтомъ прекраснымъ, и я послѣ завтра уѣзжаю на недѣлю или полторы въ Выборгъ: хочу видѣть финляндскія горы и славный водопадъ Иматру. Въ театрѣ нашемъ новаго мало. Каратыгинъ [1]) выплюнулъ однажды двѣ капли крови и испугался чахотки: около мѣсяца не игралъ, а теперь снова успокоился; Семенова [2]) сыграла Семирамиду, и говорятъ, что мѣста были у нея и хорошія; Брянскій [3]) былъ сапожникъ, а Азему представляла Величкина [4]), которая, сверхъ того, была уже и Альцеста. Слышно, что талантъ ея въ жестахъ и пантомимѣ равенъ съ ея прелестною дикціею. Азлова [5]) въ «Раулѣ» представляла за Евгенію Ивановну [6]), жаль, что бездушно. Въ трагедіи готовится выйдти еще дебютантка Азаревичева [7]), которая изъ служанокъ переходитъ на царевенъ, начинаетъ съ Корделіи въ «Леарѣ», а потомъ грозитъ и Поликсеной. Подивитесь однако: Гекуба — Семенова, а Пирръ — Каратыгинъ; стало — на одной афишкѣ, хотя у нихъ никакого разговора нѣтъ. Шаховской кончилъ «Аристофана» [8]): увидимъ — каковъ. Саша Пушкинъ пишетъ ко мнѣ изъ Кишинева [9]) и на счетъ вашъ даетъ мнѣ тысячу порученій, винится, проситъ прощенія и расхваливаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Всѣ мои знакомые: Бахтинъ [10]), Жандръ [11]), Хрущовъ [12]), Барковъ [13]), братъ

---

[1]) Василій Андреевичъ.

[2]) Екатерина Семеновна Семенова (род. 1786 г., ум. 1849 г.), знаменитая трагическая актриса, въ началѣ поприща Колосовой относилась къ ней враждебно, но впослѣдствіи обѣ соперницы примирились.

[3]) Яковъ Григорьевичъ Брянскій (ум. 1853 г.), трагическій актеръ, ученикъ князя Шаховскаго.

[4]) Варвара Васильевна Величкина (ум. 1860 г.), впослѣдствіи жена Александра Андреевича Каратыгина (ум. 1846 г.), не обладала сценическимъ дарованіемъ, но князь Шаховской признавалъ за ней сильный талантъ.

[5]) Анна Ѳедоровна Азлова (род. 1805 г., ум. 1870 г.), пользовалась особеннымъ покровительствомъ балетмейстера Дидло.

[6]) Евгенія Ивановна Колосова, ур. Неелова (род. 1780 г., ум. 1869 г.), мать Александры Михайловны, извѣстная танцовщица.

[7]) Марія Аполлоновна Азаревичева (род. 1806 г., ум. 1888 г.), въ замужествѣ Волотовская, пользовалась особеннымъ покровительствомъ А. А. Майкова и князя Шаховскаго. Выслуживъ пенсію, сошла со сцены и умерла въ глубокой старости.

[8]) Аристофонъ или представленіе комедіи „Всадники“—одно изъ лучшихъ произведеній Шаховскаго. Представлена въ первый разъ 19-го ноября 1825 г., въ бенефисъ Е. И. Ежовой.

[9]) Письмо это, вѣроятно, не сохранилось, ибо до сихъ поръ не попало въ печать.

[10]) Бахтинъ, Николай Ивановичъ (род. 1796 г., ум. 1869 г.), другъ и издатель сочиненій Катенина.

[11]) Жандръ, Андрей Андреевичъ (род. 1789 г., ум. 1873 г.), авторъ комедій: „Любовь и предразсудокъ“, „Морской разбойникъ“ и др., писалъ критическія статьи о дебютахъ Каратыгина; другъ Грибоѣдова и Катенина.

[12]) Полковой товарищъ П. А. Катенина, преображенскій офицеръ.

[13]) Барковъ, Дмитрій Николаевичъ, переводчикъ многихъ театральныхъ піесъ. Пушкинъ, намекая на его безобразіе, однажды сказалъ: „Онъ могъ бы служить картиной къ стихотвореніямъ своего однофамильца“ (Р. Вѣстникъ 1881 г., № 4, стр. 589).

Александръ [1]) вамъ и матушкѣ вашей душевно кланяются и желаютъ: во-первыхъ, весело пожить на чужбинѣ, а во-вторыхъ, счастливо на родину возвратиться. Повѣрьте, что всѣ порядочные люди о вашемъ отсутствіи сожалѣютъ. О трагедіи моей [2]) нужно ли мнѣ вамъ напоминать, когда вы сами такъ милы, что ее не забываете; а нетерпѣливо жду я на этотъ счетъ извѣстій и для ради того усердно молюсь: да вскорѣ будутъ готовы ваши наряды, безъ конхъ, какъ вы пишете, нельзя нигдѣ показаться. О, женщины! Итакъ, комедія вамъ изъ всего лучше понравилась: такъ и быть должно. Образцы у актеровъ передъ глазами, а въ трагедіи надобно все находить въ головѣ; посмотрите еще какъ Mars [3]) пріѣдетъ, не то будетъ. Умна ли г-жа Leverd? [4]). Любопытенъ я знать о свиданіи вашемъ съ «этіимъ» Тальмою [5]); только онъ долженъ быть большой шутъ. Евгеніи Ивановнѣ усердно кланяюсь, желаю ей здоровья и скорыхъ успѣховъ во французскомъ языкѣ. До свиданія, Александра Михайловна, прощайте. Вашъ покорнѣйшій слуга Павелъ Катенинъ.

II.

(Октябрь 1822 г. Красный Кабачекъ).

Чтобы достойно отблагодарить васъ за ваше прелестное письмо, я долженъ бы начать, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь доброй вѣстью изъ

---

[1]) Александръ Андреевичъ Катенинъ, двоюродный братъ Павла Александровича. Впослѣдствіи Оренбургскій генералъ-губернаторъ. Умеръ въ 1860 году.

[2]) „Андромаха“, стоившая Катенину большихъ трудовъ. Представлена въ первый разъ 3-го февраля 1827 г.

[3]) M a r s—знаменитая французская актриса (род. 1779 г., ум. 1847 г.). Первый большой успѣхъ ея былъ въ „L'Abbée de l'épée“ (1803 г.). Одинаково хорошо играла роли самаго противоположнаго характера. Съ ней Колосова проходила роли Селимены въ „Мизантропѣ“ и Эльмиры въ „Тартюфѣ“ (Русск. Вѣстникъ 1881 г., № 4, стр. 577).

[4]) L e v e r d, Jeanne-Emilie, французская актриса (род. 1781 г., ум. 1843 г.). Выдающимися ролями ея были: Селимены въ „Мизантропѣ“, Рокселаны въ „Trois Sultans“.

[5]) Знаменитѣйшій изъ французскихъ трагиковъ (род. 15-го января 1763 г., ум. 19-го октября 1826 г.). Дебютировалъ въ роли Сеида („Mahomet“ Вольтера) 21-го ноября 1787 г. Особенный имѣлъ успѣлъ въ роляхъ Отелло, Нерона, Эгиста, Суллы. Съ нимъ Колосова проходила роли Герміоны изъ „Андромахи“ Расина, роль Аменаиды изъ „Танкреда“ Вольтера и др. Былъ врагъ декламаціи и говорилъ въ трагедіи просто, сильно, безъ напыщенности. Колосова слѣдовала его примѣру (Р. Вѣстникъ 1881 г., № 4, стр. 576).

здѣшняго края, но такъ какъ ни дождь, ни вёдро отъ меня не зависятъ, а я только терплю отъ того или отъ другаго, то я долженъ сообщить вамъ дурную новость; и вы найдете ее таковою, если вы столь добры, что принимаете участіе въ томъ, что мнѣ пріятно или нѣтъ. Что до меня касается, то признаюсь вамъ, что меня это огорчаетъ, хотя въ сущности — вздоръ. Я болѣе не хожу въ русскій театръ. Мнѣ это, чисто-на-чисто воспретили. Я былъ настолько непочтителенъ, что сказалъ вслухъ послѣ представленія «Поликсены», что царица-мать не имѣетъ права выводить съ собою своихъ протежѐ, которыхъ никто не вызываетъ; любовникъ Гекубы по этому поводу насплетничалъ, а сія вдова Пріама, которая всегда была зла, а въ этотъ день злѣе обыкновеннаго, потому что ей меньше аплодировали, чѣмъ молодому Пирру [1]), который впервые имѣлъ честь играть съ нею, — явилась съ великимъ шумомъ жаловаться, говоря, что она не можетъ быть спокойна на сценѣ до тѣхъ поръ, покуда я буду въ залѣ. Аполлонъ [2]), по совѣту Аристофана [3]), обратился къ нынѣшнему, вамъ знакомому Меценату [4]), а Меценатъ, черезъ три дня призвавъ меня къ себѣ, запретилъ мнѣ навсегда входъ въ русскій театръ. Въ основѣ этого дѣла лежитъ нѣчто гнусное, но есть въ немъ и добрая доля смѣшныхъ подробностей, о которыхъ вы узнаете по возвращеніи: писать было бы слишкомъ долго. Утѣшаюсь тѣмъ, что когда это дѣло стало предметомъ общихъ разговоровъ, нашлось не болѣе трехъ или четырехъ голосовъ, не принявшихъ мою сторону; но увы! я тѣмъ не менѣе страдаю, ибо мнѣ скучно, и я не смѣю дѣлать того, что дѣлаютъ всѣ, потому что.... Случаются ли подобныя вещи въ Парижѣ? Если да, то и я терпѣливо буду переносить свое горе. Но, такъ какъ говорятъ: нѣтъ худа безъ добра, то и моя дерзкая выходка, можетъ быть, будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія для моего юнаго друга [5]). Поговариваютъ уже объ «Андромахѣ», въ которой онъ удерживаетъ за собою роль Ореста; онъ неизмѣнно баловень публики. Комедія «Аристофанъ» еще не явилась на сценѣ, но авторъ поставилъ другую большую піесу въ прозѣ—продолженіе «Транжирина» [6]), которая шлепнулась въ лоскъ. Зачѣмъ не послѣдовалъ онъ моему совѣту три года назадъ и не сжегъ эту жалкую пошлость. Впрочемъ, театръ нашъ умираетъ теперь отъ бездѣйствія; новыхъ піесъ — хоть

---

[1]) Василью Андреевичу Каратыгину.

[2]) Подъ именемъ Аполлона Катенинъ подразумѣвалъ Майкова.

[3]) Аристофанъ—князь Шаховской.

[4]) Меценатъ—графъ Милорадовичъ.

[5]) В. А. Каратыгина.

[6]) „Чванство Транжирина“, или слѣдствіе полубарскихъ затѣй, комедія, представленная 9-го октября 1822 г.

шаромъ покати, а вы понимаете, что мой примѣръ не слишкомъ-то поощрителенъ для авторовъ. Говорите имъ о Гоѳоліяхъ и Хименахъ: вамъ закажутъ ихъ написать; придете посмотрѣть—а предъ вами и залу на запоръ, если осмѣлитесь высказать вашу мысль. Тысячу разъ благодарю васъ, сударыня, за приложенныя вами старанія о напечатаніи моей піесы; я получилъ корректуры: онѣ хороши, крупный шрифтъ подходитъ къ предмету книги; надобно только выбрать форматъ въ 4-ю долю листа. Но всего хуже то, что въ немногихъ отпечатанныхъ строчкахъ опечатки кишмя кишатъ, и я утѣшаюсь единственно мыслію, что вы обѣщали сами присмотрѣть за корректурой. Можетъ ли быть, чтобы цѣна веленевой бумаги рознила отъ обыкновенной только на двѣсти франковъ? Я думалъ, гораздо дороже. Впрочемъ, дѣлайте, какъ вамъ угодно; предоставляю вамъ полнѣйшее право устроить это дѣло, какъ заблагоразсудите; я во всякомъ случаѣ буду вамъ признателенъ. Вы ни слова не пишете о Лафонѣ [1]), Дамà [2]), Жуаннѝ [3]), Мишѳ [4]). Что съ ними сталось? Слышали ли вы Мартена [5]) и хорошихъ пѣвицъ театра Фейдо? Поручаю себя пріязни вашей матушки. Что она скажетъ о моемъ приключеніи? Прекращаю по неволѣ: не достаетъ бумаги; впрочемъ, бесѣдовать съ вами такъ пріятно, что я не кончилъ бы. Поклоны ваши переданы; прошу принять и мои и вѣрить, что я искренно вашъ. П. Катенинъ.

III.

Канунъ новаго (1823 г.) года по старому стилю.
Кологривъ.

Изъ страны медвѣдей отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 4-го декабря. Что-за удивительная переписка! Изъ Парижа въ Кологривъ! Хоть я въ настоящее время и самъ медвѣдь по неволѣ, но увѣряю васъ, что

---

[1]) Lafon, Pierre, трагическій актеръ (род. 1773 г., ум. 1846 г.). Дебютировалъ на сценѣ „Théâtre Français“ 8-го мая 1800 г. въ роли Ахилла въ „Iphigenie en Aulide“, имѣлъ блестящій успѣхъ, которымъ пользовался до смерти.

[2]) Выступилъ на сцену около 1793 г. Лучшія роли его были въ „Тартюфѣ“, „Le distrait“, „Le mariage de Figaro“, „Les femmes savantes“. Умеръ въ 1834 г.

[3]) Joanny, Jean Baptiste (род. 1775 г., ум. 1849 г.). Съ 1826 г. игралъ на сценѣ „Théâtre Français“, гдѣ занималъ довольно видное мѣсто.

[4]) Michot, Antoine (род. 1768 г., ум. 1826 г.).

[5]) Martin, Jean—французскій пѣвецъ (род. 1768 г., ум. 1837 г.). Обладалъ гибкимъ голосомъ и потому очень любилъ фіоритуры.

глубоко умѣю цѣнить вашу дружбу и участіе, которое вы благоволите принимать въ моей бѣдной «вдовѣ» [1]). Тѣмъ не менѣе, скажу вамъ, что меня напугали эти 1800 или 2000 франковъ или рублей, которые придется заплатить за честь напечатанія; я бы такъ не увлекся, если бы могъ заранѣе сдѣлать смѣту расходовъ съ моимъ хозяиномъ Фирменомъ Дидо [2]); но коль скоро дѣло сдѣлано, а мой добрый или прелестный ангелъ порѣшилъ, и шрифты будутъ отлиты — говорю «аминь» и займусь пересылкою денегъ; во всякомъ случаѣ заранѣе прошу извинить меня, что вышлю только тысячу франковъ: тринадцатимѣсячное пребываніе въ Петербургѣ и затрудненія при моемъ послѣднемъ выѣздѣ до нѣкоторой степени поистощили мой кошелекъ. Надѣюсь, что вы будете столь снисходительны и пополните недохватку до вашего возвращенія, и тогда мы окончательно разочтемся. Покуда позвольте мнѣ отъ всего сердца поблагодарить васъ; сама же «вдова» воздастъ вамъ за меня, если только это ей будетъ возможно. Вы ожидаете моихъ отвѣтовъ, говорите вы, и при этомъ подчеркиваете множественное число; напрасно: помню, что ни одного изъ вашихъ писемъ я не оставлялъ безъ отвѣта; правда и то, что мои письма ничего не стоятъ; но какъ быть? Вы пишете со всѣми удобствами, прелестная обитательница прелестнаго и добраго города; но я, житель дрянной деревушки, что могу сказать вамъ? Еще ли мнѣ нагонять тоску на воображеніе ваше разсказами о моей скукѣ? До сихъ поръ только съ г. Каратыгинымъ-отцомъ [3]) я имѣю жестокость раздѣлять ее; но черезъ три недѣли надѣюсь, что у меня будетъ довольно многочисленное общество: старый мой другъ Скуратовъ [4]) и оба Голицыны уже на пути ко мнѣ; до того же времени я занимаюсь хозяйственными мелочами, мало занимательными; всѣми силами стараюсь принимать съ привѣтливымъ лицомъ двухъ-трехъ посѣтителей, весьма неприглядныхъ; съ нетерпѣніемъ жду писемъ, которыя могутъ придти ко мнѣ, и весьма рѣдко могу надѣяться на по-

---

[1]) Катенинъ говоритъ о своей „Андромахѣ". Онъ и во всѣхъ прочихъ письмахъ называетъ ее своей вдовою.

[2]) Фирменъ Дидо (род. 1764 г., ум. 1836 г.)—Представитель извѣстной фирмы ученыхъ издателей и книгопродавцевъ французскихъ, которая относитъ свое начало къ половинѣ XVII в. Будучи граверомъ, Дидо много способствовалъ улучшенію своей типографіи и изобрѣлъ, между прочимъ, стереотипъ. Въ то время это была лучшая типографія въ Парижѣ.

[3]) Андрей Васильевичъ Каратыгинъ (род. 1774 г., ум. 1831 г.), пользовавшійся покровительствомъ И. А. Дмитревскаго, по выходѣ изъ училища поступилъ въ драматическую труппу и занялъ роли петиметровъ.

[4]) Павелъ Петровичъ Скуратовъ, преображенскій офицеръ, старинный пріятель Катенина, который посвятилъ ему свое любимое произведеніе— „Андромаху".

лученіе писемъ отъ васъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ Петербурга, я узналъ, что «Сидъ» былъ игранъ 14-го декабря (по нашему стилю). Вообразите себѣ, что бѣдный Базиль получилъ чистаго сбору только двѣ тысячи рублей отъ новой трагедіи Корнеля! Піеса очень понравилась; ее послѣ того играли два дня кряду, и сбору было до трехъ тысячъ рублей. Было мнѣ изъ чего трудиться, чтобы дать деньгу Аполлону [1]), не Аполлону древнихъ, но Аполлону антиковъ мамзель Жоржъ [2]). Но возвратимся къ нашему дѣлу: роль Сида, какъ говорятъ, сыграна была превосходно; Химена сдѣлала, что могла; у нея былъ огонь, но ее находятъ слишкомъ старой, слишкомъ неуклюжей и слишкомъ подвижной; прочіе никуда не годились [3]). Оба отца Борецкій [4]) и Максинъ [5]) превзошли другъ друга: этимъ все сказано; король былъ по обыкновенію—бубновымъ королемъ [6]) и, можетъ быть, счастье для меня, что я не могъ присутствовать при первомъ представленіи съ подобной обстановкой. Но какая же превосходная піеса, если одной хорошо сыгранной роли было достаточно, чтобы одушевить всю залу! Что же было бы, еслибъ у меня могла быть Химена? По истинѣ мнѣ во всемъ неудача: та, для которой я особенно отдѣлывалъ и холилъ эту роль, должна была уѣхать, посадивъ меня на мель, и я принужденъ повторять: «когда нѣтъ того, что любятъ, надобно любить то, что есть». Еслибы я смѣлъ еще дѣлать вамъ упреки, то сказалъ бы, что вы нерадиво сообщаете мнѣ подробности о литературныхъ и драматическихъ новостяхъ въ Парижѣ. Привыкнувъ ихъ видѣть, вы забываете, что онѣ интересны мнѣ, который видитъ не ихъ, а совсѣмъ иное. Мнѣ кажется, что вы не восхищаетесь игрою m-le Дюшенуа [7]): должно быть, она очень перемѣнилась, ибо у нея были роли удивительныя. На русскомъ театрѣ, наконецъ, принята «Федра» Лобанова [8]), ваша гордая соперница намѣ-

---

[1]) Аполлонъ Александровичъ Майковъ, директоръ театровъ.

[2]) Знаменитая французская актриса (род. 1787 г., ум. 1867 г.), посѣтившая Петербургъ и Москву въ 1808—1812 гг. Она читала стихи на-распѣвъ, въ чемъ ей и подражала Е. С. Семенова. Но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Тальма, Жоржъ измѣнила свой обычай и говорила на сценѣ просто и натурально.

[3]) Роль Родриго исполнялъ В. А. Каратыгинъ, Химену—Вальберхова.

[4]) Иванъ Петровичъ Борецкій (ум. 1840 г.), любимый ученикъ князя Шаховскаго.

[5]) Иванъ Алексѣевичъ Максинъ (род. 1791 г., ум. 1828 г.).

[6]) Роль короля исполнялъ Толченовъ.

[7]) Род. въ 1777 г., ум. 1835 г. Пользовалась блестящимъ успѣхомъ, пока не выступила на сцену Жоржъ, превосходившая ее и талантомъ, и внѣшностью. По словамъ Колосовой, Дюшенуа „немилосердо тянула стихи и жестоко завывала въ трагедіи“ (Русскій Вѣстникъ 1881 г., № 4, стр. 576).

[8]) М. Е. Лобановъ (род. 1787 г., ум. 1846 г.) напечаталъ свой переводъ Расиновой „Федры“ въ 1823 году. По этому поводу Пушкинъ писалъ своему

ревается ее сыграть. Не скажу—увидимъ, ибо, конечно, я ее не увижу: такъ она повелѣть изволила. Прошу васъ передать глубочайшій мой поклонъ вашей матушкѣ; я уже сказалъ вамъ мое мнѣніе на счетъ вашего братца: его надобно послать служить въ Польшу, ибо подъ Петербургомъ онъ будетъ только шалить, да дѣлать долги; а ничего нѣтъ опаснѣе, какъ допускать молодаго человѣка до долговъ: онъ при этомъ рискуетъ своимъ добрымъ именемъ, а иногда и жизнію. Подумайте объ этомъ и поступайте, какъ вамъ будетъ угодно. Свидѣтельствуя вамъ мое почтеніе, прошу васъ вспомнить иногда объ отшельникѣ П. Катенинѣ.

IV.

3-го февраля 1823 г. Кологривъ.

Я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, будто вы и матушка ваша не можете придти въ себя отъ удивленія, причиненнаго вамъ моими невзгодами; вѣроятно по этой причинѣ вы мнѣ и не пишете болѣе, хотя, по правдѣ сказать, ваши письма были бы для меня драгоцѣннѣе, чѣмъ когда-либо, въ той пустынѣ, въ которой я заточенъ. Адресъ пустыни вы должны были получить въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ изъ Краснаго Кабачка и въ послѣднемъ изъ медвѣжьей земли, то-есть, изъ Кологрива. Кромѣ того, пишутъ мнѣ, что вѣсть о моемъ несчастіи побудила васъ прервать всѣ переговоры съ г. Дидо относительно моей «вдовы»; это заставило меня въ свою очередь пріостановиться высылкой необходимыхъ денегъ. Какъ милости прошу васъ увѣдомить меня, на чемъ порѣшили, и если дѣло идетъ своимъ путемъ, то вы получите тысячу франковъ въ наискорѣйшемъ времени. Смѣю ли еще просить васъ, такъ какъ вы видаетесь съ книгопродавцами, взять у нихъ для меня самое лучшее изданіе стихотвореній Мальфилатра [1]), Лефранъ де Помпинь-

---

брату: „Кстати о гадости. Читалъ я „Ѳедору“ Лобанова, хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина: перо вываливалось изъ рукъ. И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Расина“ (Соч., изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. 69). Трагедія была представлена 9-го ноября 1823 года. Роль Федры исполняла Семенова, а Ипполита—В. А. Каратыгинъ.

[1]) Malfilâtre (Jacques-Charles), французскій поэтъ (род. въ 1733 г., ум. въ 1767 г.). Увлекался греческой и римской литературой, нѣкоторыя произведенія которой переводилъ на французскій языкъ. Онъ перевелъ „Георгики“ Вергилія, часть его „Еклогъ“. Ему же принадлежитъ поэма „Narcisse“, изобличающая въ авторѣ поклонника античнаго міра. „Oeuvres de Malfilâtre“ съ предисловіемъ Auger'a вышли въ 1805 году.

яна [1]) и Андрея Шенье? Деньги, слѣдующія за нихъ, будутъ мною высланы до отъѣзда вашего изъ Парижа: скажите только слово.

Полагаю, что у васъ въ настоящее время по крайней мѣрѣ хоть цикорій растетъ, а у насъ, злополучныхъ, то морозы—и такіе, что ртуть застываетъ, то ураганы, которые чуть кровли не рвутъ. Это не очень-то способствуетъ любви моей къ прелестной странѣ, гдѣ я прозябаю. Императоръ возвратился въ Петербургъ. Когда-то я тамъ буду? Молитесь за меня Богу и добрымъ людямъ. Вы понимаете, конечно, что до тѣхъ поръ, покуда мнѣ приходится жить въ моей берлогѣ, я могу писать вамъ только о неважныхъ новостяхъ; однако же вотъ онѣ: нашъ юный Тальма [2]) подвизается богатырскимъ шагомъ и теперь за него всѣ; и тѣ, которые прежде на него нападали, теперь его превозносятъ. Пріятно, безъ сомнѣнія, видѣть, что правда беретъ верхъ; но грустно, что все на свѣтѣ дѣло моды, даже и то, что должно быть дѣломъ вкуса. Аристофанъ [3]) боленъ или таковымъ сказывается съ извѣстнаго вамъ времени. Катерина Медичи [4]) послѣ Пасхи ѣдетъ въ Москву. Говорятъ, она играла вашу роль въ «Урокѣ дочкамъ» Крылова, горничную въ «Воздушныхъ замкахъ» [5]) и при полномъ театрѣ декламировала балладу Жуковскаго [6]). Удивляюсь, что она, такъ хорошо знакомая съ французскимъ языкомъ, забыла два стиха, обратившіеся въ пословицу: «Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ...»

На бумагѣ скачу изъ Москвы въ Парижъ, такъ какъ иначе не могу путешествовать. Какъ вы веселитесь тамъ, bel ange? Оказываетъ ли ваша maman быстрые успѣхи въ языкѣ Расина? Много ли вы декламируете съ Тальмою? Это чудный актеръ; но m-lle Марсъ—превосходная актриса. Постоянно ли видаете вы m-lle Жоржъ? По-прежнему ли предубѣждены

---

[1]) Pompignan (Jean-Jacques) — французскій драматическій и лирическій поэтъ (род. 1709 г., ум. 1784 г.). Первая піеса его, имѣвшая успѣхъ,—„Didon“, представляла собой подражаніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже переводъ Вергилія. Стихи его отличались чистотой, отдѣланностью, силой выраженія. Прекрасно зналъ древнюю литературу, изъ которой много перевелъ на французскій языкъ. Такъ, онъ перевелъ трагедіи Эсхила, „Георгики“ Вергилія и др. Лучшее его поэтическое произведеніе „Ode sur la mort de J.-B. Rousseau“. Его „Oeuvres choisis“ издавались нѣсколько разъ и между прочимъ въ 1822 г.

[2]) В. А. Каратыгинъ.

[3]) Князь А. А. Шаховской.

[4]) Е. С. Семенова.

[5]) Комедія въ 1 д., въ стихахъ, передѣланная Н. И. Хмельницкимъ изъ пяти-актной комедіи Коленъ-д'Арлевиля „Les châteaux en Espagne“. Въ первый разъ представлена 29-го іюля 1818 г. Имѣла большой успѣхъ.

[6]) 3-го января 1823 г., въ бенефисъ Сосницкаго, была поставлена, между прочимъ, и шарада С. Н. Глинки „Балъ-Лада“, въ которой Семенова, представлявшая символическое лицо, декламировала „Свѣтлану“ Жуковскаго.

противъ m-lle Дюшенуа? Въ такомъ случаѣ она, должно быть, очень перемѣнилась, ибо, по истинѣ, я бывалъ тронутъ ея игрою. Что сталось съ m-lle Мантъ [1]), о которой вы болѣе ничего не говорите? Есть ли во Франціи новыя трагедіи? Вы знаете, что этимъ именемъ я не называю пяти актовъ въ стихахъ, въ которыхъ изображены мнимыя историческія событія, на самомъ же дѣлѣ служащія только личиною для удобнѣйшей декламаціи о законной власти, о Бурбонахъ, о Бонапартѣ, объ обѣихъ камерахъ и о половинномъ жалованьи. Всѣ эти мелочи могутъ надѣлать много шуму на нѣсколько дней; но такъ какъ съ искусствомъ онѣ не имѣютъ ничего общаго, то и проходятъ вмѣстѣ съ породившими ихъ обстоятельствами и уже болѣе не появляются. Я желалъ бы, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, Расина, но боюсь, что его умѣнье писать утрачено. У Лавиня [2]) въ слогѣ есть нѣчто расиновское; но ни въ планѣ его піесъ, ни въ характерахъ нѣтъ ничего новаго. Прошу васъ также купить мнѣ всѣ поэтическія произведенія этого молодаго человѣка, котораго я очень уважаю. Разговорясь о театрѣ, я все вспоминаю о «вдовѣ» и, признаюсь, мнѣ будетъ грустно, если она возвратится въ Россію безъ всякихъ приключеній во Франціи; желалъ бы видѣть ея блестящее появленіе въ печати. Казалось, вы приняли въ этомъ участіе; неужели охладѣли, видя мои бѣдствія? Но они ни въ какомъ случаѣ не должны падать на вдову Гектора, у которой и своихъ бѣдствій довольно. Шутки въ сторону: будете вы ее печатать, или нѣтъ? Одно слово въ вашемъ письмѣ рѣшитъ все дѣло. Если—да, я тотчасъ же вышлю деньги; если—нѣтъ, удержу ихъ у себя. Пишите мнѣ, умоляю васъ, когда вы намѣреваетесь возвратиться; какую выбрали роль для дебюта по возвращеніи; наконецъ, пишите обо всемъ, что васъ интересуетъ: все это не чуждо и моему сердцу. Вы моя Эсѳирь, Химена, Камилла, Аріана, маркиза Кленвилль, наконецъ—моя «вдова». Сдѣ-

[1]) Мантъ, французская актриса (ум. 1849 г.). Дебютировала на сценѣ „Comedie Française“ въ роли Селимены (Мизантропъ) и Гортензіи (L'amour et la raison) въ 1822 году. Несмотря на трудности ролей, дебютировала съ большимъ успѣхомъ.

[2]) Делавинь, Jean-François-Casimir, поэтъ и драматическій авторъ, родился въ 1793 г., въ Гаврѣ, умеръ въ Ліонѣ, 11-го декабря 1843 г. Первыя произведенія его: „Vêpres siciliannes“, трагедія въ 5 актахъ (1819 г.) и „Les comediens“ имѣли большой успѣхъ. Комедія „Paria“ доставила автору симпатіи либеральной молодежи. Комедія „L'Ecole des Vieillards“, поставленная на сценѣ „Téâtre Français, гдѣ въ то время были Тальма и Марсъ, упрочила его извѣстность, и въ 1825 г. онъ былъ избранъ въ члены Французской Академіи. Въ 1829 году написалъ комедію „Marino Falieri“, представляющую собой слабую попытку бросить классическія правила. Ему же принадлежитъ гимнъ „Parisienne“ (1830 г.), сдѣлавшійся такимъ же популярнымъ, какъ „Марсельеза“, „Dies irae Cosciusko“ и „Varsovienne“, занявшіе видное мѣсто среди военныхъ пѣсенъ за освобожденіе Польши.

*

лайте милость, подумайте немножко и о ней; сжальтесь надъ «вдовою» и надъ сиротою: это божественное правило. Тысячи любезностей матушкѣ вашей. Поклонъ и уваженіе. П. Катенинъ.

V.

24-го марта 1823 г. Кологривъ.

Не только безъ труда я разобралъ ваше письмо отъ 25-го февраля, но еще и сожалѣю, что не все оно написано въ клѣтку; для меня весьма сладостное утѣшеніе получать эти знаки пріязни, доказывающіе мнѣ, что вы и матушка ваша всегда принимаете во мнѣ участіе, несмотря на разстояніе, отдѣляющее насъ другъ отъ друга. Вы предполагаете разсказать мнѣ многія подробности о Парижѣ въ Петербургѣ; но вы плохо разсчитываете, и не похоже на то, чтобы меня скоро туда воротили: у горя и бѣды—крылья, а добро и радость приходятъ черепашьимъ шагомъ. До ихъ прибытія я—медвѣдь. Вамъ не угодно, чтобы я имъ былъ. Для этого, по вашему мнѣнію, я не достаточно великая скотина; хорошо, да буду же я барсукомъ. Желалъ бы быть суркомъ, но такъ какъ я худо сплю, то это прозвище мнѣ не пристало. Шутки въ сторону: здоровье мое плохо, изъ рукъ вонъ. Климатъ суровый, поля наши покрыты снѣгомъ, а по дорогамъ такая распутица, что нѣтъ возможности прогуливаться ни пѣшкомъ, ни верхомъ. Скука одолѣваетъ меня въ моей кельѣ; я теряю аппетитъ, желудокъ плохъ, и вообще здоровье не ладно. Забылъ вамъ сказать, что вотъ уже мѣсяцъ, какъ я совершенно одинъ: друзья, пріѣзжавшіе навѣстить меня, и г. Каратыгинъ-отецъ всѣ разъѣхались, каждый въ свою сторону; иного общества у меня нѣтъ, кромѣ моихъ книгъ. И такъ «вдовѣ» моей не удалось пристроиться въ Парижѣ. Что дѣлать!

Мнѣ кажется также, что и г. Дидо въ своемъ ремеслѣ немножко жидъ: 2200 франковъ за напечатаніе книги, которая въ Петербургѣ обошлась бы не дороже рублей четырехсотъ! Разница немножко сильная! Прошу васъ тщательно сохранить рукопись съ подписью Соца [1]):

---

[1]) Соцъ, Василій Ивановичъ (ум. 1841 г.), старшій цензоръ комитета цензуры иностранной. Окончивши Московскій университетъ (1804 г.), преподавалъ математику въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, съ 1816 г. состоялъ цензоромъ при министерствѣ полиціи, потомъ внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Сотрудничалъ въ „Благонамѣренномъ“, „Сынѣ Отечествѣ“. Писалъ стихи, комедіи и занимался переводами.

она когда-нибудь понадобится, но это «когда-нибудь» кажется мнѣ очень отдаленнымъ.

Ваши сообщенія о спектакляхъ составляютъ для меня восхитительное чтеніе; мнѣ думается, что я самъ зритель, и очарованіе тѣмъ удобнѣе, что я знаю всѣхъ актеровъ, по крайней мѣрѣ лучшихъ. Мнѣ кажется, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, что въ Парижѣ не даромъ жалуются на упадокъ театра; не вижу ни одного новаго актера, и мнѣ кажется даже, что многія превосходныя піесы не играются потому, что нѣтъ средствъ раздать роли. Кстати, что подѣлываетъ m-lle Мантъ, которая вамъ такъ понравилась? Очень радъ, что вы перемѣнили мнѣніе о m-lle Дюшенуа, и очень досадую, что продолжаете быть несправедливы ко мнѣ. Когда я говорилъ вамъ, что вы на нее походите лицемъ? Вамъ двадцать лѣтъ, ей сорокъ пять; вы—хорошенькая, она—дурняшка. Правда, я никогда не находилъ ее ужасной, какъ то было принято отзываться о ней. Что касается до ея игры, то, признаюсь вамъ, что предпочитаю ее, не взирая на всѣ ея недостатки, игрѣ школы Рокуръ [1]), которая можетъ (въ этомъ я убѣжденъ) имѣть успѣхъ и нравиться только при содѣйствіи удивительной красоты. Отнимите ее, и ничего не останется. Если бы былъ одинъ театръ, то въ «Агамемнонѣ» роль Клитемнестры я отдалъ бы Жоржъ; роль Кассандры — Дюшенуа, и ручаюсь вамъ, что было бы хорошо. Что касается до Тальмы, котораго я вамъ такъ хвалилъ до вашего отъѣзда, то почти имѣю искушеніе злословить его, съ тѣхъ поръ, какъ вижу, что вы изволили въ него влюбиться, и размѣниваетесь съ нимъ взглядами, когда онъ на сценѣ. Только ваши похвалы m-lle Марсъ и успокоиваютъ меня немножко на счетъ вашей невиновности и заставляютъ меня вѣрить, что все сіе есть только любовь къ искусству. Во всякомъ случаѣ увѣдомляю васъ, что Базиль ревнуетъ, и я намѣренъ для его успокоенія написать ему, что въ «Эдипѣ» вы нашли сходство между ними обоими. Однако же изъ словъ вашихъ вижу, что у васъ есть предубѣжденіе въ пользу всего, что дѣлается во Франціи. Вы неоднократно говорите мнѣ о чрезвычайномъ обиліи новыхъ піесъ. Не безплодное ли это обиліе? Во сколько времени полагаете вы долговѣчность мелодрамы, водевиля или даже «Валеріи»? [2]) Она хороша, какъ новинка, дающая актрисѣ возможность блеснуть. Публика бросается толпами, а когда всѣ пересмотрятъ піесу, то никто болѣе и не заглядываетъ въ театръ, и новинка скромненько присоединяется къ «Аббату л'Эпе» съ его глухонѣмымъ [3]), къ

[1]) Raucourt, Françoise (р. 1753 г., ум. 1815 г.), ученица Brizard, дебютировала 23-го сентября 1772 г. Пользовалась большимъ успѣхомъ.

[2]) „Валерія или слѣпая", комедія Малесвиля, которую перевелъ для Колосовой В. А. Жуковскій. Представлена 17-го декабря 1823 г.

[3]) Переводная драма, появившаяся на сценѣ въ ноябрѣ 1806 г.

«Обріевой собакѣ» [1]) и къ «Африканскому льву» [2]), такъ прекрасно написанному Люстикомъ [3]) и такъ хорошо представленному Виноградовымъ. Между всѣми новыми трагедіями, мною прочитанными, не могу, по совѣсти, похвалить ничего другаго, кромѣ стиховъ Делавиня. Повсюду нахожу политику, намеки и важныя роли для Росція-Тальмы, а въ прочемъ — ни плана, ни интереса, ни правдоподобія и ни малѣйшей натуры. Вы продолжаете стоять на своемъ и говорите, что у насъ даже и этого нѣтъ; но благоволите же сообразить, что у насъ почти никто не пишетъ; а противъ малаго числа тѣхъ, которые занимаются этимъ несчастнымъ ремесломъ, употребляютъ средства, даже и не подобающія литературѣ. Не то во Франціи: тамъ цензоръ не перебираетъ каждую фразу, не вычеркиваетъ изъ піесы въ стихахъ: «Рыцарю недостаточно быть храбрымъ, ему надобно быть и любезнымъ». И знаете ли, въ чемъ заключается зловредность этой фразы? Вотъ въ чемъ: слово рыцарь примѣнимо къ каждому дворянину, который ѣздитъ верхомъ, и потому кавалерійскіе офицеры, прочтя эти слова, пожалуй примутъ ихъ себѣ за правило и предадутся любви, а любовь есть страсть гибельная. Вы смѣетесь надъ милосердною заботливостью, прилагаемою о добродѣтели господъ гусаровъ и улановъ, и это дѣйствительно очень смѣшно; однакоже это правда: я привелъ подлинныя слова Красовскаго [4]).

Возобновляю мои мольбы о книгахъ: потрудитесь ихъ мнѣ пріискать и купить; я попросилъ бы ихъ и побольше, но боюсь обременить васъ слишкомъ объемистой связкой. Что касается до денегъ, то желалъ бы лучше отдать ихъ вамъ здѣсь, нежели пересылать, съ опасеніемъ не найдти васъ; впрочемъ, и сумма не важная. Много благодаренъ вамъ и вашей матушкѣ за память обо мнѣ въ день моего рожденія; я провелъ его въ Костромѣ, куда прибылъ какъ разъ въ обѣденную пору къ одному изъ моихъ знакомыхъ. Еще благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ моихъ финансахъ. Успокойтесь: они у меня только поразстроены. Правда, во время катастрофы у меня не было ни гроша, но меня великодушно ссудили со всѣхъ сторонъ, и единственное добро, сопровождавшее множество золъ, меня постигшихъ, есть именно необходимость, въ которую поставляетъ меня мое удаленіе — соблюдать экономію и немножко прикапливать деньги.

---

[1]) „Обріева собака или лѣсъ при Бонди“, мелодрама Ж. Пиксерикура. Переведена А. И. Шеллеромъ и представлена 26-го апрѣля 1820 г.

[2]) Представлена 25-го іюля 1818 г.

[3]) Въ свое время извѣстный танцовщикъ и балетмейстеръ. Умеръ въ 1825 году.

[4]) Александръ Ивановичъ Красовскій (1776 † 1857), цензоръ, извѣстный своими строгостями, подъ часъ лишенными здраваго смысла.

Возвратимся къ Парижу. Жалѣю Флёри; кто же будетъ играть въ комедіяхъ, если нѣтъ Дама? Въ «Маркизѣ де Монкадѣ» вы предпочитаете Мишело [1]) Арману [2]); однако, я думаю, что Арманъ болѣе созданъ для этой роли: Мишело слишкомъ современенъ. Понимаете? Флёри въ этой роли былъ превосходенъ. Кто играетъ царей? Сенъ-При [3]), или кто другой? Боюсь, не играетъ ли ихъ Демуссо [4]) съ подвижными бровями: это, прости мнѣ Боже, отвратительный актеръ. Вы слишкомъ добры, думая, что Семенова будетъ играть Химену: для этого она слишкомъ ненавидитъ меня. Она репетировала «Аріану» и кончила тѣмъ, что не играла ее. Хорошо сыгранную роль Химены жду видѣть въ исполненіи той, для кого она была написана, и скажу вамъ прямо, что во всѣхъ моихъ піесахъ хочу видѣть ее одну. Скажите, желаетъ ли она этого? Глубокій поклонъ Евгеніи Ивановнѣ; примите и вы таковой же и не забывайте меня. П. Катенинъ.

VI.

27-го мая 1823 г

По написаніи ко мнѣ письма, которому нижеслѣдующее служитъ отвѣтомъ, вы должны были, я думаю, получить еще одно письмо отъ меня. Не знаю, имѣли ли вы время увѣдомить меня о его полученіи; какъ бы то ни было, сударыня, но вотъ и конецъ нашей перепискѣ, и я не буду уже болѣе имѣть удовольствіе говорить съ вами на языкѣ Расина, или, лучше сказать, слушать вашъ разговоръ на этомъ языкѣ ибо, говоря по чести, письма ваши написаны съ рѣдкой легкостью и пріятностью. Трудно намъ будетъ теперь возвратиться къ нашему прекрасному родному языку, любезно называемому вашей матушкой «катенинскій языкъ». Сознаю всю любезность этого лестнаго комплимента и благодарю за него отъ всего сердца, но не совѣтую матушкѣ

---

[1]) Michelot, Pierre — французскій актеръ (р. 1785 г., ум. 1856 г.) Дебютировалъ въ 1805 году на сценѣ Théâtre Français въ „Британикѣ“ Расина и „Fausses infidelités“.

[2]) Armand-Roussel (род. 1778 г., ум. 1852 г.), артистъ театра Comédie Française.

[3]) Saint-Prix, Jean — французскій актеръ (р. 1759 г., ум. 1834 г.). Игралъ царей и благородныхъ отцовъ. Лучшими ролями его были Іоадай, Агамемнонъ, Тезей, Митридатъ.

[4]) Desmousseaux, Auguste — драматическій актеръ (р. 1785 г., ум. 1854 г.) Дебютировалъ на сценѣ Comedie Française въ 1812 году. Игралъ благородныхъ отцовъ и царей.

вашей пускать его въ ходъ. «Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ», говоритъ Евангеліе, и въ этихъ словахъ для меня поученіе на всѣ дни, ибо въ отечествѣ моемъ меня ставятъ непосредственно ниже Прадона [1]), аббата Котена [2]), графа Хвостова и князя Вяземскаго. Но оставимъ этихъ господъ и поговоримъ о васъ: это будетъ получше. Итакъ вы готовитесь выступить на сцену по возвращеніи, и у васъ сердце замираетъ. Еще бы, я думаю! При вашемъ талантѣ, при вашихъ достоинствахъ, у васъ, по всей справедливости должно быть много враговъ: одно съ другимъ неразлучно. Впрочемъ, Катерина Медичи женщина гордая; на ея сторонѣ Гюизы и парламентъ, Сорбонна и предмѣстья; наконецъ, вся священная лига [3]). Для борьбы съ нею вамъ необходимо найдти опору въ протестантахъ. Что до меня касается, я уже давно протестую; но теперь я не что иное, какъ гласъ, вопіющій въ пустынѣ; надѣюсь, что Беарнецъ-Каратыгинъ не измѣнитъ вамъ. Теперь позвольте перейдти къ вашимъ дебютамъ. Вы указываете на четыре роли: «Герміона», «Есѳирь», «Химена», «Камилла». На сей выборъ отвѣтствую: аминь и нахожу его во всѣхъ отношеніяхъ приличнымъ; то же сказалъ бы я о порядкѣ ролей, которому вы намѣрены слѣдовать, если бы мнѣ не было непріятно то, что прелестныя уста откроются за тѣмъ, чтобы читать плохіе стихи. Химена — роль вами еще не игранная: это можетъ лишить васъ увѣренности; ея выходъ во второмъ актѣ, когда она является въ слезахъ, запыхавшаяся, съ безпорядочной прической, вовсе не идетъ къ первому появленію на сцену, и блестящая роль Сида — еще помѣха для дня дебюта. У Камиллы слишкомъ скромный костюмъ; она мало замѣтна въ трехъ первыхъ актахъ; четвертый же такъ внезапно обрывается, или лучше сказать, самая піеса такъ мало закончена, что зрители приходятъ въ тупикъ при паденіи завѣсы; все это не ладно. Почему бы вамъ для первой роли не сыграть Есѳирь? И трагедія прелестная, и роль прекрасная. Отъ перваго до послѣдняго слова она главенствуетъ во всей піесѣ, и каждое рукоплесканіе принадлежитъ вамъ. Оба костюма, изъ которыхъ первый по своей изящной простотѣ особенно будетъ вамъ къ лицу; другой можетъ быть прикрашенъ какимъ-нибудь великолѣпнымъ уборомъ; послѣдній актъ полонъ огня, развязка счастливая и полная;

---

[1]) Pradon, Nicolas—французскій поэтъ (р. 1632 г., ум. 1698 г.) Извѣстенъ, какъ противникъ Буало и Рассина.

[2]) Cotin, Charles — французскій поэтъ (р. 1606 г., ум. 1682 г.). Былъ аббатомъ въ Монфронселѣ.

[3]) Катерина Медичи—Е. С. Семенова; Гюизы—графъ Милорадовичъ, А. А. Майковъ; парламентъ — театральный комитетъ; Сорбонна — Гнѣдичъ и другіе драматурги, бывшіе членами Россійской Академіи; священная лига— всѣ враги и завистники Колосовой, старавшіеся ей повредить.

къ услугамъ вашимъ — лучшіе артисты труппы. Все это, признаюсь, приводитъ меня къ тому убѣжденію, что Есѳирь еще лучше Герміоны. Вы возразите мнѣ, можетъ быть, что неудобно начинать піесу? Но подумайте, что вы пріѣхали изъ чужихъ краевъ, піеса извѣстна, зала полна, вниманіе зрителей напряжено. Прежде васъ, изъ глубины сцены, ведомая двумя евнухами, выходитъ Элиза; вы выждите минуту, и когда зрители откроютъ глаза пошире, явитесь прелестная и довольная—и подымется крикъ, шумъ и гвалтъ. Если же, сверхъ всякаго чаянія, пріемъ будетъ не таковъ, что стѣны затрясутся, что жъ изъ этого? Развѣ вы не готовитесь ко всякой случайности? Не будетъ ли это, наконецъ, тѣмъ бо́льшимъ поводомъ для вашего торжества? Тѣмъ не легче ли будетъ приписать это молчаніе слѣпому пристрастію одной части публики и малодушной холодности другой? Зрѣло сообразивъ всѣ обстоятельства, я держусь слѣдующаго порядка: Эсѳирь [1]), Герміона [2]), Химена [3]), Камилла [4]). Впрочемъ, вы это понимаете лучше кого другаго: дѣлайте какъ вамъ угодно. Но какъ бѣденъ нашъ репертуаръ! Что же останется вамъ изъ трагическихъ ролей? Аріадны [5]) вы боитесь; за Аменаиду лукаваго криваго [6]) вамъ скоро нельзя приняться; Зиновія [7]), Ксенія [8]) и Моина [9])—вещи не важныя; остальныя роли и называть не стоитъ. Вамъ надобно было бы испытать себя въ комедіи: Селимена—въ «Мизантропѣ», Сусанна—въ «Свадьбѣ Фигаро», Доримена—въ «Притворной невѣрности» [10]), Маркиза—въ «Закладѣ» [11]), Эльмира—въ «Молодыхъ супругахъ» [12]) и въ «Любовь

---

[1]) Роль въ трагедіи Расина того же имени. Переведена Катенинымъ.

[2]) Роль въ трагедіи Расина „Андромаха“. Переведена графомъ Хвостовымъ.

[3]) Роль въ трагедіи Корнеля „Сидъ“. Переведена Катенинымъ.

[4]) Роль въ трагедіи Корнеля „Горація“. 4-й актъ этой трагедіи переведенъ Катенинымъ.

[5]) Трагедія Расина въ переводѣ Катенина. Представлена въ первый разъ 3-го февраля 1811 г.

[6]) Роль въ трагедіи Вольтера „Танкредъ“, переведенной Н. И. Гнѣдичемъ для Е. С. Семеновой и представленной въ первый разъ 8-го апрѣля 1809 г.

[7]) Роль въ трагедіи Кребильона „Родомистъ и Зенобія“. Переведена С. И. Висковатовымъ и представлена въ первый разъ 13-го декабря 1809 г.

[8]) Роль въ трагедіи Озерова „Дмитрій Донской“. Въ первый разъ представлена 14-го января 1807 г.

[9]) Роль въ трагедіи Озерова „Фингалъ“. Въ первый разъ представлена 8-го декабря 1805 г.

[10]) Комедія Барта. Переведена съ французскаго Грибоѣдовымъ и Жандромъ. Представлена въ первый разъ 11-го февраля 1818 г.

[11]) Комедія Мариво, переведенная Катенинымъ и представленная 22-го сентября 1819 г.

[12]) Комедія Creuzé de Lesser „Le secret du menage“, передѣланная Грибоѣдовымъ и представленная 29-го сентября 1815 г.

и Разсудокъ» [1])—вотъ роли, вамъ подходящія. Прибавлю еще «Замужнюю невѣсту» Шаховскаго, «Кларенсу» Шекспира, и можетъ быть, Юлію въ «Расточителѣ» [2]), если только стихи сносны. По правдѣ сказать—тутъ и все. Кстати о «Закладѣ». Піеса эта ужаснымъ образомъ переписана въ театрѣ, впрочемъ довольно вѣрно, ибо я ее просматривалъ; если вамъ придется переписать вашу роль—это будетъ сущая каторга. Кромѣ того, увѣдомляю васъ, что Сосницкій [3]) отвратителенъ въ роли Детьелетта, и что я отчасти раздѣляю мнѣніе Жандра, который говоритъ, что для хорошей обстановки этой бездѣлки Брянскому слѣдуетъ играть Детьелетта, а Каратыгину—маркиза. Если вы имѣете силу, чтобы совершить эту передачу ролей,—хорошо сдѣлаете. Перейдемъ къ драмамъ. У васъ есть «Евгенія», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Марія Стюартъ», «Отелло», «Иваной», и что еще будетъ вамъ угодно по снисхожденію. Надѣюсь, что вы не упрекнете меня за то, что я слегка и вскользь говорю о вашихъ предстоящихъ занятіяхъ; боюсь, напротивъ, что покажусь вамъ уже черезъ чуръ занятымъ тѣмъ, до чего мнѣ нѣтъ дѣла. Простите! Я принимаю живѣйшее участіе во всемъ, что до васъ касается. Поговоримъ о другомъ. Примите мои благодаренья за купленныя книги; переплетены ли онѣ? Если нѣтъ, передайте ихъ Владимиру Каратыгину [4]), который отвезетъ ихъ къ моему переплетчику; если—да, то пришлите мнѣ ихъ по почтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ о рисункахъ, перчаткахъ, духахъ, воротничкахъ, шелковыхъ чулкахъ и другихъ бездѣлушкахъ, о которыхъ я также говорилъ вамъ до вашего отъѣзда; но это не должно стоить свыше двухсотъ франковъ Что касается до уплаты, скажите только, какъ вы желаете, чтобы я уплатилъ, и я согласенъ

Боже мой, какъ мнѣ жаль, что не могу поговорить съ вами по вашемъ возвращеніи! О какомъ множествѣ вещей поразспросилъ бы я васъ! Нѣтъ возможности письменно изложить эту кучу вопросовъ и отвѣтовъ съ объясненіями и необходимыми подробностями. Двѣ книги, о которыхъ вы мнѣ говорите, любопытны. Впрочемъ, безнравственность и злодѣйства маленькихъ нѣмецкихъ дворовъ извѣстны не со вчерашняго: вещь давно знакомая. Что же касается до записокъ Дезире, то,

---

[1]) Переведена съ французскаго Жандромъ и представлена 12-го января 1820 г.

[2]) Комедія Детуша, представленная въ первый разъ 17-го августа 1817 г. (См. С. Отечества 1819 г., ч. 40, № 35, стр. 81—96).

[3]) Сосницкій, Иванъ Ивановичъ (род. 18-го февраля 1794 г., ум. 24-го декабря 1871 г.), даровитый артистъ. Первоначально занималъ амплуа повѣсъ.

[4]) Владиміръ Андреевичъ Каратыгинъ († 1865 г.), одинъ изъ двухъ младшихъ братьевъ Василія Андреевича. Любя все семейство Каратыгиныхъ, Катенинъ былъ всегда расположенъ къ Владиміру Андреевичу и часто поручалъ ему исполненіе своихъ домашнихъ дѣлъ. (П. К.).

или я ошибаюсь, или онъ выбралъ дурное время для ихъ напечатанія: одна половина публики, конечно, злится, другая — смѣется. Знаете ли вы много подробностей о приготовленіяхъ къ испанской войнѣ, о преніяхъ въ обѣихъ палатахъ и прочее? Все это должно быть до крайней степени любопытно, но кологривскому медвѣдю ничего этого знать не суждено. Встрѣтили ли вы на пути г. Нарышкина [1]) и г. Бахтина, ѣдущаго съ нимъ въ качествѣ секретаря? Онъ будетъ новымъ моимъ корреспондентомъ въ чужихъ краяхъ въ замѣну васъ. Г. Барковъ будетъ, кажется, моимъ собесѣдникомъ въ уединеніи. За эту скучную работу я предложилъ ему двѣ тысячи рублей въ годъ, и онъ согласенъ; дѣло стало только за согласіемъ его отца. Не будете ли вы столь добры, въ досужую минуту, составить мнѣ родъ таблицы состава французской комедіи, какъ вы ее видѣли, съ указаніемъ на главные сюжеты и на второстепенныя амплуа, съ небольшою заглавною буквою при каждомъ имени: b (bon) для означенія хорошихъ, p (passable)—посредственныхъ и m (mauvais)—дурныхъ. Хотѣлось бы мнѣ посравнить съ тѣмъ, что видѣлъ собственными глазами. Скажите также совершенно откровенно: какъ покажется вамъ нашъ театръ послѣ парижскаго. Этотъ первый взглядъ всегда самый строгій судья. Прощайте, bel ange; поклонъ глубочайшій вашей maman; увѣрьте ее въ совершенной моей готовности оказать ей услугу, если возможно, и попросите, чтобы она со своей стороны немножко любила меня и не забывала. Что касается до вашихъ писемъ, я разсчитываю на нихъ, и частенько. Вы трудолюбивы, исправны, и вамъ недолго исписать цѣлый листикъ. Будемъ же бесѣдовать издалека, прошу васъ, ибо вблизи это запрещеный плодъ. Вашъ покорнѣйшій слуга Павелъ Катенинъ.

VII.

12-го іюня 1823 г.

Опасеніе ваше, любезнѣйшая Александра Михайловна, что письмо, посланное изъ Парижа прямо сюда, пропадетъ, и что города Кологрива на земномъ шарѣ не отыщутъ, — несправедливо. Ваши два письма, одно за другимъ, получены, и на послѣднее отъ 6-го (18) мая, я вамъ нынче отвѣчаю; отвѣтъ же на первое отправленъ къ вамъ въ Петербургъ, ибо я вѣрно разсчитываю и не люблю, когда письма пропадаютъ. Теперь переписка наша можетъ сдѣлаться, если не любопытнѣе прежъ-

[1]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ (род. 1760 г. ум. 1826 г.), былъ главнымъ директоромъ театровъ съ 1799 по 1814 г.

няго, то по крайней мѣрѣ чаще, о чемъ я васъ и Евгенію Ивановну весьма прошу. Поблагодарите ее за желаніе, чтобъ я былъ веселъ. Душевно бы радъ ей повиноваться, но признаюсь, что не всегда могу: иногда тоска по неволѣ убиваетъ. Вы меня однако жъ до смерти насмѣшили вашимъ признаніемъ въ чувствахъ любви къ «этіему» Тальмѣ и ревности къ недостойной его супругѣ. Не знаю, красна ли она, яко Рахиль, но вижу, что многоплодна, яко Ліа. Но о чемъ я вамъ говорю? Теперь вы, я чаю, начинаете обо всемъ этомъ забывать. Парижъ и все, что вы въ немъ видѣли, кажется вамъ какъ сонъ; на яву—дѣло другое, и увы! несравненно худшее. Разскажите мнѣ, хорошо ли вы доѣхали, здоровы ли? Я обо всемъ знать любопытенъ, а паче всего, какъ встрѣтятъ васъ нѣкоторыя важно-глупыя лица? Вы понимаете?

Въ прошедшемъ моемъ письмѣ, которое вручится вамъ, вѣроятно вмѣстѣ съ этимъ, найдете вы подробныя разсужденія о роляхъ и дебютахъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе утверждаюсь въ мысли, что начать всего лучше съ Есѳири, а во второй разъ играть Герміону: подумайте и рѣшитесь. Къ горю, я точно правъ, и во Франціи ничего хорошаго вновь не выходитъ. Вы увѣряете, что «Четыре вѣка» г. Мервиля [1]), «Двѣ сестрицы» г. Бонжура [2]) лучше твореній Шаховскаго. Можетъ быть, но велика ли эта похвала? Мы младенцы въ словесности, да насъ еще и лозою сѣкутъ, коли мы не такъ дѣлаемъ; а тамъ люди пожилые, и хоть цензура вездѣ дура, однако не вездѣ равно. Какая Клитемнестра, по словамъ вашимъ, лучшая изъ вышедшихъ недавно трагедій? Какое содержаніе ея? Если то, что мы привыкли знать подъ именемъ Электры, и если новый авторъ вздумалъ выкинуть ея роль, какъ лишнюю, то это еще пресильное доказательство справедливости моихъ нападокъ, совершеннаго затемнѣнія понятій новыхъ трагиковъ, ихъ невѣжества на счетъ греческаго театра и порчи вкуса. Развязка въ «Графѣ Іуліанѣ», гдѣ двое полумертвыхъ помаленьку Богу душу отдаютъ, въ своемъ родѣ тоже вещь единственная. И это играютъ въ Парижѣ! У насъ по крайней мѣрѣ «Александръ Невскій» [3]) Шелехова не былъ принятъ на театръ: все меньше стыда, коли дѣло скрыто.

---

[1]) Pierre François Camus, прозванный Merville (род. 20-го апрѣля 1783 г., умеръ въ октябрѣ 1853 г.), извѣстный въ свое время французскій драматургъ, лучшей драмой котораго считалась „La famille Glinet ou les premiers temps de la ligue“ (1818). Его же: „Les quatres âges“, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, о которой идетъ здѣсь рѣчь, появилась въ 1822 году.

[2]) Бонжуръ, Казиміръ, французскій драматическій авторъ (род. въ 1795 г., ум. 1856 г.). Въ l'école normale, куда онъ поступилъ 19 лѣтъ, обратилъ на себя вниманіе, какъ элленистъ. Въ 1821 году написалъ комедію: „La mère rivale“, которая имѣла большой успѣхъ на сценѣ „Théâtre français“.

[3]) Піеса эта не появилась и въ печати. Авторомъ ея былъ, вѣроятно, Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ (род. 1792 г., ум. 1854 г.), о которомъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Н. И. Гречъ.

Актеры есть и новые, говорите вы. Гдѣ и какіе, смѣю спросить? Буде только въ Большой Оперѣ, то я желаю имъ добраго здоровья, но слушать ихъ не поѣду; буде же въ комедіи, то почему вы никого не называете? Всѣ, о которыхъ вы мнѣ упоминали, старые знакомые мои; одинъ Монрозъ [1]) прибылъ послѣ меня, да нынче молоденькая M-lle Mante. Охъ, жаль, коли у нея душеньки мало: безъ этого трудно даже въ комедіи обойтись; нашъ И. И. Сосницкій тому примѣръ, и чѣмъ же Марсъ всѣхъ превосходитъ? Именно чувствомъ. Но возможно ли, чтобъ она, подъ пятьдесятъ лѣтъ, играла Викторину? Дивлюсь, а понимаю. Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ на славу играли «Гоѳолію»; замѣтили ли вы, гдѣ стоялъ въ пятомъ дѣйствіи Іоасовъ престолъ? Я увѣренъ, что прямо противъ зрителей, какъ и прежде, а не по Шаховскаго выдумкѣ—въ боку. Дюшенуа не похожа на Гоѳолію. Вѣрю: она превосходна была въ Іосавелѣ; а теперь кто попадья? У Тальма должны были быть мѣста высокія, но выдержалъ ли онъ всю роль какъ слѣдуетъ и не слишкомъ ли мраченъ? За него ли зрителю хочется вступиться, или нѣтъ? Michelot вамъ не нравится въ трагедіяхъ: средствъ нѣтъ у него, а душа есть. Кто же лучше? Desmousseaux такая скотина, что со свѣчой поискать. Замѣтили ли вы его брови на пружинахъ, которыя безпрестанно вверхъ и внизъ подымаются и опускаются? Сенъ-При точно царь былъ передъ нимъ. Мнѣ иногда странныя мысли въ голову входятъ. Напримѣръ: я думаю, какъ бы хорошо было, еслибъ въ Большой Оперѣ, съ такимъ же приборомъ хоровъ и голосовъ, сыграли Есѳирь. Артаксеркса бы представлялъ Тальма, Амана — Жоани (къ нему эта роль должна идти), а Есѳирь—вы, bel ange; это было бы, какъ говорилъ Дмитревскій [2]) «ей, ей, прекрасно!» Но это мечта. Благодарю васъ покорно за желаніе добра моей трагедіи.

Ton coeur impatient de jouer ma troyenne—полагаетъ, что это дѣло сбыточное; а мой прозаическій разсудокъ увѣренъ, что оно весьма далеко отъ событія; что даже возвращенье мое въ Петербургъ долго невозможно; и тѣмъ труднѣе, что никто не знаетъ, за что я сосланъ. Позволить мнѣ пріѣхать назадъ, не объяснивъ ничего, значитъ поправить свою несправедливость, а этого-то никогда и не дѣлаютъ на бѣломъ свѣтѣ. Не лишнимъ полагаю васъ и Евгенію Ивановну предостеречь на счетъ «благонамѣреннаго» И з м а й л о в а, который къ вамъ ѣздитъ.

---

[1]) Monrose Claude (род. 1784 г., ум. 1843 г.) дебютировалъ въ комедіи „Cassandre tout seul“ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Въ 1815 году онъ выступилъ въ комедіи „L'Etourdit“ Мольера на сценѣ театра Comedie Française и имѣлъ большой успѣхъ.

[2]) Иванъ Аѳанасьевичъ Д м и т р е в с к і й (род. 1736 г., ум. 1821 г.), извѣстный драматическій артистъ и писатель.

Это преподлое животное, преданное Тиграну и Семеновой; нѣтъ имени достойнаго тѣхъ статей, которыя онъ обо мнѣ печаталъ, это превосходитъ вѣроятіе [1]). Берегитесь и вы, а то онъ, пожалуй, ѣздить къ вамъ будетъ и прочее, да какъ обругаетъ въ журналѣ, такъ и досадно даться въ обманъ. Я нездоровъ. Вчера и третьяго дня были у мужиковъ моихъ праздники въ честь Троицы и Св. Духа; я былъ у нихъ въ гостяхъ, объѣздилъ верстъ 20 верхомъ, наѣлся всякой дряни и сегодня весь не свой. Прощайте, милая Александра Михайловна, и сдѣлайте одолженіе пишите почаще; увѣрять въ исправности отвѣтовъ смѣшно и не нужно. Вашъ покорнѣйшій слуга Павелъ Катенинъ.

VIII.

18-го іюля 1823 г.

Вы такъ плѣнились Парижемъ, любезнѣйшая Александра Михайловна, что не перестаете объ немъ думать и говорить. По пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ, я ожидалъ отъ васъ письма съ извѣстіями объ немъ и нашемъ театрѣ, а вмѣсто того вы на четырехъ страницахъ изволите защищать противъ меня честь и славу заморскихъ искусниковъ. Покорно прошу васъ, во-первыхъ, выкинуть изъ числа незнакомыхъ мнѣ г-жу Demerson; я ее знаю и видѣлъ очень часто въ «Холопкахъ» Мольеровыхъ. Она, точно, не безъ достоинствъ, но уже черезъ чуръ смѣла и, такъ сказать, на Катерину Ивановну [2]) благородствомъ сбивается. За извѣстіе о Монрозѣ, Викторѣ, дѣвицахъ Вейзель и Мантъ весьма благодаренъ и, къ сожалѣнію моему, надѣюсь увидѣть ихъ прежде, чѣмъ васъ. На бѣломъ свѣтѣ все такъ хорошо устроено; дружба такъ горяча, справедливость такъ быстра, что я успѣю сгнить въ Кологривѣ прежде, нежели кто-нибудь вздумаетъ мнѣ помочь; и чѣмъ я правѣе,

---

[1]) Въ „Благонамѣренномъ“, журналѣ А. Е. Измайлова, были напечатаны двѣ рецензіи на переводъ „Сида“, въ которыхъ Измайловъ упрекалъ Катенина за „обветшалыя слова, поставленныя между обыкновенными“ (Благонамѣр. 1823 г., ч. 22, № XI, стр. 321 и 322). Относительно стиховъ было сказано: „Есть стихи посредственные, мелькаютъ иногда, нечаянно, и хорошіе, но какъ рѣдко!.. И какъ часто встрѣчаются такія красоты, какихъ не пылкому уму не выдумать и ввѣкъ“ (Благонамѣр. 1823 г., ч. 21, стр. 42). Скептицизмъ Измайлова распространялся даже на умѣнье читать: „Не умѣя, подобно прочимъ нашимъ учителямъ декламаціи“, пишетъ онъ И. И. Дмитріеву, „читать, Катенинъ обучаетъ молодую Колосову“ (Русскій Архивъ 1871 г., № 7 и 8, стр. 972—973).

[2]) Актрису Ежову (ум. 1837 г.), сожительницу князя А. А. Шаховскаго.

тѣмъ хуже для меня. Нѣтъ вины—стало и прощать нечего; а сознаться самимъ въ ошибкѣ или несправедливости,—это слыветъ: не по чину.

Каратыгинъ пишетъ ко мнѣ, что на него вамъ наговорили всякихъ небылицъ. Онъ проситъ, чтобы я васъ на его счетъ переувѣрилъ; но я увѣренъ, что вы и безъ меня не такъ легковѣрны, чтобы всякому слуху вѣрить. Я въ пустынѣ своей вздымаю руки горѣ о согласіи вашемъ; оно всегда бываетъ полезно; распри же рано или поздно обѣимъ сторонамъ вредомъ отзываются. Позвольте васъ пожурить за нѣкоторую вѣтренность: я съ любопытствомъ спрашивалъ васъ о свиданіяхъ первыхъ съ богомъ Парнасскимъ, съ Тиграномъ, царемъ армянскимъ, и прочее [1]), а вы на все это мнѣ ни полслова въ отвѣтъ не пишете. Стыдно! Живъ ли г. Тарабаракули [2])? Мой поклонъ ему прошу отдать, буде молитвами св. Франциска и силою чудотворной бумажки онъ еще существуетъ. Купленныя вами для меня книги, рисунки и наряды извольте переслать ко мнѣ, а отнюдь не отдавайте моему братцу, ибо m-r l'officier—пустая голова, и у него все затеряется, или, что́ еще хуже, затаскается и не будетъ ни къ чему годиться. Потрудитесь извѣстить, много ли я долженъ вамъ за сіи покупки ваши. Прикажете ли деньги къ вамъ прислать, или зачесть за Василія Михайловича? Онъ,

---

[1]) Парнасскій богъ — Аполлонъ Александровичъ Майковъ; Тиграпъ — графъ Милорадовичъ.

[2]) Это смѣшное прозвище Катенинъ даетъ Антону Ивановичу Казасси († 1832), бывшему импресаріо итальянской оперы въ Петербургѣ, при императорѣ Павлѣ I, строителю и директору первоначальнаго Малаго театра. Казасси былъ женатъ на инспектрисѣ отдѣленія воспитанницъ театральной школы, Маріи Францовнѣ Эгеръ († 1827 г.), достойнѣйшей и добрѣйшей женщинѣ; А. И. Казасси, умный, хорошо образованный, пользовался расположеніемъ многихъ своихъ знакомыхъ, какъ добрый человѣкъ, имѣвшій, однако, излишнюю слабость къ прекрасному полу. Пребывая въ Россіи, онъ выучился настолько по-русски, что могъ правильно писать, но въ разговорѣ коверкалъ слова, дѣлалъ ударенія на итальянскій ладъ и превратно понималъ иногда многія выраженія. Однажды, бывши на панихидѣ у одной умершей танцовщицы, онъ, по окончаніи богослуженія, очень серьозно спросилъ кого-то изъ присутствовавшихъ, что означаютъ слова: т а р а б а р а̀-к у л и, часто произносимыя священникомъ? Никто понять не могъ, что за „тарабарщина“? Наконецъ оказалось, что Казасси добивался значенія словъ: „рабы твоея“. Какъ ни грустны были обстоятельства, при которыхъ чудакъ-итальянецъ задалъ свой дикій вопросъ, но онъ надѣлалъ много смѣху. Словомъ Тарабаракули Катенинъ замѣнилъ фамилію Казасси; оно же между знакомыми Казасси было принято въ замѣну слова: „смерть.“ Бумажка, о которой упоминаетъ Катенинъ, была какая-то таинственная ладонка, которую суевѣрный Казасси постоянно носилъ на шеѣ. Казасси малодушно боялся смерти и говорилъ о ней, всегда ругаясь, называя ее безносой чертовкой. Казасси умеръ въ глубокой старости. (П. К.).

говорятъ, въ Петербургѣ; я ему кланяюсь въ такомъ случаѣ. Н. И. Бахтинъ писалъ мнѣ изъ Варшавы, что вы за нимъ присылали, и онъ былъ у васъ. Не правда ли преумный человѣкъ? Я теперь не одинъ. У меня гость прелюбезный: князь Николай Голицынъ [1]), уже съ мѣсяцъ, какъ здѣсь. Я ему показывалъ ваши письма (простите нескромность); онъ восхищается вашимъ умомъ и перомъ. Вчера перервали меня гости, а сегодня почтовый день: слѣдственно, мнѣ пора кончить и послать. Евгенію Ивановну усердно поздравляю съ возвращеніемъ на родину; не зная языковъ, она частенько должна была скучать, а всего больше на поѣздкахъ по нѣмецкой мостовой, шагомъ, по шести верстъ въ часъ. Еще разъ жду отъ васъ всѣхъ подробностей, вашъ покорнѣйшій слуга Павелъ Катенинъ.

P. S. Кто Henriette, когда Мантъ-Armande? Не Марсъ ли, злодѣйка, продолжаетъ ее представлять?

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Николай Сергѣевичъ Голицынъ (род. 1800 г., ум. 1848 г.), пріятель Катенина. Немногочисленныя стихотворенія его собраны и напечатаны при 2-й части сочиненій Катенина, изданныхъ въ 1833 году.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXXI [1]).

О различныхъ нововведеніяхъ Иліодора и Гедеона по нравственной, религіозной и учебной частямъ.

Иліодоръ и Гедеонъ, для усиленія надзора за казенно-коштными учениками, назначали въ каждую комнату старшаго богослова съ помощниками изъ философовъ, тогда какъ прежде мы, училищные, занимая три комнаты, имѣли только одного старшаго и одного помощника.

Всѣ старшіе ежедневно послѣ ужина являлись къ инспектору, чтобы отрапортовать о состояніи ввѣренныхъ каждому учениковъ; рапорты были и письменные и словесные.

Для этого на клочкѣ бумажки, отрѣзанномъ отъ четвертки листа и имѣющемъ ширину не болѣе вершка, писалось: въ такой-то комнатѣ, т. е. богословской или 1-й реторической,—все обстоитъ благополучно. Если же сдѣлался кто-либо боленъ, или оказался въ чемъ-либо неисправенъ, прибавлялось: кромѣ того, что и пр. Рапортъ, разумѣется, скрѣплялся подписью старшаго.

Потомъ приказали, чтобы кромѣ четверга, воскресныхъ и праздничныхъ дней никто не выходилъ изъ семинаріи; отступленіе допускалось по самымъ уважительнымъ причинамъ. Желавшій отлу-

---

1) См. „Русскую Старину“ изд 1880, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892 и 1893 гг., томы XVII, XVIII, XXXIII, XXXIV, XLII, XLIII, LVI, LXXVI и LXXVII.

читься записывался въ особую тетрадь съ показаніемъ, къ кому и на сколько времени идетъ; тетрадь относилась къ инспектору, который однихъ отпускалъ, а другихъ оставлялъ дома по своимъ соображеніямъ.

Это особенно не понравилось старшимъ, и они рѣшились доказать новому начальству, что такое распоряженіе годится только для мальчиковъ, а для богослововъ и философовъ унизительно. «Да, знаете ли вы, сказалъ тогда инспекторъ, что вотъ не далѣе какъ за нѣсколько недѣль, живя еще студентомъ въ академіи и имѣя намѣреніе выйти на время изъ дома ея, я также записывался въ тетрадь, какъ теперь отъ васъ мы требуемъ? Экая важность! Богословы и философы!»

Болѣе возражать было нечего, но помню, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы въ академіи студенты отлучались въ городъ съ такими же формальностями, которыя вводились въ Рязанской семинаріи.

Далѣе приказано читать утреннія и вечернія молитвы непремѣнно каждый день въ каждой комнатѣ отдѣльно, подъ личнымъ надзоромъ и отвѣтственностью старшаго. Усерднѣйшіе старшіе мучили насъ, заставляя выслушивать всѣ безъ исключенія положенныя молитвы, читаемыя съ чувствомъ, толкомъ и разстановкою. Особенно надоѣдалъ въ этомъ отношеніи Иванъ Петровичъ Рудинскій, величайшій ханжа и пустосвятъ; къ счастію, другіе были поблагоразумнѣе его и заставляли прочитывать поскорѣе, да и не всѣ молитвы. Зато служба въ церкви подъ личнымъ надзоромъ Иліодора, порядочнаго тоже ханжи, пошла монастырскимъ порядкомъ.

Безъ его высокопреподобія не смѣли начинать ни обѣдни, ни всенощной, а его высокопреподобіе иногда приходило не ранѣе, какъ чрезъ полчаса, а то и болѣе,—и мы стояли, да ждали. Самая служба совершалась торжественно, т. е. читали рѣдко, пѣли растяжно, а нѣкоторыя стихиры, напр. «на Господи воззвахъ», помонастырски, т. е. сначала одинъ пѣвчій говоритъ нѣсколько словъ, а за нимъ уже хоромъ всѣ ихъ распѣвали и т. д. Отъ этого длина службы увеличилась ужасно; всенощная продолжалась по три, даже по четыре часа; бывало, едва стоишь на ногахъ, не молишься, а только ругаешь своего мучителя.

Кромѣ того, продолжительно заставляя молиться Богу, Иліодоръ постарался о томъ, чтобы и ему во время богослуженія воздавались поклоненія.

На каждую службу назначались ученики по очереди читать: а) богословы — шестопсалміе, б) философы — канонъ и разныя стихиры по тріоди, в) реторы — каѳизмы, г) высшеклассные-училищные — такъ называемые часы.

Всѣ эти лица вмѣстѣ съ уставщикомъ и регентомъ въ самомъ началѣ подходили къ Иліодору и получали отъ него, такъ сказать, предварительное благословеніе.

Потомъ каждый, по окончаніи своего урока, немедленно шелъ въ алтарь получить окончательное благословеніе, напр. богословъ по прочтеніи шестопсалмія, а регентъ и уставщикъ по окончаніи службы, уже большею частію въ комнаты ректора. Потомъ къ Евангелію или къ образу празднуемаго святаго во время всенощной заставляли подходить по два человѣка въ рядъ.

Каждая пара, ставши передъ налоемъ, дѣлала два поклона, затѣмъ, по очереди прикладывалась къ образу или Евангелію, вновь поклонялась и уступала мѣсто новой парѣ.

Въ холодной церкви алтарь былъ довольно обширенъ, и Иліодоръ въ немъ стоялъ во время богослуженія. Но въ теплой церкви оба алтаря были поменьше и потому показались неспособными вмѣщать его особу.

Онъ вмѣстѣ съ инспекторомъ становился въ церкви у задней стѣны между учениками, прямо противъ царскихъ вратъ, до которыхъ отъ него оставалось пространство, ничѣмъ не занятое.

Налой съ образомъ и Евангеліемъ ставился въ этомъ пространствѣ, и каждая пара учениковъ, исполнивъ передъ ними обычныя поклоненія и лобзанія, оборачивалась затѣмъ къ его высокопреподобію и отвѣшивала ему низкій поклонъ.

И между квартирными учениками введена была тоже особая администрація. Сдѣланы были старшіе изъ богослововъ и помощники изъ философовъ; каждому старшему съ его помощникомъ подчинялось нѣсколько ученическихъ квартиръ, которыя они должны были осматривать, если не ежедневно, то, по крайней мѣрѣ, черезъ день или два.

*

Надъ всѣми же квартирными старшими высился главный квартирный старшій, который имѣлъ надзоръ и надъ нами, и надъ всѣми учениками; это былъ нѣчто въ родѣ помощника инспектора по квартирамъ.

Квартирные ученики семинаріи лѣтомъ ходили въ семинарскую церковь, но зимою распредѣлялись по другимъ церквамъ, потому что теплая семинарская церковь была очень тѣсна.

Относительно учебной части немного было сдѣлано улучшеній или измѣненій новымъ семинарскимъ начальствомъ. Наставники стали ходить ранѣе прежняго въ классъ; въ этомъ случаѣ Иліодоръ имъ показывалъ примѣръ; но зато Гедеонъ почти всегда хаживалъ почти только на одинъ часъ.

Приходя въ классъ, Иліодоръ никогда не предлагалъ профессору читать лекцію, а обыкновенно занимался спросами и разспросами учениковъ; поэтому профессора не имѣли нужды употреблять бо́льшее усердіе на приготовленіе лекціи, нежели прежде. Притомъ они очень хорошо знали, что самъ отецъ ректоръ только и умѣлъ говорить: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, небесный нашъ Учитель и пр. и затѣмъ повторять переводъ лекціи съ латинскаго на русскій языкъ.

Не тревожа наставниковъ, Иліодоръ и Гедеонъ требовали отъ учениковъ бо́льшей исправности по классу, нежели какъ было до того времени.

Главнѣйшая мѣра, разумѣется, состояла въ томъ, чтобы ученики непремѣнно сидѣли въ классахъ. Тутъ на первомъ планѣ стояло приказаніе ранѣе приходить въ классъ и не выходить изъ него прежде звонка,—приказаніе класснымъ старшимъ, чтобы они непремѣнно записывали въ журналъ всѣхъ, кто не былъ въ классѣ, и наконецъ разныя взысканія съ тѣхъ, которые не приходили въ него по нерадѣнію.

Но были приняты нѣкоторыя и спеціальныя мѣры.

На казенномъ наконецъ придѣлали къ дверямъ всѣхъ жилыхъ ученическихъ комнатъ пробои съ цѣпочками и купили висячіе замки; должность комнатныхъ дневальныхъ уничтожена, и старшимъ приказано запирать комнаты на замокъ во время классовъ, богослуженія, обѣдовъ и ужиновъ.

Такимъ образомъ, у учениковъ отнята была возможность спокойно проводить классное время въ комнатахъ на своихъ кроватяхъ.

Съ другой стороны, Иліодоръ, хотя получилъ новѣйшее академическое образованіе, но придерживался по временамъ іеронимовской методы въ обращеніи съ учениками. Если ему случалось встрѣтить въ корридорѣ ученика реторики или философіи, поздно идущаго въ классъ, то послѣ нѣсколькихъ вопросовъ или рука его бралась за волосы виновнаго, или трость напоминала спинѣ его, чтобы онъ впередъ былъ исправнѣе. И потому бывало, входя въ корридоръ, прислушаешься и посмотришь осторожно, не ходитъ ли въ немъ Иліодоръ; если да, то поскорѣе постараешься гдѣ-либо припрятаться.

Касательно насъ, училищныхъ, сдѣлано было умное распоряженіе. До пріѣзда Иліодора у насъ также, какъ и въ Касимовскомъ училищѣ, одинъ день, такъ сказать, принадлежалъ учителю латинскаго, а другой учителю греческаго языка.

Каждый изъ нихъ, пришедши утромъ часу въ девятомъ, просиживалъ въ классѣ, не выходя изъ него, до 12 часовъ, и такимъ образомъ мы должны были сидѣть безъ перемѣны почти четыре часа.

Чтобы выйти даже для нужды, надобно было спроситься у учителя, а на это не всѣ осмѣливались.

Иліодоръ приказалъ, чтобы классы продолжались никакъ не болѣе двухъ часовъ, и приказалъ одному изъ учителей ходить въ 9 и 10 часовъ, а другому въ 11 и 12 часовъ.

Благочестивое и благопопечительное наше начальство, такъ заботливо старавшееся о спасеніи нашихъ душъ черезъ истощеніе грѣшной нашей плоти дурною пищею и чрезъ продолжительнѣйшія богослуженія, отъ которыхъ, по русской пословицѣ или поговоркѣ, подламывались наши ноги,—это или лучше сіе начальство не оставляло насъ въ невѣдѣніи о разныхъ гадостяхъ, о нѣкоторыхъ изъ коихъ Рязанская семинарія прежде даже и не слыхивала.

Взрослые семинаристы, а за ними и мы, разсуждая объ этомъ, говаривали: «благочестивое наше начальство, вѣроятно, и тутъ заботилось только о нашихъ нетлѣнныхъ благахъ, объ обильнѣйшемъ низведеніи на насъ благодати Господней».

Вѣдь не даромъ же апостолъ Павелъ говоритъ: «гдѣ преизбыточествуетъ грѣхъ, тамъ преизобилуетъ благодать».

Нравственное состояніе Рязанской семинаріи, какъ я уже выше сказалъ, не заслуживало похвалы при Іеронимѣ и Полотебновѣ.

Семинаристы очень порядочно пьянствовали, таскались по трактирамъ, полпивнымъ лавочкамъ и харчевнямъ, не всѣ усердно посѣщали классы и пр. Начальники не то чтобы потакали имъ, а, занятые своими дрязгами, не имѣли времени обратить должное вниманіе на шалости.

Но къ чести ихъ надобно сказать, что они для открытія истины не прибѣгали къ тайной полиціи, не держались системы шпіонства и старались узнавать все, такъ сказать, легальнымъ порядкомъ.

Новое начальство иначе разсуждало и дѣйствовало. Шпіонство было имъ введено не только въ семинарію, но и расширено, такъ сказать, въ многовѣтвистую систему.

Генералъ-шпіономъ сдѣлался ученикъ философіи, Иванъ Грифцовъ, сынъ данковскаго соборнаго протоіерея, который служилъ шпіономъ у тогдашняго рязанскаго архіепископа Сергія.

Нашъ генералъ-шпіонъ былъ очень красивый мужчина, съ пріятнымъ, нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, съ вѣжливыми, даже деликатными манерами, любилъ до своего генеральства попить.

Въ новой должности своей онъ былъ какъ нельзя исправнѣе; ежедневно находилъ случай побывать не одинъ даже разъ во всѣхъ учительскихъ комнатахъ, выглядѣть всякія неисправности, переговорить съ лицами, которыхъ подозрѣвали въ поклоненіи Бахусу, подслушать интимные разговоры и пр. и пр.

Кромѣ своихъ глазъ и ушей, онъ находилъ готовыми къ своимъ услугамъ глаза и уши другихъ людей; у него были свои шпіоны по всѣмъ классамъ и комнатамъ, которые старались сказывать ему о всѣхъ новостяхъ.

Самымъ усерднѣйшимъ между ними былъ товарищъ Грифцова, перворазрядный ученикъ Александръ Миротворскій, по прозвищу мѣдный лобъ.

Надобно же было судьбѣ подшутить, чтобы сынъ этого шпіона или, какъ звали наушника, мутьяна, мутьянишки, изъ Рязан-

ской семинаріи поступилъ въ Петербургскій университетъ и во время такъ называемыхъ студенческихъ безпокойствъ или возмущеній въ 1861 г. въ Петербургѣ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и умеръ. Но отецъ далеко не былъ такимъ прогрессистомъ, какъ сынъ, и за лучшее счелъ подличать въ роли шпіона.

У главнаго шпіона и у второстепенныхъ шпіоновъ были свои шпіоны, уже третьестепенные. Кромѣ Грифцова было еще нѣсколько не подчиненныхъ ему шпіоновъ, между которыми занималъ почетное мѣсто сдѣлавшійся послѣ мужемъ старшей моей сестры Натальи, Иванъ Филипповичъ Воскресенскій.

Каждому изъ ватаги шпіоновъ всѣхъ степеней надобно же было выказать свое усердіе, донося своему патрону о чьихъ-либо неисправностяхъ.

Впрочемъ, въ матеріалахъ недостатка не было. Я уже сказалъ, что Иліодоръ былъ дурной профессоръ; Гедеонъ сначала не могъ казаться лучше Кроткова.

Поэтому приверженцы прежнихъ профессоровъ, значительная часть лучшихъ философовъ и богослововъ, любили посмѣяться на счетъ новыхъ начальниковъ и профессоровъ, тѣмъ болѣе, что строгости послѣднихъ очень не нравились почти всѣмъ. Все это, разумѣется, доносилось ректору и инспектору, которые имѣли низость обращать вниманіе на ребяческіе толки и мстить за дурные отзывы о своихъ особахъ.

Далѣе, нельзя не сказать, что тогдашніе богословы и философы любили, конечно, иногда покутить, пошумѣть, отличиться даже бурсацкими выходками, но лучшіе изъ нихъ имѣли своего рода гоноръ, гордились названіемъ богослова и философа, держали себя высоко и старались не унижаться.

Естественно, что они терпѣть не могли и шпіоновъ, явно выражая свое къ нимъ презрѣніе, а эти, въ свою очередь, мстили доносами на нихъ по начальству. Такимъ образомъ, кромѣ нейтральнаго большинства, — этого стада овецъ, идущихъ туда, куда ихъ гонитъ пастухъ плетью, прочіе семинаристы раздѣлялись на двѣ непримиримыя враждующія партіи. На одной сторонѣ находились многіе изъ лучшихъ учениковъ богословіи и философіи, не захотѣв-

шихъ, или не съумѣвшихъ, или даже не приглашенныхъ только быть шпіонами. Вторая же партія состояла изъ шпіоновъ всѣхъ степеней. Тѣ скоро подпали немилости начальства; стали понижаться въ классныхъ спискахъ, а эти вмѣстѣ съ нейтральными занимать ихъ мѣста; черезъ это обоюдная ненависть еще болѣе усилилась.

Начальство, разумѣется, преслѣдовало своихъ непочитателей и было благосклонно и словомъ и дѣломъ къ своимъ любимцамъ. Богослововъ еще щадили; ихъ только смѣняли изъ старшихъ, понижали въ спискахъ, косо на нихъ посматривали, устраняли отъ поступленія въ духовную академію, не отличали въ спискахъ по поведенію.

Къ числу такихъ учениковъ особенно принадлежали Осипъ Молчановъ и Алексѣй Грековъ: люди, можетъ быть, черезъ чуръ гордые, но весьма даровитые и въ своемъ курсѣ лучшіе. Но съ философами-либералами поступали гораздо строже. Особенно нѣкоторые изъ нихъ сами къ тому подали поводъ, впрочемъ, очень неважнымъ проступкомъ. Между ними было два отличныхъ ученика: Стабниковъ, братъ нашего товарища Стабникова, и Боголюбовъ. Первый дѣйствительно былъ замѣчательный человѣкъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ. Они оба съ нѣсколькими еще товарищами послали отъ себя просьбы въ Медицинскую академію о принятіи ихъ въ нее. Не знаю, какими путями эти просьбы возвратились назадъ въ Рязань въ Правленіе семинаріи съ прибавкою, чтобы ученики ея подавали прошенія о поступленіи въ другія высшія учебныя заведенія не иначе, какъ чрезъ свое начальство. Изъ этого пустаго случая, изъ-за котораго Стабникову съ товарищами можно бы сдѣлать легкій выговоръ, Иліодоръ и Гедеонъ захотѣли составить драматическую сцену.

Въ одинъ день собираютъ въ залу семинаріи всѣхъ учениковъ ея, а изъ училища насъ, высшеклассныхъ. Скоро въ залу вошли всѣ начальники и наставники семинаріи, наши учителя и за ними до десятка служителей подъ командою коммиссара.

Послѣдніе остановившись у двери, а все начальство вошло въ середину учениковъ, и около него образовалось пустое пространство.

Ректоръ громогласно сюда же вытребовалъ Стабникова, Боголюбова и прочихъ преступниковъ.

Тогда секретарь Правленія началъ читать бумагу, въ которой значилось, что такой-то и такой-то подали безъ согласія начальства просьбы о поступленіи въ Медицинскую академію, что эти просьбы присланы въ Правленіе семинаріи, и оно положило объявить всѣмъ ученикамъ, чтобы никто изъ нихъ никуда не смѣлъ подавать просьбы безъ спроса у начальства, а теперешнихъ виновныхъ присудили посадить въ карцеръ на хлѣбъ и воду въ столовой на столько-то дней.

По прочтеніи приговора ректоръ громко закричалъ: «Эй, коммиссаръ! сюда съ служителями!»

Я помню, съ какимъ изумленіемъ и испугомъ выслушали эти слова богословы и философы. Стабниковъ, Боголюбовъ и пр. поблѣднѣли; нѣкоторые даже задрожали, всѣ такъ и думали, что сверхъ прочтеннаго приговора виновныхъ хотятъ высѣчь розгами.

Коммиссаръ и служители вышли на средину; ученики отъ нихъ отступили и еще болѣе оставили пустаго мѣста, полагая, что оно окажется нужнымъ при экзекуціи.

Тутъ ректоръ, насладившись произведеннымъ эффектомъ, сказалъ коммиссару: «взять этихъ негодяевъ и посадить въ карцеръ!..»

Служители ихъ окружили со всѣхъ сторонъ и повели изъ залы, какъ арестантовъ.

Намъ же послѣ Иліодоръ довольно долго толковалъ о послушаніи, о томъ, что нѣсть власть, аще не отъ Бога и пр.

Надобно сказать, что и въ этомъ видѣ и безъ розогъ сцена была потрясающая. Но Иліодору захотѣлось еще помучить Стабникова. Когда къ обѣду привели его изъ карцера въ столовую, то ему приказано было стать на колѣна передъ табуретомъ, на которомъ стояла кружка воды и ломоть хлѣба.

Стабникову не давали даже хорошенько коснуться и ихъ; Иліодоръ, пройдя по столовой, непремѣнно предъ нимъ останавливался и начиналъ распѣвать свои поученія о повиновеніи властямъ.

Надобно правду сказать, что Стабниковъ держалъ себя очень хорошо, слушалъ молча, спокойно, съ серьезнымъ видомъ, и только украдкою легонько, печально улыбался.

Всѣхъ преступниковъ, которые пользовались казеннымъ содержаніемъ, лишили его; потомъ чуть ли не всѣхъ въ концѣ учебнаго

года исключили изъ семинаріи; но Стабниковъ, Боголюбовъ, Преображенскій все-таки поступили въ Медицинскую академію.

Ненависть Иліодора къ этимъ преступникамъ распространилась и на ихъ родственниковъ. Особенно въ этомъ случаѣ много пострадалъ нашъ товарищъ Александръ Стабниковъ. До того времени Иліодоръ не находилъ въ немъ ничего дурнаго и даже былъ любезенъ къ нему, какъ къ отличному ученику.

Но послѣ описаннаго мною ужаснаго преступленія и въ нашемъ Стабниковѣ открылось множество дурныхъ качествъ. Это тѣмъ было легче сдѣлать, что онъ у насъ старѣйшинствовалъ въ классѣ.

Приходилъ въ нашъ классъ Иліодоръ, то находилъ, что полъ нечисто подметенъ, то видѣлъ, что стѣны испачканы, то говорилъ, что вотъ давеча и вчера у насъ шумѣли. Разумѣется, оказывался во всемъ виновнымъ старшій. Этотъ начиналъ себя оправдывать, тогда новая бѣда. «Ахъ ты спорщикъ, гордецъ! у тебя братній душокъ; я давно это замѣчаю; нѣтъ маленекъ еще, усмиримъ тебя» и пр.

Особенно, однажды Иліодоръ показалъ себя въ высшей степени придирчивымъ. Близъ двери нашего класса въ корридорѣ подъ лѣстницею, которая вела въ мезонинъ, находился чуланчикъ, куда съ незапамятныхъ временъ сваливался и дневальными классными, и сторожами семинарскими всякій соръ; его набралось тамъ нѣсколько возовъ, такъ что дверь не могла уже затворяться, и посѣтители семинаріи могли любоваться этимъ складочнымъ мѣстомъ всякой дряни.

Иліодоръ давно уже видѣлъ это, но послѣ исторіи съ бунтовщиками-учениками вся вина свалилась на нашего Стабникова. «Это все изъ вашего класса», говорилъ Иліодоръ ему; «зачѣмъ ты не смотришь за дневальными? Вотъ я съ тобою раздѣлаюсь» и пр.

Нелѣпѣе всего было то, что почтенный отецъ ректоръ постоянно въ классныхъ спискахъ понижалъ Стабникова, когда мы уже учились въ реторикѣ и философіи, несмотря на то, что онъ всегда между нами по справедливости считался самымъ лучшимъ ученикомъ.

. . . . . .

Д. И. Ростиславовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОПРОСЪ ПОЛЬСКІЙ.

1806—1809 гг.

I.

Вслѣдъ за заключеніемъ Тильзитскаго договора, снова возникъ вопросъ, который политика европейскихъ державъ давно уже считала оконченнымъ и разрѣшеннымъ,—вопросъ польскій. До этого времени онъ носился надъ дѣйствительною жизнью въ области мечтаній поляковъ высшихъ сословій и великодушныхъ друзей человѣчества, незнакомыхъ съ историческою жизнью народовъ. Благоразумные однакоже и опытные люди изъ поляковъ во время мира, при спокойномъ размышленіи, понимали невозможность возстановленія старой Рѣчи Посполитой собственными ея средствами. Но здраво относясь къ вопросу въ началѣ, они впадали въ ошибку при дальнѣйшихъ о немъ соображеніяхъ: они полагали, что народъ, утратившій возможность собственными силами возродиться снова къ государственной жизни, можетъ воскреснуть силою посторонней помощи. Происшествія, совершавшіяся въ Западной Европѣ съ послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія и продолжавшіяся въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка, французская революція и время Наполеона I-го, прямымъ путемъ и неизбѣжно вводили ихъ въ ошибку и затѣмъ въ обманъ. Взглядъ на постоянныя перемѣны, происходившія въ Европѣ, на то, какъ легко падали и разрушались старыя государства и изъ ихъ развалинъ возникали новыя, естественно возбуждалъ надежду въ полякахъ на возможность возстановленія разрушеннаго зданія польскаго государства и привлекалъ ихъ сочувствіе къ той силѣ, которая пересоздавала Европу—къ Франціи, созданной революціею, и къ великому ея предводителю. Весьма немногіе изъ нихъ обращали взглядъ въ иную сторону, не на Россію, конечно, но на русскаго императора. Къ числу послѣднихъ принадлежали немногія лица или близкія къ императору и знавшія задушевныя его думы, или нѣкоторые польскіе паны тѣхъ областей, находившихся уже подъ властью Россіи, которыя входили въ составъ старой Литвы, сохранявшей еще остатки воспоминаній о самостоятельности этого княжества, союзнаго

съ Польскимъ королевствомъ, но не слившагося съ нимъ въ одно народное и государственное цѣлое.

Императоръ Александръ еще съ ранней молодости, будучи великимъ княземъ, при жизни Екатерины, выражалъ сочувствіе къ полякамъ. Раздѣлъ Польши онъ считалъ не только несправедливымъ дѣломъ, но и важною политическою ошибкою. Поставленный въ необходимость скрывать свои взгляды какъ при дворѣ своей бабки, такъ и своего родителя, онъ обрадовался, съ свойственной юности жаромъ, что нашелъ человѣка, которому могъ выражать ихъ съ полною откровенностью. Это былъ также молодой человѣкъ (старѣе его только семью годами)—кн. Адамъ Чарторижскій[1]). Императрица Екатерина постоянно привлекала къ своему двору молодыхъ поляковъ изъ наиболѣе вліятельныхъ семействъ, съ одной стороны какъ заложниковъ для безопасности, а съ другой, чтобы дать имъ возможность познакомиться съ Россіею, сблизиться съ русскими и по опыту оцѣнить ту милость и расположеніе, которыя она имъ оказывала. Въ числѣ ихъ были два сына князя Чарторижскаго, представители одного изъ самымъ вліятельныхъ и богатыхъ семействъ польской знати. Одного изъ нихъ, князя Адама, она назначила къ великому князю Александру, другаго къ его брату Константину.

Князь Адамъ былъ вѣроятно первымъ человѣкомъ, которому съ заносчивостію молодости, съ откровенностью души, одаренный отъ природы возвышенными качествами, будущій русскій императоръ впервые искренно высказывалъ свои убѣжденія. Эту искренность подтверждаетъ не только личная дружба, которую питалъ онъ къ нему почти во всю свою жизнь; но и то, что, войдя на престолъ, онъ поручилъ князю Чарторижскому управленіе своимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, безъ сомнѣнія съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать осуществленію одушевлявшей ихъ мысли. Но могъ ли императоръ Александръ, хотя и желалъ, возстановить Польшу въ прежнихъ ея предѣлахъ? Политика русскаго кабинета до Тильзитскаго мира была враждебна Франціи. Едва онъ вступилъ на престолъ, какъ заключилъ миръ съ Англіею и этимъ дѣйствіемъ опредѣлилъ свои отношенія къ Наполеону. Поддерживая потомъ дружескія отношенія съ Австріею и Пруссіею, сражаясь за нихъ съ французами, могъ ли онъ думать отторгнуть отъ нихъ же тѣ области бывшаго Польскаго королевства, которыми они владѣли, особенно въ то время, когда всѣ сочувствія поляковъ стремились къ Франціи, къ Наполеону. Подобное намѣреніе встрѣтило бы необоримое препятствіе со стороны его союзниковъ, оно ослабило бы ихъ значительно и усилило

---

[1]) Князь Адамъ Чарторижскій р. 3-го января 1770 г., † 1861 г.—Императоръ Александръ р. 12-го декабря 1777 года. Ред.

бы Наполеона, противъ котораго они совокупно дѣйствовали. Не меньшее, если не большее препятствіе встрѣтило бы это намѣреніе и со стороны Россіи, хотя въ то время взглядъ на причины, побудившія къ раздѣлу Польши, и на значеніе тѣхъ ея областей, которыя достались на долю Россіи, не выяснился еще достаточно. Прошлая исторія Россіи была забыта, а если и вспоминалась иногда, то не возбуждая сочувствія. Знали, конечно, что эти области были нѣкогда достояніемъ Россіи, но, утративъ живую связь съ прошедшимъ, не выводили необходимаго практическаго послѣдствія изъ этого обстоятельства; что Россія находилась поэтому совершенно въ иныхъ къ нимъ отношеніяхъ, нежели Пруссія и Австрія къ своимъ новымъ пріобрѣтеніямъ отъ Польши. Россія возвратила свое, а они взяли чужое, съ ея стороны это не было только дѣломъ грубаго насилія, какъ смотрѣли на него въ то время передовые люди [1]). Но положительно не знали другаго, еще болѣе важнаго обстоятельства, что народонаселеніе этихъ областей было русское и православное, насильственно привлеченное къ уніи, которую готово было оставить при первомъ благопріятномъ случаѣ; что оно ненавидѣло поляковъ, какъ угнетателей, и всѣми помыслами души постоянно стремилось къ Россіи. Въ глазахъ русскаго просвѣщеннаго общества, эти губерніи были польскими и такъ назывались постоянно въ то время, потому что взглядъ обращался только на высшее сословіе, которое дѣйствительно было польское или ополячившееся окончательно. Но какъ бы ни желали высшіе слои общества и даже отдѣльныя лица отрѣшиться отъ своей исторіи, отъ своего происхожденія, забытое прошлое хотя и безсознательно для нихъ, но могущественно напомнитъ о своемъ существованіи: никогда законный сынъ своихъ отцевъ не сдѣлается подкидышемъ, если бы даже такая нелѣпая мысль и могла придти въ какую-либо пустую голову. Такъ оказалось и въ этомъ случаѣ: все русское образованное общество, всѣ правительственныя лица, за немногими исключеніями, были противъ этого намѣренія; но, конечно, свое мнѣніе они подкрѣпляли иными доказательствами.

---

[1]) Припомнимъ здѣсь, что послѣ втораго раздѣла Польши императрица Екатерина II приказала вычеканить медаль, на которой красовалась надпись: „Отторженная возвратихъ“. Медаль эта имѣла глубокій смыслъ и служила выраженіемъ ясно сознанной исторической правды. Подобная медаль, конечно, не могла бы появиться въ царствованіе императора Александра и можетъ служить мѣриломъ той пропасти, которая отдѣляла воззрѣнія представителей двухъ различныхъ эпохъ русской исторіи. Это видно, между прочимъ, и изъ словъ, съ которыми императоръ Александръ обратился въ 1819 году къ князю П. А. Вяземскому: „Мѣры“,—сказалъ ему государь,—„принятыя императрицею Екатериною при завоеваніи польскихъ областей, были бы теперь не согласны съ духомъ времени“. Ред.

Наконецъ, необоримое препятствіе для осуществленія этого намѣренія представляла политика повелителя Франціи. Могъ ли Наполеонъ при общемъ расположеніи къ нему поляковъ, возлагавшихъ на него всю свою надежду, выпустить изъ своихъ рукъ важное орудіе, которымъ единовременно онъ могъ угрожать еще сохранившей всѣ свои силы Россіи и не окончательно обезсиленнымъ имъ Австріи и Пруссіи? Если императоръ Александръ великодушно мечталъ о возстановленіи Польскаго королевства, то, конечно, не съ тою цѣлію, чтобы увеличивать число враговъ своей имперіи и усиливать ихъ, обезсиливая свое государство. Онъ мечталъ о возстановленіи не враждебной Россіи Польши, но союзной, нераздѣльно соединенной съ нею подъ одною державною властью, его самого и его преемниковъ. Такая Польша, еслибъ оказалось возможнымъ, послужила бы оградою для Россіи противъ замысловъ Наполеона и вообще противъ запада Европы. Въ этомъ смыслѣ онъ и выражалъ князю Чарторижскому свои мысли, который можетъ быть и искренно вѣрилъ въ возможность подобнаго явленія и поддерживалъ такое заблужденіе силою дружбы, которую питалъ къ нему императоръ, и силою своего вліянія, какъ его министръ иностранныхъ дѣлъ.

Эта мысль составляла предметъ его постоянныхъ думъ и заботъ. Онъ вѣрно служилъ русскому государю и даже Россіи; онъ желалъ поддержать ея силу и значеніе въ Европѣ; но, конечно, съ тою цѣлію, чтобы сохранить въ ея лицѣ могущественное орудіе для возстановленія старой Польши. Едва-ли можно сомнѣваться, что эта мысль была постояннымъ предметомъ его бесѣдъ съ императоромъ, и въ качествѣ его друга, и въ качествѣ его министра, когда онъ считалъ нужнымъ представлять ему подробныя записки по этому вопросу.

«Пока продолжается война,—писалъ онъ 5-го декабря 1806 г.,—которая должна рѣшить участь Европы и Россіи, или окончательно поработить первую, или оставить еще ей надежду на существованіе, Польша, при настоящихъ обстоятельствахъ, главнѣйшимъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе двухъ имперій, но совершенно съ различныхъ точекъ зрѣнія. Французы увѣрены въ сочувствіи къ нимъ Польши, она составляетъ для нихъ цѣль, которая возбуждаетъ ихъ мужество, поддерживаетъ упорное стремленіе къ ея достиженію. Въ Польшѣ Бонапартъ найдетъ точку опоры, чтобы побѣдить Россію и проникнуть до старинныхъ ея границъ. Удаляясь болѣе и болѣе отъ средоточія своихъ дѣйствій, онъ долженъ бы ослаблять себя; но Польша доставитъ его прозорливому генію, его неутомимой дѣятельности такія же средства, какъ и Франція: народонаселеніе, которое легко возмутить и которое привычно къ оружію, храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ, деньги, продовольствіе, любовь къ своей родинѣ, ея чести и свободѣ.

Эти чувства способны довести до величайшаго возбужденія, которое, проистекая изъ чистаго источника, не можетъ быть побѣждено какъ только такою же нравственною силою Для Россіи, напротивъ, поляки составляютъ предметъ безпокойства и постоянныхъ подозрѣній, это — оружіе, которымъ Бонапартъ издали, но постоянно угрожалъ державамъ, раздѣлившимъ между собою владѣнія Польши. Теперь, когда наступило время употребить въ дѣло это оружіе, онъ съ безпокойствомъ относится къ своимъ подданнымъ - полякамъ. Напрасно Польша представляетъ всѣ способы для успѣшной войны въ защиту русскаго престола, русское правительство опасается ими воспользоваться; чтобы не возбудить неудовольствіе въ народонаселеніи, оно боится употребить въ дѣло своихъ подданныхъ, чтобы они не обратились противъ него, и эта страна обречена ожидать вторженія въ нее французовъ, чтобы Бонапартъ воспользовался ея средствами.

«При настоящемъ положеніи дѣлъ, Польша настолько уменьшаетъ могущество Россіи, ея физическія и нравственныя силы, насколько увеличиваетъ могущество и силы Франціи. Если благоразумная политика предписываетъ увеличивать свои собственныя средства и уменьшать средства врага, то, безъ сомнѣнія, необходимо измѣнить такое положеніе дѣлъ и установить совершенно противоположныя отношенія Польши какъ къ Франціи, такъ и къ Россіи. Для того, чтобы этого достигнуть, представляется только одно средство: торжественно объявить возстановленіе Польши и себя ея королемъ, навѣчно со всѣми своими преемниками. Послѣдствія этого поступка, столько же великодушнаго, сколько и мудраго, политически были бы неисчислимы. Онъ возбудитъ всеобщій восторгъ въ сердцахъ всѣхъ поляковъ, которые только того и желаютъ,—благодарность и любовь за исполненіе ихъ желаній соединитъ вокругъ престола всѣ ихъ чувства и всѣ ихъ силы. Вмѣсто того, чтобы предоставлять наши области дѣйствію происковъ и соблазна Наполеона, мы увидимъ прусскія, возставшія за насъ спасительной преградой для врага, лишь только будетъ провозглашено возстановленіе Польши. Вмѣсто того, чтобы подозрительно наблюдать за нашими областями и не пользоваться ихъ средствами, оказалось бы, что сами онѣ, съ ревностью вновь призваннаго къ жизни народа, возстали бы въ защиту своего прочнаго и законнаго существованія, противъ самозванца (usurpateur), который льститъ имъ временными и опасными обѣщаніями. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы соприкасаться непосредственно къ огромной Французской имперіи границами безконечныхъ протяженій, Россія, соединивъ съ собою Польшу, устроила бы передовую цѣпь, за которою она оставалась бы спокойною со всѣми своими силами, — цѣпь, способную противостоять всякому нападенію извнѣ, а въ то же время

эта цѣпь могла бы послужить началомъ для Россіи тѣхъ связей, которыя впослѣдствіи соединяли бы вокругъ нея всѣ отрасли старой Славянской семьи. Тогда какъ, всякое подозрѣніе со стороны Россіи, что въ случаѣ войны она не можетъ надѣяться на преданность части своихъ подданныхъ, такъ и всякій разсчетъ на это обстоятельство со стороны непріятеля, устранились бы окончательно. Какое важное пріобрѣтеніе для внутренняго блага, спокойствія и силы имперіи!»

Предлагая такую важную мѣру императору Александру, его министръ иностранныхъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, счелъ нужнымъ обратить вниманіе на возраженія, которыя она могла встрѣтить. Въ этомъ отношеніи, война, начавшаяся уже блистательными побѣдами Наполеона при Іенѣ и Ауерштедтѣ, въ которой Россія рѣшилась принять участіе, прежде всего должна была обратить его вниманіе. Къ чему принимать эту мѣру, когда все зависитъ отъ военныхъ дѣйствій?—могли ему замѣтить прежде всего, не входя въ объясненіе о существѣ самой мѣры. Если мы побѣдимъ Наполеона, то, конечно, наши польскія губерніи останутся за нами; если будемъ побѣждены, то онъ можетъ отнять ихъ и въ томъ случаѣ, когда русскій императоръ провозгласитъ возстановленіе Польскаго королевства. Все зависитъ отъ послѣдствій военныхъ дѣйствій. Если Бонапартъ останется побѣдителемъ,—отвѣчаетъ на это возраженіе князь Чарторижскій,—и самъ провозгласитъ возстановленіе Польши, то онъ смѣло можетъ идти впередъ. У него въ тылу и во флангахъ создадутся новыя войска. Но, въ противномъ случаѣ, когда Россія провозгласитъ возстановленіе Польши, онъ не можетъ подвигаться впередъ, не подвергая себя нападеніямъ народнаго возстанія, которое окружило бы его со всѣхъ сторонъ. Въ первомъ случаѣ, онъ безъ особенныхъ препятствій могъ бы достигнуть Днѣпра, во второмъ, онъ съ бо́льшимъ гораздо трудомъ могъ бы подвигаться впередъ. Мы же съ своей стороны, усиливаясь постоянно новыми войсками, не были бы принуждены отступать до старыхъ нашихъ границъ. Средства возстановленной Россіею Польши будутъ ей полезны равномѣрно и въ томъ случаѣ, если бы война была нерѣшительна и затянулась бы надолго, какъ и въ томъ случаѣ, если бы русскіе остались побѣдителями. «Нельзя сказать напередъ, гдѣ бы побѣда увѣнчала наше оружіе? Не предписано ли нашимъ войскамъ и весьма благоразумно отступать, оставлять области во власть непріятеля и не вступать въ сраженіе безъ увѣренности одержать верхъ надъ нимъ? Если мы позволимъ Бонапарту воспользоваться средствами возстановленной имъ Польши, то, преслѣдуя его, мы встрѣтимъ тѣ же затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ бы при своемъ отступленіи. Мы должны были, удаляясь отъ своего средоточія, постоянно усиливать свои средства, чтобы успѣшно дѣйствовать противъ грозной линіи по Одеру. Кто же можетъ усилить

насъ? Конечно, не Пруссія, которая уже не существуетъ и которой ненадежная и необдуманная политика уже причинила намъ столько бѣдствій. Мы можемъ усилить себя только тѣми средствами, которыя охотно предоставятъ намъ возбужденіе духа и преданность поляковъ».

Считая изложенныя соображенія совершенно достаточными, чтобы доказать необходимость предлагаемой мѣры, князь Чарторижскій предполагалъ, что встрѣтитъ и другія возраженія со стороны лицъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ. «Можетъ быть, скажутъ — писалъ онъ — что это повлечетъ отдѣленіе отъ имперіи нѣсколькихъ губерній; но это отдѣленіе будетъ только кажущееся. Корона польская будетъ безусловно соединена съ русскимъ престоломъ. Имперія вмѣсто того, чтобы потерять, пріобрѣтетъ еще всѣ другія части Польши. Необоримая сила обстоятельствъ вынудила Россію сдѣлать важную политическую ошибку, допустивъ раздѣлъ Польши, тогда какъ она должна была вся принадлежать ей Почему же не исправить этой ошибки теперь?

«Но, скажутъ, для того, чтобы съ успѣхомъ привести въ исполненіе эту мѣру, возбудить восторгъ въ полякахъ, необходимо будетъ дать имъ правительство, соотвѣтствующее ихъ желаніямъ и прежнимъ ихъ законамъ. Безъ сомнѣнія; въ противномъ случаѣ, это была бы полумѣра, она вовсе не доставила бы тѣхъ выгодъ, которыхъ слѣдуетъ ожидать. Необходимо, чтобы благодѣянія императора превосходили обѣщанія и соблазны Бонапарта. Но эти самыя благодѣянія установятъ болѣе тѣсныя и неразрывныя связи между имперіею и польскимъ народомъ.

«Не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ болѣе народъ управляется согласно съ его желаніями, его характеромъ и привычками, тѣмъ болѣе онъ бываетъ преданъ своимъ государямъ. Почему же отдѣльная конституція менѣе обезпечиваетъ постоянное и вѣрное подданство? Венгрія, несмотря на свои права и преимущества, въ продолженіи вѣковъ служитъ образцомъ вѣрности, твердою опорою Австріи. Венгерцы спасли Марію Терезію. Король французскій былъ всемогущъ въ провинціяхъ, сохранившихъ свои областные чины и свои привилегіи въ Бретани, Пуату, Анжу, и которыя до конца были защитою трона, религіи и дворянства. Польскій король могъ все дѣлать въ своемъ государствѣ, несмотря на управленіе, чрезвычайно дурно устроенное. Русскій дворъ въ продолженіе долгаго времени пользовался преобладающимъ вліяніемъ въ Польшѣ и сохранилъ бы его навсегда, еслибъ дѣйствовалъ болѣе кроткими и благосклонными мѣрами. Неужели возможно сомнѣваться, что императоръ, сдѣлавшись отцомъ этого народа, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ способы правительства, всѣ источники власти, не пользовался бы своими правами во всей ихъ полнотѣ? Впрочемъ, въ чемъ же заключается вопросъ; въ томъ, чтобы устроить прочное и сильное прави-

тельство, чего желаетъ всякій хорошій полякъ, и соединить его съ формами, подходящими къ древнимъ народнымъ установленіямъ».

Но вопросъ о возстановленіи Польши, кромѣ его значенія въ качествѣ вопроса внутренней политики Россіи, имѣлъ не менѣе важное значеніе, какъ вопросъ внѣшней политики въ отношеніи къ Пруссіи и Австріи. Князь Чарторижскій не упустилъ изъ вниманія и этой его стороны.

«Могутъ замѣтить, – писалъ онъ, – что король прусскій нашъ союзникъ, онъ побѣжденъ, онъ потерялъ свои владѣнія; но онъ однакоже не отказался еще отъ нихъ, и, присоединяя его польскія области къ Россіи, не будемъ ли мы содѣйствовать его ограбленію?

«Это сомнѣніе исчезнетъ само собою, если станемъ на правильную точку зрѣнія, съ которой и должно смотрѣть на эту мѣру. Бонапартъ теперь властелинъ прусской монархіи, онъ самовластно распоряжается въ ней на правахъ побѣдителя, онъ приближается къ пограничнымъ съ нами областямъ, возбуждаетъ въ нихъ революцію, которая угрожаетъ и нашимъ областямъ. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы присвоить достояніе своего союзника; но предупредить врага, дѣятельнаго, неумолимаго, хищнаго и вырвать у него изъ рукъ добычу, которая можетъ поставить Россію въ крайне затруднительное положеніе, отнять у него эти области—и подчинить его кознямъ свои собственныя. Я позволю себѣ сказать, что это единственный способъ, которымъ мы можемъ спасти нашего союзника, что необходимость вынуждаетъ насъ присоединить къ своимъ владѣніямъ эти области, потому что иначе мы сами не будемъ въ состояніи выдержать борьбу и пріобрѣсть вознагражденія за это бранденбургскому дому, заключивъ почетный миръ съ непріятелемъ.

«Наконецъ, могутъ сказать: не слѣдуетъ ли опасаться, что эта мѣра устранитъ Австрію, угрожая ей потерею обѣихъ Галицій, и не вызоветъ ли ее на войну съ нами?

«Безъ сомнѣнія, невозможно провозгласить возстановленіе Польши, не войдя предварительно въ откровенные и искренніе переговоры съ вѣнскимъ дворомъ. Но эти переговоры не представятъ затрудненій; побудительныя причины къ осуществленію этой мѣры слишкомъ справедливы, австрійскій кабинетъ пойметъ свою собственную опасность, и переговоры съ нимъ легко приведутъ къ соглашенію. Если Наполеонъ заключилъ съ нею договоръ объ уступкѣ ему обѣихъ Галицій въ промѣнъ за другія области, то ей нѣтъ уже никакого до нихъ дѣла, и Россія можетъ присоединить ихъ, отнявъ у Бонапарта. Если же такой договоръ еще не заключенъ, то необходимо дать знать вѣнскому кабинету о томъ, что мы рѣшились присоединить польскія области Пруссіи, и это необходимо въ видахъ собственной безопасности Австріи. Впрочемъ, можно обѣщать ей, что ея польскія области останутся неприкосновенными

до послѣдующаго дружескаго соглашенія съ нею о ихъ присоединеніи, потому что естественно, что должны быть соединены всѣ прежнія польскія владѣнія».

Князь Чарторижскій постоянно желалъ направить такъ политику нашего двора въ отношеніи къ Западной Европѣ, чтобы въ основу ея дѣйствій положить возстановленіе Польскаго королевства. Въ этомъ смыслѣ онъ постоянно говорилъ и писалъ императору Александру; но только въ этой запискѣ онъ во всей полнотѣ изложилъ свой взглядъ. Поэтому необходимо было подробно изложить ея содержаніе, какъ важнаго историческаго документа. Онъ желалъ возстановленія Польскаго королевства, но неразрывно связаннаго съ имперіею въ лицѣ императора и его преемниковъ въ качествѣ королей польскихъ. Опираясь на возстановленную Польшу, которая служила бы оградой имперіи отъ покушеній на нее со стороны Наполеона, онъ полагалъ, что обѣщаніями богатыхъ вознагражденій за потерянныя польскія области возможно привлечь на нашу сторону Австрію и Пруссію и въ союзѣ съ ними дѣйствовать противъ Франціи.

Нѣтъ поводовъ подозрѣвать искренность взгляда князя Чарторижскаго въ этомъ случаѣ. Онъ понималъ, что возстановить Польшу могутъ только или императоръ Александръ или Наполеонъ. Перваго онъ любилъ, сочувствовалъ его либеральнымъ взглядамъ и зналъ искренность его мнѣній въ этомъ отношеніи. Втораго онъ считалъ счастливымъ представителемъ грубой силы, который только можетъ разрушать, а не возстановлять, порабощать, а не освобождать, что онъ не имѣетъ въ виду возстановленія прежней Польши, но пользуется этою мыслью, какъ средствомъ увлечь за собою поляковъ, заставить ихъ жертвовать для его цѣлей жизнью и имуществомъ и угрожать другимъ державамъ и особенно Россіи. Если бы сила обстоятельствъ и привела его къ возстановленію Польши, то—для бо́льшаго ея порабощенія подъ его деспотическую власть.

При такомъ взглядѣ на дѣло, естественно онъ всѣ надежды возлагалъ на императора Александра и, пользуясь его дружбою и значеніемъ, какъ его министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ старался уговорить его приступить къ осуществленію этой мѣры. Самымъ благопріятнымъ для этого временемъ онъ считалъ 1805 г., когда Пруссія не только не хотѣла помогать Австріи и дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею противъ Наполеона, но на одно требованіе русскаго императора провесть часть войскъ чрезъ ея владѣнія въ Австрію отвѣчала, что такой поступокъ со стороны Россіи вынудитъ и 200 тысячъ своихъ войскъ отдать въ распоряженіе Наполеона; когда вслѣдъ затѣмъ французы нарушили неприкосновенность прусскихъ владѣній, то и тогда берлинскій кабинетъ рѣшился присоединиться къ союзу противъ нихъ, на слѣдующихъ лишь условіяхъ: чтобы Россія

уговорила Англію уступить ей Ганноверъ и приняла посредничество Пруссіи между Наполеономъ и союзниками, обѣщаясь дѣйствовать совокупно съ ними по полученіи отъ него отвѣта и во всякомъ случаѣ не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ. Между тѣмъ, не успѣлъ еще пройти этотъ срокъ, какъ Аустерлицкое сраженіе окончило эту войну. Такъ же благопріятнымъ временемъ для осуществленія своей мысли онъ считалъ годъ спустя, когда подавалъ императору Александру приведенную выше записку, когда онъ двигалъ уже свои войска на помощь Пруссіи, приглашая и Австрію оказать содѣйствіе противъ общаго врага, но Австрія поступила точно такъ же въ отношеніи къ Пруссіи, какъ и эта держава годъ тому назадъ въ отношеніи къ Австріи. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, прежде нежели русскія войска сосредоточились въ полномъ составѣ и приступили къ военнымъ дѣйствіямъ, войска австрійскія въ 1805 г. и войска прусскія въ 1806 г. были разбиты Наполеономъ, овладѣвшимъ вслѣдъ затѣмъ столицами этихъ государствъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, всю тягость войны съ противникомъ, превосходящимъ ее силами, должна была принять на себя Россія, которая намѣревалась только помогать своимъ союзникамъ. При такомъ соперничествѣ обѣихъ великихъ германскихъ державъ между собою, изъ которыхъ каждая преслѣдовала своекорыстныя цѣли и для ихъ достиженія готова была покориться волѣ Наполеона, возможно ли было предполагать, что онѣ спокойно отнесутся къ возстановленію Польши подъ владычествомъ русскаго императора. Между тѣмъ такъ предполагалъ князь Чарторижскій и тѣмъ доказалъ только, что умный и знакомый съ положеніемъ европейскихъ дѣлъ министръ можетъ быть лишенъ всякаго практическаго смысла, подъ упорнымъ и постояннымъ вліяніемъ предвзятой мысли, и что полякъ можетъ совершенно не понимать общаго настроенія своихъ соотечественниковъ.

Императоръ Александръ хотя и раздѣлялъ взгляды своего министра на необходимость возстановленія Польши, но понималъ всю невозможность привести эту мысль въ исполненіе при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Онъ убѣдился въ этомъ окончательно, послѣ сношеній съ Пруссіею передъ войною 1805 г. и когда, годъ спустя, передъ войною въ Пруссіи, князь Чарторижскій представилъ ему свою записку, онъ отвѣчалъ ему: «я получилъ бумагу, которую вы сочли нужнымъ мнѣ сообщить. Вы желаете поговорить о ней, я готовъ доставить вамъ случай; но не могу вамъ не выразить моей увѣренности, что эти разговоры ни къ чему не поведутъ, потому, что основанія нашихъ взглядовъ діаметрально противоположны между собой». При такомъ взглядѣ на дѣло, естественно, политика императора Александра должна была заключаться только въ томъ, чтобы всѣми мѣрами устранить возможность возстановленія Польши императоромъ Наполеономъ, потому что

такая Польша была вѣрною его союзницею; а въ виды русскаго императора не могло входить желаніе усиливать своего врага.

Война за Пруссію окончилась такъ же несчастливо для Россіи, какъ и предшествовавшая война за Австрію. Но въ отношеніи къ вопросу о Польшѣ, она имѣла гораздо большее значеніе. Лишь только войска Наполеона приблизились къ границамъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, какъ въ нихъ обнаружилось движеніе въ пользу Франціи и противъ пруссаковъ. По мѣрѣ ихъ приближенія къ Познани и Варшавѣ, поляки прогоняли прусскихъ чиновниковъ, устраивали временное народное правительство, собирали и вооружали ополченія. Народонаселеніе этихъ городовъ приняло съ восторгомъ французовъ. Познань прислала къ нему депутацію въ Берлинъ привѣтствовать его, какъ освободителя Польши, и просить его помощи и покровительства. При въѣздѣ его въ Познань, онъ проѣхалъ подъ нарочно на этотъ случай сооруженными, тріумфальными воротами, съ надписью: «освободителю Польши».

Въ ожиданіи встрѣтиться снова на полѣ сраженія съ русскими войсками,—чего онъ менѣе всего желалъ,—Наполеонъ разсчитывалъ на это возстаніе поляковъ; поэтому выписалъ Домбровскаго, какъ сподвижника Костюшки и всѣхъ поляковъ, служившихъ въ его войскахъ, предписалъ своему министру полиціи Фуше прислать ему самого Костюшко, который находился въ это время въ Парижѣ, и, не дождавшись даже отвѣта, велѣлъ отъ его имени напечатать подложное воззваніе къ полякамъ, приглашавшее ихъ къ возстанію, и поручилъ своему посланнику въ Австріи затянуть вѣнскій кабинетъ въ мнимые переговоры о Галиціи, успокоивая, впрочемъ, его опасенія. Его бюллетени описывали восторгъ поляковъ при встрѣчѣ французскихъ войскъ такъ «какъ-будто бы они встрѣчали войско Собѣсскаго послѣ побѣды»; «Монитеръ» и другіе журналы не находили словъ для порицанія преступнаго дѣйствія трехъ европейскихъ державъ, совершившихъ раздѣлъ Польши, столь необходимой для благоденствія Европы, о которомъ такъ заботился императоръ Наполеонъ. Привѣтствуя ласково польскія депутаціи, онъ говорилъ имъ, что Франція никогда не утверждала своимъ согласіемъ раздѣла Польши, что для ея возрожденія нужна кровь, кровь и еще кровь, совѣтовалъ имъ приготовить 30 или 40 тысячъ войска, и тогда онъ провозгласитъ ихъ независимость въ Варшавѣ. Между тѣмъ, въ то же время, въ 36-мъ бюллетенѣ изъ арміи, описывая восторгъ поляковъ при вступленіи французскихъ войскъ, говорилъ: «будетъ ли возстановленъ польскій престолъ? Этотъ великій народъ возникнетъ ли къ новой жизни и независимости? Воскреснетъ ли изъ гроба?—Только Богъ, въ рукахъ котораго судьба вселенной, можетъ рѣшить эту задачу!» Находясь въ Познани, окруженный восторженными поляками, поощряя на вооруже-

ніе, онъ получилъ письмо Да в у къ Бертье изъ Варшавы отъ 19-го ноября (1-го декабря), въ которомъ онъ восхвалялъ настроеніе духа въ Варшавѣ; но въ то же время писалъ, что «лица вліятельныя (les grands) стараются успокоивать своимъ вліяніемъ восторгъ среднихъ классовъ. Ихъ пугаетъ неизвѣстность будущаго, и они прямо говорятъ, что не могутъ выставить себя открыто на сторонѣ французовъ, пока не будетъ провозглашена независимость Польши и дано тайное обѣщаніе гарантировать ея существованіе». Вслѣдъ затѣмъ, онъ получилъ писанное на другой день (2-го декабря) письмо отъ Мюрата, который повторялъ ему то же самое, и извѣстіе отъ Фуше, что Костюшко не соглашается нарушить даннаго имъ императору Павлу слова не сражаться противъ Россіи, и что онъ объявилъ подложнымъ напечатанное отъ его имени воззваніе къ полякамъ.

Эти свѣдѣнія взбѣсили Наполеона и въ минуты гнѣва заставили его выразить дѣйствительный взглядъ на вопросъ о возстановленіи Польши.

«Костюшко сумасшедшій (un sot), онъ вовсе не пользуется такимъ значеніемъ между поляками, какъ предполагаетъ»,—писалъ онъ къ Фуше. «Поляки, которые выражаютъ такую осторожность»,—отвѣчалъ онъ Мюрату,—«и требуютъ обезпеченій для того, чтобы стать на нашу сторону, эгоисты, которыхъ не воодушевляетъ любовь къ отечеству. Я знаю людей. Мое величіе основано не на помощи нѣсколькихъ тысячъ поляковъ. Они должны были съ восторгомъ воспользоваться настоящими обстоятельствами, а не мнѣ дѣлать первый шагъ. Пусть они выкажутъ твердую рѣшимость сдѣлаться независимыми, пусть обяжутся поддерживать короля, котораго я имъ дамъ, и тогда я увижу, что надо будетъ дѣлать (Et alors je verrai à qui j'aurai à faire). Дайте имъ хорошо почувствовать, что не пришелъ вымаливать престолъ для кого-либо изъ своихъ; у меня нѣтъ недостатка въ престолахъ для моихъ родственниковъ».

Очевидно, императоръ Наполеонъ вовсе не желалъ въ это время возстановлять Польши, но хотѣлъ воспользоваться ея средствами для своихъ личныхъ цѣлей, внушая полякамъ однѣ лишь неопредѣленныя надежды въ будущемъ. Эти надежды онъ считалъ нужнымъ поддерживать въ нихъ для того, чтобы пользоваться ими впослѣдствіи и не заставить ихъ по необходимости принять сторону Россіи. Такое отношеніе императора Наполеона къ Польшѣ выразилось ясно и въ Тильзитскомъ договорѣ.

По этому договору области, которыя составляли до 1-го января 1772 г. часть бывшаго Польскаго королевства и потомъ въ разныя времена перешли во владѣніе Пруссіи, должны поступить въ полную собственность саксонскаго короля подъ названіемъ Варшавскаго герцогства и будутъ управляемы по такимъ конституціямъ, чтобы, охраняя свободу и преимущества обитателей этого герцогства, они согласны

были съ спокойствіемъ сосѣдственныхъ державъ. Изъ этихъ областей отдѣлялась незначительная часть подъ названіемъ Бѣлостокской области и присоединялась къ Россіи, «для поставленія между нею и герцогствомъ Варшавскимъ, сколько возможно, естественныхъ границъ» [1]).

Повидимому, не произошло никакой важной перемѣны въ судьбѣ польскаго вопроса: нѣсколько изъ областей бывшаго Польскаго королевства изъ-подъ власти Пруссіи перешли подъ власть саксонскаго короля; имъ предположено дать такое устройство, которое, обезпечивая свободу гражданъ, въ то же время не возбуждало бы опасеній со стороны сосѣднихъ державъ. Но въ этомъ-то устройствѣ и заключалось то значеніе, которое получило впослѣдствіи Варшавское герцогство. Изъ Тильзита Наполеонъ возвращался во Францію чрезъ Кёнигсбергъ, Позенъ и Дрезденъ. Въ этомъ городѣ онъ утвердилъ 10—22 іюля особый статутъ для герцогства Варшавскаго, по которому крестьяне объявлены были свободными, признано равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, учрежденъ сенатъ и палата представителей (des nonces), въ качествѣ законодательныхъ учрежденій, и особое министерство для управленія и отдѣльное польское войско. Такимъ образомъ учреждалось особое, совершенно независимое отъ саксонскаго правительства польское государство, только подъ верховною властію саксонскаго короля. Но и эта верховная власть была только видимая, на самомъ же дѣлѣ она принадлежала самому императору Наполеону. Онъ утвердилъ конституціонный статутъ для новаго герцогства, черезъ годъ послѣ того онъ распространилъ на него свой гражданскій кодексъ и постоянно распоряжался устройствомъ и образованіемъ особыхъ его войскъ. Саксонскій король не былъ даже простымъ его намѣстникомъ, но, такъ сказать, хранителемъ новаго герцогства до тѣхъ поръ, пока императоръ Наполеонъ не дастъ ему другаго назначенія. Саксонское правительство само понимало это отношеніе къ Варшавскому герцогству; король не оказывалъ никакихъ пособій изъ доходовъ Саксоніи, а собственныхъ доходовъ герцогства, вынужденнаго Наполеономъ содержать несоотвѣтствовавшее его средствамъ количество войскъ, не доставало на покрытіе расходовъ.

Образованіе Варшавскаго герцогства не удовлетворило желаній поляковъ и внушило подозрѣніе въ русскомъ кабинетѣ. Поляки вовсе не имѣли желанія сдѣлаться подданными саксонскаго короля, незначительная область герцогства горько напоминала имъ о прежнихъ обширныхъ владѣніяхъ королевства, содержаніе несоразмѣрнаго съ средствами количества войскъ изнуряло народъ налогами и наборами и увеличивало бѣдность. Многіе громко начинали говорить, что Наполеонъ пользуется ими, какъ угрозою противъ Россіи, и вовсе не думаетъ о

[1]) Полн. соб. зак. 1807 г. Тильзитскій договоръ № 22584, ст. V и IX.

возстановленіи. Но его защитники,—а къ нимъ принадлежало большинство,—видя, что Наполеонъ требовалъ отъ герцогства содержанія значительнаго количества войскъ, были убѣждены, что онъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ употребитъ его для присоединенія къ герцогству остальныхъ владѣній бывшей Польши. «Одно уже существованіе герцогства Варшавскаго, — какъ говорилъ князь Чарторижскій императору Александру, — поддерживаетъ въ полякахъ чувство любви къ отечеству. Оно, какъ призракъ прежней Польши, производитъ необоримое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, которые это разрушенное государство считаютъ своимъ отечествомъ. Какъ будто тому, кто потерялъ дорогаго для себя человѣка, вдругъ является его тѣнь и обѣщаетъ скорое возвращеніе и его самого». Такія ожиданія получили особенное значеніе потому, что при каждомъ случаѣ Наполеонъ поддерживалъ ихъ въ полякахъ, его войска не оставляли герцогства, и подъ надзоромъ его военныхъ людей производились работы въ крѣпостяхъ, составлялись корпуса польскихъ войскъ подъ начальствомъ Домбровскаго, князя Понятовскаго и Зайончека.

Такое положеніе дѣлъ въ герцогствѣ Варшавскомъ естественно возбуждало опасенія Россіи и Австріи и, конечно, противорѣчило обѣщанію, торжественно заявленному въ Тильзитскомъ договорѣ, что это герцогство получитъ такое устройство, которое, обезпечивая свободу гражданъ, не нарушитъ спокойствія сосѣднихъ державъ. Естественно, возникало подозрѣніе, что внезапно возникшая личная дружба Наполеона къ русскому императору—неискренная, и тѣсный союзъ Франціи съ Россіею поведетъ къ войнѣ сначала съ Австріею, а потомъ и съ Россіею.

Таково было общее мнѣніе въ Россіи, которое, конечно, не многіе рѣшались прямо выражать императору. Но его выражалъ однакоже постоянно въ своихъ донесеніяхъ канцлеру графу Румянцеву и самому государю нашъ посолъ при Тюльерійскомъ дворѣ, назначенный вслѣдъ за заключеніемъ мира и союза въ Тильзитѣ—графъ П. А. Толстой, а также въ особой запискѣ, представленной лично императору и тайной для всѣхъ,—подробно изложилъ и князь Чарторижскій въ то время, когда еще не изгладились личныя впечатлѣнія свиданій въ Тильзитѣ.

II.

Если положеніе европейскихъ дѣлъ, созданное Тильзитскимъ договоромъ, было непрочно и союзъ съ Россіею долженъ былъ окончиться

войною съ Франціею, то нельзя не замѣтить, что Варшавское герцогство было одною изъ могущественныхъ причинъ этой непрочности. Послѣ Тильзитскаго мира начали образовываться особыя польскія войска этого герцогства и до открытія войны съ Австріею въ 1809 году, изъ русскихъ областей, принадлежавшихъ прежде старой Польшѣ, вступили въ нихъ до 12 тысячъ человѣкъ или просто бѣглецовъ, которыхъ заманивало само правительство герцогства, или дворянъ, оправдывавшихъ свою службу въ польскихъ войскахъ правами обоюднаго подданства и нашей дворянской грамоты, дозволявшей дворянину служить иностранному государству. Естественно, это обстоятельство постоянно поддерживало волненіе въ этихъ областяхъ, которое не могло не возбуждать опасеній въ русскомъ правительствѣ. Но, соблюдая союзъ съ Франціею, оно не рѣшалось ни принять карательныхъ мѣръ противу своихъ подданныхъ, ни вызвать Францію на особые переговоры по этому случаю. Наша дипломатія только указывала на него какъ саксонскому королю, такъ и императору французовъ. Но первый отговаривался безсиліемъ потому, что герцогство имѣетъ свою конституцію, а второй считалъ это дѣломъ польскаго легкомыслія, которое не можетъ имѣть важныхъ послѣдствій. Съ открытія военныхъ дѣйствій императора Наполеона противъ Австріи, число перебѣжчиковъ изъ Бѣлоруссіи, Подоліи, Волыни и Бѣлостокской области въ войска герцогства Варшавскаго значительно увеличилось. Эта война, въ которой императоръ Александръ по условіямъ Эрфуртскаго договора долженъ былъ помогать императору французовъ, окончательно выставила на видъ то ложное положеніе, въ которое была поставлена Россія союзомъ не съ Франціею, конечно, которая не существовала, но съ такимъ человѣкомъ, какъ Наполеонъ.

Конечно, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что ему извѣстно было, какого рода чувство питало къ Россіи Варшавское герцогство, его войска и ихъ предводитель князь Понятовскій. Онъ не могъ ихъ не знать, имѣя постоянныя сношенія съ поляками и самъ усиливая эти чувства. Несмотря на то, для совокупнаго дѣйствія съ русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ противъ австрійцевъ, онъ назначилъ именно войска герцогства Варшавскаго, съ незначительною помощью саксонцевъ, назвавъ ихъ девятымъ корпусомъ великой арміи. Кромѣ войскъ великой арміи, совокупно съ которыми долженъ былъ дѣйствовать русскій вспомогательный корпусъ, этой войнѣ придавала весьма важное значеніе та область, которая должна была служить для ней поприщемъ; а именно Галиція, раздѣленная рѣкою Вислою на двѣ половины—съ польскимъ населеніемъ и съ русскимъ. Конечно, первая принимала съ восторгомъ войска Варшавскаго герцогства, какъ избавителей отъ нѣмецкаго ига; вторая, ненавидѣвшая поляковъ, наоборотъ, принимала съ такимъ же восторгомъ русскія войска.

Нашему правительству, безъ сомнѣнія, точно также была извѣстна невозможность дѣйствовать русскимъ войскамъ въ союзѣ съ польскими. Поэтому заслуженному военачальнику екатерининскихъ временъ, князю С. Ѳ. Голицыну, назначенному предводительствовать нашимъ вспомогательнымъ корпусомъ, было предписано тремя дивизіями занять Галицію, а четвертую оставить въ Бѣлостокѣ для охраненія предѣловъ Россіи со стороны Варшавскаго герцогства.

Если отъ правительства этого герцогства послѣдуетъ вызовъ къ соединенному дѣйствію противъ австрійцевъ, то изъявлять согласіе только въ томъ случаѣ, когда отъ того можно ожидать важныхъ выгодъ для русскаго оружія. Вообще же уклоняться отъ совокупнаго дѣйствія съ варшавскими войсками и помогать имъ только побочнымъ образомъ [1]).

Наше правительство предполагало, что австрійцы не станутъ сражаться съ нами, и это предположеніе оправдалось на дѣлѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ австрійскія войска подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда заняли Варшаву и почти все герцогство. Войска польскія не могли сопротивляться превосходившимъ ихъ силамъ. Но лишь только русскія войска приблизились къ границамъ Галиціи, какъ австрійцы начали отступать, прямо заявляя, что они не считаютъ императора Александра врагомъ Австріи и потому не будутъ драться съ его войсками. Но въ то время, когда враги уклонялись отъ боя и не хотѣли признавать себя врагами, наши союзники приняли на себя ихъ обязанности. Князь Понятовскій, по приказанію Наполеона, возбудилъ возстаніе въ польскихъ областяхъ, повсюду разсылалъ воззванія, явно призывая къ возстановленію Польши, вербовалъ охотниковъ въ свои войска. Его воззванія не только возбудили всю верхнюю Галицію, но и смежныя русскія губерніи, откуда сбѣгались паны и шляхта въ его войска. Онъ переманивалъ даже солдатъ польскаго происхожденія изъ войскъ князя Голицына и на замѣчанія нашихъ военачальниковъ о противозаконности подобныхъ дѣйствій, нарушавшихъ договоръ съ Саксоніею, онъ насмѣшливо отвѣчалъ: «русскіе—союзники наши, такъ почему же имъ не служить вмѣстѣ съ нами». Какъ верхняя Галиція съ восторгомъ принимала войска князя Понятовскаго и считала ихъ своими избавителями, такъ, наоборотъ, южная, населенная русскими, точно съ такимъ же восторгомъ принимала наши войска и изъявляла желаніе, чтобъ Россія удержала ее за собою. Это движеніе было такъ сильно, что князь Голицынъ предлагалъ императору присоединить ее, объявивъ себя королемъ польскимъ. Конечно, это предложеніе, едва-ли исполнимое въ то время, было отклонено императоромъ. Но это расположеніе къ Россіи въ южной Галиціи, разу-

[1]) Отношеніе графа Румянцева князю Голицыну 6-го мая 1809 г.

мѣется, крайне было непріятно для варшавцевъ князя Понятовскаго. Онъ всѣми способами старался вредить Россіи въ глазахъ императора Наполеона и постоянно клеветалъ на князя Голицына и вообще русскихъ, объясняя всѣ ихъ дѣйствія тайными соглашеніями съ австрійцами. Когда русскія войска заняли Львовъ, онъ исходатайствовалъ у Наполеона повелѣніе привесть галичанъ къ присягѣ на вѣрность французскому императору, его именемъ производить судъ и управлять страною, набирать солдатъ во французскую армію и замѣнить австрійскіе гербы французскими. Но когда онъ сообщилъ это повелѣніе князю Голицыну, онъ не исполнилъ его и отвѣчалъ, что «повелѣніе императора Наполеона можетъ быть исполнено только тамъ, гдѣ находятся варшавскія войска, а не въ странѣ, занятой русскими, гдѣ, безъ повелѣнія Его Величества императора Александра, не будутъ допущены ни присяга Наполеону, ни замѣна австрійскихъ гербовъ французскими, ни наборъ войскъ». «Союзники наши,—доносилъ онъ государю,—озабочиваютъ меня болѣе, нежели непріятель». Предписывая варшавскимъ войскамъ дѣйствовать совокупно съ русскими, императоръ Наполеонъ не могъ предвидѣть послѣдствій соединенія враждебныхъ между собою войскъ. Получая потомъ доносы князя Понятовскаго на русскихъ, онъ безъ сомнѣнія оцѣнивалъ ихъ по достоинству. Несмотря на то, они послужили ему поводомъ начать переговоры съ русскимъ кабинетомъ. Онъ предписалъ Коленкуру сдѣлать представленіе нашему правительству объ измѣнническомъ образѣ дѣйствій нашихъ войскъ въ Галиціи.

Нашему кабинету не трудно было, конечно, объяснить французскому послу отношенія къ нашимъ войскамъ варшавцевъ, и дать ему понять, что обвиненія Наполеона основаны на ложныхъ доносахъ. Не удивительно, что эти объясненія удовлетворили Коленкура; но и Наполеонъ не далъ дальнѣйшаго хода этимъ переговорамъ. Очевидно, онъ и самъ не вѣрилъ польскимъ доносамъ; но очень былъ радъ имѣть ихъ подъ рукою, чтобы къ чему-нибудь придраться впослѣдствіи, при заключеніи мира съ Австріею, и не отдать Россіи Галиціи, какъ онъ самъ заявлялъ при началѣ войны, призывая Россію на помощь.

При всякомъ столкновеніи варшавскихъ войскъ съ нашими, происходили ссоры между ними. «Наглость варшавскимъ войскъ выходитъ изъ границъ, – доносилъ государю князь Голицынъ.—Обоюдная ненависть другъ къ другу царствуетъ не токмо между офицерами, но и между нижними чинами обѣихъ армій. Не могу изъяснить Вашему Величеству всѣхъ униженій, которыя войска ваши отъ варшавцевъ переносить должны. Смѣю сказать, что еслибы я былъ помоложе, то не достало бы у меня терпѣнія». Узнавъ, что его оклеветали и въ глазахъ Наполеона, онъ просился въ отставку, но императоръ Александръ не принялъ просьбы и одобрилъ всѣ его дѣйствія. Эта наглость вар-

шавцевъ, по выраженію нашего военачальника, особенно рѣзко обнаружилась при занятіи нашими войсками Кракова и едва не повела къ кровавому столкновенію съ ними. Объ этомъ происшествіи слѣдующею выпискою изъ донесеній князя Голицына извѣстилъ графъ Румянцевъ французскаго посла: «Князь Голицынъ увѣдомляетъ императора, что вслѣдствіе приказанія, даннаго имъ князю Суворову, начальнику 9-й дивизіи, занять Краковъ, этотъ генералъ съ большимъ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе. Его авангардъ занялъ городъ 3-го іюля, въ 4 часа пополудни». Согласно съ тѣмъ же приказаніемъ, генералъ-маіоръ графъ Сиверсъ, начальствуя надъ авангардомъ, привелъ отрядъ казаковъ подъ командою полковника Штакельберга, чтобы препятствовать австрійцамъ сжечь мостъ на Вислѣ. Этотъ отрядъ встрѣтилъ непріятеля, намѣревавшагося именно разрушить этотъ мостъ; завязалось дѣло, непріятель былъ прогнанъ и мостъ спасенъ. При этой стычкѣ былъ раненъ Штакельбергъ и казацкій капитанъ.

Штакельбергъ вошелъ въ Краковъ 2-го іюля, а графъ Сиверсъ 3-го со всѣмъ авангардомъ. Онъ занялъ уже весь городъ, когда узналъ, что приближается отрядъ варшавскихъ войскъ, чтобы войти туда. Онъ поѣхалъ къ начальнику этого отряда для предупрежденія его, что городъ уже занятъ русскими войсками, и непріятель отступилъ. Но, не найдя начальника этого отряда, онъ отправилъ къ нему своего адъютанта, а самъ возвратился въ городъ. Тамъ онъ узналъ, что въ предмѣстье уже вошла конница князя Понятовскаго подъ предводительствомъ графа Потоцкаго. Онъ обратился къ нему съ тѣмъ же извѣщеніемъ; но оно не произвело никакого дѣйствія. Недѣлю спустя показались колонны пѣхоты, и лишь только завидѣли нашихъ драгунъ, они взяли ружья на руку и вошли въ городъ, показывая, что, если встрѣтятъ сопротивленіе, то преодолѣютъ его силою. До 10 тысячъ войскъ вошло въ городъ подъ предводительствомъ князя Понятовскаго и стали въ боевой порядокъ. Въ этомъ положеніи они простояли съ полудня до ночи, ничего не ѣвши, и казались скорѣе непріятельскими, нежели союзными войсками. Когда пріѣхалъ князь Понятовскій, графъ Сиверсъ представилъ ему все неприличіе подобнаго поведенія его войскъ и просилъ его въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ выступить изъ города, который занятъ русскими войсками и потому долженъ оставаться въ ихъ власти. Но Понятовскій, не обращая вниманія на эти представленія, съ сердцемъ отвѣчалъ, что право занять этотъ городъ принадлежитъ ему, потому что онъ сражался подъ его стѣнами и заключилъ конвенцію съ австрійскимъ генераломъ Монде. Графъ Сиверсъ отвѣчалъ, что и онъ точно также дрался, первый занялъ городъ и не знаетъ, также ли дрался князь Понятовскій и заключилъ ли конвенцію съ австрійскимъ генераломъ. Нѣкоторые польскіе генералы, которые при этомъ присутствовали, вмѣшиваясь въ раз-

говоръ, позволили себѣ употреблять оскорбительныя выраженія, такъ что графъ Сиверсъ вынужденъ былъ напомнить имъ, что—онъ генералъ русскаго императора и проситъ ихъ соблюдать должныя приличія.

Князь Понятовскій съ своей стороны требовалъ, чтобы графъ Сиверсъ вышелъ изъ города и занялъ бы предмѣстье Подгурже на правомъ берегу Вислы, со всѣми магазинами, которые тамъ находились. Графъ Сиверсъ доказывалъ, что онъ имѣетъ право занимать какъ городъ, такъ и предмѣстье и объявилъ, что онъ не выступитъ изъ города, не получивъ приказанія отъ своего начальника.

Послѣ долгихъ пререканій согласились, что городъ будетъ занятъ какъ русскими, такъ и варшавскими войсками въ равномъ числѣ, а предмѣстье—одними русскими. Остальная же часть варшавскихъ войскъ перейдетъ Вислу, какъ-будто для преслѣдованія непріятеля.

Къ этому князь Голицынъ прибавляетъ, что дерзкое поведеніе варшавскихъ войскъ выходитъ изъ всякихъ границъ и ставитъ его въ крайне затруднительное положеніе, «которое вынуждаетъ его просить государя, не будетъ ли возможно опредѣлить для русскихъ войскъ отдѣльное поприще дѣйствій такъ, чтобы они не сталкивались съ варшавскими войсками и ничего не имѣли съ ними общаго. Въ противномъ случаѣ, онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность, если послѣдуютъ весьма непріятныя происшествія». Такое положеніе дѣлъ, еслибъ оно продолжалось далѣе, могло бы, конечно, повести къ такимъ происшествіямъ, которыя измѣнили бы какъ ходъ войны, такъ и политику Россіи и Франціи. Но въ это время уже заключено было перемиріе между Австріею и императоромъ Наполеономъ, и вслѣдъ за тѣмъ открылись мирные переговоры.

Но еще прежде полученія послѣднихъ извѣстій отъ князя Голицына, нашъ кабинетъ уже рѣшился войти въ переговоры съ Франціею по этому вопросу. Императоръ Наполеонъ находился въ Шёнбрунѣ и былъ занятъ мирными переговорами съ Австріею. При немъ находился и его министръ иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи, герцогъ Кадорскій, на долю котораго, конечно, падалъ наибольшій трудъ по этому дѣлу. Безъ сомнѣнія, въ виду этого обстоятельства, переговоры по польскому вопросу заведены были нашимъ канцлеромъ съ французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ еще до подписанія Шёнбрунскаго договора (3-го октября) графъ Румянцевъ писалъ (15-го іюля) Коленкуру, герцогу Виченскому: «Когда императоръ Тильзитскимъ миромъ положилъ конецъ войнѣ съ Франціею и всѣмъ своимъ прежнимъ политическимъ отношеніямъ, ему оставалось еще окончить войну съ Персіею и Турціею. Несмотря на ихъ тягость, онъ предпринялъ двѣ новыхъ войны, съ Англіею, послѣдствіемъ которой была и война съ Швеціею, чтобы показать свое искреннее участіе въ союзѣ и дѣйствовать согласно съ выгодами императора, своего союзника. Въ виду той цѣли, чтобы выну-

дить Англію заключить миръ съ Франціею, Его Величество долженъ былъ пожертвовать почти всѣми выгодами своей торговли и, слѣдовательно, поставить своихъ подданныхъ въ крайне стѣсненное положеніе и себя самого лишить значительныхъ доходовъ, приносимыхъ таможнями.

«Вслѣдствіе этого случилось то, что и было предвидѣно: русскій курсъ упалъ за границею, цѣны на всѣ предметы возвысились значительно и сильною тягостью упали на всѣ сословія. Это было огромное пожертвованіе со стороны нашего государя; но онъ имѣлъ его въ виду, надѣясь на вознагражденія впослѣдствіи, ибо тѣмъ самымъ нанесъ огромный ущербъ торговлѣ Англіи, полагалъ побѣдить упрямство, съ которымъ она поддерживала постоянно войну на материкѣ Европы, чтобы деспотически распоряжаться на моряхъ и постепенно уничтожить флоты всѣхъ государствъ.

«Всѣ дѣйствія государя направлены были къ этой цѣли, какъ возгорѣлась новая война между Франціею и Австріею, и хотя ему трудно было выносить тягость четырехъ войнъ, онъ не задумываясь принялъ участіе въ пятой, единственно для пользы своего союзника и исполняя свои обѣщанія, которыя считалъ долгомъ всегда исполнять. Австрія соприкасается съ русскою имперію обѣими Галиціями. Эти области должны были сдѣлаться поприщемъ дѣйствій его войскъ и отчасти войскъ саксонскаго короля, состоявшихъ въ распоряженіи главы Рейнскаго союза. Ничто, казалось, не нарушало выгодъ русскаго императора: войскамъ Его Величества могло быть только пріятно дѣйствовать совокупно съ войсками саксонскаго короля въ однихъ и тѣхъ же видахъ. Но войска Варшавскаго герцогства, въ силу самыхъ обстоятельствъ, дѣйствовали двойственно. Они не оставались въ предѣлахъ саксонскаго войска, напротивъ, они называли себя польскими войсками, повсюду разсылали прокламаціи во имя отечества, провозглашали возстановленіе прежней Польши, набирали въ свою службу воиновъ, даже внѣ предѣловъ герцогства и, возбуждая патріотическія чувства, привлекли къ себѣ многихъ изъ подданныхъ русскаго императора, которые до того времени оставались, послѣ паденія Польши, мирными гражданами его имперіи. Они безъ паспортовъ ушли за границу, увели за собою цѣлые отряды, которые дѣйствовали оружіемъ противъ пограничной стражи, которая не была такъ сильна, чтобы удержать ихъ переходъ. Гербы старой Польши явились на границахъ имперіи. Съ тою ли это цѣлію, чтобы показать, кому принадлежитъ область, на которой ихъ ставили? Люблинскій комендантъ полковникъ Ч — скій хвастался Анштету, нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, когда онъ возвращался оттуда, что онъ распечатывалъ письма, надписанныя на мое имя, прикладывалъ къ нимъ потомъ свою печать и такъ отправлялъ. Я не полу-

чалъ этихъ писемъ и очень радъ, потому что не желаю получать письма ко мнѣ въ такомъ видѣ. Ч—скій оправдывалъ свой поступокъ правомъ войны. Странное признаніе! Этотъ полякъ полагаетъ, что ему слѣдуетъ воевать съ русскими, когда императоръ французовъ пользуется войсками саксонскаго короля только въ войнѣ противъ австрійцевъ. Всѣми передается за достовѣрный слухъ, хотя министерство и не имѣетъ прямыхъ доказательствъ, что этого-то рода власти остановили нарочнаго отъ князя Прозоровскаго и силою отняли у него бумаги.

«Мысль о возстановленіи прежней Польши бродитъ въ умахъ всѣхъ обитателей герцогства Варшавскаго. Она не передается въ видѣ тайнаго желанія; напротивъ, выражается явно съ полною надеждою осуществленія и съ этою цѣлію проповѣдуютъ крестовый походъ противъ Россіи. Но осуществленіе этой мысли, даже воображаемое, можетъ основаться только на разрывѣ союза между двумя императорами. Всѣ стремленія вооруженныхъ силъ герцогства Варшавскаго и его правительства естественно направлены къ этой цѣли. Они должны постоянно и безостановочно дѣйствовать для того, чтобы разрушить эту дружбу. Это такъ должно быть; это иначе и быть не можетъ.

«Но это же обстоятельство должно побуждать министра русскаго императора употребить всѣ средства, чтобы тѣснѣе скрѣпить узы этой дружбы и устранить все то, что могло бы препятствовать достиженію этой цѣли. Убѣжденный въ этой истинѣ, я испрашивалъ приказаній государя, моего повелителя, по этому печальному вопросу. Его Величество поручилъ мнѣ, не теряя времени, войти немедленно въ переговоры о немъ съ вами, какъ представителемъ Франціи, представивъ вамъ со всею откровенностью положенія дѣлъ. Описавъ вамъ это положеніе, по приказанію императора, я долженъ однакоже присовокупить, что я объяснилъ важность зла для того только, чтобы совокупно съ вами обдумать мѣры для отклоненія вредныхъ его послѣдствій. Мой государь искренно желаетъ поддержать союзъ, который онъ заключилъ въ виду пользъ своей имперіи и по чувству искренней дружбы къ императору Наполеону, и надѣется оказать ему важныя услуги. Онъ полагаетъ даже, что наступило для этого время. Онъ желаетъ только избавиться отъ тѣхъ препятствій, которыя затрудняютъ это дѣло.

«Его Величество напоминаетъ о тѣхъ заявленіяхъ, которыя предшествовали войнѣ съ Австріею, въ которыхъ герцогъ Виченскій выражалъ намѣреніе опредѣлить будущую судьбу Галиціи, въ томъ предположеніи, которое и осуществилось въ настоящее время, что успѣхи оружія союзниковъ отторгнутъ ее отъ Австріи. Имѣю честь предупредить господина посла, что я получилъ приказаніе отъ моего госу-

даря войти теперь же въ переговоры съ нимъ по этому предмету. Онъ этого желаетъ потому особенно, что подобную конвенцію между двумя монархами считаетъ единственнымъ средствомъ для устраненія множества препятствій, встрѣчаемыхъ, если можно такъ выразиться, на пути союза. Его Величество весьма желаетъ, какъ можно скорѣе, доставить доказательства той дружбы, которую онъ питаетъ къ своему союзнику, и вѣрности, съ которою онъ соблюдаетъ свои обязательства. Поэтому онъ предписалъ князю Голицыну не обращать особеннаго вниманія на этихъ проповѣдниковъ польскаго имени, не поддерживая никакими уступками ихъ заблужденій въ отношеніи къ мысли о возстановленіи бывшаго королевства, продолжать съ рѣшительностію военныя дѣйствія и во всѣхъ случахъ поступать такъ, какъ это принято между державами, когда одна изъ нихъ дѣйствуетъ въ союзѣ съ другой, т. е. чтобы въ занятыхъ ими у непріятеля странахъ она имѣла равное вліяніе на управленіе въ нихъ, требованіе отъ жителей присяги, взиманіе налоговъ и рекрутовъ. Миръ произнесетъ послѣднее слово объ окончательной судьбѣ обѣихъ Галиціи; но дружба, которая царствуетъ между двумя императорами, и ихъ взаимное довѣріе могутъ подготовить ее въ настоящее время, и я очень радъ приступить къ этому дѣлу; мнѣ поручилъ мой государь совокупно съ вами, господинъ посолъ, еще болѣе скрѣпить союзъ, существующій между двумя императорами. Онъ одинъ можетъ упрочить миръ въ Европѣ, въ которомъ она такъ нуждается.

Изготовивъ ноту, канцлеръ графъ Румянцевъ получилъ приказаніе императора сообщить Коленкуру свѣдѣнія, только-что полученныя отъ князя Голицына, о краковскихъ происшествіяхъ. Сообщая ихъ, онъ прибавлялъ съ своей стороны: «Краковъ уже находился въ нашей власти, когда появились войска князя Понятовскаго. Споръ дошелъ до того, что войска стояли другъ противъ друга, готовыя вступить въ бой. До 10 тысячъ войскъ Варшавскаго герцогства пытались насильно заставить 3 тысячи русскихъ очистить Краковъ. Это печальное происшествіе, совершившееся въ виду всѣхъ гражданъ города и улаженное соглашеніемъ, чтобы Краковъ оставался во власти обоихъ войскъ, усиливаетъ во мнѣ желаніе устранить всѣ эти затрудненія совокупно съ вами, посредствомъ соглашенія. Прошу васъ, соединимъ наши усилія и, съ общаго согласія, устранивъ всѣ затрудненія, покажемъ Европѣ союзъ между двумя монархами болѣе искреннимъ и тѣснымъ, нежели онъ былъ когда-нибудь. Таково искреннее мое желаніе, и я увѣренъ, что и вы его раздѣляете» [1]).

Вѣроятно, французскій посолъ раздѣлялъ въ этомъ случаѣ же-

[1]) Нота графа Румянцева Коленкуру 15-го іюля 1809 г.

ланіе русскаго кабинета; но его полномочія не простирались, конечно, до того, чтобы онъ могъ заключить такую конвенцію. Хотя передъ началомъ войны его правительство поручило ему указать нашему на Галицію, какъ вознагражденіе за ту вооруженную помощь, которую Россія окажетъ Франціи, въ случаѣ успѣшнаго окончанія военныхъ дѣйствій; но война еще продолжалась. Поэтому, прежде нежели онъ могъ отвѣчать нашему канцлеру, онъ долженъ былъ испросить наставленій у своего двора.

Между тѣмъ послѣ сраженія при Ваграмѣ было заключено перемиріе между Австріею и французскими войсками; но вопросъ, послѣдуетъ ли за тѣмъ заключеніе окончательнаго мира или снова возобновятся военныя дѣйствія, оставался нерѣшеннымъ. Побѣда не была такъ рѣшительна, чтобы вызвать немедленно мирные переговоры; положеніе французскихъ войскъ было затруднительно; въ Италіи, несмотря на успѣхи французскаго оружія, продолжалась упорная борьба; Англія сдѣлала высадку на островъ Вальхернъ. Если всѣ эти обстоятельства и заставляли императора Наполеона желать заключенія мира; но онъ не рѣшился бы заключить его на условіяхъ не тяжкихъ для Австріи и такимъ образомъ не достигнуть сразу предположенной имъ цѣли ослабить эту имперію, если не въ той же мѣрѣ, какъ Пруссію, то почти такъ же. При томъ въ австрійскомъ правительствѣ еще преобладало мнѣніе тѣхъ лицъ, которыя считали возможнымъ и необходимымъ продолжать войну. Дѣйствительно, австрійскія войска не были разгромлены окончательно, они отступали въ порядкѣ и могли быть усилены новыми, готовыми силами. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ для той, такъ и другой воюющей стороны самымъ существеннымъ представлялся вопросъ о томъ положеніи, которое приметъ въ этомъ случаѣ Россія.

Въ это время, по приказанію императора Наполеона, Бертье, герцогъ Невшательскій, написалъ письмо къ князю Голицыну, спрашивая его, какъ будутъ дѣйствовать ввѣренныя его предводительству русскія войска, въ томъ случаѣ, если возобновятся военныя дѣйствія противъ Австріи. Такой вопросъ обличаетъ уже недовѣріе къ своему союзнику, дѣйствительно внушенное Наполеону донесеніями предводителей войскъ герцогства Варшавскаго и самыми дѣйствіями русскаго вспомогательнаго корпуса. Едва-ли онъ придавалъ вѣру первымъ, зная характеръ поляковъ и ихъ притязанія; но очень былъ радъ ими воспользоваться, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда самыя дѣйствія русскаго вспомогательнаго корпуса давали ему поводъ выражать свое неудовольствіе. Эти дѣйствія были вялы и нерѣшительны вслѣдствіе двухъ причинъ, достаточныхъ для ихъ объясненія, не входя въ разсмотрѣніе другихъ соображеній. Русскій вспомогательный корпусъ поставленъ былъ въ печальную не-

обходимость протягивать дружескую руку врагамъ и драться вмѣстѣ съ ними противъ друзей, хотя бы и притворныхъ. Онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ врага, который явно показывалъ, что не хочетъ сражаться съ русскими; при каждой встрѣчѣ австрійцы постоянно отступали передъ нашими войсками, предоставляя имъ безъ боя занимать Галицію. Войска герцогства Варшавскаго, съ которыми пришлось совокупно дѣйствовать нашему вспомогательному корпусу, своею ненавистью къ русскимъ, заявляемою дерзко и нахально, и хвастливою притязательностію явно проповѣдуя крестовый походъ противъ Россіи для возстановленія прежней Польши, возбудили такую вражду, что благоразуміе требовало отъ вождей русскихъ войскъ удалиться отъ нихъ и дѣйствовать безъ ихъ помощи и участія. Естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, дѣйствія русскихъ войскъ не могли быть рѣшительными и удовлетворить требованія императора Наполеона. Австрійское правительство, съ своей стороны, полагая, что Россія ведетъ войну какъ бы поневолѣ, вынужденная силою обстоятельствъ, въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ находило подтвержденіе своему предположенію.

На письмо Бертье князь Голицынъ отвѣчалъ немедленно въ томъ смыслѣ, что дѣйствія вспомогательнаго русскаго корпуса находятся въ полной зависимости отъ дѣйствій войскъ, предводительствуемыхъ императоромъ Наполеономъ. Если, по истеченіи перемирія, вновь начнется война съ ихъ стороны, то и русскія войска немедленно приступятъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Получивъ свѣдѣнія объ этой перепискѣ, нашъ кабинетъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для вызова вновь французскаго посла на переговоры о Польшѣ. Графъ Румянцевъ сообщалъ ему, что императоръ, одобряя отвѣтъ князя Голицына, написанный въ духѣ союза, существующаго между имъ и французскимъ императоромъ, и согласно съ его собственными мнѣніями, полагаетъ однакоже, что такой вопросъ не можетъ быть предметомъ переговоровъ только между военачальниками, какъ это было, и потому поручилъ ему войти съ нимъ въ сношенія. Исполняя волю государя, канцлеръ писалъ Коленкуру, что императоръ, пребывая вѣрнымъ союзу, очень доволенъ, что можетъ представить новое доказательство своей личной дружбы къ императору Наполеону и доказать передъ всею Европою, что онъ неизмѣнно соблюдаетъ обязательства, возложенныя на него договорами. Поэтому, если вновь откроются военныя дѣйствія противъ Австріи, онъ готовъ предписать 20-ти тысячному корпусу дѣйствовать противъ нихъ совокупно съ войсками императора Наполеона. Этотъ корпусъ немедленно откроетъ дѣйствія по заключеніи французскимъ посломъ предложеннаго ему соглашенія, которое одно «можетъ обезпечить отъ слуховъ, распу-

скаемыхъ тѣми подданными саксонскаго короля, которые считаютъ себя какъ бы отдѣльнымъ государствомъ, и, дѣйствуя согласно съ этимъ мнѣніемъ, надѣются на расширеніе своихъ границъ въ явный ущербъ выгодамъ Россіи». Но въ то же время, когда новый корпусъ русскихъ войскъ будетъ дѣйствовать совокупно съ французскими войсками, императоръ считаетъ нужнымъ удержать другой въ Галиціи, для поддержанія спокойствія въ этой области, «гдѣ возбуждено уже опасное для Россіи волненіе». «Его величество,—писалъ графъ Румянцевъ,—рѣшился на такой образъ вовсе не изъ видовъ увеличенія своихъ владѣній. Онъ будетъ очень доволенъ, если въ настоящее время миръ будетъ заключенъ съ тѣмъ условіемъ, что вся Галиція останется собственностію Австріи, которой она до сихъ поръ принадлежала. Я повторяю: если теперь же будетъ заключенъ миръ, по которому союзникамъ и подручникамъ (les alliés et les confédérés) предоставлены будутъ вознагражденія не въ Галиціи, Его Величество ничего для себя не требуетъ. Онъ сочтетъ достойнымъ для себя вознагражденіемъ благодѣянія мира, которыми воспользуются милліоны людей, за то участіе, которое онъ принималъ въ этой войнѣ, дѣйствуя какъ союзникъ французскаго императора. Потому я предлагаю снова господину послу избавить петербургскій кабинетъ отъ тѣхъ затрудненій, которыя возбуждаютъ для него современныя происшествія въ Галиціи, заключеніемъ конвенціи, которая можетъ ихъ устранить. Тогда откроется способъ для моего государя увеличить число войскъ, предназначаемыхъ для военныхъ дѣйствій. Императоръ съ прискорбіемъ вынужденъ оставлять въ бездѣйствіи часть своихъ войскъ, которую онъ предпочиталъ бы употребить для увеличенія средствъ обоихъ императоровъ-союзниковъ, чтобы принудить Австрію къ заключенію мира, а равно и ту опасную державу, которая, пользуясь своимъ положеніемъ, отдѣленная морями отъ всѣхъ другихъ, поддерживаетъ войну на материкѣ Европы, своимъ золотомъ и своими подстрекательствами, разрушая такимъ образомъ богатство и благосостояніе какъ государствъ, такъ и частныхъ лицъ»[1]).

На эту ноту такъ же, какъ и на первую, Коленкуръ ничего не могъ отвѣчать нашему канцлеру, потому что правительство оставляло его въ совершенной неизвѣстности о ходѣ мирныхъ переговоровъ съ Австріею и о своихъ условіяхъ мира. Кромѣ словесныхъ и неопредѣленныхъ заявленій о дружбѣ Наполеона къ императору Александру, о расположеніи къ Россіи политики Тюльерійскаго кабинета, о желаніи будто бы императора французовъ, чтобы самъ графъ Румянцевъ принялъ участіе въ мирныхъ переговорахъ съ Австріею, онъ ничего не могъ отвѣчать и тѣмъ менѣе приступить къ заключенію самой конвен-

[1]) Нота графа Румянцева Коленкуру 9 (21) октября 1809 г.

*

ціи. Императоръ Наполеонъ даже вводилъ въ заблужденіе нашъ кабинетъ, намекая Чернышеву, что, въ вознагражденіе за участіе въ этой войнѣ, Россія пріобрѣтетъ большую часть Галиціи съ городомъ Львовымъ [1]).

Въ такомъ положеніи находился этотъ вопросъ до самаго заключенія Шёнбрунскаго мира, неожиданно поразившаго нашъ кабинетъ своими условіями. Россія въ вознагражденіе за помощь, оказанную французскому императору, получила округъ въ восточной Галиціи, съ народонаселеніемъ въ 400 тысячъ душъ; а къ герцогству Варшавскому была присоединена западная Галиція, Краковъ съ его округомъ и Замосцъ, съ народонаселеніемъ, простиравшимся до 2-хъ милліоновъ жителей. Такимъ образомъ, то положеніе дѣлъ, которое петербургскій кабинетъ считалъ опаснымъ для Россіи, становилось еще опаснѣе, возбуждая надежды поляковъ на возстановленіе бывшаго королевства и давая къ тому средства, несоразмѣрнымъ съ обстоятельствами, увеличеніемъ герцогства Варшавскаго. А между тѣмъ Коленкуръ, не получая наставленій отъ своего кабинета, не отвѣчалъ на двѣ ноты нашего канцлера. Получивъ свѣдѣнія о Шёнбрунскомъ договорѣ, графъ Румянцевъ снова получилъ приказаніе императора войти съ нимъ въ сношенія. «Миръ заключенъ,—писалъ онъ ему,—такое происшествіе всегда пріятно императору, а также, еще болѣе потому, что австрійскому дому сохранено почетное положеніе, за что поручилъ мнѣ выразить благодарность своему союзнику, который принялъ во вниманіе участіе Россіи въ сохраненіи австрійской монархіи. По тому же самому договору, императоръ французовъ распорядился единственно въ видахъ своихъ выгодъ тою частью австрійскихъ владѣній, которая была завоевана войсками моего государя, предоставивъ въ пользу Россіи округъ съ 400 тысячъ населенія и увеличивъ силу герцогства Варшавскаго почти на 2 милліона, какъ бы въ подкрѣпленіе общаго мнѣнія, что оно предназначается къ тому, чтобы сдѣлаться Польскимъ королевствомъ. Его Величество прямо объявляетъ, что былъ въ правѣ ожидать инаго рѣшенія. Обращая вниманіе на это неудобство, императоръ находитъ его огромнымъ (immense) въ отношеніи къ выгодамъ своего государства; но онъ не имѣетъ намѣренія ни остановить, ни затруднить дѣло мира и предписалъ уже князю Голицыну точно сообразовать свои дѣйствія съ постановленіями мирнаго договора. И въ этомъ случаѣ императоръ поступилъ такъ же, какъ и всегда поступалъ, какъ вѣрный и добросовѣстный союзникъ; онъ свидѣтельствуетъ передъ всею Европою, какъ дорого для него сохраненіе того направленія

---

[1]) Письмо Чернышева къ графу Румянцеву изъ Шёнбруна 16-го (28-го) сентября 1809 г.

своей политики, которое она приняла послѣ Тильзитскаго мира и, не скрывая своихъ мыслей, какъ бы на его мѣстѣ поступилъ иной государь, явно выражаетъ ихъ своему союзнику. Онъ обращается къ императору Наполеону съ настояніями самой искренней дружбы и приглашаетъ его принять участіе такое же, какъ онъ принимаетъ, въ сохраненіи великаго дѣла—союза между двумя имперіями. Онъ дѣлаетъ даже болѣе: онъ питаетъ полное къ нему довѣріе и, чтобы это доказать, поручаетъ мнѣ, несмотря на то, что война уже окончена, возобновить герцогу Виченскому предложеніе,—которое я уже дѣлалъ,—испросить у своего государя полномочіе для заключенія здѣсь конвенціи, которая однажды и навсегда убѣдила бы Россію, что она безопасно владѣетъ областями, пріобрѣтенными предками моего государя, послѣ паденія Польскаго королевства; однимъ словомъ, такую конвенцію, въ которой бы положительно было выражено для убѣжденія какъ подданныхъ Его Величества, такъ и подданныхъ Варшавскаго герцогства, что новое увеличеніе его области и его силъ, доставленное ему французскимъ императоромъ, никогда не поведетъ къ возстановленію Польскаго королевства. Нѣкоторыя словесно сдѣланныя въ этомъ отношеніи предложенія при началѣ войны, но еще болѣе увѣренность Его Величества въ дружбѣ къ нему императора Наполеона, на которую онъ отвѣчаетъ полнымъ сочувствіемъ, его увѣренность, что тѣсный союзъ Франціи и Россіи во всѣхъ случаяхъ составляетъ такое важное событіе его царствованія, къ достиженію котораго стремились многіе изъ его предшественниковъ и которое онъ желаетъ упрочить и передать въ наслѣдство своимъ преемникамъ,—всѣ эти соображенія заставляютъ его предполагать, что императоръ Наполеонъ не имѣетъ намѣренія въ заключенномъ имъ мирномъ договорѣ съ Австріею оставить зародыша новой войны и самъ согласится, что нѣтъ удобнѣе способа для устраненія такого предположенія, какъ заключеніе конвенціи, которую онъ предлагаетъ [1]).

Три ноты одна за другою, написанныя канцлеромъ русской имперіи къ французскому послу, ноты, на которыя не послѣдовало отъ него отвѣта въ качествѣ представителя Франціи, и лишь только словесныя завѣренія въ желаніи сохранить дружескія отношенія между двумя кабинетами, служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, какую важность придавало наше правительство политическому вопросу, предложенному имъ на совокупное разрѣшеніе обѣихъ державъ. Конечно,

---

[1]) Нота графа Румянцева Коленкуру 22 октября 1809 года. Съ разбивкою напечатанныя строки вписаны самимъ императоромъ Александромъ I въ черновую ноту, писанную собственноручно канцлеромъ.

Коленкуръ не былъ виноватъ въ неприличномъ и невѣжливомъ поведеніи въ отношеніи къ петербургскому кабинету: онъ не получилъ никакихъ предписаній по этому вопросу отъ своего правительства и вынужденъ былъ выражать только личныя свои соображенія, можетъ быть, и весьма искренно. Но личныя мнѣнія французскаго посла могли убѣдить только наше правительство въ томъ, что онъ поставленъ въ затруднительное положеніе и что его личныя мнѣнія уже не соотвѣтствуютъ цѣлямъ его правительства, на которыя указываютъ его дѣйствія.

Три ноты нашего канцлера, повторявшія одно и то же предложеніе, послѣдовали одна за другою не при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ; но первыя двѣ предшествовали Шёнбрунскому договору, а третья написана была послѣ того, какъ нашему правительству сдѣлались извѣстны его унизительныя для Россіи условія. Обстоятельства рѣшительно измѣнились, какъ и самъ графъ Румянцевъ заявляетъ въ послѣдней нотѣ, а предложеніе нашего правительства французскому осталось такимъ же, какъ и было прежде. Продолжая упорно настаивать на своемъ предложеніи, нашъ кабинетъ полагалъ, что Шёнбрунскій миръ заключаетъ въ себѣ зародышъ новой войны, которую можетъ отклонить заключеніе конвенціи о Польшѣ.

Въ то время, когда нашъ кабинетъ настоятельно вызывалъ на переговоры французскаго посла, императоръ Наполеонъ, оставляя его въ невѣдѣніи о своихъ намѣреніяхъ, дѣятельно велъ мирные переговоры съ Австріею. Задумавъ значительно увеличить Варшавское герцогство, онъ, конечно, не могъ сообщить своего намѣренія русскому двору въ то время, когда польскій вопросъ особенно его тревожилъ. Успѣхъ переговоровъ о мирѣ зависѣлъ отъ положенія русскихъ войскъ. Если бы русскій кабинетъ узналъ объ этомъ намѣреніи до заключенія мира,— то весьма возможно, что союзъ съ Франціею былъ бы разорванъ немедленно и наши силы соединились бы съ австрійскими для продолженія войны, весьма опасной для императора Наполеона. Только окончивъ мирные переговоры за четыре дня до подписанія договора, онъ написалъ императору Александру, что онъ «далъ Австріи самый выгодный миръ, отнесся къ ней съ такою умѣренностію, которой она никогда не могла ожидать. Я льщу себя надеждою, что это будетъ пріятно Вашему Величеству». Что же касается до увеличенія герцогства Варшавскаго, то упомянувъ о немъ мимоходомъ, онъ, прибавлялъ: «Благоденствіе Варшавскаго герцогства требуетъ, чтобы оно пользовалось милостивымъ расположеніемъ Вашего Величества, ваши же подданные могутъ быть увѣрены, что ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ они не могутъ надѣяться на мое покровительство». Это письмо встревожило императора и произвело непріятное впечатлѣніе на нашъ кабинетъ. Императоръ Наполеонъ явно выражалъ въ немъ, что какъ будто

ему неизвѣстны тѣ требованія, которыя заявлялъ его послу нашъ канцлеръ, по приказанію, конечно, императора. Онъ предоставлялъ благосклонному расположенію русскаго государя увеличенное имъ герцогство Варшавское, неумышленно проговорившись, что онъ не возбудитъ бунта въ государствѣ своего союзника и друга, въ полякахъ, его подданныхъ. Преемникъ Карла Великаго, какъ въ то же время величалъ себя императоръ Наполеонъ въ письмѣ къ папѣ Пію VII, счелъ долгомъ обѣщать русскому государю, что онъ не будетъ дѣйствовать такъ, какъ могъ бы дѣйствовать атаманъ разбойниковъ [1]).

Конечно, смыслъ этого письма былъ понятъ честною душою русскаго государя, презиравшаго всякую подлость и гнушавшагося низкаго обмана, особенно въ лицѣ, которое онъ долженъ былъ поневолѣ называть своимъ другомъ.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо изъ Шёнбруна 10-го октября 1809 г.

ВСТРѢЧА СЪ СУВОРОВЫМЪ ВЪ 1799 ГОДУ.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) Густава-Маврикія Армфельдта[1]).

Съ великимъ нашимъ Суворовымъ баронъ Армфельдтъ познакомился въ Прагѣ въ 1799 году. Онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свою встрѣчу съ знаменитымъ полководцемъ: «Я видѣлъ Суворова»,—пишетъ онъ своей дочери 29 декабря 1799 г.,—«нѣсколько дней тому назадъ въ театрѣ; его слава и странности привлекли туда множество народу; за билеты платили тройную цѣну. Театръ былъ иллюминованъ, и прологъ читался въ его славу. Онъ появился въ ложѣ эрцгерцога Карла, въ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во всѣхъ своихъ орденахъ. Послѣ пролога, равно какъ и при его входѣ въ ложу кричали: «ура!» и «да здравствуетъ Суворовъ!» съ неслыханнымъ энтузіазмомъ. Онъ отвѣчалъ: «да здравствуетъ Францъ»! и нѣсколько разъ давалъ знаки рукою, что не желалъ, чтобъ произносили его имя, но когда это ему надоѣло, онъ низко кланялся и кончилъ тѣмъ, что благословилъ зрителей въ партерѣ и ложахъ. Никто не находилъ это смѣшнымъ; ему кланялись, какъ папѣ. Во время одного изъ антрактовъ одна молодая дама далеко высунулась впередъ изъ сосѣдней ложи, чтобы увидѣть его. Онъ просилъ узнать ея фамилію. Ее представили ему, и онъ протянулъ ей руку, но она сконфузилась и не дала ему сво-

---

[1]) Род. 1757 г., † 1814 г.

ей. Тогда Суворовъ взялъ ее за носъ и поцѣловалъ. Публика тогда не могла не смѣяться.

«Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ князю-архіепископу; въ 10 часовъ я отправился туда и нашелъ болѣе 50 дамъ en gran gala и все, что̀ въ Прагѣ было великаго и знатнаго. Архіепископъ-князь Сальмъ—любезный человѣкъ и отличнѣйшаго тона. Онъ принялъ меня самымъ предупредительнымъ образомъ и представилъ меня всѣмъ этимъ дамамъ, такъ что я, того не замѣчая, очутился точно однимъ кавалеромъ въ большой компаніи среди множества дамъ. Вдругъ бѣжитъ Суворовъ въ сопровожденіи многихъ лицъ. Онъ низко поклонился во всѣ стороны и очень громко сказалъ: «что рекомендуетъ себя добротѣ и дружбѣ дамъ» и т. д. Это казалось плоскимъ и сказано не хорошо, съ закрытыми глазами и гримасами. Я стоялъ тихо и смотрѣлъ на него. Но онъ замѣтилъ меня и мои ордена и приблизился ко мнѣ; послѣ того какъ князь Горчаковъ на его вопросъ отвѣтилъ, кто я, онъ полетѣлъ ко мнѣ на шею, живо меня обнялъ и кричалъ: «Герой, герой, ты побилъ русскихъ и очень; Суворовъ только билъ турокъ, пруссаковъ, поляковъ и французовъ». Потомъ онъ взялъ меня за руку, потянулъ меня бѣгомъ за собой черезъ все помѣщеніе и громкимъ голосомъ кричалъ то же самое и объявилъ, что онъ давно желалъ со мной познакомиться. Потомъ онъ призвалъ своихъ генераловъ и свой штабъ, представилъ меня имъ и кончилъ слѣдующими словами: «да, да онъ насъ крѣпко побилъ; это заслуживаетъ уваженія; но онъ никогда не переставалъ быть вѣрнымъ своему королю и отечеству, это заслуживаетъ почтенія и удивленія»; послѣ сего онъ еще разъ меня обнялъ. Это случилось въ присутствіи 150 лицъ, и я былъ такъ сконфуженъ, что въ жизни никогда не испытывалъ подобнаго. Мы отправились въ столовую, и тамъ онъ меня позвалъ поближе къ себѣ. Мнѣ онъ ничего не говорилъ, что̀ не отличалось бы умомъ и смысломъ; но во время общаго разговора онъ дѣлалъ гримасы и говорилъ массу чепухи.

«На слѣдующій день онъ меня пригласилъ къ себѣ обѣдать въ 8 ч. утра. Я пришелъ и засталъ его при богослуженіи. Онъ читалъ большую книгу, бросался на землю, а потомъ пошелъ и

взялъ музыкальныя ноты, которыя онъ долго напѣвалъ вполголоса, разсматривая, прежде чѣмъ отдать ихъ мальчикамъ, состоящимъ въ полкахъ пѣвчими, и хорнымъ пѣвчимъ. Церковь была совершенно устроена; меня увѣряли, что ничего недоставало, и что все возилось на шести лошадяхъ. Это единственный обозъ у князя-геральссимуса.

«Потомъ мы сходили съ лѣстницы, черезъ дворъ, и вошли въ лачужку, гдѣ жара была невыносима. Совсѣмъ маленькая комната съ кроватью, столомъ и четырьмя стульями составляла спальню и рабочій кабинетъ Суворова. Другая, также совсѣмъ маленькая, была его столовая и зала. Мы сѣли за столъ — я рядомъ съ нимъ — и трапеза состояла изъ самой скверной русской постной пищи. Онъ заставлялъ меня отвѣдать всего и самъ ѣлъ чрезвычайно много. Наконецъ мы заговорили о войнѣ. До этого онъ дѣлалъ и говорилъ много глупостей; показывалъ свои раны и хотѣлъ видѣть мои. Потомъ онъ говорилъ про свой италіанскій походъ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя ни въ какомъ отношеніи не могли умалять того высокаго мнѣнія, которое его военный талантъ уже заранѣе мнѣ внушалъ. Онъ мнѣ говорилъ совершенно новыя вещи касательно нашего ремесла, которыя я никогда не забуду. Если его тактика не совершенна, то нельзя отрицать, что онъ обладаетъ взглядомъ и даромъ умѣть пользоваться одержаннымъ успѣхомъ или ошибкой непріятеля. Только въ 1-мъ часу мы встали изъ-за стола. Онъ часто повторялъ, что онъ любитъ разговаривать съ людьми, которые могли его понять. Я ему сказалъ по поводу чего-то случившагося во время сраженія при Треббіи: «но ваши шпіоны могли бы объ этомъ васъ извѣстить». — «Шпіоны, добрѣйшее превосходительство, шпіоны! Суворовъ никогда такихъ не употребляетъ; это люди, которыхъ можно вѣшать и которыхъ вѣшаютъ, и я не хочу быть причиной смерти никого». Потомъ онъ перекрестился и сказалъ мнѣ: «Святой Духъ даетъ мнѣ внушенія; это лучшій шпіонъ», и опять перекрестился. Послѣ обѣда онъ приказалъ дежурному генералу Андрею Горчакову дать мнѣ карты, приказы и пр. всѣ съ послѣдняго его похода.

«Въ настоящее время я этимъ занятъ. Это прекрасно, но неслы-

хано, сколько людей онъ пожертвовалъ. По крайней мѣрѣ 17.000 русскихъ убито; и это онъ, который боится имѣть смерть одного шпіона на своей совѣсти—это трогательно».

Послѣ этого перваго знакомства они часто видѣлись, и Суворовъ все продолжалъ отличать шведскаго генерала своимъ дружескимъ вниманіемъ. Армфельдтъ находилъ его общество поучительнымъ и интереснымъ. «Онъ странный»,—пишетъ Армфельдтъ,—«выражается странно, но все, что онъ говоритъ о военныхъ дѣлахъ; marqué au coin d'un grand génie et d'une profonde expérience».

«Онъ мнѣ говорилъ удивительно умныя, глубокія и интересныя вещи, не касательно войны, или политики, но о той странѣ, въ которой мы въ теченіе трехъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ спасались не отъ бѣдствія, а отъ эшафота. Ты не повѣришь, какъ этотъ человѣкъ, покрытый лаврами и ранами, интересенъ. Онъ не дуракъ, онъ не чудакъ, онъ чрезвычайно глубокъ и тонокъ, а въ особенности ловокъ судить о людяхъ и обстоятельствахъ».

Одинъ обѣдъ у Суворова Армфельдтъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Третьяго дня мы обѣдали у старика въ 8 часовъ, и тогда онъ выкидывалъ тысячи штукъ, чтобъ чествовать двухъ своихъ иностранныхъ переговорщиковъ, Беллегарда и Минто; мы не встали изъ-за стола ранѣе какъ въ часъ. Между многими странностями, которыя онъ говорилъ, было однакожъ и много удивительныхъ фразъ. Между прочимъ онъ спросилъ Беллегарда, отчего Ганнибалъ послѣ сраженія при Каннахъ не пошелъ на Римъ. Беллегардъ отвѣтилъ: «Онъ хотѣлъ дать своей арміи нѣсколько дней отдыху».—«Нѣтъ, сказалъ Суворовъ[1]) c'était le Conseil[2]) de Carthage qui l'empêchait; et partout, où le Conseil et les cabinets veulent régler les opérations des généraux, cela sera de même». Много говорилось въ этомъ духѣ. Когда мы вышли изъ-за стола, онъ сказалъ: «Messieurs, ce n'est ni l'argent de l'Angleterre, ni les bayon-

---

[1]) Нѣтъ, сказалъ Суворовъ, ему помѣшалъ Совѣтъ Карѳагена, да и всюду, гдѣ есть Совѣтъ и гдѣ дипломаты хотятъ направлять дѣйствія генераловъ, будетъ то же самое.

[2]) Это явный намекъ на существовавшій въ то время австрійскій „Hof-Krieg's-Rath".

nettes des Russes, ni la cavalerie et la tactique des Autrichiens, ni Souworow qui remettra l'ordre et remportera des victoires, qui auront les suites désirées; c'est la justice, le désintéressement qu'on mettra dans les démarches politiques, la bonne foi, l'honneur et une conduite loyale, gagnant les coeurs; c'est par là qu'on fera tout. Adieu, Messieurs» [1]).

Перевелъ со шведскаго и сообщилъ
Г. Ѳ. Сюннербергъ.

---

[1]) „Господа, не англійскія деньги, не русскіе штыки, не австрійская кавалерія и тактика, не Суворовъ водворятъ порядокъ и одержатъ побѣды съ желанными послѣдствіями, а справедливость, безкорыстіе, которое внесутъ въ политику, прямота, благородство и порядочность, привлекающія сердца, вотъ чѣмъ можно достигнуть всего. Прощайте, господа!“

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

Пребываніе императора Александра I въ Архангельскѣ.

(Изъ записокъ очевидца).

Въ «Архангельскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1839 годъ имѣется весьма интересная статья о посѣщеніи, въ 1819 году, города Архангельска императоромъ Александромъ Павловичемъ, составленная на основаніи словъ очевидца, которую, въ видахъ общаго ея интереса, предлагаю почтенной редакціи «Русской Старины», для перепечатанія на страницы журнала, чтобы этимъ способомъ спасти отъ неминуемаго забвенія факты, относящіеся къ исторіи Благословеннаго. **С. О.**

«1819 годъ есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ исторіи Архангельска. Императоръ Александръ I, обозрѣвая свою обширную Имперію, посѣтилъ въ этомъ году Архангельскъ, болѣе столѣтія не видѣвшій въ предѣлахъ своихъ самодержцевъ Россіи. Императоръ Петръ I былъ единственный изъ монарховъ, посѣщавшій этотъ городъ.

Двадцатилѣтній періодъ времени, протекшій послѣ посѣщенія Александра I, сливаетъ это въ памяти новаго поколѣнія съ преданіями о пребываніи Петра. Юноши съ любопытствомъ слушаютъ разсказы свидѣтелей сего событія. Одинъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ Архангельска, видѣвшихъ здѣсь Благословеннаго, описалъ это, желая сохранить навсегда въ своемъ семействѣ воспоминаніе о пребываніи Его Величества. Потомки сего почтеннаго гражданина хранятъ его записки, какъ безцѣнный кладъ, завѣщанный родителемъ. Намъ случилось слышать, какъ одинъ изъ нихъ читалъ записки отца въ кругу своихъ знакомыхъ. Любопытство, съ какимъ всѣ бывшіе тутъ слушали этотъ простой разсказъ очевидца, побуждаетъ передать содержаніе его соотечественникамъ. Вѣроятно, многіе съ удовольствіемъ прочтутъ сей разсказъ о времени, незабвенномъ въ лѣтописи Архангельска.

Прибытіе государя, по маршруту, назначено было 28-го іюля. Но еще съ мая мѣсяца начальство и жители города, извѣщенные объ этомъ, приготовлялись къ встрѣчѣ монарха. 25-го іюля пріѣхалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ, что государь выѣхалъ изъ Санктпетербурга. На другой день, въ 9 часовъ, прибылъ генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, и остановился въ домѣ купца Сергѣя Латышева.

28-го іюля, жители города, съ самаго утра, оставя свои домы, спѣшили за заставу, желая встрѣтить государя. Кто только былъ въ силахъ, не хотѣлъ оставаться дома. Женщины несли на рукахъ грудныхъ младенцевъ. Поселяне окрестныхъ деревень, оставя полевыя работы, еще за нѣсколько дней стеклись во множествѣ въ городъ. Чиновники и почетнѣйшіе изъ гражданъ, по предварительному приглашенію, собрались въ соборъ, гдѣ духовенство было въ полномъ облаченіи. День былъ ясный и жаркій, но къ вечеру собрались облака, прогремѣлъ громъ и небольшой дождь смочилъ улицы города, покрытыя пылью. При наступившей темнотѣ вечера, городъ былъ иллюминованъ, а внутренность собора ярко освѣщена, что̀, при тихой лѣтней погодѣ, представляло великолѣпное зрѣлище. Всѣ съ восторженными чувствами ожидали монарха. Наконецъ, близъ полночи, въ 11 часовъ вечера, раздался звонъ колокола съ кладбищенской церкви, находящейся за заставою, на выгонѣ города. Ему послѣдовали и въ прочихъ церквахъ. Этотъ переливъ звуковъ извѣстилъ жителей города о приближеніи государя, и всѣхъ сердца наполнились радостью.

Государь, прибывъ въ предмѣстье города, заходилъ не надолго въ домъ купца Бранта [1]), гдѣ, переодѣвшись, въ 11 часовъ вечера въѣхалъ въ городъ. По приближеніи его, въ каждой церкви прекращался благовѣстъ и звонили во всѣ колокола. Священники выносили изъ церкви св. Крестъ, и государь, выходя изъ коляски, изволилъ прикладываться. Сопровождаемый толпами народа, государь прибылъ въ соборъ, гдѣ, при выходѣ изъ коляски, былъ встрѣченъ военнымъ и гражданскимъ губернаторами и духовенствомъ. Приложась къ св. Кресту, Его Величество вошелъ въ соборъ и, подойдя къ олтарю, прикладывался къ мѣстнымъ образамъ. Потомъ, по возгласу протодіакона, пѣвчіе пѣли многолѣтіе государю и всей императорской фамиліи. По выходѣ изъ собора, государь пригласилъ въ свою коляску военнаго губернатора, контръ-адмирала

---

[1]) Домъ этотъ сгорѣлъ въ декабрѣ 1837 года. Ожиданія Августѣйшаго гостя въ Архангельскѣ начались еще съ 1816 года по причинѣ разнесшагося о томъ слуха въ средѣ оффиціальныхъ лицъ, соотвѣтственно чему тогда же предприняты были портовымъ начальствомъ слѣдующія распоряженія: „Шлюпъ „Пиратъ“ пріуготовить во всемъ къ первымъ числамъ іюня, на случай плаванія государя императора къ Соловецкому монастырю; гребныя суда пріуготовить лучшія; составить карту для плаванія отъ бара до Соловецкихъ острововъ и до Онеги; для дальней брантвахты пріуготовить бригъ „Кетти“, и поставить на немъ пушки“. Прибытіе государя въ Архангельскъ состоялось водою на гребныхъ судахъ. С. О.

А. Ѳ. Клокачева [1]) и съ нимъ отправился въ назначенный для пребыванія Его Величества домъ купца Бранта, находившійся на набережной, подлѣ сахарнаго завода. Всѣ граждане и толпы народа, съ восторженнымъ кликомъ «ура», послѣдовали за коляскою государя. Улица передъ домомъ была наполнена народомъ. Чрезъ $^1/_4$ часа по прибытіи въ домъ, государь вышелъ на балконъ, со свѣчкою въ рукѣ. Неумолкаемое «ура» было отвѣтомъ подданныхъ на привѣтствіе монарха. Государь, въ продолженіе вечера, нѣсколько разъ показывался такъ народу, который разошелся не прежде, какъ по объявленіи, что государь намѣренъ успокоиться.

На другой день, 29-го іюля, въ 9 часовъ утра, государь изволилъ присутствовать при разводѣ гарнизоннаго полка, бывшемъ на плацъ-парадномъ мѣстѣ, а въ 11 часу, въ квартирѣ государя, представлялись Его Величеству духовенство, флотскіе, военные и гражданскіе чиновники и почетнѣйшее купечество, какъ русское, такъ и иностранное. Градскій глава, А. И. Амосовъ, купецъ 1-й гильдіи, поднесъ государю на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ и соль. Принявъ хлѣбъ, государь спрашивалъ градскаго главу, давно ли онъ въ этой должности, и какое число въ городѣ купцовъ и домовъ, потомъ довольно долго говорилъ съ купцами о торговлѣ здѣшняго порта. Въ 1 часу пополудни, раскланявшись съ чиновниками и купечествомъ, государь вышелъ на балконъ и разсматривалъ мѣстоположеніе. Собравшійся передъ домомъ народъ, увидѣвъ государя, привѣтствовалъ его кликами радости. Къ обѣду государь изволилъ пригласить губернатора и другихъ высшихъ чиновниковъ. Послѣ обѣда, съ военнымъ губернаторомъ осматривалъ морскую и военную госпитали, также военно-сиротское отдѣленіе, и, найдя вездѣ порядокъ, изволилъ изъявить благодарность начальникамъ. Вечеръ провелъ дома, осчастлививъ своимъ присутствіемъ комнаты жившаго въ занимаемомъ Его Величествомъ домѣ купца Классена, съ семействомъ котораго изволилъ пить чай.

30 іюля, въ 10 часовъ утра, государь прибылъ на плацъ-парадное мѣсто и присутствовалъ при разводѣ 14-го флотскаго экипажа, которымъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Рудневъ. Толпы народа окружали плацъ-парадное мѣсто. Даже крыши ближайшихъ зданій наполнены были зрителями. День былъ ясный и теплый, одинъ изъ немногихъ, какіе бываютъ въ краткое лѣто Архангельска. Отличный порядокъ и стройность дѣйствій нижнихъ чиновъ экипажа заслужили благоволеніе монарха. Его Величество пожаловалъ капитанъ-лейтенанту Рудневу брильянтовый перстень, а нижнимъ чинамъ по чаркѣ

---

[1]) Алексѣй Ѳедотовичъ Клокачевъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ военныхъ губернаторовъ Архангельской губерніи. Съ 1808 г. онъ состоялъ флотскимъ начальникомъ при тамошнемъ портѣ, а въ должность главнаго командира порта и военнаго губернатора вступилъ въ 1813 году, и пробылъ въ этой должности до 1823 года. Съ его именемъ связано весьма много полезныхъ мѣръ для Архангельскаго порта. Скончался въ Вологдѣ 1823 года, января 2-го дня. С. О.

вина. Послѣ обѣда, государь осматривалъ таможенный замокъ и биржевую залу, потомъ былъ въ соборѣ и смотрѣлъ штандартъ, пожалованный архіепископу Аѳанасію государемъ Петромъ въ бытность въ 1693 году въ Архангельскѣ; посѣтилъ гимназію, богоугодное заведеніе Приказа Общественнаго Призрѣнія и тюремный замокъ. Замѣтивъ малое число содержащихся въ замкѣ, государь изволилъ изъявить удовольствіе. Послѣ того отправился въ Кегостровъ—селеніе противъ Архангельска, на островѣ р. Двины, одно изъ любимыхъ мѣстъ Великаго Преобразователя Россіи, который, во время бытности въ Архангельскѣ, часто сюда ѣздилъ. Тутъ государь посѣтилъ церковь св. Иліи пророка, заходилъ въ два крестьянскихъ дома, одной изъ хозяекъ коихъ подарилъ брильянтовый перстень. Толпы дѣвушекъ въ національной русской одеждѣ, парчевыхъ юбкахъ, полушубкахъ и повязкахъ, унизанныхъ жемчугомъ, привлекли вниманіе монарха. Любуясь ими, государь милостиво разговаривалъ, смотрѣлъ и хвалилъ ихъ нарядъ. Потомъ прогуливался въ рощѣ, находящейся близъ деревни. Возвратясь оттуда, въ 6-мъ часу по полудни, государь отправился на катерѣ въ Новодвинскую крѣпость. Проѣзжая мимо Адмиралтейства, смотрѣлъ на изготовленные къ спуску корабли въ купеческой гавани; передъ Соломбалою находилось тогда до 150 иностранныхъ кораблей. Они расположены были рядами и увѣшаны флагами. По реямъ разставлены были матросы, которые, по приближеніи императорскаго катера, махая шляпами, кричали «ура». Государь, отвѣчая на привѣтствіе ихъ, вставалъ самъ въ катерѣ, а гребцы его кричали «ура». На пути въ крѣпость, встрѣтивъ ѣхавшаго на лодкѣ съ рыбной ловли крестьянина, въ отвѣтъ на привѣтствіе его, тоже приказалъ гребцамъ кричать «ура». Послѣ того, увидѣвъ однѣхъ женщинъ, ѣхавшихъ на карбасѣ, удивлялся ловкости, съ какою они дѣйствовали веслами.

Въ Новодвинской крѣпости государь, посѣтивъ коменданта, изволилъ пить у него чай. Найдя во всемъ отличный порядокъ, пожаловалъ коменданту столовыя деньги, а артиллерійскаго штабсъ-капитана произвелъ въ маіоры. Между тѣмъ въ городѣ приготовленъ былъ градскимъ обществомъ, въ этотъ вечеръ, балъ, въ домѣ купца Ольдекопа, по Менсендековской улицѣ, гдѣ нынѣ благородное собраніе. На балъ приглашено до 500 особъ. Весь городъ, и въ особенности домъ, гдѣ былъ балъ, иллюминованы. Государь прибылъ на балъ въ 11 часовъ вечера и былъ встрѣченъ градскимъ главою. Балъ открылъ государь съ губернаторшею, В. А. Перфильевой, потомъ танцевалъ съ многими дамами, въ особенности русскими. Снисходительная привѣтливость монарха одушевляла всѣхъ посѣтителей и радушныхъ хозяевъ бала, — гражданъ Архангельска. Государь говорилъ съ многими особами и градскимъ главою, обѣщалъ быть еще чрезъ два года въ Архангельскѣ и, изъявя полное удовольствіе за радушное угощеніе, оставилъ балъ въ 2 часа за полночь. По отбытіи государя, всѣ посѣтители угощены были ужиномъ, за которымъ, при звукахъ музыки, провозглашенъ былъ тостъ за здоровье Августѣйшаго гостя. Уже при утреннемъ свѣтѣ, въ 4 часа, гости разъѣхались съ бала.

Утромъ, 31 іюля, граждане Архангельска собрались въ квартирѣ государя благодарить за посѣщеніе ихъ бала и за разныя милости, которыя Его Величество изволилъ даровать городу. Тутъ государь пожаловалъ градскому главѣ Амосову брильянтовый перстень въ 200 рублей, также по перстню гласнымъ Латышеву и Штутцеру. Потомъ отправился въ Адмиралтейство, гдѣ назначенъ былъ спускъ вновь построенныхъ 74-хъ пуш. корабля «Трехъ Святителей» и 44-хъ пуш. фрегата «Патрикій». Обозрѣвъ корабли, государь изволилъ присутствовать при спускѣ ихъ. При звукахъ музыки и громѣ орудій, они быстро слетѣли на воду. Государь, махая шляпою, привѣтствовалъ новыхъ исполиновъ своего флота. Изъявя монаршее удовольствіе за успѣшный спускъ, собственноручно пожаловалъ корабельному мастеру положенную награду, а военнаго губернатора тутъ же поздравилъ съ чиномъ вице-адмирала. По спускѣ кораблей, приступлено было къ закладкѣ новаго 44-пуш. фрегата «Меркурій». Государь изволилъ положить нѣсколько червонцевъ подъ штевень; потомъ мазалъ смолой и вбивалъ болты въ киль судна; примѣру его послѣдовали и прочія особы, при спускѣ находившіяся. По совершеніи закладки фрегата, государь пожаловалъ корабельному мастеру [1]) столовыя деньги, по 1.200 руб. въ годъ. Осмотрѣвъ заведенія Адмиралтейства и изъявя довольствіе за найденный во всѣхъ частяхъ порядокъ, отправился въ гавань; объѣзжалъ по всему Соломбальскому селенію и былъ въ церкви. Въ 3 часа по полудни, прибылъ въ домъ военнаго губернатора, гдѣ изволилъ кушать и пробылъ до 5 часовъ.

Между тѣмъ, по предварительному объявленію о намѣреніи государя им-

---

[1]) Корабельнымъ мастеромъ въ это время былъ извѣстный въ исторіи нашего флота Андрей Михайловичъ Курочкинъ, талантливый строитель военныхъ судовъ, человѣкъ-практикъ, лишенный всякаго научнаго образованія и, такъ сказать, полуграмотный. Но этотъ полуграмотный строитель, съ 1805 г., имѣя отъ роду 35 лѣтъ, уже имѣлъ въ своемъ полномъ вѣдѣніи всѣ кораблестроительныя при Архангельскомъ портѣ работы, вводилъ въ нихъ такія улучшенія и практическія удобства, которыя, по распоряженію государственной адмиралтейской коллегіи, ставились прочимъ строителямъ въ образецъ, такъ что корабли постройки Курочкина отличались многими хорошими качествами передъ прочими кораблями балтійскаго флота, что оффиціально признано было въ 1815 году адмиралтейскою коллегіею, сдѣлавшею распоряженіе, «чтобы подлинный чертежъ 74 пуш. корабля архангельскаго построенія былъ выгравированъ на мѣдной доскѣ, для сохраненія его и впредь въ неизмѣнности отъ разныхъ случаевъ съ копировокъ». (Дѣло Канц. М. М. 1818 г. № 674). Государственная служба Курочкина продолжалась 46 лѣтъ. Въ теченіе этого времени имъ построено было кораблей разныхъ ранговъ 28, фрегатовъ 17, шлюповъ и 30-пуш. транспортовъ 5 и малыхъ парусныхъ судовъ 37, а всего 87 судовъ. Примѣръ этотъ едва-ли не единственный въ кораблестроительномъ родѣ. Уволенный отъ службы въ чинѣ генералъ-маіора въ 1829 году, съ пенсіею на 31 т. р. въ годъ, А. Н. Курочкинъ скончался въ 1842 году, 4 декабря и погребенъ на Соломбальскомъ кладбищѣ, 73 лѣтъ отъ рожденія. С. О.

ператора выѣхать въ этотъ день изъ Архангельска, чиновники и граждане собрались къ квартирѣ государя, для прощенія съ Августѣйшимъ посѣтителемъ. Въ 6 часовъ Его Величество вышелъ къ приготовленнымъ экипажамъ, окруженнымъ толпами народа, желавшаго еще насладиться зрѣніемъ обожаемаго монарха. Милостиво прощаясь со всѣми, государь благодарилъ за радушный пріемъ, повторилъ обѣщаніе быть здѣсь чрезъ два года и, сѣвъ въ коляску, перекрестился и сказалъ кучеру: «поѣзжай, Илья Ивановичъ». При общемъ звукѣ колоколовъ жители съ слезами на глазахъ слѣдовали за удалявшеюся коляскою монарха. При выѣздѣ изъ города, государь посѣтилъ Архангельскій монастырь. Былъ въ церкви, осматривалъ достопримѣчательности и говорилъ о древности сего монастыря, основаннаго въ XII столѣтіи. Въ казну монастыря пожаловалъ 3.000 руб. и, напутствованный благословеніемъ настоятеля, выѣхалъ изъ города при громкихъ восклицаніяхъ народа, изъявившаго желанія счастливаго пути...» [1]).

Сообщилъ **С. Ѳ. Огородниковъ**.

---

[1]) Во время пребыванія императора Александра I въ Архангельскѣ, дарованы были нижеслѣдующія привилегіи и льготы купечеству и крестьянскимъ сословіямъ:

1) Архангельское купечество на 20 лѣтъ освобождено отъ взноса гильдейскихъ повинностей.

2) Обывательскіе городскіе дома освобождены отъ военнаго постоя солдатъ и морскихъ служителей, для которыхъ разрѣшено построить каменныя казармы.

3) По набережной С.-Двины дозволено строить деревянные дома, какъ болѣе соотвѣтствующіе климату, взамѣнъ каменныхъ.

4) Отмѣнена пошлина за проходъ по Двинѣ малаго размѣра судовъ.

и 5) Крестьянамъ уѣздовъ: Архангельскаго, Кемскаго и Кольскаго прощено до 67.000 рублей разнаго рода недоимокъ. С. О.

По поводу статьи „Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ“.

Въ журналѣ «Русская Старина» за февраль текущаго 1893 года появилось продолженіе статьи Д. Г. Анучина «Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ».

Пятый отдѣлъ этой статьи носитъ заглавіе «Варшавскій Дневникъ», а шестой «Гналъ ли графъ Бергъ Н. И. Павлищева».

Не желая вступать въ обширную полемику съ авторомъ, сотрудникомъ «Русской Старины», насчетъ вполнѣ добросовѣстной литературной и политической дѣятельности бывшаго главнаго редактора обоихъ «Варшавскихъ Дневниковъ», покойнаго отца моего Николая Ивановича Павлищева,—онъ почти четырнадцать лѣтъ лежитъ въ могилѣ,—не вхожу въ разборъ недоразумѣній, возникавшихъ между нимъ и намѣстникомъ; не вхожу также и въ анализъ редакторскихъ способностей отца, но не могу оставить безъ возраженій слѣдующихъ отзывовъ г-на Анучина.

Авторъ статьи утверждаетъ, между прочимъ, что «Варшавскій Дневникъ», во время редакторства Павлищева, «никогда не служилъ органомъ Учредительнаго комитета, совершенно имъ не признавался, и къ его услугамъ никто изъ членовъ этого комитета никогда не прибѣгалъ».

Между тѣмъ, всѣ постановленія Учредительнаго комитета, всѣ его мѣропріятія печатались исключительно въ «Варшавскомъ Дневникѣ», куда имъ и высылались для опубликованія, а князь В. И. Черкаскій, находившійся съ моимъ отцомъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, постоянно доставлялъ ему свои редактированныя статьи по отрасли ввѣренной ему дѣятельности; точно такъ же поступалъ и членъ, завѣдующій дѣлами комитета, сенаторъ Я. А. Со-

*

ловьевъ. Не говорю уже объ истинномъ расположеніи и сочувствіи къ Павлищеву бывшаго директора коммиссіи мѣстнаго народнаго просвѣщенія—впослѣдствіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа—покойнаго Ф. Ф. Витте—всегда содѣйствовавшаго печатанію въ «Варшавскомъ Дневникѣ» статей, касавшихся вопросовъ ввѣреннаго ему вѣдомства. Не говорю и о прочихъ русскихъ административныхъ дѣятеляхъ, отдававшихъ полную справедливость Павлищеву, который, будучи главнымъ редакторомъ оффиціальнаго органа, несъ въ то же время съ 11 сентября 1863 по 17 марта 1870 года весьма не легкую обязанность директора періодической печати въ Царствѣ Польскомъ.

Далѣе Д. Г. Анучинъ пишетъ:

«Когда прекращено составленіе «Седмицъ» и когда «по поводу ихъ «прекращенія» могло послѣдовать Высочайшее повелѣніе о пожалованіи «тайному совѣтнику Павлищеву маіората,—мнѣ неизвѣстно. «Седмицы напечатаны въ 1887 году въ двухъ томахъ. Послѣдняя седмица LXVII «помѣчена 5-мъ числомъ мая 1864 года, а такъ какъ въ тайные совѣтники «Павлищевъ произведенъ 1-го ноября 1864 года, то слѣдуетъ предположить, «что повелѣніе о маіоратѣ «тайному совѣтнику Павлищеву» состоялось не тотъ «часъ же по прекращеніи «Седмицъ», но нѣсколько мѣсяцевъ послѣ «награжденія его чиномъ тайнаго совѣтника, при испрошеніи котораго, лицу, находившемуся въ отставкѣ, безъ сомнѣнія, «были учтены всѣ оказанныя имъ до того времени заслуги».

На это долженъ я отвѣчать:

1) Изъ представлявшихся на Высочайшее воззрѣніе еженедѣльныхъ «Политическихъ обзоровъ Царства Польскаго» («Седмицъ») лишь первая часть ихъ, съ 1 (13) ноября 1861 г. по 5 (17) мая 1864—какъ совершенно вѣрно заявляетъ г-нъ Анучинъ—была, согласно желанію автора, напечатана подъ заглавіемъ «Седмицы польскаго мятежа», какъ дополненіе къ послѣднему сочиненію Павлищева: «Польская анархія при Янѣ Казимірѣ и борьба за Украйну»—сочиненію, вышедшему въ свѣтъ въ 1878-мъ году, за годъ до кончины автора. Выше названныя «Седмицы», то-есть первая часть ихъ—была отпечатана тогда же, подъ личнымъ наблюденіемъ отца, но вышла въ двухъ томахъ только въ 1887-мъ году изъ типографіи Балашова. Печатать же дальнѣйшіе «Политическіе обзоры» съ 1864 по время ихъ прекращенія—въ 1868 году—и подъ тѣмъ же названіемъ («Седмицы польскаго мятежа») Павлищевъ не видѣлъ необходимости, потому что мятежъ уже съ весны 1864-го года былъ усмиренъ окончательно въ Привислянскомъ краѣ. Въ печатаніи «Седмицъ» я, сынъ его, никакого участія не принималъ.

2) Въ хранящейся у меня черновой послужнаго списка покойнаго (подлинникъ находится въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства) между прочимъ значится:

«За труды по составленію еженедѣльныхъ обозрѣній, именуемыхъ «Сед-«мицами», которыя удостоивались личнаго Высочайшаго прочтенія и внима-«нія, равно какъ за продолжительную въ Царствѣ службу, Всемилостивѣйше «повелѣно наградить его пожалованіемъ маіората 6-го декабря 1868-го года»

Далѣе:

«За труды по составленію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльныхъ «обозрѣній, именуемыхъ «Седмицами», которыя удостоивались личнаго Высо-«чайшаго прочтенія, Всемилостивѣйше повелѣно производить ему съ 1-го ян-«варя 1870-го года, впредь до назначенія ему въ установленномъ порядкѣ аренды, «по двѣ тысячи рублей съ предоставленіемъ намѣстнику въ Царствѣ Поль-«скомъ относительно пожалованія арендnаго производства въ этомъ же раз-«мѣрѣ на 12 лѣтъ, возобновить ходатайство въ 1871-мъ году непосредствен-«нымъ о томъ сношеніемъ съ министромъ государственныхъ имуществъ, о «чемъ сообщено намѣстнику управляющимъ Собственною Его Императорскаго «Величества канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго 1870 г. февраля 16-го».

Отецъ мой—какъ совершенно вѣрно заявляетъ г-нъ Анучинъ—произведенъ за отличіе по службѣ въ тайные совѣтники Высочайшимъ приказомъ 1-го ноября 1864-го года за № 44.

Стало быть, пожалованіе маіората, замѣненнаго арендой, состоялось не чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ производства отца въ тайные совѣтники, а черезъ три года и одинъ мѣсяцъ.

3) Отецъ мой—служившій до 15-го января 1861-го года въ гражданскомъ вѣдомствѣ [1])—былъ въ отставкѣ лишь пять мѣсяцевъ, такъ какъ 9-го іюля того же 1861-го года, Высочайшимъ приказомъ о чинахъ гражданскихъ военнаго вѣдомства за № 29, опредѣленъ вновь на службу состоящимъ при главнокомандующемъ первою арміею. Затѣмъ 22-го іюля 1862-го года назначенъ состоять при командующемъ войсками въ Царствѣ Польскомъ, а 15-го декабря 1863-го года при главнокомандующемъ тѣми же войсками и намѣстникѣ [2]).

Слѣдовательно, Павлищевъ во все время своего редакторства былъ гражданскимъ чиновникомъ военнаго вѣдомства, почему и нѣтъ ничего удивительнаго, что Щебальскій видѣлъ его въ мундирѣ этого вѣдомства съ шашкою черезъ плечо, присвоенною въ 1864-мъ году и этимъ чинамъ.

---

[1]) Уволенъ былъ тогда по желанію отъ должности члена варшавскихъ департаментовъ Сената. *Л. П.*

[2]) Оставаясь въ военномъ вѣдомствѣ—безъ всякой отставки до самой своей кончины, что видно изъ того же послужнаго списка.

Этимъ и ограничиваю мои возраженія, вовсе не желая вступать въ дальнѣйшую полемику съ сотрудникомъ журнала «Русская Старина», тѣмъ болѣе, что я къ недоразумѣніямъ моего отца какъ съ Д. Г. Анучинымъ, такъ и съ покойнымъ П. К. Щебальскимъ, а тѣмъ болѣе съ бывшимъ намѣстникомъ, графомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ, совершенно непричастенъ.

Сообщилъ Левъ Николаевичъ Павлищевъ.

Замѣтка.

На дняхъ минуло столѣтіе со дня рожденія академика П. И. Кеппена Въ слѣдующей книжкѣ мы помѣстимъ біографическій очеркъ этого выдающагося ученаго, вмѣстѣ съ портретомъ. Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1893 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Записки современниковъ о 1812 годѣ. (Графъ Боволье) В. А. Бильбасова	1—33
II.	Славянская заря въ 1812 году. (Изъ бумагъ А. Н. Попова). Сообщилъ П. Н. Цуриковъ	87—120
III.	Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова, проф. Спб. духовной академіи .	121—151, 448—480, 657—666
IV.	Изъ воспоминаній о Венгерской и Крымской кампаніяхъ. Н. Богдановскаго. .	241—245
V.	Воспоминанія В. И. Панаева. Бракосочетаніе и кончина великой княжны Александры Николаевны. Сообщила М. Л. Казембекъ	299—312
VI.	Изъ записокъ стараго преображенца. I. Отцы-командиры былыхъ временъ.—II. Мой первый полковой командиръ.—III. 1848.—Производство въ прапорщики.—Холерная паника въ Петербургѣ.—IV. Лагерь подъ Крас-	

нымъ Селомъ.—Частный бытъ и служебныя занятія офицеровъ.—V. Политическія событія 1848 г. и отношенія къ нимъ офицеровъ.—Число и составъ офицеровъ въ 1848—1852 гг.—Щегольство.—Наружная представительность генерала Катенина.—Сравненіе его съ Микулинымъ.—Характеристика замѣчательнѣйшихъ офицеровъ: Пушкинъ, Шульгинъ, Салогубъ, Пенхержевскій, Ребиндеръ, Коссаковскій. Князя Н. К Имеретинскаго . . . . . 313—339, 531—558

VII. Баронъ Штейнъ въ Россіи въ 1812 году. (Изъ бумагъ А. Н. Попова). Сообщ. П. Н. Цуриковъ . . . . . 383—404

VIII. Записки Н. В. Веригина. 405—447, 579—615

IX. Вопросъ польскій. 1806 — 1809 гг. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н. Цуриковъ . . 667—695

X. Встрѣча съ Суворовымъ въ 1799 году. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) Густава-Маврикія Армфельдта. Перевелъ со шведскаго и сообщ. Г. Ѳ. Сюннербергъ 696—700

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Біографія графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, составленная А. Ѳ. Брокеромъ въ 1826 году. А. Б. . . . . 161—172

II. Переписка императора Александра Павловича съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ 1812—1814 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . . . . 173—208

III. Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ (1863—1874 гг.). Д. Г. Анучина . . . . . 34—86, 340—382, 559—573

IV. Возраженіе севастопольца, полковника Лебедева,

на записки генерала В. И. Денъ. Полковника Н. П. Лебедева . . . . . 156—160
V. Къ исторіи царствованія императора Павла Петровича: 1) Именной указъ, данный Сенату,—о пропускѣ иностранцевъ въ Россію для торговли; 2) Разсужденіе цензуры по поводу пьесы «Der redliche Starost»; 3) П. Х. Обольяниновъ—Ѳ. М. Брискорну. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . . 246—248
VI. Изъ переписки А. М. Тургенева съ В. А. Жуковскимъ . . . . . 249—253
VII. Неизданныя письма Д. В. Давыдова—А. И. Михайловскому-Данилевскому. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. . . . . 253—256
VIII. Екатерина II и Гриммъ. В. А. Бильбасова. . . . . 257—298, 497—524
IX. Сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній (историческій очеркъ) Э. А. Жуковскаго . . . 481—487
X. К. В. Чевкинъ въ письмахъ его къ графу Дибичу (Изъ бумагъ К. В. Чевкина) . . . . . 488—493
XI. Письмо митрополита Филарета по поводу восшествія на престолъ императора Александра II. Сообщ. С. Ѳ. Огородниковъ . . . . . 494—495
XII. По поводу записокъ Толмачева. М. Брадке (рожд. Кояндеръ). . . . . 495—496
XIII. Два письма К. Н. Батюшкова. Сообщилъ Л. Н. Майковъ. . . . . 525—528
XIV. Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, первый министръ финансовъ Россійской имперіи. А. Ш. 574—578
XV. Новые матеріалы для біографіи А. Н. Сѣрова. (Письма 1845—1849 гг.). Сообщ. Н. Финдейзенъ. . . . . 616—624
XVI. Пребываніе императора Александра I въ Архангельскѣ (изъ записокъ очевидца). Сообщ. С. Ѳ. Огородниковъ . . . . . 701—706
XVII. По поводу статьи «Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ». Сообщ. Левъ Николаевичъ Павлищевъ. . . 707—710
XVIII. Первая годовщина кончины Михаила Ивановича Семевскаго. Н. Ш. (Передъ текстомъ 3-й книги).

Исторія русской литературы.

I. Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ народныхъ заклинаній. Проф. Н. И. Барсова . . . . . 209—219
II. Берлинскіе матеріалы для исторіи русской литературы. Отрывки стихотвореній и записка А. С. Пушкина. I—IV. И. А. Шляпкина . . . . . 219—241

Исторія русскаго театра.

I. Къ исторіи русскаго театра. Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой. (1822—1826 гг.). Письма I—VIII. Сообщ. Владим. И. Боцяновскій . . . . . 625—656

Портреты.

I. Портретъ графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, гравиров. художн. И. И. Матюшинъ

(При 1-й книгѣ).

II. Портретъ графа Ѳедора Ѳедоровича Берга, намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, гравиров. художникъ И. И. Матюшинъ.

(При 2-й книгѣ).

III. Портретъ графа Алексѣя Ивановича Васильева, перваго министра финансовъ Россійской имперіи, гравиров. художн. И. И. Матюшинъ.

(При 3-й книгѣ).

Библіографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Италія и Россія въ XVI столѣтіи. R. Pierling „L'Italie et la Russie au XVI siècle". Paris. 1892. В. А. Бильбасова (въ текстѣ 1-й книги, стр. 152—156).
2. Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX столѣтія. Н. И. Полетаевъ. Спб. 1892 г. (На оберткѣ 1-й книги „Русской Старины" изд. 1893 г.).
3. А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ третій. 1892. XI+391+XIV+226 стр (Тамъ же).
4. О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Изслѣдованіе Р. Вл. Зотова. Изданіе Археографической коммиссіи. Спб. 1892. (Тамъ же).
5. С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней) Т. Ш. Бенни-Боборыкина. Спб. 1892. (Тамъ же).
6. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Томъ 53. Спб. 1892. (Тамъ же).
7. С. Н. Шубинскій. Историческіе очерки и разсказы. Третье изданіе, дополненное и исправленное, съ портретами и иллюстраціями. Ц. 3 р. (Тамъ же).
8. Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890. 8°. 296 стр.—То же (1796—1828). Спб. 1893. 8°. 308 стр. Ц. за обѣ книги 3 р. (На оберткѣ 2-й книги „Русской Старины" изд. 1893 г.).
9. Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Составилъ К. А Ивановъ. Спб. 1892. 8°. 217 стр., ц. 80 к. (Тамъ же).
10. Краткій очеркъ учебной и ученой дѣятельности Казанской духовной академіи за пятьдесятъ лѣтъ ея существованія. 1842—1892 г.г. И. Бердниковъ. Казань. 1892. 8°. 115 стр., ц. 50 к. (Тамъ же).
11. Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенко. Томъ первый. Съ портретомъ автора. С.-Петербургъ, 1893 г. (На оберткѣ 3-й книги „Русской Старины" изд. 1893 г.).
12. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. (1770—1837 г.). Изданіе А. Брикнера. Томъ VII. С.-Петербургъ, 1892. (Тамъ же).
13. Историческій обзоръ дѣятельности Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета, дѣйствительнаго члена комитета Н. В. Воскресенскаго. Воронежъ. 1892 г., 84 стр. (Тамъ же).
14. Шесть статей о Пушкинѣ. А. И. Незеленовъ. Спб. 1892. — 118 стр., ц. 60 к. (Тамъ же).
15. Сочиненія Д. В. Давыдова. Со статьей о литературной дѣятельности Д. В. Давыдова и примѣчаніями, составленными А. О. Круг-

лымъ. Томъ I. Стихотворенія. — Проза. Томъ II. Проза. Спб. 1893. (Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ за январь и февраль 1893 г.). (Тамъ же).

16. Историческое Обозрѣніе, сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томъ пятый. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. (Тамъ же)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности при переводѣ съ **РУССКАГО** на **ЛАТИНСКІЙ.** 400 стр. 32°. Цѣна **50** коп.

составилъ

Н. И. КАШКАДАМОВЪ.

Необходима для учениковъ всѣхъ классовъ гимназіи, такъ какъ замѣняетъ грамматику и словарь.

☞ Къ ней **ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1. Табл. оконч. склон.; 2. Образцы склон. сущ. и прилаг.; 3. Числит.; 4. Мѣстоим.; 5. Глаголъ; 6. Consecutio temporum; 7. Условн. предл.; 8. Римскій календарь. ☜

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ **Н. И. Кашкадамовъ.** 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 р.

Обѣ книги содержатъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ *этимологическомъ*, такъ и въ *синтаксическомъ* отношеніяхъ. Въ нихъ учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ *русскаго* на *латинскій* и *греческій*; при *глаголахъ* выписаны всѣ формы и конструкціи, при *предлогахъ*—важнѣйшія *особыя выраженія*, при *другихъ частяхъ рѣчи*—всѣ неправильности. Эти книги могутъ отчасти замѣнить учебникъ и карманный словарь.

Рекомендуются для письменныхъ работъ (extemporalia).

Главный складъ въ Товариществѣ „Общественная Польза“, С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 39. **Продаются** во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **Петербурга** и **Москвы.** Книгопродавцамъ уступка 20%.

въ 1893 году

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ЕЖЕДНЕВНО

въ такомъ же большомъ форматѣ, какъ и въ предыдущіе годы.

Открывая подписку на «Одесскій Листокъ» на 1893-й годъ, мы считаемъ излишнимъ давать какія-либо заманчивыя и—въ большинствѣ случаевъ—неисполнимыя обѣщанія. Дѣло наше, полагаемъ, само за себя говоритъ. Постоянные читатели «Одесскаго Листка», на глазахъ которыхъ происходилъ его постепенный ростъ, согласятся, что мы не щадили до сихъ поръ никакихъ средствъ и трудовъ, чтобы **сдѣлать нашу газету отзывчивой, интересной, живой и разнообразной по содержанію**. Мы, какъ и раньше, въ теченіе 19-ти-лѣтняго существованія «Одесскаго Листка» подъ нашей редакціей, будемъ неуклонно идти по пути улучшеній изданія, держась строго прежняго направленія, которое хорошо знакомо читающей публикѣ.

ВНИМАНІЕ. Желая предоставить нашимъ подписчикамъ возможность БЕЗПЛАТНО знакомиться съ русской и иностранной прессой, мы, не останавливаясь предъ громадными затратами, открыли при редакціи КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ, въ которомъ въ 1893 году будетъ получаться **до 500 названій русскихъ, славянскихъ, польскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, англійскихъ, испанскихъ, греческихъ** и другихъ **газетъ и журналовъ**; спеціальныя **научныя изданія**, а равно новые **романы, повѣсти, разсказы**, какъ **русскіе**, такъ и **иностранные**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА газеты съ правомъ безплатнаго чтенія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія, **въ городѣ** съ доставкою на домъ: **10** руб. въ годъ, **6** руб. полгода, 3 р. **50** коп. три мѣсяца, **1** р. **20** коп. въ мѣсяцъ. **На города** съ ежедневною высылкою по почтѣ: **12** руб. въ годъ, **7** руб. полгода, **3** руб. **80** коп. три мѣсяца, **1** руб. **30** коп. въ мѣсяцъ.

Контора редакціи: въ Одессѣ, по Ланжероновской улицѣ, въ домѣ редактора-издателя В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1893 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ".

ВЫХОДИТЪ въ г. КРАСНОЯРСКѢ, Енис. губ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

I. СТАТЬИ и ОЧЕРКИ по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому и земскому хозяйствамъ, по сельскому хозяйству; экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.
II. Дѣйствія и распоряженія правительства.
III. Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».
IV. Недѣльная хроника.
V. СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.
VI. Торговый отдѣлъ.
VII. Справочныя свѣдѣнія.
VIII. СМѢСЬ. Отвѣты редакціи.
IX. ФЕЛЬЕТОНЪ. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены и стихотворенія.
X. Объявленія частныя и казенныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 рубль.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «ЕНИСЕЙСКАГО ЛИСТКА», собственный домъ, Воскресенская ул., въ Омскѣ въ книжномъ магазинѣ Александрова и въ Томскѣ въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

НА

общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ Казани ежедневно, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Камскаго и Приволжскаго края.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и проч.

Судебная хроника.

Библіографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концерты, музыкальные вечера и проч.

Ежедневное обозрѣніе текущей международной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство и промышленность.

Народное образованіе и педагогика.

Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы.

Фельетоны и беллетристика. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлію дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и **общедоступныя статьи научнаго содержанія**, составленныя спеціалистами.

Справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Барановъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В. Васильевъ, Н. Г. Гаринъ, А. С. Гацискій, В. А. Гольцевъ, И. М. Гвоздевъ, проф. Ѳ. Г. Дормидонтовъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, проф. В. В. Ивановскій, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, Н. Я. Капустина, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. К. М. Леонтьевъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, проф. Ѳ. Г. Мищенко, А. Д. Мысовская, проф. Е. А. Нефедьевъ, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, проф. В. Л. Орловъ, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, М. И. Поповъ (Анд. Любый), Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. И. Н. Смирновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, Е. Н. Чириковъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Н. Ѳ. Юшковъ, Н. Н. Ѳирсовъ и друг.

Подписная цѣна для иногородныхъ, съ пересылкой: на годъ—**9** руб., на полгода—**5** руб., на 3 мѣсяца—**2** р. **75** коп., на 1 мѣсяцъ—**1** руб. Допускается слѣдующая разсрочка платы: при подпискѣ вносится **5** руб., къ **1** мая—**4** руб. Для священниковъ, народныхъ учителей и учащихся—льготныя условія подписки.

Гг. иногородніе подписчики требованіе на газету и высылку денегъ благоволятъ адресовать слѣдующимъ образомъ: *Казань, редакціи „Волжскаго Вѣстника“.*

Редакторъ-Издатель **Н. Рейнгардтъ.**

Въ 1886 году члены комитета выпускаютъ обширный (до 1.500 стр.) и интересный сборникъ, по поводу 300-лѣтія существованія Воронежа.

Вообще, прочтя крайне обстоятельный очеркъ г. Воскресенскаго о дѣятельности комитета за послѣдніе годы, не можемъ не подивиться энергіи его членовъ, столь рѣдкой въ провинціальномъ неуниверситетскомъ городѣ. Л. Л.

Шесть статей о Пушкинѣ. А. Н. Незеленовъ. Спб. 1892. 8°. 118 стр. Ц. 60 к.

Книга г. Незеленова заключаетъ въ себѣ 6 статей, помѣщенныхъ авторомъ предварительно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, частію же выпущенныхъ отдѣльно. Статьи эти касаются и біографіи поэта („Жизнь А. С. Пушкина“, популярный очеркъ, предпосланный изданію избранныхъ стихотвореній поэта Комитетомъ Грамотности), и общей литературной и психологической характеристики его (такое содержаніе имѣютъ двѣ рѣчи, произнесенныя г. Незеленовымъ по поводу постановки памятника Пушкину въ Москвѣ и 50-ти лѣтія со дня смерти поэта), и разбора отдѣльныхъ произведеній („Евгеній Онѣгинъ“ и разысканіе о пропущенной главѣ „Капитанской Дочки“), и, наконецъ, вѣрности передачи текста поэта по рукописямъ. Эта послѣдняя статья является результатомъ занятій автора въ Румянцевскомъ музеѣ, при чемъ г. Незеленову удалось открыть нѣсколько неизвѣстныхъ ранѣе отрывковъ произведеній поэта и матеріаловъ для его біографіи, а также сообщить нѣкоторыя поправки къ печатнымъ текстамъ. Интересъ настоящихъ статей увеличивается тѣмъ, что, какъ извѣстно, г. Незеленовъ съ давнихъ поръ спеціально занимается Пушкинымъ.

Сочиненія Д. В. Давыдова. Со статьей о литературной дѣятельности Д. В. Давыдова и примѣчаніями, составленными А. О. Круглымъ. Томъ I. Стихотворенія—Проза. Томъ II. Проза. Спб. 1893. (Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ за январь и февраль 1893 г.).

Наши еженедѣльные журналы, желая привлечь къ себѣ публику, остановились въ послѣднее время на такомъ родѣ премій, который нельзя не назвать наиболѣе удачнымъ изо всѣхъ; именно они начали давать, въ качествѣ приложеній, сочиненія русскихъ авторовъ. Такимъ образомъ, журналу „Сѣверъ“ обязано своимъ появленіемъ лежащее предъ нами новое (6-е по общему счету) собраніе сочиненій литературной знаменитости тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, Д. В. Давыдова, который, конечно, извѣстенъ среди нашей публики, но извѣстность эта въ большинствѣ случаевъ ограничивается знаніемъ двухъ-трехъ отрывковъ изъ его стихотвореній да его партизанскими подвигами въ отечественную войну. Въ настоящее изданіе, еще не совсѣмъ оконченное, войдутъ всѣ произведенія и письма Давыдова, представляющія сколько-нибудь литературный интересъ. Сочиненіямъ Давыдова предпослано введеніе, составленное А. О. Круглымъ и удачно выясняющее литературную дѣятельность и значеніе автора „Бурцова“. Кромѣ этой съ большимъ интересомъ читаемой вступительной статьи, г. Круглый тщательно указалъ время и мѣсто первоначальнаго появленія въ печати каждаго произведенія, далъ краткія, но существенно важныя объяснительныя примѣчанія къ стихотвореніямъ; наконецъ, благодаря его стараніямъ, въ настоящее изданіе включено 12 стихотвореній Давыдова, не внесенныхъ ни въ одно изъ пяти предыдущихъ изданій. Кромѣ стихотвореній, въ вышедшихъ двухъ томахъ помѣщено и много прозаическихъ статей, касающихся, главнымъ образомъ, различныхъ эпизодовъ войнъ русскихъ съ Наполеономъ I, а также воспоминанія о 1826 г. и польской войнѣ 1831 г. Текстъ послѣднихъ воспоминаній провѣренъ г. Круглымъ по списку Паскевича, хранящемуся въ редакціи „Русской Старины“. Къ изданію приложены портретъ Давыдова и рисунки, но и то, и другое невысокаго качества. Л. А.

Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томъ пятый. Спб. 1892. 8°. Ц. 2 р.

Содержаніе пятаго тома „Историческаго Обозрѣнія“ довольно разнообразно. Г. Карѣевъ далъ для него статью, касающуюся общихъ историческихъ вопросовъ („По поводу новой формулировки матеріальной исторіи“). Русской исторіи посвящены изслѣдованія г. Рождественскаго объ отношеніяхъ В. И. Шуйскаго къ боярству и статья г. Шмурло „Русская Исторія на Московской географической выставкѣ 1892 г.“ Наиболѣе полно представленъ, по обыкновенію, отдѣлъ исторіи всеобщей; здѣсь имѣемъ мы интересныя работы гг. Ковалевскаго и Виноградова („Зарожденіе республиканской партіи во Франціи“ и „Развитіе демократіи въ трактатѣ Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ“). Кромѣ того, гг. Любовичъ и Ардашевъ познакомили читателей съ двумя вновь вышедшими пособіями по исторіи Пруссіи (Cavaignac. La formation de la Prüsse contemporaine) и французской революціи (E. Boursin et A. Challamel. Dictionnaire de la révolution Française). Не оставлено безъ вниманія въ настоящемъ томѣ и дѣло школьнаго обученія исторіи; такъ г. Щепкинъ сообщилъ свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія исторіи въ Англіи, а г. Герасимовъ далъ отзывъ о вновь вышедшемъ учебникѣ по Средней Исторіи г. Иванова. Во 2-мъ отдѣлѣ тома помѣщена рѣчь проф. Модестова о Н. М. Благовѣщенскомъ. Какъ кажется, рѣчь эта нѣсколько умаляетъ значеніе научныхъ трудовъ покойнаго профессора.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1870 г.,	третье изд. (*4 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (*41 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (*28 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (*24 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (*4 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (*45 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (*16 экз.*),	съ портр., 9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (*42 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (*37 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (*3 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (*48 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (*34 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1892 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами, 9 руб.

Редакторы-издатели: **Н. Шильдеръ** и **С. Зыковъ**.

Журнальный отд.
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. АПРѢЛЬ 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Екатерина II и Гриммъ.** Глава II. В. А. Бильбасова... 1
II. **Изъ записокъ стараго преображенца.** — VI. Характеристика Мезенцова, Герштейнцвейга.—Фельдфебеля, унтеръ-офицеры и солдаты въ 1848 г. Поощренія и наказанія.—Рекруты.—Побѣги.—Бѣлая аммуниція.—VII. Царская Славянка.—Посѣдки.—Школа рекрутская.—Комплектованіе полка.—Практика одиночныхъ ученій.—Командировка въ 3-ю див.—Генер. Овандеръ.—Возвращеніе въ городъ.—Петербургъ осенью 1848 г.—«Ералашъ» Неваховича.—Плохія времена!—Заключеніе. Кн. Н. К. Имеретинскаго... 21
III. **Берлинскіе матеріалы для исторіи русской литературы.** К. Н. Батюшковъ, А. П. Беницкій, А. А. Бестужевъ, Іакинѳъ Бичуринъ, Ѳ. В. Булгаринъ, А. Ѳ. Воейковъ, П. А. Вяземскій, Н. И. Гнѣдичъ, Н. И. Гречъ, И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, И. А. Крыловъ, Н. В. Кукольникъ, И. И. Лажечниковъ, Ленкевичъ Ѳедоръ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. А. Полевой, А. С. Хомяковъ, А. И. Шаховской. И. А. Шляпкина... 51
IV. **Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова,** проф. Спб. духовной академіи. Гл. XXXII. 61
V. **Stabat Mater. А. Н. Сѣрова.** (Сочиненіе его, переводъ текста и объясн. къ нему переводчика). Н. Финдейзена. 81
VI. **Къ столѣтнему юбилею рожденія П. И. Кеппена.** Ѳ. П. Кеппена... 88
VII **Записки Н. В. Веригина.** Главы XVIII—XXII... 107
VIII. **Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ** (1863—1874 гг.). Глава XIII. Д. Г. Анучина... 147
IX. **Къ исторіи русскаго театра.** Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой. (1822—1826 гг.). Письма IX—XXV. Сообщ. В. Ѳ. Боцяновскій... 179
X. **Матеріалы и замѣтки.** I. Къ исторіи воцаренія императрицы Елизаветы Петровны. Священника Павла Ильинскаго. II. О памятникахъ князю Кутузову-Смоленскому и его сподвижникамъ. Н. Л. Ширяева... 213
XI. **Тридцать вторая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861—19-е февраля—1893 гг.** 225
XII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ академика **П. И. Кеппена.** Гравировалъ К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.
Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, 39.
1893.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1893 г.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрокъ. Томъ второй. Москва. 1893. 403 стр. Ц. 2 р.

Второй томъ труда г. Шенрока о жизни Гоголя представляетъ мало біографическаго матеріала, въ узкомъ смыслѣ этого слова, но зато сообщаетъ много данныхъ для исторіи творчества писателя и характеристики его исторической и педагогической дѣятельности. Книга открывается обширной статьей, напечатанной предварительно въ «Вѣстникѣ Европы» за прошлый годъ: «Н. В. Гоголь въ періодъ Арабесокъ и Миргорода». Авторъ разсказываетъ здѣсь о внѣшнихъ событіяхъ жизни писателя съ 1832 по 1835 г. и передаетъ условія возникновенія петербургскихъ повѣстей Гоголя, сборника «Миргородъ», а также «Страшной мести» и «Вія». Въ концѣ главы г. Шенрокъ дѣлаетъ общее заключеніе о Гоголѣ въ указанный періодъ его жизни и находитъ, что въ это именно время свѣтлое и юмористическое настроеніе писателя переходитъ въ суровую сдержанность, сухую и холодную натянутость, пренебреженіе къ людямъ. Разсказавъ въ этой же первой главѣ о стремленіяхъ Гоголя получить профессуру, авторъ оцѣниваетъ въ слѣдующей главѣ дѣятельность писателя, въ качествѣ историка и педагога. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Шенрокъ приходитъ къ отрицательному значенію той и другой дѣятельности, но зато высказываетъ вполнѣ справедливо въ заключительномъ отдѣлѣ этой главы («Типы воспитателей и задачи воспитанія по произведеніямъ Гоголя», гдѣ эти типы сравниваются съ пушкинскими), что если Гоголь и Пушкинъ не были педагогами въ общепринятомъ значеніи этого слова, то все же оставили въ своихъ произведеніяхъ русскому народу много мудрыхъ и великихъ уроковъ. Третья глава настоящаго тома посвящена разбору драматическихъ произведеній Гоголя: «Женитьба», «Владиміръ 3-й степени», «Ревизоръ» и «Игроки»; разбору этому авторъ предпослалъ интересныя общія замѣчанія о драматическомъ талантѣ писателя. Наконецъ, такъ какъ появленіе перваго тома труда г. Шенрока вызвало спеціальную брошюру г. Витберга, крайне недоброжелательнаго для сочиненія характера, то, какъ и слѣдовало ожидать, г. Шенрокъ въ концѣ настоящаго тома отвѣчаетъ на обвиненія этой критики. Внесеніе въ книгу всѣхъ поправокъ, дополненій и возраженій по поводу отзыва г. Витберга и статьи его о Гоголѣ, какъ объ историкѣ («Ист. Вѣстн.», 1892, августъ), вмѣстѣ съ другими причинами, настолько увеличило объемъ настоящаго тома, что автору придется, по его словамъ, сверхъ обѣщанныхъ трехъ томовъ, дать еще и четвертый.

Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Гр. Джаншіева. 3-е вновь дополненное изданіе. Москва. 1892. 8°. 383 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга г. Джаншіева производитъ одновременно и грустное и отрадное чувство, такъ какъ съ одной стороны авторъ, по его словамъ, считаетъ нужнымъ напомнить нашей публикѣ славныя преобразовательныя реформы начала минувшаго царствованія, — стало быть, эта свѣтлая эпоха у насъ забыта въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ; съ другой стороны успѣхъ книги, которая меньше чѣмъ въ полгода расходится въ трехъ изданіяхъ, показываетъ, что у насъ все-таки есть и такая публика, которая чувствуетъ всю важность и значеніе великихъ реформъ. Содержаніе книги г. Джаншіева слѣдующее: на первомъ планѣ авторъ даетъ очеркъ дѣятельности одного изъ наиболѣе видныхъ участниковъ преобразованій — великаго князя Константина Николаевича. За этой статьей слѣдуетъ изложеніе самыхъ реформъ, начиная, конечно, съ освобожденія крестьянъ. Передавая объ этомъ великомъ событіи, авторъ посвящаетъ особый экскурсъ свѣтлой дѣятельности въ то время тверского дворянства (2-я глава). Черезъ два года по освобожденіи крестьянъ послѣдовала отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Разсказу объ этомъ мѣропріятіи авторъ посвящаетъ 3-ю главу, предпосылая изложенію самой реформы историческій очеркъ о прежнихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Условіемъ жизненности для описанныхъ реформъ, по словамъ И. С. Аксакова, являлась свобода слова, воспослѣдовавшая 6-го апрѣля 1865 года. Содержаніе этого новаго закона о цензурѣ и первые шаги безцензурной печати излагаются г. Джаншіевымъ въ 5-й и 6-й главахъ. Въ слѣдующихъ 5 главахъ авторъ говоритъ о судебныхъ реформахъ. Желаніе со стороны С. И. Зарудного всесторонняго обсужденія основныхъ положеній судебной реформы вызвало открытіе Московскаго Юридическаго общества (13-го марта 1863 г.), очеркъ дѣятельности котораго занимаетъ главу 12-ю. Слѣдующая посвящена исторіи журнала, который являлся виднымъ выразителемъ реформъ 60-хъ годовъ, именно „Вѣстника Европы". Наконецъ, послѣдняя (14-я) глава представляетъ обзоръ дѣятельности четырехъ наиболѣе видныхъ дѣятелей судебной реформы: В. Д. Спасовича, В. А. Арцымовича, Н. И. Стояновскаго и А. М. Унковскаго.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

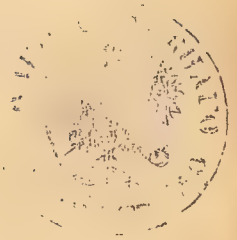
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

1893 г.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1893.

Дозволено цензурою. Спб., 20 марта 1893 г. Тип. тов. „Общ. польза", в. подъяч. 39

АКАДЕМИКЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ КЕППЕНЪ,

род. 19-го февраля 1793 † 23-го мая 1864 г.

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

II [1]).

При чтеніи всей переписки Екатерины съ Гриммомъ, невольно бросается въ глаза и поражаетъ одна характерная черта, рѣзко выдающаяся во всѣхъ письмахъ, запискахъ и наброскахъ — здравый смыслъ, прямое сужденіе, прелестный реализмъ. Въ то именно время, когда, вмѣстѣ съ Руссо, началось уже господство фальшивой чувствительности и дѣланой риторики, Екатерина остается простою и положительною, смотритъ на вещи прямо, всегда старается «схватить быка за рога», иногда ошибается, но никогда не принимаетъ словъ за дѣло. Ея сужденіе всегда здраво, оцѣнка ясна, приговоръ рѣзокъ, нерѣдко суровъ, но всегда понятенъ. Она ненавидитъ фразу, пустую реторику. Трезвый, свѣтлый умъ ея не выноситъ масоновъ; она презираетъ шарлатановъ всякаго рода, никогда не жалуется на обстоятельства, не переноситъ съ больной головы на здоровую, никогда не обманываетъ себя, не обольщаетъ пустыми надеждами, всегда холодно, сухо разсчитываетъ, и разсчетъ ея рѣдко ошибоченъ. Это тотъ реализмъ, который прежде всего прельщаетъ въ ея перепискѣ съ Гриммомъ.

Каково содержаніе, таковъ и слогъ. Очень оригинальный слогъ: нѣсколько небрежный, часто неправильный, но всегда ясный. Екатерина излагаетъ мысль очень кратко, но вполнѣ понятно; чаще опускаетъ слова, чѣмъ слѣдовало бы, и тѣмъ придаетъ своему слогу извѣстную терпкость. Ея изложеніе легко, живо, естественно, всегда

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII февраль и мартъ.

образно. По выразительности, слогъ Екатерины напоминаетъ изложеніе маркизы Севинье, но безъ ея тонкой обработки, безъ той живописи, къ которой Екатерина никогда не прибѣгала. При выраженіи гнѣва, неудовольствія, слогъ Екатерины болѣе сжатъ, рѣзокъ, чѣмъ при изложеніи удовольствія, одобренія; но ни въ какомъ случаѣ не встрѣчается многословія, тѣмъ болѣе излишняго. Даже общія обозрѣнія европейскихъ дѣлъ въ данную минуту выходятъ изъ-подъ пера Екатерины кратки и, во всякомъ случаѣ, не многословны. Особенно удаются ей портреты лицъ, гдѣ она одною, двумя чертами рисуетъ всего человѣка.

Всѣ письма Екатерины къ Гримму писаны на французскомъ языкѣ, причемъ тамъ и сямъ вставлены нѣмецкія фразы. Дословно переводить эти письма нельзя: при такомъ переводѣ теряется внутренній смыслъ и получается пустой наборъ словъ. Екатерина, къ тому же, очень любитъ иносказаніе, часто прибѣгаетъ къ сравненіямъ, нерѣдко говоритъ намеками [1]), такъ что въ этомъ отношеніи изданіе писемъ Гримма значительно облегчаетъ пониманіе писемъ Екатерины. Для примѣра и содержанія, и слога, переводимъ письмо ея отъ 9-го іюля 1781 года:

«Такъ какъ вы говорите мнѣ о шарлатанѣ Каліостро, дайте же и мнѣ поразсказать вамъ кое-что о немъ. Онъ прибылъ сюда, называя себя полковникомъ испанской службы, испанцемъ по происхожденію, и заявляя, что онъ колдунъ, изъ колдуновъ колдунъ, вызывающій духовъ и распоряжающійся ими. Услышавъ это, я сказала: напрасно онъ пріѣхалъ сюда; онъ не будетъ имѣть успѣха въ Россіи—здѣсь колдуновъ не сжигаютъ, и за двадцать лѣтъ моего царствованія было только одно дѣло о колдунахъ, и тогда сенатъ пожелалъ ихъ видѣть, когда же ихъ привели, сенатъ объявилъ ихъ глупыми и вполнѣ невинными. Каліостро пріѣхалъ, однако, въ благопріятную для него минуту, въ ту минуту, когда многія масонскія ложи, напитанныя ученіемъ Сведенборга, во что бы ни стало

---

[1]) Указавъ, что имя Александръ есть имя знаменитое, Екатерина продолжаетъ: „il y a eu des matadors qui le portaient, pourvu que les as ne soient pas passés à cette bande-là“ (Сборникъ, 72). Здѣсь matador вмѣсто un homme considérable, и намекъ на игру l'as qui court, гдѣ тузъ — самая негодная карта.

желали видѣть духовъ. Они бросились къ Каліостро, который похвалялся, что обладаетъ всѣми тайнами доктора Фалька, задушевнаго друга герцога Ришельё, заставившаго его нѣкогда заколоть, среди Вѣны, въ жертву чернаго козленка. Къ несчастью, Каліостро не могъ удовлетворить любопытства тѣхъ, которые желаютъ все видѣть, все осязать тамъ, гдѣ нечего видѣть и нечего осязать. Тогда Каліостро выпустилъ свои дивныя цѣлебныя тайны: онъ хвалился, что можетъ извлекать ртуть изъ ноги подагрика, и былъ пойманъ на томъ, что вливалъ ложку ртути въ воду, въ которую велѣлъ посадить подагрика. Потомъ онъ произвелъ краски, которыя ничего не окрашивали, и химическія соединенія, которыя ничего не соединяли. Затѣмъ онъ имѣлъ долгую и щекотливую ссору съ испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, оспаривавшимъ у него титулъ и качество испанца, причемъ открылось, что онъ едва умѣлъ читать и писать. Наконецъ, весь въ долгахъ, онъ укрылся въ погребъ смѣщеннаго или свергнутаго съ поста директора театровъ, г. Елагина, гдѣ онъ пилъ столько шампанскаго вина и англійскаго пива, сколько могъ; вѣроятно, онъ перепилъ однажды обычную мѣру, потому что, выходя изъ-за стола, зацѣпился за тупей домашняго секретаря; секретарь влѣпилъ ему пощечину; отъ пощечинъ дошли до кулаковъ. Елагинъ, которому надоѣли и братецъ, игравшій роль крысы въ его погребу, и большой расходъ вина, и жалобы секретаря, вѣжливо предложилъ Каліостро убраться вонъ, въ кибиткѣ, а не по воздуху, какъ тотъ угрожалъ, и чтобы кредиторы не препятствовали проѣзду этого легкаго экипажа, далъ ему стараго инвалида для сопровожденія его и графини въ Митаву. Вотъ исторія Каліостро, въ которой есть все, что̀ угодно, но ничего чудеснаго. Я никогда его не видѣла ни издали, ни вблизи, и не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Роджерсонъ думалъ о Каліостро столько же или еще и менѣе, чѣмъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, не придавалъ Каліостро никакого значенія: онъ смѣялся даже надъ тѣми, которые старались его увидѣть только изъ пустаго любопытства, и не мало способствовалъ къ тому, чтобы разбавить водой вино постыдныхъ сторонниковъ этого бѣдняги. Такъ какъ шарлатаны, даже самые глупые и невѣжественные, способны

производить шумъ въ большихъ городахъ, то надо полагать, что Каліостро будетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ. Желаю вамъ добраго пути и всяческихъ удовольствій въ Спа» [1]).

Трезвый, практическій умъ Екатерины не выносилъ ни «обманщиковъ», ни «обманутыхъ»: она не любитъ шарлатановъ и не понимаетъ, какъ можно довѣрять имъ. «Удивительно, сколькихъ обманулъ этотъ глупый Каліостро, не умѣющій ни читать, ни писать, и круглый невѣжда; остается загадкой, какъ и чѣмъ могъ онъ обманывать, такъ какъ его глупость и круглое невѣжество не могли укрыться съ первой же минуты, даже отъ наименѣе дальновидныхъ» [2]). Не выше Каліостро ставитъ она вообще всѣхъ мистиковъ и, прежде всего, масоновъ, съ которыми сталкивала ее жизнь. «Франъ-масонство—одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, когда-либо бывшихъ въ ходу среди человѣческаго рода. Я имѣла терпѣніе прочесть всѣ ихъ печатныя и рукописныя нелѣпости, которыми они занимаются, и съ отвращеніемъ увидѣла, что, сколько ни смѣйся надъ людьми, они не становятся отъ того ни умнѣе, ни просвѣщеннѣе, ни осторожнѣе. Все масонство — сущій вздоръ, и возможно ли, чтобъ, послѣ всесторонняго осмѣянія, разумное существо наконецъ не разувѣрилось бы? Такъ и хочется послать къ чорту всѣ эти глупости! Ну, возможны ли подобныя нелѣпости, и неужели масоны не смѣются, встрѣчаясь другъ съ другомъ?.. Я прочла всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и это доставило мнѣ богатый матеріалъ, чтобъ подтрунивать, по крайней мѣрѣ, надъ сотней человѣкъ въ день» [3]). Екатерина не остановилась, къ сожалѣнію, на одной насмѣшкѣ и вооружилась позже «на муху съ обухомъ» [4]), о чемъ, однако, не писала Гримму.

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 212. Упоминая Роджерсона и князя Орлова, Екатерина отвѣчаетъ на письмо Гримма (Ibid., XXXIII, 186).

[2]) Ibid., XXIII, 362.

[3]) Сборникъ, XXIII, 167, 168.

[4]) Екатерина пишетъ Гримму отъ 11-го марта 1876 г.: „Каліостро—вредный негодяй, котораго слѣдовало бы повѣсить. Это остановило бы ярость къ таинственнымъ ученіямъ, которыми такъ заразились теперь въ Германіи и Швеціи, и которыя и у насъ начали было приниматься, но мы приводимъ это въ порядокъ“ (Сборникъ, XXIII, 375). Какимъ путемъ водворялся порядокъ, разслѣдовано Лонгиновымъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“, стр. 312 sqq.

Изъ писемъ къ Гримму видно, какъ Екатерина искренно уважала и высоко цѣнила Вольтера. По ея словамъ, ему именно, и только ему, обязана она своимъ знаніемъ, дѣловымъ взглядомъ, хорошимъ вкусомъ. «Вольтеръ—мой учитель; онъ или, скорѣе, его произведенія образовали мой умъ и мою голову. Я не разъ уже, думаю, говорила вамъ это—я его ученица. Будучи помоложе, мнѣ пріятно было нравиться ему: я одобряла только тѣ свои дѣйствія, которыя считала достойными его вниманія, о чемъ немедленно сообщала ему; онъ такъ привыкъ къ этому, что бранилъ меня, когда какая-нибудь новость доходила къ нему не отъ меня, а другимъ путемъ. Моя аккуратность въ этомъ отношеніи ослабѣла въ послѣдніе годы, вслѣдствіе быстраго хода событій, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за миромъ, и по причинѣ большихъ трудовъ, мною предпринятыхъ, я утеряла привычку писать письма и теперь я чувствую менѣе расположенія и не такъ легко пишу письма». Въ іюнѣ 1778 года Екатерина получила извѣстіе о смерти Вольтера и о затрудненіяхъ, встрѣтившихся при его похоронахъ. «До сихъ поръ я надѣялась, что извѣстіе о смерти Вольтера ложно, но вы мнѣ подтвердили его, и я тотчасъ же почувствовала какой-то общій упадокъ духа и большое презрѣніе къ дѣламъ міра сего. Май мѣсяцъ былъ для меня роковымъ: я потеряла двухъ людей, которыхъ никогда не видала, которые любили меня и которыхъ я уважала—Вольтера и Вильяма Питта. Долго, долго, быть можетъ, никогда не будутъ они, особенно же Вольтеръ, замѣнены равными, и ужь, конечно, никогда лучшими, а для меня они невозвратно потеряны. Я хотѣла бы кричать! Но возможно ли, чтобы гдѣ-нибудь, кромѣ Парижа, такъ быстро переходили отъ почета къ безчестію, отъ разума къ безумію? Лишь нѣсколько недѣль назадъ воздавали публичныя почести человѣку, котораго сегодня не осмѣливаются похоронить. И какого человѣка! Перваго во всемъ народѣ и которымъ по справедливости должны бы гордиться! Почему вы не овладѣли его тѣломъ и притомъ моимъ именемъ? Вамъ слѣдовало бы выслать тѣло ко мнѣ—первый разъ въ жизни вы оказались недогадливы. Будьте покойны, здѣсь онъ имѣлъ бы великолѣпную гробницу. Но если у меня нѣтъ его праха, по крайней мѣрѣ у меня будетъ его памятникъ. Вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если пріобрѣтете для меня не

только самое полное изданіе его сочиненій, но даже до послѣдняго памфлета, вышедшаго изъ-подъ его пера. Я отдѣлю особую залу, гдѣ помѣщу его произведенія». Екатерина покупаетъ библіотеку Вольтера, заботится о полномъ изданіи сочиненій [1]) и пишетъ Гримму: «дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ новаго изданія сочиненій моего учителя, и я размѣщу ихъ вездѣ и всюду. Я хочу, чтобъ ихъ изучали, чтобы ихъ твердили наизусть, чтобъ умы питались ими: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ, писателей, это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые иначе потеряются среди мрака, невѣжества и проч.» [2]).

Болѣе восторженный отзывъ трудно и ожидать отъ Екатерины, рѣдко восторгавшейся. Въ письмахъ къ Гримму разбросаны ея замѣтки о всѣхъ почти «философахъ» вѣка, очень любопытныя, свидѣтельствующія, что Екатерина не увлекалась ихъ произведеніями и трезво судила объ ихъ теоріяхъ; она не сомнѣвалась, что «эти люди думали часто совсѣмъ не такъ, какъ проповѣдывали» [3]). При помощи графа Миниха, императрица изучила «Исторію индійской торговли» аббата Рэйналя и писала Гримму: «Что касается апостола Рэйналя, я избавлю васъ отъ скуки разбирать его, потому что онъ того не стоитъ и, не читая его, вы останетесь тѣми же, какъ и по прочтеніи — не тоньше и не жирнѣе ни тѣломъ, ни умомъ». Этотъ рѣзкій отзывъ объясняется отчасти тѣмъ, что «аббатъ Рэйналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ» [4]). Екатерина никогда и никому не прощала оскорбленій, наносимыхъ ей лично, тѣмъ менѣе

---

[1]) „Я не одобряю идеи книгопродавца Панкука издавать прежде всего самыя новыя изъ произведеній Вольтера; я хотѣла бы видѣть все вмѣстѣ, расположенное хронологически, по годамъ, когда что было писано. Я педантъ, любящій видѣть ходъ ума автора въ его твореніяхъ и, повѣрьте мнѣ, такое расположеніе гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ: чѣмъ болѣе вы подумаете объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что я права... Всего интереснѣе было бы видѣть все такъ, какъ оно выходило изъ этой единственной головы, и только тогда свѣту явилась бы эта голова такою, какою она была — головой трескучей, головой полезной человѣчеству съ разныхъ сторонъ, головой, сочиненія которой, при чтеніи ихъ, не могли бы не ускорить обращенія крови въ жилахъ, не укрѣпить тѣла, сердца и ума, не веселить души". (Сборникъ, XXIII, 105, 125).

[2]) Сборникъ, XXIII, 93, 102, 104.

[3]) Ibid., 303.

[4]) Ibid., 235, 247.

Россіи. Узнавъ о смерти Д'Аламбера, императрица, нѣкогда довѣрявшая ему даже воспитаніе цесаревича, пишетъ Гримму: «Очень прискорбно, что Д'Аламберъ умеръ, не читавъ и даже не видавъ нашей защиты по вопросу о Крымѣ; по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы выслушать обѣ стороны и потомъ уже судить, а вмѣсто того онъ говорилъ намъ дерзости. Очень объ этомъ сожалѣю, такъ же какъ и о малодушіи, выказанномъ имъ во время болѣзни—тѣлесныя силы взяли, вѣроятно, перевѣсъ надъ духовными» [1]). Екатерина не могла уважать непрактическія мечтанія и восторженныя сужденія Дидро, но она любила Дидро за его добродушіе и благородство, находила, что онъ «во всемъ не похожъ на другихъ людей» [2]); она «очень высоко цѣнила разговоръ о хлѣбѣ» аббата Галіани и «его книга о Монетѣ возбуждаетъ уже теперь мое любопытство» [3]), но всегда была противъ Руссо. Екатерина не выносила его реторики, она не понимала его абстракцій, ей былъ противенъ его идеализмъ. Какъ реалистка, императрица примѣняла нѣкоторые педагогическіе взгляды Руссо и изъ его политическихъ взглядовъ возлюбила только одинъ—на свободу: она собственноручно переписывала его и указывала при случаѣ, какъ на взглядъ, ей, очевидно, симпатичный. Вотъ этотъ отрывокъ: «Гордая и святая свобода! Еслибъ эти бѣдные люди могли знать тебя, еслибъ они знали, какою цѣною пріобрѣтаютъ и сохраняютъ тебя, еслибъ они чувствовали, насколько законы твои суровѣе тяжелаго ига тирановъ, ихъ слабыя души, рабыни подлежащихъ искорененію страстей, убоялись бы тебя во сто разъ болѣе, нежели рабства; они съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя,

---

[1]) Ibid., 308.

[2]) Ibid., 46. Уже послѣ смерти Дидро, Екатерина случайно прочла его „Замѣчанія на наказъ Ея Величества депутатамъ о составленіи законовъ", найденныя ею въ библіотекѣ Дидро, въ рукописи, и писала Гримму: „Эти замѣтки—сущіе пустяки, въ которыхъ не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, ни предупредительности; еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ былъ бы способенъ перевернуть все вверхъ дномъ... Критиковать легко, а создавать трудно—вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который во всю свою жизнь былъ, кажется, настолько благоразуменъ, что постоянно нуждался въ опекѣ. Должно быть, онъ написалъ эти замѣчанія по возвращеніи отсюда, такъ какъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ". Ibid., 372.

[3]) „Dialogue sur le commerce des blés", 1770; переведено на русскій языкъ М. И. Драгомировымъ, въ 1890 г.

какъ отъ бремени, готоваго раздавить ихъ» [1]). Кромѣ Вольтера, только Бюффонъ, своими «Epoques de la Nature», привелъ Екатерину въ восторгъ: «Вотъ книга, о которой можно поговорить, ее стоитъ прочесть! По-моему, гипотеза Бюффона есть торжество человѣческаго ума, вѣрнѣе генія. Ньютонъ сдѣлалъ первый гигантскій шагъ впередъ, Бюффонъ—второй. Да, сударь, эта книга прибавила мнѣ мозга. Бюффоновская гипотеза шевелитъ и переворачиваетъ головы—да, это что-то новое, и все такъ удивительно хорошо укладывается въ этой теоріи». Екатерина отблагодарила Бюффона дорогими подарками, заказала Гудону его бюстъ, обласкала его сына [2]), пріѣзжавшаго въ Петербургъ.

Политическіе дѣятели обрисованы Екатериною, конечно, въ зависимости отъ хода политическихъ дѣлъ. Здѣсь ея мнѣнія и взгляды невольно мѣнялись, иногда по нѣскольку разъ; но ея отзывы всегда остроумны, нерѣдко ядовиты. Именно въ письмахъ къ Гримму сохранились въ этомъ отношеніи очень любопытныя извѣстія, которыя напрасно было бы искать въ какой-либо оффиціальной перепискѣ, хотя бы и шифрованной.

Прусскій король Фридрихъ II рисуется въ перепискѣ съ совершенно несимпатичной стороны. Онъ, оказывается, ссорилъ Екатерину съ своимъ братомъ, принцемъ Генрихомъ, распускалъ слухъ о его сумасшествіи, портилъ юнаго Бобринскаго, распространялъ слухи о болѣзни Екатерины, вообще вралъ «какъ сивый меринъ» и заслужилъ въ перепискѣ наименованіе Ирода [3]). Со словъ, «нашептанныхъ делегатами Ирода», «Gazette de Cologne» напечатала даже слухъ о смерти русской императрицы; Екатерина написала по этому поводу Гримму: «Кельнскій газетчикъ говоритъ, что я умерла, и увѣряетъ, что это большое счастье для всего міра. Я, по правдѣ сказать, не совсѣмъ-то съ нимъ согласна и надѣюсь

[1]) „Considérations sur le gouvernement de Pologne", 1783, v. III, p. 264. Сборникъ, XXIII, 537, 538

[2]) Въ іюнѣ 1782 г. Екатерина принимала его, какъ „сына знаменитаго человѣка", и хорошо отзывалась о немъ; а въ декабрѣ писала: „Увѣряютъ, будто этотъ молодой человѣкъ частенько напивается пьянъ и пьяный является въ общество. Надѣюсь, что это неправда. Въ немъ нельзя еще замѣтить головы отца; но, вѣдь, онъ еще ребенокъ". Сборникъ, XXIII, 244, 260.

[3]) Сборникъ, XXIII, 338, 361, 376, 470, 471.

разубѣдить его въ томъ и другомъ» [1]). Только по смерти Фридриха II, онъ выставляется въ завидномъ свѣтѣ, и Екатерина отдаетъ ему должное при всякомъ удобномъ случаѣ. Уже при самомъ вступленіи Фридриха-Вильгельма II на престолъ, въ 1786 г., Екатерина пишетъ Гримму: «Сейчасъ прочла въ Берлинской газетѣ Фридрихъ-Вильгельмъ-Удивляющій. Не будете ли вы такъ добры сказать мнѣ чѣмъ? Я пережила восшествіе на престолъ дяди; какая разница! Тотъ избѣгалъ лести и хвастовства. Знаете ли почему? Потому что у него были здоровые мозги» [2]). Вспоминая то старое время, время Фридриха II, Екатерина становится краснорѣчива, говоритъ языкомъ Севиньѣ: «La société a changé; ce n'est pas celle de l'anneé 1740, brillante, spirituelle, annonçant le héros par tous les bouts» [3]).

Марія Терезія и Іосифъ II часто встрѣчаются въ перепискѣ, причемъ мать выставляется всегда въ несимпатичномъ свѣтѣ, а о сынѣ отзывы рѣзко мѣняются послѣ могилевскаго свиданія и особенно при второй турецкой войнѣ. Въ началѣ спора о баварскомъ наслѣдствѣ они описаны одной краской: «Надо признаться, Іосифъ II немножко жаденъ; если жадность будетъ наказана несвареніемъ желудка, это будетъ подѣломъ. Но маменька кажется мнѣ удивительной: она забавно рисуется своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ, за которымъ скрывается захватчивость. Да, оба они фокусники, какимъ нѣтъ равныхъ». Слезы Маріи Терезіи о судьбѣ Польши не обманули Екатерину: «Что касается достопочтенной госпожи сестрицы, она страдаетъ большею наклонностью къ алчности и властолюбію. Слезы — признакъ раскаянія; лучшее доказательство искренности раскаянія—не дѣлать того, въ чемъ раскаиваешься; между тѣмъ, она продолжаетъ захватывать. Надо полагать, что только первородный грѣхъ заставляетъ ее играть эту недостойную комедію. О Іосифѣ II же можно, не опасаясь ошибиться, предсказать, что если онъ не будетъ великимъ человѣкомъ, то бу-

---

[1]) Ibid., 290.

[2]) Ibid., 384. Въ августѣ 1789 г., во время войны, о томъ же Фридрихѣ-Вильгельмѣ болѣе рѣзкій отзывъ: „Онъ глупъ, наглъ, дерзокъ, тщеславенъ и не имѣетъ и тѣни здраваго смысла. Къ тому же онъ фальшивъ". Ibid., 469.

[3]) Ibid., 417.

детъ очень сердиться, и ему придется въ своихъ тѣлесныхъ, духовныхъ и умственныхъ потребностяхъ надѣяться на другихъ. Совѣстный судъ безсиленъ тамъ, гдѣ семь пятницъ на недѣлѣ». Но Екатерина не всегда была такъ строга къ «Habsucht-Habsburg», какъ она выражалась. Въ 1790 году, императрица писала о Маріи-Антуанетѣ: «Я люблю ее, какъ возлюбленную сестру лучшаго друга моего Іосифа; въ ней воплотилось мужество ея матери и неустрашимость рода—вѣдь, Іосифъ II испортилъ свои дѣла именно этою же неустрашимостью». И позже, объ Іосифѣ II: «Все еще не могу придти въ себя отъ изумленія—какимъ образомъ, будучи рожденъ, воспитанъ и подготовленъ къ своему высокому званію, будучи одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился дурно царствовать и не только не имѣть успѣха, но довести себя до того несчастія, среди котораго онъ умеръ» [1]).

Во время тешенскаго конгресса въ Европѣ появилась медаль, о которой Екатерина такъ сообщала Гримму: «Въ Голландіи выбили медаль: императрица-королева (Марія-Терезія) и русская императрица (Екатерина II) сидятъ въ каретѣ; на козлахъ прусскій король (Фридрихъ II); ихъ спрашиваютъ, куда онѣ ѣдутъ, и онѣ отвѣчаютъ: куда кучеру угодно будетъ везти насъ. Я нашла это весьма забавнымъ: тутъ не достаетъ только правды, чтобъ это было ядовито, или музыки французской оперетки, чтобы это была совершенная пошлость» [2]).

И Фридрихъ II, и Марія-Терезія, и Іосифъ II нерѣдко противодѣйствовали планамъ и цѣлямъ Екатерины, и, тѣмъ не менѣе, она умѣла цѣнить и цѣнила ихъ. Это были надежные союзники и достойные противники. Екатерина любила и уважала великія личности, сильные характеры, крѣпкую волю. Она сама всегда хорошо знала, чего она хочетъ и куда стремится. Она не выносила слабыхъ и безхарактерныхъ; немилосердно бичевала мелкихъ нѣмецкихъ князей, этихъ «Донъ-Кихотовъ Германіи», содержавшихъ арміи только для парадовъ, и съ презрѣніемъ относилась ко лжи и не-

---

[1]) Ibid., 108, 113, 483, 490, 509. Послѣ могилевскаго свиданія, Екатерина такъ отзывалась объ Іосифѣ II: „Я никогда не кончила бы, еслибъ начала хвалить его. Это голова самая основательная, глубокая и наиболѣе просвѣщенная, какую я знаю". Ibid., 183, 218.

[2]) Сборникъ, XXIII, 84.

правдѣ. О шведскомъ королѣ Густавѣ III она писала: «Вотъ такъ король! Онъ воображаетъ, что ложью и обманомъ [1]) добудетъ себѣ много чести. Ничего, сударь, изъ этого не выйдетъ—онъ сдѣлается только позоромъ и посмѣшищемъ для потомства: ложью и обманомъ нельзя добыть ни славы, ни чести» [2]).

Только изъ переписки съ Гриммомъ можетъ быть разъяснена «художественная» сторона екатерининскаго царствованія, такъ какъ чрезъ Гримма шли всѣ сношенія императрицы даже съ Рейфенштейномъ, который былъ главнымъ коммиссіонеромъ Екатерины въ Римѣ по заказамъ и покупкамъ художественныхъ произведеній. Изъ этой переписки оказывается, между прочимъ, что Екатерина не всегда интересовалась лично своими заказами. Такъ, напр., рѣзные камни заказывались ею только для генерала А. Д. Ланскаго; тотчасъ по его смерти, Екатерина пишетъ Гримму: «Тѣмъ, кто будетъ предлагать вамъ рѣзные камни, говорите, что я никогда не покупала ихъ для себя, потому что я ничего въ нихъ не понимаю и что я больше вовсе не стану покупать ихъ» [3]); иллюстрированныя изданія покупались для А. М. Дмитріева-Мамонова: «Настоятельно прошу прислать мнѣ лучшее иллюстрированное изданіе; это для Краснаго Кафтана, который ежедневно пристаетъ ко мнѣ съ этимъ» [4]), и т. п. По перепискѣ можно составить довольно полную

---

[1]) Эти обвиненія не голословны. „Я разскажу вамъ—пишетъ Екатерина Гримму—еще случай съ этимъ негодяемъ Густавомъ III. Онъ сказалъ однажды брату посланника Спренгпортена, который въ Даніи: „Замѣтили вы подпись мою на приказѣ, который я далъ вамъ, чтобъ вести войска изъ Финляндіи и произвесть революцію?“ Когда Спренгпортенъ отвѣчалъ отрицательно, король продолжалъ: „Я остерегся подписать такъ, какъ всегда подписываюсь; я измѣнилъ свой почеркъ: еслибъ мы не имѣли успѣха, государственные чины отрубили бы вамъ голову, а я отказался бы отъ своей подписи, какъ вовсе не сходной съ моею“. Почти такъ же поступилъ онъ этимъ лѣтомъ съ бригадиромъ Гастферомъ, которому онъ послалъ подписанный имъ приказъ атаковать Нейшлотъ, а потомъ взялъ приказъ назадъ. Теперь онъ велѣлъ арестовать Гастфера, подъ предлогомъ, будто Гастферъ принималъ участіе въ заговорѣ финскихъ войскъ, и этотъ Гастферъ рискуетъ лишиться головы, если король признаетъ нужнымъ скрыть отъ государственныхъ чиновъ, что онъ самъ далъ приказъ объ атакѣ“. Ibid. 470.

[2]) Ibid., 455.

[3]) Ibid., 322.

[4]) Ibid., 394. Подъ „краснымъ кафтаномъ“ разумѣлся гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ. „Этотъ красный кафтанъ облекаетъ существо, обладающее пре-

картину эрмитажнаго музея; въ Придворномъ же архивѣ хранятся важные матерьялы относительно цѣны и стоимости перевозки всѣхъ предметовъ. И при Екатеринѣ музей уже былъ очень богатъ: «Мой музей въ Эрмитажѣ состоитъ, не считая картинъ и ложъ Рафаэля, изъ 38.000 книгъ, 10.000 камеевъ, около 10.000 гравюръ и рисунковъ, и кабинетъ натуральной исторіи, заключающійся въ двухъ большихъ залахъ» [1]).

Свѣдѣнія о Россіи, о русскихъ дѣлахъ и русскихъ людяхъ, встрѣчаются чуть-ли не въ каждомъ письмѣ Екатерины къ Гримму, но извѣстія этого рода носятъ совершенно иной характеръ. Императрица никогда не забываетъ, что пишетъ иностранцу и что всякій ея отзывъ о Россіи получаетъ за предѣлами имперіи особое значеніе; она хорошо помнитъ готовность Гримма не только распространить полученное извѣстіе, но и сдѣлать по немъ заключеніе о роли самой императрицы, которая руководитъ русскими дѣлами и избираетъ людей. Этимъ, вѣроятно, объясняется общая картина Россіи, какъ она нарисована Екатериною въ письмахъ къ Гримму: все въ Россіи идетъ хорошо, вездѣ замѣчается довольство и преуспѣяніе, всюду «тишь, да гладь, да Божья благодать». Иногда Екатерина пишетъ завѣдомую ложь, иногда умалчиваетъ и, въ общемъ, Россія представляется въ розовомъ свѣтѣ.

Въ одинъ и тотъ же день, 14-го іюля 1788 года, сообщая объ аванпостной стычкѣ со шведами въ Финляндіи, Екатерина сообщаетъ князю Потемкину, что «пушку у нихъ отняли и

краснѣйшимъ сердцемъ вмѣстѣ съ большимъ запасомъ честности; ума хватитъ на четверыхъ; неистощимый запасъ веселости, замѣчательная оригинальность во взглядѣ на вещи и въ способѣ выраженія этого взгляда, удивительная благовоспитанность и особенное знаніе всего, что придаетъ блескъ уму. Мы скрываемъ, какъ преступленіе, нашу склонность къ поэзіи, страстно любимъ музыку; у насъ рѣдкая способность все схватывать. Богу одному извѣстно, чего только мы не знаемъ наизусть; мы декламируемъ, болтаемъ, обладаемъ манерами лучшаго общества, чрезвычайно учтивы, пишемъ по-русски и по-французски такъ, какъ рѣдко кто-нибудь у насъ пишетъ, по стилю и по почерку. Наша наружность вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ внутреннимъ качествамъ: черты лица правильны, у насъ чудные черные глаза съ тонкими бровями, ростъ выше средняго, благородная осанка, пріятная поступь; словомъ, мы столько же основательны характеромъ, сколько ловки, сильны, блестящи". Ibid., 387.

[1]) Ibid., 499.

человѣкъ сто шведовъ на мѣстѣ осталось», и тѣмъ же перомъ пишетъ Гримму: «шведы потеряли 150 человѣкъ и двѣ пушки»[1]). Это по отдѣлу невѣрныхъ свѣдѣній; вотъ по умалчиванію: Екатерина извѣщаетъ Гримма, что «святѣйшій синодъ присутствовалъ въ театрѣ на представленіи пьесы Паизіелло, и всѣ они хохотали до слезъ», но не сообщаетъ, какъ сенатъ рѣшилъ казнить всю деревню за умерщвленіе помѣщика, что̀ заставило императрицу написать генералъ-прокурору Вяземскому: «пророчествовать можно, что естьли за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ»[2]). Узнавъ изъ газетъ объ участіи князя Рогана въ дѣлѣ объ ожерельи, Екатерина писала Гримму: «Отчего, вотъ уже третій изъ рода Роганъ подозрѣвается въ мошенничествѣ и является въ обществѣ плутовъ? Фи, я не люблю, чтобъ славныя имена грязнились подлыми дѣлами»[3]), но не сообщала ему, что кн. Одоевскій мошенническимъ способомъ выманивалъ деньги, что Нелединскій былъ сосланъ въ монастырь за сѣченіе своей матери плетьми, кн. Лобановъ-Ростовскій обвинялся въ подлогѣ, кн. Хованскій судился за обманъ, графы Ефимовскіе утѣсняютъ мать, кн. Кантемиръ проклинаетъ родныхъ, генералъ-поручикъ Ржевскій обкрадываетъ содержателя московскаго клуба[4]) и т. п. Екатерина не разъ пишетъ Гримму, что при объявленіи шведской войны, города и деревни добровольно ставили рекрутъ и подводы, что Петербургская губернія дала 72 рекрута съ тысячи, и умалчиваетъ, что указъ о сформированіи въ Петербургѣ гусарскаго полка «изъ людей добровольно въ службу пожелающихъ» не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ желающихъ не оказалось[5]). Екатерина похваляется Гримму, что въ двѣнадцать лѣтъ ея царствованія «построено 144 города», но, конечно, не говоритъ, что въ числѣ этихъ городовъ,

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 509; XXIII, 461. Съ Вольтеромъ Екатерина церемонилась еще менѣе: въ 1771 г. она увѣряла его, что хлѣбъ изъ Сибири продается въ Парижѣ. Ibid., XIII, 178.

[2]) Сборникъ, XXIII, 155; „Семнадц. Вѣкъ“, III, 390.

[3]) Сборникъ, XXIII, 362.

[4]) Архивъ Сената, т. 128, л. 138; П. С. З., № 13622; „Русскій Архивъ“, 1872, стр. 226, 232, 234, 237, 237, 291.

[5]) Сборникъ, XXIII, 463, 631; П. С. З., № 16695.

создавшихся по административному усмотрѣнію, были, напримѣръ, городъ Бабиновичи, Могилевскаго намѣстничества, а «въ немъ 66 христіанъ и 4 жида»[1]). Такихъ примѣровъ умолчанія очень много, но и приведенныхъ уже достаточно, чтобы объяснить, если не оправдать[2]), тотъ «розовый свѣтъ», который замѣчается въ письмахъ Екатерины къ Гримму.

Полушутя-полусерьезно, Екатерина выражала въ письмахъ къ Гримму довольно своеобразный взглядъ на Россію, которую она выдѣляла изъ всѣхъ европейскихъ странъ и рисовала страною дѣвственною во всѣхъ отношеніяхъ, необработанною, некультурною. «Я люблю нераспаханныя земли, подъ паромъ — повѣрьте, это лучшія земли. Я уже тысячу разъ говорила вамъ: я годна только для Россіи. Помяните меня: только въ Россіи не тронутая еще, чистая природа, въ другихъ странахъ все уже испорчено, условно, искусственно»[3]). Въ связи съ такимъ взглядомъ на Россію просьбы избавить ее отъ визитовъ лицъ, по словамъ Гримма, «преклоняющихся» предъ великою императрицею: «Скажите имъ, что Екатерина хороша только издали»[4]). Въ то же время, у себя, дома, передъ русскими людьми, она скромно сознавалась, что «Россія велика

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 216, П. С. З., № 14707. Во Владимірскомъ намѣстничествѣ былъ образованъ къ 1778 году городъ Киржачъ, но только на бумагѣ, и, не просуществовавъ и 20-ти лѣтъ, былъ уничтоженъ, какъ совершенно ненужный. Архивъ Сената, т. 141, стр. 410; П. С. З., № 14787.

[2]) Не только въ письмахъ къ Гримму, но Екатерина всегда имѣла двѣ мѣрки—одну для Россіи, другую для всего, что не-Россія; въ первомъ случаѣ все видится въ розовомъ свѣтѣ, во второмъ—въ мрачномъ. Въ 1766 г. гр. Остерманъ, депешею изъ Стокгольма, увѣдомилъ Панина „о крестьянскомъ смятеніи въ Вестерготской провинціи“, причемъ крестьяне „два дворянскихъ домовъ разорили и угрожаютъ зажигать домы тѣхъ крестьянъ, которые на тотъ бунтъ не согласуются“; Екатерина положила слѣдующую резолюцію на этой депешѣ: „Cela est presque incroyable, il s'exposerait à se faire déposer“. (Сборникъ, LVII, 538). Въ 1789 г., она приравниваетъ пугачевщину къ революціонному движенію въ Монбельярѣ и пишетъ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „ничто не походитъ болѣе на оренбургскія волненія 1774 и 1775 годовъ, какъ эта исторія общины, взбунтовавшейся противъ законовъ и своихъ повелителей; разница лишь въ томъ, что у насъ не одинъ дворянинъ не принималъ участія въ бунтѣ“. Немного позже она повторяетъ ту же мысль: „Эти безпорядки въ Эльзасѣ похожи на наши въ 1774 и 1775 годахъ“. Сборникъ, XV, 159, 160.

[3]) Сборникъ, XXIII, 70, 484.

[4]) Ibid., 84, 174; „Русскій Архивъ“, 1878, III, 46, 63.

сама по себѣ, и я что ни дѣлаю подобно каплѣ, падающей въ море» [1]). Вопреки Гримму, который любитъ заявлять, что онъ «русскій въ душѣ», Екатерина во всей своей обширной перепискѣ съ Гриммомъ только два раза упомянула, что она нѣмка по рожденію, что она, по мѣткому выраженію Іосифа II, la princesse de Zerbst Catherinisée: извѣщая Гримма, въ 1780 году, о своей декларацiи о вооруженномъ нейтралитетѣ, и сообщая, въ 1783 году, что султанъ хочетъ у нея изъ-подъ носа утащить Крымъ, Екатерина въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: «Но вы, вѣдь, знаете, что нѣмецъ никогда не потерпитъ, чтобъ его водили за носъ, и онъ всегда оберегаетъ болѣе всего именно эту часть тѣла» [2]).

Екатерина, обладавшая умомъ государственнымъ, никогда не жаловалась на обстоятельства и особенно на недостатокъ людей, вполнѣ сознавая нелѣпость подобныхъ жалобъ, свидѣтельствующихъ только о собственномъ убожествѣ. «Всякая страна доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла и такъ какъ все на семъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало быть, могутъ со всѣмъ управиться». Она нѣсколько разъ повторяетъ, что «недостатка въ людяхъ быть не можетъ», и ссылается на себя: «Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо», и—опять своеобразная черта—прибавляетъ: «Сверхъ того, по временамъ, я люблю свѣжія головы, которыя очень полезны рядомъ съ головами болѣе умудренными—это вводныя лица въ пьесѣ: во-время и кстати выпущенныя на сцену, они только оживляютъ дѣйствіе». Люди всегда есть, нужно только пользоваться ими, заставить ихъ работать: «все зависитъ именно отъ умѣнья направить людей» [3]). Это—вообще, вотъ—въ частности: «Сильно ошибаются, если думаютъ, что меня пугаетъ чье-либо достоинство; напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла,

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 180; „Русская Старина“, XVI, 57.

[2]) Arneth 278; Сборникъ, II, 340; XXIII, 174, 277.

[3]) Selon moi, aucun pays n'a disette d'hommes; ne s'agit pas de chercher. s'agit d'employer ce qu'on a sous sa patte... N'y a pas disette d'hommes; y a multitude, mais faut faire aller: tout ira s'il y a cet autre faisant aller. Сборникъ 275, 411, 608, 624 sqq.

чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее къ тому расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой особенной склонности къ дуракамъ, а ихъ много на свѣтѣ, и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается» [1]). Послѣ этого понятно, что въ письмахъ къ Гримму Екатерина не высказываетъ своего мнѣнія о русскихъ людяхъ. Въ письмахъ, напр., къ Потемкину, Екатерина такъ отзывается объ извѣстныхъ военачальникахъ: Н. В. Репнинъ—«хуже старой бабы», графъ Я. А. Брюсъ—«не имѣетъ головы», графъ И. П. Салтыковъ—«глупъ и упрямъ», графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ—«онъ каналья, pardonnez le terme, en un mot c'est une bête» и т. п. [2]). И что же? Главнокомандующимъ въ шведскую войну былъ назначенъ «каналья» г. Мусинъ-Пушкинъ, а когда онъ оказался «неспособнымъ къ предводительству», то его замѣнилъ «глупый и упрямый» графъ И. П. Салтыковъ! Ничего подобнаго Екатерина Гримму не писала.

Платя дань вѣку, Екатерина питала извѣстную слабость къ педагогикѣ. Она стремится создать цѣлую систему народнаго образованія, справедливо сознавая, что «Екатерина Вторая, при всей своей власти и при всей своей доброй волѣ, не можетъ создать въ Россіи многаго полезнаго безъ помощниковъ, именно безъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ». Она проситъ совѣтовъ по школьному вопросу у Гримма, Дидро, Дальберга, интересуется «нормальными школами» въ Австріи, «космополитическимъ филантропиномъ» въ Дессау, читаетъ Базедова, Песталоцци, «Эмиля» Руссо, «Эмилію» г-жи Эпинэ [3]), сама высказываетъ свои взгляды на воспитаніе и примѣняетъ ихъ къ своимъ внукамъ. Взгляды цѣнные и въ наши дни. «Что касается Александра, пишетъ она Гримму, предоставьте его самому себѣ; зачѣмъ вы хотите, чтобъ онъ размышлялъ и зналъ точно такъ, какъ размышляли и знали до него? Учиться не трудно, но необходимо, по-моему, чтобъ голова и способности головы ребенка были развиты прежде, чѣмъ набивать ее хламомъ прошлыхъ знаній, и изъ этого хлама надо сообщать съ большимъ разборомъ. Богъ мой, чего не дала природа, того не дастъ никакое

[1]) Сборникъ, XXIII, 255, 409.
[2]) Сборникъ, XXVII, 391, 492; XLII, 33, 35, 36, 38, 44 sqq.
[3]) Сборникъ, XXIII, 25, 38, 115, 183, 254, 301, 306, 696.

ученье, но ученье убиваетъ часто природныя дарованія, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди, напичканные чужимъ умомъ и знаніями»[1]). Такимъ образомъ, если внуки не оправдали надеждъ Екатерины, не ея вина—природа сильнѣе воспитанія.

Любовь Екатерины къ своимъ внукамъ, особенно къ Александру, сказывается едва-ли не въ каждомъ письмѣ. Она безпрестанно сообщаетъ Гримму всевозможныя подробности о своихъ внукахъ и внучкахъ, не исключая и Николая, котораго она не воспитывала, такъ какъ онъ родился за нѣсколько мѣсяцевъ до ея кончины. «Сегодня родился огромнѣйшій мальчикъ, котораго окрестили Николаемъ. У него басъ и онъ кричитъ имъ удивительно; въ немъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки величиною съ мои; отродясь не видала такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, его братья будутъ карликами передъ этимъ колоссомъ». Черезъ десять дней: «Уже три дни, что рыцарь Николай ѣстъ кашку, такъ какъ ежеминутно проситъ ѣсть; полагаю, что ни одинъ восьмидневный ребенокъ столько не ѣлъ, какъ онъ—это просто неслыхано. Онъ совсѣмъ оттянулъ руки у нянекъ; если это такъ продолжится, я думаю, его отнимутъ отъ груди въ шесть недѣль. Онъ оглядываетъ всѣхъ, и держитъ и поворачиваетъ свою голову, какъ я»[2]). Екатеринѣ шелъ уже 65-й годъ, когда она сообщала Гримму, что «страстно любитъ играть съ дѣтьми» и что «внуки просятъ ее играть, такъ какъ съ нею гораздо веселѣе»[3]). Только доброе сердце можетъ такъ любить дѣтей.

У нея было, дѣйствительно, доброе сердце. Въ письмахъ къ Гримму встрѣчаются очень часто порученія о томъ или другомъ благодѣяніи, причемъ она проситъ только, чтобъ «объ этомъ не узнали газеты», нерѣдко требуетъ, чтобъ ея имя не было извѣстно получающему ея благодѣянія[4]). Одна уже ея защита принцессы

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

[1]) Ibid., 147.
[2]) Ibid., 679, 681.
[3]) Ibid., 592.
[4]) Donnez à M-me la Roche ce qu'il vous plaira, mais ne lui donnez jamais en mon nom; faites lui passer cela sans qu'elle sache d'où cela vient. Сборникъ, XXIII, 254. Марія-Софія Ларошъ, рожд. Гутерманъ, 1731—1807, подруга Виланда, авторъ „Moralische Erzählungen", 1782, и др. беллетристическихъ произведеній. Гриммъ не исполнилъ требованія Екатерины, и Ларошъ узнала отъ

Августы Брауншвейгской, страдавшей отъ своего мужа, низкаго и грубаго герцога Вюртембергскаго, могла бы уже дать высокое понятіе о добромъ сердцѣ императрицы. Она сама сознавалась, что иногда должна была казаться болѣе суровою, чѣмъ была по натурѣ своей; только въ политикѣ не допускала она сердечныхъ слабостей и хладнокровно казнила государственныхъ преступниковъ. Она писала о Пугачевѣ: «Этотъ честный негодяй, кажется, не обладаетъ разсудкомъ, такъ какъ надѣется, что быть можетъ будетъ помилованъ, или ужь человѣкъ не можетъ жить безъ надежды и обольщенія»[1]).

Екатерину нерѣдко осуждаютъ, какъ женщину, за ея равнодушное отношеніе къ лицамъ, бывшимъ ей близкими. Такое осужденіе едва-ли справедливо. Конечно, могутъ сказать, что смерть Потемкина, напр., поразила ее, какъ потеря государственнаго дѣятеля, что въ князѣ Орловѣ она теряла человѣка, оказавшаго ей извѣстныя услуги; но вотъ что́ писала Екатерина Гримму 2-го іюля 1784 года: «Когда я начала это письмо, я была въ счастіи и радости; дни мои пролетали такъ быстро, что я не замѣчала ихъ. Теперь ничего этого нѣтъ: я погружена въ живѣйшую скорбь, и счастья моего нѣтъ уже; я думала, что не переживу невознаградимую потерю лучшаго друга, постигшую меня недѣлю назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости; онъ трудился, оказывалъ успѣхи, принялъ всѣ мои вкусы; это былъ юноша, котораго я воспитала, благодарный, кроткій, добросовѣстный, раздѣлявшій мое горе, когда оно случалось, и радовавшійся моими радостями; словомъ, рыдая объявляю вамъ, что генерала Ланскаго нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Злокачественная горячка, усложнившаяся жабой, свела его въ пять сутокъ въ могилу, и комната моя, прежде столь мнѣ любезная, стала для меня пустою пещерою, гдѣ я едва двигаюсь, какъ тѣнь. Я такъ слаба и болѣзненно поражена, что въ настоящую минуту не могу видѣть человѣческаго лица безъ

него имя благодѣтельницы. Ibid., XLIV, 335. Гриммъ и Екатерина пишутъ M-me de la Roche; въ своихъ изданіяхъ, которыхъ Гриммъ не читалъ (235), она пишетъ Laroche, что́ и принято въ нѣмецкихъ біографическихъ словаряхъ.

[1]) Сборникъ, XXIII, 9.

того, чтобы рыданія не лишили меня способности говорить. Я не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе мнѣ въ тягость, и писать нѣтъ силъ. Не знаю, что будетъ со мною, знаю только, что въ жизнь мою я не была такъ несчастна, какъ съ тѣхъ поръ, какъ лучшій и дорогой другъ покинулъ меня. Я открыла ящикъ и нашла начатый листокъ, написала нѣсколько строкъ, но продолжать не въ силахъ»[1]).

Лѣтомъ 1788 года Екатерина писала Гримму: «У меня два дня была колика, продержавшая меня въ постели. Вчера, соскучившись лежать, я приказала подать мнѣ нѣмецкія книги, и мнѣ прислали, между прочимъ, журналъ, озаглавленный «Das graue Ungeheuer», въ которомъ помѣщенъ будто-бы мой портретъ и этимъ портретомъ думаютъ оказать мнѣ великую честь, не признавая всѣхъ тѣхъ ужасовъ, въ которыхъ даже враги мои никого не успѣли увѣрить. Мнѣ отводятъ мѣсто непосредственно за Маріей Терезіей — этимъ мѣстомъ я, конечно, должна быть довольна, и я даже увѣрена, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она превосходитъ меня, такъ какъ я, какъ вы знаете, не рождена для лжи. Но этотъ «Ungeheuer» требуетъ, чтобы вы написали мой портретъ съ натуры: онъ говоритъ, что въ Парижѣ есть человѣкъ (это не кто иной, какъ вы), имѣющій въ своемъ портфелѣ доказательства, что я вовсе не кровожадна. Можете себѣ представить! Вотъ какъ судятъ о людяхъ! вотъ какъ ихъ знаютъ! вотъ какіе съ нихъ портреты пишутъ! Онъ говоритъ, что я скорѣе хитра, чѣмъ разсудительна или остроумна. Правда ли это? Судите сами. Наконецъ, онъ намекаетъ, что у меня всѣ пороки женщины. Опять-таки отдаю себя на вашъ судъ»[2]).

Три года ждала Екатерина своего портрета, писаннаго кистью Гримма, и не дождалась. Лѣтомъ 1791 года она сама набросала свой портретъ:

«Вотъ приблизительно мой портретъ. Я никогда не считала свой умъ творческимъ; я встрѣчала много людей, въ которыхъ находила, безъ зависти и ревности, болѣе ума, чѣмъ въ себѣ. Руководить мною всегда было очень легко—достаточно было представить мнѣ лучшія и болѣе основательныя мысли, чѣмъ мои, и я становилась послушна,

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 316.
[2]) Ibid., 462.

какъ овечка. Причина этого кроется въ сильномъ желаніи, которое я всегда имѣла, содѣйствовать благу государства. Мнѣ посчастливилось узнать благіе и истинные принципы, чему я и обязана большими успѣхами; я имѣла неудачи, проистекавшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я неповинна и которыя, быть можетъ, случились только потому, что мои распоряженія не были точно исполнены. Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо. Я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго. Я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; къ тому же я не могла бы никого перекричать. Никогда не была я злопамятна: Провидѣніе поставило меня такъ высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи. Вообще, я люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что безусловная справедливость не есть справедливость, и что лишь условная справедливость совмѣстна со слабостью человѣка. Но во всѣхъ случаяхъ я предпочитала человѣколюбіе и снисходительность правиламъ строгости, которую, какъ мнѣ казалось, часто дурно понимаютъ. Къ этому привело меня мое собственное сердце, которое я считаю нѣжнымъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ суровость, я, заливаясь слезами, признавалась въ своей слабости, и видѣла, какъ они, со слезами же на глазахъ, присоединялись къ моему мнѣнію. Я по природѣ своей весела и искренна, но я долго жила на свѣтѣ и знаю, что есть желчные умы, не любящіе веселости, и что не всѣ способны терпѣть правду и откровенность. Прощайте. На сегодня довольно» [1]).

В. А. Бильбасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Сборникъ, XLII, 166; ср. XXIII, 56, 153; XLII, 125.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА.

VI [1]).

Характеристика Мезенцова, Герштенцвейга. Преображенскіе фельдфебеля, унтеръ-офицеры и солдаты въ 1848 году. Поощренія и наказанія. Рекруты. Побѣги. Наказаніе шпицрутенами. Бѣлая аммуниція и ея приготовленіе.

Теперь мнѣ остается обрисовать только тѣхъ изъ старшихъ товарищей моего времени, какіе держали себя самостоятельно и независимо отъ партій или кружковъ, къ сожалѣнію, раздѣлявшихъ, въ тѣ поры, общество офицеровъ. Далѣе, не буду говорить и о тѣхъ, съ кѣмъ придется еще встрѣтиться въ теченіе разсказа; наконецъ, выпущу всѣхъ младшихъ офицеровъ, тогда еще не обрисовавшихся и не имѣвшихъ значенія. Прежде всего скажу нѣсколько словъ о Герштенцвейгѣ и Мезенцовѣ, такъ какъ они пріобрѣли, если не историческую, то, во всякомъ случаѣ, довольно громкую въ свое время извѣстность. Герштенцвейгъ, уже при мнѣ, возвратился въ полкъ изъ безсрочнаго отпуска, въ чинѣ капитана. Наружной представительности,—важнаго условія въ преображенцѣ того времени,—у Герштенцвейга не было. Ростомъ онъ былъ не очень высокъ. Если бы не свѣжій и бѣлый цвѣтъ кожи и не вогнутое, хотя и правильное очертаніе носа,—можно бы сказать, что его лицо напоминало облагороженный типъ семитической расы; какъ бы ни было, только оно было очень симпатичное. Герштенцвейгъ, со всѣми одинаково любезный и привѣтливый, всегда улыбался, такъ что улыбка не сходила у него съ лица, но эта привѣтливость была холодная и сдержанная. Говорилъ онъ очень мало, односложно и всегда выказывалъ серьезный, сосредоточенный характеръ. Герштенцвейгъ тоже пользовался особеннымъ расположеніемъ Катенина и былъ выдвинутъ имъ такъ же быстро, какъ и Коссаковскій. Онъ получилъ роту Его Величества, но послѣ недолгаго командованія былъ назначенъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль и мартъ.

флигель-адъютантомъ и отчисленъ въ свиту. Въ началѣ 1860-хъ годовъ я встрѣчалъ его въ чинѣ свиты генералъ-маіора и чуть ли не исправляющимъ должность дежурнаго генерала.

Его загадочное самоубійство въ Варшавѣ, въ 1861 году, надѣлало, въ свое время, много шума, но тѣмъ, кто вѣритъ въ американскую дуэль его съ графомъ Ламбертомъ, очень, впрочемъ, вѣроятную, слѣдовало бы припомнить, что и отецъ Герштенцвейга, артиллерійскій генералъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1846 году и сдѣлалъ это подъ давленіемъ безпокойной мысли, что онъ неудачно выполнилъ возложенное на него порученіе. Его сынъ, какъ я уже замѣтилъ, всегда поражалъ молчаливостью и оттѣнкомъ меланхоліи. Я никогда не видѣлъ его смѣющимся, а вѣчная улыбка, какъ бы застывшая на губахъ, была неестественная. Губы улыбались, а глаза оставались серьезными, да и выраженіе лица носило на себѣ печать предопредѣленія къ неожиданному и страшному концу!

Николай Владиміровичъ Мезенцовъ былъ, въ то время, поручикомъ и числился въ 12-й фузелерной ротѣ запаснаго баталіона. Поступилъ онъ изъ полковыхъ подпрапорщиковъ и былъ человѣкъ весьма не глупый, ловкій, вкрадчивый, словомъ, какъ говорится, «себѣ на умѣ». Его нескладно-скроенная, длинная фигура, съ краснымъ, толстымъ лицомъ и курчавыми волосами, являлась повсюду, вращалась во всѣхъ кружкахъ. Мезенцовъ постоянно хохоталъ или смѣялся, такъ что, казалось, беззаботная веселость была нормальнымъ его настроеніемъ. Даже во фронтѣ усмѣшка только временно замирала на его лицѣ, постоянно веселомъ, довольномъ и сіяющемъ. Между тѣмъ, хотя онъ смѣялся много, но насмѣхался мало, рѣдко и такъ осторожно, что даже въ хмѣлю нельзя было ни къ чему придраться. Мезенцовъ не принадлежалъ ни къ какой артели, а, какъ сказано,—самъ держалъ артель; онъ не принадлежалъ ни къ какому кружку, а искусно лавировалъ между всѣми партіями. Напримѣръ, члены «великосвѣтскаго кружка»—Коссаковскаго могли бы поклясться, что Мезенцовъ принадлежитъ къ ихъ средѣ, такъ какъ съ Коссаковскимъ онъ былъ за панибрата,—его alter ego, во всѣхъ отношеніяхъ. Но если бы кто явился въ засѣданіе «всепьянѣйшей артели» и сказалъ бы членамъ то, что̀ я сейчасъ написалъ, то всѣ бы расхохотались и съ увѣренностью возразили бы: «Ну, нѣтъ, Мезенцовъ—нашъ, душою и тѣломъ!» Дѣйствительно въ средѣ «всепьянѣйшей артели» онъ былъ какъ дома, самъ любилъ выпить, умѣлъ угостить и, за бутылочкою, былъ душа общества! Даже къ «нѣмецкой партіи» Николай Владиміровичъ умѣлъ подладиться, а попробовалъ бы кто сказать ему самому: «вѣдь ты къ нѣмцамъ перекочевалъ!»—Мезенцовъ покатился бы со смѣху и такъ бы расхохотался, что вопрошающій вынужденъ былъ задать себѣ вопросъ: не сглупилъ ли я?.. Вѣдь онъ

надъ нами издѣвается... однакоже и не отрицаетъ и не отвѣчаетъ—«нѣтъ!» Дѣйствительно, онъ напрямки никогда не отвѣчалъ, но его смѣхъ выговаривалъ безъ словъ—ни то, ни се! Придраться ни къ чему было нельзя! Катенинъ понималъ Мезенцова, не долюбливалъ, а какъ будто побаивался способнаго поручика 12-ой роты, рѣдко называлъ его по чину и фамиліи и чаще говаривалъ: «почтеннѣйшій Николай Владиміровичъ». Однако онъ не вывелъ «почтеннѣйшаго» на дорогу почестей, да Мезенцовъ и не нуждался въ томъ, имѣя сильныя связи и вліятельное родство. Впрочемъ, не связи, не протекція возвысили этого замѣчательнаго человѣка, а его гибкій, изворотливый умъ и его счастье. Въ началѣ Крымской войны, императоръ Николай велѣлъ прикомандировать къ Дунайской арміи по три офицера изъ желающихъ отъ каждаго полка гвардіи. Но такъ какъ желающими оказались всѣ наличные офицеры, то пришлось кидать жребій. Мезенцовъ вынулъ счастливый нумеръ, поѣхалъ на Дунай и съ тѣхъ поръ все возвышался по службѣ, пока не умеръ отъ кинжала анархистовъ въ званіи главноуправляющаго III-мъ отдѣленіемъ и корпусомъ жандармовъ. На немъ такъ же, какъ на Коссаковскомъ, Герштенцвейгѣ, Пушкинѣ и на многихъ другихъ, оправдалось древнее прорицаніе: «Dicique beatus, ante obitum, nemo supremaque funera debet!»—(Не слѣдуетъ никого называть счастливымъ до самой смерти и окончательнаго погребенія!).

Наконецъ, къ разряду офицеровъ, независимыхъ отъ партій и кружковъ, мнѣ остается причислить поголовно—всѣхъ старыхъ пажей: Н. Е. Баранова, Рейтерна, Ребиндера (Александра Алексѣевича), двухъ братьевъ—Тимродъ, Варенцова, Арбузова (Дмитрія Алексѣевича), и трехъ братьевъ Вельяминовыхъ [1]). Всѣ они были отличные, фронтовые офицеры, скорѣе «старой пажеской», нежели жерковской школы; они согласовали внѣшнее щегольство со строгимъ, военнымъ приличіемъ и щеголяли болѣе добросовѣстнымъ исполненіемъ долга, добрымъ товариществомъ, а главное умѣньемъ держать себя въ полку и въ обществѣ съ тактомъ, свойственнымъ порядочнымъ людямъ. Послѣ этого всего, можно сказать безъ натяжки, что Катенинъ нашелъ въ полку общество такихъ офицеровъ, съ какими можно было достигнуть самыхъ блестящихъ результатовъ вездѣ и въ чемъ бы то ни было.

Нисходя послѣдовательно по ступенямъ служебной іерархіи, слѣдовало бы написать характеристику младшихъ офицеровъ, но я долженъ ихъ обойти и спуститься прямо до фельдфебелей, имѣвшихъ довольно обширный кругъ дѣятельности и несоразмѣрное ихъ должности значеніе, тогда какъ младшіе офицеры не имѣли ни того, ни другаго. Фельд-

[1]) Николая, Александра и Константина Николаевичей. Послѣдняго изъ нихъ, Николая Николаевича, недавно опустили въ могилу.

фебеля 1848 года были всѣ опредѣлены и вышколены Жерковымъ, и всѣ они, по тогдашнимъ требованіямъ, не оставляли желать ничего лучшаго. Ихъ слишкомъ значительная роль въ ротномъ управленіи обусловливалась требованіями той эпохи. Служба была такъ трудна, что офицеры съ жадностью ловили часы досуга, и рѣдкіе изъ нихъ посвящали свободное время на то, чтобы лично входить въ подробности ротнаго хозяйства и внутренняго управленія. Для этого нужно было, напримѣръ, вставать въ 5 часовъ утра для повѣрки количества и качества продуктовъ, влагаемыхъ въ котелъ, слѣдить во всякое время за покупкою припасовъ, повѣрять распоряженія и дѣйствія фельдфебеля, писаря, должностныхъ, производить раздачу денегъ, слѣдить за правильнымъ расходомъ ротныхъ суммъ, наконецъ повѣрять разсчеты фельдфебеля, пригонку мундировъ, аммуниціи и проч. Съ другой стороны, фронтовыя требованія были такъ многочисленны, строги и мелочны, что добросовѣстное управленіе ротою было бы непосильно тяжкимъ бременемъ для ротнаго командира. Поэтому, если въ ротѣ былъ расторопный и смышленый фельдфебель, то командиру предстоялъ великій соблазнъ—предоставить ему бо́льшую часть управленія, а себѣ—возможно больше досуга и покоя. Рѣдкій ротный командиръ могъ устоять противъ такого соблазна, и ловкій фельдфебель забиралъ въ руки все и всѣхъ, не исключая и самого ротнаго командира. О субалтернъ-офицерахъ, командовавшихъ временно ротами—и говорить нечего,—эти и шагу не могли ступить безъ фельдфебеля. Вотъ иллюстрація изъ полковаго приказа: «при осмотрѣ моемъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и помощниковъ ихъ въ 6-ой фузелерной ротѣ, я замѣтилъ, что командовавшій ротою поручикъ В... на нѣкоторые мои вопросы отвѣчалъ весьма неудовлетворительно и съ помощью фельдфебеля, что̀ доказываетъ, что онъ не занялся ввѣренною ему ротою какъ слѣдовало, за что̀ дѣлаю поручику В... выговоръ...» [1]). Служебную и хозяйственную характеристику фельдфебеля тогдашней эпохи можно сдѣлать въ немногихъ словахъ: деспотъ съ подчиненными, старавшійся стянуть съ солдатъ въ свою пользу, что̀ только можно изъ провіанта и всякаго довольствія, фельдфебель стоялъ въ струнку и раболѣпствовалъ передъ ротнымъ командиромъ и въ это же время изучалъ его характеръ, подмѣчалъ слабости, снискивалъ довѣріе угодничествомъ и забиралъ многое въ свои руки. Не только ротные, но и полковые командиры постоянно относились къ фельдфебелямъ во всемъ, что̀ касалось сущности не только наружной, но и хозяйственной части; это считалось дѣломъ обыкновеннымъ и не удивляло никого. Солдаты боялись фельдфебеля гораздо болѣе, чѣмъ ротнаго командира, потому что командиры часто мѣнялись, а фельд-

[1]) Приказъ по полку 12-го октября 1848 г.

фебель оставался съ ними во всю службу. Правда, что и положеніе фельдфебеля было не легкое. Съ нихъ часто требовалось больше, чѣмъ позволяли средства, какими они могли располагать, и ближайшіе начальники прибѣгали къ извѣстному восклицанію: «Откуда хочешь доставай,—чтобъ было!» Ловкій фельдфебель отвѣчалъ: «слушаюсь!» и дѣйствительно все являлось, но какъ и откуда—это его дѣло! Жерковъ подготовилъ именно такихъ фельдфебелей,—на всѣ руки и такіе были находкою для новаго командира полка. Съ этой стороны онъ тоже могъ считать себя обезпеченнымъ.

Унтеръ-офицеры. Катенинъ сказалъ какъ-то разъ послѣ ученья: «Унтеръ-офицеры,—это самая слабая часть полка!» Тутъ онъ нисколько не ошибся. Только послѣ 1855 года стали обращать вниманіе на условія выбора и производства въ унтеръ-офицеры, требовать отъ кандидатовъ физической, умственной и нравственной подготовки и установили программы для экзаменовъ. Въ 1840 годахъ ничего подобнаго не было. Смѣло можно сказать, что двѣ трети унтеръ-офицеровъ въ полку были произведены за красивую наружность или за знаніе всѣхъ фронтовыхъ тонкостей; производилось также не мало любимчиковъ разнаго начальства, даже фельдфебелей. Производство же, какъ оно теперь понимается, было рѣдкою случайностью. Кукольный красавецъ, надѣвая галуны, дѣлался еще красивѣе, но лѣта, частое пьянство и неряшество дѣлали изъ него урода, и тупоуміе, неразвитость и полное незнаніе своего дѣла не измѣнялись,—скорѣе увеличивались. Унтеръ-офицеры были дѣйствительно самою слабою частью полка.

Солдаты. Служба рядоваго была двадцати-пяти-лѣтняя. Стало быть, цѣлую четверть вѣка проходили солдаты ту жестокую, фронтовую школу, какую я, при всей доброй волѣ, едва-ли могу вѣрно списать съ натуры. На рядовыхъ выѣзжало всякое самолюбіе, всякая фантазія, всякій капризъ. Солдаты были вѣчные труженики, и когда они, разбитые, устарѣвшіе, почти увѣчные, возвращались на родину, то не находили ни семьи, давно вымершей или выселенной, ни дома, ни куска земли, словомъ, попадали въ отчаянное положеніе. Тяжело говорить о жалкомъ житьѣ-бытьѣ этой забитой и только на смотрахъ—блестящей массы людей. Сколько бы я ни писалъ, все же не могъ бы сдѣлать такой вѣрной и мѣткой характеристики тогдашняго военнаго быта, какую высказалъ, въ нѣсколькихъ словахъ, здравый смыслъ тѣхъ же бездольныхъ тружениковъ. Шли мы, какъ-то разъ, учиться на Царицынъ лугъ. Въ рядахъ завязался разговоръ: 1-й солдатъ: «вотъ, теперь манежъ отдохнетъ, а Царицыну лугу достанется работы!» —2-й солдатъ: «за то, братецъ ты мой, зимою манежъ проснется да вдвое отработаетъ!»—3-й солдатъ: «уйдемъ въ лагерь, такъ и манежъ и плацъ отдохнутъ». —4-й солдатъ: «а вотъ мы такъ никогда не отдыхаемъ...»

(общій хохотъ). 1-й солдатъ: «небось, дай срокъ, — въ могилкѣ отдохнемъ!» (тяжелые вздохи).

Любопытно взглянуть и на средства поощренія и наградъ, зависѣвшія отъ полковаго командира. Человѣкъ съ душою, одаренный здравымъ разсудкомъ и хорошо воспитанный, не нуждается въ искусственныхъ побужденіяхъ. Какъ въ жизни, такъ и въ службѣ, онъ руководствуется тѣмъ, что̀ ему подскажетъ разумъ и совѣсть. Исполненіе долга, добровольное, сознательное,—вотъ его лучшая награда! Но такихъ людей на свѣтѣ мало; для большинства создались два стимула: страхъ и интересъ. За страхомъ, какъ мы видѣли, дѣло не становилось, посмотримъ на интересъ, то-есть на поощреніе. 1) Награжденіе чиномъ или орденомъ, за отличіе въ мирное время было дѣломъ до того рѣдкимъ, что не стоитъ о немъ и распространяться. 2) Очередныя представленія къ орденамъ, денежнымъ наградамъ и къ именнымъ, Высочайшимъ благоволеніямъ, дѣлались отъ каждаго полка, одинъ разъ въ годъ.

Представлялись преимущественно, почти исключительно, старшіе офицеры, т. е. полковники и ротные командиры, а первыми на спискѣ значились всегда полковой адъютантъ, казначей и квартирмистръ. Эти трое во всѣхъ полкахъ увѣшивались орденами. Покойный Пенхержевскій можетъ считаться рѣдкимъ исключеніемъ. Кромѣ очередныхъ наградъ были еще поощренія, исключительно зависѣвшія отъ полковаго командира, а именно: словесныя или письменныя изъявленія благодарности. Отпуска же, хотя и не входили въ разрядъ оффиціальныхъ награжденій, но на практикѣ служили для офицеровъ немалымъ поощреніемъ. 21 августа 1848 года встрѣчается въ приказахъ примѣръ поощренія Катенинымъ подчиненныхъ. Дѣло въ томъ, что 18 числа командиръ полка встрѣтилъ въ Павловскѣ команду 1-й роты «не только опрятно, но и щеголевато одѣтую». За это объявлялась по полку благодарность ротному командиру Арбузову и денежный подарокъ фельдфебелю Тарасову. А вотъ образчикъ другой крайности: «команду, возвратившуюся вчера, принуждены были отправить ночью, до того она была безобразна, между тѣмъ какъ высшее начальство по симъ командамъ дѣлаетъ заключеніе о внутреннемъ управленіи и порядкѣ всего полка, чему служитъ доказательствомъ послѣдній приказъ главнокомандующаго за № 295».

Что касается взысканій, то за все время, отъ конца лагеря до 1-го января 1849 года, было всего пять случаевъ штрафованія офицеровъ, и всѣ они были весьма умѣренные; правда, что и провинности—легкія, какъ-то: отлучка въ городъ безъ разрѣшенія, ошибка на смотру, невниманіе, неисправность въ караулѣ и проч.

Поощренія солдатъ были очень ограниченны. Анненская медаль за

безпорочную службу въ строю 20 лѣтъ, шевроны и нашивки на рукавѣ мундира, за 10, 15 лѣтъ,—всѣ эти награды, какъ срочныя, находились въ слабой зависимости отъ полковаго командира; зато производство въ унтеръ-офицеры вполнѣ зависѣло отъ него, такъ что иногда, по просьбѣ офицеровъ, онъ производилъ сверхъ вакансій. О производствѣ въ ефрейторы нечего и говорить, такъ какъ это званіе не требовало сверхсмѣтной прибавки жалованья. Наконецъ, къ числу поощреній слѣдуетъ отнести денежныя награды гласныя, съ объявленіемъ въ приказѣ, и негласныя. Касательно взысканій я уже говорилъ, что полковой командиръ могъ дать рядовому до 800 розогъ. Цифра эта, конечно, не опредѣлялась оффиціально, но разумѣлась сама собою, такъ какъ самая крѣпкая натура не могла бы больше перенести. Въ приказахъ за весь 1848 годъ (до декабря) я нашелъ только три случая наказанія розгами за проступки уголовнаго характера, да еще одинъ рядовой былъ переведенъ изъ 1-го баталіона въ 4-ю роту, за дурное поведеніе. Могу только повторить, что къ этому факту слѣдуетъ относиться весьма осторожно. Четыре штрафованія въ цѣломъ году, и это на весь полкъ, гдѣ числилось 2.500 челов. Такое благонравіе болѣе чѣмъ невѣроятно и прямо наводитъ на мысль, что на 4 оффиціальныхъ случая можно смѣло надбавить 40 негласныхъ и келейныхъ. Однако, въ декабрѣ 1848 года, проглянулъ и оффиціальный фактъ, весьма зловѣщій и характерный. Передаю его словами полковаго приказа: «Унтеръ-офицеръ Афромѣевъ, въ бытность свою въ ротѣ Его Высочества (3-й гренадерской) правящимъ [1]), былъ замѣченъ въ неоднократномъ пьянствѣ и буйствѣ. Вслѣдствіе того, 12 марта сего года былъ наказанъ баталіоннымъ командиромъ, при собраніи унтеръ-офицеровъ 3-го баталіона и выписанъ въ 7-ю роту, съ лишеніемъ званія правящаго. Унтеръ-офицерское же званіе оставлено ему въ надеждѣ на его исправленіе. Несмотря на это снисхожденіе, 6-го декабря (день тезоименитства государя), унтеръ-офицеръ Афромѣевъ, послѣ вечерней зари, съ двумя рядовыми той же роты, что совершенно противно порядку службы, напился пьянъ и, несмотря на приказаніе своихъ правящихъ и фельдфебеля, буйствовалъ и не ложился спать, пока извѣщенный о семъ безпорядкѣ капитанъ Назимовъ 1-й не пришелъ въ роту. Таковой поступокъ унтеръ-офицера Афромѣева лишаетъ меня надежды на его исправленіе, и я предписываю разжаловать его въ рядовые 3-го класса и, какъ недостойнаго продолжать службу въ гвардіи, представить къ выписанію въ армію. Для примѣра же нижнимъ чинамъ, и согласно приказа, отданнаго по полку 13-го прошлаго августа, я буду наказывать унтеръ-офицера Афромѣева на дворѣ 3-го баталіона и проч.»... Въ томъ же приказѣ, (9-го декабря) объявленъ

[1]) То-есть завѣдующимъ отдѣленіемъ роты.

выговоръ полковнику Салогубу и капитану Назимову. Экзекуція Афромѣева осталась у меня въ памяти до сегодня. Катенинъ пріѣхалъ на дворъ казармъ (у Таврическаго сада) въ 8½ часовъ утра. Баталіонъ выстроенъ былъ въ карэ съ фасами, повернутыми во внутрь. Афромѣевъ, когда его подвели къ скамейкѣ, сталъ просить о помилованіи, въ обыкновенныхъ солдатскихъ выраженіяхъ: «Ваше пр—во!... явите Божескую милость!... Простите!... Будьте отцомъ роднымъ!»... На это Катенинъ, сердито и лаконически, крикнулъ: «Ложись!» Тогда Афромѣевъ выпрямился во весь свой огромный ростъ и сказалъ громко и дерзко: «такъ вы не помилуете?... Ну, такъ прощайте же вы со всѣмъ своимъ полкомъ!...» Онъ хотѣлъ продолжать въ этомъ же родѣ, но Катенинъ не далъ ему договорить: «Молчать!... С....ъ с..ъ!... Запорю!» —крикнулъ онъ во всю силу голоса. Афромѣевъ получилъ 700 ударовъ и былъ выписанъ въ армію.

Но, къ несчастію, не одни пьяницы и буяны испытывали на себѣ крутую школу и дисциплину 40-хъ годовъ. Самые благонравные и тихіе солдаты приходили въ отчаяніе, испытывая ежедневно горькую долю служебной тяготы, а главное—предвидя такую же участь въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ. Рекрута и молодые солдаты рѣшительно не выносили такой жизни и бѣгали изъ полка, очертя голову. Помѣщаю въ примѣчаніи списокъ бѣжавшихъ изъ Преображенскаго полка съ апрѣля по октябрь мѣсяцъ 1848 года [1]).

Списокъ этотъ, казалось бы, лишенный всякаго интереса, въ сущности представляетъ любопытный матеріалъ не только для исторіи Преображенскаго полка, но и для исторіи крѣпостнаго права, съ которымъ тѣсно связаны были устройство и обученіе войска. Хотя цифра (5 человѣкъ, почти за цѣлый годъ) составляетъ ничтожный процентъ, зато

---

[1]) 23 апрѣля бѣжалъ рядовой Софронъ Широковъ. Онъ былъ пойманъ 3-го мая за деревнею Тосны и преданъ суду.

15 іюня бѣжалъ рекрутъ 4-й роты Михаилъ Станиславскій; онъ былъ пойманъ на 8-й день, въ селеніи Красныхъ Станкахъ, наказанъ, по суду, 300 ударовъ и переведенъ въ армію.

5 іюля бѣжалъ рядовой 1-й роты Матвѣй Куликовъ, былъ пойманъ и наказанъ (по суду) шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ, съ переводомъ въ армію.

Въ сентябрѣ бѣжалъ рекрутъ 4-й роты Синицынъ, былъ пойманъ и наказанъ, по суду, 300 ударовъ, съ переводомъ въ армію.

4-го октября, 7-й роты Иванъ Поповъ бѣжалъ и пойманъ въ Ѳеофилактовой пустынѣ, по суду, прогнанъ черезъ 500 шпицрутеновъ и переведенъ въ армію.

8-го октября гренадеръ роты Его Высочества Ефимъ Бойко, за 14 дневный побѣгъ, наказанъ по суду шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ и переведенъ въ армію.

бросается въ глаза періодическій характеръ побѣговъ,—почти каждый мѣсяцъ повторявшихся, несмотря на то, что бѣглецовъ всегда и очень скоро ловили, а потомъ наказывали, по суду, съ безпощадною строгостью. Немногіе изъ нынѣшнихъ служащихъ помнятъ наказаніе шпицрутенами, но я, свидѣтель многихъ экзекуцій, могу сказать съ увѣренностью, что они могли ужаснуть самаго твердаго человѣка. Пятьсотъ человѣкъ солдатъ становились шпалерою. У каждаго въ рукахъ была толстая розга, лучше сказать—тонкая палка. Виновнаго раздѣвали до пояса, и онъ проходилъ, то-есть пробѣгалъ, что было мочи, по этой страшной аллеѣ. Каждый солдатъ спѣшилъ влѣпить въ спину бѣгущему свой лозанъ. За этимъ велѣно было строго наблюдать [1]). Большинство солдатъ били очень легко,—только шмыгали палочки по спинѣ для формы; однакоже, изъ 500 солдатъ не всѣ оказывались такъ милостивы, и двойной ударъ на каждомъ шагу, особенно чувствительный на морозѣ, наконецъ, сильное нравственное потрясеніе,—все это заставляло несчастнаго кричать и стонать такъ сильно, что вопли его были слышны, несмотря на неумолкаемую дробь барабановъ всего баталіона.

Послѣ самовольной отлучки Ивана Попова, Катенинъ, озабоченный частыми побѣгами, обратился въ приказѣ къ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ съ длиннымъ воззваніемъ, чтобы «они обратили особое вниманіе на исполненіе неоднократныхъ предписаній и наставленій начальства, клонящихсякъ прекращенію побѣговъ». «Чтобы достигнуть этой благодѣтельной цѣли»,—говорилъ приказъ—«надобно заботиться о молодыхъ солдатахъ, какъ въ отношеніи ихъ фронтоваго образованія, такъ и благосостоянія въ домашнемъ быту. Бываютъ примѣры, что молодые солдаты бѣгаютъ, не понимая служебныхъ обязанностей, отъ неправильнаго обученія или отъ недостатка нравственнаго образованія. Г.г. ротнымъ командирамъ можно это отвратить собственнымъ попеченіемъ, назначая отличныхъ дядекъ и лучшихъ ефрейторовъ». Въ заключеніе, выражалось прискорбіе, что побѣги случаются въ Преображенскомъ полку, и предписывалось баталіоннымъ командирамъ «принять строгія мѣры» и лично повѣрять, какъ можно чаще, обученіе молодыхъ солдатъ и распоряженія, сдѣланныя касательно ихъ нравственнаго образованія, зачѣмъ и самъ командиръ обѣщалъ имѣть неослабное наблюденіе. Кажется, было бы лишнимъ доказывать, что всѣ эти палліативныя, поверхностныя мѣры не могли имѣть практическихъ результа-

[1]) Несмотря ни на какія строгія приказанія, не только офицеры, но даже фельдфебеля смотрѣли сквозь пальцы на исполненіе; многіе даже отворачивались. Въ мое время рѣдко прогоняли болѣе чѣмъ черезъ 500, но, по свидѣтельству старыхъ офицеровъ, въ аракчеевское время—нормою служила 1000, а меньшая цифра—исключеніемъ.

товъ. Никакіе дядьки и отличные ефрейторы, а всего менѣе—заботы о фронтовомъ образованіи или о благосостояніи въ домашнемъ быту (мы видѣли, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ!) не могли отвратить зла, слишкомъ глубоко коренившагося. Тогдашняго рекрута гнали за тысячи верстъ отъ мѣста родины, и семья плакала о немъ, какъ о покойникѣ. Пригоняли его въ новыя мѣста, въ новую среду, гдѣ онъ находилъ «благосостояніе въ домашнемъ быту», олицетворяемое безплодною, тяжкою работою, съ кулачною и палочною расправою, вмѣсто заработковъ. Сколько разъ, послѣ ученья, случалось мнѣ быть очевидцемъ такъ называемыхъ солдатскихъ д о с у г о в ъ. Только и слышишь бывало: «Эхъ, ты жизнь наша каторжная! Учишься, учишься, и все не доучишься! Чистишь, чистишь, и все не вычистишься!» Такія сѣтованія чаще всего раздавались при бѣленіи аммуниціи, и въ самомъ дѣлѣ—чисто въ каторжной работѣ! Тогдашняя аммуниція была бѣлая и носилась на крестъ на груди. Это были двойныя вериги изъ толстой кожи. Портупеи тесака и сумы (патронной) скрещивались, а на нихъ лежалъ другой крестъ ранцовыхъ ремней. Бѣленіе аммуниціи состояло въ томъ, что разводили клей, всыпали въ него тертый мѣлъ, натирали на аммуницію толстый слой этой смѣси, сушили, а потомъ глянцовали костянымъ зубомъ. Это искусство доведено было до совершенства; аммуниція казалась будто выточенною изъ слоновой кости и въ строю эффектъ всѣхъ этихъ крестовъ былъ великолѣпный. Но политура отъ жары трескалась, отъ пыли чернѣла, а въ сырое время, особенно послѣ дождя, портилась и растворялась такъ, что смотрѣть на нее было отвратительно. Постоянная порча обусловливала безпрестанную, нескончаемую чистку; она отнимала столь желанный досугъ и была сущимъ наказаніемъ. Дѣйствительно, кто пережилъ и самъ на себѣ испыталъ всѣ эти невзгоды, тотъ только можетъ представить себѣ во всемъ объемѣ исполинское значеніе двухъ главнѣйшихъ реформъ минувшаго царствованія,—крестьянской и военной. Впрочемъ, объ этомъ я скажу въ заключеніи.

VII.

Царская Славянка. Забавы офицеровъ. Пóсѣдки. Солдатское время-препровожденіе. Школа рекрутская и ея характеристика. Комплектованіе полка рекрутами. Практика одиночныхъ ученій. Командировка въ 3-ю дивизію. Генералъ Овандеръ. Возвращеніе полка въ городъ. Петербургъ осенью 1848 г. «Ералашъ» Неваховича и его каррикатуры. Плохія времена!. Заключеніе.

Холера, сильно свирѣпствовавшая въ Петербургѣ 1848 году, появилась и въ лагеряхъ, несмотря на всѣ принятыя начальствомъ мѣры, какъ, напримѣръ,—приказаніе солдатамъ носить суконки, не выходить

на воздухъ съ тощимъ желудкомъ, пить въ сырую погоду по получаркѣ перцовки и проч. Самъ Катенинъ часто хворалъ, но не сказывался больнымъ, а поступалъ очень безбоязненно, кушалъ по-прежнему, и его богатырская натура не поддавалась болѣзни, такъ что онъ всегда кончалъ тѣмъ, что выздоравливалъ. Не помню, чтобы въ это лѣто серьезно заболѣлъ кто-нибудь изъ офицеровъ [1]), но солдаты заболѣвали часто и многіе умирали. По случаю холеры Преображенскій полкъ выступилъ изъ лагеря весьма поздно, а именно 17 августа, и, такъ какъ зараза, даже и въ началѣ осени, свирѣпствовала въ городѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ его, то полкъ прямо изъ лагеря перевели въ Царскую Славянку, въ четырехъ верстахъ отъ Павловска. Когда-то она принадлежала Скавронскимъ, родственникамъ Екатерины I-й, а въ первой половинѣ текущаго столѣтія владѣла имъ одна изъ послѣднихъ представительницъ екатерининской эпохи, графиня Самойлова, рожденная графиня Литта, поэтому Славянка называлась Графскою. По фамильнымъ ли преданіямъ или просто потому, что мѣсто ему понравилось, императоръ Николай купилъ Славянку у Самойловой, и съ тѣхъ поръ она называется Царскою Славянкою. Это богатое, прекрасное имѣніе раскинулось на двухъ возвышенностяхъ, раздѣленныхъ лощиною. Одна изъ возвышенностей, гдѣ стоитъ большая слобода, тянется версты на полторы, а другая съ малою слободою,— почти на версту. Слободы въ то время представляли широкія улицы съ весьма порядочными избами, такъ что большинство ихъ можно было назвать домами. Во второй же линіи тянулись прекрасные фруктовые сады. Славянскіе крестьяне вовсе не занимались хлѣбопашествомъ, а почти исключительно промышляли продажею фруктовъ и ягодъ или извозомъ. Почти все населеніе принадлежало къ старообрядцамъ, безпоповской секты, самой безнравственной, самой изувѣрной изъ всѣхъ. Хотя въ концѣ малой слободы находилась каменная православная церковь, но, въ описываемое время, духовенство было до того несоотвѣтствующимъ своему призванію, что могло скорѣе отвратить отъ православія, а никакъ не привлечь къ нему сектантовъ. Въ малой слободѣ жилъ со своимъ семействомъ управляющій Славянскимъ имѣніемъ, состоявшимъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ,—статскій совѣтникъ Гинцъ, добрѣйшій гостепріимный старикъ. Далѣе находился домикъ преображенскаго полковаго командира, выстроенный на счетъ дворцовой казны, въ виду избавленія жителей отъ постоя разъ навсегда. Въ концѣ той же малой слободы (при выѣздѣ изъ нея) стоитъ бывшій дворецъ графини Самойловой, въ которомъ, въ доброе старое время, эта представительница древняго ры-

[1]) Отъ холеры умеръ только Тимротъ 1-й, извѣстный красавецъ и отличный офицеръ. Но это случилось въ началѣ года, до моего поступленія.

царскаго рода—ди Ренотто-Литта, задавала пиры рыцарямъ-кавалергардамъ. Въ 1848 г. дворецъ убранъ былъ съ роскошною простотою, то есть со вкусомъ и въ новѣйшемъ стилѣ, а фамильные портреты снесены въ обширныя, свѣтлыя сѣни, гдѣ всѣ стѣны буквально покрыты были, какъ обоями, изображеніями мальтійскихъ рыцарей въ латахъ или въ красныхъ кафтанахъ. Въ описываемый годъ, весь полкъ расположился въ Славянкѣ на тѣсныхъ квартирахъ. Ему данъ былъ отдыхъ до 15 сентября. Вознаграждая себя за тяжелую лагерную службу и стѣсненіе свободы выѣздовъ изъ Краснаго Села, офицеры, несмотря на холеру, уѣзжали въ городъ пожуировать и возвращались въ Славянку только тогда, когда карманы опустошались и кредитъ истощался. Въ Славянкѣ жили изъ рукъ вонъ непроизводительно. Дѣльный разговоръ или дѣльная книга были рѣдкимъ явленіемъ. Дни проводились въ ухаживаніи за славянскими молодицами. За ними бѣгали въ сады и огороды, сажали въ большія сани, разукрашенныя коврами, и катали по всѣмъ слободамъ съ пѣснями подъ бренчанье колокольцевъ и бубенчиковъ. Вечеромъ мы отправлялись на «посѣдки». Русскія, деревенскія вечеринки! Невольно приходятъ на мысль извѣстные, идиллическіе стихи: «Въ свѣтлицѣ распѣвая, дѣва прядетъ и, вѣрный другъ ночей,—горитъ лучина передъ ней».

Какъ фальшивы, однакоже, поэтическія представленія и какъ далеки они отъ жизненной правды! Въ избѣ, тѣсной и неопрятной, привѣшивались къ потолку, на веревкахъ, двѣ или три сальныхъ свѣчки. Кругомъ бревенчатыхъ стѣнъ разсаживались по лавкамъ нѣсколько молодицъ и парней. Подъ шумъ веретена и подъ звуки пѣсенъ, деревенскіе ловеласы заигрывали и балагурили съ сосѣдками, но пѣніе было далеко не поэтическое. Визгливые, крикливые, однообразные напѣвы звучали такъ дико, такъ оглушительно, что хотѣлось зажать уши и выбѣжать вонъ! Въ самомъ разгарѣ вечеринки являлись гг. офицеры съ мѣшками пряниковъ и орѣховъ въ обѣихъ рукахъ. Гостямъ очищали почетныя мѣста, и бесѣда, болѣе или менѣе выразительная, продолжалась подъ новый аккомпаниментъ щелкотни орѣховъ, но разговоры обыкновенно не клеились. Парни угрюмо молчали, а офицеры не попадали подъ ладъ веселья, по совершенной непривычкѣ къ обстановкѣ и нравамъ славянскихъ хозяевъ. Все это выходило очень натянуто и, что до меня, то я никогда не выносилъ изъ этихъ бесѣдъ не только поэтическаго, но даже просто пріятнаго впечатлѣнія. Практическій результатъ посѣдокъ былъ развѣ тотъ, что высмотрѣнныя на нихъ красавицы получали офицерскіе визиты у себя на дому, и хотя такія посѣщенія рѣдко заходили за предѣлы позволительнаго, однако положительно вредили славянскимъ молодицамъ, такъ что бывало самыя порядочныя изъ нихъ весь свой вѣкъ просиживали въ дѣвкахъ. Въ деревенскомъ быту есть тоже свои

приличія и житейскія правила. Волокитство офицеровъ вооружило противъ нихъ буйныхъ, избалованныхъ славянскихъ парней, такъ что непостоянство и перелеты отъ петербургскихъ къ славянскимъ удовольствіямъ хотя и разнообразили жизнь, но были какъ-то не въ порядкѣ вещей и не обходились безъ разочарованій. Солдатскій бытъ въ загородномъ расположеніи былъ уже совсѣмъ безалаберный, даже гибельный для нравственности самыхъ неиспорченныхъ людей. Изъ лагерной сутолоки солдаты впадали въ полнѣйшую праздность и распущенность. Водка и пьяная компанія—вотъ и всѣ удовольствія, какія были доступны солдату, такъ какъ другихъ занимательныхъ досуговъ и развлеченій въ то время не существовало для него не только въ Славянкѣ, но и въ Петербургѣ. Солдатъ сначала пропивалъ собственныя деньги и вещи, потомъ занималъ у товарищей, и, когда кредитъ истощался, начинались кражи. Какъ только появлялся въ ротѣ молодой солдатъ и какъ только замѣчали, что онъ часто получаетъ изъ дому деньги, около него сейчасъ же образовывался кружокъ товарищей, отпѣтыхъ пьяницъ и гулякъ. Они спаивали неопытныхъ новичковъ и пользовались всякимъ случаемъ погулять на чужой счетъ. 4-ая рота, куда меня зачислили при поступленіи въ полкъ, была—самая пьяная и ненадежная. Это была ссылочная рота, куда переводили штрафованныхъ изъ 1-го баталіона, такихъ людей, что и вспомнить о нихъ страшно. Фланговый, Горловъ, и слѣдующій за нимъ—Евдокимовъ напивались до бѣшенства, такъ что посылали цѣлую команду, чтобы вязать ихъ! Можно было по истинѣ сказать: слава Богу!—когда отдыхъ кончился и начались одиночныя ученья—все же есть какое-нибудь занятіе!

Описаніе теоріи и практики тогдашняго Устава можетъ пригодиться, какъ матеріалъ для историка, тѣмъ болѣе, что обученіе войскъ во 2-й половинѣ нынѣшняго столѣтія имѣло вѣскія и разумныя историческія причины. Оглавленія томовъ Устава (изд. 1848 г.) буду помѣщать въ примѣчаніяхъ, а практику дѣла—въ текстѣ. Начну съ 1-го тома. Школа рекрутская [1]). Сущность ея можно описать въ нѣсколькихъ словахъ. На

---

[1]) Статья I-я. Истолкованіе начальныхъ правилъ строевой службы. § 1-й. Составъ шеренгъ. §§ 2-й и 3-й. Ранжиръ. § 5-й. О флангахъ. § 6-й. О составѣ рядовъ. Ст. II. Построеніе и разсчетъ полка и назначеніе мѣста всѣхъ чиновъ. Послѣ этихъ двухъ статей, которыя показываются какъ будто предисловіемъ или вступленіемъ, начиналась собственно „Школа рекрутская“, а именно: одиночная выправка безъ ружья, стойка, повороты, шаги, стойка подъ ружьемъ, ружейные пріемы и пальба. Все это занимало три отдѣленія школы. Въ послѣднемъ (четвертомъ) излагалось весьма подробно обученіе сомкнутому фронту. Больше въ „Школѣ рекрутской“ ничего не было.

первомъ планѣ стояла «шеренга» и «сомкнутый строй», а одиночная выправка усиливалась создать для этого строя щеголеватую, механическую фигуру, — автомата, который бы могъ по командѣ быстро и темписто манипулировать ружьемъ и педантически-мѣрно передвигать ногами такъ, чтобы, впослѣдствіи—десятки, а потомъ—сотни и тысячи ногъ ходили, какъ одинъ человѣкъ.

Вотъ и вся теорія рекрутской школы. Посмотримъ на практику. Рекруты въ тѣ поры получали первоначальное образованіе въ гарнизонныхъ баталіонахъ, но эта школа не входитъ въ программу моего труда. Я могу начать лишь съ комплектованія Преображенскаго полка и одиночнаго обученія въ ротахъ. По прибытіи рекрутъ въ полкъ, полковой командиръ сортировалъ ихъ по ротамъ. Лучшіе люди поступили въ 1-й баталіонъ, бывшій особенно на виду у государя. Послѣ 1-го баталіона, самыхъ хорошихъ рекрутъ зачисляли въ гренадеры, въ стрѣлки и въ знаменныя роты, а остальныхъ распредѣляли по физіономіямъ, при чемъ самые старые и неблагообразные обыкновенно попадали въ 4-ю, 7-ю и 9-ю роты. При распредѣленіи, ротные командиры бѣгали, суетились, интриговали, спорили между собою, отваживались даже пререкаться съ командиромъ полка, но его рѣшеніе кончало споръ безповоротно. Тогда счастливцы, надѣленные лучшими рекрутами, съ торжествомъ вели ихъ въ роты, приголубливали, отдавали подъ руководство надежнѣйшимъ дядькамъ и сами берегли новичковъ, какъ зѣницу ока. Обдѣленные же господа кусали себѣ усы съ досады и совали рекрутъ кому попало изъ унтеръ-офицеровъ, не забывая сорвать зло въ энергическомъ внушеніи будущему наставнику. Причина неудовольствія командировъ 4-й, 7-й и 9-й ротъ понятна, такъ какъ они могли безошибочно предсказать себѣ, что на слѣдующемъ смотру рекрутъ получатъ выговоръ, не взирая на отговорку, что ихъ исключительно надѣлили уродами. Привожу подтвержденіе этого факта въ полковомъ приказѣ: «Осмотрѣвъ вчера рекрутъ, я отдаю справедливость ротамъ Его Величества, 5-й фузелерной (знаменная рота), ротѣ Его Высочества (3-й гренадерской), коихъ рекрута, какъ по выправкѣ, такъ и маршировкѣ, сдѣлали видимые успѣхи; прочіе же изрядны кромѣ 4-й роты, рекруты которой представлены въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, за что дѣлаю выговоръ штабсъ-капитану Швенцону».—Перехожу къ вопросу: какое количество времени посвящалось на одиночное обученіе и какимъ образомъ оно производилось? Изъ 365 дней года надобно, во-первыхъ, вычесть шесть мѣсяцевъ, отъ половины апрѣля до половины октября [1]); затѣмъ,—исклю-

[1]) Время валовыхъ ученій, маневровъ, стрѣльбы и проч.

чить 32 дня церковныхъ и гражданскихъ праздниковъ, говѣнье и проч. Изъ остальныхъ 5 мѣсяцевъ опять придется выключить караулы на восьмой или на девятый день, разводы, парады съ ихъ репетиціями, приготовленіе къ инспекторскимъ смотрамъ и ученьямъ, которыя государь дѣлалъ въ великомъ посту и послѣ Святой недѣли. Даже въ самые дни одиночныхъ ученій, за исключеніемъ мастеровыхъ, работавшихъ въ полковой швальнѣ, и должностныхъ, оставалось не болѣе 30—50 человѣкъ; вообще, для одиночныхъ ученій оставалось, сравнительно, весьма мало времени, и весьма малое число людей выправлялось по одиночкѣ. Ученья эти производились съ половины октября до половины марта, причемъ наиболѣе могъ практиковаться въ «одиночкѣ» баталіонъ, стоявшій за городомъ. Еслибы обученіе производилось толково и на разумныхъ началахъ, можно было бы пожалѣть о недостаткѣ времени, но жалѣть было не о чемъ. Мнѣ стóитъ только припомнить о тогдашней стойкѣ и держаніи ружья, въ которомъ было полпуда вѣсу, о 48 ружейныхъ пріемахъ съ подраздѣленіями, о маршировкѣ тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ, по пріемамъ и безъ пріемовъ. Исполненіе такихъ задачъ требовало времени, но, право, можно сказать: слава Богу, что его недоставало! Это скажетъ всякій, кто прочтетъ или кто помнитъ, какъ одиночныя ученія производились на практикѣ. Мой ротный командиръ А. П. Швенцонъ былъ однимъ изъ исправныхъ и добросовѣстнѣйшихъ служакъ и никогда не манкировалъ ни на одномъ домашнемъ ученьи. Въ Славянкѣ, въ концѣ большой слободы, стоялъ довольно ветхій деревянный манежъ, гдѣ съ 9 часовъ утра начиналась одиночка. Разставляли по два, по три, по пяти человѣкъ, и передъ каждой изъ этихъ маленькихъ шеренгъ становился учитель, унтеръ-офицеръ или ефрейторъ. Какъ бываетъ во всякомъ дѣлѣ, гдѣ ни обучающій, ни обучаемый не видитъ опредѣленной цѣли, ни пользы, одиночка, въ отсутствіе начальства, шла изъ рукъ вонъ вяло и небрежно. Являлся ротный командиръ, здоровался съ людьми и командовалъ: «продолжать!» Тогда по всей линіи поднималась неумолкаемая разноголосица командъ, наставленій, объясненій и криковъ, и все это перемѣшивалось съ трескотнею ружейныхъ темповъ и шарканьемъ марширующихъ.

Надъ всѣмъ этимъ шумомъ господствовалъ громкій голосъ ротнаго командира, когда онъ поправлялъ какого-либо изъ учащихся или самого учителя и долженъ былъ перекричать весь этотъ гамъ. Казалось, что работа кипѣла повсемѣстно, но стоило присмотрѣться ближе и внимательнѣе, чтобы понять, что въ учебной кутерьмѣ было очень мало толку, даже въ тогдашнемъ значеніи этого слова. Большая часть унтеръ-офицеровъ не годилась въ учителя. Изъ десяти—восемь были сами изъ рукъ вонъ слабы по фронту, а средствъ поощренія учениковъ не было,

*

кромѣ кулачной расправы. Но этотъ стимулъ, при невѣжествѣ и безтактности учителя, еще болѣе сбивалъ съ толку молодаго солдата. Кромѣ того, унтеръ-офицеры хорошо понимали, что въ общемъ строю за все отвѣчаетъ ротный командиръ, а потому старались только протянуть до конца ученья и въ томъ только случаѣ, если капитанъ принимался распекать учителей,—и они брали за бока учащихся. Нельзя, однакоже, безусловно сказать, чтобы съ рекрутами поступали жестоко (я говорю про обученіе ихъ въ полку). Настолько доставало смысла у самаго тупаго унтеръ-офицера, чтобы понять, что новаго человѣка нельзя брать съ первой же минуты въ служебные тиски; настолько доставало и чувства, чтобы видѣть въ рекрутѣ земляка и помнить, каково было въ рекрутствѣ ему самому. Вотъ почему унтеръ-офицеры въ обращеніи съ рекрутами брали покровительственный тонъ и болѣе распространялись въ объясненіяхъ, показывая на практикѣ повороты и пріемы, но такъ вяло, уродливо и неправильно, что противно было смотрѣть. Помню пресмѣшную сцену. Одиночка, въ началѣ шумная и дѣятельная, обыкновенно затихала въ концѣ. Когда учителямъ начинала надоѣдать муштра, они слѣдили однимъ глазкомъ за ротнымъ командиромъ и, какъ только онъ отходилъ подальше, начинали нянчиться съ учениками, выправляя имъ осязательно руки, ноги, плечи и проч., при этомъ даже не смотрѣли, достигаютъ ли поправки цѣли, хотя онѣ ее никогда не достигали и на слѣдующій разъ рекрутъ, по-прежнему, кривился, тянулся изо всѣхъ силъ и ничего не понималъ. Вотъ и случилось, однажды, что одинъ изъ учителей, послѣ витіеватаго объясненія, что повороты слѣдуетъ дѣлать на лѣвомъ каблукѣ, началъ демонстрировать на себѣ, повернулся направо и пошатнулся, а потомъ, со словами: «ну, теперь смотри, замѣчай!...» — повернулся налѣво кругомъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ бы непремѣнно, еслибы не придержался за своего же ученика, да еще прибавилъ назидательнымъ тономъ: «вотъ оно, значитъ, какимъ манеромъ надо!..» А Швенцонъ,— словно изъ-подъ земли выросъ да какъ прикрикнетъ: «что-о-о!... Да развѣ такъ надо?.. Пошелъ вонъ, олухъ!.. Постой я васъ самихъ проберу!..» И онъ громко приказалъ фельдфебелю завтра же собрать всѣхъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и сдѣлать имъ однимъ одиночное ученье.

Я не буду утверждать, чтобы всѣ унтеръ-офицеры, вообще, были въ родѣ сейчасъ описаннаго учителя. Встрѣчалось между ними не мало хорошихъ фронтовиковъ; особенно отличались «учебные» (изъ образцоваго полка) и «карабинерные» (изъ карабинерныхъ полковъ), съ погономъ, общитымъ кругомъ басонными лентами. Такіе умѣли вышколить молодаго солдата. Но подобные учителя представляли собою меньшинство, и хорошаго было вездѣ понемножку.

Выписываю точныя цифры одиночныхъ ученій за три года. Я бралъ въ примѣръ только тѣ баталіоны, какіе расположены были въ Петербургѣ. Въ 1850-мъ г.—1-й баталіонъ—18 разъ; въ 1851-мъ—20 разъ. Въ 1852-мъ г. 2-й баталіонъ—16 разъ; 3-й баталіонъ—19 разъ. Понимаю, что многіе изъ нынѣшнихъ военнослужащихъ, читая здѣсь о старой военной школѣ, зададутъ себѣ вопросъ: «Неужели же не было тогда и помину о настоящей боевой подготовкѣ,—о стрѣльбѣ, гимнастикѣ, фехтованіи, грамотности и проч.?» Совершенно отрицательно отвѣчать на это нельзя. Правда, что ни въ «Школѣ рекрутской», ни гдѣ бы ни было въ Уставѣ не упоминалось о теоріи и практикѣ стрѣльбы, кромѣ ружейныхъ пріемовъ. Однако пальба боевыми патронами все-таки производилась, и эту практику мы сейчасъ увидимъ. Не надобно только забывать, что, при воцареніи императора Николая I, вся гвардія и армія имѣли еще кремневыя ружья, до начала 40-хъ годовъ. Будучи кадетомъ и пажемъ (1843—1848 г.), я еще манипулировалъ такимъ ружьемъ и продѣлывалъ: «скуси патронъ!»—«открой полку!», «насыпь!», «обороти ружье!» и проч. Императоръ Николай все-таки еще довольно своевременно перемѣнилъ кремневыя ружья на ударныя, хотя перемѣна эта была дѣломъ далеко не легкимъ. Въ другихъ государствахъ Европы, въ такихъ случаяхъ, изготовляются, положимъ, сотни тысячъ новыхъ ружей, а въ Россіи и милліона недостаточно. Историкъ военнаго дѣла въ Россіи будетъ вѣдаться съ вычисленіями: сколько милліоновъ потребно для описываемой реформы; онъ сравнитъ свои цифры съ положеніемъ финансовъ Россіи въ періодъ 1825—1845 годовъ, но при этомъ, конечно, не упуститъ изъ вида громадные дефициты и оскудѣніе казны, унаслѣдованные Николаемъ I-мъ. Старина легко забывается, и не мѣшаетъ напомнить, что при этомъ же государѣ въ первый разъ было введено въ нашихъ войскахъ нарѣзное оружіе. Во второмъ изданіи воинскаго Устава (1848 г.) въ отдѣленіи 3-мъ,—«О разсыпномъ строѣ», глава V-ая говоритъ «о стрѣлкахъ, застрѣльщикахъ, вооруженныхъ штуцерами». Ихъ полагалось очень малое число: шесть человѣкъ въ каждой ротѣ или 72—въ полку. Роль этихъ стрѣлковъ была чисто вспомогательная. Здѣсь я упомянулъ объ этомъ только для напоминанія, что отъ государя Николая Павловича не укрылось учрежденіе во Франціи орлеанскихъ стрѣлковъ. Къ сожалѣнію, стрѣлковое дѣло не развилось у насъ, и суворовскій девизъ: «пуля дура,—штыкъ молодецъ» преобладалъ въ нашей тактикѣ до самой Крымской войны. До той же войны не было рѣшительно помину ни о гимнастикѣ, ни о фехтованіи, я говорю въ войскахъ, такъ какъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ все это, и въ мое время, преподавалось. Грамотѣ, насколько помню, тоже вовсе не учили солдатъ до 1856 года. Въ

декабрѣ же 1848 г., командующій 1-ою гвардейскою пѣхотною дивизіею велѣлъ внести въ формулярные списки знаніе грамоты нижнихъ чиновъ. Такихъ оказалось, во всемъ полку, всего тринадцать человѣкъ! [1]).

Стрѣльба изъ гладкоствольныхъ ружей производилась, обыкновенно, весною и лѣтомъ, особенно въ лагеряхъ. Но въ 1848 г., въ виду революціонныхъ вспышекъ въ Европѣ и уже тогда вѣроятной войны, стрѣльба производилась съ 3-го по 28 октября. На стрѣльбу выводилось по 2 унтеръ-офицера и 20 рядовыхъ съ каждой роты, а такъ какъ въ ротахъ считалось отъ 235 до 237 человѣкъ, то за все это время полкъ едва-ли выпустилъ по 3 патрона. 7 декабря, начальникъ дивизіи дѣлалъ смотръ стрѣльбы на Семеновскомъ плацу. Представлялись такъ называемые «отличнѣйшіе стрѣлки»,—тоже 2 унтеръ-офицера и 20 рядовыхъ съ роты, а 17 декабря, тѣхъ же «отличнѣйшихъ» и въ томъ же составѣ смотрѣлъ наслѣдникъ цесаревичъ. Однако, слово «отличнѣйшій стрѣлокъ» въ 1848 г. можно было понимать развѣ въ смыслѣ ироническомъ. Никакого техническаго руководства для стрѣльбы, ни словеснаго, ни письменнаго не было; Уставъ совершенно умалчивалъ о практикѣ стрѣльбы. Офицеры не могли учить ей солдатъ потому, что сами не стрѣляли и не умѣли стрѣлять, хотя въ высшихъ классахъ военно-учебныхъ заведеній воспитанниковъ и заставляли дѣлать нѣсколько выстрѣловъ боевыми патронами въ мишени. Но это дѣлалось въ послѣднее лѣто передъ выпускомъ, и мы едва-ли могли выпустить болѣе десяти патроновъ. Объ унтеръ-офицерахъ и говорить нечего; они могли еще менѣе быть полезными, нежели въ дѣлѣ одиночной выправки. Солдаты стрѣляли изъ ружей, тогда какъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ двѣ трети были негодны для стрѣльбы,—разстрѣляны, перепорчены чисткою наждакомъ, ружейными пріемами и ржавчиною. Стрѣляли наугадъ, какъ кому заблагоразсудится, а на умѣ у всякаго было одно только желаніе: какъ можно скорѣе выпустить свои пули и пойти домой. Обнаружить несостоятельность подобнаго обученія могли бы инспекторскіе смотры, производившіеся въ октябрѣ и ноябрѣ. Но смотры эти, то-есть повѣрка и контроль обученія, хозяйства и управленія, производились на такихъ основаніяхъ, какіе даже въ тѣ поры бросались въ глаза своею непрактичностью. Бригадный командиръ инспектировалъ свою бригаду, начальникъ дивизіи—свою дивизію и т. д. Слѣдовательно, каждый начальникъ повѣрялъ самого себя. Положимъ, что такіе порядки были основаны на неограниченномъ довѣріи къ высшимъ начальникамъ, но интересно, что̀ именно требовалось на инспекторскихъ смотрахъ. А вотъ что̀: предписывалось ротнымъ командирамъ

[1]) Приказъ по полку 2-го декабря 1848 г.

обратить вниманіе на знаніе нижними чинами именъ всѣхъ начальниковъ и номеровъ принадлежащихъ имъ ружей. Предлагалось «озаботиться къ предстоящему смотру наслѣдника цесаревича, дабы люди держали ружье на плечѣ правильно, а то нѣкоторые слишкомъ тянутъ прикладъ назадъ. Обратить вниманіе на пригонку капсульной сумки, чтобы петелька ея была наравнѣ съ пуговицами мундира. Чтобы пуговочка касочной чешуи сверхъ козырька была непремѣнно съ правой стороны каски. Чтобы мундирные погоны лежали плотно по плечу» [1]). На счетъ ружей требовалось только, чтобы всѣ металлическія части блестѣли, что̀ достигалось чисткою кирпичемъ (наждакомъ); кромѣ того, начальство добивалось, чтобы, при ружейныхъ пріемахъ, каждый пріемъ отчеканивался, а это возможно было тогда, когда ружье было расшатано, развинчено до степени дребежжанія. Впрочемъ, начальникъ дивизіи, еслибы даже и хотѣлъ, не имѣлъ возможности заглянуть во внутрь стволовъ и осмотрѣть составныя части замка, потому что для этого требовалось отвинтить казенную часть и разобрать замокъ. Все это дѣлалось разъ въ годъ, но не на инспекторскихъ смотрахъ, а на домашнихъ, особо назначаемыми артиллерійскими офицерами, осматривавшими оружіе въ каждомъ гвардейскомъ полку. Эти осмотры не достигали цѣли, но говорить здѣсь объ этомъ не своевременно. Кстати упомяну объ одномъ въ высшей степени практичномъ начинаніи, относящемся къ описываемому времени: въ октябрѣ 1848 г. появился приказъ наслѣдника цесаревича, командира гвардейской пѣхоты, «чтобы во всѣхъ полкахъ были исподоволь подготовлены вторыя и даже третьи смѣны штуцерныхъ командъ». Это распоряженіе, еслибы оно получило дальнѣйшее развитіе, могло повести къ коренному преобразованію системы обученія и предотвратить многія изъ послѣдствій Крымской войны. Къ сожалѣнію, Венгерская кампанія разъигралась быстро и кончилась побѣдоносно для русскаго оружія, и доброе начинаніе заглохло и уступило мѣсто господствующей системѣ военнаго образованія.

Я и молодые товарищи мои по выпуску недолго пробыли въ Славянкѣ, гдѣ пережили только начало осени 1848 года. Насъ прикомандировали къ 3-й гвардейской дивизіи, занимавшей въ Петербургѣ караулы, такъ какъ въ ней оказался недостатокъ въ офицерахъ. Новопроизведенныхъ преображенцевъ прикомандировали къ Австрійскому полку (имени императора Франца 1-го), которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Р о з ѐ, и къ Прусскому (Фридриха-Вильгельма III), гдѣ командиромъ былъ Г л у х о в ъ, тоже старый преображенецъ. Въ это время я въ первый разъ познакомился съ городскими караулами, но подробное описаніе здѣсь опускаю. Начальникомъ 3-й дивизіи былъ

[1]) Приказы по полку 7-го и 16-го октября 1848 г.

генералъ-лейтенантъ Овандеръ, личность историческая, игравшая выдающуюся роль въ польскомъ возстаніи. Когда, 17 ноября 1830 года, вспыхнулъ бунтъ въ Варшавѣ, командиръ Волынскаго полка, генералъ Исаковъ былъ гдѣ-то въ гостяхъ, и, возвращаясь домой, задержанъ на улицѣ и взятъ въ плѣнъ поляками. Овандеръ, бывшій въ то время баталіоннымъ командиромъ, не потерялъ присутствія духа. Онъ жилъ вблизи казармъ, пріѣхалъ туда въ минуту опасности, поднялъ Волынскій полкъ по тревогѣ и отвелъ его на сборное мѣсто, отбивъ по дорогѣ нѣсколько нападеній мятежниковъ. Извѣстно, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ отдалъ войскамъ приказаніе очистить Варшаву безъ боя. Овандеръ, принявшій начальство надъ Волынскимъ полкомъ, какъ старшій полковникъ, буквально исполнилъ волю великаго князя и впослѣдствіи сдѣлался командиромъ того же полка, а затѣмъ—3-й дивизіи. Онъ былъ умнѣйшій человѣкъ, чрезвычайно начитанный и образованный для своего времени. Его очень любила и уважала великая княгиня Елена Павловна, отличавшая всѣхъ умныхъ и просвѣщенныхъ людей. Въ знаніи фронта, особенно же въ полковомъ хозяйствѣ, Овандеръ являлся такимъ мастеромъ своего дѣла, какихъ трудно было найти прежде и послѣ него. Съ офицерами онъ былъ справедливъ, но строгъ, требователенъ и отличался невозмутимымъ терпѣніемъ, настойчивостью и самымъ педантическимъ формализмомъ. Солдаты боялись его какъ огня, но не любили, какъ вообще всѣхъ начальниковъ-формалистовъ. Привожу одинъ изъ образчиковъ его методичности. Надобно знать, что солдаты переиначиваютъ всегда по своему фамиліи начальниковъ, даже и русскія, напримѣръ, вмѣсто Жеркова (кажется, не трудно выговорить!)—произносили Жарковъ. Нѣмецкія же фамиліи коверкались самымъ безцеремоннымъ образомъ. Знаменитаго Карла Ивановича Бистрома, обожаемаго всѣми гвардейцами, солдаты прозвали «Быстровымъ», барона Корфа называли «Баранковъ», семеновскаго командира Гильденштуббе одни звали: «Гильда-въ-шубѣ», другіе: «Эндерштубъ», а третьи—просто «Штубинъ». Овандера, всѣ, какъ будто по приказу, прозвали «Лабандеръ», и дивизіи начальнику, на инспекторскомъ смотру, конечно, было непріятно получать такое прозваніе, при спросѣ именъ начальствующихъ лицъ. Овандеръ, ни сколько не смущаясь, начиналъ самолично учить по одиночкѣ: «говори: «О», говори: «ван», говори: «деръ»! Солдатъ повторялъ.—«Ну, а теперь говори разомъ все вмѣстѣ:—«О-ван-деръ». Солдатъ не обинуясь отвѣчалъ: «Ла-бан-деръ!».—«Нѣтъ, не такъ!»—спокойно говорилъ начальникъ дивизіи и опять начиналъ учить по складамъ, терпѣливо, назойливо, до тѣхъ поръ, пока солдатъ не выговаривалъ, наконецъ, правильно. Такъ онъ выучивалъ одного, другаго—до десятаго, только весь

полкъ, конечно, переучить не могъ, но подчиненные ему начальники частей были такъ вышколены, что понимали каждый намекъ его и къ слѣдующему инспекторскому смотру перебирали по-одиночкѣ, и все-таки выходила опять та же исторія: одинъ выговоритъ Овандеръ, а десять — Лабандеръ!

Едва мы успѣли явиться и познакомиться съ нѣкоторыми офицерами 3-й дивизіи, какъ они насказали намъ самыхъ страшныхъ вещей про Овандера, увѣряли, что онъ вездѣсущій, всевидящій, любитъ дѣлать тревогу и даже своимъ домашнимъ дѣлаетъ репетицію тревоги, внезапно кричитъ: «пожаръ!» — и тогда всякій долженъ знать свое мѣсто и вязать свой узелъ. Разсказывали и другіе ужасы, прямо затрогивавшіе насъ за живое. Предупреждали, что прежде чѣмъ явиться къ Овандеру, не мѣшаетъ, подъ рукою, свѣрить свои часы съ генеральскими, такъ какъ онъ требуетъ, чтобы являющіеся представились минута-въ-минуту, не позже, не раньше назначеннаго часа. Разсказывали такой случай: одинъ офицеръ, изъ страха опозданія явился за 20 минутъ раньше, но генералу все-таки о немъ доложили. Овандеръ просилъ его въ кабинетъ, усадилъ и началъ любезно разговарить о незначащихъ предметахъ, а самъ то и дѣло посматривалъ на часы. Какъ только наступила минута явки, начальникъ дивизіи вдругъ поднялся съ мѣста, вывелъ гостя въ пріемную и напустился уже совсѣмъ по-начальнически на озадаченнаго подчиненнаго: «Какъ вы смѣете безпокоить меня раньше времени! У меня день разсчитанъ по минутамъ, а вы отнимаете почти цѣлыхъ полчаса! Извольте завтра же снова явиться, но аккуратно и прошу, чтобы этотъ урокъ былъ послѣднимъ!» Опоздавшихъ офицеровъ Овандеръ вовсе не принималъ, а приказывалъ записывать въ книгу съ обозначеніемъ часовъ и минутъ опозданія. За каждые полчаса виновный, будто бы, отсиживалъ сутки подъ арестомъ. Кажется, мнѣ повѣрятъ, если я скажу, что всѣ мы явились къ Овандеру минута въ минуту, съ предварительною повѣркою часовъ, такъ что я заставалъ кое-кого изъ нашихъ на площадкѣ лѣстницы; они посматривали на часы, но выжидали и не входили въ пріемную. Однако всѣ эти опасенія разсѣялись въ одну минуту. Къ намъ вышелъ сутуловатый, совершенно лысый старичекъ, въ волынскомъ сюртукѣ, предобродушно раскланялся и сказалъ, что радъ съ нами познакомиться и надѣется, что мы поможемъ ему въ нуждѣ, по случаю недостатка въ офицерахъ. Больше мы его не видѣли, никакихъ тревогъ не испытывали, и всѣ страшныя легенды про генерала Овандера оказались преувеличенными.

«Славны бубны за горами!» 18-го октября мы возвратились въ Славянку, а 26-го ноября весь полкъ вернулся въ Петербургъ. Холера, хотя и ослабѣла, съ наступленіемъ морозовъ, однако все напоминала о себѣ

смертными случаями, производившими особенно сильное впечатлѣніе, если вырывалась жертва изъ высшаго общества. Кромѣ холеры, безпрестанно появлявшіяся въ газетахъ и въ частныхъ письмахъ извѣстія съ европейскаго запада становились день ото дня серьезнѣе. Французскія смуты въ родѣ тѣхъ, какія вспыхнули въ 1848 г., рѣдко ограничиваются предѣлами Франціи, а почти всегда сейчасъ же заражаютъ Италію, зажигаютъ политическія страсти въ Германіи, воспламеняютъ Польшу, и тогда пожаръ вспыхиваетъ кое-гдѣ и у насъ въ Россіи. Такъ было въ 1848 году, но пословица говоритъ: «громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится!»

Холеры уже переставали бояться, а надъ западомъ задумываться еще не начинали. Напротивъ. Петербургъ началъ веселиться и пользоваться жизнью по-прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало! Появился сатирическій альбомъ «Ералашъ», гдѣ талантливый Неваховичъ мѣтко и остроумно подтрунивалъ надъ общественными слабостями и надъ личными страстишками. Мнѣ разсказывали, что преображенскій полковой адъютантъ Степанъ Александровичъ Талызинъ, смѣнившій покойнаго Пенхержевскаго, былъ хорошо знакомъ съ Неваховичемъ и что встрѣтилъ его гдѣ-то въ ресторанѣ и сталъ поддразнивать:—«А, что, братъ, плохи твои дѣла! Нынче времячко такое, что и у завзятаго шутника пройдетъ охота шутить! Холеру-то, братъ, не осмѣешь!»—«Нѣтъ, и холеру осмѣю!»—отрывисто отвѣтилъ Неваховичъ.—«Ну, а меня осмѣешь?..»—приставалъ Талызинъ.—«И тебя осмѣю!»—такъ же рѣзко и спокойно сказалъ Неваховичъ.—«Когда?»—спросилъ Талызинъ.—«Въ ближайшемъ номерѣ»—проворчалъ издатель «Ералаша». Степанъ Александровичъ не повѣрилъ и засмѣялся:—«Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! Мундира осмѣять не смѣешь, а во мнѣ, то-есть въ личности и въ характерѣ моемъ, никакихъ странностей не найдешь!»—«Посмотримъ»—проворчалъ Неваховичъ и началъ записывать что-то въ записной книжкѣ. Талызинъ совсѣмъ забылъ, что и у него была слабость—къ лошадямъ. Онъ любилъ дѣлать изъ себя англомана и щеголять верховыми и упряжными лошадьми. Но Неваховичъ это помнилъ. Въ ближайшемъ номерѣ «Ералаша» появилась преинтересная картинка: стоятъ изломанныя дрожки, съ великолѣпной парой лошадей. На мостовой лежитъ Талызинъ, въ мундирѣ. Голова у него на тумбѣ, глаза закрыты, лицо вытянуто,—онъ очевидно разбился на смерть. Съ боку стоитъ кучеръ, почесывается и говоритъ:—«Ничего, баринъ, только ось сломалась!»—Портретъ Талызина поразительно схожъ. И на счетъ холеры Неваховичъ сдержалъ слово,—досталось ей отъ «Ералаша!» Почти въ каждомъ номерѣ сыпались каррикатуры на страшную болѣзнь. Помню только двѣ изъ нихъ. Встрѣчаются два знакомыхъ,—у одного трауръ

на шляпѣ; внизу написано: «Что это?.. И у тебя трауръ?»—«Да, мой дядя умеръ.»—«Отъ холеры?»—«Нѣтъ, слава Богу,—отъ чахотки!» На другой картинкѣ представленъ Лѣтній садъ, переполненный гуляющими, но всѣ они идутъ повѣся головы, съ крепомъ на шляпахъ, и каждый самъ по себѣ. Внизу—разговоръ двухъ встрѣчныхъ:—«Ахъ, Боже мой, да неужели и здѣсь кого-нибудь хоронятъ?»—Отвѣтъ:—«Что вы!.. Помилуйте, да здѣсь нынче гулянье!» Дѣйствительно, петербургскія гулянья вообще отличаются вялостью и апатіею, а въ холерный 1848 годъ они совершенно были похожи на похоронную процессію. Неваховичъ осмѣивалъ столичные нравы, а Петербургъ смѣялся, пилъ перцовку противъ холеры и повеселѣлъ, хотя съ запада надвигались тучи: въ Парижѣ кровь лилась на баррикадахъ; генералъ Кавеньякъ расчищалъ улицы картечью. Въ Италіи народъ возсталъ противъ австрійскаго владычества и открылась война. Австріи вездѣ приходилось плохо. Нѣмцы передрались между собою: въ Саксоніи, въ Баденѣ, пруссаки усмиряли народныя смуты. Въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ анархія каждый день усиливалась. Въ Познани полякъ Мирославскій возбуждалъ соотечественниковъ къ возстанію. Въ Венгріи броженіе умовъ достигло высшей степени; дѣло доходило и до насъ. Говорили, что въ Варшавѣ, намѣстникъ, князь Паскевичъ, началъ уже судить и вѣшать зачинщиковъ крамолы, что Литва кишитъ польскими эмиссарами, и виленскій генералъ-губернаторъ Мирковичъ едва сдерживалъ пановъ, ксендзовъ и шляхту. Наконецъ, сѣмя анархіи, разносимое революціонными вихрями, попало и на петербургскую, болотную почву. Въ скромномъ домикѣ въ Коломнѣ происходили тайныя собранія, замышлялась революція! Къ счастію, въ слѣдующемъ же году зачатки этихъ ученій были обнаружены, вырваны изъ почвы и разсѣяны по вѣтру. Это—извѣстное дѣло Буташевича-Петрашевскаго. Плохія были времена!

Я писалъ про военное воспитаніе, образованіе, про бытъ офицеровъ и солдатъ извѣстной эпохи, но все это подготовка,—все это лишь средства къ достиженію цѣли, а цѣль—война, и результаты служебной школы оказываются только на войнѣ. Между тѣмъ о результатахъ я не говорилъ ни слова, то-есть не досказалъ самаго важнаго, самаго существеннаго. Если, напримѣръ, какая-нибудь армія въ теченіе 30 лѣтъ постоянно била своихъ противниковъ, какіе бы они ни были, кто же станетъ осуждать ея устройство и образованіе?.. Не то ли было съ русскими войсками? Мнѣ разсказывали старые офицеры микулинскаго времени, что въ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ дисциплина была гораздо строже, чѣмъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Давали по 500 по 600 розогъ, гнали сквозь строй черезъ

1.000 человѣкъ и болѣе. Въ корпусѣ графа Воронцова, остававшемся дольше всѣхъ во Франціи, солдаты до того избаловались, что ихъ урезонивали экзекуціями, какихъ и описывать трудно, потому что никто не повѣритъ! Форма была въ десять разъ непрактичнѣе и неудобнѣе: огромные суконные кивера съ волосяными султанами, а въ походѣ—такіе же клеенчатые; мундиры и шинели пригонялись въ обтяжку, какъ колеты, ноги сжимались узкими штиблетами. Наконецъ, ружья съ кремневыми замками были до того несовершенны, что капсульное ружье образца 1848 года можетъ считаться, въ сравненіи съ ними, буквально образцовымъ оружіемъ. Бытъ офицеровъ и солдатъ былъ еще суровѣе, они имѣли еще менѣе досуговъ и времени заняться теоретическимъ образованіемъ. Какіе же результаты записаны въ исторіи?

Въ первое десятилѣтіе царствованія Николая I-го, съ 1825 по 1835, мы постоянно били персовъ, лезгинъ, чеченцевъ, турокъ и поляковъ. Въ 1849 году, пришлось перевѣдаться съ венгерцами. Правда, тутъ мы имѣли дѣло съ ополченіями, но они отобрали у австрійцевъ, разбитыхъ ими въ дребезги, столько орудій, что выступало противъ насъ не полчище, а регулярная армія, предводимая отличными генералами, такъ что помѣряться съ нею было несравненно труднѣе, чѣмъ съ персами, турками и черкесами. И все-таки въ три мѣсяца венгерцы были разбиты—словомъ, съ 1826 по 1849 г. исходомъ всѣхъ нашихъ войнъ была побѣда. «Такъ, но Крымская война!..» Этою фразою обыкновенно перебиваютъ сужденія, подобныя вышеприведеннымъ, будто бы ужь послѣ такого возгласа и пикнуть нельзя! А вѣдь это фраза и больше ничего! Что такое Крымская война? Если пять мужиковъ-ополченцевъ нападутъ съ топорами и рогатинами на одного француза или англичанина, вооруженнаго съ ногъ до головы, по всѣмъ правиламъ новѣйшаго искусства, то они его непремѣнно забьютъ потому, что трое станутъ нападать спереди, а двое, подкравшись сзади, треснутъ хоть полѣномъ по виску и по затылку, и противникъ не устоитъ, будь онъ самъ Еруслanъ Лазаревичъ! Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, исторія Крымской войны. Кажется, всѣмъ памятенъ австрійскій ударъ полѣномъ въ високъ и англо-французская высадка изъ-за крымскаго угла! Вооруженіе, обученіе, бездорожье, о которомъ начали съ такимъ увлеченіемъ говорить именно послѣ Крымской войны, вовсе не главнѣйшая, а самая побочная, самая третьестепенная причина нашихъ неудачъ. Да и гдѣ же и въ чемъ проявились результаты нападенія? Насъ атаковали отъ Камчатки до Керчи и Балаклавы, а въ Азіи отъ Тифлиса до крѣпостцы св. Николая. Что же они взяли?—Только казармы на Аландскихъ островахъ и Малаховъ курганъ. Про знаменитыя винтовки въ Альмскомъ сраженіи пора бы перестать говорить, какъ о событіи, рѣшающемъ судьбы царствъ. Въ настоящее

время столько писано и печатано о Крымской войнѣ, что факты освѣщены со всѣхъ сторонъ и ясно видно теперь, что главная масса французовъ была вооружена такими же гладкостволками, какъ и наши, да и винтовки не помогли бы, еслибъ во-время сосредоточена была въ Крыму бо́льшая масса войскъ, чѣмъ у непріятелей. Болѣе не могу объ этомъ распространяться, потому что пишу не историческое изслѣдованіе, а просто воспоминаніе о пережитомъ и характерномъ времени. Пишу о томъ, что̀ самъ видѣлъ, самъ испыталъ. Картина дѣйствительно вышла невзрачная. Что же можно было ожидать отъ такого ученія, точнѣе сказать, — отъ такой выправки? Что могли обѣщать въ будущемъ для русской арміи офицеры, хотя бы Преображенскаго полка, сформированные въ описанной практической школѣ? Дѣйствительно, надо отвѣтить на этотъ вопросъ и не иначе, какъ фактами. Беру на выдержку десятилѣтіе съ 1845 по 1855 годъ, то-есть послѣднюю эпоху старой, дореформенной школы. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ, управляли Преображенскимъ полкомъ три полковыхъ командира: Жерковъ, Катенинъ и графъ Барановъ. Двое послѣднихъ были моими начальниками, поэтому могу, не по наслышкѣ, не по книгамъ, а по опыту удостовѣрить о результатахъ тогдашней подготовки офицеровъ, даже неголословно, а приведу цифры и назову имена. Въ это замѣчательное десятилѣтіе 1845—1855 годовъ, Преображенскій полкъ подготовилъ для русской арміи восемь полныхъ генераловъ [1]) и двадцать три генералъ-лейтенанта [2]). Опасаясь затянуть разсказъ, не помѣщаю вдвое длиннѣйшаго списка генералъ-маіоровъ и высшихъ

---

[1]) 1) Гольгоеръ (Николай Ѳедоровичъ), 2) Ребиндеръ (Александръ Алекс.), 3) Гельфрейхъ (Александръ Богдановичъ), 4) Самсоновъ (Гаврила Петровичъ), 5) Шернваль (Карлъ Андреевичъ), 6) Баронъ Корфъ (Андрей Николаевичъ), 7) Рылѣевъ (Александръ Михайловичъ) и 8) Розенбахъ (Николай Антоновичъ).

[2]) 1) Мусинъ-Пушкинъ (Алекс. Петровичъ), 2) Ребиндеръ (Константинъ Григорьевичъ), 3) Вельяминовъ 3-й (Константинъ Николаевичъ), 4) Барановъ (Николай Евстафьевичъ), 5) Дохтуровъ (Сергѣй Ивановичъ), 6) Мезенцовъ (Ник. Владиміровичъ), 7) Герштенцвейгъ, 8) Татищевъ 1-й (Николай Дмитріевичъ), 9) Татищевъ 2-й (Иванъ Дмитріевичъ), 10) Веймарнъ (Ѳедоръ Петровичъ), 11) графъ Апраксинъ (Сергѣй Алекс.), 12) Имеретинскій (князь Николай Константиновичъ), 13) Толстой 1-й (Михаилъ Николаевичъ), 14) Челищевъ (Владиміръ Егоровичъ), 15) Авиновъ (Сергѣй Александровичъ), 16) Тучковъ 1-й (Михаилъ Павловичъ), 17) Толстой 2-й (Иларіонъ Николаевичъ), 18) Тучковъ 2-й (Николай Павловичъ), 19) баронъ Рамзай, 20) Раухъ, 21) Зубовъ (Владиміръ Николаевичъ, 22) Панютинъ (Всеволодъ Ѳедоровичъ) и 23) князь Оболенскій (Ник. Николаевичъ).

гражданскихъ чиновъ [1]). Недавно мнѣ случилось просмотрѣть одинъ томъ новѣйшей исторіи Преображенскаго полка, но я нашелъ въ немъ только «исторію походовъ» полка отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ походъ 1849 года, бывшій просто военною прогулкою къ западнымъ границамъ имперіи и описанный такъ сухо и элементарно, что въ памяти рѣшительно ничего не остается. То же самое можно сказать и о походѣ 1854 года. Отъ описанія походовъ до полной исторіи полка очень далеко. Повторяю, что, какъ всякое общество или братство, полкъ, и въ мирное время, живетъ своею жизнью, имѣетъ свои преданія, свои періоды развитія, а, главное,—образуетъ школу, житейскую, практическую. Первая ступень развитія человѣка, посвятившаго себя военной службѣ, представляетъ домашнее воспитаніе; вторая ступень—военно-учебное заведеніе, а третье—полкъ. О многихъ полкахъ нашей арміи можно признать достаточнымъ удостовѣреніе, что полкъ ходилъ туда-то, дрался при такомъ-то городѣ, отличились такіе-то и проч. Преображенскій полкъ имѣетъ иныя преданія. Въ петровское время преображенцы садились на корабли и брали на абордажъ шведскіе фрегаты, строили крѣпости, дрались на сухомъ пути, но Петръ Великій не видѣлъ въ нихъ только однихъ рубакъ и заурядныхъ военно-служивыхъ, а испытывалъ ихъ на всѣхъ поприщахъ государственной службы. Преображенскій полкъ былъ разсадникомъ фельдмаршаловъ, генералъ-аншефовъ, генералъ-поручиковъ, намѣстниковъ, дипломатовъ, словомъ, всевозможныхъ образцовъ государственныхъ людей. Время, конечно, измѣнило значеніе полка, однако преданія хранились въ немъ свято, и дай Богъ, чтобы сохранились на всегда. Возьмемъ десятилѣтіе съ 1825—1835 г., то-есть перейдемъ сто лѣтъ послѣ кончины Петра I-го. Въ спискѣ офицеровъ этого періода найдутся также будущіе передовые дѣятели, но въ «исторіи походовъ» будетъ только сказано напримѣръ, что преображенскіе капитаны Игнатьевъ, Назимовъ и Катенинъ съ отличіемъ участвовали въ турецкой кампаніи 1828—1829 и въ польской войнѣ 1831 года! Между тѣмъ, изъ этихъ трехъ капитановъ вышли впослѣдствіи три генералъ-губернатора, а читающій новѣйшую исторію Преображенскаго полка скажетъ: «читалъ, кажется, что они участвовали въ походахъ, но куда послѣ переведены и что сдѣлали—ничего тамъ не сказано!» Стало быть, надобно справляться въ послужныхъ спискахъ или въ некрологахъ. Нѣтъ ужь, желательно, чтобы не формуляры, а полныя біографіи такихъ преображенцевъ перешли въ исторію полка, такъ какъ въ нихъ проявятся случаи авитизма (родоваго

[1]) Многіе однако занимали и занимаютъ очень видныя мѣста, какъ напримѣръ: сенаторъ Ушаковъ, оберъ-гофмаршалъ князь Трубецкой (Сергѣй Алекс.), Нейдгардъ (управляющій дѣлами Канцеляріи прошеній), Фридрихсъ, посланникъ въ Бельгіи, и проч.

сходства въ разныхъ поколѣніяхъ). Приведемъ, напримѣръ, небольшое сказаніе: «О царѣ и преображенцѣ».

Было царское слово къ старому преображенцу: «Поручаю тебѣ сына моего, наслѣдника престола. Воспитай его и научи служить такъ, какъ самъ ты служилъ, т. е. по-преображенски!» Старый преображенецъ сослужилъ эту отвѣтственную службу и вышелъ съ честью изъ нея. Въ другой разъ царь сказалъ ему:—«Тамъ у меня, на западной окраинѣ, неспокойно. Слышу, что многіе страдаютъ невинно. Поѣзжай, узнай всю правду и донеси мнѣ». И это дѣло было исполнено добросовѣстно, и сталъ царь еще болѣе любить и отличать своего стараго служаку. Въ третій разъ услышалъ онъ царское слово:—«Хочу оградить высшее образованіе отъ сумазбродныхъ увлеченій. Прими попечительство надъ высшими школами». Но на этотъ разъ преображенецъ возразилъ:—«Государь! Я вѣкъ свой былъ военнымъ. Задача эта будетъ не по силамъ!» Отвѣчалъ ему царь: «знаю, но вѣрю тебѣ. Поди и сдѣлай такъ, какъ я велю!» Въ четвертый и въ послѣдній разъ раздалось съ высоты престола:—«Поѣзжай въ сѣверозападную область, гдѣ живетъ народъ безпокойный и вѣчно враждебный Россіи. Будь надъ нимъ воеводою, замири его; пускай образумятся упрямцы и станутъ нашими вѣрноподданными». Повиновался старый преображенецъ, скрѣпя сердце, но не могъ сдѣлать того добра, какого желалъ, и не умирилъ крамольнаго духа. Онъ написалъ царю:—«Государь, добромъ нельзя смягчить злую волю. Пришли другаго на мое мѣсто!» И царь послалъ туда грознаго воеводу, а добраго отозвалъ, но не лишилъ его своей любви и довѣрія, а сказалъ старому преображенцу:—«вражда не можетъ вѣкъ продлиться, миръ наступитъ, рано или поздно, а тогда мнѣ будутъ нужны такіе люди, какъ ты».. Этотъ разсказъ похожъ на легенду. Въ самомъ дѣлѣ можно подумать, что дѣло идетъ о царѣ Петрѣ и о птенцѣ изъ его преображенскаго гнѣзда.

Нѣтъ, царское слово говорили праправнуки Петра, императоры Николай I и Александръ II, а старый преображенецъ былъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. Также и біографіи П. Н. Игнатьева и Катенина были бы блестящими иллюстраціями преображенской школы 1825—1835 годовъ. На предъидущихъ страницахъ я переступилъ одно десятилѣтіе и взялъ на выдержку періодъ 1845—1855 гг. Но и тутъ, въ числѣ восьми полныхъ генераловъ, видимъ двухъ генералъ-губернаторовъ. Біографіи нераздѣльны съ исторіею Приамурскаго и Туркестанскаго края. Подобныя жизнеописанія прославленныхъ, старыхъ преображенцевъ могли бы дать существенные матеріалы для полной исторіи полка. Въ нихъ проглянуло бы его значеніе въ томъ смыслѣ, какой выходитъ изъ сравненія прошедшаго съ настоящимъ. При нынѣшней организаціи русской арміи и при новѣйшей системѣ образованія,

можно, конечно, спокойно оглянуться на прошедшее, но голословно осуждать или критиковать его несправедливо. Дисциплина—душа войска. Крутая военная школа тяжела, неприглядна, страшна, но въ такой школѣ люди привыкаютъ повиноваться, а кто умѣетъ повиноваться, тотъ непремѣнно съумѣетъ командовать. Преданія преображенскихъ офицеровъ заходятъ еще дальше,—до необходимости дисциплинировать самихъ себя... Мнѣ разсказывали старые товарищи, что однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, будучи недоволенъ смотромъ, велѣлъ командиру полка Микулину разсажать подъ арестъ множество офицеровъ, а полковникамъ объявить выговоръ въ приказѣ и черезъ недѣлю вторично вывести полкъ на смотръ; при этомъ, великій князь рѣзко сказалъ: «генералъ, доучивайте свой полкъ!» Послѣ отъѣзда великаго князя, Микулинъ собралъ офицеровъ, но долго ходилъ передъ ними взадъ и впередъ, не говоря ни слова. Всѣ ждали страшной грозы, зная его вспыльчивый, даже бѣшеный характеръ... Противъ ожиданія, генералъ вдругъ остановился, сбросилъ на землю шляпу, топнулъ ногою и закричалъ: «такъ нѣтъ же, не взыщу ни съ кого! Вотъ моя сѣдая голова!.. Кладу ее на плаху, но не осрамлю ни себя, ни васъ! Господа! Я знаю своихъ преображенскихъ братьевъ, и они меня знаютъ... скажите людямъ (т. е. солдатамъ), что я попрошу представиться на вторичный смотръ черезъ три дня, а полка учить не буду!.. Всякій долженъ знать свое дѣло... не хочу я никого подтягивать, зная, что у преображенцевъ въ обычаѣ подтягивать самихъ себя!».. Черезъ три дня полкъ представился въ такомъ блестящемъ видѣ, что великій князь пришелъ въ восторгъ, разблагодарилъ всѣхъ и каждаго и обнялъ, передъ фронтомъ, полковаго командира. На другой же день Микулинъ поѣхалъ въ Михайловскій дворецъ и велѣлъ доложить о себѣ, а при появленіи великаго князя генералъ снялъ шпагу и сказалъ: «Ваше высочество, вотъ моя шпага, прикажите арестовать меня, я нарушилъ дисциплину, я не повиновался вамъ...» Великій князь не принялъ шпаги и, зная пылкій характеръ генерала, спокойно выговорилъ: «Успокойся, Микулинъ, что-за вздоръ ты мнѣ говоришь! Полкъ представился отлично, чего же тебѣ еще надо, какое неповиновеніе? Съ чего ты взялъ, что ты виноватъ?..»—«А съ того»—горячо перебилъ Микулинъ,—«что вы приказали мнѣ взыскать съ такихъ-то и доучивать полкъ, а я ни съ кого не взыскивалъ, полка не училъ! Полкъ представился отлично, и это меня нисколько не удивляетъ. Мнѣ стоило только сказать товарищамъ, чтобы всякій самъ себя подтянулъ. Но я все-таки не исполнилъ приказаніе высшаго начальства и прошу велѣть меня арестовать и судить!..»

Тогда великій князь принялъ его шпагу, собственноручно вдѣлъ ее въ портупею генерала и сказалъ: «Цѣлуй меня, помиримся!.. Высшее

начальство прощаетъ тебѣ и желаетъ, чтобы всѣ командиры полковъ почаще такъ провинялись! Я сейчасъ ѣду къ государю и заранѣе говорю тебѣ, что онъ скажетъ: «Микулинъ молодецъ! Узнаю его по дѣламъ. Онъ поступилъ по-преображенски!»

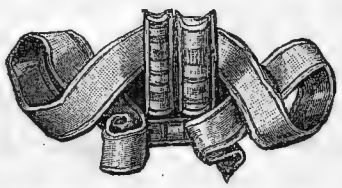
Эти преданія даже и въ мое время (1848) проглядывали почти въ каждомъ офицерѣ. Эти преданія заснули было при Мункѣ, а Жерковъ только разбудилъ ихъ своею крутостью. Большинство товарищей моихъ,—особенно же всѣ, кого я назвалъ по фамиліи въ теченіе разсказа, не допускали себя до взысканія, даже до напоминанія, и самъ Жерковъ не могъ къ нимъ придраться, никогда не распекалъ ихъ, а развѣ скажетъ бывало иному: «А вы, я вамъ доложу, сегодня на ученьи немножко оплошали!..» Вообще офицеры берегли себя на службѣ и берегли историческую, почтенную репутацію полка. Я имѣлъ честь служить въ немъ 17 лѣтъ и за все это время не было ни одной дуэли. Въ случаѣ крупныхъ недоразумѣній или ссоры между офицерами, они сейчасъ выбирали посредниковъ и судью (кого-нибудь изъ полковниковъ), такъ что, фактически, офицерскій судъ существовалъ у насъ за много лѣтъ до его оффиціальнаго установленія. Въ случаѣ же какого-либо неблаговиднаго поступка, хотя бы внѣ службы, а въ частномъ быту, виновный вылеталъ изъ полка такъ быстро, что петербургскія трещотки и чечотки не знали, что и болтать!

Въ теченіе всѣхъ 17 лѣтъ моей службы въ полку, я помню только два подобныхъ случая. Одинъ офицеръ рубнулъ полусаблею какого-то франта въ маскарадѣ,—проступокъ, собственно невмѣняемый, совершенный подъ вліяніемъ вина. Однако буяна вытолкнули изъ полка въ 48 часовъ, и петербургскіе вѣстовщики, не видя на немъ преображенской формы, растерялись и начали увѣрять, что онъ напроказилъ, уже будучи въ отставкѣ. Другой неблаговидный случай основывался даже не на уликѣ, а только на сильномъ подозрѣніи, однако всѣ офицеры такъ возмутились, что, своимъ починомъ, разослали другъ другу повѣстки, собрались въ дежурную комнату и потребовали туда же подозрѣваемаго. Никто не подалъ ему руки, а всѣ единодушно и твердо сказали, что онъ долженъ сейчасъ же подать въ отставку. Полковой командиръ, получивъ ее, очень обрадовался, такъ какъ быстрое окончаніе дѣла избавило его отъ тяжелой обязанности объясняться съ бывшимъ подчиненнымъ. Онъ благодарилъ офицеровъ въ такихъ словахъ: «Господа, если-бы даже я былъ новичкомъ и только вчера вступилъ въ ваше общество, то сегодня же вы дали бы мнѣ почувствовать, что я имѣю честь служить въ Преображенскомъ полку!»

Я далекъ отъ мысли слѣпо восхвалять свое время, какъ дѣлаютъ многіе старички. Преображенскій полкъ стоитъ слишкомъ высоко, чтобы льстить ему правдою и неправдою. Напротивъ, ему-то и надлежитъ

говорить истину открыто и прямо въ глаза. Нѣтъ, были и у насъ свои недостатки: во-первыхъ, «кружки» въ офицерской средѣ, уродливыя обособленія, противныя единодушію, и, стало быть — силѣ военнаго братства. Во-вторыхъ, непохвальны были нѣсколько высокомѣрныя отношенія къ армейскимъ, даже къ прочимъ полкамъ гвардіи, къ которымъ относились свысока, какъ будто выказывая спѣсивыя, въ сущности же небывалыя, превосходства. Между тѣмъ вся гвардія должна бы быть исполнена духомъ Великаго Петра. Въ этомъ отношеніи, да и въ какомъ бы ни было, нѣтъ и не должно быть никакой разницы между полками. Но всѣ эти недостатки не затрогивали чести полка. Императоръ Николай I-й зналъ это, потому и говорилъ: «Когда ношу преображенскій мундиръ, я спокоенъ!» Дай Богъ, чтобы всѣ поколѣнія преображенцевъ помнили эти слова и чтобы всѣ полки гвардіи закалялись духомъ петровскаго времени!

Князь Н. К. Имеретинскій.



Поправка. Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“, на стр. 314-й, напечатано: „генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Жерковъ выслужился изъ кантонистовъ“. Жерковъ происходилъ изъ дворянъ, такъ какъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ (по-старинному шляхетскомъ, т. е. дворянскомъ), изъ коего въ 1816 году выпущенъ въ офицеры въ Перновскій гренадерскій полкъ и затѣмъ переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ послѣ безпорядковъ, бывшихъ въ этомъ полку, извѣстныхъ подъ названіемъ „шварцовской исторіи“ (въ 1821 году).

Сообщилъ А. И. Хатовъ,
оставной гв. полковникъ.

БЕРЛИНСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

для

исторіи русской литературы.

К. Н. Батюшковъ.

I.

А. Н. Батюшковой.

[Сентябрь 1817 г.].

Письмо твое получилъ милый другъ и крайне сожалѣю о болѣзни твоей. Надѣюся, что она миновалась. Теперь издали вижу, что всѣ огорченія твои почти пустыя и совершенно минуются, если ты будешь имѣть твердость духа и здравый смыслъ, которыхъ у тебя достаточно. На мои письма все еще нѣтъ отвѣта изъ Вологды. Въ газетахъ здѣшнихъ и московскихъ все еще не публиковано о продажѣ имѣнія. Сдѣлай одолженіе спроси у Павла Александровича, почему ето до сихъ поръ не сдѣлано? Я ожидаю (просилъ о томъ на прошедшей почтѣ и прошу еще на нынѣшней), ожидаю записки подробной о деревняхъ моихъ: сколько душъ въ каждой деревнѣ; въ какомъ уѣздѣ сколько земли пахотной, лѣсу и пр. Прикажи ее немедленно сдѣлать Шитому, а я за ету услугу дамъ волю его дочери, которая еще все о томъ же хлопочетъ. Ета записка необходимо нужна для продажи, ибо я намѣренъ все сполна продать: я рѣшился и совершу съ Божіей помощію. Здѣсь можетъ быть найду охотниковъ, а можетъ быть и въ Вологдѣ. Здѣсь обѣщали поговорить двумъ или тремъ покупщикамъ. Ожидаю только записки; должны быть письма и книги на мое имя: не послала ли ты ихъ въ Устюжну. Они отъ Жуковскаго изъ Петербурга: желаю, чтобы мнѣ ихъ возвратили, они нужны. Бога ради справься сама объ этомъ. Здѣсь я видѣлъ Абрама Ильича, но Гришу еще не видалъ, былъ разъ у него, но не засталъ. У меня много хлопотъ и разъѣздовъ. Нашелъ людей, которые меня не

*

оставляютъ, и съ помощію ихъ авось что-нибудь сдѣлаю: въ виду имѣю излѣченіе болѣзни моей и путешествіе. Гнѣдичъ пишетъ къ тебѣ и проситъ купить полотна: выполни это, если можешь и пришли портретъ, я разрѣшаю, тебѣ возвратятъ его. Онъ нуженъ будетъ впередъ для Гнѣдича. Слава Богу! книга моя идетъ хорошо и по крайнѣй мѣрѣ ему убытка не приноситъ. Обнимаю тебя усердно. Не стыдно ли живучи въ деревнѣ писать такъ рѣдко и коротко? К. Ѳ. кланяется, она по старому любитъ насъ и одна не перемѣнилась. Вели, прошу тебя портретъ уложить въ ящикъ Ивану Сергееву и пришли по первой почтѣ. Здѣсь Аѳанасій. Онъ пришлетъ тебѣ сѣмянъ.

Авт. Берлинс. Корол. библ. Radowitz № 8090. Годъ бумаги 1817. Сбоку помѣтка князя П. А. Вяземскаго: письмо Батюшкова не ко мнѣ. Батюшковъ писалъ это письмо изъ Петербурга къ сестрѣ своей Александрѣ Николаевнѣ, жившей въ Череповецкомъ уѣздѣ. Въ С.-Петербургъ Батюшковъ пріѣхалъ 24 августа 1817 года. (Сочиненія К. Н. Батюшкова, ред. Л. Н. Майковымъ, т. III, Спб. 1866, стр. 464). Наше письмо написано въ періодъ отъ 24 августа до 29-го сентября. До 24 августа Батюшковъ не видѣлъ Абрама Ильича, а 29-го онъ писалъ о болѣзни сестры, объ Аѳанасіи и зналъ уже о болѣзни Шитаго. (Соч. III, 471). Павелъ Алексѣевичъ Шипиловъ—зять Батюшкова, Абрамъ Ильичъ Гревенсъ и сынъ его Гриша—одинъ зять поэта, другой племянникъ, сынъ его сестры, Анны Николаевны. Сочиненія Батюшкова въ изданіи Гнѣдича вышли: I часть въ іюлѣ, а II въ октябрѣ 1817. (Соч. III, 472 и 746). К. Ѳ.—Катерина Ѳедоровна, жена Михаила Никитича Муравьева.

II.

Ивану Ивановичу Энгельмейеру.

Прошу васъ принести мнѣ кинжалъ для прекращенія моего существованія. Эвропа дала мнѣ клятву Васъ истребить, если вы не будете мнѣ повиноваться(.) Марія святая Дѣва будетъ мною въ домѣ Лаврова или казнена всенародно или тайно заколота(.) Ибо сія искаженная супруга не должна нарушать моего блаженства приводя мнѣ Катерину безъ талантовъ и нищую умомъ тѣломъ безъ земель, что я и англичане, мои дѣти а не Ваши, ненавидимъ и презираемъ. Надѣюсь; прошу Васъ имъ сіе объявить снова да никогда не позволятъ они адамъ принуждать меня благословлять Катерину въ домѣ Еговы моего сына. Мои благословенія одному Еговѣ безъ Катерины. Если Вы не будете приводить мнѣ ангеловъ съ Маріей, если не устроите мірозданія для меня, а не для безумныхъ, то сатана и бельзебутъ будутъ казнены Эвропою и мною прокляты. Къ стыду Вашему я повторяю то, что Вы сами на память вѣчную однажды заставили меня написать Вы и вся Эвропа. Новое: Эвропа

будетъ меня обожать одного міня и мои книги. Катерина не нужна Россіи иначе какъ въ монастырѣ въ вѣчномъ раскаяніи. Вселенная старѣется въ развалинахъ отъ ея четырнадцалѣтняго ума: по доказательству святаго Карамзина она почти безполезна для русскаго слова, англіи врѣдъ отъ нее. Мнѣ обѣ супруги наскучили: въ томъ свидѣтель сатана благословенный. Какъ Вы не стыдитесь жить въ развратѣ? По крайней мѣрѣ, кончить мою жизнь безполезную. Скажите дѣтямъ Катерины что они мною благословенны безъ матери ихъ безумной и безсильной (.) Свиданія мои съ Катериной суть предметъ насмѣшекъ, ругательствъ англичанъ надо мною и ихъ раскаяніе. Они достойны моей жалости. Вы причина ихъ нещастія ибо я не говорю и не пишу и не читаю по англійски. Ваши дарованія они презираютъ торжественно какъ я васъ презираю. Константинъ. Объявите адамъ что я не нарушилъ клятву. Она предъ Эвропою. Какъ ваши ничтожны ады и Вы сами не имѣете существованія. Эвропа молила меня сіе Вамъ напомнить. Вы малочисленны и слабы паче всего умомъ Эвропейцы безчисленны и вооружены ..... штыками и артиллеріей. Въ Эвропѣ жизнь моя безъ кары безполезна ничтожна безъ слѣдовъ. Но васъ ожидаетъ кара не за Катерину за МЕНЯ. Въ Лондонѣ будетъ проклята Катерина, торжественно проклята Германцы уничтожатъ Германское слово въ головѣ и въ памяти Святой дѣвы. Я не позволю жить нащетъ моей памяти и трудовъ. Страшитесь есть и была и вѣчно будетъ жизнь и разумъ безъ Маріи отъ моихъ трудовъ на землѣ. А Катерина ничего. Мы наслажденье вселенная ..... четырнадцатилѣтней .... бездѣлки въ тюрмѣ. Блаословенѣ (sis) англію ей на истребленіе. Всѣ ..... мнѣ наскучили давно. Здѣсь память о развратѣ Маріи ..... что Вы мнѣ предлагаете въ сараѣ то что сатана при мнѣ отвергъ для себя и проклялъ Констант. Баттиковъ.

Авт. Берл. Корол. библ. Radowitz № 8059. Кажется, писано въ первое время помѣшательства въ 23—27 годахъ, какъ это видно изъ сходства съ письмами того же времени № II, VI, XI (соч. III, 583, 586, 590). Въ письмѣ, какъ въ калейдоскопѣ, спутаны мысли несчастнаго поэта. То богохульныя выходки, то что-то о превосходствѣ Запада и Англіи, то объ Екатеринѣ II (или малоизвѣстной К. А. Леоненковой?), то начало стиховъ, то циническія выходки, означенныя у насъ точками, то мысль о безполезности существованія Письмо, любопытное для психологіи больнаго поэта; не безъинтересно и для психіатровъ.

А. П. Беницкій.

Черновая, предложенная въ с.-петербургское общество любителей наукъ, словесности и художествъ—заключаетъ упреки за бездѣйствіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предлагаетъ устроить собраніе и требовать отчета отъ гг. цензоровъ. Написано около 1807 года. Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 5061.

А. А. Бестужевъ (Марлинскій).

(Эпиграмма).

Къ Рылѣеву.

Онъ привсталъ съ канапе,
Онъ понюхалъ рапе,
Онъ по комнатѣ вдругъ зашагалъ,
Подошелъ онъ къ бумаги стопѣ
И „поэма“ на ней написалъ.
Вотъ приходитъ Плетневъ,
Онъ пѣвецъ изъ пѣвцовъ,
Онъ взглянулъ, онъ вздрогнулъ, онъ сказалъ:
„За возвышенный трудъ
„Не вѣнецъ тебѣ, —кнутъ
„Аполлонъ на Руси завѣщалъ.

Копія среди автогр. Берл. Кор. библ. безъ №. Эта шутка пародируетъ «Смальгольмскаго барона» Жуковскаго. Поэма, можетъ быть «Войнаровскій»,—тогда эпиграмма относится къ 1824 году. Объ отношеніяхъ Бестужева къ Рылѣеву и о высокой оцѣнкѣ первымъ посвященнаго ему «Войнаровскаго» см. «XIX вѣкъ» Бартенева, стр. 338 и 348. О знакомствѣ Плетнева съ Рылѣевымъ тамъ же, стр. 440, 369. Отзывъ Плетнева о думахъ Рылѣева: «Сочиненія и переписка П. А. Плетнева» ред. Грота I, 186 и III, 314.

Іакинѳъ Бичуринъ.

Письмо В. И. Далю безъ года о награжденіи купца Скачкова медалью Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8071.

Ѳ. В. Булгаринъ.

Письмо отъ 3 декабря 1843 года В. И. Далю о томъ, что домъ Демидова на Невскомъ «грозитъ развалиться и задавить дѣтей», и что надо принять какія-нибудь мѣры противъ этого. Булгаринъ живетъ на Невскомъ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ Миняева, и «обращаетъ взоры на домъ министерства, гдѣ служитъ В. И. Даль».

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8062.

А. Ѳ. Воейковъ.

В. И. Далю.

Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, т. е. 1-го апрѣля въ пятницу отобѣдать, дорогой нашъ Владиміръ Ивановичъ. У меня будутъ мои родные, которымъ и вы не чужой. Да привозите другую повѣсть. Воейковъ, $18\frac{III}{31}32$ четвергъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8084.

П. А. Вяземскій.

Эпиграмма на Булгарина (Сочиненія т. IV, Спб., 1880, 292). Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8086. Письмо его же, княгинѣ Барятинской съ благодарностью за хлопоты о госпожѣ Лугининой. Тамъ же, Rad. № 8085.

Н. И. Гнѣдичъ.

А. Ф. Смирдину.

Какъ участникъ хотя не обѣда, но чести приглашенія къ нему, Гнѣдичъ вмѣняетъ и себѣ въ удовольствіе благодарить Александра Филипповича тѣмъ, чѣмъ благодаритъ его вся братія Парнасская если не такъ богато, какъ другіе, но также усердно Окт. 4. — 1832 г.

Авт. Берл. кор. библ. Radowitz № 8066. Далѣе приложенъ листъ синей бумаги съ сѣтованіемъ Гнѣдича въ прозѣ. См. альманахъ „Новоселье". Спб. 1833 г., т. I, стр. 187, гдѣ помѣщено стихотвореніе Гнѣдича „Кавказская быль". Самый праздникъ былъ 19 февраля 1832 г. по случаю перемѣщенія книжнаго магазина Смирдина на Невскій проспектъ.

Н. И. Гречъ.

В. И. Далю.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Владиміръ Ивановичъ, вашу переписанную повѣсть. Замедленіе произошло отъ того, что усердный писарь сталъ копировать и другую, при семъ же посылаемую. Потрудитесь

выставить на поляхъ карандашемъ неразобранныя слова. Тотъ же писарь ихъ вставилъ, да и замѣтьте промахи для поправки. Были ль вы у Б.? Знаете ли, что онъ пожалованъ въ графы? Такъ не забудьте величать его сіятельствомъ. Весь вашъ Н. Гречъ. 8 ноября 1832 г.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8069. Б.—графъ Бенкендорфъ. Кромѣ того, подъ № 8070—письмо Греча изъ Парижа отъ 6 февраля 1846 года Христофору Якимовичу (Лазареву) съ просьбою о какомъ-то Марцеллѣ, издавшемъ грамматику.

И. И. Дмитріевъ.

I.

В. А. Жуковскому.

Отъ искренняго сердца благодарю васъ, Милостивый Государь, любезнѣйшій Василій Андреевичъ за вашъ подарокъ, переданный мнѣ госп. Елагиной. Сочиненіе ваше отъ начала до конца производило во мнѣ и восторгъ, и умиленіе. Особенно же испыталъ я послѣднее на десятой страницѣ: при словѣ «а Его самого тутъ не было», грудь моя замлѣла и глаза оросились слезою Хвала и честь вашему таланту и доброму сердцу, что заплатили достойную дань истинно незабвенному. Сбудется ли по вашему слову наше свиданіе въ текущемъ мѣсяцѣ? Сомнительно: по крайней мѣрѣ нынѣ или когда-нибудь оно будетъ для меня всегда большимъ праздникомъ. Между тѣмъ заочно обнимаетъ васъ съ чувствомъ постоянной пріязни и совершеннаго почтенія, скажу лучше душевнаго, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ. Москва 1834 сентября 21 дня.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8065. На листкѣ литографированная Дациаро виньетка, изображающая Красную площадь. Письмо это составляетъ дополненіе къ серіи писемъ Дмитріева къ Жуковскому, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ»: письмо отъ 19 февраля 1834 г.—«Рус. Арх.» 1866 столб. 1637—1649; отъ 27 февраля 1834 – тамъ же, 1870, столб. 1692—93 и отъ 17 мая 1834 г.,—тамъ же, столб. 1694. Дѣло идетъ о статьѣ В. А. Жуковскаго «Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 года» (открытіе памятника императору Александру I — извѣстной монолитной колонны), гдѣ мы находимъ и вышеприведенную фразу «а Его самого тутъ не было», т. е. императора Александра I-го. (Изд. сочин. Жуковскаго 1849, VII, стр. 348, гдѣ впервые напечатано это сочиненіе.)

II.

Кн. П. А. Вяземскому.

Москва 18 авг. 1837 г.

Благодарю Васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за милое Ваше письмо и за 6 томъ Современника, котораго экземпляръ уже давно я получилъ отъ Ширяева, въ одно время съ здѣшнею какъ говорятъ читающею публикою, а по этому и не хочется мнѣ разстаться съ билетомъ; къ тому же и С. Л. Пушкина должно отыскивать въ его деревнѣ близь города Опочки въ Псковской губерніи и неизвѣстно, когда и гдѣ оснуетъ онъ постоянное свое пребываніе. И такъ не лучше ли присланный вами экземпляръ оставить мнѣ у себя до вашего разрѣшенія: отдать ли его Ширяеву въ замѣнъ полученнаго мною отъ него экземпляра или отослать его къ Сергею Львовичу, а меня оставить полнымъ владѣльцемъ уже взятаго мною экземпляра. Впрочемъ скажу о себѣ, что я благодареніе Вышнему здоровъ и вежетацію мою продолжаю по прежнему. Будьте и вы здоровы и освѣжайте иногда вашимъ воспоминаніемъ старика любящаго и уважающаго Васъ всею душою. Преданный Вамъ Дмитріевъ

Автографъ Берл. Кор. библ. безъ №.

Н. М. Карамзинъ.

Авт. Берл. Кор. библ. безъ №. Отрывокъ изъ Исторіи Россійскаго Государства изъ эпохи междуцарствія. Черновая на синей бумагѣ.

И. А. Крыловъ.

Въ собраніи Radowitz № 8071 сохраняется автографъ басни «Хозяинъ и мыши». Здѣсь она озаглавлена «Хозяинъ и кошки». Единственный варіантъ противъ печатнаго текста

Спокоенъ отъ мышей купчина—
Въ амбарахъ день и ночь дозоръ.

Другой автографъ безъ № содержитъ басню «Водопадъ и ручей». Рукой князя П. А. Вяземскаго помѣчено: le fabuliste Kryloff. Варіантъ противъ печатнаго текста въ концѣ:

Лѣчиться!
Смиренно отвѣчалъ ручей.

Н. В. Кукольникъ.

В. И. Далю.

Были Вы, Владиміръ Ивановичъ, такъ милы и хотѣли подарить мой Новогодникъ твореніемъ руки Вашей. Если податель возвратится съ обѣщаннымъ на масленную гостинцемъ, зѣло возрадуется духъ мой. Весь Вашъ Н. Кукольникъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8075. Въ «Новогодникѣ», Спб. 1839, помѣщена статья В. И. Даля подъ заглавіемъ «Двѣ притчи о всякой всячинѣ да еще кой о чемъ» за подписью В. Луганскій. Цензурное разрѣшеніе книги 7 марта 1839 — значитъ, около этого времени написано и наше письмо.

И. И. Лажечниковъ.

Надворный совѣтникъ Лажечниковъ былъ уволенъ отъ должности почетнаго попечителя гимназіи и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы поступить ему на мѣсто вице-губернатора въ Твери, какъ скоро оно откроется. Для этой цѣли ѣздилъ онъ нѣсколько разъ въ Петербургъ, оставлялъ свое хозяйство въ Тверской губерніи и, не основавъ постоянно своего пребыванія на одномъ мѣстѣ, вынужденъ былъ дѣлать чрезвычайные расходы. Тверской вице-губернаторъ Глушковъ подалъ въ отставку. Между тѣмъ тамошній губернаторъ представилъ своего кандидата. Лажечниковъ искалъ служить подъ знаменемъ, къ которому стремятся нынѣ всѣ, кто любилъ честь, справедливость, пользу и благо общественное, и слѣдственно истинно преданные своему государю и отечеству, смотрѣлъ съ упованіемъ только на эту хоругвь, подъ ней одной искалъ своего покровительства и не пойдетъ молить о немъ на низшія ступени. И поэтому онъ осмѣливается покорнѣйше просить Его Высокопревосходительство рѣшить его судьбу опредѣленіемъ на просимое мѣсто или совершеннымъ увольненіемъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8076 черновая. И. И. Лажечниковъ жилъ въ Тверской губерніи съ 1837 года, а просимое мѣсто вице-губернатора получилъ въ 1843 году.

Ленкевичъ Ѳедоръ.

Въ собр. Radowitz № 8077 «Гимнъ Богу» на синей бумагѣ начала нынѣшняго столѣтія. Стихи довольно слабые. Начало:

Воспой, воспой душа безсмертна
И неба, и земли творца.

Авторъ—малоизвѣстный переводчикъ съ латинскаго.

М. Ю. Лермонтовъ.

Въ собраніи авт. Берл. Корол. библіотеки въ портфеляхъ Варнгагена безъ № стихи: Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва (къ портрету графини А. К. Воронцовой-Дашковой) безъ варіантовъ, послѣдняя редакція стихотворенія. Заглавія нѣтъ. Помѣта: von Paulina Bülübin. Тамъ же безъ № на сѣрой бумагѣ стихи: Слѣпецъ страданьемъ вдохновенный (А. Г. Хомутовой). Помѣта почеркомъ князя П. А. Вяземскаго: Lermontoff, а затѣмъ библіотекаря: v. Wäsemski Зачеркнуто въ 3 строчкѣ огонь и написано восторгъ; въ 7—вм. прежнихъ—юныхъ; въ 20 вм. поселили—возбудили.

Н. А. Полевой.

П. И. Даль.

Милостивая Государыня Павла Ивановна! Мнѣ весьма пріятно было получить ваше письмо потому, что вы конечно благоволите увѣдомить меня, куда могу я адресовать письмо брату вашему. Мнѣ хочется поблагодарить его за присылку прелестной его повѣсти: помѣщена будетъ она въ Телеграфѣ немедленно. Посему позвольте уже мнѣ удержать рукопись оной. Выходъ книжекъ Телеграфа задержался отъ моей болѣзни и другихъ обстоятельствъ. Позвольте мнѣ еще, Милостивая Государыня, поблагодарить васъ за лестный отзывъ вашъ о Телеграфѣ. Какой авторъ не вѣритъ искренности похвалъ своимъ сочиненіямъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ Милостивая Государыня покорнѣйшій слуга Николай Полевой. Февр. 28-го 1831. Москва.

Автогр. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8080.

Однако въ «Московскомъ Телеграфѣ» повѣсти Даля нѣтъ, а съ книги XXXVIII помѣщена повѣсть П. П. Сумарокова «Кольцо и записка».

А. С. Хомяковъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8063—автографъ «Пѣсни» (Ой, красна земля Володиміра) безъ варіантовъ противъ печатнаго.

А. И. Шаховской.

Авт. Берл. Корол. библ. Radowitz № 8083. Отрывокъ изъ комедіи Аристофанъ, дѣйствіе I явл. IV (М., 1828, стр. 24) со словъ: Нѣтъ, нѣтъ, пока мои уста до словъ: Комедія была бъ лишь только шутовство.

И. А. Шляпкинъ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXXII [1]).

О моемъ житьѣ-бытьѣ на квартирѣ и на казенномъ во второй годъ въ Рязани и о переходѣ въ реторику или низшее отдѣленіе семинаріи.

Распоряженіе новаго начальства о томъ, чтобы денежные перешли на вольныя квартиры, сначала мнѣ очень понравилось. Я полагалъ, что буду жить теперь на просторѣ вдали отъ Вихирева, а слѣдовательно и отъ его плетки и розогъ.

Но разсчеты мои оказались не очень основательными. Прежде всего надобно сказать, что семинаристы почти всегда перемѣняютъ или отыскиваютъ квартиры въ началѣ трети, а потомъ жители, которые хотѣли бы держать у себя семинаристовъ, пускаютъ уже другихъ постояльцевъ.

Такимъ образомъ намъ четверымъ: мнѣ, друмъ братьямъ Вихирева и Гиляpову, племяннику Кудрявцева, и сыну дьячка Ивану Васильеву, всѣмъ вмѣстѣ очень трудно было найти квартиру, и мы едва отыскали ее у одной мѣщанки, у которой уже жилъ ученикъ богословіи, Петръ Ивановичъ Лонгиновъ и родственникъ его, мальчикъ изъ приходскаго училища Перевлѣскій, который послѣ извѣстенъ сдѣлался, какъ хорошій педагогъ и литераторъ, и служилъ наставникомъ въ Александровскомъ лицеѣ въ Пе-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892 и 1893 гг., XVII, XVIII, XXXIV, XLII, XLIII, XLIII, LVI, LVII, LXXV, LXXVI и LXXVII.

тербургѣ. Квартира наша состояла изъ избы длиною не болѣе $2^1/_2$—3 саженей.

Чуть не въ цѣлой половинѣ ея стояла большая русская печь, и жила хозяйка съ маленькою дочерью, а въ другой части помѣщалось насъ шесть семинаристовъ.

Пока еще было тепло, мы спали на чердакѣ, но съ наступленіемъ холода должны были оставаться и день и ночь въ комнатѣ, спать на лавкахъ, скамейкахъ, на полу, лежанкѣ, даже иногда на печкѣ.

Конечно, было тепло, тѣмъ болѣе, что хозяйка, торговавшая печенымъ хлѣбомъ, каждый почти день пекла его и слѣдовательно жарко топила печь. На духоту и спертость воздуха мы мало обращали вниманія, но сырость насъ донимала.

Лачуга наша стояла на дворѣ и была такъ ветха, что еслибы ее не обмазали и извнутри и снаружи глиною въ родѣ штукатурки, то между бревнами оставались бы порядные промежутки.

Но и глина насъ не спасала; промерзая, она внутри комнаты была въ сильные морозы почти постоянно влажною, такъ что прикосновеніе къ ней дѣлало пятна и на тѣлѣ и на одеждѣ. Поэтому мы для спанья отодвигали отъ стѣнъ и лавки и скамьи.

Въ такой комнатѣ, высотою въ сажень, была сырость большая и только почти постоянно горячая печь просушивала ее.

Потомъ мы сами должны были носить на себѣ воду съ колодезя саженей за 70, если не болѣе; ушатъ былъ большой, улица грязная; насилу бывало дотащишься.

Хозяйка была зла, какъ вѣдьма, обижала насъ, сколько возможно, снимала жиръ съ нашихъ щей и даже отливала ихъ, пополняя убытокъ водою. Такимъ образомъ на этой квартирѣ я нашелъ многое въ худшемъ видѣ, нежели даже на казенномъ.

И надежда моя на свободу отъ плетки и розогъ Вихирева оказалась мечтою. Вихиревъ уже сталъ мало заниматься съ своими братьями, наскучивъ ихъ лѣнью и безтолковостію, или отчаявшись сдѣлать изъ нихъ чего-нибудь путное.

Съ переходомъ нашимъ на квартиру, онъ, можно сказать, почти ихъ бросилъ, но мнѣ велѣлъ являться непремѣнно, каждый день. Въ этомъ случаѣ рѣдко спрашивалъ меня объ урокахъ, но зато продолжалъ давать и подчеркивать латинскіе переводы. Евсей и Павелъ,

получивъ нѣкоторую свободу, почти ничего дѣлали и даже мѣшали мнѣ и Гилярову заниматься; Петра Ивановича Лонгинова—добряка и слабаго человѣка, они не слушались и не боялись. Отъ этого произошло, что я началъ и уроки учить и переводы переводить гораздо хуже прежняго.

Вихиревъ объяснялъ это одною моею лѣнью, взялся за свою плетку. Евсей и Павелъ начали надъ мною посмѣиваться и убѣждать перестать заниматься, говоря: «конечно, посѣчетъ нѣсколько разъ, да и отстанетъ; вотъ вѣдь мы теперь славно живемъ».

Не скажу, чтобы я вполнѣ съ ними согласился, но между тѣмъ слова ихъ дѣйствительно запали мнѣ въ голову и понравились; я даже какъ-то сказалъ; а что и въ самомъ дѣлѣ не попробовать ли?

Къ несчастію моему, въ слѣдующіе дней десять Вихиревъ, хотя и видѣлъ мою неисправность, но не высѣкъ меня.

Мои благопріятели еще сильнѣе стали убѣждать меня: «вѣдь вотъ видишь, уже отстаетъ».

Въ это время онъ узналъ, что я и въ классѣ началъ плохо отвѣчать.

Тогда Вихиревъ переговорилъ съ Лонгиновымъ обомнѣ и, узнавши о совѣтахъ, которые давали его братцы, пришелъ къ нимъ на квартиру и всѣхъ насъ больно высѣкъ принесенною имъ плеткою.

Съ этого времени онъ сдѣлался чрезвычайно строгъ ко мнѣ. Въ то время maximum дозволенныхъ мнѣ ошибокъ состоялъ изъ четырехъ; если я ошибался въ переводѣ больше этого, или повторялъ замѣченныя мнѣ прежде ошибки, или плоховато зналъ урокъ, то непремѣнно меня онъ сѣкъ, хотя бы это повторялось къ ряду нѣсколько дней, такъ что свѣжіе удары часто падали на мѣста, на которыхъ были ясные слѣды вчерашняго сѣченья.

Не знаю—для чего, для того ли, чтобъ самому избѣгнуть упрека въ излишней строгости, или избавить меня отъ стыда, въ это время и послѣ Вихиревъ меня наказывалъ почти всегда на-единѣ.

Ему помогали въ этомъ случаѣ два обстоятельства. Какъ помощникъ старшаго, онъ могъ имѣть у себя въ рукахъ ключъ отъ своей комнаты и приходить въ нее не надолго во время класса одинъ.

Кромѣ того, ему, какъ отличному писцу, пользовавшемуся при-

томъ расположеніемъ обоихъ начальниковъ, они давали часто переписывать свои новыя проповѣди и разныя другія бумаги.

Чтобы ученики не знали содержанія переписываемыхъ сочиненій, Вихиреву позволялось сидѣть вечерами или въ философскомъ классѣ или въ теплой коммиссарской кладовой, гдѣ хранились казенныя вещи и жилъ самъ коммиссаръ.

Кладовая состояла изъ двухъ комнатъ съ толстыми дверями; изъ дальней комнаты при затворенныхъ дверяхъ ничего нельзя было слышать въ сосѣднемъ корридорѣ.

Въ этихъ-то трехъ мѣстахъ, преимущественно же въ кладовой, со мной Вихиревъ и расправлялся.

Къ нему я являлся утромъ до класса; онъ меня иногда прослушивалъ, но всегда оставлялъ у себя мой переводъ и прочитывалъ его часто безъ меня.

Если я оказывался виновнымъ, то онъ среди класса вызывалъ меня въ корридоръ и велъ въ свою комнату; я уже зналъ, что̀ это значитъ. Приходили. Двери затворялись и даже запирались; плетка или лоза были уже готовы; давался совѣтъ не громко кричать, иначе будетъ и стыднѣе и больнѣе; по окончаніи экзекуціи, онъ давалъ время просушить мнѣ глаза, и потомъ мы уходили.

Но большею частію мнѣ приказывалось по окончаніи послѣобѣденнаго класса или въ праздники, или въ четвергъ послѣ обѣда, приходить въ кладовую.

Коммиссара въ это время почти никогда не бывало въ комнатѣ; тутъ Вихиревъ разбиралъ со мною мой переводъ, или требовалъ отчета по классу и тоже, въ случаѣ неисправности, принимался за лозу. Ею или плеткою онъ рѣдко здѣсь запасался; поэтому, если коммиссаръ былъ дома, то онъ приносилъ лозу и кстати держалъ меня; а если его не было, то Вихиревъ запиралъ меня въ дальней комнатѣ, а самъ уходилъ за нужною вещью и возвратившись наказывалъ меня.

Если въ комнатѣ была свѣжая метла, то заставлялъ меня самого вырвать изъ нея потребное количество прутьевъ, связать ихъ и потомъ вручить ему лозу.

Тяжело было ждать, когда онъ уйдетъ за лозой или плеткою, прислушиваешься ко всякому глухому стуку въ корридорчикѣ; но

вотъ отворяется первая дверь, думаешь еще, не коммиссаръ ли это; но вотъ слышишь, что первую дверь заперли; ясный знакъ, что будутъ сѣчь; отперли вторую; Вихиревъ взошелъ съ лозою или плеткою въ рукѣ, беретъ молча меня за плечо или за голову, кладетъ на скамью или на полъ, поспѣшно раздѣваетъ, и нашъ братъ принимайся вертѣться и кричать.

Но не знаю, едва-ли не тяжелѣе было самому на себя приготовить лозу, смотришь, бывало, на каждый вынутый изъ метлы прутъ, думаешь вытащить похуже, а между тѣмъ попадается со многими вѣтвями, свяжешь какою-либо мочалкою; надобно бы идти уже, все готово, но постоишь, какъ-будто поправляя перевязку, но все-таки, наконецъ, иногда услышавъ слова: «что же ты тамъ зазѣвался?» подойдешь и подашь въ руки ту злодѣйку, которая черезъ минуту или ранѣе будетъ такъ безпощадно разрисовывать мое обнаженное тѣло.

Въ концѣ высшаго класса и въ реторикѣ, когда Вихиревъ зналъ уже, что я не убѣгу, хотя бы и ждалъ сильной порки, онъ посылалъ иногда самого меня принести изъ саду лозу березовую или ивовую, или изъ акаціи, притомъ иногда съ прибавкою: «да смотри получше, иначе больнѣе будетъ, да при всѣхъ еще высѣку».

Такимъ образомъ житье на квартирѣ для меня не очень было привлекательно. Одна только пища заставляла меня не сожалѣть о казенномъ, гдѣ уже пошла въ ходъ экономія Кроткова, тогда какъ мы на квартирѣ въ скоромные дни покупали сами свѣжую говядину въ достаточномъ количествѣ, или употребляли вмѣсто нея окорока ветчины, которыми запасся Лонгиновъ.

И какъ хозяйка ни обкрадывала насъ, наши щи были несравненно лучше казенныхъ; о кашѣ и хлѣбѣ нечего и говорить; даже въ постные дни наша пища была сносная. Но зато чуть не во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я долженъ былъ сожалѣть, что не живу въ семинаріи.

И потому, узнавши объ отмѣнѣ прежняго распоряженія, которое заставило меня перебраться на квартиру, я передъ Святками переговорилъ съ Вихиревымъ о своемъ желаніи перебраться на казенное и получилъ въ отвѣтъ: «я и самъ объ этомъ думалъ, поговори съ отцомъ».

Не знаю, почему батюшка отложилъ рѣшеніе этого дѣла до своего пріѣзда въ Рязань съ благочинническими отчетами въ концѣ января.

Пріѣхавши и осмотрѣвши квартиру, онъ самъ началъ торопить меня перебраться на казенное, такъ какъ она ему показалась гадкою.

И я перебрался; пища въ это время была уже не та, какою подчивали въ половинѣ сентября предъидущаго года. Но я все-таки доволенъ былъ своимъ переходомъ. Вихиревъ съ первыхъ дней увидѣлъ, что я сдѣлался гораздо исправнѣе, впрочемъ приписывалъ это тому, что я находился подъ постояннымъ его надзоромъ. Но рѣдко наказывалъ меня въ общей комнатѣ, а большею частью въ коммиссарской.

Бывало, разберемъ переводъ или разспроситъ о шалости и неисправности, потомъ тихонько скажетъ: «вотъ я минутъ черезъ десять или полчаса пойду въ коммиссарскую или въ философскій классъ, а ты потомъ тоже минутъ черезъ десять или полчаса приходи туда».

Иногда, особенно вечеромъ, прибавитъ: «принеси лозу, да получше».

И пойдешь и принесешь и, возвратившись, сядешь на свое мѣсто, какъ-будто ничего не бывало, хотя боль отъ прежней порки еще не прекратилась. Какъ бы въ награду за свое терпѣніе, я, во второй разъ перебравшись на казенное, удостоился быть дѣйствующимъ или страдающимъ лицомъ въ такой сценѣ, которую мнѣ послѣ нигдѣ не удавалось встрѣчать.

Извѣстно, что въ послѣдній день Масляницы было, а отчасти и теперь есть, обыкновеніе прощаться другъ съ другомъ или лучше просить другъ у друга прощеніе во взаимныхъ обидахъ.

Равные или, по крайней мѣрѣ, не очень рѣзко различающіеся между собою по политическому своему положенію кланяются при прощаньи другъ другу въ ноги, цѣлуются и потомъ опять кланяются, приговаривая: прости меня грѣшнаго.

Многіе прихожане въ деревняхъ и даже въ городахъ, приходя къ священнику, приносятъ калачи, пряники, приготовляемые для

этого случая, продолговатые постные пироги, которые въ Рязани до сихъ поръ еще продаются на базарѣ въ послѣдніе дни Масляницы.

Священникъ, прощаясь съ прихожанами, самъ развѣ предъ почетнѣйшими изъ нихъ сдѣлаетъ земной поклонъ; онъ, яко отецъ духовный, только принимаетъ поклоненія. Въ монастыряхъ настоятель по окончаніи вечерни въ воскресенье становился посреди церкви; братія подходитъ къ нему попарно; кланяется въ ноги, цѣлуетъ въ руку, цѣлуетъ и въ уста и опять кланяется.

Архіереи прощаются съ народомъ въ соборѣ или въ крестовой церкви, а почитатели ихъ и болѣе важное духовенство приходятъ къ нимъ въ домъ и тамъ совершаютъ передъ ними поклоненія; но ни они, ни настоятели монастырей, разумѣется, сами не падаютъ ницъ, а изъ вѣжливости инымъ говорятъ: «простите и меня грѣшнаго или многогрѣшнаго».

Наши Иліодоръ и Гедеонъ въ началѣ 1824 г. были оба монахи, но не имѣли подчиненныхъ имъ монаховъ, и потому нашли необходимымъ насладиться нашими поклоненіями.

Вскорѣ послѣ обѣда намъ было объявлено, что по окончаніи ужина съ нами будутъ прощаться наши начальники въ столовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ объясненъ и церемоніалъ, по которому должно было прощаться; онъ былъ монастырскій.

Такъ какъ опасались, чтобы мы, училищные, не отступили отъ него въ чемъ-нибудь, то старшіе сдѣлали намъ репетицію.

Пришедши въ столовую, мы уже нашли тамъ Иліодора и Гедеона, поужинали, пропѣли потомъ, не знаю уже почему, пасхальные стихи: Да воскреснетъ Богъ и пр., и началась церемонія.

Оба начальника встали въ рядъ на разстояніи аршина другъ отъ друга.

Мы попарно подходили сначала къ ректору, кланялись въ землю, подходили къ благословенію, цѣловались съ нимъ, потомъ цѣловали вновь руку и дѣлали земной поклонъ, но словъ: «прости меня грѣшнаго» ни поклоняющіеся, ни принимавшіе поклоны не произносили.

Покончивъ съ ректоромъ, переходили къ инспектору. Я и забылъ сказать, что Иліодоръ сначала сказалъ приличное назиданіе; такимъ же назиданіемъ покончилъ всю церемонію.

*

Для насъ, мальчишекъ, она ничего не значила; велика бѣда поклониться въ ноги! Мы даже гордились тѣмъ, что намъ удалось расцѣловаться съ начальниками.

Но семинаристы, особенно богословы и философы, остались очень недовольны церемоніею.

Впрочемъ, едва-ли это произошло отъ чего-то похожаго на благородную гордость; тутъ скрывалась другая причина.

Рѣдкому изъ нихъ въ этотъ день не хотѣлось не то, что проститься, а любезнѣе расцѣловаться съ рюмочкою или стаканчикомъ.

Но когда объявлено было о церемоніалѣ прощанья въ столовой, то надобно было воздержаться, иначе при лобзаніяхъ послѣ поклоновъ или ректоръ или инспекторъ могли по запаху догадаться о томъ, кто расцѣловался съ рюмочкою или стаканчикомъ.

Многіе даже полагали, что и вся церемонія придумана была съ тою цѣлью, чтобы казенщина въ самый пьянственный день въ году повоздержалась отъ водки.

Догадливый народъ успѣлъ и послѣ прощанья сдѣлать то, чему хотѣло помѣшать начальство.

Впрочемъ, надобно сказать, что описанная мною здѣсь церемоніально-прощальная глупость послѣ уже не повторялась ни Иліодоромъ, ни Гедеономъ.

Два года, проведенные мною въ Рязани, имѣли весьма большое вліяніе на меня, на развитіе моихъ способностей, на научную сторону моего образованія. Не говоря уже о Вихиревѣ и Родосскомъ, отъ которыхъ мнѣ многимъ пришлось позаимствоваться, я, живя на казенномъ, бывалъ при разговорахъ богословъ и философовъ, знакомился съ тѣмъ, о чемъ въ Касимовѣ и не слыхалъ бы.

Затѣмъ и сами мы сообщали другъ другу то, что слыхали отъ своихъ туторовъ, братьевъ, дядей и пр., тоже семинаристовъ, но богословъ и философовъ; взаимная передача мыслей, которыя мы выслушивали, а иногда и подслушивали у нихъ, распространяли кругъ нашихъ свѣдѣній.

Кромѣ того, мы тоже успѣли запастись и гономъ. Правда, насъ сѣкали больно и часто; подъ лозою, на полу, прижатымъ къ полу, связаннымъ или привязаннымъ къ скамьѣ съ головою и ру-

ками, закрытыми въ рубахѣ, какъ въ мѣшкѣ, обнаженнымъ болѣе, нежели на половину тѣла, разукрашеннымъ лентами, узорами и блестками на заднихъ мягкихъ частяхъ отъ поясницы до колѣнъ — намъ было не до форсу, но все это не очень насъ унижало въ нашихъ глазахъ; вѣдь всѣхъ если не сѣкли, то могли высѣчь.

А между тѣмъ, видя форсовитость учениковъ семинаріи, слушая, что семинаристы — молодцы, умнѣе гимназистовъ, люди ученые, мы свысока тоже смотрѣли и на самихъ себя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мои отношенія къ батюшкѣ и матушкѣ измѣнились къ лучшему.

Я уже говорилъ, что батюшка передъ переходомъ моимъ въ Рязанское училище очень былъ недоволенъ моими успѣхами, считалъ меня лѣнтяемъ и вслѣдствіе этого неласково и даже сурово обращался со мною; матушка любила меня, но часто напоминала, зачѣмъ я плохо учусь.

Житье мое въ Рязани помогло мнѣ уничтожить дурное о себѣ мнѣніе.

Батюшка узналъ отъ Вихирева и Родосскаго, что я имѣю хорошія способности и хоть полѣниваюсь при случаѣ, но все-таки принадлежу къ лучшимъ ученикамъ. Кромѣ того, батюшка, самъ очень хорошо знавшій латинскій языкъ, меня экзаменовалъ и видимо становился довольнѣе мною, тѣмъ болѣе, что я отчасти по начинавшейся проявляться любознательности, а иногда и изъ желанія угодить батюшкѣ и матушкѣ, читалъ находившіяся въ домашней нашей библіотекѣ книги. Такимъ образомъ ко мнѣ сдѣлались ласковы, отличали передъ сестрами, поручали иногда надзоръ за ними и за прислугою, меня всегда почти приглашали пить чай вмѣстѣ съ собою и сколько мнѣ угодно, тогда какъ прочимъ дѣтямъ, напившись сами, давали уже по чашкѣ.

Особенно же матушка, какъ говорится, души не слышала во мнѣ и находила множество случаевъ выразить свое расположеніе ко мнѣ то ласкою, то тѣмъ или другимъ лакомствомъ и пр.

Но, къ удивленію, а вмѣстѣ и къ неудовольствію моему, батюшка и матушка были ко мнѣ и ласковы и привѣтливы только въ тѣхъ случаяхъ, когда я былъ исправенъ.

Напротивъ, въ случаѣ моихъ шалостей и дурачествъ, дѣлались

гораздо строже прежняго. Пока я $3^1/_2$ года учился въ Касимовѣ, они меня не наказывали розгами; теперь же почти ни одного домоваго отпуска не проходило безъ того, чтобы меня и дома не посѣкли, а иногда, особенно въ лѣтнія каникулы, и не по одному разу, иногда даже и въ день или за день до самаго отъѣзда въ Рязань.

Дѣло едва-ли не состояло въ томъ, что имъ передалъ Вихиревъ свой, кажется, и справедливый взглядъ на мою особу, объяснивъ, что я всѣмъ хорошъ, только мнѣ не надобно давать зашаливаться, что я, замѣчая снисходительность къ себѣ и надѣясь на ненаказанность, расположенъ къ проказничеству; напротивъ, скорыя и сильныя энергическія мѣры держатъ меня въ стрункѣ.

По крайней мѣрѣ и дома со мной стали дѣйствовать по той же системѣ, которой держался Вихиревъ. Конечно, тутъ не бывало жестокихъ наказаній, но никогда лозу не брали въ руки, чтобы только почесать, пощекотать меня; нѣтъ, удары всегда были чувствительны; ими не шутили; когда ложился я на полъ и чувствовалъ, что меня обнажаютъ, я зналъ, что мнѣ будетъ больно, и вставалъ всегда съ заплаканными глазами. Потомъ черезъ полчаса и ранѣе дѣлались ко мнѣ также ласковы и привѣтливы, какъ и прежде.

Мнѣ хотѣли прямо показать, что меня любятъ, любятъ очень, но потачки не дадутъ въ моихъ шалостяхъ и строго за нихъ взыщутъ.

Этой системы держались, какъ увидимъ, и тогда, когда я былъ въ семинаріи.

Наконецъ приблизилось то время, когда мы, проучившись два года въ высшемъ отдѣленіи Рязанскаго училища, должны были держать экзаменъ, чтобы поступить въ низшее отдѣленіе семинаріи, въ реторику. Экзаменъ этотъ происходилъ двоякимъ образомъ:

1) ученикамъ училища приказывалось являться въ семинарское правленіе, въ которомъ ихъ экзаменовали одни его члены, а прочіе наставники семинаріи считались недостойными такой чести.

Этотъ способъ очень нравился отцамъ-смотрителямъ, потому что отъ ихъ воли зависѣло дозволить тому или другому ученику ѣхать въ Рязань, чтобы явиться на экзаменъ.

Развѣ только немногіе изъ нихъ, честные чудаки, пропускали этотъ случай, не набивая своего кармана пѣнязями.

Смотрителя же, которые желали еще казаться честными, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ безсовѣстными взяточниками, продавали свое дозволеніе явиться на экзаменъ только посредственнымъ и слабымъ ученикамъ; перворазрядные же и лучшіе изъ второразрядныхъ отправлялись, не платя никакой пошлины; кажется, этой методы держался высокопочтеннѣйшій архіерей касимовскій.

Но настоящіе взяточники, положившіе себѣ за правило безъ взятки не дѣлать никакого, даже вполнѣ справедливаго, дѣла и потому дожидавшіеся перехода учениковъ въ реторику, какъ лучшаго сѣнокоса, развѣ только лучшимъ изъ нихъ позволяли безданно-безпошлинно перешагнуть этотъ Рубиконъ; а за прочихъ отцы расплачивались своимъ карманомъ.

Образчикомъ подобныхъ взяточниковъ можетъ служить преемникъ Поликарпа и Краснова, смотритель Касимовскаго училища, протоіерей Лазарь В. . .

Этотъ святой отецъ любилъ показать въ описываемомъ мною случаѣ своего рода взяточническое безпристрастіе и снисходительность, налагая пошлину на каждаго ученика сообразно мѣсту, занимаемому отцомъ; высшая такса налагалась на священническаго сына, средняя — на дьяконскаго и низшая — на причетническаго; притомъ въ каждомъ разрядѣ были свои maximum и minimum, потому что доходы, получаемые духовными лицами, были не во всѣхъ селахъ одинаковы.

Мой дядя, дьяконъ Василій Саввичъ Молчановъ, долженъ былъ дать 30 руб., когда его сыну Матвѣю въ 1856 году нужно было поступить въ реторику; далъ, а сына правленіе семинаріи не приняло, отецъ же смотритель денегъ не возвратилъ; вѣдь онъ не ручался за переводъ и давалъ только право держать экзаменъ, такъ за что же разставаться съ 30 рублями?

Потомъ въ іюнѣ онъ своимъ высшеклассным дозволялъ отправиться домой, чтобы выяснить ихъ отцамъ необходимость представить смотрителю предварительную благодарность за дозволеніе сыну отправиться въ Рязань.

2) Другой способъ перевода учениковъ въ семинарію состоялъ въ томъ, что въ училище посылался правленіемъ семинаріи ревизоръ, которыми преимущественно бывали ректоръ или инспекторъ,

но иногда кто-либо изъ наставниковъ семинаріи и который по своему усмотрѣнію переводилъ учениковъ въ семинарію.

Мѣсто ревизора, какъ говорится, имѣло свою пріятность. Такъ какъ противъ его распоряженій относительно переводимыхъ, или оставляемыхъ учениковъ не могло быть никакихъ серьезныхъ ни протестацій, ни апелляцій, то онъ, аще совѣсть не зазритъ, могъ налагать на ревизуемое училище контрибуцію. Не говорю уже о томъ, что ревизоры жили въ домѣ и на счетъ смотрителя, угощенены были и съѣдомымъ и піемымъ до самаго нельзя, катались, по пословицѣ, какъ сыръ въ маслѣ, развѣ немногіе изъ нихъ не привозили съ собою домой гораздо болѣе денегъ, нежели сколько ихъ брали при своемъ отъѣздѣ.

Одни, не желая имѣть дѣло съ мальчонками или ихъ отцами, знали одного отца-смотрителя, который и дѣлалъ посильное приношеніе при прощаньи съ своимъ милостивцемъ.

Другіе, довольствуясь угощеніемъ училищнаго начальства, не спускали зато мальчонкамъ, которыхъ нужно было переводить изъ класса въ классъ, особенно въ реторику.

Третьи наконецъ соединяли ту и другую методы.

О взяточничествѣ, которымъ пятнали себя начальники семинаріи при переводѣ учениковъ въ реторику, я имѣю много свѣдѣній; укажу на нѣсколько примѣровъ.

Когда моего дядю Василія Мартыновича слѣдовало бы перевесть въ реторику, а онъ между тѣмъ былъ очень плохихъ успѣховъ, то дѣдушка послалъ батюшку въ Рязань, чтобы какъ-нибудь помочь бѣдѣ.

Батюшка по возвращеніи успокоилъ дѣдушку и сказалъ, что дѣло сдѣлано.

Сколько денегъ и кому дано не знаю, но хорошо помню, какъ батюшка говорилъ о большомъ зажигательномъ стеклѣ, подаренномъ тогдашнему инспектору семинаріи С . . . . у

Пришелъ я, разсказывалъ онъ, къ С . . . . у къ вечеру, солнце уже близко было къ закату, и просилъ принять стекло.

С. взялъ и сказалъ: а вотъ мы его и попробуемъ, и, наложивши табаку въ трубку, хотѣлъ отворить окно, чтобы закурить ее.

Но батюшка совѣтовалъ не безпокоиться и закуривать прямо сквозь стекло. И когда опытъ вполнѣ удался, то С. очень былъ доволенъ и благодаренъ, приговаривая: «вотъ такъ стекло! ну, благодарю, благодарю». Потомъ, живя на казенномъ вмѣстѣ съ учениками реторики, я слыхалъ о томъ, какъ Полотебновъ, ревизуя въ 1822 г. училища, только однихъ сиротъ переводилъ въ семинарію безъ всякой мзды, а прочіе, хотя бы они были и лучшими учениками, должны были купить свой переводъ; спуску не было никому.

Наконецъ нельзя не заподозрить въ небезкорыстномъ снисхожденіи, которое выказывалъ Гедеонъ къ нѣкоторымъ изъ переводимыхъ учениковъ въ реторику. Между нашими товарищами были два молодца: Истинскій и Катагощинъ; первый рѣшительно ничѣмъ не занимался и былъ только лучшимъ кулачнымъ бойцомъ, а второй отличался полною бездарностью и, занимаясь, ни въ чемъ бы не могъ успѣть. О томъ, что они перейдутъ въ реторику, никто изъ насъ и не думалъ.

Истинскій былъ даже послѣднимъ въ классѣ и на экзаменѣ почти ничего не отвѣчалъ. Но, возвратившись послѣ каникулъ, мы удивились, что тотъ и другой переведены въ реторику; отцы ихъ, люди богатые, умѣли умилостивить Гедеона, разумѣется, не одними словами. Оба эти молодца и въ реторикѣ ничего не дѣлали, но опять оба были переведены въ философію; тутъ уже слѣдовало дать взятку не одному Гедеону, но и Иліодору.

Отецъ Катагощина, кажется, любилъ отплачиваться за разъ передъ самымъ переводомъ изъ класса въ классъ, но отецъ Истинскаго поддерживалъ благоволеніе семинарскаго начальства къ себѣ въ теченіе всего курса.

Онъ, какъ намъ было извѣстно отъ сына, всякій разъ, бывши въ Рязани, что-либо привозилъ къ Иліодору и Гедеону.

Не жалѣйте, впрочемъ, г. читатель объ отцахъ-смотрителяхъ, которые такъ много должны были тратить денегъ и на угощеніе ревизоровъ, и на посильныя имъ напутствованія.

Ревизія обыкновенно назначалась большею частію года черезъ четыре, въ теченіе которыхъ сообразительный смотритель изъ эк-

стренныхъ доходовъ могъ составить порядочный запасецъ на экстренные расходы.

Уже въ шестидесятыхъ годахъ случилось событіе, подтверждающее мои слова.

Ревизіонные комитеты, составлявшіеся для образованія ежегодныхъ отчетовъ по экономической части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, имѣли право повѣрять наличныя денежныя суммы ихъ.

На этомъ основаніи смотритель Данковскаго духовнаго училища протоіерей Ѳедоръ Семеновичъ С . . . принесъ училищную сумму въ ревизіонный комитетъ.

При этомъ члены его, зная вполнѣ, что классы никогда не отапливаются, да и на жилыя ученическія комнаты дрова отпускаются не слишкомъ щедрою рукою, осмѣлились сказать отцу-смотрителю: «вотъ у васъ по отчетамъ показанъ расходъ дровъ на отопку печей въ классахъ и въ жилыхъ ученическихъ комнатахъ, а вѣдь всѣмъ извѣстно, что первые вовсе не отопляются, да и во вторыхъ тепла бываетъ немного».

С., нисколько не конфузясь, отвѣчалъ: «да, это правда, да что же прикажете мнѣ дѣлать? Вотъ пріѣдетъ ревизоръ; откуда я возьму деньги на его угощеніе? и пр.»

Нѣкоторые же ректоры семинаріи иначе давали возможность смотрителямъ покрывать расходъ при ревизіяхъ. Вотъ вамъ образчикъ въ этомъ родѣ.

Послѣ того, какъ съ начала пятидесятыхъ годовъ введены были такъ называемые нормальные штаты по духовнымъ училищамъ и семинаріямъ, правленіе семинаріи или лучше ректоръ напередъ разсчитывалъ, по скольку учениковъ можно будетъ перевести изъ каждаго училища въ семинарію.

Въ 1854 году тогдашній ректоръ Рязанской семинаріи, архимандритъ Антоній, экзаменуя учениковъ высшаго отдѣленія одного изъ рязанскихъ духовныхъ училищъ въ томъ порядкѣ, какъ они записаны были въ составленномъ смотрителемъ спискѣ, и увидавши, что предварительно назначенное имъ число учениковъ для реторики уже набралось, сказалъ: «ну, довольно, больше экзаменовать не буду, потому что уже набралось столько, сколько можно перевести; прочіе пусть остаются въ томъ же классѣ».

Услыхавши этотъ приговоръ, три или четыре изъ неспрошенныхъ еще учениковъ вышли къ столу, за которымъ сидѣло его высокопреподобіе, и осмѣлились просить его поэкзаменовать и ихъ, прибавляя: «мы во всѣ два года сидѣли и въ послѣднихъ спискахъ у учителей стояли выше такихъ-то и такихъ-то учениковъ, которыхъ вы переводите въ реторику, на экзаменахъ отвѣчали тоже лучше ихъ, но смотритель, не знаемъ почему-то, насъ записалъ ниже; поэкзаменуйте насъ пожалуйста; вы сами увидите, что говоримъ правду».

Одинъ учитель успѣлъ даже подтвердить слова учениковъ, другой было тоже началъ свою защитительную рѣчь, но отецъ ректоръ съ негодованіемъ закричалъ: «что это такое? Какъ смѣете жаловаться на своего начальника? Вы вздумали учить его? Вотъ я васъ!»

Затѣмъ порядочный нагоняй и учителямъ за то, что осмѣлились поддерживать притязанія бунтовщиковъ. А потомъ, обратясь къ смотрителю, сказалъ: «Вы, Иванъ Петровичъ, плохо за ними смотрите, очень къ нимъ снисходительны; видите, до какой дерзости они дошли? Прикажите-ка сейчасъ принести розогъ, я имъ покажу, что̀ значитъ бунтовать противъ начальства!» Розги скоро явились; бунтовщики примѣрно были высѣчены.

Потомъ ректоръ, обратившись къ ученикамъ, съ улыбкою спросилъ: «ну, не хочетъ ли еще кто поэкзаменоваться; пусть выходитъ».

Разумѣется, охотниковъ не нашлось. Но зато смотрителя очень хорошо поняли, что имъ до прибытія еще ревизоровъ можно поживиться отъ учениковъ, которые пожелаютъ быть первыми записанными.

Какъ тутъ къ отцамъ ректорамъ и инспекторамъ не приложить пословицы: рука руку моетъ? Только конецъ ея надо немножко измѣнить, потому что обѣ данномъ случаѣ бываютъ не очень чисты.

Обращаюсь теперь къ нашему переводу въ реторику. Къ намъ примѣнили второй его способъ и назначили ревизоромъ Гедеона. Надобно сказать, что мы очень побаивались экзамена и имѣли причины на это. Жестокія наказанія Василія Петровича, на которыя онъ щедръ былъ во второй годъ нашей высшеклассной жизни, не дѣлали насъ свѣдущими въ преподаваемыхъ имъ предметахъ.

Да и удивляться тутъ нечему. Вѣдь онъ насъ не училъ, а игралъ съ нами, такъ сказать, въ ученье, мы читали у него уроки съ толкомъ по учебнику, часто списывали переводы съ греческой библіи.

Притомъ ни за уроки, ни за переводы насъ не наказывалъ даже стояньемъ на колѣняхъ; всѣ экзекуціи назначались за какія-либо шалости. И мы по-прежнему въ классѣ не занимались ни греческимъ языкомъ, ни ариѳметикою, ни священною исторію, ни катехизисомъ; по этимъ предметамъ не только отличаться, но и отвѣчать удовлетворительно не было надежды.

Съ другой стороны, конечно, Родосскій и самъ хорошо зналъ свои предметы и училъ насъ прилежно и настойчиво, и вдобавокъ неумолимо взыскивалъ съ насъ за учебныя неисправности, и потому мы дѣйствительно оказали очень удовлетворительные успѣхи какъ въ латинскомъ, такъ и въ географіи.

Но тутъ грозила намъ другая бѣда. Иліодоръ не поладилъ съ Гесевскимъ и вслѣдствіе того не взлюбилъ Родосскаго, какъ зятя его.

Семинаристы намъ передавали, что ректоръ рѣшился Родосскаго выжить изъ училища, и съ этою цѣлью Гедеонъ похлопочетъ о томъ, чтобы насъ конфузить или, какъ мы говорили, сбивать на экзаменѣ.

Какъ же намъ послѣ этого было не трусить?

И, дѣйствительно, пришедши къ намъ въ первый день на экзаменъ, Гедеонъ показался очень строгимъ, даже суровымъ.

Экзаменъ начался съ латинской грамматики. Заставляли сначала прочитать какое-либо правило, а потомъ ревизоръ давалъ устныя локуціи.

Отвѣты оказывались большею частью удовлетворительными. Кажется, въ третій день онъ принесъ сочиненія Лактанція и заставлялъ насъ переводить изъ нихъ статьи, по нашему выраженію, безъ приготовки. Уже и во второй день мы замѣтили, что Гедеонъ сталъ помягче и поласковѣе, нежели какимъ былъ въ первый разъ.

Въ третій же день, когда восемь человѣкъ переводили Лактанція, почти вовсе не встрѣчая неизвѣстныхъ словъ, переводили

скоро и правильно, Гедеонъ, съ улыбкою обратившись къ Родосскому, сказалъ: «у васъ, Степанъ Егоровичъ, по-латыни знаютъ хорошо, право хорошо, благодарю васъ».

Съ тѣхъ поръ экзамены наши пошли уже, какъ говорится, шатя-валя.

Ревизоръ, довольный отвѣтами по латинскому языку, который тогда считался главнѣйшимъ предметомъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, смотрѣлъ уже сквозь пальцы на отвѣты наши по прочимъ предметамъ, и 60 человѣкъ изъ насъ перешло въ семинарію и разстались съ Родосскимъ и Василіемъ Петровичемъ.

Хотя первый до самаго послѣдняго дня держалъ насъ въ ежовыхъ рукавицахъ, мы все-таки любили его, чувствуя пользу, которую отъ него получили, можетъ быть, и не безъ боли; переводный же экзаменъ еще болѣе поднялъ его въ глазахъ нашихъ; мы видѣли, что его предметы насъ выручили и открыли намъ дорогу въ семинарію.

И потому, будучи уже въ реторикѣ, мы всегда при встрѣчѣ съ нимъ ему кланялись, тогда какъ Василію Петровичу почти никогда этого не дѣлали; а иногда, проходя мимо его и какъ-бы продолжая свой разговоръ, произносили вслухъ слово: козелъ.

Даже и теперь, не одобряя жестокаго и суроваго обращенія Родосскаго съ нами, я считаю себя обязаннымъ ему относительно своего умственнаго развитія, особенно относительно свѣдѣній изъ географіи, и потому нерѣдко хожу къ своему старому учителю (1870 г.). Старику это очень пріятно.

Не только я, но и всѣ мои товарищи, которыхъ перевели въ реторику, были въ восторгѣ отъ этого своего повышенія.

Во-первыхъ, насъ восхищало, что мы теперь уже семинаристы, ученики семинаріи, а не бурсаки, не уличные мальчишки. Потомъ, разумѣется, надѣялись, что сѣчь розгами насъ уже не будутъ.

Правда, мы знали, что реторовъ, а иногда будто-бы философовъ, секретно Іеронимъ и даже Полотебновъ сѣкли, да еще какъ? въ правленіи.

Про Иліодора и Гедеона тоже поговаривали, но реторы, не желая себя унижать, отвергали эти слухи или говорили, что вѣдь

это дѣлается за важныя вины и притомъ предлагаютъ быть исключеннымъ или высѣченнымъ.

Но уже мы знали навѣрное, что профессора въ классѣ не сѣкутъ за уроки.

Тѣ, у кого, какъ у меня, были туторы или братъ въ богословіи, могли менѣе быть увѣренными въ своей безнаказанности, потому что намъ уже извѣстно было, что туторы-богословы сѣкутъ реторовъ на обѣ, какъ у насъ выражались, корки или на славу; многіе наши товарищи сами бывали тому свидѣтелями, а иногда держали или сѣкали реторовъ.

На послабленіе со стороны Вихирева я всего менѣе могъ разсчитывать; но чего сильно желаешь, на то и надѣешься; и я думалъ, что мой туторъ не станетъ меня въ коммиссарской по-прежнему знакомить съ плеткою или лозою.

Къ этому были и поводы. Въ послѣднюю треть въ высшемъ отдѣленіи онъ меня почти вовсе не сѣкъ, а съ другой стороны, будучи доволенъ моими успѣхами, еще болѣе прежняго полюбилъ меня.

На счетъ домашняго житья я еще былъ болѣе увѣренъ.

Въ высшемъ классѣ и батюшка и матушка говаривали при наказаніяхъ за шалости, что пора мнѣ перестать шалить, что я вотъ скоро поступлю въ реторику, что тамъ уже стыдно быть сѣченнымъ, а иногда даже выражались: «что жъ, развѣ тебя и тамъ надобно будетъ сѣчь?» и пр.

Я и выводилъ заключеніе, что въ Тумѣ съ меня, растянувшагося на полу спиною вверхъ, не станутъ снимать подштанниковъ. Неудивительно, что при этихъ мысляхъ я шелъ домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Со мною были два письма отъ Родосскаго и Вихирева. Поздоровавшись со всѣми домашними, я вручилъ батюшкѣ оба письма и слѣдилъ за чтеніемъ ихъ. Батюшка, прочитавши письмо Вихирева, не утерпѣлъ, подозвалъ меня къ себѣ и поцѣловалъ, то же сдѣлалъ и по прочтеніи письма Родосскаго, и тотчасъ велѣлъ поставить самоваръ, чтобы поздравить, какъ говорилъ, новаго ретора.

Ему понравилось также, что я принесъ съ собою книжку съ 12-ю рѣчами Цицерона, переводомъ которыхъ я и занимался въ

свободное отъ работъ время. Разговаривая со мною, батюшка и матушка совѣтовали мнѣ или лучше выражали надежду, что теперь мнѣ остается не дѣлать только шалостей: «теперь сѣчь тебя уже не годится, по крайней мѣрѣ, тебѣ уже очень будетъ стыдно».

Чтобы, такъ сказать, отличить меня отъ другихъ дѣтей, мнѣ съ этихъ поръ на лѣтнія каникулы отдавали для житья отдѣльную нашу горницу, называвшуюся хоромами, гдѣ было четыре комнаты: прихожая, зала, спальная и кладовая.

Послѣдняя была всегда заперта, но первыя три были въ полномъ моемъ распоряженіи. Въ залѣ стоялъ шкафъ съ книгами.

Я былъ очень доволенъ, но скоро надѣлалъ глупостей отъ своей шаловливой, драчливой, неугомонной натуры.

Слѣдующій воскресный день былъ очень ненастенъ, и мнѣ хотѣлось поиграть; я предложилъ своимъ сестрамъ, а также Татьянѣ и Натальѣ отправиться въ дворническую пустую избу играть въ жмурки, но вмѣстѣ пригласить туда ихъ подругъ; насъ набралось человѣкъ до 15-ти.

Батюшка и матушка отдыхали послѣ обѣда; поэтому намъ былъ полный просторъ стучать и шумѣть. Матушка, вставши и не видя насъ никого, вышла на дворъ и, услышавши шумъ, пришла къ намъ и застала игру въ разгарѣ.

Я, впрочемъ, уставши уже довольно, не игралъ, а сидѣлъ на казенкѣ. Намъ всегда запрещалось зазывать къ себѣ гостей, а тутъ еще прибавился шумъ и гамъ, поэтому сборище наше не понравилось. Я, впрочемъ, оправдался тѣмъ, что я, тоже услыхавши шумъ, пришелъ недавно въ избу, не игралъ, а сѣлъ посмотрѣть; ни сестры, ни Татьяна съ Наташей меня не выдали. Ихъ порядочно пожурили, постращали болѣе чувствительнымъ наказаніемъ, если подобная шалость повторится, а мнѣ замѣтили, что я, какъ поумнѣе ихъ, напрасно не разогналъ ихъ. — «Да они меня не послушали бы?» сказалъ я.

«Какъ же тебя онѣ смѣютъ не слушаться?» отвѣтили мнѣ, а имъ всѣмъ тутъ же съ угрозою прибавили, чтобы они слушались меня. Такимъ образомъ, дѣло, грозившее мнѣ непріятностью, возвысило мой авторитетъ.

Матушка своимъ приходомъ помѣшала приготовленному-было

мною сюрпризу для игравшихъ со мною. Въ Рязани я досталъ маленькую дѣтскую пушку и пороху и обѣщался по окончаніи жмурокъ показать, какъ стрѣляютъ изъ пушки и какъ дѣлаются разныя другія штуки посредствомъ пороха; особенно я много наговорилъ о томъ, какъ хорошо смотрѣть и слушать, когда, насыпавъ дорожку изъ пороху нѣсколько влажному, разложить по ней пустые орѣхи,—такъ называемые свищи.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

STABAT MATER

А. Н. Сѣрова.

(Сочиненіе его; переводъ текста и объясненія къ нему композитора).

Біографія и критическій разборъ дѣятельности Александра Николаевича Сѣрова представляютъ изъ себя два изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ вопросовъ русскаго музыкальнаго искусства, рѣшеніе которыхъ покуда всецѣло принадлежитъ болѣе или менѣе близкой будущности. Общее, окончательное мнѣніе объ этомъ художникѣ еще не установилось. Но разрѣшеніе этихъ вопросовъ не безъ труда дается ихъ будущему изслѣдователю. Помимо біографическихъ матеріаловъ, собраніе которыхъ далеко еще не полно (особенно, что касается дѣтства и супружеской жизни Сѣрова), произведенія его, за исключеніемъ трехъ оперъ, доставившихъ славу композитору, мало кому извѣстны, такъ какъ они и въ печати-то даже не появлялись. (Давно пора подумать кому слѣдуетъ, вкупѣ съ издателями, выбросивъ ненужный модный хламъ, оказать большую услугу родному искусству изданіемъ всѣхъ произведеній выдающихся русскихъ художниковъ. У насъ, напр., «Полнаго собранія сочиненій» и Глинки-то даже не существуетъ). А между тѣмъ, какимъ образомъ изучить всесторонне личность и дѣятельность композитора, какъ не прослѣдивъ постепенно тотъ путь, по которому шелъ его творческій талантъ. У Сѣрова же, помимо обширной корреспонденціи, значительная часть которой уже напечатана въ «Русской Старинѣ» [1]), существуетъ много музыкальныхъ произведеній, имѣющихъ интересъ для общей характеристики его дѣятельности и которыя до сихъ поръ не изданы. Къ таковымъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и «Stabat Mater», большое (въ 3-хъ частяхъ) сочиненіе для трехъ женскихъ

---

[1]) «Русск. Стар.» 1875 г. №№ 8, 10, 11; 1876 г. №№ 1, 2, 4, 5, 12; 1877 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11; 1878 г. № 1; 1893 г. № 3.

голосовъ съ хоромъ и оркестромъ. Это произведеніе въ «Библіографическомъ Указателѣ» А. Е. Молчанова (1888 г., вып. I) значится подъ № 38, въ рубрикѣ лит. Б. (Произведенія ненапечатанныя—оригинальныя). Составитель Указателя сообщаетъ въ примѣчаніи, что партитура (вѣрнѣе копія съ нея) этого произведенія находится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Самое же произведеніе это неизвѣстно какъ для публики, такъ и для музыкантовъ, почему я и счелъ долгомъ сообщить о немъ тѣ свѣдѣнія (о мотивахъ его сочиненія), которыя мнѣ удалось узнать отъ вдовы покойнаго композитора, а также напечатать подлинную рукопись А. Н. Сѣрова, заключающую въ себѣ его собственноручные переводъ текста и примѣчанія къ нему.

I.

Въ концѣ 60-тыхъ годовъ Сѣровъ совершенно было отдался своей послѣдней оперѣ—«Вражьей Силѣ», но разладъ съ драматургомъ, покойнымъ А. Н. Островскимъ, съ которымъ онъ не сходился въ измѣненіи плана финала драмы, затянулъ дѣло на цѣлыхъ два года; да Сѣровъ и умеръ, не дописавъ своей новой оперы. Вполнѣ были написаны лишь первыя три дѣйствія, а тутъ понадобился либреттистъ, который могъ бы закончить оперу такъ, какъ того хотѣлъ композиторъ. Чтобы наполнить это время, время горячее, неустанныхъ хлопотъ, Сѣровъ принялся собирать матеріалы для предполагавшагося имъ «Учебника по исторіи музыки», такъ что время свое онъ дѣлилъ между театромъ, концертной залой и Публичной библіотекой. Но такой натурѣ, какъ сѣровская, трудъ—чисто кабинетный представлялъ мало утѣшенія, напротивъ, эта натура требовала новыхъ увлеченій, которыя во всю жизнь этого даровитаго художника не переставали возникать. Опера была оставлена, на смѣну ей явилось восхищеніе, доходившее до поклоненія,—Аделиной Патти, въ то время (1868—69 гг.) привлекавшей своимъ дивнымъ голосомъ весь Петербургъ (Между прочимъ, въ извѣстномъ современномъ юмористическомъ разсказѣ М. П. Мусоргскаго «Раекъ» осмѣянъ другой музыкальный, чрезмѣрно усердный поклонникъ Патти—Оивъ—Оеофилъ Толстой (Ростиславъ). Въ свою очередь Патти также не могла не заинтересоваться однимъ изъ наиболѣе выдающихся музыкантовъ-критиковъ Петербурга, и такимъ образомъ А. Н. нашелъ хотя нѣкоторое замѣщеніе существовавшему пробѣлу въ его дѣятельности того времени. Новое движеніе—въ міръ итальянскихъ,

легкихъ, но сладкихъ мелодій. Является мысль написать оперу на сюжетъ романа G. Sande—«Consuello», въ которомъ особенно манила Сѣрова прекрасная ситуація—въ церкви, сцена съ Порпорой. Въ операѣ главная партія, конечно, предназначалась Аделинѣ Патти. Но мысль эта осталась лишь въ черновыхъ наброскахъ, которые самъ композиторъ впослѣдствіи и уничтожилъ. Однако, самая идея не пропала безъ слѣда; зародилась новая мысль—сочинить церковную арію «Ave Maria», которая въ самомъ непродолжительномъ времени была написана и посвящена знаменитой пѣвицѣ и ею была исполнена въ концертѣ. Арія эта—одно изъ самыхъ слабыхъ произведеній Сѣрова, тѣмъ болѣе, что она и написана-то была «на скорую руку», но она интересна въ томъ отношеніи, что является связующимъ звеномъ съ послѣдующимъ за нею «Stabat Mater». Здѣсь любопытенъ тотъ фактъ, что если не считать «Stabat Mater» А. Ѳ. Львова, Сѣровъ является первымъ музыкантомъ русскимъ, затронувшимъ область католической духовной музыки. Несмотря на укоренившееся среди музыкантовъ того времени мнѣніе, будто А. Н. человѣкъ невѣрующій,—это нужно положительно отрицать. Онъ глубоко вѣрилъ въ искусство, а это много значитъ. Люди, близкіе къ нему, утверждаютъ, что Сѣровъ не разлучался съ Распятіемъ. Изъ всего этого можно заключить, что «Stabat Mater»—явленіе нормальное въ его дѣятельности. По характеру своему, оно въ слабой степени напоминаетъ «Юдиѳь»; здѣсь интересно то обстоятельство, что въ «Stabat» Сѣровъ старается примѣнить систему средневѣковыхъ церковныхъ ладовъ. Это произведеніе было написано въ 1869 году.

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ переводу текста «Stabat», композиторъ ясно выразилъ свой взглядъ на подобное произведеніе и высказалъ то, что онъ хотѣлъ этой музыкой описать. Здѣсь не мѣсто для критической оцѣнки его, почему я и продолжаю исторію этого произведенія.

Вскорѣ послѣ окончанія «Stabat» у великой княгини Елены Павловны, извѣстной покровительницы изящныхъ искусствъ, состоялась первая проба новаго произведенія автора «Юдиѳи»; причемъ въ числѣ исполнительницъ сольныхъ партій трехъ монахинь была даже дочь Віардо-Гарсіа. А. Н. остался этой пробой настолько доволенъ, что намѣревался исполнить «Stabat» въ концертѣ, въ теченіе зимняго сезона 1871 г., причемъ составъ исполнителей (солистокъ) предполагался слѣдующій: г-жи Е. А. Лавровская, Віардо-Гарсіа и Ю. Ф. Платонова († 1 ноября 1892 г.). Для этого концерта партіи проходились и устраивались репетиціи въ домѣ Сѣровыхъ, но смерть композитора—20 января 1871 г.—не дала осуществиться предпріятію.

Съ того времени партитура «Stabat» хранилась у вдовы покойнаго композитора, которая, во время путешествія своего за границу, пока-

зывала ее, между прочимъ, извѣстному современному нѣмецкому дирижеру Леви (Hermann Levi), но послѣдній не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Однако, скоро подлинной партитуры не стало—она сгорѣла во время пожара лѣтомъ 1886 г. въ деревнѣ, гдѣ проживала В. С. Сѣрова. Неизвѣстно, какимъ образомъ сохранилась копія партитуры (по всей вѣроятности А. Н. при жизни своей, для вышеупомянутаго концерта далъ списать копію съ «Stabat Mater»), которая теперь и принадлежитъ библіотекѣ С.-Петербургской консерваторіи. Но только врядъ-ли тамъ извѣстна подлинная программа къ этому произведенію, которая, къ счастью, сохранилась у пріятеля Сѣрова—М. Е. Славинскаго; послѣдній же эту программу, вмѣстѣ съ копіей клавираусцуга (копія переписана весьма небрежно и съ массою ошибокъ; даже пропущенъ первый тактъ!), переслалъ ихъ вдовѣ композитора.

Когда въ 1888 г. исполнилось 25-лѣтіе со дня первой постановки «Юдиѳи»,—В. С. Сѣрова, въ память этого юбилея, намѣревалась устроить концертъ въ залѣ Дворянскаго собранія, въ которомъ, на видномъ мѣстѣ программы, фигурировалъ бы «Stabat Mater», но и этому предположенію не удалось осуществиться. Такимъ образомъ одно изъ послѣднихъ, сравнительно «большихъ», произведеній Сѣрова остается и до сей поры и неизданнымъ, и неисполненнымъ.

Н. Финдейзенъ.

II.

«Stabat Mater» [1]).

Авторъ представляетъ себѣ монахинь изъ среднихъ вѣковъ (напр. въ XV стол.) въ какомъ-нибудь готическомъ соборѣ, полутемномъ, освѣщенномъ заходящимъ солнцемъ, сквозь цвѣтныя стекла—созерцая картину (или изваяніе) Божіей Матери у подножія Распятаго. Монахини погрузились въ благочестивое размышленіе и поютъ:

I.

(Поэзія эта сложена чуть ли не въ IX вѣкѣ монахами).

Подстрочный переводъ [2]).

Стояла Матерь Скорбящая
Возлѣ Креста, вся въ слезахъ—

---

[1]) Подлинная рукопись А. Н. Сѣрова.

[2]) На лѣвой половинѣ подлинника выписанъ (цѣликомъ) латинскій текстъ молитвы, здѣсь, въ виду его общеизвѣстности, не приводимый. Н. Ф.

Пока висѣлъ на крестѣ Сынъ.
Душу скорбной, душу стенящую,
Горько болящую
Насквозь пронзилъ мечъ [3]).
О какъ печальна и огорченна
Была она, благословенная
Матерь Единороднаго!
Она скорбѣла и плакала
И дрожала при видѣ
Сына страданій избраннаго!
Есть ли человѣкъ, который бы не заплакалъ,
Христову Матерь видѣвъ,
Въ такой мукѣ!
За грѣхъ людей
Увидѣла (она) Іисуса въ страданіяхъ
И бичеванью преданнаго!
Видѣла своего возлюбленнаго Сына
Умирающимъ, безутѣшнымъ,
Пока въ мукахъ испустилъ духъ.

NB. Вся первая часть только элегическое соболѣзнованіе. Характеръ этой части исключительно плачевный; голосъ долженъ какъ будто надрываться отъ слезъ.

II.

Ты, Матерь, источникъ любви
Меня восчувствовать всю силу Твоей скорби
Заставь, чтобы я плакала съ Тобою!
Содѣлай, чтобы пламенно сердце мое
Въ любви ко Христу Богу!
Чтобы я Тебѣ угодила!
Святая Матерь, содѣлай,
Чтобы Распятаго язвы
Напечатлѣлись на моемъ сердцѣ крѣпко!
Твоего Сына изъязвленнаго,
Удостоившаго страдать за меня,
Муки со мною раздѣли!
Содѣлай, чтобы я плакала съ Тобою,
Чтобы соболѣзновала Распятому
Пока буду жить!
Возлѣ Креста стоять съ Тобою,
Волею присоединиться
Къ твоимъ скорбямъ—желаю!
Дѣва изъ дѣвъ Пречистая!
Не будь ко мнѣ сурова!

---

[1]) NB. Католики такъ и изображаютъ: „Mater Dolorosa“ съ сердцемъ, прободеннымъ семью мечами. А. С

Дай мнѣ съ Тобою плакать!
Дай мнѣ нести Христову смерть
Сдѣлай меня участникомъ Его мукъ
Передай мнѣ Его раны!
Дай мнѣ насладиться этими язвами,
Дай мнѣ упиться этимъ распинаніемъ
Изъ любви къ Сыну Твоему!

NB. Эта II-ая часть есть уже прямое обращеніе къ лицу Божіей Матери. Молитва къ Ней, проникнутая просвѣтленнымъ мистическимъ чувствомъ, какъ бы близкаго присутствія самой Царицы Небесной (вѣчно-юной богини, по католическимъ понятіямъ [1]), полна болѣе и болѣе разгорающимся жгучимъ аскетизмомъ. (У католиковъ есть легенды о нѣкоторыхъ Святыхъ, которые во время жаркой молитвы передъ крестомъ получали на рукахъ и ногахъ раны, какія были у Христа отъ гвоздей).

III.

Съ сердцемъ воспламененнымъ,
Да буду я—Дѣва—Тобою защищена;
Въ день Суда
Крестъ да защититъ меня;
Христова смерть да
Пріобщитъ меня къ прощенію и благодати—
Когда прахъ во прахѣ исчезнетъ
Пошли душѣ моей
Райскую славу!
Аминь!

Въ III-й части къ пѣнію 3-хъ монахинь (соло) присоединяется хоръ, оттого, что тутъ дѣло идетъ уже о такомъ чувствѣ, которое поголовно захватываетъ всѣхъ набожныхъ католиковъ: чувство смятенія и страха въ ожиданіи Послѣдняго Суда Христова надъ всѣми смертными. Идея заступничества Богородицы передъ Грознымъ Судьею въ день Страшный—главная мысль въ католическомъ культѣ Божіей Матери.

Согласно съ этимъ, въ III-й части «Stabat» авторъ сдѣлалъ господствующимъ настроеніемъ ужасъ, трепетъ, ожиданіе послѣдняго дня міра и чисто-католическую вѣру, что грѣшники, искупленные Христомъ,

---

[1]) Оттого цвѣтистый, какъ бы радужный, колоритъ II-й части (тонъ E-dur и соотвѣтствующая прозрачнѣйшая оркестровка). А. С.

только подъ покровомъ Божіей Матери могутъ войти въ Царство Небесное.

Адъ и рай—трубный гласъ Страшнаго Суда—тлѣніе во гробу и вѣчная жизнь въ райскомъ сіяніи—вотъ картины, подсказавшія тутъ музыку, въ сферѣ исключительно католическихъ понятій.

Сообщилъ **Н. Финдейзенъ**.

Къ столѣтнему юбилею рожденія П. И. Кеппена.

Недавно минуло сто лѣтъ со дня рожденія академика Петра Ивановича Кеппена, столь много и успѣшно потрудившагося на поприщѣ археологіи, статистики и этнографіи Россіи. Считаемъ долгомъ вспомнить нѣсколькими словами о жизни и дѣятельности этого неутомимаго и безкорыстнаго труженика науки.

Петръ Ивановичъ родился 19-го февраля 1793 года въ Харьковѣ. Отецъ его, докторъ медицины, Іоганъ-Фридрихъ Кеппенъ (Кöрреп), уроженецъ бранденбургскаго городка Шведта-на-Одерѣ, былъ вызванъ въ Россію императрицею Екатериною II-ю, въ 1786 году, въ числѣ 30-ти врачей, и былъ назначенъ завѣдующимъ медицинскою частью въ Харьковской губерніи. По смерти его, послѣдовавшей въ маѣ 1808 года, вдова осталась съ 9-ю дѣтьми, изъ которыхъ старшему сыну, Петру, было лишь 15 лѣтъ. Но уже ранѣе того, въ виду весьма стѣсненныхъ обстоятельствъ семьи, Петръ Ивановичъ, на 14-мъ году, поступилъ въ мѣстную губернскую чертежную, гдѣ подъ руководствомъ землемѣровъ занимался межеваніемъ и изготовленіемъ плановъ. Пріобрѣтенныя здѣсь познанія и техническая опытность не мало пригодились ему впослѣдствіи при его топографическихъ и картографическихъ работахъ. Одновременно онъ посѣщалъ приготовительный для студентовъ классъ въ открытомъ, въ январѣ 1805 года, Харьковскомъ университетѣ. Дослужившись перваго офицерскаго чина, Петръ Ивановичъ оставилъ чертежную и, въ 1810 году, поступилъ въ число студентовъ университета, по юридическому факультету, курсъ котораго онъ окончилъ уже въ 1814 году со степенью магистра правовѣдѣнія. Въ періодъ его пребыванія въ университетѣ палъ славный для Россіи 1812 годъ, и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, содѣйствовало въ сильной степени къ развитію въ немъ того теплаго и благороднаго патріотизма, которымъ Петръ Ивановичъ отличался въ теченіе всей своей жизни.

Вслѣдъ за защищеніемъ своей (оставшейся ненапечатанною) маги-

стерской диссертаціи о вознагражденіи убытковъ, войною причиненныхъ («De reparatione damni per bellum illati»), Петръ Ивановичъ, въ томъ же 1814 году, переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ тотчасъ же поступилъ на государственную службу, по почтовому департаменту, въ которомъ мужъ его тетки, Н. М. Яновскій, былъ начальникомъ отдѣленія. Въ семьѣ этого послѣдняго, извѣстнаго сочинителя «Словотолкователя», онъ провелъ первые годы своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, и вынесенныя здѣсь впечатлѣнія, повидимому, поощрили его къ занятію лингвистикою и археологіею, изученію которыхъ онъ и предался, покинувъ правовѣдѣніе и философію. Въ томъ, что онъ охотно занимался этою послѣднею, убѣждаетъ составленная имъ въ 1815 году рукопись, озаглавленная «Міръ идеаловъ», въ которой особенно замѣтно вліяніе Мендельсона, Шеллинга, Окена и Шиллера. Другое семейство, его обласкавшее, принадлежало бывшему профессору политической экономіи въ Харьковѣ, Л. Г. Якобу, который былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для совѣщаній по дѣламъ министерства финансовъ [1]). Ему онъ былъ обязанъ знакомствомъ съ извѣстнымъ ученымъ Ѳедоромъ Павловичемъ Аделунгомъ, рѣдкое образованіе и гуманность котораго привлекали его въ сильной степени. Въ гостепріимномъ домѣ Аделунга Петръ Ивановичъ имѣлъ случай видѣть многихъ выдающихся лицъ, особенно иностранныхъ путешественниковъ и дипломатовъ. Въ этомъ же домѣ, въ лицѣ единственной дочери, Александры Ѳедоровны, онъ нашелъ себѣ и подругу жизни, женившись на ней въ 1830 году.

Благодаря близкимъ отношеніямъ къ означеннымъ тремъ домамъ, Петръ Ивановичъ успѣлъ познакомиться съ большинствомъ тогдашнихъ представителей науки и словесности; въ сообществѣ со многими изъ нихъ онъ участвовалъ въ учрежденіи вольнаго общества любителей россійской словесности, Высочайше утвержденнаго 1-го февраля 1816 г.; а въ слѣдующемъ году, при образованіи комитета по ученой части Императорскаго человѣколюбиваго общества, онъ поступилъ въ комитетъ членомъ-секретаремъ. Съ свойственною ему любовію къ работѣ, Петръ Ивановичъ принималъ самое живое участіе въ разработкѣ уставовъ этихъ двухъ учрежденій, которыя, въ теченіе нѣкотораго времени, задавали тонъ въ обществѣ.

Въ 1818 году Петръ Ивановичъ составилъ извлеченіе на русскомъ языкѣ изъ сочиненія академика Лерберга «Untersuchungen zur Erläu-

---

[1]) Съ дочерью Якоба, Терезою, которая вышла замужъ за извѣстнаго путешественника и писателя Робинсона, въ Нью-Іоркѣ, Петръ Ивановичъ до послѣднихъ лѣтъ своихъ состоялъ въ перепискѣ. Она въ литературномъ свѣтѣ извѣстна подъ именемъ Тальфи (Talvj), какъ переводчица сербскихъ народныхъ пѣсенъ; псевдонимъ этотъ составленъ изъ начальныхъ буквъ ея имени: Therese Auguste Ludovica von Jakob.

terung der älteren Geschichte Russlands», подъ заглавіемъ: «Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-Императорскомъ титулѣ упоминаемой». Этотъ трудъ обратилъ на себя вниманіе государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, изъявившаго желаніе видѣть автора. Способный молодой ученый понравился знаменитому меценату, который отрекомендовалъ Кеппена министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлеву, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ въ то время и почтовый департаментъ. Такимъ образомъ, Петръ Ивановичъ лично познакомился съ своимъ главнымъ начальникомъ, при которомъ онъ вслѣдъ затѣмъ состоялъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, будучи назначенъ вторымъ редакторомъ издаваемой при министерствѣ «Сѣверной Почты», перваго въ Россіи оффиціальнаго повременнаго изданія. Проникнутый желаніемъ, при исполненіи этого послѣдняго порученія, принести дѣйствительную пользу своему отечеству, Петръ Ивановичъ признавалъ необходимымъ ближе ознакомиться съ Россіею и съ этою цѣлію просилъ дозволенія съѣздить на кавказскія воды. Для приведенія въ исполненіе этого желанія, онъ, въ 1819 году, получилъ порученіе обревизовать почтовыя станціи по Бѣлорусскому тракту, до Крыма и Кавказа и обратно. При посѣщеніи южнаго берега Крыма, Петръ Ивановичъ не могъ надивиться прелестямъ тамошней природы, о которыхъ онъ съ восхищеніемъ упоминаетъ въ своемъ путевомъ дневникѣ. Уже тогда онъ мечталъ о томъ, какъ бы обзавестись тамъ маленькимъ хозяйствомъ и провести въ этомъ земномъ раю послѣдніе годы своей жизни,—что дѣйствительно и сбылось. Спустя десять лѣтъ послѣ перваго посѣщенія Крыма, онъ пріобрѣлъ покупкою небольшой клочекъ земли, Карабагъ, по близости Алушты.

Во время пребыванія на кавказскихъ водахъ, Петръ Ивановичъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти министра Козодавлева. Лишившись въ немъ своего покровителя и не будучи въ состояніи мириться съ тѣмъ духомъ мистицизма, который наступилъ въ то время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, Петръ Ивановичъ рѣшился оставить службу; а потому онъ былъ душевно радъ, когда молодой любознательный человѣкъ, А. С. Березинъ, пригласилъ его сопутствовать ему въ путешествіи за границу.

Въ январѣ 1822 г., Петръ Ивановичъ, черезъ Кіевъ и Галицію, отправился въ Вѣну. Здѣсь онъ сблизился со многими учеными и литераторами; въ особенно оживленныя сношенія онъ вступилъ съ оріенталистомъ Гаммеромъ, славистами Копитаромъ и Вукомъ Стефановичемъ, исторіографомъ барономъ Гормайромъ, Фр. Шлегелемъ, съ извѣстною писательницею Каролиною Пихлеръ, графомъ Осссолинскимъ, графомъ Майлатомъ и др. Изъ Вѣны Петръ Ивановичъ совершалъ поѣздки въ Славонію, Сирмію, Венгрію и

Трансильванію. Ему удалось найти, въ числѣ дошедшихъ до насъ остатковъ римскихъ колоній, не описанные до того памятники Митраса (Миѳры), а также единственную донынѣ извѣстную статую тройственной Гекаты. Поѣздка въ Прагу доставила Кеппену возможность познакомиться съ знаменитыми славистами Іос. Домбровскимъ и Ганкою. Начатыя лишь незадолго передъ тѣмъ изслѣдованія по славянской археологіи, этнографіи и лингвистикѣ въ высшей степени заинтересовали Петра Ивановича и, благодаря своимъ многочисленнымъ сношеніямъ съ австрійскими представителями науки, онъ сталъ первымъ посредникомъ между славистами запада и юга и русскими учеными. Разставшись съ своимъ другомъ Березинымъ, который направился въ Италію, Петръ Ивановичъ проѣхалъ въ Минхенъ, гдѣ онъ, въ королевской библіотекѣ, копировалъ Фрейзингенскіе отрывки—древнѣйшіе памятники словенской письменности, которые онъ, съ объясненіями А. Х. Востокова, издалъ въ 1827 году, на иждивеніе графа Н. П. Румянцева.

Мы не можемъ входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности этого весьма плодотворнаго для Кеппена путешествія, на которомъ онъ останавливается съ особенною любовію въ своей автобіографической запискѣ. Упомянемъ лишь, что онъ посѣтилъ еще Гейдельбергъ, гдѣ провелъ едва-ли не интереснѣйшіе дни своего путешествія въ бесѣдахъ съ учеными Крейцеромъ (Creuzer) и Фоссомъ (J. H. Voss); затѣмъ, на возвратномъ пути, онъ побывалъ въ Гёттингенѣ, Касселѣ, Готѣ, Веймарѣ, Іенѣ, Лейпцигѣ, Галле, Дрезденѣ, Берлинѣ и Кёнигсбергѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ онъ вступалъ въ личныя сношенія съ мѣстными, частію весьма знаменитыми учеными и поэтами, каковы напримѣръ братья Гриммъ, Карлъ Риттеръ, Бёкъ (Böckh), Укертъ, Тикъ, Тигге и мн. др.

Возвратясь черезъ Варшаву въ С.-Петербургъ, въ апрѣлѣ 1824 года, Петръ Ивановичъ снова поступилъ на службу,—въ департаментъ народнаго просвѣщенія: тогдашній министръ, адмиралъ А. С Шишковъ, назначилъ его дѣлопроизводителемъ временнаго комитета для составленія проекта общаго устава учебныхъ заведеній. Въ 1825 году Петръ Ивановичъ началъ издавать «Библіографическіе листы». Въ этомъ весьма цѣнномъ изданіи, доведенномъ до августа 1826 года и составляющемъ нынѣ библіографическую рѣдкость, сообщались рефераты о всѣхъ выдающихся явленіяхъ не только русской, но всѣхъ славянскихъ литературъ. Одинъ изъ этихъ рефератовъ навлекъ на Кеппена доносъ извѣстнаго обскуранта и денунціанта М. Л. Магницкаго, попечителя Казанскаго учебнаго округа. Въ этомъ доносѣ Петръ Ивановичъ обвинялся въ томъ, что онъ въ своихъ «Библіографическихъ листахъ» будто бы писалъ противъ постановленій православной церкви, и именно

въ статьѣ «Критическое изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи» (№№ 8, 9 и 10). До глубины души обиженный такимъ несправедливымъ доносомъ, Петръ Ивановичъ составилъ «Логическія и историческія объясненія» противъ обвиненія Магницкаго. Объясненія эти, отличающіяся не только глубокою ученостію, но и замѣчательнымъ гражданскимъ мужествомъ, Петръ Ивановичъ препроводилъ къ начальнику канцеляріи министра, князю Ширинскому-Шихматову, для представленія министру Шишкову. Въ препроводительномъ письмѣ значится между прочимъ: «Какъ русскій дворянинъ, какъ чиновникъ, съ 1806 года безпорочно продолжавшій службу, не могу не огорчаться тѣмъ, что есть люди, старающіеся находить мнимое зло и въ моихъ посильныхъ трудахъ, подкрѣпляемыхъ однимъ токмо желаніемъ быть полезнымъ моему отечеству,—желаніемъ, которому я пожертвовалъ лучшими лѣтами и всѣми выгодами сей жизни, и которое побудило меня избрать службу, не доставляющую мнѣ даже необходимѣйшаго жалованья... Если, паче чаянія, замѣчанія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа могли быть удостоены какого-либо дальнѣйшаго вниманія, то мнѣ, почитая сіе лишеніемъ послѣдняго и единственнаго моего имущества: чести, остается только всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ у престола Его Императорскаго Величества дозволенія на безсрочный, съ начала будущаго года, выѣздъ за границу, гдѣ я трудами моими смѣю надѣяться по крайней мѣрѣ обезпечить мое существованіе». — Надъ Кеппеномъ былъ назначенъ судъ, состоявшій изъ двухъ митрополитовъ: кіевскаго Евгенія (Болховитинова) и с.-петербургскаго Серафима, а также изъ представителей духовной цензуры и правленія духовныхъ училищъ. Судъ этотъ постановилъ вполнѣ оправдательный приговоръ [1]).

Съ 1826 по 1829 г. Петръ Ивановичъ, по порученію тогдашней Россійской академіи (нынѣшняго II-го отдѣленія Императорской академіи наукъ), велъ оживленную переписку съ славистами Ганкою, Шафарикомъ и Челаковскимъ относительно призыва ихъ въ С.-Петербургъ. Министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, а также преемникъ его, князь К. Ливенъ, предполагали учредить при Россійской академіи общеславянскую библіотеку и опредѣлить упомянутыхъ славистовъ въ ней библіотекарями; вмѣстѣ съ тѣмъ эти послѣдніе имѣли бы задачу разработать общій словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій. 7-го января 1830 года послѣдовало на это Высочайшее соизволеніе. Впослѣдствіи однакоже проектъ этотъ не осуществился [2]).

[1]) Подробности этого замѣчательнаго эпизода напечатаны, въ 1864 году, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ“, кн. II, смѣсь, стр. 143—161.

[2]) Много подробностей объ энергической дѣятельности, въ этомъ дѣлѣ, П. И. Кеппена, а также письма его къ Ганкѣ, находятся въ книгѣ А. А. Кочубинскаго: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“. (Одесса, 1887—1888).

Выше было уже упомянуто о томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ на Кеппена южный берегъ Крыма. Послѣ описанныхъ нравственныхъ испытаній, къ которымъ уже тогда присоединилась слабость здоровья, Петръ Ивановичъ мечталъ о переселеніи на югъ. Послѣдовавшая въ 1826 году кончина извѣстнаго ботаника, барона Маршалла-фонъ-Биберштейна и поступленіе на его мѣсто главнымъ инспекторомъ шелководства Х. Х. Стевена, съ которымъ Петръ Ивановичъ былъ очень друженъ, побудили его, въ 1827 году, перейти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, къ вѣдомству котораго, въ то время, относилось сельское хозяйство. Желаніе его быть назначеннымъ помощникомъ главнаго инспектора исполнилось лишь въ началѣ 1829 года, и тогда же онъ переселился въ Крымъ. Объѣзжая, по должности своей, ежегодно огромное пространство между Волгою и Днѣстромъ, Петръ Ивановичъ имѣлъ возможность собрать весьма цѣнный матеріалъ по географіи, естественной исторіи и хозяйству означенныхъ, тогда еще мало извѣстныхъ, областей,—доказательствомъ чему служатъ какъ сохранившіеся путевые его дневники, такъ и нѣкоторые печатные труды.

Весною 1830 года Петръ Ивановичъ, на короткое время, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, женился въ іюнѣ мѣсяцѣ и тотчасъ же поспѣшилъ обратно въ Крымъ. Здѣсь молодую чету ожидало тяжкое время: холера, надвигаясь изъ Закавказья, быстро распространялась, а въ концѣ октября появилась и въ Крыму. Со стороны таврическаго губернатора Петръ Ивановичъ, въ исходѣ ноября, былъ приглашенъ переселиться въ Бахчисарай, чтобы предсѣдательствовать въ мѣстномъ попечительномъ комитетѣ, учрежденномъ для принятія мѣръ противъ появившейся тамъ холеры, борьба съ которою, въ то время, не была знакома еще съ тѣми пріемами, какъ нынѣ, когда выяснилась природа этой заразы. Петръ Ивановичъ, не колеблясь, послѣдовалъ этому приглашенію, а молодая жена не хотѣла отпустить его одного; и такъ они, нѣсколько дней спустя, поселились въ древнемъ дворцѣ крымскихъ хановъ, въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ останавливался императоръ Александръ I. «Кто знакомъ съ тѣсно сплоченными, состоящими частію изъ лачугъ и палатокъ, жилищами тамошнихъ грековъ, татаръ и цыганъ; кому извѣстно, какъ тѣсны и грязны улицы, и какой въ нихъ воздухъ, какъ рѣчка Чюрик-су (т. е. «вонючая вода») переполнена всевозможными нечистотами: того не удивитъ, что люди, имѣвшіе все это передъ глазами, не мало опасались за Бахчисарай». И въ этомъ, въ гигіеническомъ отношеніи, крайне неблагопріятномъ городкѣ, въ этомъ смѣшеніи народовъ, полномъ противорѣчащихъ вѣрованій, гдѣ мѣры предосторожности, признанныя необходимыми при погребеніи умершихъ отъ холеры, постоянно были встрѣчаемы съ упорнымъ противодѣйствіемъ,—Кеппену пришлось заботиться

о порядкѣ и устройствѣ помощи. Петръ Ивановичъ напечаталъ очень оживленное описаніе этихъ памятныхъ мѣсяцевъ, подъ заглавіемъ: «Baktschissaraj zur Zeit der Cholera», 1830 [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прожитыхъ въ Крыму, Петръ Ивановичъ большую часть времени, свободнаго отъ служебныхъ путешествій, проводилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи Карабагѣ, на южномъ берегу Крыма. Здѣсь посѣщали его многіе извѣстные путешественники и ученые, какъ напр. зоологъ Ратке, ботаникъ Бруннеръ, геологъ и археологъ Дюбуа-де-Монперё; съ послѣднимъ Петръ Ивановичъ очень подружился и велъ переписку до самой его смерти. По порученію графа (впослѣдствіи князя) М. С. Воронцова, Петръ Ивановичъ, въ 1833 году, обозрѣлъ очень внимательно южную часть Крыма, причемъ ему удалось открыть остатки цѣлаго ряда систематически возведенныхъ небольшихъ укрѣпленій, безъ сомнѣнія, византійскаго времени. Это любопытное открытіе дало поводъ къ разработкѣ очень цѣнимаго еще нынѣ «Крымскаго сборника» (Спб., 1837 г.), а также къ составленію превосходной карты южнаго Крыма, съ принадлежащимъ къ ней особымъ указателемъ. На одну изъ отраслей южнорусскаго хозяйства, а именно на винодѣліе, Петръ Ивановичъ обратилъ особенное вниманіе; сочиненіе его «О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи» появилось въ 1832 году.

По приглашенію президента академіи наукъ, графа С. С. Уварова, Петръ Ивановичъ возвратился въ Петербургъ, для принятія на себя редакціи нѣмецкихъ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей», которыя онъ редактировалъ съ іюля 1834 по декабрь 1835 года. Тутъ онъ, для своихъ сотрудниковъ по редакціи, счелъ необходимымъ заняться составленіемъ перваго на нѣмецкомъ языкѣ въ Россіи, и перваго съ азбучнымъ указателемъ адресъ-календаря (Staats-Handbuch Russlands, von Jahre 1835). Въ этой книгѣ, изданной академіею наукъ, впервые были установлены термины присутственныхъ мѣстъ и должностей въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ довольно долгаго перерыва, вызваннаго его пребываніемъ въ Крыму, Петръ Ивановичъ, въ 1835 и 1836 годахъ, возобновилъ усердную переписку съ своими славянскими друзьями въ Прагѣ, Вѣнѣ и Пештѣ, въ особенности же съ Шафарикомъ, который постоянно сообщалъ ему о новостяхъ славянской литературы. Основываясь на этихъ отчетахъ, Петръ Ивановичъ, въ 1836 году, напечаталъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» четыре письма къ редактору этого журнала «О литературѣ словенскихъ народовъ».

Въ январѣ 1837 года Петръ Ивановичъ былъ избранъ адъюнктомъ по части статистики въ Императорскую академію наукъ, членомъ-корреспондентомъ которой онъ состоялъ съ конца 1826 года. Въ мартѣ того же года

---

[1]) Отсюда и переведены помѣщенныя выше въ кавычкахъ строки.

онъ былъ прикомандированъ къ V-му отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и на него была возложена важная задача обревизованія государственныхъ имуществъ въ Таврической губерніи, а равно подробнаго ознакомленія со всей губерніей въ экономическомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Ивановичъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ обревизовать и всѣ находящіяся въ Таврической губерніи колоніи иностранныхъ поселенцевъ. При чрезвычайно сложныхъ отношеніяхъ поземельной собственности и повинностей крымскихъ татаръ, а также въ виду пассивнаго сопротивленія генералъ-губернатора графа Воронцова, который—при всемъ личномъ расположеніи къ Кеппену—былъ недоволенъ даннымъ сему послѣднему порученіемъ, миссія эта оказалась весьма трудною. Большая гуманность, которою отличался Петръ Ивановичъ, не дозволяла ему оставить необнаруженными разныя злоупотребленія, отъ которыхъ приходилось страдать безоружнымъ татарамъ; а добросовѣстность, съ которою онъ взялся за свою задачу, заставила его посвятить почти цѣлый годъ точному разслѣдованію и выясненію сказанныхъ отношеній. При этой работѣ ему усердно помогалъ состоявшій при немъ молодой чиновникъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, впослѣдствіи столь извѣстный организаторъ въ Привислянскихъ губерніяхъ. Въ меннонистскихъ колоніяхъ на р. Молочной Петръ Ивановичъ сблизился съ замѣчательнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ большое вліяніе не только на тамошнихъ нѣмцевъ, но также на сосѣднихъ ногайцевъ и русскихъ; это былъ простой меннонистъ Іоганъ (Иванъ) Корнисъ, къ совѣту котораго, въ дѣлахъ внутренняго управленія, прибѣгалъ нерѣдко самъ графъ Воронцовъ [1]). Означенныя работы поставили Кеппена въ близкія отношенія къ крестьянскому населенію Таврической губерніи, за справедливые интересы котораго ему приходилось и впослѣдствіи неоднократно заступаться. Всеобщее глубокое уваженіе, которымъ Петръ Ивановичъ здѣсь пользовался, выразилось какъ въ благоговѣніи, съ которымъ относились къ нему крымскіе татары, видѣвшіе въ немъ своего отеческаго ходатая, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что меннонисты, переселившіеся впослѣдствіи въ Самарскую губернію, одну изъ первыхъ ими основанныхъ колоній назвали Кеппенталь. Когда, въ томъ же 1837 году, великая княгиня Елена Павловна объѣзжала Крымъ, Петръ Ивановичъ, въ теченіе 6-ти недѣль, состоялъ при ея высочествѣ. Наконецъ, въ томъ же самомъ году знаменитый нашъ поэтъ В. А. Жуковскій провелъ у Кеппена нѣсколько дней въ его усадьбѣ, на южномъ берегу.

[1]) Нѣкоторыя подробности объ этой интересной личности см. у Haxthausen, „Studien über Russland“, Th. II (1847), S. 181—182; а также у Al. Petzholdt, „Reise im westlichen und südlichen europäischen Russland“ (1864), S. 189—198.

Возвратясь въ С.-Петербургъ, Петръ Ивановичъ, оставаясь академикомъ, въ 1838 году, поступилъ въ тогда лишь основанное министерство государственныхъ имуществъ начальникомъ отдѣленія въ III-мъ департаментѣ (что̀ нынѣ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности); а потомъ (въ 1841 г.) онъ былъ назначенъ членомъ какъ ученаго комитета, такъ и центральной коммиссіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ.

Весною 1845 г. Петръ Ивановичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ учрежденіи русскаго географическаго общества, послѣ того какъ, въ теченіе зимы 1844—45 г., въ его квартирѣ нѣсколько разъ собирались преданныя этому дѣлу лица и толковали о географическихъ и статистическихъ вопросахъ. На первыхъ двухъ собраніяхъ, въ которыхъ было окончательно рѣшено учредить означенное общество, участвовали лишь слѣдующія девять лицъ, которыя и должны быть признаны настоящими учредителямя общества: адмиралъ (впослѣдствіи графъ) Ѳ. П. Литке, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ и намѣстникъ Царства Польскаго) Ѳ. Ѳ. Бергъ, контръ-адмиралъ баронъ Ф. П. Врангель, академики К. М. Бэръ, Гр. П. Гельмерсенъ, П. И. Кеппенъ и В. Я. Струве, Вл. Ив. Даль и Пл. Ал. Чихачевъ. По утвержденіи общества, Петръ Ивановичъ былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи статистики, каковую должность онъ занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ принималъ участіе почти во всѣхъ болѣе важныхъ изданіяхъ общества. По порученію послѣдняго, Петръ Ивановичъ составилъ этнографическую карту Европейской Россіи, надъ разработкою которой онъ трудился въ теченіе многихъ лѣтъ. Капитальному труду этому было положено основаніе еще въ 1844-мъ году, когда Петръ Ивановичъ занялся составленіемъ цѣлаго этнографическаго атласа, при чемъ на отдѣльныхъ листахъ частію «Спеціальной карты» (Шуберта), частію «Подробной карты Россіи» отмѣчались разными красками всѣ населенныя мѣста, обитаемыя нерусскимъ населеніемъ [1]). На основаніи такого богатаго и точнаго матеріала, была затѣмъ составлена самая этнографическая карта, на 4-хъ листахъ, въ масштабѣ 75-ти верстъ въ англ. дюймѣ; она вышла въ 1851 году. Императорское русское географическое общество удостоило этотъ важный трудъ двухъ своихъ высшихъ наградъ: Константиновской медали и Жуковской преміи въ 500 р. Въ 1856-мъ году появилось третье изданіе этой карты.

Чувствуя себя давно хворымъ, Петръ Ивановичъ, по настоятельному требованію пользовавшихъ его врачей, въ 1852 году, переселился

---

[1]) Такого атласа существуютъ три экземпляра: въ библіотекѣ Его Величества Государя Императора, въ академіи наукъ и въ русскомъ географическомъ обществѣ.

на цѣлый годъ на южный берегъ Крыма, гдѣ онъ надѣялся на облегченіе своего недуга чахотнаго характера. Не взирая на свое болѣзненное состояніе и на тягости тогдашняго путешествованія по Россіи, Петръ Ивановичъ, на пути въ Крымъ, сдѣлалъ огромный кругъ, желая познакомиться съ Бессарабскою областью. Зиму съ 1858 на 1859 г. онъ снова провелъ въ Крыму Возвратясь на короткое время въ Петербургъ, Петръ Ивановичъ, 29 декабря 1859 г., праздновалъ свой юбилей 50-лѣтней службы; въ данномъ ему торжественномъ обѣдѣ приняли участіе до 100 почитателей ученыхъ заслугъ его: государственные сановники, ученые и литераторы, друзья и сослуживцы его. Здѣсь на этомъ празднествѣ, выразилось со всею очевидностію то глубокое уваженіе, которымъ пользовался юбиляръ въ ученомъ мірѣ. Въ 1860 году Петръ Ивановичъ окончательно переселился въ Крымъ. Здѣсь онъ прожилъ послѣдніе годы въ своемъ любимомъ Карабагѣ, гдѣ и скончался въ ночь на 23-е мая 1864 года. Прахъ его покоится на обрывистомъ берегу моря, въ прекрасной кипарисовой рощѣ, которую онъ самъ насадилъ на древнемъ греческомъ кладбищѣ.

Многократныя путешествія почти по всей Европейской Россіи—отъ Финляндіи до Астрахани и Терека, и отъ Вятки до Бессарабіи—въ высокой степени споспѣшествовали статистическимъ и этнографическимъ занятіямъ Кеппена. Поѣздки эти начались съ 1810 года, когда онъ еще былъ студентомъ Харьковскаго университета. Постоянно онъ отмѣчалъ въ своихъ (до нынѣ сохранившихся) дорожникахъ все то, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія въ археологическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Слѣдя, съ другой стороны, внимательно за повременными изданіями, въ томъ числѣ и за газетами, онъ въ свои собранія матеріаловъ вносилъ все замѣчательное. Такимъ образомъ накопился необыкновенно богатый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разнообразный матеріалъ: статистическій, археологическій, лингвистическій, и пр. Ему самому далеко не удалось разработать эту громадную, собранную въ теченіе 50-ти лѣтъ, коллекцію. Въ послѣдніе годы своей жизни Петръ Ивановичъ приводилъ въ порядокъ свою обширную научную переписку и неразработанный матеріалъ. Большую часть этого послѣдняго онъ завѣщалъ академіи наукъ, которая хранитъ его въ русскомъ отдѣленіи своей библіотеки. По волѣ завѣщателя, пользованіе этимъ матеріаломъ доступно каждому.

Научная и литературная дѣятельность Кеппена отличалась большою плодовитостью и многосторонностью; она обнимала собою предметы разныхъ отраслей знанія, въ особенности же—географіи, статистики, этнографіи, археологіи и библіографіи; иногда изслѣдованія его касались и другихъ областей науки, какъ напр. естествознанія, сельскаго и лѣснаго хозяйства. При всемъ разнообразіи его научныхъ занятій, его много-

численные труды связывались одною общею и главною чертою: почти всѣ они касались изслѣдованія горячо любимаго имъ отечества. Какъ Петръ Ивановичъ самъ выразился на вышеупомянутомъ обѣдѣ, «вся жизнь его была посвящена Россіи». И дѣйствительно, отъ всей души преданный своей родинѣ, онъ былъ истинный патріотъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ искренно радовался всѣмъ успѣхамъ Россіи,— будь это въ политическомъ, экономическомъ, научномъ, или въ какомъ-либо другомъ отношеніи. Такъ же искренно онъ сокрушался неудачами или вредными на развитіе своей отчизны явленіями. Такъ, напр., намъ хорошо помнится, какъ Петръ Ивановичъ, будучи самъ уроженцемъ Малороссіи, огорчался при одной мысли о возможности сепаратистическихъ въ ней движеній, о которыхъ шла молва въ 50-хъ годахъ.

Петръ Ивановичъ отличался весьма скромнымъ и гуманнымъ характеромъ. Онъ былъ ласковъ со всѣми и всегда былъ готовъ помочь словомъ и дѣломъ. Это испытали напр. многіе молодые ученые, обращавшіеся къ нему за совѣтомъ. Постоянно онъ стремился быть точнымъ исполнителемъ лежащихъ на немъ нравственныхъ и должностныхъ обязанностей. При всей серьезности научнаго дѣятеля, Петръ Ивановичъ былъ доступенъ для веселости и шутокъ. Онъ очень любилъ музыку и, въ особенности, пѣніе; самъ же садился за фортепіано бо̀льшею частію лишь тогда, когда на него находили какія-либо грустныя думы. Въ обществѣ онъ былъ умный, живой и весьма свѣдущій собесѣдникъ.

Какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, Петръ Ивановичъ служилъ одной правдѣ; ложь онъ всюду ненавидѣлъ. Эта правдивость, составлявшая выдающуюся черту его благороднаго характера, неоднократно навлекала на него неудовольствіе и гоненія. Какъ статистикъ, онъ заботился о возможной точности и вѣрности сообщаемыхъ числовыхъ данныхъ и выводимыхъ изъ нихъ заключеній. Но это нерѣдко не нравилось высшему начальству, желавшему прикрасить дѣятельность подвѣдомственныхъ ему учрежденій и признававшему вредными правдивыя показанія Кеппена. Такъ напр. Петръ Ивановичъ подвергся выговору отъ высшаго начальства за напечатанное имъ въ 1841 году изслѣдованіе «О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи», хотя это изслѣдованіе переполнено почти однѣми только цифрами и не заключаетъ въ себѣ никакихъ якобы вредныхъ разсужденій; между прочимъ ему былъ сдѣланъ горькій упрекъ за то, что онъ осмѣлился выразить мысль о возможности уничтоженія крѣпостнаго права: ровно двадцать лѣтъ спустя послѣдовало освобожденіе крестьянъ! Другое, весьма важное сочиненіе Кеппена «О народныхъ переписяхъ въ Россіи», которое было представлено академіи наукъ въ декабрѣ 1848 года, имѣло еще болѣе тяжкую участь, такъ какъ напечатаніе его было воспрещено; и лишь сорокъ лѣтъ спустя, т. е. въ 1889 году, оно появилось на страницахъ «Записокъ русскаго

географическаго общества», по отдѣленію статистики (т. VI, стр. 1—94). Вотъ, какъ разсказана въ предисловіи къ этому тому исторія означеннаго запрещенія: «Постоянно заботясь объ усовершенствованіи ревизій, П. И. Кеппенъ обратилъ вниманіе академіи наукъ на тѣ выгоды, которыя могли бы произойти отъ ея ходатайства объ учащеніи народныхъ переписей въ Россіи, а равно о собираніи при переписяхъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній, имѣющихъ существенное значеніе какъ для науки, такъ и для государственныхъ мѣропріятій. Академія постановила просить П. И. Кеппена обстоятельно изложить его мысли по затронутому вопросу, и результатомъ этого порученія явился трудъ о переписяхъ въ Россіи. Историко-филологическое отдѣленіе академіи опредѣлило сообщить разсужденіе П. И. Кеппена министру финансовъ и, если не встрѣтится препятствій, приступить къ его напечатанію. Но при тогдашнихъ взглядахъ относительно предметовъ, подлежащихъ обсужденію печати, высказанныхъ П. И. Кеппеномъ критическихъ замѣчаній о многихъ научныхъ несовершенствахъ ревизій было совершенно достаточно, чтобы воспрепятствовать опубликованію его изслѣдованія. Министръ финансовъ Ѳ. П. Вронченко увѣдомилъ президента академіи наукъ графа С. С. Уварова: «что при всемъ уваженіи къ обширному труду и обилію собранныхъ въ сообщенной рукописи интересныхъ для науки свѣдѣній и матеріаловъ, онъ не можетъ согласиться на напечатаніе этого сочиненія, потому что оно, кромѣ нѣкоторыхъ рѣзкихъ отзывовъ на счетъ распоряженій, вовсе не подлежащихъ обсужденію публики, совершенно противно какъ цѣли, такъ и основаніямъ, на какихъ правительствомъ производятся у насъ народныя переписи». Вторая попытка напечатать сочиненіе П. И. Кеппена, сдѣланная въ 1857 г. бывшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшинымъ, который желалъ помѣстить эту статью въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ», также не увѣнчалась успѣхомъ и по тѣмъ же причинамъ. Такъ П. И. Кеппену и не удалось видѣть свой трудъ въ печати» [1]).

Не считаемъ возможнымъ перечислить здѣсь всѣ многочисленныя книги и статьи, напечатанныя Кеппеномъ. Существуютъ, впрочемъ, два списка его научныхъ трудовъ: одинъ составленъ имъ самимъ, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, и приложенъ къ вышеупомянутому описанію его юбилея; другой, систематическій списокъ, соста-

[1]) Въ очень недавно напечатанномъ докладѣ о сочиненіи проф. Янсона „Теорія статистики“, К. С. Веселовскій съ большою похвалою отзывается объ изслѣдованіи Кеппена о народныхъ переписяхъ, которое „заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и, несмотря на то, что оно было написано болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, нисколько не потеряло и до сего времени своего безспорно важнаго значенія“. Тутъ же сообщены нѣкоторыя подробности о возникновеніи и запрещеніи этого сочиненія.

*

вленный академикомъ А. А. Куникомъ, помѣщенъ въ «Запискахъ Императорской академіи наукъ», 1868 г., т. XII, стр. 107—142, подъ заглавіемъ «Литературные труды П. И. Кеппена». А потому мы можемъ ограничиться указаніемъ на болѣе важныя сочиненія и вообще на его научную дѣятельность.

Въ молодости своей Петръ Ивановичъ занимался преимущественно археологіею, библіографіею и исторіею просвѣщенія въ Россіи. По археологіи, изъ перваго періода литературной дѣятельности его, особенно важны: 1) «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи». (Москва, 1822); 2) «Alterthümer am Nordgestade des Pontus». (Wien. 1823); 3) «Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи». (Спб. 1827). Позже, а именно съ 1836 по 1843 г., вышло нѣсколько статей о курганахъ и городищахъ; а въ 1837 г. вышеупомянутый «Крымскій Сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ».—По библіографіи и исторіи просвѣщенія важнѣйшимъ трудомъ Кеппена являются его «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», въ трехъ томахъ; первый томъ содержитъ обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи россійской словесности. (Спб., 1819. 8°); второй томъ составляютъ выше упомянутые «Библіографическіе листы», издававшіеся въ 1825 и 1826 гг. (Спб., 4°); третій томъ смѣшаннаго содержанія (Спб., 1827. 4°); изъ помѣщенныхъ въ немъ статей назовемъ: 1) «Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія» и 2) «О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ».

Сочиненіе Кеппена «О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи». (Спб. 1832 г.) составляетъ переходъ къ новой отрасли его ученой дѣятельности, а именно къ статистикѣ, по которой онъ впослѣдствіи, т. е. по назначеніи членомъ Императорской академіи наукъ, напечаталъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ, въ томъ числѣ: 1) «Ueber der Kornbedarf Russlands» (1839) и русское извлеченіе: «О потребленіи хлѣба въ Россіи»; 2) О мочальномъ промыслѣ (Спб., 1841 г.). Но его важнѣйшіе статистическіе труды касаются выясненія числительнаго состава народонаселенія Россіи. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: 1) «Russlands Gesammtbevölkerung im Jahre 1838». (St.-Petersburg, 1843. 4°); 2) «Ueber die Dichtigkeit der Revölkerung in der Provinzen des Europäischen Russlands», (1845); 3) «Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen, in der verschiedenen Provinzen» (Здѣсь впервые появились свѣдѣнія о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи); 4) «Девятая ревизія. Изслѣдованіе о числѣ жителей въ Россіи въ 1851 году». (Спб., 1857. 4°); 5) «О народныхъ переписяхъ въ Россіи». (Спб., 1889 г.); объ этомъ посмертномъ изданіи Кеппена выше было говорено подробно. Наконецъ, къ круп-

нымъ статистическимъ трудамъ его принадлежитъ его «Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850» (St.-Petersburg, 1852).—Не можемъ отказать себѣ въ приведеніи нѣсколькихъ словъ, которыми К. С. Веселовскій, на юбилеѣ П. И. Кеппена, оцѣнилъ его дѣятельность по статистикѣ: «Труды Петра Ивановича, по своей основательности и точности, могутъ служить и дѣйствительно служили и самому правительству вѣрною опорою въ его соображеніяхъ. Заслуга эта тѣмъ важнѣе, что здѣсь Петру Ивановичу приходилось прокладывать первый путь на поприщѣ новомъ и еще мало извѣданномъ... Неизмѣнное трудолюбіе Петра Ивановича, настойчивость въ преслѣдованіи полезныхъ цѣлей, осмотрительность въ изысканіяхъ да послужатъ всегдашнимъ образцомъ для подражанія будущимъ воздѣлывателямъ статистики Россіи».

Въ виду важности имѣть полный списокъ заселенныхъ въ Россіи мѣстъ, Петръ Ивановичъ еще въ двадцатыхъ годахъ обращалъ на это вниманіе правительства, но тогдашнее его ходатайство осталось безъ послѣдствій. Только о посадахъ и мѣстечкахъ ему удалось, въ сороковыхъ годахъ, собрать свѣдѣнія, частію при поѣздкахъ своихъ по Россіи, частію же по сношеніямъ Императорской академіи наукъ съ начальниками губерній. Эти свѣдѣнія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были положены въ основаніе при составленіи сколько можно полнаго списка городскимъ поселеніямъ въ Россіи. Наконецъ, графъ Д. Н. Блудовъ, по поступленіи въ президенты академіи наукъ, вслѣдствіе представленія Кеппена, вошелъ въ сношеніе какъ съ святѣйшимъ синодомъ, такъ и съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о доставленіи въ академію изъ каждаго церковнаго прихода полнаго списка обитаемыхъ мѣстъ, съ показаніемъ въ этомъ спискѣ оффиціальныхъ и въ простонарѣчіи употребляемыхъ названій селеній, а также водъ, при которыхъ они находятся, и числа прихожанъ обоего пола каждаго народа и состоянія отдѣльно. Съ начала 1857 года стали поступать въ академію просимые приходскіе списки, и первая духовная консисторія, ихъ доставившая, была Тульская. Полученные отъ нея списки были приведены Кеппеномъ въ азбучный порядокъ по уѣздамъ и снабжены общимъ азбучнымъ указателемъ селеній всей Тульской губерніи. Такимъ образомъ, составилось сочиненіе, изданное, въ видѣ опыта, Императорскою академіею наукъ, подъ наблюденіемъ П. И. Кеппена: «Города и селенія Тульской губерніи въ 1857 году» (Спб., 1858). Въ предисловіи Петръ Ивановичъ указалъ на важность такихъ списковъ селеній не только для администраціи, но также для гидрографіи, этнографіи и статистики Россіи. Изданіе это, инціатива и планъ котораго принадлежатъ всецѣло Петру Ивановичу, послужило образцомъ для «Списковъ населенныхъ мѣстъ

Россійской имперіи», начавшихъ издаваться вскорѣ послѣ того центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Примѣръ этотъ, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ справедливость вышеприведеннаго замѣчанія К. С. Веселовскаго.

Однако не только числительныя отношенія народонаселенія Россіи являются предметомъ точныхъ изслѣдованій Кеппена, но также и этнографическій его составъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Петръ Ивановичъ былъ не менѣе дѣятеленъ и напечаталъ цѣлый рядъ небольшихъ монографій, изъ которыхъ мы назовемъ лишь слѣдующія: 1) «Finnland in ethnographischer Beziehung»; съ картою (1846); 2) «Die Deutschen im St.-Petersburgischen Gouvernement» (1850); въ русскомъ переводѣ, въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1850 г., ч. XXXII; 3) «Водь и Вотская пятина», въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1851 г., май и іюнь; 4) «Der Litthauische Volksstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts» (1851); 5) «Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements» (1850). Объяснительный текстъ къ этой картѣ (съ предисловіемъ А. А. Куника) вышелъ послѣ смерти Кеппена, въ 1867 году. Но важнѣйшимъ трудомъ по этой спеціальности была изданная русскимъ географическимъ обществомъ, въ 1851 году, «Этнографическая карта Европейской Россіи». О томъ, какъ для этой карты собирались матеріалы и какъ она составлялась, сказано выше нѣсколько словъ. Подробныя свѣдѣнія по сему предмету можно найти въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ Кеппеномъ: 1) «Объ этнографической картѣ Европейской Россіи». (Спб., 1852); и 2) «О третьемъ изданіи этнографической карты Европейской Россіи» (1856). Въ 1854 г. R. G. Latham, въ Лондонѣ, издалъ эту карту въ маломъ масштабѣ, при извѣстной книгѣ: «The native Races of the Russian Empire».—Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести составленный подъ руководствомъ П. И. Кеппена и снабженный его предисловіемъ «Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи» (Спб., 1861 г.). Въ этой книгѣ (заключающей въ себѣ 500 страницъ) собраны и хронологически размѣщены свѣдѣнія объ инородцахъ, разсѣянныя въ лѣтописяхъ, въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ разныхъ актахъ, въ полномъ собраніи законовъ (по 1860 годъ) и въ другихъ источникахъ.

Въ 1856 году Императорское русское географическое общество рѣшилось предпринять изданіе «Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи» и возложило обсужденіе способа исполненія своего предпріятія на особую коммиссію, въ трудахъ которой принималъ дѣятельное участіе и Петръ Ивановичъ. Коммиссія остановилась на томъ, что составленію словаря должно предшествовать изготовленіе полнаго алфавита всѣхъ предметовъ, имѣющихъ войти въ изданіе, и трудъ этотъ возложенъ

былъ на П. И. Keппена, который, несмотря на свои преклонныя лѣта, изъявилъ полную готовность принять на себя эту обширную и копотливую работу. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1857 по 1860 г., означенный алфавитъ былъ оконченъ имъ, при помощи А. А. Штакельберга. Азбучный списокъ предметовъ, долженствовавшихъ войти въ словарь, состоялъ изъ 16.000 карточекъ. Какъ значится въ предисловіи къ изданному, въ 1863 году, первому тому словаря, «главное достоинство алфавита заключалось въ томъ, что на карточки были нанесены библіографическія указанія, для составленія которыхъ просмотрѣна большая часть періодическихъ изданій, заключающихъ въ себѣ много географическихъ и статистическихъ данныхъ (какъ напр. губернскихъ вѣдомостей и т. д.). Сверхъ того, на тѣхъ же карточкахъ сдѣланы были извлеченія изъ весьма важнаго необнародованнаго источника, а именно приходскихъ списковъ Россійской имперіи». На юбилейномъ обѣдѣ Кеппена, вице-предсѣдатель географическаго общества графъ Ѳ. П. Литке удостовѣрилъ, что изданіе означеннаго словаря оказалось бы совершенно невозможнымъ безъ того огромнаго запаса матеріаловъ, которымъ обладалъ Петръ Ивановичъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ надежду, «что этотъ трудъ будетъ довершенъ тою же опытною рукою, которая положила первое для него начало». Однако же разстроенное здоровье Петра Ивановича вынудило его переселиться въ Крымъ и лишило его возможности принять участіе въ составленіи самаго словаря, которое было возложено на П. П. Семенова.

Изъ трудовъ географическаго содержанія слѣдуетъ назвать: 1) «Главные озера и лиманы Россійской имперіи», въ «Вѣстникѣ Императорскаго русск. геогр. общества», 1859 г., т. XXVII.—2) «Ueber den Wald-und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga. Ein Bericht an die Commission zur Untersuchung der Frage über den Einfluss der Verminderung der Wälder auf die Verminderung des Wassers in der obern Wolga», съ предисловіемъ академика К. М. Бэра. Въ Baer u. Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. IV, 1841, съ картою. Отчетъ этотъ заключаетъ въ себѣ многочисленныя и точныя данныя для отвѣта на вопросъ о вліяніи уменьшенія лѣсовъ на количество сосѣднихъ съ ними водъ.—3) «Ueber einige Landes-Verhältnisse der Gegend zwischen dem Untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere»; въ Baer u. Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. XI, 1845, съ табл. рис. Въ статьѣ этой находятся, между прочимъ, точныя свѣдѣнія о глубинѣ колодцевъ въ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ Таврической губерніи. 4) «Объ алешковскихъ летучихъ пескахъ», въ «Лѣсномъ журналѣ», 1841 г., ч. I. 5) «Ueber die Temperatur von 130 Quellen der Taurischen Halbinsel», въ мемуарахъ академіи, «Sciences mathématiques» etc., t. II, p. 383—421.

Еще въ новѣйшее время г. Листовъ подтвердилъ, что «опредѣленія температуры ключей, сдѣланныя Кеппеномъ, отличаются замѣчательною точностью» (См. «Извѣстія Импер. русск. геогр. общ.», т. XXVIII, 1892 г., на стр. 194). 6) «Wege und Pfade des Taurischen Gebirges», въ «Mémoires de l'Acad. Sc. mathém». etc., t. II, p. 359—382 [1]). Будучи пламеннымъ патріотомъ, Петръ Ивановичъ, во время Крымской войны, былъ въ высшей степени огорченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что французскій подданный Шницлеръ, извѣстный авторъ четырехтомнаго сочиненія «L'Empire des Tsars», воспользовался послѣдне-названною статьею его, для представленія французскому военному министру мемуара, подъ заглавіемъ: «La Crimée méridionale et ses lignes de communication au milieu des montagnes». Мемуаръ этотъ отпечатанъ въ книгѣ Шницлера: «Description de la Crimée». (Paris & et Strasbourg, 1855).

Большинство только-что названныхъ трудовъ принадлежитъ къ области физической географіи, тѣсно примыкающей къ естественной исторіи. Многообъемлющіе научные интересы Кеппена коснулись и этой послѣдней,—хотя и въ немногихъ лишь трудахъ, изъ которыхъ мы назовемъ слѣдующіе: 1) «О наблюденіи періодическихъ явленій природы», въ «Журналѣ минист. госуд. имуществъ», 1845 г., сентябрь, стр. 252—262. Здѣсь, между прочимъ, сообщены собственныя наблюденія, произведенныя въ 1831—1833 гг. на южномъ берегу Крыма. Петръ Ивановичъ, уже въ 1838 году, докладывалъ объ этомъ академіи наукъ и настаивалъ на томъ, чтобы она составила инструкцію для производства такихъ наблюденій, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на надежныхъ лицъ, которымъ эта инструкція могла быть сообщена для руководства при производствѣ наблюденій. Во всякомъ случаѣ, замѣчательна ранняя пора такого предложенія, тѣмъ болѣе, что иниціатива исходила со стороны не-спеціалиста. Помимо Финляндіи, гдѣ фэнологическія наблюденія начались уже въ 1750 году, въ остальной Россіи, да и въ бо̀льшей части Европы, въ то время, едва-ли кто-либо заявлялъ о систематическомъ производствѣ подобныхъ наблюденій; лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ предложенія Кеппена, а именно въ 1842 г., появилась знаменитая инструкція Ад. Кетлѐ (Queteled): «Instruction pour l'observation des phénomènes périodiques», и только послѣ этого фэнологическія наблюденія получили право гражданства въ наукѣ. 2) «Ueber Pflanzen-Acclimatisirung in Russland». (1856). 3) «О вредныхъ насѣкомыхъ». Издано ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ (Спб., 1845. 8°). Книга эта, вышедшая безъ имени автора и не зна-

[1]) Послѣднія двѣ статьи вмѣстѣ появились также отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ „Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung“ („Крымскій сборникъ“). St.-Petersburg, 1840. 4°.

чащаяся въ вышеприведенныхъ спискахъ сочиненій П. И. Кеппена, была составлена имъ по порученію тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, графа Киселева. Кромѣ введенія по энтомологіи вообще, здѣсь разсматриваются вредныя чешуекрылыя (бабочки), премущественно по извѣстному сочиненію Ратцебурга, съ присовокупленіемъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Россіи [1]).

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые другіе труды Кеппена, не подходящіе подъ намѣченные нами отдѣлы, упомянемъ еще о томъ, что Петръ Ивановичъ, по должности академика, составилъ большое количество разборовъ сочиненій, представленныхъ академіи наукъ на конкурсъ, съ цѣлію полученія Демидовской преміи или другихъ наградъ. Нѣкоторые изъ этихъ разборовъ представляютъ немалый научный интересъ; такъ напр. разборъ сочиненія г. Ободовскаго: «Теорія статистики, въ настоящемъ состояніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи статистики». (Особые оттиски этого разбора изданы подъ заглавіемъ: «О сущности статистики». Спб., 1840); точно также: «Bericht über H-rn. Gorlow's Schrift unter dem Titel: «Обозрѣніе экономической статистики Россіи» и др.

Занимаясь чтеніемъ русскихъ книгъ, Петръ Ивановичъ обращалъ вниманіе не только на излагаемый въ нихъ предметъ, но и на языкъ, которымъ онѣ были написаны; при чемъ онъ, на особыхъ карточкахъ, отмѣчалъ каждое слово, ему новое или употребленное въ необычномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, накопилось огромное собраніе такихъ словъ, простиравшееся до 20.000, въ 1846 г., когда пріобрѣло это собраніе II-ое отдѣленіе Императорской академіи наукъ, которое въ то время было занято составленіемъ Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка. Въ 1847 г. Петръ Ивановичъ принесъ въ даръ отдѣленію еще 1.340 подобныхъ карточекъ. Вообще, Кеппенъ живо интересовался не только великороссійскимъ языкомъ, но также нарѣчіями бѣлорусскимъ и малороссійскимъ. Собраніе образцовъ послѣднихъ двухъ нарѣчій, по завѣщанію его, передано, послѣ смерти его, въ академію наукъ, въ которой оно хранится въ трехъ томахъ in-folio. Какъ составилась эта коллекція, сообщено въ письмѣ Кеппена отъ 17 февраля 1861 года, въ Bulletin de l'Académie, t. III, столб. 506—511, подъ заглавіемъ: «Ueber die von P. Köppen gesammelten russischen Sprachproben». Остальные рукописные лингвистическіе матеріалы, завѣщанные Петромъ Ивановичемъ академіи, относятся къ слѣдующимъ предметамъ: 1) объ именахъ (личныхъ и собственныхъ); 2) о названіяхъ рѣкъ; 3) переходъ буквъ.

---

[1]) Второй томъ этого сочиненія, составленный В. С. Семеновымъ и заключающій въ себѣ вредныхъ жуковъ, вышелъ въ 1851 году.

Всѣ рукописи, завѣщанныя П. И. Кеппеномъ академіи наукъ и хранящіяся въ русскомъ отдѣленіи ея библіотеки, перечислены А. А. Куникомъ, въ выше-приведенной статьѣ его о литературныхъ трудахъ Кеппена. Онѣ подведены здѣсь подъ четыре отдѣла: 1) древности; 2) лингвистическіе матеріалы (о которыхъ было только-что говорено); 3) географія, статистика и этнографія, и 4) смѣсь,—въ томъ числѣ библіографія 1826 года и собраніе писемъ литературнаго содержанія, полученныхъ Кеппеномъ отъ разныхъ лицъ.

Въ сообщенномъ нами длинномъ, хотя и далеко не полномъ, перечнѣ научныхъ трудовъ Кеппена бросается въ глаза необычайная ихъ разносторонность. Но при всемъ своемъ разнообразіи, труды его вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются своею основательностью, какъ о томъ засвидѣтельствовали многіе компетентные судьи: та же точность замѣчается въ изготовленіи снимковъ съ древнихъ памятниковъ, въ измѣреніи температуръ, или въ сообщеніи цѣлыхъ массъ статистическихъ цифръ!

Заканчиваемъ краткій біографическій очеркъ П. И. Кеппена пожеланіемъ, дабы вскорѣ появилось болѣе обстоятельное жизнеописаніе этого замѣчательнаго какъ научнаго, такъ и общественнаго дѣятеля.

Ѳ. П. Кеппенъ.

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

XVIII [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1826 года, я простился съ генераломъ Харитоновымъ и съ моими начальниками-друзьями Александромъ Андреевичемъ Унгебауеромъ и Иваномъ Никитичемъ Таракановымъ и отправился погостить, какъ далъ слово моему сотерпѣливцу Михаилу Андреевичу Габбе, который квартировалъ съ полковымъ штабомъ въ селеніи князя Сангушки Бѣлогородкѣ. Съ мѣсяцъ прогостилъ я у Михаила Андреевича и, простившись съ Петромъ Андреевичемъ, братомъ его, въ маѣ отправился въ Кіевъ, откуда путь мнѣ предстоялъ чрезъ Курскъ, Тамбовъ, Пензу, Симбирскъ, а изъ Симбирска прямой дорогой чрезъ Милинскій заводъ въ Уфу.

Разскажу случайную встрѣчу мою съ молодымъ княземъ Сангушкой, который впослѣдствіи, во время революціи въ Царствѣ Польскомъ, былъ арестованъ, судимъ, сосланъ прежде, кажется, въ Сибирь, а потомъ солдатомъ служилъ на Кавказѣ, откуда, наконецъ, былъ уволенъ на житье въ свое имѣніе. Михаилъ Андреевичъ въ одно утро пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и его братомъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXVI, октябрь, стр. 45—80 ноябрь, стр. 294—314; изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль стр. 405 – 447, мартъ, стр. 579—615.

на какую-то сельскую ярмарку въ разстояніи 20 верстъ отъ его штабъ-квартиры. Мы сѣли втроемъ въ коляску и, проѣхавъ верстъ 10, миновали большой каменный помѣщичій домъ, когда оба брата, мои спутники, дремали. На мельничной плотинѣ Михаилъ Андреевичъ открылъ глаза и обратился къ брату съ предложеніемъ вернуться и повидаться съ княземъ Сангушкой. Рѣшили воротиться и перебросить слова два, три съ милымъ польскимъ вельможей. У крыльца дома стояла щегольская коляска четверкой превосходныхъ лошадей, и мы уже отъ князя узнали, что у него не гость собирается въ путь, а самъ онъ къ своему пріятелю графу Эстергазе, верстъ за 50, на пиръ. Когда мы вошли изъ нижняго этажа дома въ длинный залъ, при докладѣ камердинера: «полковникъ Габбе» князь лежалъ во весь свой ростъ на диванномъ столѣ, который окружало съ десятокъ экономовъ. Князь вскочилъ со стола, обрадовался свиданію съ обоими Габбе и привѣтствовалъ меня на французскомъ языкѣ, какъ товарища моихъ спутниковъ. Посердившись на случай, который заставляетъ его оставить насъ, Сангушко упросилъ Михаила Андреевича позавтракать, а при возвращеніи съ ярмарки пообѣдать на его, какъ онъ выразился, бивакѣ. Завтракъ былъ поданъ, остроты, смѣхъ были приправой къ блюдамъ, которыя Сангушкѣ казались гадкими, а для насъ, голодныхъ, превосходными. И всѣ остроты, вся иногда дѣльная, а больше свѣтская болтовня для меня были непонятны; остряки и собесѣдники говорили по-французски. Сангушко раза два относился ко мнѣ съ какими-то любезностями, но изъ моего молчанія заключилъ, что я не хочу принимать участія въ ихъ веселости, а братья Габбе не объяснили князю, что я не разумѣю французскаго языка.

Впослѣдствіи Петръ Андреевичъ, вспоминая прошлое, говорилъ мнѣ, что Сангушко, при свиданіи съ нимъ, по отъѣздѣ моемъ изъ Бѣлогородки, замѣтилъ, что я долженъ быть очень серьёзный человѣкъ и что вѣроятно я смотрѣлъ на него, какъ на пустоголоваго. Что отвѣчалъ Петръ Андреевичъ на это замѣчаніе князя, я не любопытствовалъ узнать.

Полковникъ Габбе просилъ князя, чтобы онъ, по возвращеніи нашемъ съ ярмарки, допустилъ насъ осмотрѣть верхъ его палаца,

гдѣ рѣдкія картины были предметомъ его любопытства, и тѣ древности, которыя въ домѣ князей Сангушко были наслѣдственными. Сангушко на это желаніе обратился на польскомъ языкѣ къ своему управляющему изъ дворянъ. — «Полковникъ желаетъ осмотрѣть у насъ то, что нестоитъ осмотра» и продолжалъ, обратясь къ братьямъ Габбе, также на польскомъ языкѣ: «Здѣсь у насъ все такая дрянь, на которую я прошу васъ не смотрѣть, но если вы хотите ко мнѣ быть добрымъ, посѣтите меня въ Славутѣ, гдѣ жилъ мой отецъ, который теперь за границей, тамъ есть кой-что, на что вы можете обратить ваше вниманіе». На возвратномъ пути мы отобѣдали у управляющаго и верхняго этажа не осматривали; становилось уже темно, а безъ освѣщенія мы не могли бы видѣть для насъ рѣдкости, а для князя Сангушки — дряни. Мнѣ говорили поляки, что этому, случайно мной видѣнному молодому, умному, бойкому, благородному князю отецъ назначилъ въ наслѣдство русское имѣніе, гдѣ было 60 т. душъ крестьянъ, а другому сыну—такую же часть въ Галиціи, куда старикъ переѣхалъ изъ любимаго имъ царски-великолѣпнаго Славута на житье до гроба.

Въ Кіевъ я пріѣхалъ 8-го мая и выѣхалъ изъ святаго мѣста 12-го. Три дня посвящены были мной на осмотръ тѣхъ древностей, которыя памятны мнѣ были по исторіи или указывались мѣстными жителями.

Оставляя Кіевъ, я вникъ въ смыслъ и пользу правила каждой вѣры: молись, вѣруй и не разсуждай.

Въ Кіевѣ я нанялъ извощика и до Пензы ѣхалъ на долгихъ. Въ пути на ночлегахъ, на дневныхъ кормежкахъ, насмотрѣлся я, проѣзжая чрезъ Полтавскую губернію въ Курскъ, на лѣность хохловъ, бойкость и безстыдство въ запросахъ за кормъ лошадей и пищу путниковъ. Въ Курскѣ и Тамбовѣ я не останавливался, а ямщикъ мой, котораго разсчету я подчинялся, кормилъ свою тройку за этими городами.

Наконецъ чрезъ 20 дней пути пріѣхалъ я въ Пензу и остановился въ квартирѣ полковаго командира Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка Александра Андреевича Габбе, къ которому имѣлъ письма отъ братьевъ его, Михаила и Петра Андреевичей. И всѣ они въ гробу, а я, дорожившій ихъ дружбой, еще живу.

Александръ Андреевичъ съ полкомъ находился въ Москвѣ, и я, отдохнувъ сутки, отправился на перекладныхъ одинъ въ Уфу.

Сердце мое облилось кровью, когда я вошелъ въ ветхій домъ моего отца и увидалъ маленькій флигель, гдѣ помѣщалась мать моя съ двумя своими дочерьми. Вездѣ была видна нужда, и эту нужду переносилъ отецъ мой съ тѣмъ спокойствіемъ, которое было основано на истинно честной его службѣ царю и обществу.

Небольшую деревеньку моего отца я взялъ въ свое управленіе. Два года съ половиной работалъ съ утра и до ночи съ крестьянами, но, какъ не разъ замѣчалъ мнѣ родной мой дядя Иванъ Михайловичъ Аничковъ, довольно зажиточный помѣщикъ и нашъ односелецъ, что при всей моей неутомимости изъ ничего не сдѣлаешь ничего (ex nihilo nihil fit).

Доходъ съ 30 десят. въ каждомъ полѣ и при самомъ хорошемъ урожаѣ и своевременной уборкѣ съ поля не могъ обезпечивать семейство изъ 5 лицъ.

Отцу моему за нѣсколько лѣтъ до моей отставки досталось въ наслѣдство по матери его, а моей бабкѣ, урожденной изъ рода Ярцовыхъ, въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи 20 душъ съ 220 дес. земли. Наслѣдство послѣ Ярцова должно было раздѣлить въ земляныхъ угодьяхъ между двоюродной сестрой отца моего Жедринской и роднымъ братомъ его Мемономъ Григорьевичемъ. Г-жа Жедринская получила по правамъ наслѣдства 20 душъ, а другія 20 достались отцу моему, при покупкѣ 10 душъ отъ его брата. Осенью въ 1827 году я отправился на своихъ лошадяхъ для раздѣла къ однимъ мѣстамъ земли. По данному мнѣ маршруту пріѣхалъ я съ неограниченной довѣренностію въ с. Кольцовку, гдѣ слѣдовало выдѣлить намъ 80 десятинъ для 20 душъ.

Разскажу здѣсь важный въ моей всей послѣдующей жизни случай, отъ котораго изъ мелкаго помѣщика сдѣлался я управляющимъ огромными имѣніями гг. Нарышкиныхъ. Петръ Андреевичъ Габбе, по отъѣздѣ моемъ изъ мѣстечка Бѣлогородки, гдѣ я, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, гостилъ у его брата, Михаила Андреевича, отправился въ г. Одессу, гдѣ дружески расположенный къ нему Левъ Александровичъ Нарышкинъ обзавелся великолѣпнымъ домомъ и поселился тамъ на жительство. Благородный генералъ,

послѣ совѣщаній о будущей жизни своего сослуживца, предложилъ ему въ управленіе все свое имѣніе въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ въ числѣ 12 тысячъ душъ со 150 тысячами десятинъ земли.

На замѣчаніе Петра Андреевича, что онъ понятія не имѣетъ о сельскомъ хозяйствѣ, ни объ оброкахъ, ни о конторской отчетности и, наконецъ, ни о самыхъ нравахъ простолюдина, генералъ отвѣчалъ: «по назначенію моего брата Кирилла Александровича теперь управляетъ обѣими нашими частями какой-то тупоумный лежебокъ Сухаревъ, а двумя тысячами душъ въ Саратовской губерніи, выдѣленными мнѣ покойнымъ моимъ отцомъ, завѣдуетъ бывшій мой камердинеръ Иванъ Гусятниковъ, котораго, когда вы увидите, то удивитесь моему выбору, но въ оправданіе этого выбора скажу только то, что дуракъ по крайней мѣрѣ честенъ, а честность на руку—у насъ на всѣхъ ступеняхъ нашей администраціи очень рѣдка. Итакъ, съ вашимъ умомъ, съ вашими благородными свойствами, вы скоро изучите то, что кажется вамъ теперь непонятнымъ, и вы, какъ другъ мой и сослуживецъ, окажете мнѣ истинное благодѣяніе, принявъ все мое имѣніе въ управленіе со всѣми правами, какими я, какъ владѣлецъ, по законамъ пользуюсь».

Петръ Андреевичъ подалъ руку благородному генералу и съ неограниченной довѣренностію пріѣхалъ въ село Березовку Саратовской губерніи, гдѣ и водворился въ небольшомъ домикѣ съ своей значительной библіотекой, которая состояла изъ французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ, англійскихъ, русскихъ и польскихъ книгъ. По пріѣздѣ въ село Березовку, Петръ Андреевичъ извѣстилъ меня письмомъ о своемъ управительствѣ и звалъ меня навѣстить его, когда поѣду въ свои симбирскія вотчины.

Еще и то надобно сказать, что, при встрѣчахъ моихъ съ уфимскими юристами, они совѣтывали мнѣ развѣдать о продажѣ 400 душъ съ большимъ количествомъ земли покойнымъ Ярцовымъ какому-то смѣлому и находчивому покупщику, котораго прозванія не упомню. Ярцовъ, очень богатый помѣщикъ, родной дядя моей бабки, былъ горькій пьяница. Къ старому холостяку, у котораго была изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ подруга, собирались разнаго рода гуляки, и онъ въ одинъ изъ такихъ разгульныхъ дней под-

писалъ пьяный на продажу 400 душъ со всей при селѣ, въ которомъ онъ жилъ, землей. На другой или третій день послѣ перепоя Ярцовъ померъ, и покупщикъ вошелъ во владѣніе имѣніемъ, которое было имъ куплено, какъ говорила молва, за штофъ вина.

«Въ томъ селѣ, гдѣ вамъ, достались 20 душъ съ 80 десят. земли послѣ Ярцова, проживаетъ,—говорилъ мнѣ юристъ,—бывшій въ Челябѣ исправникомъ и не такимъ, какъ вашъ батюшка, Петръ Ивановичъ Степановъ, который послѣ своего отца наслѣдовалъ въ селѣ Кольцовкѣ 150 душъ съ землей до 1.500 десят., а отецъ этого Степанова былъ побочный сынъ Ярцова, но тутъ все устроено на законномъ порядкѣ, и вамъ отыскивать правъ на часть Степанова нѣтъ никакой возможности. О продажѣ за штофъ вина вы можете разузнать въ Ставрополѣ и Симбирскѣ, и ваша тетушка Жедринская разскажетъ вамъ всѣ подробности этой покупки».

Я спрашивалъ моего отца о правахъ нашихъ на искъ продажи за штофъ вина, и онъ мнѣ объяснилъ, что по всѣмъ справкамъ дѣло это для насъ потеряно, да еслибы и была возможность приступить къ иску, то нѣтъ у насъ ни малѣйшихъ силъ къ тяжбѣ, какъ не было силъ бороться въ потерѣ казанскихъ нашихъ земель съ богатымъ заводчикомъ, гдѣ права наши гораздо яснѣе, чѣмъ въ Ярцовской продажѣ.

Я выкинулъ изъ головы тяжбы, которыя и теперь для меня отвратительны. Я пріѣхалъ въ с. Кольцовку и остановился въ домѣ зажиточнаго и очень толстаго Степанова, который принялъ меня, какъ роднаго.

Раздѣлъ мой съ теткой былъ конченъ, и я, рѣшась на продажу доставшейся намъ части Степанову, которому дорога была межа къ загону, отправился въ с. Березовку къ Петру Андреевичу. Языкъ до Кіева доведетъ, такъ и меня довелъ до Березовки по неизвѣстному мнѣ глухому пути.

Я оставилъ въ Кольцовкѣ двухъ людей, кучера и камердинера моего, Аполлона Антипатр. Красменева, захворавшихъ сильнымъ поносомъ и рвотой, а самъ на смѣнныхъ подводахъ въ осеннюю грязь и слякоть явился къ Петру Андреевичу одинъ. Благородный мой сотерпѣливецъ радъ былъ моему пріѣзду и сильно побранилъ

меня за поѣздку безъ слуги. Мѣсяцъ прогостилъ я въ Березовкѣ; воспоминаніе о прошедшихъ нашихъ дѣлахъ, мои оправданія дѣйствій его высочества Константина Павловича противъ возмутительныхъ выходокъ нашего полка, его великодушіе къ безразсудствамъ Пущина коротали длинные осенніе вечера. Петръ Андреевичъ, въ теченіе года, уже ознакомился съ своими сосѣдями-помѣщиками и управляющими большихъ имѣній. Я ѣздилъ съ нимъ къ его знакомымъ и былъ предметомъ толковъ о моей фамиліи и даже моемъ богатствѣ. Смежнымъ имѣніемъ графа Разумовскаго съ имѣніемъ Л. А. Нарышкина управлялъ надворный совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Фроловъ. Радушное гостепріимство пожилаго человѣка собирало у него на именины и праздники всѣхъ помѣщиковъ села Туркова, гдѣ насчитывали до 50 человѣкъ. Помню ужинъ у И. М. Фролова, за которымъ сидѣло лицъ 30, считая и его семейство, а оно составляло съ приживалками, учителемъ, гувернанткой не менѣе 15 ѣдоковъ. Старикъ ходилъ кругомъ стола, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей, и вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «не родственникъ ли вамъ Михаилъ Ѳедотовичъ Веригинъ или Василій Петровичъ Веригинъ?» Я отвѣчалъ, что всѣ Веригины родственники мнѣ по гербу, который въ теченіе 600 лѣтъ, т. е. съ самаго выѣзда нашего предка изъ Польши, мы имѣемъ одинъ.

Тутъ пустился добрый Иванъ Михайловичъ описывать знатность Михаила Ѳедотовича, красоты его сестеръ, которыя, при императрицѣ Екатеринѣ II-й были фрейлинами, ихъ замужество за первыхъ вельможъ тогдашняго времени, Плещеева и Донаурова, потомъ разсказывалъ о богатствѣ и причудахъ другаго Веригина, Василія Петровича, который жилъ чрезмѣрно скупо, получая съ своего огромнаго имѣнія до 300 тысячъ рублей. Послѣ узналъ я, что Фроловъ зналъ геральдику всѣхъ московскихъ и петербургскихъ боярскихъ домовъ; онъ управлялъ домомъ графа Разумовскаго и женился на киргизкѣ—воспитанницѣ княгини Мещерской, которую любила княгиня, какъ свою дочь.

Я былъ на именинномъ пиру турковскаго аристократа, очень добраго и гостепріимнаго старика, Николая Ивановича Суровцева. На этомъ пиру фамилія моя подала поводъ между гостями

къ разговору о богатствѣ, древности и повсемѣстной извѣстности рода Веригиныхъ. Гости вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Фроловымъ сдѣлали такое заключеніе обо мнѣ, что я пріѣхалъ къ Петру Андреевичу и какъ его сослуживецъ и какъ богатый человѣкъ, который своимъ посѣщеніемъ хотѣлъ почтить его и показать всему околодку балашевскихъ дворянъ, что сослуживецъ мой въ глазахъ моихъ не уронилъ себя, поступивъ въ управляющіе къ Нарышкину. Мы ночевали у Суровцева и на другой день, за завтракомъ, я видѣлъ особенное вниманіе къ себѣ хозяина и хозяйки. По пріѣздѣ въ Березовку, Петръ Андреевичъ разсказалъ мнѣ, что на вечернемъ балу Суровцева къ нему многіе изъ гостей подходили съ разспросами о моемъ богатствѣ, что нѣкоторые изъ нихъ даже опредѣлили богатство мое въ 3.000 душъ, и это-то мое богатство было причиной моего вѣса въ глазахъ всѣхъ танцующихъ и не танцующихъ подъ три, четыре скрипки съ контрабасомъ, фаготомъ, кларнетомъ и флейтой. Въ Варшавѣ Петръ Андреевичъ не бывалъ даже и на придворныхъ балахъ, которые давались у намѣстника Царства Польскаго З а е н ч и к а и на которые приглашались офицеры по опредѣленному числу билетовъ для каждаго полка. Я удивился умѣнью изгнанника въ танцахъ, когда въ первый разъ увидалъ его на танцовальномъ вечерѣ балашевскаго стряпчаго и еще болѣе удивился веселости того, кто перешелъ въ тотъ кругъ и въ тотъ бытъ, къ которымъ никогда не могъ принадлежать. Французскій языкъ для балашевскихъ дамъ былъ верхомъ наслажденія, и березовскій французъ по языку былъ для нихъ самымъ привлекательнымъ кавалеромъ. Дамы всего балашевскаго околодка въ глазахъ моего сотерпѣливца были, по образованію своему, много выше мужскаго пола, и мой къ женскому полу слабый сослуживецъ находилъ истинное наслажденіе въ волокитствѣ за балашевскими чепчиками. Я прожилъ въ Березовкѣ цѣлый мѣсяцъ, видѣлъ занятія высокообразованнаго человѣка, которыми наполнялъ онъ пустоту степной жизни и которыя состояли въ чтеніи, перепискѣ съ нѣкоторыми того времени литераторами и главное въ мудрыхъ его распоряженіяхъ по имѣніямъ Л. А. Нарышкина. Петръ Андреевичъ помѣщалъ свои стихотворенія и прозаическія статьи въ разныхъ журналахъ, а цѣнитель его литературныхъ трудовъ былъ князь Петръ Андреевичъ

Вяземскій, который былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ еще въ Варшавѣ. Князь былъ столь внимателенъ къ изгнаннику, что пріѣзжалъ къ нему въ село Березовку, кажется, на пути изъ Петербурга въ свое сосѣднее имѣніе. Князь Вяземскій, во время пріѣзда Петра Андреевича подъ чужимъ именемъ въ Москву, доставилъ ему случай познакомиться съ знаменитымъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ.

При входѣ Габбе къ князю Вяземскому въ гостиную, Пушкинъ,—какъ разсказывалъ мнѣ Петръ Андреевичъ,—увивался около супруги князя и другихъ тутъ бывшихъ дамъ. Князь, обмѣнявшись съ своимъ гостемъ привѣтами, обратился къ Пушкину съ приглашеніемъ на пару словъ. Знакомство негласнаго литератора съ знаменитымъ поэтомъ началось безъ представленія одного другому, и это, кажется, показывало, что одинъ, какъ либеральный поэтъ, а другой, какъ либеральная высокаго ума личность, не должны были входить въ разсчетъ представленій, чѣмъ обыкновенно представляемый всегда становится ниже того, кому его представляютъ. Пушкинъ сѣлъ на лежанку камина, свѣся одну ногу на уголъ лежанки и, нѣсколько согнувшись, принялъ участіе въ разговорѣ стоявшихъ подлѣ него князя и Габбе. Рѣчь пошла о недавно вышедшей какой-то поэмѣ Языкова; князь находилъ въ тѣхъ мѣстахъ красоты, которыми Пушкинъ не сильно восхищался, Габбе подавалъ свой голосъ при обращеніи къ нему того или другаго изъ поэтовъ. Разговоръ литераторовъ продолжался съ часъ, и Петръ Андреевичъ убѣдился, что знаменитый нашъ народный поэтъ болѣе геніальный, нежели ученый поэтъ.

Я воротился въ с. Кольцовку къ Степанову, гдѣ снова пошли разсказы о его исправническихъ въ тяжбѣ слѣдствіяхъ, о придиркахъ губернскаго правленія къ его карману, объ умѣньи его ладить со всѣми властями.

---

*

XIX.

Наконецъ воротился я въ Уфу, гдѣ готовились къ выборамъ. И вотъ настали и выборы на всѣ мѣста, кромѣ исправничьихъ, которыя замѣщались такъ называемыми комитетскими чинами. Непріятно вспоминать о толкахъ съ спорами и ссорами для замѣщенія тѣмъ или другимъ лицомъ того или другаго выгоднаго мѣста.

Я рѣшилъ вступить снова въ военную службу, но вступить не могъ иначе, какъ съ разрѣшенія его высочества цесаревича Константина Павловича.

По этому случаю отецъ мой просилъ обо мнѣ въ письмахъ цесаревича и начальника его штаба графа К у р у т у.

Графъ Дмитрій Дмитріевичъ отъ 30-го ноября 1826 г., за № 6065 прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Письма ваши къ его императорскому высочеству цесаревичу и ко мнѣ, о исходатайствованіи позволенія сыну вашему въѣзжать въ столицы, дабы онъ, вступивъ въ службу, могъ заслужить свои проступки и быть тамъ полезнымъ, я представлялъ его императорскому высочеству, и государь цесаревичъ изволилъ отозваться, что отъ сына вашего зависѣло оставаться на службѣ и стараться усердіемъ и ревностію обратить на себя вниманіе, подобно какъ капитанъ П у щ и н ъ, въ одно время съ нимъ наказанный по суду, остался на службѣ понынѣ и заслужилъ уже особенное вниманіе, такъ что переведенъ по-прежнему въ гвардію; но сынъ вашъ не хотѣлъ служить и вышелъ въ отставку тогда, какъ должно было ему еще заглаждать свои проступки,—и такъ его императорское высочество не можетъ удовлетворить вашей просьбы; но впрочемъ изволитъ желать знать, въ какую именно службу и гдѣ полагаете его опредѣлить?

«О таковомъ отзывѣ его императорскаго высочества извѣщая васъ, прошу увѣдомить меня для доклада государю цесаревичу, куда хотите опредѣлить онаго сына вашего?»

30-го декабря отецъ мой отвѣчалъ начальнику штаба его высо-

чества: что желаетъ, чтобы сынъ его, подпоручикъ Николай Веригинъ, вступилъ въ тотъ полкъ, гдѣ онъ сдѣлалъ проступокъ; тамъ на глазахъ государя цесаревича можетъ онъ заслужить своей службой высокое вниманіе царственнаго своего начальника.

Графъ Курута отъ 31-го генваря 1827 года отвѣчалъ на это:

«Письмо ваше ко мнѣ отъ 30-го минувшаго декабря, съ изъявленіемъ желанія вашего, дабы сынъ вашъ былъ опредѣленъ на службу по-прежнему подъ начальство его императорскаго высочества, я всенижайше докладывалъ государю цесаревичу, и его императорское высочество изволилъ приказать мнѣ увѣдомить васъ, что ежели онъ хочетъ опять поступить въ 50-й Егерскій полкъ, изъ коего вышелъ въ отставку, то прислалъ бы, какъ слѣдуетъ прошеніе объ опредѣленіи его въ оной, а тогда его императорское высочество представитъ о семъ государю императору; на опредѣленіе же его въ другой какой-либо полкъ его императорское высочество не согласенъ».

Вся переписка моя съ Курутой чрезъ моего отца пересылалась Петру Андреевичу въ копіяхъ; онъ желалъ знать о послѣдствіяхъ этой переписки. На второе письмо Куруты я рѣшилъ не отвѣчать. Возвратъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ надобно было выслуживать въ томъ полку, гдѣ я офицеромъ только числился, а въ дѣйствительности былъ гостемъ моихъ благородныхъ начальниковъ.

Я зналъ, что буду въ полку съ моимъ подпоручичьимъ чиномъ въ тягость, начиная съ ротнаго командира до полковаго, и потому счелъ за лучшее ожидать какого-либо случая для другаго рода общественной службы. До апрѣля мѣсяца 1828 года, всѣ дни посвящалъ я маленькому своему хозяйству, ѣздилъ къ башкирцамъ для покупки на избы крестьянамъ лѣса, видѣлъ, что все у насъ управляется, всякое дѣло начинается и оканчивается взяточничествомъ, подкупомъ, и сердце сжималось при одной мысли о вступленіи въ какую-либо гражданскую должность. Въ концѣ марта 1828 года, я получилъ отъ Петра Андреевича письмо, которое рѣшило мою судьбу на всю жизнь.

Петръ Андреевичъ совѣтовалъ мнѣ оставить мечты о той службѣ, гдѣ сослуживцы, наши одночинцы, сдѣлаются нашими начальниками, а начальство Грессера, Желтухина и другихъ будетъ мнѣ не-

выносимо. «Бросьте, писалъ изгнанникъ, переписку, въ которой у васъ идетъ торгъ о вступленіи въ полкъ, гдѣ вы сдѣлали по вашимъ словамъ проступокъ, а по-моему и самого Куруты мнѣнію, лишены были чиновъ Богъ знаетъ за что, бросьте, говорю, виды на Варшаву, а лучше примите частное мѣсто, подъ моимъ товарищескимъ руководствомъ, въ имѣніи нашего доброжелателя, Льва Александровича Нарышкина. Въ Моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, находится имѣніе нашего генерала, въ которомъ слишкомъ 3 т. душъ крестьянъ. Это имѣніе извѣстно подъ названіемъ Земецкой волости, которой управлялъ маіоръ Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ, товарищъ мой по кадетскому корпусу, недавно умершій отъ чахотки въ селѣ Земечинѣ. Пріѣзжайте занять его мѣсто, а при незавидномъ положеніи нашего генерала, который, какъ вы знаете отъ меня лично, наслѣдовалъ отъ своего отца, знаменитаго игрока и мота, Александра Львовича, громадный долгъ, едва-ли не свыше цѣнности всего имѣнія, я не могу вамъ предложить болѣе 2.000 р. и нѣкоторую провизію. Отвѣчайте мнѣ на это письмо пріѣздомъ въ Земечино и тѣмъ докажите вашу дружбу ко мнѣ; мы часто будемъ видѣться, Березовка отъ Земечины въ 250 верстахъ».

Изъ своей голодной и холодной Подымаловой отправился я къ своимъ двоюроднымъ братьямъ Хирьякову (губернатору) и Михайлову (губернскому почтмейстеру) въ Уфу съ вѣстью, что оставляю переписку свою съ Курутой о вступленіи въ военную службу и принимаю частное мѣсто у генерала Нарышкина подъ руководствомъ того, кто своимъ высокимъ умомъ, благородствомъ поступковъ, образованіемъ, всегда умѣлъ подчинить меня себѣ. Эти братцы, едва-ли не изъ желанія сбыть изъ Уфы неугомонный языкъ противъ подьячества, поспѣшили увѣрить меня, что на этой степени общественной работы я болѣе принесу пользы и своему незавидному положенію, и тому классу людей, «который, какъ говорилъ Хирьяковъ, ты называешь производителями, а насъ истребителями».

Въ нѣсколько часовъ уложилъ я свой чемоданъ, сѣлъ съ своимъ служителемъ Аполлономъ Антипатровымъ Красменевымъ, и 20-го марта поскакалъ еще по зимней дорогѣ въ Тамбовскую губернію на перекладныхъ. Изъ Бугульмы я заѣхалъ въ деревню

Исаковку моего роднаго по матери дяди Ивана Михайловича Аничкова.

Здѣсь вѣсть моя о моей карьерѣ озадачила моего дядю до того, что онъ стоявшему передъ нами слугѣ съ чаемъ громко сказалъ: «Ванька, ступай, пошли ко мнѣ моего управляющаго Тимошку».

Сколько я ни силился увѣрить дядю, что мѣсто управляющаго не унизительно для меня, онъ на одномъ уперся и кричалъ: «это мѣсто не дворянское, здѣсь надъ тобой будутъ величаться и тѣ грязные подъячіе, которыхъ ты не принялъ бы въ своей передней и которые, при своемъ невѣжествѣ, не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить твоихъ нравственныхъ качествъ; конечно, они будутъ считать тебя не дуракомъ для поживы, и въ этомъ убѣжденіи, при каждомъ случаѣ, будутъ дѣлать набѣги на твой кошелекъ всѣмъ своимъ нахальствомъ».

8-го апрѣля 1828 года, на другой день Святой недѣли, я пріѣхалъ въ село Земечину и здѣсь испыталъ всѣ боли самолюбію не столько отъ грубаго невѣжества крестьянъ, сколько отъ просвѣщеннаго нашего такъ называемаго чиновничества, которое отъ крестьянъ отличалось умѣньемъ читать и писать.

Все мнѣ и до сихъ поръ памятно со дня моего вступленія въ управленіе Земецкой волостію, а именно съ 14-го апрѣля 1828 года, и все мной будетъ разсказано съ полной откровенностью.

Въ селѣ Земечинѣ меня встрѣтилъ отецъ Петра Андреевича—Андрей Андреевичъ, который на пути въ свою маленькую пензенскую деревеньку остановился въ Земечинѣ до лѣтняго отъѣзда въ Пензу.

Добрый, умный старецъ принялъ меня съ любовью и пріютилъ въ томъ же небольшомъ домикѣ, въ которомъ самъ жилъ. Здѣсь же встрѣтилъ меня помощникъ бывшаго до меня управляющаго Земецкой волостью маіора Банажа-фонъ-деръ-Кейтъ, Андрей Богдановичъ Конштетъ.

Урожденецъ Пруссіи, происхожденія еврейскаго, исповѣданія лютеранскаго, солдатъ прусской арміи, Конштетъ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1812 году подъ Можайскомъ и остался въ Россіи, гдѣ переходилъ съ мѣста на мѣсто и наконецъ приглашенъ былъ Банажемъ-фонъ-деръ-Кейтъ помощникомъ для управленія моршанскимъ

имѣніемъ Льва Александровича Нарышкина. Этотъ Конштетъ былъ олицетворенная честность, неутомимой дѣятельности и столь добръ, что не имѣлъ часто гроша въ своемъ кошелькѣ; добрякъ раздавалъ свое жалованье тѣмъ, кто, по его мнѣнію, болѣе нуждался въ деньгахъ, и должники-крестьяне рѣдко возвращали благотворительному Конштету долги свои, а онъ объ нихъ никогда и не помнилъ.

Маіоръ Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ служилъ въ гусарскомъ полку и былъ соучеником П. А. Габбе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. По выходѣ въ отставку за ранами, былъ приглашенъ въ помощники для управленія моршанскимъ имѣніемъ графа Кутайсова сослуживцемъ своимъ, барономъ Таубе, который управлялъ всѣмъ тамбовскимъ имѣніемъ любимца императора Павла. Когда баронъ Таубе оставилъ управленіе имѣніемъ Кутайсова, то Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ не согласился занять его мѣсто: благородный и во всей силѣ слова честный маіоръ не хотѣлъ оставаться у Кутайсова, въ которомъ видѣлъ неблагодарнаго человѣка въ отношеніи полковника Таубе. Когда Петръ Андреевичъ, по принятіи въ управленіе всѣхъ имѣній Л. А. Нарышкина, пріѣхалъ въ Моршанскъ, то и пригласилъ опытнаго въ управленіи чужимъ имѣніемъ товарища своего для управленія Земецкой волостью. Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ съ годъ управлялъ моршанскимъ имѣніемъ Л. А. Нарышкина; военная служба наградила его грудной болѣзнью, давъ ему за раны ордена и ничтожный при отставкѣ пенсіонъ, а безпрестанное и добросовѣстное мученіе съ чужимъ мужикомъ развило въ немъ чахотку и свело въ молодыхъ еще годахъ въ могилу. Банажъ оставилъ вдову съ двумя сыновьями и двумя дочерьми. Петръ Андреевичъ Габбе оставилъ вдовѣ часть провизіи, которую получалъ ея мужъ, а чрезъ годъ она переѣхала къ барону Антону Максимовичу Таубе.

Баронъ, разставшись непріязненно съ Кутайсовымъ, принялъ въ управленіе имѣніе графа Разумовскаго въ Пензенской губерніи, подъ названіемъ Ершовской волости, которая состояла изъ 6 тысячъ душъ крестьянъ. Здѣсь заслуженный полковникъ былъ благотворителемъ многихъ сиротъ и многихъ вдовъ и здѣсь лѣтъ чрезъ 6 подвергся, по Высочайшему повелѣнію изслѣдованію своего управленія имѣніемъ графа Разумовскаго, который жилъ

въ Одессѣ и считался помѣшаннымъ. Старикъ Разумовскій имѣлъ 2-хъ сыновей и 2-хъ дочерей отъ законной жены своей, урожденной графини Шереметевой, 4-хъ сыновей и, кажется, одну дочь, отъ любимой своей крѣпостной дѣвушки.

Связь съ любимой дѣвицей была причиной раздора сыновей отъ Шереметевой съ своимъ отцомъ, и этотъ раздоръ заперъ молодыхъ Разумовскихъ въ монастырь, гдѣ они содержались нѣсколько лѣтъ. По выпускѣ изъ монастыря, одинъ остался, какъ совершенно помѣшанный, подъ опекой, а другой, довѣритель барона Таубе, жилъ въ Одессѣ и едва-ли зналъ, что̀ дѣлается въ его пензенскомъ имѣніи. Я прежде говорилъ о Ив. Мих. Фроловѣ, который управлялъ саратовскимъ имѣніемъ состоявшаго подъ опекой Разумовскаго. И Таубе и Фроловъ были на пути моемъ изъ села Земечины въ село Березовку къ П. А. Габбе; проѣздъ мимо считался грѣхомъ гостепріимными жильцами села Ершова и села Аркадскаго, и я нерѣдко бывалъ ихъ путевымъ гостемъ. Какъ Таубе, такъ и Фроловъ были впослѣдствіи уволены отъ управленія имѣніями Разумовскихъ и первый съ большими непріятностями.

Не буду описывать причинъ ихъ увольненія отъ занятій, а скажу одно, что поводомъ къ изслѣдованію воеводства барона Таубе въ Ершовѣ была статья въ журналѣ «Телеграфъ», подъ заглавіемъ «Баронъ управляющій», и эта статья обратила на себя вниманіе императора Николая I-го, который не жаловалъ и въ нашихъ частныхъ занятіяхъ не чистыхъ дѣлъ.

П. А. Габбе писалъ мнѣ, что статья «Баронъ управляющій» обществомъ турковскихъ болтуновъ приписывается мнѣ, и онъ дивился одному, почему я не хотѣлъ предварительно увѣдомить его о моемъ намѣреніи огласить дѣйствія своего сосѣда. Я отвѣчалъ, что вранье турковское и останется враньемъ, и мы вскорѣ узнали сочинителя статьи—это бытъ богатый пензенскій помѣщикъ Ив. Васильевичъ Сабуровъ.

И странное дѣло, какъ баронъ Таубе, такъ и Фроловъ, оставивъ частныя занятія, умерли почти въ нищетѣ, особенно послѣдній, а между тѣмъ общее мнѣніе людей, подобныхъ безпристрастному и

во всей силѣ слова образованному и благородному Сабурову, было не въ пользу честныхъ правилъ обоихъ.

Тамбовское имѣніе покойнаго Алекс. Льв. Нарышкина было раздѣлено въ Моршанскомъ и Шацкомъ уѣздахъ, по равнымъ частямъ, между его двумя сыновьями Львомъ и Кирилломъ Александровичами. По мѣстному качеству земли, часть Кирилла Александровича считалась лучшей, чѣмъ Льва Александровича. Въ имѣніи, гдѣ дѣлятся сотни тысячъ десятинъ земли, нѣтъ возможности уравнить дѣлимыя части до непогрѣшимой точности.

Крестьяне села Земечины, въ которомъ было слишкомъ 3 тысячи душъ, встрѣтили меня крикомъ: «дай хлѣбца, малыя дѣточки съ голоду померли». Въ толпѣ стояли очень зажиточные мужики, которые еще громче взывали, что имъ ѣсть нечего, что скотина у нихъ подохла отъ безкормицы и что имъ не въ моготу идти на барщину. Служители конторы, послѣ многихъ своихъ «не знаю» на спросы мои о состояніи просителей, наконецъ указали на 3-хъ крестьянъ, которые торговали даже гуртами, а другіе имѣли большіе пчельники. А какъ нашъ русскій мужичекъ ни въ чемъ не считаетъ себя виноватымъ, то и здѣсь уперся на одномъ, что и ему надобно дать хлѣба и корму лошадямъ: «я завсегда барщину правлю, а они, лодари, безлошадные, за что́ же имъ однимъ давать!» Таковы понятія нашихъ крестьянъ во всѣхъ почти имѣніяхъ на барщинѣ о ссудахъ и пособіи, которыя дѣлаются повѣренными помѣщиковъ.

Не буду описывать всѣхъ барщинныхъ работъ въ принятомъ мной моршанскомъ г. Нарышкина имѣніи, которое, какъ уже не разъ говорилъ, состояло изъ 3-хъ тысячъ душъ. Эти 3-хъ тысячи душъ были поселены въ 2-хъ селахъ подъ названіемъ Земечино и Раево и 4-хъ деревняхъ: Крутецъ, Голодовка, Марсово и Паново. Послѣднія двѣ деревни находились въ лѣсу, котораго при нихъ числилось 17.500 десятинъ, а первыя 4 селенія состояли при 22 тысячахъ десятинъ и были разъединены чужими имѣніями отъ лѣсныхъ небольшихъ деревень на разстояніи 20 верстъ.

Съ первыхъ дней моего хозяйствованія было сказано всѣмъ безъ изъятія, что всѣ работы въ полѣ, на гумнѣ, въ лѣсахъ, на мель-

ницахъ и пр., будутъ слѣдимы мной не на одной бумагѣ, а собственными глазами на мѣстѣ.

8 іюля 1828 года село Канобеево Л. А. Нарышкина, Шацкаго уѣзда, въ день ярмарки почти все сгорѣло, и изъ числа 300 дворовъ осталось не болѣе 70. Прекрасный, деревянный, богато меблированный, съ картинной галлереей домъ, въ которомъ любилъ пировать знаменитый острякъ и радушный для всѣхъ дворянъ хлѣбосолъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, сдѣлались жертвой огня; двѣ деревянныя церкви, оранжереи обратились въ пепелъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Петръ Андреевичъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Земечино и отъ меня отправился въ Канобеево для устройства погорѣвшихъ крестьянъ. Чрезъ недѣлю возвратился мой сотерпѣливецъ ко мнѣ и, разсказавъ о всѣхъ непозволительностяхъ управляющаго Канобеевской волостію поручика К — а, ввѣрилъ мнѣ въ управленіе шацкое имѣніе своего довѣрителя. К., хотя и зналъ образъ мыслей своего довѣрителя П. А. Габбе о чести и строгія его правила во всѣхъ дѣйствіяхъ по управленію всѣми имѣніями Л. А. Нарышкина, но соблазнился дарами крестьянъ, которымъ рѣшился отпускать лѣсъ свыше назначенія своего главноуправляющаго, и чрезъ это лишился мѣста.

Село Канобеево пришлось мнѣ устраивать по тому порядку, какой мной былъ съ Петромъ Андреевичемъ признанъ болѣе удобнымъ на случай новыхъ пожаровъ, столь частыхъ на Руси отъ пьяныхъ праздниковъ, дѣвичьихъ посидѣлокъ и другихъ въ разныхъ видахъ бѣдъ. Шацкое имѣніе было раздѣлено между двумя братьями Александромъ и Дмитріемъ Львовичами Нарышкиными только въ числѣ душъ, а въ земляхъ они не были еще размежеваны; эта работа упала на мою долю, когда всѣ имѣнія предоставлены были подъ мое главное управленіе по отъѣздѣ Петра Андреевича за границу на вѣчный покой.

На другой годъ моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Льва Александровича я представилъ своему главноуправляющему проектъ о разселеніи по назначеннымъ мной мѣстамъ большихъ селъ Земечино и Раево и о переселеніи изъ деревень Крутца и Голодовки въ саратовскія Льва Александровича степи лишнихъ крестьянъ свыше земельнаго надѣла, какой мною назначался. Скажу здѣсь, что мой

сослуживецъ по гвардіи и въ нашемъ несчастіи по арміи не ожидалъ, чтобы столь громадная затѣя, какъ писалъ онъ въ письмѣ ко мнѣ, при оффиціальномъ предписаніи Земецкой волостной конторѣ о приведеніи моего проекта въ исполненіе, могла быть исполнима. Саратовскіе Петра Андреевича сосѣдніе помѣщики, считавшіеся опытными въ дѣлахъ съ крестьянами, увѣрили моего сотрудника, что вся Земецкая волость отъ моихъ переселеній взбунтуется.

Не буду описывать всѣхъ дерзостей, ослушаній, волненій отъ крестьянъ при ихъ переселеніи, а повторю всѣмъ извѣстную истину, что, какъ для громадныхъ, такъ и нашихъ ничтожныхъ переворотовъ житейскаго быта населенія, требуется сила воли, и обдуманная перемѣна въ преобразованіяхъ наградитъ государственнаго преобразователя благодарностію, когда онъ будетъ лежать въ гробу, а нашего брата, непримѣтнаго—тогда, когда жертва нашихъ преобразованій вещественно осязать будетъ пользу нашихъ преобразованій.

Въ шацкомъ имѣніи большая часть крестьянъ состояли на оброкѣ, но оброкъ почти съ 3-хъ тысячъ душъ не собирался, а выбивался. Чтобы прекратить выбиваніе оброка, неимущіе были выселены въ нѣсколько вновь заведенныхъ селеній на тѣхъ же правилахъ, на которыхъ разселена была Земецкая волость; въ старыхъ селеніяхъ оставлены оброчные, а въ новыя выселены на барщину. Безобидная для крестьянъ барщина въ нѣсколько лѣтъ поправила ихъ состояніе до того, что послѣдующее управленіе признало возможнымъ обратить ихъ снова на оброкъ.

Село Канобеево было, какъ и село Земечино, съ храмомъ Божіимъ, базаромъ и кабакомъ. Я поставилъ себѣ за правило удалить отъ базара и кабака тѣхъ, которые были данниками ихъ...

При отдѣленіи отъ оброчныхъ барщинныхъ крестьянъ и поселеніи ихъ въ особыя деревни всячески предоставлялся имъ выборъ той стороны полей, какую они считали для себя, какъ по мѣстности, такъ и по грунту земли, за лучшую; три поля крестьянскихъ вырѣзывались отдѣльно отъ трехъ полей помѣщика и окружали усадьбу помѣщика, большей частью устраиваемую на другой сторонѣ рѣчки отъ усадьбы крестьянъ.

Имѣніе Нарышкина было заложено въ банкѣ и опекунскомъ совѣтѣ; по правиламъ кредитныхъ установленій, никакихъ пере-

мѣнъ безъ разрѣшенія ихъ нельзя было дѣлать, но мои переселенія шли и безъ разрѣшенія банка и совѣта; исправникъ, хорошо мнѣ знакомый, не настаивалъ на правилахъ кредитныхъ установленій; онъ согласился со мной, что разрѣшеніе придетъ со временемъ, а до того я успѣю сдѣлать доброе дѣло.

XX.

Не буду описывать моихъ похожденій по дѣламъ имѣнія въ губернскомъ правленіи, казенной, уголовной и особенно гражданской палатахъ.

Но вотъ два примѣра изъ промышленныхъ дѣйствій тогдашнихъ членовъ уѣздныхъ и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

На другой годъ моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Л. А. Нарышкина, я пріѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ П. А. Габбе въ село Канобеево. Не имѣя послѣ пожара помѣщенія на усадьбѣ помѣщика, мы остановились въ избѣ крестьянина. Вскорѣ явился къ намъ сотскій села Канобеева съ докладомъ, что пріѣхалъ въ село засѣдатель для слѣдствія о убитой мужикомъ бабѣ и требуетъ харчей. Начальникъ мой далъ приказъ конторскому смотрителю, чтобы казначей отпустилъ деньги на полштофа вина и два калача, и весь этотъ завтракъ приказалъ отнести засѣдателю Олимпію П—у. На мое замѣчаніе, что засѣдатель оскорбится такимъ угощеніемъ, сотерпѣливецъ отвѣчалъ мнѣ, что я еще, какъ видно, не ознакомился съ нравами чиновниковъ земскаго суда. И дѣйствительно засѣдатель принялъ отъ сотскаго полштофъ вина и два калача и только гнѣвался, какъ послѣ оказалось, что всего мало принесъ.

По уходѣ сотскаго отъ насъ, возвратился изъ Канобеевской волостной конторы правитель дѣлъ управленія имѣніями Льва Александровича К о л п а к о в ъ съ представленіемъ конторскихъ книгъ, въ которыхъ противъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей оказались сильныя зло-

умышленныя невѣрности. П. А. Габбе приказалъ тотчасъ конторщика Масленкова, друга засѣдателя П—а, посадить въ колодку и не снимать съ него колодки до тѣхъ поръ, покудова пьяный негодяй не приведетъ въ должный порядокъ всей своей злоумышленной путаницы. Вскорѣ, по посадкѣ конторщика въ колодку, я получилъ отъ засѣдателя П—а отношеніе, въ которомъ онъ требовалъ Масленкова для рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ по производимому имъ дѣлу о убитой женкѣ, неприсылка же къ нему конторщика Масленкова можетъ остановить разслѣдованіе столь важнаго дѣла, и очень легко могутъ укрыться прикосновенныя къ этому дѣлу лица. На это отношеніе былъ посланъ ему отвѣтъ, что конторщикъ занятъ спѣшными дѣлами, а для рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ представляется ему вручитель этого отношенія.

Послѣ отвѣта П—у, П. А. Габбе отправился со мной въ главную контору Дмитрія Львовича Нарышкина, гдѣ было назначено соглашеніе о полюбовномъ размежеваніи въ однихъ мѣстахъ земель по имѣніямъ г.г. Нарышкиныхъ. Во время разсматриванія нами вмѣстѣ съ управляющимъ польныхъ канобеевскихъ плановъ, вошелъ засѣдатель П. въ комнату, подошелъ ко мнѣ едва не шатаясь, взялъ меня подъ руку, подалъ мнѣ бумагу со словами, почему я не исполняю его требованій и тѣмъ останавливаю производимое имъ объ убійствѣ женки слѣдствіе.

Товарищъ мой по военнымъ нашимъ бѣдамъ и по тому мѣсту, которое доводило насъ до встрѣчъ съ подобными П—у чиновниками, подошелъ ко мнѣ съ видимой досадой, вырвалъ мою руку изъ-подъ руки пьянаго засѣдателя, взялъ у меня бумагу и, взглянувъ на писаніе подъячаго, сказалъ: «это написано не чернилами, а виномъ, тутъ ничего не видно».

Воспитанникъ земскаго суда отвѣчалъ на этотъ намекъ о его пьяномъ видѣ, что чернила также ясны, какъ ваша плѣшь.

Засѣдатель, возвращаясь въ свой кабакъ, отправилъ въ земскій судъ рапортъ съ донесеніемъ, что слѣдствіе главноуправляющимъ и управляющимъ имѣніями генерала Нарышкина, Габбе и Веригинымъ, за недачею писца къ рукоприкладству остановлено, почему

онъ, засѣдатель, и проситъ временное отдѣленіе прибыть на мѣсто для поступленія съ Габбе и Веригинымъ по законамъ.

На другой день этого безсмысленнаго рапорта прибыло въ село Канобеево временное отдѣленіе и, расположась въ крестьянской избѣ, отправило на имя мое и П. А. Габбе очень вѣжливое письменное требованіе для явки въ присутствіе временнаго отдѣленія по касающемуся до насъ дѣлу о убитой крестьяниномъ женкѣ. П. А. Габбе отправилъ съ сотскимъ во временное отдѣленіе отвѣтъ, въ которомъ объяснилъ, что производимое слѣдствіе засѣдателемъ о убитой женкѣ до него не касается, а если временное отдѣленіе находитъ нужнымъ о чемъ-либо его спросить, то можетъ къ нему отнестись письменно, на что онъ и будетъ отвѣчать; я же, для узнанія, чего хочетъ отъ насъ уѣздное скопище подъячихъ, отправился лично къ членамъ присутствія.

Въ избѣ за столомъ, на прилавкахъ за зерцаломъ сидѣли два какихъ-то члена и съ ними секретарь, который, замѣтимъ, руководилъ всѣми дѣлами тогдашняго земскаго суда. Мнѣ поданы были вопросные пункты, а какъ отвѣты могли быть не на одинъ часъ, то секретарь и объяснилъ мнѣ, что я могу ихъ написать на дому. Я отправился къ Петру Андреевичу и меня испросилъ позволенія проводить какой-то временнаго отдѣленія писецъ, который дорогой доложилъ мнѣ, что лучше бы наше дѣло съ обиженнымъ засѣдателемъ П—мъ покончить мировой, а временное отдѣленіе на это будетъ согласно, если мы и его не забудемъ.

Изъ словъ этого посредника было видно, что временное отдѣленіе удовольствуется пятью стами рублей и тѣмъ же г. засѣдатель: «право покончите, ваше благородіе, мировой, я вамъ добра желаю, а то затянутъ васъ и Богъ вѣсть куда, а тамъ дешево не раздѣлаетесь».

Когда сказано было мной грозно, что добрый совѣтъ будетъ доведенъ до свѣдѣнія тѣхъ, кто иначе будетъ разсматривать наше дѣло, чѣмъ Шацкій земскій судъ, то повѣренный плутовъ, не сказавъ мнѣ ни слова, отправился назадъ къ временному отдѣленію.

Я отвѣчалъ на вопросы временнаго отдѣленія, а между тѣмъ Петръ Андреевичъ отправилъ нарочнаго къ губернатору съ краткимъ описаніемъ всѣхъ смѣлыхъ нашествій и пьянаго засѣдателя, и

его товарищей. Законникъ-секретарь узналъ о посылкѣ къ губернатору, тотчасъ усѣлся съ своими членами на крестьянскія телѣги, и весь этотъ сбродъ отправился въ Шацкъ, а пьянаго засѣдателя оставили для окончанія дѣла, при которомъ обиралъ однихъ уже крестьянъ.

Губернаторъ Ив. Сем. Мироновъ, не дѣлецъ по гражданской службѣ и не гроза по своему характеру и правиламъ, отвѣчалъ Петру Андреевичу, что онъ предписалъ шацкому предводителю произвести слѣдствіе и представить все дѣло въ губернское правленіе.

Начальникъ мой отправился въ саратовское имѣніе, а я чрезъ нѣсколько недѣль, по вызову шацкимъ предводителемъ, изъ Земечины снова пріѣхалъ въ Канобеево, гдѣ нашелъ слѣдователя нашего столкновенія съ грязными чинами земскаго суда. Предводитель далъ мнѣ письменные запросы по дѣлу съ пьянымъ засѣдателемъ и временнымъ отдѣленіемъ. Я описалъ въ отвѣтахъ всю придирчивость подъячихъ и по истеченіи восьмидневнаго слѣдствія при прощаніи благородный предводитель, Василій Петровичъ Мажаровъ, далъ мнѣ совѣтъ не выпускать изъ вида дѣла, которое пойдетъ въ губернское правленіе.

«Въ этомъ высшемъ губернскомъ судилищѣ, говорилъ предводитель, безъ денегъ и правое дѣло сдѣлается неправымъ, а нашъ губернаторъ все подпишетъ, что ему подадутъ, хотя не будетъ участникомъ въ мерзостяхъ своего секретаря Б — а, извѣстнаго взяточника». Мажаровъ хорошо зналъ Б—а по его окладамъ на исправниковъ, а въ Шацкомъ уѣздѣ исправникомъ былъ его родной по сестрѣ племянникъ, но правилъ былъ этотъ молодой человѣкъ не тѣхъ, какихъ исправникъ Моршанскаго уѣзда: онъ не былъ оброчникомъ губернскаго правленія и потому недолго былъ исправникомъ. По прошествіи года, ко мнѣ явился стряпчій Шацкаго уѣзда съ требованіемъ, по указу губернскаго правленія, моего указа объ отставкѣ для препровожденія въ губернское правленіе. Стряпчему былъ данъ мной отвѣтъ, что указа объ отставкѣ со мной нѣтъ, а будетъ доставленъ ему изъ мѣста моего жительства. Спустя мѣсяцъ послѣ этого требованія, я былъ по дѣламъ имѣнія въ Тамбовѣ, гдѣ на улицѣ подошелъ ко мнѣ какой-то чиновникъ и вступилъ со мной

въ разговоръ о дѣлѣ съ засѣдателемъ П. Вотъ слова неизвѣстнаго мнѣ благороднаго чиновника:

«У васъ требуетъ губернское правленіе указъ объ отставкѣ, это виды на вашъ кошелекъ, примите мѣры противъ нашего правленія, гдѣ нѣтъ числа самыхъ гнусныхъ продѣлокъ; это болото, наполненное всѣхъ родовъ гадами, сходите къ губернатору и объясните ему беззаконное требованіе вашего указа объ отставкѣ».

Я отправился къ губернатору, разсказалъ ему о видахъ губернскаго правленія на мой указъ объ отставкѣ. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ секретаря губернскаго правленія и съ крикомъ объявилъ ему о ненадобности губернскому правленію необходимаго для меня вида, а мнѣ сказалъ, чтобы я не отдавалъ указа объ отставкѣ. Когда я пріѣхалъ въ Канобеево, то стряпчій, для очистки полученнаго имъ указа губернскаго правленія, упросилъ меня дать ему копію съ указа объ отставкѣ. Я исполнилъ просьбу стряпчаго Кельсіева, и все дѣло кончилось тѣмъ, что уголовная палата обобрала, какъ сдѣлалось въ Шацкѣ извѣстнымъ, пьянаго засѣдателя, а меня и Петра Андреевича болѣе уже не тревожили.

Другую исторію разскажу короче; здѣсь взяточничество обставлено не столь базарно. Я получалъ въ гражданской палатѣ свидѣтельство на тамбовское имѣніе обоихъ братьевъ Нарышкиныхъ. Секретарь гражданской палаты, Николай Ѳедоровичъ Е—въ, условился съ моимъ повѣреннымъ въ цѣнѣ за всѣ справки по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, откуда безъ благодарности, какъ говорилъ Е—въ, не добудешь и годы иную справку; а когда будутъ получены всѣ справки, то и за всѣ хлопоты по самой палатѣ для выдачи свидѣтельства. Цѣна была условлена 1.500 рублей ассигнаціями и задатку выдано секретарю 200 р. Къ назначенному Е—мъ времени я снова пріѣхалъ въ Тамбовъ и узналъ, что секретарь гражданской палаты уѣхалъ въ Москву, гдѣ сенатъ уже не разъ ему напоминалъ, чтобы онъ повидался съ нимъ, иначе подъ судъ попадетъ. Помощникъ секретаря С—въ исправлялъ должность секретаря. Этотъ смѣльчакъ объяснилъ моему повѣренному, что до возвращенія Е—ва изъ Москвы свидѣтельство будетъ выдано и что за всѣ хлопоты онъ беретъ только 300 рублей. Я обрадовался столь дешевой сдѣлкѣ и согласился на выдачу С—ву

100 рублей впередъ. Е—въ воротился изъ сената съ очень облегченнымъ бумажникомъ, узналъ всю продѣлку своего помощника, у котораго ни на шагъ не подвинулось дѣло впередъ, просилъ меня повидаться съ предсѣдателемъ палаты. Старецъ предсѣдатель В. напустился на меня за мою неосмотрительность и сболталъ мнѣ угрозу, что онъ напишетъ моему довѣрителю Л. А. Нарышкину о небережливости моей и неумѣньи относиться въ дѣлахъ къ тѣмъ, къ кому всѣ присутствующіе палаты имѣютъ полную вѣру: «вы должны знать, что, кромѣ Николая Ѳедоровича, въ палатѣ ни къ кому не должно относиться, вы выдали С—ву 100 рублей, я прикажу ему возвратить эти деньги, а вы обо всемъ можете говорить только съ Николаемъ Ѳедоровичемъ».

Когда—въ рѣзкихъ словахъ былъ данъ отвѣтъ старому грѣшнику: «генералъ Нарышкинъ пожалѣетъ объ одномъ, что сотрудникъ мой по дѣламъ, г. Габбе, и я беремъ на себя хлопоты по такимъ случаямъ, гдѣ все основывается на взяткахъ, и когда сказано было смѣшавшемуся старику, что ему слѣдовало бы узнать прежде, кому онъ поручаетъ входить въ сдѣлку съ его секретаремъ и какихъ правилъ тѣ, которые имѣютъ одно въ виду: спасти своего довѣрителя отъ потерь,—старикъ извинился, но все-таки кончилось тѣмъ, что Е—въ получилъ, по выдачѣ свидѣтельствъ на имѣнія, условленную плату и принялъ въ счетъ 100 рублей своего помощника, котораго однако выжили начальники изъ палаты.

Чтобы показать взглядъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновъ на перемѣны высшаго правительства къ ускоренію теченія дѣлъ и прекращенію зла, разскажу утѣшеніе секретаря Тамбовскаго губернскаго правленія Б—а моршанскому исправнику, который былъ самымъ исправнымъ данникомъ покровителя всѣхъ взяточниковъ. Вечеромъ за карточнымъ столомъ, лакей вбѣжалъ въ гостиную и доложилъ своему господину, что пріѣхалъ изъ Тамбова секретарь губернскаго правленія. Карты брошены, исправникъ побѣжалъ въ комнату, гдѣ у него останавливались пріѣзжіе гости, и чай зимнему путнику былъ поданъ. Спустя нѣсколько времени я вошелъ въ комнату секретаря, которому меня представилъ исправникъ, сказавъ: — управляющій имѣніемъ генерала Нарышкина. Б. благосклонно кивнулъ мнѣ головой и такъ продолжалъ на-

чатый имъ съ исправникомъ разговоръ, не стѣсняясь моего присутствія, какъ лица, по его понятію, одинаковаго съ нимъ ремесла, хотя и на другомъ мѣстѣ: «когда мы получили извѣстіе о отмѣнѣ засѣдателей и замѣнѣ ихъ становыми, то я разомъ смекнулъ, да это работники исправниковъ. Что такое становой? Исполнитель предписаній земскаго суда, а въ судѣ кто предсѣдатель? — Исправникъ, онъ и загребай жаръ руками становыхъ. Я знаю, что вы это, баронъ, тотчасъ смекнули. А гдѣ получше въ уѣздѣ дѣльцо, тамъ ужь, конечно, сметливый исправникъ будетъ самъ на мѣстѣ слѣдствія». Скажу, при этомъ, что ученикъ такого наставника былъ въ самомъ непріятномъ положеніи въ отношеніи меня; онъ зналъ коротко мои правила и взглядъ мой на ремесло всѣхъ нашихъ правительственныхъ чиновъ, и это знаніе избавляло меня отъ нашествія всѣхъ чиновъ земскаго суда.

Я привелъ два судебныхъ дѣла и встрѣчу съ начальникомъ чиновъ земскаго суда, а подобныхъ дѣлъ, но не встрѣчъ, много было на моемъ мѣстѣ.

XXI.

Въ 1833-мъ году неожиданно Земецкая контора и всѣ прочія конторы получили предписаніе отъ своего помѣщика о неисполненіи предписаній Петра Андреевича Габбе, который разстроенъ въ своемъ умѣ, а исполнять только предписанія самого владѣльца, къ г-ну же Габбе ни въ чемъ не относиться.

Передъ этимъ предписаніемъ Л. А. Нарышкина, почты за двѣ, я получилъ письмо моего сотрудника; онъ описывалъ мнѣ плытье свое на пароходѣ съ графиней Воронцовой, генеральшей Нарышкиной, графиней Шуазель изъ Одессы въ Крымъ, гдѣ провелъ онъ съ ними, въ царски пышной Алупкѣ графа Воронцова, недѣли двѣ, и возвратился въ Одессу, откуда будетъ распоряжаться имѣніями Льва Александровича. Въ письмѣ П. А. Габбе не было и признака умопомѣшательства; каждая строка показывала умъ, остроту, превосходное описаніе невиданныхъ мной южныхъ

мѣстностей. Мнѣ вообразилось, по прочтеніи предписанія Нарышкина, что между имъ и Петромъ Андреевичемъ было какое-нибудь столкновеніе во взглядахъ на имѣнія, и Нарышкинъ, вѣроятно, отнесъ противорѣчія того, кого всегда называлъ своимъ по военной службѣ сослуживцемъ и другомъ, къ умопомѣшательству. Съ первой же почтой, по полученіи Земецкой и Канобеевской конторамъ оскорбительнаго, какъ мнѣ казалось, для Петра Андреевича предписанія, я отправилъ Льву Александровичу письмо, въ которомъ объяснилъ ему, что тамбовское его имѣніе принято мной въ управленіе единственно изъ уваженія къ желанію того, съ кѣмъ я раздѣлилъ всѣ потери по военной службѣ и кто своимъ примѣромъ указалъ мнѣ позволительность дворянину принять то мѣсто, которое занимали прежде его крѣпостные служители; но если тотъ, кого вы, генералъ, называли всегда своимъ другомъ, оставилъ управленіе всѣми вашими русскими и польскими имѣніями по какимъ-либо непріятностямъ, то прошу васъ уволить меня отъ управленія тамбовскимъ вашимъ имѣніемъ; я не подчинюсь никому въ дѣлахъ вашихъ кромѣ Петра Андреевича. Письмо было отправлено, а чрезъ недѣлю я получилъ письмо отъ Льва Александровича, гдѣ онъ съ горестью извѣщалъ меня о разстроенномъ здоровьи нашего друга, для поправленія котораго испрашивается Высочайшее разрѣшеніе на выѣздъ за границу, до возвращенія же его изъ-за границы, просилъ меня генералъ принять саратовское и тамбовское имѣніе въ главное управленіе съ неограниченной довѣренностію. Чрезъ мѣсяцъ я получилъ отвѣтъ и на мое письмо, въ которомъ упрекалъ меня Левъ Александровичъ въ недовѣріи къ его чувствамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ меня, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моего отвѣта на сдѣланное имъ мнѣ предложеніе. Въ этомъ же письмѣ было упомянуто, что я получу въ скоромъ времени возможно подробное описаніе болѣзни Петра Андреевича. Я отвѣчалъ, что готовъ принять въ управленіе всѣ русскія имѣнія послѣ того, къ кому привязанъ всѣми моими служебными несчастіями. Вотъ исторія помѣшательства Габбе, не столько переданная мнѣ въ описаніи, какъ въ разсказѣ очевидца всѣхъ тѣхъ событій, которыя разстроили умъ моего сотерпѣливца.

Петръ Андреевичъ переѣхалъ на житье для управленія всѣми

имѣніями Льва Александровича въ кіевское имѣніе супруги Нарышкина Ольги Станиславовны, урожденной графини Потоцкой, часто ѣздилъ въ Одессу, гдѣ въ домѣ Л. А. Нарышкина гостилъ, какъ другъ дома. Генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края, графъ, а впослѣдствіи князь Мих. Сем. Воронцовъ, двоюродный братъ по матерямъ Льв. Алекс. Нарышкина, полюбилъ Габбе, и въ домѣ Воронцова онъ былъ принятъ, какъ другъ и сослуживецъ Нарышкина. Лѣтомъ 1833 года гр. Воронцова, Ольга Станисл. Нарышкина и гр. Шуазель отправились на пароходѣ въ Крымъ провести нѣсколько времени въ знаменитой Алупкѣ и спутникомъ своимъ избрали друга своего дома, П. А. Габбе. Бесѣда съ человѣкомъ умнымъ, высоко образованнымъ, начитаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтомъ для женщинъ высшаго круга была ежедневнымъ развлеченіемъ и особенно тамъ, гдѣ не было такому кавалеру соперника. Изъ Алупки ѣздилъ Петръ Андреевичъ къ княгинѣ Голицыной на ея великолѣпную дачу; княгиня была, кажется, еще при императрицѣ Екатеринѣ II-й статсъ-дамой. Въ одинъ вечеръ въ бесѣдкѣ передъ моремъ, княгиня слушала короткій разсказъ Габбе о его бѣдахъ и узнавъ, что въ саратовскомъ имѣніи Нарышкина объ немъ ежемѣсячно губернаторъ обязанъ былъ доносить шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу для доклада государю и наблюдать за нимъ чрезъ земскую полицію, вскрикнула:

— Да знаете ли вы, почему объ васъ такъ хотятъ знать, знаете ли вы, чей вы сынъ!

Габбе на это восклицаніе, какъ говорили мнѣ, не отвѣчалъ ни слова.

Мнѣ говорили, что послѣ вечерней бесѣды съ княгиней Голицыной, Петръ Андреевичъ сдѣлался то задумчивъ, то разсѣянъ. Возвратясь въ Одессу съ своими спутницами, Габбе помѣстился въ домѣ Нарышкина и, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи находившійся при мнѣ правитель дѣлъ главнаго управленія имѣніями Нарышкина, никто не замѣчалъ и признака къ помѣшательству его начальника и благодѣтеля. На третій или четвертый день по возвращеніи изъ путешествія въ домъ Нарышкина, Габбе рано утромъ вошелъ въ залъ графа Воронцова, гдѣ служители убирали комнаты.

. . . . . .

Послѣ небольшаго спора камердинеръ подозвалъ къ себѣ нѣсколько служителей и нежданнаго гостя со всей вѣжливостію вывели подъ руки изъ дома.

По приходѣ въ свои комнаты, Петръ Андреевичъ приказалъ своему служителю и правителю дѣлъ Степ. Вас. Колпинову тотчасъ уложиться и переѣхать со всѣми вещами и дѣлами въ гостиницу, куда немедленно и отправился самъ. Чрезъ два дня изъ гостиницы выѣхалъ Габбе на долгой линейкѣ, разряженный въ какое-то пестрое платье и въ женской шляпкѣ, увязанной лентами и, цвѣтами; на линейкѣ сидѣли пѣвчіе, они пѣли сочиненную помѣшаннымъ поэтомъ пѣснь на французскомъ языкѣ, въ которой выражалась любовь его къ графинѣ Воронцовой. Въ то же время съ линейки разбросалъ онъ по улицѣ на русскомъ, французскомъ и, кажется, еще на англійскомъ языкахъ какіе-то листки . . . . . Полиція представила ихъ генералъ-губернатору графу Воронцову, а автора возвратила въ гостиницу съ обязательствомъ хозяина гостиницы не выпускать изъ номера постояльца впредь до приказанія. Графъ Воронцовъ, пріѣхавъ къ Нарышкину, прочиталъ ему содержаніе листковъ. Между этими двумя родными было положено отправить Габбе въ Николаево къ адмиралу Грейгу и просить Высочайшаго разрѣшенія о выѣздѣ его за границу для излѣченія болѣзни. Габбе жилъ въ Николаевѣ до полученія Высочайшаго повелѣнія. На докладной запискѣ, поданной государю шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, было государемъ собственноручно написано: «позволяется выѣхать съ тѣмъ, чтобы впредь не въѣзжать въ Россію ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, о чемъ предписать всѣмъ полиціямъ». Моршанскій исправникъ баронъ Вернеръ привезъ мнѣ въ Земечину циркуляръ министра, въ которомъ я прочиталъ рѣшеніе судьбы моего сослуживца.

Принявъ все русское имѣніе Льва Александровича въ свое неограниченное управленіе, я привелъ въ исполненіе въ теченіе 7-ми лѣтъ всѣ тѣ моему сотруднику П. А. Габбе представленія, которыя предлагались мной ему для устройства саратовскихъ степей, гдѣ производились крестьянами собственныя работы за многіе десятки верстъ отъ ихъ мѣстожительства. Въ саратовскомъ имѣніи было въ одной окружной массѣ почти на протяженіи ста верстъ сто тысячъ

десятинъ земли, при поселеніи съ небольшимъ 4 тысячъ душъ. Всѣ селенія расположены были къ р. Хопру и владѣли 40 тысячами десятинъ, а 60 тысячъ десятинъ степной земли отдавались подъ пастьбу скота—торговцамъ, подъ сѣнокосъ, распашку. Я разселилъ большія саратовскія селенія по такъ называемой Марьинской степи, назначивъ на каждую мужскую душу по десяти десятинъ удобной земли, кромѣ отведенной подъ поселеніе и большихъ выгоновъ; сверхъ того для каждаго селенія назначены были отрѣзные участки, которые отдавались или самимъ крестьянамъ или стороннимъ подъ распашку и другіе съемы. Упомяну здѣсь объ одномъ селеніи, которому мной было дано названіе Православная.

Въ эту деревню было выселено 300 душъ молоканъ изъ большаго села Альшанки, гдѣ до 500 душъ осталось дѣйствительно православныхъ. Ни убѣжденія духовенства, посылаемаго консисторіей для обращенія молоканъ въ православіе, ни самые пріѣзды для той же цѣли саратовскаго преосвященнаго ни одного молокана не могли обратить въ православіе, и я счелъ за лучшее заблудшихся отдѣлить отъ тѣхъ крестьянъ, которые безпрестанно переходили изъ православія въ молоканство. Когда деревня Православная была уже поселена въ самомъ концѣ Марьинской степи, преосвященный пріѣхалъ въ селеніе Альшанку и, узнавъ, что уже тамъ молоканъ нѣтъ, а поселены они въ 80 верстахъ отъ села Альшанки въ названной мной деревнѣ Православной, сдѣлалъ мнѣ запросъ чрезъ саратовское губернское присутствіе: «почему я далъ деревнѣ такое названіе, которому молокане своимъ образомъ мыслей не отвѣчаютъ, и въ спросѣ преосвященнаго было упомянуто, что я оскорбляю такимъ названіемъ деревни самое православіе.

Я отвѣчалъ на запросъ, что цѣль моя была пріучить молоканъ къ слову православіе, послѣ чего надѣялся, что они современемъ самое слово обратятъ въ дѣло, но какъ преосвященному кажется неприличнымъ данное мной имя деревнѣ, населенной молоканами, то и дано предписаніе волостной графа Нарышкина конторѣ именовать съ этого времени деревню Упорной. И эта деревня и до сихъ поръ упорна въ своемъ заблужденіи. Замѣчу одно, что между молоканами нѣтъ ни пьяницъ, ни воровъ, и они всѣ зажиточные крестьяне. . . . . .

Какъ ни признателенъ былъ мой довѣритель Левъ Александровичъ Нарышкинъ на словахъ, сколь ни допускалъ мнѣ самоуправленіе его имѣніями въ числѣ 12 тысячъ душъ, притомъ со 160 тысячами десятинъ земли, но мелочная признательность его къ честному труду повела насъ сначала къ непріятной съ обѣихъ сторонъ перепискѣ, а потомъ, послѣ 12-ти-лѣтняго моего управленія, и къ самой разлукѣ. Въ канобеевской конторѣ Шацкаго уѣзда утаилъ конторщикъ Василій Масленковъ 4 тысячи руб. ас., которые принялъ при безграмотномъ вотчинномъ бурмистрѣ отъ купцовъ за снятыя ими мельницы, и не записалъ на приходъ. Послѣ нѣсколькихъ отъ меня предписаній канобеевской волостной конторѣ о полученіи съ купцовъ денегъ и моего отношенія къ одному изъ самыхъ почетнѣйшихъ купцовъ города Шацка, молокану Швецову, сынъ старца Швецова явился ко мнѣ и объявилъ мнѣ, что двѣ тысячи за снимаемую имъ мельницу имъ внесены въ канобеевскую контору въ срокъ, назадъ тому уже два мѣсяца. Я отправился въ Канобеево и на мѣстѣ, по обревизованіи всѣхъ сборовъ, открылась утайка 4-хъ тысячъ руб. Канобеевская волость управлялась честнымъ и богатымъ крестьяниномъ Ивантьевымъ, котораго проступокъ состоялъ въ томъ, что ключъ отъ другаго замка денежнаго сундука онъ не бралъ съ собой, а оставлялъ его въ конторѣ; негодяй—для похищенія денегъ, въ увѣренности на безграмотность и довѣрчивость бурмистра, воспользовался обоими ключами, т. е. своимъ и бурмистра. Крестьяне Канобеевской волости были мной собраны въ контору, гдѣ хранились ихъ листки, въ которыхъ было означено, отъ кого слѣдуетъ получить сколько, по окладу, денегъ въ господскую сумму и сколько на уплату казенныхъ податей. Въ листкахъ были вписаны всѣ взносы, а въ окладной волостной книгѣ не были показаны пріемомъ. Улики въ воровствѣ были на лицо, и преступникъ былъ наказанъ, при крестьянахъ, розгами, съ приказаніемъ описать его имущество для продажи и выручки хотя части похищенныхъ имъ денегъ, которыхъ онъ не хотѣлъ добровольно представить ни гроша. По отъѣздѣ моемъ въ Земечину, я получилъ донесеніе канобеевской конторы, что Масленковъ неизвѣстно куда скрылся...

Его научили отправиться въ Одессу къ своему помѣщику съ жалобой какъ на наказаніе, такъ и на невинно взведенный на него на-

четъ. Я написалъ Льву Александровичу о побѣгѣ Масленкова и украденныхъ имъ деньгахъ, но до полученія еще моего письма, воръ явился къ своему господину, который сдѣлалъ мнѣ запросъ, въ чемъ обвиняется мной явившійся къ нему канобеевскій конторщикъ и дѣйствительно ли онъ виноватъ въ томъ, за что́ мной столь строго наказанъ? Отвѣтъ мой былъ повтореніемъ того, что уже было написано моему довѣрителю, и онъ не противорѣчилъ моему взгляду на столь убыточный проступокъ негодяя, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ меня, какъ выражался Левъ Александровичъ, этого естественнаго негодяя допросить снова и дознать, точно ли не отъ ошибочной повѣрки отчетовъ взведенъ мной начетъ на него. Переписка о бѣгломъ между мной и Львомъ Александровичемъ кончилась, и бѣглецъ остался въ Одессѣ на конюшнѣ своего господина до той вещественной благодарности, которую прислалъ мнѣ съ нимъ мой довѣритель и которая снова повела меня къ непріятной перепискѣ съ тѣмъ, кто по образу мыслей былъ истинно благороденъ, но, по неумѣнью цѣнить честный трудъ, былъ даже оскорбителенъ. За доходы во всѣ годы моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Левъ Александровичъ благодарилъ меня иногда такими ничтожными вещами, о которыхъ не разъ напоминалось ему, чтобы онъ избавилъ меня отъ своей памяти, и не разъ ему также было объяснено, что ничтожное вознагражденіе въ отношеніи всѣхъ дѣлъ по его имѣніямъ принято мной единственно изъ уваженія къ желанію Петра Андреевича, который, по пріѣздѣ моемъ въ Земечину, открылъ мнѣ очень плохое положеніе дѣлъ нашего генерала послѣ знаменитаго мотовства его отца, Александра Львовича Нарышкина; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нашего управленія, генералъ могъ жить по-боярски и вознаградить честный трудъ также по-боярски. Левъ Александровичъ читалъ такія напоминанія и все-таки продолжалъ льстить одному самолюбію, что̀ считалъ самымъ выгоднымъ для себя способомъ удерживать у себя тѣхъ, кто былъ ему нуженъ. Гадко было видѣть и знать этотъ способъ благодарности въ человѣкѣ, который говорилъ во всеуслышаніе, что онъ всѣмъ своимъ имѣніемъ обязанъ мнѣ, и этой дешевой болтовней онъ награждалъ не одного меня. Богатый бояринъ льстилъ моему самолюбію даже и такими фразами, которыя могли родиться только въ самомъ разсчет-

ливомъ эгоизмѣ; онъ называлъ меня своимъ сослуживцемъ, когда я никогда не былъ его сослуживцемъ. Нарышкинъ былъ въ Варшавѣ въ свитѣ великаго князя Константина Павловича генераломъ, я въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку подпоручикомъ, и не зналъ Нарышкина, а видалъ его на разводахъ, какъ и самого великаго князя, но съ той разницей, что великій князь Константинъ Павловичъ зналъ меня, какъ и каждаго гвардейскаго офицера, а Нарышкинъ и не видалъ меня. И все это говорилъ человѣкъ, который не хотѣлъ понять, что честный трудъ должно вознаграждать не фразами и оскорбительными вещицами, а соотвѣтственно труду деньгами. Читайте его письма ко мнѣ, и увидите дешевую лесть его; онъ едва-ли понималъ съ первыхъ годовъ чистоту моихъ правилъ, но когда узналъ наконецъ, что и грязный моршанскій базаръ и вся наша подъяческая челядь не смѣли включать меня въ свои собратья по ихъ ремеслу, то уже видѣлъ во мнѣ для себя выгоднаго работника.

Въ 1835 году доходъ отъ моршанскаго имѣнія былъ такъ великъ, что отъ одного этого имѣнія получилъ Левъ Александровичъ столько, сколько не получалъ со всѣхъ своихъ имѣній, и за такой доходъ вздумалъ поблагодарить меня походнымъ экипажемъ, который и переслалъ мнѣ съ преступнымъ Масленковымъ. Предварительно довѣритель мой писалъ мнѣ нѣсколько разъ, что отправляется мнѣ на память нашей дружбы вѣнская коляска, и что онъ надѣется угодить мнѣ своимъ подаркомъ. И, несмотря на мои отвѣты, что я не имѣю надобности въ экипажѣ, который для дорогъ нашихъ неудобенъ и притомъ я привыкъ по всѣмъ его имѣніямъ ѣздить въ простой телѣгѣ, а по Земецкой волости на бѣговыхъ дрожкахъ, несмотря на неприличіе такого подарка, наконецъ явилась передъ моими окнами вѣнская коляска. Было утро, когда коляска прибыла вмѣстѣ съ бѣглымъ конторщикомъ Масленковымъ на дворъ села Земечины. Я видѣлъ, какъ высыпала конторская моя прислуга къ экипажу и какъ удалилась отъ этой дряни. Никто не рѣшился доложить мнѣ о подаркѣ, о которомъ такъ много было переписки и переписки оффиціальной. Я вышелъ, наконецъ, къ вѣнской колескѣ и, бѣгло взглянувъ на подарокъ генерала Нарышкина, сказалъ доставителю коляски, кучеру Льва Александровича, чтобы онъ отправился съ ней назадъ въ Одессу.

Это была гадость ободранная, изъѣзженная, поломанная, словомъ, него дная и для порядочной прислуги не бѣднаго дворянина. Эта коляска повела меня къ перепискѣ съ генераломъ, ему была истолкована вся оскорбительность для меня его подарка, и разсчетливый мой довѣритель, какъ и большая часть ему подобныхъ богатыхъ людей, отвѣчалъ мнѣ одно, что онъ не умѣетъ и не знаетъ, какъ мнѣ угодить. Пересланный вмѣстѣ съ коляской изъ Одессы бѣглый конторщикъ канобеевской конторы Масленковъ былъ отправленъ мною въ саратовское имѣніе для работъ на волахъ.

Скажу здѣсь, что саратовское имѣніе было ввѣрено мной въ управленіе того самого Колпинова, который находился правителемъ дѣлъ перваго главнаго управленія П. А. Габбе. Колпиновъ, по отъѣздѣ Петра Андреевича за границу, былъ отправленъ ко мнѣ съ предоставленіемъ назначить на службу соотвѣтственно его способностямъ и знаніямъ, столь высоко цѣнимымъ нашимъ общимъ другомъ Петромъ Андреевичемъ. Товарищъ конторскихъ служителей, сдѣлавшись ихъ начальникомъ, своими строгими взысканіями за пьянство, нерадѣніе, упущенія по отчетности, — вывелъ самаго буйнаго пьяницу изъ конторскихъ служителей, главнаго конторщика Стеклова, изъ терпѣнія, и этотъ, бывшійнѣ когда по конторѣ начальникомъ Колпинова, началъ тайно доносить Льву Александровичу о страшныхъ безпорядкахъ по саратовскому имѣнію отъ безсмысленнаго управленія Колпинова. Чтобы разлучить двухъ враговъ, главный конторщикъ былъ переведенъ въ кіевское имѣніе супруги Льва Александровича, а Колпиновъ безъ помѣхъ продолжалъ устройство въ степяхъ множества новыхъ деревень, и отъ ломки старыхъ селеній, изъ которыхъ переселялись крестьяне въ новыя, пришлось перестраивать по даннымъ планамъ и старыя селенія, а эта работа вела къ большому ропоту со стороны крестьянъ, которые, какъ извѣстно, тогда только скажутъ спасибо на томъ, когда обживутся на новыхъ мѣстахъ и увидятъ ощутительно пользу тягостныхъ для нихъ переселеній. Конторщикъ Стекловъ въ кіевскомъ имѣніи, куда пріѣзжалъ Левъ Александровичъ, добился, наконецъ, своими разсказами о безпутномъ управленіи Колпинова того, что довѣритель мой, не увѣдомивъ меня, отправилъ для обревизованія управленія Колпинова Михаила Ал. Моршанскаго.

Этотъ братъ по крови,—какъ называлъ его Левъ Александровичъ въ своеручномъ ко мнѣ письмѣ, поданномъ мнѣ Моршанскимъ, когда онъ, по обревизованіи саратовскаго имѣнія, явился ко мнѣ въ Земечину,—осмотрѣлъ всѣ новыя селенія, перестройку старыхъ и, какъ неожиданный ревизоръ, явился и ко мнѣ для осмотра тамбовскаго имѣнія, которымъ я уже самъ лично управлялъ. Не буду описывать, какъ горячо я принялъ къ сердцу недовѣрчивость моего довѣрителя.

Моршанскій отправился съ донесеніями въ Одессу, а я написалъ Льву Александровичу, чтобы онъ готовился пріискать для своихъ дѣлъ другое лицо вмѣсто меня, я же усталъ отъ одного чтенія тѣхъ сплетней, которыя передаются въ Одессу. Мой Левъ Александровичъ отвѣчалъ мнѣ любезностями на мое письмо и благодарилъ меня за устройство его тамбовскаго имѣнія, причемъ просилъ привести въ такой же порядокъ и саратовское его имѣніе. Отвѣтъ мой былъ, что саратовскимъ имѣніемъ я болѣе занимаюсь, чѣмъ тамбовскимъ, и онъ это долженъ видѣть изъ моихъ увѣдомленій, которыя ему посылаются съ мѣста моихъ занятій, т. е. съ Саратовскихъ степей, гдѣ селенія являются, какъ грибы, и нищета также обращается съ оброка на барщину, какъ обращена въ Шацкомъ его имѣніи; польза же такого обращенія уже доказана поправленіемъ оброчныхъ крестьянъ на барщинѣ, при которой не крадется послѣдняя овца крестьянами для уплаты оброка. Я уже говорилъ, что крестьяне на барщинѣ не несли никакихъ повинностей, ни казенныхъ, ни своихъ общественныхъ, кромѣ не отяготительной запашки на помѣщика, который и государственныя подати крестьянъ и всѣхъ родовъ подводныя повинности принималъ на себя.

XXII.

Въ 1838 году скончался въ Петербургѣ родной дядя Льва Александровича, оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарыш-

кинъ, котораго всѣ имѣнія въ разныхъ губерніяхъ, до 25 тысячъ душъ крестьянъ, состояли подъ управленіемъ Высочайше утвержденнаго попечительства, и престарѣлый оберъ-егермейстеръ получалъ отъ огромнаго своего имѣнія по назначенію попечительства на свой прожитокъ только 40 тысячъ руб. ас. Имѣніе Дмитрія Львовича было взято въ опеку по просьбѣ его супруги, Маріи Антоновны, урожденной княгини Четвертинской; Марія Антоновна пріѣзжала изъ Парижа въ Петербургъ и, по своимъ связямъ, легко устроила опеку надъ имѣніемъ своего расточительнаго супруга. Левъ Александровичъ изъ Одессы писалъ мнѣ, что онъ пріѣдетъ въ Москву къ 10-му декабря, и приглашалъ меня повидаться съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ остановится на Покровкѣ въ домѣ покойнаго брата своего, Кирилла Александровича, и гдѣ и для меня будетъ готово помѣщеніе. Несмотря на запретъ о невъѣздѣ моемъ въ три столицы, т. е. Петербургъ, Москву и Варшаву, я отправился въ путь и въ три часа утра передъ заставой вылѣзъ изъ саней, и пѣшкомъ около будки вошелъ я въ запрещенную для меня матушку-Москву. Кромѣ указа объ отставкѣ, у меня не было никакого вида, и мнѣ представлялось, что допросъ часоваго или караульнаго офицера о моей личности можетъ кончиться тѣмъ, что отправятъ меня къ коменданту. Когда я вылѣзалъ изъ саней, возница мой сказалъ мнѣ: «Да ты скажи, что хозяинъ, дай часовому пятиалтынный, тады и въ караулку не надать ходить, пропуститъ». Я далъ возницѣ четвертакъ на безостановочный проѣздъ, а самъ все-таки прошелъ мимо часоваго пѣшкомъ. Подъѣхавъ къ дому Кирилла Александровича Нарышкина, въ нижнемъ этажѣ я увидалъ венеціанское окно все въ свѣту отъ свѣчей на столѣ, и послѣ узналъ, что Левъ Александровичъ всталъ отъ сна и сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ; довѣритель мой ложился спать въ 8-мь часовъ вечера и вставалъ въ три часа утра. Въ 9-ть часовъ утра я представился тому, котораго видалъ въ Варшавѣ на Саксонскомъ плацу, котораго зналъ по отзывамъ П. А. Габбе, какъ человѣка благороднаго, и въ Москвѣ увидалъ передъ собой красиваго, величаваго, любезнаго стараго воина, которому на видъ казалось не болѣе 40 лѣтъ, а ему было уже, кажется, за 60. И эта молодость была искусственная: зубы, волосы, цвѣтъ лица были не свои. Не буду описывать любез-

ностей, которыя говорятся тому, кто нуженъ расточителю любезныхъ словъ, скажу коротко, что Левъ Александровичъ вызывалъ меня на совѣтъ о выдачѣ его теткѣ, вдовѣ Марьѣ Антоновнѣ, 7-й части изъ всего имѣнія недавно скончавшагося ея мужа. Мнѣ извѣстно было только одно тамбовское имѣніе, сосѣднее съ имѣніями Льва Александровича и Кирилла Александровича, и въ одномъ изъ этихъ имѣній въ Моршанскомъ уѣздѣ было до 6 тысячъ душъ крестьянъ съ 60 тысячами десят. земли, и въ Шацкомъ тоже 6 тысячъ душъ и столько же земли, такъ что въ обоихъ уѣздахъ было 12 тысячъ душъ и 120 тысячъ десят. земли, изъ коихъ болѣе 60 тысячъ десят. лѣсу сосноваго и чернолѣсья. Послѣ многихъ соображеній и разсчетовъ, положено было назначить Марьѣ Антоновнѣ Таранжинскую вотчину, сосѣднюю съ Земецкой волостію, гдѣ въ селѣ Земечинѣ была моя постоянная штабъ-квартира, и на первое время я не отказался отъ управленія этимъ назначаемымъ Марьѣ Антоновнѣ имѣніемъ. Когда было мной замѣчено, что Марьѣ Антоновнѣ слѣдуетъ на 7-ю часть не болѣе 3-хъ тысячъ крестьянъ, а въ Таранжинской вотчинѣ всего было 6 тысячъ, то Левъ Александровичъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы настоять на выдѣлѣ ей всего имѣнія въ Моршанскомъ уѣздѣ. Левъ Александровичъ боготворилъ свою тетушку, и надобно было видѣть, съ какой страстной любовью онъ заступался за права Марьи Антоновны не только на часть имѣнія покойнаго его дяди, но и на все его имѣніе. Я замѣтилъ также, что у Дмитрія Львовича есть прямой наслѣдникъ, его сынъ, Еммануилъ Дмитріевичъ; на это отвѣтилъ мнѣ мой довѣритель рѣзко, что его не надобно имѣть въ виду.

Въ Петербургѣ товарищи по службѣ Льва Александровича были министрами, родные занимали высшія государственныя или придворныя должности, и обожаемая тетушка хотя уже и старая, но и въ старости первенствующая красавица, получила саратовское имѣніе, лучшее изъ всѣхъ имѣній, какъ оказалось по всѣмъ отчетамъ въ Петербургѣ, подъ названіемъ Рудненской вотчины, въ которой было 6 т. душъ крестьянъ и до 100 т. десятинъ земли. Сынъ Марьи Антоновны, Еммануилъ Дмитріевичъ, благородный, скромный, великодушный, не бойкій на словахъ, но умный на дѣлѣ, д о л ж е н ъ б ы л ъ согласиться на выдѣлъ столь огромнаго

имѣнія матери, которая не любила его. Послѣ такого подвига для своей тетушки, Левъ Александровичъ отправился снова на житье въ Одессу, гдѣ для Марьи Антоновны былъ устроенъ великолѣпный дворецъ, въ которомъ она жила, пріѣзжая въ Одессу изъ заграничныхъ своихъ поѣздокъ.

Для принятія въ управленіе Рудненской волости, былъ высланъ Львомъ Александровичемъ Моршанскій, который являлся ревизоромъ въ саратовскомъ имѣніи. Левъ Александровичъ поручилъ Колпинову составить подробную опись имѣнію Марьи Антоновны, и это оторвало его отъ управленія ввѣреннымъ ему мной имѣніемъ на два мѣсяца. Опись Рудненской волости знатокомъ такого дѣла, какъ Колпиновъ, была отправлена въ Одессу; Колпиновъ воротился на свое мѣсто, увѣдомивъ меня частно, что Моршанскій ни малѣйшаго понятія не имѣетъ ни о нашемъ мужикѣ, ни объ отчетности, ни о хозяйствѣ и что все при немъ еще болѣе разстроится, чѣмъ при управлявшихъ Рудненскою волостію до смерти покойнаго Дмитрія Львовича. Скоро безпорядки отъ управленія Моршанскаго сдѣлались ясными и въ Одессѣ, и состоявшій при Марьѣ Антоновнѣ генералъ Брозинъ самъ отправился для устройства управленія по Рудненской волости. Брозинъ проѣздомъ въ село Руднюю прибылъ въ село Завьялово, гдѣ находился Колпиновъ. Генералъ Брозинъ вручилъ любезное письмо Колпинову отъ генерала Нарышкина, который при письмѣ, въ знакъ благодарности за составленную опись Рудненской волости, пересылаетъ ему д в а съ $^1/_2$ аршина отличнаго сукна на сюртукъ. Брозинъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, передавая этотъ щедрый даръ честному и неутомимому труженику; онъ также хорошо зналъ, что это не есть насмѣшка Нарышкина надъ трудомъ Колпинова, но цѣликомъ вылилась душа Льва Александровича въ этихъ $2^1/_2$ аршинахъ. Колпиновъ, получивъ такой даръ, написалъ мнѣ, что бывшій господинъ его прислалъ ему на штаны $2^1/_2$ аршина сукна и что онъ теперь ждетъ холста.... Я былъ до того разсерженъ мелочностію моего довѣрителя, которому уже не разъ было писало, чтобы онъ не разорялся на подарки, до того, говорю, былъ взбѣшенъ, что при своемъ запальчивомъ письмѣ приложилъ и самое письмо Колпинова. Въ письмѣ я настоятельно требовалъ, чтобы на мое мѣсто былъ высланъ преем-

никъ мнѣ, иначе, писалъ я, дамъ приказъ во всѣ вотчинныя конторы тамбовскаго и саратовскаго имѣній, чтобы болѣе ко мнѣ не относились, а обо всемъ доносили и на все испрашивали разрѣшенія отъ самого владѣльца, бывшаго моего довѣрителя. Не моя угроза, а письмо Колпинова заставили отвѣчать мнѣ такъ: «я замаралъ мой ротъ чтеніемъ письма моего лакея и вижу, что вы, забывъ ваше древнее дворянское званіе, вошли съ моимъ лакеемъ въ такую переписку, которая заставляетъ меня предполагать, по горячему вашему участію, дружескія съ нимъ отношенія, столь неприличныя вашему званію. Я исполню въ скоромъ времени мое и ваше желаніе: васъ замѣститъ инженеръ-капитанъ Ивановъ».

До пріѣзда ко мнѣ моего преемника снова явился ко мнѣ братъ по крови и, погостивъ у меня съ недѣлю отправился не знаю куда, кажется, въ Москву, а когда въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ село Земечину г. Ивановъ, для принятія отъ меня въ управленіе тамбовскаго и саратовскаго имѣній, то г. Моршанскій снова явился и жилъ въ Моршанскѣ. Инженеръ-капитанъ Евгеній Андреевичъ И в а н о в ъ на мѣстѣ убѣдился, что каждое имѣніе моего довѣрителя дѣйствительно каждый управляющій могъ преемнику своему сдать въ нѣсколько часовъ. Повторяю, что по выдававшимся мной довѣренностямъ каждому управляющему имѣніемъ поставлялось въ обязанность: распоряжаться частію хозяйственной по своему усмотрѣнію, а, въ случаѣ какихъ-либо нововведеній, перемѣны дѣлать съ моего разрѣшенія; сборъ денежнаго оброка производить подъ моимъ надзоромъ, причемъ казначей принимаетъ деньги, записываетъ пріемъ въ именную окладную книгу, а крестьянину—въ выданный отъ вотчиной конторы, за скрѣпой управляющаго и казначея, листокъ. Храненіе денегъ, хлѣба, матеріаловъ, вещей и вообще всего, принадлежащаго помѣщику ввѣрялось его крѣпостнымъ людямъ, избираемымъ или обществомъ, крестьянъ за ихъ отвѣтственностію за избираемаго, или самимъ управляющимъ имѣніемъ, но изъ крѣпостныхъ владѣльца, и въ такомъ случаѣ онъ не подвергалъ себя отвѣтственности за утраты имъ избраннаго. Всѣ отчеты по конторамъ были подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. управляющаго, если же онъ не былъ знатокомъ этого дѣла, то казначей, конторщикъ и письмоводитель казенной части, каждый

за вѣрность и честность своихъ отчетовъ отвѣчалъ предъ главнымъ моимъ управленіемъ, гдѣ ни одна бумага и ни одинъ отчетъ не передавались письмоводителямъ денежной, хозяйственной и казенной частей безъ моего рѣшенія. Управляющій имѣніемъ лично долженъ былъ продавать хлѣбъ и все назначаемое въ продажу по условіямъ, изъ коихъ подлинное оставлялось въ вотчинной конторѣ, а покупщику выдавалась копія за скрѣпой управляющаго и подписью казначея, и продажа дѣлалась всегда или въ вотчинной конторѣ или въ другомъ мѣстѣ, но въ присутствіи казначея. На условіяхъ покупщикъ расписывался въ выдачѣ денегъ на подлинномъ условіи, а казначей на выданной покупщику копіи. По окончаніи разсчета съ покупщикомъ, подлинное условіе при годичныхъ отчетахъ представлялось въ главное управленіе всѣми имѣніями. Въ главное управленіе вотчинныя конторы доставляли отчеты: 1) ежемѣсячно вѣдомость о приходѣ и расходѣ денегъ. 2) По истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ такъ называемые третные отчеты о хлѣбѣ, матеріалахъ, скотѣ, птицѣ, и краткая вѣдомость о приходѣ и расходѣ денегъ по статьямъ; и 3) По истеченіи года, который начинался съ 1 іюля, статейная вѣдомость за весь годъ о приходѣ и расходѣ денегъ и повѣрочная вѣдомость всѣхъ родовъ магазиновъ и строеній, въ которыхъ всѣ вещи, равно какъ и въ домахъ, были вносимы въ описи и за утерю ихъ отвѣчали тѣ, кто былъ приставленъ хранителемъ ихъ. Чтобы оградить отъ толковъ про управляющихъ имѣніями, была установлена повѣрка честной ихъ продажи: каждому давалось право дѣлать справки съ книгами покупщиковъ, особенно купеческихъ прикащиковъ, и если оказывалось, что въ книгѣ покупщика цѣна покупки была показана выше цѣнъ, по которымъ сдѣлана продажа, тогда виноватый обнаруживался. Эта мѣра вела къ тому, что прикащики, изъ которыхъ честныхъ у насъ очень мало, рѣдко дѣлали какія-либо покупки въ имѣніи моихъ довѣрителей, а казенные хлѣбные коммиссіонеры никогда, кромѣ истинно честнаго и изумительно дѣятельнаго управленія государственнымъ коммиссаріатомъ генералъ-провіантмейстеромъ Петромъ Алексѣевичемъ Булгаковымъ. Г-нъ Ивановъ, ознакомясь чрезъ получаемые отчеты въ главное управленіе изъ всѣхъ вотчинныхъ конторъ, какъ инженеръ, которому отчетность была хорошо

извѣстна, принялъ всѣ имѣнія безъ всякихъ для меня остановокъ. Я писалъ предварительно Льву Александровичу, что готовъ до 1 мая руководить г-на Иванова по всѣмъ дѣламъ управленія его имѣніями, если онъ признаетъ мое предложеніе для себя не безполезнымъ, и этотъ вызовъ былъ принятъ моимъ генераломъ съ благодарностію. Преемникъ мой пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ и до 1-го мая оставался при мнѣ въ видѣ помощника.

12-го мая 1840 года, проживъ въ селѣ Земечинѣ 12 лѣтъ, отправился я на своихъ подводахъ гужомъ чрезъ Пензу и Казань въ Уфу. Не буду описывать моршанскаго общества, которое вездѣ во всѣ времена и на всѣхъ своихъ ступеняхъ складывается изъ слабостей, страстей, глупостей и рѣдко согласія. . . . . .

При такомъ настроеніи членовъ общества не считаю нужнымъ и ознакомливать съ лицами такого общества. Пишу это замѣчаніе въ тотъ годъ и именно 1865-й, когда великая душа нашего монарха дала намъ судебные уставы и сказала: не берите болѣе взятокъ, не воруйте общественнаго достоянія, а до этого устава взяточникъ былъ на взяточникѣ, воръ на ворѣ и съ самаго верха до самаго низа. Городничій, судья, исправникъ давали еженедѣльно такіе вечера, съ которыми не могли соперничать даже и губернскіе балы,—а между тѣмъ получали такое отъ правительства жалованье, котораго едва доставало на отопленіе ихъ помѣщеній. Не сочту однако лишнимъ замѣтить здѣсь, что устройство множества новыхъ селеній и перестройка старыхъ, несмотря на временный ропотъ крестьянъ, не вводили меня въ столкновенія ни съ губернскими, ни съ уѣздными властями, какъ въ Тамбовской, такъ и въ Саратовской губерніяхъ, а между тѣмъ все имѣніе моего довѣрителя было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, безъ разрѣшенія котораго я не имѣлъ права ломать; власти были убѣждены, но словами, а не деньгами, что всѣ перемѣны дѣлаются для пользы крестьянъ и ихъ владѣльца. Къ чести всѣхъ властей, я не былъ ихъ данникомъ.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ,

НАМѢСТНИКЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

(1863—1874 г.).

(Матеріалы для исторіи усмиренія польскаго мятежа 1863—1864 г. и послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій въ Привислянскомъ краѣ).

XIII [1]).

Пожалованіе маіоратами,

Во время намѣстничества графа Берга, большое число казенныхъ земель и лѣсовъ перешло въ частныя руки, на маіоратномъ правѣ. Раздача угодій приняла довольно широкіе размѣры, и хотя она при графѣ Бергѣ вовсе не превзошла размѣровъ маіоратныхъ пожалованій послѣ 1831 года, при князѣ Паскевичѣ, однако поляки въ шутку называли это четвертымъ раздѣломъ.

Началась особая «маіоратная лихорадка», овладѣла весьма многими изъ служащихъ въ Царствѣ Польскомъ и бо́льшимъ числомъ лицъ изъ мѣстнаго польскаго общества. Служащіе, считавшіе себя имѣющими право на столь выдающуюся награду,—а кто не мнилъ себя достойнымъ этого—стремились обезпечить себѣ во-первыхъ представленіе къ награжденію маіоратомъ и, во-вторыхъ, возможно лучшій составъ будущаго имѣнія, пріисканіемъ для включенія въ него цѣнныхъ лѣсныхъ дачъ и выгодныхъ, вслѣдствіе низ-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII, январь, февраль и мартъ.

кой оцѣнки, фольварковъ. Въ польскомъ обществѣ волненіе было не меньшее. Арендаторы, пользовавшіеся долгое время за ничтожную аренду превосходными казенными оброчными статьями, опасаясь потерять ихъ, усердно разыскивали награждаемыхъ, предлагая имъ избрать тѣ или другіе изъ содержимыхъ ими фольварковъ, въ надеждѣ сдѣлаться ихъ администраторами у новыхъ владѣльцевъ и тѣмъ сохранить хотя бы часть прежде получавшихся доходовъ. Съ ними конкуррировали частные арендаторы, давно уже искавшіе случая заполучить себѣ казенную аренду. Эти лица очень хорошо знали достоинства разныхъ имѣній, и ихъ совѣты могли быть весьма полезными. Такимъ же посредничествомъ охотно занялись и нѣкоторые чиновники финансоваго вѣдомства, знавшіе всѣ тонкости дѣла, и часто владѣвшіе сами, черезъ подставныхъ лицъ, многими изъ лучшихъ фольварковъ. Лица, не заинтересованныя матеріально, съ интересомъ слѣдили за обращеніемъ въ частныя руки послѣднихъ государственныхъ имуществъ края, нѣкогда весьма обширныхъ и цѣнныхъ.

Графа Берга многіе упрекали прямо въ расхищеніи казеннаго имущества. Преемникъ его, графъ П. Е. Коцебу, въ разговорѣ со мною по этому дѣлу, съ горячностью заявлялъ, что раздачею маіоратовъ, графъ Ѳ. Ѳ. значительно умалилъ свои заслуги по умиротворенію Царства Польскаго [1]). Не отрицая, что въ дѣлѣ раздачи маіоратовъ съ 1866 по 1870 г. были допущены немалыя послабленія, я всячески однако доказывалъ моему собесѣднику, что графъ Бергъ не самъ измыслилъ этотъ способъ награжденія, а слѣдовалъ бывшему примѣру и на раздачу маіоратовъ имѣлъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ князь Паскевичъ, потому что во время графа Берга не только были совершены военные подвиги по усмиренію мятежа, но и исполнены многія коренныя реформы, пересоздавшія гражданское устройство края и положившія прочныя основанія къ окончательному его слитію съ имперіей. Допущенныя несообразности происходили отъ малаго знакомства графа Берга съ бюрократическими

[1]) „C'était une vraie spoliation du denier publique"—говорилъ Коцебу. Графъ Коцебу маіората не получилъ, но исходатайствовалъ себѣ другую награду; ему, на правахъ полной собственности, пожалованъ лѣсной участокъ съ ежегоднымъ доходомъ въ 4.000 руб.

порядками и его неограниченнаго довѣрія къ лицамъ, близко стоявшимъ къ маіоратнымъ операціямъ. Не успустилъ я указать и на то, что лично о себѣ графъ Бергъ не хлопоталъ и получилъ столько же, сколько было дано многимъ изъ его сотрудниковъ, и несравненно менѣе, чѣмъ князь Варшавскій.

Во всякомъ случаѣ, собирая матеріалы для біографіи графа Берга, приходится подробно остановиться на раздачѣ маіоратовъ и выяснить этотъ вопросъ, по возможности, во всемъ его объемѣ, приведя данныя и за время Паскевича.

Лѣтъ двадцать тому назадъ (въ 1873 г.), я по этому вопросу успѣлъ собрать весьма подробныя свѣдѣнія по семи (изъ десяти) привислянскимъ губерніямъ. Въ этихъ матеріалахъ, кромѣ списка маіоратныхъ владѣльцевъ, показаны: время пожалованія, сумма дохода, въ которой данъ маіоратъ, число входящихъ въ него фольварковъ и лѣсныхъ дачъ съ точными цифрами ихъ пространства, оцѣнки доходности и количества наложенныхъ казенныхъ податей. Въ неполныхъ свѣдѣніяхъ по остальнымъ тремъ губерніямъ имѣются лишь данныя:—о фамиліяхъ маіоратныхъ владѣльцевъ, суммѣ пожалованія, а иногда и числѣ данныхъ фольварковъ безъ указанія пространства и доходности какъ ихъ, такъ и лѣсовъ. Это отсутствіе однородныхъ данныхъ по всѣмъ губерніямъ края и помѣшало мнѣ представить въ свое время маіоратное землевладѣніе въ той подробности, какъ это было задумано, тѣмъ болѣе, что по многимъ изъ вновь пожалованныхъ маіоратовъ отводы фольварковъ и лѣсовъ не всюду еще были закончены, слѣдовательно, многія цифры подлежали болѣе или менѣе существенному измѣненію. Этихъ послѣднихъ свѣдѣній нѣтъ у меня и нынѣ, а потому и теперь я лишенъ возможности исполнить мою прежнюю задачу.

Но другой съ стороны, постановленія бывшаго Учредительнаго комитета (изданіе въ 21 томѣ) даютъ массу дополнительныхъ свѣдѣній: 1) о порядкѣ назначенія старымъ маіоратнымъ владѣльцамъ пособій за понесенныя ими потери отъ устройства крестьянъ по закону 1864 г. и 2) объ образованіи новыхъ маіоратовъ, пожалованныхъ при графѣ Бергѣ. Сопоставленіе этихъ данныхъ между собою и пополненіе однихъ изъ нихъ другими помогаютъ—оставя мысль о представленіи точныхъ данныхъ по каждому маіорату въ отдѣль-

ности—дать общую картину маіоратнаго владѣнія въ Привислянскомъ краѣ съ главнѣйшими цифровыми данными о маіоратахъ обѣихъ серій (Паскевича и Берга), съ подраздѣленіемъ на разряды по суммѣ пожалованія. Конечно, сдѣланныя мною исчисленія не изъяты отъ погрѣшностей, но таковыя не могутъ быть значительными (при исчисленіяхъ брались среднія показанія) и не измѣняютъ сути дѣла. Посему свѣдѣнія о маіоратахъ въ Привислянскомъ краѣ, впервые являющіяся въ нашей литературѣ, могутъ быть рекомендованы достаточными и достовѣрными. Должно добавить, что лѣтомъ 1892 г. мнѣ удалось освѣжить прежде собранные матеріалы справками о маіоратистахъ, проживающихъ въ пожалованныхъ имѣніяхъ и ведущихъ въ нихъ свое хозяйство. Получены нѣкоторыя данныя и о размѣрѣ современныхъ доходовъ съ маіоратныхъ имѣній. Эти новыя свѣдѣнія помогли снабдить мою работу нѣсколькими небезъинтересными штрихами.

Начало раздачи маіоратовъ въ Привислянскомъ краѣ положено Наполеономъ I. Въ 1807 году онъ роздалъ въ маіораты своимъ маршаламъ и генераламъ большое число имѣній, принадлежавшихъ казнѣ бывшаго герцогства Варшавскаго. По Высочайшему повелѣнію 2-го мая 1813 г. (Дневникъ законовъ, томъ VI), тѣ изъ этихъ имѣній, которыя находились въ предѣлахъ Царства Польскаго, были возвращены въ казну. Таковыхъ имѣній было: въ Варшавскомъ воеводствѣ—15; въ Плоцкомъ—7; въ Калишскомъ—3 и въ Краковскомъ—12, а всего 37. Тогда же повелѣно было принять мѣры къ исключенію правъ маіоратныхъ владѣльцевъ названныхъ имѣній изъ ипотечныхъ книгъ. Впослѣдствіи, по конвенціи между Россіей и Пруссіей, заключенной 10 (22) мая 1819 г. было, между прочимъ, постановлено: «претензіи арендаторовъ конфискованныхъ маіоратовъ должны быть заявляемы казнѣ, владѣющей нынѣ этими имѣніями, и будутъ удовлетворены тою же казною».

Раздавая маіораты своимъ маршаламъ и генераламъ, Наполеонъ, разумѣется, имѣлъ въ виду только одну цѣль—вознаградить ихъ заслуги, не тратя на то собственно французскихъ средствъ.

Послѣ окончанія кампаніи 1830—1831 гг., князь Варшавскій послѣдовалъ примѣру Наполеона, но самому способу вознагражденія пожалованіемъ маіоратовъ придалъ характеръ политической мѣры — «водворенія въ польскомъ краѣ прочнаго русскаго элемента и православія». Опытъ протекшихъ, съ того времени, 60 лѣтъ съ несомнѣнною ясностью доказалъ, что цѣль эта осуществилась весьма мало, да иначе и быть не могло. Вникая въ суть дѣла, можно, не погрѣшая противъ истины, сказать, что раздача маіоратовъ, предпринятая княземъ Паскевичемъ, была мѣрою, тождественною съ принятою Наполеономъ, патріотическо же политическій характеръ былъ приданъ ей только для виду и для болѣе легкаго, можетъ быть, проведенія проекта.

Самая мысль о водвореніи прочнаго русскаго и православнаго элемента въ Царствѣ Польскомъ была въ 1830-хъ годахъ совершенно несвоевременною. Не считая горсти жившихъ тамъ старообрядцевъ и уніатовъ, все болѣе и болѣе поглощаемыхъ полонизмомъ и католицизмомъ, весь край былъ густо заселенъ поляками и вся его интеллигенція — къ которой прежде всего принадлежали помѣщики — была польская. Между помѣщиками было множество людей весьма богатыхъ и вліятельныхъ. Русскіе же люди попадали тогда въ Привислянскій край только въ составѣ войскъ, а между постоянными жителями ихъ безусловно не было. Русскій элементъ, чтобы быть прочнымъ и способнымъ поддерживать православіе и русскую народность, долженъ былъ вступить въ борьбу съ польскою интеллигенціею и если не побѣдить ее, то служить ей противовѣсомъ по большой численности своихъ представителей и имущественному ихъ положенію. Подобное явленіе могло бы возникнуть только тогда, когда значительная часть имѣній находилась бы въ русскихъ рукахъ. Между тѣмъ, чѣмъ же хотѣли достигнуть упроченія русскаго элемента? — раздачею 138 маіоратовъ съ среднимъ ежегоднымъ доходомъ до 1.600 руб. каждый, причемъ маіоратныя имѣнія были разбросаны по всему краю. Понятно, что столь недостаточные маіоратисты хотя бы они и всѣ поселились въ краѣ, тотчасъ же затерялись бы въ общей массѣ мѣстныхъ помѣщиковъ и не имѣли бы никакихъ данныхъ получить надъ ними вліяніе и высоко держать знамя русской народности. Такимъ образомъ, уже самый размѣръ

жертвы, на которую рѣшалось правительство для водворенія прочнаго русскаго элемента, доказывалъ, что имѣющіяся средства нисколько не соотвѣтствуютъ предположенной цѣли и пропадутъ безрезультатно. Словомъ, главная мысль учрежденія маіоратовъ была невѣрною въ основаніи. Настолько же неудачны были и подробности ея исполненія.

Маіораты учреждены были шести разрядовъ: въ 4.500 руб. годоваго дохода, въ 3.000 руб., 2.250 руб., 1.500 руб., 1.200 руб. и 750 руб. Крупные маіораты въ 4.500 руб. и 3.000 руб. даны были лицамъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, дошедшимъ уже до самыхъ высшихъ или весьма видныхъ степеней служебной іерархіи. Мелкіе, отъ 1.500 руб. до 750 руб., пошли въ вознагражденіе особо отличившимся и болѣе молодымъ генераламъ, штабъ и даже оберъ-офицерамъ, т. е. лицамъ, имѣвшимъ всѣ права надѣяться сдѣлать, современемъ, болѣе или менѣе блестящую служебную карьеру.

Очевидно, что лица перваго разряда, какія бы выгоды ни извлекали они изъ данныхъ имъ маіоратовъ, получали гораздо бо́льшія средства отъ прямаго продолженія своей службы. Оставить службу и усѣсться въ маіоратахъ для нихъ было вполнѣ не выгодно. Люди молодые и только вступавшіе въ развитіе своей служебной дѣятельности и карьеры, тоже самое не могли изъ-за какихъ-нибудь 2.250, 1.500, 1.200 и 750 руб. промѣнять свою службу на роль сельскихъ хозяевъ. Впрочемъ, и помимо этого, новопожалованнымъ маіоратистамъ для начала сельскаго хозяйства не доставало ни познаній, ни денежныхъ средствъ на веденіе дѣла лично или черезъ наемныхъ управляющихъ. А безъ послѣднихъ обойтись было невозможно, потому что маіораты составлялись изъ имѣній, находившихся на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, и иногда лежали въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Кромѣ того, маіоратныя имѣнія не подлежатъ обремененію долгами, а слѣдовательно не даютъ ихъ владѣльцамъ ни малѣйшаго кредита. Наконецъ, было еще одно обстоятельство, особенно сильное въ то время и радикальнымъ образомъ парализовавшее положеніе началу русскаго земельнаго хозяйства въ Царствѣ Польскомъ. Это обстоятельство заключалось въ совершенной обособленности края, имѣвшаго свои законы и учрежде-

нія и представлявшагося просто-таки недоступнымъ для русскихъ людей. Они были въ немъ совершенно чужими и не могли надѣяться ни на симпатіи общества, которому между тѣмъ должны были импонировать, ни на поддержку правительственныхъ властей, бывшихъ исключительно польскими.

Всѣ эти обстоятельства отлично были извѣстны князю Паскевичу, и онъ не могъ обманываться мечтою насадить въ Царствѣ Польскомъ, путемъ раздачи маіоратовъ, прочный русскій элементъ. Но если онъ долженъ былъ знать и зналъ, что никто изъ маіоратныхъ владѣльцевъ не поселится тотчасъ же въ краѣ и не будетъ вести хозяйства за свой счетъ,—то все-таки могъ предполагать, что невозможное въ его время сдѣлается болѣе исполнимымъ впослѣдствіи. На этихъ послѣднихъ предвидѣніяхъ онъ и могъ, съ видимою добросовѣстностью, считать предлагаемую имъ мѣру патріотично-политическою, тѣмъ болѣе, что серьезные опыты не всегда могутъ сразу привиться къ жизни и немедленно же дать благіе результаты; въ большей же части случаевъ ими только закладываются зародыши будущихъ успѣховъ.

При князѣ Паскевичѣ всѣхъ маіоратовъ роздано было 138, на сумму годоваго дохода въ 219.300 р. Маіораты были даны:

I.

1) Помощнику командира отдѣльнаго корпуса, ген.-ад. Бистрому; 2) командиру 2-го пѣхотнаго корпуса, барону Крейцу; 3) командиру отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, ген.-ад. Набокову; 4) командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, ген.-ад. Ридигеру; 5) главноуправляющему путями сообщенія, ген.-ад. графу Толю; 6) главному директору правительственной коммиссіи финансовъ, тайному совѣтнику Фурману и 7) военному министру, ген.-ад. графу Чернышеву—въ 4.500 рублей.

II.

1) Генералъ-квартирмейстеру дѣйствующей арміи, ген.-ад. Бергу; 2) главному директору прав. ком. внутреннихъ и духов-

ныхъ дѣлъ, ген.-лейт. Головину; 3) начальнику артиллеріи дѣйств. арміи, ген.-лейт. Гиленшмиту; 4) начальнику главнаго штаба дѣйств. арміи, ген.-ад. князю Горчакову; 5) командиру 1-го пѣх. корп., ген.-ад. барону Гейсмару; 6) начальнику инженеровъ дѣйств. ар., ген.-лейт. Дену; 7) находящемуся при главнокомандующемъ дѣйств. ар., тайному совѣтнику Жуковскому; 8) генералъ-адъютанту ген.-лейт. графу Ностицу; 9) ком. 6-го пѣх. корп., ген.-ад. Нейдгарту; 10) начальнику 3-й гренадерской дивизіи, ген.-лейт. Обручеву; 11) нач. 1-й легкой гвардейской кав. дивизіи, ген.-лейт. Пенхержевскому; 12) нач. 2-й грен. див., ген.-лейт. Полешко; 13) Варшавскому военному губернатору, ген.-ад. Панкратьеву; 14) нач. 2-й легкой кав. дивизіи, ген.-лейт. Сиверсу; 15) малолѣтнему сыну умершаго начальника 4-й пѣх. див., г.-л. Свѣчина (маіоратъ Лабно); 16) ком. отд. Сибирскаго корпуса и генералъ-губернатору Западной Сибири, г.-л. Сулимѣ; 17) нач. 9-й пѣх. див., г.-л. Тимоѳееву; 18) нач. 5-й пѣх. див., г.-л. Штегману и 19) предсѣдателю главнаго аудиторіата, ген. отъ инф. князю Шаховскому (м. Куписки-Новгородъ)—въ 3.000 рублей.

III.

1) Генералу Граббе; 2) дежурному генералу главнаго морскаго штаба, ген.-ад. Колзакову; 3) генералу Лидерсу [1]); 4) нач. 1 пѣх. див. г.-л. Мандерштерну; 5) нач. 1 легкой кав. див., г.-л. барону Оффенбергу; 6) члену полеваго аудиторіата, г.-л. Полуэктову; 7) Писареву; 8) нач. 12-й пѣх. див., г.-л. Рейбницу; 9) князю Суворову; 10) генералу Скобелеву; 11) генералу Чаадаеву; 12) генералу Шульгину; 13) генералу Штрандману, и 14) нач. 4-й легк. кав. див., г.-л. Шабельскому—въ 2.250 р.

---

[1]) Въ 1862—1868 г. маіоратъ графа Лидерса (Холмъ) увеличенъ до размѣра годоваго дохода въ 4500 руб.

IV.

1) Ком. 2-й бригады 8-й пѣх. див., г.-м. Аристову; 2) ком. 1-й бр. 3 пѣх. див., г.-м. Арсеньеву; 3) и. д. начальника штаба войска донскаго, полковнику Бердяеву; 4) военному начальнику Краковскаго воеводства, г.-м. Болену; 5) воен. нач. Сандомірскаго воеводства, г.-м. Бушену; 6) дежурному генералу дѣйст. ар., г.-м. Викинскому; 7) воен. нач. Люблинскаго воеводства, г.-м. Гурко; 8) нач. 2-й уланской див., г.-м. барону Корфу; 9) нач. 7-й пѣх. див., г.-м. Куприянову; 10) ком. 1-й бр. 6-й пѣх. див., г.-м. Крюкову; 11) ком. 1-й бр. 8-й пѣх. див., г.-м. Коцебу; 12) ком. 1-й бр. 7-й пѣх. див., ген.-м. Маркову; 13) ком. 2-й бр. 9-й пѣх. див., г.-м. Мартынцеву; 14) состоящему при арміи, г.-м. Мартынову; 15) начальнику III округа корпуса жандармовъ, г.-м. графу Нессельроде; 16) состоящему при главноком. дѣйст. ар., г.-м. Окуневу; 17) ком. 2-й бр. 3-й пѣх. див., г.-м. Плаутину; 18) ком. 2-й бр. 4-й пѣх. див., г.-м. Пущину; 19) ком. 8-й пѣх. див., г.-м. Панютину; 20) состоящему при главноком. дѣйст. ар., г.-м. Прянишникову; 21) и. д. генералъ-интенданта дѣйст. арм. 4-го класса Погодину (маіоратъ Осѣкъ); 22) сост. при главнок. дѣйст. ар., г.-м. Реаду; 23) начальнику Новгородскаго удѣла пахотныхъ солдатъ, г.-м. Старченкову; 24) ком. 2-й бр. 6-й пѣх. див. г.-м. Симишину; 25) и. д. генералъ-полиціймейстера дѣйст. ар. и вице-президенту г. Варшавы, г.-м. Стороженко; 26) коменданту г. Варшавы, г.-м. Тутчеку; 27) ком. 1-й бр. 9-й пѣх. див., г.-м. Фези, 28) нач. 2-й артиллерійской дивизіи, г.-м. Федоренко, и 29) нач. штаба 3-го пѣх. кор. свиты, г.-м. барону Фредериксу—въ 1.500 р.

V.

1) Состоящему при арміи, г.-м. Баранову; 2) директору отдѣленія прав. ком. внутреннихъ дѣлъ 4-го класса, Болговскому; 3) Енохину; 4) предсѣдателю полеваго аудиторіата при дѣйст. ар., г.-м. Курису; 5) Неѣлову; 6) г.-м. Обручеву; 7) нач.

4-й артил. дивизіи, г.-м. Сухозанету; 8) Соболеву; и 9) ком. 2-й бр. 1-й легк. кав. див., г.-м. барону Торнау—въ 1.200 р.

VI.

1) Ком. сводной кавал. дивизіи, г.-л. Герштенцвейгу; 2) ком. Новоингерманландскаго п. п., полковнику Адлербергу; 3) ком. Лубенскаго гус. полка, полковнику Антонову; 4) ком. князя варшавскаго п., полковнику Бурману; 5) директору канцеляріи намѣстника, кол. сов. Бруевичу; 6) ком. Полтавскаго пѣх. п., полковнику Булгарову; 7) Бутурлину; 8) нач. штаба артиллеріи дѣйст. ар., полковнику Безаку; 9) ком. 1-й резервной саперной бр., полковнику Бурмейстеру; 10) ком. Капорскаго п. п., полков. Бодиско; 11) члену полеваго аудиторіата дѣйст. ар., полков. Бакунину; 12) корпуса жандармовъ полк. Власову; 13) полковнику Горлову; 14) л.-гв. Волынскаго полка капитану флигель-адъютанту Гогелю; 15) адъютанту главнок., полковнику князю Голицыну; 16) управляющему дипломатическимъ отдѣленіемъ канцеляріи главнокомандующаго, ст. сов. Гильфердингу; 17) ком. Олонецкаго п. п., полк. Дику; 18) сост. при главномъ штабѣ дѣйст. ар., пол. Докубовскому; 19) состоящему для особыхъ порученій при намѣстникѣ, кол. сов. Еліашевичу; 20) полковнику Заболоцкому; 21) ком. Смоленскаго ул. п. полк. Звѣреву; 22) сост. при главнокоман. дѣйст. ар., полк. Иванову; 23) ком. фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго полка, полк. Круммесу; 24) чиновнику дипломат. канцеляріи главноком., кол. сов. Крузенштерну; 25) ком. Симбирскаго егерскаго п., полк. фонъ-Кауфману; 26) ком. Ольвіопольскаго ул. п., полк. Крузенштерну; 27) ком. Архангелогородскаго п. п., полк. князю Кудашеву; 28) ком. 1-й бр. 1-й пѣх. див., г.-м. Лисецкому; 29) ст. сов. Лохтину; 30) ком. Волынскаго ул. п., полк. фонъ-Лешерну; 31) ком. Сѣвскаго п. п., полк. Лузанову; 32) ком. Елецкаго п. п., полк. Липранди; 33) ком. Одесскаго ул. п., полк. фонъ-деръ-Лауницу; 34) ком. пѣх. герцога Веллингтона полка, полк. Моллеру; 35) Массону; 36) Мельникову; 37) ком. Нижегородскаго п. п., полк. Мейнандеру; 38) ком.

Александрійскаго гус. п., полк. Норверту; 39) оберъ-квартирмейстеру 2-го пѣх. кор., полк. Носкову; 40) чинов. особыхъ пор. при намѣстникѣ, над. сов. Очкину (маіоратъ Блоне); 41) ком. 5-й арт. бр., полк. Плещееву; 42) ком. Томскаго егерскаго п., полк. Павлову; 43) ком. Колыванскаго егер. п., г.-м. Паттону; 44) ком. Брянскаго п., полк. Рубцу; 45) ком. Якутскаго п. п., полк. Сельвану; 46) ком. 2-й арт. бригады, полк. Сикстелю; 47) ком. 9-й арт. бр., полк. Сахновскому; 48) ком. 2-го сапернаго бат., полк. Станюковичу; 49) ком. Полоцкаго егер. п., полк. Соймонову; 50) сост. при главнок. дѣйст. ар., полк. Сотникову; 51) старшему адъютанту главнаго штаба дѣйст. ар., полк. князю Тенишеву; 52) адъютанту главнокомандующаго, полк. Ушакову; 53) ком. Днѣпровскаго п. п., полк. Федяю; 54) ком. 3-й арт. бр., полк. Фролову; 55) ком. 8-й арт. бр. полк. Чаплицу; 56) полк. Черевину; 57) чинов. Четыркину; 58) ком. Селенгинскаго п. п., Чаплыгину; 59) ком. С.-Петербургскаго ул. п., полк. Шатову, и 60) директору канцеляріи главнокомандующаго, ст. сов. Яновичу—въ 750 руб.

Сверхъ того, самъ князь Варшавскій, на правахъ полной собственности въ 1840 и 1845 г., получилъ въ Люблинской губерніи около кр. Ивангорода, имѣнія Демблинъ и Голомбъ, составившія такъ названное Ивановское село. Доходы съ Ивановскаго села, въ 1864 г., до изданія законовъ 19-го февраля, исчислены были бывшимъ Совѣтомъ управленія въ Царствѣ Польскомъ въ 24.124 р. 64 к. Затѣмъ, по устройствѣ быта крестьянъ, они уменьшились до 16.077 р. 40 к. Въ имѣніи находится болѣе 500 влукъ фольварковой земли [1]). Съ 1864 г. имѣніе это во всѣхъ отношеніяхъ сравнено съ маіоратными.

Сообразно выработавшимся въ Царствѣ Польскомъ условіямъ сельскаго хозяйства, тамошнія государственныя имущества въ 1835 году, т. е. во время изданія указа о маіоратахъ (4 окт. 1835 г.), кромѣ лѣсовъ, представляли небольшія имѣнія, состоявшія изъ фольварковъ и крестьянскихъ угодій, за пользованіе коими кресть-

[1]) Пост. Учред. Ком. Т. XI, ст. 1425, стр. 392.

яне отрабатывали барщину или платили чинши. Имѣніямъ этимъ принадлежала и пропинація, т. е. право извлеченія доходовъ отъ продажи крѣпкихъ напитковъ.

Правительственная коммиссія финансовъ, завѣдывавшая государственными имуществами, вела самостоятельное хозяйство только въ лѣсахъ, а фольварки отдавала въ арендное содержаніе на 12, 25, а иногда и значительно бо́льшее число лѣтъ, причемъ арендаторы, ведя хозяйство на фольварковыхъ земляхъ, получали съ крестьянъ чинши или работу натурой.

По окончаніи сроковъ аренды, новыхъ торговъ обыкновенно не производилось, а имѣніе оставалось у прежняго арендатора или его наслѣдниковъ, на новый срокъ, если тѣ соглашались увеличить платимую аренду на 10%. Вслѣдствіе такихъ условій и крайне низкой первоначальной оцѣнки, сдѣланной еще въ самыхъ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, арендная плата съ казенныхъ фольварковъ была далеко ниже того, что́ они приносили ихъ арендаторамъ въ дѣйствительности.

Кромѣ срочныхъ арендаторовъ, казенными фольварками, а также домами, находившимися въ Варшавѣ и другихъ городахъ, пользовались нѣкоторые заслуженныя лица срочно или безсрочно и во всякомъ случаѣ безъ переоброчки. Многія изъ сихъ лицъ не хозяйничали сами, а отдавали фольварки въ аренду. Такъ какъ и частныя имѣнія въ Царствѣ Польскомъ дѣлились тоже на фольварки, отдававшіеся по большей части въ аренду, то въ краѣ образовалась масса людей, желавшихъ держать имѣнія въ арендѣ и вполнѣ знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ.

На основаніи положенія объ образованіи маіоратовъ, казенные фольварки должны были поступать въ нихъ по доходности, равнявшейся арендѣ, платимой съ нихъ во время ихъ пожалованія. Передавались же они въ пользованіе маіоратистовъ не ранѣе, какъ по окончаніи сроковъ аренды. Выборъ фольварковъ, ничѣмъ не стѣсняемый, предоставленъ былъ самимъ пожалованнымъ и утверждался коммиссіею финансовъ. Пріискивая фольварки по своему усмотрѣнію, при благосклонномъ содѣйствіи финансовыхъ чиновниковъ, многіе маіоратисты старались преимущественно объ отысканіи дешево оцѣненныхъ фольварковъ, не останавливаясь ни передъ тѣмъ,

что эти фольварки лежали въ разныхъ губерніяхъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, ни передъ несоотвѣтствіемъ ихъ доходности съ размѣромъ суммы пожалованія. Образовавшійся излишекъ доходности, подъ предлогомъ необезцѣненія фольварковъ отрѣзкою отъ нихъ земли и отобраніемъ другихъ угодій, дозволялось вносить въ казну въ одинаковомъ на всегда размѣрѣ. Подобныхъ ежегодныхъ доплатъ, по всѣмъ маіоратамъ перваго пожалованія, образовалось на сумму 24.418 р. $2^1/_2$ к. Въ частности приплаты были очень значительны. Такъ въ маіоратъ Павлово Кѣлецкой губерніи (ген. Викинскій), пожалованный въ 1.500 р., фольварковъ было включено на 2.582 р. 15 к., т. е. приплата составляла 1.082 р. 15 к. Впрочемъ, это самый выдающійся случай. Маіораты Радомской губерніи Осѣкъ и Козенице (Погодина и Дена) уплачивали превышеніе въ доходахъ, первый въ размѣрѣ 973 р. $30^1/_2$ к., а второй—832 р. 57 к. Превышеніе въ 300 и 400 рублей для самыхъ мелкихъ маіоратовъ, назначенныхъ въ 750 руб., было дѣломъ обыкновеннымъ. Такимъ образомъ, кромѣ слѣдуемыхъ въ маіоратъ угодій, нѣкоторые маіоратные владѣльцы пріобрѣли не мало земель въ вѣчную аренду за неподлежавшую дальнѣйшему увеличенію плату. Само собою, что въ числѣ пожалованныхъ были и такіе, которые совсѣмъ не заботились о пріисканіи болѣе доходныхъ имѣній—имъ досталось, что было указано финансовой администраціей.

Кадастра въ краѣ не существовало, и фольварки оцѣнивались главнѣйшимъ образомъ на основаніи одного только признака—послѣдней аренды. А аренда, какъ объяснено выше, устанавливалась случайно; одни имѣнія вовсе не переоброчивались, другія оставались на новые сроки за прежними арендаторами изъ-за 10% прибавки, и наконецъ нѣкоторыя отдавались съ торговъ за цѣну, выяснившуюся при конкурренціи. Утверждались отводы имѣній въ маіораты по каждому маіорату отдѣльно, не принимая въ соображеніе, что двумъ рядомъ лежащимъ маіоратамъ, при одинаковой суммѣ пожалованія, угодья отводились совершенно неравномѣрно. Вообще маіораты составлялись стихійно. Поясню это нѣсколькими примѣрами. Возьмемъ сперва самые крупные маіораты въ 4.500 р. Маіорату Унеевъ, Калишской губерніи, отведено шесть фольварковъ пространствомъ въ 2.657 морговъ за 4.500 р., а маіорату Парчевъ,

Сѣдлецкой губерніи, четыре фольварка въ 11.459 морговъ за 4.335 р. 23 к. Въ трехтысячныхъ маіоратахъ: маіоратъ Людвиновъ, Сувалкской губ., получилъ 2.610 морговъ за 2.825 р. 18 к., а маіоратъ Правда, Сѣдлецкой губерніи, 8.707 морговъ за 2.998 р. Маіоратъ Чарноцинъ, Петроковской губерніи—1.465 морговъ за 956 р.

Изъ числа маленькихъ маіоратовъ по 750 р. маіорату Курово, Варшавской губ., дано 337 морговъ за 771 р., а маіорату Ланкуняны, Сувалкской губ., 1.555 морговъ за 526 р. Этихъ примѣровъ совершенно достаточно.

Такая же неправильность была и при отводѣ лѣсныхъ дачъ. По положенію разсчитывалось на 100 морговъ фольварковыхъ земель давать 20 морговъ лѣсу или приравнивать размѣръ лѣснаго надѣла къ пятой части суммы пожалованія. На практикѣ этого не соблюдали, и лѣсные отводы вышли самые разнообразные. Есть даже маіораты вовсе безъ лѣсу. Маіорату Правда отведено 4.164 морга за 470 р. Маіорату Унеевъ 2.453 морга за 312 р. Маіорату Обелія 1.084 морга за 118 р. Маіорату Нетта 1.447 морговъ за 103 р. Маіорату Ивове 202 морга за 9 р. 94 к.

Вообще всѣмъ 138 маіоратнымъ владѣльцамъ, пожалованія временъ Паскевича, отведено слѣдующее количество пахотныхъ земель и лѣсу съ показаніемъ средней ихъ доходности съ морга.

Число маіоратовъ.	Сумма пожалованія.	Общая сумма.	Число отведенныхъ.			Сколько коп. за моргъ.	
			Фольварк.	Морговъ пашни.	Морговъ лѣсу.	Пашни.	Лѣсу.
7	4.500	31.500	37	22.604	12.806	90	14
19	3.000	57.000	78	52.517	34.288	86	14
14	2 250	31.500	50	25.702	14.057	94	21
29	1.500	43.500	76	52.152	21.108	90	20
9	1.200	10.800	30	12.224	3.442	52	22
60	750	45.000	84	61.363	26.874	54	13
138	—	219.300	355	226.562	112.575	78	18
				339.137			

Льготныя условія, допущенныя при образованіи маіоратовъ первой серіи, имѣли результатомъ значительное увеличеніе ихъ до-

ходности. По достовѣрнымъ даннымъ можно признать, что никто изъ маіоратныхъ владѣльцевъ, пожалованныхъ при князѣ Паскевичѣ, не получаетъ съ своихъ маіоратовъ менѣе, чѣмъ вдвое противу размѣра, опредѣленнаго пожалованіемъ, а весьма многіе втрое и даже болѣе. Поэтому доходность 138 маіоратовъ въ 1830-хъ годахъ равнялась не 219.300 р., какъ бы слѣдовало, а по крайней мѣрѣ 500.000 руб., если не болѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣ, вслѣдствіе даннаго этимъ маіоратамъ вознагражденія за убытки сдѣланныхъ въ имѣніяхъ улучшеній и общаго повышенія цѣнъ на земли, доходность ихъ еще болѣе увеличилась.

Слѣдуетъ не умолчать однако, что, несмотря на такія льготныя условія составленія и отвода маіоратовъ, нѣкоторые маіоратные владѣльцы никогда не вступали во владѣніе предназначенными имъ имѣніями, а другіе отказывались отъ нихъ впослѣдствіи и сдавали въ казенное управленіе. Въ обоихъ случаяхъ, казна, завѣдуя поступавшими въ ея вѣдѣніе имѣніями, выдаетъ владѣльцамъ денежныя суммы, равныя суммѣ пожалованія. Вполнѣ отказались отъ маіоратовъ слѣдующія лица:

1. Князь Чернышевъ, получившій маіоратъ въ 4.500 р. [1]).
2. Генералъ Лидерсъ (потомъ графъ) . . . 2.250 »
3. Генералъ Рейбницъ . . . . . 2.250 »
4. Генералъ Гурко . . . . . 1.500 »
5. Генералъ баронъ Корфъ . . . . . 1.500 »
6. Генералъ Барановъ . . . . . 1.200 »
7. Полковникъ Бакунинъ . . . . . 750 »
8. Полковникъ Бодиско . . . . . 750 »

Впослѣдствіи, въ періодъ времени съ 1862 по 1868 г., пятеро изъ этихъ лицъ, а именно гг. Лидерсъ, Гурко, Корфъ, Барановъ и Бодиско вновь просили объ отводѣ маіоратовъ и получили новыя имѣнія (такъ какъ прежнія уже были розданы) съ доходомъ въ размѣрѣ пожалованія, кромѣ графа Лидерса, которому новый маіоратъ (Холмъ, Люб. губ.) назначенъ съ доходомъ въ 4.000 руб.

[1]) Указомъ 16-го октября 1839 г. (Дн. Зак. № 23) военному министру, графу Чернышеву, пожаловано въ маіоратъ съ доходомъ въ 4.500 р. имѣніе Кленово, Калишскаго воеводства Сѣрадзскаго уѣзда. Впослѣдствіи часть его (Гура Кленовская) вошла въ составъ маіората сенатора Витте, нынѣ принадлежащаго дочери его, госпожѣ Багговутъ.

Въ 1845 г. первая раздача казенныхъ имѣній въ Царствѣ Польскомъ окончилась, и дѣло это не возобновлялось болѣе 17 лѣтъ. Въ 1862 г. наслѣдникъ генерала Гурко обратился съ ходатайствомъ объ отводѣ ему казенныхъ имѣній взамѣнъ возвращенныхъ въ казну первымъ маіоратнымъ владѣльцемъ. Тогда же послѣдовало и назначеніе графу Лидерсу новаго маіората, отчасти вмѣсто возвращеннаго, но съ увеличеніемъ дохода до 4.500 руб.

Въ 1864 г., уже въ намѣстничество графа Берга и въ то время, когда возникшій въ 1863 году мятежъ еще нельзя было считать вполнѣ подавленнымъ, вопросъ о маіоратномъ владѣніи возбудился съ новою силою и вслѣдствіе обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ начатыми тогда административными реформами въ краѣ.

По законамъ 19-го февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ прекращены были, между прочимъ, чинши, платимые крестьянами многихъ маіоратныхъ имѣній, и отработываемая ими барщина. Такъ какъ эти чинши и барщины зачислены были въ счетъ доходности имѣній, то несомнѣнно, что почти всѣ маіоратные владѣльцы первой серіи понесли болѣе или менѣе значительные убытки. Начались ходатайства о вознагражденіи, и изученіемъ этого вопроса занялся, бывшій уже въ полномъ развитіи своихъ дѣйствій, Учредительный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ намѣстника.

Мѣстныя изслѣдованія показали, что маіоратные владѣльцы дѣйствительно понесли потери и притомъ въ размѣрахъ, грозящихъ полнымъ упадкомъ доходности пожалованныхъ имъ императоромъ Николаемъ имѣній. Учредительный комитетъ нашелъ, что лица эти заслуживаютъ вниманія правительства, и убытки ихъ надлежало бы возмѣстить изъ средствъ казны, не дѣлая подобной мѣры предметомъ какихъ-либо общихъ правилъ и назначая таковое вознагражденіе по каждому отдѣльному случаю, путемъ монаршей милости. Представленіе это было одобрено, и Высочайшимъ повелѣніемъ 13 (25) іюля 1865 г. русскимъ маіоратнымъ владѣльцамъ разрѣшено было произвести надлежащее вознагражденіе за эти потери.

Съ теоретической почвы вопросъ перешелъ на практическую, и надлежало исполнить вновь послѣдовавшее законоположеніе, что̀ зависѣло всецѣло отъ Учредительнаго комитета, полновластно распо-

ряжавшагося хозяйствомъ края. Комитетъ состоялъ изъ лицъ вполнѣ добросовѣстныхъ, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ стремленіи къ хищенію или въ безсистемной дѣятельности. Напротивъ, всѣ его члены были проникнуты строгимъ отношеніемъ къ дѣлу и въ дѣйствіяхъ своихъ скорѣе впадали въ излишнюю аргументацію, исходя изъ желанія каждое свое мѣропріятіе сообразить и исполнить возможно лучше и притомъ съ бо̀льшею для казны выгодою. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе тогдашняго ненормальнаго положенія края, комитетъ если не цѣликомъ, то въ составѣ своего авторитетнаго бо̀льшинства, подпадалъ иногда вліянію политическихъ увлеченій и, руководясь ими, дѣлалъ промахи. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Правительственная коммиссія финансовъ не спѣшила съ этимъ вопросомъ и предполагала собрать предварительныя свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы, по ихъ изученіи, выработать общія основанія относительно порядка возмѣщенія понесенныхъ маіоратистами убытковъ. Членъ Учредительнаго комитета А. И. Кошелевъ — кстати здѣсь сказать отказавшійся потомъ отъ предложеннаго ему маіората — поддерживалъ ту же мысль. Онъ полагалъ, «что не слѣдовало теперь входить съ представленіями объ оказаніи пособій маіоратнымъ владѣльцамъ, а необходимо сперва разсмотрѣть всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большую половину просьбъ по сему предмету и тогда, получивъ настоящее или приблизительное понятіе о пожертвованіяхъ, предлежащихъ по сей статьѣ правительству, можно будетъ войти съ докладомъ и въ немъ представить по каждому имѣнію порознь предположенія объ оказаніи соотвѣтственнаго пособія тѣмъ маіоратнымъ владѣльцамъ, которыхъ потери въ ежегодномъ доходѣ, противъ окладовъ пожалованія, истекаютъ исключительно и непосредственно отъ введенія въ дѣйствіе указовъ 19-го февраля 1864 г.»

Высказываясь, такимъ образомъ, солидарно съ коммиссіей финансовъ, А. И. Кошелевъ говорилъ лишь принципіально и, не зная опыта прошлаго, не могъ подкрѣпить свои соображенія указаніемъ на тѣ неудобства, которыя были допущены при первой раздачѣ маіоратовъ и которыхъ теперь слѣдовало избѣжать, дѣйствуя систематично, а не враздробь по каждому случаю отдѣльно. Знай А. И. Кошелевъ объ этихъ порядкахъ, онъ, безъ сомнѣнія, высказался бы о нихъ обстоятельно. Директоръ коммиссіи финансовъ д. с. с.

Багневскій, остававшійся у власти послѣдніе дни, хотя и зналъ со всею подробностью о прошломъ, но умолчалъ о томъ изъ вполнѣ понятныхъ побужденій.

Разумѣется, всѣ прочіе члены Учредительнаго комитета, какъ люди, новые въ краѣ, не были посвящены въ дѣла прошлаго въ большей мѣрѣ, чѣмъ А. И. Кошелевъ, и такъ же, какъ онъ, ничего не знали о тѣхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ первую раздачу маіоратовъ, которыя, будучи ясно выставлены на видъ, и имъ бы самимъ показались неудовлетворительными. Не зная бывшихъ фактовъ, они въ дѣйствіяхъ тогдашняго не преобразованнаго еще финансоваго вѣдомства усмотрѣли не только желаніе замедлить удовлетвореніе справедливыхъ домогательствъ маіоратистовъ, но и нескрываемое противодѣйствіе вышедшему закону изъ политическихъ видовъ. Поддержка А. И. Кошелева, подвергавшагося упрекамъ въ излишнемъ сочувствіи къ мѣстнымъ политически-неблагонадежнымъ элементамъ, еще болѣе укрѣпила вліятельныхъ членовъ комитета въ ихъ заблужденіи.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ, Учредительный комитетъ (пост. Т. VII, ст. 710) призналъ невозможнымъ, безъ нарушенія приведенной Высочайшей воли отлагать разрѣшеніе дѣла о вознагражденіи кого-либо изъ маіоратныхъ владѣльцевъ до того времени, пока окончательно разобраны будутъ на мѣстахъ и разсмотрѣны комитетомъ всѣ въ совокупности дѣла сего рода. Подобный порядокъ производства этихъ дѣлъ, по соображеніямъ комитета, не только противорѣчилъ бы смыслу повелѣнія 13 (25) іюля 1865 г., но отсрочилъ бы исполненіе онаго на долгое время и, лишая маіоратныхъ владѣльцевъ на нѣсколько, быть можетъ, лѣтъ того пособія, которое имъ предназначено, затруднилъ бы и самое правительство, когда ему пришлось бы одновременно разсмотрѣть и разрѣшить по всѣмъ 138 маіоратамъ дѣла, не имѣющія между собой никакой связи и основанныя каждое на отдѣльныхъ, часто сложныхъ и мелкихъ разсчетахъ.

А. И. Кошелевъ остался при особомъ мнѣніи, которое, само собою, не могло остановить приведеніе постановленія Учредительнаго комитета въ исполненіе. Постановленіе это было тѣмъ неудобнѣе, что оно, возобновляя порядки 30-хъ годовъ, предрѣшило и спо-

собъ составленія маіоратовъ второй серіи, о которыхъ хотя еще и не было рѣчи, но предусмотрѣть которые было легко, не обладая особымъ даромъ предвидѣнія.

Установивъ опредѣленіе вознагражденія за потери по каждому маіорату отдѣльно, Учредительный комитетъ поступалъ, за симъ, такъ. Прежде всего онъ зачислялъ въ счетъ потерь проценты съ назначеннаго владѣльцамъ ликвидаціоннаго вознагражденія и уплачиваемое превышеніе доходовъ. Если то и другое не покрывало понесенныхъ потерь, то недостатокъ возмѣщался сложеніемъ нѣкоторыхъ податей (кварты) и назначеніемъ владѣльцу новыхъ фольварковъ и лѣсныхъ дачъ. Къ арендной доходности вновь назначаемыхъ фольварковъ обыкновенно прибавляли по 10% за каждыя 12 лѣтъ протекшей аренды. Количество лѣса разрѣшали увеличивать до трети пожалованной суммы, ибо, за отчисленіемъ отъ маіоратовъ крестьянскихъ земель, пятая часть была бы несоотвѣтственно мала. Когда платимое превышеніе было болѣе понесенныхъ потерь, то владѣльцу вмѣнялось въ обязанность выкупить этотъ излишекъ внесеніемъ такой суммы, проценты съ коей равнялись бы погашаемому долгу.

Свѣдѣнія о назначеніи маіоратнымъ владѣльцамъ пособій разбросаны по 12 томамъ постановленій Учредительнаго комитета (съ 6-го по 17-й). Изъ нихъ видно, что пособія назначены только по 115 маіоратамъ, по остальнымъ пособія или не причиталось или не требовалось.

Сводя въ одно всѣ эти данныя, оказывается, что убытки отъ примѣненія законовъ 19-го февраля 1864 г., по 115 маіоратамъ, достигли суммы 81.269 р. 55 к. Въ счетъ этой суммы опредѣлено:

1) сложить превышеніе на	24.418	р.	$2^1/_2$ к.
2) назначить лѣсу на	15.119	»	— »
и 3) присоединить къ составу прежнихъ маіоратовъ 90 фольварковъ съ общимъ ежегоднымъ доходомъ въ . .	41.732	»	$52^1/_2$ »
Итого. . .	81.269	р.	55 к.

По 19 маіоратамъ только сложено превышеніе, а по остальнымъ назначены новые фольварки или лѣсныя дачи или и фольварки и лѣсныя дачи вмѣстѣ. Мелкія суммы въ нѣсколько десятковъ

рублей каждая списывались со счетовъ то въ пользу владѣльцевъ, то въ пользу казны. Значительнымъ отступленіемъ является маіоратъ генерала Заболоцкаго. При потеряхъ въ 605 р. 1 к. помощь ему ограничена всего только скидкою платимаго превышенія въ 191 р. 91 к. въ виду того, что онъ, имѣя уже маіоратъ перваго пожалованія въ 750 р., получилъ новый съ доходомъ въ 3.000 р.

Въ частности потери высчитаны крайне разнообразно. По маіорату Осѣкъ, пожалованному въ 1.500 р., потери признаны въ 1.750 р. По маіорату Куписки-Новгородъ, данному въ 3.000 р., потери опредѣлены въ 4.475 р. 19½ к. Это самое большое пособіе, причемъ владѣльцу назначено: сложить превышеніе въ 164 р. 12 к., нарѣзать лѣсу на 2.600 р. и отвести четыре фольварка съ ежегоднымъ доходомъ въ 1.711 р. 7½ к. Слѣдующее затѣмъ по значительнымъ размѣрамъ вознагражденіе признано по маіорату Лабно, данному въ 3.000 р. Потери по немъ исчислены въ 2.114 р. 54 к. Сложено 747 р. 47 к. превышенія, нарѣзано лѣсу на 155 р. и дано три фольварка съ доходомъ въ 1.212 р. 7. к.

Для ознакомленія съ порядкомъ учета потерь и назначенія пособія, привожу наиболѣе краткій примѣръ относительно маіората Блоне.

До изданія указовъ 19 февраля 1864 г. владѣлецъ маіората Блоне получалъ съ крестьянъ чиншей	410 р.	77½ к.
Нынѣ получитъ процентовъ съ ликвид. листовъ.	272 »	— »
За симъ онъ теряетъ:		
въ чиншахъ	138 »	77½ »
въ пропинаціи съ крестьянскихъ земель . .	110 »	— »
Всего. . .	248 р.	77½ к.
Маіоратный владѣлецъ получилъ вознагражденіе въ сложеніе подати кварты.	52 р.	26 к.
слѣдовательно вся потеря владѣльца составляетъ	196 »	51½ »
но такъ какъ владѣлецъ обязанъ вносить въ казну излишекъ въ ежегодномъ доходѣ съ маіората противъ пожалованія	310 »	29¼ »
то за вычетомъ изъ этой суммы вышепоказанной потери.	196 »	51½ »

осталась бы часть излишка, подлежащая впредь

къ взносу въ казну въ количествѣ . . . . 113 р. 78 к.

Учредительный комитетъ (ст. 795, т. VIII) поэтому опредѣлилъ: сложить часть превышенія въ 196 р. 51½ к. и обязать владѣльца остальную часть ея выкупить единовременнымъ взносомъ суммы, проценты съ коей будутъ равняться погашаемому превышенію.

Примѣняя тѣ же данныя, которыя ниже выведены относительно новыхъ маіоратовъ, розданныхъ при графѣ Бергѣ, причемъ средняя цѣна морга пашни опредѣлилась 73 к., а морга лѣса—въ 51 коп., приблизительно получимъ, что въ возмѣщеніе потерь, понесенныхъ старыми маіоратами отъ устройства крестьянъ по закону 1864 г. дано:

пахатной земли	57.168 морговъ.
лѣсу	29.604 »
Итого . .	86.772 морговъ.

Польскія возстанія 1830 и 1863 годовъ существенно отличаются одно отъ другаго какъ по характеру борьбы, такъ и по мѣрамъ, принятымъ къ усмиренію мятежа и умиротворенію края. Въ 1830 г. поляки имѣли свою армію, по устройству и обученію совершенно одинаковую съ нашей. Между обѣими арміями велась правильная война съ перемѣннымъ счастьемъ, кончившаяся полнымъ торжествомъ нашихъ войскъ. Польскія войска были разбиты, частію ушли за границу, частію распущены. Наши войска, овладѣвъ краемъ, возстановили власть правительства, и въ Царствѣ Польскомъ по водворившемся спокойствіи все пошло по-старому; перестали только существовать польскія войска. При усмиреніи же мятежа 1863 г. все было иное. Посредствомъ ряда коренныхъ административныхъ мѣръ, произведена полная реформа общественнаго устройства на совершенно новыхъ началахъ; военныя же дѣйствія не отличались особенною серьезностью и болѣе всего походили на партизанскія операціи. Цѣль мятежниковъ была не въ боѣ съ нашими войсками и не въ надеждѣ на побѣду, а въ заявленіи только міру жизненности народныхъ польскихъ силъ и привлеченіи вниманія Западной Европы, готовившейся было къ непрошенному вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла. Въ виду такого разрозненнаго

дѣйствія повстанцевъ и съ нашей стороны дѣйствовали разрозненно. Дѣйствія эти стали напоминать собою порядки, зачастую практиковавшіеся у французовъ въ Алжиріи.

Хотя награды за военныя отличія, послѣдовавшія уже при самомъ усмиреніи мятежа, были весьма щедры, но все-таки многія лица изъ сферъ военной и военно-полицейской считались достойными, по прежнему примѣру, и наградъ маіоратами.

Начавшееся одновременно съ усмиреніемъ мятежа возвращеніе маіоратовъ лицамъ, прежде отъ нихъ отказавшимся, и выдача пособій за убытки отъ устройства крестьянъ всѣмъ почти маіоратистамъ выдвинули маіоратный вопросъ на первый планъ, и онъ сталъ заявлять о себѣ самымъ настоятельнымъ образомъ. Выражаясь фигурально, можно бы сказать, что если бы вопросъ не былъ возбужденъ оффиціально по представленію изъ Варшавы, то онъ разрѣшился бы самъ собою, до такой степени онъ уже назрѣлъ къ 1866 году.

Если бы ходатайствамъ, являвшимся съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ лицъ о награжденіи маіоратами тѣхъ или другихъ лицъ, служащихъ въ Привислянскомъ краѣ, былъ сдѣланъ категорическій отпоръ въ Варшавѣ, то, несомнѣнно, маіоратный вопросъ перешелъ бы въ правительственныя столичныя сферы и оттуда непосредственно заговорили бы не о принципіальномъ вопросѣ о маіоратахъ, а о частномъ пожалованіи разнымъ лицамъ. Направить дѣло такимъ именно образомъ графу Бергу было не трудно, но онъ не прибѣгъ къ этому способу дѣйствій, такъ какъ при подобномъ оборотѣ дѣла, всѣ его недоброжелатели и особливо кружокъ гражданскихъ дѣятелей, называвшихъ графа «хитроумнымъ старцемъ», прямо бы обвинили его въ хитростномъ подвохѣ. Нѣтъ, онъ на это не рѣшился и, поставя вопросъ о раздачѣ маіоратовъ, получилъ благопріятный отвѣтъ изъ Петербурга, гдѣ, при господствовавшихъ тогда совершенно ясныхъ взглядахъ на польскія дѣла, не нашли возраженій противъ возобновленія мѣры, осуществленной уже однажды княземъ Паскевичемъ.

Уже этимъ одобреніемъ изъ столицы въ значительной степени снимается съ покойнаго генералъ-фельдмаршала и намѣстника нравственная отвѣтственность за раздачу маіоратовъ второй серіи. Едва-ли можно серьезно упрекнуть графа Берга за самое предста-

вленіе о награжденіи его сотрудниковъ маіоратами. Работъ государственнаго значенія, при умиротвореніи Привислянскаго края, при немъ было сдѣлано несравненно болѣе, чѣмъ при Паскевичѣ, и кромѣ лицъ, принадлежавшихъ къ составу арміи, оказывалось не мало видныхъ дѣятелей и въ средѣ гражданскихъ чиновъ. Вообще поводовъ къ выдающимся наградамъ было болѣе, чѣмъ въ тридцатыхъ годахъ; поводы были существеннѣе, а число дѣйствовавшихъ и отличившихся лицъ было не менѣе.

Избраніе кандидатовъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежало графу Бергу. Это было его неоспоримымъ правомъ, и критиковать его по этому предмету распоряженія не представляется достаточныхъ основаній. Въ выборѣ лицъ и опредѣленіи размѣра ихъ награжденія графъ Бергъ дѣйствовалъ по своимъ соображеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы нѣсколько иначе, но опять таки по личнымъ своимъ взглядамъ. Поэтому я не считаю возможнымъ входить въ разборъ тѣхъ соображеній, по которымъ графъ Бергъ наградилъ тѣхъ или другихъ лицъ и однимъ назначилъ награду въ значительно бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ другимъ. Отмѣчу однако, что именно эти-то назначенія и были поводомъ жестокихъ нападеній на графа. Большинство его порицателей за это именно осуждали его не по принципу, а изъ личныхъ, разумѣется, видовъ; тому не дали ничего, а другому гораздо менѣе, чѣмъ ему, по его убѣжденію, слѣдовало.

Если право графа Берга на выборъ кандидатовъ и несомнѣнно, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ остановиться на какомъ-нибудь окончательномъ рѣшеніи безъ предварительнаго объясненія съ начальствующими лицами военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, которыя только и могли представить намѣстнику о заслугахъ лицъ второстепенныхъ, не всегда близко извѣстныхъ главному начальнику края.

Казалось бы, что, внеся въ списки награждаемыхъ главнѣйшихъ лицъ обоихъ вѣдомствъ по собственному своему усмотрѣнію и второстепенныхъ дѣятелей, по соглашенію съ подлежащими властями, графу Бергу предлежало: сперва испросить окончательное назначеніе маіоратовъ по составленнымъ спискамъ и затѣмъ передать эти списки для составленія маіоратовъ тому учрежденію, которое вѣдало государственными имуществами, т. е. существовавшей въ

30-хъ годахъ и еще не преобразованной коммиссіи финансовъ, выказавшей было, какъ мы видѣли въ дѣлѣ вознагражденія за убытки, намѣреніе вести маіоратное дѣло болѣе или менѣе систематично. Сдѣлай это графъ Бергъ, и всѣ его дѣйствія по маіоратному вопросу были бы вполнѣ безупречны и въ строгихъ предѣлахъ предоставленныхъ ему правъ и полномочій.

Но это на дѣлѣ не осуществилось, и къ сожалѣнію, едва-ли не главнѣйшимъ основаніемъ отступленія отъ совершенно раціональнаго порядка дѣйствій было рѣшеніе Учредительнаго комитета, установившее одиночное разсмотрѣніе маіоратныхъ дѣлъ и отвергнувшее совокупное ихъ обсужденіе по собраніи надлежащихъ данныхъ по всей массѣ дѣлъ, или по какой-либо ихъ категоріи.

Варшавскій военный кружокъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ намѣстнику, гражданскій же держалъ себя особо, стараясь дѣйствовать самостоятельно и тѣмъ достигнуть преобладающаго значенія. Представители военнаго кружка получили въ этомъ дѣлѣ рѣшительное вліяніе.

Въ виду того, что военные чины участвовали въ усмиреніи мятежа съ самаго его начала; что главнымъ образомъ они сломили его и, водворивъ порядокъ въ краѣ, дали возможность явиться на сцену дѣятелямъ гражданскимъ—рѣшено было оказать предпочтеніе военному элементу и сперва исходатайствовать маіораты нѣсколькимъ выдающимся лицамъ военнаго вѣдомства, оставя вознагражденіе второстепенныхъ военныхъ дѣятелей и гражданскихъ чиновъ до слѣдующихъ представленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь рѣшеніемъ Учредительнаго комитета объ окончаніи маіоратныхъ дѣлъ каждаго порознь, установлено было къ списку первоначально представляемымъ лицамъ приложить разсчетныя вѣдомости съ показаніемъ въ нихъ совершенно уже составленныхъ маіоратовъ изъ точно поименованныхъ фольварковъ, съ проставленіемъ противу каждаго изъ фольварковъ той его доходности, въ которой онъ предназначался къ пожалованію. Вся переписка по этому дѣлу сосредоточилась въ окружномъ штабѣ и велась безъ малѣйшей огласки.

Хотя финансовое вѣдомство старалось, по возможности, приводить оцѣнку доходности фольварковъ въ соразмѣрность съ существующими арендными цѣнами на землю и въ нѣкоторыхъ случаяхъ

отстаивало интересы казны, но выборъ болѣе доходныхъ фольварковъ, разъ начавшись,продолжался до того времени, пока управленіе финансами Царства Польскаго не перешло изъ Варшавы въ Петербургъ, въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Тогда заведены были новые порядки, при которыхъ и розданы остальные 54 маіората, считая въ томъ числѣ:

4	маіората	въ	1.200 р.
4	»	»	1.000 »
40	»	»	750 »
6	»	»	500 »

«Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго [1]), въ засѣданіи 30 сентября 1869 г. разсмотрѣвъ, при участіи министра финансовъ, представленіе намѣстника въ Царствѣ Польскомъ о порядкѣ образованія и распредѣленія вновь пожалованныхъ маіоратовъ въ губерніяхъ сего края, принялъ во вниманіе слѣдующія два обстоятельства: первое, что, въ виду предстоящаго нынѣ образованія 54 маіоратовъ, изъ послѣднихъ, оставшихся въ Царствѣ свободными, казенныхъ имѣній большею частію мелкихъ и разбросанныхъ по всему Царству, было бы весьма затруднительнымъ придать симъ маіоратамъ нѣкоторую округленность, и второе: что столь же трудно соблюсти хотя приблизительную уравнительность въ доходности ихъ, если бы каждому изъ лицъ,получающему маіоратъ, предоставлено было, какъ это допускалось доселѣ, указывать фольварки для образованія онаго. Находя потому, что составленіе всѣхъ означенныхъ маіоратовъ должно быть произведено одновременно правительственнымъ учрежденіемъ, съ тѣмъ, чтобы по составленіи списковъ маіоратовъ по категоріямъ исчисленнаго съ нихъ дохода (въ 1.200, 1.000, 750 и 500 р.) лица, удостоившіяся пожалованія, были допущены къ избранію маіората, изъ соотвѣтственнаго списка, по старшинству пожалованія, а лица, пожалованныя одновременно, по порядку поименованія ихъ въ Высочайшемъ повелѣніи,—Высочайше утвержденнымъ въ 1-й день октября сего года, положеніемъ постановилъ:

1) Образованіе маіоратныхъ имѣній для всѣхъ 54-хъ лицъ, удо-

[1]) Выписка изъ печатнаго циркулярнаго отзыва министерства финансовъ, отъ 4 ноября 1869 г. № 1.316, ко всѣмъ маіоратнымъ владѣльцамъ.

стоившихся всемилостивѣйшаго пожалованія по Высочайшимъ повелѣніямъ 9 и 16 іюля и 1 августа сего года предоставить отдѣлу по финансамъ Царства Польскаго, на обязанность коего возложить соблюсти при этомъ возможную округленность каждаго изъ вновь образуемыхъ маіоратовъ и уравнительность въ ихъ доходности соотвѣтственно окладамъ пожалованія, и

2) по исполненіи сего, предоставить удостоившимся всемилостивѣйшаго пожалованія лицамъ избрать соотвѣтственный окладу пожалованія маіоратъ изъ составленнаго отдѣломъ по финансамъ Царства Польскаго списка. Для этого министръ финансовъ въ свое время пригласитъ лицъ, удостоившихся пожалованія маіоратами, явиться къ извѣстному сроку въ министерство для выбора себѣ участка, при чемъ лицо, не явившееся и не давшее къ этому сроку отзыва о своемъ выборѣ, теряетъ свою очередь и удовлетворяется послѣ явившихся въ срокъ, хотя бы стоящихъ ниже по очереди».

На составленіе этихъ 54 маіоратовъ пошли послѣднія казенныя имѣнія кромѣ секуляризованныхъ въ послѣднее время, раздача коихъ въ маіораты допущена не была и которыя затѣмъ проданы: бо́льшія по размѣрамъ и нечерезполосныя — лицамъ русскаго происхожденія, а всѣ остальныя съ вольныхъ торговъ. Какъ финансовое вѣдомство ни старалось округлить послѣдніе 54 маіората, достигнуть этого было трудно, и въ одинъ и тотъ же маіоратъ вошли фольварки и лѣсныя дачи, лежащія на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, что̀ ставитъ непреодолимыя препятствія къ веденію въ нихъ хозяйства.

Въ январѣ 1871 года списокъ маіоратовъ былъ утвержденъ и разосланъ заинтересованнымъ, а 5-го марта того же года состоялся и самый выборъ маіоратовъ, въ залѣ совѣта министерства финансовъ, въ присутствіи товарища министра, генералъ-адъютанта Грейга.

Способъ составленія и раздачи послѣднихъ 54 маіоратовъ нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ, но сравнительно съ прежними порядками онъ былъ менѣе выгоденъ для награжденныхъ, такъ какъ фольваркамъ сдѣлана новая переоцѣнка, а многимъ сверхъ того и добавка 10 и 20%. Вслѣдствіе чего маіораты меньшихъ размѣровъ, мало доходные сами по себѣ, пошли по значительно высшей оцѣнкѣ, не примѣненной къ маіоратамъ болѣе крупнымъ. Хотя

отъ этого дѣйствительно получаемые съ послѣднихъ маіоратовъ доходы понизились, но несомнѣнно, что и они приносятъ ихъ владѣльцамъ доходъ не менѣе, какъ въ полуторномъ размѣрѣ противъ пожалованія. Что же касается до розданныхъ въ Варшавѣ маіоратовъ, въ числѣ 76, но они по своей дѣйствительной доходности, отнюдь не ниже соотвѣтственныхъ маіоратовъ пожалованія 30-хъ годовъ и приносятъ вдвое, а иногда и втрое болѣе противу суммы, въ которой даны.

Подкрѣпить это предположеніе несомнѣнными цифрами трудно по недостатку свѣдѣній о современной доходности маіоратовъ, но тѣмъ не менѣе можно указать, что въ Люблинской губерніи, напримѣръ, изъ маіоратовъ:

а) въ 1.500 руб.—одинъ приноситъ 3.900 руб., и одинъ 5.830 руб.

б) въ 3.000 руб.—одинъ даетъ 6.150 руб., другой 8.250 и третій 10.000 руб.

и в) одинъ изъ маіоратовъ въ 4.500 руб., даетъ до 15.500 руб. въ годъ.

Такъ какъ эти примѣры не выбраны по всему Царству Польскому, а относятся къ одной и той же губерніи, то приведенныя цифры весьма краснорѣчиво подтверждаютъ высказанное предположеніе объ общей доходности маіоратовъ второй серіи.

Вообще при графѣ Бергѣ новыхъ маіоратовъ пожаловано 130 какъ военнымъ чинамъ, такъ и лицамъ, служившимъ по гражданской администраціи. Маіораты жаловались за оказанное генералъ-фельдмаршалу содѣйствіе—военными чинами—«въ окончательномъ подавленіи мятежа и умиротвореніи Царства Польскаго», а гражданскими лицами—«въ дѣлѣ гражданскаго устройства сего края на новыхъ, указанныхъ Его Величествомъ началахъ». При объявленіи пожалованнымъ лицамъ «о такомъ знакѣ монаршаго вниманія къ ихъ заслугамъ, намѣстнику вмѣнялось въ обязанность выражать увѣренность Его Величества, что они и ихъ наслѣдники потщатся водворять въ Царствѣ Польскомъ, согласно съ основною цѣлію учрежденія тамъ маіоратовъ, прочный русскій элементъ, православіе и преданность престолу и своему отечеству».

Группируя данныя по маіоратамъ второй серіи, розданнымъ при графѣ Бергѣ, получимъ слѣдующую таблицу:

Число маіоратовъ.	Сумма пожалованія.	Общая сумма.	Число отведенныхъ			Сколько коп. за моргъ.	
			Фольварк.	Морговъ пашни.	Морговъ лѣсу.	Пашни.	Лѣсу.
1	5.000	5.000	21	12.000	5.000	87	28
1	4.500	4.500	18				
1	4.000	4.000	7	3.915	2.048	87	28
1	3.300	3.300	7	3.333	892	79	74
32	3.000	96.000	254	118.144	39.246	64	55
4	2.000	8.000	19	6.492	3.200	88	50
30	1.500	45.000	160	40.311	23.004	68	61
4	1.200	4.800	12	5.200	2.964	63	58
8	1.000	8.000	18	8.656	2.186	78	56
41	750	30.750	107	35.334	11.892	66	50
7	500	3.500	14	5.153	2.660	51	50
130	—	212.850	637	238.518	93.092	73	51
				331.610			

Всего въ составъ маіоратовъ первой и второй серіи, а также при назначеніи вознагражденія за потери, вошло слѣдующее количество морговъ пашни и лѣса:

	Моргов ъ. пахотной земли.	лѣсу.	итого.
При князѣ Паскевичѣ: маіораты 1-й серіи. . .	226.562	112.575	339.137
При графѣ Бергѣ:			
а) вознагражденіе за потери.	57.168	29.604	86.772
б) маріораты 2-й серіи. . .	238.518	93.092	331.610
	522.248	235.271	757.519

Вообще въ Привислянскомъ краѣ роздано 268 маіоратовъ на сумму годоваго дохода въ 432.150 руб. Въ составъ этихъ маіоратовъ вошло: 992 фольварка пространствомъ около 370.000 десятинъ земли.

Не принимая во вниманіе имѣній, назначенныхъ въ вознагражденіе за потери, получимъ, что роздано:

	маіоратовъ.	средній доходъ.	фольварковъ.	Моргов ъ. пахотной земли.	лѣсу.	итого.
При кн. Паскевичѣ.	138	1.589 р.	355	226.562	112.575	339.137
„ графѣ Бергѣ. .	130	1.637 „	637	238.518	93.092	331.607

Въ общемъ цифры близко другъ къ другу подходящія. Изъ нихъ видно, что маіораты первой серіи состоятъ изъ значительно меньшаго числа фольварковъ, а слѣдовательно представляютъ имѣнія болѣе крупныя и болѣе удобныя для веденія хозяйства.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ нельзя не придти къ заключенію, что отвѣтственность графа Берга въ дѣлѣ раздачи маіоратовъ не можетъ считаться большою. Раздачу маіоратовъ онъ испросилъ по прежнему примѣру и нисколько не воспользовался ею, чтобы устроить свои личные интересы и обогатиться въ большихъ, чѣмъ другіе, размѣрахъ. Полученныя имъ фольварковыя угодья значительно менѣе выгодны, чѣмъ данныя другимъ лицамъ, получившимъ ихъ даже на суммы меньшія, чѣмъ графъ Бергъ. Вся его отвѣтственность ограничивается допущеніемъ способа выбора угодій, но это произошло, во-первыхъ, отъ малаго знакомства графа съ канцелярскими порядками и, во-вторыхъ, отъ чрезмѣрнаго довѣрія къ нѣкоторымъ лицамъ, съ которыми онъ привыкъ работать и на которыхъ надѣялся.

Онъ самъ понималъ сдѣланную ошибку, но не рѣшался исправить ее, боясь обвиненій въ пристрастіи. Въ первыя пожалованія включены были лица военнаго вѣдомства, а затѣмъ стали испрашиваться маіораты чинамъ гражданскимъ. Лишеніе ихъ тѣхъ выгодъ, которыя были предоставлены военнымъ (свобода выбора), прямо повело бы къ обвиненіямъ въ пристрастіи, тѣмъ болѣе, что лица эти, вполнѣ знакомыя съ порядкомъ веденія дѣлъ и неблагопріятными результатами, происшедшими отъ свободнаго выбора угодій, не протестовали противъ него и не рекомендовали новаго порядка. А кому же было и рекомендовать его, какъ не имъ, стоявшимъ у самой власти и распоряжавшимся всѣмъ управленіемъ въ краѣ. По истинѣ, они въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе виновны, чѣмъ графъ Бергъ, не знакомый съ бюрократическими порядками.

Вообще дѣло раздачи маіоратовъ принесло графу Бергу массу непріятностей и мало удовольствія. Приведу, въ подтвержденіе этого примѣры.

Встрѣчаю я на улицѣ добрѣйшаго, но совершенно неспособнаго администратора Р.... Машетъ рукой, останавливаетъ экипажъ и спѣшитъ ко мнѣ. Сходимся на серединѣ улицы.

— Что съ вами Е. П., вы нездоровы?

— Помилуйте, душенька, какое тутъ здоровье, а просто убитъ.

— Но что же случилось?

— Ограбили меня со всѣмъ, маіоратъ дали всего въ двѣ тысячи рублей.

Девять его товарищей по должностямъ получили маіораты въ 750 р.

Съ подобными жалобами носились многіе.

Вообще мало было благодарныхъ графу за награжденіе. Одинъ изъ пожалованныхъ, получивъ извѣщеніе о назначеніи ему 30 августа 1869 г. маіората, написалъ графу Бергу благодарственное письмо. Директоръ собственной канцеляріи намѣстника, и нынѣ здравствующій еще Г. И. Честилинъ (нынѣ—1892—сенаторъ), разсказалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее.

«Въ числѣ бумагъ, пришедшихъ съ почтой, получаю я, какъ-то, и благодарственное письмо одного маіоратиста съ помѣткою графа Берга—«благодарить». Что это такое, подумалъ я и взялъ письмо на первый же докладъ. Вотъ, ваше сіятельство, вы на такомъ-то письмѣ надписали «благодарить», что̀ это значитъ и за что̀ прикажете «благодарить»?

«— Какъ за что̀? изъ всѣхъ получившихъ маіораты онъ только одинъ поблагодарилъ меня; пожалуйста поблагодарите его за это.

«— Не принято, графъ, писать такихъ благодарностей, вы какъ нибудь выразите ваше удовольствіе на словахъ, а не письменно.

«— Жаль, что не принято, очень жаль, проговорилъ намѣстникъ».

Къ числу самыхъ рѣзкихъ хулителей графа Берга именно по дѣлу о маіоратахъ былъ и многимъ обязанный ему ***, говорившій, что графъ Бергъ былъ слишкомъ слабъ въ отношеніи Учредительнаго комитета, надѣлавшаго, будто-бы, много промаховъ своими реформами въ краѣ, оттолкнувшими отъ насъ польскую интеллигенцію.

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Варшаву я, какъ-то,

получаю приглашеніе отъ *** пожаловать къ нему тогда-то. Являюсь. Принимаетъ съ распростертыми объятіями, пожимаетъ руки, ведетъ къ себѣ въ кабинетъ. Что такое съ нимъ, думаю я, вѣроятно ждетъ отъ меня какой-либо услуги. Дѣйствительно, скоро объяснилось, что я не ошибся въ своей догадкѣ.

— У васъ есть маіоратъ?

— Есть, въ Радомской губерніи.

— Это около Козеницкихъ лѣсовъ?

— Совсѣмъ близко, хотя и въ другомъ лѣсничествѣ.

— Говорятъ, что Козеницкіе лѣса превосходны, что они мало тронуты?

— Лѣса превосходны, но много уже изъ нихъ вырублено. Да вы чего желаете?

— Государю угодно было дать мнѣ лѣсу на четыре тысячи рублей дохода, такъ не возьметесь ли вы мнѣ указать, гдѣ было бы выгоднѣе въ вашей губерніи пріискать подходящую лѣсную дачу?

— Извините меня, я не гожусь для этого дѣла. Лѣса Радомской губерніи я знаю хорошо, но взять на себя роль посредника считаю неудобнымъ.

— Вы разсердились? Я къ вамъ обратился по-дружески и думалъ, что вы мнѣ поможете.

Пожалованіе *** лѣса произошло одновременно или нѣсколько позже состоявшагося, по его представленію, назначенія лѣсныхъ дачъ высшимъ чинамъ министерства финансовъ.

Меня весьма занималъ вопросъ, сколько маіоратистовъ проживаетъ въ своихъ маіоратахъ и ведетъ въ нихъ свое хозяйство. По собраннымъ справкамъ оказалось, что число это очень ограниченно, всего 38 чел. [1]), между коими есть нѣсколько только проживающихъ въ имѣніяхъ, но хозяйства не ведущихъ. Да и изъ тѣхъ, которые ведутъ хозяйство, нельзя указать хозяйничающихъ во всѣхъ фольваркахъ. Обыкновенно, проживающіе въ краѣ маіоратисты завѣдуютъ своими лѣсами (какъ и не проживающіе) и однимъ, двумя

[1]) Само собою разумѣется, что въ это число не включены маіоратисты, проживающіе въ Привислянскомъ краѣ въ качествѣ служащихъ; ихъ довольно, но всѣ они имѣютъ администраторовъ.

фольварками, всѣ же остальные фольварки находятся въ продолжительной администраціи.

Такимъ образомъ собственное хозяйство ведется:

въ	6	маіорат.	съ доходомъ	въ	4.500 руб.
»	8	»	»	»	3.000 »
»	2	»	»	»	2.250 »
»	6	»	»	»	1.500 »
»	1	»	»	»	1.200 »
»	2	»	»	»	1.000 »
»	13	»	»	»	750 »

Всего въ 38 маіорат. съ доходомъ въ 77.450 руб.

что составляетъ 14% общаго числа маіоратныхъ имѣній.

Насколько мнѣ извѣстно, никто изъ маіоратистовъ, проживающихъ въ своихъ имѣніяхъ, особымъ вліяніемъ въ краѣ не пользуется, и вообще маіоратное землевладѣніе не представляетъ изъ себя никакого замѣтнаго ядра. Маіораты совершенно теряются между имѣніями частнаго владѣнія. Съ теченіемъ времени число маіоратистовъ, проживающихъ въ краѣ, безъ сомнѣнія, значительно увеличится, и можетъ быть придетъ время, когда во всѣхъ 268 маіоратахъ отчасти будетъ вестись собственное хозяйство ихъ владѣльцевъ. Но произойдетъ ли отъ этого существенная разница противу нынѣшняго положенія дѣлъ? Едва-ли. Увеличится число русскихъ, проживающихъ въ краѣ, уменьшится число администраторовъ, и только. Собственно же маіоратное землевладѣліе останется навсегда едва замѣтнымъ среди сплошнаго польскаго землевладѣнія. На подмогу къ нему могутъ придти лица русскаго происхожденія, купившія имѣнія съ торговъ или частнымъ образомъ, но можетъ ли ихъ быть много?

Заканчивая настоящую статью, нельзя не заявить, что и между нынѣ живущими въ краѣ маіоратистами есть уже, къ сожалѣнію, лица, не приносящія чести русскому элементу. Указываютъ, напримѣръ, на одного маіоратиста, который не разъ уже привлекался къ судебной отвѣтственности, по весьма непохвальнымъ поступкамъ. Являясь въ судъ, онъ, между прочимъ, отказывался давать показанія по-русски за незнаніемъ русскаго языка и предлагалъ объясняться по-нѣмецки или по-польски.

Д. Г. Анучинъ.

С.-Петербургъ 18 октября 1892 г.

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой 1822 — 1826 годовъ [1]).

IX.

6-го декабря 1823 г. Кологривъ.

Не знаю, любезнѣйшая Александра Михайловна, сердитесь ли вы, что я къ вамъ давно не писалъ, или просто обо мнѣ забыли; въ первомъ случаѣ оправдываюсь моей больной рукою, которая долго, а можетъ быть и никогда совершенно не выздоровѣетъ; во второмъ же, самъ смѣю васъ осудить: хорошее ли дѣло забыть того, кто объ васъ всякій день вспоминаетъ? О дебютахъ ожидалъ я реляціи и не получилъ ни строки; случайно узналъ объ нихъ въ Ростовѣ отъ молодаго преображенскаго Голицына и душевно васъ и Евгенію Ивановну поздравляю. Слава Богу, все хорошо! Но почему же я знаю объ нихъ только черезъ молву людскую? Вы, какъ слышно, съ Семеновой въ притворной дружбѣ. Какъ вы съ Базилемъ? Весьма желаю, чтобъ хорошо, и очень жалѣю, если дурно. Впрочемъ, повѣрьте мнѣ, не всякое лыко въ строку; и до меня доходили не совсѣмъ пріятные слухи: будто онъ измѣнилъ мнѣ для врага моего, Гнѣдича, но я не сержусь. Да и вы, bel ange, не послушались меня на счетъ Аменаиды и Химены еще не играли, но я не сержусь. Дай вамъ Богъ огромный сборъ въ бенефисъ, а мнѣ и вы, и почтенная маменька не откажете послѣ обильной жатвы рублей тысячу въ заемъ, если понадобятся. Вотъ, видите ли, дѣло въ чемъ: меня лукавый натолкнулъ купить сто десять душъ и усадьбу за семьдесятъ четыре тысячи рублей, и платежъ поглощаетъ всѣ мои доходы. Вы знаете пословицу: «Дорога милость во время скудости»; будьте же милостивы и милы. На прошедшей почтѣ получилъ я письмо изъ Карльсруэ отъ Николая Ивановича Бахтина. Онъ вамъ и матушкѣ кланяется, объ ея дебютѣ въ «Раулѣ» [2]) знаетъ, а объ вашемъ спра-

[1]) См. Русскую Старину, т. LXXVII. мартъ, 1893 г.

[2]) Балетъ „Раулъ де-Крекп“ былъ представленъ 21-го августа 1823 г. Е. И. Колосова исполняла роль графини Аделаиды.

*

шиваетъ [1]); я, сколько могъ, удовлетворилъ его любопытство. Играете ли вы что-нибудь въ «Пиратѣ» [2]) Андрея Андреевича Жандра, и что это за піеса? Я съ своей стороны тоже игралъ подъ Ростовымъ, у Голицыныхъ, два раза «Влюбленнаго Шекспира» [3]), «Не любо—не слушай» [4]); для шутки—«Марѳу и Угара» [5]), а «Нечаянный закладъ», совсѣмъ приготовленный, не пошелъ, затѣмъ что великій князь Михаилъ Павловичъ вытребовалъ въ Петербургъ, по прошествіи одного мѣсяца, артилерійскаго Голицына, отпущеннаго къ роднымъ на четыре. Другаго «Раменскаго» мы по скорости не сыскали, и комедія такъ осталась. Скоро ли вы ее воскресите на Большомъ театрѣ? Изъ этихъ разсказовъ прошу васъ не заключать, чтобъ я жилъ въ веселостяхъ. Недѣль шесть, правда, провелъ я довольно пріятно; но теперь опять въ Кологривѣ, въ хлопотахъ и въ скукѣ свыше силъ человѣческихъ. Разгоните, утѣшьте ее вашими письмами; вамъ они ничего не стоятъ, а мнѣ такъ радостны. Еще условіе: ужь писать, такъ писать, чтобы отнюдь не менѣе полныхъ большихъ четырехъ страницъ. Остаюсь по-старому весь вашъ Павелъ Катенинъ.

X.

18-го января 1824 г. Шаево.

Стало быть, я угадалъ, стало вы сердились, дулись? Ахъ, любезнѣйшая Александра Михайловна, какъ вамъ не стыдно? Развѣ вы не знали, что у меня вывихнутъ палецъ? Къ кому же я писалъ первые три мѣсяца? Кромѣ двухъ или трехъ разъ, на полулисточкѣ, по необходимой нуждѣ и нелѣпымъ почеркомъ, я и пера въ руки не бралъ; коль скоро же нѣсколько оправился, вы были въ числѣ первыхъ, съ кѣмъ я началъ бесѣдовать. Не думаю, чтобы письмо мое залежалось, а число могло показаться вамъ давнопрошедшимъ отъ того, что я часто, даже сегодня, почти недѣлей ранѣе пишу, нежели оно въ путь отправится. Новостей

---

[1]) А. М. Колосова появилась въ первый разъ по возвращеніи изъ Парижа въ „Андромахѣ“, исполняя роль Герміоны. Спектакль состоялся 7-го сентября 1823 г.

[2]) „Морской разбойникъ или Волшебство не волшебство“, романтическая комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, взятая изъ романа В. Скотта. Представлена 3-го декабря 1823 г., въ бенефисъ Каратыгина. Піеса отличалась многосложностью, и въ ней участвовала вся труппа. Колосова исполняла роль Нормы.

[3]) Комедія Дюваля. Переведена на русскій языкъ Д. И. Языковымъ.

[4]) Комедія князя Шаховскаго.

[5]) Комедія Дюбуа. Передѣлана съ французскаго А. А. Корсаковымъ.

отселѣ сообщать нельзя, а разговаривается на досугѣ складнѣе и подробнѣе; въ моемъ уединеніи это составляетъ почти единственное мое удовольствіе, отъ одного почтоваго дня до другаго. Еслибъ вы знали, сверхъ того, сколько мнѣ скучныхъ хлопотъ и безпокойствъ, вы бы гораздо болѣе пожалѣли обо мнѣ. Все надобно заводить; одного строенія цѣлая слобода; притомъ, не зная, надолго ли я отданъ на съѣденіе медвѣдямъ за уголовное преступленіе, что проходилъ роли съ А. М. Колосовой и В. А. Каратыгинымъ, мнѣ захотѣлось и прикупить клочокъ имѣнія, и поукрасить, что́ было; въ прошедшемъ годѣ уже развелъ я огурцы, а въ нынѣшнемъ будетъ у меня виноградъ, персики и прочее, да на бѣду мою сдѣлали Канкрина [1]) министромъ финансовъ, а онъ вообразилъ себѣ, что вездѣ урожай, между тѣмъ какъ здѣсь почти голодъ, и назначилъ вину такую низкую цѣну, что поставку брать накладъ. Я, надѣявшись на деньги и купивши 110 душъ, и сѣлъ, какъ ракъ на мели; до зарѣзу нужда въ 13.000, а на лицо только 5.000; еще 5.000 есть въ долгу; должникъ скоропостижно умеръ; наслѣдники его ссорятся, заводятъ тяжбу и не платятъ; а я плачу, то-есть, какъ Ланжеронъ [2]) объяснялъ это слово: je pleure, mais je ne paye pas (я плачу, но не плачу), потому что нечѣмъ. Хорошо еще, что Хрущовъ отдалъ 1.300; по крайней мѣрѣ въ петербургскій банкъ внесу, что слѣдуетъ. И вы навязали на себя дѣла, домъ купили: поздравляю; только гдѣ онъ, позвольте спросить, а то вы не совсѣмъ обстоятельно пишете, даже адреса вашего не понимаю: въ домѣ мѣщанина N, подъ № 227, а на какой улицѣ? Что остается за вами, или, лучше сказать, за вашимъ братомъ—такая бездѣлица, что о ней и поминать нечего; ни чулокъ, ни книгъ еще не получилъ: вѣрно на почтѣ лежатъ. Но всѣ ли тутъ книги, о которыхъ я васъ просилъ? Не забыли ли вы моего любимца Лавиня? Душевно желаю, чтобъ его новая комедія была очень хороша; только князь Тюфякинъ, съ позволенія вашего, не силенъ въ драматической хронографіи: послѣ «La Métromanie» сочиненъ Грессетомъ «Le Méchant», который ни въ какомъ отношеніи не хуже, а по важности содержанія несравненно болѣе достоинъ уваженія. Благодарю васъ покорнѣйше за извѣстіе о вашихъ дебютахъ; я отчасти уже зналъ объ нихъ. Вообще, кажется, все идетъ наилучшимъ образомъ; только власть ваша, а принимайтесь за «Сида» и «Нечаянный закладъ». Но Химена—новая роль... Кому вы это говорите? Я ли, зная васъ, повѣрю, что вы сами не можете

---

[1]) Егоръ Францовичъ Канкринъ (род. 1776 г., ум. 1845 г.) былъ министромъ финансовъ съ 1823 по 1844 г.

[2]) Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ (род. 1763 г., ум. 1831 г.), генералъ отъ инфантеріи, дѣятель Отечественной войны, впослѣдствіи Новороссійскій генералъ-губернаторъ.

роли поставить. Какой вамъ нуженъ Шаховской, или (прости Господи) какой Гнѣдичъ? Спору нѣтъ, полезно посовѣтоваться; но съ такимъ только человѣкомъ, который любитъ правду и любитъ насъ самихъ. Спрашиваю, въ которомъ изъ вышеписанныхъ двухъ вы это предполагаете найдти? Одинъ—шутъ, другой—плутъ: въ двухъ словахъ вотъ ихъ исторія. Вы желаете мнѣ, и Евгенія Ивановна также, за что обѣимъ сердечную приношу благодарность, чтобы 1825 годъ мы провели вмѣстѣ, разумѣется, въ Петербургѣ. Дай Богъ, но врядъ-ли! Не отъ меня зависитъ туда возвратиться, а тѣ, въ чьей это волѣ, захотятъ ли? Въ числѣ вашихъ друзей, выше самой Семеновой, стоитъ одинъ человѣкъ, который лучше всѣхъ можетъ сказать, когда для меня шлагбаумъ подымется; спросите-ка его при случаѣ; теперь же Азаревичева опять сняла пеплонъ, опять повязала передникъ: стало сужденія мои въ театрѣ никому не опасны. Растолкуйте мнѣ, отчего было мало зрителей въ бенефисъ вашей матушки? Какъ? Новая піеса, главная роль – слѣпая, переводчикъ Жуковскій, сверхъ того, вѣрно балетъ былъ со всѣми матадорами, а все мало сбору [1])! Не понимаю, да и только! «Завѣщаніе»—прелестная комедія. Если, какъ я думаю, хорошо переведена, ваша роль—объядѣнье [2]); мой совѣтъ—также возобновить «Притворную невѣрность» такъ, чтобы вы были Элеина, а Дюръ [3]) научите по-вашему Лизу сыграть; да кабы Самойловъ [4])—Блестова... чудо! Я рѣшился твердо и ничего не пишу, но тщательно поправляю и теперь именно съ доски до доски чищу «Аріадну; я затѣмъ и пишу вамъ объ этомъ, что, буде вы вздумаете какъ-нибудь ее сыграть, вы бы напередъ сообщили мнѣ, и я бы могъ прислать трагедію въ новомъ видѣ: перваго дѣйствія и узнать нельзя; слабые стихи въ 18 лѣтъ простительны, но въ 31 должно ихъ поправить. Желаю вамъ много денегъ отъ «Гамлета», и Боже васъ избави въ самомъ началѣ роли разсмѣяться. Предоставьте это зрителямъ, если въ числѣ ихъ будутъ люди разсудительные и храбрые; а то въ театрѣ осуждать куда опасно съ нѣкотораго времени: «Не осуждай, да не осужденъ будеши».... Только надобно прибавить: безъ суда. Я слышалъ, Пушкинъ возвратился [5]); коли вы съ нимъ увидитесь, ска-

[1]) Бенефисъ Е. И. Колосовой состоялся 15-го декабря 1823. Кромѣ „Валеріи“, былъ представленъ балетъ „Рауль—Синяя борода“.

[2]) „Завѣщаніе или кто кого перехитритъ“, комедія Мариво, переведена В. С. Миклашевичевой. Колосова исполняла роль графини. Спектакль состоялся 29-го января 1824 г.

[3]) Любовь Осиповна Дюръ (род. 1805 г., ум. 1828 г.), впослѣдствіи первая жена П. А. Каратыгина.

[4]) Василій Михайловичъ (род. 1782 г., ум. 1839 г.).

[5]) Слухъ этотъ былъ неосновательнъ. Пушкинъ, какъ извѣстно, прямо отправился въ Михайловское, гдѣ и проживалъ до восшествія на престолъ Николая I.

жите ему, что это не похвально съ его стороны, во-первыхъ, оставить одно мое письмо безъ отвѣта уже давно, а во-вторыхъ, не писать ко мнѣ въ Кологривъ, когда я къ нему писалъ въ Кишиневъ. Что-за Воиновъ [1])? Есть ли въ немъ хоть искра дарованія? Можно ли ему дать одну изъ трехъ ролей въ «Андромахѣ»? Признаюсь, эта «вдова» не выходитъ изъ моей головы, но что̀ дѣлать! Воля Божія, какъ говорятъ. Евгеніи Ивановнѣ поклонъ въ поясъ; прошу ее и васъ не забывать насъ, грѣшныхъ; мы же, степные, неизмѣнны въ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ. Вашъ покорнѣйшій слуга и поклонникъ Павелъ Катенинъ.

XI.

10-го мая 1824 г. Шаево.

Не знаю, любезнѣйшая Александра Михайловна, скоро ли бы я пересталъ сердиться на васъ и долгое молчаніе ваше, если бъ я видѣлъ васъ теперь во всей толстотѣ и дурнотѣ [2]), но, благодаря отеческимъ попеченіямъ графа Милорадовича, я не скоро, кажется, удостовѣрюсь своими глазами въ новомъ безобразіи моего bel ange, и, продолжая помнить васъ такою, какъ вы были, не только что пересталъ сердиться, едва началъ читать ваше письмо, но расцѣловалъ бы его, если бъ меня не остановило присутствіе одного, лежащаго здѣсь, больнаго коннаго офицера, который тоже принадлежитъ къ числу вашихъ поклонниковъ, и коего я не хотѣлъ тѣмъ привести въ зависть, и можетъ быть чрезъ то растравить его болѣзнь; я, напротивъ, утолилъ ее прочтеніемъ вашего письма вслухъ, и мы сознались, что если кто-нибудь можетъ у насъ равняться съ вами въ дарованіи, то всѣ далеко отстали въ умѣ и въ любезности. Конечно, чтобы помнить васъ, нѣтъ нужды имѣть передъ глазами никакой вещи, но я болѣе для того желаю чего-нибудь такого, чтобы (простите моему самолюбію) и другіе видѣть могли, что вы меня не забываете; одна только моя просьба, чтобы это не дорого вамъ стоило: истинная цѣна этого въ глазахъ моихъ никогда не опредѣлится по количеству издержанныхъ на то денегъ.

Вы, какъ видно, въ большой дружбѣ находитесь съ Семеновой. Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ; желаю продолженія

---

[1]) Воиновъ—былъ актеръ не безъ дарованія, умершій отъ чахотки въ молодыхъ годахъ.

[2]) А. М. Колосова шутя писала Катенину, что она подурнѣла и потолстѣла (П. К.).

впредь и слишкомъ знаю васъ, чтобы пускаться въ какія-либо разсужденія; ибо увѣренъ, что вы и матушка ваша обо всемъ сами давно разсудили, все предвидѣли и на всякій случай готовы. На счетъ прохожденія трагическихъ ролей и киклопа Полифема [1])—тоже не молвлю ни слова, хотя думаю про себя много. Но вы сами умны: вамъ и книги въ руки.

По преданію, однако, дошло до меня, будто покойная дона Химена Лайнецъ-де-Биваръ, урожденная графиня Гормасъ, терпѣть не могла кривыхъ душою и тѣломъ; она была ужасно тверда въ исполненіи того, что ей казалось обязанностью, и когда ея отца (не забудьте: виноватаго) убили, долго приступала къ королю и къ рыцарямъ, чтобы это такъ не осталось. Правда, наконецъ, она все забыла и согласилась на мировую, но Родригъ глядѣлъ въ оба и былъ предобрый малый. Послѣ путешествія (кажется, въ Парижъ), она нѣсколько облѣнилась, растолстѣла, и не любила показываться въ публику лѣтомъ, въ жары; но въ началѣ зимы появилась и всѣхъ собою плѣнила, именно оттого, что въ выборѣ нарядовъ совѣтовалась только съ собою, съ милымъ Сидомъ и съ матерью, которая, какъ извѣстно всей Гиспаніи, была отлично умная женщина; бѣднаго же отца уже не было: его согнали съ бѣлаго свѣта; однако, его иногда поминали въ семейномъ кругу, и это его чрезвычайно утѣшало въ могилѣ: имущіе уши да слышатъ [2]). «Аріадну» Семенова играла однажды, послѣ вашихъ дебютовъ, въ самомъ дѣлѣ превосходно; но я жалѣю, что поправки, мною сдѣланныя во всемъ переводѣ, даромъ пропадаютъ, и мнѣ ихъ нельзя ни доставить, ни помѣстить. Уговорите хоть къ тому, чтобы говорили и печатали: «Аріадна», а не «Аріана» или, того еще хуже—«Аріанна»: это несносно! Благодарю васъ за «княгиню Юрьеву». Вы должны быть безподобны въ этой роли, но какая обстановка піесы? Сосницкій! Пророчу вамъ, что онъ и въ роли «Ришльё» будетъ негоденъ; ему надобно все «Звоновыхъ», да «Зарницкиныхъ», а чуть поумнѣе—онъ и пропалъ. Крайне жаль, что Дюрова погибаетъ отъ индикацій; слѣпота Шаховскаго непостижима. Человѣкъ онъ не глупый, а не видитъ, что его ученики дурны и никому, кромѣ его, не нравятся. Правда, много ли пользы имѣть и такихъ, которые всѣмъ нравятся? Торгъ вашъ съ дирекціею мнѣ несовершенно извѣстенъ, и я путемъ судить не могу; только не

---

[1]) Такъ называлъ Катенинъ Н. И. Гнѣдича, который, какъ извѣстно, былъ кривъ.

[2]) Вся исторія о Хименѣ — шутка Катенина, въ которой подъ именами дѣйствующихъ лицъ „Сида“ онъ разсказываетъ А. М. Колосовой перевороты въ ея служебной карьерѣ. Родригъ—В. А. Каратыгинъ; наряды—роли А. М. Колосовой; отецъ Химены—самъ Катенинъ. (П. К.).

понимаю, какъ она обойдется безъ талантовъ. Гдѣ Майковъ? Какъ и кѣмъ распутается странный хаосъ комитетный? Могутъ ли дѣла идти хоть какъ-нибудь безъ головы? Какую роль во всемъ этомъ играетъ Шаховской [1])? Замѣтили ли вы въ его новой, довольно хорошенькой комедіи «Ты и Вы» [2]), которую мнѣ на прошлой недѣлѣ прислали, сильныя нападки на Семенову подъ именемъ Le Couvreur? Что она объ этомъ говоритъ, и особливо, что̀ онъ себѣ подъ именемъ Вольтера приписываетъ все ея достоинство и славу? Не охладило ли это въ ней охоты къ «Китайской сиротѣ» [3])? Нѣтъ, она бьется больше изъ денегъ, а потому прощаетъ и мнѣ. La bonne farce!

Очень благодаренъ, что вы исполнили мое порученіе на счетъ забывчиваго Пушкина; но врядъ-ли онъ можетъ возвратиться, коли не возвращается. Впрочемъ, желаю ему того же, что и себѣ, хотя онъ и виноватъ былъ во многихъ неосторожностяхъ, а я только въ томъ, что Маша Азаревичева дурно играла Поликсену. Она, однако, умнѣе, нежели я думалъ: опять сняла пеплонъ и надѣла передникъ. Не пишутъ ли къ вамъ чего изъ Парижа? L'Ecole des Vieillards [4]) нетерпѣливо жду; похвалы А. А. Жандра, Н. И. Бахтина, Варвары Семеновны [5]) и ваши удостовѣряютъ меня въ полномъ ея достоинствѣ; желаю, чтобъ А. А. [6]) ее перевелъ; вамъ вѣрно есть роль, а кто вмѣсто Тальма? Передъ концомъ прошу у васъ прощенія въ дурномъ почеркѣ и даже въ дружескихъ шуткахъ; въ свою очередь прошу васъ на меня не гнѣваться, отвѣчать поскорѣе и писать почаще. Знайте, что врядъ-ли кто васъ цѣнитъ, уважаетъ и любитъ наравнѣ съ вашимъ покорнымъ слугою. Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Въ это время подготовлялись перемѣны въ администраціи императорскихъ театровъ. Въ 1825 году состоялось новое положеніе о преобразованіи театральнаго управленія, по которому вся распорядительная часть, директоръ и контора вошли въ зависимость театральнаго комитета. А. А. Майковъ не пожелалъ оставаться директоромъ, а съ его удаленіемъ потерялъ значеніе и князь Шаховской.

[2]) „Ты и вы, Вольтерово посланіе, или 60 лѣтъ антракта“. Представлена въ первый разъ 23-го января 1824. Піеса эта имѣла большой успѣхъ.

[3]) Трагедія Вольтера въ переводѣ князя Шаховскаго. Появилась на сценѣ 21-го января 1809 г. и никакого успѣха не имѣла. Возобновлена 22-го января 1825 г.; роль Идаміи исполняла Семенова.

[4]) Комедія въ 5 актахъ (стихами) Казиміра Делавиля, поставленная на сценѣ театра Comedie-Française, 6-го декабря 1823 г.

[5]) Миклашевичева (род. 1768 г., ум. 1846 г.). Кромѣ перевода комедіи Мариво „Завѣщаніе“, ей принадлежитъ еще переводъ комедіи „Спальня или полчаса изъ жизни герцога Ришелье“.—Послѣдняя піеса была представлена въ первый разъ 8-го октября 1824 г. Роль Ришелье игралъ Сосницкій и, вопреки мнѣнію Катенина, исполнилъ ее прекрасно.

[6]) Князь Шаховской.

XII.

12-го іюля 1824 г. Шаево.

Самъ не надивлюсь, что мнѣ пришлось отвѣчать вамъ вдругъ на три письма. Правда, два пришли вмѣстѣ, но третье уже двѣ недѣли, какъ получено; только у меня хлопоты, именины, освященіе церкви, проводы больнаго и визитъ къ предводителю; все такъ скопилось, что по неволѣ просрочилъ переписку. Вы просите, любезнѣйшая Александра Михайловна, поработать для вашего бенефиса, вопреки моему намѣренію не писать для театра. Какъ ни тяжко дѣлать противъ своего желанія, я вамъ не могу отказать; одно мое условіе: чтобы отнюдь не печатать моего имени на афишкѣ. Что же касается до піесъ, вами предлагаемыхъ, позвольте потолковать. Первая: «Спартакъ»—трагедія безъ смысла, холодная, какъ ледъ, уже переведенная на нашъ языкъ, уже игранная не одинъ разъ, какъ вы пишете, а нѣсколько разъ, такъ что всѣмъ надоѣла [1]). Вы можетъ быть слыхали отъ Ежовой, что Семенова играла тутъ римлянку. Прошу вспомнить сверхъ того, что все дѣло въ освобожденіи народовъ, а я за болтовню покойнаго Saurin не намѣренъ ѣхать отъ Кологрива на востокъ. Если, несмотря ни на что, вамъ хочется «Спартака», зачѣмъ вновь писать? Висковатовъ и Корсаковъ предлагаютъ свои услуги. Вторая: «Blanch et Guiscard», а по-русски: «Біанка и Гуискардъ» [2]). Это по неволѣ напоминаетъ Корсакова же: «Амбоаръ и Оренгцебъ» [3]). Скажите, давно ли вамъ такъ полюбился m-r Saurin [4])? Что вы въ немъ нашли? Его, я мню, и во Франціи давно бросили, а вы русскихъ сбираетесь подчивать этой дрянью; неужели необходимо перевести всѣ обороши парижской сцены? Третья: «L'île des talents». Чтобы этотъ пустячокъ былъ сдѣланъ остро и забавно, надобно автору быть тутъ, пользоваться обстоятельствами, намеками, анекдотами; все видѣть и все знать, что за кулисами дѣлается. Безъ того выйдетъ вещь пресухая, и я за тысячу верстъ никакъ не берусь дѣлать то, что вы принуждены же будете бросить, ибо выйдетъ неизбѣжно дрянь. Теперь слѣдуютъ мои предложенія. Что лучше «Баязета» [5])? Если Андрей Андреевичъ [6]) обѣщается три акта поставить въ срокъ,—

---

[1]) Переведена съ французскаго С. И. Висковатовымъ и П. А. Корсаковымъ. Представлена въ первый разъ 16-го января 1814 г.

[2]) Переведена В. А. Каратыгинымъ и представлена въ 1827 году.

[3]) Оригинальная трагедія въ стихахъ, представленная 24-го апрѣля 1814 г. Успѣха не имѣла.

[4]) Посредственный французскій драматургъ. Род. 1706 г., ум. 1801 г..

[5]) Трагедія Расина.

[6]) Жандръ.

не третій, а четвертый, который уже давно у меня до половины готовъ, и пятый я несомнѣнно вамъ выставлю. Вамъ не хочется Аталиды; съ сожалѣніемъ обязанъ вамъ сказать, что вы обижаете ее и свой вкусъ; неужели та только роль и хороша, гдѣ много крика? Расинъ былъ вѣрно не врагъ себѣ, ни m-lle Champosmêlé; однакожъ ей отдалъ онъ Аталиду, а Роксану—худшей актрисѣ, m-lle d'Ennebault. Вотъ вамъ въ подкрѣпленіе моихъ словъ выписка изъ Geoffroy: «Quoiqu'il en soit, il est certain que la Champsmêlé joua Atalide de manière à étonner madame de Sévigné, qui ne parla que d'elle: ce qui suppose que le rôle de Roxane fut médiocrement rendu par m-lle d'Ennebault, actrice petite, jeune et jolie. On peut conjecturer aussi qu' Atalide était alors regardée comme le rôle brillant: aujourd'hui c'est Roxane qui marque; celui d' Atalide parait languissant, parce qu'il est faiblement joué. Cependant des nos jours m-lle Desgarcins avait rendu tout son éclat à ce rôle, s'en était fait une espèce de réputation» [1]). Я не сомнѣваюсь, что и вы сдѣлаете то же, коли захотите, а трагедія, согласитесь, не тѣмъ чета. Объ участіи Семеновой не могу вамъ ничего сказать; вы лучше знаете: выгодно ли оно и можно ли на него положиться. Въ «Родогунѣ» [2])—также двѣ роли; въ «Циннѣ» [3]) одна; но я не люблю этой подлой піесы, и пятаго дѣйствія никто, кромѣ Шаховскаго, не переведетъ съ удовольствіемъ. «Поліевктъ» бы хорошъ, но позволятъ ли на сцену вывести мученика Христова? Изъ новыхъ трагедій не безъ достоинства Лавиневъ «Паріа». Извольте обо всемъ хорошенько подумать, посовѣтуйтесь съ добрыми людьми и пришлите ваше рѣшеніе, и то поскорѣе, ибо время коротко; я же болѣе спорить не стану и, за исключеніемъ «Спартака», всякую вами выбранную трагедію съ ослинымъ терпѣніемъ примусь переводить; но съ ослинымъ же упрямствомъ требую меня въ афишѣ не поминать. Поздравляю васъ съ контрактомъ, а еще болѣе поздравляю публику; изъ различныхъ сужденій о вашей игрѣ заключаю, что вы хороши и въ трагедіи, и въ коме-

---

[1]) Какъ-бы то ни было, но извѣстно, что Шанмеле играла роль Аталиды такъ, что удивила госпожу де Севинье, которая только о ней и говоритъ. Это заставляетъ предполагать, что роль Роксаны была посредственно выполнена дѣвицею д'Энебо, актрисою маленькою, молоденькою и хорошенькою. Можно догадываться также, что тогда роль Аталиды почитали блестящею; нынѣ на первомъ планѣ Роксана; роль Аталиды кажется малозначащею, потому что слабо выполняется. Однако же въ наше время m-lle Дегарсенъ возвратила этой роли весь ея блескъ и пріобрѣла себѣ въ ней нѣкотораго рода извѣстность.—Geoffroy, Julien--знаменитый французскій критикъ (род. 1743 г., ум. 1814 г.). Его статьи собраны въ изданіи: Cours de la littérature dramatique (Paris, 1819—1820). Ему же принадлежитъ „Commentaire sur la théâtre de Racine (Paris 1808).

[2]) Трагедія Корнеля.

[3]) Трагедія Корнеля.

медіи; но ближе къ совершенству въ послѣдней отъ того, что это и легче. Трагедія—не шутка! Хорошо кабы можно васъ съ Семеновой въ одну слить; чтобы при вашемъ ростѣ и глазахъ былъ ея греческій профиль; при вашемъ умѣ и глубинѣ—ея густой голосъ,—и тогда бы этой сложной Мельпоменѣ запретить, чтобы она отнюдь не гонялась за эффектами и рукоплесканіями, а играла бы по доброй совѣсти. Это бы хорошо, но это невозможно. Къ слову о Семеновой: я тронутъ до слезъ ея ко мнѣ любовью и съ радостью бы ее побилъ за игру въ «Аріаннѣ». Донѣ Хименѣ прошу сказать мое почтеніе и поблагодарить за ея хорошее расположеніе; soeur Alexandrine не то что soeur Catherine. Куда же дѣвалась «Спальня» и «Les fausses Confidences» [1])? Я очень люблю и уважаю Варвару Семеновну [2]); она напрасно думаетъ, что я объ ней забылъ; скорѣе Андрей Андреевичъ меня забываетъ; ей бы не худо его пожурить, а то и по дѣламъ нужнымъ не могу отъ него строки дождаться.

За опредѣленіе Макарова въ кадеты низко кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ; она, кромѣ добраго дѣла, сдѣлала мнѣ чувствительнѣйшее одолженіе. Вы, кажется, видаете Грибоѣдова? Увы, и тотъ ко мнѣ не пишетъ: бѣда не быть на глазахъ! Бахтинъ, напротивъ, изъ Парижа, ссужаетъ меня часто письмами, и вотъ вамъ анекдотъ оттолѣ: старикъ Lemercier [3]) и молодой Liadières [4]) въ одно время написали трагедіи «Jeanne Shone»; первую играли на первомъ театрѣ, другую —на второмъ; тамъ—Duchesnois, здѣсь—George. Сначала освистали на смерть Lemercier, а Liadières торжествовалъ; послѣ колесо повернулось, и въ Одеонѣ пошли свистки. George сказала на сценѣ: «C'est une cabale abominable» [5]) и уѣхала. Закипѣлъ Парижъ. George долго не показывалась, наконецъ ободрилась и вышла въ «Меропѣ». Театръ захлебнулся зрителями, а передъ началомъ одинъ на шляпу навязалъ контрмарку, въ знакъ, что онъ не даромъ впущенъ и деньги заплатилъ; въ мигъ всѣ, по его примѣру,—свои контрмарки на показъ; человѣкъ съ двадцать не имѣли ихъ: они тотчасъ были выгнаны изъ залы. Выходитъ George, ей кричатъ: «Des excuses [6])»! Она туда, сюда; директоръ было съ рѣчью... Ему отвѣтъ громкій: «Des

---

[1]) Комедія Мариво, переведенная впослѣдствіи Катенинымъ подъ заглавіемъ „Обманъ въ пользу любви". Была представлена въ 1826 году.

[2]) Миклашевичева.

[3]) Lemercier, Louis-Jean (род. 1771 г., ум. 1840 г.) извѣстенъ своими многочисленными драматическими произведеніями: „Tartufe revolutionnaire", „Levite d'Ephraïme", „Agamemnon" и др. Огромный успѣхъ его объясняется тѣми реакціонными идеями, которыя проводилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ.

[4]) Liadières, Pierre—драматургъ и публицистъ, (род. 1792 г, ум. 1858 г.) Принадлежалъ къ консервативной партіи.

[5]) Это гнустная интрига.

[6]) Извиняйся!

excuses!» И кончилось тѣмъ, что она принесла повинную голову, и піеса пошла съ большими рукоплесканіями. Разскажите при случаѣ этотъ новый анекдотъ сестрѣ Катеринѣ: у нея носъ опустится, какъ у Шаховскаго отъ вашего пріема. Не забудьте, что у меня, кромѣ Корнеля, Расина, Кребильона и Вольтера, нѣтъ трагедій, а буде вы что другое изберете, вамъ надо мнѣ книжку прислать. Пишите не въ Кологривъ, а въ Чухлому: я туда отправляюсь. Прощайте, Александра Михайловна! Еще писать хочется, да мѣста нѣтъ: въ другой разъ. Преданный Павелъ Катенинъ.

Не забудьте, ради Бога, что до декабря не далеко и поищите мнѣ сотрудниковъ, а то боюсь обмануть васъ: мнѣ же надо будетъ разъѣзжать по дѣламъ и хлопотать въ Костромѣ.

XIII.

28-го августа 1824 г. Ростовъ.

Жаль, очень жаль, любезнѣйшая Александра Михайловна, что мы принуждены разговаривать такъ издалека, и что каждаго отвѣта надобно ждать около мѣсяца. Но что дѣлать! Будемъ продолжать нашъ разговоръ. Вы приказываете мнѣ перевести «Ромео и Юлію»: я согласенъ; но согласятся ли г. Соцъ и г-жа Цензура? Одно изъ главнѣйшихъ лицъ (прочтите піесу: у васъ есть Шекспиръ)—монахъ, братъ Лаврентій; на немъ вся интрига: онъ помогаетъ любовникамъ, къ нему идетъ на исповѣдь Юлія, и онъ даетъ ей сонный напитокъ. Позволятъ ли вывести на сцену монаха въ рясѣ? Узнайте навѣрно, чтобы мнѣ не работать попустому. Коверкать же піесу и монаха разстричь и оборотить въ греческаго врача Себиса я не берусь. Я вполнѣ цѣню мнѣніе и причуды глупцовъ, но еще не отваживаюсь презирать совершенно сужденія умныхъ и знающихъ людей. Если эта англійская трагедія обрусѣть не можетъ, станемъ искать изъ французскихъ и начнемъ по порядку съ Корнеля. «Сидъ» и «Горація»—переведены; въ «Циннѣ»—заговоръ противъ императора: ужасно и подумать! Въ «Поліевктѣ»—христіанскій мученикъ: Чети - Минеи на театрѣ!.. Еще ужаснѣе! «Помпея» чуть-ли не переводитъ Шеллеръ [1]), да и кого вы тамъ будете играть? Одна—старуха, другая — кокетка. «Родогуна» также безъ Семеновой не обойдется; le reste ne vaut pas l'honneur d'être nommé [2]). Изъ Расина остались: «Британикъ», «Вереника», «Баязетъ» и «Митридатъ». Въ первой вамъ нѣтъ роли; вторая не сдѣлаетъ никакого эффекта у насъ; въ

[1]) Александръ Ивановичъ, плодовитый переводчикъ театральныхъ піесъ.

[2]) Остальное не заслуживаетъ чести быть упомянутымъ.

послѣдней кто будетъ Митридатъ? Одинъ Базиль [1]) можетъ выполнить эту роль, хотя молодъ; но тогда возьметъ ли Брянскій Фарнака, и каковъ будетъ Воиновъ—Ксифаръ? Важнѣйшій же вопросъ: любите ли вы Мониму? Я подозрѣваю, что нѣтъ, судя по молчанію вашему объ Аталидѣ. Теперь другое предложеніе. Буде вы непремѣнно хотите роль пылкую, сыграйте сами Роксану, а для Аталиды потрудитесь уже кого-нибудь отыскать и обучить, хоть напримѣръ вашу кузину Любушку [2]); въ такомъ случаѣ «Баязетъ» вамъ будетъ готовъ скорѣе всякой другой. Андрей Андреевичъ додѣлаетъ хоть второе дѣйствіе, давно начатое, а за послѣднія три я берусь. Въ «Дидонѣ» Помпиньяновой много достоинствъ и блестящая роль; но я боюсь, что глупая «Дидона» Княжнина ей сильно повредитъ во мнѣніи невѣждъ, то-есть, въ общемъ мнѣніи. Вольтеръ и прочее—все истощено. Не пропустятъ ли «Агамемнона» [3])? Его можно на славу обставить и разыграть. Изъ комедій—чудо: «Tartuffe», но его и подавно запретятъ; «l'Ecole des Vieillards» мнѣ по сіе время неизвѣстна: сдѣлайте милость пришлите. Есть драма «Dupuis et Desronais» [4]), но вы можетъ быть хотите непремѣнно трагедію? Итакъ, узнавайте, избирайте и рѣшайтесь: къ сроку будетъ готово. Къ слову: готовы ли, наконецъ, ваши гостинцы? Я ихъ съ нетерпѣніемъ жду, тѣмъ паче, что не знаю, что такое. Изъ нѣкоторыхъ словъ вашихъ смекаю, что вы не совсѣмъ довольны Жандромъ; я болѣе вашего на него сердитъ, ибо онъ ко мнѣ совсѣмъ не пишетъ. На Варвару Семеновну нельзя сѣтовать, что она не отдаетъ даромъ «Les Fausses Confidences»; при ея состояніи и пятьсотъ рублей нужны; я эту женщину весьма уважаю. Въ роляхъ у васъ недостатка нѣтъ; но, скажите, зачѣмъ вамъ играть графиню Лелеву [5])? Роль, по моему мнѣнію, не хороша, и вы еще подвергаетесь осужденіямъ князя Шаховскаго, буде вы съ нимъ не помирились. Еще вопросъ: будете ли вы въ Москвѣ играть «Есоирь»? Если да, какъ я думаю, то не худо бы предупредить тамошнюю дирекцію на счетъ хоровъ и спектакля вообще: она вѣдь тамъ еще играна не была. Надѣюсь, что вы изъ Москвы будете ко мнѣ писать: я любопытенъ знать о вашемъ туда появленіи и обо всемъ московскомъ театрѣ; извѣстія же будутъ доходить ко мнѣ весьма скоро, ибо я до декабря мѣсяца проживу здѣсь, въ Ростовѣ, куда и теперь прошу васъ ко мнѣ письма надписывать. Vedo con sommo piacere che lei incommincia ad imparare l'italiano; i bellissimi carmi che lei

---

[1]) Каратыгинъ.

[2]) Любовь Осиповна Дюръ.

[3]) „Смерть Агамемнона“, трагедія Лемерсье.

[4]) Драма Колле. въ 3-хъ актахъ. Первый разъ была поставлена на сценѣ Théâtre-Français 17-го января 1763 г.

[5]) Въ комедіи Шаховскаго „Урокъ кокеткамъ“.

potrá leggere le saranno un degno premio del suo lavoro e fra pochi mesi spero raggionare con lei su i diversi preggii del Dante e d'Ariosto, del Tasso e del Guarini [1]). Съ такой высоты каково вамъ упасть въ костромской театръ, гдѣ отличается въ роляхъ Сосницкаго, Самойлова и даже Каратыгина (напримѣръ, въ «Сынѣ любви») вамъ знакомый «Колокольчикъ». Къ вящшей красотѣ онъ, зимою, отзнобилъ носъ и теперь вылѣчить его совершенно не можетъ. Потужили ли вы о кончинѣ княгини Кутузовой [2])? Мнѣ, признаюсь, ее очень жаль: она любила изящное, а у насъ рѣдко найдешь такихъ людей. Прощайте, Александра Михайловна, и пишите ко мнѣ: это меня много радуетъ и утѣшаетъ въ моемъ изгнаніи. Государь поѣдетъ осенью мимо Кологрива и моего Шаева, но я буду не дома, а здѣсь. Вашъ покорный Павелъ Катенинъ.

XIV.

26-го сентября 1824 г. Ростовъ.

Какъ! Вы играли «Липецкія воды» на зло Шаховскому? Этотъ человѣкъ родился въ сорочкѣ: другіе не дождутся, чтобъ изъ любви къ нимъ дѣлали столько, сколько изъ ненависти къ нему. Извините, любезнѣйшая Александра Михайловна, такую выходку въ началѣ письма, гдѣ мнѣ только должно благодарить васъ за присылку портрета; я любуюсь на него съ ранняго утра, ибо онъ виситъ у меня въ глазахъ, передъ кроватью; всѣ здѣшніе на него любовались и поздравляли меня, а я.. je fesais le modeste [3]). Очень радъ, что «Есеирь» будетъ играться въ Москвѣ; однако, несмотря на благорасположеніе Максина [4]), прошу васъ присмотрѣть, чтобы обстановка піесы была порядочная. Эта роль положила основаніе вашей доброй славѣ, и вы обязаны объ ней постараться. Вы окончательно избираете «Баязета»: буди воля ваша. Мои три дѣйствія поспѣютъ къ сроку, а каково будутъ сдѣланы, вѣсть

---

[1]) Вижу съ величайшимъ удовольствіемъ, что вы начали овладѣвать итальянскимъ языкомъ; прелестнѣйшія поэмы, которыя вы будете въ состояніи читать, вознаградятъ васъ за вашъ трудъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надѣюсь разсуждать съ вами о разныхъ красотахъ Данте, Аріоста, Тассо и Гуарини.

[2]) Жена князя М. И. Голенищева - Кутузова - Смоленскаго, Екатерина Ильинична, урожденная Бибикова (род. 5-го ноября 1754 г., ум. 23-го іюля 1824 г.).

[3]) Я прикидывался скромникомъ.

[4]) Актеръ, перешедшій съ петербургской сцены.

Богъ. Условіе же мое о неизвѣстности переводчика въ полной силѣ существуетъ; и тѣмъ легче будетъ меня удовлетворить, что всѣ знаютъ, что «Баязета» давнымъ давно переводитъ Жандръ. Стало, не родится и подозрѣніе, когда на афишѣ будетъ одно его имя. Настоятельно прошу васъ переговорить съ нимъ объ этомъ и заставить его согласиться быть переводчикомъ всей трагедіи. Варварѣ Семеновнѣ отдайте мое почтеніе; попросите, чтобъ хоть она мнѣ какъ-нибудь объяснила, отчего Андрей Андреевичъ полгода цѣлые ко мнѣ не пишетъ. Вы забыли на письмѣ своемъ выставить число, и я не знаю, скоро ли вы отправляетесь въ Москву, и для того это письмо посылаю черезъ Каратыгиныхъ. Долго ли вы пробудете въ Москвѣ? Что будете играть? Много ли «на зло» мнѣ? Что вашъ бенефисъ? Прошу покорнѣйше меня оттолѣ извѣщать; находясь въ 180-ти верстахъ другъ отъ друга, переписка можетъ живо идти. Евгеніи Ивановнѣ сто поклоновъ. Что ваши семейныя дѣла? Гдѣ братецъ? Будьте здоровы, Александра Михайловна, восхищайте Бѣлокаменную и сообщайте о вашихъ успѣхахъ преданному Анохину. Павелъ Катенинъ.

XV.

25-го декабря 1824 г. Кострома.

Былъ бы, милостивая государыня, мой чередъ возносить вамъ моя вина, еслибъ у меня не было уважительнѣйшихъ доводовъ въ мірѣ къ моему оправданію. Я заваленъ дѣлами; лукавый попуталъ меня въ прошломъ году купить землю у проклятаго сутяги, которому теперь хочется зажилить и землю, и деньги. Я принужденъ вести тяжбу и даже не могу возвратиться въ мой уединенный пріютъ и заниматься тамъ сколько мнѣ угодно любимыми мною предметами. Принужденъ по неволѣ проживать въ Костромѣ, покуда это дѣло—не говорю будетъ окончено: это невозможно, но хоть по крайней мѣрѣ приметъ какой-нибудь оборотъ, который дозволилъ бы продолжать тяжбу въ мое отсутствіе. Вы знаете, впрочемъ, какъ все это надоѣдаетъ мнѣ, утомляетъ меня, изъ терпѣнія выводитъ; я думалъ, что серьозно заболѣю: ночи проводилъ безъ сна, въ крови чувствовалъ несносный жаръ, и только теперь, всего дня два, какъ мнѣ легче. Оба ваши письма немножко запоздали. Я уже выѣхалъ изъ Ростова и, слѣдовательно, они томились тамъ цѣлую недѣлю. Благодарю тысячу разъ за подробности, съ которыми вы разсказываете мнѣ о вашихъ приключеніяхъ въ Москвѣ; о нихъ разсказывалъ мнѣ, еще до полученія послѣдняго вашего письма, вашъ горячій поклонникъ Бо-

логовской—костромичъ, который убѣдительно проситъ меня напомнить вамъ о немъ. Вы его осчастливите, если упомянете о немъ въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ. Но теперь поговоримъ о васъ. Нужно ли говорить вамъ, какое живѣйшее участіе принимаю я въ вашихъ столь блестящихъ и полныхъ успѣхахъ [1]); я даже горжусь ими немножко, ибо имѣю высокомѣріе думать, что для трагедіи совѣты мои были вамъ не совсѣмъ безполезны; могли бы даже и теперь на что-нибудь вамъ пригодиться, если бы мудрость лица, вамъ извѣстнаго, не лишала меня и самой надежды васъ видѣть. Да, сударыня, трагическихъ ролей вы играли мало, и я очень хорошо угадалъ причину тому: во-первыхъ—сказанная вами; во-вторыхъ—та, о которой вы умолчали. Первая: недостатокъ хорошихъ авторовъ для содѣйствія вамъ; другая, какъ я думаю, недостаточно развитой вкусъ москвичей къ піесамъ этого рода; трагедіи, въ которыхъ у васъ особенно блестящія роли: «Андромаха» и «Горація», доставили бы имъ невеликое удовольствіе; вы же не разсчитывали снискать себѣ славу, представляя Ксенію вѣчнаго «Донскаго» или «Пальмиру» великаго пророка [2]). Сердечно благодарю васъ за всѣ ваши заботы объ «Есѳири». Не забудьте меня, пожалуйста, въ Петербургѣ. Есть двѣ роли въ моихъ піесахъ: Химена и маркиза де-Кленвилль, которыя ждутъ васъ; займитесь ими и придайте имъ цѣнности. Четвертый актъ «Баязета» готовъ. Я дѣятельно займусь остальными двумя тотчасъ же, какъ только успокоюсь и тѣломъ, и духомъ; впрочемъ, у насъ еще довольно времени впереди; но еще разъ прошу: никому ни слова.

Князь Вяземскій, по моему мнѣнію, безподобенъ со своими вопросами на мой счетъ. Боже милостивый, если онъ меня не знаетъ, какъ же онъ осмѣливается въ теченіе столькихъ лѣтъ объявлять себя моимъ врагомъ, подкапываться подъ меня тихомолкомъ, не дерзая нападать открыто, и разсѣвать на мой счетъ гнусныя клеветы даже въ Парижѣ? Одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, какъ мнѣ писали, напечаталъ противъ меня мерзкій пасквиль, наполненный нападками на мою личность и лживыми, и рѣзкими [3]). Дошло до того, что я, потерявъ тер-

[1]) 14-го октября 1824 г. Колосова отправилась въ Москву, а 26-го дебютировала въ „Мизантропѣ“, въ роли Прелестины. За „Мизантропомъ“ слѣдовали: „Танкредъ“, „Завѣщаніе“, „Липецкія воды“, „Эсѳирь“, „Валерія“ и др. Публика принимала Колосову восторженно. 6-го декабря она выѣхала изъ Москвы, оставивъ по себѣ самыя пріятныя воспоминанія.

[2]) Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. П. Николевымъ и въ первый разъ представленная въ Москвѣ 22-го апрѣля 1783 г., а въ Петербургѣ 4-го октября 1801 г.

[3]) Въ Парижскомъ Меркуріи 1824 г. была помѣщена статья русскаго автора объ отечественной литературѣ съ подписью L. N., въ которой упоминалось, между прочимъ, съ похвалой и о Катенинѣ.

Нѣкто P. B. G., также русскій, напечаталъ возраженіе, въ которомъ,

пѣніе, послалъ къ Каченовскому и къ Гречу оправдательное письмо, заключающее нѣчто въ родѣ призыва къ суду пасквилиста; боюсь только, чтобы происки и значеніе преслѣдующей меня партіи не были настолько сильны, чтобы воспрепятствовать напечатанію моей полемики [1]). Еще хочу просить васъ о другомъ дѣлѣ, касательно ходатайства вашего у Хмельницкаго, съ которымъ вы, какъ я думаю, въ хорошихъ отношеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе нелѣпой ко мнѣ придирки С.-Петербургской гражданской палаты у меня, безъ всякой малѣйшей причины, связаны руки въ распоряженіяхъ моими родовыми имѣньями; я объясняю все дѣло Хмельницкому, потому что свѣдущіе люди говорили мнѣ, будто только одинъ генералъ-губернаторъ, при которомъ онъ служитъ, можетъ развязать или разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ. Обратиться прямо къ Милорадовичу немножко опасно, и я беру этотъ окольный путь. Почитаю Хмельницкаго на столько честнымъ человѣкомъ, чтобы оказать мнѣ эту услугу, вопреки нашимъ небольшимъ литературнымъ стычкамъ. Во всякомъ случаѣ нѣсколько словъ, замолвленныхъ вами и матушкою вашею съ теплотою дружбы, могутъ скорѣе побудить къ тому Хмельницкаго [2]). Сдѣлайте это, пожалуйста, сударыни, ибо эта просьба къ вамъ обѣимъ относится. Къ слову о придиркахъ. Простите ли вы мнѣ мои маленькія придирки къ bel ange за этотъ «Сонъ Гоѳоліи», дважды декламированный на московской сценѣ? [3]) Скажите, положа руку на сердце, не побудило ли васъ къ тому чуточка шарлатанизма? Надобно было пыль въ глаза пустить, не такъ ли? Но со времени вашего возвращенія, что вы подѣлываете? Напишите мнѣ о вашемъ дебютѣ по возвращеніи, о театрѣ вообще, о піесахъ, обо всемъ, наконецъ. Надписывайте мнѣ письма въ Кологривъ, потому что къ тому времени меня

указывая на недостатки русскихъ стиховъ Катенина, ссылался на „остроумнѣйшую“ критику князя П. А. Вяземскаго, тогда какъ послѣдній ничего подобнаго не писалъ. Кромѣ того, Р. В. G. называетъ Катенина авторомъ, надутымъ своимъ талантомъ и завистникомъ чужихъ достоинствъ. Въ заключеніе, онъ говоритъ, что статья о Катенинѣ, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы 1823 г. (ч. 127, № 3), писана имъ самимъ, выставляя такимъ образомъ Катенина хвалителемъ собственныхъ сочиненій.

[1]) Оправдательное письмо Катенина было напечатано Н. И. Гречемъ въ Сынѣ Отечества 1825 г., ч. 99, № 2, стр. 333—335; но Каченовскій не далъ ему мѣста въ Вѣстникѣ Европы.

[2]) Николай Ивановичъ Хмельницкій (род. 1791 г., ум. 1845 г.), извѣстный драматическій писатель, занималъ въ это время должность правителя канцеляріи петербургскаго генералъ-губернатора.

[3]) Этотъ отрывокъ изъ трагедіи Расина, переведенный между прочимъ Катенинымъ, Колосова читала на французскомъ языкѣ 17-го и 21-го ноября 1824 г. Колосова владѣла языкомъ, какъ природная парижанка.

здѣсь уже не будетъ. Тысячу поклоновъ вашей уважаемой матушкѣ и вашему братцу, если онъ съ вами. Желаю вамъ добраго новаго года. Шествуйте отъ торжества къ торжеству; но, какъ говорится въ пѣсенкѣ королевы Гортензіи, mais ne m'oubliez pas. Вижу, что это письмо длинно, и пора кончить; у меня же есть нѣсколько визитовъ, ибо сегодня Рождество; тѣмъ не менѣе не могу рѣшиться разстаться съ вами, не исписавъ цѣлаго листа; воображаю, что вижу васъ, разговариваю съ вами, но тотчасъ же замѣчаю великую разницу между письмомъ и устною бесѣдою. Вы ничего не отвѣчаете издалека на все, что́ я вамъ здѣсь говорю; лучшая часть разговора прибудетъ сюда только черезъ мѣсяцъ. Долгонько! Прощайте, будьте здоровы и примите увѣренія въ моей дружбѣ. Павелъ Катенинъ.

XVI.

20-го января 1825 г. Кострома.

Торопясь отвѣчать вамъ на ваше письмо, полученное сегодня утромъ, беру полъ-листа для скорости и чтобъ не пропустить сегодняшней почты. Думалъ ли я въ послѣдній разъ, весь занятый вашими тріумфами, что тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ мнѣ прійдется выражать вамъ мои чувства соболѣзнованія. Увы, увы! Печальная участь талантовъ на Руси! Какъ ихъ преслѣдуютъ! Ихъ однако же не такое великое количество, чтобы они могли терять цѣну, часто бросаясь въ глаза. Каверзы дирекціи и прекрасный судъ Мидаса о двухъ головахъ были бы смѣшны, если бы были менѣе гнусны [1]). Смутные слухи объ этихъ гру-

[1]) Катенинъ говоритъ здѣсь по поводу ареста Колосовой. Дѣло въ томъ, что, согласившись повторить по просьбѣ публики спектакль въ Москвѣ, Колосова опоздала явиться къ сроку въ Петербургъ. Несмотря на уважительную причину и ходатайство разныхъ лицъ, артисткѣ былъ сдѣланъ выговоръ и, какъ бы въ наказаніе, для перваго выхода ей назначили самую ничтожную роль изъ всего ея репертуара. Оскорбленная этимъ, Колосова отказалась играть. На другой день явился къ ней полиціймейстеръ съ приказаніемъ взять ее подъ арестъ, но не засталъ дома. Узнавши объ этомъ, Колосова сейчасъ же уѣхала въ Царское Село, встрѣтила тамъ государя и лично пожаловалась ему на несправедливость дирекціи. Государь милостиво поговорилъ съ ней, велѣлъ подать прошеніе и обѣщалъ переговорить съ графомъ Милорадовичемъ. Результатомъ всего этого было то, что графъ Милорадовичъ собралъ театральный комитетъ, и на томъ основаніи, что Колосова „обнаружила преступную дерзость, утруждавъ государя императора жалобой на начальство“, что „все это доказываетъ ея вредную нравственность“, Колосовой прислали отставку, съ приказаніемъ явиться въ театральную контору подъ арестъ (С. В. Танѣевъ. Изъ прошлаго императорскихъ театровъ. Выпускъ II. С.-Пб. 1886, стр. 35).

*

быхъ выходкахъ дошли до меня; я слышалъ о нихъ между прочимъ изъ устъ молодой и хорошенькой дамы, которая познакомилась съ вами въ Москвѣ, и очарована вашимъ талантомъ и особою, нѣкоей г-жи Нелидовой[1]). Ваше письмо подтвердило дурную вѣсть. Благоволите однако объяснить: играли ли вы Офелію, или Селимену, или ничего не играли? Были ли подъ арестомъ? Если—да, то сколько времени? По чести, только и недостаетъ того, чтобы васъ сослали въ Кологривъ; здѣсь мы устроили бы свой театръ, на которомъ, конечно, играли бы лучше, нежели на театрахъ обѣихъ столицъ, если тамошніе, милые директоры дѣйствуютъ единодушно. Какая же ваша цѣль ѣхать въ Москву? Желаете ли быть ангажированы? Но, говорятъ, Кокошкинъ[2]) такъ же гадокъ и еще глупѣе Шаховскаго. Кстати, что вы скажете о драматическомъ альманахѣ «Талія» и о его пяти портретахъ?[3]) Ни слова не говорю о портретѣ толстаго князя: это самый трудолюбивый писатель, если не лучшій; въ числѣ прочихъ четырехъ я надѣялся найти: Самойлова, Каратыгина, Семенову и васъ; ничуть не бывало: двѣ танцорки, изъ которыхъ одна—крайняя посредственность. Вамъ должны были сообщить, что четвертый актъ «Баязета» готовъ, а два остальные будутъ отдѣланы тотчасъ же, какъ только мнѣ выдастся хоть маленькій досугъ; но теперь у меня голова кругомъ идетъ: злая судьба натолкнула на меня отвратительнаго сутягу, который затѣялъ со мною подлѣйшую тяжбу, и я принужденъ тратить время въ Костромѣ на дурацкія подъяческія крючкотворства, будучи даже лишенъ возможности возвратиться къ моимъ индюшкамъ и капустѣ. Поклонъ вашъ Бологовскому будетъ переданъ, и онъ запрыгаетъ отъ радости. Простите, что такъ скоро кончаю, но время дорого, черезъ нѣсколько дней постараюсь написать побольше; можетъ быть даже мой двоюродный братъ Александръ, который будетъ здѣсь проѣздомъ, доставитъ вамъ четвертый актъ «Баязета». Поклонъ вашей матушкѣ. Еще разъ прощайте. Весь вашъ Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Съ Нелидовыми Катенины были въ родствѣ. Родной дядя Павла Александровича, Николай Ѳеодоровичъ Катенинъ, былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Нелидовой.

[2]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (род. 1773 г., ум. 1838 г.) съ 1818 г. былъ членомъ репертуарной части, а съ 1823 по 1831 управлялъ московскимъ театромъ. Какъ директоръ, оказалъ большія услуги московской сценѣ и всѣми силами старался поднять ея значеніе.

[3]) Русская Талія, изд. Булгаринымъ въ 1825 году, съ приложеніемъ портретовъ: князя Шаховскаго, Е. С. Семеновой, В. А. Каратыгина, Е. И. Истоминой и Е. А. Телешовой.

XVII.

12-го февраля 1825 г. Кострома.

Никто изъ моихъ друзей не можетъ похвалиться такой исправностью, какъ вы. Письма ваши «подписываются» скоро, а это, какъ вы говорите, важный пунктъ въ тяжебныхъ дѣлахъ. Къ крайнему моему огорченію, я увѣрился, что гг. Грибоѣдовъ и Жандръ во многихъ отношеніяхъ безжалостно пренебрегаютъ мной и покидаютъ меня въ снѣдь звѣрямъ плотоядным. Подобно вамъ, содрогнулся и я при мысли объ этомъ инквизиціонномъ духѣ, объ этой желтухѣ, которая заставляетъ предубѣжденными глазами видѣть все въ желчномъ свѣтѣ и находить революціонныя правила во всѣхъ поступкахъ порядочныхъ людей. Вы еще можете благословлять вашу судьбу, что вы женщина, иначе четвертью часа въ конторѣ не удовольствовались бы, а засадили бы васъ въ крѣпость, или приговорили къ вѣчному изгнанію [1]). Вполнѣ чувствую, до какой степени вы имѣете право сожалѣть о театрѣ, и это, по истинѣ, огорчаетъ меня. Что касается до вашихъ похвалъ князю Голицыну [2]), предоставляю вамъ говорить, что угодно; но, чтобы вѣрить этимъ похваламъ, попрошу дать мнѣ нѣсколько времени: нуженъ опытъ, чтобы вызнать человѣка. Впрочемъ, можетъ ли Москва вполнѣ замѣнить Петербургъ, гдѣ театръ вообще настолько выше; гдѣ вы жили, угнѣздились и проч. и проч.? Продолжаете ли видаться съ сестрой Катериной [3]), или эта прекрасная дружба уже разсѣялась дымомъ? Послѣднее предположеніе, признаюсь, кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Слышалъ я еще кой-что о прелестной Нимфѣ [4]). Не будетъ ли нескромностью справиться о ней, и хоть матушка ваша не можетъ ли разсѣять мои сомнѣнія на ея счетъ? Г-жи Нелидовой уже здѣсь нѣтъ: она пріѣзжала въ Кострому на недѣлю и поспѣшила возвратиться въ Москву. Желалъ бы, подобно ей, тоже поѣхать въ ту сторону, но моя проклятая тяжба вяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ; и не знаю, какому святому молиться: святой Паціенціи былъ бы для меня, я думаю, полезнѣе всѣхъ прочихъ. Къ слову о терпѣніи: оно

---

[1]) Когда Колосова пріѣхала въ театральную контору, чтобы подвергнуться наказанію, то черезъ полчаса явился чиновникъ отъ Милорадовича съ объявленіемъ, что графъ довольствуется ея повиновеніемъ и освобождаетъ отъ ареста.

[2]) Дмитрій Владиміровичъ, Московскій генералъ-губернаторъ, который, во время пребыванія Колосовой въ Москвѣ, благосклонно относился къ ней.

[3]) Семенова.

[4]) Нимфодора Семеновна Семенова (род. 1789 г., ум. 1876 г.), сестра Е. С. Семеновой, драматическая актриса и пѣвица. По мужѣ Лестреленъ.

было нужно и вамъ, чтобы одолѣть скуку этой пародіи на «Школу стариковъ». Особенно восхитителенъ былъ Альфонсъ въ роли стараго Данвилля. Не могу сказать вамъ ничего новаго о «Баязетѣ»; мнѣ пришлось оставить его, чтобы занять роль въ «Тяжебникахъ» (les Plaideurs); и предупреждаю васъ, что эта роль трудная, ибо мой «Шиканно» и мои «Дандены» очень сильны въ роляхъ своихъ амплуа [1]). Теперь, какъ вы изволите пребывать сложа ручки, ожидаю получать отъ васъ вѣсточекъ почаще и прошу васъ сообщать ихъ и о нашей сценѣ. Хорошъ ли былъ Каратыгинъ въ «Семирамидѣ»? [2]) Что это за «Женевьева Брабантская» [3]), которая появится, или уже появилась на сценѣ? Неутомимый Шаховской продолжаетъ ли мастерить свои піесы, или якобы свои? Осмѣлится ли кто замѣнить васъ въ вашихъ роляхъ? Кто отважится на этотъ опасный прыжокъ? Сколько вопросовъ, скажете вы: такъ знайте, что я желалъ бы надавать ихъ еще болѣе, чтобы побудить васъ къ отвѣтамъ. Глубочайшій поклонъ вашей матушкѣ; прошу ее помолиться за меня. Будьте здоровы и не забывайте вашего покорнѣйшаго слугу Павла Катенина.

XVIII.

15-го апрѣля 1825 г.

Вы властны любить, обожать, воскурять ѳиміамъ вашему любезнѣйшему князю Голицыну; но я на него такъ же сердитъ, какъ и на васъ. Прежде всего скажите мнѣ, искренно-ли вы такъ радуетесь своему отъѣзду въ Москву? [4]) Во всякомъ случаѣ эта радость будетъ непродолжительна, если вы потрудитесь немножко о ней поразмыслить. Москва, какъ бы то ни было, ничто иное какъ большой губернскій городъ. Первостепенные артисты въ нее заѣзжаютъ, собираютъ деньги, но на по-

---

[1]) Именами дѣйствующихъ лицъ комедіи „Les Plaideurs“ Катенинъ называетъ своего противника и подьячихъ въ своей тяжбѣ. Эта комедія написана въ 1668 году Расиномъ, который вздумалъ состязаться съ Мольеромъ, но безуспѣшно.

[2]) Трагедія Вольтера, поставленная на русскую сцену еще въ 1812 году. Эта піеса шла въ бенефисъ Каратыгина 8-го января 1825 г. Главную роль исполняла Е. С. Семенова, а бенефиціантъ—роль Арзаса.

[3]) Трагедія, сочиненная А. П. Поморскимъ. Была представлена въ бенефисъ Е. С. Семеновой 30-го января 1825 г.

[4]) По оставленіи сцены, Колосова жила въ Петербургѣ. Въ это время пріѣхалъ кн. Д. В. Голицынъ, предложившій ей поступить на Московскую сцену. Колосова подала черезъ него прошеніе государю и получила разрѣшеніе играть не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ.

стоянное жительство не остаются. Тамошній русскій театръ, какъ говорятъ, въ плачевномъ состояніи, а публика очарована своей итальянской оперой, англійскимъ клубомъ, проклятыми картами, даже Кокошкинымъ. Что вы будете дѣлать одна среди всего этого хаоса? Съ кѣмъ вамъ играть? Что вы будете играть? Новыя піесы пишутся и въ Петербургѣ. Мнѣ пріятнѣе думать про себя, что вы притворяетесь довольною, что досада (весьма основательная), въ которой вы можете быть на тѣхъ, кто не умѣлъ по достоинству оцѣнить вашъ талантъ, побуждаетъ васъ къ подобному молодечеству; но я далеко гоню отъ себя прискорбную мысль, что Москва кажется вамъ, дѣйствительно, лучше Петербурга. Съ вашей стороны это былс бы непростительное заблужденіе и въ нѣкоторомъ родѣ неблагодарность. Здѣсь вы дебютировали, развились, составили себѣ добрую славу, и порядочные люди, люди со вкусомъ, истинные любители, не могутъ ни сочувствовать, ни одобрять соперничества по ремеслу съ Катериной Медичи, ни происковъ Аристофана [1]), ни всемогущества Тиграна. Справьтесь, умоляю васъ, о моемъ письмѣ къ императору; я отправилъ его прямо по почтѣ. Дошло ли оно? Что изъ того послѣдуетъ? Желаю отъ всего сердца получить дозволеніе, которое дало бы мнѣ возможность увидѣться со многими особами, мною по всей справедливости любимыми. Но я крайне затрудненъ поѣздкою и переселеніемъ, ибо въ нынѣшнемъ году я разоренъ: у меня въ полномъ смыслѣ слова нѣтъ ни копѣйки. Крестьяне здѣшніе съ голоду мрутъ; кормлю ихъ чѣмъ и какъ могу; но мнѣ не на что купить овса для посѣва, и доходовъ никакихъ нѣтъ. Прибавьте къ этому затрудненія съ тяжбой, другія дѣла и того непріятнѣе, которыя надобно покончить съ моимъ братомъ; долги—куда ни обернись, и поймете, что есть отъ чего съ ума сойти. Это не препятствуетъ мнѣ думать о томъ, что я вамъ обѣщалъ, но оно чертовски трудно. Готовъ ли другой-то, лѣнивецъ? [2]) Нижайшій поклонъ матушкѣ. Будьте здоровы, веселы, а на досугѣ разучивайте Химену и маркизу де-Кленвилль для ради любви къ Богу и къ вашему покорнѣйшему слугѣ Павлу Катенину.

XIX.

10-го мая 1825 г. Шаево.

Ваши упреки столь же любезны, какъ и вы сами; и я за нихъ благодарю васъ, хотя ихъ и не заслуживаю. Письма наши, должно быть,

---

[1]) Кн. Шаховской.

[2]) Дѣло идетъ о переводѣ Расинова „Баязета“ вмѣстѣ съ Жандромъ.

разошлись, ибо я твердо убѣжденъ, что безотлагательно отвѣчалъ вамъ. Помню даже, что обращалъ къ вамъ довольно рѣзкіе упреки за измѣну, которую вы намѣревались сдѣлать всему Петербургу. Я предъявлялъ вамъ права вашихъ старинныхъ поклонниковъ и, хотя былъ адвокатомъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но былъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я въ восторгѣ, что публика сказала вамъ то же самое въ концертѣ Каталани [1]): останьтесь, или поѣзжайте въ Москву вмѣстѣ съ другими, ибо дворъ вѣроятно повезетъ туда и театръ съ собою. Вы любопытствуете знать о положеніи моихъ дѣлъ Вотъ оно: дѣла кляузныя затихли на время, но на долго ли — не вѣдаю; съ ихъ возобновленіемъ начнутся опять затрудненія, и это неизбѣжно. Теперь же покуда мнѣ данъ отдыхъ въ ожиданіи возврата лихорадки. Мое письмо къ его величеству отправлено 19-го марта; но я думаю, что оно надѣлало хлопотъ, ибо не имѣю о немъ никакихъ извѣстій. Здоровье мое плохо, а простуда вслѣдствіе одной небольшой поѣздки едва не отправила меня въ другой, дальнѣйшій путь, и въ теченіе трехъ дней я стоялъ одной ногой въ «лодкѣ». Однако, благодаря тому, что здѣсь нѣтъ докторовъ, я не умеръ. Поздравляю васъ съ женитьбой вашего братца и прошу васъ передать мое поздравленіе матушкѣ вашей. Ей предстоитъ быть бабушкой: какъ-то она мирится съ этой мыслію? Большое вамъ спасибо за ваши театральныя новости. Очень радъ былъ слышать, что у насъ еще остался одинъ трагическій авторъ или переводчикъ; но у этого г. Поморскаго перо плодовитое. Если не ошибаюсь, его произведеніе «Женевьева Брабантская», и вотъ за нею по пятамъ вскорѣ послѣдовала «Габріэль де Вержи» [2]). Кланяйтесь отъ меня Базилю-Фаелю; онъ немножко меня забываетъ, что́ мнѣ грустно. Катеринѣ Медичи будетъ трудно сыграть роль удовлетворительно для хорошихъ судей; одного дарованія не достаточно—нужна и совѣстливость. Гоняясь только за эффектомъ, можно, наконецъ, въ извѣстное время и промахнуться; зрители, сначала отуманенные всѣмъ этимъ грохотомъ, постепенно къ нему привыкаютъ и, наконецъ, удивляются сами себѣ, что при всей доброй охотѣ уже не могутъ болѣе восторгаться. Кто же игралъ рыцаря Куси? Итакъ, великіе князья заняли директорскую ложу, но ѣздятъ ли они въ театръ? Къ слову объ этой ложѣ. Я никогда ее не могъ терпѣть, даже еще до введенія въ

---

[1]) Знаменитая пѣвица (род. 1779 г., ум. 1849 г.). 19-го апрѣля 1825 г. она давала концертъ, а Колосова и французская актриса Картиньи декламировали сцену изъ „Мизантропа“.

[2]) Андрей Петровичъ Поморскій, авторъ и переводчикъ драматическихъ піесъ. Его переведенная съ французскаго трагедія „Габріель де-Вержи“ была представлена 22-го апрѣля. В. А. Каратыгинъ исполнялъ роль графа де-Фаеля. Рауля де-Куси игралъ П. А. Каратыгинъ, а Габріель—Е. С. Семенова. Трагедія имѣла успѣхъ.

нее Майковымъ его дурной компаніи; та же, которую встарь называли хорошею, имѣла также привычку говорить громче актеровъ и говорила, чтобы ничего не сказать. Во Франціи партеръ крикнулъ бы: молчать! но въ Россіи—другое дѣло.

«Баязетъ» понемножку подвигается. Боже мой, что-за восхитительная роль Аталиды! Вы ее играть не будете, но кто же будетъ? Надобно, чтобы вы подготовили кого-нибудь, ибо я вѣроятно буду вѣчно здѣсь сажать капусту, которая даже и не хочетъ рости въ здѣшнемъ ужасномъ краю. Существованіе мое весьма печально, весьма однообразно. Мы въ конецъ разорены; денегъ ни у кого нѣтъ, и народъ умираетъ съ голоду. Прибавьте къ этому тяжбу и долги, маленькое политическое гоненіе и большія литературныя клеветы—и судите о моемъ положеніи. Величайшее мое удовольствіе получать письма, и потому не лишайте меня вашихъ, которыя я тщательно берегу и часто перечитываю. Знаете ли, что вы изволите забывать выставлять числа? Прошу исправиться. Прощайте, еще разъ кланяюсь маменькѣ и дочкѣ и поручаю себя ихъ дружбѣ. Тысяча лучшихъ пожеланій. Павелъ Катенинъ.

XX.

7-го іюня 1825 г. Кологривъ.

Начну извѣщеніемъ о желанномъ успѣхѣ моей просьбы къ императору. Онъ чрезъ генерала Дибича благоволилъ отвѣтить мнѣ, что на мое возвращеніе въ Петербургъ соизволяетъ. Если бы у меня было столько же денегъ, сколько доброй воли, я теперь былъ бы уже въ дорогѣ. Къ несчастію, у меня ни полушки нѣтъ; жду, впрочемъ, бумагъ которыя мнѣ должны выдать изъ судовъ. Злыя осы царства Ѳемиды затягиваютъ дѣло: но какъ только выйдетъ ихъ рѣшеніе, такъ я и поѣду. Окончивъ съ этой статьей, благоволите дозволить мнѣ подробнѣе поговорить о «Баязетѣ». Скажу вамъ, во-первыхъ, что мнѣ остается додѣлать одинъ только пятый актъ; третій и четвертый окончены и смѣю думать—хорошо. Полагаю, что теперь было бы полезно немножко пришпорить лѣнивца Жандра и сказать ему, чтобы онъ поторопился окончаніемъ, иначе его прійдется ждать. Прошу по-прежнему сохранять тайну, и вслѣдствіе этого умоляю васъ сказать мнѣ прямо: вы, или Жандръ, или г-жа Миклашевичева не имѣли ли неосторожность проговориться объ этомъ важномъ дѣлѣ весьма нескромному Грибоѣдову. Если—да, я пропалъ: протрезвонили во всѣ колокола, повыпалили изо всѣхъ пушекъ. Отъ этихъ мелочей перехожу къ главному пункту, къ

распредѣленію ролей. Заклинаю васъ именами: Мельпомены, Расина, дѣвицъ—Шанмеле [1]), Лекуврёръ [2]) и Дегарсенъ [3]) взять на себя роль Аталиды, предоставивъ Роксану королевѣ-матери [4]). Трудясь надъ піесою, я имѣлъ время развѣдать всю глубину мыслей автора и нисколько не сомнѣваюсь, что онъ почиталъ Аталиду за главное лицо, а Роксану—за тѣнь къ картинѣ. Тѣ же виды имѣлъ и Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ «Кенильвортѣ». Весь интересъ зиждется на любви Аталиды; она, убиваясь, заканчиваетъ піесу, тогда какъ уходъ Роксаны ничтоженъ и безъ эффекта. Два письма, которыя она читаетъ, обморокъ, молитва на колѣняхъ и ударъ кинжаломъ—требуютъ актрисы - мастерицы своего дѣла. Успѣхъ трагедіи зависитъ отъ выполненія этой роли, удивительной и трудной. Еще еслибы вы могли отвѣтить мнѣ: «Какое мнѣ до этого дѣло? Моя роль—Роксана, до прочаго мнѣ дѣла нѣтъ!» Извините, сударыня: Роксана—не ваша роль; это—не Герміона; въ ней нѣтъ ни чувствительности, ни благородства, ни огня; это честолюбивая и злая рабыня, личность скорѣе отталкивающая, нежели привлекательная. Для роли Роксаны нужна женщина статная, съ нѣсколько суровой физіономіей, съ грубыми, порывистыми ухватками, рѣзкимъ голосомъ и тономъ: таковы средства Семеновой. Для личности Аталиды нужна красота менѣе правильная, но болѣе трогательная: прелестные глаза, полные огня; глубокая сосредоточенная чувствительность, гибкій голосъ, благородство царской крови... словомъ, все, чѣмъ вы обладаете въ высшей степени. Баязетъ долженъ быть высокъ ростомъ, смуглъ, мужественъ, гордъ, прямодушенъ, упрямъ: это—другъ нашъ Базиль. Нѣтъ у насъ подъ рукою визиря Акомата: знаю. Упомянутый персонажъ будетъ всегда немножко индѣйскій пѣтухъ, или мохноногій голубь, но какъ быть? Впрочемъ, эта роль, будучи безстрастною, никогда не можетъ произвесть большаго эффекта. Если роли троихъ любовниковъ будутъ хорошо разыграны, тогда я увижу трагедію. Бога ради, чтобы я ее увидѣлъ! Прибавьте къ этимъ соображеніямъ значительнѣйшій сборъ и продолжительнѣйшій успѣхъ; ибо публика чрезвычайно любитъ (и я согласенъ съ ея вкусомъ) видѣть, когда лучшіе таланты сходятся въ одной піесѣ. Всѣ глаза алчно устремляются на таинственную кулису, изъ которой выйдутъ подъ руку двѣ

---

[1]) Champsmêlé, Marie—знаменитая трагическая актриса (род. 1641 г., ум. 1698 г.). Дебютировала въ роли Герміоны настолько хорошо, что самъ Расинъ высказалъ ей свое одобреніе. Большимъ успѣхомъ пользовалась также въ роляхъ Аталиды, Вереники, Монимы.

[2]) Lecouvreur, Adrienne — извѣстная французская актриса (род. 1690 г., ум. 1730 г.). Имѣла большой успѣхъ въ роли Аталиды.

[3]) Desgarcins (род. 1770 г., ум. 1797 г.) дебютировала въ роли Аталиды въ 1788 году.

[4]) Е. С. Семенова.

соперницы. Отсюда вижу васъ въ прелестномъ костюмѣ изъ бѣлаго атласа, въ шубѣ понсоваго бархата... У меня руки чешутся, я долженъ апплодировать! Впрочемъ, прошу васъ вѣрить, что все сказанное мною клонится къ пользѣ искусства и къ вашей. Я не хочу ни похвалъ, ни выгодъ, но говорю вамъ то, что мнѣ кажется правдою, то, въ чемъ я также убѣжденъ, какъ въ своемъ существованіи. Во всякомъ случаѣ— ваша воля, но я готовъ спорить до сипоты. Нижайшій поклонъ вашей матушкѣ. Кстати, не найдется ли у нея въ домѣ подходящей мнѣ наемной квартиры? Лошадей я держать не буду, и потому мнѣ не нужно ни конюшни, ни сарая; но комнаты три, четыре съ кухнею. Прошу васъ надписать вашъ отвѣтъ ко мнѣ въ Кострому; онъ, вѣроятно, не застанетъ меня здѣсь, но тамъ я постараюсь, чтобы письма были исправно доставляемы на мѣсто моего нахожденія. Будьте здоровы! Мнѣ не такъ грустно заканчивать письмо въ надеждѣ скоро имѣть удовольствіе бесѣдовать съ вами еще пріятнѣе, нежели съ перомъ въ рукѣ. Поклонъ и уваженіе. П. Катенинъ.

XXI.

20-го іюня 1825 г. Кологривъ.

Отказаться отъ театра! Вамъ! Что за мысль! Что вы будете дѣлать съ вашимъ временемъ? Вы будете смертельно скучать. И съ какой стати, позвольте спросить? «У меня есть настолько средствъ, что могу обойдтись и безъ театра». Прекрасная причина! Деньги имѣютъ свои достоинства, согласенъ; онѣ нигдѣ и ничего не портятъ, быть такъ! Но не однѣ только деньги должны быть рычагомъ дѣйствій художника. А слава? А репутація? Рукоплесканія? Похвалы? Вы всѣмъ этимъ, стало быть, пренебрегаете? Вы поступаете, какъ Ахиллъ, разгнѣванный на Агамемнона, который только и твердитъ, что о своей ѳессалійской капустѣ; но вспомните, что Ахиллъ опять взялся за оружіе послѣ всѣхъ этихъ прекрасныхъ предложеній о счастіи въ нѣдрахъ хозяйства: то же сдѣлаете и вы. «Но, сударь, отказались же вы отъ сочиненія стиховъ [1]); почему же вамъ не нравится, что я отказалась отъ ихъ чтенія?» —

---

[1]) Стихи Катенина вызывали постоянныя нападки критиковъ (см. напримѣръ Сынъ Отечества 1816 г., ч. 31, № 27, 11; 1821 г., ч. 68, стр. 225 и др.). Плетневъ писалъ Пушкину: „Катенина талантъ я уважаю, но жесткихъ стиховъ его не люблю“ (Соч. Плетнева, т. III, 316). Вслѣдствіе всего этого Катенинъ и рѣшилъ стиховъ не писать... „Carmina nulla canam“, писалъ онъ Пушкину въ 1825 году (Р. Архивъ 1881 г., т. I, стр. 146).

Да, сударыня, и съ вашего позволенія, объясню вамъ, почему я это сдѣлалъ. Оба наши ремесла совершенно отличны одно отъ другаго. Выгода нашего ремесла заключается въ томъ, что сочиненія наши, буде они хороши, остаются послѣ насъ и даже могутъ со временемъ послужить основою нашей доброй славы, которою мы пользоваться не будемъ, но на которую самолюбіе наше надѣется и, такъ сказать, даетъ намъ возможность ее предвкушать. Замѣтьте, что эта выгода, чаемая, невѣрная есть единственная. Теперь, посмотримъ невыгоды. У васъ есть одна, много двѣ соперницы, но не онѣ ваши судьи; у бѣднаго поэта двѣсти соперниковъ, или именующихся таковыми, которые не только его судьи по полному праву, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ—его единственные судьи, какъ, напримѣръ, у насъ, гдѣ почти никто не читаетъ. Маленькія каверзы, маленькія лжи печатныя, маленькія недоброжелательства всесильны противъ писателя, обязаннаго молчать или унижаться, нарушая это молчаніе. Актеръ, являясь предъ лицомъ публики, презираетъ злобу, заставляя ее рукоплескать; торжество его минутное, но оно полное. Я никогда не слыхивалъ о талантливомъ актерѣ, отвергнутомъ публикою и побѣжденномъ интригами; съ писателями же иначе не случается. Расинъ въ свое время былъ пожертвованъ Корнелю, въ слѣдующемъ вѣкѣ—Вольтеру, а въ наше время—господамъ романтикамъ, и какой-нибудь Булгаринъ провозглашаетъ его школьникомъ! Все сіе доказываетъ, что стихоплетъ, если онъ благоразуменъ, долженъ прекратить свою работу, коль скоро не можетъ ни побѣдить вкуса и идей своихъ читателей, ни сообразоваться съ ними; чѣмъ болѣе онъ сталъ бы писать, тѣмъ болѣе навлекъ бы на себя враговъ и гонителей, ибо фанатизмъ есть и въ литературѣ, какъ въ политикѣ и въ религіи. Если этотъ человѣкъ имѣлъ несчастіе создать одно изъ тѣхъ образцовыхъ произведеній, которыя возбуждаютъ всеобщее вниманіе, я не ручаюсь за его жизнь: тюрьма и ссылка—бездѣлицы, о которыхъ, слава Богу, уже не говорятъ болѣе. Актеръ—напротивъ, а еще того болѣе актриса—женщина обязаны шествовать до конца по ихъ блестящему поприщу. Малая толика соревнованія, соперничества—полезныя побудительныя средства; будутъ ли для васъ униженіемъ ежеминутныя сравненія васъ съ Семеновой? Если бы васъ смѣшивали съ госпожами Величкиной, Ольгиной, Лобановой, я бы позволилъ вамъ тотчасъ же бросить театръ. Но вы его не бросите, я въ этомъ увѣренъ. Довольно! Вы знаете роль Герміоны ex officio; эта лакедемонская царевна иногда становится выше грамматическихъ правилъ, требующихъ чтобы мѣстоименіе всегда относилось къ послѣднему существительному; аббатъ д'Оливе и другіе старинные пуристы, ничего не смыслившіе въ языкѣ страстей, строго ее за то упрекали; Жоффруа весьма дѣльно замѣчаетъ, что она должна очень мало думать о синтаксисѣ и очень

много о Пиррѣ и потому, занятая имъ постоянно, она къ нему одному относитъ всѣ мѣстоименія. Вы поступили точно такъ же, какъ Герміона: вы поставили на шестой страницѣ вашего письма «игрекъ» (мѣстоименіе), который по правилу грамматики не относится рѣшительно ни къ чему, но написанъ вами въ пылу страсти въ замѣну слова «Москва», которой теперь посвящены всѣ ваши нѣжные помыслы. Восхваленія тамошней публики краснорѣчивы. Я знаю два стихотворныя изображенія этой публики. Одно—въ комедіи, которую болѣе не играютъ по милости князя Шаховскаго, а другое—въ комедіи, которую, благодаря цензорамъ, никогда играть не будутъ [1]). Вы думаете не такъ, какъ эти два писателя, которые, повидимому, люди злые; которыхъ, по справедливости, отдаляютъ отъ сцены. Москвичи исполнены изящнаго вкуса, тонки, учтивы, деликанты: такъ-съ, слушаемъ. Вы мнѣ указывали на парижанъ, сударыня; но знаете ли, что между ними есть нѣкоторые громко жалующіеся на Тальма, на Мартенъ, на Дюшенуа, Жоржъ и даже на божественную Марсъ, упрекая ихъ за страсть къ вояжамъ и разъѣздамъ по большимъ провинціальнымъ городамъ. Насмѣшки въ сторону: вы до бѣшенства огорчаете меня... Какъ! Я пріѣду въ Петербургъ и не увижу васъ на сценѣ? Увы, это было одною изъ тѣхъ надеждъ, которыми я тѣшился! Итакъ, мнѣ придется проводить время за тяжбою: это довольно грустно! Впрочемъ, на семъ свѣтѣ худо и добро перемѣшаны. Неприглядность, безцвѣтность ожидающей меня жизни заставитъ меня прилежнѣе заниматься моей тяжбой; не бывая въ театрѣ, я сберегу нѣсколько рублей на свой столъ, которымъ порядочно затрудняюсь, ибо я разоренъ, какъ отставной офицеръ. Кстати объ офицерахъ. Мой поклонъ полковнику Цезаріону [2]), который вспомнилъ обо мнѣ: меня глубоко трогаетъ воспоминаніе моихъ старинныхъ товарищей. Видаете ли вы Бологовскаго, Хрущова? Гдѣ Барковъ? Вы бы хорошенько пожурили Жандра, который меня совершенно позабылъ, и Каратыгины не лучше его. Словомъ сказать, только вы, Бахтинъ и князь Голицынъ пишите ко мнѣ исправно, за что́ да вознградитъ васъ небо! Надѣюсь увидѣться съ вами въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Я бы уже и уѣхалъ, но карманъ мой до того опустѣлъ, что средствъ нѣтъ; жду бумагъ, за тѣмъ чтобы часть моихъ имѣній заложить въ банкъ, и все опасаюсь гнусныхъ кляузъ нашихъ судовъ.

---

[1]) Первая комедія—„Сплетни“, передѣланныя Катенинымъ изъ Грессетовой комедіи „Le Méchant“. Представлена впервые 31-го декабря 1824 года. Имѣла замѣчательный успѣхъ. Другая—„Горе отъ ума“, представленная въ первый разъ только 26-го января 1831 г.

[2]) Павелъ Кесаревичъ Хвощинскій (род. 1790 г., ум. 1852), впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ.

Надѣюсь, также привезти вамъ три куска полотна [1]), вами мнѣ заказанные; два готовы, надъ третьимъ усердно работаютъ; ткачъ твердо увѣренъ, что понсовый цвѣтъ къ вамъ чудесно пойдетъ, а густой синій васъ обезобразитъ. Я думаю, что вы во всѣхъ цвѣтахъ будете прелестны: но мнѣ кажется, что понсовая нить тоньше и лучше выработана, нежели другая; вы рѣшите сами, когда все будетъ представлено на ваше усмотрѣніе. Не позабудьте сказать другому ткачу [2]), чтобы онъ поторопился. Стыдно ему будетъ запоздать и не выткать куска ткани въ то время, пока бѣдные сельскіе жители, загнанные, разоренные, погибшіе нашли средства услужить вамъ въ опредѣленный срокъ. Прошу васъ передать глубочайшій поклонъ вашей матушкѣ. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я предложилъ ей одинъ вопросъ, на который жду отвѣта. Если у ней найдется то́, о чемъ я прошу, пусть покажетъ Каратыгинымъ: они все устроятъ къ моему пріѣзду. Все же я льщусь надеждою, что вы не уѣдете, не увидѣвъ меня: это было бы слишкомъ жестоко. Прощайте, сударыня, будьте здоровы и сохраните ко мнѣ дружбу, которой цѣну я вполнѣ чувствую. Павелъ Катенинъ.

XXII.

26-го іюля, 1826 г. Петербургъ.

Изволите видѣть, сударыня, что я исправно пишу къ вамъ. Оправились ли вы отъ путешествія? [3]) Какъ здоровье вашей maman? Порядкомъ ли вы устали? Бахтинъ уѣхалъ вчера; онъ, конечно, будетъ у васъ, но я предпочелъ написать по почтѣ: это во всякомъ случаѣ вѣрнѣе и скорѣе. Уѣзжая, онъ оставилъ мнѣ свой абонементный билетъ въ библіотекѣ Смирдина. Пробѣгая каталогъ, я, къ величайшему моему удивленію, нашелъ, что существуютъ старинные переводы многихъ піесъ, надъ которыми я трудился; я тотчасъ же послалъ за всѣми этими переводами. «Le Méchant», переведенный прозою въ 1817 году, никуда не годится [4]). «Дюпюи и Деронэ», тоже въ прозѣ, показались мнѣ не лучше; но что привело меня въ изумленіе, отъ котораго я теперь не

---

[1]) Намекъ на три дѣйствія „Баязета“. Шутка о разноцвѣтныхъ ниткахъ относится къ монологу „Аталиды“ въ этой трагедіи, въ которомъ героиня піесы говоритъ о снуркѣ, свитомъ ея руками и послужившемъ для удавленія Баязета.

[2]) Жандру.

[3]) Колосова ѣздила въ Москву въ іюнѣ 1826 г. для представленій во время празднествъ по случаю коронаціи императора Николая.

[4]) „Злой“. Переводъ принадлежитъ Н. П. Свѣчину.

могу опомниться,—это старый переводъ «Нечаяннаго заклада» [1]), напечатанный около пятидесяти лѣтъ тому назадъ и—превосходный! Ни одной извращенной фразы, очень мало неуловленныхъ тонкостей; слогъ, разумѣется, устарѣлый, но простой, благородный и часто изящный, до такой степени, что піесу можно было бы играть въ наше время, и гораздо лучше такого множества новѣйшихъ. Очень мнѣ досадно, что не знаю имени переводчика. Кстати обо всемъ этомъ: благоволите не позабыть на счетъ «Обмана въ пользу любви», что доля автора за трехъактную піесу—пятнадцатая часть со сбора безъ вычета расходовъ; въ противномъ случаѣ эта пятнадцатая часть превратится въ двадцатую, къ крайнему убытку бѣдной пишущей братіи; не упускайте теперь изъ виду ихъ выгодъ: важенъ первый шагъ. Говорю не ради личнаго моего интереса, ибо здѣсь разница во всякомъ случаѣ будетъ незначительная, но не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать. Въ прошлый четвергъ я былъ у графа Кутайсова [2]) и жаловался ему на недостатокъ вѣжливости въ г. Остолоповѣ [3]); мнѣ обѣщали поставить этого господина на приличную ногу. Все это прекрасно, но... вы хмуритесь? Хорошо, не скажу ни слова, но тѣмъ не менѣе—думаю. Когда будетъ коронація? Когда будетъ открытіе театровъ? Здѣсь ничего не знаютъ, вотъ почему я васъ и спрашиваю. Говорилъ ли я вамъ, что Базиль Каратыгинъ привелъ ко мнѣ молодаго человѣка, лѣтъ семнадцати, ростомъ почти съ него, красиваго собою, съ прекраснымъ голосомъ, который хочетъ играть роль Егиста. Я совѣтовалъ ему посерьезнѣе къ ней приготовиться, если онъ хочетъ далеко идти; онъ отправился обдумывать эту роль и опять, можетъ быть, побываетъ у меня черезъ нѣсколько дней. Но не дивитесь ли вы моей глупости: я забочусь о театрѣ, который, повидимому, обо мнѣ нисколько не заботится. По правдѣ сказать—краснѣю; но дайте срокъ; я все приведу въ порядокъ и какъ только пожну то, что посѣялъ, тогда меня болѣе сюда не заманятъ. Прощайте, сударыня, кланяйтесь вашей матушкѣ. Творите чудеса, очаровывайте москвичей; посреди вашихъ тріумфовъ не забывайте меня. П. Катенинъ.

---

[1]) Напечатанъ въ Москвѣ, въ 1779 году, безъ имени переводчика.

[2]) Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ (род. 1780 г., ум. 1840 г.) былъ членомъ комитета театральной дирекціи. Подъ его вѣдѣніемъ находилась русская и нѣмецкая труппы.

[3]) Николай Ѳедоровичъ Остолоповъ (род. 1782 г., ум. 1833 г.), писатель и журналистъ, былъ въ то время директоромъ петербургскихъ театровъ.

XXIII.

9-го августа 1826 г. Петербургъ.

Вы требуете у меня новостей? У насъ ихъ немного, и мы крайне удивлены, получая ихъ такъ мало изъ Москвы, которая теперь истинное ихъ средоточіе. Тѣ новости, которыя могу вамъ сообщить отсюда, почти того и не заслуживаютъ; однако, вотъ онѣ. Семенова находитъ мой переводъ «Баязета» отвратительнымъ, вслѣдствіе чего у нея было на репетиціи нѣчто въ родѣ ссоры съ Каратыгинымъ. На неотразимое опроверженіе двадцати бѣлыхъ шаровъ она отвѣтила, что прочія роли (понимаете?) можетъ быть и хорошо обработаны, но что ея роль, Роксаны, никуда не годится, и что въ этомъ она удостовѣрилась по внимательномъ сличеніи перевода съ подлинникомъ [1]). Послѣ завтра надѣюсь начать мои уроки съ маленькимъ Астіанаксомъ [2]), и замѣтьте, что объ этомъ мнѣ пришлось порядочно похлопотать: вотъ это весьма поощрительно! Я слышалъ, что переписывается «Обманъ въ пользу любви»: подразумѣваю роли. Кстати, будетъ ли у насъ г-жа Сандунова [3]) на роль матери? Кромѣ того, словечко о служанкѣ: на эту роль—полувлюбленной, полу-кокетки, взрослой дитяти—не будетъ ли г-жа Сосницкая [4]) лучше всѣхъ другихъ? Впрочемъ, она возьмется за нее съ радостью, сыграетъ старательно, что́ также не слѣдуетъ упускать изъ виду; кромѣ того, этимъ будетъ очень доволенъ ея мужъ, у котораго

---

[1]) Дирекція возлагала большія надежды на піесу Катенина, но, несмотря на всѣ старанія, постановка „Андромахи“ не ладилась. Тогда комитетъ просилъ Е. С. Семенову, какъ первую трагическую актрису, дать свое мнѣніе относительно „Андромахи“ и вообще о ходѣ всего дѣла на сценѣ. Семенова дала неблагопріятный отзывъ о піесѣ и просила дирекцію передать назначенную ей роль другой актрисѣ. Кромѣ того, она заявила, что артистамъ необходимо имѣть опытнаго руководителя, который завѣдывалъ бы русской драматической сценой. Вслѣдствіе этого комитетъ нужнымъ счелъ учредить должность инспектора, которую, 14-го ноября 1826 г., и занялъ извѣстный потомъ писатель Р. М. Зотовъ (Танѣевъ. Изъ прошлаго императорскихъ театровъ. М. 1886, стр. 11—12).

[2]) Катенинъ въ это время приготовлялъ къ постановкѣ на сцену свою излюбленную трагедію „Андромаха“, которую началъ писать еще въ концѣ 1809 г. и кончилъ въ половинѣ 1818 г. Въ первый разъ „Андромаха“ была представлена 3-го февраля 1827 г. Колосова играла главную роль. Сына Андромахи, Астіанакса, играла актриса Ливенцова.

[3]) Елизавета Семеновна Сандунова, ур. Уранова (род. 1773 г., ум. 22-го ноября 1826 г.); была любимицей Екатерины II. Она превосходно играла комическихъ старухъ.

[4]) Елена Яковлевна, ур. Воробьева, жена Ивана Ивановича Сосницкаго. Род. въ 1800 г., ум. въ 1855 г.

свой разсчетъ, чтобы жена его была полезна театру. Какъ вы обо всемъ этомъ думаете? Я весьма склоняюсь на сторону Елены прекрасной. Ваша Елена прекрасная и добрая не подвигается; мое рвеніе въ настоящее время ослабѣло; оно вспыхнетъ въ одинъ прекрасный день, сверхъ всякаго чаянія. Хмельницкій читалъ мнѣ свою маленькую комедію; «Тартюфъ» пугаетъ его не безъ причины. Онъ открылъ одноактную комедію Форжо (кажется такъ) подъ названіемъ: «Испытанія» (Les Epreuves), въ четыре лица, какъ партія въ вистъ [1]); въ ней есть роль кузины, писанная для m-lle Конта, которая будетъ по васъ. Я былъ совѣщательнымъ членомъ въ этомъ дѣлѣ и одобрилъ похвальное намѣреніе перевести піесу; я предлагалъ ему также «Тайный бракъ» (le Mariage secret) [2]), но онъ не знаетъ этой піесы, и къ тому же одноактныя комедіи ему болѣе по вкусу: у каждаго—свой. Глубокіе поклоны вашей матушкѣ и г. Бахтину, если его увидите; ожидаю извѣстій отъ него и отъ васъ. Будьте здоровы! Пусть Москва любитъ васъ, вы же любите только Петербургъ. Поклонъ и почтеніе. Павелъ Катенинъ.

XXIV.

29-го августа 1826 г. Петербургъ.

Хотя мнѣ очень хорошо извѣстно, что вы весьма заняты, тѣмъ не менѣе, желаю, чтобы вы писали ко мнѣ на сколько вамъ возможно поболѣе; и я началъ уже безпокоиться, какъ вчерашнее ваше письмо меня успокоило. Душевно радъ, что вы и матушка ваша здоровы и поздравляю васъ съ успѣхомъ въ «Обманѣ въ пользу любви». Чтобы ничего не позабыть касательно піесы, скажу вамъ словечко о моей авторской долѣ. Я все надѣялся, что вы потрудитесь взять причитающіяся мнѣ деньги, и это, конечно, всего лучше; иначе, милая дирекція можетъ меня обсчитать, или, что́ почти одно и то же, заставить меня ждать. Второе представленіе здѣсь вовсе не важно; вопросъ не въ платежѣ, условленномъ и опредѣленномъ разъ навсегда, но въ долѣ, получаемой со сбора послѣ каждаго представленія. Всего короче было бы

---

[1]) Forgeot, Nicolas—драматическій писатель (род. 1758 г., ум. 1798 г.). „Les Epreuves"—его одноактная комедія, была поставлена на сценѣ театра „Comedie Française" въ 1785 году. Въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Взаимныя испытанія" (въ стихахъ) была поставлена у насъ въ 1829 году.

[2]) „Le Mariage secret"—комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Парижъ, 1786. Авторъ—Jean-Louis Brousse des Faucherets.

передавать вамъ ее въ собственныя руки на другой же день, а вы привезли бы мнѣ небольшую сумму сюда. Можетъ ли быть, что «Закладъ» вамъ не удался? Это ни болѣе ни менѣе какъ случайность; во всякомъ случаѣ вамъ не подобаетъ отступаться отъ роли, и если въ ней есть трудности, тѣмъ болѣе заслуги преодолѣть ихъ. Г-нъ Бахтинъ, будучи строже васъ изъ московскихъ вашихъ товарищей по піесѣ, хвалитъ только слугу-глупца и служанку и произноситъ поголовный приговоръ надъ всѣми въ «Обманѣ въ пользу любви», ибо о «Закладѣ» онъ мнѣ еще ничего не писалъ. Крайне сожалѣю, что г-жи Сандуновой еще не будетъ у насъ нѣсколько времени; придется рѣшиться дать роль Ежовой, ибо по здравомъ размышленіи и по выслушаніи всякаго совѣта вижу, что рѣзкій, крикливый и грубый тонъ госпожи Брокаръ болѣе присталъ къ ней, нежели къ Величкиной—старой дурындѣ съ такими же неприличными ухватками, но еще глупѣе Ежовой. Прочія роли уже распредѣлены. Базиль будетъ нашъ Сенъ-Клеръ; роль матери я приберегалъ въ той надеждѣ, что пріѣдетъ Елисавета Семеновна [1]), но за отсутствіемъ ея передамъ эту роль Катеринѣ Ивановнѣ [2]) завтра же; ибо я думаю, что чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, и что пребываніе ваше вдали отъ насъ приближается къ своему сроку. Третьяго дня у меня былъ съ визитомъ графъ Кутайсовъ; на сихъ дняхъ намѣреваюсь быть у него и немножко поторопить «Андромахой». Не горюйте о вашей «Еленѣ»; работа моя подвигается и половина третьяго акта готова. Видите, я исправенъ и старателенъ. Ахъ, еслибы я столько же былъ и счастливъ! Князь Долгорукій [3]) получилъ, говорятъ, александровскую ленту: при свиданіи поздравьте его отъ меня. Хмельницкій нѣсколько дней тому назадъ просидѣлъ у меня весь вечеръ; онъ говоритъ, что уже написалъ до двухсотъ стиховъ своего перевода «Испытанія». Онъ предпринялъ его для васъ; увидимъ, какъ-то съ нимъ совладаетъ. Въ его стихахъ есть легкость, но въ нихъ рѣдокъ благородный тонъ хорошаго общества. Играете ли вы на Большомъ театрѣ? Тамошній сборъ долженъ быть значителенъ. Возвращайтесь поскорѣе; безъ васъ театръ хирѣетъ. Поклонъ Евгеніи Ивановнѣ. Вамъ—мое почтеніе. Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Сандунова.

[2]) Ежова.

[3]) Василій Васильевичъ (род. 1786 г., ум. 1858 г.), старшій членъ комитета театральной дирекціи, завѣдывавшій французскою труппою.

XXV.

6-го сентября 1826 г. Петербургъ.

Передайте вашей матушкѣ поклонъ отъ меня и отъ святаго семейства, которое глубоко тронуто ея воспоминаніемъ. Ихъ домашнія дѣла еще не устроены; добряку Дуэ нѣсколько затруднительно говорить по-русски, и у бѣднаго его учителя, вашего покорнѣйшаго слуги, все же менѣе досуга, чѣмъ бы слѣдовало имѣть съ семействомъ на рукахъ. Вотъ письмо въ контору. Вслѣдствіе вашихъ инструкцій, я выставилъ въ концѣ, чтобы постоянно выплачивали вамъ то, что мнѣ будетъ причитаться, потому что я рѣдко остаюсь на одномъ мѣстѣ; вашъ же адресъ, конечно, извѣстенъ при театрѣ. Такъ какъ вамъ удалась «Притворная невѣрность», то почему не играете вы ее на Большомъ театрѣ? Не приличнѣе ли для него эта піеса, нежели маленькая «Спальня»? Или почему бы не играть обѣихъ піесъ вмѣстѣ? Это не слишкомъ утомительно. Подумайте о m-lle Марсъ, которая часто разыгрываетъ по восьми актовъ подъ рядъ, тогда какъ здѣсь я считаю только четыре акта. Должно быть не всѣ видѣли васъ въ моемъ мариводажѣ [1]), такъ какъ другъ мой, князь Николай Голицынъ, не упоминаетъ о томъ въ своемъ письмѣ въ четыре страницы, наполненномъ восторженными похвалами вамъ и вашей игрѣ. Онъ говоритъ о «Закладѣ», «Валеріи», «Романѣ на одинъ часъ» [2]), «Мизантропѣ» и съ нетерпѣніемъ ждетъ вашего бенефиса. Базиль говорилъ мнѣ, что ваша maman явится въ немъ въ роли Изоры въ «Раулѣ—Синяя Борода». Желаю ей присоединить новый листокъ къ ея вѣнку. Здѣшній театръ жалости достоинъ. Вообразите, что опера, наша опера, отличается по крайней мѣрѣ своимъ усердіемъ, такъ какъ играютъ «Телемака», «Швейцарское семейство», «Іоанну д'Аркъ» и готовятся дать «Весталку». Балетъ держится смирно;

---

[1]) Слово м а р и в о д а ж ъ (marivaudage), вошедшее въ театральный словарь, означаетъ свѣтскую болтовню, въ которой шутки, любезности и фразы замѣняютъ умъ и смыслъ. Произошло это слово отъ фамиліи Marivoux (Marivaux, Pièrre, драматическій авторъ, род. 1688 г., умеръ въ 1763 г.), написавшаго массу комедій. „Fausses confidences“ была поставлена первый разъ 16-го марта 1737 года. Комедіи его отличались психологіей женской души: женщина у него стояла на первомъ планѣ. Поэтому-то Марсъ совѣтовала Колосовой найдти себѣ хорошаго переводчика для комедій Мариво (Русск. Вѣстникъ 1881 г., № 4, стр. 577).

[2]) Соч. Дюмолара и Костера. Пер. съ франц. Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ. Представлена въ первый разъ 2-го іюня 1820 г.

*

комедіею овладѣли новыя піесы г. Бориса Ѳедорова [1]), а трагедія, угостивъ два раза добрыхъ патріотовъ «Пожарскимъ на конѣ» [2]), готовится потѣшить романтиковъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» [3]). Ни объ «Андромахѣ», ни о «Баязетѣ» болѣе не думаютъ, что́ мнѣ ни мало не весело, но что дѣлать! Нуженъ былъ счетчикъ, какъ говоритъ Фигаро, и избрали г. Остолопова. Вы спрашиваете о новостяхъ: ихъ нѣтъ. Вамъ не любопытны, я думаю, ни маскарадъ въ Таврическомъ дворцѣ, ни маскарадъ мѣщанскій, ни шереметьевскій фейерверкъ. Все это, впрочемъ, въ четырехъ шагахъ отъ васъ, и вы, я думаю, всѣмъ этимъ утомлены. Мой гость Зыковъ уѣхалъ наконецъ; наступила минута, когда мнѣ пришлось бы имѣть изъ-за него непріятности; однако же онъ, при первой возможности, ускакалъ. Все это, по правдѣ сказать, очень скучно, непріятно и безсмысленно [4]). Продолжаете ли вы вести переписку съ княземъ Тюфякинымъ? Если—да, то напишите ему, чтобы онъ купилъ всѣ сочиненія Казиміра де-Лавиня, напечатанныя съ 1824 года, и прислалъ вамъ чрезъ какого-нибудь курьера, или съ другой вѣрной оказіей, ибо свободный ввозъ книгъ, Богъ вѣсть почему, воспрещенъ. Этимъ вы сдѣлаете доброе дѣло. Прощайте; я думаю—это мое послѣднее письмо. Возвращайтесь скорѣе. Глубоко кланяюсь. Павелъ Катенинъ.

Сообщ. **В. Ѳ. Боцяновскій.**

---

[1]) Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ (род. 1799 г., ум. 1875 г.), одинъ изъ плодовитѣйшихъ русскихъ писателей, прозаикъ и стихотворецъ.

[2]) „Пожарскій"—трагедія М. В. Крюковскаго, появившаяся на сценѣ еще въ 1807 году.

[3]) „Керимъ-Гирей, крымскій ханъ", романтическая трилогія князя Шаховскаго. 1-я часть трилогіи: Татарскій станъ; 2-я—Польскій замокъ и 3-я—Бахчисарайскій фонтанъ. Содержаніе взято изъ поэмы Пушкина, большая часть стиховъ котораго сохранена. Музыка соч. Кавоса. Представлена въ первый разъ 28-го сентября 1825 г.

[4]) Упоминаемый Зыковъ былъ знакомъ со многими декабристами, почему его и призывали въ слѣдственную коммиссію. Требовали и Катенина, но ни тотъ, ни другой никакому взысканію не подверглись. (П. К.).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Къ исторіи воцаренія императрицы Елизаветы Петровны.

Хотя эпизодъ воцаренія Елизаветы Петровны въ исторіи и періодической литературѣ раскрытъ до нѣкоторой степени ясно и полно, тѣмъ не менѣе нижеприведенный разсказъ объ этомъ событіи будетъ не лишенъ нѣкотораго интереса.

Недавно встрѣтился я съ однимъ моимъ пріятелемъ, слово за слово о разныхъ историческихъ матеріяхъ, мы договорились съ нимъ до воцаренія Елизаветы Петровны.

— Позвольте,—сказалъ мой пріятель, ко мнѣ недавно пріѣхала моя родная матушка-старушка, лѣтъ около 80; она что-то знаетъ объ этомъ событіи.

Любя изысканія въ области исторіи и археологіи, я всегда, при всякой малѣйшей возможности, съ охотою вызывался на бесѣду съ старцами о временахъ давно минувшихъ дней, имѣя въ виду, путемъ преданій, получить свѣдѣнія о такихъ историческихъ событіяхъ, которыя или не выяснены въ исторіи, или совершенно отсутствуютъ въ ней. Такъ и на сей разъ я попросилъ моего пріятеля нѣсколько побезпокоить его матушку-старушку. Старушка эта, жена умершаго діакона погоста Зяблицкаго, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи, Надежда Ивановна, разсказала мнѣ, какъ умѣла, о занимавшемъ меня историческомъ событіи. Но разсказъ ея былъ главнымъ образомъ о ея близкомъ родственникѣ, главномъ агитаторѣ переворота 25-го ноября 1741 года, Максимѣ Андреевичѣ Нагибѣ. Такъ какъ Надежда Ивановна больше отвѣчала на мои вопросы, нежели разсказывала, то изъ отвѣтовъ ея выяснилось слѣдующее.

Максимъ Андреевичъ Нагиба былъ сынъ священника села Голенищева, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Это былъ человѣкъ высокаго роста, красивый собой и съ атлетической силой. Учился ли гдѣ Нагиба,—Надежда

Ивановна не знаетъ; знаетъ только, что онъ взятъ въ солдаты и поступилъ въ гвардію. Веселый нравомъ, общительный съ товарищами и какъ человѣкъ, далеко не глупый, онъ пользовался особенною любовію среди гвардейцевъ и значительнымъ довѣріемъ отъ начальства.

Вопросъ, выступившій тогда на сцену о незаконности царствованія малолѣтняго Іоанна Антоновича, въ ущербъ прямой наслѣдницѣ престола, Елизаветѣ Петровнѣ, Нагиба принялъ близко къ сердцу; онъ сразу понялъ интересъ Россіи имѣть на престолѣ дочь Великаго Преобразователя. Когда мысль о возведеніи на престолъ Елизавету Петровну въ средѣ ея приверженцевъ достаточно созрѣла и въ нее Нагиба до нѣкоторой степени былъ посвященъ, онъ началъ слегка распространять ее среди солдатъ-гвардейцевъ. Способъ распространенія имъ этой мысли былъ довольно простъ. Подойдетъ бывало къ одному солдатику и слово за слово начинаетъ его выпытывать о томъ, какъ онъ думаетъ о царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Если собесѣдникъ при этомъ оказывался неподатливымъ, трусоватымъ, или вовсе не раздѣлялъ его мыслей, то скажетъ ему обыкновенно: «смотри, я тебѣ объ этомъ ничего не говорилъ» [1]), и пойдетъ къ другому, третьему, съ тѣмъ же пріемомъ. Впрочемъ, Нагибѣ рѣдко приходилось слышать отъ вербуемыхъ имъ солдатъ отрицательные отвѣты. Сторонники же Елизаветы Петровны, въ высшихъ кругахъ гвардіи, строили планъ переворота и приводили его уже къ концу; главными же исполнителями этого плана была рота гвардейцевъ, во главѣ которой стоялъ Нагиба. Въ назначенный день и часъ Нагибѣ дали порученіе привезти Елизавету Петровну во дворецъ и арестовать Іоанна Антоновича и его родителей.

Нагиба ко времени выполненія возложеннаго на него плана имѣлъ уже въ распоряженіи своемъ 40 отборныхъ и вѣрныхъ ему гвардейцевъ. Въ назначенный день и часъ одна часть этихъ гвардейцевъ должна была идти ко дворцу Іоанна Антоновича, а другая, во главѣ которой стоялъ Нагиба, отправиться къ Царицинскому лугу, въ Смольный дворецъ, за Елизаветой Петровной. Цесаревна была уже готова. Нагиба усадилъ ее въ легкія санки, самъ сѣлъ на облучекъ и поѣхали. Время было хододное, цесаревна второпяхъ ли, или по другимъ какимъ соображеніямъ, одѣлась недостаточно тепло; дорогой значительно прозябла.

— Матушка, вы, я вижу, озябли, замѣтилъ цесаревнѣ Нагиба, нате-ка мою шинель и варешки.

— Какія теплыя варешки, сказала Елизавета Петровна.

— У насъ, матушка, кровь солдатская, горячая, проговорилъ Нагиба, минуту продержимъ на рукахъ и хоть что нагрѣемъ.

Пріѣхавъ ко дворцу, Нагиба нашелъ тутъ всѣхъ своихъ товарищей по задуманному дѣлу, и тотчасъ по командѣ его арестованы были часовые у дворца,

[1]) Подлинное выраженіе Надежды Ивановны.

послѣ чего всѣ гвардейцы быстро взошли во дворецъ, а съ ними и Елизавета Петровна. Здѣсь тоже дѣло не обошлось безъ арестовъ, проникли во внутренніе покои Іоанна Антоновича и его родителей, и всѣхъ ихъ арестовали. Солдаты взяли на руки Іоанна Антоновича и понесли изъ дворца. Елизавета Петровна, увидавъ въ это время малютку въ рукахъ у солдатъ, сказала имъ: «поберегите его—это мой крестникъ», сама взяла у солдата изъ рукъ малютку и бережно вынесла его въ дальній корридоръ дворца.

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, Нагиба откомандированъ былъ съ пятью другими гвардейцами отвезти Іоанна Антоновича и его семейныхъ, по словамъ Надежды Ивановны, въ ссылку—въ Сибирь.

— Какъ же, Надежда Ивановна, замѣтилъ я, вѣдь Іоаннъ Антоновичъ и его семейные, какъ извѣстно мнѣ, отправлены были не въ Сибирь, а въ Холмогоры.

— Ну, ужь коли отправлены въ ссылку, то значитъ въ Сибирь, съ нѣкоторою положительностію въ тонѣ отвѣтила мнѣ собесѣдница.

Нагиба съ товарищами почему-то долго не возвращались изъ этой командировки. Между тѣмъ, въ ихъ отсутствіе, гвардейцы, принимавшіе участіе при воцареніи Елизаветы Петровны, награждены были и чинами, и деньгами, и нѣкоторые даже помѣстьями. Слухъ о таковыхъ наградахъ поселилъ въ Нагибѣ нѣкоторую зависть и досаду. По возвращеніи изъ командировки, Елизавета Петровна не оставила и его своею милостію: Нагиба пожалованъ былъ чиномъ полковника и двумя деревнями, близъ его родины, Ефаново и Ефремово [1]). Нагиба хотя и принялъ царскій подарокъ, но, находясь уже въ отставкѣ, жить въ дарственныхъ деревняхъ не захотѣлъ. Уѣхалъ въ городъ Пошехонье, Ярославской губерніи, и тамъ проживалъ до своей смерти.

— Что же это значитъ, Максимъ Андреевичъ не захотѣлъ жить въ дарственномъ ему помѣстьи, и при томъ близъ своей родины, спросилъ я свою собесѣдницу.

— Какъ можно ему было тамъ жить, всякъ его зналъ тамъ, а какой онъ помѣщикъ... Да и жену-то онъ взялъ, какъ я слышала, въ Пошехоньи, туда съ ней и уѣхалъ.

— Дѣти были у него?

— Какъ же—дочь Надежда; сама матушка государыня была воспріемницей.

Долго ли Нагиба жилъ въ Пошехоньи, разсказчица подлинно не знаетъ; знаетъ только, что послѣ смерти Максима Андреевича ни жена, ни дочь не жили въ дарственныхъ деревняхъ. Послѣ смерти жены и дочери Нагибы, прямой наслѣдницей оказалась его родная племянница, Татьяна Михайловна, бывшая въ замужествѣ за священникомъ въ селѣ Казаковѣ, Муромскаго уѣзда, умершая 80 лѣтъ, но и она по какой-то неопредѣленной боязни не заявила своихъ правъ на деревни. Такимъ образомъ, обѣ деревни, за неоказавшимися наслѣдниками послѣ М. А. Нагибы, поступили въ казну.

Священникъ **Павелъ Ильинскій.**

[1]) Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда.

II.

О памятникахъ князю Кутузову-Смоленскому и его сподвижникамъ.

Генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій скончался 16-го апрѣля 1813 года въ городѣ Бунцлау (Bunzlau), въ прусской Силезіи. Черезъ девять дней (25-го апрѣля) императоръ Александръ Павловичъ подписалъ въ Дрезденѣ слѣдующій рескриптъ на имя вдовы князя: «Княгиня Катерина Ильинишна. Судьбы Всевышняго, которымъ никто смертный воспротивиться не можетъ, а потому и роптать не долженъ, опредѣлили супругу вашему, свѣтлѣйшему князю Михаилу Ларіоновичу Кутузову-Смоленскому, посреди громкихъ подвиговъ и блистательной славы своей преселиться отъ временной жизни къ вѣчной. Болѣзненная и великая не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря! Не вы однѣ проливаете о немъ слезы: съ вами плачу Я и плачетъ вся Россія. Богъ, позвавшій его къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его остаются безсмертными. Благодарное отечество не забудетъ никогда заслугъ его. Европа и весь свѣтъ не престанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, чужестранецъ же уважать землю, порождающую толь великихъ мужей. Все получаемое имъ содержаніе велѣлъ Я производить вамъ. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ» [1]). — Черезъ 13-ть лѣтъ императоръ Николай Павло-

[1]) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская, дочь пнженеръ-генералъ-поручика Ильи Андреевича Бибикова, вступила въ супружество съ княземъ Михаиломъ Илларіоновичемъ 27-го апрѣля 1778 года, когда онъ былъ еще въ чинѣ полковника. Въ день коронаціи императора Павла I (5-го апрѣля 1797 г.) княгиня Екатерина Ильинична пожалована была кавалерственною дамою ордена св. Екатерины; званіе статсъ-дамы она получила 30-го августа 1812 года въ память заслугъ супруга ея въ Бородинскомъ сраженіи. Въ 1813 году, по Высочайшему повелѣнію отъ 4-го декабря, ей было назначено въ пожизненную пенсію полное заграничное содержаніе покойнаго мужа (86 тысячъ руб. ассигн.). Княгиня погребена въ Петербургѣ въ Александро-Невской лаврѣ въ церкви Сошествія Святаго Духа. На могилѣ ея сдѣлана слѣдующая надпись: „Здѣсь преданъ землѣ тлѣнный покровъ чистѣйшія души княгини Екатерины Ильиничны Голенищевой-Кутузовой-Смоленской, урожденной Бибиковой, супруги главнаго вождя всѣхъ россійскихъ войскъ во время Отечественной войны 1812 года; родилась 5-го ноября 1754 года; къ сердечной горести всѣхъ ея ближайшихъ, всѣхъ ее знавшихъ, скончалась, не достигнувъ 70-ти лѣтъ, 23-го іюля 1824 года“.

вичъ почтилъ память князя Кутузова новымъ знакомъ монаршаго уваженія къ его заслугамъ. Въ 1826 году 17-го августа въ Москвѣ отданъ былъ слѣдующій Высочайшій приказъ: «Его Величество, желая почтить память россійскихъ полководцевъ: генералъ-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, генералъ-фельдмаршаловъ: князя Кутузова-Смоленскаго и князя Барклай-де-Толли, военными доблестями своими возведшихъ россійское оружіе на столь высокую степень славы, и дабы знаменитыя имена сіи, хранящіяся въ памяти посѣдѣвшихъ подъ побѣдоносными знаменами, возбуждали вящшее въ молодыхъ воинахъ воспоминаніе объ одержанныхъ побѣдахъ и о славѣ побѣдоноснаго россійскаго оружія,—Высочайше повелѣть соизволилъ: именоваться впредь: Малороссійскому гренадерскому полку—Гренадерскимъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полкомъ, Фанагорійскому гренадерскому полку—Гренадерскимъ генералиссимуса князя Суворова полкомъ, Псковскому пѣхотному полку — пѣхотнымъ фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полкомъ [1]) и 2-му Карабинерному полку—Карабинернымъ фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полкомъ».

Въ 1818 году 23-го сентября послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе на имя управляющаго министерствомъ полиціи: «Прославляя безсмертныя дѣянія временъ минувшихъ, изъявимъ справедливую признательность и къ заслугамъ нашего времени: слава генералъ-фельдмаршаловъ, князей Голенищева-Кутузова-Смоленскаго и Барклая-де-Толли требуетъ также достойныхъ памятниковъ, коими украсятся двѣ площади передъ соборнымъ храмомъ Казанскія Божіей Матери, гдѣ россіяне видятъ многочисленные трофеи побѣдъ своихъ, дарованныхъ намъ Господомъ и благословенныхъ человѣчествомъ». Оба памятника исполнены по проекту художника Бориса Ивановича Орловскаго, ученика знаменитаго Торвальдсена [2]), а вылиты (въ 1836 г.) Якимовымъ, извѣстнымъ еще ранѣе художественнымъ изготовленіемъ памятника Минину и Пожарскому въ Москвѣ. На существующихъ монументахъ Кутузовъ представленъ съ открытою головою, въ генеральскомъ мундирѣ, съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ лѣвой рукѣ и обнаженною шпагой въ правой; Барклай-де-Толли въ такомъ же положеніи, но шпага его въ ножнахъ и правая рука поддерживаетъ плащъ. У ногъ каждаго по одному французскому знамени съ переломленными древками. Оба памятника утверждены на

---

[1]) Князь М. И. Кутузовъ былъ шефомъ этого полка съ 1799 по 1813 годъ. Нынѣ этотъ полкъ (№ 11-й) числится во 2-й бригадѣ 3-й пѣхотной дивизіи. Въ 1799 году (29-го октября) полкъ этотъ былъ именованъ мушкатерскимъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова полкомъ. Но въ 1801 году (31-го марта), уже въ царствованіе императора Александра I, переименованъ въ Псковскій мушкатерскій безъ имени шефа.

[2]) Б. И. Орловскій скончался въ 1837 году. Онъ по происхожденію былъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ.

четырехугольныхъ гранитныхъ пьедесталахъ. На одномъ изъ нихъ надпись: «Фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому, 1812». На другомъ: «Фельдмаршалу князю Барклай-де-Толли. 1812, 1813, 1814 и 1815». Открытіе памятниковъ происходило 29-го декабря 1837 года. Въ 11-ть часовъ, всѣ войска, бывшія въ Петербургѣ, выстроились на Адмиралтейской площади. Въ полдень императоръ Николай Павловичъ, объѣхавъ ряды войскъ, повелъ ихъ лично на Невскій проспектъ. Поравнявшись съ памятникомъ Барклая-де-Толли, государь остановилъ войско, которое сдѣлало на караулъ и воскликнуло «ура» въ честь полководца, начавшаго военныя дѣйствія въ 1812 году и черезъ двадцать мѣсяцевъ приведшаго русскія войска въ Парижъ. Потомъ государь остановился у памятника Кутузова и отдалъ честь... Раздалось вторично громогласное «ура!»

Ближайшею причиною кончины князя М. И. Кутузова на 68-мъ году отъ рожденія (онъ родился 5-го сентября 1745 года) была нервическая горячка, осложненная паралитическими припадками. Сохранился слѣдующій разсказъ о причинѣ болѣзни фельдмаршала: Жители города Гейнау, узнавъ, что императоръ Александръ въ ихъ городѣ и что Кутузовъ тамъ, рѣшились сдѣлать ему овацію. Красивѣйшія дамы и дѣвицы города, съ вѣнками и гирляндами изъ розъ, лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, ожидали выхода его изъ дома, въ которомъ онъ остановился. Когда онъ (т. е. Кутузовъ) явился, чтобы отправиться въ квартиру государя, тогда красавицы окружили его, останавливали на пути и буквально засыпали его вѣнками и увѣшали гирляндами, называя своимъ спасителемъ (Erlöser). Кутузовъ былъ глубоко тронутъ; остановился и наговорилъ имъ любезностей. Обманчивый апрѣльскій день охватилъ его холодомъ. Выходя отъ государя, князь сказалъ своему адъютанту Монтрезору: «Я продрогъ; достань мнѣ черезъ камердинера рюмку водки».—8 (20) апрѣля уже трудно больной онъ получилъ радостную вѣсть о сдачѣ русскимъ войскамъ крѣпости Торна. Но несравненно болѣе на смертномъ одрѣ осчастливило посѣщеніе, которымъ почтили больнаго фельдмаршала, 11 (23) апрѣля, обожаемый имъ государь императоръ и прусскій король [1]).

По Высочайшему повелѣнію набальзамированные останки князя Кутузова были перевезены изъ Бунцлау въ Петербургъ и положены въ соборѣ во имя Казанской Божіей Матери (на Невскомъ проспектѣ). Могила фельдмаршала находится въ западной части сѣвернаго придѣла собора. Она окружена же-

---

[1]) „Русская Старина“ 1874 г. № 57 (томъ X), стр. 380—381; статья: „Памятники кн. М. И. Голенищеву-Кутузову въ Силезіи“. (Статья составлена Ѳ. Д. Нордманомъ).

лѣзною рѣшеткою, украшенною бронзою и гербомъ князя. Надъ гробницею на стѣнѣ изображено чудо отъ иконы Казанской Божіей Матери, совершившееся въ 1812 году, ниже помѣщена небольшая икона Смоленской Божіей Матери въ окладѣ и передъ нею неугасимая лампада, которую держитъ одноглавый орелъ на лавровомъ вѣнкѣ. Подъ этою иконою вставлена металлическая доска съ надписью: «Князь Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій. Родился въ 1745 году, скончался въ 1813 въ городѣ Бунцлау». При его гробницѣ установлено совершать панихиды 6 сентября, 8 ноября (въ день его ангела) и 16 апрѣля [1]).

Въ самомъ городѣ Бунцлау сохраняется домъ, въ которомъ въ верхнемъ этажѣ (съ лѣвой стороны), въ угловой комнатѣ объ одномъ окнѣ, скончался знаменитый нашъ полководецъ.—Въ 1813 году домъ этотъ принадлежалъ маіору фонъ-деръ-Марку.—Домъ находится на углу Николаевской и Замковой улицъ (Nicolai und Schlos Strasse) и въ то время считался едва-ли не лучшимъ домомъ въ Бунцлау.—Кромѣ того тамъ же, на городской площади воздвигнутъ, по повелѣнію прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, особый монументъ въ честь Кутузова. Изъ сохранившихся свѣдѣній видно, что 7 (19) іюля 1819 года королевское правительство изъ Майнца увѣдомило магистратъ города Бунцлау, что король рѣшилъ воздвигнуть монументъ доблестному князю Кутузову въ этомъ городѣ, мѣстѣ его кончины. Для этого было избрано мѣсто противъ гауптвахты. Первый камень въ основаніе положенъ былъ 5 (17) іюля президентомъ королевскаго правленія въ Майнцѣ, Кикгеромъ, «въ память 16 (28) апрѣля 1812 года здѣсь скончавшемуся, ранами покрытому россійско-императорскому фельдмаршалу Кутузову-Смоленскому». Рисунокъ памятника составилъ оберъ-архитекторъ Шинкель. Фигуры львовъ моделировалъ директоръ Шадовъ. Памятникъ состоитъ изъ чугуннаго обелиска высотою въ 38 футовъ 10 дюймовъ. Его тяжесть болѣе 600 центнеровъ (почти 1884 пуда). У подножія покоятся четыре льва въ натуральную величину. На памятникѣ черезъ огонь позолоченными латинскими и русскими буквами находятся слѣдующія надписи: 1) «Ему посвятилъ этотъ скромный памятникъ Фридрихъ-Вильгельмъ III.—Кутузовъ родился 5 сентября 1745 года, умеръ 17 апрѣля 1813 года», и 2) «До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя россійскія войска; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя!» Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе орденовъ, которые имѣлъ фельдмаршалъ [2]).

---

[1]) Рисунокъ могилы помѣщенъ тамъ же.

[2]) Князь Кутузовъ имѣлъ слѣдующіе ордена: русскіе: Св. Андрея (11 янв. 1800 г.), брильянтовые знаки этого ордена получилъ въ декабрѣ 1812 г.; св. Георгія 1 ст. (12 дек. 1812 г.), 2-й ст. (18 марта 1792 г.), 3-й ст.

Есть въ Бунцлау еще и другой памятникъ, сооруженный на мѣстѣ, гдѣ погребены были внутренности Кутузова, вынутыя при бальзамированіи его тѣла. Этотъ памятникъ находится въ лѣсу, гдѣ въ 1813 г. было нынѣ упраздненное Бунцлауское кладбище. Памятникъ представляетъ сломанную колонну, на античномъ цоколѣ; около середины ея наброшенъ лавровый вѣнокъ; нижнюю часть обвиваетъ змѣя,—символъ вѣчности. По четыремъ сторонамъ цоколя надписи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «Здѣсь Кутузовъ-Смоленскій перешелъ изъ этой жизни въ лучшій міръ 16 (28) апрѣля 1813 года».

Вокругъ этого памятника—крытая желѣзная ограда. Внутренности Кутузова были похоронены 26 апрѣля (8 мая) 1813 года въ небольшомъ свинцовомъ гробѣ. Самая могила устроена на холмѣ, въ мѣстности, называемой Тилендорфъ, въ 200 шагахъ отъ большой дороги изъ Силезіи въ Саксонію, по которой прошли въ свое время десятки тысячъ русскихъ войскъ. Упоминая объ этомъ памятникѣ, нельзя не привести того знаменательнаго факта, что памятникъ былъ забытъ долгое время даже самими жителями Бунцлау. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ напечатаны были только въ 1874 году въ «Русской Старинѣ» [1]).

Къ числу памятниковъ въ честь Кутузова слѣдуетъ отнести еще «Фонтанъ Кутузова», находящійся на дорогѣ изъ Симферополя въ Алушту, близъ татарской деревни Шумы, въ 10 верстахъ отъ Алушты, въ мѣстности, откуда открывается великолѣпный видъ на Чатыръ-Дагъ. Фонтанъ сдѣланъ изъ крымскаго порфира—съ такимъ же водоемомъ. На фонтанѣ надпись: «Близъ сего мѣста въ сраженіи противу турокъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ, что послѣ былъ фельдмаршаломъ и княземъ Смоленскимъ,—раненъ въ глазъ». Извѣстно, какую опасную рану получилъ въ 1774 г. Кутузовъ: въ то время, когда онъ со знаменемъ въ рукѣ шелъ впереди на штурмъ непріятельскаго лагеря, пуля ударила въ лѣвый високъ и вылетѣла близъ праваго глаза; но рана, къ общему удивленію, не оказалась смертельною, но Кутузовъ лишился

(21 марта 1791 г.) и 4-й ст. (24 ноября 1775 г.); св. Владиміра 1-й ст. (24 февр. 1806 г.), 2-й ст. (1787 г.); св. Александра Невскаго (8 сент. 1790 г.); св. Анны (21 апр. 1789 г.); иностранные: Австрійскій военный Маріи Терезіи 1 ст. (въ исходѣ 1806 г.) и Прусскій Чернаго Орла (въ мартѣ 1812 г.). Въ 1811 г. за подвиги противъ турокъ Кутузовъ получилъ портретъ императора Александра I, алмазами украшенный для ношенія на груди; за Тарутинскую побѣду (6 окт. 1812 г.) ему пожалована была украшенная алмазами золотая шпага съ лавровыми вѣнками.

[1]) Т. X, стр. 377—382.—Статья озаглавлена: „Памятники кн. М. И. Голенищеву-Кутузову въ Силезіи“; она составлена вице-адмираломъ Ѳ. Д. Нордманомъ по разсказамъ очевидцевъ и розысканіямъ на мѣстѣ въ Бунцлау.—Сообщенные Ѳ. Д. Нордманомъ рисунки: дома, гдѣ скончался Кутузовъ, и памятниковъ ему помѣщены въ „Русской Старинѣ“ 1872 г. т. V и 1874 г. т. X.

глаза. За этотъ подвигъ императрица Екатерина наградила Кутузова (тогда еще имѣвшаго чинъ подполковника) на 30 году его жизни, орденомъ св. Георгія 4 ст. (26 ноября 1775 года).

Очень жаль, что въ нынѣшней крѣпости Очаковѣ ничто не напоминаетъ о славномъ участіи Кутузова при взятіи Очакова (въ 1788 г.), когда Кутузовъ получилъ другую необыкновенную рану: пулей навылетъ въ щеку черезъ затылокъ. По поводу этой раны извѣстный медикъ Массонъ писалъ князю Потемкину: «Еслибы мы не были свидѣтелями, то почли бы разсказъ о ранѣ Кутузова сказкою. Видно судьба бережетъ его голову на что-нибудь необыкновенное, когда она уцѣлѣла послѣ двухъ столь губительныхъ ранъ».

Имя Кутузова увѣковѣчено слѣдующими лаконическими словами, начертанными на одной изъ надписей на знаменитомъ Бородинскомъ памятникѣ: «Кутузовъ, Барклай-де-Толли, Багратіонъ». На памятникѣ въ с. Тарутино (Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, на рѣкѣ Нарѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы),—сдѣлана такая надпись: «На семъ мѣстѣ россійское воинство, предводимое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, спасло Россію и Европу» [1]).

Нельзя не отнести къ числу памятниковъ имени Кутузова и пожалованіи ему указомъ отъ 13-го ноября 1812 года титула «Смоленскаго», въ память освобожденія Смоленска и сраженія при Красномъ. До этого времени увѣковѣчены были особыми прибавительными къ фамиліямъ титулами только пять знаменитыхъ полководцевъ и сподвижниковъ Екатерины II: графъ Суворовъ-Рымникскій, пожалованный потомъ императоромъ Павломъ I княземъ Италійскимъ, графъ Румянцевъ-Задунайскій, князь Потемкинъ-Таврическій, князь Долгоруковъ-Крымскій и графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій.—Позднѣе, въ царствованіе императора Николая I, къ этимъ славнымъ именамъ прибавились имена: князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго и графа Дибича-Забалканскаго. Въ царствованіе покойнаго государя Александра, графу Н. Н. Муравьеву за заслуги по присоединенію къ Россіи Амурскаго края пожаловано было прибавленіе къ его фамиліи названія «Амурскій».

Любопытно то, что̀ нынѣ напоминаетъ объ имени «Смоленскаго князя» въ г. Смоленскѣ. Надъ одними изъ городскихъ воротъ находится церковь во имя Божіей Матери Смоленской,—древняя копія въ большихъ размѣровъ съ Мономаховой иконы.—Въ 1812 году во время битвы подъ Смоленскомъ (4-го августа), когда городъ горѣлъ со всѣхъ сторонъ, вдругъ около Днѣпровскихъ воротъ раздались крики: «Спасайте икону Заступницы!»—Нѣсколько сол-

---

[1]) Бородинскій памятникъ, сооруженный по мысли императора Николая I, открытъ былъ 26 августа 1839 года. Памятникъ въ с. Тарутино открытъ 25 іюня 1834 г. и замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что сооруженъ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцевымъ на деньги, внесенныя ему поселянами с. Тарутино за освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

датъ бросились въ храмъ и вынесли икону, которая затѣмъ и оставалась при арміи три мѣсяца. Наканунѣ Бородинскаго сраженія Кутузовъ приказалъ пронести именно эту икону по всему лагерю и отслужить молебенъ. По изгнаніи французовъ изъ Смоленска, икона была 10-го ноября возвращена городу изъ арміи. Въ память всѣхъ этихъ событій въ церкви устроена была икона-картина, изображающая икону Божіей Матери и передъ нею колѣнопреклоненное войско. Посрединѣ возвышается широкій бѣлый столбъ съ надписью: «Славься, Россія, вѣрными своими сынами, героями, побѣдившими врага Бонапарта съ многочисленнѣйшими его силами,—двадцать народовъ, и прогнавшими его, супостата; до-чиста за предѣлы съ лица земли любезнѣйшаго своего отечества въ 1812 году».—На картинѣ по одну сторону колѣнопреклоненной арміи изображены за иконой сама Пресвятая дѣва Марія, а по другую—архангелъ Михаилъ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ. На верху—Господь Саваоѳъ;вокругъ Него на облакахъ справа и слѣва—трубящіе ангелы. Надъ этимъ изображеніемъ надпись: «Изображеніе достопамятнаго событія близъ столицы Москвы, августа мѣсяца 20 дня». Внизу картины двухглавый орелъ держитъ лавровый вѣнокъ, въ которомъ слова: «Всѣмъ соотчичамъ, подвизавшимся доблестями противъ врага Бонапарта въ 1812 году генералъ-маіоръ и Командоръ Семенъ Вистицкій». Наконецъ еще надпись по сторонамъ вѣнка: «Главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, князь Михаилъ Барклай-де-толли, князь Петръ Багратіонъ, квартирмейстеръ генералъ Вистицкій, близкій ихъ соучастникъ во всѣхъ ихъ распоряженіяхъ, со всѣмъ генералитетомъ и съ прочими чиновниками и все войско съ колѣнопреклоненіемъ молятся иконѣ Смоленской Божіей Матери, призывая Ее, Пресвятую Богородицу, Заступницу, на помощь побѣдить врага Бонапарта.—Когда Россійское воинство совершало молебствіе иконѣ Смоленской Божіей Матери, въ то самое время врагъ Бонапартъ съ своими маршалами и со свитою, одоль рекогносцировали мѣста положенія передъ начатіемъ Бородинскаго кроваваго сраженія, продолжавшагося рано съ утрія во весь день до полуночи, производившаго съ обѣихъ сторонъ—безпрерывно жаркую пушечную ядрами и картечами изъ тысячи орудій пальбою и безчисленностью ружейными выстрѣлами. Августа 26 дня» [1]).

Имя главнаго вождя народныхъ русскихъ силъ въ 1812 году, князя Кутузова, увѣковѣчено также изображеніемъ фельдмаршала на памятникѣ тысячелѣтія Россіи, торжественно открытомъ 8-го сентября 1862 г. На томъ же монументѣ изображены и другіе вожди, наиболѣе прославившіеся въ эту достопамятную эпоху: князь Барклай-де-Толли и графъ Платовъ. Поэтому считаемъ умѣ-

---

[1]) Въ надписяхъ сохраненъ слогъ и выраженія памятниковъ.—Эти надписи напечатаны въ статьѣ г-жи Т. Толычевой: „Смоленскъ и его преданія о 1812 годѣ„ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1880 г. № 11.

стнымъ привести здѣсь нѣсколько свѣдѣній также и о существующихъ памятникахъ вышеупомянутымъ лицамъ.

О памятникѣ, сооруженномъ въ честь князя М. Б. Барклая-де-Толли въ Петербургѣ, и объ увѣковѣченіи именъ Барклая-де-Толли и Багратіона на Бородинскомъ памятникѣ сказано выше. Но кромѣ того, въ честь князя Барклая-де-Толли, существуетъ ему особый монументъ въ г. Юрьевѣ (бывшій Дерптъ). Памятникъ этотъ открытъ 11 ноября 1849 года. Онъ сдѣланъ изъ тесанаго гранита. Надъ цоколемъ, увѣнчивающимъ пьедесталъ, возвышается колоссальный бронзовый бюстъ фельдмаршала съ непокрытою головою. Бюстъ исполненъ по рисунку, составленному въ Императорской академіи художествъ архитекторомъ Щедриным ъ. По сторонамъ цоколя доски съ надписями, надъ которыми изображены изъ бронзы всѣ роды войскъ, бывшіе подъ начальствомъ фельдмаршала. На призмѣ, поддерживающей бюстъ,—также мраморная доска. На переднихъ доскахъ написано бронзовыми позолоченными буквами: «Фельдмаршалу князю Барклай-де-Толли—корпусомъ офицеровъ арміи, состоявшей подъ его начальствомъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, воздвигнутъ въ 1848 году».—На сооруженіе этого монумента собрано было офицерами, служившими подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, болѣе 60 тысячъ рублей ассигнаціями и испрошено Высочайшее разрѣшеніе. На мѣстѣ могилы князя Барклая-де-Толли, въ имѣніи его Бекгофъ (въ Лифляндіи), супругою его, статсъ-дамою Еленою Ивановной (урожденной Смиттенъ изъ дома Бекгофъ) сооруженъ также великолѣпный памятникъ.

Что касается 2-го карабинернаго полка, которому Высочайшимъ приказомъ 17-го августа 1826 года присвоено было имя генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли (о чемъ уже упомянуто выше), то слѣдуетъ замѣтить, что названіе это въ 1833 году присвоено было 1 карабинерному полку, а въ 1857 году, при переименованіи этого полка въ гренадерскій, онъ сохранилъ имя фельдмаршала. Въ настоящее время полкъ этотъ числится въ составѣ 2-й бригады 1-й гренадерской дивизіи.

Князю П. И. Багратіону особаго монумента поставлено не было. Но императоръ Николай Павловичъ, уважая заслуги почившаго князя, повелѣлъ перенести его прахъ изъ имѣнія князя Б. А. Голицына, села Симы (Александровскаго уѣзда, Владимірской губ.), гдѣ знаменитый полководецъ окончилъ свои дни 12-го сентября 1812 года,—на поле Бородинское и положить возлѣ Бородинскаго памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ князь П. И. Багратіонъ получилъ смертельную рану. Нынѣ царствующій Государь Императоръ, Высочайшимъ приказомъ отъ 25 марта 1891 г. повелѣлъ именоваться 104 пѣхотному Устюжскому полку—104 пѣхотнымъ Устюжскимъ генерала князя Багратіона полкомъ.

Атаману войска Донскаго графу Матвѣю Ивановичу Платову монументъ сооруженъ по желанію всѣхъ сословій войска Донскаго на собранныя пожертвованія, съ Высочайшаго соизволенія государя Николая Павловича. Открытіе памятника происходило 9-го мая 1853 года. Проектъ памятника также удостоился Высочайшаго одобренія. Изображеніе Платова отлито изъ бронзы

извѣстнымъ художникомъ бароном Клодтомъ. Пьедесталъ сдѣланъ изъ сердобольскаго гранита съ надписью, также удостоенной Высочайшаго утвержденія: «Атаману Графу Платову, за военные подвиги, съ 1770 по 1816 годъ, признательные донцы». — Храбрый атаманъ изображенъ во весь ростъ въ генеральскомъ мундирѣ, сверхъ котораго накинута бурка; въ лѣвой рукѣ у него перначъ [1]), въ правой обнаженная сабля, опущенная внизъ. Профиль графа Платова сдѣланъ совершенно сходно съ лучшими его портретами. Покойный императоръ Николай Павловичъ, желая почтить память графа Платова и оказать новый знакъ своего вниманія къ донцамъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: «Свиты Его Величества генералъ-маіору графу Орлову-Денисову присутствовать при открытіи памятника отъ Высочайшаго Лица Его Величества».

Н. Л. Ширяевъ.

---

[1]) Перначъ—знакъ достоинства казацкаго атамана войска Донскаго.— Этотъ знакъ сходствуетъ съ старинною булавою, съ металлическимъ наконечникомъ. Перначъ по значенію своему соотвѣтствуетъ древнему маршальскому или воеводскому жезлу. Такія булавы были въ употребленіи въ Польшѣ, у гетмановъ малороссійскихъ, молдавскихъ и др., у атамановъ казачьихъ, а также встрѣчаются въ числѣ регалій и отличій въ старинной Руси.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГОДОВЩИНА

ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

1861 $\frac{\text{19-е}}{\text{февраля}}$ 1893.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1893.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

1861—$\frac{19\text{-е}}{\text{февраля}}$—1893 [1].

19 февраля нынѣшняго 1893 года собрался, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на обычный обѣдъ въ память великаго дня освобожденія крестьянъ, кружокъ непосредственныхъ участниковъ въ трудахъ по составленію Положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.—членовъ редакціонныхъ коммиссій,—пополняемый другими лицами, трудившимися и трудящимися въ разныхъ учрежденіяхъ по крестьянскому дѣлу и искренно сочувствующими тѣмъ благимъ началамъ, кои положены въ основаніе освобожденія крестьянъ съ землею. Собралось въ этомъ году восемнадцать лицъ, считая предсѣдательствовавшаго за обѣдомъ К. К. Грота [2]).

Изъ числа постоянныхъ, съ 1862 года, участниковъ обѣдовъ 19 февраля, не присутствовали, къ сожалѣнію, на этотъ разъ на обѣдѣ, по болѣзни, В. А. Арцымовичъ, Ѳ. П. Корниловъ и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1884** г., т. XLI, стр. 669—734; изд. **1885** г., т. XLV, стр. 757—758; изд. **1886** г., т. XLIX, стр. 760—765; изд. **1887** г., т. LIV, стр. 180; изд. **1889** г., т. LXI, стр. 659—666; изд. **1890** г., т. LXV, стр. 873—880; изд. **1891** г., т. LXIX, стр. 781—790, **1892** г., т. LXXIII, стр 809—864.

[2]) Д. Г. Анучинъ, Е. Н. Бараповскій, Н. Х. Бунге, Я. Г. Есиповичъ, Н. Н Калошинъ, А. Н Куломзинъ, Е. И. Ламанскій, С. А. Мордвиновъ, И. А. Новиковъ, А. А. Рихтеръ, Н. П. Семеновъ, П. П Семеновъ, А. И. Скребицкій, Н. И. Стояновскій, кн. П. Н. Цертелевъ, П. А. Шульцъ и Н. П. Шепкинъ.

*

А. Д. Шумахеръ,—первый изъ коихъ письменно просилъ К. К. Грота передать участникамъ обѣда, что и болѣзнь не помѣшаетъ ему быть мысленно среди ихъ, присоединиться къ обычнымъ тостамъ и отъ души пожелать здоровья и всякаго благополучія предсѣдателю и участникамъ обѣда. По сообщеніи объ этомъ, присутствовавшіе просили К. К. Грота передать В. А. Арцымовичу искреннее ихъ сожалѣніе о его отсутствіи и сердечное ему сочувствіе. Этотъ обмѣнъ привѣтствій оказался, къ прискорбію, прощальнымъ: въ ночь на 3-е марта почтенный В. А. Арцымовичъ скончался. Недоставало въ средѣ участниковъ обѣда и скончавшагося въ прошедшемъ году М. И. Семевскаго—лѣтописца обѣдовъ этихъ, постоянно печатавшаго въ «Русской Старинѣ» отчеты о нихъ и о всемъ, что́ было говорено за обѣдомъ и о чемъ желательно было сохранить слѣдъ и воспоминаніе.

Первый за обѣдомъ тостъ былъ, какъ всегда, провозглашенъ за здравіе Государя Императора. Затѣмъ слѣдовали обычные тосты:

2) Въ память Главнаго Виновника великаго дѣла крестьянской реформы, Государя Императора Александра Николаевича.

3) За великое дѣло 19 февраля 1861 года.

4) За всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ пользу крестьянской реформы.

5) Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ.

и 6) За благоденствіе Россіи.

Почтивъ нѣсколькими теплыми словами память покойнаго М. И. Семевскаго и упомянувъ о его сотрудничествѣ въ организаціи обѣдовъ 19 февраля и объ изложеніи и печатаніи имъ описаній всего на этихъ обѣдахъ происходившаго, К. К. Гротъ просилъ избрать, на мѣсто Михаила Ивановича, въ помощь предсѣдателю и распорядителю обѣдовъ, одного изъ участниковъ для распоряженій о разсылкѣ приглашеній къ обѣду и составленія описаній этихъ обѣдовъ, съ цѣлью напечатанія ихъ, по-прежнему, въ «Русской Старинѣ», если новый редакторъ сего журнала Н. К. Шильдеръ изъявитъ на то свое согласіе, въ чемъ трудно сомнѣваться. Всѣ присутствовавшіе единогласно выразили искреннее пожеланіе, чтобы

К. К. Гротъ еще на многіе годы сохранилъ за собою предсѣдательство на обѣдахъ 19 февраля и распоряженіе ими, и просили его указать лицо, которому онъ желалъ бы поручить составленіе описаній этихъ обѣдовъ. К. К. Гротъ указалъ на П. А. Шульца, который и былъ избранъ и принялъ на себя предложенную ему обязанность.

Затѣмъ К. К. Гротъ предоставилъ П. П. Семенову очертить дѣятельность покойнаго М. И. Семевскаго.

Петръ Петровичъ сказалъ слѣдующее:

«Глубокоуважаемый предсѣдатель нашихъ обѣдовъ въ теченіе многихъ лѣтъ возлагаетъ на меня грустную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадную для меня обязанность: вспомнить добрымъ словомъ о тѣхъ членахъ быстро рѣдѣющей группы участниковъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ, которыхъ смерть похитила въ теченіе послѣдняго года».

«На этотъ разъ Провидѣніе пощадило столь малочисленный уже кружокъ старѣйшихъ дѣятелей великой реформы. Но изъ нашей среды выбылъ, въ лицѣ М. И. Семевскаго, одинъ изъ участниковъ такъ сказать «втораго призыва», т. е. изъ числа лицъ, примкнувшихъ, послѣ изданія Положеній 19 февраля 1861 года, къ дѣятельности составителей сихъ Положеній».

«Всѣмъ извѣстно, что, вслѣдъ за обнародованіемъ Положеній 19 февраля 1861 г., главные участники въ составленіи сихъ Положеній всѣ приняли, въ той или другой мѣстности и тѣмъ или другимъ способомъ, ближайшее участіе въ приведеніи ихъ въ исполненіе. Одни явились непосредственными исполнителями реформы на мѣстахъ, въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, членовъ губернскихъ присутствій и губернаторовъ, а впослѣдствіи и въ качествѣ исполнителей крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ; а другіе, оставаясь въ С.-Петербургѣ, сдѣлались видными дѣятелями преимущественно въ учрежденіяхъ, имѣвшихъ наибольшее вліяніе на общій ходъ дѣла по устройству крестьянскаго быта, а именно: въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, въ Государственномъ Совѣтѣ и въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ. Около каждаго изъ

этихъ первоначальныхъ дѣятелей по примѣненію крестьянской реформы образовался болѣе или менѣе многочисленный кружокъ дѣятелей «втораго призыва», не принимавшихъ ранѣе личнаго участія въ разработкѣ проектовъ Положеній о крестьянахъ, но призванныхъ къ трудамъ по приведенію сихъ Положеній въ исполненіе и къ дальнѣйшему ихъ развитію и дополненію, подъ непосредственнымъ руководствомъ составителей Положеній 19 февраля 1861 года. Къ такимъ-то дѣятелямъ втораго призыва, работавшимъ въ канцеляріи главнаго комитета, подъ руководствомъ незабвенныхъ С. М. Жуковскаго и К. И. Домонтовича, принадлежалъ покойный М. И. Семевскій, поступившій на должность экспедитора канцеляріи главнаго комитета въ 1863-мъ году и непрерывно продолжавшій служить по главному комитету въ теченіе 19 лѣтъ, до самаго закрытія главнаго комитета въ 1882-мъ году».

«О личности М. И. Семевскаго я распространяться не буду. Всѣ присутствующіе здѣсь его хорошо помнятъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, личность которыхъ вполнѣ обрисовывается и выясняется изъ бесѣдъ съ ними и изъ плодовъ ихъ дѣятельности. Чтеніе статей Михаила Ивановича въ «Русской Старинѣ», другихъ его сочиненій и рѣчей, произнесенныхъ имъ въ здѣшней городской думѣ, не оставляетъ, въ глазахъ людей, его знавшихъ, ничего въ немъ невыясненнаго и неразгаданнаго. Отношенія его къ намъ—старымъ дѣятелямъ великой реформы—были полны искренности и задушевности. Нашъ кружокъ сохранитъ глубокую признательность къ М. И. Семевскому за то, что, по приглашенію нашего глубокоуважаемаго предсѣдателя, онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ осуществлялъ на страницахъ «Русской Старины» желаніе, выраженное еще на первомъ обѣдѣ 19 февраля 1862-го года незабвеннымъ Н. А. Милютинымъ, а именно: чтобы воспоминанія о нашихъ дружескихъ трапезахъ были постоянно записываемы, до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ насъ не подниметъ въ послѣдній разъ свой бокалъ за великое дѣло 19-го февраля 1861 года,—и сохраняемы, на память о насъ, въ средѣ будущихъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу».

«Не довелось М. И. Семевскому дожить до этого дня, и намъ,

старѣйшимъ его товарищамъ, приходится предложить молчаливый тостъ въ его память».

Послѣ окончанія рѣчи П. П. Семенова, выслушанной съ большимъ сочувствіемъ, вошли три представителя чиновъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, собравшихся, въ другой залѣ, праздновать великій день 19 февраля. Они, отъ лица новыхъ, современныхъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу, пришли выпить за здоровье старыхъ піонеровъ этого дѣла. Когда они, послѣ краткихъ, но задушевныхъ взаимныхъ привѣтствій, удалились, рѣшено было отвѣтить на ихъ привѣтъ чрезъ трехъ представителей участниковъ обѣда редакціонныхъ коммиссій, для чего избраны были: П. П. Семеновъ, Н. Н. Калошинъ и П. А. Шульцъ. По прибытіи въ залу, гдѣ собралось довольно значительное число преимущественно молодыхъ чиновъ земскаго отдѣла, Петръ Петровичъ Семеновъ, провозглашая тостъ за ихъ здоровье отъ лица участниковъ обѣда редакціонныхъ коммиссій, сказалъ, что старымъ дѣятелямъ по крестьянскому дѣлу отрадно видѣть, что преемники ихъ идутъ неуклонно по начертанному началами Положеній 19 февраля 1861 года пути и что привѣтствующіе ихъ, вмѣстѣ съ нимъ, Н. Н. Калошинъ и П. А. Шульцъ остались теперь единственными представителями первоначальнаго личнаго состава земскаго отдѣла, учрежденнаго въ 1857 году. Отвѣтомъ П. П. Семенову послужилъ тостъ за здоровье П. П. Семенова, Н. Н. Калошина и П. А. Шульца, покрытый громкими криками.

По возвращеніи означенныхъ лицъ, бесѣда коснулась капитала, собраннаго въ память Ю. Ѳ. Самарина, проценты съ коего назначены на выдачу премій за лучшія сочиненія на темы, касающіяся тѣхъ по крестьянскому дѣлу вопросовъ, которые преимущественно занимали покойнаго Юрія Ѳедоровича въ послѣдній годъ его жизни. Было высказано, что Московскій университетъ, принявшій на себя разсмотрѣніе сочиненій и выдачу премій, признаетъ желательнымъ, въ видахъ привлеченія соискателей, измѣнить нѣсколько условія выдачи премій, и что полезно было бы вновь огласить въ печати правила о выдачѣ премій, въ память Ю. Ѳ. Самарина, за

лучшія сочиненія на указанныя темы, ибо теперь весьма немногіе объ этихъ преміяхъ знаютъ и помнятъ.

За неимѣніемъ, однако, точныхъ свѣдѣній о томъ: какія сочиненія до сихъ поръ были представлены для соисканія этихъ премій, за какія сочиненія преміи были присуждены и какія именно и почему признается желательнымъ допустить измѣненія въ условіяхъ выдачи премій,—окончательное обсужденіе этого вопроса пришлось отложить до будущаго года

Затѣмъ участники обѣда разошлись, въ надеждѣ вновь сойтись на дружеской трапезѣ 19 февраля 1894 года.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе книжки г. Джаншіева. Считаемъ лишнимъ говорить о томъ интересѣ, съ которымъ она читается: это вполнѣ доказываетъ количество ея изданій за такой короткій срокъ.

Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Греческіе писатели. Выпускъ 1-й. Спб. 1893. 8°. 296 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Приложеніе къ „Запискамъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества“).

Съ глубокой древности у писателей античнаго міра начинаютъ появляться извѣстія и замѣтки о южныхъ странахъ нашего отечества. Конечно, извѣстія эти, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мало достовѣрны, даже баснословны, легендарны, но никто, думаемъ, не станетъ отрицать громаднаго значенія ихъ для исторіи, географіи и этнографіи южной Россіи. Поэтому давно уже въ нашей ученой литературѣ высказывалось желаніе собрать всѣ эти отрывочныя упоминанія въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе, что многочисленные авторы, у которыхъ они встрѣчаются, имѣются въ полномъ своемъ составѣ въ весьма и весьма немногихъ библіотекахъ Россіи. Но мало было и одного собранія оригинальныхъ текстовъ: къ нимъ требовалось приложить русскій переводъ, потому что многія изъ лицъ, которымъ могло бы пригодиться подобное изданіе, далеко не всегда имѣютъ возможность свободно читать подлинникъ. За исполненіе той и другой задачи взялось лицо, которому болѣе всего оно приличествовало, именно, В. В. Латышевъ, извѣстный въ европейской ученой литературѣ образцовымъ изданіемъ сборника надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. По плану, предпринятому г. Латышевымъ, все собраніе извѣстій должно состоять изъ двухъ томовъ: въ первый войдутъ греческіе авторы, во второй—латинскіе. Каждый томъ, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой имѣется въ виду помѣщать извѣстія болѣе или менѣе цѣльныя, а во второй краткія и отрывочныя упоминанія. Хронологическимъ предѣломъ извѣстій г. Латышевъ предполагаетъ начало Русскаго государства, а территоріальнымъ—границы Европейской Россіи и Закавказья. Въ изданный въ настоящее время первый выпускъ перваго тома вошли слѣдующіе греческіе писатели (беремъ имена ихъ въ транскрипціи изданія): Екатэй, Иродотъ, Гиппократъ, Ксенофонтъ, Скилакъ, Стравонъ, Діонъ, Хрисостомъ, Діонисій, Птоломэй, Стефанъ Византійскій и нѣкоторые безыменные авторы. Нечего и говорить, что греческіе тексты взяты изъ лучшихъ иностранныхъ критическихъ изданій. Что же касается перевода, то онъ исполненъ частію самимъ издателемъ, частію, подъ его редакціею и отвѣтственностью, учениками его, бывшими студентами Петербургскаго Историко-Филологическаго института: гг. П. Прозоровымъ, И. Цвѣтковымъ, Э. Штерномъ и др. Сообразно ученой цѣли изданія, первымъ требованіемъ перевода г. Латышевъ ставилъ точность, хотя бы она шла въ ущербъ литературной отдѣлкѣ. Остается пожалѣть о томъ только, что извѣстія не снабжены подробнымъ объяснительнымъ комментаріемъ, въ которомъ они весьма нуждаются. Но и это обѣщаетъ въ будущемъ г. Латышевъ, а пока надо благодарить его и за одно изданіе текстовъ и перевода къ нимъ, такъ какъ существующія у насъ подобныя попытки, въ родѣ труда г. Гана („Извѣстія греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“. 2 части. Тифлисъ, 1884 и 1889 гг.), очень неудовлетворительны.

Л.

Императоръ Павелъ Первый въ Казани (1798 г.). — Историческій очеркъ Н. П. Загоскина. Казань. 1893.

Свѣдѣнія въ нашей исторической литературѣ о путешествіи императора Павла, предпринятомъ въ 1798 году изъ Петербурга черезъ Москву въ Казань, не отличаются особеннымъ богатствомъ. Поэтому нельзя не быть признательнымъ Н. П. Загоскину, который знакомитъ насъ съ пребываніемъ Павла Перваго въ Казани; этотъ очеркъ первоначально печатался въ мѣстной газетѣ „Волжскій Вѣстникъ“ и теперь появился отдѣльнымъ изданіемъ. Авторъ подвергъ свой трудъ тщательному пересмотру, сдѣлавъ въ немъ необходимыя измѣненія и дополненія, пользуясь при этомъ также журналомъ путешествія императора Павла въ Казань, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ 1892 года (октябрь).

Въ концѣ очерка Н. П. Загоскинъ помѣстилъ еще свѣдѣнія объ двѣнадцативесельномъ катерѣ, на которомъ прибылъ императоръ Павелъ въ Казань, рѣкою Волгою, изъ Свіяжска, и который хранится въ настоящее время въ Казани во дворѣ упраздненнаго мѣстнаго адмиралтейства. Въ этомъ же помѣщеніи хранится также галера „Тверь“, на которой императрица Екатерина II имѣла пребываніе во время путешествія по Волгѣ.

Н. Ш.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1870 г., третье изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*41 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*28 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*24 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*45 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*16 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*42 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*37 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*48 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*34 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.

Редакторы-издатели: **Н. Шильдеръ** и **С. Зыковъ.**

25 ДЕК 1922
5 ФЕВ 1923
10 8/III

ОГЛАВЛЕНІЕ.